ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА

1941–1945

*Памяти защитников
Отечества посвящается*

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

В ДВЕНАДЦАТИ ТОМАХ

МОСКВА
КУЧКОВО ПОЛЕ
2013

МИНИСТЕРСТВО ОБОРОНЫ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА 1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ШЕСТОЙ

ТАЙНАЯ ВОЙНА.
Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны

М О С К В А
КУЧКОВО ПОЛЕ
2 0 1 3

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62
В26

Авторский коллектив шестого тома:
А. В. Опалев (руководитель авторского коллектива), В. С. Антонов, В. С. Ашарин, В. Н. Баранов, В. И. Бойко (заместитель руководителя), В. П. Галицкий, В. П. Григоренко, В. П. Губернов (заместитель руководителя), А. М. Демидов, А. А. Зданович, В. В. Капистка, Н. Н. Костечко, В. И. Лазарев, В. А. Лебедев, В. Г. Макаров, М. А. Максимович, И. В. Михайлин, С. О. Панин, А. М. Плеханов, Н. С. Плотникова, А. Ю. Попов, В. П. Сидоренко, В. Н. Хаустов (заместитель руководителя), В. С. Христофоров, В. С. Шепелев, О. В. Шинин, Н. А. Шубин

При участии:
О. А. Андруся, К. Э. Безродного, А. А. Белова, В. И. Боярский, С. Г. Веригина, А. И. Вольхин, Е. Н. Журавлева, В. П. Зимонин, Н. А. Иванова, Г. А. Нижарадзе, О. В. Каримова, А. Б. Кононова, И. М. Обухова, С. И. Познахирева, С. Н. Полторака, Ю. В. Рубцова, А. М. Соколова, Л. Ф. Соцков, А. В. Тимченко, А. Ю. Трамбицкого, О. М. Тупицына, А. В. Тюрина, М. Уля, А. П. Шатилова, А. И. Шишкина

Помощь авторскому коллективу в научно-организационной и контрольной работе по тому оказали: Т. В. Анисимова, А. П. Аристов, Е. Р. Ароян, И. В. Белюсенко, О. В. Власов, И. С. Даниленко, М. А. Данилюк, М. А. Елисеева, С. В. Запорожцева, Ю. В. Кожухов, Д. А. Краснова, Д. И. Крылов, С. Я. Лавренов, Г. А. Малахов, Н. Г. Михальцов, Р. Г. Носов, В. С. Параскевов, И. А. Пермяков, М. С. Полянский, Е. И. Рычкова, О. В. Саксонов, С. И. Саксонов, С. В. Свистунов, М. А. Селиванов, В. В. Соколов, С. Б. Страшко, Д. А. Стребков, В. И. Фролов, И. А. Федорченко, А. Т. Хабалов, В. С. Хмельников, А. Н. Чудаков

В26 **Великая** Отечественная война 1941—1945 годов. В 12 т. Т. 6. Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. — М.: Кучково поле, 2013. — 864 с., 26 л. ил., ил.

ISBN 978-5-9950-0340-3

Шестой том посвящен деятельности разведки и контрразведки советского государства. Показана их роль накануне войны в информировании руководства страны об агрессивных намерениях нацистской Германии и ее союзников, пресечении попыток выявления экономического и оборонного потенциала СССР. Раскрыт вклад разведки в обеспечение высшего политического и военного руководства сведениями о планах противника на всем протяжении войны. Проанализированы основные направления деятельности контрразведывательных органов в оказании помощи командованию по поддержанию высокой боеготовности войск, борьбе со спецслужбами противника, надежной защите тыла страны.

Для широкого круга читателей, интересующихся историей России.

УДК 355/359
ББК 63.3(2)62

ISBN 978-5-9950-0340-3

Предисловие

В настоящем томе «Тайная война. Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны» рассматривается деятельность органов советской разведки и контрразведки на всем протяжении Великой Отечественной войны и в период советско-японской войны 1945 г. Впервые в отечественной историографии столь объемно освещен напряженный труд сотрудников внешней и военной разведок*, контрразведывательных органов, которые внесли значительный вклад в достижение победы над фашистской Германией и милитаристской Японией.

В военной области внимание внешней разведки сосредоточивалось главным образом на крупных военно-стратегических проблемах, имеющих важное политическое значение. Попадающую в ее поле зрения другую конкретную военную информацию внешняя разведка передавала коллегам в военную разведку по принадлежности. Данное обстоятельство зачастую не учитывается в некоторых исторических исследованиях, вследствие чего происходит некорректное отождествление внешней и военной разведок. В действительности каждая из них занималась исполнением своих специфических обязанностей, взаимодействуя при решении общих вопросов. В этой связи деятельность внешней и военной разведок в томе рассматривается раздельно. Особое место в книге отводится освещению многогранной деятельности контрразведывательных органов.

Целью тома, исходя из общей концепции фундаментального многотомного труда, является аргументированное изложение современного видения роли разведки и контрразведки в Великой Отечественной войне и создание максимально достоверного научного труда. Это тем более важно, что в последние годы появилось множество работ, в которых история Великой Отечественной войны, в том числе роль в ней органов государственной безопасности и военной разведки, представлена в фальсифицированном виде.

Материалы тома дают читателям возможность в полной мере оценить роль и значение невидимого фронта, который являлся неотъемлемой частью боевых действий Красной армии, важнейшим фактором при планировании руководством страны внешнеполитических действий, организации вооруженной борьбы на фронте, сохранения стабильного положения в тылу страны.

Для современных российских спецслужб характерно бережное и внимательное отношение к своей истории и результатам работы предшественников как к коллективному профессиональному опыту. С каждым годом все более возрастает хронологическая удаленность событий военных лет, все меньше остается с нами их непосредственных участников, чьи

---

* Основными советскими разведывательными службами накануне и в годы Великой Отечественной войны являлись внешняя разведка органов государственной безопасности (НКВД — НКГБ) Советского Союза (далее — внешняя разведка) и Разведывательное управление Генерального штаба РККА (далее — военная разведка).

объективные свидетельства являются самостоятельным историографическим источником. Поэтому крайне важно, что в научно-исторический оборот вводятся все новые документы и материалы, в том числе касающиеся деятельности разведки и контрразведки. Источниковая база данного тома представлена как ранее опубликованными, так и новыми документальными материалами из архивов Службы внешней разведки, Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил Российской Федерации и Федеральной службы безопасности Российской Федерации, многие из которых рассекречены для настоящего издания.

В книге обстоятельно и детально анализируется деятельность советских внешней и военной разведок по добыванию сведений о замыслах и планах фашистской Германии относительно нападения на Советский Союз накануне войны. Отмечается, что значительное количество документальных материалов убедительно свидетельствовало об активной подготовке нацистской Германии к началу военных действий против СССР.

После начала Великой Отечественной войны резко возросла роль разведывательных органов в обеспечении советского политического руководства и высшего военного командования данными о военном потенциале, планах Германии и стран фашистского блока, о подготовке и формировании антигитлеровской коалиции. В томе раскрывается взаимодействие отечественных разведывательных служб с разведками стран антигитлеровской коалиции. Существенную роль советская разведка сыграла при подготовке и проведении Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций, во многом обеспечив твердую позицию СССР в принятии решений, оказавших решающее влияние на ход и исход войны.

Советское руководство своевременно получало информацию о проблемах открытия второго фронта, послевоенного устройства Европы. Были выявлены конкретные факты сепаратных переговоров представителей фашистской Германии с союзниками по антигитлеровской коалиции. В книге описывается, как на завершающем этапе войны советской внешней разведке пришлось противостоять тайным операциям разведок США и Великобритании.

Особое внимание в труде уделено деятельности военной разведки. В условиях начавшейся войны Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии должно было обеспечить Ставку ВГК и Генеральный штаб сведениями о противнике, необходимыми для организации планирования и ведения боевых действий; добывать сведения об отношении к войне против СССР союзников фашистской Германии — Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии и Японии; организовать добывание сведений о внешнеполитическом курсе правительств США и Англии.

На всех этапах войны военные разведчики, находясь на передовых рубежах, обеспечивали командование необходимой информацией, принимали самое непосредственное участие в боевых действиях. Благодаря их деятельности вскрывались стратегические и тактические замыслы и планы противника, обеспечивался успех операций Красной армии. На их счету немало достижений, которые явились весомым вкладом в общую победу над врагом. В томе на основе документальных материалов подробно описывается деятельность военных разведчиков на всех этапах войны.

Великая Отечественная война в полную мощь показала роль и значение военной техники. Победу могло обеспечить превосходство не только в военном мастерстве, живой силе, моральном духе, но и в значительной мере в техническом потенциале. Достижению превосходства нашей страны на этом участке существенно помогла деятельность разведки по добыванию военно-технических и научно-технических секретов, о чем подробно рассказано в томе.

В представленном труде обстоятельно раскрыта роль отечественных контрразведывательных органов в достижении Великой Победы. Готовясь к предстоящей войне, руководство нацистской Германии нуждалось в максимально полной информации о военно-экономическом потенциале СССР, численности, структуре и боевой готовности вооруженных сил нашей страны. Решение этой задачи оно возлагало на свои специальные службы, обладавшие большими организационными, материальными и интеллектуальными ресурсами и накопившие огромный опыт за годы своего существования. Но в ведении разведывательной и подрывной

деятельности против Советского Союза они столкнулись с серьезными трудностями. В лице советских органов государственной безопасности разведка Германии имела достойного противника, который не позволил ей сколько-нибудь качественно выполнить свою задачу.

В томе отмечается, что с началом Великой Отечественной войны деятельность органов безопасности определялась обстановкой на фронтах и в тыловых районах СССР. При освещении в труде первых месяцев войны раскрывается главная задача, решавшаяся органами государственной безопасности: сдерживать массовый отход воинских соединений, предотвращать дезертирство, выявлять и ликвидировать паникеров и изменников Родины, нейтрализовать вражескую агентуру. Накапливался опыт ликвидации диверсионно-террористических групп германских спецслужб.

На значительном фактическом материале в томе представлены активное участие сотрудников органов государственной безопасности в выполнении задач эвакуации промышленности, перевода советской экономики на военный лад, срыве попыток противника создать в СССР так называемую «пятую колонну» для парализации тыла Красной армии, подорвать морально-патриотический потенциал советского тыла. В дальнейшем органы государственной безопасности принимали непосредственное участие в контроле над выпуском оборонной продукции, вскрывали причины и условия негативных явлений, которые мешали наращиванию военно-экономического потенциала страны.

Существенное внимание уделено контрразведывательному обеспечению основных операций Красной армии и Военно-морского флота в годы Великой Отечественной войны, которое осуществлялось органами военной контрразведки НКВД СССР, а затем Главного управления контрразведки Смерш НКО СССР. Среди важнейших направлений их деятельности выделяются мероприятия по обеспечению скрытности подготовки наступательных операций Красной армии, захвату агентов спецслужб фашистской Германии. Особое место среди этих направлений занимает подготовка объективных информационных материалов о состоянии боеготовности частей Красной армии, которые составлялись независимо от военного командования и направлялись непосредственно высшему руководству страны.

В томе приведены материалы, показывающие, как на основе вербовки заброшенных агентов германских спецслужб органы контрразведки Смерш использовали радиоигры для стратегической дезинформации противника в интересах и по указаниям Верховного главнокомандования и Генерального штаба Красной армии.

Серьезное внимание уделено зафронтовой работе органов государственной безопасности и военной разведки. Оперативные группы, заброшенные в тыл противника, вели диверсионную и разведывательную деятельность, осуществляли проникновение в разведывательные и карательные органы противника. Освещена все возраставшая роль указанных групп в контрразведывательном и разведывательном обеспечении наступательных операций после перехода стратегической инициативы к советскому военному командованию. Оперативники задерживали сотрудников и агентов германских спецслужб, пособников оккупационных властей на захваченных территориях, добывали важные документальные материалы.

В советском тылу и на освобожденной от врага территории сотрудники органов государственной безопасности принимали участие в ликвидации вооруженного националистического подпольного движения, особенно на территории Северного Кавказа, западных областей Украины, Белоруссии и в Прибалтике.

Важно отметить принципиальную особенность работы контрразведывательных органов: основная ее направленность заключалась не только в пресечении разведывательно-подрывной деятельности спецслужб противника, поиске и разоблачении вражеской агентуры, но и в выявлении недостатков, нарушений, фактов преступной бездеятельности в собственной стране со стороны государственных, военных, хозяйственных кадров для последующего принятия своевременных мер для их устранения. Приведенные в книге факты, указывающие на эти недостатки, ни в коей мере не принижают значения Великой Победы. Напротив, при изложении материала авторы старались показать, что своевременное выявление негативных проявлений и информирование государственного и военного руководства в целях

оперативного устранения таких проявлений, входившие в задачи органов государственной безопасности, стали важным фактором в достижении победы.

Таким образом, впервые в отечественной историографии подготовлен научный труд, в котором в единстве и взаимосвязи рассмотрены основные направления деятельности внешней и военной разведок, а также контрразведывательных органов в предвоенный и военный периоды.

Труд подготовлен научными сотрудниками и профессорско-преподавательским составом Академии внешней разведки, Военной академии Министерства обороны Российской Федерации (МО РФ), Академии Федеральной службы безопасности Российской Федерации (ФСБ РФ), Пограничной академии ФСБ РФ, Управления регистрации и архивных фондов ФСБ РФ, образовательных учреждений и иных подразделений Федеральной службы безопасности и Министерства внутренних дел Российской Федерации.

Редакционная комиссия и авторский коллектив тома выражают благодарность сотрудникам Главного управления кадров МО РФ, Главного управления по работе с личным составом Вооруженных сил Российской Федерации (ВС РФ), Главного организационно-мобилизационного управления, 8-го управления Генерального штаба ВС РФ, Военно-научного комитета ВС РФ, Научно-исследовательского центра (научного руководителя фундаментального многотомного труда «Великая Отечественная война 1941—1945 годов») Военного университета МО РФ, Архива Президента Российской Федерации, Государственного архива Российской Федерации, Центрального архива ФСБ РФ, Архива Службы внешней разведки России, Центрального архива МО РФ, Центрального пограничного музея ФСБ РФ, Российского государственного архива кинофотодокументов, Белорусского государственного архива кинофотодокументов и других научных организаций и учреждений за предоставленные материалы, участие в рецензировании рукописи тома и внесение ряда ценных замечаний и конструктивных рекомендаций по ее доработке.

ОТЕЧЕСТВЕННАЯ И ЗАРУБЕЖНАЯ ИСТОРИОГРАФИЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СОВЕТСКОЙ РАЗВЕДКИ И КОНТРРАЗВЕДКИ В ГОДЫ ВЕЛИКОЙ ОТЕЧЕСТВЕННОЙ ВОЙНЫ

За почти семь десятилетий, минувших после окончания Великой Отечественной войны, накоплена значительная литература, в которой получили освещение многосторонняя деятельность органов советской разведки и контрразведки в военную пору, их вклад в достижение победы над немецким фашизмом и японским милитаризмом. Историография деятельности спецслужб в годы Великой Отечественной войны объективно делится на два периода: советский (1945–1991) и постсоветский (с 1992 г. по настоящее время).

На начальном этапе, охватившем примерно первое послевоенное десятилетие, изучение истории указанной деятельности проходило в строгих идеологических и политических рамках. Это предопределило приоритет историко-партийной тематики, подход к историческим сюжетам строго с классовой точки зрения, запрет на инакомыслие. Качественные сдвиги в изучении всего комплекса проблем истории спецслужб начали происходить лишь со второй половины 1950-х гг.

Рубежный характер для развития отечественной исторической науки имели известные решения XX съезда КПСС (1956), которые привели к так называемой хрущевской оттепели. Были опубликованы сборники документов и научные статьи, существенно обогатившие фактологическую базу исторических исследований. Ведущее место в публикуемых материалах по-прежнему занимала руководящая роль КПСС, но при этом именно в указанный период в историографии советских спецслужб начала формироваться «обвинительная тенденция», что было следствием либерализации политического режима. Вслед за западногерманской историографией, где «во всем был виноват фюрер», многие советские историки спецслужб выдвинули концепцию — «во всем виноват Сталин». Вместе с тем именно тогда произошло расширение источниковой базы и усилилось внимание к ранее запретным темам, повысилась объективность исследований, были сделаны новые выводы и обобщения.

В 1960–1970-е гг. исследователи получили возможность более непредвзято и свободно подойти к осмыслению целого ряда вопросов, с новых позиций трактовать те этапы истории нашей страны, оценки которых ранее строго регламентировались официальными подходами.

Со второй половины 1980-х гг. стало заметно расти число публикаций по многим ранее закрытым темам. Этому способствовало в первую очередь открытие для ученых так назы-

ваемых спецхранов, в которых находились прежде недоступные им документы по самым разным вопросам и периодам нашей истории, а также заметное расширение сотрудничества советских и зарубежных специалистов, привлечение малоизвестной иностранной научной литературы. В то же время в ряде работ, подготовленных именно в эти годы, ярко проявились дилетантизм, конъюнктурность и новая догматизация, свидетельствовавшие о неоднозначности происходящих в науке качественных сдвигов.

Стремление российских историков комплексно, с учетом всех сторон и аспектов истории общества и государства в военные годы, наметить новые подходы в постсоветской историографии и углубить научное осмысление тематики истории спецслужб проявилось, в частности, в ходе работы «Исторических чтений» на Лубянке и Гороховой. Участники ставших ежегодными научных конференций посвящали свои выступления таким темам, как деятельность советских спецслужб накануне и в ходе Второй мировой и Великой Отечественной войн, другим актуальным вопросам.

В целом история спецслужб накануне и во время войны стала одной из популярнейших тем для специалистов, занимающихся данным периодом отечественной истории. Наряду с обобщающими выводами авторитетных исследователей в отечественной историографии накоплен внушительный фактологический и документальный материал, который представляет подробную картину развития внешне- и внутриполитических событий и роли в них спецслужб.

В 2000-е гг. произошли реальные сдвиги в изучении вопросов, касающихся проблематики деятельности спецслужб. Расширилась источниковая база исследований, утвердился плюрализм методологических подходов, получил развитие ряд научных дисциплин. Это позволило историкам заполнить сохранявшиеся длительное время пробелы в изучении целого ряда конкретных сюжетов, по-новому, с учетом дополнительных источников и достижений современной науки осветить многие ранее ошибочно или тенденциозно трактовавшиеся вопросы. Впрочем, как показывает практика, изменившаяся историографическая ситуация отнюдь не гарантирует невозможность новой мифологизации истории, всевозможных проявлений конъюнктуры и дилетантизма.

Отечественная историография

В отечественной историографии четко просматриваются три главных направления: разведка органов государственной безопасности (внешняя разведка), военная разведка Генерального штаба Красной армии и контрразведка.

Историография внешней разведки

Историография внешней разведки органов государственной безопасности СССР периода Великой Отечественной войны по причине секретности начала формироваться лишь в середине 1990-х гг. Начало ей положили сборники документов по истории внешней разведки предвоенных и военных лет, рассекреченные СВР и ФСБ России.

В 1995 г., к 50-летию Великой Победы, Федеральной службой контрразведки Российской Федерации было начато издание многотомного сборника документов, посвященного деятельности органов НКВД — НКГБ СССР в предвоенный период и в годы Великой Отечественной войны, предназначенного для массового читателя[1]. В него были включены ранее засекреченные документы из архива этого ведомства, абсолютное большинство которых опубликовано впервые. Из них видно, что внешняя разведка в военный период решала огромный комплекс оперативных задач.

В 1995 г. сотрудники Центрального архива ФСБ России совместно с сотрудниками СВР России О. И. Нажесткиным и В. Л. Пещерским опубликовали сборник документов «Секреты Гитлера на столе у Сталина», где впервые помещены документы Народного комиссариата внутренних дел и Народного комиссариата государственной безопасности СССР, отражающие информационную работу внешней разведки, контрразведки, территориальных органов госбезопасности и пограничной службы СССР в период с марта по июнь 1941 г.[2] Они представляют собой докладные записки наркома государственной безопасности В. Н. Меркулова И. В. Сталину, В. М. Молотову, Л. П. Берии, а также ЦК ВКП(б), СНК, НКО, НКВД СССР, где раскрываются политическая подоплека, темпы, масштабы, конкретные действия Германии по подготовке к нападению на Советский Союз.

Военная катастрофа, постигшая Красную армию в 1941 г., до сих пор ставит перед историками множество вопросов о ее причинах и виновниках. Наиболее значительные и интересные документы советского военного и политического руководства, в том числе из ЦА ФСБ России, содержащие важные сведения, необходимые для оценки событий пролога и начального периода Великой Отечественной войны, опубликованы в двух книгах сборника «1941 год»[3].

Документы свидетельствуют, что нападение ни в коем случае не было неожиданным. Все высшие государственные, партийные и военные руководители располагали достаточно полной информацией о немецких намерениях, предоставляемой по дипломатическим и разведывательным каналам. Однако при этом необходимо отметить разнородность этой информации, в том числе многообразие оценок в документах немецкой дипломатии, полностью подчиненной интересам военной машины. Впоследствии это обстоятельство негативно отразилось на оценке возможностей вермахта руководством СССР. Кроме того, нужно отметить, что опубликованные в сборнике документы вполне убедительно опровергают имеющиеся в историографии предположения о так называемом превентивном ударе Германии в ответ на подготовку советской агрессии.

Непрекращающаяся дискуссия в СМИ среди отечественных и зарубежных историков о причинах начала Второй мировой и Великой Отечественной войн со все более явно выраженными обвинительными выпадами против нашей страны обусловила публикацию в период с 2009 по 2011 г. трех сборников рассекреченных документов из Архива СВР России[4]. Информационная ценность этих сборников состоит в том, что они существенно дополняют представление, казалось бы, о хорошо изученных событиях прошлого, позволяют по-новому взглянуть на роль в них многих видных политиков, дипломатов, военачальников тех лет.

Появление указанных сборников было встречено с большим интересом отечественными и зарубежными историками. Были высказаны и критические замечания. Так, отсутствуют научные комментарии, которые могли бы усилить достоинства публикации документов советской внешней разведки. Тем не менее представляется очевидным, что, несмотря на некоторые недостатки, подобные публикации являются на сегодняшний день одним из наиболее эффективных средств противодействия все более агрессивной кампании по фальсификации истории начала, хода и итогов Второй мировой и Великой Отечественной войн.

Ведущую роль в деле осмысления прошлого отечественной внешней разведки играют «Очерки истории российской внешней разведки» в шести томах, решение о подготовке которых было принято в начале 1990-х гг. Цель издания — рассказать широкой отечественной и мировой общественности правду об отечественной внешней разведке, ее успехах, выдающихся разведчиках, об ошибках, провалах, предателях, пытающихся представить себя «борцами за демократию», а главное — о том, что внешняя разведка всегда верно служила своей Родине и народу. Капитальный труд, в создании которого приняли участие практически все подразделения СВР России[5], внес весомый вклад в историографию проблемы. Деятельности внешней разведки органов государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны посвящен четвертый том, изданный в 1999 г. Он содержит 43 очерка, повествующих в совокупности об основных направлениях работы внешней разведки в военный период. Том снабжен приложением, где впервые опубликованы рассекреченные документы из Ар-

хива СВР России, относящиеся к деятельности внешней разведки в военный период, что, безусловно, значительно усиливает его научную значимость[6].

В 2001 г. опубликован справочник по истории внешней разведки России, подготовленный российскими историками[7]. Он представляет собой первое открытое исследование истории советской внешнеполитической разведки, в котором авторы кратко описывают ее историю, структуру, важнейшие операции, а также приводят подлинные имена и биографии многих сотрудников.

В ряду справочных изданий выделяется и энциклопедия «Разведка в Великой Отечественной войне»[8]. Деятельности внешней разведки посвящена вторая часть книги.

Серьезный вклад в историографию темы внесли В. С. Антонов и В. Н. Карпов — профессиональные разведчики и журналисты. Ими написано более 20 книг по истории внешней разведки, в том числе серия биографических очерков о советских разведчиках[9].

Ветеран внешней разведки В. С. Мотов издал историко-документальное исследование о борьбе НКВД с германской военной разведкой — абвером[10]. Автор, использовав рассекреченные документы СВР России, воссоздал историю противоборства советских чекистов с мощной разведывательной службой фашистской Германии.

Истории деятельности внешней разведки в Англии посвящена книга, написанная бывшим сотрудником СВР России О. И. Царевым и английским историком Н. Вестом[11]. В ней на широкой документальной основе воссоздана одна из наименее известных страниц деятельности внешней разведки в 1920–1960-е гг. Пожалуй, первыми из историков разведки авторы рассказали о работе так называемой «Оксфордской группы» — нескольких советских агентах из числа англичан, добывавших ценную научно-техническую информацию.

Книга ветерана внешней разведки В. Г. Павлова посвящена исследованию истории отечественной разведки, начиная с эпохи Петра I и заканчивая периодом холодной войны[12]. В ней говорится и о чекистах-разведчиках, действовавших в годы Великой Отечественной войны.

Значительное влияние на историографию советской внешней разведки оказали воспоминания ее сотрудников. С начала 90-х гг. XX в. появилось большое количество мемуаров ветеранов внешней разведки. Различные по объему, информационной ценности, степени откровенности и отношению к прошлому, в совокупности они представляют весьма неоднозначную картину. Ведущее место среди них, бесспорно, занимают воспоминания бывшего заместителя начальника Иностранного отдела накануне Великой Отечественной войны генерал-лейтенанта П. А. Судоплатова, руководителя разведывательно-диверсионной службы в военные годы. Первая книга его мемуаров[13] содержит огромный пласт информации о деятельности внешней разведки в годы войны, в значительной степени не утратившей своего исторического значения и сегодня.

Его следующая книга[14] более чем на две трети также посвящена работе внешней разведки в годы Великой Отечественной войны. В частности, автор повествует об организации Особой группы НКВД СССР, начале формирования силами чекистов партизанского движения на оккупированных врагом территориях СССР.

Последняя книга воспоминаний П. А. Судоплатова, изданная уже после смерти автора, состоит из дневниковых материалов и расшифрованных магнитофонных записей, сделанных его сыном — профессиональным историком. Это, по признанию автора, книга-исповедь. Он поставил перед собой задачу «зафиксировать навечно в качестве первоисточника те реальные героические и трагические испытания, которые выпали на нашу долю»[15]. Выполняя ее, автор обстоятельно, с глубоким знанием событий описывает и дает точную и объективную оценку положения дел во внешней разведке Советского Союза накануне и в годы Великой Отечественной войны.

В 1994 г. свои мемуары опубликовал сотрудник внешней разведки А. С. Феклисов[16]. В книге повествуется о деятельности советских разведчиков в США и Англии в 1940–1960-х гг. Деятельности внешней разведки в Скандинавии накануне и в годы войны посвящены воспоминания Е. Т. Синицына, крупного советского разведчика[17].

Одной из первых книг, содержащих уникальную информацию о «Кембриджской пятерке» — британских ученых, начинавших свой путь в качестве агентов советской внешней разведки в начале — середине 1930-х гг., являются воспоминания ветерана внешней разведки Ю. И. Модина[18]. Автор работал с этими агентами на протяжении долгих лет в Лондоне, а затем поддерживал контакты с ними в Москве после их вывода в Советский Союз.

Особое место среди мемуаров занимает книга выдающегося советского разведчика Кима Филби. Несмотря на его принадлежность к агентурной сети советской разведки, вряд ли могут возникнуть сомнения в правомочности публикации им своих мемуаров именно как кадрового сотрудника разведки. Это первое издание, вобравшее в себя все, написанное этим уникальным человеком[19]. Оно включает в себя полную версию его мемуаров, впервые опубликованных в 1980 г.[20], его личную переписку, а также воспоминания жены. Книга позволяет восстановить облик этого неординарного человека. Автор описал свой путь в советскую внешнюю разведку, рассказал о тех разведчиках, кто в начале 1930-х гг. направил его на эту дорогу, помогал и поддерживал все годы напряженной и опасной работы.

Об одной из разведывательных операций рассказывает работа ветерана внешней разведки генерал-майора в отставке Л. Ф. Соцкова[21]. Это историко-документальное повествование, основанное на рассекреченных документах архива СВР России, о крупной операции, начавшейся по инициативе А. Х. Артузова еще в начале 1930-х гг., целью которой являлось пресечение антисоветской разведывательно-подрывной деятельности английских специальных служб и продвижение выгодной Советскому государству информации в руководящие круги Великобритании.

В. Г. Павлов первым из исследователей взялся за один из важнейших сюжетов в истории отечественной разведки, до сих пор обойденный вниманием историков: речь идет о женщинах, связавших свою судьбу с внешней разведкой[22]. Имена многих из них давно на слуху, достаточно вспомнить Е. Ю. Зарубину, Африку де Лас-Эрас, Л. Коэн, З. И. Воскресенскую-Рыбкину и многих других.

Видная советская разведчица, а позднее — профессиональный писатель З. И. Воскресенская-Рыбкина издала две книги, содержащие ее взгляд на работу разведки[23]. В них даны яркие, запоминающиеся портреты руководителей и сослуживцев автора. Это прежде всего ее муж, коллега, а одно время и руководитель Б. А. Рыбкин, а также В. М. Зарубин, П. М. Фитин, П. М. Журавлев, Г. И. Мордвинов, П. А. Судоплатов и многие другие.

Солидную библиографию составили книги ветерана внешней разведки И. А. Дамаскина[24]. Одна из первых его книг посвящена ценному агенту советской разведки Китти Харрис, долгое время бывшей связной «Кембриджской пятерки». В двух последующих произведениях, написанных в жанре документальной публицистики на основе как известных, так и до недавнего времени закрытых материалов, исследованы судьбы целой плеяды разведчиц[25]. Заинтересованного исследователя в этих книгах привлечет прежде всего описание судеб советских разведчиц 1930-х гг. Ю. Сосновской-Такке, М. Фортус, Е. Д. Модржинской, У. Кучински, трудившихся хотя и в разных странах, но с неизменно высокой самоотдачей и результативностью.

Значительный вклад в историографию советской внешней разведки внес писатель, историк спецслужб Т. К. Гладков. Он является автором более 30 документальных произведений, многие из которых посвящены истории деятельности советской внешней разведки. Итогом его длительных научных поисков в архивах СВР и ФСБ России, работы с огромным объемом документов стали книги, повествующие об уникальных судьбах руководителей внешней разведки, чекистов-разведчиков, ценных агентов внешней разведки[26].

Необычной, полной риска и трагизма судьбе семейной пары — легендарных советских разведчиков В. М. и Е. Ю. Зарубиных посвящена биографическая книга ветерана внешней разведки, лично знакомого с ее героями, Э. Ставинского[27]. Еще одна книга этого автора посвящена жизни и работе на советскую разведку Вилли Лемана — одного из ценных агентов берлинской легальной резидентуры внешней разведки[28]. Будучи сотрудником гестапо, он длительное время информировал внешнюю разведку о мероприятиях, которые немцы организовывали против советских разведчиков.

В 2001 г. на базе Центра общественных связей (ЦОС) ФСБ России было создано Общество изучения истории отечественных спецслужб. В 2005 г. правление Общества, «учитывая насущную необходимость ознакомления широкой общественности с проблемами истории отечественных спецслужб», приняло решение об издании сборников своих научно-исследовательских работ. Всего вышло пять томов «Трудов...», включая сборник избранных статей[29]. Материалы о деятельности советской внешней разведки в годы Великой Отечественной войны периодически появляются на его страницах[30].

В 2003 г. Государственный музей политической истории России в г. Санкт-Петербурге выступил инициатором организации «Исторических чтений на Гороховой, 2» силами исследователей, занимающихся историей отечественных спецслужб. По итогам чтений регулярно выходят сборники выступлений их участников, в которых содержится большое количество обобщенных и систематизированных сведений о малоизвестных страницах деятельности отечественных органов государственной безопасности, в частности внешней разведки. Так, например, В. А. Лебедев в рамках этих чтений опубликовал ряд работ, посвященных деятельности советской внешней разведки в Германии накануне и в ходе Великой Отечественной войны. Автор делает однозначный вывод о том, что чекисты-разведчики выполнили свой долг перед страной[31].

Определенный вклад в дело изучения и популяризации деятельности советской разведки внес А. Б. Мартиросян, который тесно увязывает проблемы спецслужб с историей Советского государства в годы войны[32].

Историография военной разведки

Длительное время деятельность советской военной разведки накануне и в годы Великой Отечественной войны не находила отражения в отечественных научных трудах. Не публиковались в силу их секретности и архивные документы, которые раскрывали бы те или иные операции отечественной военной разведки.

Между тем, судя по редким, но исключительно важным оценкам, которые давали военной разведке полководцы Победы Г. К. Жуков, А. М. Василевский, И. С. Конев, И. Х. Баграмян и другие, разведка вносила свой вклад в принятие важных решений Ставки ВГК и командований фронтов. Дважды Герой Советского Союза Маршал Советского Союза Н. И. Крылов, например, так оценивал свое взаимодействие с военной разведкой: «Если посмотреть сейчас на боевую документацию военной поры, то станет ясно, что ни один боевой приказ, ни одно оперативное распоряжение не направлялось в войска без оценки обстановки и раскрытия замысла врага. Эти оценки базировались на достоверных данных, добытых нашими славными разведчиками по различным каналам»[33]. Подобной точки зрения придерживался и Маршал Советского Союза И. Х. Баграмян, который не без основания утверждал, что «ни один боевой приказ войскам не разрабатывался без учета добытых разведчиками данных о противнике». Высоко оценивали роль военной разведки и деятельность военных разведчиков в годы Великой Отечественной войны К. А. Мерецков, К. С. Москаленко, С. М. Штеменко, В. И. Чуйков[34].

Имевшийся в распоряжении исследователей документальный материал в силу его скудости в течение многих лет не позволял выработать обобщенное представление о силах и средствах, которыми располагала военная разведка накануне нападения фашистской Германии на СССР, оценить основные направления ее работы в годы войны, понять ценность добывавшихся ею сведений о противнике и степень их использования Генеральным штабом или командованиями фронтов в процессе разработки и осуществления планов стратегических операций советских войск, конкретизировать вклад конкретных военных разведчиков в достижение успеха в той или иной стратегической либо фронтовой операции. Отдельные публицистические работы о военной разведке, издававшиеся в СССР и посвященные подвигам разведчиков З. Космодемьянской, В. Волошиной, Р. Зорге, Ш. Радо и других, общую картину не меняли[35].

В 1970–1990-е гг. были изданы первые мемуарные труды, подготовленные отдельными советскими военными разведчиками — участниками войны. В частности, большой интерес вызвали мемуары военного разведчика Шандора Радо, который руководил работой резидентуры «Дора» в Швейцарии[36]. Интересными были и воспоминания о своей работе в годы войны резидента военной разведки Л. Треппера, который в 1975 г. издал в Париже книгу «Большая игра»[37] и изложил свою оценку событий, негативно повлиявших на деятельность резидентур советской военной разведки во Франции и Бельгии в начальный период войны.

Однако эти редкие публикации не позволяли составить даже частичное представление о том, что делали и что смогли сделать сотрудники Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии по вскрытию подготовки фашистской Германии к нападению на СССР, а также определить параметры вклада военной разведки и военных разведчиков в достижение победы в Великой Отечественной войне.

Информационным вакуумом вокруг этой темы в 1990-х гг. воспользовались представители некоторых отечественных средств массовой информации и отдельные исследователи. Без опоры на архивные источники они стали безосновательно утверждать, что советская военная разведка не смогла добыть достоверные сведения о подготовке гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз[38]. Некоторые исследователи преднамеренно обнародовали свою «правду» о причинах, которые привели к тяжелому для Красной армии началу Великой Отечественной войны, к оборонительным операциям, в ходе которых советские войска понесли значительные потери. Подобные явления возникали, как представляется, в первую очередь из-за того, что исследователи не имели доступа к архивным документам советских разведывательных служб и архивам других, более высоких органов военного управления, которые в годы войны принимали стратегические решения.

В последнее десятилетие ситуация стала меняться к лучшему. Вышли из печати мемуары бывшего советского резидента военной разведки в Бельгии и во Франции А. М. Гуревича, в которых он высказал ряд возражений по поводу взглядов Л. Треппера на деятельность советских резидентур в Брюсселе и Париже[39]. В сборнике «Накануне»[40], подготовленном российскими и белорусскими архивистами, опубликованы рассекреченные документы Российского государственного военного архива и Национального архива Республики Беларусь, а также широкий круг ранее публиковавшихся материалов из государственных и ведомственных архивов, характеризующих политическую и военную обстановку накануне и во время Великой Отечественной войны, состояние частей и соединений Красной армии, вопросы разведывательной, контрразведывательной и правоохранительной деятельности органов государственной безопасности и внутренних дел.

В книге «Военная разведка информирует. Январь 1939 — июнь 1941 г.»[41] опубликованы материалы советской военной разведки с января 1939 по июнь 1941 г. Представленные в сборнике документы дают представление о деятельности Разведывательного управления Красной армии в указанный период, показывают роль военной разведки в информировании советского руководства относительно агрессивных планов гитлеровской Германии и ее союзников, дают возможность понять сложнейшие события и проблемы того времени, в частности почему стали возможны трагические события начального периода Великой Отечественной войны. Документы свидетельствуют, что уже в 1939 г. военная разведка информировала Кремль о позиции Германии на переговорах с Польшей, планах Гитлера оккупировать Чехословакию, а затем и Польшу. Позднее немало донесений, которые также публикуются в сборнике, свидетельствовало о практической подготовке Третьего рейха к нападению на СССР.

Были изданы также фундаментальные сборники «...Уничтожить Россию весной 1941 г. Документы спецслужб СССР и Германии 1937–1945 гг.»[42], «Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы»[43] и другие, содержащие документы, в которых отражались усилия советских разведывательных служб по вскрытию агрессивных планов гитлеровской Германии, их деятельность в начальный и другие периоды Великой Отечественной войны. Однако работа по изданию подобных сборников документов находится лишь на начальной стадии.

На рубеже 1990—2000-х гг. стали публиковаться работы руководителей военной разведки, в том числе участников Великой Отечественной войны Героя Советского Союза генерала армии П. И. Ивашутина и генерал-полковника А. Г. Павлова[44]. Они длительное время руководили деятельностью Главного разведывательного управления Генерального штаба Вооруженных сил СССР, поэтому их работы о деятельности военной разведки в годы войны представляли не только исторический и научный интерес, но и воспринимались как направления, по которым необходимо было провести последующие дополнительные исследования.

В эти и последующие годы вышли в свет также мемуары участников Великой Отечественной войны разведчиков В. Бочкарева[45], Е. Березняка[46], В. Карпова[47], И. Лезжова[48], В. Леонова[49], М. Мукасея[50], В. Никольского[51] и других.

Используя открывшиеся возможности, российские историки издали ряд трудов, в которых на основе открытых архивных материалов систематизировались сведения о структуре военной разведки накануне и в годы войны, ее личном составе, деятельности отдельных резидентур[52].

Деятельности резидента советской военной разведки в Бельгии и во Франции А. М. Гуревича (Кента) и работе его резидентур посвящено более 20 публикаций С. Н. Полторака, вышедших в 1995—2013 гг. Многие из них основаны на документах из личного архива А. М. Гуревича[53]. Значительное количество исследований было посвящено анализу усилий резидентур зарубежной военной разведки, направленных на добывание в предвоенное время сведений о подготовке Германии к нападению на СССР[54].

Заметным шагом вперед в расширении источниковой базы исследований, посвященных деятельности военной разведки в добывании сведений военно-технического характера, стало издание в 1998—1999 гг. сборников документов Министерства РФ по атомной энергии[55]. Эти и другие документы позволили российским историкам впервые объективно оценить вклад военных разведчиков в создание советской атомной бомбы. В. Лота подготовил и опубликовал в 2002 г. исследование «ГРУ и атомная бомба», в котором на основе рассекреченных материалов военной разведки достоверно рассказал об основных результатах деятельности военных разведчиков в области добывания атомных секретов иностранных государств. Его же книга «Ключи от ада» также значительно расширила общее представление о деятельности советской военной разведки в области добывания атомных секретов[56].

Вопросы зарождения, развития и боевой деятельности оперативной агентурной разведки в годы Великой Отечественной войны впервые нашли научное отражение в работе Н. Н. Костечко[57].

Заметным явлением в историографии военной разведки в годы Великой Отечественной войны стал исторический очерк «Позывные военной разведки»[58], подготовленный в 1998 г. ветеранами службы радиосвязи военной разведки. В сборнике представлен обширный материал о деятельности этой службы, участии радистов в разведывательных и партизанских формированиях в тылу врага, показана боевая деятельность радиоузлов военной разведки центрального и фронтового подчинения.

Внимание военных историков, несомненно, привлекли и работы В. В. Кондрашова[59]. Автор на основе архивных документов военной разведки достаточно полно рассмотрел основные усилия органов оперативной и войсковой разведки накануне и в ходе Великой Отечественной войны.

Вышли в свет работы В. Лоты, посвященные деятельности советской военной разведки накануне и в годы Великой Отечественной войны[60]. Наибольший интерес представляет работа «ГРУ: испытание войной», в которой подробно освещены проблемы деятельности советской военной разведки накануне нападения гитлеровской Германии на СССР, ее участие в основных сражениях Великой Отечественной войны, дана оценка добытых военной разведкой военных, военно-политических и военно-технических сведений, а также показана степень

их использования высшим политическим руководством СССР и командованием Красной армии в ходе принятия важных военных или политических решений.

Существенным вкладом в историографию Великой Отечественной войны явились работы, посвященные организации партизанского движения и деятельности партизанских отрядов на оккупированной немецкими войсками советской территории[61]. При этом только в последние годы стало возможным показать участие в партизанской войне сотрудников военной разведки, что открыло новую страницу в историографии войны[62].

В годы войны военная разведка внесла весомый вклад в развертывание движения Сопротивления в странах Восточной Европы. С участием офицеров Разведывательного управления ГШ Красной армии сопротивление немецким захватчикам активно развивалось на территории Югославии, Франции, Италии, Польши, Болгарии, Греции, Чехословакии, Албании и ряда других стран[63].

Объективная и основанная на архивных материалах оценка деятельности сотрудников Главного разведывательного управления на Дальнем Востоке нашла отражение в труде «За гранью возможного: военная разведка России на Дальнем Востоке. 1918–1945»[64]. В данной работе также объективно показана борьба военной разведки в период подготовки и проведения Маньчжурской стратегической наступательной операции, в ходе которой была разгромлена японская Квантунская армия.

В 2001–2009 гг. было издано несколько коллективных трудов, посвященных роли советской военной разведки в основных битвах Великой Отечественной войны. Эти работы основаны на материалах, раскрывающих деятельность военной разведки накануне нападения фашистской Германии на СССР, ее участие в битве под Москвой, Сталинградской битве, Курском сражении, битве за Кавказ, операции «Багратион»[65]. Значительный интерес представили материалы, отражающие деятельность советской военной разведки на завершающем этапе Великой Отечественной войны и в ходе разгрома японской Квантунской армии[66]. В этих сборниках частично отражена информационно-разведывательная работа центральных органов военной разведки.

За последнее десятилетие было издано большое количество трудов, в которых освещена структура советской военной разведки в предвоенные и военные годы. Значительный интерес для военно-исторической науки и широкого круга читателей представляет труд «Военная разведка России»[67], подготовленный коллективом авторов: среди них руководители отечественной военной разведки Герой России генерал армии В. В. Корабельников, генерал-полковники Ф. И. Ладыгин, В. М. Измайлов, А. В. Шляхтуров, Герой России генерал-полковник Н. Н. Костечко, военные историки В. В. Кондрашов, О. В. Каримов, И. С. Макаров и другие.

В ряде работ, в том числе А. И. Колпакиди, В. Я. Кочика, В. М. Лурье, изложены биографические сведения о военных разведчиках и руководителях военной разведки[68], даются объективные оценки вклада военной разведки в разгром Германии и Японии.

В 2008 г. историография Великой Отечественной войны пополнилась крупной монографией «Военно-морская разведка: история и современность» В. М. Федорова[69], который на основе значительного количества обобщенных архивных материалов и мемуаров ветеранов военно-морской разведки достаточно полно и объективно оценил ее вклад в достижение победы в Великой Отечественной войне.

В целом в постсоветский период отечественная историография военной разведки накануне и в годы Великой Отечественной войны существенно обогатилась интересными научными и научно-публицистическими работами. Они позволяют комплексно представить усилия отечественной военной разведки по вскрытию подготовки гитлеровской Германии к нападению на Советский Союз, оценить ее вклад в достижение успехов войск Красной армии в ходе основных операций советских войск, проводившихся на советско-германском фронте, а также в период Дальневосточной кампании. Развитие историографии военной разведки в период Великой Отечественной войны позволило вписать в военную историю России имена многих военных разведчиков.

Историография военной контрразведки

Современная историография военной контрразведки представлена как научными исследованиями, так и научно-популярными публикациями. К первой группе работ следует отнести труды В. С. Христофорова, Н. С. Черушева и других[70].

В монографии «Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг.» В. С. Христофоров вводит в научный оборот внушительный по объему комплекс исторических источников — архивных документов, находящихся на хранении в Архиве Президента Российской Федерации, ГАРФ, РГАСПИ, РГВА, ЦАМО, ЦА МВД России, ЦА ФСБ России. В ней дается развернутый анализ историографии проблемы, а также обзор исторических источников по теме. В работе раскрываются организационная структура и реформы органов госбезопасности, разведывательно-диверсионных резидентур, разведки и контрразведки, экономическая и научно-техническая деятельность. Автор показал правовую основу применения чрезвычайных мер в действиях органов госбезопасности, развеял миф об их самоуправстве. В. С. Христофоров дал убедительные ответы на многие спорные вопросы, в том числе о заградительных отрядах, фильтрации и депортации. Чтобы показать реальную картину противоборства, автор описал германские спецслужбы и соответствующие структуры Румынии, Финляндии и Японии. Он оценил достижения и отдельные поражения отечественной разведки и контрразведки. В монографии раскрыты подлинные имена ряда агентов органов госбезопасности, работавших в тылу врага, сделан верный шаг к тому, чтобы увековечить их память.

Характеризуя эффективность борьбы с агентурой противника, автор привел количество арестованных за шпионаж в пользу Германии — 15 тыс. человек[71]. Монография подвела итог деятельности по изучению советских органов государственной безопасности в период Великой Отечественной войны на современном этапе.

Ведущую роль в формировании теоретического базиса разработки проблем истории отечественных органов военной контрразведки сыграла монография А. А. Здановича[72]. Эта работа важна с точки зрения определения отправных точек, теоретико-методологических основ и принципов исследования указанной проблематики. Автор монографии предложил использовать новые способы изучения истории отечественных органов госбезопасности, показал необходимость активного применения методик, выработанных современной отечественной и зарубежной исторической наукой. А. А. Зданович ввел тезис о целесообразности познания деятельности органов госбезопасности через ее взаимосвязь с изменениями во внутренней и внешней политике страны, а также с общей обстановкой внутри СССР и на международной арене.

Своей научной основательностью выгодно отличается и монография В. Н. Хаустова о деятельности органов государственной безопасности в предвоенный период[73]. В ней рассмотрены основные направления деятельности советских органов госбезопасности, в частности по противодействию разведывательно-подрывной деятельности спецслужб иностранных государств и других организаций против Советского Союза. В книге освещены аспекты взаимодействия советской разведки и контрразведки. Деятельность военной контрразведки в исследуемый период отражена в главе, посвященной работе подразделений ГУГБ НКВД СССР по укреплению обороноспособности страны.

Монография Н. С. Черушева «Невиновных не бывает...»: Чекисты против военных (1918–1953)» стала третьей, заключительной работой из цикла исследований автора, посвященных репрессиям против высшего командного состава Красной армии. Особые отделы НКВД фигурируют в монографии в качестве важных элементов государственного репрессивного механизма. Сделан акцент на практиковавшихся органами военной контрразведки незаконных методах ведения следствия и чрезмерном стремлении преследовать как можно большее число военнослужащих руководящего звена Красной армии. По оценке автора монографии, репрессии негативно отразились на боеспособности частей и соединений в начальный период Великой Отечественной войны[74].

Важный исторический материал содержится в работах участников войны — руководителей и сотрудников советской разведки и контрразведки, написанных с частичным использованием архивных документов: М. А. Белоусова, А. М. Гуськова, Л. Г. Иванова, И. И. Клименко, А. И. Матвеева, П. А. Судоплатова, К. Ф. Фирсанова и других[75]. На основе воспоминаний ветеранов о действительных фактах и событиях, боевых действиях на конкретном участке фронта или в тылу противника, различных направлениях деятельности советской разведки и контрразведки изданы очерки и сборники статей[76].

К вопросу о роли органов военной контрразведки в период, непосредственно предшествовавший Великой Отечественной войне, обратились авторы коллективной монографии и сборника архивных документов, подготовленных Институтом российской истории РАН во взаимодействии с Комиссией при Президенте Российской Федерации по противодействию попыткам фальсификации истории в ущерб интересам России[77].

Книга «Великая Отечественная война. 1941 год: исследования, документы, комментарии», изданная в 2011 г.[78], посвящена рассмотрению малоизвестных событий войны в 1941 г. Источниковую базу этого исследования составили недавно рассекреченные документы из государственных, ведомственных и региональных архивов России, Белоруссии, Болгарии, Германии, Италии, Латвии и Эстонии. Авторские статьи[79] и ряд опубликованных впервые архивных материалов предоставляют новые возможности историкам, специализирующимся на исследовании проблем истории Второй мировой и Великой Отечественной войн. В работу включена статья сотрудника ЦА ФСБ России А. П. Черепкова «Советская военно-морская контрразведка в начале войны» о деятельности советских военных контрразведчиков на флотах и флотилиях в предвоенный период и в начале войны. Она представляет собой квинтэссенцию научно-популярного издания «Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне»[80], в которой освещается деятельность флотских контрразведчиков в период Великой Отечественной войны. Авторы проследили историю особых отделов флота, ими дана характеристика работы флотских чекистов в предвоенный период и во время Великой Отечественной войны, которая признана эффективной. Вместе с тем следует сказать, что отсутствие ссылок на архивные источники снижает научную ценность издания.

Несколько сборников документов и книг по рассматриваемой проблеме подготовлено на основе материалов, хранящихся в архиве Управления ФСБ России по Санкт-Петербургу и Ленинградской области[81].

Современный этап историографии темы представлен и научно-популярными изданиями, прежде всего юбилейным изданием «Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки». Это первая крупная научно-популярная публикация, в которой отмечена активизация деятельности разведок Германии и ее союзников в предвоенные годы по сбору информации о вооруженных силах и стратегическом потенциале СССР[82].

Книга В. В. Коровина «Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны»[83] также носит преимущественно научно-популярный характер. Важен вывод автора о последствиях реорганизации системы органов госбезопасности в феврале 1941 г. По мнению ученого, принятое руководством страны решение, по сути, являлось разумным и целесообразным. Однако реформа неминуемо привела к «перетасовке кадров, разрыву преемственности в работе, несогласованности действий родственных служб»[84]. Военная контрразведка не только подверглась организационным преобразованиям, но была выведена из системы государственной безопасности, включена в состав Наркомата обороны и Наркомата Военно-морского флота, превратившись в систему с двойным подчинением.

Следующим шагом по научно-популярному освещению истории советской военной контрразведки стал выход в 2005 г. крупного издания «Смерш»: исторические очерки и архивные документы»[85]. В нем предвоенная история советской военной контрразведки показана в контексте структурных преобразований ее органов. Внимание авторов сосредоточено на реформе НКВД СССР, проводившейся в феврале 1941 г., когда из единого ведомства были выведены подразделения, занимавшиеся разведывательной, контрразведывательной деятель-

ностью и проводившие оперативно-технические мероприятия. На их базе был сформирован Наркомат государственной безопасности — НКГБ СССР. Военная контрразведка оказалась в одновременном подчинении Наркомата обороны, Наркомата Военно-морского флота и НКВД СССР.

Особое место в издании отведено рассмотрению процесса налаживания взаимодействия между разными ведомствами в сфере военной контрразведки. В этой связи авторами издания подчеркнута важность создания в центре и на местах советов по координации агентурно-оперативной и следственной деятельности советских органов госбезопасности. Книга «Смерш» стала в своем роде первым изданием, посвященным рассмотрению целой эпохи в истории отечественной военной контрразведки.

Своеобразным итогом работы, начатой при написании книг «Лубянка, 2» и «Смерш», стал выход юбилейного популярного издания «Военная контрразведка. История, события, люди»[86]. Книга охватывает практически всю историю отечественной военной контрразведки, включая, разумеется, период Великой Отечественной войны. Повышенное внимание уделено конкретным персоналиям — сотрудникам различного ранга, проходившим службу в военной контрразведке и оставившим след в ее истории. Проанализировано большое количество архивных документов, введен в научный оборот новый богатый фактологический материал. Однако в издании отсутствуют ссылки на архивные документы, что снижает его научный уровень.

В работах В. Я. Барышникова, Д. П. Тарасова «Радиоигры»[87] и В. Г. Макарова, А. В. Тюрина «Лучшие спецоперации «Смерша». Война в эфире»[88] показана эффективность методик радиоигр с противником, высокий профессионализм сотрудников органов госбезопасности. В другом труде этих же авторов «Смерш. Гвардия Сталина» содержится наиболее полный, основанный на документах рассказ об операции «Монастырь» — «Курьеры» — «Березино» 1941–1945 гг.[89]

В сборнике «Вермахт на советско-германском фронте. Следственные и судебные материалы из архивных уголовных дел немецких военнопленных. 1944–1952» вводятся в научный оборот новые документы о работе контрразведчиков[90].

Научно-популярным изданием можно считать и работу К. Дегтярева и А. Колпакиди «Смерш»[91]. Однако о полноте и глубине разработки выбранной авторами тематики, об энциклопедичности говорить некорректно хотя бы потому, что источниковая база издания ограничена лишь опубликованными архивными документами органов госбезопасности.

Актуальным направлением научных исследований остается изучение истории противостояния советской власти и националистических повстанческих формирований на территории СССР в годы войны. Во второй половине 1950-х — середине 1980-х гг. было опубликовано большое количество научных и научно-популярных работ, книг и статей, посвященных участию советских органов государственной безопасности и внутренних дел в борьбе с вооруженным подпольем[92].

Историки разрабатывают несколько направлений, так или иначе относящихся к деятельности органов безопасности по ликвидации националистических формирований. Прежде всего это относится к внесудебной деятельности органов НКВД — НКГБ, депортации населения и спецпереселенцам, сопротивлению в республиках, связанному с вооруженной борьбой против советской власти и участием в ней различных социальных групп и слоев, деятельностью ОУН — УПА и других националистических формирований[93]. Растет количество документальных публикаций по данной тематике[94].

Началось издание многотомных, насыщенных информативными материалами серий: «Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД...», «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне: Сборник документов и материалов» и других[95]. Эти публикации создают основу для развития историографии темы. Из однотомных, но важных документальных изданий следует отметить «Повседневность террора: Деятельность националистических формирований в западных регионах СССР», «Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1942–1945», «Внутренние войска в борьбе с буржу-

азным националистическим подпольем на заключительном этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы», «НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956)»[96].

В послевоенное время изданы десятки документальных и мемуарных сборников, в которых рассматривается разведывательная, диверсионная и партизанская деятельность пограничников. Только за последние два десятилетия вышли в свет персональные и коллективные монографии, в которых освещается деятельность пограничных войск не только в первых приграничных сражениях[97].

В числе актуальных направлений научных исследований остается и изучение борьбы советского народа в тылу фашистских войск и участия органов госбезопасности в организации этой борьбы. Первые попытки анализа исторической литературы по этой проблеме и ее историографического обобщения относятся к концу 1950-х — началу 1960-х гг. В этом плане следует отметить статью А. А. Курносова и историографический раздел шестого тома «Истории Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.»[98]. В конце 1960-х — начале 1970-х гг. были опубликованы статьи украинских историков М. О. Буцько, М. И. Кравчука, М. В. Погребинского и В. А. Замлинского[99]. В них анализировались в основном ранее вышедшие труды о партизанском движении, а другие формы народной борьбы не были затронуты.

Из работ, вышедших в советское время, следует отметить шеститомное издание «История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг.»[100]. Несомненным достоинством труда является то, что в нем определяется место партизанской борьбы в войне с нацистской Германией, роль подпольных партийных органов в руководстве партизанским движением, показано взаимодействие партизанских формирований с частями Красной армии.

В этом ряду стоит и двенадцатитомный труд «История Второй мировой войны 1939–1945 гг.». Проблемы борьбы советских людей на оккупированной территории в этом труде раскрываются в шести томах, начиная с четвертого[101].

В. К. Киселев, Г. П. Мищенко и Г. П. Мигрин на основе широкого использования архивных документов, периодической печати и мемуарной литературы показали в своих трудах участие чекистов в партизанском движении в Белоруссии и на Украине через призму партизанской разведки[102]. Вопросы партизанской разведки и организации взаимодействия между партизанскими силами и регулярными войсками в важнейших битвах и операциях по освобождению советской территории освещены также в ряде научных трудов, вышедших в 1980-х гг.[103]

Вопросы партизанской борьбы на оккупированной советской территории раскрываются в монографиях, подготовленных сотрудниками Центра военной истории Института российской истории РАН. Интересный фактический материал по некоторым направлениям изучаемой проблемы представлен в работах В. Н. Земскова и В. А. Пережогина[104].

Работа В. Н. Андрианова доказывает необходимость и оправданность привлечения сотрудников органов государственной безопасности к развертыванию партизанской борьбы, обосновывает их роль в разведывательно-диверсионной, боевой и контрразведывательной деятельности в тылу гитлеровских оккупантов в годы Великой Отечественной войны[105].

В 1991 г. вышла совместная монография ветеранов Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР А. И. Зевелева, Ф. Л. Курлата, А. С. Казицкого[106]. Авторы впервые на основе богатого архивного материала и личных воспоминаний провели комплексное исследование деятельности бригады, заключавшейся в ведении партизанской, подпольной и разведывательной работы в тылу противника. Особенность этого исследования заключается в том, что в нем, помимо архивных документов, приведены личные воспоминания о деятельности органов госбезопасности в тылу противника.

Работы известного специалиста по диверсиям в тылу противника И. Г. Старинова[107] впервые поднимают проблему подготовки органов государственной безопасности СССР к партизанской борьбе накануне Великой Отечественной войны. Интересен его взгляд на

операцию «Рельсовая война», который идет вразрез с мнением большинства признанных специалистов по истории партизанского движения[108]. Автор утверждал, что подрывать следовало не рельсы, а поезда.

С этой точкой зрения согласен В. И. Боярский, который обосновал роль органов государственной безопасности СССР в организации борьбы в гитлеровском тылу, особенно в первые месяцы войны[109].

Монография ветерана контрразведки, почетного сотрудника госбезопасности А. Ф. Стародубцева «Дважды невидимый фронт. Ленинградские чекисты в тылу врага» на основе архивных материалов УФСБ РФ по Санкт-Петербургу и Ленинградской области показала не только успехи и достижения, но и провалы в зафронтовой деятельности 4-го отдела УНКВД — УНКГБ[110].

Работы, затрагивающие вопросы разведывательно-диверсионной, контрразведывательной и специальной деятельности органов госбезопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны, были опубликованы А. Ю. Поповым[111].

Анализ историографии партизанского движения показывает, что менее изучена диверсионная и разведывательная работа советских спецслужб, контрразведывательная и специальная деятельность органов госбезопасности СССР на оккупированной советской территории.

Некоторые авторы выступают с заранее предвзятых позиций. Они пытаются обвинить чекистов, работавших в тылу врага, в различных преступлениях, искажают конкретные исторические события по изучаемой проблеме[112]. В ряде публикаций допускаются грубые фактические ошибки, искажающие историческую действительность[113].

Существенный вклад историки внесли в разработку темы деятельности территориальных органов государственной безопасности в сфере военной экономики СССР. Новым явлением в российской историографии 1990-х гг. стали открытые монографии и диссертации по деятельности территориальных органов госбезопасности в этой сфере накануне и в годы Великой Отечественной войны.

С. А. Овчинников основное внимание в работе уделил противодействию контрразведки Поволжья подрывным акциям фашистских спецслужб, информационному обеспечению местных властных структур, полностью обойдя молчанием реализацию органами НКВД — НКГБ СССР функции тайной политической полиции[114]. В. Е. Мартианов, наоборот, акцентировал внимание на участии органов НКВД Краснодарского края в политических репрессиях периода 1937—1941 гг., разведывательной работе на оккупированной территории в 1942—1943 гг., борьбе с бандитизмом, выявлении и наказании пособников немецких оккупантов в 1943—1945 гг.[115]

В докторской диссертации В. А. Иванова «Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 1920—1940-х гг. (На материалах северо-запада РСФСР)», рассматривая репрессивную политику, впервые определены силы и средства ее реализации, раскрыты проблемы управления органами госбезопасности в интересах политических и социально-экономических преобразований в регионе, а также поддержания стабильности политического режима[116].

Тема вклада территориальных органов госбезопасности в общую победу представлена докторской диссертацией А. М. Демидова[117]. Обоснованным представляется его вывод об уроках прошлого, которые убедительно показывают, что эффективная система безопасности страны может быть построена только при условии совпадения интересов безопасности общества и государства.

В своих статьях А. М. Демидов исследовал также проблему перерождения номенклатурных кадров с точки зрения безопасности советского тыла в годы Великой Отечественной войны. Ученый выявил взаимосвязь: там, где переродившиеся номенклатурные кадры возглавляли партийно-государственные органы и общественные организации, идеологическая работа оказывалась запущенной, производительность труда снижалась, связь с массами

утрачивалась. Именно там фиксировались так называемые «антисоветские» высказывания и действия рабочих и служащих. В связи с этим многие оперативные работники и их начальники считали, что беспощадная борьба с конкретными должностными лицами, извращавшими суть политической работы и злоупотреблявших служебным положением, является одним из важнейших условий безопасности советского тыла[118]. В условиях глубокого военно-экономического кризиса 1941—1942 гг. органы государственной безопасности оказались практически единственной реальной силой на местах, которая осуществляла государственное принуждение и репрессивными методами компенсировала недостатки в работе партийно-государственного аппарата в сфере экономики[119]. Характеризуя устремления спецслужб Германии к военно-экономическому потенциалу СССР, автор делает вывод, что надежных агентурных позиций в промышленных регионах СССР германской разведке создать так и не удалось[120].

А. И. Вольхиным защищена докторская диссертация на тему «Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.», в которой была исследована деятельность центрального аппарата, всех структурных подразделений, в том числе территориальных управлений НКВД — НКГБ[121]. Автором было предпринято комплексное изучение деятельности территориальных органов госбезопасности в единстве их контрразведывательной, контрольно-инспекторской, хозяйственно-организаторской работы.

Впервые в отечественной историографии А. И. Вольхин изучил агентурно-оперативную работу органов госбезопасности на объектах сельского хозяйства (борьбу с диверсией, вредительством, саботажем), среди спецпоселенцев, молодежи, интеллигенции, служителей церкви и сектантов. Отдельные разделы диссертации посвящены борьбе органов НКВД — НКГБ с антисоветской агитацией, повстанчеством, терроризмом, предательством и пособничеством немецким оккупантам; глубоко проанализирована функция политического розыска.

Особой информативностью отличается справочник, составленный А. И. Кокуриным и Н. В. Петровым[122]. В нем представлена хроника реорганизаций системы и персональных назначений — отставок за весь указанный период, приводится структура органов внутренних дел и госбезопасности на каждый год их истории с фамилиями начальников управлений и отделов. Весь информационный блок проиллюстрирован публикацией важнейших документов, в том числе по периоду Великой Отечественной войны.

Своеобразным свидетельством гласности, снятия завесы тайны с деятельности российской спецслужбы стал выпуск юбилейных изданий, посвященных истории территориальных управлений ФСБ России, в том числе их деятельности в годы Великой Отечественной войны[123].

Начиная с 1997 г. регулярно проходит ежегодная научно-теоретическая конференция «Исторические чтения на Лубянке», где выступают ведущие российские исследователи проблем истории органов государственной безопасности. В опубликованных сборниках содержится значительное количество статей В. Н. Хаустова о деятельности контрразведывательных органов в предвоенные годы[124], А. И. Вольхина о направлениях деятельности территориальных органов НКВД — НКГБ в годы войны[125] и других исследователей. Они опираются на впервые вводимые в научный оборот архивные материалы, которые значительно расширяют наши знания по истории отечественных органов госбезопасности в советском тылу в годы войны.

Таким образом, достигнутый в отечественной историографии уровень обобщений позволяет перевести изучение всех элементов государственного механизма, в том числе и органов государственной безопасности, действовавших в годы Великой Отечественной войны, в качественно иную плоскость, свободную от догм, устоявшихся стереотипов и представлений. Этому во многом должно способствовать начавшееся рассекречивание уникальных материалов из фондов ЦА ФСБ России, в частности серия сборников документов, подготовленных специалистами Управления регистрации и архивных фондов ФСБ России[126].

Зарубежная историография

Полноценное изучение достижений исторической мысли невозможно без анализа основных тенденций и результатов развития зарубежной историографии.

Первые послевоенные годы стали периодом активного осмысления результатов деятельности разведок разных государств — участников Второй мировой войны. За рубежом первыми историографами проблемы стали непосредственные участники разведдеятельности. Их труды одновременно представляли собой как воспоминания, так и попытку теоретического обобщения опыта разведывательной работы. В таком «смешанном» жанре была написана работа бывшего руководителя внешней разведки нацистской Германии Вальтера Шелленберга[127]. Хотя лейтмотивом работы автора был анализ деятельности германских спецслужб периода Второй мировой войны, в книге много внимания уделено деятельности сотрудников советской разведки. В частности, описывается взаимодействие резидента советской военной разведки в Бельгии Кента (А. М. Гуревича) с одним из германских антифашистов Х. Шульце-Бойзеном. В труде В. Шелленберга нет каких-либо обобщений результатов работы советской разведки. Однако книга ценна тем, что в ней изложено видение важных фрагментов профессиональной деятельности разведки противника крупным организатором немецкой разведки. Воспоминания В. Шелленберга долгое время оставались неизвестными широкому кругу советских (российских) исследователей и были опубликованы на русском языке лишь в 1998 г.[128] Причина того, что они сорок лет не публиковались на русском языке, вероятно, в том, что многие изложенные в них факты по разным причинам до 1990-х гг. не освещались в отечественной научной печати.

В разные годы источниковой базой для историографии проблемы были и другие мемуарные издания профессиональных разведчиков, среди которых заметную роль сыграли воспоминания Л. Треппера, А. М. Гуревича, Евы-Марии Бух[129].

В печати социалистических государств в 1950-е гг. появлялись лишь те переводные научные работы, которые по своей идеологической направленности целиком совпадали с советской исторической литературой. К таким трудам, в частности, принадлежала монография немецкого исследователя Отто Винцера, издавшего в 1955 г. в Берлине книгу о работе Коммунистической партии Германии в 1933–1945 гг.[130] Одним из сюжетов издания была деятельность антифашистов в период Второй мировой войны. Их борьба с нацизмом представлялась так, словно она была неким обособленным внутригерманским явлением. Связь многих антифашистов с деятелями советской разведки автором замалчивалась. Вероятно, это вполне устраивало советских издателей.

Идеологическая конъюнктура заметно сказывалась на содержании научных трудов во всех странах. Возможно, ближе многих к объективному освещению истории разведки в годы Второй мировой войны были швейцарские исследователи. В 1954 г. из печати вышла книга швейцарского автора В. Ф. Флике[131], которая целиком посвящалась истории «Красной капеллы». Автор впервые осуществил попытку комплексного исследования истории «Красной капеллы», сделал ряд важных обобщений. К сожалению, его работа содержит многочисленные неточности и существенные ошибки, в том числе связанные с деятельностью советских разведчиков Доры (Ш. Радо), Отто (Л. Треппер), Кента (А. М. Гуревич).

По инициативе Министерства национальной обороны ГДР в 1957 г. вышла монография, основанная на германских документах, в том числе на материалах немецких газет военного периода[132]. Хотя в выходных данных издания авторы указаны не были, из самого текста работы следует, что в подготовке книги принимали участие К. Гаферкорн и Г. Отто. Монография была посвящена антифашистской деятельности жителей Германии на протяжении всего периода нахождения А. Гитлера у власти. Значительная часть материала, опубликованного в труде, посвящена деятельности «Красной капеллы» и ряда лидеров этого движения. Хотя в издании не упоминаются имена советских разведчиков, авторы неоднократно подчеркивали совместную деятельность немецких антифашистов с советскими разведслужбами.

Зарубежная историография советской разведки периода Второй мировой войны развивалась очень медленно. В 1960-е гг. она носила фрагментарный характер. В 1961 г. в Мичиганском университете (США) из печати вышла монография американского журналиста венгерского происхождения Ладислава Фараго[133], в которой на фоне описания деятельности разведывательных служб различных государств освещалась и работа советской разведки в Европе в годы Второй мировой войны. Одним из центральных сюжетов была деятельность «Красной капеллы». Автор пытался определить место советской разведки в ее работе. Л. Фараго при подготовке своего труда опирался на скромный перечень опубликованных источников и историографию. Хотя это издание не сыграло заметной роли в изучении проблемы, российские издатели спустя многие годы обратили на нее внимание, выпустив в 2003 г. на русском языке[134].

Вклад советских разведчиков в развитие событий Второй мировой войны был столь значителен, что некоторые зарубежные авторы считали необходимым затронуть их деятельность, хотя публикации не были непосредственно посвящены истории разведки. В частности, в монографии французского ученого Б. Мишеля, посвященной исследованию личности А. Гитлера[135], есть глава, написанная другим автором — Клодом де Шабелером, в которой идет речь о деятелях «Красной капеллы» Х. Шульце-Бойзене, А. Харнаке, Л. Треппере и В. Соколове (В. Суколове)[136]. К. де Шабелер допустил неточность, посчитав, что Виктор Соколов — это настоящее имя одного из советских разведчиков. На самом же деле этим именем назвался, представляясь задержавшим его французским военнослужащим, резидент советской военной разведки Кент. Эту же ошибку совершали многие зарубежные авторы.

В 1968 г. во Франции сразу двумя изданиями вышла монография американца русского происхождения Виктора Александрова[137], первая глава которой целиком посвящена деятельности советской разведки накануне и в период Второй мировой войны. В работе опубликована структура «Красной капеллы», в которой, по мнению автора, действовали многочисленные советские разведчики.

В 1970-е гг. явным лидером в исследовании проблемы стали историки ГДР. Их работы тогда еще не тяготели к крупным обобщениям, в них, как правило, в разных ракурсах повторялись одни и те же сюжеты. В центре внимания немецких исследователей, как и в 1960-е гг., оставались вопросы, связанные с деятельностью «Красной капеллы».

В 1970 г. по инициативе департамента марксизма-ленинизма при ЦК СЕПГ вышло научное издание, посвященное деятельности антифашистской организации, которую возглавляли Шульце-Бойзен и Харнак[138]. В традиции германской научной литературы тех лет в книге описание событий сочеталось с публикацией многочисленных документов. В основном это были документы личного происхождения: письма Шульце-Бойзена матери, его переписка с сестрой, многочисленные фотографии из семейных альбомов.

Той же теме была посвящена монография Г. Хоне[139], но автор расставил акценты несколько иначе. Он представил деятельность «Красной капеллы» не как обособленной организации, а как национального антифашистского движения, тесно сотрудничавшего с разведками государств антигитлеровской коалиции, и прежде всего Советского Союза. Впервые в научной литературе были опубликованы схема советской резидентуры, европейские центры борьбы с фашизмом, сотрудничавшие с Москвой, и многие другие обобщенные сведения. Сочетая в себе опыт историка, журналиста и знатока нацистской разведки, Г. Хоне одним из первых среди исследователей попытался воссоздать объективную картину сотрудничества западноевропейских антигитлеровских сил и советских разведслужб.

Спустя несколько лет другой немецкий историк и журналист Г. Зудхольт развил успех своего предшественника. Описывая работу «Красной капеллы», он более подробно осветил деятельность как антифашистов, так и разведчиков в Болгарии, Чехословакии, Австрии, Италии, Польше, Румынии, Югославии, Скандинавских и других странах[140]. В книге описывается деятельность многочисленных советских разведчиков, в том числе Л. Треппера, М. Макарова, А. Гуревича, К. Ефремова, А. Совкова, Ш. Радо, В. Соколина и других. При этом автором были допущены многие неточности. То обстоятельство, что

вместо Кента (А. Гуревича) он называл Виктора Суколова, свидетельствовало, что в своей работе он опирался во многом на мемуары Леопольда Треппера, которые изобилуют грубыми ошибками. С серьезными огрехами в приложениях к изданию публикуются схемы взаимосвязей различных структур «Красной капеллы» и советских резидентур в Бельгии, Франции и Германии.

Важным недостатком научной литературы того времени было отсутствие в ней ссылок на источники и историографию. Авторы ограничивались перечислением списка литературы.

Зарубежная историография проблемы 1980-х гг. имеет свои особенности. Долгое время иностранные исследователи не проявляли должного интереса к истории деятельности советской разведки в Европе в период Второй мировой войны. Но, вероятно, перестроечные события в СССР вызвали интерес к нашему государству многих иностранных авторов, в том числе и тех, кто занимался изучением деятельности спецслужб. Сказалось и то, что внутриполитические события в Советском Союзе повлияли на политические процессы в странах Западной Европы. В результате во второй половине 1980-х гг. в разных странах из печати вышли монографии и другие крупные публикации, в которых в той или иной мере отражалась деятельность советской разведки в конце 1930-х — первой половине 1940-х гг.

Один из примеров — материалы совещания историков и специалистов в области разведки, прошедшего в Берлине в ноябре 1988 г.[141] В совещании приняли участие пять человек, в том числе профессор Эгмонт Цехлин, резидент «Красной капеллы» Ганс Копи, а также вице-президент Академии наук ГДР историк Генрих Шель, который во время Второй мировой войны состоял в одной из антифашистских организаций. Помимо их докладов в сборнике материалов совещания был опубликован ряд ранних неизвестных документов по истории «Красной капеллы». И в докладах, и в документах отмечается активное взаимодействие участников немецкого сопротивления с советскими спецслужбами.

В 1989 г. в Лондоне вышла монография военного историка Руперта Аллесона, известного читателям под псевдонимом Нигель Вест[142]. Несмотря на сравнительно небольшой объем, монография отличается обилием сведений о разведках СССР и США. Автор подробно описывает соперничество советской внешней разведки с ГРУ. В книге сделан акцент на послевоенные события, однако коротко освещена работа советской разведки в период Второй мировой войны. Большой интерес представляют именной список, составленный автором, а также его видение структуры ГРУ.

В том же году в Мюнхене вышли мемуары помощника адмирала Канариса — Оскара Рейли[143]. Они, вероятно, оказали влияние на последующую историографию, поскольку в книге содержалось много подробных сведений о деятельности германской разведки против разведок других стран, в том числе Советского Союза.

В 1990-е гг. объединенная Германия стала бесспорным лидером в публикации научных изданий, посвященных истории деятельности разведок разных стран в Европе во время Второй мировой войны. Уже упоминавшийся Г. Шель, а вместе с ним Р. Грайбель и М. Кобургер, основываясь на архивных документах (в значительной мере документах гестапо), выпустили из печати богато иллюстрированную фотографиями из семейных архивов монографию, в которой убедительно доказали, что хотя германское подполье, боровшееся с фашизмом, было разгромлено, побеждено оно не было. В работе неоднократно отмечается, что германские антифашисты победили, что во многом залогом победы стало их сотрудничество с советскими разведывательными органами[144].

В 1993 г. Ганс Копи опубликовал монографию, полностью посвященную антифашистской деятельности Х. Шульце-Бойзена[145]. Свое исследование автор основывал на богатой историографии, многочисленных неопубликованных и опубликованных источниках, в том числе на материалах немецких газет. Большую ценность представляет именной указатель издания: среди фамилий людей, сотрудничавших с Х. Шульце-Бойзеном, указаны резидент советской военной разведки в Бельгии Кент, а также ряд других советских разведчиков. Год спустя Г. Копи при участии Йоргена Даниеля и Йонеса Тухеля выпустил монографию «Красная капелла» в борьбе против национал-социализма»[146].

В 1993 г. в Берлине вышло из печати исследование Ноберта Хаса, посвященное сопротивлению германскому нацизму[147]. Книга была основана на многочисленных архивных документах, позволивших проследить динамику расследования по делу «Красной капеллы». В опубликованных документах есть неоднократные упоминания советских разведчиков, с которыми были связаны антифашисты. По традиции немецкой историографии в монографии были помещены фотографии из семейных архивов.

Стремясь к документальному отражению событий, происходивших в период Второй мировой войны, немецкие исследователи в то же время старались сделать свои издания максимально понятными широкому кругу читателей. По этой причине ряд изданий отличается публицистичностью языка и подачи материала. Даже в работах общего характера авторы часто описывали совместную деятельность германских и советских разведчиков того времени[148].

Среди французских исследователей истории разведки времен Второй мировой войны, пожалуй, самым заметным можно считать Жуля Перро. В 1989 г. он издал в Париже научный труд «Красный оркестр»[149], который в 1993 г. был переиздан в сокращенном варианте в Испании[150]. К сожалению, при всем обилии сведений об истории деятельности советской разведки во Франции во время Второй мировой войны она страдает многочисленными неточностями.

Одной из немногих книг по истории проблемы во Франции стала монография журналиста Тери Вольтона, утверждавшего, что ему довелось работать в российских архивах, где он обнаружил многочисленные сведения, касавшиеся, в частности, деятельности советской разведки во Франции. На этой основе, например, он составил и опубликовал схему разветвленной сети советской разведки в своей стране. В самом же издании ссылок на российские архивы нет, есть только перечень использованной литературы[151].

Несколько выбивается из общего ряда монография американского историка Джона Костелло и бывшего советского разведчика в Великобритании Олега Зарева[152]. Хотя книга в целом посвящена истории разведдеятельности органов КГБ, одна из первых ее глав целиком связана с деятельностью «Красной капеллы». При этом упоминаются имена советских разведчиков, действовавших совместно с представителями антифашистского движения.

2000-е гг. стали качественно новым периодом в развитии зарубежной историографии. Нельзя сказать, что исследователи сумели создать научные труды, качественно отличающиеся от предшествовавших. Их главной особенностью стало то, что впервые их начали переводить на русский язык и издавать в России. В последние годы в нашей стране были опубликованы труды бывшего шефа ЦРУ Аллена Даллеса, знакомого с историей «Красной капеллы», крупного знатока истории германских спецслужб Райнхарда Гелена, исследователя деятельности Вильгельма Канариса Ричарда Бассета, американского автора Деффри Бурдса, изучавшего деятельность советской агентуры в конце Второй мировой войны и в первые годы мирного времени, Карла Хайнца Абсхагена — знатока деятельности главы германской военной разведки, Кристера Йоргенсена, осуществившего попытку исследования механизма деятельности гитлеровской разведки в целом[153].

Последний период времени отмечен стремлением европейских историков к обмену мнениями по поводу истории советской разведки и ее роли в борьбе с фашизмом. Подтверждением тому стали научные конференции, связанные с исследованием этой проблемы. В декабре 2006 г. в Брюсселе состоялась научная конференция, посвященная деятельности советской военной резидентуры в Бельгии в годы Второй мировой войны, в которой приняли участие бельгийские, французские, немецкие и российские историки[154].

В 2010 г. в Будапеште прошла международная научная конференция, посвященная жизни и деятельности резидента советской внешней разведки Шандора Радо (Дора), в которой участвовали около 30 ученых из Венгрии, Великобритании, Германии, Чехии, России[155].

Среди слабых мест зарубежной историографии проблемы в первую очередь необходимо отметить, что ее изучением профессиональные историки занимаются редко, в результате чего исследовательская инициатива перехвачена журналистами, бывшими профессиональными работниками спецслужб и просто людьми, увлеченными историей разведки.

Крупным достоинством иностранной историографии стало то, что авторы на протяжении многих десятилетий активно вводят в научный оборот многочисленные архивные документы, позволяющие более глубоко изучать исследуемую проблему.

* * *

Анализ отечественной и зарубежной историографии деятельности органов советской разведки и контрразведки в годы Великой Отечественной войны показывает, что сегодня на первый план отчетливо выдвигаются новые направления и темы. Ряд вопросов деятельности специальных служб продолжает оставаться крайне актуальным. Не менее важным является и переосмысление уроков военных лет с учетом изменившейся геополитической роли России.

Требуются дальнейшее расширение источниковой базы исторических трудов, привлечение нетрадиционных видов источников, интеграция новейших достижений отечественной и зарубежной историографии. Полезную роль в этом отношении могло бы сыграть издание библиографии трудов по истории спецслужб в годы Великой Отечественной войны, проведение регулярных, связанных не только с юбилейными датами, разнообразных научных форумов российских и иностранных специалистов, а также продолжение издания на постоянной основе сборников статей «Исторических чтений на Лубянке и Гороховой», изучение нераскрытых сюжетов, исследование персоналий руководителей и агентов советских спецслужб.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне: сб. док. Т. 1: Накануне. Кн. 1–2. Ноябрь 1938 г. — декабрь 1940 г. М., 1995; Т. 2: Начало. 22 июня — 31 декабря 1941 г. Кн. 1–2. М., 2000; Т. 3. Кн. 1: Крушение блицкрига. 1 января — 30 июня 1941 г.; Кн. 2: От обороны к наступлению. 1 июля — 31 декабря 1941 г. М., 2003; Т. 4. Кн. 1: Секреты операции «Цитадель». 1 января — 30 июня 1943 г.; Кн. 2: Великий перелом. 1 июля — 31 декабря 1943 г.; Т. 5. Кн. 1: Вперед на Запад. 1 января — 30 июня 1944 г.; Кн. 2: Границы СССР восстановлены. 1 июля — 31 декабря 1944 г. М., 2007.

[2] Секреты Гитлера на столе у Сталина / Сост. В. К. Виноградов, В. П. Гусаченко, О. И. Нажесткин, В. Л. Пещерский. М., 1995.

[3] 1941 год: Сб. док. В 2-х кн. М., 1998.

[4] Прибалтика и геополитика. 1935–1945. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации / Сост. Л. Ф. Соцков. М., 2009; Секреты польской политики. 1935–1945. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации / Сост. Л. Ф. Соцков. М., 2010; Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации 1939–1941 гг. М., 2011.

[5] Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти т. М., 1995–2006.

[6] Очерки истории российской внешней разведки. М., 1999. Т. 4. С. 525–693.

[7] *Колпакиди А., Прохоров Д.* Внешняя разведка России. СПб., М., 2001.

[8] *Колпакиди А. И., Север А. М.* Разведка в Великой Отечественной войне. М., 2010.

[9] *Антонов В. С., Карпов В. Н.* Тайные информаторы Кремля (биографические очерки о разведчиках). М., 2000; *Они же.* Тайные информаторы Кремля. М., 2001; *Они же.* Нелегалы. М., 2002; *Они же.* Тайные информаторы Кремля: Женщины в разведке. М., 2002; *Они же.* Разведчики Герои Советского Союза и Герои России. М., 2004; *Они же.* Разведчицы. М., 2004; *Они же.* Нелегальная разведка. М., 2007; *Они же.* Расстрелянная разведка. М., 2008; *Они же.* Мастера разведки и контрразведки. М., 2009; *Антонов В. С.* С них начиналась разведка. М., 2010.

[10] *Мотов В. С.* НКВД против абвера. Незримый поединок. М., 2005.

[11] *Царев О., Вест Н.* КГБ в Англии. М., 1999.

[12] *Павлов В. Г.* Трагедии советской разведки. М., 2000.

[13] *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950 гг. М., 1997.

[14] *Судоплатов П. А.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 г. М., 2001.

[15] *Судоплатов П. А.* Победа в тайной войне. 1941–1945 гг. М., 2005. С. 16.

[16] *Феклисов А. С.* За океаном и на острове. Записки разведчика. М., 1994.

[17] *Синицын Е. Т.* Резидент свидетельствует. М., 1996.

[18] *Модин Ю. И.* Судьбы разведчиков. Мои кембриджские друзья. М., 1997.

[19] Я шел своим путем. Ким Филби в разведке и жизни / Сост. Ю. Г. Кобаладзе. М., 1997.

[20] *Филби Ким.* Моя тайная война. Воспоминания советского разведчика. М., 1982.

[21] *Соцков Л. Ф.* Код операции — «Тарантелла». М., 2007.

[22] *Павлов В. Г.* Женское лицо разведки. М., 2003.

[23] *Воскресенская З. И.* Под псевдонимом Ирина: записки разведчицы. М., 1997; *Она же.* Теперь я могу сказать правду. М., 1998.

[24] *Дамаскин И. А.* Семнадцать имен Китти Харрис. М., 1999; *Он же.* 100 великих разведчиков. М., 2007; *Он же.* Сталин и разведка. М., 2004; *Он же.* 100 великих операций спецслужб. М., 2006; *Он же.* Битвы разведок. 1941–1945. М., 2005; *Он же.* Вожди и разведка. От Ленина до Путина. М., 2008.

[25] *Дамаскин И. А.* Разведчицы и шпионки. М., 1999; *Он же.* Разведчицы и шпионки-2. М., 2000.

[26] *Гладков Т. К.* Награда за верность — казнь. М., 2000; *Он же.* Лифт в разведку. «Король нелегалов» Александр Коротков. М., 2002; *Он же.* Кузнецов. Легенда советской разведки. М., 2004; *Он же.* Коротков. М., 2005; *Он же.* Наш человек в Нью-Йорке. Судьба резидента. М., 2007; *Он же.* Артур Артузов. М., 2008; *Он же.* Его Величество Агент. М., 2010.

[27] *Ставинский Э.* Зарубины. Семейная резидентура. М., 2003.

[28] *Ставинский Э.* Наш человек в гестапо. М., 2002.

[29] Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 1–5. М., 2006–2008.

[30] *Тюрин А. В., Макаров В. Г.* Неизвестные страницы легендарной операции «Монастырь». 1941–1945 // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. Т. 2. М., 2006. С. 194–253; *Карпов В. Н.* Чекисты за океаном: Внешняя разведка в США в годы войны // Труды... Т. 2. М., 2006. С. 271–294; *Мотов В. С.* Агент А/201 — «Брайтенбах» // Труды... Т. 2. М., 2006. С. 295–320. *Токарев М. А.* Спецподготовка подростков в СССР к участию в разведывательно-диверсионной деятельности в годы Великой Отечественной войны // Труды... Т. 3. М., 2007.

[31] *Лебедев В. А.* Деятельность советской внешней разведки в Германии накануне Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. М., 2009. С. 86–98; *Он же.* Борьба советской внешней разведки со спецслужбами фашистской Германии накануне Великой Отечественной войны // Исторические чтения «Гороховая, 2». Вып. VIII. СПб., 2011. С. 5–10; *Он же.* Советская внешняя разведка о планах нападения фашистской Германии на СССР в 1941 г. // Исторические чтения на Лубянке. М., 2012. С. 208–214; *Он же.* Актриса Ольга Чехова: легендарная советская разведчица или жертва досужих домыслов? // Исторические чтения «Гороховая, 2». Вып. IX. СПб., 2012. С. 164–171.

[32] *Мартиросян А. Б.* Трагедия 22 июня: Блицкриг или измена? М., 2006; *Он же.* 200 мифов о Сталине-1. Сталин и Великая Отечественная война. М., 2007, и др.

[33] Цит. по: *Ладыгин Ф. И.* Быть истинными патриотами своей страны // Родина. 2012. № 10. С. 96.

[34] См.: Военная разведка России. М., 2012. С. 541–546.

[35] *Яковлев Е.* Товарищ Зорге. М., 1965; *Архангельский В.* Тайник в «Ландольте». М., 1985; *Воробьев Е.* Этьен и его тень. М., 1973; *Василевич И.* Люди молчаливого подвига. Очерки о разведчиках. М., 1975; *Шмелев И.* У разведчиков есть имена. М., 1973; *Кассис В. Б., Колосов Л. С.* Тринадцать новелл о советских разведчиках. М., 1992.

[36] *Радо Ш.* Под псевдонимом «Дора». М., 1976.

[37] *Треппер Л.* Большая игра. М., 1990.

[38] См.: Мифы Великой Отечественной: военно-исторический сборник-2. М., 2009.

[39] *Гуревич А. М.* Разведка — это не игра. СПб., 2007.

[40] Накануне. Западный особый военный округ (конец 1939–1941). Документы и материалы. Минск, 2007.

[41] Военная разведка информирует. Январь 1939 — июнь 1941 г. Документы разведуправления Красной армии. Январь 1939 — июнь 1941 г. / Сост. В. А. Гаврилов. М., 2008.

[42] *Ямпольский В. П.* «...Уничтожить Россию весной 1941 г.» Документы спецслужб СССР и Германии 1937–1945 гг.. М., 2008.

[43] Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. СПб., М., 2000.

[44] *Ивашутин П. И.* Оперативно и надежно. Солдаты невидимого фронта. М., 1994; *Корабельников В. В.* Роль и место военной разведки в достижении победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг. // Военный парад. 2005. Май; *Павлов А. Г.* Советская военная разведка накануне и годы Великой Отечественной войны. ГРУ: дела и люди. М., 2002.

[45] *Бочкарев В. В.* 60 лет в ГРУ. М., 2003.

[46] *Березняк Е. С.* Евгений Березняк рассказывает. Киев, 2010.

[47] *Карпов В.* Гроза на Востоке. М., 2005.

[48] *Лезжов И. И.* Дальний разведчик. М., 2005.

[49] *Леонов В.* Лицом к лицу. М., 2005.

[50] *Мукасей М. И., Мукасей Е. И.* «Зефир» и «Эльза». Разведчики-нелегалы. М., 2004.

[51] *Никольский В.* Аквариум-2. М., 1997.

[52] *Горбунов Е.* Сталин и ГРУ. М., 2010; *Колпакиди А.* ГРУ в Великой Отечественной войне. М., 2010; *Чернявский В.* Разведка: вымыслы и правда. М., 2004.

[53] *Полторак С. Н.* Советский разведчик Кент, или Большая ложь о «маленьком шефе». СПб., 1997; *Он же.* Разведчик Кент. СПб., 2003; *Он же.* «Я вместе с Вами негодовала над сценарием...»: Переписка бывших разведчиков А. М. Гуревича и М. А. Фортус о кинофильме «Салют, Мария!». 1969—1971 // Исторический архив. 1999. № 4. С. 77—88; *Он же.* Имя героя — Кент // Секретное досье: Ист.-публ. журн. 1998. № 1. С. 63—66; *Он же.* Последний герой «Красной капеллы». Предисловие к мемуарам А. М. Гуревича «Разведка — это не игра. Мемуары советского резидента Кента». СПб., 2007. С. 3—4; *Он же.* Героя-разведчика отпевали в Александро-Невской лавре // История Петербурга. 2013. № 1 (68). С. 89.

[54] *Лота В. И.* «Альта» против «Барбароссы». М., 2004; *Безыменский Л. А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2002; *Соловьев Б. Г.* Внезапность нападения — орудие агрессии. М., 2002.

[55] Атомный проект СССР. Документы и материалы. В 2-х т. Т. 1. 1938—1945. Ч. 1. М., 1998; Т. 2. Атомная бомба. 1945—1954. Кн. 1. М., Саров, 1999.

[56] *Лота В. И.* ГРУ и атомная бомба. М., 2002; *Он же.* Ключи от ада. М., 2009.

[57] *Костечко Н. Н.* Оперативная разведка: Зарождение, становление, развитие // Родина. 2012. № 10.

[58] *Байков Ю. А., Никифоров А. Н.* Позывные военной разведки. М., 1998.

[59] *Кондрашов В. В.* Знать все о противнике. Военные разведки СССР и фашистской Германии в годы Великой Отечественной войны (Историческая хроника). М., 2010; *Он же.* История отечественной военной разведки: документы и факты. М., 2012.

[60] *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005; *Он же.* Без права на ошибку. М., 2005; *Он же.* Тайные операции Второй мировой. М., 2006; *Он же.* Информаторы Сталина. М., 2009; *Он же.* ГРУ: испытание войной. М., 2010.

[61] *Асмолов А. Н.* Фронт в тылу вермахта. 2-е изд., доп. М., 1983; Партизанская борьба с немецко-фашистскими оккупантами на территории Смоленщины. Документы и материалы. Смоленск, 1962; *Линьков Г. М.* Война в тылу врага. М., 1953; *Бычков Л. Н.* Партизанское движение в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг. М., 1982.

[62] *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003; *Колос И. А.* По заданию Центра. Записки разведчика. М., 1989; *Прудников М. С.* На линии огня (партизанское движение в Великой Отечественной войне). М., 1989; *Дмитриев Д. М.* Военные партизаны. Летопись партизанских действий частей особого назначения 9903. М., 2006.

[63] *Лота В. И.* Информаторы Сталина. С. 261—326.

[64] *Лота В. И.* За гранью возможного: военная разведка России на Дальнем Востоке. 1918—1945. М., 2008.

[65] *Корабельников В., Ивашутин П., Павлов А. и др.* Военная разведка накануне Великой Отечественной войны. М., 2004; *Корабельников В., Павлов А. и др.* Военная разведка в битве за Москву. М., 2004; *Квашнин А., Павлов А. и др.* Сталинградская эпопея военной разведки. М., 2002; *Корабельников В., Павлов А., Шмырев П. и др.* Курская битва военной разведки. М., 2003; *Корабельников В., Симонов В. и др.* Военная разведка в битве за Кавказ. М., 2009; *Корабельников В., Павлов А. и др.* Операция «Багратион» и военная разведка. М., 2004.

[66] *Корабельников В., Павлов А., Бочкарев В. и др.* Приближая День Победы. М., 2005; *Корабельников В., Симонов В. и др.* Победа на Дальнем Востоке и военная разведка. М., 2007.

[67] Военная разведка России. М., 2012.

[68] *Бабаянц Ю., Карпов В.* Они руководили ГРУ. М., 2005; *Колпакиди А., Прохоров Д.* Империя ГРУ. В 2-х кн. М., 2000; *Колпакиди А., Бочкарев В.* Суперфрау из ГРУ. М., 2002; *Колпакиди А.* Энциклопедия военной разведки России. М., 2004; *Колпакиди А., Север А.* ГРУ. Уникальная энциклопедия. М., 2009; *Колпакиди А.* ГРУ в Великой Отечественной войне. М., 2010; *Алексеев М., Колпакиди А., Кочик В.* Энциклопедия военной разведки. М., 2012; *Лурье В., Кочик В.* ГРУ: дела и люди. М., 2002; *Кочик В.* Разведчики и резиденты ГРУ за пределами Отчизны. М., 2004.

[69] *Федоров В. М.* Военно-морская разведка: история и современность. М., 2008.

[70] *Чураков А. В.* «Из огня да в полымя...» // Военно-исторический архив. 2003. № 7. С. 60—101; № 8. С. 16—39; *Черушев Н. С.* «Невиновных не бывает...»: Чекисты против военных (1918—1953). М., 2004; *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности СССР в 1941—1945 гг. М., 2011.

[71] *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности СССР в 1941—1945 гг. С. 273.

[72] *Зданович А. А.* Органы государственной безопасности и Красная армия: Деятельность органов ВЧК — ОГПУ по обеспечению безопасности РККА (1921–1934). М., 2008.

[73] *Хаустов В. Н.* Деятельность органов государственной безопасности НКВД СССР в предвоенные годы (1934–1941). М., 1997.

[74] *Черушев Н. С.* «Невиновных не бывает...» С. 12.

[75] *Белоусов М. А.* Об этом не сообщалось: Записки армейского чекиста. М., 1989; *Гуськов А. М.* Под грифом правды. Исповедь военного контрразведчика. М., 2004; За линией фронта. Тула, 1968; *Иванов Л. Г.* Правда о «Смерше». М, 2007; *Клименко И. И.* Тайна бункера Гитлера: записки контрразведчика «Смерша» о розыске военных преступников в завершение Второй мировой войны. М., 2007; *Матвеев А. И.* 1418 дней и ночей Великой Отечественной войны. М., 2002. С. 65–86; *Судоплатов П. А.* Спецоперации. Лубянка и Кремль 1930–1950-х гг. М., 2001; *Фирсанов К. Ф.* Ради жизни: записки чекиста. Куйбышев, 1973; *Хумарьян С. Г.* Разведка и контрразведка: лица одной медали. У каждого была своя война... Самара, 2005.

[76] Ветераны-чекисты вспоминают. Сб. статей участников войны. Киров, 2005; Военные контрразведчики. М., 1979; Останемся верными их памяти. Сб. воспоминаний. М., 2006; Томские контрразведчики на фронте и в тылу. Томск, 2005.

[77] Зимняя война 1939–1940 гг.: исследования, документы, комментарии. К 70-летию советско-финляндской войны. М., 2009; Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД. М., 2010.

[78] Великая Отечественная война. 1941 год: исследования, документы, комментарии / Отв. ред. В. С. Христофоров. М., 2011.

[79] Авторский коллектив издания: В. А. Арцыбашев, Е. Л. Валева, Е. М. Варга, И. Б. Иванов, Ю. З. Кантор, В. Г. Макаров, В. П. Марочко, С. Е. Новиков, А. Н. Пономарев, О. А. Ржешевский, Дж. Скотони, А. С. Стыкалин, С. И. Филоненко, Д. Ю. Хохлов, В. С. Христофоров, А. П. Черепков.

[80] Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне: исторические очерки и архивные документы / Авт. колл.: В. С. Христофоров, А. П. Черепков, Д. Ю. Хохлов. М., 2010.

[81] План «Д». Т. 1. 1941 г. СПб., 2004; *Ломагин Н. А.* Неизвестная блокада. Кн. 2. СПб., М., 2002; См.: Москва военная. 1941–1945: Мемуары и архивные документы. М., 1995; Москва послевоенная. 1945–1947: Архивные документы и материалы. М., 2000; Кубань в годы Великой Отечественной войны. 1941–1945. Рассекреченные документы. Хроника событий. В 3-х кн. Кн. 1: Хроника событий 1941–1942 гг. Краснодар, 2000; Кн. 2. Ч. 1: Хроника событий 1943 г. Краснодар, 2003; Лубянка в дни битвы за Москву: Материалы органов госбезопасности СССР из Центрального архива ФСБ России. М., 2002; Чекисты на защите столицы: документы и материалы об участии сотрудников Московского управления госбезопасности в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой. М., 2001; Так сражались чекисты: сборник документов и материалов. Волгоград, 1974; Перелистывая документы ЧК. Царицын-Сталинград 1917–1945 гг.: сб. документов и материалов. Волгоград, 1987; Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ России. М., 2000; Чекисты в Сталинградской битве: документы, воспоминания, очерки. Волгоград, 2002; «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003.

[82] Лубянка-2: Из истории отечественной контрразведки. М., 1999. С. 207.

[83] *Коровин В. В.* Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003.

[84] Там же. С. 68.

[85] «Смерш»: исторические очерки и архивные документы. М., 2005.

[86] Военная контрразведка. История, события, люди. Кн. 1–2 / В. С. Христофоров и др. М., 2008.

[87] *Барышников В. Я., Тарасов Д. П.* Радиоигры. М., 1964.

[88] *Макаров В. Г., Тюрин А. В.* Лучшие спецоперации «Смерша». Война в эфире. М., 2009; *Они же.* «Дуэт» с абвером // Новая и новейшая история. 2010. № 3.

[89] *Макаров В. Г., Тюрин А. В.* Смерш. Гвардия Сталина. М., 2009.

[90] Вермахт на советско-германском фронте. Следственные и судебные материалы из архивных уголовных дел немецких военнопленных. 1944–1952. М., 2011.

[91] *Дегтярев К., Колпакиди А.* Смерш. М., 2009.

[92] В этот период было опубликовано более 150 работ с ограничивающим грифом и около 50 открытых публикаций.

[93] *Бугай Н. Ф.* Народы Украины в «Особой папке Сталина». М., 2006; *Витковский А., Ямпольский В.* Вчера это было секретом: документы о литовских событиях 40–50-х гг. // Известия ЦК КПСС. 1990. № 10; *Гогун А.* Между Гитлером и Сталиным. Украинские повстанцы. СПб., 2004; *Дюков А. Р.* Миф о геноциде: репрессии советских властей в Эстонии (1940–1953). М., 2007; *Зубкова Е. Ю.* Прибалтика и Кремль. 1940–1953. М., 2008; *Крысин М. Ю.* Прибалтика между Гитлером и Сталиным. 1939–1945. М., 2004; *Мозохин О. Б.* Право на репрессии: Внесудебные полномочия органов государственной безопасности (1918–1953). Жуковский, М., 2006; *Некрасов В. Ф., Борисов А. В., Детков М. Г. и др.* Органы и войска МВД России: Краткий исторический очерк. М., 1996; *Щеголев С. Н.* История «украинского» сепаратизма. М., 2004.

[94] Эстония. Кровавый след нацизма: 1941–1944 гг. Сб. архивных документов. М., 2006; Трагедия Литвы: 1941–1944 гг. Сб. архивных документов. М., 2006; Украинский сепаратизм в России. Идеология национального раскола / Сост. М. Б. Смолин. М., 1998.

[95] Лубянка. Сталин и МГБ СССР. Март 1946 — март 1953 г.: Документы высших органов партийной и государственной власти / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2007; Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946 г. / Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2006; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов и материалов в 7-ми т. М., 1995–2007.

[96] Повседневность террора: Деятельность националистических формирований в западных регионах СССР. Кн. 1: Западная Украина, февраль — июнь 1945 г. / Фонд «Историческая память»; сост. Д. С. Валиева, О. В. Драницина, А. Р. Дюков, М. М. Минц. М., 2009; Пограничные войска СССР в Великой Отечественной войне. 1942–1945. Сб. документов и материалов. М., 1976; Пограничные войска СССР, май 1945–1950 г. Сб. документов и материалов. М., 1975; Внутренние войска в борьбе с буржуазным националистическим подпольем на заключительном этапе Великой Отечественной войны и в первые послевоенные годы. Сб. документов. М., 1986; НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сб. документов / Сост. Н. И. Владимирцев, А. И. Кокурин. М., 2008.

[97] В их числе монографии: На страже границ Отечества. История пограничной службы: краткий очерк. М., 1998; На страже границ Отечества. Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX века. М., 2000; Испытанные войной. Пограничные войска (1939–1945). М., 2008; *Сечкин Г. П.* Советские пограничные войска. М., 1976; *Боярский В. И.* Партизаны и армия: История утерянных возможностей. Минск, М., 2003; *Он же.* Партизанство вчера, сегодня, завтра: историко-документальный очерк. М., 2003, и ряд других.

[98] *Курносов А. А.* Борьба советских людей в тылу немецко-фашистских оккупантов (историография вопроса) // История и историки. Историография СССР. М., 1965; История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. Т. 6. М., 1965. С. 431–433.

[99] *Буцько М. О., Кравчук М. И., Погребинский М. В.* Летопись народного подвига // Вестник АН УССР. 1970. № 12. С. 105–111 (на укр. яз.); *Замлинский В. А.* Украинская советская историография о партизанской борьбе на Украине в годы Великой Отечественной войны // Укр. ист. журнал. 1971. № 1. С. 129–134 (на укр. яз.).

[100] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. М., 1960–1965. Т. 1–6.

[101] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1975–1978. Т. 4–9.

[102] *Киселев В. К.* Партизанская разведка. Сентябрь 1943 — июль 1944 г. Минск, 1980; *Он же.* Борьба партизан с подрывной деятельностью фашистских спецслужб в Белоруссии // Вопросы истории. 1984. № 3; *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Задача особой важности. Киев, 1985.

[103] *Зинченко Ю. И.* Боевое взаимодействие партизан с частями Красной армии на Украине. 1941–1944. Киев, 1982; *Долготович Б. Д.* В одном строю — к единой цели. Минск, 1985; *Азясский Н. Ф., Князьков А. С.* Плечом к плечу: Советские партизаны в период подготовки и в ходе Курской битвы (апрель — август 1943 г.). Воронеж, 1989; *Курас И. Ф., Кентий А. В.* Штаб непокоренных: Украинский штаб партизанского движения в годы Великой Отечественной войны. Киев, 1988.

[104] *Земсков В. Н.* Ведущая сила всенародной борьбы: борьба советского рабочего класса на временно оккупированной фашистами территории СССР (1941–1944). М., 1986; *Пережогин В. А.* Партизаны в Московской битве. М., 1996; *Он же.* Солдаты партизанского фронта. М., 2001.

[105] *Андрианов В. Н.* Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990.

[106] *Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С.* Ненависть, спрессованная в тол. М., 1991.

[107] *Старинов И. Г.* Записки диверсанта. М., 1997; *Он же.* Мины замедленного действия. М., 1999; *Он же.* Мины ждут своего часа. М., 1964; *Он же.* Подрывники на коммуникациях агрессора // Вопросы истории. 1988. № 7.

[108] См.: *Азясский Н. Ф., Князьков А. С.* Партизанская операция «Рельсовая война». М., 1985; *Пономаренко П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941—1944 гг. М., 1982.

[109] *Боярский В. И.* Партизаны и армия. История упущенных возможностей. Минск, 2001.

[110] *Стародубцев А. Ф.* Дважды невидимый фронт. Ленинградские чекисты в тылу врага. М., 2010.

[111] *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003; *Он же.* Диверсанты Сталина. Деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М., 2004; *Он же.* 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002; *Попов А. Ю., Цветков А. И.* Бог диверсий. Профессор русского спецназа Илья Старинов. М., 2004; *Попов А. Ю.* Партизаны и контрразведка в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2003. № 3; *Он же.* Организация руководства партизанским движением в тылу врага в 1941—1943 гг. // Вопросы истории. 2004. № 10; *Он же.* Ликвидация гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе. Донесение криминал-советника Бондорфа // Исторический архив. 2002. № 1; *Он же.* Борьба гитлеровцев против партизан в годы Великой Отечественной войны // Клио. 2002. № 1; *Он же.* Разведка в тылу врага. Организация войсковой и агентурной разведки // Обозреватель. 2005. № 2.

[112] История партизанского движения в Российской Федерации в годы Великой Отечественной войны. 1941—1945 гг. М., 2001.

[113] Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004. С. 573.

[114] *Овчинников С. А.* Контрразведка Поволжья в годы Великой Отечественной войны (1941—1945). В 2-х т. Саратов, 1994.

[115] *Мартианов В. Е.* Органы НКВД Краснодарского края накануне и в годы Великой Отечественной войны. 1937—1945: автореф. дис... канд. ист. наук. Краснодар, 1998.

[116] *Иванов В. А.* Механизм массовых репрессий в Советской России в конце 1920—1940-х гг. (На материалах северо-запада РСФСР): дис... д-ра ист. наук. СПб., 1998.

[117] *Демидов А. М.* Деятельность территориальных органов государственной безопасности СССР в сфере военной экономики. 1941—1945: дис... д-ра ист. наук. М., 2009.

[118] *Демидов А. М.* Переродившиеся номенклатурные кадры ВКП(б) как фактор внутренней угрозы безопасности тыла СССР в годы Великой Отечественной войны // Россия в Отечественных войнах. Оренбург, 2012; *Он же.* Политическое доверие населения к власти (по материалам периода Великой Отечественной войны) // Власть. 2009. № 1.

[119] *Демидов А. М.* Органы госбезопасности как инструмент карательной политики государства в сфере военной экономики СССР // Вопросы истории Кыргызстана. Бишкек, 2007. № 2.

[120] *Демидов А. М.* Устремления спецслужб нацистской Германии к военно-экономическому потенциалу СССР накануне и в годы Великой Отечественной войны // Вестник контрразведки. 2008. № 12.

[121] *Вольхин А. И.* Деятельность органов государственной безопасности Урала и Западной Сибири в годы Великой Отечественной войны 1941—1945 гг.: дис...д-ра ист. наук. Екатеринбург, 2007.

[122] Лубянка: Органы ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ — МГБ — МВД — КГБ. 1917—1991: Справочник / Сост. А. И. Кокурин, Н. В. Петров. М., 2003.

[123] См., например: *Вепрев О. В., Лютов В. В.* Государственная безопасность: три века на Южном Урале. Челябинск, 2002; Управление ФСБ России по Свердловской области. 1918—2003. Екатеринбург, 2003; Особый регион России (60-летию Регионального управления ФСБ России по Тюменской области посвящается). Тюмень, 2004.

[124] *Хаустов В. Н.* Развитие советской спецслужбы (1917—1941) // Исторические чтения на Лубянке. 1997. Российские спецслужбы: история и современность. М., В. Новгород, 1999; *Он же.* Сталин и органы государственной безопасности // Исторические чтения на Лубянке: 15 лет. М., 2012.

[125] *Вольхин А. И.* Оперативная работа территориальных органов НКГБ среди инвалидов Великой Отечественной войны в 1943—1945 гг. // Исторические чтения на Лубянке. 1997. Российские спецслужбы:

история и современность. М., В. Новгород. 1999; *Он же*. Новые материалы о диверсионно-разведывательной группе «Ульм», судьбе ее агентов // Исторические чтения на Лубянке. 2008 г. М., 2009.

[126] Сталинградская эпопея. М., 2000; Лубянка в дни битвы за Москву. М., 2002; «Огненная дуга»: Курская битва глазами Лубянки. М., 2003; Смерш: исторические очерки и архивные документы. М., 2003, и др.

[127] *Schellenberg W*. The labyrinth. New York, 2000 (рукопись подготовлена В. Шелленбергом в первой половине 1950-х гг.).

[128] *Шелленберг В*. Лабиринт. Мемуары. Минск, 1998.

[129] *Trepper L*. Le grand jeu. Paris, 1975. S. 417; *Gourevitch A*. Um certain monsieur Kent. Paris, 1995; *Eva-Maria Buch*. Und die «Rote Kapelle». Berlin, 1993.

[130] *Winzer O*. Zwölf jahre Kampf gegen Faschismus und Krieg. Ein Beitrag zur Geschichte der Kommunistischen Partei Deutschlands 1933 bis 1945. Berlin, 1955.

[131] *Flicke W. F*. Spionagegruppe Rote Kapelle. Mullheim, 1954.

[132] Zur Geschichte der deutschen antifaschistischen Widerstandsbewegung. 1933–1945. Berlin, 1957.

[133] *Farrago. L*. Burn after reading: the Espionage mystery of World War Second. New York, 1961.

[134] *Фараго Л*. Сжечь после прочтения: Шпионская история Второй мировой войны. М., 2003.

[135] *Michal B*. Les grandes enigmas de la seconde guerre mondiale. Paris, 1965.

[136] Там же. С. 141–165.

[137] *Alexandrov V*. OS1. Services secrets de Staline contre Hitler. Paris, 1968.

[138] *Biernat K. H., Krausbaar L*. Die Schulze-Boysen / Harnack Organisation im antifaschistischen Kampf. Leipzig, 1970.

[139] *Höhne H*. Kennwort: Direktor. Die Geschichte der Roten Kapelle. Frankfrut am Main, 1970.

[140] *Sudholt G*. Das Geheimnis der Roten Kapelle. Dillingen, 1978.

[141] Die Widerstandsorganisation Schulze-Boysen / Harnack Die «Rote Kapelle». Tagung vom 9–11.9.1988 im Adam-von-Trott-Haus. Berlin, 1988.

[142] *West N*. Games of Intelligence. The Classified Conflict of International Espionage. London, 1989.

[143] *Reile O*. Der Deutsche Geheimdienst in II Weltkrieg. München, 1989.

[144] *Griebel. R., Coburger M., Scheel H*. Erfasst? Das Gestapo Album zur Roten Kapelle. Berlin, 1992.

[145] *Coppi H*. Harro Schulze-Boysen-wege in den Widerstand. Eine biographische Studie. Berlin, 1993.

[146] *Coppi H., Jürgen D., Tuchel J*. Die «Rote Kapelle» im Widerstand gegen den Nationalsozialismus. Berlin, 1994.

[147] *Haase N*. Das Reichskriegsgericht und der Widerstand gegen die nationalsozialistische Herrschaft. Berlin, 1993.

[148] Например: *Piekalkiewicz J*. Spione. Agenten. Soldaten. Geheime Kommandos im Zweiten Weltkrieg. München, 1998.

[149] *Perrault G*. L'orchestre rouge. Paris, 1989.

[150] *Perrault G*. La orquesta Rosa. Tafalla, 1993.

[151] *Wolton T*. Le grand recrutement. Paris, 1993.

[152] *Zarew O., Costello J*. Der Superagent. Der Mann, der Stalin erpreβte. Zsolnay, 1993.

[153] *Даллес А*. Асы шпионажа. М., 2002; *Гален Р*. Война разведок. Тайные операции спецслужб Германии 1942–1971. М., 2004; *Бассет Р*. Главный шпион Гитлера: Тайна Вильгельма Канариса. М., 2006; *Бурдс Д*. Советская агентура: очерки истории СССР в послевоенные годы (1944–1948). М., 2006; *Абсхаген К*. Руководитель военной разведки вермахта 1935–1945. М., 2006; *Йоргенсен К*. Гитлеровская машина шпионажа. Военная и политическая разведка Третьего рейха. 1933–1945. М., 2012.

[154] Материалы конференции не публиковались.

[155] Tanulmányok Radó Sándorról // A borítón a Radó Sándor által a svèd lègitársaságoknak kèszített repülési tèrkèp (The Scandinavian Air Express Air Route Map by A. Rado), valamint Radó Sándor 1970-es évekből való portréja látható. Budapest, 2010.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫХ СЛУЖБ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

Деятельность внешней разведки в межвоенный период

1920-е — начало 1940-х гг. были, пожалуй, одним из самых трудных и драматичных периодов в деятельности внешней разведки. Созданная 20 декабря 1920 г. как Иностранный отдел (ИНО) ВЧК, она сразу же оказалась на острие ожесточенной тайной войны с политическими противниками советской власти. Белоэмигрантские организации, а также бежавшие за границу соперники большевиков в борьбе за власть (эсеры, троцкисты и прочие) развернули активную разведывательную и диверсионно-террористическую борьбу с Советской Россией. Их поддерживали спецслужбы ряда иностранных государств, вынашивавших планы новой интервенции в отношении СССР. Поэтому вполне объяснимо, что главной задачей в деятельности внешней разведки до начала 1930-х гг. являлось вскрытие враждебных акций белоэмигрантских центров, антисоветских политических организаций и стоявших за ними иностранных государств.

Это нашло свое отражение в перечне основных задач внешней разведки, утвержденных правительством в июле 1934 г., к числу которых были, в частности, отнесены:

«— выявление направленных против СССР заговоров и деятельности иностранных государств, их разведок и генеральных штабов, а также антисоветских политических организаций;

— вскрытие диверсионной, террористической и шпионской деятельности на территории СССР иностранных разведывательных органов, белоэмигрантских центров и других организаций;

— руководство деятельностью закордонных резидентур»[1].

Последний пункт предусматривал решение «классических» разведывательных задач по сбору сведений в политической, экономической и научно-технической областях. Однако отдельно данная задача еще не выделялась.

К началу 1930-х гг. внешней разведке удалось провести ряд блестящих операций против белоэмигрантских центров, антисоветских политических организаций и поддерживавших их иностранных спецслужб. Среди них следует упомянуть прежде всего известные «Синдикат» и «Трест». Эти мероприятия существенно снизили активность подобных организаций и исходящую от них угрозу для безопасности страны.

В то же время возросла опасность эскалации враждебных действий со стороны ряда иностранных государств, прежде всего сопредельных Польши, Румынии, Финляндии, Прибалтийских стран и Японии, с территории которых велась активная подрывная работа против Советского Союза. Не исключалось формирование из них антисоветского блока под

руководством Англии и Франции. Германия, с которой после подписания в 1926 г. советско-германского договора развивались нормальные отношения во всех областях, в качестве источника реальной военной угрозы тогда не рассматривалась.

После прихода Гитлера к власти в Германии в январе 1933 г. ситуация в сфере безопасности для СССР существенно изменилась. Национал-социалистский режим получил возможность реализовать на практике свои откровенно враждебные по отношению к Советскому Союзу политико-идеологические лозунги. Добытые внешней разведкой сведения относительно долгосрочных намерений гитлеровского правительства подтверждали подобный вывод. Так, летом 1933 г. на международной экономической конференции в Лондоне министр экономики Германии А. Гугенберг передал руководству данного форума меморандум своего правительства. В нем были сформулированы требования Берлина о предоставлении ему права на колонизацию ряда территорий Советского Союза и фактически содержался призыв к войне против Москвы. С учетом резкой реакции СССР Гитлер попытался отрицать содержание меморандума и дезавуировал заявление Гугенберга. Кроме того, внешняя разведка сообщила, что раздражение Гитлера было вызвано прежде всего тем, что в меморандуме Гугенберг преждевременно разгласил факт существования уже в 1933 г. секретной правительственной программы, предусматривающей захват советских территорий и их колонизацию[2].

В июне 1933 г. внешняя разведка доложила о конфиденциальной беседе Гитлера с немецким министром труда Ф. Зельдте. Фюрер, в частности, заявил, что «Германия должна при содействии Англии вооружиться и после этого совместно с Англией осуществить интервенцию в Россию»[3].

Эти сведения показывали, что заявления Гитлера о крестовом походе против большевизма не остались только пропагандистской демагогией в период борьбы за власть, а перекочевали в секретные правительственные программы и стали самостоятельными направлениями государственной политики. Не менее важным было и то обстоятельство, что благодаря сообщениям внешней разведки указанные замыслы стали известны руководству нашей страны на ранней стадии их формирования.

Складывавшаяся обстановка побудила советское правительство предпринять ряд мер по совершенствованию разведывательной деятельности. На первый план выдвигались задачи активизации работы внешней разведки по таким направлениям, как политическое, научно-техническое и экономическое, предпринимались меры для эффективного сочетания легальной и нелегальной разведки. В первые годы существования Советского государства оно не признавалось капиталистическими странами и не имело в них дипломатических представительств, в связи с чем задачу добывания разведывательной информации за рубежом решала в основном нелегальная разведка. По мере признания СССР иностранными государствами расширялись позиции легальной разведки за границей, и следовательно, возрастал ее вклад в разведывательную деятельность.

В свою очередь, нелегальная разведка сосредотачивала усилия на работе в странах с жестким контрразведывательным режимом и в кризисных регионах, где с легальных позиций действовать было крайне сложно, а порой и невозможно. Особое внимание уделялось созданию условий для бесперебойной работы разведки в случае войны, когда официальные представительства в странах противника закрывались, а их личный состав, включая легальных разведчиков, интернировался.

Подверглась корректировке и оценка основных угроз безопасности страны. С учетом данного обстоятельства приоритетное значение придавалось разведывательной деятельности по Германии и ее союзникам. Руководство страны нацеливало внешнюю разведку на расширение круга источников секретной информации в правительственных органах иностранных государств, в первую очередь Германии. Поскольку по этим же объектам работала и отечественная военная разведка, в мае 1934 г. были приняты меры по разграничению задач между ИНО и Разведывательным управлением РККА и усилению координации в их работе. В указанных целях была сформирована постоянная комиссия, куда вошли начальники обеих разведывательных служб.

А. Х. Артузов

А. А. Слуцкий

В 1930-е гг. внешняя разведка не была самостоятельным ведомством, а входила в разное время в качестве отдела (управления) в ВЧК — ОГПУ — НКВД — НКГБ. Поэтому материалы разведки, прежде чем попасть на стол высшего руководства страны, проделывали многоступенчатый и длинный путь.

Внешняя разведка органов государственной безопасности была относительно небольшим подразделением. В частности, в начале 1930-х гг. ее штат составляли около 130 человек. Среди сотрудников были люди, которые приобрели прочные навыки конспиративной деятельности еще в период революционной борьбы, в том числе за рубежом. Они знали реальные условия разведывательной работы за границей, владели несколькими иностранными языками. Около 60% работников имели высшее и среднее образование. До 1935 г. внешнюю разведку возглавлял А. Х. Артузов, а с 1935 по 1938 г. — комиссар госбезопасности 2 ранга А. А. Слуцкий.

За рубежом советской внешней разведке противостояли в первую очередь контрразведывательные службы иностранных государств. Среди них основная и постоянно возрастающая опасность исходила от спецслужб фашистской Германии, борьба с которыми постепенно приобрела наибольшую остроту. Главным противником для советской внешней разведки в Германии стал созданный в 1933 г. новый контрразведывательный орган — тайная государственная полиция, или сокращенно — гестапо, который вошел в качестве 4-го управления в Главное управление имперской безопасности (РСХА). Это была мощная и эффективная контрразведывательная служба, охватившая своей агентурной сетью всю страну. Кроме того, противоборство шло с многоопытной военной разведкой Германии — абвером, а позднее и с 6-м управлением РСХА (политическая разведка СС).

Основными задачами внешней разведки являются прежде всего приобретение источников секретных сведений за рубежом и добывание при их помощи разведывательной информации. Без таких источников, или другими словами — агентуры, ни одна разведка не может эффективно решать поставленные перед ней задачи. Полученная информация тщательно

анализируется, оценивается и проверяется, отсеиваются недостоверные, противоречивые и дезинформационные сведения. Только после этого добытые данные становятся разведывательной информацией в форме выверенного и сжатого сообщения. Роль аналитической работы разведки существенно возрастает в кризисных, предвоенных ситуациях, когда информационные каналы переполняются слухами, противоречивыми сведениями и тщательно подготовленной дезинформацией противника.

И наконец, сообщения направляются руководству страны. В данной процедуре важным является, располагает ли начальник разведки правом личного доклада своей информации высшему руководителю государства. Отсутствие такой возможности не позволяет давать необходимые пояснения в ходе живой беседы, детализировать отдельные сведения, излагать позицию разведки по докладываемым вопросам. Всё это, в конечном счете, влияет на эффективность ее работы.

Еще в феврале 1933 г. Центр (под этим наименованием подразумеваются руководство внешней разведки и сотрудники ее центрального аппарата) нацелил резидентуры в Германии прежде всего на приобретение ценных агентов. Внешняя разведка располагала в данной стране легальной резидентурой, в которой работали в разное время от 10 до 16 сотрудников. Ею руководил опытный разведчик Б. М. Гордон. Кроме того, активную разведывательную деятельность вели нелегальные резидентуры, возглавляемые В. М. Зарубиным и Ф. К. Парпаровым.

В результате в Германии удалось создать сильную агентурную сеть, насчитывавшую около 20 источников. В частности, были приобретены агенты в МИДе, штабе верховного командования вермахта, штабе люфтваффе, военно-морской разведке, гестапо, министерстве экономики, управлении вооружений верховного командования сухопутных войск, крупных концернах, выполнявших военные заказы, политических и общественных кругах. Все это позволило наладить получение секретных данных о внешней и внутренней политике фашистской Германии, ее военно-стратегических устремлениях, в первую очередь в отношении нашей страны, а также о военно-технических исследованиях, образцах новых вооружений и прочем.

Особо ценная информация по политическим, военным, научно-техническим, экономическим и контрразведывательным вопросам поступала от агента Вилли Лемана (Брайтенбах), работавшего в среднем руководящем звене гестапо. В течение ряда лет он курировал оборонный сектор промышленности Германии. Брайтенбах впервые сообщил о секретных работах молодого инженера В. фон Брауна по созданию ракетного оружия, способного поражать цели, отстоящие на сотни километров. Агент передал исходный текст ряда шифротелеграмм РСХА, что стало существенной помощью в деле расшифровки кодов данного ведомства. Благодаря Брайтенбаху внешняя разведка своевременно узнавала о попытках гестапо провести провокационные акции против сотрудников резидентуры и советских загранучреждений. Это способствовало предотвращению провалов в работе.

Ценным источником политической информации была агент Эльза, сотрудница МИД Германии. Она передавала важные секретные материалы о внешней политике фашистского государства. Так, только в рассматриваемый период от нее было получено около трех тысяч листов секретных документов.

Существенную помощь в выявлении агрессивных планов фашистского руководства оказывал Корсиканец — Арвид Харнак, старший правительственный советник в имперском министерстве экономики. Он имел доступ к закрытой экономической информации и материалам о работе военных отраслей промышленности. Указанные возможности позволяли получать весьма ценную информацию о военных приготовлениях фашистов, прежде всего против Советского Союза. Корсиканец руководил также разведывательной работой Старшины — Харро Шульце-Бойзена, офицера люфтваффе, начальника разведывательного реферата штаба авиации Геринга. Старшина добывал важную информацию о военных приготовлениях Гитлера. Особое значение сведения Корсиканца (А. Харнака) и Старшины приобрели накануне нападения фашистской Германии на СССР.

Б. М. Гордон

В. М. Зарубин

Ф. К. Парпаров

Берлинской резидентуре удалось получить доступ к секретной переписке и шифротелеграммам МИД Германии через агента Винтерфельда, который работал курьером в данном ведомстве. Это позволяло достоверно отслеживать внешнеполитические мероприятия гитлеровского правительства. Информация Винтерфельда получала высокую оценку в Москве. Центр, в частности, писал резиденту: «Получаемые в последнее время от Винтерфельда тексты германских шифротелеграмм весьма ценны по содержанию и одновременно могут быть использованы в качестве подсобного материала при разработке кода»[4]. Центр рекомендовал обратить особое внимание на документы, приходившие из германских представительств в Москве, Лондоне, Париже и Риме.

Ценная информация поступала от привлеченного к сотрудничеству на основе антифашистских взглядов источника в американском посольстве в Берлине. Агент был вхож в круги нацистской элиты, где собирал представляющие интерес сведения.

Выдающийся разведчик-нелегал Д. А. Быстролетов привлек к сотрудничеству Мэрлин, сотрудницу центра немецкой военно-экономической разведки, специализировавшегося на Советском Союзе. От Мэрлин поступала важная информация об уровне осведомленности немцев о состоянии военно-экономического потенциала СССР, а также о каналах утечки секретных сведений к германской разведке.

Резидентура внешней разведки в Австрии смогла проникнуть в один из немецких разведорганов и систематически получать ценные материалы об устремлениях фашистских спецслужб.

В 1933—1937 гг. резидентуры в Германии направляли в Центр также важную научно-техническую, военно-техническую и экономическую информацию, которая позволяла реально оценить военно-экономический потенциал фашистской Германии. Значительная часть военно-технических сведений и материалов представляла интерес для развития нашего оборонного комплекса.

Серьезную озабоченность у советского руководства вызывала позиция Англии в отношении фашистской Германии. Лондон являлся главным дирижером политики «умиротворения» Гитлера, настойчиво подталкивая его к экспансии на Восток. В связи с этим Москва была заинтересована в максимальной осведомленности о реальных планах британцев по заигрыванию с Гитлером за счет восточноевропейских государств и Советского Союза. Немалый интерес представляло также получение доступа к информации о планах и действиях

А. Г. Дейч

Т. С. Малли

Берлина в отношении СССР, которыми могли располагать англичане. Все это требовало существенного усиления разведывательной работы в Англии.

Поскольку дипломатические отношения с ней после их восстановления в 1933 г. только начали развиваться, было признано политически нецелесообразным резко активизировать работу легальной резидентуры (с 1933 по 1934 г. ею руководил Е. П. Мицкевич, а с 1934 по 1937 г. — А. С. Чапский). Акцент был сделан на расширение разведывательной деятельности с нелегальных позиций. В 1934 г. в стране была создана эффективная нелегальная резидентура во главе с А. М. Орловым. В 1935 г. его сменил Т. С. Малли. В решении задач по проникновению в правительственные структуры активно участвовал разведчик-нелегал Д. А. Быстролетов, который, в частности, завербовал сотрудника шифровальной службы МИД Англии Арно. Это обеспечило внешней разведке доступ к уникальной секретной информации внешнеполитического ведомства страны.

В составе резидентуры работал выдающийся разведчик-нелегал А. Г. Дейч (Стефан Ланг). Детально изучив обстановку в стране, он обратил внимание на то, что часть молодежи, обучавшейся в элитных английских университетах, тяготеет к левым, антифашистским взглядам. Представители этой молодежи искали контакты с местной компартией, чтобы реализовать свои убеждения в практической борьбе с фашизмом. Вместе с тем, располагая родственными и личными связями с английской элитой, они имели реальные шансы после завершения образования устроиться на работу в интересующие внешнюю разведку государственные структуры. Дейч пришел к выводу о целесообразности кропотливой оперативной работы с такими студентами, рассчитанной не на сиюминутный успех, а на длительную перспективу. Его подход был поддержан руководством резидентуры и Центром.

Разведчик подыскал помощников, располагавших возможностью для изучения студентов Лондонского, Оксфордского и Кембриджского университетов, а также учащихся школ по подготовке технического состава для министерства иностранных дел. При содействии данной агентуры удалось привлечь к сотрудничеству с внешней разведкой целый ряд перспективных студентов, которые со временем стали весьма ценными источниками. Пятеро из них вошли затем в мировую историю спецслужб как знаменитая «Кембриджская пятерка». «Звездой первой величины» среди них, безусловно, являлся Ким (Гарольд Адриан Рассел) Филби, выпускник Кембриджского университета, представитель одного из старинных

Е. П. Мицкевич

А. П. Чапский

аристократических родов Англии, но при этом антифашист и убежденный сторонник идей социальной справедливости.

Под руководством лондонской резидентуры Филби начал свою карьеру в разведке в качестве журналиста, «симпатизировавшего» нацистской Германии. Таким путем резидентура планировала вывести его на каналы информации по германской проблематике, необходимой Центру. Через некоторое время источник стал редактором небольшого журнала, специализировавшегося на англо-германских отношениях. Он вступил в организацию «Англо-германское содружество», способствовавшую улучшению отношений с гитлеровской Германией, а также обзавелся полезными связями в немецком посольстве в Лондоне. Наиболее ценным стало знакомство с И. Риббентропом, который был в тот период германским послом в Англии.

Данное обстоятельство позволило Филби периодически выезжать в Германию и встречаться с Риббентропом уже в Берлине, что открыло источнику двери для приобретения влиятельных связей в немецких правительственных структурах. В результате резидентура стала получать конфиденциальную информацию об англо-германских отношениях и переговорах, неафишируемых контактах английских и немецких представителей по финансово-промышленным и торговым каналам. Были добыты сведения о конкретных лицах в политических и деловых кругах Англии, занимавшихся укреплением отношений с нацистским режимом, а также помогавших восстанавливать военную мощь Германии.

В «Кембриджскую пятерку» входил и другой исключительно ценный источник внешней разведки Дональд Маклейн, выпускник Кембриджского университета, семья которого принадлежала к политической элите Англии. В период учебы в университете он стал придерживаться левых, антифашистских взглядов. По заданию лондонской резидентуры Маклейн в 1935 г. прошел соответствующие проверочные процедуры и был принят на работу в МИД Англии, где получил доступ к конфиденциальным сведениям, касавшимся английской внешней политики в Европе, отношений с Германией и другими интересующими Центр странами. Через свои связи в подразделениях МИДа он мог собирать информацию относительно планов и конкретных шагов Лондона на советском направлении. От источника поступала достоверная информация по всему комплексу тщательно скрываемых аспектов внешней политики Англии, в первую очередь относительно связей с фашистской Германией.

К. Филби

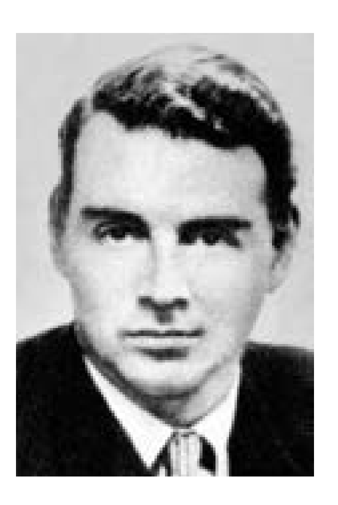
Д. Маклейн

Д. Кернкросс

Э. Блант

Г. Берджес

Ценность данных Маклейна заключалась и в том, что их значительная часть имела документальный характер. Большинство из них направлялось руководству Советского Союза. Так, например, И. В. Сталину были доложены материалы секретных переговоров Гитлера с представителями английского правительства. Маклейн добывал также ценную контрразведывательную информацию. По его данным советской контрразведкой были разоблачены некоторые агенты английских спецслужб в Коминтерне и нашей стране. Источник передал важные сведения о работе английских шифровальных и дешифровальных служб. Он, в частности, сообщил о том, что англичане дешифруют немецкие и американские шифротелеграммы.

Не менее ценным источником, принадлежавшим к «Кембриджской пятерке», был Джон Кернкросс, выпускник Кембриджского университета, убежденный сторонник левой идеологии, антифашист, выходец из небогатой шотландской семьи. После завершения учебы Кернкросс смог устроиться в МИД Англии, где до 1938 г. работал в американском и центральноевропейском отделах. Он получил возможность знакомиться с секретной информацией по интересующим Центр вопросам, в том числе по Германии. Кернкросс передавал ценные документальные материалы, в основном по германской проблематике, которые получали высокую оценку в Москве. В «Кембриджскую пятерку» входили также ценные агенты Энтони Блант и Гай Берджес, пик разведывательной работы которых пришелся на вторую половину 1930-х гг. и военный период.

Сформированная резидентурами внешней разведки в Англии агентурная сеть в целом позволяла обеспечивать советское руководство секретной документальной информацией об истинных намерениях британского правительства в отношении СССР, о закулисных переговорах с Гитлером по поводу судьбы Восточной Европы, об агрессивных устремлениях Берлина и его военных приготовлениях.

Основным союзником Англии в Европе в рассматриваемый период являлась Франция. Париж поддерживал антисоветский курс Лондона и активно участвовал в его проведении. Вместе с тем Франция с большой настороженностью относилась к росту военно-экономического потенциала Германии и реваншистским планам Гитлера. Данная особенность открывала определенные возможности для поиска совместных подходов к сдерживанию агрессивных намерений Берлина. Это, в свою очередь, повышало потребность в информации о скрытых механизмах французской политики.

Над решением указанных задач работали «легальная» и нелегальная резидентуры внешней разведки в Париже. «Легальную» резидентуру в 1934—1937 гг. возглавлял С. М. Глинский, а в 1937—1938 гг. — Г. Н. Косенко. Нелегальной резидентурой руководил Б. Я. Базаров. Внешней разведке удалось создать во Франции эффективный агентурный аппарат, обеспечивавший доступ к материалам канцелярии президента страны, министерства обороны, МИДа, местных спецслужб, крупных фирм, выполнявших военные заказы. С помощью подобных агентурных позиций добывалась секретная, в том числе документальная информация о политике Франции в отношении Советского Союза, об участии Парижа в совместных с Англией шагах по «умиротворению» Гитлера, о подходах Франции к экспансионистским замыслам Германии.

Спецификой работы парижской резидентуры была борьба с различными белоэмигрантскими организациями, обосновавшимися во Франции. Их активно использовали местные спецслужбы в диверсионно-террористической и разведывательной деятельности против СССР. Нельзя было исключать, что в случае военной агрессии Гитлера против Советского Союза члены данных организаций выступят на стороне немцев. В Париже, в частности, находилась штаб-квартира крупнейшей из них — Русского общевоинского союза (РОВС), в рядах которого насчитывалось около 20 тыс. человек. Для вскрытия антисоветских планов РОВС резидентуре удалось внедрить в его штаб-квартиру подслушивающее устройство. В результате были получены сведения о связях руководителя этой организации генерала Е. К. Миллера с французской и японской разведками, которым он передавал информацию по Советскому Союзу.

Весьма важными оказались материалы о планах и конкретных действиях РОВС по организации вооруженной борьбы с СССР. В частности, Миллер приступил к подготовке кадров

С. М. Глинский

Г. Н. Косенко

для развертывания партизанской борьбы в тылу Красной армии в случае войны. В Париже и Белграде были сформированы курсы по переподготовке офицеров РОВС и обучению эмигрантской молодежи диверсионному делу. Через своего представителя в Берлине Миллер наладил тесные контакты с нацистскими функционерами. По его мнению, РОВС должен был обратить все свое внимание на Германию, поскольку она являлась единственной страной, объявившей бескомпромиссную борьбу с коммунизмом. Именно с нападением Германии на Советский Союз лидеры РОВС связывали свои надежды на возвращение в Россию, полагая, что немцы поставят их во главе нового прогерманского режима. С учетом угрозы для безопасности страны, которая в случае войны исходила от РОВС, внешняя разведка осуществила в 1937 г. конспиративный вывоз Миллера в Москву. В операции существенную роль сыграл ценный агент парижской резидентуры Фермер, эмигрант, бывший генерал русской армии. Проведенные мероприятия привели к разложению РОВС и фактическому прекращению его деятельности.

Особенности внутриполитической борьбы в СССР в рассматриваемый период привели к появлению среди важных задач внешней разведки таких, как борьба с непримиримым соперником И. В. Сталина основателем IV Интернационала Л. Д. Троцким и его сторонниками. Штаб-квартира IV Интернационала размещалась в Париже, ее возглавлял сын Троцкого Л. Седов. Не вдаваясь в существо политических противоречий между Сталиным и Троцким, необходимо тем не менее отметить, что антисталинская полемика Троцкого быстро переросла в организацию борьбы с Советским Союзом на международной арене. Такой подход в условиях назревания большой войны в Европе представлял угрозу безопасности СССР. Данное обстоятельство диктовало необходимость отслеживания активности руководящего органа троцкистов в Париже. Указанная задача решалась в том числе через внедренного в ближайшее окружение Седова агента Мака. При его помощи был налажен контроль над перепиской Троцкого и его сына, выявлялись троцкистские организации и их личный состав в других странах. Вся полученная информация докладывалась И. В. Сталину.

В 1936 г. резидентуре стало известно о передаче Троцким части своего архива парижскому филиалу голландского Института исторических исследований. По указанию И. В. Сталина в

Париж были направлены сотрудники специальной группы особого назначения (СГОН) при наркоме внутренних дел, для того чтобы завладеть архивом Троцкого и вывезти его в Москву (эта группа при председателе ОГПУ, а затем при наркоме внутренних дел была создана в 1929 г. для диверсионной деятельности на военно-стратегических объектах противников Советского Союза в военное время, она не входила в состав внешней разведки и подчинялась только наркому внутренних дел; длительное время ею руководил Я. И. Серебрянский). Парижской резидентуре было поручено оказывать необходимое содействие группе в работе по архиву. В ноябре 1936 г. этот архив был доставлен в резидентуру и направлен в Москву.

Резидентуры внешней разведки во Франции также вели активную деятельность по добыванию научно-технической, военно-технической и экономической информации. Были получены образцы перспективной военной техники и вооружений. Направляемые в Центр материалы высоко оценивались соответствующими наркоматами.

С началом гражданской войны в Испании в июле 1936 г. указанные резидентуры активно подключились к решению оперативных задач, связанных с борьбой против испанских профашистских мятежников и поддерживавших их Германии и Италии. В частности, во Франции вербовалась агентура, имевшая возможности для работы в Испании, которая затем передавалась мадридскому загранаппарату. В сентябре 1936 г. парижская резидентура через своих агентов приобрела во Франции 20 военных самолетов и перебросила их в Барселону для республиканской армии. Вся эта работа тесно координировалась с загранаппаратом внешней разведки в Испании.

Советский Союз после итало-германского вмешательства в гражданскую войну начал оказывать республиканцам необходимую помощь. В результате СССР впервые оказался втянутым в вооруженную борьбу с фашистским блоком. Основная тяжесть ее обеспечения легла на плечи разведывательных служб Советского Союза — внешней и военной разведок.

В сентябре 1936 г. в Мадриде под прикрытием полпредства СССР начала работать легальная резидентура внешней разведки. Одновременно по просьбе испанской стороны при МВД Испании было учреждено представительство НКВД СССР, которое занималось в том числе оказанием партнерам помощи в формировании собственных органов безопасности и организации их деятельности. При непосредственном участии сотрудников представительства испанскими коллегами были созданы служба периферийной разведки (СИЕП), армейская контрразведка (СЕ), закордонная разведка (СИЕЕ), а также организована охрана лидеров компартии Испании.

Главной задачей резидентуры и представительства являлось обеспечение советского руководства разведывательной и контрразведывательной информацией по всем аспектам испанской проблемы, сведениями о закулисных действиях Германии и Италии против Советского Союза. Руководителем представительства и одновременно резидентуры стал А. М. Орлов, его заместителем — Н. И. Эйтингон, помощником — Н. М. Белкин. Была развернута работа по созданию агентурного аппарата. Среди источников, вносивших существенный вклад в добывание секретной информации, особенно по германской проблематике, следует отметить К. Филби. По линии английских СМИ он находился в тот период в Испании. Ему удалось наладить отношения с руководителем резидентуры абвера в Испании, что позволяло получать ценную информацию о деятельности немецкой разведки против республиканского правительства и Советского Союза. Работой Филби в Испании руководил Орлов.

Сотрудники резидентуры занимались также созданием глубоко законспирированного агентурного аппарата на случай войны с Германией. Кандидаты подбирались из числа наиболее надежных и проверенных бойцов интернациональных бригад. Планировалось осуществить их тщательную подготовку в специальной школе в Барселоне и затем направить в интересующие разведку европейские государства на длительное оседание. Активизировать данную агентурную сеть предполагалось только в военное время.

Испанские коллеги оказывали содействие в получении сведений прежде всего из Германии (в частности, о вербовке членов штурмовых отрядов СА и их отправке в Испанию) и Италии. В свою очередь, советская сторона делилась материалами, представлявшими

Б. Я. Базаров

Н. И. Эйтингон

Н. М. Белкин

интерес для испанцев. В условиях вооруженной борьбы большое значение имели контрразведывательные аспекты, в частности меры по вскрытию подрывной деятельности агентуры мятежников и разведок иностранных государств, прямо или косвенно поддерживавших Франко. Представительство и резидентура внешней разведки постоянно помогали испанской контрразведке в организации указанной работы. Так, на основании наших оперативных материалов испанские контрразведчики разгромили резидентуру немецкой разведки, были арестованы агенты английской и французской разведок, собиравшие сведения о республиканской армии.

Работники загранаппарата Л. П. Василевский и И. Г. Старинов занимались подготовкой испанских коллег для борьбы в тылу врага. В этих целях были сформированы шесть специальных школ, которые закончили несколько сотен человек. Их разведывательно-диверсионной деятельностью за линией фронта руководил опытный разведчик Г. С. Сыроежкин. Полученный уникальный опыт был использован нашей разведкой во время Великой Отечественной войны.

Загранаппарату внешней разведки в Испании пришлось вести активную борьбу с троцкистами. Действовавшая в стране троцкистская партия ПОУМ входила в состав республиканского правительства Народного фронта. Ее возглавлял соратник Троцкого А. Нин. В мае 1937 г. он вместе с анархистами поднял в Барселоне вооруженный антиправительственный мятеж. Резидентура через своих агентов в ПОУМ получила упреждающую информацию о готовящемся путче. Вместе с тем республиканскому правительству не удалось предотвратить троцкистское выступление. Оно было подавлено только в ходе упорных боев с участием регулярных частей, снятых с фронта.

После присоединения в ноябре 1936 г. Италии к Антикоминтерновскому пакту Рим рассматривался советским руководством как потенциальный союзник Германии в возможной войне против СССР. Перед внешней разведкой была поставлена задача отслеживания внешнеполитических шагов и планов Италии в отношении Советского Союза, ее совместных с Германией и Японией акций на международной арене, добывания через итальянцев сведений об агрессивных намерениях Германии и Японии против СССР.

Внешняя разведка была представлена в Италии легальной резидентурой, которую с 1933 по 1937 г. возглавлял П. М. Журавлев. Она насчитывала трех сотрудников, включая

Л. П. Василевский

И. Г. Старинов

резидента. Антисоветская пропаганда фашистского режима достаточно эффективно воздействовала на местное население, чем усложняла разведывательную работу. В связи с этим резидентура сделала акцент на привлечение к сотрудничеству источников информации через других агентов, а также от имени третьих стран. В указанных целях использовался Студент, способный журналист с обширными связями в политических и правительственных кругах страны. При его помощи были привлечены к сотрудничеству несколько машинисток важного правительственного учреждения, от которых поступали секретные материалы о внешней политике Италии и Германии. Весьма серьезную роль играл доступ к шифротелеграммам МИД Италии, который обеспечил разведчик-нелегал Д. А. Быстролетов, сумевший добыть шифры и коды данного ведомства. Имелись возможности для получения информации из итальянской разведывательной службы.

Значительных успехов резидентуре удалось добиться в работе по дипломатическим представительствам третьих стран в Риме. Особо оберегаемым источником резидентуры являлся агент Франческо, который работал в канцелярии английского посольства в Риме. Через него резидентура добывала секретную переписку посольства с МИД Англии, в том числе шифротелеграммы. Он передал также некоторые шифры и коды. В итоге стало возможным отслеживание истинных намерений и действий Лондона в отношении Германии и Италии, переговоров англичан с Гитлером и Муссолини, подходов к отношениям с Советским Союзом. Большой интерес представляли сведения по Италии, Германии и другим странам, которые добывали англичане.

Центр высоко оценивал материалы Франческо: «Всего послано тов. Сталину — 101 документ, среди них протоколы совещаний министра иностранных дел Великобритании Д. Саймона с Гитлером в Берлине, лорда-хранителя печати А. Идена с министром иностранных дел Польши Ю. Беком в Варшаве, Идена с президентом Чехословакии Э. Бенешем в Праге, Идена с Муссолини в Риме»[5]. Для повышения уровня конспирации в работе с Франческо он был передан на связь специально выведенному в Италию разведчику-нелегалу М. М. Аксельроду. Из Швейцарии в нелегальную резидентуру Аксельрода была также переведена агент-нелегал Ли. Она занималась фотографированием материалов, которые передавал Франческо. Однако в 1937 г. в Швейцарии оказался изменником резидент-нелегал И. Порецкий, у которого Ли работала связисткой. В результате предательства в Риме был задержан помощник резидента

П. М. Журавлев

Д. А. Быстролетов

М. М. Аксельрод

И. А. Марков, а П. М. Журавлеву и М. М. Аксельроду пришлось покинуть страну. Работа с основными источниками, включая Франческо, была временно прекращена.

В начале 1930-х гг. советское руководство не рассматривало Соединенные Штаты в качестве противника, прямо угрожавшего безопасности страны. В условиях ускоренной индустриализации Советского Союза значительный интерес представляли прежде всего научно-технические достижения США, их передовые технологии развертывания массового производства, новинки в сфере военной техники и вооружений. Поэтому научно-техническое и экономическое направления разведывательной деятельности были главными в работе по данной стране. После установления дипломатических отношений с США внешняя разведка располагала прикрытиями в полпредстве в Вашингтоне, генконсульствах в Нью-Йорке и Сан-Франциско и консульстве в Номе (Аляска), где были развернуты легальные резидентуры.

Вместе с тем обострение международной ситуации после прихода Гитлера к власти в Германии, а также эскалация военных действий японцев на Дальнем Востоке побуждали советское руководство уделять все больше внимания военно-стратегическим аспектам политики США на мировой арене. В частности, Москву интересовали подходы американцев к отношениям с Германией и Японией, участие Вашингтона в антисоветских планах и мероприятиях Англии. Постоянное освещение секретных сторон указанных вопросов в качестве приоритетных задач возлагалось на резидентуры внешней разведки в США. В 1933 г. легальную резидентуру в Вашингтоне возглавлял П. Д. Гутцайт, а нелегальной руководил Б. Я. Базаров. Разведчики сумели создать эффективный агентурный аппарат, через который добывалась ценная информация из окружения президента, конгресса, госдепартамента, министерства обороны, спецслужб, деловых кругов.

От источника в сенате США резидентура получала важные закрытые материалы об участии американских концернов в воссоздании военной промышленности Германии, о достижениях немцев в военно-технической области, а также сообщения американских военного и торгового атташе в Берлине по широкому кругу военно-политических и торгово-экономических вопросов. Через агента в американском конгрессе добывалась информация о деятельности германских учреждений и пронемецких фашистских организаций в США, в том числе так называемой Русской фашистской партии. Важную помощь в освещении германской политики в Европе и США оказывал агент в немецком консульстве в Нью-Йорке,

который располагал также сведениями о деятельности нацистской разведки на Американском континенте. Следует отметить разведывательную работу в США крупного агента внешней разведки под псевдонимом Звук. Имея обширные связи в левых антифашистских кругах США, он создал многочисленную сеть для сбора интересовавшей Москву информации, оказывал эффективное содействие резидентуре в подборе кандидатов на вербовку и в добывании необходимых личных документов для нелегалов.

В рассматриваемый период враждебные по отношению к СССР позиции занимало польское руководство во главе с Ю. Пилсудским. Вынашивалась идея продвижения границ Польши на восток за счет территорий Советского Союза, главным образом Советской Украины. Польские спецслужбы вели активную разведывательно-подрывную работу против СССР, в которую поляки настойчиво втягивали белоэмигрантские и националистические антисоветские организации. Масштабы антисоветской деятельности Польши выходили далеко за пределы Восточно-Европейского региона и простирались до Кавказа и Средней Азии. Ставка делалась не только на военные формы сокрушения СССР, но и на разжигание националистических распрей в стране. В 1937 г. варшавская резидентура добыла документ польского генштаба, в котором подобные устремления были изложены в концентрированном виде[6]. В качестве одного из наиболее эффективных средств выделялось всемерное разжигание национализма среди народов, входящих в состав СССР, особенно среди молодежи. Ставилась задача внедрить в их сознание необходимость «расчленения Советской империи» на отдельные национальные государства[7].

После прихода Гитлера к власти польская верхушка ошибочно посчитала нацистскую Германию надежным союзником, на которого можно было опереться в реализации указанных планов. Подобные расчеты Берлин всячески поощрял до тех пор, пока ему это было выгодно. В данной ситуации вскрытие тайных пружин складывавшегося польско-германского сотрудничества на антисоветской основе являлось одной из приоритетных задач резидентуры внешней разведки в Польше. Легальная резидентура в Варшаве под руководством К. П. Романчука, а с 1936 г. — Д. Г. Федичкина прилагала активные усилия для создания соответствующих агентурных позиций. В результате удалось приобрести информированные источники в МИДе, МВД и генштабе Польши. Через них было налажено получение секретных документов польского правительства, что позволило тщательно отслеживать все неафишируемые аспекты политики Варшавы по отношению к Германии, ведущим западным государствам и СССР.

Финляндия, располагая почти тысячекилометровой границей с Советским Союзом, которая практически вплотную подступала к Ленинграду, являлась выгодным плацдармом для проведения разведывательно-подрывной деятельности и прямой военной интервенции в отношении СССР. Этот северный сосед формально придерживался политики нейтралитета, однако с приходом к власти в Германии фашистов и усилением агрессивности Берлина в Европе Финляндия стала объектом повышенного интереса со стороны немцев. Гитлера привлекало прежде всего удобное с точки зрения нападения на Советский Союз географическое положение Финляндии.

Согласно полученным внешней разведкой данным, Гитлер рассчитывал на то, что Финляндию удастся перевести в кильватер немецкой политики путем оказания соответствующего давления на ее руководство. Впрочем, у него был в запасе и вариант ввода в страну немецкого экспедиционного корпуса. В 1935 г. в Финляндии побывали делегация генштаба сухопутных войск Германии, а затем глава немецкой военной разведки (абвера) адмирал В. Канарис. Как стало известно внешней разведке, были согласованы вопросы активизации сотрудничества в военной и разведывательной областях. В 1937 г. финский президент П. Свинхувуд во время визита в Берлин заявил, что противник Советского Союза всегда будет другом Финляндии. Таким образом, наметилась отчетливая тенденция к укреплению сотрудничества с Германией, активизировалось проникновение немцев в Финляндию. По полученным внешней разведкой данным, вся таможенная портовая администрация стратегически важных Аландских островов была укомплектована немцами.

К. П. Романчук

Д. Г. Федичкин

Легальная резидентура в Хельсинки своевременно информировала Центр об этих процессах. Сведения добывались через источники, которые были приобретены в парламенте, государственном аппарате, армии, политических партиях, среди творческой интеллигенции и в белоэмигрантской среде. Ситуация в Финляндии на фоне ее наметившегося сближения с Германией вызывала озабоченность советского руководства. Материалы резидентуры по данным вопросам были востребованными и получали положительную оценку. Работой резидентуры до 1935 г. руководил Г. И. Бржозовский, а с 1935 г. — Б. А. Рыбкин.

Внешняя разведка располагала сведениями о том, что Эстония, Латвия и Литва рассматривались нацистской Германией как удобное предполье для нападения на Советский Союз. Находясь на маршруте предстоящего движения немецких войск, они представляли для Берлина важный элемент будущего театра военных действий. В этих целях немцы развернули активную работу по втягиванию Прибалтийских государств в орбиту своего влияния. Оказывалось, в частности, мощное экономическое и политическое воздействие, продвигались варианты торгово-экономического сотрудничества на выгодных для прибалтов условиях, что прочно привязывало их к немецким концернам. Параллельно под прикрытием расширения деловых связей наращивалась немецкая колония в данных странах. В ней велась работа по созданию профашистских организаций. Нацистские разведслужбы развернули в Прибалтике активную деятельность, которая координировалась из разведцентра в Кёнигсберге. В 1937 и 1938 гг. Эстонию посещал Канарис для расширения сотрудничества с эстонской военной разведкой.

Во главе Прибалтийских государств стояли в основном пронемецки настроенные политики. Они считали войну Германии с СССР неизбежной, как и оккупацию в этом случае своих государств немцами. Согласно полученным внешней разведкой в 1936 г. материалам, ряд эстонских руководителей смирился с такой перспективой и занялся переводом государственных предприятий в частные руки. Ставилась цель формирования крупных частных капиталов, которыми после войны можно было бы воспользоваться для сохранения нации. В данных условиях легальные резидентуры в Прибалтийских странах решали задачи по

Г. И. Бржозовский

Б. А. Рыбкин

выявлению конкретных мероприятий, способствовавших германскому проникновению в Прибалтику и вовлечению ее в сферу влияния Берлина. Принимались меры по противодействию активности немецкой разведки в регионе и использованию прибалтийского плацдарма для разведывательно-подрывной работы против СССР.

В Латвии внешняя разведка располагала резидентурой во главе с С. А. Родителевым (1935–1937) и И. А. Чичаевым (с 1938 г.). В Эстонии резидентуру возглавляли И. А. Чичаев (1935–1936) и С. И. Ермаков (с 1937 г.). В Литве резидентурой руководил С. А. Родителев (1938–1939). Латвийская резидентура имела ценный источник — Печатника, который являлся сотрудником разведцентра абвера в Кёнигсберге. Через него добывалась информация об активности немецкой разведки в Прибалтике, представлявшая существенный интерес. Литовская резидентура приобрела ценных агентов Дайниса и Люкса, располагавших позициями в секретариате гауляйтера Восточной Пруссии Э. Коха. Указанные источники передавали важные сведения о военно-политических планах немцев как в отношении Прибалтики, так и Советского Союза. Резидентура в Эстонии внедрила агентуру в государственные структуры страны и местную немецкую общину, что также позволяло отслеживать политику Берлина в регионе.

Приведенные далеко не исчерпывающие сведения позволяют сделать обоснованный вывод о том, что на рубеже 1937 г. внешней разведке удалось создать эффективный агентурный аппарат как в самой Германии, так и в странах, где имелась важная информация о политике и планах Берлина. Вполне оправдалась тактика скоординированного использования в указанных целях легальных и нелегальных позиций. Были обеспечены предпосылки для дальнейшего наращивания агентурных возможностей в Германии. Существенные заделы формировались для бесперебойного ведения разведывательной работы на случай войны. Успешно решалась одна из наиболее сложных для любой разведки задач — доступа к особо охраняемой шифропереписке представляющих интерес государств.

Значительный вклад в приобретение ценных источников по германской проблематике внесла нелегальная разведка. Блестящих результатов добились выдающиеся разведчики-нелегалы: А. Г. Дейч, Т. С. Малли, М. М. Аксельрод, Д. А. Быстролетов, В. М. Зарубин,

Е. Ю. Зарубина, Ф. К. Парпаров, Б. Я. Базаров. В некоторых исторических исследованиях первую половину 1930-х гг. в работе внешней разведки называют «эпохой великих нелегалов». С этим трудно не согласиться. Эффективная работа внешней разведки тех лет неразрывно связана с именем А. Х. Артузова — талантливого руководителя и разносторонне одаренного человека, возглавлявшего ИНО с 1931 по 1935 г.

Рассмотренные агентурные возможности позволяли внешней разведке обеспечивать руководство нашей страны достаточно полной и разносторонней информацией по всем основным аспектам политики Германии. Не будет преувеличением сказать, что Москва тогда была в курсе закулисной стороны всех наиболее важных переговоров лидеров западных стран с Гитлером. Причем такие сведения имели в своей массе достоверный характер, то есть содержались в добытых секретных документах или перехваченных шифротелеграммах.

В своей совокупности они составляли достаточно полную картину истинных стратегических устремлений Гитлера. Четко прорисовывалась тщательно скрываемая извечная цель германского милитаризма — уничтожение России как мощного славянского государства, захват ее территории и богатых сырьевых ресурсов. Собственно говоря, для этого германские концерны и привели Гитлера к власти. В начале главы уже упоминались прямые, без всяких пропагандистских увертон, требования относительно колонизации России нацистского министра экономики Гугенберга, который неосмотрительно раскрыл их раньше времени. Достаточно четко от имени Гитлера мысль о необходимости борьбы с Россией выразил также «наци № 2» Г. Геринг в доверительной беседе с польским маршалом Э. Рыдз-Смиглы 16 ноября 1937 г. Он, в частности, заявил: «Опасность представляет не только большевизм, но и Россия как таковая, независимо от того, существует ли в ней монархический, либеральный или другой какой-нибудь строй»[8]. Запись беседы была добыта варшавской резидентурой и направлена И. В. Сталину и В. М. Молотову.

Докладывавшиеся внешней разведкой документальные материалы свидетельствовали о том, что Гитлер последовательно создавал необходимые геополитические и военно-экономические условия для похода на Восток. Были получены конкретные сведения о планах перевооружения германской армии на самой современной технической основе и придании ей четко выраженного наступательного характера. Среди добытых на эту тему материалов особую ценность представлял полученный берлинской резидентурой от Брайтенбаха совершенно секретный документ «Об организации национальной обороны Германии» от 1937 г.

Фюрер прилагал усилия для сколачивания блока союзников с последующим задействованием их военно-экономических ресурсов в собственных целях. В 1934 г. из Рима поступила информация о налаживании тесных отношений между Германией и Японией и их подготовке к войне с Советским Союзом. Гитлер пытался также договориться с Англией о поддержке его агрессивных планов на Востоке или, по крайней мере, добиться от нее невмешательства. Сведения, которые добывала внешняя разведка, показывали, что английской правящей элите были не чужды устремления Гитлера. Главное для нее заключалось в том, чтобы путем несущественных, с точки зрения интересов Англии, уступок переключить внимание и агрессивную энергию Гитлера на Восток.

Так, в 1935 г. внешняя разведка смогла получить протоколы англо-германских переговоров, которые вели 25–26 марта 1935 г. в Берлине министр иностранных дел Англии Д. Саймон и лорд-хранитель печати А. Иден. В ходе их доверительных бесед с Гитлером закладывались основы политики «умиротворения» Германии. Естественно, что фюрера в первую очередь интересовало отношение англичан к его перспективным планам войны с Россией. Гитлер, в частности, заявил, что он «твердо убежден: в один прекрасный день это сотрудничество и эта солидарность окажутся срочно необходимыми для защиты Европы против азиатской и большевистской опасности», и он считал, что «Россия видит в Германии борца Европы против этой опасности»[9].

Если отбросить дипломатические формулировки, то остается «твердое убеждение» Гитлера, что война с Россией будет. В такой войне он видел свою роль в качестве главного защитника всей Европы от российской опасности (ссылка на то, что таковым его якобы

С. А. Родителев

С. И. Ермаков

«считает Россия», использована, чтобы плавно ввести в разговор претензию Гитлера на лидерство в Европе в сфере вооруженной «борьбы с большевизмом»). Не менее важно было для Гитлера узнать, может ли он при подобном развитии событий рассчитывать на солидарность Европы, то есть прямое участие, поддержку или, по крайней мере, невмешательство ведущих европейских государств, в первую очередь Англии. Между прочим он намекнул, что особо с этим делом тянуть нежелательно, поскольку уже через каких-то десять лет Россию победить будет весьма трудно. Молчаливого согласия английских партнеров с его рассуждениями было для Гитлера достаточно.

Немцев также интересовала позиция англичан относительно перспективы дальнейших уступок агрессивным притязаниям Германии. В ответ Д. Саймон подчеркнул, что «британское население... не настроено антигермански; можно на этот счет привести примеры относительно репараций, эвакуации Прирейнской области, декларации о равенстве в правах и об урегулировании саарской проблемы... Британский народ прекрасно понимает Германию, и именно поэтому он так стремится к тому, чтобы найти какую-нибудь базу для сотрудничества с ней на основе подлинного равенства»[10]. Другими словами, была поддержана линия Германии на окончательное отбрасывание Версальской системы и устранение связанных с ней «несправедливостей» для немцев, после чего с ними можно было бы сотрудничать на равноправной основе.

Относительно планируемого захвата Гитлером независимой европейской страны Австрии Саймон выразился в том плане, что «правительство Его Величества не может относиться к Австрии так же, как, например, к Бельгии, то есть к стране, находящейся в самом близком соседстве с Великобританией». Если перевести это с дипломатического языка, то сказанное означало, что Англия не будет возражать против аншлюса Австрии. Недаром Гитлер сразу же заявил, что «с такой мыслью он может полностью согласиться»[11] (в 1936 г. венская резидентура внешней разведки добыла упреждающую документальную информацию о практической подготовке аншлюса Австрии)[12].

В заключение переговоров Гитлер «выразил свою благодарность британскому правительству за его лояльные усилия в вопросе о саарском плебисците и по всем другим вопросам, в которых оно заняло такую великодушную позицию по отношению к Германии»[13]. Для совет-

ского руководства данный документ не оставлял сомнений в том, что по главным вопросам, прежде всего касающимся СССР, у сторон не возникло принципиальных разногласий.

В 1935 г. внешняя разведка получила информацию о переговорах Геринга в Варшаве с польским руководством. Стороны договорились о том, что Польша поддержит Германию в вопросах о снятии с немцев всех ограничений на вооружение, а также об аншлюсе Австрии. Берлин, в свою очередь, поможет Варшаве в удовлетворении ее территориальных притязаний относительно Украины. Были согласованы совместные шаги по противодействию усилению влияния СССР на европейские дела. Идя на поводу у Германии, поляки 20 апреля 1935 г. пригрозили румынам разорвать польско-румынский союз, если Бухарест не возьмет курс на сближение с Германией[14].

Подобная активность немцев и их сателлитов в странах, непосредственно граничивших с Советским Союзом, не могла не вызывать озабоченности у Москвы, поскольку через территорию данных стран лежал кратчайший путь для возможной немецкой агрессии. Поступавшая из резидентур внешней разведки информация вскрывала некоторые этапы военной подготовки к вооруженной экспансии на Восток, попытки найти наиболее приемлемые варианты нападения на Советский Союз. Так, в начале 1937 г. были получены сведения о том, что в ноябре 1936 г. состоялось совещание высшего политического и военного руководства Германии, на котором обсуждались планы Восточного похода вермахта. Участники совещания пришли к выводу, что окончательного решения относительно Восточной кампании не будет найдено, пока нет базы для операций в Восточной Польше. Таким образом, внешняя разведка установила, что одним из важных признаков непосредственной подготовки к нападению на СССР станет захват Польши.

В 1937 г. внешней разведке удалось добыть аналитический документ германского генералитета, в котором подводились итоги ряда штабных игр, посвященных определению необходимых условий для успешного ведения войны с Советским Союзом. В нем, в частности, был сделан вывод о том, что войну с Россией можно выиграть только при условии молниеносной кампании, временные рамки которой не превышают двух месяцев. При этом в течение первого месяца следовало взять Москву, Ленинград и Киев, а главные силы Красной армии разгромить в приграничных сражениях. Большинство из этих условий было учтено немецкими генералами при разработке плана войны против СССР, известного как «Барбаросса».

Для советского руководства весьма важно было знать, какую позицию займет правительство США в случае нападения немцев на СССР. От этого могло зависеть поведение многих европейских стран, включая Англию. В 1937 г. нью-йоркская резидентура смогла получить информацию о заседании правительства США, на котором президент Ф. Рузвельт сообщил о результатах своих переговоров со специальным представителем английского премьер-министра С. Болдуина лордом У. Рэнсименом. В материалах содержались ответы на многие интересовавшие Москву вопросы: так, по мнению английского руководства, война в Европе должна была начаться не позднее 1938 г.; если получение военных материалов из США не представится возможным (из-за нейтралитета США), то необходимо было немедленно начать постройку больших заводов в Англии, Франции и Чехословакии; Англия уже строила два крупных военных завода.

Возникает закономерное удивление по поводу осведомленности английского правительства относительно сроков предстоящей мировой войны. Следовательно, у советского руководства не могло не возникнуть предположения о наличии у Лондона определенных договоренностей с Гитлером на этот счет. Перечисление Рэнсименом стран, в которых требовалось построить военные заводы, означало, что на их территории, по оценке англичан, военных действий не будет. В таком случае из крупных держав в Европе, которые могли стать реальной целью агрессии фашистской Германии, оставался Советский Союз. Естественно, данное обстоятельство не прибавляло доверия Москвы к политике Лондона. Как заявил в ходе указанных переговоров Рузвельт, если «вопрос будет стоять о войне, которую вызовет Германия или СССР, то Америка сохранит свой нейтралитет. Если Советский Союз окажется

под угрозой германских, чисто империалистических, то есть территориальных стремлений, тогда вмешаться должны будут европейские государства, и Америка станет на их сторону»[15].

Таким образом, становилось ясно, что Белый дом не будет вмешиваться в военные акции Гитлера, пока они не затронут Англию. Что же касается возможного нападения Гитлера на Советский Союз, то для оказания американской поддержки Москве такое нападение должно было выглядеть в глазах американцев неспровоцированным. Как показали дальнейшие события, Сталин постоянно учитывал позицию Рузвельта в своих военно-политических шагах в Европе.

В предвоенный период вскрылись и некоторые недостатки в разведывательной деятельности. В частности, не все резидентуры обращали достаточное внимание на соблюдение необходимых мер конспирации и безопасности в работе, особенно при организации связи с агентурой и разведчиками-нелегалами. Это приводило в некоторых случаях к болезненным провалам. В агентурный аппарат иногда попадали иностранцы, не имевшие достаточных разведывательных возможностей и превращавшиеся в балласт для разведки.

Серьезным упущением было также недостаточное внимание к подготовке квалифицированных разведывательных кадров. Ощущался дефицит сотрудников, владевших редкими европейскими и восточными языками. В структуре внешней разведки отсутствовало специальное учебное заведение, которое на постоянной основе осуществляло бы подготовку разведчиков.

В 1938 г. резко обострилась международная ситуация, вызванная переходом фашистской Германии к практической реализации своих агрессивных планов в Европе. В марте 1938 г. Гитлер захватил Австрию. Это произошло в рамках все той же политики «умиротворения», с помощью которой западные державы стремились отвести немецкую экспансию от своих границ. 30 сентября 1938 г. на Мюнхенской конференции Англия и Франция фактически передали Гитлеру Чехословакию. 15 марта 1939 г. Гитлер ввел войска в Чехию и превратил Словакию в вассальное государство. 22 марта 1939 г. Германия, угрожая применением силы, отобрала у Литвы Мемельскую область. «Мюнхенцы» ограничились формальными протестами.

Политика косвенной поддержки «мюнхенцами» профашистских мятежников в Испании привела к официальному признанию Англией и Францией франкистского режима 27 февраля 1939 г. Через месяц республиканское правительство пало. 1 сентября 1939 г. Германия напала на Польшу, началась Вторая мировая война. В апреле 1940 г. немцы захватили Данию и Норвегию. К июлю 1940 г. Гитлер разгромил Бельгию, Голландию, Люксембург и Францию. В апреле 1941 г. немецкие войска напали на Грецию и Югославию, установив нацистское господство на Балканах. В распоряжении Гитлера оказались военно-промышленные ресурсы большей части Европы. Война вплотную подошла к советским границам.

В этой чрезвычайно опасной для СССР ситуации от внешней разведки потребовались существенное наращивание активности в работе, мобилизация всех имеющихся агентурных, технических и кадровых возможностей для тщательного отслеживания дальнейших планов и действий нацистской Германии, прежде всего против Советского Союза. Весьма важным являлось также выяснение реального, а не декларативного отношения ведущих мировых держав к расширению немецкой агрессии, их позиций в случае нападения Гитлера на СССР.

Решение указанных приоритетных задач внешняя разведка вынуждена была осуществлять в условиях серьезного осложнения оперативной обстановки в мире. Захват немцами ряда европейских государств привел к сворачиванию в них легальных резидентур. С учетом данного обстоятельства в срочном порядке необходимо было расширять нелегальные резидентуры, передавать им ценную агентуру и налаживать надежную связь с Центром. Это, в свою очередь, предполагало внедрение прежде всего агентурной радиосвязи, поскольку в условиях ограничений военного времени на пересечение границ осуществление связи через курьеров было затруднительным и недостаточно надежным. Возникла острая потребность в дополнительных квалифицированных кадрах разведчиков.

Однако внешняя разведка не избежала массовых репрессий, которым подверглось около 60% личного состава, в первую очередь самые опытные сотрудники. В два раза сократилось число работников, имевших стаж службы в разведке шесть и более лет. Вместе с ними утрачивались уникальный опыт и проверенная на практике методика разведывательной

деятельности. Пришедшие на их место молодые работники, составившие более половины кадров разведки, не обладали необходимой квалификацией и профессиональными навыками. В такой деликатной сфере, как зарубежная разведка, требовалось определенное время для освоения всех ее особенностей, включая свободное владение иностранными языками. С учетом приближавшейся войны не всем молодым разведчикам его хватило.

Вследствие острой нехватки оперативного состава были закрыты или значительно сокращены многие легальные резидентуры. Данное обстоятельство, в свою очередь, привело к временной утрате связи с ценной агентурой. Почти в три раза сократилось число стран, чью шифропереписку удавалось читать. Были ликвидированы многие опытные сотрудники нелегальной разведки.

Вместе с тем и в такой крайне сложной ситуации разведчики мужественно выполняли свой долг. Не было каких-либо массовых явлений «дезертирства», уклонения от выполнения острых и опасных заданий за рубежом. Благодаря убежденности и стойкости своих сотрудников внешняя разведка смогла выстоять и продолжить решение задач по обеспечению безопасности страны накануне неумолимо надвигавшейся войны. Этому способствовало и то, что уцелело главное оружие разведки — ее зарубежный агентурный аппарат. С основной его частью удалось постепенно восстановить связь и наладить поступление необходимой разведывательной информации. Ценная агентура, приобретенная погибшими в ходе репрессий разведчиками, стала их весомым вкладом в дело победы над фашистской Германией.

Во второй половине 1938 г. руководство страны осознало нетерпимость сложившегося положения, когда на фоне резко возросшей потребности в секретной информации из-за рубежа разведка была существенно ослаблена. Ситуацию проанализировали на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) и приняли меры по совершенствованию оперативной деятельности, активизации разведывательной работы за рубежом в политической, научно-технической, экономической и контрразведывательной областях. Разведка была пополнена молодыми кадрами. Главное ее внимание оказалось нацелено на страны оси Берлин — Рим — Токио и их союзников, на политику ведущих западных государств по отношению к фашистскому блоку, их попытки направить гитлеровскую агрессию в сторону СССР.

Подвергся реорганизации 5-й отдел (внешняя разведка) Главного управления госбезопасности (ГУГБ) НКВД СССР. Его штаты были увеличены до 210 человек. В состав 5-го отдела вошли 13 подразделений: из них семь занимались руководством зарубежными резидентурами по географическому принципу, а остальные курировали научно-техническую разведку, работу по антисоветской эмиграции. Разведывательная деятельность по Германии входила в задачи первого отделения. С мая 1935 по февраль 1938 г. внешнюю разведку возглавлял А. А. Слуцкий; с марта по октябрь 1938 г. — З. И. Пассов; с октября по декабрь 1938 г. обязанности начальника 5-го отдела исполнял П. А. Судоплатов; с декабря 1938 по май 1939 г. внешнюю разведку, а также контрразведку курировал заместитель начальника ГУГБ В. Г. Деканозов; в мае 1939 г. начальником 5-го отдела стал П. М. Фитин. Столь частая смена руководства вряд ли способствовала повышению эффективности работы внешней разведки. Были необоснованно репрессированы А. Х. Артузов и З. И. Пассов. А. А. Слуцкий скончался в кабинете М. П. Фриновского, заместителя Н. И. Ежова.

Однако после прихода к руководству 5-м отделом П. М. Фитина ситуация в разведке стабилизировалась. Была развернута активная работа по восстановлению утраченных позиций за рубежом и созданию новых, отвечающих требованиям времени. Успешному решению данных задач способствовало создание в 1938 г. специального учебного заведения разведки — Школы особого назначения (ШОН), приступившей к подготовке квалифицированных кадров. В ШОН большое внимание уделялось практическим аспектам будущей оперативной работы, тщательно изучались иностранные языки и особенности обстановки в иностранных государствах. Первым начальником ШОН был В. Х. Шармазанашвили.

В 1939 г. структура внешней разведки включала в себя 17 отделений и выглядела следующим образом: 1-е — Германия, Венгрия, Дания; 2-е — Польша; 3-е — Франция, Бельгия, Швейцария, Голландия; 4-е — Англия; 5-е — Италия; 6-е — Испания; 7-е — Румыния, Бол-

П. А. Судоплатов

П. М. Фитин

гария, Югославия, Греция; 8-е — Финляндия, Швеция, Голландия; 9-е — Латвия, Эстония, Литва; 10-е — США, Канада, Южная Америка, Мексика; 11-е — Япония, Маньчжурия; 12-е — Монголия, Тува; 13-е — Китай, Синьцзян; 14-е — Турция, Иран, Афганистан; 15-е — техническая разведка; 16-е — оперативная техника; 17-е — визы[16].

В феврале 1941 г. система органов госбезопасности была подвергнута новой реорганизации. В частности, на базе Народного комиссариата внутренних дел были созданы два ведомства: НКВД и Народный комиссариат государственной безопасности (НКГБ). Руководителем НКГБ был назначен В. Н. Меркулов. Л. П. Берия возглавил НКВД, кроме того, как заместитель председателя Совета народных комиссаров СССР он курировал работу НКВД и НКГБ. Внешняя разведка вошла в НКГБ в качестве его 1-го управления, а его начальником остался П. М. Фитин. Штат центрального аппарата составляли около 240 человек. На местах были созданы управления НКГБ, в которых имелись разведывательные отделы, подчинявшиеся по оперативным вопросам внешней разведке.

Большое внимание руководство внешней разведки обращало на восстановление разведывательной работы в Германии (нелегальная резидентура в период репрессий перестала существовать). В 1937–1938 гг. берлинская легальная резидентура сократилась до трех человек. Резидент А. И. Агаянц как наиболее опытный разведчик взял на себя работу с ценной агентурой, однако в декабре 1938 г. он скоропостижно скончался, и до сентября 1939 г. резидентура оставалась без руководителя. Связь с ценными источниками была прекращена.

В 1939 г. берлинская резидентура была усилена оперативными сотрудниками и стала насчитывать около 10 человек. В качестве резидента в Берлин направили А. З. Кобулова, который, однако, не имел никакого опыта работы в разведке и не владел немецким языком. Данную ответственную должность он получил не без помощи своего старшего брата Б. З. Кобулова, заместителя наркома внутренних дел Л. П. Берии. Учитывая отсутствие у нового резидента необходимой профессиональной квалификации, руководство НКГБ запретило ему встречи с ценной агентурой. Через некоторое время в качестве заместителя к нему был направлен опытный разведчик А. М. Коротков, который взял на себя работу с ценными источниками. Он восстановил связь с этой агентурой и наладил ее эффективное использо-

вание. В частности, возобновился контакт с Брайтенбахом, Корсиканцем, Эльзой и другими. Среди них по своим разведывательным возможностям выделялся Корсиканец, имевший не только прямой доступ к материалам оборонных секторов военной промышленности Германии, но и информированные связи в верховном командовании сухопутных сил, комитете по четырехлетнему плану милитаризации экономики, концерне «ИГ Фарбениндустри» и т. д. Данное обстоятельство позволяло резидентуре через Корсиканца отслеживать основные мероприятия германского руководства по подготовке нападения на СССР.

В марте 1941 г. Коротков установил агентурные отношения со Старшиной, соратником Корсиканца по антифашистской деятельности. Старшина (начальник разведывательного реферата штаба германской авиации) в силу служебных обязанностей имел непосредственный доступ к документам, касавшимся разведывательных операций немцев по подготовке к войне с Советским Союзом. Важные данные он получал в беседах с сослуживцами и иными своими связями. К числу наиболее интересных из них следует отнести Шведа, личного адъютанта командующего германскими войсками на Балканах фельдмаршала В. фон Листа, а также полковника авиации Э. Гертса, разделявшего антифашистские взгляды Старшины и снабжавшего его актуальной секретной информацией из руководящих военных структур. На почве негативного отношения к нацистской диктатуре Старшине в сборе военно-политических сведений активно помогал также Г. Вайзенборн, редактор немецкого радио, располагавший контактами в правительственных и журналистских кругах Германии.

Использование ценной агентуры привело к существенному расширению объема добываемой важной информации о военных приготовлениях Германии. Ее все более тревожный характер побудил Центр направить 10 апреля 1941 г. в берлинскую резидентуру указание об активизации работы по данной проблеме. Предлагалось принять меры по максимальному задействованию всех имевшихся возможностей и их расширению. Сотрудники резидентуры предпринимали необходимые шаги для выполнения данного указания, однако в оставшиеся до начала Великой Отечественной войны два месяца приобрести новых ценных источников информации, кроме Старшины, не удалось.

В работе по расширению агентурного аппарата имелись и просчеты, связанные с неуместной активностью А. З. Кобулова. Будучи человеком своенравным и честолюбивым, он поспешил без необходимой проверки завербовать агента Лицеиста. Вновь испеченный источник сообщил об этом немецкой контрразведке и работал далее под ее контролем, передавая Кобулову дезинформационные сведения.

Лицеист — латышский эмигрант, недоучившийся студент без постоянных средств к существованию, перебивавшийся случайными журналистскими заработками и не располагавший доступом к секретным сведениям. Полезность подобного «приобретения» вызывала серьезные сомнения в Центре. Кураторы берлинской резидентуры в центральном аппарате разведки рекомендовали Кобулову не спешить, проявлять больше осторожности и прежде всего тщательно проверить Лицеиста, тем более что некоторые рассказы иностранца о его деятельности в Латвии не подтвердились.

В одном из писем в резидентуру Центр подчеркнул, что сообщения Лицеиста ничем не отличаются от информации обычного журналиста, например советского, их можно получить официально у любых других журналистов, то есть в них не было ничего секретного. Кроме того, как отметил Центр, Лицеист черпал свою информацию у лиц, «предназначенных германским государственным аппаратом для «питания» прессы»[17]. Другими словами, Центр давал понять, что материалы агента представляют собой изложение выгодных немцам сведений.

Данные факты показывают несостоятельность утверждений в некоторых исторических изданиях о том, что внешняя разведка якобы проявляла беспечность и полностью доверяла информации Лицеиста. Серьезным преувеличением являются и попытки сделать из него некую демоническую фигуру, которая якобы сыграла важную роль в катастрофическом развитии событий в июне 1941 г. Это не соответствует действительности еще и потому, что передаваемые Лицеистом сведения опровергались надежной информацией, поступавшей от ценной агентуры, и не только из Германии.

А. М. Коротков

Х. Шульце-Бойзен (Старшина)

Леман (Брайтенбах)

А. Харнак (Корсиканец)

К сожалению, А. З. Кобулову, который опирался на свои высокопоставленные связи в Москве, удавалось игнорировать справедливые замечания Центра. Эпизод с Кобуловым заслуживает упоминания прежде всего как убедительный пример той опасности, которую представляют для разведки попавшие в ее ряды случайные люди.

По указанию Центра много времени и внимания сотрудники берлинской резидентуры уделяли подготовке агентурной сети к работе в военных условиях. Из групп Корсиканца и Старшины предполагалось создать нелегальные резидентуры, имеющие самостоятельную радиосвязь с Центром. Данные мероприятия свидетельствовали о том, что руководство внешней разведки исходило из неизбежности войны с Германией в ближайшее время. Оно также справедливо полагало, что внешняя разведка сможет успешно действовать в Германии после начала войны только с нелегальных позиций. Однако меры по развертыванию такой работы серьезно запоздали. Например, при подборе кандидатов из числа местной агентуры на роль радистов-шифровальщиков резидентура столкнулась с существенными трудностями, поскольку приходилось использовать в этих целях недостаточно подготовленных людей. Сами сотрудники не располагали необходимыми практическими навыками в сфере организации дальней агентурной радиосвязи. Приезд специалиста по данным вопросам из Центра затягивался. Радиостанции поступили в резидентуру только в мае 1941 г. В итоге времени на основательное обучение и практическую проверку навыков бесперебойной связи у агентов-радистов уже не хватило.

Тем не менее, несмотря на указанные трудности и просчеты, внешней разведке удалось активизировать работу агентурного аппарата в Германии. Это позволило, особенно в последние предвоенные месяцы, значительно расширить добывание разносторонней информации о подготовке нападения на СССР. Направлявшиеся в Центр материалы свидетельствовали о неминуемости германского вторжения в ближайшее время.

Рассматривая деятельность внешней разведки в 1938–1941 гг., нельзя пройти мимо событий в Испании. Мадридской резидентуре и разведке в целом был нанесен существенный ущерб в результате бегства в США в 1938 г. резидента Орлова с семьей. В письме на имя наркома внутренних дел Ежова он объяснил свой поступок опасениями, что будет репрессирован, как это случилось со многими его коллегами, вызванными в Центр из-за рубежа. Орлов пообещал не раскрывать иностранным разведкам известную ему агентурную сеть в Испании и других странах, если его не будут преследовать. В целях локализации негативных последствий предательства Орлова была приостановлена работа с ценной агентурой в ряде стран, в том числе с «Кембриджской пятеркой» в Англии. Прекратилась подготовка из числа бойцов интернациональных бригад агентов длительного оседания на случай войны с Германией. Таких источников очень не хватало внешней разведке во время войны.

Назначенный вместо Орлова Н. И. Эйтингон приложил немало усилий для стабилизации обстановки в резидентуре и нормализации ее оперативной деятельности. Он внес существенный вклад в дело продолжения работы «Кембриджской пятерки». Свою позицию он аргументировал перед Центром тем, что Орлову невыгодно рекламировать свою принадлежность к НКВД, так как он организовывал некоторые акции, которые западные спецслужбы вряд ли ему простят. Как выяснилось позднее, Эйтингон оказался прав, и разоблачения агентуры, известной Орлову, не произошло.

Итоги испанской войны показали, что Советский Союз был тогда недостаточно силен, чтобы победить блок фашистских государств при их косвенной поддержке ведущими западными державами. В связи с этим во всей остроте определилась главная проблема для советского руководства — не допустить возникновения такого положения, когда Советскому Союзу пришлось бы в одиночку сражаться с Германией и ее союзниками при испанском варианте «нейтралитета» западных государств. Многое в данном вопросе зависело от позиции Англии, которая во второй половине 1930-х гг. играла ведущую роль в европейских делах. В то же время близорукая позиция правительства Н. Чемберлена по «умиротворению» Гитлера за счет Восточной Европы и СССР серьезно беспокоила советское руководство. Необходимо было не просмотреть сговора Лондона и Берлина против Советского Союза. Кроме того,

тесная вовлеченность Лондона в закулисные контакты с Берлином открывала возможность для получения через английские источники информации непосредственно по Германии.

Указанные задачи стали важнейшими для лондонской резидентуры внешней разведки. Вместе с тем в ходе репрессий ее позиции в стране были существенно ослаблены. В частности, с осени 1938 г. она состояла из одного сотрудника А. В. Горского. Он работал с 15 агентами, включая «Кембриджскую пятерку». В феврале 1940 г. резидентура была закрыта, и Горский отозван в Москву. Причиной стали опасения по поводу того, что источников резидентуры мог выдать один из перебежчиков. Горский не смирился с таким решением и упорно доказывал необходимость продолжения работы с ценными агентами. В итоге ему удалось отстоять свою позицию, и в ноябре 1940 г. он возвратился в Лондон уже в качестве резидента. На помощь ему Центр вскоре направил еще трех сотрудников. Благодаря настойчивой работе разведчиков была восстановлена и расширена деятельность агентурного аппарата, нацеленного на сбор секретных сведений, прежде всего по германской проблематике.

Особую ценность имела активизация работы с «Кембриджской пятеркой». Один из входивших в нее источников — Дж. Кернкросс получил доступ к сверхсекретному проекту англичан «Ультра», направленному на вскрытие немецких шифров с использованием добытой английскими спецслужбами германской шифровальной машины «Энигма». В результате в Центр стали поступать документальные материалы, раскрывавшие конкретные планы Гитлера по подготовке нападения на СССР. Их добывали также агенты, имевшие доступ к особо оберегаемым сведениям английского кабинета министров, министерства иностранных дел, разведки и контрразведки. Об их важности свидетельствовало и то обстоятельство, что подавляющее большинство документов докладывалось лично И. В. Сталину и В. М. Молотову. Таким образом, накануне войны лондонская резидентура вместе с берлинской стали основными в деле обеспечения советского руководства достоверной информацией о военных приготовлениях Германии.

Кроме данного направления работы лондонская резидентура внимательно отслеживала также маневры английского правительства по «умиротворению» Гитлера. В Центр была доложена важная информация о подготовке так называемого Мюнхенского соглашения с Гитлером по расчленению Чехословакии и его вероятных последствиях для нашей страны. В материалах о состоявшихся 28–29 апреля 1939 г. переговорах в Лондоне Н. Чемберлена с Э. Даладье излагался сценарий будущей мюнхенской сделки.

В 1970-х гг. известный американский историк и крупный ученый в области теории цивилизаций К. Куигли издал книгу, в которой опубликовал сенсационные для западного читателя материалы о предвоенной политике Англии, обнаруженные им в архиве американского Совета по международным отношениям. К их числу относился секретный документ о британской позиции на переговорах с Гитлером, состоявшей из следующих семи пунктов:

1. Гитлеровская Германия является главной защитой от распространения коммунизма в Европе;

2. Четырехсторонний пакт между Британией, Францией, Германией и Италией, консолидирующий англо-французскую Антанту и ось Рим — Берлин и исключающий любое русское влияние, является целью, к которой Британия стремится как к основанию стабильной Европы;

3. Британия не будет возражать против немецкого приобретения Австрии, Чехословакии и Данцига;

4. Германия не должна использовать силу для достижения этих целей, так как это развяжет войну, в которую общественное мнение подтолкнет Великобританию;

5. Желательно соглашение с Германией, ограничивающее число и использование бомбардировщиков;

6. Великобритания могла бы передать Германии определенные (португальские и бельгийские) африканские колонии, если Германия проявит сотрудничество в вышеперечисленном;

7. Британия окажет давление на Чехословакию и Польшу, дабы добиться результатов переговоров, устраивающих Германию[18].

Как пишет К. Куигли, еще в 1936 г. консервативное правительство Англии пришло к идее стравить Германию и Россию в Восточной Европе. В этом случае оба противника либо обескровили бы друг друга, либо Германия удовлетворилась бы захваченной нефтью Румынии и пшеницей Украины. Для реализации данных намерений, как подчеркивает Куигли, англичанам необходимо было обеспечить три вещи:

— ликвидировать все страны, стоящие между Германией и Россией;

— предотвратить попытки Франции прийти им на помощь на основе заключенных с ними союзов;

— убедить общественное мнение Англии, что это единственное решение проблем международной напряженности[19].

Приведенные в качестве примера материалы Куигли убедительно отвечают на вопрос о том, кто виновен в развязывании Второй мировой войны.

Что же касается внешней разведки, то она добросовестно информировала советское руководство о закулисных махинациях «мюнхенцев» и Гитлера. Ей не удалось получить приводимый Куигли документ, но его смысл и основное содержание легко просматривались в сведениях, добытых внешней разведкой как в самой Англии, так и в других странах:

— согласно сообщению финского посланника в Лондоне Грипненберга от 25 ноября 1938 г. в свой МИД, один из членов английского правительства рассказал ему в беседе, что «Англия и Франция не будут препятствовать германской экспансии на Восток. Позиция английского правительства такова: «подождем — увидим», пока не возникнет большой конфликт между Германией и СССР»[20];

— этот же посланник ранее доложил в Хельсинки: «27 октября 1938 г. имел беседу с министром иностранных дел Англии лордом Галифаксом. Последний заявил, что английское правительство является сторонником пересмотра Версальского договора. В беседе с другими членами кабинета узнал, что Германия потребовала от Франции и Англии недопущения СССР к участию в проводимой реорганизации Европы. Это требование Англия и Франция приняли и практически осуществляют»[21];

— в документе МИД Франции от января 1938 г. говорилось: «Вопрос заключается в том, чтобы начать переговоры (о «реорганизации Европы». — *Прим. ред.*) и затянуть их с целью выиграть время. Чтобы добиться участия Германии в переговорах, ей следует представить такой план, который будет для нее чрезвычайно выгодным. Отсюда вытекает необходимость не говорить об участии Советского Союза и предлагать ей чрезвычайно заманчивые возможности в отношении кредита и сырья, не настаивая на политических гарантиях»[22];

— в документе МИД Финляндии от января 1938 г. имеется следующая ссылка: «В английском Форин-офисе было указано, что Англия не возражает против передачи колоний (не принадлежащих Англии. — *Прим. ред.*) другим (имеется в виду Германия. — *Прим. ред.*)»[23];

— в документе от декабря 1938 г. о беседе американского посла Биддля в Варшаве с заместителем министра иностранных дел Польши Я. Шембеком говорилось о том, что посол, в частности, заявил: «В Лондоне (имеется в виду встреча Чемберлена и Даладье в сентябре 1938 г. в Лондоне. — *Прим. ред.*) произошло полное согласование позиции Франции и Англии по основным пунктам программы умиротворения. В Берлине лорду Галифаксу был задан вопрос, не имеет ли его приезд в столицу Германии целью разбить ось Берлин — Рим. Галифакс отрицал это, говоря, что наряду с осью Рим — Берлин существует еще ось Лондон — Париж и что дело сводится к тому, чтобы установить сотрудничество в рамках этого квадрата... В понимании посла дело касается не формального пакта четырех, а разработки четырьмя государствами плана умиротворения Европы, который был бы затем представлен другим государствам... Эта акция осуществляется без СССР, который, несомненно, будет агитировать против этой работы и будет ей противопоставляться»[24];

— согласно шифротелеграмме итальянского МИДа: «Чемберлен и Даладье условились относительно демарша, который следует сделать в Праге, и о предполагаемом демарше в Берлине. Демарш в Праге будет заключаться в совете чехословацкому правительству относительно предоставления национальным германским меньшинствам всех уступок, совместимых

с национальной независимостью. Демарш в Берлине будет иметь целью информировать правительство рейха по существу демарша в Праге и ознакомить с концепцией политики Англии и Франции в отношении чехословацкой проблемы... Британское правительство якобы запросит германское правительство о том, каковы его пожелания в этом отношении, с целью соответствующего направления своей дипломатической акции в Праге»[25];

— согласно сообщению финского посольства в Риге от 17 октября 1938 г.: «Францию (после Мюнхена. — *Прим. ред.*) нельзя более принимать в расчет как решающую силу при попытках этих (малых. — *Прим. ред.*) стран к укреплению своей безопасности... Франция опустилась до уровня второстепенного государства, «гарантии» и обещания о помощи которого ничего не значат... Лишний раз стало яснее ясного, что восточноевропейские дела и сохранение статус-кво на восток от германских границ отнюдь не интересуют Англию настолько, чтобы от нее в случае нужды можно было ожидать какой бы то ни было действенной помощи. Напротив, говоря об Англии, ссылались на известные горькие слова о том, что Англия, конечно, будет заботиться о сохранении мира, пока малых государств будет достаточно для раздела»[26];

— из записки НКВД СССР от 26 сентября 1938 г.: «Из Нью-Йорка получено сообщение, что Организация государственного возрождения Украины (ОГВУ) направила Гитлеру телеграмму с просьбой о самоопределении украинского Закарпатья в Чехословакии. Активизация украинской контрреволюционной организации, по этим сведениям, проводится по плану, согласованному с Лондоном. Основные моменты плана — отвлечь внимание Германии от английских колоний на создание самостоятельной украинской державы с последующим расчленением Румынии и присоединением к Закарпатью Буковины и Бессарабии»[27];

— 30 августа финский посланник в Риге направил в свой МИД следующее донесение: «На днях эстонский посланник в Риге Ребанэ сообщил, что Германия недавно запросила Эстонию, будет ли она соблюдать нейтралитет в случае войны Германии с СССР. Какой ответ дала Эстония — Ребанэ не сказал»[28].

Располагая данной информацией, Сталин имел полные основания говорить о том, что «немцам отдали районы Чехословакии как цену за обязательство начать войну с Советским Союзом»[29]. Досконально знавший закулисье политики «умиротворения» У. Черчилль весьма метко подвел итог: «Англия должна была выбирать между войной и позором. Ее министры выбрали позор, чтобы затем получить и войну»[30]. Знал, о чем говорил, и президент США Рузвельт, который прислал Чемберлену телеграмму из одного слова: «Молодец!»[31]. Тем более что Швейцария, Голландия и Швеция, обеспокоенные захватом Чехословакии, отправляли свои золотые запасы в США. Если эти вклады европейских государств в американских банках составляли в 1935 г. 8,8 млн долларов, то в 1936 г. они повысились до 94,7 млн, в 1937 г. — до 295 млн и в конце 1938 г. составили 600 млн[32]. Поэтому Рузвельт мог бы с полным основанием послать аналогичную телеграмму и Гитлеру. Указанный выше трансферт золотовалютных средств в США способствовал преодолению кризисных явлений в экономике США.

В напряженной предвоенной обстановке мая 1941 г. настоящей сенсацией прозвучали сообщения о появлении на территории Англии одного из высших руководителей Третьего рейха Рудольфа Гесса. 10 мая 1941 г. Гесс в одиночку совершил перелет в Шотландию на двухместном истребителе «Мессершмитт-110» с немецкого аэродрома в Аугсбурге. Живописные детали этого полета достаточно подробно описаны во множестве статей и книг. Поэтому при рассмотрении данного события вполне оправданно ограничиться только вопросами, раскрывающими существо миссии Гесса, тем более что именно к ним было приковано внимание советского руководства и, следовательно, разведки. Москву, в частности, интересовало, какие предложения он мог привезти англичанам; отражали ли они точку зрения Гитлера; что сообщил Гесс о ближайших планах Берлина, особенно в отношении Советского Союза; как отнеслось британское руководство к германским инициативам.

В связи с тем что Лондон окружил беседы с немцем завесой глубокой тайны и лишь дозировано выпускал расплывчатые комментарии, допускавшие разные толкования, немедленно в большом количестве появились различные гипотезы и интерпретации относительно

дела Гесса. Анализ материалов, полученных внешней разведкой, показывает, что первая информация по Гессу поступила из лондонской резидентуры от К. Филби 14 мая 1941 г. В ней сообщалось, что немец привез с собой мирные предложения[33]. Учитывая важность проблемы, Центр направил в основные резидентуры срочные задания по сбору дополнительных сведений. Источник Юн сообщил из Берлина: «Заведующий американским отделом имперского министерства пропаганды Айзендорф заявил, что Гесс находится в отличном состоянии, вылетел в Англию с определенными заданиями и предложениями от германского правительства». 18 мая 1941 г. Филби добыл более подробные данные о том, что «Гесс прибыл в Англию для заключения компромиссного мира, который должен приостановить увеличивающееся истощение обеих воюющих сторон»[34].

Москва хорошо понимала, что достижение англичанами договоренностей с немцами о мире снимало для Германии угрозу войны на два фронта и освобождало руки для агрессии против СССР. Гитлер уже пытался склонить Лондон к миру в 1940 г., после захвата Франции. Тогда эта инициатива была отвергнута У. Черчиллем. Сейчас фюрер стремился дополнить идею мирного урегулирования предложением о совместном военном союзе против СССР. Этого, как сообщал Филби, и добивался Гесс в контактах с британцами.

Сама по себе идея втягивания СССР в европейскую войну была весьма выгодна Лондону, поскольку отводила вермахт от английских границ далеко на восток и существенно облегчала стратегическое положение Британии. В то же время подписание мирного договора с немцами в 1941 г. и выход Англии из войны (за которым последовало бы невмешательство США) давали Гитлеру, по британским оценкам, неплохой шанс быстро разгромить Советский Союз. В этом случае германская мощь стремительно возросла бы настолько, что Англии пришлось бы распрощаться с ведущей ролью на континенте (и не только там). Подобная перспектива противоречила стратегической линии Англии и США в разраставшемся европейском конфликте. Ее суть наиболее четко выразил американский сенатор, а впоследствии президент США Г. Трумэн: «Если мы увидим, что выигрывает Германия, то нам следует помогать России, а если будет выигрывать Россия, то нам следует помогать Германии, и таким образом, пусть они убивают друг друга как можно больше, хотя я не хочу победы Гитлера ни при каких обстоятельствах»[35]. Последняя фраза не являлась признаком симпатий Трумэна к СССР. Она только отражала тот факт, что в случае быстрой победы Гитлер приобрел бы лидирующие позиции в мире, оттеснив США и Англию на вторые роли. В то же время одной из основных целей англичан и американцев было максимальное ослабление в ходе надвигавшейся войны и Германии, и России, чтобы, продиктовав им свои условия мира, обеспечить англосаксонское доминирование в послевоенной Европе.

Данные соображения подтвердил Филби, сообщивший, «что сейчас время мирных переговоров не наступило»[36]. Сведения о том, что Англия не пойдет в 1941 г. на заключение мира с Германией, были важны для советского руководства. Они вскрывали дезинформационный характер угроз Лондона договориться через Гесса с Берлином за счет Советского Союза о прекращении войны между англичанами и немцами. Такого рода тезисы доводились до Кремля по каналам британских спецслужб с целью предотвращения «нового», более обширного, чем Договор о ненападении 1939 г., соглашения о сотрудничестве между Германией и СССР, которого, как считали в Лондоне, Гитлер якобы добивался от Сталина.

Поскольку перелет Гесса в мире начали трактовать как раскол в руководстве рейха, Гитлер поспешил официально отмежеваться от своего соратника. Он объявил его действия поступком психически неуравновешенного человека, действовавшего на свой страх и риск. Однако берлинская резидентура (агенты Франкфурт и Экстерн) сообщила, что по сведениям, поступившим от генерала из верховного главнокомандования вермахта, «акция Гесса является не бегством, а предпринятой с ведома Гитлера миссией с предложением мира Англии... В случае согласия Лондона Германия сразу выступит против СССР»[37].

В свою очередь, англичане всячески преуменьшали значение контактов с Гессом. Они доводили до общественности тезис о том, что рассматривают его как военнопленного, с которым в установленном порядке занимаются армейские и полицейские чины. Никаких

политических переговоров с Гессом якобы не проводилось, и британские государственные деятели с ним не встречались. Вместе с тем Филби проинформировал, что «Бивербрук и Иден посетили Гесса, но официальными сообщениями это опровергается... Англо-германский союз против СССР.. это именно то, чего хочет добиться Гесс»[38]. Тегеранская резидентура передала содержание беседы нашего агента с британским разведчиком, работавшим в Иране. Англичанин подтвердил факт переговоров с Гессом, в ходе которых были озвучены планы нападения немцев на Советский Союз[39].

Кроме того, внешняя разведка получила сведения, что англичане с помощью предложений Гесса побуждали американцев занять четкую позицию относительно вступления в случае необходимости в войну на стороне Британии. В частности, Лондон дал понять, что при негативном ответе ему придется в практической плоскости рассматривать сигналы Берлина о мире[40].

Таким образом, внешняя разведка в весьма сжатые сроки до начала Великой Отечественной войны смогла выяснить, что полет Гесса не был импровизацией, а осуществлялся по поручению немецкого руководства. Целью немцев было заключение компромиссного мира с Англией и на этой основе военного союза против СССР. Было установлено, что переговоры с Гессом велись на политическом уровне, с участием высокопоставленных английских представителей. В ходе контактов прозвучали планы нападения на СССР.

Основные моменты указанной информации вскоре получили подтверждение в ходе контактов на высоком уровне. В частности, в конце сентября 1941 г. в Москве состоялись переговоры союзников по антигитлеровской коалиции. В них принимали участие И. В. Сталин, посланец У. Черчилля лорд У. Бивербрук и представитель Ф. Рузвельта А. Гарриман. В ходе одной из бесед Сталин поинтересовался у Бивербрука делом Гесса. Британский представитель подтвердил, что встречался с Гессом и получил от немца меморандум объемом в 40–50 страниц, в котором развивался тезис против России. По словам Бивербрука, Гесс прилетел «с чьего-то ведома», однако в Англии его не встретили в условленном месте или не подавали нужных сигналов, поэтому, израсходовав горючее, немец был вынужден приземлиться с парашютом[41].

Внешняя разведка добыла секретный отчет Гарримана, направленный в Вашингтон, о переговорах со Сталиным в Москве. Содержание документа было согласовано Гарриманом с Бивербруком. В нем Гарриман следующим образом излагает часть беседы, касающейся дела Гесса: «Бивербрук согласился с тем, что беседовал с Гессом, который полетел с ведома Гитлера. Гесс рассчитывал с помощью небольшой группы аристократов создать античерчиллевское правительство, которое заключило бы мир с Германией... Затем Германия с помощью Британии напала бы на Россию. Сталин с удовольствием выслушал занимательные и подробные комментарии Бивербрука»[42]. Как видно из отчета, Гарриман без дипломатических уверток прямо назвал вещи своими именами, изложив существо миссии Гесса в том же духе, как это ранее сделала внешняя разведка.

Вместе с тем в довоенный период внешней разведке не удалось вскрыть все стороны дела Гесса. Некоторые подробности были уточнены уже в ходе войны. Так, в октябре 1942 г. доверительный контакт резидента внешней разведки в Лондоне А. В. Горского Ф. Моравец (руководитель чешской военной разведки в эмиграции) сообщил, что получил доступ к некоторым секретным материалам английских спецслужб по делу Гесса. Из них следовало, что распространяемые сведения о неожиданном характере появления Гесса в Англии являются неверными. Задолго до перелета Гесс вел переписку по этому вопросу с лордом Д. Гамильтоном (последний принадлежал к сторонникам англо-германской дружбы; Гесс познакомился с ним на международных авиасоревнованиях в 1934 г.). В этой переписке подробно обсуждались детали организации полета, однако сам Гамильтон участия в переписке не принимал. Все письма немца, адресованные Гамильтону, перехватывались британской разведкой, которая готовила ответы на них от имени Гамильтона. Таким путем англичанам удалось заманить Гесса к себе. В письмах Гесса достаточно ясно излагались планы германского правительства по нападению на Советский Союз[43] (Ф. Моравец со своим штабом после вторжения Гит-

Р. Гесс

У. Черчилль

лера в Чехословакию был переброшен англичанами в Лондон; британская разведка была заинтересована в нем, поскольку Моравец располагал ценной агентурой в Германии, от которой поступала представляющая значительный интерес информация; в ходе тесного взаимодействия с английскими разведчиками Моравец имел возможность знакомиться с материалами британских спецслужб, одновременно он добросовестно помогал советской разведке, информируя ее не только по немецкой проблематике, но и о действиях англичан в отношении Советского Союза; его сведения неоднократно подтверждались другой информацией и были достоверными).

Внешняя разведка не успела до начала войны изучить особенности отношения Англии к намерениям Гитлера напасть на СССР. Тот факт, что Лондон отказался от мирного договора с Германией в 1941 г., вовсе не означал одновременного отказа англичан от нейтрального подхода к возможной войне немцев с русскими. О том, что обсуждение подобных вариантов вполне могло иметь место, свидетельствовали материалы, полученные уже позднее. В частности, из стокгольмской резидентуры в сентябре 1941 г. поступило сообщение о содержании письма шведского посольства в Берлине, адресованного в МИД Швеции. В нем утверждалось, что за несколько недель до нападения Германии на СССР Гитлер через немецкого посла в Турции Ф. Папена вел переговоры с Черчиллем о возможном нейтралитете Англии в германо-советском конфликте. По данным шведов, Черчилль дал обещание соблюдать полный нейтралитет. После начала войны Гитлер возмущался по поводу того, что его, видимо, дезинформировал Папен (или Черчилль). Он даже приказал установить за Папеном тщательное наблюдение[44]. Скорее всего, Гитлер пришел к выводу, что его в данном случае обманул Черчилль, поскольку Папен не был наказан и продолжал работать в Турции (через Швецию как нейтральную страну проходил целый ряд каналов связи фашистской Германии с внешним миром; шведские криптографы смогли раскрыть германские шифры и читали перехваченную немецкую секретную переписку; кроме того, Стокгольм располагал неплохими возможностями для получения информации непосредственно в Германии, это делало Швецию в довоенный период и во время войны одной из хорошо информированных стран о ситуации в Германии и политике Берлина).

Нельзя было исключать, что переговоры о нейтралитете Англии начались с Гессом, а продолжились уже более конкретно с Папеном. Сейчас трудно судить о том, что могло пониматься Гитлером и Черчиллем под полным нейтралитетом, а что — под частичным. При этом Берлин мог рассматривать нейтральное отношение как отказ от любой, даже вербальной поддержки Советского Союза. Лондон мог посчитать достаточным не проводить сухопутных операций на западе Германии. Однако, так или иначе, через несколько недель после переговоров Гесса в Англии фюрер напал на СССР, не опасаясь за свои западные границы.

Хотя информация, касающаяся отношения Англии к проблеме нейтралитета в германо-советской войне, была получена уже после нападения Гитлера на нашу страну, она представляла несомненный интерес для советского руководства, поскольку позволяла лучше понимать причины упорного сопротивления Черчилля открытию второго фронта в Европе.

И наконец, уже после войны бывший адъютант Гесса К. Х. Пинч, оказавшийся в советском плену, показал на допросах, что полет Гесса был частью секретных переговоров между Берлином и Лондоном. Он состоялся по договоренности с англичанами. Гессу была поставлена задача добиться согласия Британии на военный союз с Германией или, по крайней мере, на нейтралитет в предстоящей войне с русскими[45]. Характерно, что до настоящего времени, по прошествии свыше семидесяти лет, материалы о содержании переговоров высокопоставленных представителей с Гессом не рассекречены.

Подводя итог рассмотрению дела Гесса, нельзя не отметить, что контакт англичан с посланцем Гитлера в условиях строгой секретности и распространения дезинформации об их существе не способствовал укреплению доверия между Лондоном и Москвой. Это еще больше затрудняло организацию совместного отпора агрессивным планам Гитлера.

В условиях приближающейся к советским границам войны Москва нуждалась в точной информации о возможных изменениях в подходе США к отношениям с Советским Союзом, особенно в случае германской агрессии. Необходимы были для нашей оборонной промышленности сведения о научно-технических достижениях США, образцы передовой военной техники и вооружений. Сформированный ранее агентурный аппарат в целом позволял решать указанные задачи, однако в 1938 г. репрессии нанесли определенный ущерб организации разведывательной деятельности в США. В частности, легальный резидент П. Д. Гутцайт и руководитель нелегальной резидентуры Б. Я. Базаров были отозваны в Москву и репрессированы. Обязанности Б. Я. Базарова были возложены на сотрудника нелегальной резидентуры И. А. Ахмерова, под его руководством удалось восстановить боевой ритм резидентуры, сохранить связь с агентурой и расширить разведывательные позиции внешней разведки в США.

В результате упорной работы резидентура приобрела несколько новых ценных агентов. Из их числа особый интерес представлял источник в госдепартаменте Эрих, который добывал секретные документы данного ведомства по наиболее важным международным проблемам, включая германскую. Данная информация вскрывала истинные позиции Вашингтона по отношению к СССР, Германии, Японии, Англии и другим странам. Резидентура докладывала в Москву об особенностях подхода США к отношениям с Советским Союзом в случае нападения немцев на СССР.

На формирование американского курса по данному вопросу негативно влияли дезинформационные акции английской разведки. Как сообщил Филби[46], СИС (Секретная разведывательная служба внешней разведки Великобритании) через свою агентуру в Америке распространяла сведения о том, что СССР, являясь потенциальным агрессором, развяжет войну путем нанесения упреждающего удара по Германии из района Южной Польши.

Что касается легальной резидентуры, то после отзыва Гутцайта его обязанности стал исполнять один из сотрудников — Г. Б. Овакимян. В середине 1939 г. Ахмеров был отозван в Москву и необоснованно обвинен в шпионаже, поэтому на Овакимяна было возложено еще и руководство нелегальной резидентурой. В начале 1941 г. он был арестован американской контрразведкой вследствие предательства одного из агентов. Овакимян был освобожден по указанию президента Рузвельта после нападения Германии на СССР.

Несмотря на возникавшие трудности, резидентуры в США в целом успешно решали возложенные на них задачи. Наиболее эффективно они работали в области научно-технической разведки, отслеживая самые передовые достижения военно-промышленного комплекса США. Немаловажную роль в данной работе сыграл и пример руководителя — Овакимяна, который лично привлек к сотрудничеству ряд ценных источников секретных сведений в научно-технической области. Под его руководством резидентура добывала важную документальную информацию по интересующим нашу оборонную промышленность проблемам, что было конкретным вкладом в конструирование и производство современного оружия накануне войны.

Тогда же возникли серьезные трудности в восстановлении разведывательной деятельности во Франции. В легальной резидентуре остались только четыре сотрудника во главе с Л. П. Василевским. Ни один из них не владел немецким языком, что весьма затрудняло эффективное использование агентуры из числа немцев. С учетом данного обстоятельства часть ценной агентуры была законсервирована, в том числе восемь источников, работавших по Германии.

В 1939 г. из Испании во Францию был временно переведен Эйтингон, который оказал резидентуре помощь в активизации работы с агентурой. Через оставшихся на связи источников удалось добыть информацию о подготовке Францией совместно с Англией бомбардировки советских нефтяных промыслов в Баку и Батуми в случае продолжения войны СССР с Финляндией. В Центр направлялись полученные от источников сведения о предстоящей войне Франции с Германией, о характере группировки немецких войск, противостоящих французам, о подготовке Франции к войне.

После захвата немцами Франции в мае 1940 г. агентура на оккупированной территории была сведена в разведгруппу, которую возглавил опытный агент Ром, француз по национальности. В южной части страны, свободной от немецкой оккупации, под руководством агента Густава (француза) была создана еще одна разведгруппа. Кроме того, здесь же действовали две небольшие агентурные группы, включавшие источники, прибывшие из Испании после поражения республиканского правительства в гражданской войне. Все они поддерживали связь с Центром через легальную резидентуру в Виши. Основные усилия агентуры направлялись на добывание сведений о приготовлениях немцев к агрессии против СССР. В указанных целях непосредственно на территорию Германии были выведены несколько источников, с которыми налажена надежная связь. Через них добывалась важная информация о немецких вооруженных силах, их переброске из Франции к советской границе.

В рассматриваемый период легальная резидентура в Италии располагала агентурным аппаратом, позволявшим успешно решать задачи добывания секретной информации о военно-политических планах Гитлера и Муссолини, а также о позициях других западных стран в отношении разгоравшегося военного конфликта в Европе. Ее работу возглавлял с 1938 по 1940 г. Д. Г. Федичкин, а с 1940 по 1941 г. — Г. И. Рогатнев. Располагая источниками в МИД Италии, резидентура своевременно сообщила о том, что Муссолини дал Гитлеру согласие на аншлюс Австрии. Большая и важная работа была проведена по вскрытию планов немцев и ведущих западных держав по решению так называемого «чехословацкого вопроса». Удалось получить обширные секретные материалы МИД Италии по подготовке «мюнхенского сговора», которые были доложены И. В. Сталину.

В 1938–1939 гг. крайне напряженная обстановка складывалась вокруг Польши. Несмотря на усиливавшуюся угрозу со стороны Германии, польское руководство продолжало заигрывать с Гитлером, занимая враждебную позицию по отношению к СССР. Так, согласно полученной внешней разведкой информации, польский посол в Берлине Ю. Липский сообщал в октябре 1938 г. своему министру Ю. Беку о «более чем благожелательном отношении первых лиц рейха к Польше и о высокой оценке ее политики лично фюрером»[47].

В начале июля 1939 г. внешняя разведка доложила советскому руководству о подготовке Германией нападения на Польшу[48]. План «Вайс» предусматривал два варианта, в одном из которых не исключался захват Прибалтики. В напряженной обстановке того времени никто

не мог дать каких-либо гарантий по поводу возможных действий Гитлера после выхода немецких войск на западные границы СССР. Опасность для Советского Союза представляли также планы Гитлера по созданию из Галиции и Западной Украины самостоятельных государств под протекторатом Германии, во главе которых предполагалось поставить украинских националистов (такой опыт у Гитлера имелся: после захвата Чехословакии немцы в ноябре 1938 г. создали в Закарпатье так называемую независимую Карпатскую Украину во главе с украинскими националистами, которая просуществовала до марта 1939 г.). Подобные образования немедленно превратились бы в базу для подрывной деятельности против Советской Украины, тем более что абвер с 1938 г. вел активную подготовку украинских националистов к диверсионно-террористической и партизанской деятельности на территории СССР.

Возникла весьма тревожная для Советского Союза ситуация, из которой необходимо было срочно искать приемлемый для безопасности страны выход. 2 июня 1939 г. СССР предложил Англии и Франции провести в Москве трехсторонние переговоры в целях согласования взаимной помощи в случае германской агрессии и предотвращения захвата Германией Польши. 14 июня такие переговоры начались, но быстро зашли в тупик, поскольку западные представители отказались рассматривать вопрос о военной конвенции, сославшись на отсутствие полномочий. Однако основной причиной являлось ведение англичанами параллельных секретных переговоров с Гитлером относительно заключения пакта о ненападении. В них англичане использовали московские дискуссии как средство давления на немцев. Так, немецкий посол в Лондоне Г. Дирксен со ссылкой на беседу с советником Чемберлена Г. Вильсоном докладывал в свой МИД, что согласно разъяснениям Вильсона «связи с другими государствами (имелся в виду СССР. — *Прим. ред.*) являются лишь резервным средством для подлинного примирения с Германией и что эти связи отпадут, как только будет достигнута единственно важная и достойная усилий цель — соглашение с Германией»[49].

Внешняя разведка добыла и доложила И. В. Сталину достоверные данные о ходе этих переговоров, их участниках, а также о существе рассматривавшихся предложений. В частности, советник Чемберлена Вильсон в конфиденциальной беседе с представителем Геринга Х. Вольтатом в июле 1939 г. обсуждал основу вырабатываемого пакта о ненападении между Англией и Германией. К базовым положениям были отнесены взаимовыгодный раздел мировых рынков, справедливое решение колониальных вопросов, свобода рук Германии на Востоке, при этом был намек на возможность существенного ослабления английских гарантий Польше. Взамен Вильсон требовал гарантий безопасности для Англии и соблюдения ее интересов в Европе. Не удивительно, что, например, американский посол в Париже У. Буллит в своем сообщении в Вашингтон оценил подобные маневры Лондона как подготовку нового «Мюнхена»[50]. При этом объектом «умиротворения» вслед за Чехословакией могла бы стать Польша. К аналогичным выводам приходило и советское руководство.

Тем не менее Советский Союз сделал еще одну попытку договориться с западными державами и предложил провести в Москве переговоры только по военным вопросам. В июле 1939 г. такие переговоры начались, но их постигла судьба предыдущей трехсторонней встречи. Как сообщил источник лондонской резидентуры Г. Берджес, английское правительство никогда не думало заключать серьезного военного пакта с Москвой[51]. Английские представители получили инструкции тянуть с переговорами как можно дольше, не брать на себя обязательств, не подписывать никаких документов, иными словами — способствовать столкновению Германии с Советским Союзом. Внешняя разведка своевременно добыла эти инструкции и доложила их содержание советскому руководству[52].

Серьезная проблема возникла после отказа Варшавы пропустить в случае необходимости советские войска через свою территорию для оказания вооруженной помощи жертвам немецкой агрессии в Европе. Как заявил министр иностранных дел Польши Ю. Бек: «Если нас оккупирует Германия, мы потеряем территорию, а если Россия — мы потеряем свою душу»[53]. Таким образом, польское руководство в очередной раз сделало выбор в пользу сохранения «антироссийской души», показав, что это намного важнее, чем сохранение государственности Польши. Указанные причины привели к срыву переговоров и показали

Герберт фон Дирксен (крайний слева) сопровождает Чемберлена и Риббентропа

Москве, что на поддержку западных держав в случае войны с Германией пока рассчитывать не приходится.

7 августа 1939 г. внешняя разведка направила советскому руководству сведения о том, что нападение Германии на Польшу может состояться в любой день после 25 августа. Кроме того, внешняя разведка доложила И. В. Сталину о послании Чемберлена Гитлеру от 23 августа 1939 г. В нем предлагалось начать прямые переговоры между Германией и Польшей по спорным вопросам при посредничестве Англии[54]. Поскольку английский посол в Берлине Н. Гендерсон сигнализировал Гитлеру о готовности Лондона оказать соответствующее влияние на Варшаву и побудить ее к большей уступчивости, несложно было сделать вывод, что результатом подобного посредничества могло стать удовлетворение немецких претензий по «мюнхенскому» варианту.

В этот период поступили сигналы от немцев об их готовности начать переговоры с СССР относительно договора о ненападении. Они были получены в весьма сложное для Советского Союза время — на восточных границах шли ожесточенные бои с японцами на Халхин-Голе. Отказ от германского предложения на этом фоне ставил Москву в ряд стран, враждебных по отношению к изготовившемуся к войне агрессору. Западные державы сами искали варианты примирения с Гитлером и не собирались воевать за СССР. Еще 30 сентября 1938 г. англичане подписали с немцами в Мюнхене декларацию с обязательствами сторон развивать добрососедские отношения, решать все спорные вопросы путем консультаций и

продолжить усилия по урегулированию возможных источников разногласий. 6 декабря того же года в Париже была подписана аналогичная франко-германская декларация, в результате на Западе наметилась разрядка напряженности с перемещением очага возможного кризиса к западным границам СССР. Неудача переговоров с Англией и Францией на фоне отклонения предложений Берлина заводила Советский Союз в западню полной международной изоляции как на Западе, так и на Востоке.

Советскому руководству в этих условиях приходилось думать прежде всего об обеспечении безопасности собственной страны. Предложение немцев давало время для подготовки к войне и открывало возможность для предотвращения оккупации Гитлером Западной Украины, Западной Белоруссии и Прибалтики — таким образом, срывались планы по созданию враждебных СССР «независимых» националистических образований на территории Западной Украины. В этой непростой обстановке на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 11 августа 1939 г. было принято решение о начале переговоров с Берлином.

После подписания 24 августа 1939 г. советско-германского договора о ненападении реакция ведущих держав в тот период была прагматичной и строилась на безусловном приоритете защиты национальных интересов. Внешняя разведка получила конфиденциальный доклад английского посла в Москве С. Криппса в Форин-офисе, где указывалось: «Нет никакого сомнения, что непосредственной причиной подписания этого пакта являлось, как это неоднократно заявляли советские лидеры, их желание остаться вне войны. Они считали возможным осуществить это, хотя бы на время, путем заключения соглашения с Германией... Советские руководители... никогда не рассматривали пакт как что-то большее, чем временное средство. Я убежден, что они постоянно считались с эвентуальной возможностью войны по меньшей мере как с серьезной вероятностью, если не с неизбежностью... Они были полны решимости использовать возможность, пока еще имелось время, для укрепления своей обороны... Они вступили в Польшу сразу же после того, как выяснилось, что альтернативой их вступлению может быть только полная оккупация немцами этой страны»[55]. Даже такой убежденный противник большевистской России, как К. Маннергейм, заявил в беседе с нашим источником: «Надо признать, что СССР вел умную политику и заключил пакт с Риббентропом»[56].

У. Черчилль оценил советско-германский договор о ненападении как полный провал всей англо-французской дипломатии и внешней политики[57]. Характерно, что после нападения Германии на Польшу 1 сентября 1939 г. и занятия советскими войсками Западной Украины и Западной Белоруссии ведущие западные страны объявили войну только Германии, а с Советским Союзом не были даже разорваны дипломатические отношения. Другими словами, действия СССР в конкретных условиях того времени были признаны вполне адекватными с точки зрения отстаивания собственных национальных интересов.

После захвата немцами Польши серьезно пострадали позиции внешней разведки в этой стране. Для того чтобы восстановить регулярное поступление информации о деятельности германской администрации на оккупированной польской территории и передвижениях здесь подразделений вермахта, в ноябре 1940 г. в Варшаву был направлен сотрудник внешней разведки П. И. Гудимович. Он вел оперативную работу под прикрытием консульского работника, управляющего советским имуществом в Польше. В декабре к нему под видом жены прибыла сотрудница разведки Е. Д. Модржинская. В сжатые сроки эта небольшая легальная резидентура приобрела источники информации, позволявшие отслеживать основные аспекты приготовлений немцев на польской территории к войне с СССР. В Центр регулярно направлялись сведения о растущей концентрации немцев на советской границе, переброске туда войск и вооружений, активных дорожных работах на путях движения войсковых колонн к границе, составлении гестапо списков советских граждан, подлежащих аресту после начала войны.

В 1938–1939 гг. легальная резидентура в Хельсинки в основном сохранила свои агентурные позиции в стране. Вместе с тем она испытывала острый дефицит сотрудников, владеющих финским языком. Из-за сложной кадровой ситуации в Центре после репрессий восполнить

П. И. Гудимович

Е. Д. Модржинская

эту нехватку не удавалось. Резидентурой руководил опытный разведчик Б. А. Рыбкин, который хорошо изучил военно-политическую обстановку в стране, обзавелся информированными источниками.

Главным направлением деятельности в данный период было добывание информации о планах Германии в отношении СССР, конкретных действиях немцев в Европе и ее северных регионах. Поступающие от агентуры сведения достаточно высоко оценивались Центром и докладывались руководству страны. В частности, И. В. Сталину и К. Е. Ворошилову была направлена серия телеграмм послов Финляндии в Лондоне, Париже и Варшаве, раскрывавших особенности отношений Англии и Франции с Германией, а также возможные последствия этой политики для Советского Союза. Их содержание позволяло с уверенностью прогнозировать нападение Германии на Советский Союз.

В 1938 г. на фоне расширения гитлеровской агрессии в Европе внешняя разведка получила информацию о намерениях немцев использовать территорию Финляндии в случае военных действий против Советского Союза. В этих целях Берлин последовательно наращивал германское присутствие в Финляндии во всех сферах, особенно в военной.

В складывавшейся ситуации советское руководство стремилось начать переговоры с финнами по поводу заключения соглашения о том, что немцам не будут предоставляться опорные базы в Финляндии и она не превратится в германский плацдарм для нападения на СССР. В свою очередь, Москва готова была оказать военную помощь для отражения возможного десантирования частей вермахта в Финляндию, а также предложить выгодные для финнов преференции в торгово-экономических отношениях.

На первом этапе переговоров с Финляндией И. В. Сталин намеревался осуществить их в форме зондажа позиций финнов по каналам внешней разведки. Такая форма контактов позволяла обеспечить необходимую секретность и в случае неудачи не привела бы к немедленному ухудшению отношений. В связи с этим И. В. Сталин поручил резиденту Б. А. Рыбкину провести необходимые конфиденциальные беседы с финским руководством. В качестве конечной цели было определено получение от финнов реальных гарантий недопущения вермахта на территорию Финляндии. Рыбкин, хорошо владевший внутриполитической

ситуацией, выразил сомнение в успехе таких бесед на предлагавшейся Сталиным основе. Главным препятствием являлось включение в реальные гарантии требования об оказании Финляндии в случае необходимости военной помощи со стороны СССР, поскольку данный пункт превращал бы возможную договоренность с Москвой в военный союз, на который финны не пошли бы сами, придерживаясь политики нейтралитета, и им не дали бы это сделать Англия и Франция.

Тем не менее указание было получено, и Рыбкин установил необходимые контакты с финским руководством. Финны поддержали переговоры в предложенной форме, будучи весьма заинтересованными в выгодных условиях обещанного советской стороной расширения торгово-экономических отношений. Дискуссии длились до сентября 1938 г. За этот период Рыбкину удалось договориться с финнами о следующем: «Таннер (представитель финского руководства на переговорах. — *Прим. ред.*) согласился дать нам письменную гарантию о том, что Финляндия не только не предоставит свою территорию агрессору, но в случае нападения будет защищаться. Таннер отказался от любой нашей военной помощи, поскольку это противоречило политике нейтралитета»[58]. Данная документальная информация опровергает инсинуации в западных изданиях о якобы провале миссии Рыбкина в силу его некомпетентности, о том, что ему ничего не удалось добиться, что разведка занималась не своим делом и т. п.

Указанные результаты Рыбкин предложил использовать в качестве основы для продолжения переговоров. Он доложил соображения о проведении их в два этапа: «Предлагается двухступенчатый план дальнейших переговоров с финнами. На первом этапе — пойти на заключение с ними политического договора с учетом наших минимальных требований. Взамен обеспечить подписание с ними торгово-экономического соглашения. Втянуть в хозяйственные связи влиятельные промышленные, банковские и аграрные круги страны и поставить их дальнейшее благополучие в зависимость от продолжения выгодной для финнов торговли. На втором этапе использовать эти рычаги для продвижения наших более неудобных финнам военно-политических требований»[59]. Таким образом, даже в тяжелой обстановке тех лет внешняя разведка выдвинула переговорный план, альтернативный войне.

Однако И. В. Сталин его отклонил, Рыбкина отозвали из Финляндии, а дальнейшие переговоры были поручены Народному комиссариату иностранных дел. Поскольку переговоры Рыбкина велись в обстановке строгой секретности, о них, а также о полученных результатах НКИД не информировался. Поэтому внешнеполитическое ведомство вело их «с чистого листа», вновь поднимая в том числе и те вопросы, по которым уже было достигнуто взаимопонимание. В свою очередь, в Хельсинки воспринимали подобную «двойственность» поведения советских переговорщиков как «коварную» дипломатическую игру с тем, чтобы перехитрить финнов. Соответственно, росло стремление к максимальной осторожности и неуступчивости.

На переговорах по линии НКИД к тому же ужесточились советские требования за счет расширения круга конкретных военных вопросов. К их числу относились проблемы переноса границы, проходившей в 32 км от Ленинграда, на основе обмена территориями; предоставление СССР в аренду некоторых островов в Финском заливе для создания военно-морских баз и другие. Изменилась и международная обстановка в связи с вводом советских войск в Прибалтику, Западную Украину и Западную Белоруссию. Это привело к ухудшению отношений нашей страны с США, Англией и Францией. Англичане и французы, находившиеся в состоянии войны с Германией, опасались, что Советский Союз вслед за Прибалтикой войдет в Финляндию и усилит снабжение немцев финским стратегическим сырьем. Лондон и Париж оказывали давление на Хельсинки, подталкивая к отклонению советских предложений, взамен они обещали соответствующую вооруженную поддержку в случае военной угрозы со стороны Москвы.

О роли Англии и Франции в подталкивании Финляндии к войне с СССР откровенно написал в секретной депеше в свой МИД финский посол в Японии: «Здешний английский посол сэр Роберт Крейги определенно заявил, что Англия приступит к войне с Россией...

Э. Даладье

К.-Г. Маннергейм

Если бы Англия и Франция не обещали воевать против России, никакой войны Финляндии с Россией не было бы»[60].

В результате сочетания указанных неблагоприятных факторов позиции сторон на советско-финских переговорах сблизить не удалось, и И. В. Сталин избрал военный вариант решения проблем двусторонних отношений.

С началом войны резидентура внешней разведки в Хельсинки была эвакуирована. Разведывательная деятельность по Финляндии была развернута с позиций Швеции, куда прибыл в качестве резидента Рыбкин. Через имевшиеся шведские источники удалось наладить связь с финской агентурой и добывать интересующую Центр информацию. В конце 1939 г. внешняя разведка получила сведения о том, что англичане и французы планируют сформировать экспедиционный корпус для переброски его на помощь финским войскам. В этих целях они добивались от Швеции и Норвегии разрешения на его пропуск в Финляндию через их территорию. В действительности гораздо важнее для англичан и французов было закрепиться в Швеции, Норвегии и Финляндии, чтобы блокировать поставки из этих стран стратегического сырья в Германию[61].

Кроме того, велась подготовка к бомбардировке англо-французскими ВВС с авиабаз в Сирии и Ираке советских нефтепромыслов на Кавказе. В Черном море подводные лодки Франции и Англии собирались топить советские танкеры с нефтью. В Париже и Лондоне рассчитывали на то, что в ходе этих действий удастся спровоцировать вторжение Турции на Кавказ. Наиболее четко опасная международная ситуация, в которую завела Советский Союз война с Финляндией, обрисовывалась в секретной стенограмме заседания финского правительства от 8 марта 1940 г.: «Даладье заявил, что уже в течение нескольких дней ждет, чтобы Финляндия выступила с обращением, с тем чтобы мы могли оказать ей помощь всеми средствами... Чувствуем то давление, которое оказывается на вас Швецией в пользу заключения мира, оставляющего вас на милость России. Нам известно, что Россия боится, что вы выступите с обращением к союзникам, поскольку опасается, что это приведет ее к катастрофе. Желая избежать этого, она готова идти на переговоры, чтобы позднее уничто-

жить вас. Еще раз уверяю, что мы готовы сразу же оказать вам помощь. Самолеты готовы к полету, войска — для операции. Если Финляндия сейчас не выступит с обращением к западным державам, то ясно, что они, в конце концов, не смогут принять на себя ни малейшей ответственности в окончательном определении территории Финляндии. Прошу, чтобы ваше правительство приняло быстрое решение... Обращение необходимо предъявить не позднее 12 марта... Даладье просил понять его положение, поскольку он активно проводил организацию «крестового похода» против России»[62].

Таким образом, как свидетельствовали сообщения разведки, был практически сформирован единый фронт западных государств против СССР.

С учетом в том числе данных внешней разведки советское руководство приняло финские предложения о мире, который и был подписан 12 марта 1940 г. Вследствие этого военные действия англо-французской коалиции против СССР утратили актуальность.

Возникает правомерный вопрос о том, были ли созданы необходимые политические и военные условия для успеха войны? В определенной мере на него ответил сам Сталин, выступая на встрече с выпускниками военных академий в Кремле 5 мая 1941 г.: «Чтобы готовиться хорошо к войне — не только нужно иметь современную армию, но надо войну подготовить политически. Что значит политически подготовить войну?.. Это значит иметь в достаточном количестве надежных союзников и нейтральных стран»[63].

Приведенные высказывания были, видимо, выводами, извлеченными из опыта советско-финляндской войны. Если следовать логике Сталина, она не была подготовлена ни в военном, ни в политическом отношении. Ни о каких союзниках (кроме Германии, которая «из-под полы» способствовала снабжению финнов оружием) речь вообще не шла. Более того, Москву признали агрессором и исключили из Лиги Наций, ее престижу был нанесен существенный ущерб.

Не выдерживает никакой критики пропагандистское обеспечение военной кампании. Неуместное «формирование» в этих условиях правительства Финской Демократической Республики во главе с О. Куусиненом только подлило масла в огонь развернувшейся на Западе истерии по поводу якобы имевшихся у Москвы намерений осуществить «советизацию» Финляндии по прибалтийскому образцу.

В западных столицах вновь воскресли планы объединенного похода Запада против России. Как подчеркивал уже в наши дни английский журналист «Санди таймс» Ф. Найтли, у лидеров западных стран «вновь появились иллюзии 1918–1920 годов: один удар объединенными силами, одна интервенция — и большевики падут. Началась кампания за перевод войны в союзе с Германией против России. Майор Кермит Рузвельт, представитель знаменитой американской семьи, предложивший в начале войны свои услуги британским военным, был освобожден от своих обязанностей в США, повышен в звании до полковника с тем, чтобы при необходимости во главе бригады британских добровольцев сражаться с русскими»[64].

События, связанные с советско-финляндской войной, способствовали возникновению тяжелой ситуации, в которой оказалось советское руководство в июне 1941 г., накануне нападения нацистской Германии на СССР, несмотря на то что была достигнута важная цель — удалось существенно отодвинуть границу с Финляндией от Ленинграда. К числу наиболее важных последствий советско-финляндской войны можно отнести следующие.

Во-первых, за год с небольшим до войны с Германией СССР оказался в международной изоляции, окруженный враждебно настроенными по отношению к нему государствами. Получив ярлык агрессора, Москва практически не могла рассчитывать на чью-то помощь в случае немецкого нападения. Одной из причин успеха германского вермахта в европейской войне было то, что ему всегда удавалось изолировать своих противников и бить их поодиночке. Подобная ситуация в отношении Советского Союза была обеспечена.

Во-вторых, советско-финляндская война выявила слабую подготовку советских вооруженных сил и техники к современной войне. Данное обстоятельство укрепило немецкий генералитет в уверенности по поводу возможности быстрого разгрома СССР. Внешняя разведка информировала руководство страны об этих тревожных для нас оценках. В частности,

Сталину, Молотову и Берии было доложено сообщение, в котором немцы в издевательских тонах оценивали боеспособность Красной армии: «Мировая история, пожалуй, не знает другого примера такого негодного руководства военными операциями, какой имел место, например, во время войны Советского Союза с Финляндией. И если все же Советский Союз победил наконец, то в этом нет военной заслуги. Просто бросали так много стали на каждый квадратный километр, что сломали всё, в то время как противнику в конце войны нечем было стрелять. С Германией такой маневр неприменим, там хватит, чем ответить»[65].

В-третьих, неприемлемые для великой державы потери в людях и вооружениях остро поставили вопрос о причинах и виновниках. Фактор внезапности в качестве объяснения потерь в тот период выдвинуть еще не представлялось возможным, поскольку войну начал сам Советский Союз. К сожалению, ситуация с колоссальными потерями повторилась в июне 1941 г. Данное обстоятельство свидетельствовало о наличии более глубоких, не преодоленных со времен советско-финляндской войны комплексных причин, которые нельзя сводить только к внезапности нападения или к нерасторопности разведки.

В марте 1940 г. была восстановлена легальная резидентура в Хельсинки во главе с Е. Т. Синицыным. При помощи имевшейся, в том числе ценной агентуры внимательно отслеживались нарушения финской стороной условий мирного договора, о чем своевременно информировался Центр. Особое внимание уделялось сближению Финляндии с Германией, подготовке на финской территории соответствующей инфраструктуры для совместных с немцами военных действий против СССР, переброске немецких войск на север страны.

В предвоенный период отечественная внешняя разведка сумела получить достаточно обширную информацию, особенно о конкретных приготовлениях Германии к войне с СССР. В мае 1940 г. через источник в чешской разведке было добыто содержание выступления Геббельса в узком кругу своих соратников в декабре 1939 г. Разъясняя внешнеполитическую линию гитлеровского режима, Геббельс заявил: «Мы используем сейчас русских во имя туманного союза, а в действительности же для того, чтобы они помогали нам победить Францию, Англию, чтобы нам разместиться повсюду, где это найдет необходимым сделать наш главный штаб, и чтобы окончательно свести наши старые счеты с самой Россией... Наш самый большой враг — Франция, политически и морально. Наш экономический враг — Англия. Наш географический враг — Италия. Мы должны помешать ее влиянию в Центральной Европе, на Балканах, на Средиземном море. Но нашим смертельным врагом всегда останется СССР»[66].

В июле 1940 г. Гитлер дал указание верховному главнокомандованию вермахта подготовить предложения о военной кампании против Советского Союза. А в августе 1940 г. резидентура внешней разведки в Литве сообщила о повышенной военной активности немцев в Восточной Пруссии. Были зафиксированы прибытие новых воинских частей, проведение спешного призыва в армию лиц в возрасте 38–40 лет, введение строжайшего контроля над пассажирами, передвигающимися по Восточной Пруссии.

В сентябре 1940 г. берлинская резидентура (Корсиканец) получила из штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии информацию о подготовке планов нападения на СССР. Целью войны являлись отторжение от Советского Союза части европейской территории от Ленинграда до Черного моря и создание здесь целиком зависящего от Германии государства, на остальной части СССР предполагалось создать «дружественное Германии правительство». Ориентировочные сроки вторжения — начало будущего года. Таким образом, на самой ранней стадии немецкого планирования военной кампании против СССР его существенные элементы стали известны советской стороне.

Внешняя разведка добыла сведения о союзниках Германии в предстоящем походе на Восток. В апреле 1941 г. через берлинскую резидентуру (Старшина) было установлено, что в войне против Советского Союза на стороне Германии будут участвовать Финляндия, Румыния и Венгрия. Информация хельсинкской резидентуры конкретизировала совместные военные планы немцев и финнов против СССР, мобилизационные приготовления финских военных. В апреле 1941 г. были получены данные о том, что немцы потребовали от румын выставить на советский фронт 20 дивизий. В начале июня 1941 г. поступили уточняющие материалы о

предстоящем активном участии Венгрии в военных действиях против Советского Союза и концентрации немецкой боевой авиации на венгерских аэродромах.

18 декабря 1940 г. Гитлер подписал директиву № 21 о нападении на СССР (план «Барбаросса»), в которой были определены направления основных ударов и срок готовности к военным действиям — 15 мая 1941 г. Берлинская резидентура (агент Лесовод) сообщила в Центр о не освещавшемся в прессе выступлении Гитлера 18 декабря 1940 г. во дворце «Спортпалас» по поводу окончания военных учебных заведений пятью тысячами германских офицеров. Фюрер, в частности, указал на «несправедливость, существующую на свете, когда 60 млн великороссов владеют одной шестой частью земного шара, а около 90 млн немцев ютятся на куске земли». Он призвал молодых офицеров к устранению этой несправедливости. Резидентура правильно оценила заявление Гитлера как «имеющее исключительное политическое значение»[67]. Оно свидетельствовало о неуклонной решимости нацистской верхушки, несмотря на недавно подписанный договор о ненападении, форсировать подготовку к войне с Советским Союзом. Это подтверждалось также полученными берлинской резидентурой в январе 1941 г. из штаба авиации Германии от Старшины сведениями о развертывании разведывательных полетов над территорией СССР в целях фотосъемки пограничной полосы. По распоряжению Геринга «русский» реферат министерства авиации был переведен в активную часть штаба авиации, разрабатывавшую и подготавливавшую военные операции.

В марте 1941 г. из берлинской резидентуры поступили данные Корсиканца о том, что военное выступление Германии против СССР является уже решенным вопросом. По мнению германского штаба, Красная армия могла оказывать сопротивление только в течение первых восьми дней, после чего будет разгромлена. Оккупацией Украины немцы предполагали лишить Советский Союз его основной промышленной базы. Затем немцы намеревались продвинуться на восток и отторгнуть Кавказ. Урала, по их расчетам, они могли достичь в течение 25 дней. Нападение на Советский Союз в тот момент диктовалось соображениями военного преимущества Германии над СССР.

Лодонская резидентура в марте 1941 г. через «Кембриджскую пятерку» добыла текст секретной шифротелеграммы английского МИДа, в которой со ссылкой на абсолютно надежного источника в Берлине излагались некоторые положения плана «Барбаросса» (название плана не упоминалось). В сообщении, в частности, указывалось также об отказе от вторжении в Англию, поскольку борьба с англичанами намечалась только в воздухе и на море. Для вторжения в Россию создавались три группы армий, были названы их командующие и направления основных ударов. Сообщалось о тщательном планировании нападения, которое могло быть осуществлено в любое время — назывался месяц май[68]. Наличие у немцев детального плана войны с Советским Союзом подтвердила берлинская резидентура. Она подчеркнула стремление немцев учесть ошибки Наполеона, который допустил отступление крупных русских частей в глубь страны. Поэтому вермахт планировал разбить советские войска за шесть недель в приграничных сражениях путем клещеобразного охвата.

Из бухарестской резидентуры в марте того же года поступили сведения о беседе Антонеску с Гитлером, в которой также называлось направление основного удара немцев. Антонеску на совещании с высшими военными румынской армии в марте 1941 г. сообщил о согласовании с Гитлером роли румын в предстоящей войне с СССР. Вначале задачей румын было удержать советские войска на рубеже Фокшан, а в это время немцы должны были направить удар против СССР со стороны бывшей Польши. В дальнейшем обуславливалось, что немцы будут помогать румынам и со стороны Молдавии[69].

В апреле 1941 г. берлинская резидентура направила в Центр сообщения Старшины и Корсиканца о полном завершении штабом германской авиации плана нападения на Советский Союз. В них указывалось, что авиационные базы под Краковом являются основным исходным пунктом для нападения, и уже созданы две армейские группы, которые намечены для операций против СССР. Воздушный штаб готовил нападение на Югославию, которое должно было последовать в ближайшее время. Для этого штаб авиации с русского вопроса временно переключался на Югославию. Вместе с тем высказывались опасения, что момент

акции против СССР может быть упущен. Данные сведения подтвердил Брайтенбах, сообщивший о предстоящем в ближайшие дни немецком вторжении в Югославию. Он подчеркнул, что «гестапо в спешном порядке составлены списки руководящих югославских деятелей, настроенных антигитлеровски, которые должны быть арестованы и отправлены в Германию»[70].

30 апреля 1941 г. Гитлер на узком совещании высшего военного руководства объявил о принятии решения относительно нападения на СССР. Он также озвучил новую дату планируемого вторжения — 22 июня 1941 г. 1 мая этого же года Старшина передал информацию о том, что вопрос о выступлении против СССР решен окончательно и его следует ожидать со дня на день. Сообщалось также об активизации сотрудничества между германским и финским генеральными штабами по разработке совместных военных действий против СССР. Румынский, венгерский и болгарский штабы обратились к немцам с просьбой о срочной поставке им противотанковой и зенитной артиллерии, необходимой в случае войны с Советским Союзом.

9, 11 и 16 июня от Старшины и Корсиканца поступили предупреждения о том, что все военные мероприятия Германии по подготовке вооруженного выступления против СССР полностью закончены и удар можно ожидать в любое время. Главная штаб-квартира Геринга переносилась из Берлина предположительно в Румынию, 18 июня Геринг должен был разместиться там со своим штабом. В военных действиях на стороне Германии планировалось активное участие Венгрии. Часть германских самолетов находилась уже на венгерских аэродромах.

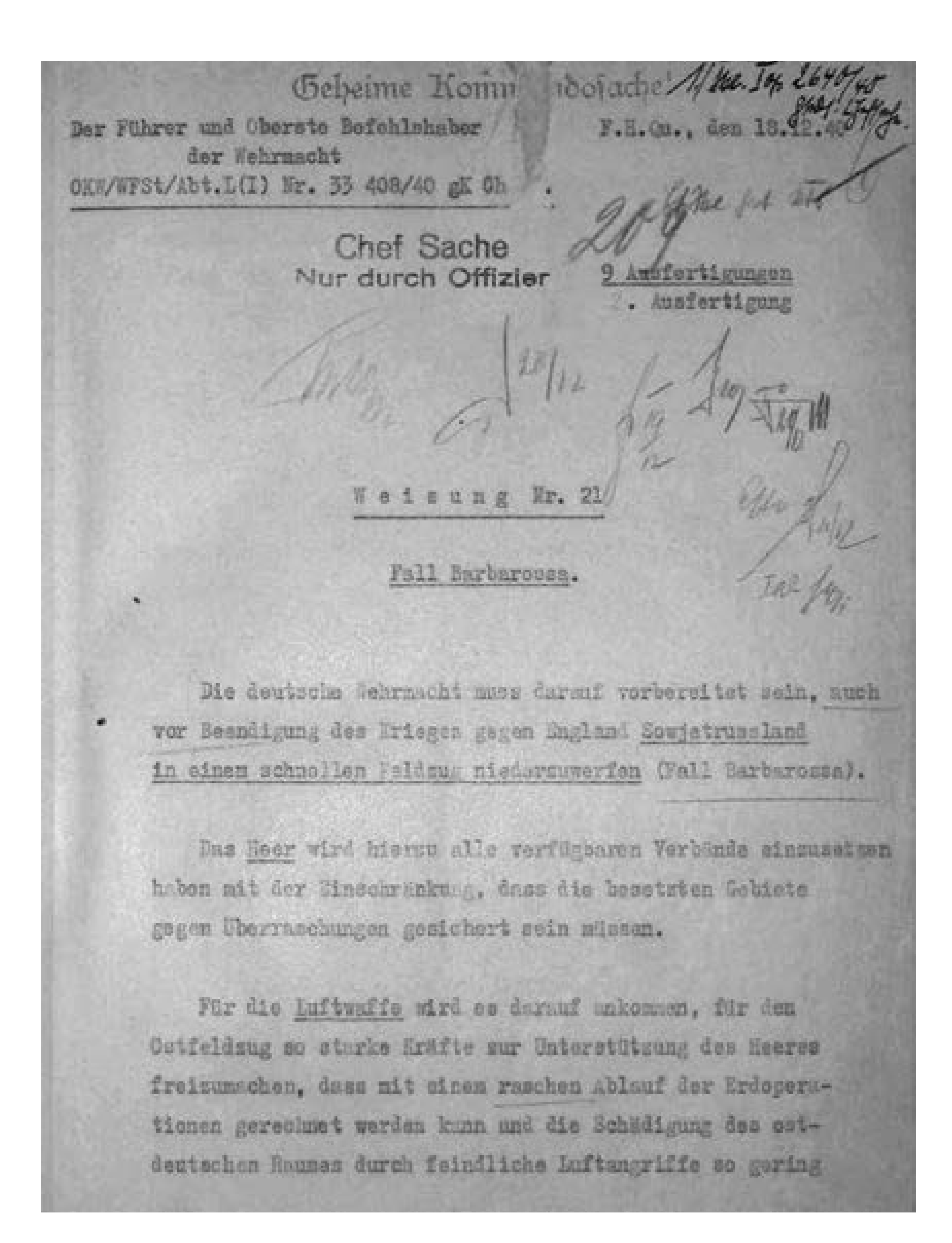
Весьма важную информацию направила в Центр 17 июня 1941 г. лондонская резидентура. В ней излагался ответ Анкары на запрос англичан по поводу контактов турецких дипломатов с немцами. МИД Турции проинформировал Лондон, что германский посол Ф. Папен интересовался намерением турок соблюдать нейтралитет в случае конфликта Германии с третьей державой, причем ясно дал понять, что этой третьей державой является СССР.

В апреле 1941 г. территориальные разведуправления НКГБ Украины и Белоруссии сообщили в Центр о том, что подтверждаются сведения об отъезде немецких чиновников из Польши в глубь Германии, а также прибытие железнодорожников, имеющих предписание при вступлении немецких войск на советскую территорию перешивать колею на европейскую и налаживать работу железнодорожного транспорта[71]. В мае 1941 г. Корсиканец передал данные о том, что «с 10 мая 1941 г. введен в действие запрет на частные перевозки по железным дорогам... Все вагоны отдаются в распоряжение военных властей. С 25 мая на Востоке вводится запрет на отпуска для офицеров и солдат»[72]; а Старшина известил о получении всеми начальниками аэродромов в Польше и Восточной Пруссии приказа о подготовке к принятию боевых самолетов. Эти факты свидетельствовали о заключительной фазе переброски немецких войск и авиации к границе СССР.

Кроме того, внешняя разведка получала сведения о подготовке немцев к войне в хозяйственно-административной области. В частности, в конце марта 1941 г. были добыты данные о том, что «дирекция военных заводов фирмы «Чешско-Моравско-Колбен-Данек» получила распоряжение немецких властей о срочном приостановлении исполнения всех советских заказов. Это распоряжение держится в строгой тайне»[73].

В апреле того же года из берлинской резидентуры была получена информация о создании полугосударственного акционерного общества «Континентальная нефть». Основной целью являлась подготовка к эксплуатации бакинских нефтепромыслов после захвата их немцами. В последних предвоенных сообщениях Корсиканца и Старшины указывалось на создание будущего административного управления оккупированной территории СССР во главе с А. Розенбергом. Перечислялись также руководители военно-хозяйственных управлений планируемых округов на захваченной территории.

Интересно, что и Ватикан собирался использовать в своих целях оккупацию Гитлером Советского Союза. Согласно сообщению римской резидентуры, в апреле 1941 г. «у Папы состоялось закрытое совещание, на котором присутствовали около 400 иезуитов. Папа призвал их повысить активность на Востоке. Иезуитам, находящимся в Прибалтике, Западной Укра-

Geheime Kommandosache

Der Führer und Oberste Befehlshaber der Wehrmacht

F.H.Qu., den 18.12.40

OKW/WFSt/Abt.L(I) Nr. 33 408/40 gK Ch

Chef Sache
Nur durch Offizier

9 Ausfertigungen
. Ausfertigung

Weisung Nr. 21

Fall Barbarossa.

Die deutsche Wehrmacht muss darauf vorbereitet sein, auch vor Beendigung des Krieges gegen England Sowjetrussland in einem schnellen Feldzug niederzuwerfen (Fall Barbarossa).

Das Heer wird hierzu alle verfügbaren Verbände einzusetzen haben mit der Einschränkung, dass die besetzten Gebiete gegen Überraschungen gesichert sein müssen.

Für die Luftwaffe wird es darauf ankommen, für den Ostfeldzug so starke Kräfte zur Unterstützung des Heeres freizumachen, dass mit einem raschen Ablauf der Erdoperationen gerechnet werden kann und die Schädigung des ostdeutschen Raumes durch feindliche Luftangriffe so gering

Первая страница директивы № 21. План «Барбаросса»

ине и Белоруссии, даны указания постепенно концентрироваться ближе к границе, так как ожидается наступление Германии на СССР вскоре после ликвидации греческого вопроса»[74].

Внешняя разведка фиксировала также растущую активность нацистских спецслужб в работе против Советского Союза и служащих советских загранучреждений за рубежом, что всегда было верным признаком военных приготовлений. По данным, полученным берлинской резидентурой от Брайтенбаха, абвер активно подыскивал сотрудников со знанием русского языка и опытом работы против СССР. Они были необходимы для расширения филиала в Кёнигсберге, специализировавшегося на разведывательной деятельности в Советском Союзе, а также комплектования нового подразделения военной разведки, так называемого «Штаба Валли», предназначенного для обеспечения военной информацией будущего восточного фронта.

В обстановке нарастания потока информации о подготовке Германии к войне с СССР, которая становилась все более очевидной, особое значение приобретали сведения о конкретных сроках предстоящего нападения. Внешнюю разведку нередко критикуют за то, что она называла разные сроки, которые якобы дезориентировали руководство страны. При этом априори предполагается, что у немцев имелась какая-то раз и навсегда установленная дата вторжения. Так ли это было на самом деле?

В директиве № 21 от 18 декабря 1940 г. указана только ориентировочная дата готовности Германии к войне — 15 мая 1941 г. При этом в четвертом разделе специально подчеркнуто, что окончательные сроки еще не назначены. В директиве по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск от 31 января 1941 г. говорится: «Подготовительные работы нужно провести таким образом, чтобы наступление (день «Б») могло быть начато 21.6»[75]. То есть названа новая дата в качестве ориентировочной. 30 апреля 1941 г. Гитлер озвучил перед узким руководством вермахта в качестве еще одной новой даты 22 июня, но в письменной форме она не была закреплена. И только 10 июня 1941 г. появился письменный приказ главнокомандующего сухопутными войсками Германии, где была зафиксирована указанная дата в качестве срока нападения. Однако и в этом документе содержались моменты, допускавшие различные толкования: «2. В случае переноса этого срока соответствующее решение будет принято не позднее 18 июня (другими словами, до 18 июня решение о нападении могло быть изменено, то есть оно не было еще окончательным. — *Прим. ред.*); 3. В 13.00 21 июня в войска будет передан один из двух следующих сигналов: а) Сигнал «Дортмунд». Он означает, что наступление, как и запланировано, начнется 22 июня и что можно приступать к открытому выполнению приказов; б) Сигнал «Альтона». Он означает, что наступление переносится на другой срок, но в этом случае уже придется пойти на полное раскрытие целей сосредоточения немецких войск, так как последние будут находиться в полной боевой готовности»[76].

Если отталкиваться от строго документальной основы, наличие двух упомянутых сигналов создавало, пусть и гипотетическую, возможность переноса в последний момент даты вторжения на другое время. Как известно, Гитлер так и поступил перед нападением на Польшу. Все это свидетельствовало о колебаниях Гитлера в определении окончательного срока начала войны с СССР. Германский историк Х. Грайнер, который накануне войны вел официальный журнал боевых действий вермахта в отделе обороны верховного командования и знал о процессе принятия решений изнутри, подтверждает данное обстоятельство: «Гитлер... формулировал, по большей части после продолжительных колебаний, свои решения»[77]. Наша агентура, общаясь с кругом лиц, причастных к подготовке войны, отражала эти колебания, диапазон которых вместе с тем ограничивался рамками мая — июня 1941 г.

Внешняя разведка последовательно и настойчиво уточняла поступавшие сведения о сроках вторжения. 11 апреля 1941 г. Старшина сообщил, что вторжение увязывается с окончанием войны с Югославией и Грецией. Эта информация была подтверждена хельсинкской резидентурой, указавшей, что нападение немцев произойдет после окончания Балканской операции.

7 мая от источников в словацких дипломатических кругах поступили сведения, что согласно немецким планам война начнется не позднее первой половины июня 1941 г.

9 июня от Старшины были получены данные о том, что немецкая авиация должна быть готова к боевым действиям к середине июня 1941 г., а 18 июня Геринг направится в свою полевую штаб-квартиру. ВВС второй линии к этому же сроку должны быть переведены из Франции в район Познани.

11 июня 1941 г., то есть на следующий день после подписания немецким верховным командованием указанного выше приказа, резидентура в Финляндии добыла информацию о том, что нападение немцев на СССР намечено на 22 июня. 18 июня ее подтвердил агент берлинской резидентуры Вальтер.

20 июня в Центре была получена телеграмма из римской резидентуры. В ней сообщалось, что 19 июня 1941 г. в МИД Италии поступила шифротелеграмма итальянского посла в Берлине, в которой со ссылкой на немецкое высшее военное командование он информировал о начале военных действий Германии против СССР между 20 и 25 июня 1941 г.

19 июня Брайтенбах вызвал на срочную встречу сотрудника берлинской резидентуры и рассказал, что 22 июня в 3 часа 30 минут по местному времени на всем пространстве западных границ СССР произойдет нападение германских войск. Формальное объявление войны последует после бомбардировок советской территории.

Конкретные, подробные данные о прибытии подразделений вермахта к советским границам, их передвижениях и дислокации регулярно передавали в Центр разведывательные подразделения НКГБ Украины и Белоруссии. Они убедительно свидетельствовали о неуклонном сосредоточении немецких войск в пограничном регионе. Вся эта информация незамедлительно направлялась начальником внешней разведки в ГРУ Красной армии.

Вместе с тем необходимо отметить, что в отдельные сообщения внешней разведки попадали противоречивые и недостаточно достоверные сведения, порой с элементами дезинформации. Подобные явления в значительной степени были обусловлены рядом обстоятельств.

Во-первых, со времен ВЧК во внешней разведке не было специального информационно-аналитического подразделения, которое на экспертной основе занималось бы таким важным делом, как анализ, проверка и оценка добытых данных, а также выявление попадавшей в сообщения агентуры дезинформации. Кроме того, согласно установленному Сталиным порядку работы с разведывательными материалами ему направлялись фактически нефильтрованные сообщения источников. Видимо, он опасался, что в ходе такой фильтрации может быть упущено что-то важное. Он также не требовал от разведки каких-либо разъяснений по поводу излагавшихся данных, выводов и прогнозов. Такая схема, естественно, снижала барьер для проникновения в сообщения руководству страны недостаточно достоверных и противоречивых сведений.

Кстати, в подобном подходе к разведывательной информации Сталин был не одинок. Черчилль также «не довольствовался этой формой коллективной мудрости и предпочитал лично видеть оригиналы». В своих мемуарах он пишет об указании английской разведке: «Я не хочу, чтобы получаемые сообщения отбирались и обрабатывались различными сотрудниками разведки. Майор Мортон... должен получить доступ ко всей информации и представлять мне подлинные документы в их первоначальном виде»[78].

В ходе борьбы с белогвардейской эмиграцией ИНО — ВЧК — ОГПУ еще могло без большого ущерба для дела обходиться без отдельного информационно-аналитического подразделения. Однако в противоборстве с таким мощным и опытным противником, как Германия, широко применявшим подготовленную высококлассными профессионалами изощренную дезинформацию, аналитических возможностей одного И. В. Сталина уже было явно недостаточно.

Во-вторых, в разведке после репрессий сложилась тяжелая атмосфера. Поэтому направление адресатам материалов, которые противоречили точке зрения Сталина, а следовательно, и линии партии, не вписывалось в аппаратные нормы того времени. Для того чтобы обезопасить себя и в то же время довести до высшего руководства страны существо подобной важной информации, ей нередко предпосылали небольшую справку, что она, скорее всего, может являться дезинформацией английской, французской или какой-либо другой иностранной

разведки. Подобное замечание в корне меняло дело, поскольку от иностранных разведок, заинтересованных в сталкивании СССР и Германии, нельзя было ожидать чего-то другого. Таким образом и появлялись иногда, особенно в острой ситуации, осторожные ссылки на то, что источник полностью не уверен в подлинности своих сведений, регулярно использовалось слово «якобы», излагались в одном и том же документе противоречащие друг другу сведения и т. п.

Конечно, исходя из современных реалий, трудно понять, как можно было посылать руководителю страны документ, который декларируется, например, как французская дезинформация или его отдельные положения противоречат друг другу. Однако в тот период подобные сообщения не вызывали неприятия, тем более что номенклатурный политес был соблюден. Не вызывало это негативной реакции и у Сталина.

В-третьих, некоторые сообщения внешней разведки готовились недостаточно квалифицированно. Например, крайне важный материал Старшины и Корсиканца от 16 июня 1941 г. был составлен так, что частные вопросы предстоящих бомбардировок каких-то авиаремонтных мастерских были вынесены в начало документа. В то же время наиболее существенные данные о назначении начальников военно-хозяйственных управлений «будущих округов» оккупированной территории СССР поместили в конец[79]. При громадной занятости руководителя государства он мог и не дочитать такое сообщение до конца.

Справедливые вопросы возникают и по поводу содержащегося в материале утверждения о том, что объектом налетов германской авиации в первую очередь станет электростанция «Свирь-3». Дело в том что Старшина в штабе авиации имел дело главным образом с Северной Европой, поэтому он и докладывал о планировании действий прежде всего в этом регионе. Работники Центра, готовившие документ, не потрудились пояснить данное обстоятельство. С первого взгляда не ясно также, какие немецкие самолеты смогут долететь из Берлина до «Свири»? Опять же упущены сведения Старшины об использовании немцами аэродромов в Кёнигсберге, Киркенесе и Выборге, откуда немецкая авиация могла достигать советской территории.

Сталин, естественно, не обязан был знать такие детали. Вместе с тем справедливые в целом претензии к составителям документа он должен был адресовать и себе. Пришедшие во внешнюю разведку после массовых «чисток» молодые сотрудники еще только учились работать. Квалифицированных экспертов-аналитиков катастрофически не хватало.

В-четвертых, Сталин не принимал для личного доклада начальника разведки. Его материалы в случае необходимости мог доложить только нарком внутренних дел (госбезопасности). Единственный личный доклад П. М. Фитина М. В. Сталину 17 июня 1941 г. состоялся в присутствии наркома госбезопасности В. Н. Меркулова. Такой порядок не способствовал повышению эффективности работы внешней разведки, поскольку ее начальник был лишен возможности дать необходимые пояснения докладываемой информации в ходе непосредственного диалога с руководителем государства. Он не видел реакции лидера страны на работу разведки, не получал из первых рук информационные поручения.

Тем не менее, несмотря на указанные недостатки и трудности, внешней разведке удалось добыть убедительную информацию о военных приготовлениях Германии. Причем эта информация носила разносторонний комплексный характер, что повышало ее общую достоверность. Она позволяла составить достаточно четкое представление о стратегических замыслах Гитлера, тактических ходах по их реализации, неминуемости нападения на СССР, а также о союзниках Гитлера в войне с СССР, конечных целях военной кампании и сроках ее начала.

Внешнюю разведку порой критикуют за то, что она не смогла добыть подлинный текст плана «Барбаросса». Этот документ был изготовлен в девяти экземплярах, три из них получили главнокомандующие видами вооруженных сил Германии, а остальные шесть хранились до конца войны в сейфе у Гитлера. Однако данный план не удалось получить и разведслужбам других государств. В исторических публикациях отечественных и зарубежных авторов иногда содержатся утверждения, что план «Барбаросса» раздобыли американцы, которые предупредили советское руководство о предстоящем нападении немцев.

Действительно, в марте 1941 г. заместитель госсекретаря США С. Уэллес пригласил полпреда СССР в США К. А. Уманского и сообщил ему о готовящемся немецком вторжении. О том, что конкретно сказал Уэллес, можно прочитать в телеграмме Уманского Молотову: «Уэллес заявил, что по конфиденциальным сведениям, имеющимся в распоряжении американского правительства и в аутентичности которых у американского правительства нет ни малейшего сомнения, германские военные планы заключаются в том, чтобы после достижения победы над Англией, несмотря на поддержку последней Соединенными Штатами, напасть на СССР»[80].

Как известно, в плане «Барбаросса» записано прямо противоположное: немцы планировали разбить Россию еще до того, как будет закончена война против Англии. Нет оснований полагать, что Уэллес так же, как и немцы, продвигал нам дезинформацию. Просто в руки американцев попал не сам план, а его некоторые положения вместе с немецкой дезинформацией. Тем более что в окружении торгового атташе США в Берлине С. Вуда, который, по утверждению американцев, добыл план «Барбаросса», работал агент немецкой военной разведки[81].

Что касается имевшихся у англичан сведений о плане нападения немцев на СССР, внешняя разведка получила их от «Кембриджской пятерки». В то же время, имея объективные данные о концентрации германских войск на советской границе, английская разведка, как отмечает в своих мемуарах Черчилль, сделала в апреле 1941 г. вывод о том, что «главной целью (немцев. — *Прим. ред.*) в 1941 г. оставался разгром Соединенного Королевства». И только 12 июня 1941 г., продолжает Черчилль, английская разведка сообщила: «Сейчас имеются новые данные, свидетельствующие о том, что Гитлер решил покончить с помехами, чинимыми Советами, и напасть»[82].

Если подходить к данному вопросу с профессиональной точки зрения, то ни одна уважающая себя разведка не строит свои заключения на одном каком-то документе, несмотря на всю его важность и секретность. Это объясняется тем, что, во-первых, документ может устареть за то время, пока его добывали и изучали; во-вторых, отдельные его существенные части могут быть изменены в связи с обстановкой; в-третьих, он может быть тщательно подготовленной дезинформацией, в которую для убедительности вкраплены достоверные сведения. Последний вариант используют все разведки мира для введения противника в заблуждение.

Кстати, и в плане «Барбаросса» присутствовали дезинформационные моменты. В частности, в четвертом разделе данного документа говорится о том, что все указания, которые могут быть отданы главнокомандующими на основании данной директивы, должны быть однозначно составлены в том духе, что речь идет о мерах предосторожности на случай, если Россия изменит свою нынешнюю позицию в отношении Германии. Без этой фразы военные приготовления Гитлера в случае преждевременной утечки сведений о них выглядели бы как откровенно агрессивные, чего фюрер настойчиво стремился избежать.

Учитывая подобного рода обстоятельства, разведка всегда составляет истинную картину событий, собирая ее из многих отдельных компонентов — сообщений резидентур. В ней любой документ является хотя и важной, но всего лишь частью рассматриваемой проблемы, если он при этом без противоречий вписывается в общий контекст. Как было показано, внешней разведке удалось сложить мозаику основных положений немецкого плана нападения на СССР.

Отдельного рассмотрения требует вопрос о немецкой и английской дезинформации, которая осложняла работу внешней разведки по выявлению истинных намерений Гитлера в отношении Советского Союза. Немцы тщательно подошли к организации дезинформирования советского руководства относительно своих военных приготовлений. Были изданы специальные указания о согласованном проведении всеми государственными структурами Германии подобных мероприятий. Внешней разведке не удалось получить данные документы целиком, однако об их отдельных положениях ей сообщала агентура. В частности, берлинская резидентура добыла сведения о проведении немцами комплекса дезинформа-

ционных мероприятий, направленных на обеспечение скрытности подготовки нападения на Советский Союз.

Все немецкие дезинформационные мероприятия можно разделить на военные и политические. Что касается военных, то их основное содержание сводилось к доведению до Москвы по различным каналам ложной информации, объясняющей концентрацию войск на границах с СССР подготовкой к вторжению в Англию. Эти утверждения были опровергнуты добытыми внешней разведкой данными. В частности, в конце 1940 г. были получены сведения о массовой переброске немецких войск из Франции и Бельгии на Восток, что свидетельствовало о сворачивании мероприятий по подготовке высадки вермахта в Англии. В феврале 1941 г. внешняя разведка получила агентурные данные о том, что наиболее вероятным будет нападение на СССР до разгрома Англии. В марте 1941 г. поступила информация из берлинской резидентуры о наличии в Бельгии только одной активной немецкой дивизии. Данное обстоятельство, как подчеркивалось в сообщении, подтверждало вывод о том, что военное вторжение в Англию отложено. В мае 1941 г. лондонская резидентура направила в Центр содержание телеграммы японского генерального консула в Вене, в которой сообщалось, что немцы отложили вторжение в Англию и готовятся к нападению на Советский Союз. В течение мая — июня 1941 г. поступали и другие материалы, которые опровергли основной дезинформационный тезис Берлина, что война с СССР начнется только после победы над Англией.

Что касается дезинформационных мер в политической области, упомянутых в указании штаба верховного главнокомандования вооруженных сил Германии от 12 мая 1941 г. под пунктом пять, то их содержание заранее не фиксировалось[83]. Они должны были постоянно корректироваться по мере решения задач подготовки к нападению. Их предполагалось реализовывать главным образом по каналам разведки. В директиве штаба верховного главнокомандования вооруженных сил за подписью А. Йодля общее направление подобных дезинформационных акций было сформулировано следующим образом: «Из этих наших перегруппировок у России ни в коем случае не должно сложиться впечатление, что мы подготавливаем наступление на Восток. В то же время Россия должна понять, что в генерал-губернаторстве, в восточных провинциях и в протекторате находятся сильные и боеспособные немецкие войска, и сделать вывод, что мы готовы в любой момент и достаточно мощными силами защитить наши интересы на Балканах против русского вмешательства»[84]. Другими словами, вермахт якобы не собирался нападать на Россию, если она не будет вмешиваться в немецкие операции на Балканах.

В апреле 1941 г. эта информация была доведена до Центра через Лицеиста, который сообщал, что Германия хотела оказать на русское правительство давление в смысле пунктуального выполнения им поставок, а также с помощью этого одновременно держать Москву подальше от балканской политики. Однако постоянное наращивание войск вдоль советских границ и после балканской операции, о чем детально сообщали территориальные разведывательные подразделения НКГБ, а также сведения о принятии немцами решения о нападении на СССР вскрыли дезинформационный характер подобных сведений.

Далее в ход пошло распространение слухов о якобы существенном прогрессе в урегулировании отношений между Германией и СССР, о сдаче Украины в аренду Германии, о предстоящем визите Сталина в Берлин, о требованиях, которые немцы собираются предъявить Москве, об ультиматумах и т. п. В сообщении Старшины и Корсиканца от 9 июня 1941 г. эти тезисы четко определялись как немецкая дезинформация с целью замаскировать подготовку нападения и максимально обеспечить его неожиданность. 12 июня 1941 г. ценный источник Друг сообщил из Шанхая после беседы с высокопоставленным чиновником МИД Германии, находившимся в командировке в Китае, что выступление против СССР подготовлено в военном и экономическом отношении. Оно произойдет «вне зависимости от предложений и уступок, которые будут сделаны русскими под угрозой конфликта». О том, что это уже было известно Центру, свидетельствует имеющаяся на данном сообщении резолюция Фитина[85].

Параллельно с указанной активностью немецких спецслужб свои дезинформационные акции против Советского Союза широко проводила и английская разведка. После подписа-

ния СССР и Германией договора о ненападении в 1939 г. британская элита очень опасалась нового, более тесного сближения Германии и СССР на антианглийской основе. Использование в таком случае немцами значительного сырьевого потенциала Советского Союза в войне с Англией создавало бы для Лондона новую и весьма тяжелую ситуацию. Британский истэблишмент на основе устойчивых антисоветских комплексов пришел к ложному убеждению, «что ворон ворону глаз не выклюет» — и два диктатора обязательно договорятся. Об этом пишет в своих воспоминаниях и Черчилль: «Очевидная общая заинтересованность обеих стран (Германии и СССР. — *Прим. ред.*) в завоевании и разделе Британской империи на востоке — все это делало более вероятным, что Гитлер и Сталин скорее заключат сделку за наш счет, чем будут воевать друг с другом»[86]. Поэтому концентрация немецких войск на советской границе оценивалась как блеф Гитлера, чтобы заставить Сталина подчиниться фюреру и принять выгодные для Берлина условия нового договора. Подобная политическая установка обусловливала и ошибочные оценки, которые давали британские МИД и спецслужбы реальным сведениям о немецких военных приготовлениях. Так, в марте 1941 г. внешняя разведка получила содержание письма МИД Англии послу в Москве Криппсу, где уверенно говорилось о том, что «СССР надеется этим путем (заявление по Болгарии) улучшить свою позицию до положения, когда он будет в состоянии еще раз заключить новый конкордат с Гитлером, например за счет Турции»[87]. Формированию такого мнения способствовала и немецкая дезинформация, доводимая до англичан.

На основании подобных оценок Англия считала своей важной задачей сорвать «заключение нового договора» между СССР и Германией, а также всячески обострить советско-германские отношения. Если бы в результате Гитлер действительно напал на СССР, это существенно облегчило бы положение Британии. Для достижения указанных целей англичане проводили дезинформационные акции по нескольким направлениям. Одно из них заключалось в запугивании СССР возможностью сговора Англии с Германией «при условии эвакуации немцами оккупированной ими территории в Западной Европе и предоставления Гитлеру свободы рук на Востоке». Лондонская резидентура доложила руководству страны о подобных планах, содержавшихся в добытой телеграмме Криппса, в свой МИД от 23 апреля 1941 г.[88]

Кроме того, согласно сообщению Филби, английская разведка решила также использовать для «срыва», возможно, уже «сверстанных» соглашений русских с немцами дело Гесса, подготовив следующую формулировку: «Через негласные каналы мы сообщаем, что полет Гесса является показателем растущих разногласий из-за проводимой Гитлером политики сотрудничества с Советским Союзом и что в случае продолжения этой политики Гитлер будет настаивать на краткосрочных соглашениях, зная, что он будет вынужден отказаться от этого курса и нарушить любые обещания Советскому Союзу, которые он, может быть, уже дал. Так что в конечном счете положение Советского Союза окажется хуже, чем было вначале. Окажется, что они потеряли потенциальных друзей, пошли на уступки и в своем ослабленном состоянии остались один на один с Гитлером»[89].

В тот сложный период внешней разведке остро не хватало информационно-аналитического подразделения, которое повседневно занималось бы выявлением дезинформации иностранных спецслужб. Тем не менее, подводя итог ожесточенной дезинформационной борьбе накануне войны, следует подчеркнуть, что внешняя разведка, несмотря на все трудности, эту схватку не проиграла. Она последовательно информировала руководство страны о растущей угрозе нападения и его сроках.

Возникает естественный вопрос, как Сталин относился к информации внешней разведки, учитывал ли он ее, принимая те или иные решения? В архиве СВР не имеется каких-либо развернутых личных оценок Сталиным работы внешней разведки или достаточно подробных его рекомендаций относительно ее деятельности, поэтому ответ могут в определенной степени дать только косвенные свидетельства. На их основе можно сделать вывод о том, что Сталин внимательно знакомился со всеми материалами разведки. Он учитывал их в ходе принятия решений, если они не противоречили данным других советских спецслужб. В частности, когда финны в 1940 г. были уже разгромлены и открывался путь к столице страны, Сталин

учел предупреждения внешней разведки о подготовке вторжения в СССР международной коалиции и пошел на заключение мира.

После доклада Фитиным и Меркуловым 17 июня 1941 г. весьма тревожной информации Старшины и Корсиканца Сталин дал поручение Берии подготовить специальную группу сотрудников разведки для предотвращения возможных провокаций со стороны немецких диверсантов на западной границе, которые Гитлер мог бы использовать в качестве повода для войны[90]. 18 июня 1941 г. в войска была направлена директива о приведении их в боевую готовность. Подобные примеры можно было бы продолжить.

Особенностью характера Сталина было то, что он никому, в том числе руководителям разведки, не объяснял мотивы своих решений, не сообщал, пригодились ли ему те или иные сообщения разведки, был крайне скуп на похвалы, но проявлял постоянную высокую требовательность к разведывательной информации. Это породило у некоторых исследователей представления о том, что Сталин недолюбливал разведку и не доверял ей, игнорировал ее информацию и т. п. Однако в архиве СВР нет каких-либо данных, которые подтверждали бы подобные суждения. Отдельные, порой резкие замечания Сталина накануне войны не выходили за рамки обычного рабочего процесса, иначе они повлекли бы за собой кадровые перемещения в руководстве внешней разведки. Ничего подобного не произошло. Более того, в 1940 г. большая группа сотрудников была отмечена высокими государственными наградами. Подобные факты свидетельствовали о том, что Сталин был в целом удовлетворен результатами работы внешней разведки.

На основании докладывавшихся ему разведывательных данных он составил довольно четкое представление о неизбежности военного нападения немцев и его сроках. Об этом он уверенно заявил, в частности, в беседе с премьер-министром Англии Черчиллем во время приезда британского руководителя в Москву в августе 1942 г. Отвечая на вопрос Черчилля по поводу английских предупреждений, Сталин сказал: «Мне не нужно было никаких предупреждений. Я знал, что война начнется, но думал, что мне удастся выиграть еще месяцев шесть или около этого»[91].

Особенность отношения Сталина к разведывательным материалам заключалась в том, что он не всегда перед войной мог на их основе принимать те решения, которые, казалось бы, с очевидностью диктовались все более тревожным характером сообщений. На его поведение, как представляется, оказывала существенное влияние та международная ситуация, которая сложилась на пороге войны с Германией. Уже отмечалось, что после финской войны СССР оказался в международной изоляции, без надежных союзников, на которых можно было бы опереться в предстоящей схватке с Гитлером.

В некоторых исторических работах можно встретить утверждения о том, что Сталин в силу своего «азиатского менталитета», слабых представлений о западных демократических ценностях и болезненной подозрительности не разобрался в том, что Англия и США, дескать, немедленно готовы были прийти на помощь Советскому Союзу. Он накануне войны якобы путался в том, кто же его реальный враг — Германия или Англия. С учетом подобных оценок не будет излишним внимательнее взглянуть на то, как все это обстояло на самом деле. Как известно, Англия в тот период воевала с Германией. Следовательно, дружественные отношения Советского Союза с рейхом и особенно регулярные поставки нефти и других сырьевых продуктов Берлину рассматривались как враждебные действия. Учитывая данные обстоятельства, Лондон предпринимал активные шаги по блокированию подобных поставок.

Внешняя разведка регулярно докладывала Сталину о тайных шагах англичан по оказанию влияния на США, с тем чтобы прекратить советские закупки американского промышленного оборудования и другой техники, необходимых для повышения обороноспособности СССР. Так, в частности, в сообщении из Лондона от 22 февраля 1941 г. говорилось о том, что Галифакс в беседе с Рузвельтом настаивал на прекращении поставок грузов из США в СССР, поскольку «за счет товаров, идущих этим путем, СССР снабжает Германию»[92]. Согласно сообщению Филби от 22 марта 1941 г., Англия намеревалась путем экономического давления на СССР добиться определенных политических уступок, которыми могут быть прекращение

торговли с Германией или оказание солидной материальной помощи туркам. В этой связи в министерстве экономической войны Великобритании был составлен список наиболее важных военных и экономических объектов в СССР в целях их изучения на предмет диверсий[93]. И наконец, 16 июня 1941 г. Черчилль на очередном заседании комитета имперской обороны настаивал на скорейшем завершении всех приготовлений к бомбардировке Баку в целях прекращения получения Германией советской нефти[94].

Отношения между Москвой и Лондоном оставались напряженными также из-за замороженных Англией активов Прибалтийских государств, которые вошли в состав СССР. В добытом внешней разведкой послании Идена Криппсу назывались условия, на которых англичане были бы готовы к нормализации отношений с русскими — уступки в вопросе имущества балтийских стран и, соответственно, сближение с СССР возможны, только если Москва серьезно уменьшит либо прекратит экономическую помощь Германии или вмешается в реализацию немецких планов на Балканах[95]. Нетрудно заметить, что это были как раз те условия, которые немцы в доводимых до Москвы тезисах называли в качестве повода для нападения на СССР. Приведенные факты не давали убедительных оснований полагаться на немедленную и эффективную помощь со стороны Англии в случае германского вторжения.

Что касается США, то после финской войны общественное мнение в этой стране было явно не в пользу Советского Союза. Отношение ее элиты к СССР достаточно откровенно изложил в своих мемуарах бывший в то время заместителем государственного секретаря США С. Уэллес: «В те довоенные годы представители крупных финансовых и торговых кругов в западных демократических странах, включая и Соединенные Штаты, были твердо уверены, что война между Советским Союзом и гитлеровской Германией будет только благоприятна для их собственных интересов. Они утверждали, что Россия непременно потерпит поражение, и тем самым будет ликвидирован коммунизм»[96]. Государственный департамент США в меморандуме от 21 июня 1941 г. рекомендовал американскому руководству: «Мы не должны заранее давать никаких обещаний Советскому Союзу в отношении помощи, которую мы сможем оказать в случае германо-советского конфликта, и не будем принимать на себя никаких обязательств в отношении нашей будущей политики к России»[97].

В концентрированном виде подход англичан и американцев к отношениям с СССР выразил в одном из писем в Вашингтон посол США в Москве в предвоенный период Л. Штейнгардт: «Основная ошибка союзной, а затем и английской дипломатии заключалась в том, что она была постоянно направлена на то, чтобы попытаться побудить Советский Союз предпринять определенные действия, которые если и не привели бы к военному конфликту с Германией, то повлекли за собой настоящий риск возникновения такого конфликта»[98].

На северных границах Советского Союза строила планы реванша Финляндия, перешедшая в лагерь союзников Германии. Балканские страны находились под пятой вермахта. На юге Турция выжидала разгрома СССР немцами, чтобы не упустить свою часть «русского пирога». На востоке такую же выжидательную позицию заняла вооруженная до зубов Квантунская армия Японии.

Так что диапазон внешнеполитических маневров оказался невелик. Попытки активного крена в сторону Англии могли бы привести к обострению и без того напряженных отношений с Германией с перспективой приближения начала войны. В свою очередь, усиление акцента на отношениях с немцами увеличивало бы враждебность Англии и США по отношению к СССР, что в случае нападения Гитлера лишало бы Москву потенциальных союзников. В шахматах похожую ситуацию называют патовой, когда королю шах прямо не объявлен, но любой его ход ставит эту фигуру под удар и, следовательно, становится невозможным. Разница заключается лишь в том, что в шахматах подобное положение ведет к ничейному результату, а в рассматриваемом политическом случае — к серьезной угрозе для безопасности страны.

В такой взрывоопасной обстановке Сталин предпочел не делать каких-либо активных шагов, которые определенно связали бы СССР с одним из центров силы, избрав тактику осторожного лавирования между англо-американским и немецким блоками.

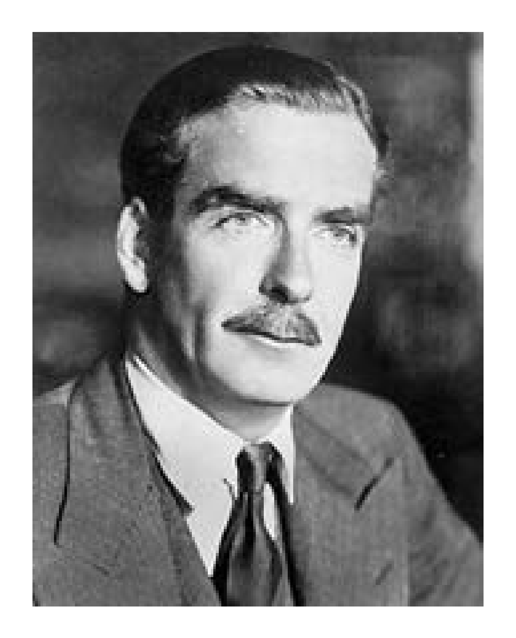
Можно было бы, конечно, проигнорировать внешние условия и приступить к проведению массированных мобилизационных мер. К чему это могло привести в той конкретной исторической обстановке? Геббельсовская пропаганда подняла бы крик о подготовке Москвой нападения на Германию в целях обеспечения победы большевизма в Европе. Гитлер заявил бы о вынужденной войне с СССР для спасения западной цивилизации. Англия и США могли бы занять в такой ситуации позицию стороннего наблюдателя. В итоге вновь сработала бы излюбленная тактика фюрера — изолировать своих очередных противников и бить их поодиночке. Об этих опасениях недвусмысленно сказал в одной из бесед после войны В. М. Молотов: «Нас упрекают, что мы не обратили внимания на разведку. Предупреждали, да. Но если бы мы пошли за разведкой, дали бы малейший повод, он бы (Гитлер) раньше напал»[99].

Судя по отдельным высказываниям Сталина, он искал выход из международной изоляции на путях улучшения отношений с США, полагая, что именно Соединенные Штаты в силу своей индустриальной и финансовой мощи будут оказывать определяющее влияние на позиции других западных стран в ходе войны. Эти оценки нашли свое отражение, например, в директиве, направленной 27 ноября 1941 г. в американские резидентуры за рубежом, где говорилось, что «США в мировой политике капиталистических стран занимают в настоящее время ведущую роль»[100]. Однако рассчитывать на поддержку со стороны Рузвельта в войне с немцами, как уже указывалось, можно было в том случае, если немецкое вторжение американцы будут считать не спровоцированным какими-либо военными мерами Советского Союза. Следовательно, нужно было как минимум не допускать подобных действий. В последние предвоенные месяцы Сталин проводил такую линию самым жестким образом. Именно поэтому, как представляется, 14 июня 1941 г., за неделю до начала войны, было опубликовано заявление ТАСС, которое в большей степени адресовалось американцам. В нем четко и официально в преддверии надвигающейся войны была еще раз зафиксирована сугубо мирная позиция Советского Союза. Именно так ее расценили в Берлине. В частности, Й. Геббельс записал 15 июня в своем дневнике: «Опровержение ТАСС оказалось более сильным, чем можно было предположить по первым сообщениям. Очевидно, Сталин хочет с помощью подчеркнуто дружественного тона и утверждений, что ничего не происходит, снять с себя все возможные доводы для обвинений в развязывании войны»[101]. Зловещее отсутствие официальной реакции немцев было правильно истолковано в столицах США и Англии.

С учетом изложенных обстоятельств даже самые тревожные разведывательные сообщения вряд ли смогли бы что-то изменить в избранной Сталиным тактике. Поскольку он не посвящал руководство внешней разведки в свои внешнеполитические расчеты, его поведение казалось непонятным и рассматривалось иногда как недоверие к докладываемой информации. Примечательными в этом отношении являются воспоминания руководителя внешней разведки Фитина о поведении Сталина в ходе доклада ему сообщений Старшины и Корсиканца 17 июня 1941 г. В частности, у Фитина сложилось впечатление, что Сталин воспринимал доклад как досадную необходимость, не проявлял особой заинтересованности, казалось, что мысли его были заняты чем-то другим[102].

Каковы были внешнеполитические последствия данной линии? После нападения на СССР Гитлер был заклеймен как агрессор общественным мнением и правительствами США и Англии. Рузвельт и Черчилль пообещали Советскому Союзу помощь. С этого момента Гитлер в политическом отношении войну проиграл. Вместо международной изоляции очередной жертвы агрессии он сам оказался перед лицом коалиции сильнейших мировых держав, в которую СССР впервые с послереволюционных лет был принят на равных.

В то же время было бы, видимо, излишним усматривать здесь реализацию какой-то заранее спланированной хитроумной внешнеполитической комбинации Сталина. Это, скорее, был результат его вынужденной реакции на весьма неблагоприятные внешние условия, в которых оказалась страна. При всем положительном значении преодоления Советским Союзом международной изоляции в начале войны цена, которую пришлось заплатить на полях сражений за данный потенциальный политический выигрыш, оказалась катастрофически высокой.

А. Иден

С. Криппс

Уместно еще раз подчеркнуть, что разведка, как известно, не начинает и не выигрывает войну, она только добывает информацию об условиях, которые могут способствовать началу войны или обеспечению победы. Поэтому причины трагических событий июня 1941 г. следует искать не в недоработках разведки, а в глубинных политических проблемах, решенных не до конца, либо решенных не оптимально.

Важнейшие задачи советская внешняя разведка решала и на Дальнем Востоке. В начале 1930-х гг. ситуация в Дальневосточном регионе характеризовалась опасными для Советского Союза тенденциями. Стремясь за счет агрессивной экспансии и захвата новых рынков преодолеть последствия мирового экономического кризиса, Япония напала на Китай и в 1932 г. создала на оккупированной территории Маньчжурии марионеточное государство Маньчжоу-Го. Как указывалось в полученном внешней разведкой «Меморандуме Танаки» (японская программа борьбы за мировое господство), для завоевания Китая необходимо было сначала покорить Маньчжурию и Монголию. Бороться за мировое господство, в том числе и против СССР, можно было только после разгрома Китая, используя его ресурсы.

25 марта 1933 г. Япония вышла из Лиги Наций. Это было демонстрацией готовности к дальнейшему расширению агрессивных действий в регионе, не исключая военных шагов против СССР. О подобной направленности военных планов Токио свидетельствовало и подписание 25 ноября 1936 г. представителями Японии и Германии «Соглашения против Коммунистического Интернационала», известного больше как Антикоминтерновский пакт.

В июле 1937 г. японские войска развернули полномасштабные боевые действия против Китайской республики и к декабрю того же года захватили ряд крупных китайских городов. В результате на восточных рубежах СССР разрастался опасный очаг военной угрозы, который в случае развертывания германской агрессии в Европе мог привести Советский Союз к войне на два фронта.

В связи с этим советское руководство поставило перед внешней разведкой следующие задачи: своевременное и полное вскрытие военных планов и намерений японских милитаристов, направленных против Советского Союза, дружественной Монгольской Народной Республики и Китая; добывание политической и экономической информации по Японии, а также сведений о ее сотрудничестве с Германией и отношениях с США и Англией.

И. И. Шебеко

Б. И. Гудзь

Решением указанных задач занималась легальная резидентура внешней разведки в Токио, которую составляли в 1933 г. три человека. С 1932 по 1934 г. ее возглавлял И. И. Шебеко, а с 1934 по 1936 г. — Б. И. Гудзь. К сожалению, ни один из сотрудников не владел японским языком, что, естественно, ограничивало их возможности в работе по местному контингенту. Данное обстоятельство, а также жесткий контрразведывательный режим в отношении персонала советских учреждений в Японии не позволили существенно расширить агентурный аппарат, в котором преобладали граждане других стран. Центру не удалось также создать условия для развертывания здесь нелегальной резидентуры.

С учетом данных обстоятельств внешняя разведка задействовала свои возможности в других странах для работы по японской проблематике. В первую очередь это относилось к Китаю и Корее. К началу 1930-х гг. в Китае действовало 17 резидентур внешней разведки, из них 12 легальных: в Харбине, Чунцине, Шанхае, Ланьчжоу, Урумчи, Кульдже, Чугучаке, Шара-Сумэ, Хами, Кашгаре, Хотане и Аксу. Нелегальные резидентуры были снабжены радиосредствами для связи с Центром на случай войны с Японией. Созданная ими агентурная сеть позволяла успешно решать поставленные руководством задачи.

Особенно напористо и эффективно работала резидентура в Харбине. В 1933 г. она насчитывала шесть сотрудников, которым удалось создать сильный и разветвленный агентурный аппарат. Из его состава 35 источников давали ценную информацию, в том числе по японской линии. Резидентура приобрела несколько агентов из числа японцев, передававших в Центр важные материалы из штаба Квантунской армии, японской военной миссии в Харбине, разведывательных и контрразведывательных органов Японии.

В рассматриваемый период в Харбин был переведен ценный источник сеульской резидентуры Абэ, ответственный сотрудник главного жандармского управления Японии. От него стала поступать представляющая значительный интерес информация о передислокации в Маньчжурию японских войск, их вооружении и боевой технике. В 1935 г. были получены данные о планах японских спецслужб по сбору сведений относительно готовности Советского Союза к ведению бактериологической войны. В этих устремлениях отражался интерес японцев к перспективам ведения бактериологической войны против потенциальных противников. В 1936 г. харбинская резидентура добыла ценные документальные материалы, раскрывающие

подготовку Японией войны против СССР и МНР и создание в этих целях соответствующей инфраструктуры на Маньчжурском ТВД (театр военных действий). Во время переговоров о продаже Китайско-Восточной железной дороги Абэ снабжал резидентуру сведениями о позиции японской стороны, что оказало советской делегации существенную помощь по отстаиванию наших интересов.

Весьма полезной была добываемая Абэ контрразведывательная информация об агентуре японских спецслужб, работавшей против СССР; о создании воинских формирований из числа эмигрантов для переброски на советскую территорию; о советских гражданах, попавших в поле зрения японской контрразведки. В 1936—1941 гг. резидентура на основании информации агентов в японских спецслужбах сообщала в Центр о вербовках советских граждан в пограничной полосе и переброске японских агентов на советский Дальний Восток. Благодаря сведениям Абэ о вербовке японцами одного из сотрудников резидентуры советской военной разведки удалось предотвратить крупную провокацию. Были также вскрыты планы японских спецслужб по вербовке от имени НКВД сотрудников советских организаций в Харбине. Часть советских граждан, уже привлеченных подобным образом к сотрудничеству с японцами, удалось вывезти в Советский Союз. В результате принятых мер указанная операция была пресечена. Абэ участвовал в компрометации и выдворении из Маньчжурии наиболее активных деятелей белой эмиграции, сотрудничавших с японскими спецслужбами.

Важные сведения были получены относительно деятельности американской и немецкой разведок в Китае, а также японской и английской в Синьцзяне. Резидентуре удалось получить доклады японского военного атташе в Германии о результатах маневров вермахта и боеспособности немецкой армии в целом.

Через агентуру в японском военно-промышленном комплексе резидентура наладила поступление информации о японских военно-технических новинках. В частности, источники передали образцы нового типа карбюратора для автомобилей и танков, а также сверхпрочных сплавов. В 1933—1937 гг. харбинская резидентура ежегодно добывала около 200 секретных документальных материалов. Ее работа высоко оценивалась Центром.

Шанхайская легальная резидентура в рассматриваемый период смогла создать канал получения важной информации из военно-политического отдела японской разведки в Шанхае. В результате было налажено регулярное поступление секретных сведений о планах и устремлениях японских спецслужб на советском Дальнем Востоке, о перебрасываемой в СССР агентуре и каналах связи с ней. В 1934 г. в «русский» отдел японской разведки при военной миссии в Шанхае был успешно внедрен агент из числа белоэмигрантов. Он передавал резидентуре ценные сведения о деятельности японской разведки на территории Советского Союза и в Синьцзяне.

В 1933 г. к власти в Синьцзяне, богатой полезными ископаемыми китайской провинции, пришел ставленник центрального правительства Шэнь Шицай. Однако он не смог справиться с мятежом дунган, поддерживавшихся японцами, и обратился за помощью к советскому правительству, которое оказало ему содействие войсками и оружием. Данное обстоятельство вызвало негативную реакцию Англии, опасавшейся проникновения «коммунизма» в Индию и Афганистан. В связи с этим английская разведка активно вербовала агентуру в Синьцзяне для подготовки заговора в целях устранения здесь советского влияния. Параллельно аналогичную активность проявляли и японские спецслужбы.

Резидентуры внешней разведки в Синьцзяне вели борьбу с деятельностью японской и английской разведок. В частности, легальная резидентура в Урумчи, столице Синьцзяна, через свою агентуру в маньчжурских войсках и белогвардейских формированиях, находившихся на службе местного правительства, получила сведения о подготовке заговора против Шэнь Шицая. За руководителями заговора стояли британские спецслужбы. Указанная информация была передана руководству провинции, и попытку переворота удалось пресечь.

Однако в 1936 г. английская разведка через свою агентуру в панисламистской группировке Мухаммеда Эммина, бывшего члена правительства в Урумчи, вновь подготовила переворот в целях создания в Синьцзяне «независимого государства». Этот план также был своевременно

вскрыт резидентурой внешней разведки, а действия заговорщиков пресечены китайским правительством. В ходе работы по мятежным организациям резидентура получила ценные сведения о конкретной деятельности английской и японской разведок в Синьцзяне и их агентуре. Были подтверждены данные о том, что их главной целью было нанесение ущерба интересам и безопасности СССР.

В захваченной японцами Корее под прикрытием генконсульства СССР в Сеуле действовала легальная резидентура внешней разведки. Именно ей удалось привлечь к сотрудничеству уже упоминавшегося офицера главного жандармского управления Японии Абэ. До его перевода в Харбин в 1934 г. данный источник передал резидентуре ценную информацию, касающуюся «Меморандума Танаки»[103]. От него были также получены документы генерального штаба Японии, штабов Корейской (так назывались японские войска в Корее) и Квантунской группировок войск, главного жандармского управления, полиции, органов военной разведки и контрразведки. По заданию Центра он привлек к сотрудничеству с советской внешней разведкой офицеров штаба Корейской армии Чона и Тура, сотрудников главного жандармского управления Сая и Ли, а также ряд других японских чиновников и военнослужащих, ставших затем источниками ценной документальной информации. От этой агентуры систематически поступали важные секретные материалы о внешней политике Японии, ее планах в отношении СССР, ведении разведывательной работы против Советского Союза. Особую ценность имели мобилизационные планы Корейской армии.

Значительное количество полезной информации по японскому направлению внешней разведке удалось добыть в европейских странах, в частности в Италии. Источники резидентуры в Риме установили, что японский военный атташе ведет служебную переписку с правительственными ведомствами своей страны через местное почтовое отделение. В результате настойчивых усилий было организовано знакомство нашего агента с одним из итальянских почтальонов, который после некоторых колебаний согласился передавать ему на время почту японца за вознаграждение. Благодаря этому резидентура смогла читать переписку МИДа и министерства обороны Японии в течение семи лет. Был получен значительный объем важной документальной информации, непосредственно затрагивающей безопасность СССР. По оценке Центра, «большинство материалов представили большую ценность, так как касались военных сооружений и приготовлений со стороны японцев на советской дальневосточной границе»[104]. Резидентуре в Риме удалось получить доступ к документам японского военного атташе в Италии. В 1935 г. внешняя разведка добыла в Голландии японский дипломатический шифр. Все это позволило читать секретную переписку МИДа, генштаба и спецслужб Японии.

В этой связи большую ценность имела после заключения советско-германского договора о ненападении перехваченная внешней разведкой телеграмма генконсула Японии в Вене, в которой указывалось: «Не подлежит сомнению, что позиции СССР на Дальнем Востоке в результате германо-советского договора значительно усилились, и необходимо с предельным вниманием отнестись к тому, какую позицию займет СССР по отношению к нам, пользуясь своим новым положением»[105]. Неслучайно 15 сентября 1939 г. Япония пошла на подписание унизительного для нее соглашения о прекращении военных действий в Монголии у р. Халхин-Гол.

В целом внешняя разведка в рассматриваемый период достаточно полно обеспечивала советское руководство достоверной информацией о развитии ситуации на Дальнем Востоке, деятельности здесь Японии и других ведущих государств, японских военно-политических планах в отношении СССР. Большой вклад ее резидентуры внесли в выявление и пресечение подрывной работы против советского Дальнего Востока японских спецслужб и состоявших у них на службе белоэмигрантских, а также других антисоветских политических организаций. Несмотря на многочисленные планы японских разведорганов относительно использования агентуры из числа белоэмигрантов для организации «восстаний» и других политических выступлений на советской территории, ни один из них реализовать не удалось.

К числу недостатков в работе внешней разведки в регионе следует отнести дефицит сотрудников, владевших местными языками. Это приводило к вполне понятному крену в

сторону преимущественной вербовки русскоязычных эмигрантов и определенной перегрузке агентурной сети малоэффективным балластом.

В 1937–1938 гг. японцы захватили в Китае практически все крупные города и порты. Под их контролем оказались основные промышленные районы и железные дороги. В июле 1938 г. части японской Корейской армии перешли советскую границу и захватили сопки в районе озера Хасан. Внешняя разведка своевременно предупредила руководство страны о приведении японских войск в регионе в боевую готовность, а также об активизации системы ПВО[106]. В результате десятидневных боев японские войска были отброшены с советской территории. Тем не менее в мае 1939 г. японцы вновь напали на советские и монгольские войска у р. Халхин-Гол. И в данном случае внешняя разведка добыла информацию о предстоящем нападении. «Пограничный инцидент» быстро перерос в длившиеся четыре месяца кровопролитные боевые действия, которые завершились разгромом крупной группировки японских и маньчжурских войск. Вариант дальневосточного блицкрига был серьезно скомпрометирован. Это побудило японское руководство перенести акцент на рассмотрение южного направления своей военной экспансии.

Вместе с тем перерастание напряженных отношений с Японией в вооруженные столкновения остро поставило проблему активизации работы по вскрытию военно-политических планов ее руководства в отношении развязывания войны с Советским Союзом. К сожалению, именно в данный напряженный период резидентуры внешней разведки в регионе понесли болезненные кадровые и агентурные потери в результате репрессий. Особенно пострадала харбинская резидентура, где по указанию Центра пришлось отказаться от работы с наиболее ценными источниками, включая Абэ.

Тем не менее с самого начала освободительной войны в Китае резидентуры внешней разведки оказывали китайцам большую помощь в борьбе с японскими захватчиками своими силами и средствами. В частности, советские разведчики участвовали в подготовке диверсионно-разведывательных групп из числа китайцев, их заброске на оккупированные территории, снабжении партизан оружием, боеприпасами и медикаментами по оперативным каналам. Постепенно это привело к налаживанию официального взаимодействия между внешней разведкой и китайскими партнерами на основе общей борьбы с японскими милитаристами. В 1938 г. было подписано соответствующее соглашение и создано Объединенное бюро для ведения совместной разведывательной работы по Японии. На первом этапе в ходе взаимодействия с китайцами удавалось получать представлявшие интерес сведения о японских вооруженных силах и конкретных военных операциях японцев. В дальнейшем возникли трудности, связанные со снижением китайцами их вклада в общую информационную работу и завышением требований к советской стороне. Естественно, попытки извлечь из партнерского сотрудничества односторонние выгоды не могли устроить внешнюю разведку, и взаимодействие на постоянной основе было постепенно свернуто.

Что касается легальной резидентуры в Токио, то она в январе 1940 г. была существенно обновлена. Вновь прибывшие сотрудники (три человека) во главе с резидентом Г. Г. Долбиным активизировали работу с агентурой. Были приняты необходимые меры по проверке источников и отказу от работы с сомнительными лицами. Благодаря целеустремленным усилиям удалось расширить агентурный аппарат, хотя в нем по-прежнему преобладали иностранцы. Приобретенная агентура позволяла получать сведения о планах японцев против СССР. В 1940–1941 гг. по данной проблематике резидентура направила в Центр около 30 сообщений. В них вскрывались коренные разногласия в японской элите по поводу основных направлений дальнейшей вооруженной экспансии.

Одной из важнейших задач, поставленных советским руководством перед внешней разведкой, являлось максимальное содействие индустриализации страны и военно-техническому переоснащению Красной армии. Это осуществлялось путем добывания секретной информации в сфере науки и техники.

В 1930 г. для ведения научно-технической разведки (НТР) в составе ИНО ОГПУ было создано специальное подразделение (8-е отделение). В его непосредственные задачи входила

организация разведывательной работы по добыванию конструкторских и производственных чертежей, схем, образцов технических новинок, сведений об изобретениях, которые не могли быть получены обычным путем. Данное подразделение непосредственно связывалось с отечественными исследовательскими и промышленными организациями и получало от них задания, что способствовало тесной увязке добывавшейся научно-технической информации с потребностями народного хозяйства страны.

В результате развернутой оперативной деятельности был создан агентурный аппарат в индустриально развитых западных государствах — Германии, США, Англии, Франции, Чехословакии и других, который позволил наладить регулярное получение секретной информации по проблемам, имевшим существенное промышленное и оборонное значение. В частности, в Германии в 1930-е гг. заместитель резидента по научно-технической линии Г. Б. Овакимян привлек к сотрудничеству источника, располагавшего информацией о достижениях немецких ученых в исследованиях по расщеплению атома. Полученные сведения были высоко оценены советскими учеными. Другие ценные агенты Г. Б. Овакимяна снабжали внешнюю разведку материалами о разработке в Германии новых боевых отравляющих веществ и противогазов для армии, о работах в области создания радаров для ПВО, акустических торпед для ВМФ, технологий производства синтетического бензина и каучука и прочем.

Весьма активно действовали резидентуры внешней разведки по научно-технической линии в США. Так, в начале 1930-х гг. был добыт доклад «Об итогах работы по созданию ракетного двигателя на жидком топливе», получивший высокую оценку командования РККА. Через агентуру обеспечивался доступ к технологиям переработки сернистой нефти, производства смазочных масел и авиабензина, полиэтилена, синтетического каучука, другой ценной информации. Накануне войны в 1939—1940 гг. американские резидентуры направили в Центр около 450 секретных документальных материалов, 955 чертежей и 163 новых технических образца.

Резидентура в Париже добывала ценные сведения в области бактериологии, искусственных волокон, счетно-вычислительных устройств, а также о французской, немецкой, итальянской боевой технике и вооружениях.

Информация внешней разведки о технологиях производства твердых сплавов и новых марок стали получила высокую оценку наркома тяжелой промышленности Г. К. Орджоникидзе и была внедрена с большим экономическим эффектом в экономику страны. В 1933—1937 гг. десятки спецсообщений о добытой важной научно-технической информации были доложены И. В. Сталину и В. М. Молотову.

Вместе с тем репрессии нанесли ущерб и научно-технической разведке. Она лишилась ощутимой части квалифицированных кадров. В структуре внешней разведки было упразднено специальное подразделение по работе в научно-технической области. Как отдельное звено научно-техническая разведка осталась только в англо-американском отделе. В 1938 г. с учетом обострения международной обстановки вследствие агрессивных действий гитлеровской Германии руководство страны поручило внешней разведке усилить работу на научно-техническом направлении. Личный состав в Центре и резидентурах был пополнен молодыми сотрудниками, выпускниками Школы особого назначения. Восстанавливалась связь с имевшейся агентурой, приобретались новые источники. Принятые меры позволили расширить круг добываемых ценных материалов. Среди них следует отметить документацию по военной оптике, аппаратуре радиосвязи, быстроходным судам, самолето- и моторостроению и прочую.

Из поля зрения внешней разведки не ускользнуло открытие в 1939 г. цепной реакции деления ядер урана-235 с выделением колоссальной энергии. Наличие в Германии талантливых физиков, специалистов в данной области и прекращение публикаций об их достижениях наводило на мысль о возможности использования указанных физических явлений в целях создания оружия мощной разрушительной силы. В связи с этим по инициативе одного из руководящих сотрудников научно-технического направления внешней разведки Л. Р. Квасникова в основные резидентуры было направлено задание добывать сведения о ведущихся работах по созданию принципиально новых взрывчатых веществ большой мощности.

Деятельность военной разведки накануне войны

Накануне войны разведка Наркомата обороны СССР являлась одним из органов внешней разведки наряду с Управлением внешней разведки Наркомата внутренних дел[107] и Разведывательным управлением Наркомата Военно-морского флота СССР[108].

Военная разведка в предвоенные годы претерпела ряд изменений. В 1922 г. правительство Советской России упразднило Разведывательное управление РККА и на базе его штата, сокращенного в три раза, сформировало Разведывательный отдел Управления первого помощника начальника штаба РККА. В 1924 г., однако, разведотдел был вновь преобразован в Разведывательное управление РККА[109]. В 1935–1937 гг. в ряде стран произошли провалы и иностранными органами безопасности было арестовано несколько военных разведчиков, действовавших в Европе. Большой урон военная разведка понесла в период репрессий и чистки государственных органов. В мае 1937 г. И. В. Сталин дал указание распустить сеть Разведывательного управления и создать ее заново[110].

В 1937–1940 гг. наряду с оперативным составом (органами НКВД в сети Разведывательного управления были арестованы свыше 200 человек, отчислены только из частей центрального подчинения 365 человек) под молох репрессий попали и начальники военной разведки, среди них Я. К. Берзин, С. П. Урицкий, С. Г. Гендин, А. Г. Орлов. Назначенному 14 апреля 1939 г. начальником военной разведки Герою Советского Союза И. И. Проскурову удалось приостановить кадровую чистку, сохранить ряд старых разведчиков, имевших опыт зарубежной работы, даже тех, кто был подобран для этой работы Я. К. Берзиным. Некоторые опытные работники сохранились в Германии, Болгарии, Италии, Венгрии, Румынии, Польше, Франции, Швейцарии, Японии и ряде других стран, в то же время в органы военной разведки пришли свыше 300 новых сотрудников, большинство из которых не имели соответствующей подготовки[111].

В июле 1940 г. начальником Разведывательного управления Генерального штаба Красной армии был назначен генерал-лейтенант Ф. И. Голиков[112]. Должности его заместителей занимали генерал-майор А. П. Панфилов и генерал-майор И. Г. Рубин, заместителем по политической части — начальником отдела политической пропаганды был бригадный комиссар И. И. Ильичев.

Начальником 1-го агентурного (европейского) отдела был полковник А. М. Кузнецов. Полковник С. М. Чувырин возглавлял 2-й агентурный (балканский, восточный) отдел. Начальником 3-го агентурного (дальневосточного) отдела являлся полковник А. П. Кисленко. 4-й (военно-технический) отдел возглавлял военинженер 1-го ранга А. А. Коновалов. Деятельностью 5-го (диверсионного) отдела руководил полковник Х.-У. Д. Мамсуров. Начальником 7-го (оперативной пограничной разведки) был полковник И. В. Виноградов. Отдел радиоразведки и связи возглавлял военинженер 1 ранга И. Н. Артемьев. Дешифровальным отделом командовал полковник Н. А. Филатов. Начальником информационного отдела был генерал-майор Н. И. Дубинин (с апреля 1941 г. — генерал-майор Н. С. Дронов). Отдел военно-технической и экономической информации возглавлял полковник Г. П. Пугачев.

Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии занималось зарубежной разведкой и руководило деятельностью разведывательных отделов штабов Киевского, Западного, Прибалтийского особых, Одесского, Ленинградского и других военных округов.

Организацией деятельности зарубежной (стратегической) агентурной разведки занимались сотрудники американского, европейского, балканско-восточного и дальневосточного отделов. Они руководили работой более 100 зарубежных резидентур РУ ГШ КА, действовавших в 32 странах. Общая численность аппарата Разведуправления составляла 759 человек[113].

Резидентуры под прикрытием официальных советских представительств и нелегальные резидентуры РУ ГШ КА действовали в Афганистане, Англии, Бельгии, Болгарии, Венгрии, Германии, Голландии, Италии, Иране, Ираке, Китае, Корее, Маньчжурии, Польше, Румынии, США, Швеции, Швейцарии, Франции, Чехословакии, Югославии, Японии и некото-

Ф. И. Голиков

А. П. Панфилов

рых других странах. На территориях ряда иностранных государств действовали по две-три резидентуры военной разведки.

Зарубежные резидентуры добывали сведения военного, военно-политического, военно-экономического и военно-технического характера, которые были необходимы для укрепления безопасности СССР и содействия развитию советской промышленности, особенно той ее части, которая производила оружие и военную технику для Красной армии. Главным образом резидентуры РУ ГШ КА занимались добыванием сведений о гитлеровской Германии и ее вооруженных силах.

Во второй половине 1940 г. возможности большинства добывающих резидентур РУ ГШ КА по выполнению в полном объеме заданий командования были ограничены: сказывалось резкое кадровое ослабление вследствие развернутой органами НКВД кампании репрессий.

Генерал-лейтенант Ф. И. Голиков с приходом к руководству Разведуправлением активизировал работу по укреплению сил зарубежных аппаратов военной разведки, от которых зависели качество и количество добываемых разведывательных сведений. Однако последствия репрессий преодолевались с большим трудом, что сказывалось на качестве и количестве добываемых разведывательных сведений. Этот недостаток был отмечен 7 мая 1940 г. в ходе передачи руководства Наркоматом обороны Маршалом Советского Союза К. Е. Ворошиловым Маршалу Советского Союза С. К. Тимошенко.

В акте передачи дел состояние советской военной разведки в целом оценивалось отрицательно. В частности, указывалось: «Организация разведки является одним из наиболее слабых участков в работе Наркомата обороны. Организованной разведки и систематического поступления данных об иностранных армиях не имеется. Работа Разведуправления не связана с работой Генерального штаба. Наркомат обороны не имеет в лице Разведуправления органа, обеспечивающего Красную армию данными об организации, состоянии, вооружении и подготовке к развертыванию иностранных армий. К моменту принятия Наркомат обороны такими разведывательными данными не располагает. Театры военных действий и их подготовка не изучены»[114].

В целом, в 1940 г. в Разведывательном управлении ГШ КА было подготовлено 282 специальных сообщения. Из них положению в Европе было посвящено 154 специальных сообщения, обстановка в Азии отражалась в 88, ситуация в странах Америки — в 38, обстановка в отдельных странах Африки — в двух спецсообщениях. Приведенные статистические сведения позволяют сделать однозначный вывод о том, что РУ ГШ КА основное внимание в разведывательной деятельности уделяло добыванию сведений о событиях военного и военно-политического характера, происходивших в Европе. Более того, наибольший интерес разведчики проявляли к Германии, ее вооруженным силам и германской военной промышленности.

Развернувшаяся в Европе война требовала наращивания усилий советской военной разведки по добыванию достоверных сведений об армиях воевавших государств. В связи с этим начальник Генерального штаба 12 декабря 1940 г. утвердил штаты и положение о новом Разведывательном управлении ГШ КА. Численность РУ была увеличена, а разведывательные задачи конкретизированы с учетом военно-политической обстановки в Европе.

Перед руководителями нелегальных резидентур военно-технической разведки были поставлены задачи по добыванию сведений о перспективных научно-исследовательских и опытно-конструкторских работах в области создания новых образцов оружия и военной техники. Военная промышленность СССР должна была выпускать оружие и военную технику, которые соответствовали новым требованиям и не уступали техническим новинкам, имевшимся на вооружении германской и других армий западных государств.

К началу Великой Отечественной войны на северо-западном, западном и юго-восточном направлениях в составе Ленинградского, Прибалтийского особого, Западного особого, Киевского особого и Одесского военных округов имелось пять агентурных отделений разведывательных отделов штабов и 30 приграничных разведывательных пунктов. В составе агентурной сети этих разведотделов штабов числились около 850 разведчиков и агентов, которые действовали на территориях государств, имевших общую границу с СССР.

В условиях начавшейся войны в Европе главной задачей Разведывательного управления было добывание упреждающих сведений о военных угрозах СССР, которые могли исходить от гитлеровской Германии и ее союзников, в первую очередь Японии.

В период с 1 июня 1940 по 22 июня 1941 г. в Центр от руководителей зарубежных резидентур РУ ГШ Красной армии поступило около 270 донесений, в которых отражалось нарастание угрозы со стороны фашистской Германии. 129 донесений были доложены высшим политическим деятелям и командованию Красной армии. Начальник военной разведки направлял в адрес высшего политического руководства СССР следующие виды разведывательных документов: специальные сообщения по военным и военно-политическим вопросам, донесения резидентов и разведывательные сводки.

Информационные документы военной разведки направлялись по двум спискам. В первом списке в 1940 г. и до середины января 1941 г. были фамилии И. В. Сталина, В. М. Молотова, С. К. Тимошенко и К. А. Мерецкова. С конца января по июль 1941 г. вместо К. А. Мерецкова в первый список была включена фамилия нового начальника Генштаба Г. К. Жукова, во второй список — И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, С. К. Тимошенко, Л. П. Берии, Н. Г. Кузнецова, А. С. Щербакова, А. А. Жданова, Г. К. Жукова. Иногда во второй список включались фамилии Б. М. Шапошникова и С. М. Буденного.

Документы Разведуправления Красной армии поэтапно вскрывали подготовку Германии к нападению на СССР, условно их можно разделить на три группы.

Первая группа — донесения, отражавшие предварительную подготовку Германии к войне против СССР (июнь — декабрь 1940 г.).

В сообщениях военных разведчиков, поступавших в Центр в этот период, отражались следующие мероприятия германского руководства: укрепление блока прогерманских государств, принятие Гитлером решения о войне против СССР, переброска германских войск с запада на восток, ограничение советско-германских торгово-экономических связей.

За этот период военные разведчики, действовавшие в Берлине, Варшаве, Женеве, Будапеште, Бухаресте и Токио, более 25 раз сообщали в Центр о том, что военно-политическое руководство Германии проводит мероприятия, которые свидетельствуют об изменении отношения к СССР. На основе донесений резидентов в Центре было подготовлено пять специальных сообщений и восемь разведывательных сводок.

В 1940 г. советская военная разведка внимательно следила за политическими маневрами германского руководства. В Центр регулярно поступали донесения от Р. Зорге (Рамзай), И. Штёбе (Альта), У. Кучински (Соня), Ю. Бриль (Бера), С. Побережника (Семен), а также от других разведчиков, действовавших в Англии, Болгарии, Румынии и Японии. В частности, 9 сентября 1940 г. И. Штёбе доложила в Центр о том, что Гитлер намерен весной 1941 г. разрешить все вопросы на Востоке военными действиями.

Наиболее важные шифродонесения по требованию И. В. Сталина после некоторой стилистической обработки в Центре направлялись политическому руководству СССР и командованию Красной армии.

Сообщения разведчиков о нарастании военной угрозы со стороны Германии анализировались и обобщались в Центре. На их основе в Разведуправлении, например, 29 августа 1940 г. было подготовлено специальное сообщение «Состав и группировка немецких войск в Восточной Пруссии и на территории Польши на 25 августа 1940 г.». В нем указывалось, что «всего свыше 70 дивизий, то есть 1/3 сухопутных войск Германской армии, сосредоточено на Востоке против СССР, из них: до 50 дивизий, все танковые и моторизованные дивизии расположены в приграничной с СССР полосе в плотной группировке»[115].

Усилия Гитлера и верховного командования германских вооруженных сил по оперативно-стратегической маскировке переброски войск к советской границе не смогли полностью скрыть подготовку Германии к войне против Советского Союза. Об этом свидетельствует специальное сообщение Разведывательного управления Красной армии «О формировании в Германии новых дивизий»[116], в котором сообщалось о формировании новых 40 дивизий для переброски на Восток, об увеличении производства боеприпасов и о плане строительства дорог в восточной части Германии и в Польше. В других специальных сообщениях РУ этого периода были также систематизированы разведывательные сведения о переброске германских войск из Франции на Восток.

Начавшуюся концентрацию германских войск у советской границы в сентябре 1940 г. отмечали в своих донесениях и советские военные атташе. Из Берлина тревожные донесения в Москву направлял генерал-майор М. А. Пуркаев, из Парижа — генерал-майор И. А. Суслопаров.

В целом резидентуры РУ ГШ КА, действовавшие в Германии, Румынии, Польше, Болгарии и Италии, своевременно выявили начало переброски германских войск с запада на восток. Сведения об этом были доложены политическому руководству СССР и командованию Красной армии, но, к сожалению, не привлекли должного внимания.

29 декабря 1940 г. исполнявший обязанности резидента РУ ГШ КА в Берлине полковник Н. Д. Скорняков (оперативный псевдоним Метеор) доложил в Центр о том, что источник Альта сообщила о подписании Гитлером приказа о подготовке к войне против СССР. По данным источника, «Германия начнет войну в марте следующего года»[117].

Директива № 21 была подготовлена в ставке фюрера в девяти экземплярах, имела гриф «совершенно секретно» и предназначалась только для высшего командования вооруженных сил Германии[118]. Тем не менее резидентура военной разведки в Берлине уже через десять дней после подписания Гитлером этой директивы узнала ее содержание. Донесение Альты было доложено И. В. Сталину, В. М. Молотову, С. К. Тимошенко и К. А. Мерецкову.

Командование РУ ГШ КА продолжало требовать от своих резидентов внимательного изучения обстановки в Германии. Генерал Ф. И. Голиков приказал полковнику Н. Д. Скорнякову проверить сведения Альты и «через пять дней доложить в Центр, соответствуют ли они действительности»[119]. 4 января 1941 г. Альта подтвердила правильность сведений, полученных в конце декабря 1940 г.

К. Велкиш

Р. Зорге

У. Кучински

И. Штёбе

Во второй половине 1940 г. ценные сведения о подготовке Германии к войне против СССР поступали в Центр от разведчиков Курта Велкиша (источник АВС), Иогана Венцеля (Паскаль), Леопольда Треппера (Отто), Шандора Радо (Дора) и других.

В целом, за 1940 г. Разведывательное управление ГШ КА подготовило девять разведывательных сводок по Западу. В них содержалось 186 статей, включавших разведывательные сведения по странам гитлеровского блока. Германии было посвящено 56 статей, в 22 статьях оценивались вооруженные силы Италии, 16 статей отражали сведения по Румынии, 18 — по Финляндии, 13 — по Венгрии, Словакии и Болгарии[120].

Из 56 разведывательных сообщений по Германии 12 было посвящено боевому составу германских войск, их группировке и численности, три — боевым действиям немецких войск в Европе, два — военно-стратегическим планам Германии, два — мобилизационным мероприятиям, четыре — инженерной подготовке театра военных действий и строительству укрепрайонов, 12 — состоянию военно-воздушных сил, одно — состоянию военно-морских сил, шесть — германской экономике, одно — политической обработке германских войск, три — боевой подготовке немецких войск, два — военной технике вермахта, одно — положению в оккупированных странах.

В разведывательной сводке № 8 за ноябрь 1940 г. указывалось: «Установлено увеличение германских войск против наших западных границ. Это требует к себе серьезного внимания, так как общее количество германских сил на Востоке во многом превосходит силы, необходимые для охраны границ»[121].

Разведывательные сведения, добывавшиеся зарубежными резидентурами военной разведки, направлялись командованием Разведуправления в Генеральный штаб и использовались в процессе оценки сил вероятных противников СССР на Западе и Востоке. В частности, 18 сентября 1940 г. нарком обороны СССР С. К. Тимошенко и начальник Генерального штаба К. А. Мерецков представили в ЦК ВКП(б) И. В. Сталину и В. М. Молотову записку «Об основах развертывания Вооруженных сил Советского Союза на Западе и Востоке на 1940 и 1941 годы»[122].

В документе, исполненном генерал-майором А. М. Василевским, было отмечено, что основным, наиболее сильным противником СССР является Германия. На основе данных Разведуправления Генерального штаба Красной армии был сделан вывод о том, что Германия имеет развернутыми до 205–226 пехотных дивизий (в том числе до восьми моторизованных), 15–17 танковых дивизий, а всего до 243 дивизий, 10 тыс. танков и от 14 200 до 15 тыс. самолетов[123]. В докладе говорилось, что сложившаяся в Западной Европе обстановка позволяла немцам перебросить большую часть сил к нашим западным границам[124].

На основе сведений, добытых в том числе и зарубежными структурами военной разведки, указывалось, что всего против СССР на Западе может быть развернуто: Германией — 173 пехотные дивизии, 10 тыс. танков и 13 тыс. самолетов; Финляндией — 15 пехотных дивизий, 400 самолетов; Румынией — 30 пехотных дивизий, 250 танков, 1100 самолетов; Венгрией — 15 пехотных дивизий, 300 танков, 600 самолетов. Всего — 233 пехотные дивизии, 10 550 танков, 15 100 самолетов[125].

В записке не без основания отмечалось, что документальными данными об оперативных планах вероятных противников как по Западу, так и по Востоку Генеральный штаб не располагал. Это замечание отражало серьезный недостаток, имевшийся в деятельности Разведывательного управления, сотрудники которого к концу 1940 г. не смогли добыть документальных материалов по этому вопросу, так как ослабленная репрессиями военная разведка еще не смогла завербовать агентов, работавших в высших штабах германской и японской армий.

Ко второй группе донесений военной разведки относятся сообщения, отражавшие непосредственную подготовку Германии в войне против СССР (январь — апрель 1941 г.).

В донесениях военных разведчиков этого периода отражались следующие мероприятия германского руководства: подготовка к войне государственных структур Германии, оборудование театра военных действий, формирование немецких ударных группировок на театре войны, создание стратегических резервов.

В добывании этих сведений принимали участие кадровые офицеры военной разведки, которые действовали в Берлине, Белграде, Бухаресте, Будапеште, Вене, Праге и Софии. Наиболее важные донесения разведчиков начальник Разведуправления также направлял высшему политическому руководству СССР и командованию Красной армии.

Сбором сведений о Германии в европейских странах занимались: в Берлине — генерал-майор В. И. Тупиков, в Париже — генерал-майор И. А. Суслопаров, в Будапеште — полковник Н. Г. Ляхтеров, в Бухаресте — полковник Г. М. Еремин, в Софии — полковник Л. А. Середа, в Белграде — генерал-майор А. Г. Самохин, в Праге — полковник А. В. Яковлев, в Стокгольме — полковник Н. И. Никитушев, в Лондоне — генерал-майор И. А. Скляров, в Финляндии — полковник И. В. Смирнов, из Токио сведения поступали от подполковника К. П. Сонина и майора М. И. Иванова.

Важные разведывательные сведения добывались в Берлине. Выполняя указание начальника Разведывательного управления об уточнении данных, изложенных в донесении Альты, полковник Н. Д. Скорняков 4 января 1941 г. сообщил в Центр о том, что Гитлер действительно готовится к войне против СССР. Разведчик уточнил, что сведения были получены от ценного источника — барона Рудольфа фон Шелия (псевдоним Ариец), сотрудника министерства иностранных дел Германии.

31 января 1941 г. Гитлер одобрил секретную директиву главного командования сухопутных войск Германии. В документе, носившем название «Директива по стратегическому сосредоточению и развертыванию войск (операция «Барбаросса»)» указывалось, что «операция должна быть проведена таким образом, чтобы посредством глубокого вклинения танковых войск была уничтожена вся масса русских войск, находящихся в Западной России. При этом необходимо предотвратить возможность отступления боеспособных русских войск в обширные внутренние районы страны»[126].

Содержание основных пунктов этой директивы, предназначавшейся только для командования и имевшей гриф «Совершенно секретно», также стало известно Ильзе Штёбе, которая сообщила о них в Центр. 28 февраля 1941 г. она докладывала: «Сформированы три группы армий, а именно: под командованием маршала Бока, Рундштедта и Риттера фон Лееба. Группа армий «Кёнигсберг» должна наступать в направлении Петербург, группа армий «Варшава» — в направлении Москва, группа армий «Позен» — в направлении Киев. Предполагаемая дата начала действий якобы 20 мая. Запланирован, по всей видимости, охватывающий удар в районе Пинска силами 120 немецких дивизий. Подготовительные мероприятия, например, привели к тому, что говорящие по-русски офицеры и унтер-офицеры распределены по штабам. Кроме того, уже строятся бронепоезда с шириной колеи, как в России». Далее И. Штёбе сообщала о том, что Гитлер «намерен разделить российского колосса на 20–30 различных государств, не заботясь о сохранении всех экономических связей внутри страны, чтобы... вызвать там недовольство на долгие времена». Завершая свое донесение, Альта сообщала о том, что «информация о России принадлежит человеку из окружения Геринга. В целом она имеет чисто военный характер и подтверждается военными, с которыми разговаривал Ариец»[127].

В начале января 1941 г. в Берлин прибыл новый советский военный атташе генерал-майор В. И. Тупиков. Находясь в столице рейха, он особое внимание уделил изучению германской армии. Во второй половине марта 1941 г. В. И. Тупиков направил в Москву «Доклад о боевом и численном составе развернутой германской армии и ее группировке по состоянию на 15.03.1941»[128]. Последний содержал более 100 страниц машинописного текста, 30 схем организационных структур боевых частей германской армии, общую схему группировки войск германской армии, схему группировки военно-воздушных сил Германии, схему организации немецкого армейского корпуса, сводные таблицы боевого состава артиллерийских частей вермахта и т. д.

Во второй половине апреля 1941 г. В. И. Тупиков направил в Москву очередной доклад «О группировке германской армии по состоянию на 25.04.1941»[129]. В этом докладе он писал, что война Германии против СССР — «вопрос сроков, и сроков не столь отдаленных», так как германское руководство, инициировавшее открытую антисоветскую пропагандистскую

И. А. Суслопаров

В. И. Тупиков

кампанию, не может «на долгий период планировать устойчивость германо-советских отношений на антисоветской основе».

Оценивая подготовку вермахта к войне против СССР, Тупиков обращал внимание командования Красной армии на то, что «группировка германской армии с осени 1940 года неизменно смещается на Восток. Сейчас на Востоке (Восточная Пруссия, Польша, Румыния) — до 118–120 дивизий... качественное состояние вооруженных сил по признакам политико-моральным, обученности и оснащенности сейчас пребывает в зените, и рассчитывать, что оно продержится на этом уровне долгое время, у руководителей рейха нет оснований, так как уже теперь чувствуется, что малейшие осложнения, намекающие на возможную затяжку войны, вызывают острую нервозность среди широких слоев населения».

Особую ценность представляла графическая «Схема возможных вариантов действий Германии против СССР», которую Тупиков подготовил лично. Варианты отражали возможные направления главных ударов германских войск в случае начала войны против СССР. На основании имевшихся в его распоряжении сведений он пришел к выводам, которые доложил в Москву: «1. В германских планах СССР фигурирует как очередной противник; 2. Сроки начала столкновения — возможно, более короткие и, безусловно, в пределах текущего года».

Ценные сведения поступали в Центр из Румынии. В первой половине 1941 г. резидентурой советской военной разведки в Бухаресте руководил полковник Г. М. Еремин. На связи у сотрудника этой резидентуры разведчика М. С. Шарова был агент Курт Велкиш (псевдоним АВС), который являлся пресс-секретарем германского посольства в столице Румынии. Велкиш имел доступ к секретным сведениям министерства иностранных дел Германии.

С января по июнь 1941 г. от Велкиша было получено значительное количество сведений о подготовке Германии к нападению на Советский Союз. Несколько донесений этого источника начальник военной разведки направил Сталину.

24 марта 1941 г. полковник Г. М. Еремин на основе сведений, полученных от Велкиша, сообщил в Центр о том, что «при встрече Антонеску с Герингом в Вене обсуждался вопрос о роли Румынии в предстоящей войне Германии с СССР... Геринг... дал ему ряд указаний по согласованию плана мобилизации румынской армии с планом мобилизации германской армии, который является планом войны Германии против СССР... Война должна начаться в мае»[130].

Через два дня Еремин уточнил данные о сроках нападения Германии на СССР. 26 марта он сообщил в Центр о том, что проверенный источник АВС был в командировке в Берлине и после этого встречался с советником германского посольства в Бухаресте Гофманом, который сообщил, что он «имел разговор с государственным министром Михаилом Антонеску». По данным, полученным от Гофмана, руководитель румынского государства маршал И. Антонеску еще в январе 1941 г. при встрече с Гитлером был посвящен в план войны Германии против СССР, и об этом был повторный детальный разговор при встрече И. Антонеску с Герингом в Вене[131].

С января по апрель 1941 г. данные о подготовке нападения Германии на СССР, о наращивании группировки немецких войск вдоль советских границ поступали в Центр от военных разведчиков, действовавших в Болгарии, Венгрии, Италии, Румынии и Франции.

К марту 1941 г. в РУ ГШ КА накопилось значительное количество сведений, свидетельствовавших о нарастании степени военной угрозы со стороны Германии. Поэтому 5 марта 1941 г. руководству СССР было доложено специальное сообщение, в котором говорилось: «В министерствах Берлина... убеждены в предстоящей войне против СССР. Сроком нападения считается 1 мая 1941 г. В последнее время в связи с событиями в Югославии срок начала войны отнесен на 15 июня».

Военные разведчики заметили и изменения в торгово-экономических отношениях между Германией и СССР. Так, резидент РУ ГШ КА в Праге полковник А. В. Яковлев 20 марта 1941 г. направил в Центр донесение, в котором сообщал: «По данным работников министерства торговли Германии, 20 марта отдано секретное распоряжение приостановить выполнение заказов для СССР промышленными предприятиями Протектората. Атташе югославского торгового агентства Церович показывал марки «Украинской Народной Республики», подготовленные немцами. В Кракове генерал Войцеховский формирует славянский антибольшевистский полк»[132].

Многочисленные сведения, полученные от резидентур, были обобщены Разведуправлением и легли в основу специального сообщения «О переброcках немецких войск в погранполосе СССР» от 16 апреля 1941 г., направленного И. В. Сталину, С. К. Тимошенко и Г. К. Жукову[133]. В нем говорилось: «С 1 по 15 апреля с. г. из глубины Германии, из западных районов Восточной Пруссии и генерал-губернаторства германские войска совершают переброски по железным дорогам, автоколоннами и походным порядком в приграничную полосу с СССР. Основными районами сосредоточения являются: Восточная Пруссия, район Варшавы и район южнее Люблин. За 15 дней апреля германские войска на восточной границе увеличились на три пехотные и две механизированные дивизии, 17 тыс. вооруженных украинцев-националистов и на один полк парашютистов. Общее количество немецких дивизий всех типов в Восточной Пруссии и генерал-губернаторстве доведено до 78 (без немецких войск в Молдавии)».

В этом же специальном сообщении генерал-лейтенант Ф. И. Голиков докладывал о том, что «с 12 апреля запрещен проезд гражданских лиц по железной дороге на территории генерал-губернаторства. Многими источниками подтверждается эвакуация семей военнослужащих немецкой армии из Варшавы и районов восточнее Варшавы в глубь Германии»[134].

Учитывая тревожные донесения из Берлина, начальник военной разведки дал указание начальникам разведывательных отделов штабов Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов усилить разведку Германии в зонах их ответственности, «вскрыть военные планы Германии, ее военную и экономическую мощь и мобилизационные возможности на случай войны с СССР».

Деятельность военных разведчиков в Германии, Румынии, Венгрии, Италии, Финляндии проходила в условиях умело организованных германским руководством акций по дезинформации работников советских дипломатических представительств и разведчиков. Некоторые военные разведчики, в частности резидент Разведуправления в Будапеште полковник Н. Г. Ляхтеров, были введены германской разведкой в заблуждение.

Часть одного из сообщений Ляхтерова была включена в доклад Ф. И. Голикова от 20 марта 1941 г., который получил название «Высказывания (оргмероприятия) и варианты боевых

действий германской армии против СССР»[135]. Его начальник военной разведки направил И. В. Сталину, наркому обороны СССР и в ЦК ВКП(б). Доклад Голикова содержал 16 пунктов и два вывода, в некоторых пунктах отмечалось, главная задача Германии — добиться победы над Англией, а в седьмом пункте говорилось без ссылки на источник, что «Гитлер намерен весной 1941 года разрешить вопрос на Востоке». В докладе правильно указывалось, что подготовка Германии к войне против СССР «началась значительно раньше визита Молотова», но одно время она была приостановлена, так как «немцы просчитались в своих сроках победы над Англией. Весной немцы рассчитывают поставить Англию на колени, развязав тем самым себе руки на Востоке». Голиков сообщил руководству СССР о том, что в «Берлине говорят о каком-то крупном разногласии между Германией и СССР. В связи с этим в германском посольстве говорят, что после Англии и Франции наступит очередь СССР».

Начальник военной разведки изложил вероятные варианты военных действий, намечаемых Германией против СССР. Первые два варианта из трех вряд ли заслуживали внимания. Один из них повторял содержание анонимного письма от 15 декабря 1940 г., полученного советским полпредом в Берлине. Второй основывался на данных, добытых в декабре 1940 г. разведкой штаба Киевского особого военного округа. А вот третий вариант возможных действий Германии против СССР заслуживал особого внимания. Он повторял содержание донесения Ильзе Штёбе, которое поступило в Центр 28 февраля 1941 г.

Изложив имевшиеся в его распоряжении на 20 марта сведения, Голиков докладывал: «1. На основании всех приведенных выше высказываний и возможных вариантов действий весной этого года считаю, что наиболее возможным сроком начала действий против СССР являться будет момент после победы над Англией или после заключения с ней почетного для Германии мира.

2. Слухи и документы, говорящие о неизбежности весной этого года войны против СССР, необходимо расценивать как дезинформацию, исходящую от английской и даже, может быть, германской разведки»[136].

Вывод Ф. И. Голикова о том, что наиболее возможный срок начала действий против СССР наступит после победы Германии над Англией или после заключения между ними мирного договора, был явным отражением дезинформационных мероприятий, проводившихся германским руководством. Гитлер всячески пытался убедить советское руководство в том, что главное для него — достижение победы над Англией. Второй вывод также не отражал реального развития событий. Однако в целом доклад содержал немало ценных сведений о нарастании военной угрозы для СССР, и советскому руководству следовало бы придать ему большее значение.

Тем временем германское командование продолжало переброску войск к советской границе. Эти мероприятия были замечены советскими военными разведчиками. В конце марта, в апреле и мае 1941 г. в Центр поступали многочисленные сведения о наращивании группировки германских войск на советской границе, однако руководство страны все еще верило в силу международного права и полагалось на советско-германский договор о ненападении.

Третья группа донесений резидентов военной разведки, которые продолжали действовать в условиях активных дезинформационных мероприятий германских спецслужб, относится к маю — середине июня 1941 г. Внешнеполитическое ведомство Германии продолжало распространять ложные сведения по дипломатическим каналам и с помощью средств массовой информации. Военная разведка германской армии активно проводила специальные акции, которые должны были дезинформировать советскую разведку. Тем не менее в мае — июне 1941 г. Разведывательное управление ГШ КА неоднократно докладывало руководству СССР о нарастании военной угрозы со стороны Германии[137].

Так, резидент военной разведки в Софии полковник Л. А. Середа 14 мая 1941 г. сообщил в Центр: «В первых числах мая в Солуне состоялась встреча царя с Браухичем, обсуждались вопросы о поведении Болгарии в случае возникновения военного конфликта между Германией и СССР, о мероприятиях по укреплению Черноморского побережья и о помощи Фин-

ляндии. По первому вопросу подробности неизвестны. По второму вопросу мероприятия начнут проводиться в конце мая»[138].

19 мая из Софии в Центр поступило важное сообщение от источника, который имел псевдоним Коста. Источник сообщал о том, что «в настоящее время Германия сосредоточила в Польше 120 дивизий, а к концу июня на советской границе будут 200 дивизий. В начале июля намечаются серьезные военные действия против Украины»[139].

В этот же день в Центр поступило донесение от резидента советской военной разведки в Швейцарии Ш. Радо: «По сообщению швейцарского военного атташе в Берлине от 5 мая, сведения о предполагаемом походе немцев на Украину происходят из самых достоверных немецких кругов и отвечают действительности»[140].

Количество тревожных донесений, поступавших в Центр, продолжало нарастать. Сведения поступали и из европейских столиц, и из Японии. В каждом из этих донесений просматривались конкретные признаки подготовки Германии к войне против СССР.

В мае 1941 г. в Центре стало известно о том, что германские власти запретили движение пассажирских поездов в районах сосредоточения своих войск вдоль советской границы, а также о создании складов, формировании дополнительных военных пунктов медицинской помощи, отзыве германских специалистов из других стран, активизации строительства сооружений военного предназначения, усилении системы противовоздушной обороны восточных районов Германии. Эти действия были незаметны непосвященным, но специалистам Разведуправления Генерального штаба Красной армии позволяли делать выводы о том, что Германия целенаправленно готовилась к войне против СССР.

Тревожным было сообщение источника военной разведки из Софии, который имел псевдоним Боевой. 27 мая он сообщал в Москву: «Германские войска, артиллерия и амуниция непрерывно переправляются из Болгарии в Румынию через мост и фарибот у Русе, через мост у Никополя и на барже около Видина. Войска идут к советской границе»[141].

Развертывание немецких войск у советской границы было отмечено и сотрудниками разведывательных отделов штабов Ленинградского и Одесского военных округов, а также разведчиками Прибалтийского, Западного и Киевского особых военных округов. В разведывательные отделы штабов этих военных округов стали поступать донесения о сосредоточении немецких войск на территориях Польши, Восточной Пруссии, Румынии, Венгрии, а также о мероприятиях по оперативному оборудованию ТВД. В этих донесениях сообщалось о строительстве полевых укреплений, линий связи, складов боеприпасов, хранилищ горючего, казарм для размещения войск, медицинских пунктов, узлов связи и т. д.

Дивизионы радиоразведки, подчиненные штабам западных военных округов, также отмечали увеличение количества немецких войск в Восточной Пруссии и на территории Польши, их перемещение в направлении советской границы[142].

Важные сведения о подготовке Германии к войне против СССР продолжали направлять в Москву советские военные атташе, аккредитованные в Германии, Венгрии, Румынии и других странах. В частности, генерал-майор В. И. Тупиков, используя сведения, полученные в январе — мае 1941 г. от источников, доложил состав группировки немецких войск на советской границе и возможный план их вторжения. По оценке Тупикова, три группы армий нанесут удар из Восточной Пруссии в направлении Вильно, Витебска и далее на Москву и вспомогательный удар — на Ленинград во взаимодействии с финской армией. Одна-две группы армий с территории Венгрии и Румынии, возможно совместно с армиями этих стран, нанесут удар в общем направлении на Харьков. С выходом в район Днепропетровска одна группа армий будет развивать наступление на Кавказ. Это донесение генерал-майора В. И. Тупикова начальник военной разведки 9 мая 1941 г. приказал направить наркому обороны С. К. Тимошенко и начальнику Генерального штаба Г. К. Жукову[143].

Одной из наиболее трудных разведывательных задач являлось добывание достоверных сведений о группировке немецких войск и сроках начала войны Германии против СССР. Документы, относившиеся к планированию войны Германии против СССР, разрабатывались в Берлине в строго ограниченном количестве, доступ к ним имели только первые лица

Третьего рейха. Полной информацией о замысле войны, сроках ее начала, ближайших и последующих целях владел только один человек — Гитлер. Однако в первой половине 1941 г. военные разведчики смогли решить и эту сложную задачу.

В частности, 26 апреля 1941 г. генерал-лейтенант Ф. И. Голиков направил И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, С. К. Тимошенко, Л. П. Берии, Г. К. Жукову, Н. Г. Кузнецову и А. А. Жданову специальное сообщение «О распределении вооруженных сил Германии по театрам и фронтам военных действий по состоянию на 25 апреля 1941 года»[144]. В этом специальном сообщении внимание руководства страны и командования Красной армии обращалось на то, что «массовые переброски немецких войск из глубинных районов Германии и оккупированных стран Западной Европы продолжаются непрерывно. Основные потоки перебросок следуют... к нашей западной границе и на Балканы».

30 апреля 1941 г. командование РУ ГШ КА направило руководству СССР специальное сообщение «О подготовке Германии к войне против СССР»[145].

В разведывательной сводке № 5 (последняя разведывательная сводка предвоенного периода) Разведывательного управления были приведены сведения о распределении немецких войск по состоянию на 1 июня 1941 г. Общая численность германских войск определялась в 286–296 дивизий, в том числе моторизованных — 20–25, танковых — 22, горнострелковых — 15, парашютных — 4–5, авиадесантных — 4–5, дивизий СС — 18. В сводке отмечалось, что германское командование продолжает сосредоточивать войска в пограничной полосе с СССР, производит массовые переброски частей из глубины Германии, оккупированных стран Западной Европы и Балкан.

Начальник военной разведки докладывал наркому обороны СССР и начальнику Генерального штаба о том, что «общее количество германских войск на нашей западной границе с Германией и Румынией (включая Молдавию и Добруджу) на 1 июня 1941 г. достигает 120–122 дивизии, в том числе 14 танковых и 13 моторизованных».

По данным военной разведки, к 22 июня 1941 г. на советской границе была сосредоточена германская группировка войск, в состав которой входили 191 дивизия и бригада, в том числе 146 немецких, а остальные из состава вооруженных сил Румынии, Венгрии и Финляндии. Реально на советской границе по состоянию на 22 июня 1941 г. было сосредоточено 226 соединений дивизионного и бригадного уровня, в том числе 153 пехотные, 15 танковых и 14 моторизованных дивизий. Группировка немецких войск на советской границе была вскрыта достаточно точно, однако общая численность соединений германской армии завышена на 60–70 дивизий. Завышенными оказались сведения о количестве боевых самолетов (в 2,5 раза) и танков (в 3 раза) в вооруженных силах Германии[146].

Таким образом, несмотря на активные дезинформационные мероприятия и оперативно-стратегическую маскировку, проводившиеся германским политическим руководством и командованием вооруженных сил, разведчики РУ ГШ КА смогли добыть достоверные сведения, свидетельствовавшие о целенаправленной подготовке Гитлера к войне против СССР.

Важным документом, подтверждающим этот вывод, является «Перечень донесений военной разведки о подготовке Германии к войне против СССР (январь — июнь 1941 г.»)[147]. В него включены 56 донесений советских разведчиков о подготовке Германии к нападению на СССР. Среди них особое внимание привлекают донесения резидентов о сроках нападения Германии на СССР. Динамика поступления этих сведений была такова:

— 22 февраля сообщение из Белграда — война начнется в июне 1941 г.;
— 15 марта из Бухареста — война начнется в июне 1941 г.;
— 19 марта из Берлина — нападение планируется между 15 мая и 15 июня 1941 г.;
— 4 мая из Бухареста — начало войны намечено на середину июня 1941 г.;
— 22 мая из Берлина — нападение ожидается 15 июня 1941 г.;
— 1 июня из Токио — война начнется около 15 июня 1941 г.;
— 16 июня из Берлина — нападение назначено на 22–25 июня 1941 г.;
— 20 июня из Токио — война между Германией и СССР неизбежна.

Значительное место в «Перечне...» занимают донесения источника Х — под этим псевдонимом в РУ ГШ КА числился сотрудник немецкого посольства в Москве Герхард Кегель[148]. С этим источником в 1940–1941 гг. работал военинженер 2 ранга К. Б. Леонтьев[149]. От источника Х (в других документах он упоминается под псевдонимом ХВЦ) в целом было получено более ста донесений, из них 20 были включены в «Перечень...» и доложены высшему политическому руководству СССР и командованию Красной армии.

Все донесения Г. Кегеля, переданные Леонтьеву, представляли большую ценность. Кегель имел возможность общаться с руководителем внешней разведки Германии В. Шелленбергом, с германским послом в СССР, имел доступ к секретным документам посольства. О содержании их Г. Кегель сообщал К. Б. Леонтьеву. 7 мая, например, он передал Леонтьеву донесение, в котором сообщил: «Верховное командование отдало приказ закончить подготовку театра войны и сосредоточение войск на Востоке ко 2 июня 1941 года».

В июне 1941 г. военный разведчик К. Б. Леонтьев провел с Г. Кегелем девять встреч. На каждой из них источник передавал сведения особой важности. На основе этих донесений 19 июня 1941 г. в Центре было подготовлено специальное сообщение «О признаках вероятного нападения Германии на СССР в ближайшее время»[150].

20 июня 1941 г. в Разведуправлении было подготовлено и направлено руководству СССР донесение «О признаках неизбежности нападения Германии на СССР в ближайшие дни»[151]. Эти донесения направлялись И. В. Сталину, В. М. Молотову, наркому обороны К. С. Тимошенко и начальнику Генерального штаба Г. К. Жукову.

От Г. Кегеля Разведывательное управление получило сведения о дате нападения Германии на СССР. Это произошло утром 21 июня 1941 г., когда Г. Кегель вызвал К. Б. Леонтьева на срочную встречу. Источник сообщил, что германский посол «получил телеграмму из министерства иностранных дел в Берлине», и по его сведениям, «война Германии против СССР начнется в ближайшие 48 часов». Прощаясь с Кегелем, военный разведчик Леонтьев попросил его еще раз внимательно проверить все данные и предложил провести очередную встречу вечером 21 июня.

Вторая встреча разведчика с Г. Кегелем состоялась в 19 часов. Источник сообщил, что утром германский посол получил из Берлина указание «уничтожить все секретные документы». После совещания посол Шуленбург «приказал всем сотрудникам посольства до утра 22 июня упаковать все свои вещи и сдать их в посольство, живущим вне посольства переехать на территорию миссии». В конце встречи Г. Кегель сказал: «Все считают, что наступающей ночью начнется война».

После встречи с источником К. Б. Леонтьев подготовил срочное донесение «О признаках нападения Германии на СССР в ночь с 21.6 на 22.6». Начальник военной разведки Ф. И. Голиков приказал офицеру специальной связи срочно доставить это донесение И. В. Сталину, В. М. Молотову и С. К. Тимошенко. На конвертах было указано: «Только адресату. Сотрудникам аппарата не вскрывать». Это специальное сообщение, направленное 21 июня 1941 г. в 20 часов высшему политическому руководству СССР и командованию Красной армии, является последним в «Перечне донесений о военной подготовке Германии против СССР (январь — июнь 1941 г.)»[152]. До вторжения германских войск оставалось восемь часов.

Военный атташе во Франции генерал-майор артиллерии И. А. Суслопаров 21 июня 1941 г. также сообщил в Центр: «По достоверным данным, нападение Германии на СССР назначено на 22 июня 1941 года»[153]. Это донесение резидента военной разведки во Франции было доложено руководству СССР. На бланке донесения сохранилась резолюция И. В. Сталина, отражавшая умонастроения вождя в тот момент: «Эта информация является английской провокацией. Разузнайте, кто автор этой провокации, и накажите его»[154].

В Разведуправлении Генерального штаба считали, что гитлеровская Германия в 1941 г. может начать войну против СССР. Этот вывод подтверждает такой факт. 5 февраля 1941 г. заместитель начальника информационного отдела РУ ГШ КА полковник Л. В. Онянов представил заместителю начальника Управления военной разведки генерал-майору А. П. Пан-

К. Б. Леонтьев

Г. Кегель

филову перечень вопросов, предусмотренных планом мобилизационных мероприятий по информационному отделу. Перечень состоял из 12 пунктов[155].

В первом полугодии 1941 г. информационный отдел РУ ГШ должен был подготовить:

1. Описание театров военных действий, топографических и экономических условий, маршрутов, вероятных операционных направлений, карты крупных и мелких масштабов;

2. Справочники по вооруженным силам основных капиталистических стран и военно-географических описаний;

3. Рабочие папки по организации, дислокации, вооружению, возможностям мобилизационного развертывания армий Германии, Италии, Финляндии, Румынии, Турции, Ирана, Афганистана и Японии[156].

Реализуя эти задачи, сотрудники информационного отдела РУ ГШ КА в январе — июне практически полностью выполнили план работы на весь 1941 г.

К утру 22 июня 1941 г. на столах наркома обороны Маршала Советского Союза К. С. Тимошенко и начальника Генерального штаба генерала армии Г. К. Жукова лежали последние предвоенные документы Разведывательного управления: схема возможных районов сосредоточения германских войск на территории Финляндии и использования группировки в Норвегии в случае войны против СССР; общие мобилизационные возможности и вероятное распределение германских сил по театрам военных действий; схема вероятных операционных направлений и возможного сосредоточения и развертывания на восточном фронте; схема группировки германских войск на 20 июня 1941 г.; карта группировки и дислокации германской и румынской армий на 22 июня 1941 г.[157]

Таким образом, сотрудники зарубежных резидентур РУ ГШ КА в мае — июне 1941 г. своевременно добывали достоверные сведения о подготовке Германии к войне против СССР. Эти сведения в виде докладов, разведывательных сводок и специальных сообщений направлялись высшему политическому руководству СССР, наркому обороны СССР и начальнику Генерального штаба.

В первом полугодии 1941 г. командованием военной разведки предпринимались меры, направленные на приведение сил разведки в готовность к действиям в условиях войны.

В январе — феврале 1941 г. в Разведуправлении было проведено совещание начальников разведки штабов приграничных военных округов. В ходе этого мероприятия были уточнены мобилизационные планы разведотделов штабов военных округов, конкретизированы задачи разведки в интересах фронтов, проведена штабная игра, позволившая детализировать порядок размещения органов управления разведки на театре войны, уточнить направления взаимодействия между ними, решить другие вопросы. Результаты проведенного мероприятия были обобщены командованием Разведывательного управления и легли в основу указаний по совершенствованию деятельности разведывательных отделов штабов военных округов в условиях нарастания военной угрозы со стороны Германии.

В феврале 1941 г. в разведывательные отделы штабов военных округов также была направлена директива, обязывавшая до 15 мая уточнить мобилизационные планы, проверить обеспеченность агентурной сети средствами агентурной радиосвязи, нарастить в сопредельных странах запасную агентурную сеть. Требовалось иметь вооружение и снаряжение иностранного производства для обеспечения деятельности разведывательных групп и отдельных разведчиков на территории противника.

Были приняты меры для повышения мобилизационной готовности частей радиоразведки военных округов. В феврале 1941 г. начальникам разведывательных отделов штабов военных округов были направлены указания, требовавшие обеспечить развертывание радиодивизионов военного времени и проверить готовность их обеспечения специальной техникой и транспортом.

В марте 1941 г. начальник Генерального штаба генерал армии Г. К. Жуков утвердил новое «Положение о разведывательном отделе неотдельной армии» и «Положение об оперативном разведывательном пункте». Эти документы уточняли задачи разведки и порядок их решения в условиях войны.

15 мая 1941 г. в разведывательные отделы штабов военных округов западного направления была направлена директива, утвержденная начальником Генерального штаба. В ней требовалось: «На случай необходимости освещения неприятельских войск на нашей территории создать запасную сеть осведомителей в глубине 100–150 км от границы... План создания запасной сети после утверждения его Военным советом округа представить мне 10 июня»[158].

Командование Разведывательного управления ГШ КА в апреле — мае 1941 г. активизировало проведение мероприятий, направленных на создание условий для деятельности зарубежных разведывательных аппаратов в условиях войны. Были предприняты меры по укреплению сил оперативной разведки, однако некоторые мероприятия запоздали, а иные оказались малоэффективными, что стало очевидным в первые же дни войны.

Военная разведка вела активные действия и по выявлению планов японской агрессии против СССР. Внешнеполитический курс японского правительства в начале XX в. имел агрессивный характер, направленный на завоевание новых территорий. Агрессивная сущность японской внешней политики проявилась в период Русско-японской войны 1904–1905 гг., а также в ходе Гражданской войны и иностранной интервенции против России, когда значительный контингент японских войск в составе международных сил с 1918 по 1920 г. оккупировал советский Дальний Восток. Пользуясь временной слабостью России, интервенты нанесли ей значительный материальный ущерб.

Установление дипломатических отношений между СССР и Японией в 1925 г. несколько улучшило отношения между двумя государствами, однако не изменило агрессивные устремления японской правящей элиты. Развязав войну против Маньчжурии и Китая, японское руководство неизменно считало Советский Союз одним из своих основных противников на Дальнем Востоке и тайно разрабатывало планы войны против СССР, для чего дислоцировало в Маньчжурии Квантунскую группировку войск.

В условиях, когда страны Запада не только не пришли на помощь Китаю, но и стали проводить по отношению Японии «умиротворенческую» политику, фактически поощрявшую развитие ее агрессии в сторону Советского Союза, СССР остался один на один с нараставшей японской угрозой. Именно Япония в полном соответствии с «Меморандумом

Танаки»[159] разожгла в начале 1930-х гг. первые очаги гигантского вселенского пожара, который с 1 сентября 1939 г. стал называться Второй мировой войной. Это обстоятельство в условиях, когда по крайней мере до середины 1930-х гг. между СССР и Германией сохранялись вполне стабильные взаимовыгодные отношения, вынуждало советское военное и политическое руководство рассматривать Японию, если не главным, то весьма опасным вероятным противником.

Японцы активно расширяли свое присутствие в Маньчжурии и Китае, наращивали боевую мощь Квантунской группировки, дислоцированной вдоль советской границы. Учитывая неизменный агрессивный курс японского правительства, советское руководство поставило перед Разведывательным управлением Генерального штаба Красной армии задачи по добыванию сведений о внешнеполитическом курсе японского правительства, боеготовности японских вооруженных сил, дислокации основных соединений сухопутных войск, военно-морского флота и авиации. Одной из самостоятельных задач, которые решали советские военные разведчики на Дальнем Востоке, являлось добывание сведений о новых средствах ведения войны, разработкой которых усиленно занимались конструкторские бюро и военная промышленность Японии.

В Разведуправлении ГШ КА добыванию сведений о Японии, ее внешней политике и вооруженных силах уделялось неослабное внимание. В середине 1920-х гг. в центральном аппарате военной разведки был создан Дальневосточный отдел, кадры для которого готовились в Военной академии Красной армии, а также в других высших учебных заведениях.

Командованию Разведывательного управления удалось создать в Японии и Китае несколько резидентур, которые добывали необходимые сведения военного и военно-политического характера. В Центре поступавшие от резидентур сведения обобщались, анализировались и использовались для создания единой базы данных. Наиболее важные сведения оперативного характера использовались для подготовки срочных специальных сообщений, которые направлялись политическому руководству СССР и командованию Красной армии. Остальные сведения использовались для подготовки разведывательных сводок по Дальнему Востоку. С 1937 г. такие разведывательные сводки стали издаваться ежемесячно. В них печатались материалы о японских вооруженных силах, дислокации японских воинских соединений, перечислялся командный состав этих соединений, давалась характеристика состояния военной экономики Японии, освещались производительность военных заводов, вооружение японской армии, тактико-технические характеристики оружия и боевой техники, а также приводились сведения об оперативном оборудовании театра военных действий в Маньчжурии.

В разведсводках по Дальнему Востоку печатались и другие сведения, необходимые командирам частей и соединений Красной армии, дислоцированных на Дальнем Востоке. Эти данные свидетельствовали о том, что японцы наращивают боевые возможности Квантунской группировки, которая превращалась в крупную стратегическую группировку сухопутных войск Японии на континенте и представляла значительную военную угрозу для безопасности советского Дальнего Востока.

Первыми заметили возрастающую опасность со стороны милитаристской Японии военные разведчики Б. Н. Мельников, Л. Я. Бурлаков, Р. Зорге и другие, добывавшие сведения о политике фашистской Германии и Японии в отношении СССР. Такие же сведения о внешней и военной политике Японии направляли в Центр резиденты военной разведки из Харбина, Чанчуня, Дайрена и Шанхая.

Наиболее успешной в добывании актуальной и точной информации о военных приготовлениях и акциях Японии, как и о планах гитлеровской Германии, являлась действовавшая на протяжении почти восьми лет на японской территории группа резидента советской военной разведки Рихарда Зорге. Он прибыл в Токио в сентябре 1933 г. после трех лет агентурной работы в китайском Шанхае и кратковременной легализации в высших политических, экономических, военных и журналистских кругах Германии, которую покинул для работы в системе Коминтерна вскоре после Первой мировой войны, в ходе которой он добровольцем

воевал на стороне немцев, но был пять раз ранен и наряду с хромотой на всю жизнь приобрел иммунитет к милитаристским идеям.

Р. Зорге, немец по отцу и русский по матери (он родился 4 октября 1895 г. в Сабунчах, близ Баку, но по достижении трех лет вместе с родителями переехал в Германию), — особый тип разведчика-интеллектуала, аналитика, ученого, знатока экономики (доктор наук по этой специальности), социолога, историка и геополитика, публичного человека, умевшего свободно изъясняться не только на немецком и русском, но и на английском, французском, шведском, китайском и японском языках, непохожего на описываемых в детективных опусах разведчиков-шпионов.

Широчайшая эрудиция и личное обаяние позволили Зорге, прибывшему в Японию в качестве немецкого журналиста — токийского корреспондента газеты «Франкфуртер цайтунг» и журнала «Цайтшрифт фюр геополитик», войти в полное доверие к ставшему не без его аналитической поддержки послом Германии в Токио военному атташе Эйгену Отту, стать пресс-атташе посольства, а глубокие по содержанию статьи в ряде немецких газет и журналов закрепили за ним авторитет блестящего аналитика — специалиста по внутренней и внешней политике Японии. Все это позволило Рамзаю (этим именем Зорге чаще всего подписывал свои донесения в Центр) быстро сформировать резидентуру из интернациональной группы единомышленников, имевших выход на широкий круг японской элиты, вплоть до не раз становившегося премьер-министром Японии принца Коноэ Фумимаро, и наладить работу по сбору и анализу информации о военных планах Страны восходящего солнца, в первую очередь в отношении Советского Союза. В его группу входили радист Бруно Вендт (псевдоним Бернгард), член КПГ, окончивший в Москве курсы радистов, замененный в 1935 г. Максом Клаузеном, знакомым Рихарда еще по Шанхаю; гражданин Югославии, корреспондент французского журнала «Ви» Бранко Вукелич, завербованный советской разведкой в Париже; художник японец Иотоку Мияги, долгое время проживший в США, вступивший там в коммунистическую партию и вернувшийся в Японию по настоянию русских агентов. Позже Зорге подключил к работе японского журналиста Ходзуми Одзаки, ставшего одним из важнейших источников информации для Рамзая. Ценным источником стал и Э. Отт, с которым Зорге удалось завязать «дружеские» отношения. Чтобы завоевать доверие Отта, Зорге снабжал его информацией о вооруженных силах и военной промышленности Японии, в результате чего докладные записки Отта производили хорошее впечатление на берлинское начальство. Зорге стал желанным гостем в доме Отта, который в прямом смысле являлся «находкой для шпиона».

Чрезвычайно важной для советского руководства стала добытая группой «Рамзай» информация о военно-политическом планировании Японии в отношении СССР в конце 1938 — начале 1939 г.

Советское руководство с самого начала японской агрессии в Маньчжурии бдительно следило за происками Японии и не теряло времени. Укреплялись интернациональные связи с МНР. В марте 1936 г. был подписан советско-монгольский протокол о взаимной помощи. Согласно ему советское правительство по просьбе руководства МНР направило в помощь монгольскому народу части Красной армии, из которых был сформирован 57-й особый корпус. Однако эти действия не отрезвили японских милитаристов, которые продолжали наращивать мощь Квантунской группировки войск, а также готовить силы для непосредственного вторжения на территорию МНР. 11 мая 1939 г. нападением на небольшую группу монгольских пограничников японско-маньчжурская сторона, обвинив в провоцировании столкновения МНР, развязала вооруженный конфликт, выросший летом того года в крупную локальную войну.

Япония отчетливо представляла себе, что и превращение войны в Китае в затяжную произошло во многом благодаря значительной финансовой, материальной, в том числе вооружением и военной техникой, помощи ему со стороны Советского Союза, которая стала предоставляться с первых дней японской агрессии. Реакция Советского Союза на вторжение Японии в Китай вызвала неудержимый гнев японских руководителей. Опираясь на поддержку

своих партнеров по Антикоминтерновскому пакту, в июле — августе 1938 г. Япония предприняла попытку открытого нападения на территорию Советского Союза в районе озера Хасан, а в мае — сентябре 1939 г. — у монгольской р. Халхин-Гол. Развернувшиеся здесь события имели внутреннюю связь с событиями в Западной Европе, где в это время гитлеровская Германия также перешла к прямым актам вооруженной агрессии. Уместно напомнить, что именно в 1938 г. гитлеровцы захватили Австрию и Судетскую область Чехословакии, а в марте 1939 г. — всю Чехословакию, и еще когда конфликт на Халхин-Голе не был разрешен, нацистская Германия 1 сентября 1939 г. напала на Польшу. Очаги войны, вспыхивавшие то в одном, то в другом месте планеты, вскоре переросли в пожар мировой войны, пылавший вблизи как европейских, так и дальневосточных границ СССР.

После захвата и колонизации в 1931–1932 гг. Маньчжурии Япония, начиная с января 1935 г., активно готовилась к захвату территории МНР. Достаточно взглянуть на карту, чтобы увидеть стратегическую выгодность Монголии в качестве плацдарма для нанесения удара по кратчайшему направлению в сторону Байкала в целях оптимального решения задач варианта «Оцу» («Б») плана агрессивной войны против СССР «Хати-го» («Номер 8»).

Уже в 1935 г. для обоснования «правомерности» претензий на монгольскую территорию Япония после первой неудачной попытки вторжения в приграничную зону МНР пошла на «картографическую агрессию», сфальсифицировав прохождение границы между Монголией и Маньчжоу-Го по р. Халхин-Гол, тогда как фактически она проходила в 20–25 км восточнее, с чем не могла согласиться монгольская сторона, настойчиво опровергавшая на основе многочисленных документов японско-маньчжурские претензии[160].

Провокации против Монгольской Народной Республики усилились. Однако «мощный натиск» в январе 1936 г. на «закрытые ворота границ Внешней Монголии», о котором писал во «Франкфуртер цайтунг» Рихард Зорге, был не только отбит при первых же столкновениях, но и временно отложен из-за попытки фашистского переворота в Японии 26 февраля[161]. Начавшиеся вялотекущие переговоры между монгольскими и японско-маньчжурскими властями, по оценке советской разведки, не могли иметь результата: Японию не устраивал никакой другой вариант, кроме того, который в любой момент создавал бы предлог для агрессии. В докладной записке наркоминделу СССР от 5 февраля 1938 г. советский полпред в Японии М. М. Славуцкий, основываясь на данных разведки, писал, что активно дискутирующийся в Японии вопрос о создании «независимой» Монголии «своим острием направлен против МНР»[162].

Развертывание Японией решительных военных действий в Монголии, однако, сдерживалось вводом в МНР по просьбе монгольского правительства советских войск. Крах предпринятой в июле — августе 1938 г. японской масштабной агрессии с территории Кореи в районе озера Хасан и провал плана блицкрига в развернутой в июле 1937 г. тотальной войне в Китае также заставили японское руководство более тщательно готовиться к агрессии против МНР.

С разработкой плана войны против СССР «Хати-го», на этот раз не со стороны Приморья, а с территории Монголии, Япония развернула пропагандистскую кампанию, целью которой являлось убедить японское и международное общественное мнение также и в том, что СССР намеревается использовать МНР в качестве плацдарма для большевизации Внутренней Монголии, Маньчжоу-Го и Китая[163].

Советская сторона не была заинтересована в обострении обстановки. Уже после начала конфликта на Халхин-Голе в ответ на запрос японской стороны Л. П. Берия сообщил, что подлежащие обмену лица и трупы могут быть доставлены в любой пункт сухопутной приморской границы к 20 мая 1939 г. или к другому сроку при условии предупреждения за пять суток[164]. Однако у японской стороны были иные намерения.

Разобраться в подходах японского генералитета к путям «разрешения северной проблемы» в период правления начавшего и проигравшего конфликт в Монголии кабинета во главе с Хиранумой было призвано донесение Р. Зорге в Центр от 23 января 1939 г., в котором дается блестящий анализ расстановки сил в Японии на то время: «Получил сведения, что военные раскололись на три основные группы.

Первая группа требует стремительной войны с Китаем до тех пор, пока весь Китай не будет захвачен и из Китая не будут изгнаны все иностранные державы.

Вторая группа, представляющая Квантунскую армию, требует мира с Китаем и сосредоточения внимания на войне с СССР.

Третья группа, к которой принадлежат Итагаки (военный министр Японии. — *Прим. ред.*), Тэраути (генерал, член высшего военного совета при императоре. — *Прим. ред.*) и другие, выражает желание прекратить операции в Южном и Центральном Китае, сохранив за собой лишь Северный Китай и Монголию как базу развертывания войны против СССР. К этой группе принадлежат также Хиранума и другие члены правительства. Главная трудность состоит в сопротивлении радикальных групп, которые боятся восстания в случае отказа от завоеваний в Китае. Считают, что единственный путь избежать внутренних противоречий — отвлечь внимание радикальных групп на СССР»[165].

Дополнительные сведения по этому вопросу Р. Зорге изложил в своей телеграмме от 23 апреля 1939 г., в которой говорилось: «Назначение Коисо (министром коммуникаций Японии. — *Прим. ред.*) имеет большое значение в том отношении, что для него открывается дорога на пост премьер-министра. Он крепко стоит на позиции мира с Китаем, который считает необходимым заключить до начала войны в Европе. Коисо заявил, что он проектирует заключить мир с Китаем и даже с Чан Кайши... Он упирает на то, что японцы должны укрепиться только в Северном Китае, оставив в большей или меньшей мере Южный и Центральный Китай китайскому правительству, и готовиться к войне против СССР после укрепления позиций Японии в Северном Китае, Маньчжурии и Монголии»[166].

Как следует из содержания донесений Р. Зорге, несмотря на некоторый разброс мнений о конкретных путях расширения японской экспансии, весь генералитет и другие представители высшей власти Японии были за продолжение агрессии, и подавляющее большинство японских руководителей выступали за укрепление и расширение плацдарма на территории Китая и Монголии для ведения войны против СССР.

Разведка информировала, что в марте 1939 г. японский генштаб направил в штаб Квантунской армии своих офицеров для планирования операции, а в апреле командующий армией генерал Уэда ввел в действие приказ № 1488, согласно которому командиры частей армии сами должны были определять, где проходит граница, и атаковать противника, который якобы ее нарушал[167]. Именно поэтому резко возросли число и масштабы нарушений границы Монголии, что вело к вооруженным столкновениям.

25 июля, уже в разгар военного конфликта на Халхин-Голе, о намерении военного командования Японии наращивать и далее активность японских войск в Монголии наркому Военно-морского флота докладывал военно-морской атташе посольства СССР в Токио Ковалев[168]. Исходя из этих оценок, советское руководство приняло эффективные меры по наращиванию во главе с Г. К. Жуковым группировки советских войск в Монголии и разгрому вторгшихся на территорию дружественного СССР государства войск японского агрессора, надолго охладив желание Японии воевать с Советским Союзом. Информация Зорге сыграла существенную роль в выработке адекватной советской стратегии в назревавшей мировой войне, призванной обезопасить восточный фланг границ СССР и отодвинуть опасность на западе.

Важно учитывать, что рассмотрение и претворение в жизнь плана «Хати-го» происходили на фоне переговоров Японии, Германии и Италии о заключении трехстороннего военного пакта. Дело затягивалось, и Японии нужно было найти стимул для его завершения в выгодном для Токио духе. Лидеры Японии настаивали на том, чтобы в текст пакта была внесена оговорка о его исключительной направленности против СССР[169]. Поэтому нападением на МНР, а это означало автоматическое включение в конфликт СССР, японское руководство как бы «подталкивало» Германию к этому решению.

Следует, однако, отметить, что нажим на Берлин подействовал мало: у Гитлера после поражения японцев у озера Хасан было скептическое отношение к Японии как к военному союзнику. Да и сама Япония не во всех случаях была готова выступать на стороне Герма-

нии. Р. Зорге в своих донесениях весной 1939 г. очень четко обозначил этот подход Японии к союзу с Германией. В одном из донесений в Центр, доложенных И. В. Сталину, 13 апреля он следующим образом оценивал ситуацию: «Сведения о военном Антикоминтерновском пакте: в случае, если Германия и Италия начнут войну с СССР, Япония присоединится к ним в любой момент, не ставя никаких условий. Но если война будет начата с демократическими странами, то Япония присоединится только при нападении на Дальнем Востоке или если СССР в войне присоединится к демократическим странам»[170]. Эта информация (Зорге более детально изложил японские подходы к подготовке тройственного военного пакта в донесении от 24 июня 1939 г.)[171] была очень важна для советского руководства при выработке политики в отношении как Германии, так и Японии.

Не всё нравилось в японских подходах и Берлину, что сдерживало немецкое руководство в намерении углубить союзнические отношения с Токио. Кроме того, Германия развернула подготовку к вторжению в Польшу и на данном этапе не была заинтересована в обострении отношений с СССР, к чему неизбежно бы привело заключение тройственного союза. В результате в Берлине 22 мая было оформлено двустороннее военное соглашение Германии с Италией, получившее название «Стального пакта»[172].

Есть основание полагать, что согласие И. В. Сталина пойти на контакты с Германией по вопросу о подготовке пакта о ненападении, с предложениями о которых неоднократно выступало немецкое руководство, было принято не без учета информации Р. Зорге о подготовке фашистской агрессии против граничащей с СССР Польши. 31 мая 1939 г. Рамзай со ссылкой на военного атташе посольства Германии в Токио сообщил: «Данциг будет захвачен в сентябре 1939 г. В этом же году Германия отберет у Польши старую немецкую территорию и отбросит Польшу на юго-восток Европы... Прибывший в Токио германский военный атташе в Москве генерал Кёстринг сказал военному атташе в Токио, что главным и первым противником в настоящее время является Польша и уже после — Украина»[173], что создавало непосредственную военную угрозу Советскому Союзу. Играл свою роль и «японский фактор». Содействие Берлина «улучшению советско-японских отношений и прекращению пограничных конфликтов» было одним из важных условий, которые ставил Советский Союз на начатых переговорах по договору о ненападении с Германией[174]. Очевидно, что именно подписание 23 августа 1939 г. договора, происшедшее на фоне мощного контрнаступления советско-монгольских войск на Халхин-Голе, стало событием, потрясшим токийское руководство и приведшим к отставке кабинета Хиранумы и командования Квантунской группировки войск. Военное поражение Японии сопровождалось поражением политическим. При всех морально-политических издержках советско-германского соглашения оно отодвинуло германскую агрессию против СССР более чем на полтора года, объективно ослабило Антикоминтерновский пакт, посеяло в Токио серьезные сомнения относительно политики Германии как союзника Японии, что привело к временной нормализации отношений последней с Москвой.

Сложившаяся в начале 1940-х гг. ситуация добавила работы группе «Рамзай». В марте — июне 1941 г. Р. Зорге отправил в Центр серию шифрограмм, в которых предупреждал о неизбежности скорого вероломного нападения на СССР Германии. Однако обилие противоречивой информации и умелой дезинформации сбило с толку И. В. Сталина. Не верил он и донесениям Зорге. Присланные им данные были настолько детальны и в такой степени не совпадали с уверенностью Сталина в том, что Гитлер не нападет на СССР в ближайшее время, что им не придали значения, посчитав даже, что Зорге — двойной агент. Не повышали доверия к Зорге и доходившие до Центра факты его разгульной жизни (любовь к спиртному и женщинам, в том числе любовная связь с женой немецкого посла Эльзой), не всегда четкое исполнение инструкций Центра, невыполнение им (вполне оправданное) требований вернуться в Москву, подозрения в том, что Зорге работает на немцев, и т. д. Он действительно нередко являлся соавтором, а иногда и автором донесений немецкого посольства в Берлин о внутренней обстановке в Японии и ее военных приготовлениях, публиковал аналитические статьи в германской печати. Однако, во-первых, это являлось его привилегией как доверенного лица Э. Отта, что позволяло быть в курсе конфиденциальной

информации, поступавшей немецкому послу из Берлина, и прямой обязанностью немецкого корреспондента, без чего жизнь и деятельность советского разведчика в Японии была бы попросту невозможна; во-вторых, эти сведения никогда не наносили ущерб безопасности Советского Союза. Более того, отражавшие японские реалии многочисленные публикации Р. Зорге по военной проблематике в открытой немецкой прессе тщательно изучались советской разведкой и дипломатами, работавшими на германском направлении, и регулярно докладывались вместе с оценкой их влияния на немецкое руководство в Центр, а несколько его статей перепечатывались газетой «Известия», хотя и сами известинцы, и читатели вряд ли знали, кто был их автором[175].

Весьма ценная информация о военной доктрине и практике военного строительства Японии содержалась в большой статье Р. Зорге в восьмом номере за 1935 г. солидного журнала «Цайтшрифт фюр геополитик» под названием «Японские вооруженные силы. Их положение. Их роль в политике Японии. Военно-географические следствия». Зорге на основе анализа сложной внутриполитической обстановки в стране предупреждал о растущей роли вооруженных сил как для стабилизации ситуации в Японии, так и для внешней экспансии во имя руководства Японией «миром при создании вечного счастья человечества», о призывах армии к «тотальной мобилизации любой ценой уже в мирное время» ради «неизбежного... момента, когда придется в бою решать вопрос, быть или не быть современной Японии», о поднятии доли военных расходов до 47% японского государственного бюджета, о том, что захват Маньчжурии является шагом «к политическому завоеванию жизненного пространства на азиатском материке» и что «старый географический враг — Россия превратился еще и в вызывающего глубокие чувства врага японской системы», исходя из того, что «большевизм так или иначе является самым худшим врагом монархии»[176]. Вряд ли какой-либо другой аналитик был в состоянии дать в то время столь глубокий и своевременный прогноз неизбежности роста агрессивности японского государства с претензией на господство в обширном регионе Восточной Азии. Безусловно, эти оценки Р. Зорге, как и его многочисленные закрытые донесения в Центр, весьма настораживали советское руководство, которое приступило во второй половине 1930-х гг. к укреплению военного потенциала на Дальнем Востоке, в том числе начало на практике реализовывать закрепленное подписанием 12 марта 1936 г. упомянутого выше межправительственного протокола существовавшее между Советским Союзом и Монголией с 27 ноября 1934 г. «джентльменское соглашение, предусматривающее взаимную поддержку всеми мерами в деле предотвращения и предупреждения угрозы военного нападения, а также оказания друг другу помощи и поддержки в случае нападения какой-нибудь третьей стороны на Союз Советских Социалистических Республик или на Монгольскую Народную Республику»[177]. Принятые меры, в том числе размещение на территории МНР контингента советских войск, сыграли решающую роль в отражении японской агрессии против Монголии в 1939 г. и явились сдерживающим фактором при выработке Японией планов войны против СССР.

В целом резидентуры зарубежной разведки Генерального штаба в 1939—1940 гг. добыли значительное количество ценных сведений о японских вооруженных силах и возможностях Японии по развертыванию своих сил в случае войны против СССР. Эти разведывательные сведения были использованы в упомянутой выше записке «Об основах развертывания Вооруженных сил Советского Союза на западе и востоке на 1940 и 1941 годы»[178]. В частности, в этом документе указывалось, что для действий против СССР Япония может выставить до 50 пехотных дивизий, 1200 танков и танкеток, 850 тяжелых орудий и 3 тыс. самолетов[179].

Советской военной разведке удалось вскрыть также подготовку Японии к ведению войны с применением оружия массового поражения. 4 января 1938 г. заместитель начальника Разведывательного управления Красной армии старший майор государственной безопасности С. Г. Гендин направил И. В. Сталину донесение, в котором сообщалось: «Агентурными данными установлено, что в 1937 г. в Харбине японцами организована бактериологическая лаборатория. В лаборатории работают около двухсот специалистов, половина из которых прибыла из Киотского университета. Лаборатория производит опыты по культивированию и распространению бактерий чумы, тифа и холеры»[180].

Японские бактериологические центры были строго засекречены. Харбинский центр, известный как «Отряд-731», в целях маскировки получил название «Управление по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии». Это «Управление по водоснабжению» было размещено в специально выстроенном и строго охраняемом военном городке в районе станции Пинфань, в двадцати километрах от Харбина.

Заместитель начальника военной разведки комиссар государственной безопасности 3 ранга С. Г. Гендин приказал направить специальное сообщение о выявленном вблизи Харбина бактериологическом центре не только И. В. Сталину, но также высшим должностным лица Советского государства А. А. Жданову, В. М. Молотову, Н. И. Ежову, К. Е. Ворошилову и М. П. Фриновскому[181].

По указанию наркома обороны СССР заместитель начальника военной разведки С. Г. Гендин направил в резидентуры советской военной разведки, действовавшие на Дальнем Востоке, срочное указание. От разведчиков требовалось добыть сведения о японских лабораториях и отрядах, которые занимались разработкой бактериологического оружия, а также сообщать обо всех случаях заболеваний местного населения тифом, холерой, чумой и другими подобными инфекционными болезнями.

Военные разведчики взяли под контроль эпидемиологическую обстановку в Маньчжурии. Сделать это было сложно, но тем не менее удавалось собирать ценные сведения. В Центр стали поступать данные о случаях заболевания в этих районах холерой, чумой и другими инфекционными болезнями.

Второй японский бактериологический центр был размещен в местечке Могатон, в десяти километрах южнее г. Чанчунь. Производственный отдел этого отряда имел шесть отделений, где размножались бактерии сибирской язвы, сапа, микробов для заражения хлебных злаков, а также возбудителей чумы крупного рогатого скота.

Японское командование, размещая бактериологическую лабораторию в Могатоне, не знало, что в Чанчуне действовала резидентура советской военной разведки, которой накануне и в первые годы Великой Отечественной войны руководил генерал-майор В. И. Чуйков. Когда Чуйков был вызван в Москву и получил назначение на должность командующего 62-й армией, которой предстояло сражаться под Сталинградом, резидентом в Чанчуне был назначен генерал-майор А. В. Рузанков.

Резидентура советской военной разведки в Чанчуне действовала так же эффективно, как и группа военной разведки в Харбине. Под контролем военных разведчиков находилось большинство грузов, прибывавших из Японии на территорию Маньчжурии. Задачи по сбору необходимых сведений решали военные разведчики, действовавшие в Дайрене. Через этот портовый город японцы перебрасывали специальные команды, не имевшие опознавательных знаков. Появление каждой такой команды в Дайрене отмечалось агентами резидентуры военной разведки, устанавливались цели их прибытия и места последующей дислокации.

Несмотря на то что японские провокации в Приморье и Монголии были пресечены и агрессор получил отпор, подготовку к большой войне против СССР Япония не прекратила. Нападение Германии на Советский Союз 22 июня 1941 г. создавало благоприятные политические и военные условия для Японии, которая могла начать военный поход против России, пользуясь тем, что ее основные силы были задействованы на советско-германском фронте. Определить вероятные направления и характер военных действий японской военщины стало главной задачей советской разведки в самый сложный период Великой Отечественной войны.

В предвоенные годы значительные усилия военной разведки были направлены на добывание военно-технической информации. В стране шло активное перевооружение Красной армии и Военно-морского флота, и с этой целью при Комиссии обороны (с 1937 г. — Комитете обороны) СНК СССР 22 марта 1936 г. было создано Военно-техническое бюро (ВТБ). В его состав входили: председатель СНК СССР В. М. Молотов (председатель), генеральный секретарь ЦК ВКП(б) И. В. Сталин, нарком обороны СССР К. Е. Ворошилов, нарком тяжелой промышленности СССР Г. К. Орджоникидзе, первый заместитель наркома обороны СССР М. Н. Тухачевский, первый заместитель наркома тяжелой промышленности СССР

Г. Л. Пятаков, начальник Автобронетанкового управления РККА И. А. Халепский, начальник Разведывательного управления РККА С. П. Урицкий, начальник Иностранного отдела НКВД СССР А. А. Слуцкий и другие[182]. В организационной структуре ВТБ были сформированы отдел по заданиям (возглавлял Г. Л. Пятаков) и отдел по проверке исполнения заданий (возглавлял Г. К. Орджоникидзе).

ВТБ при Комитете обороны СНК СССР осуществляло централизованный контроль над составлением и своевременным выполнением заданий закупочным (Наркомат внешней торговли) и добывающим (разведывательным) органами СССР по приобретению за рубежом новейших образцов вооружения, военной техники и соответствующей документации на их производство, а также рациональным расходованием финансовых средств, выделяемых в этих целях.

Наиболее ценные военно-технические сведения и материалы, добытые военной разведкой, руководители Разведывательного управления РККА (с июня 1940 г. — Разведывательного управления Генштаба Красной армии) установленным порядком направляли в ВТБ, Наркомат оборонной промышленности СССР, Наркомат Военно-морского флота, Управление Военно-воздушных сил, Автобронетанковое управление РККА, Артиллерийское управление РККА, Химическое управление РККА, Главное управление авиационной промышленности, а также в другие ведомственные управления и НИИ[183].

Об интенсивности и количестве поступавших в соответствующие органы и учреждения страны конфиденциальных материалов, добытых военной разведкой, свидетельствуют следующие обобщенные данные: в период с 1 апреля 1936 по 1 марта 1938 г. Разведуправление РККА направило заинтересованным органам 543 документа и различных военно-технических образца, большинство из которых имело гриф «секретно» и «совершенно секретно». При этом оценку, в основном положительную, со стороны ВТБ и центральных управлений Наркомата обороны СССР получило 256 материалов[184].

Перед военными разведчиками были поставлены задачи по добыванию документальных сведений и материалов, характеризующих состояние технической оснащенности вооруженных сил и основные тенденции развития военной техники и вооружения Германии, США, Франции, Англии, Италии и некоторых других стран. Добыванием этих сведений и материалов в предвоенные годы успешно занимались военные разведчики М. И. Полякова (в Германии и Швейцарии), Г. Робинсон (в Англии и во Франции), С. Я. Побережник (в Италии), Я. П. Черняк (в Румынии и Германии), С. И. Мрочковский (во Франции и США), Н. М. Зайцев (в Германии), А. А. Адамс (в США) и другие.

В зоне внимания военных разведчиков были материалы, содержавшие описание, спецификации и тактико-технические характеристики новейших боевых самолетов, моторов, авиационного вооружения и оборудования. При этом особый интерес представляли самолето-, моторо- и приборостроительные секреты США, поскольку именно в этих областях, судя по поступавшим разведывательным сведениям, американские инженеры и конструкторы применяли наиболее передовые технические решения.

С января 1937 по февраль 1938 г. военными разведчиками были добыты (в том числе по заданию УВВС) описание и основные чертежи новейшего скоростного самолета, развивавшего скорость 630 км/ч, расчетный материал и чертежи истребителя XP-34; указания материально-технического управления воздушного корпуса США по выполнению чертежных работ; сведения о современной системе проектирования боевых самолетов, включая описание организации работы конструкторских бюро[185].

Добытые разведкой материалы о проектировании американских боевых самолетов специалистами Управления ВВС были признаны наиболее ценными. Об этом свидетельствует официальный отзыв, поступивший в Разведуправление из УВВС, в котором, в частности, отмечалось: «Присланный материал... представляет интерес и используется: 1. Для осведомления наших военведов с целью работы по сокращению сроков проектирования отечественных самолетов; 2. Для постановки перед НКОП задач как по уменьшению сроков проектирования самолетов, так и по созданию подсобных заводов-агрегатов, способствующих быстрому про-

ектированию и постройке самолетов»[186]. Достаточно высоко были оценены представителями ВТБ материалы, касавшиеся американского скоростного самолета: они были признаны интересными и переданы для использования конструкторским бюро[187].

Вскоре были получены чертежи и спецификации американского бомбардировщика ДБ-1. Конфиденциальные материалы, направленные осенью 1937 г. в ВТБ, представляли технические требования военного министерства США к недавно принятому на вооружение бомбардировщику, его оборудованию и вооружению[188].

Что касается сведений и материалов о новейших американских авиационных двигателях, их отдельных деталях и узлах, добытых военной разведкой, то с полной уверенностью можно говорить лишь о том, что таковые в рассматриваемый период поступали. Так, в 1937 г. были добыты и направлены в ВТБ материалы одного из американских технологических институтов (100 фотографий), освещавшие вопросы повышения эффективности работы двигателя внутреннего сгорания. Их ценность заключалась в том, что сделанные американскими инженерами выводы базировались на ряде поставленных опытов, и это могло послужить своеобразным толчком для отечественных конструкторов в вопросе улучшения систем всасывания и выхлопа авиационного двигателя аналогичной конструкции. Об этом, в частности, говорилось в донесении заместителя начальника Разведуправления РККА С. Г. Гендина[189].

В предвоенные годы советская военная разведка добыла ценные сведения о некоторых новейших образцах американского авиационного оборудования и вооружения. В частности, в декабре 1937 г. Разведуправление РККА направило в ВТБ и Управление ВВС РККА совершенно секретные материалы (всего 276 фотоматериалов, 36 листов текста, 86 чертежей), содержавшие подробное описание, технические условия, методику испытания новой модели радиокомпаса SCR-186, поступившего на вооружение воздушного корпуса США, а также основные спецификации радиокомпаса SCR-242, находившегося в завершающей стадии разработки. О ценности добытых материалов свидетельствует заключение, которое было дано представителями УВВС РККА: «Материал представляет исключительную ценность для нас и для промышленности. Его целесообразно размножить и разослать на завод № 203, НРПА и НИИ № 11»[190].

В марте 1938 г. С. Г. Гендин доложил наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову о стоявших на вооружении в американских ВВС новейших радиокомпасах SCR-242 и SCR-186 и принятых мерах по внедрению американских новинок в советское авиационное приборостроение. Однако работа по производству советских радиокомпасов разворачивалась медленно. В связи с этим весной 1938 г. Правительством СССР было принято решение о закупке в США 300 приборов (типа SCR) у американских фирм «Бендикс», RSA, «Лир» и «Саймон». Приобретенные приборы были установлены на советские самолеты-разведчики Р-1, бомбардировщики СБ, ДБ-3, ТБ-7, а также штурмовики американской фирмы «Волти», строившиеся по лицензии на заводе № 1 в Москве[191].

Определенный интерес представлял образец американского авиационного 12,7-мм пулемета «кольт-браунинг» с патронами, сведения о котором были также добыты военными разведчиками. В ходе ознакомления специалистов Научно-испытательного полигона ВВС с его конструкцией было установлено, что в интересах советских ВВС могут быть использованы лишь патроны, в частности специальные пули (бронебойные, зажигательные и универсальные), 357 штук которых находилось в комплекте добытого образца.

В числе германских военно-авиационных секретов, добытых в эти годы военной разведкой, значились: описание, фотоснимки и чертежи двухтактного авиационного дизеля; чертежи и описания авиационных бомб и прицела для бомбометания RS; описание электровзрывателя для авиационных бомб; описание авиационного пулемета системы Т-6-200; описание и эскизные чертежи авиационного пулемета системы МС-17; образцы легких дюралевых сплавов, применявшихся в авиастроении, а также сведения, раскрывавшие методику борьбы с обледенением боевых самолетов.

Все полученные материалы представляли интерес. Так, в официальном отчете НКОП, направленном осенью 1937 г. в Разведуправление РККА после ознакомления с германским

авиационным дизелем, в частности отмечалось: «Материал о двухтактном дизеле... представляет интерес. Помимо отличительного его свойства — быстроходности в нем имеются также и оригинальные элементы конструкции, которые будут учтены при проектировании отечественного авиадизеля. Материал передан для практического использования в ЦИАМ (Центральный институт авиационного моторостроения)»[192].

Определенный интерес вызвал образец авиационного пулемета системы Т-6-200. После соответствующего изучения в адрес Разведуправления РККА из ВТБ было направлено следующее заключение: «Материал сам по себе интереса не представляет. Однако ознакомление с материалом наших специалистов и конструкторов с целью накопления опыта принесет большую пользу. Кроме того, интерес представляет двойной магазин барабанного типа, по которому проведена конструкторская разработка при проектировании автомата барабанного типа»[193].

В зоне внимания советской военной разведки находился французский авиационный моторостроительный опыт, прежде всего новейшие технологические и производственные достижения одной из фирм. В 1937 г. военная разведка по заданию ВТБ добыла чертежи и результаты испытаний авиационного мотора М-14 и рабочие чертежи деталей двухскоростного нагнетателя. В сентябре того же года все материалы были направлены заказчику, который дал им следующую оценку: «Чертежи профильного разреза М-14, пять рабочих чертежей двухскоростного нагнетателя и чертежи картера представляют интерес и будут использованы заводом № 29 при проектировании малогабаритной звезды».

Судя по архивным документам, нагнетатель к авиационному мотору М-14 был новейшей французской моделью. Неслучайно в 1937 г. Военно-техническое бюро еще дважды давало задание РУ РККА о приобретении сведений об этой технической новинке. Представляя добытые чертежи (всего 19) адресату, начальник Разведуправления РККА комиссар 2 ранга Я. К. Берзин докладывал: «В виду того что двухскоростной нагнетатель является новинкой, материал ценен для наших конструкторов. Он дает представление о конструкции нагнетателя и материалах, применяемых для его приготовления»[194]. В соответствии с решением ВТБ вновь добытые военной разведкой французские чертежи были использованы моторостроительным заводом № 29 в процессе проектирования и изготовления двухскоростного нагнетателя советской постройки.

В числе других авиационно-технических новинок, разрабатывавшихся в эти годы французскими моторостроительными фирмами и добытых по заданию УВВС советской военной разведкой, значились: чертежи, фотоматериалы и различные детали авиационного двигателя Р-14; рабочие чертежи мотора новейшей конструкции Р-18, в котором были учтены недостатки всех предыдущих марок; комплект конструктивных чертежей новейшего авиационного двигателя; чертежи втулки и механизма управления авиационного винта с переменным шагом и его подробное описание. Практически все материалы были направлены в ВТБ, некоторые из них получили весьма высокую оценку. Так, в отношении авиадвигателя в 1937 г. было сделано следующее заключение: «Материал ценный. Будет использован заводом № 29 при проектировании многорядной звезды»[195].

Об их практической значимости можно судить по некоторым другим служебным документам Разведуправления РККА, которые в 1937—1938 гг. были направлены в адрес ВТБ и НКОП. Прежде всего речь идет о самолетном винте с переменным шагом, находившемся во Франции в серийном производстве. «Материал интересен, — сообщал начальник военной разведки, — так как регулируемые в полете винты внедряются у нас в производство... чертежи могут быть полезны конструкторам при разработке винта с переменным шагом. Конструкция винта... является новой»[196].

В предвоенные годы военная разведка добыла некоторые сведения об английских ВВС, в том числе о высотном истребителе «Бристоль 138-А», одномоторном легком бомбардировщике «Фэйри Бэттл», радиоуправляемом самолете «Куин-Би» и двух спаренных авиационных пулеметах калибра 7,62 мм. Документальное техническое описание, чертежи и схемы истребителя «Бристоль 138-А» позволяли советским специалистам подробно ознакомиться

с его конструктивными особенностями и тактико-техническими характеристиками. Особый интерес к этому самолету вызывал тот факт, что именно на нем английским летчиком недавно был установлен рекорд высоты, составивший 15,3 км. Представляли ценность материалы, характеризующие радиоуправляемый самолет, поскольку в те годы подобные образцы являлись авиационными новинками. Неслучайно в июне 1937 г. они были направлены одновременно председателю ВТБ В. М. Молотову, наркому обороны СССР К. Е. Ворошилову, заместителю наркома обороны ССР по ВВС — начальнику ВВС РККА командарму 2 ранга Я. И. Алкснису и начальнику Технического управления РККА. Каковы были оценки данных материалов — неизвестно. В сопроводительной записке начальника РУ РККА подчеркивалось: «Довольно подробное техническое описание устройства английского самолета «Куин-Би». Материал дает ясное представление о принципах работы механизмов взлета и посадки. Особый интерес представляет раздел «О военном использовании беспилотных самолетов»[197].

Незадолго до войны силами военной разведки было установлено, что на вооружение итальянских ВВС поступили две новейшие модели бомбардировщиков. Один из них — тяжелый бомбардировщик имел скорость полета (на высоте 4 тыс. м) 475 км/ч, дальность полета (с бомбовой нагрузкой в 1 тыс. кг) — 2 тыс. км, полетный вес — 12 тыс. кг. Его вооружение составляли четыре пулемета калибра 12,7 мм. Воздушное министерство Италии заказало для ВВС 180 машин этого типа. Другой авиационной новинкой был пикирующий бомбардировщик S-86, снабженный двумя моторами по 500 л. с. Его максимальная скорость в горизонтальном полете и при пикировании составляла 500 км/ч, на вооружении находились два пулемета калибра 12,7 мм[198].

Значимое место во всем массиве зарубежных военно-технических сведений и материалов, добывавшихся силами военной разведки, занимали танки и бронеавтомобили. Во второй половине 1930-х гг. как на Западе, так и в СССР прогрессивные военные теоретики и практики уже хорошо осознавали, что очередная война будет войной моторов. В предвоенные годы этот тезис наиболее динамично претворялся в армейскую практику во Франции, США, Германии, Англии и Италии, что неизбежно привело к появлению новых, более совершенных моделей автобронетанковой техники. В Советском Союзе сведениями о зарубежных образцах танков и бронеавтомобилей усиленно интересовались главным образом два органа — Военно-техническое бюро и Автобронетанковое управление РККА. Зарубежный опыт мог быть полезен для отечественного танкостроения не только передовыми конструктивными и технико-производственными решениями, но и применением новых организационных форм в ходе формирования (расформирования) танковых соединений. Известно, что в 1938–1940 гг. созданные в РККА в первой половине 1930-х гг. механизированные (танковые) корпуса в силу разных причин пришлось трижды реорганизовывать.

В предвоенные годы американские конструкторы и инженеры существенно продвинулись в области танкостроения, создали несколько оригинальных моделей танков. В 1937–1938 гг. советская военная разведка добыла ряд ценных сведений и материалов об американском танкостроении: спецификации и альбом сборочных чертежей современных легких танков М2А1, М2А2 и «Комбат Кар М1»; чертежи танка «Кристи»; чертежи и тактико-технические данные среднего танка Т2Е4; описание технологического процесса производства и образцы брони марки SQTA, химический состав высококачественных сталей; результаты теоретических исследований параболических рефлекторов для танковых фар. Разведывательным управлением РККА все материалы были признаны ценными, большинство из них направлены в АБТУ РККА, отдельные — в ВТБ, где была сделана экспертная оценка их практической значимости. Отдельные образцы были настолько уникальными, что АБТУ запросило у РУ дополнительные сведения. Речь шла о среднем танке Т2Е4, в отношении которого представители АБТУ сделали следующее заключение: «Мы впервые получаем сведения об американском танке с шестью ведущими колесами. В этой части желательно получить более подробные материалы»[199].

Тщательно было изучено устройство танка «Кристи», детально представленного на 90 фоточертежах. Специалисты АБТУ сделали такую оценку добытых разведчиками мате-

Английский одномоторный легкий бомбардировщик «Фэйри Бэттл»

Американский легкий танк М2А2

риалов: «Из материалов по модели 1937 г. представляют интерес: а) схема подвески танка с наклонным расположением свечей; б) цепной привод на ведущее колесо колесного хода; в) оригинальная конструкция гусеницы с разрозненными траками; г) коробка передач с постоянным зацеплением шестерен; д) алюминиевые обода. Весь материал направляется на завод № 183 для использования»[200].

Судя по добытым материалам, американцы применяли оригинальную конструкцию гусеницы не только на танках «Кристи», но и на моделях М2А1, М2А2 и «Комбат Кар М1». Согласно оценке, данной ВТБ, наибольший интерес представляли данные о резинометаллических гусеницах танков, сведения о которых были разосланы на танкостроительные заводы для подробного изучения и практического использования в изготовлении аналогичных гусениц для отечественных легких танков.

Технической новинкой являлись технология производства американской брони марки SQTA. Военной разведкой было установлено, что проведенные в США предварительные испытания показали ее высокое качество. Начальник РУ РККА Я. К. Берзин, отмечая эту важную деталь в докладе, адресованном секретарю ВТБ, писал: «Материал ценный, так как дает возможность не только всесторонне проверить качество брони, но и поставить опытные плавки на наших заводах (на Ижорском заводе такая опытная плавка уже произведена)»[201].

В 1940 г. военная разведка вновь добыла сведения об образцах танков, поступивших на вооружение американской армии. Это были средний танк М2 и легкий танк М2А4, которые впервые демонстрировались в 1939 г. на Абердинском полигоне в США. Модель легкого танка М2А4 отличалась от предыдущих образцов наличием только одной башни и усиленным вооружением: на нем были установлены одна 37-мм пушка и четыре пулемета (модели М2А2 и М2А3 не имели пушечного вооружения). По данным военной разведки, заказ на 627 легких танков М2А4, стоимость которого составляла 11 млн долларов, выполняла одна из ведущих танкостроительных фирм США. Было также установлено, что американцы построили новый тяжелый танк весом в 60–70 тонн. Кроме того, были добыты следующие обобщенные данные: по состоянию на 1 мая 1940 г. в армии США имелось 627 танков всех типов; в 1941 г. планировалось иметь 2482 машины, то есть почти в четыре раза больше[202].

В предвоенные годы современные легкие танки строились и во Франции. Наиболее удачными, по данным военной разведки, были легкие сухопутные танки ZM, VM и плавающий танк «Лоран». В апреле 1937 г. Разведуправление передало Автобронетанковому управлению РККА фотоматериалы с иллюстрациями основных узлов и агрегатов и подробными тактико-технические данными сухопутных танков. В ходе изучения полученных материалов было выявлено своеобразие французских моделей: трансмиссия танка VM располагалась на правой стороне машины, у него применялся набор резиновых блоков для амортизации опорных катков; корпус танка ZM, включая башню, изготавливался из литой брони. Оценив все достоинства французских танков, специалисты АБТУ переправили фотоматериалы танкостроительным заводам № 37 (Москва), № 185 (Ленинград) и СТЗ (Сталинград). Кроме того, Автобронетанковым управлением РККА было дано задание 7-му Главному управлению НКОП, Мариупольскому и Ижорскому заводам испытать опытные листы литой брони, из которой были изготовлены корпус и башня танка ZM. Информируя начальника военной разведки о результатах изучения французских танков, начальник АБТУ комдив Г. Г. Бокис просил: «Желательно получить аналогичный материал по легкому плавающему танку «Лоран»[203].

Военными разведчиками были добыты образцы и материалы о зарубежном артиллерийском вооружении и стрелковом оружии. В Разведывательном управлении поступавшие сведения классифицировались следующим образом: материальная часть артиллерии и стрелкового оружия; боеприпасы, порох и взрывчатые вещества; приборы управления огнем; производственные и другие вопросы. Принятая классификация учитывалась заинтересованными органами при составлении заданий для военной разведки, а также использовалась сотрудниками РУ РККА в ходе представления добытых материалов соответствующим заказчикам.

Так, с мая 1937 по февраль 1938 г. в Военно-техническое бюро и другие заинтересованные организации Разведуправлением РККА было направлено более десятка различных американ-

ских конфиденциальных материалов, содержавших: описание 75-мм пушки M1G1; доклад об испытаниях новых систем 75-мм пушки на Абердинском полигоне; спецификации полевых пушек, легких гаубиц и лафетов; материалы, содержавшие сведения об увеличении живучести артиллерийских систем; годовой отчет Артиллерийского управления США за 1936 г., в котором подробно освещалась материальная часть артиллерии, содержались технические характеристики танков, стрелкового вооружения и боеприпасов; описание винтовки М-1 калибра 0,3 дюйма (7,62 мм); описание артиллерийских прицелов; чертежи, описание производства и результаты испытаний крупнокалиберных (12,7 мм) патронов; чертежи различных пуль; инструкцию по автоматическому снаряжению патронов одного из арсеналов США и сведения о технологическом процессе полуавтоматического снаряжения патронов, принятом на одном из заводов; рецептуры сталей, применявшихся в производстве бронебойных пуль; чертежи машин для автоматического производства патронов; рецептуры трассирующих и зажигательных составов; образцы пороха и описание его производства.

По данным Разведуправления РККА, все материалы представляли интерес для оборонной отрасли промышленности. Высоко оценивали их и представители ВТБ и Артиллерийского управления РККА и НК ВМФ. Например, изучив результаты проведенных испытаний по увеличению живучести артиллерийских систем, специалисты НК ВМФ сделали следующее заключение: «Материал по увеличению живучести артсистем (артиллерийских систем) весьма ценный и представляет большой интерес для Рабоче-крестьянского Красного Флота. Материал после изучения в Управлении вооружений ВМФ будет передан начальнику Артинститута НК ВМФ»[204].

Практически аналогичным было резюме сотрудников ВТБ и АУ РККА в отношении американской 75-мм пушки M1G1. Они сообщили в Разведуправление РККА, что «данная система представляет интерес с точки зрения направления конструкторской мысли»[205]. Следует заметить, что конструктивные особенности пушки М1 советским специалистам к тому времени были уже известны, поскольку еще весной 1936 г. представители ВТБ СНК и Управления начальника вооружений РККА скрупулезно изучили рабочие чертежи новейшего образца 75-мм дивизионной пушки армии США М1Е1, полученные по каналам военной разведки. Тогда в официальных отчетах фигурировали более содержательные оценки: «Представляет интерес как в части направления конструкторской мысли, так и в части конструктивного оформления, в частности применения сварки в артсистемах с точки зрения конструктивного разрешения отдельных ее механизмов. Дано задание заводу № 2 использовать отдельные узлы для новой дивизионной пушки»[206].

Сведения об американских артиллерийских новинках поступали от военных разведчиков и в последующие годы. Так, в 1940 г. были добыты материалы, содержавшие основные тактико-технические данные новой зенитной 90-мм пушки ААМ-1 на лафете М-1. Обращали на себя внимание горизонтальная дальнобойность орудия (13 тыс. м) и его скорострельность — 20—30 выстрелов в минуту.

В ряду французских артиллерийских и стрелковых новинок, добытых в эти годы советской военной разведкой, находились рабочие чертежи и спецификации 25-мм пушки, образцы и описание производства (с указанием норм выработки и перечислением заводского оборудования) 25-мм снарядов, описание и чертежи 220-мм, 274-мм, 340-мм, 400-мм снарядов образца 1936—1937 гг., чертежи и образцы различных типов взрывателей, в том числе взрывателя для ручных гранат, образцы крупнокалиберной (13,2 мм) пули, принятой во французской армии, описание артиллерийских прицелов, материалы по баллистике и некоторым артиллерийским приборам. Все перечисленные материалы были высоко оценены сотрудниками Разведуправления РККА и направлены в АУ РККА, отдельные — в ВТБ, НКОП, Управление начальника вооружений РККА и Артиллерийскую академию РККА[207].

Французские материалы тоже представляли интерес для советской оборонной отрасли промышленности. Например, в отношении четырех образцов 25-мм снаряда конструкции Э. Брандта, добытых военными разведчиками, нарком оборонной промышленности М. М. Каганович сообщал начальнику РУ ГШ КА Я. К. Берзину: «Материал представляет

интерес. В 1938 г. будет проведена опытно-исследовательская работа по проверке данной конструкции»[208].

В августе — сентябре 1937 г. Разведуправление передало в ВТБ и АУ РККА материалы, содержавшие 24 листа технического описания и шесть фотоснимков итальянской 20-мм зенитной и противотанковой пушки. Для советских специалистов добытые материалы представляли безусловный интерес, поскольку орудие было спроектировано как многофункциональное, способное действовать и против воздушных, и против наземных целей. Поступившее на вооружение итальянской армии в 1935 г., это орудие имело уникальную особенность конструкции: снаряд закладывался сбоку в металлическую обойму, после очередного выстрела пустая обойма выходила из казенной части с другой стороны. Кроме того, орудие оснащалось новейшей системой, позволявшей осуществлять горизонтальную и вертикальную наводку вручную и без особых физических усилий. При этом оптические прицелы были вынесены вверх на легкой рамке, что позволяло наводчику не пригибаться к пушке в момент прицеливания.

По данным военной разведки, в 1940 г. на вооружение итальянской армии поступила новая 120-мм полевая мортира-миномет, огневая мощь которой позволяла использовать ее как в наступлении, так и в обороне. Орудие имело ненарезной ствол, зарядка производилась со стороны дульной части, а выстрел — при помощи спускового механизма. Сведения об итальянской мортире были включены в очередную «Сводку по военной технике и экономике зарубежных стран», издававшуюся Разведуправлением Генерального штаба, которая направлялась в центральные управления НКО, Генеральный штаб, штабы военных округов и флотов, а также высшему командному составу Красной армии[209].

В начале 1937 г. Разведуправление РККА направило в ВТБ и Управление начальника вооружений РККА описания, фотоснимки и общие чертежи германских артиллерийских систем. В материалах содержались подробные сведения о 20-мм автоматической пушке, 37-мм противотанковой пушке, 37-мм и 75-мм зенитных пушках, 75-мм и 105-мм полевых пушках, 105-мм и 150-мм гаубицах и легких пулеметах (всего 370 фотоснимков). В том же году военными разведчиками были добыты описания 37-мм и 75-мм зенитных пушек, а также образцы сверхтвердых сплавов. После проведенных исследований, организованных ВТБ, образцы сплавов были отправлены в Главное управление станкостроительной и инструментальной промышленности (ГУСИП)[210].

В последующие годы военная разведка добыла новые сведения, касавшиеся использования немцами приборов для определения начальных скоростей огнестрельного оружия. Так, в 1940 г. было установлено, что в германской армии наряду с уже имевшимися электромагнитным и искровым приборами был принят на вооружение новейший так называемый «Керр хронограф». По данным военной разведки, этот прибор использовался в лаборатории баллистики на одном из военных полигонов и был самым точным.

В области зарубежного военно-морского строительства военную разведку интересовали материалы, содержавшие новейшие сведения о военном судостроении и корабельном машиностроении, вооружении кораблей и средствах военно-морской связи Великобритании, Франции, Германии, Италии и США. Добытые военными разведчиками конфиденциальные материалы направлялись в ВТБ, Управление Военно-морских сил (УВМС), Управление кораблестроения Управления морских сил (УК УМС), Научный институт военного кораблестроения (НИВК) и другие организации.

В решении задач по добыванию военно-морских сведений и материалов приоритет отдавался английским и французским образцам. Так, в 1937 г. были добыты материалы о 6-мм, 8-мм и 16-дюймовых артиллерийских установках, стоявших на вооружении английских морских кораблей, а также сведения о 55-мм нецементованных броневых плитах, применявшихся в английском кораблестроении. Представители ВТБ, получившие данные о броневых плитах, пришли к следующему заключению: «Сведения содержат ряд ценных данных, но, к сожалению, недостаточных для практического использования. Материал направлен Ижорскому и Мариупольскому заводам для использования в производстве»[211].

В том же году Разведуправление РККА направило в ВТБ материалы, содержавшие технические характеристики и чертежи французских 400-мм снарядов типа АС, а также образцы чугуна, из которого изготовлялись снаряды для военно-морской артиллерии. Кроме того, в Научно-исследовательский морской институт связи были переданы чертежи и схемы отдельных узлов и приборов связи, имевшихся на французском авианосце «Берн», которые были высоко оценены советскими связистами. «Чертежи и схемы отдельных узлов широковещания на французском авианосце «Берн», — отмечалось в официальном отчете, — представляют значительный интерес»[212].

В числе добытых военной разведкой материалов, освещавших некоторые вопросы германского судостроения и корабельного машиностроения, значились чертежи германского двигателя марки 2Zg9 и различных клапанов. Германские материалы были положительно оценены в отчете начальника НИВК, направленном в РУ РККА, в котором, в частности, отмечалось: «Двигатель представляет интерес как вариант машины с прямоточной продувкой Юнкерса и при небольших мощностях может дать определенные результаты»[213].

В предвоенные годы военная разведка установила, что в состав итальянского военно-морского флота принят современный линкор «Литторио», в строительстве которого итальянскими инженерами использовались новейшие технические и конструкторские решения. В первой половине 1937 г. силами разведки были добыты описание и чертежи его машинно-котельной установки, подъемников снарядов, образцы стали торпедного аппарата и образцы электродов, применявшихся при сварке бортовой брони, а также описание всего хода работ, выполненных при строительстве линкора. Разведуправление РККА направило все материалы в ВТБ, где они были признанны ценными. Позже чертежи линкора «Литторио» и его отдельных узлов и механизмов были использованы заводом № 103 в отечественном кораблестроении. Помимо этого, в том же году военной разведкой был добыт полный комплект чертежей компаса с оптической передачей, который устанавливался на некоторых итальянских подводных лодках. Эти материалы позволили советским специалистам учесть итальянский опыт морского приборостроения в создании аналогичных образцов.

Что касается американских военно-морских новинок, сведения о которых в предвоенные годы были добыты разведкой Наркомата обороны, в числе таковых были миноносцы типа ДД-364, ДД-379 и другие аналогичные корабли. В числе ценных конфиденциальных материалов были также технические условия для миноносцев, чертежи построения профиля гребного винта и схемы главного паропровода, установленного на кораблях.

Дезинформационные мероприятия, проводимые Германией накануне нападения на СССР

Политические, военные и экономические особенности подготовки фашистской Германии к вероломному нападению на Советский Союз детально изучены отечественными и зарубежными специалистами. Однако до сих пор вопрос о том, как Гитлеру удалось обеспечить оперативную внезапность и 22 июня 1941 г. нанести столь массированный удар по группировкам советских войск, не получил исчерпывающего ответа.

Судя по содержанию мемуаров руководителей советского Генерального штаба К. А. Мерецкова и Г. К. Жукова, а также некоторых других советских политических и военных деятелей, И. В. Сталин и его соратники действительно не ожидали такого вероломства со стороны Гитлера и полагали, что обострение отношений между СССР и Германией может возникнуть не ранее 1942–1943 гг. Этот прогноз — свидетельство того, что гитлеровское руководство и германские спецслужбы добились успеха в проведении мероприятий, направленных на дезинформацию советского руководства. Такого рода дезинформационные мероприятия оказывали непосредственное влияние и на деятельность советских разведывательных служб.

Как представляется, в основе ошибки советского политического руководства относительно агрессивных планов Германии лежат причины внутреннего и внешнего характера.

Пожалуй, главной причиной внутреннего характера можно считать доминирование в принятии ключевых решений И. В. Сталина, утвердившего в управлении государством собственное практически полное единоначалие. Так как вождь был убежден в том, что Гитлер не нападет на СССР в 1941 г., этим его прогнозом были «загипнотизированы» наркомы иностранных дел и обороны, а также в значительной степени руководство Генерального штаба. Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал по этому поводу: «Ухватил ли я как начальник Генерального штаба глубокую ошибочность в мыслях Сталина? Я бы соврал, сказав, что вполне понимал, что война неизбежна. Я тогда поверил, что вполне удовлетворен ответом Сталина... У Тимошенко тоже не было никаких сомнений»[214].

Кроме того, в системе органов государственной власти СССР отсутствовала структура, которая бы занималась глубоким научным анализом военно-политической обстановки в Европе и разрабатывала обоснованные прогнозы и рекомендации. Не было специальных аналитических структур и в штатах внешней и военной разведок. Между разведками НКВД, НКО, НК ВМФ и Наркоматом иностранных дел отсутствовали регулярный обмен сведениями военно-политического характера и координация их деятельности, хотя в условиях уже начавшейся Второй мировой войны такой обмен информацией о нарастании угрозы со стороны гитлеровской Германии, а также глубокий анализ развития военной обстановки на Западе и Востоке были настоятельно необходимы.

Несомненно, в качестве еще одной важной причины внутреннего характера, позволившей Гитлеру ввести Сталина в заблуждение, следует рассматривать отрицательное влияние на ответственных работников госаппарата СССР репрессий, которые в 1937—1939 гг. затронули все основные учреждения страны. В психологическом плане боязнь новых репрессий подавляла инициативу у тех, кто должен был вырабатывать объективные оценки внешнеполитической и военно-стратегической обстановки и своевременно докладывать их руководству СССР, несмотря на то что эти оценки могли и не совпадать с личными прогнозами И. В. Сталина.

Внешние причины тоже сложны и многообразны. Условно их можно распределить на две группы. Первая — политический эгоизм лидеров Англии и Франции, проявлявшийся в отношении к проблеме формирования системы коллективной безопасности в Европе. С молчаливого согласия английского и французского политического руководства в начале марта 1938 г. Германия присоединила к себе Австрию. Затем в том же 1938 г. западные демократии совместно с Гитлером и Муссолини в Мюнхене расчленили Чехословакию, что стало началом перекройки европейских границ, которые были определены Версальским мирным договором, подписанным 28 июня 1919 г. Даже после 1 сентября 1939 г. и вступления Англии и Франции в войну против Германии правящие круги Лондона и Парижа продолжали попытки договориться с Гитлером в ущерб безопасности Советского Союза.

Вторая причина — целенаправленная, многоплановая и искусно распространяемая руководством Германии дезинформация относительно планов подготовки войны против Советского Союза. Организация мероприятий в области дезинформации, ее содержание, формы и методы распространения представляют интерес с точки зрения практики разведывательной деятельности в условиях формирования многополярного мира нового типа. В связи с этим ответ на вопрос, как Гитлеру удалось дезинформировать Сталина, имеет не только историческое, но и важное практическое значение.

Основные мероприятия по дезинформации советского политического руководства проводились Гитлером и его сотрудниками в период с июня 1940 по июнь 1941 г.[215] В их разработке принимали участие министр иностранных дел И. Риббентроп, министр пропаганды Й. Геббельс, начальник внешней разведки В. Шелленберг, начальник военной разведки и контрразведки адмирал В. Канарис и другие высокопоставленные чины из руководства фашистской Германии. Руководителем всего комплекса этих мероприятий выступал лично А. Гитлер. В распространении дезинформационных сведений принимали участие высшие должностные лица германского руководства (Гитлер, министры иностранных дел и внешней

И. фон Риббентроп

Й. Геббельс

В. Шелленберг

В. Канарис

торговли), германские послы и дипломаты, военные атташе, руководители и сотрудники военной разведки (абвер), которые действовали в Венгрии, Румынии, Югославии, Болгарии, Финляндии, Турции, Италии, Японии и других странах, члены германских правительственных и торгово-экономических делегаций, средства массовой информации (газеты, журналы и радиостанции), специально подготовленные частные лица (банкиры, промышленники и другие).

Мероприятия дезинформационного характера распространялись дозировано в политической, военной, экономической и других областях. Операция проводилась на трех уровнях: стратегическом, оперативном и войсковом.

Мероприятия в области политической дезинформации преследовали следующие цели:

— демонстрацию приверженности Германии советско-германскому пакту о ненападении; этот договор обязывал стороны воздерживаться от агрессивных действий и от нападения в отношении друг друга, при нападении на одну из сторон третьей державой не оказывать поддержки напавшей стороне, разрешать споры и конфликты между собой мирным путем[216];

— демонстрацию отсутствия между Германией и СССР спорных территориальных вопросов; 28 сентября 1939 г. Германия и Советский Союз подписали договор о дружбе и границе, который привел к размежеванию между договаривающимися сторонами примерно по линии Керзона;

— дезорганизацию усилий руководства СССР и правительств европейских государств по созданию блока антифашистских государств;

— разделение европейских стран на союзников Германии и ее вероятных противников, определение состава нейтральных государств, которые не будут представлять военную угрозу Германии, но экономические и финансовые возможности которых могут быть использованы Германией в чрезвычайных условиях.

В целом, дезинформационные мероприятия в области внешней политики стали убедительной «политической ширмой», которая скрывала подготовку Германии к войне против СССР. Захватив Польшу в сентябре 1939 г., Гитлер начал приближать свои войска к советской границе на максимально допустимое расстояние.

Когда Англия и Франция в сентябре 1939 г. объявили войну Германии, Гитлер, ожидая такой реакции англичан и французов, летом 1940 г. захватил большую часть Франции. Затем он приказал начать авиационные бомбардировки территории Англии в рамках разработанной по его указанию операции «Морской лев».

Операции «Морской лев» в мероприятиях по дезинформации советского руководства отводилась особая роль: демонстрируя готовность расширить боевые действия против Англии, Гитлер использовал эти мероприятия для прикрытия подготовки к внезапному нападению на Советский Союз. Фюрер даже попытался заинтересовать Сталина в дележе «английского наследства». В дневнике начальника генерального штаба сухопутных войск Германии Ф. Гальдера 30 сентября 1940 г. записано: «Фюрер направил Сталину извещение о заключении пакта с Японией за 24 часа до его подписания. Теперь отправлено новое письмо Сталину с целью заинтересовать его в английском наследстве и добиться его поддержки против Англии»[217].

Важную роль в дезинформационных мероприятиях германского руководства играла демонстрация стремления к доверительному уровню отношений с Советским Союзом. В этих мероприятиях по указанию Гитлера принимал участие (скорее всего, неосознанно) германский посол в Москве Ф. Шуленбург. 17 июня 1940 г., например, в беседе с наркомом иностранных дел СССР В. М. Молотовым он «ознакомил тов. Молотова с ответом Гитлера на мирные предложения маршала Петэна. Гитлер ответил Петэну, что он не может заключить мир с Францией, не обсудив предварительно с Муссолини этот вопрос»[218].

Действия посла Шуленбурга по демонстративному усилению доверительности в советско-германских отношениях подкреплял германский военный атташе в Москве генерал-лейтенант Э. Кёстринг. 21 июля он был на приеме у начальника отдела внешних сношений Наркомата обороны СССР полковника Г. И. Осетрова, которому сообщил сведения «конфиденциального» характера о планах Германии в отношении Франции. Кёстринг проин-

формировал Осетрова о том, что французские уполномоченные должны прибыть к 11 часам 21 июня в лес Компьен в районе Парижа для подписания перемирия, причем в том самом вагоне, в котором в 1918 г. уполномоченные германского правительства подписывали перемирие, фактически означавшее капитуляцию их страны[219]. Германский военный атташе сообщил полковнику Осетрову достоверные сведения, которые вскоре подтвердились, что повысило доверие советского руководства к германским официальным представителям в Москве и в целом к Германии.

В октябре 1940 г. министр иностранных дел Германии Риббентроп направил Сталину письмо, в котором уверял, что Берлин стремится к дальнейшему улучшению отношений с СССР, и просил наркома иностранных дел СССР В. М. Молотова посетить Германию с официальным визитом.

Молотов в начале ноября 1940 г. отправился в Берлин. Переговоры проходили 13–14 ноября. С германской стороны в них принимали участие Гитлер и Риббентроп. Германские лидеры пытались добиться согласия СССР с их планами раздела мира на сферы влияния. Гитлер опять предлагал заняться «расчленением Британской империи». Переговоры проходили на фоне бомбардировок германской авиацией Британских островов, что казалось убедительным доказательством решимости фюрера добиться победы над Англией.

В Москве результаты визита Молотова в Берлин оценили положительно, но от предложения Германии относительно дележа «английского наследства» предусмотрительно отказались. Гитлер, Риббентроп и Геринг считали, что им удалось обмануть советского наркома иностранных дел. Так или иначе, советская сторона на какое-то время позволила втянуть себя в обсуждение территориальных вопросов в Европе.

Введение советской стороны в заблуждение шло по всем возможным линиям. Активно использовался агент-двойник Лицеист, который передавал дезинформационные сведения резиденту внешней разведки НКВД в Берлине А. З. Кобулову. Так, например, 14 декабря 1940 г. Лицеист на встрече с Кобуловым сообщил, что внешняя политика Германии строится на следующих основных принципах. Во-первых, Германия сделает все от нее зависящее, чтобы избежать войны на два фронта, и только особые обстоятельства могут принудить ее к этому. Во-вторых, при полном политическом согласии и договоренности Германия должна попытаться занять в Европе позиции, позволяющие ей не только осуществлять общеевропейское политическое руководство, но и исключить возможность заключения европейскими государствами союзов между собой или с другими континентами, ослабляющими Центральную Европу. Лицеист кратко излагал некое заявление Гитлера о том, что «единственный враг нашей страны — Англия» и что для Германии, дабы избежать войны на два фронта, «важно обеспечить хорошие отношения немцев с Россией»[220].

Но всего через несколько дней, 18 декабря 1940 г., Гитлер подписал директиву № 21 (план «Барбаросса») о подготовке к войне против СССР. Этой директивой операция по дезинформации была выведена на новый уровень. В документе, в частности, указывалось, что все распоряжения главнокомандующих на основе этой директивы должны исходить из мер предосторожности на случай, если Россия изменит свою позицию по отношению к Германии[221]. Главная цель такого распоряжения, несомненно, была не только в дезинформации советской разведки, но и в сокрытии реальных планов Гитлера против СССР даже от германских генералов, которые могли в декабре 1940 г. быть ознакомлены с директивой № 21.

Довольно быстро подготовка Германии к нападению на СССР приняла конкретные формы и реальные масштабы. 31 января 1941 г. главное командование сухопутных войск Германии утвердило директиву № 050/41 «О стратегическом сосредоточении и развертывании войск (операция «Барбаросса»)»[222]. В ней указывалось, что командующим войсками предстояло осуществить подготовительные мероприятия, которые позволили бы нанести поражение Советской России в быстротечной кампании еще до того, как будет закончена война против Англии.

Вводя в заблуждение Сталина, Гитлер стремился некоторое время держать в неведении относительно своих военных планов и лидеров союзных Германии государств. 3 февраля в

Э. Кёстринг

Особняк германского военного атташе в Хлебном переулке, д. 28

Берлине состоялось секретное совещание в канцелярии фюрера, на котором присутствовали Гитлер, начальник штаба ОКВ и начальник штаба оперативного руководства вермахта. Гитлер утвердил доклады о подготовке операции «Барбаросса» и еще раз дал указание, в соответствии с которым «сосредоточение и развертывание войск по плану «Барбаросса» маскировать посредством дезинформации относительно осуществления операции «Морской лев» и второстепенной операции «Марита»[223].

В начале 1941 г. мероприятия в области политической дезинформации были дополнены тщательно продуманной дезинформацией в военной области. Цель — маскировка избыточной концентрации германских войск у советской западной границы и мер по оборудованию театра военных действий.

Особую роль в мероприятиях в области военной дезинформации играла операция «Морской лев». Официально Берлин объявил, что главной целью этой операции являлось достижение победы над Англией, однако решалась и секретная задача по дезинформации стратегического уровня. Эта дезинформация должна была прикрыть подготовку к внезапному нападению Германии на Советский Союз.

Для придания правдоподобности планам Германии против Англии гитлеровским руководством проводились следующие мероприятия: в массовом количестве печатались топографические материалы по Англии, к войскам прикомандировались переводчики английского языка, подготавливалось «оцепление» некоторых районов на побережье проливов Ла-Манш, Па-де-Кале и в Норвегии, распространялись сведения о мнимом авиадесантном корпусе, предназначенном для переброски на Британские острова, в войсках офицеры говорили в одном случае, что они идут на отдых перед вторжением в Англию, в другом — что войска будут пропущены через советскую территорию для выступления против Индии.

Более того, чтобы подкрепить версию о высадке десанта в Англию, германские генштабисты разработали специальные операции под кодовыми названиями «Акула» и «Гарпун». Германская пропаганда целиком «обрушилась» на Англию, прекратив свои обычные выпады против СССР.

Германская военная разведка старательно выполняла свои функции по распространению целенаправленной дезинформации. К этим акциям были подключены практически все германские военные атташе. Такой вывод позволяет сделать содержание циркулярной инструкции № 73, направленной из Берлина 12 февраля 1941 г. всем военным атташе. В этой секретной инструкции, имевшей гриф «С», указывалось, что при запросе относительно отправки германских войсковых частей в Румынию следует воздерживаться от ответа, а при более настойчивых вопросах ссылаться на Берлин. В случае неизбежности ответа следовало высказывать общую точку зрения, объясняя политическую причину посылки германских войск в Румынию достоверными сведениями о концентрации английских войск всех родов в Греции (Салониках). При необходимости дать ответ относительно количественного состава войск рекомендовалось всячески поощрять фантазию запрашивающей ответ стороны[224].

Германское руководство официально продолжало заявлять о положительном развитии советско-германских отношений, одновременно тайно накапливая свои войска на границе с СССР. 15 февраля 1941 г. оперативное руководство ОКВ разработало новые указания, которые получили название «О мероприятиях по дезинформации». В документе, подписанном начальником штаба верховного главнокомандования вооруженными силами Германии В. Кейтелем, указывалось: «Цель маскировки — скрыть от противника подготовку к операции «Барбаросса». Эта главная цель и определяет все меры, направленные на введение противника в заблуждение»[225].

Далее в директиве отмечалось, что необходимо на первом этапе, то есть приблизительно до середины апреля, сохранять неопределенность информации о намерениях Германии. В последующем, когда скрыть подготовку к операции «Барбаросса» уже не удастся, предписывалось объяснять соответствующие действия как дезинформационные, направленные на отвлечение внимания от подготовки вторжения в Англию. Был тщательно разработан и порядок проведения дальнейших дезинформационных мероприятий.

Организатором всех дезинформационных акций была определена информационная служба, которую создали в управлении военной разведки и контрразведки. Ее деятельность контролировалась адмиралом В. Канарисом.

Директивой определялся главный принцип проведения всех мероприятий по дезинформации советского руководства и советской разведки — дозированное использование версии об общей миролюбивой внешней политике Германии в отношении Советского Союза и распространение ложных сведений только по тем каналам и теми способами, которые будут «указаны начальником управления военной разведки и контрразведки». Цель — «запутать представления о наших дальнейших планах»[226].

Предусматривалось, что Канарис организует передачу германским военным атташе в нейтральных странах и атташе нейтральных стран в Берлине дезинформационных сведений, которые должны были носить «отрывочный характер, но отвечать одной общей тенденции». Общая тенденция — подготовка вторжения на территорию Англии, тайная задача — маскировка военных приготовлений к нападению на Советский Союз.

В этой же директиве «О мероприятиях по дезинформации» указывалось на необходимость проводить действительные меры, принимаемые высшими штабами таким образом, чтобы они не противоречили тем сведениям, которые будет распространять служба информации абвера. Из этого следует, что все мероприятия по дезинформации советского руководства осуществлялись в условиях строгой секретности, по единому плану, под контролем верховного командования вооруженных сил Германии и с участием немецкой военной разведки и контрразведки.

Меры, которые должны были предпринимать высшие штабы германских вооруженных сил, предполагали даже распространение ложных сведений среди офицеров германской армии о готовящемся вторжении германских войск в Англию. В директиве прямо указывалось, что даже если войска будут перебрасываться на восток, следует как можно дольше придерживаться версии, что переброска осуществляется лишь с целью дезинформации или прикрытия восточных границ в тылу во время предстоящих действий против Англии.

Гитлеровское руководство понимало, что на каком-то этапе проводимые им дезинформационные мероприятия необходимо поддерживать различными конкретными действиями. Поэтому главному командованию сухопутных войск предписывалось совместно с управлением военной разведки и контрразведки подготовить внезапное «минирование» определенных зон в проливе Ла-Манш, в прибрежных водах Норвегии. Следовало «создать впечатление, что предстоит внезапное нападение на Британские острова».

В первом квартале 1941 г. некоторые советские военные разведчики были введены этой дезинформацией в заблуждение. Они направляли в Центр донесения, в которых сообщали о том, что Германия начнет войну против Советского Союза «лишь после победы над Англией или достижения с ней почетного мира» и что «Германии достаточно войны с Англией, и она экономически заинтересована в мире с СССР». Подобные донесения использовались начальником военной разведки генерал-лейтенантом Ф. И. Голиковым для подготовки доклада Сталину 20 марта 1941 г. «Высказывания (оргмероприятия) и варианты боевых действий германской армии против СССР», о котором говорилось ранее.

В то же время в Центр поступили десятки новых донесений военных разведчиков, которые свидетельствовали о том, что Германия продолжает активную подготовку к войне против СССР. Но вскрыть истинное назначение операции «Морской лев» советская разведка не смогла.

С 22 мая 1941 г. германское командование приступило к заключительному этапу оперативного развертывания своей армии для нападения на СССР: по железной дороге и своим ходом к границе начали выдвигаться 47 дивизий вермахта. Чтобы скрыть истинные цели перемещения такой массы войск на восток, в соответствии с директивой ОКВ от 12 мая 1941 г. началась заключительная фаза дезинформации, а по сути — специальная дезинформационная акция, превзошедшая по размаху все ранее проводившиеся нацистами операции такого рода. По свидетельству генерала К. фон Типпельскирха, курировавшего в генеральном

НГ-6

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ
«17» июня 1941 г.
№ 2279/м
г. Москва

Сов. секретно

50

ЦК ВКП(б)

товарищу СТАЛИНУ.

Направляем агентурное сообщение, полученное НКГБ СССР из Берлина.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР
ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ СССР

(В.МЕРКУЛОВ)

Разослано:
т.Сталину
т.Молотову

1170

Резолюция И. В. Сталина на докладной записке НКГБ СССР о дате нападения на Советский Союз

штабе сухопутных войск вермахта отдел разведки, ее цель заключалась в том, чтобы «сохранить в тайне дату нападения, то есть обеспечить тактическую внезапность» при нанесении первого удара[227].

Все возможное делалось для того, чтобы породить у советского руководства иллюзии относительно образа действий Германии в случае, если отношения между ней и Советским Союзом все же приобретут конфликтный характер. Судя по дневнику статс-секретаря германского МИДа Э. фон Вайцзеккера, гитлеровское руководство надеялось создать у Кремля иллюзию, что если дело даже дойдет до вооруженного выступления против СССР, ему в любом случае будет предшествовать обычная дипломатическая процедура: переговоры, выдвижение претензий, ультиматум и т. п.

Для полного правдоподобия Москве сразу по нескольким каналам подбросили информацию о возможных германских требованиях. В их числе фигурировали то длительная аренда зерновых просторов Украины, то участие Берлина в эксплуатации бакинских нефтяных промыслов. Претензиями экономического характера не ограничились, создавая впечатление, что Гитлер ждет от СССР уступок и военно-политического характера — согласия на проход вермахта через южные районы СССР в Иран и Ирак для действий против Британской империи. Заодно дезинформаторы получали дополнительный аргумент при объяснении, зачем соединения вермахта стягиваются к советским границам.

Германскими спецслужбами разыгрывалась многоходовка: одновременно с введением в заблуждение главного противника — СССР распускаемые слухи усиливали недоверие между Москвой и Лондоном и минимизировали возможность какой-либо антигерманской политической комбинации за спиной Берлина.

В ночь с 11 на 12 июня 1941 г. была проведена акция, которой нацистское руководство придавало исключительное значение. По согласованию с Гитлером Геббельс опубликовал в вечернем выпуске газеты «Фёлькишер беобахтер» статью «Крит как пример», в которой делал

прозрачный намек на высадку вермахта в скором времени на Британские острова. Чтобы создать впечатление, будто рейхсминистр пропаганды совершил грубейшую ошибку и выдал тайный план, номер газеты якобы по личному распоряжению Гитлера был конфискован, а по Берлину распространился слух о неизбежной отставке министра, впавшего в немилость фюрера. Газету в розницу действительно не пропустили (чтобы не дезинформировать собственных военных и население), а иностранные посольства номер получили.

«Моя статья о Крите, — записал на следующий день в своем дневнике Геббельс, — настоящая сенсация в стране и за рубежом... Наша постановка отлично удалась... Из прослушанных телефонных разговоров иностранных журналистов, работающих в Берлине, можно заключить, что все они попались на удочку. В Лондоне тема вторжения снова в центре внимания... ОКВ очень довольно моей статьей. Она представляет собой великолепную отвлекающую акцию»[228].

И сразу после этого была избрана новая тактика — хранить полное молчание. Советское руководство, опубликовав 14 июня сообщение ТАСС, в котором опровергались распространявшиеся на Западе слухи о возможном нападении Германии на СССР, пыталось тем самым побудить имперскую канцелярию подтвердить это сообщение. Но, как записал Геббельс 16 июня, «мы не полемизируем в прессе, замыкаемся в полном молчании, а в день «Х» просто наносим удар. Я настойчиво советую фюреру... нужно продолжать непрерывно распространять слухи: мир с Москвой, Сталин приезжает в Берлин, вторжение в Англию предстоит в самое ближайшее время... Я еще раз налагаю запрет на обсуждение темы России нашими средствами массовой информации в стране и за рубежом. До дня «Х» — это табу».

Увы, советское руководство приняло объяснения немцев за чистую монету. Стремясь любой ценой избежать войны и не дать к нападению ни малейшего повода, Сталин до последнего дня запрещал приведение войск приграничных округов в боевую готовность. Будто повод к нападению еще как-то волновал гитлеровское руководство.

В последний предвоенный день Геббельс записал в дневнике: «Вопрос относительно России обостряется с каждым часом. Молотов просился с визитом в Берлин, однако получил решительный отказ. Наивное предположение. Этим надо было заниматься полгода назад... Теперь-то Москва, должно быть, заметила, что грозит большевизму»[229].

Последние предвоенные дни прошли в Москве в тревожном ожидании. Однако магия уверенности в том, что столкновения с Германией удастся избежать, настолько владела Сталиным, что даже получив от Молотова подтверждение об объявлении Германией войны, в директиве, отданной 22 июня в 7 часов 15 минут Красной армии на отражение вторгнувшегося врага, он запретил нашим войскам, за исключением авиации, пересекать линию немецкой границы. Как ни прискорбно, дезинформационная операция гитлеровских спецслужб своей цели достигла.

* * *

Подводя итог рассмотрению деятельности внешней разведки в предвоенный период, можно с полным основанием констатировать, что она активно и настойчиво использовала все имевшиеся силы и возможности для вскрытия военно-политических и экономических приготовлений Германии к войне с Советским Союзом. В тяжелые предвоенные годы был создан эффективный агентурный аппарат в Германии и ведущих иностранных государствах, который позволял получать достаточно полную и достоверную, в том числе документальную информацию по всем важным аспектам указанной проблемы.

Внешняя разведка, кроме того, регулярно добывала секретные материалы о политике зарубежных стран в отношении СССР и Германии; о закулисной борьбе вокруг важнейших для того времени международных проблем; об основных этапах германской экспансии в Европе; о политическом и экономическом проникновении Германии в сопредельные с СССР страны — Иран, Афганистан, Финляндию, Румынию.

Работа разведки в предвоенный период не ограничивалась только военно-политическими проблемами. По линии научно-технической разведки были получены ценные сведения,

военно-технические материалы и образцы, внесшие существенный вклад в укрепление обороноспособности страны.

Важной сферой деятельности разведки была борьба с иностранными спецслужбами, в первую очередь германскими, а также с использовавшимися ими зарубежными антисоветскими и националистическими организациями. В частности, были добыты сведения примерно на две сотни агентов иностранных разведок и членов зарубежных эмигрантских организаций, переброшенных на территорию СССР; подробные данные о структуре и личном составе абвера и гестапо; об активном задействовании германской разведкой для шпионажа и диверсий против Советского Союза Организации украинских националистов (ОУН). Благодаря усилиям внешней разведки удалось парализовать деятельность основных белоэмигрантских и других зарубежных антисоветских организаций. Немцы не смогли эффективно использовать их на своей стороне в ходе войны. Совокупность добытых разведкой данных позволяла советскому руководству иметь подробную и объективную картину подготовки Германии к нападению на СССР.

Однако в работе разведки имелись и недостатки. Основной из них заключался в том, что, имея достоверную информацию о предстоящем нападении немцев, разведка оказалась недостаточно подготовленной к деятельности в военных условиях. Это в первую очередь относилось к обеспечению бесперебойной связи с агентурой в странах, изготовившихся к агрессии против Советского Союза, поскольку в случае войны легальные резидентуры в них прекращали свое существование. Нельзя утверждать, что руководство разведки не принимало соответствующих мобилизационных мер. Оно периодически направляло указания о подготовке к работе в военное время. Особое внимание уделялось берлинской резидентуре, куда в марте — апреле 1941 г. поступили рекомендации Центра на этот счет. В них, в частности, подчеркивалось, что создавшаяся обстановка требует принятия срочных мер по переводу основной, наиболее ценной агентуры на прямую связь с нами, то есть создания нескольких нелегальных резидентур, могущих осуществлять связь с Москвой по радио.

Вместе с тем такие указания часто имели общий, декларативный характер, не разъясняли резидентурам, что конкретно и как им необходимо делать применительно к условиям страны пребывания. Они не подкреплялись своевременной отправкой в загранаппараты необходимой техники агентурной радиосвязи и специалистов, которые могли бы обучить ее правильному использованию, а также проверить на месте эффективность функционирования тех или иных технических средств. Дело в том что личный состав центрального аппарата не имел необходимых навыков работы в военный период, поэтому не мог дать развернутых рекомендаций. Сказались последствия репрессий, когда пострадали в своем большинстве опытные разведчики, в том числе работавшие в Испании и других кризисных регионах.

Отсутствие достаточного опыта привело к тому, что каналы радиосвязи с Центром не дублировались. Не были предусмотрены альтернативные условия связи на пограничные с Германией нейтральные страны, в частности Швейцарию. Не учитывалась малая мощность имевшихся у агентуры радиопередатчиков, которой могло не хватить в случае продвижения вермахта далеко на нашу территорию. В начале войны так и случилось, когда через неделю был захвачен Минск, где располагался центр радиосвязи с агентурой в Европе. С позиций Москвы, а затем и Куйбышева, восстановить устойчивую радиосвязь не удалось. Агентов заблаговременно не снабдили дополнительными источниками питания и запасными частями для раций, которые в условиях войны достать было крайне затруднительно.

Недостаточно требовательный, а порой и половинчатый характер указаний Центра объяснялся и тем, что широкомасштабная реализация мер по подготовке резидентур к работе в военное время могла быть вскрыта контрразведками враждебных государств и немедленно использована для обвинений Москвы в подготовке агрессивных действий. Как известно, Сталин категорически запрещал любые действия, которые могли бы дать Гитлеру повод для подобных шагов. Поэтому руководство разведки фактически на свой страх и риск осуществляло подготовку резидентур к деятельности в военных условиях под давлением неопровер-

жимых сведений о неизбежности войны. Данное обстоятельство объясняет, почему многие мероприятия оказались запоздалыми.

При анализе причин недостаточной готовности внешней разведки к работе в военное время нельзя не отметить и тот немаловажный факт, что в ходе репрессий был нанесен значительный ущерб нелегальному направлению ее деятельности. Как видно из приведенной ранее структуры 5-го отдела ГУГБ НКВД СССР за 1939 г., в его составе даже не было подразделения, отвечавшего за нелегальную разведку. А ведь как раз нелегальная разведка предназначалась для осуществления связи с агентурой в военное время. За эту серьезную ошибку вина лежит целиком на политическом руководстве страны. Попытки за полтора-два месяца до начала войны организовать группы нелегальной разведки из числа агентуры, как это имело место, например, в Германии, были обречены на неудачу, поскольку развертывание работы с нелегальных позиций требует много времени, тщательно подготовленных кадров разведчиков, создания соответствующей оперативной инфраструктуры. В достаточном объеме нелегальная разведка была восстановлена только в 1942 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Очерки истории российской внешней разведки. В 6-ти т. Т. 3. 1933–1941 гг. М., 1997. С. 12.

[2] Архив стратегической внешней разведки Российской Федерации (далее — Архив СВР России). Д. 138612. Т. 1. Л. 4–5. Данный факт опровергает встречающиеся утверждения отдельных авторов о том, что планы Гитлера о нападении на СССР появились только в 1940 г. после «акций» Москвы в отношении Прибалтики, Румынии и Финляндии.

[3] Там же. Л. 6.

[4] Цит. по: Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 352.

[5] Там же. С. 161.

[6] Секреты польской политики 1935–1945 гг. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации / Сост. Л. Ф. Соцков. М., 2010. С. 269.

[7] Там же. С. 274.

[8] Там же. С. 179–183.

[9] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 464.

[10] Там же. С. 462–463.

[11] Там же. С. 467.

[12] Там же. С. 260.

[13] Там же. С. 467.

[14] Секреты польской политики... С. 25.

[15] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 468.

[16] Государственный архив Российской Федерации (далее — ГАРФ). Ф. 9401. Оп. 8. Д. 11. Л. 39–41, 43.

[17] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 7–8.

[18] *Quigley C.* Tragedy and Hope: A History of the world in Our Time. 1966, New York, Macmillan. WWW. Carroll Quigley. Net / pat / Traqedy and Hope / pat. P. 619–620.

[19] Ibid. P. 265–266.

[20] Агрессия. Рассекреченные документы Службы внешней разведки Российской Федерации 1939–1941 гг. / Сост. Л. Ф. Соцков. М., 2011. С. 159.

[21] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 9. Данный документ не только отчетливо раскрывает подноготную политики западных демократий, но и показательно характеризует язык германской дипломатии, называвшей фашистскую агрессию «реорганизацией Европы».

[22] Агрессия. Рассекреченные документы. С. 40.

[23] Там же. С. 43.

[24] Секреты польской политики... С. 370.

[25] Агрессия. Рассекреченные документы. С. 65–66.

[26] Там же. С. 131–132.

[27] Там же. С. 123.

[28] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 10. Этот документ наглядно подтверждает, что планы нападения на СССР прорабатывались Гитлером еще в 1938 г.

[29] История новейшего времени стран Европы и Америки. 1918–1945. М., 2004. С. 423–244.

[30] Там же.

[31] Там же. С. 423.

[32] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 147.

[33] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 434.
[34] Там же. С. 435.
[35] Новая и новейшая история. 1967. № 2. С. 51.
[36] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 436.
[37] Там же. С. 435–436.
[38] Там же. С. 435. У. Бивербрук — государственный министр, А. Иден — министр иностранных дел Великобритании.
[39] Там же. Т. 4. 1941–1945. 1999. С. 327.
[40] Там же. Т. 3. С. 174.
[41] *Ржешевский О. А.* Сталин, Черчилль. Встречи. Беседы. Дискуссии. Документы, комментарии. 1941–1945. М., 2004. С. 21–22.
[42] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 148–152.
[43] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 256–257.
[44] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 145–146.
[45] ГАРФ. Особая папка И. В. Сталина. Ф. 94/01. Оп. 1. Д. 199. Л. 299–342.
[46] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 174.
[47] Секреты польской политики... С. 6.
[48] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 8.
[49] *Фалин В. М.* Второй фронт. Антигитлеровская коалиция: конфликт интересов. М., 2000. С. 110.
[50] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 8–9.
[51] Там же. С. 56.
[52] Там же. С. 9.
[53] История новейшего времени стран Европы и Америки. С. 432.
[54] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 9.
[55] Агрессия. Рассекреченные документы. С. 538–539.
[56] Архив СВР России. Д. 138612. Л. 12–13.
[57] История новейшего времени стран Европы и Америки. С. 438.
[58] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 14–15.
[59] Там же. Л. 26–27.
[60] Там же. Л. 16–17.
[61] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. М., 1995. Т. 1. Кн. 1. С. 368, 372.
[62] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 18–21.
[63] *Безыменский Л. А.* Гитлер и Сталин перед схваткой. М., 2000. С. 407–408.
[64] *Найтли Ф.* Ким Филби — супершпион КГБ. М., 1992. С. 87.
[65] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 484.
[66] Агрессия. Рассекреченные документы. С. 219, 221.
[67] Там же. С. 239.
[68] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 28–30. Эти данные свидетельствуют о том, что уже в марте 1941 г. у Москвы была соответствующая действительности информация о содержании плана «Барбаросса».
[69] Там же. Л. 31–32.
[70] Там же. Л. 33. Данная информация опровергает встречающиеся домыслы о том, что внешняя разведка просмотрела вторжение немцев в Югославию.
[71] Там же. Л. 34–35.
[72] Там же. Л. 40.
[73] Там же. Л. 43.
[74] Там же. Л. 44.
[75] Цит. по.: *Виноградов В. К., Гусаченко В. П., Нажесткин О. И., Пещерский В. П.* Секреты Гитлера на столе у Сталина. М., 1995. С. 206.
[76] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 2. С. 358.
[77] *Грайнер Х.* Военные кампании вермахта. Победы и поражения. М., 2011. С. 10.
[78] *Черчилль У.* Вторая мировая война / Пер. с англ. В 6-ти т. М., 2010. Т. 3. С. 175–176.

[79] *Виноградов В. К., Гусаченко В. П., Нажесткин О. И., Пещерский В. П.* Указ. соч. С. 162.
[80] 1941 год. Документы. В 2-х кн. Кн. 1. М., 1998. С. 695.
[81] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 137–143.
[82] *Черчилль У.* Указ. соч. С. 175.
[83] *Виноградов В. К., Гусаченко В. П., Нажесткин О. И., Пещерский В. П.* Указ. соч. С. 214.
[84] Kriegstagebuch des Oberkommandos der Wermacht 1940–1945. Frankfurt am Main. 1965. Band. 1. S. 973.
[85] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 45–46.
[86] *Черчилль У.* Указ. соч. С. 174.
[87] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 47–48.
[88] *Виноградов В. К., Гусаченко В. П., Нажесткин О. И., Пещерский В. П.* Указ. соч. С. 70.
[89] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 436.
[90] Там же. Т. 4. С. 28.
[91] *Черчилль У.* Указ. соч. С. 567.
[92] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 55.
[93] Там же. Л. 56–57.
[94] Агрессия. Рассекреченные документы. С. 488.
[95] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 58–60.
[96] *Welles S.* The Time for Decision. New York. 1944. P. 321.
[97] 1941 год. Страна в огне. Кн. 2. Документы и материалы. М., 2011. С. 78.
[98] Цит. по: *Ржешевский О. А.* Международное положение и основные векторы советской внешней политики накануне Великой Отечественной войны // Сборник «65 лет Великой Победы». Т. 2. М., 2010. С. 54.
[99] *Безыменский Л. А.* Указ. соч. С. 395.
[100] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 276.
[101] *Бахара П. В.* За кулисами Третьего рейха // Военно-исторический журнал. 1997. № 4. С. 36.
[102] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 437.
[103] Следует иметь в виду, что военная разведка добыла текст меморандума еще в августе 1927 г. См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 1. М., 2011. С. 93.
[104] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 171.
[105] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 64.
[106] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 209.
[107] П. М. Фитин комиссар государственной безопасности 3 ранга
[108] Начальник разведуправления ВМФ с октября 1939 по сентябрь 1940 г. капитан 1 ранга Н. И. Зуйков, с 1941 по 1945 г. — контр-адмирал М. А. Воронцов.
[109] *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ. Дела и люди М., 2002. С. 35.
[110] *Лота В. И.* ГРУ. Испытание войной. Военная разведка России накануне и в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. М., 2010. С. 16.
[111] Там же. С. 17–18.
[112] Голиков Филипп Иванович (1900–1980) — заместитель начальника Генерального штаба — начальник Разведывательного управления НКО СССР (июнь 1940 — октябрь 1941 г.), руководитель советской военной миссии в Великобритании и США, командующий 10-й (с октября 1941 г.), 4-й ударной (с февраля 1942 г.), 1-й гвардейской общевойсковыми армиями, заместитель командующего Юго-Восточным (с 28 сентября 1942 г. — Сталинградским) фронтом (август — октябрь 1942 г.), командующий войсками Брянского (с апреля 1942 г.), Воронежского (июль 1942 г., октябрь 1942 — февраль 1943 г.) фронтов, заместитель наркома обороны по кадрам (с апреля 1943 г.), начальник Главного управления кадров (с мая 1943 г.), одновременно (с октября 1944 г.) уполномоченный СНК СССР по делам репатриации граждан СССР, начальник Военной академии бронетанковых войск (1956–1958), Главного политического управления СА и ВМФ (1958–1962).
[113] Центральный архив Министерства обороны Российской Федерации (далее — ЦАМО). Ф. 23. Оп. 14751. Д. 2. Л. 230.
[114] Известия ЦК КПСС. 1990. № 1. С. 199.

[115] Цит. по: *Бойко В. И.* Деятельность военной разведки по вскрытию подготовки Германии к нападению на СССР (июнь 1940 — июнь 1941 г.). М., 2010. С. 49.
[116] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 9181. Д. 7. Л. 195.
[117] Там же. Оп. 22424. Д. 4. Л. 537.
[118] 1941 год. Кн. 1. С. 452–455.
[119] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 22424. Д. 4. Л. 537.
[120] Там же. Оп. 29403. Д. 1. Л. 224–246.
[121] Там же. Разведывательная сводка по Западу № 8. Статья «Изменения в стратегическом развертывании германской армии». Ноябрь 1940 г. С. 3.
[122] 1941 год. Кн. 1. С. 236–237.
[123] Там же.
[124] Там же. С. 237.
[125] Там же. С. 237–238.
[126] Fall Barbarossa. Berlin, 1970. S. 151–155.
[127] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7279. Д. 4. Л. 30–31.
[128] Там же. Оп. 7272. Д. 1. Л. 693–793.
[129] Там же. Л. 140–152.
[130] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 452–455.
[131] Там же. Л. 468–469.
[132] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7279. Д 4. Л. 199.
[133] Там же. Оп. 7237. Д. 2. Л. 88–91.
[134] Там же. Л. 88.
[135] 1941 год. Кн. 1. С. 776–780.
[136] Там же. С. 780.
[137] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 340–341.
[138] Там же. Оп. 24119. Д. 1. Л. 804–807.
[139] Там же. Л. 814–815.
[140] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24122. Д. 1. Л. 272.
[141] Там же. Оп. 24119. Д. 1. Л. 863.
[142] *Кондрашов В. В.* Знать все о противнике. М., 2010. С. 71.
[143] Там же. С. 75.
[144] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 92–96.
[145] Там же. Оп. 4258. Д. 4. Л. 156–160.
[146] Справка о состоянии вооруженных сил Германии во Второй мировой войне. М., 1947. С. 10–11 // *Кондрашов В. В.* Указ соч. С. 80.
[147] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7272. Д. 1. Л. 87–98.
[148] Кегель Герхард (1907–1989). Немец, сотрудник МИД Германии. После окончания Второй мировой войны — заместитель главного редактора, главный редактор «Берлинер цайтунг». В 1952–1955 гг. на ответственных постах в ЦК СЕПГ, посол, постоянный наблюдатель от ГДР при ООН (1973–1976). Автор книги «В бурях нашего века».
[149] Леонтьев Константин Борисович (1911–1985), генерал-майор (1961), заслуженный работник культуры РСФСР.
[150] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 4258. Л. 279.
[151] Там же. Л. 288–289.
[152] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7272. Д. 1. Л. 87–98.
[153] *Ивашутин П. И.* Докладывала точно // Военно-исторический журнал. 1990. № 5.
[154] Там же.
[155] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 6564. Д. 2. Л. 3.
[156] Там же. Л. 6–8.
[157] *Кондрашов В. В.* Указ соч. С. 98–99.
[158] Там же. С. С. 97–98.
[159] См.: Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. М., 2011. Т. 1. С. 93.

[160] *Coox A.* Nomonhan: Japan Against Russia, 1939. N. Y. — L., 1985. Vol. 1. P. 145–147.
[161] Frankfurter Zeitung. 1937. Januar 13.
[162] Архив внешней политики (далее — АВП). Ф. 5. Оп. 18. Д. 180. Л. 27, 38.
[163] *Coox A.* Nomonhan. Vol. 1. P. 147.
[164] АВП. Ф. 9. Оп. 1. Д. 109. Л. 12.
[165] Цит. по: СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны: Документы и материалы. М., 1971. С. 169–170.
[166] Цит. по: Причины Второй мировой войны: Документы и комментарии. М., 1988. С. 365.
[167] *Хаттори Т.* Дайтоа сэнсо дзэн си (Полная история войны в Великой Восточной Азии). Токио, 1970. С. 1086; История войны на Тихом океане / Пер. с яп. В 5-ти т. М., 1957. Т. 2. С. 181.
[168] Русский архив: Великая Отечественная война. Т. 18 (7-1). Советско-японская война 1945 года: история военно-политического противоборства двух держав в 30–40-е годы. Документы и материалы. М., 1997. С. 157–158.
[169] Дайтоа сэнсо кокан сэн си. Т. 8. С. 589–590; 1939 год: уроки истории. М., 1990. С. 45.
[170] Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная война. Т. 18 (7-1). С. 156–157.
[171] Там же. С. 157.
[172] Вторая мировая война: Краткая история. М., 1984. С. 18.
[173] Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная война. Т. 18 (7-1). С. 156.
[174] *Ширер У.* Взлет и падение Третьего рейха / Пер. с англ. М., 1991. Т. 1. С. 553.
[175] *Зорге Р.* Статьи, корреспонденции, рецензии. М., 1971. С. 11.
[176] Там же. С. 64–83.
[177] Цит. по: Русский архив: Великая Отечественная война. Т. 18 (7-1). С. 65–66.
[178] 1941 год. Кн. 1. С. 236–237.
[179] Там же. С. 238.
[180] *Лота В. И.* За гранью возможного. М., 2009. С. 7.
[181] Там же. С. 601–602.
[182] ГАРФ. Ф. 8433. Оп. 1. Д. 1. Л. 1.
[183] Там же. Оп. 5. Д. 196. Л. 2–62.
[184] Там же. Л. 2–4.
[185] Там же. Д. 199. Л. 1.
[186] Там же. Л. 10.
[187] Там же. Д. 196. Л. 14.
[188] Там же. Д. 199. Л. 6.
[189] Там же. Л. 7.
[190] Там же.
[191] ГАРФ. Ф. 8433. Оп. 14. Д. 191. Л. 41, 44, 53.
[192] Там же. Оп. 5. Д. 199. Л. 30.
[193] Там же. Д. 196. Л. 14.
[194] Там же. Д. 199. Л. 6.
[195] Там же. Л. 7–8.
[196] Там же. Л. 8.
[197] Там же. Д. 196. Л. 21.
[198] Российский государственный военный архив (далее — РГВА). Ф. 37967. Оп. 1. Д. 752. Л. 7.
[199] ГАРФ. Ф. 8433. Оп. 5. Д. 199. Л. 27.
[200] Там же.
[201] Там же. Д. 196. Л. 30.
[202] РГВА. Ф. 37967. Оп. 1. Д. 752. Л. 8.
[203] ГАРФ. Ф. 8433. Оп. 5. Д. 199. Л. 25.
[204] Там же. Л. 18.
[205] Там же. Л. 17.
[206] Там же. Д. 196. Л. 53.
[207] Там же. Д. 199. Л. 17–18, 20–21.

[208] Там же. Л. 18.
[209] РГВА. Ф. 37967. Оп. 1. Д. 752. Л. 5.
[210] ГАРФ. Ф. 8433. Оп. 5. Д. 196. Л. 56.
[211] Там же. Л. 11.
[212] Там же. Д. 199. Л. 14.
[213] Там же. Л. 12.
[214] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. В 2-х т. Т. 1. М., 1969. С. 257.
[215] *Лота В. И.* Увидеть красный свет // Российское военное обозрение. 2008. № 6. С. 36–41.
[216] Военно-энциклопедический словарь. М., 2007. С. 861.
[217] *Гальдер Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника генерального штаба сухопутных войск. 1939–1942 гг. / Пер. с нем. В 4-х т. М., 1968. Т. 1. С. 40.
[218] 1941 год. Кн. 1. С. 40–42.
[219] Архив Президента Российской Федерации (далее — АП РФ). Ф. 3. Оп. 64. Д. 674. Л. 128.
[220] 1941 год. Кн. 1. С. 449.
[221] Там же. С. 454–455.
[222] Там же. С. 575–577.
[223] Там же. С. 591–592.
[224] Там же. С. 604.
[225] Там же. С. 661.
[226] Там же. С. 663.
[227] Цит. по: *Вишлёв О. В.* Накануне 22 июня 1941 года. Документальные очерки. М., 2001. С. 46.
[228] Там же. С. 151.
[229] Там же. С. 152–153.

КОНТРРАЗВЕДЫВАТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ В ПРЕДВОЕННЫЕ ГОДЫ

Организация и задачи контрразведывательных органов

Организация и задачи контрразведывательных подразделений органов государственной безопасности определялись советским руководством на основе анализа угроз внешней и внутренней безопасности государству.

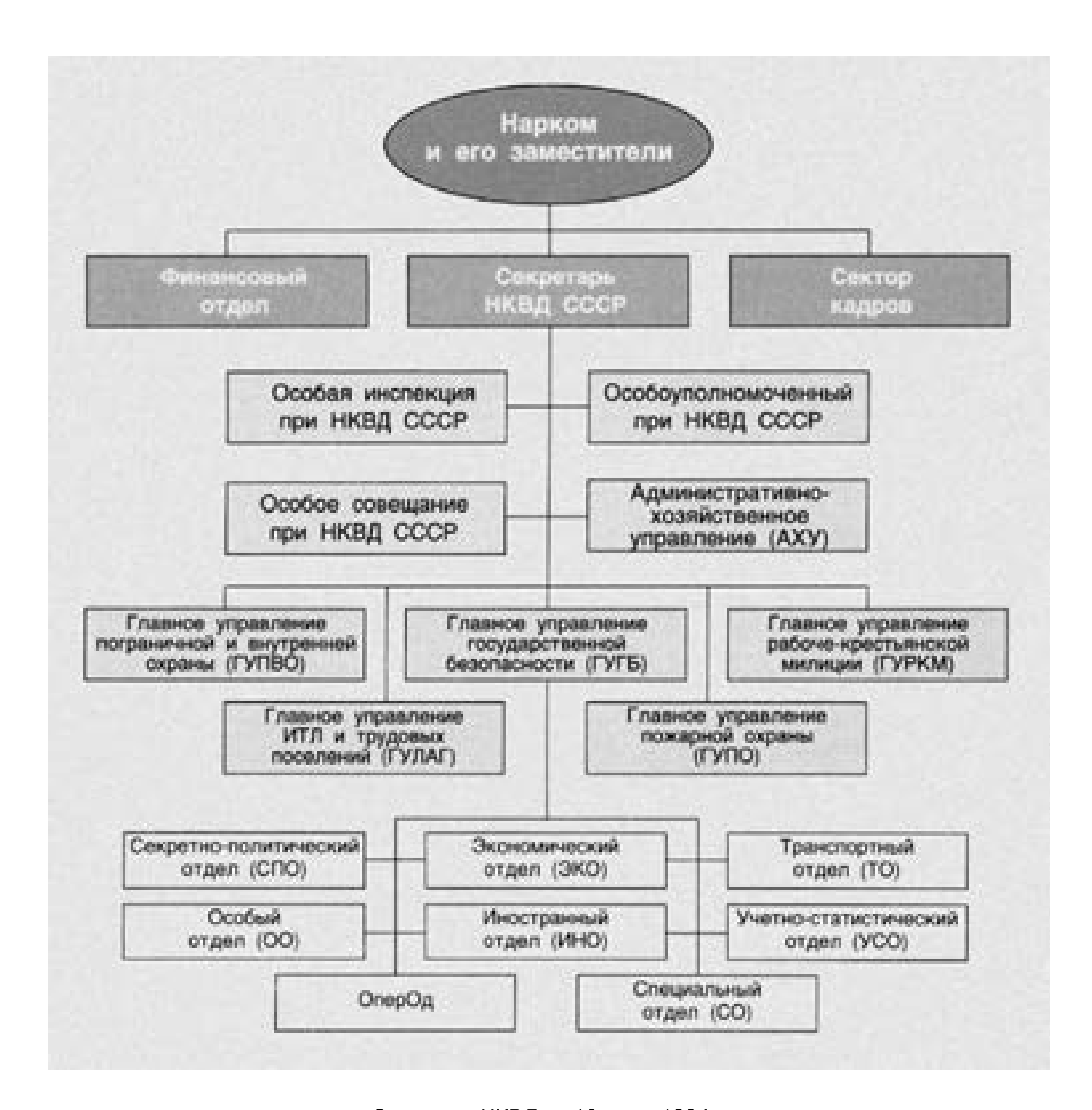
Нацистская Германия и Япония, взявшие курс на захват территории других государств, вели подготовку к новой мировой войне и являлись реальными противниками СССР. Объективно представительства этих государств находились в центре интересов контрразведчиков. Активно разрабатывались посольство и консульства Польши, поскольку советское руководство получало сведения от внешней разведки о секретном военном соглашении между германским и польским руководством, направленном против СССР. Количество арестованных по обвинению в шпионской деятельности в пользу Польши было наибольшим до распада Польского государства в сентябре 1939 г. вследствие германской агрессии.

Разведывательная деятельность спецслужб некоторых приграничных государств была продиктована ростом военной мощи СССР, который вызывал определенную тревогу у стран, входивших ранее в состав Российской империи и опасавшихся своего могучего соседа. Поэтому для Финляндии, Польши, Латвии, Литвы, Эстонии сбор информации о военном потенциале СССР представлял собой составную часть проблемы укрепления их суверенитета и территориальной целостности, что, однако, не исключало передачу ими разведданных спецслужбам ведущих европейских государств.

В области внутренней политики в СССР в 1930-е гг. произошел определенный поворот. После завершения коллективизации на январском (1933) пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) И. В. Сталин, упоминая так называемые враждебные классы, отмечал, что они «слишком слабы и немощны для того, чтобы противостоять мероприятиям советской власти»[1].

Определенное смягчение курса карательной политики Советского государства произошло после XVII съезда ВКП(б) в 1934 г., вошедшем в историю в качестве «съезда победителей». Выводы съезда о том, что классовый враг разбит и социализм в СССР победил, повлияли на деятельность органов государственной безопасности, в том числе и контрразведывательных подразделений. Главное заключалось в установке, что с победой социализма классовый враг ушел в глубокое подполье и необходимо гибко перестроить работу органов контрразведки и НКВД применительно к новой тактике враждебных элементов.

Несмотря на то что в докладе И. В. Сталина на съезде речь шла о создании бесклассового социалистического общества, путь к такому обществу был обозначен через «усиление

Структура НКВД на 10 июля 1934 г.

органов диктатуры пролетариата, путем развертывания классовой борьбы, путем уничтожения классов, путем ликвидации остатков капиталистических классов в боях с врагами как внутренними, так и внешними»[2]. В дальнейшем в партийных документах эти теоретические выводы были развиты.

В июле 1934 г. было принято постановление ЦК ВКП(б) об охране важнейших предприятий военной промышленности. В нем говорилось, что на заводы проникают в качестве рабочих и служащих шпионы и агенты враждебных капиталистических стран для того, чтобы вести вредительскую работу и взорвать их в случае войны. В соответствии с этими установками и действовали органы государственной безопасности.

В 1937 г. на февральско-мартовском и июньском пленумах ЦК ВКП(б) был принят еще более жесткий курс. С докладом о необходимости фактически «генеральной чистки» советского общества выступил нарком внутренних дел Н. И. Ежов. Он нарисовал картину всевозможных «шпионско-троцкистско-вредительских» организаций, деятельность которых якобы охватила все сферы жизни общества.

2 июня 1937 г. на расширенном заседании Военного совета при наркоме обороны И. В. Сталин в своем выступлении обозначил начало кампании в масштабе государства по поиску шпионов и диверсантов. Он заявил о существующем в стране «военно-политическом заговоре», одним из ответвлений которого стал сфабрикованный «военно-фашистский» заговор во главе с маршалом М. Н. Тухачевским, что привело к дальнейшему расширению репрессий среди командного состава РККА и негативно сказалось на боеготовности вооруженных сил.

Органы госбезопасности начали активно разрабатывать и арестовывать командные кадры Вооруженных сил СССР. В дальнейшем сотрудниками военной контрразведки были сфальсифицированы различные заговоры в РККА: «военно-политический» — против политработников Красной армии и «военно-монархический» — против бывших офицеров царской армии. В органах НКВД были сфабрикованы «военно-эсеровский», «латышский военно-фашистский» и другие «контрреволюционные» организации. Репрессии обрушились на все слои советского общества.

Таким образом, обострение внешнеполитического положения СССР во второй половине 1930-х гг., негативные последствия форсированной индустриализации и коллективизации повлияли на развитие субъективных взглядов высшего руководства страны, сводившихся к тезису о нарастании классовой борьбы по мере построения социалистического общества. Трезвый взгляд на объективные трудности, неизбежные при создании мощного промышленного потенциала, подменялся установками о сознательном вредительстве, шпионской деятельности со стороны так называемых «бывших» людей, специалистов в различных отраслях народного хозяйства. Путем репрессий велась борьба с бывшими членами небольшевистских партий, внутрипартийной оппозиции, критиков внутриполитического курса государства. Все это привело к политике массовых репрессий в стране в период 1937—1938 гг.

Определенная стабилизация внутриполитического развития страны произошла лишь в начале 1939 г. Однако после похода Красной армии в Восточную Польшу, вхождения в состав СССР Латвии, Литвы и Эстонии, западных регионов Украины и Белоруссии в ответ на политику их советизации возникло движение вооруженного сопротивления, которое дестабилизировало внутриполитическую обстановку.

Изменения во внутренней политике влияли на организационную структуру органов государственной безопасности, составной частью которых являлись контрразведывательные подразделения. После окончания работы XVII съезда ВКП(б) на первом заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 20 февраля 1934 г. было принято решение о создании союзно-республиканского Народного комиссариата внутренних дел с включением в этот наркомат реорганизованного Объединенного государственного политического управления (ОГПУ). 10 июля 1934 г. Политбюро утвердило решение об образовании НКВД СССР, которое затем было законодательно закреплено. Вместо самостоятельного органа в системе учреждений исполнительной власти бывшее ОГПУ СССР стало Главным управлением государственной безопасности (ГУГБ) в одном ряду с другими управлениями в Наркомате внутренних дел.

Многие сотрудники оперативных подразделений восприняли эту реформу как резкое понижение статуса карательного органа, его роли и места в советском обществе. Однако после убийства в декабре 1934 г. С. М. Кирова руководство НКВД СССР стало подчеркивать, что Главное управление государственной безопасности является центральным органом среди других управлений.

В предвоенный период впервые появилось «Положение об органах государственной безопасности НКВД СССР», в котором наряду с конкретными направлениями оперативной работы определялись задачи советской спецслужбы. В «Положении об общесоюзном Народном комиссариате внутренних дел», принятом 10 июля 1934 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), на ГУГБ возлагались следующие задачи: а) борьба с изменой родине, шпионажем, контрреволюцией, террором, вредительством, диверсией и другими государственными преступлениями по всей территории Союза ССР, во всех областях народного хозяйства, железнодорожном, водном транспорте, в армии, морском и воздушном флоте; б) охрана государственных тайн.

Г. Г. Ягода

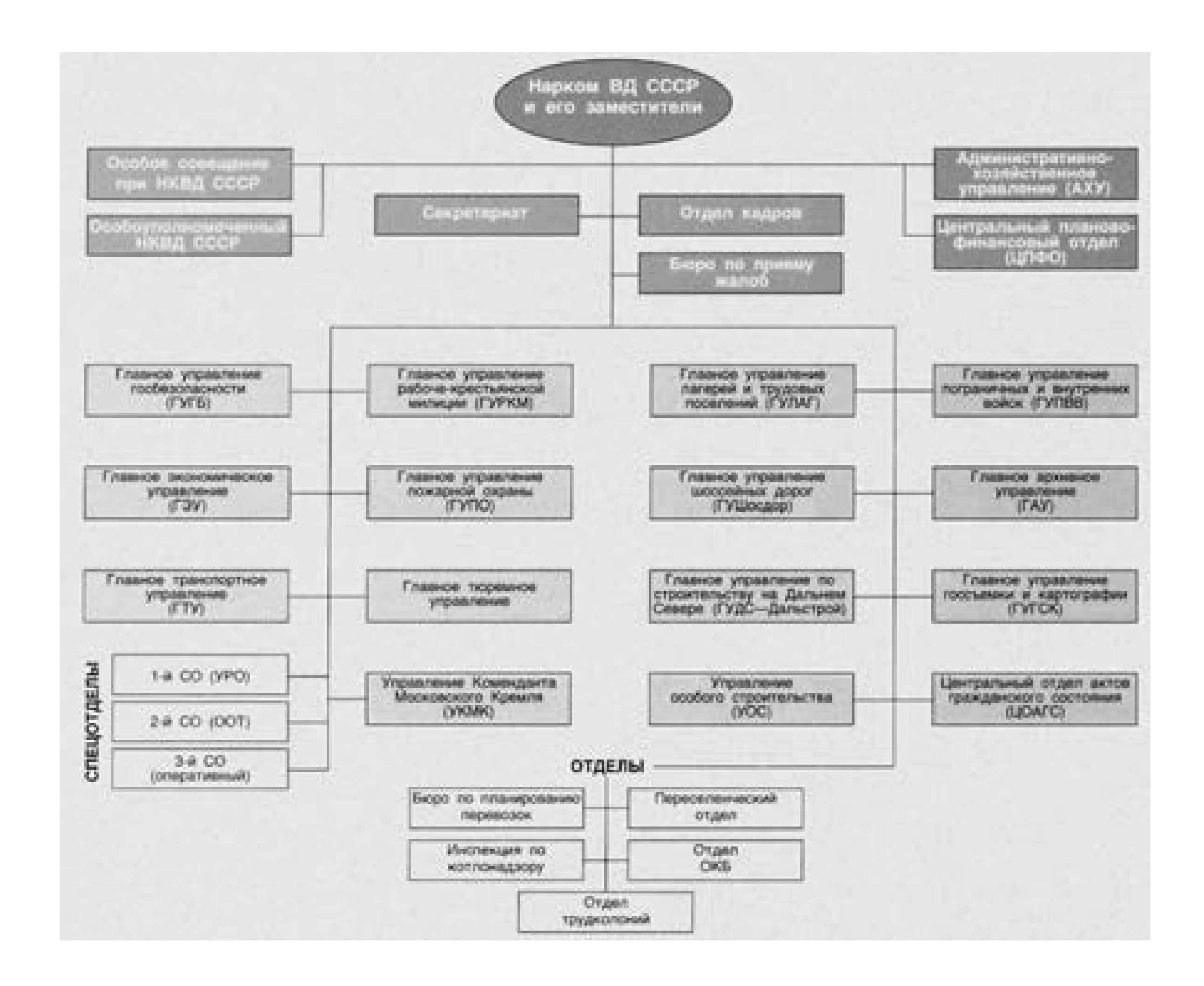
Н. И. Ежов

В проекте «Положения о Главном управлении государственной безопасности», подготовленном в декабре 1937 г., отмечалось, что ГУГБ НКВД СССР являлось центральным органом разведки и контрразведки, осуществляющим все мероприятия по охране государственной безопасности.

Ранее, в ноябре 1936 г. организационная структура ГУГБ НКВД СССР подверглась реорганизации. Был воссоздан самостоятельный Контрразведывательный отдел (КРО), при этом в его состав были включены все подразделения Экономического отдела. В связи с крепнувшей шпиономанией руководство страны полагало, что иностранные разведки направляли свои основные усилия на подрывную деятельность в различных отраслях народного хозяйства.

В специфической форме, соответствовавшей политическим воззрениям руководства страны, формулировалась задача политического розыска, в основе которого лежала борьба с антисоветскими элементами. В декабрьском 1937 г. «Положении о ГУГБ НКВД СССР» она трактовалась как выявление и ликвидация врагов народа из остатков ликвидированных классов и буржуазных перерожденцев, предотвращение и пресечение их антисоветской работы.

Объективно существовала необходимость выявления групп и организаций, которые в борьбе с властью предусматривали насильственные действия, то есть террористические акции, подготовку вооруженных выступлений, но в исследуемый период они составляли столь незначительное количество, что не могли влиять на развитие государства и общества. Теоретические выводы военно-политического руководства, о которых говорилось выше, не соответствовали реальному положению. Рассуждения В. М. Молотова в марте 1939 г. на XVIII съезде ВКП(б) о том, что мы «позволили вмешаться в наши внутренние дела вражеским силам», якобы проникшим в государственный аппарат и различные ведомства, а затем Л. М. Кагановича — о попытках «взрыва изнутри Советского государства», скорее являлись свидетельством подозрительности, полного пренебрежения к судьбам людей[3]. Но именно пресечение деятельности так называемых контрреволюционных и антисоветских элементов, исходя из указанных выше партийно-государственных установок, становилось преобладающей задачей органов госбезопасности.

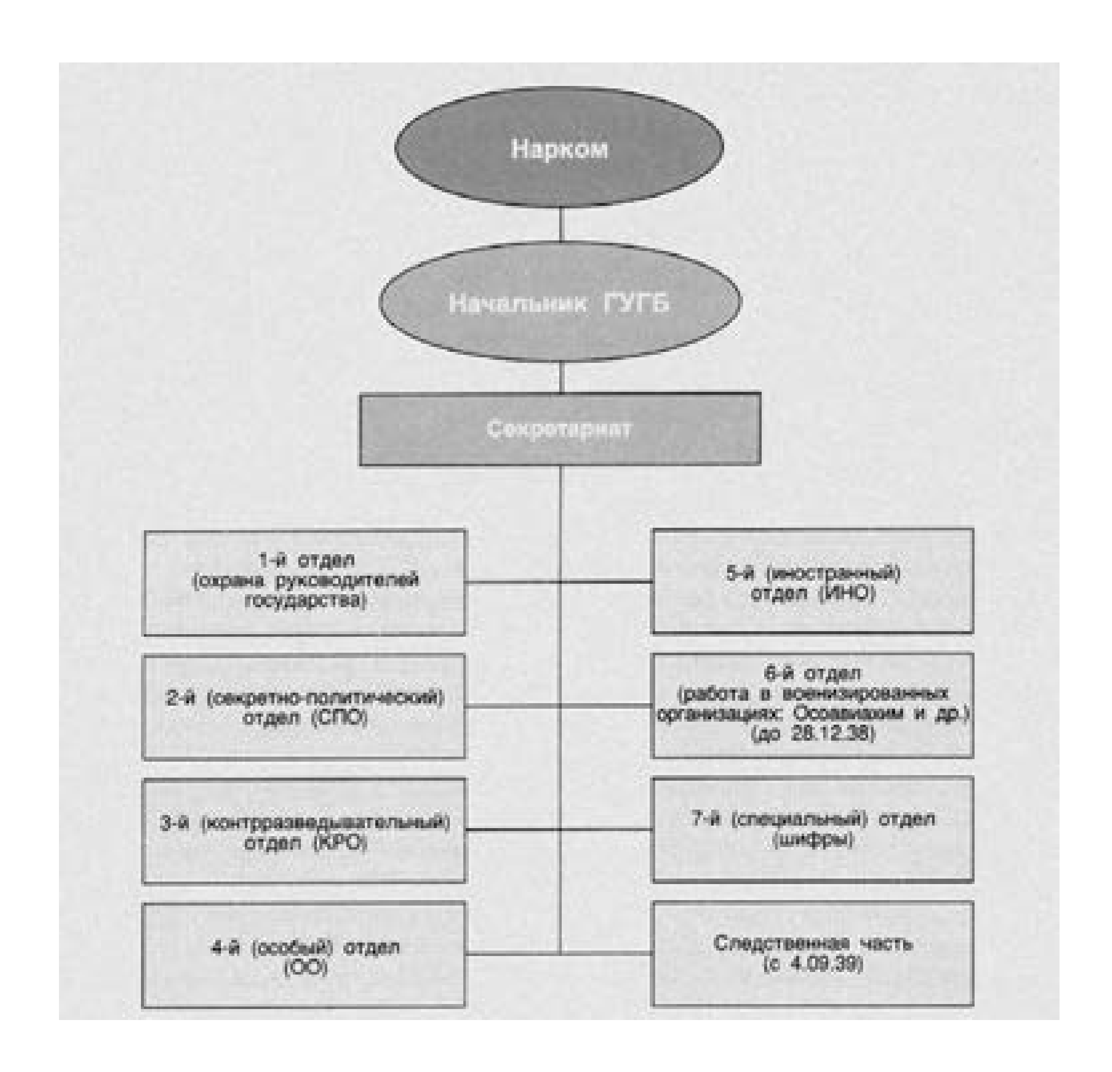

Структура НКВД на 29 сентября 1938 г.

И если бывший до сентября 1936 г. наркомом внутренних дел Г. Г. Ягода отмечал, что в сравнении с жандармскими управлениями на ГУГБ НКВД СССР возложены разведывательные и контрразведывательные задачи, то начальник основного контрразведывательного подразделения — объединенных Особого и Контрразведывательного отделов НКВД СССР М. И. Гай (работал в этом качестве до ноября 1936 г.) любил повторять своим подчиненным, что они «являются жандармами социализма», то есть подчеркивал роль контрразведки как органа политического розыска.

«Что такое чекистский аппарат? — разъяснял Н. И. Ежов в феврале 1938 г. на служебном совещании в Киеве. — Это аппарат принуждения, то есть прямого принуждения, аппарат прямого выполнения директив партии и правительства по непосредственному исполнению всякого рода принудительных мероприятий в отношении различных, не подчинявшихся советскому правительству антисоветских элементов»[4]. Он же указывал и на важную особенность ГУГБ НКВД СССР как органа политического розыска, вытекающую из того, что всей деятельностью органов госбезопасности руководил ЦК ВКП(б).

И. В. Сталин постоянно держал под своим контролем работу органов госбезопасности. Он правил наиболее принципиальные документы, освещавшие проблемы структурных

Структура ГУГБ (декабрь 1938 – 3 февраля 1941г.)

реорганизаций и даже организации агентурно-оперативной работы, определял сценарии политических процессов, регулировал ход следствия. По делу М. Н. Тухачевского, например, он почти ежедневно принимал у себя в кремлевском кабинете наркома Н. И. Ежова. В общей сложности в течение 1937–1938 гг. Ежов побывал у вождя 290 раз и провел в его кабинете более 850 часов[5]. Многие приказы по массовым операциям принимались только на заседаниях Политбюро ЦК ВКП(б).

Проблема борьбы с так называемыми контрреволюционными антисоветскими элементами постоянно волновала И. В. Сталина, причем периодом 1930-х гг. это не ограничивалось. В феврале 1941 г., когда зашла речь о координации деятельности НКВД и НКГБ СССР, наркоматов обороны и Военно-морского флота, он предложил их наркомам создать Центральный совет для координации борьбы с антисоветскими элементами. Но из-за затянувшейся до начала Великой Отечественной войны реорганизации спецслужбы этот Совет так и не начал действовать.

К началу 1941 г. НКВД СССР по объему освоенных капиталовложений занимал одно из ведущих мест среди союзных наркоматов. Происходило выделение новых хозяйственных управлений, не имевших отношения к оперативной работе, включая шоссейно-дорожное,

Л. П. Берия

В. Н. Меркулов

аэродромное строительство. Возросшее число управлений делало НКВД СССР громоздким и неуправляемым. К концу 1940 г. из 17 управлений и самостоятельных отделов наркомата лишь три — Главное управление госбезопасности (ГУГБ), Главное экономическое управление (ГЭУ), Главное транспортное управление (ГТУ) — вели разведывательную и контрразведывательную работу и выполняли функции политического розыска. Обострение международного положения требовало более целенаправленной работы контрразведывательных подразделений.

В декабре 1940 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия направил Сталину записку, в которой, обозначив все эти проблемы, предложил отделить хозяйственное и другие направления деятельности Наркомата внутренних дел от решения проблем в области разведки и контрразведки.

3 февраля 1941 г. на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) было принято решение, а затем издан указ Президиума Верховного Совета СССР, в соответствии с которыми НКВД СССР был разделен на Народный комиссариат внутренних дел и Народный комиссариат государственной безопасности.

На вновь созданный НКГБ возлагались функции разведки, контрразведки и политического розыска: ведение разведывательной работы за границей, организация борьбы со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок на территории СССР, борьба с антисоветскими элементами внутри страны, охрана руководителей коммунистической партии и советского правительства[6].

Необходимость разделения диктовалась целями максимального улучшения агентурно-оперативной работы органов государственной безопасности. Наркомом внутренних дел был назначен Л. П. Берия, а наркомом государственной безопасности — В. Н. Меркулов. Выделение оперативных подразделений в самостоятельный наркомат явилось оправданной и объективно необходимой для совершенствования системы обеспечения государственной безопасности мерой, хотя и несколько запоздалой.

Органы военной контрразведки были выведены из структуры органов государственной безопасности. Были учтены имевшиеся трения между НКО и НКВД СССР, связанные с независимым положением особых отделов в армии от военного руководства. Первоначаль-

но в апреле 1939 г. было принято решение о совместном приказе НКО и НКВД при назначении начальников особых отделов. Накануне образования самостоятельного Наркомата государственной безопасности нарком обороны С. К. Тимошенко направил И. В. Сталину и В. М. Молотову свои предложения, обращая внимание на шедшую в войсках коренную перестройку функций командования, направленную на укрепление единоначалия и сосредоточение в руках командира всех органов управления. В связи с этим он предлагал назначать начальника Особого отдела Красной армии только приказом наркома обороны, которому и должен подчиняться начальник военной контрразведки. Сталин согласился с этим предложением, в результате особые отделы были выведены из подчинения Наркомата государственной безопасности.

Их функции были возложены на созданные в Народном комиссариате обороны СССР и Народном комиссариате Военно-морского флота третьи управления и их подразделения в войсках. Утверждение их штатов и структуры продолжалось вплоть до июня 1941 г.

Полное подчинение военной контрразведки армейскому руководству надолго не сохранилось. Уже в апреле 1941 г. была введена должность заместителя начальника 3-го управления НКО (отдельно — и НК ВМФ) по оперативной работе, который назначался наркомом госбезопасности СССР и подчинялся непосредственно ему.

Реорганизации органов государственной безопасности не прекращались. Менее чем за месяц до начала Великой Отечественной войны, 29 мая 1941 г., нарком В. Н. Меркулов направил И. В. Сталину спецсообщение, в котором отмечал: «Во исполнение Ваших указаний представляю проект постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР об организации в составе НКГБ Главного управления по обслуживанию НК авиационной промышленности, боеприпасов, вооружения и электростанций».

Необходимость создания нового управления была связана с тем, что продолжались аварии и чрезвычайные происшествия на ряде оборонных предприятий, производились аресты: например, руководителей Наркомата боеприпасов, обвиненных во вредительской деятельности. Поэтому в проекте постановления подчеркивалась основная задача сотрудников, заключавшаяся в «улучшении обслуживания важнейших наркоматов, имеющих оборонное значение, и усилении борьбы со шпионской, диверсионной, вредительской и террористической деятельностью иностранных разведок на объектах и предприятиях этих наркоматов». Ставилась задача в течение двух дней представить и утвердить штаты нового управления, что было абсолютно невыполнимым. Неудивительно, что Сталин на проекте докладной записки Меркулова поставил знак вопроса[7].

В течение трех с небольшим лет накануне Великой Отечественной войны были проведены три реорганизации органов государственной безопасности (март 1938 г., сентябрь 1938 г., февраль 1941 г.), что не способствовало стабильности в работе оперативного состава. Последняя реорганизация была начата за четыре с небольшим месяца до начала войны. Вплоть до июня 1941 г. продолжалось формирование отделов. Наркомат государственной безопасности СССР находился в стадии становления и не был полностью подготовлен к деятельности в чрезвычайных условиях.

Характеризуя деятельность контрразведывательных подразделений Главного управления госбезопасности НКВД СССР накануне войны, нельзя не отметить резкого снижения качества контрразведывательной работы, что являлось следствием репрессий среди сотрудников ГУГБ НКВД СССР в период 1937–1939 гг. В течение 1939 г. были арестованы 1960 человек оперативного состава НКВД, включая пограничников, сотрудников третьих отделов ГУЛАГа. В Контрразведывательном отделе центрального аппарата за период 1937–1938 гг. были последовательно арестованы 20 начальников отдела и отделений, 26 их заместителей и помощников. Суммарная численность арестованных работников ГУГБ НКВД СССР и его местных управлений за контрреволюционные преступления, то есть репрессированных в процессах ликвидации так называемых заговоров в НКВД, составляла около 2,5 тысячи человек. Следует отметить, что сотни сотрудников из числа расстрелянных позднее не были реабилитированы, так как сами принимали участие в массовых репрессиях.

Большая часть оперсостава была уволена уже новым наркомом Л. П. Берией (он занял должность в ноябре 1938 г.). В феврале 1940 г. заместитель наркома по кадровой работе С. Н. Круглов докладывал на собрании партийного актива, что в течение 1939 г. по различным причинам из органов безопасности уволили 7322 человека. За период с октября 1936 по январь 1940 г. на 60% произошло обновление личного состава. За 1939 г. были выдвинуты на оперативные должности, получили продвижение по службе 21 088 человек[8]. В определенной мере была нарушена преемственность в передаче опыта профессиональных контрразведчиков. Все это отрицательно влияло на уровень контрразведывательной деятельности. В связи со значительным обновлением личного состава у кадров отсутствовали навыки оперативной работы, о чем прямо заявил на совещании в УНКВД Ленинградской области заместитель начальника контрразведывательного отдела. Во многих управлениях в течение 1939–1940 гг. разработки по шпионажу, террору, диверсии базировались на материалах тех дел, которые не были закончены в 1937–1938 гг.

По мере того как нарастала напряженность международной обстановки и усиливалась опасность вовлечения СССР во Вторую мировую войну, возрастали и требования к органам госбезопасности в обеспечении нормальной работы всех отраслей народного хозяйства, ставились задачи, связанные с укреплением обороноспособности страны. На органы государственной безопасности возлагались задачи контроля и проверки исполнения важнейших правительственных решений по развитию оборонного комплекса. Например, в декабре 1940 г. в связи с развернувшимся в Куйбышеве мощным строительством заводов авиапромышленного комплекса нарком НКВД прямо отмечал, что УНКВД по Кубышевской области не знает, как идет строительство, какие неполадки имеют место в деле выполнения производственной программы, и не оказывает помощи начальнику строительства.

Параллельно итоговым данным о выполнении производственных программ, которые представляли наркоматы, информация поступала из подразделений НКВД. По итогам работы Наркомата судостроительной промышленности И. В. Сталину и В. М. Молотову было доложено, что постановление СНК № 21сс от 9 января 1940 г. наркоматом не выполнено и в 1940 г. вместо 22 подводных лодок в строй было введено 15, и те со значительными недоделками. В конце 1940 — начале 1941 г. огромные аналитические отчеты со статистическими данными направлялись И. В. Сталину и В. М. Молотову по итогам контроля над работой десятков заводов авиационной промышленности. Подразделения госбезопасности в центре и на местах фактически выступали как дополнительный рычаг в системе управления по проверке различных наркоматов. Так, в указании Главного транспортного управления от 15 декабря 1939 г. всем отделам на местах предлагалось срочно сообщить в центр об имевшихся запасах топлива на железных дорогах, фактах очковтирательства, поскольку управления дорог в отчетности скрывали действительное наличие угля, что могло привести к срыву бесперебойной работы транспорта.

Одной из важнейших задач, возложенных на органы госбезопасности, стало систематическое информирование советского руководства практически по всем наиболее существенным проблемам жизни общества, в том числе и имевшим серьезное значение для укрепления обороноспособности страны. Из анализа сводных данных за период 1939–1941 гг. прослеживается главная задача информирования — сигнализировать о недостатках, «прорывах» и извращениях в различных сферах хозяйственной и общественной жизни. Собираемые спецслужбой сведения, преимущественно о негативных явлениях, предназначенные для узкого круга партийных и советских руководителей, отражали реальное положение дел в условиях нарастающей угрозы войны, что исключало возможность самообмана и успокоенности со стороны высшего руководства СССР.

Важным направлением деятельности органов госбезопасности стали систематические и постоянные проверки советских людей во всех сферах жизнедеятельности общества в целях выявления потенциального контрреволюционного элемента. Безусловно, на ряде производств, связанных с оборонным комплексом, службой в Красной армии, при назначении на ответственные должности в государственном аппарате и в других случаях это являлось

оправданной мерой со стороны государства. Например, при назначении на высшие должности законодательной, исполнительной и судебной власти органы госбезопасности осуществляли спецпроверку лиц, входивших в номенклатуру ЦК ВКП(б). Однако допускались массовые ограничения гражданских прав, исходя из социальной принадлежности и взглядов людей. На протяжении предвоенных лет органы госбезопасности постоянно направляли в центр спецсообщения о «засоренности» наркоматов, органов суда и прокуратуры, колхозов, совхозов, сельских советов «кулацкими и антисоветскими элементами». В результате таких проверок и спецпроверок определенная часть советских людей превращалась в политически неблагонадежных и ставилась на учет в органах госбезопасности. На 1 марта 1941 г. общее число таких лиц составляло 1 263 119 человек.

Анализ важнейших следственных дел позволяет сделать вывод о том, что вскрытые органами госбезопасности факты вредительства и диверсий чаще всего не были результатом происков иностранных спецслужб и антисоветских элементов. Их фабрикация представляла собой реакцию государства на многочисленные трудности в процессе создания мощного экономического потенциала страны и попытки их преодоления с помощью репрессий. Однако причины трудностей заключались не в злонамеренности технических кадров, а в их слабой квалификации, отставании в технологии. Неслучайно репрессии в отношении руководителей, не выполнявших планы в течение 1937–1938 гг., не дали результатов. В августе 1938 г. начальник 1-го отдела 1-го управления НКВД СССР Л. Ф. Райхман докладывал наркому оборонной промышленности о выполнении плана первого полугодия всего лишь на 52%. Стоимость одного самолета ТБ-3 вместо предусмотренных 170 тыс. рублей составляла 1,45 млн рублей. Аресты и расстрелы директоров авиационных и моторостроительных заводов не повлияли положительно на выполнение производственных планов[9]. В январе 1941 г. Л. П. Берия докладывал И. В. Сталину, Г. М. Маленкову, А. И. Шахурину о том, что ни по одному из 20 авиационных заводов план 1940 г. не выполнен.

Несмотря на некоторое сокращение количества дел по обвинению во вредительстве и диверсии, тенденция объяснять провалы в экономике происками вредителей сохранилась. Это отразилось даже в отчете о наиболее важных разработках, проводимых в течение 1939–1940 гг. ГУГБ НКВД. Среди важнейших дел о вредительстве называлась «контрреволюционная группа» во главе с бывшим секретарем МК ВКП(б) А. И. Угаровым, которая якобы сорвала программу торпедостроения на ленинградском заводе «Двигатель», а также производство орудий и снарядов новых образцов. «Вредительская» организация в Госбанке СССР, возглавляемая председателем правления банка Н. К. Соколовым, якобы ставила своей задачей вносить путаницу в кредитование, умышленно задерживать выплату зарплаты рабочим и служащим.

В середине мая 1941 г. в соответствии с указанием И. В. Сталина была сформирована группа в количестве 25 человек из сотрудников Контрразведывательного управления НКГБ СССР, которая должна была разрабатывать «шпионско-диверсионную» организацию в самолетостроительной промышленности.

Практически ничем не отличалась картина борьбы с вредительством и диверсией в Красной армии. Как и в сфере промышленного производства, в военной области недостатки и низкая организация боевых действий в вооруженных конфликтах и войнах рассматривались как основание для арестов и последующих необъективных обвинений военачальников в контрреволюционных преступлениях. 15 сентября 1938 г. начальник УНКВД по Дальневосточному краю Г. Ф. Горбач направил обширный доклад Л. П. Берии, который, в свою очередь, адресовал его И. В. Сталину и К. Е. Ворошилову. В докладе давалась негативная оценка действиям командующего Особой Краснознаменной Дальневосточной армией, а с июля 1938 г. — войсками Дальневосточного Краснознаменного фронта маршала В. К. Блюхера. Он обвинялся в слабой боевой подготовке бойцов Красной армии в период военного конфликта с японцами у озера Хасан, в серьезных просчетах в руководстве войсками. За маршалом было установлено наблюдение со стороны военных контрразведчиков, которые докладывали о его действиях и поведении. После заседания Главного военного совета 31 августа 1938 г., на

80.6

СОВ. СЕКРЕТНО

РАССЕКРЕЧЕНО

СССР
НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ
ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

22 июля 1940 г.
№ 2917/б
г. Москва

От т. Берия

ЦК ВКП(б)

товарищу СТАЛИНУ

3 марта 1940 года за изменнические действия, повлекшие тяжелые последствия во время военных действий с финской белогвардейщиной, были арестованы: командир 18-й стрелковой дивизии КОНДРАШОВ Григорий Федорович и, назначенный им, как его ад'ютант НОВИЧЕНКОВ Борис Борисович, впоследствии оказавшийся помощником начальника штаба артиллерии дивизии.

Произведенным Особым отделом НКВД СССР расследованием установлено, что дивизия вследствие преступно-небрежных действий КОНДРАШОВА попала во вражеское окружение.

Оборона блокированного гарнизона, где находился командный пункт дивизии, КОНДРАШОВЫМ была организована плохо, командные высоты, находившиеся в непосредственной близости, заняты не были.

Получив приказание об организации выхода из белофинского окружения, КОНДРАШОВ никакой подготовки к выходу не произвел. Рядовой состав о намеченном выходе полностью оповещен не был, из-за чего выход превратился в беспорядочное отступление.

Выход из окружения производился 2 колоннами-южной и северной.

Докладная записка НКВД СССР об аресте командира 18-й стрелковой дивизии Г. Ф. Кондрашова. С резолюцией И. В. Сталина. Лист 1

2.

После выхода южной колонны, начала движение северная, по которой противник сосредоточил всю силу своего огня. В результате этого личный состав укрываясь от поражения, стал расползаться по сторонам.

Видя создавшуюся панику, КОНДРАШОВ вместо принятия решительных мер к сохранению спокойствия и выводу личного состава из сферы сосредоточенного артиллерийского, минометного и пулеметного огня противника, бросил колонну и бежал в район расположения 20 стр.полка.

После совершения этого предательского акта КОНДРАШОВ в лесу случайно встретился с отставшим от северной колонны помощником начальника штаба артиллерии дивизии мл.лейтенантом НОВИЧЕНКОВЫМ, которого при встрече с нашими частями и назвал своим адъютантом.

Следствием также установлено, что бросив руководство колонной и скрываясь от участия в боях КОНДРАШОВ высказывал НОВИЧЕНКОВУ намерения сдаться противнику в плен, однако, НОВИЧЕНКОВ это изменническое предложение категорически отверг.

КОНДРАШОВ признал себя виновным в том, что не организовал оборону блокированного гарнизона, не обеспечил вывода личного состава из вражеского окружения, бросив в ответственный момент выходившую из окружения северную колонну.

Виновность КОНДРАШОВА в вышеуказанных преступных действиях полностью установлена, что подтверждается

Докладная записка НКВД СССР об аресте командира 18-й стрелковой дивизии Г. Ф. Кондрашова. С резолюцией И. В. Сталина. Лист 2

котором Блюхеру были предъявлены обвинения в «преступном невыполнении» директив ГВС и наркома обороны, покровительстве многочисленным «врагам народа», сознательном пораженчестве, и отстранения от должности командующего он по указанию вождя был арестован в октябре того же года[10].

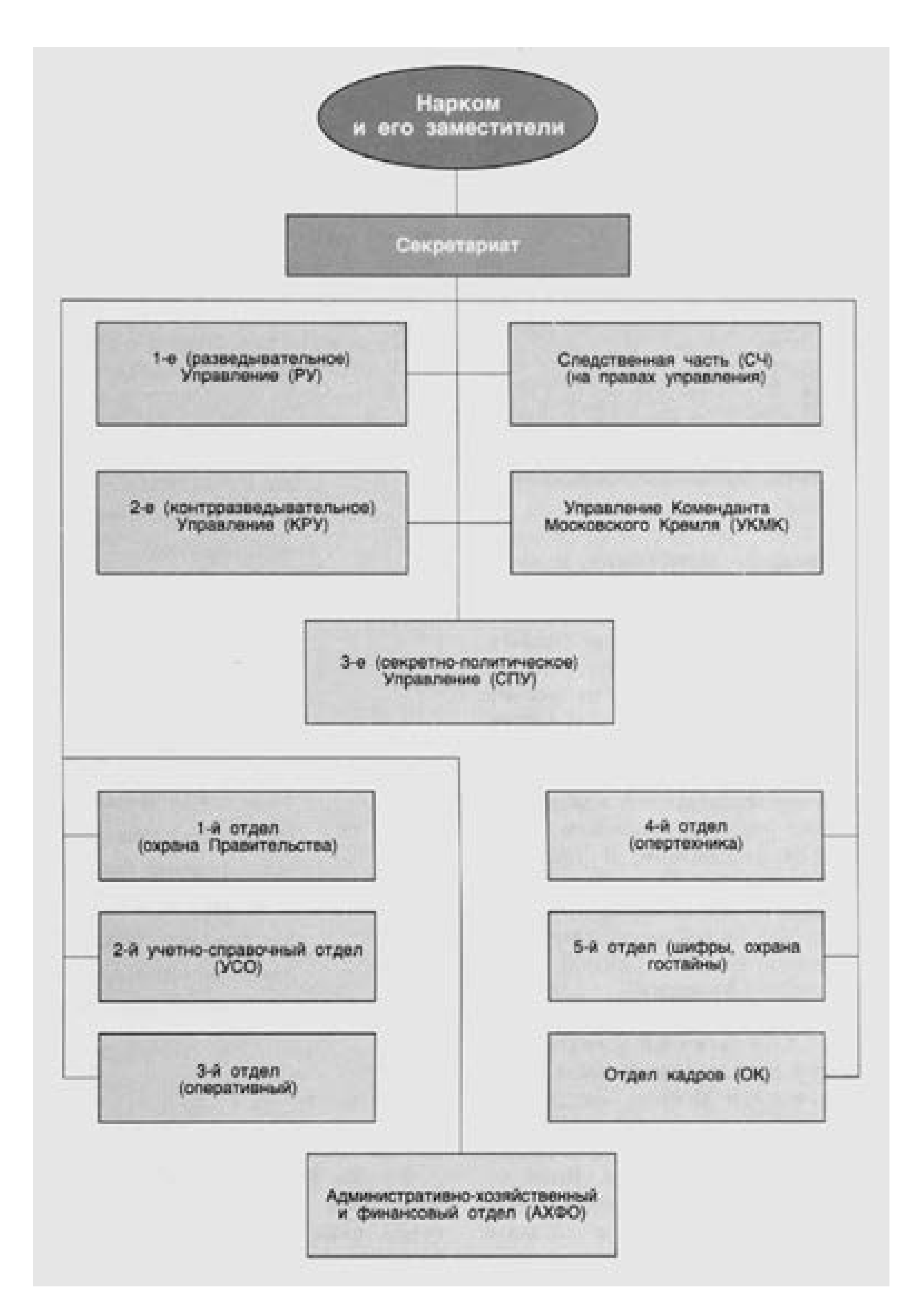
Летом 1939 г. во время военного конфликта в Монголии в районе р. Халхин-Гол были арестованы помощник командующего войсками МНР Лубсан-Даной и начальник штаба 57-го корпуса Красной армии комбриг А. М. Кущев, которые якобы передали японцам карту с указанной на ней дислокацией частей монгольских и советских войск. По итогам неудачных операций в советско-финской войне Л. П. Берия ставил вопрос об аресте командующего 8-й армией комдива И. Н. Хабарова, члена Военного совета С. И. Шабалова и двух комдивов[11]. Таким образом, сложилась устойчивая практика, при которой низкий уровень боеготовности в ходе военных действий объяснялся вредительской работой в войсках, что должно было служить оправданием объективных недостатков.

Минуя военное командование конкретных частей, информация об истинном состоянии войск направлялась И. В. Сталину и К. Е. Ворошилову. Например, в период советско-финской войны, когда спецсообщения поступали практически ежедневно, высшему руководству докладывалось обо всех недостатках в боевой подготовке Красной армии. В декабре 1939 — январе 1940 г. Особый отдел Главного управления госбезопасности представлял материалы о реальных потерях в живой силе и технике, неподготовленности войск к ведению войны в зимних условиях из-за отсутствия зимнего обмундирования и других недостатках. В январе 1940 г. Сталину было доложено о том, что части разгромленной 44-й дивизии оставили финнам 58 пушек и 38 танков, прибывший из Киевского военного округа 425-й автобатальон небоеспособен, так как 40% машин имели негодные аккумуляторы, а из 8-й стрелковой дивизии, направленной в Финляндию из Белорусского военного округа, не прибыло к месту назначения (дезертирство) в общей сложности более одного батальона (400 человек)[12].

Постепенно накапливался и боевой опыт, востребованный в годы Великой Отечественной войны. Стремительные рейды финских диверсионных отрядов в тылу Красной армии, факты дезертирства среди советских военнослужащих потребовали обеспечения безопасности тыла. Для этих целей были сформированы стрелковые полки войск НКВД на базе пограничных отрядов, а в дальнейшем из состава полков — контрольно-заградительные отряды, подчиненные особым отделам в соответствии с приказом наркома обороны и наркома внутренних дел № 0093 от 24 января 1940 г. На эти отряды возлагались организация «на основных направлениях заслонов и застав, проведение облав в тылу действующих частей, проверку документов... и задержание дезертиров»[13]. По результатам деятельности контрольно-заградительных отрядов десятки красноармейцев были приговорены к высшей мере наказания.

Активно действовали и оперативные группы органов государственной безопасности, которым придавались в отдельных случаях до батальона войск НКВД. В их задачи входили поддержание порядка на новых территориях, борьба с уголовными элементами, выявление агентуры полицейских и разведывательных органов Финляндии. Например, оперативная группа УНКВД Ленинградской области докладывала 15 декабря 1939 г. об обнаружении архивов полицейского управления и охранки г. Терийоки[14].

Приобретался опыт фильтрационной работы. После окончания советско-финляндской войны 5277 советских военнопленных Красной армии были возвращены в СССР. Все военнопленные по решению Политбюро ЦК ВКП(б) от 19 апреля 1940 г. были заключены в Южновский лагерь на территории Ивановской области для проведения оперативно-чекистских мероприятий в целях «выявления среди военнопленных лиц, обработанных иностранными разведками, сомнительных и чуждых элементов и добровольно сдавшихся финнам с последующим преданием их суду». За исключением 450 бывших военнопленных, освобожденных по итогам фильтрации, все остальные были осуждены. Основная часть военнопленных, на которых не имелось достаточно материалов для предания суду, были осуждены особым Совещанием НКВД СССР на сроки от пяти до восьми лет заключения в исправительно-трудовые

Структура НКГБ (3 февраля – 20 июля 1941 г.)

лагеря[15]. Таким образом, формировалась политика советского руководства в отношении военнопленных, реализация которой пришлась на годы Великой Отечественной войны.

Наряду с непосредственным участием в выполнении различных народно-хозяйственных задач на органы госбезопасности возлагались обязанности обеспечивать важнейшие хозяйственно-политические кампании. Специфика деятельности оперативных отделов заключалась в том, что, используя специальные методы, сотрудники госбезопасности вели борьбу с негативными проявлениями в ходе посевной и уборочной кампаний в деревне, расследовали факты, связанные с перебоями в снабжении населения промышленными и продовольственными товарами. Подобные задания обычно возлагались на органы госбезопасности в периоды проведения каких-либо политических мероприятий: съездов общественных организаций, всесоюзных совещаний. Так, в январе 1935 г. местным органам госбезопасности было предложено проверить всех выбранных в республиках и областях делегатов съезда колхозников-ударников и принять меры к тому, чтобы отклонить кандидатуры всех неблагонадежных.

Продолжалась работа по пресечению негативных явлений в социальной сфере: например, по выполнению постановления СНК СССР № 253-108с от 21 февраля 1940 г. о борьбе с очередями за промышленными и продовольственными товарами в Москве, Ленинграде и Горьком. Докладывая И. В. Сталину о том, что за первое полугодие 1940 г. за спекуляцию только в Москве были оштрафованы более 55 тыс. человек (то есть ежедневно штрафовали более 300 человек), Л. П. Берия пытался доказать низкую эффективность подобных карательных мер. Чтобы пресечь спекуляцию и скупку товаров, он предложил предавать суду всех оштрафованных более двух раз, а также приехавших в Москву из других мест и уличенных в скупке товаров[16].

Органы госбезопасности выполняли важнейшие задачи по охране государственной тайны и защите секретов. Они действовали в соответствии с постановлением ЦК ВКП(б) и СНК СССР «О работе секретных и секретно-шифровальных отделов учреждений и предприятий и порядке хранения секретных документов и материалов», принятым в 1935 г., и разработанной на его основе инструкции, дополненной и утвержденной повторно СНК СССР в январе 1940 г. Органы госбезопасности обязаны были осуществлять контроль и проверку работы секретных частей наркоматов, воинских частей, партийных учреждений, промышленных предприятий.

Главным и основным направлением контроля над работой как секретных частей, так и в целом учреждений являлись систематические обследования и проверки состояния хранения секретных документов. Эта деятельность была крайне необходимой, поскольку способствовала поддержанию бдительности, устранению фактов небрежного и халатного отношения к работе с секретной документацией, своевременному выявлению пропавших и утерянных документов и принятию мер к их поиску. Многочисленные факты свидетельствовали о неблагополучном положении в этой области. Пропадали документы, в которых содержались важнейшие сведения об оборонном потенциале страны: например, в декабре 1940 г. исчезли целые комплекты чертежей строившегося новейшего линкора «Советский Союз», а в мобототделе Наркомата вооружений утеряли документы с данными о мощностях заводов стрелкового вооружения на 1941 г.[17]

В процессе проверок пресекались нарушения правил работы с секретными документами. Регулярные проверки проводились и в зарубежных представительствах СССР. В октябре 1940 г. был наказан ряд сотрудников Амторга в США за нарушение правил хранения секретных документов.

Одним из направлений деятельности контрразведывательных органов являлось пресечение попыток разложения аппарата управления путем взяток и подкупа чиновников. Представитель одной французской судостроительной фирмы в процессе переговоров с советскими чиновниками настойчиво предлагал дать заказ на постройку кораблей его фирме, подчеркивая, что ему выделена значительная сумма наличными для выражения благодарности и укрепления сотрудничества. В октябре 1938 г. нарком внутренних дел докладывал председателю СНК, что комиссия «Станкоимпорта» по непонятным причинам отказалась от услуг

фирмы, предложившей СССР большую скидку за оборудование, аналогичное закупленному у другой фирмы. Убытки составляли десятки тысяч золотых рублей.

Но большая часть разработок оперативного состава ГУГБ НКВД СССР была направлена на выявление так называемого антисоветского элемента. До начала Великой Отечественной войны аресты за контрреволюционную агитацию и участие в контрреволюционных организациях составляли основную часть работы органов госбезопасности. Оперативные работники называли ее между собой «основным хлебом». Так, сотрудниками УНКВД Свердловской области за 1940 г. были арестованы 413 человек, из них 179 — за контрреволюционную агитацию. Если к ним прибавить 99 человек, принадлежавших к контрреволюционным организациям, то это составит почти 70% арестованных. Нарком внутренних дел отмечал слабую работу управления, так как большинство дел прошло по ст. 58-10 УК РСФСР (контрреволюционная агитация).

В связи с тем что накануне Великой Отечественной войны на контрразведывательные подразделения органов государственной безопасности были возложены многочисленные несвойственные им задачи, решение последних отвлекало сотрудников от борьбы с иностранными разведками.

Борьба с разведывательно-подрывной деятельностью иностранных спецслужб и эмигрантских организаций

Пресечение разведывательной деятельности спецслужб иностранных государств являлось важнейшим направлением работы советской контрразведки. Главное внимание уделялось установлению сотрудников разведывательных органов в официальных представительствах иностранных государств и их агентуры, а также нелегально заброшенных агентов.

Официальные дипломатические представительства были основными базами, под прикрытием которых сотрудники, как правило военных атташатов, пытались добывать самую разнообразную информацию. Однако благодаря противодействию советской контрразведки условия для их разведывательной деятельности в СССР были самые неблагоприятные. Руководители германской военной разведки отмечали огромные трудности в нелегальной заброске агентуры в нашу страну. К ним они относили плотную охрану государственной границы, жесткий контроль над всеми иностранцами, прибывавшими в страну. Начальник разведки абвера генерал-майор Г. Пиккенброк отмечал, что для получения разведывательных сведений приходилось делать ставку на легальные возможности и использовать лиц, выезжавших в СССР в служебные командировки.

К середине 1930-х гг. в СССР сформировался режим тотального преследования всех лиц, имевших какие-либо контакты с иностранцами, что практически исключало любые возможности для зарубежных разведок добывать информацию об экономическом и оборонном потенциале СССР. На этой почве на протяжении 1930-х гг. возникали постоянные конфликты между наркомом иностранных дел М. М. Литвиновым и наркомами внутренних дел. Литвинов объективно замечал, что при таком жестком подходе НКВД видит шпионов чуть ли не в каждом иностранце.

Официальные представительства находились под постоянным контролем сотрудников контрразведывательных подразделений. На 1 января 1939 г. в стране насчитывалось чуть больше 1,5 тысяч сотрудников дипкорпуса, из которых 1129 человек находились в Москве и более 400 человек — в 24 консульствах в разных городах СССР.

Практически все представители иностранных государств отмечали работу службы наружного наблюдения. Японский офицер, стажировавшийся в одном из стрелковых полков, заявлял, что он не может сделать ни шагу без сопровождения. Итальянский консул в Одес-

се писал об огромных трудностях по сбору сведений в России. Военный атташе Германии Э. Кёстринг в своих воспоминаниях отмечал, что во всех его поездках, при посещении театров и ресторанов за ним неотступно следовали два офицера НКВД. Когда же он обратился за разъяснениями в Наркомат иностранных дел, то ему было сказано, что он является важной персоной и необходимо обеспечивать его безопасность[18].

В последующем руководители спецслужб Германии заявляли, что в результате этих мер они не смогли изучить мощности новых промышленных объектов Урала и Сибири, новых образцов военной техники (танк Т-34), численность формирований Красной армии на Дальнем Востоке.

Зная о постоянном наблюдении за иностранцами, сотрудники дипломатических представительств пытались использовать различные приемы. В отчетах о работе оперативного отдела отмечалось, что военный атташе Финляндии полковник Хекли и его помощник капитан Руоконен гримировались и одевались как простые рабочие, а затем ездили в общественном транспорте и слушали разговоры. В трамваях рабочие, в том числе и оборонных заводов, обсуждали производственные проблемы, что вполне легально фиксировали сотрудники атташата.

Летом 1935 г. сотрудник германского посольства, находившийся в ресторане «Прага», вызвал одновременно четыре такси и незаметно сел в одно из них. Бригады оперативного отдела потеряли контакт с ним. В ряде случаев бригады наружного наблюдения не могли выполнить задание, так как отечественные легковые автомобили по своим скоростным характеристикам уступали иностранным. В связи с этим по заказу оперативного отдела закупались автомобили в Америке.

Случались и «проколы». В ходе неоднократных разведывательных поездок военного атташе одного из европейских государств без уведомления отдела внешних сношений Наркомата обороны он постоянно обнаруживал сотрудников службы наружного наблюдения, которые следили за ним. Вследствие их расшифровки военный атташе сделал правильный вывод о том, что органы советской контрразведки получают информацию из посольства. В итоге часть обслуживающего персонала посольства была заменена.

В ответ на постоянный и жесткий контроль над дипломатическими представителями Польши руководство этой страны приняло в 1936 г. решение об исключении советских граждан из обслуживающего персонала и замене их поляками.

Органы контрразведки проводили мероприятия, затруднявшие разведывательную деятельность иностранцев. Например, в целях предупреждения разведывательных устремлений выявленных разведчиков и агентов было принято решение через «Интурист» и другие организации создавать им трудности в приобретении билетов на поездку в отдельном купе, а при их следовании на автомашинах в интересующие разведчиков районы выставлять на шоссейных дорогах специальные посты для направления их по иным маршрутам.

В процессе разработки представителей дипкорпуса, различных торгово-экономических организаций, иностранных корреспондентов каждое отделение Контрразведывательного отдела накапливало так называемые «альбомные дела». В них собирались и затем анализировались все добываемые документальные материалы. На этой основе проводилась кропотливая работа по установлению лиц, проводивших разведывательную деятельность. Выявив шпионскую деятельность того или иного лица, органы госбезопасности в целях пресечения подрывной деятельности проводили предупредительные оперативные мероприятия. Например, за установленными разведчиками велось круглосуточное наружное наблюдение, под различными предлогами им отказывали в посещении важных оборонных и промышленных объектов.

В отдельных случаях, когда было невозможно выявить документальные материалы, позволявшие уличить сотрудника дипкорпуса в проведении разведывательной работы, оперативные работники прибегали и к неординарным методам. Так, в 1938 г. посол Японии в Москве жаловался в МИД, что на вокзале у военного атташе были украдены чемоданы.

Постоянный контроль над иностранными посольствами позволял выявлять советских граждан, инициативно выходивших на представителей этих государств для сотрудничества

с их спецслужбами. Так, начальник секретной части завода № 3 Наркомата обороны обратился к японским дипломатам с предложением о передаче ряда сведений об авиазаводах, номенклатуре выпускаемой продукции. В мае 1936 г. был арестован работник треста «Госгеосъемка», пытавшийся переправить за границу секретные материалы об авиазаводах, маршрутно-полетные карты с указанием аэродромов и посадочных площадок. Такие сообщения обязательно направлялись И. В. Сталину, который в данном случае потребовал выяснить, каким образом эти материалы оказались у работника треста, далекого от проблем авиации[19].

Попытки инициативных выходов советских граждан на иностранные представительства с целью передачи информации неоднократно пресекались также с помощью технических служб. После телефонных звонков неизвестного лица германскому консулу в Ленинграде Зоммеру на встречу с ним явился «представитель германского консульства», роль которого исполнял сотрудник КРО УНКВД по Ленинграду и области.

Хотя и крайне редко, но имели место случаи задержания представителей дипломатического корпуса с поличным, то есть с секретными материалами. Летом 1936 г. был арестован сотрудник польского консульства в Киеве, при нем были обнаружены фотографии новых танков и другие материалы. Его задержание произошло после того, как в Польше был арестован по обвинению в шпионской деятельности советский дипломат. В итоге по решению Политбюро ЦК ВКП(б) состоялся обмен сотрудниками.

Постепенно в циркулярах и директивах ГУГБ НКВД СССР о борьбе с диверсиями и шпионажем на железнодорожном и водном транспорте, о разрушительной деятельности германской разведки в народном хозяйстве, о мерах по защите оборонных предприятий особого списка в течение 1935–1937 гг. намечались мероприятия по устранению лиц определенной национальности с этих объектов в случае малейших подозрений в их причастности к диверсиям. В это число входили корейцы, поляки, китайцы и немцы.

С середины 1930-х гг. в процессе таких разработок случаи нарушения законности стали приобретать систематический характер. Так, советские граждане финской национальности постоянно обращались в финскую миссию за национальными документами. Сотрудники контрразведки считали такие обращения фактом сотрудничества с финскими разведывательными органами и после ареста этих граждан квалифицировали их действия как уголовное преступление, предусмотренное ст. 58-6 УК РСФСР (шпионаж). В течение 1935 г. финские официальные представители в СССР дважды обращались в НКИД с жалобами на подобные действия. В ноябре 1935 г. в указании прокурора СССР и наркома НКВД отмечалось, что «на лиц, которые впредь допустят в составляемых и утверждаемых ими документах неверные формулировки и квалификации, будут налагаться строжайшие дисциплинарные взыскания»[20].

Наибольшее внимание уделялось германскому посольству. Важным направлением деятельности контрразведывательных подразделений стала разработка окружения иностранных представительств. По мере укрепления нацистского государства усиливались репрессии в отношении советских немцев. Фактически все контакты иностранцев с советскими людьми, которые рассматривалась в качестве потенциальной базы иностранных разведок, находились под контролем органов госбезопасности. В определенной мере пресекались попытки сообщений за границу фактов о реальных проблемах социально-экономического развития СССР, а также отдельные попытки «инициативного» шпионажа.

По разработкам ГУГБ НКВД СССР 1935–1936 гг. «Арийцы», «Форшунгсамт», «Коричневая паутина» были арестованы сотни человек. В результате последней разработки была выявлена только пропагандистская деятельность сотрудников германского посольства в Москве. По ее итогам в ориентировке Особого отдела отмечалось, что не удалось вскрыть никакого нелегального центра германской фашистской партии. Тем не менее в ноябре 1936 г. Н. И. Ежов доложил И. В. Сталину об арестах членов «нелегальной фашистской партии». Всего в течение месяца органами госбезопасности в Москве и Ленинграде были арестованы 83 советских гражданина и 19 германских подданных. В декабре того же года был подготовлен проект обвинительного заключения по делу арестованных советских граждан.

Данный проект И. В. Сталин направил наркому иностранных дел М. М. Литвинову. Последний был возмущен грубым указанием на то, что в помещении иностранного посольства, под которым явно понималось германское, хранилась бомба для совершения террористического акта, и один из обвиняемых получил ее якобы от сотрудника посольства. Такие факты, по его мнению, могли привести даже к разрыву дипломатических отношений с Берлином. По мнению Литвинова, не было никакой необходимости обострять отношения с Германией. В итоге было принято решение судебный процесс не проводить, а советское руководство через наркома внутренних дел довело до сведения германского посла Ф. Шуленбурга, что все арестованные германские граждане будут высланы за границу[21].

В марте — апреле 1937 г. в директивах и циркулярах КРО ГУГБ НКВД СССР отмечалось, что в предшествующие годы шпионские организации были раскрыты контрразведчиками в основном в процессе разгрома массовых антисоветских группировок. В директивном письме ГУГБ от 2 апреля 1937 г. «О возрастающей активности германских разведывательных органов и специальных учреждений фашистской партии на территории СССР» подводился своеобразный итог работы контрразведки. В письме прямо говорилось о преобладании агентурных разработок, которые дают только повод для арестов, но не содержат доказательств виновности арестованных, большинство ликвидируемых дел не документировано и целиком основано на показаниях обвиняемых.

В период массовых репрессий 1937—1938 гг. были арестованы по обвинению в шпионской деятельности более 265 тыс. человек. Проведение операций по аресту и осуждению советских граждан польской, немецкой, финской и других национальностей, имевших собственную государственность за пределами СССР, безусловно, подрывало потенциальную базу для проведения вербовочных операций разведками спецслужб иностранных государств.

Кампания шпиономании приводила к тому, что нарком внутренних дел, случалось, направлял Сталину совершенно абсурдные сообщения. Так, летом 1937 г. в районе Ладожского озера были пойманы вороны, на кольцах у которых было выбито слово «Германия». Это были обычные исследования германских орнитологов. В спецсообщении, однако, делался вывод о том, что немцы запускают ворон на нашу территорию, чтобы выяснить направление ветров, а затем использовать эти метеоданные для разработки планов бомбардировок и поджогов объектов в районах Ленинградской области[22].

На несколько месяцев в течение 1938 г. акционерное общество «Интурист» было передано в структуру НКВД, таким образом его отделения превратились в филиалы НКВД за рубежом. Это являлось попыткой контролировать иностранных туристов еще до их въезда в СССР. Но уже в конце 1938 г. абсурдное решение было отменено, и «Интурист» вновь стал самостоятельной организацией.

Однако постоянный контроль над иностранцами не означал, что удавалось полностью пресечь разведывательную деятельность спецслужб потенциальных противников. В 1937 г. в бюро пропусков НКВД явился человек, который признался в том, что являлся польским агентом и пришел добровольно сдаться. Сталин потребовал немедленно расследовать этот факт и выяснить, через какой именно пункт нашей границы он проник на территорию СССР[23].

Наиболее активно работал против СССР начальник разведки и контрразведки болгарского отдела Русского общевоинского союза (РОВС) К. Фосс. Сотрудниками резидентуры Иностранного отдела ГУГБ в этой стране были выявлены материалы на двух агентов, подготовленных им для заброски в СССР. Эти данные были срочно переданы в Контрразведывательный отдел Центра. Однако через несколько месяцев КРО был извещен, что Фосс получил из Одессы почтовые открытки о благополучной легализации своих агентов. В дальнейшем он встречался с представителями финской разведки и передал им данные об укрепрайонах Одесского, Киевского, Ленинградского военных округов, военно-морских базах Черноморского и Балтийского флотов.

Широкие возможности для усиления разведывательной деятельности с легальных позиций появились у германских спецслужб после подписания в августе 1939 г. советско-

германского пакта о ненападении и последующих торгово-экономических соглашений. Различного рода комиссии по переселению немцев в Германию с территорий, отошедших к СССР, значительно возросшее количество торговых делегаций активно использовались немецкими спецслужбами. Например, сотрудник «Аберштелле-Краков» (германского разведывательного органа на территории Польши) Демель в 1939 г. являлся членом комиссии по переселению. Офицер связи между абвером и румынской разведкой Странский отмечал, что летом 1940 г., в момент воссоединения Бессарабии с Молдавией, были созданы резидентуры в Кишиневе и Аккермане. В январе 1940 г. среди членов германской торговой делегации был выявлен с помощью Разведывательного управления РККА кадровый сотрудник спецслужбы Германии.

В отчетах Контрразведывательного отдела УНКВД Ленинграда и области обращалось внимание на то, что германские торговые суда стали систематически садиться на мель вблизи Кронштадта — главной военно-морской базы на Балтийском море, хотя в предшествующий период такие факты не наблюдались, поскольку фарватер был всесторонне изучен[24].

Летом 1940 г. советское руководство разрешило осуществить проводку Северным морским путем германского судна. К сожалению, только после начала Великой Отечественной войны целенаправленные действия германского военного флота в Баренцевом и Карском морях контрразведка квалифицировала как выполнение разведывательных задач[25].

После заключения пакта о ненападении для германских дипломатических и военных представителей вообще делалось некоторое исключение. Весной 1941 г. нарком НКГБ В. Н. Меркулов докладывал В. М. Молотову о намечавшейся поездке военных атташе Германии, Венгрии, Болгарии и Финляндии во внутренние области СССР и отмечал, что поездка задумана явно в разведывательных целях. Нарком иностранных дел санкционировал: «Разрешение пока дать только немцам (об остальных сказать — рассматривается)»[26]. Таким образом, внешнеполитические отношения СССР с Германией влияли на деятельность контрразведывательных органов, создавая дополнительные сложности в пресечении разведывательной активности сотрудников германского посольства.

Накануне Великой Отечественной войны контрразведывательные органы информировали советское руководство об активной работе специальных служб нацистской Германии по сбору сведений о дислокации частей Красной армии. В апреле 1941 г. из-за технических неполадок один из самолетов специального разведывательного авиаотряда люфтваффе (командир — подполковник Ровель) приземлился вблизи г. Ровно, но до прибытия советских представителей экипаж успел взорвать кабину. В результате технической экспертизы обломков было установлено, что в кабине находилась мощная фотографическая установка, о чем было доложено И. В. Сталину. Этот факт подтверждал свидетельства о проведении германским командованием разведывательной деятельности.

В связи с тем что германское руководство планировало провести молниеносную войну против СССР, основная цель агентов немецкой разведки состояла в выявлении дислокации частей Красной армии. С этой целью абвер стремился использовать местное население. Среди немецкой агентуры, захваченной органами госбезопасности накануне войны, 80% составляли поляки и украинцы, были также русские, белорусы, литовцы, латыши, эстонцы и представители других национальностей.

Контрразведывательные подразделения органов государственной безопасности осуществляли также разведывательную работу и добывали ценные сведения о планах государств — потенциальных противников СССР, их военном потенциале. В 1938 г. была проведена секретная съемка материалов о военном потенциале Германии, которые вез с собой возвращавшийся из Берлина в Токио через Москву один из представителей японской дипломатической миссии в Германии. В декабре 1940 г. наркомам обороны и Военно-морского флота из контрразведывательного отдела был передан доклад военно-морского атташе Германии в Москве о боевых действиях фашистского флота против Англии.

За несколько недель до начала Великой Отечественной войны контрразведчиками была осуществлена дерзкая операция. Из полуподвала жилого дома, находившегося рядом с особ-

няком Э. Кёстринга, германского военного атташе, был прорыт туннель в подвал особняка. В течение этого времени регулярно проводились выемки секретных документов, помещения были оборудованы специальной техникой прослушивания. Записи разговоров военного атташе регулярно докладывались наркому государственной безопасности В. Н. Меркулову, наиболее важные из которых он направлял И. В. Сталину.

Так, в одном из них отмечалось: «НКГБ сообщает нижеследующие выдержки из записанных 13 и 15 мая 1941 г. разговоров между чинами военного и военно-морского германских атташатов в Москве:

Кёстринг: На Волге я еще ничего не предпринимал. Но начать портить уже нужно, так как это у нас будет предварительной подготовкой к скорому наступлению.

Нагель: ...Нам нужно обязательно перехватывать военных курьеров и отбирать у них весь материал... Я думаю, что русские будут кусать себе локти, когда мы появимся нежданно-негаданно...

Шубут: ...К Нарве мы должны подойти быстро. Это должен еще, правда, решить Берлин. Все дела мы должны иметь наготове, чтобы не метаться в нужный момент.

Нагель: О, мы еще неоднократно испортим безмятежное спокойствие русских.

Кёстринг: Я думаю.

Шубут: ...Для нас очень важно то, что русские не так часто меняют свое месторасположение. Они два-три года остаются на одном месте. И поэтому можно сказать — я побью Россию...

Кёстринг: ...Наступать — вот единственно правильная вещь. Я думаю, что все же они боятся...

Баумбах: У меня создалось такое впечатление, что русские пока спокойны.

Кёстринг: То дело, о котором мы говорили, должно оставаться в абсолютной тайне. Эти две недели должны быть решающими... Природные богатства! Это будут наши естественные завоевания, о которых мы заявили во всеуслышание в международных кругах.

Баумбах: Я все же хочу сказать, что политически они сильны.

Кёстринг: Это ничего не значит. Мы сумеем договориться с Англией и Америкой, а также использовать югославов и норвежцев. Французы тоже включаются в наш счет. Нам уже удалось завоевать около двадцати миллионов. Я убежден, что в этом деле мы выйдем победителями — прокатимся по этому Союзу. Мы будем вести войну до тех пор, пока по крайней мере не захватим Украину»[27].

В конце 1940 г. для проверки данных о сосредоточении финских и германских войск вдоль границ СССР три сотрудника УНКВД Ленинграда и области, разведотдела пограничного округа, провели визуальное наблюдение за перевозками на важнейших железнодорожных путях Финляндии. В результате ими были добыты данные о военных приготовлениях Германии и Финляндии к войне.

Разведотделы западных пограничных округов на протяжении апреля — июня 1941 г. регулярно давали информацию о сосредоточении германских войск, строительстве коммуникаций и конкретные данные о сроках нападения. За несколько дней до начала войны, 17 июня 1941 г., на участке 84-го пограничного отряда Белорусского военного округа были захвачены пять немецких агентов. В процессе допросов они дали конкретные показания о подготовке взрывов на железных дорогах. На следующий день на участке 87-го пограничного отряда были задержаны еще два агента, давшие показания о существовании специальной школы в местечке Ламсдорф в пригороде Берлина, где прошли курсы по проведению диверсий[28].

К сожалению, не получила своевременной оценки ценнейшая информация руководства пограничных войск о местах, где были захвачены германские агенты в мае — июне того же года. Составленные карты с обозначением районов, где удалось задержать наибольшее количество агентов, с большой точностью указывали на будущие направления главных ударов германских войск[29].

Сотрудники контрразведывательных органов накануне войны информировали руководство страны о срочном выезде представителей дипкорпуса Германии и членов их семей.

Данную информацию следовало рассматривать в качестве доказательства предстоящих существенных изменений в отношениях между двумя странами.

В выявлении разведывательных устремлений фашистской Германии значительное место отводилось радиоконтрразведке. Была принята правительственная программа по созданию сети радиостанций в европейской части России и на Дальнем Востоке, которые должны были перехватывать сообщения радиосетей иностранных государств, в том числе Германии, и препятствовать иновещанию на СССР.

В предвоенный период резко усилилась активность радиоинтервенции со стороны иностранных государств. В течение 1938—1939 гг. были установлены подозрительные радиостанции под Москвой, в Ленинградской и Иркутской областях. Однако повторных радиосвязей зафиксировано не было, и вероятных агентов иностранных разведок выявить не удалось.

В 1940 г. сотрудниками радиоконтрразведки в Москве фиксировались выходы в эфир из помещения германского посольства. Органы госбезопасности получили весьма ценные сведения о работе германского посольства и указаниях, получаемых из Берлина.

В 1939—1941 гг. центр тяжести в борьбе с иностранными разведками переместился на территории западных областей СССР. В июне 1940 г. в Каунасе, Риге и Таллине были выявлены рации, установленные в помещениях, занимаемых представителями германского посольства. По этим рациям передавалась шифрованная информация в Берлин. Ввиду того что шифр был неизвестен органам госбезопасности, приняли решение «забивать» помехами передачи этих нелегальных раций.

Советские контрразведчики испытывали значительные трудности в борьбе с иностранными спецслужбами на новых территориях. Бо́льшая часть сотрудников была направлена в эти регионы из других областей СССР, что затрудняло их быструю адаптацию. Тем не менее контрразведчики раскрыли здесь нелегальные резидентуры фашистских спецслужб, созданные на базе различных существовавших ранее организаций, поддерживавших культурные и экономические связи с Германией. Отдельные подпольные группы имели контакты с представителями германских разведывательных служб. В мае 1941 г. в Литве была раскрыта резидентура, которая поддерживала радиосвязь со Штеттинским радиоразведцентром. Накануне войны из него передавались сведения о военном потенциале СССР.

В апреле 1941 г. в Риге органы контрразведки арестовали группу, имевшую связь с германскими спецслужбами, в арсенале Прибалтийского военного округа. В ходе операции был тяжело ранен оперативный работник и радист германской резидентуры. В начале мая 1941 г. в Таллине и в разных уездах Эстонии были арестованы 119 человек, входивших в организацию под названием «Комитет спасения». У членов организации были изъяты радиопередатчик, шифры, коды, 260 кг взрывчатки. На Украине в 1939—1941 гг. были раскрыты 20 разведывательных резидентур германской разведки.

Но все же главное направление в борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб стран потенциального противника состояло, как и ранее, в проведении массовых операций по ликвидации так называемых баз иностранных разведок.

Важным направлением работы контрразведывательных органов стало пресечение деятельности российской эмиграции, положение которой резко ухудшилось во второй половине 1930-х гг. Крупнейшие организации, такие как Русский общевоинский союз (РОВС), Братство русской правды (БРП), Российский фашистский союз (РФС), превратились в аморфные образования, которые уже не представляли опасности и угрозы для Советского государства. Это стало в значительной мере следствием активной советской внешней политики. В 1935 г. были заключены договоры между СССР, Францией, Чехословакией. Париж и Прага являлись главными центрами размещения штабов эмигрантских организаций. Для того чтобы не вызывать осложнений в развитии межгосударственного сотрудничества, правительства этих стран перестали оказывать открытую помощь и поддержку эмигрантским организациям, провозгласившим своей целью свержение советской власти. Еще ранее, в 1935 г., при обсуждении вопроса об итогах деятельности отдела РОВС в Румынии полковник Жолондковский отмечал, что крайне тяжелое положение складывается из-за отсутствия де-

нег. Составляя финансовый отчет, он не подозревал, что половина небольших средств была израсходована на организацию легендарной разработки, которая находилась под полным контролем ГУГБ НКВД СССР.

Определенная часть российской эмиграции склонилась к сотрудничеству с нацистской Германией. Неоднократно во второй половине 1930-х гг. для встреч с руководителем внешнеполитического отдела национал-социалистической партии Германии А. Розенбергом в Берлин выезжали представители БРП, РОВС. В 1940 г. генералом В. В. Бискупским с согласия германских властей было создано в Варшаве Главное управление по делам русских. В период советско-финляндской войны начальник РОВС генерал А. П. Архангельский заявил о создании Русской народной армии для борьбы с большевиками. В его предложениях наряду с объективной оценкой этой войны, в ходе которой советское правительство пыталось выдвинуть идею о гражданской войне в Финляндии, борьбе красных против белых (попытка создания просоветского правительства О. В. Куусинена), предлагались и практические меры для организаций восстаний, усиления подрывных акций против Советского государства. Вместе с тем руководители РОВС подчеркивали, что их главная задача — защита национальной России и ее интересов против всяких попыток захвата ее территории. Такая позиция не вселяла оптимизма лидерам Германии в их стремлении использовать национальные формирования.

За период с 1931 по 1935 г. советской контрразведкой были задержаны 17 агентов и эмиссаров Братства русской правды и Русского общевоинского союза. На III съезде Российского фашистского союза в марте 1939 г. отмечалось, что в течение 1936–1938 гг. в СССР были арестованы около 40 членов Союза.

Представляет интерес оценка заместителя начальника Иностранного отдела ГУГБ С. М. Шпигельгласа, который инспектировал резидентуры в европейских странах и имел объективные материалы о состоянии российской эмиграции во второй половине 1930-х гг. Он принимал участие в организации похищения руководителя РОВС в Париже Е. К. Миллера и скептически оценивал роль этой эмигрантской организации и ее руководителя, подчеркивая, что «никакой ценности она не представляла, так как у объекта не было ни денег, ни международных связей, ни организации, ни людей»[30].

В период советско-финляндской войны начальник 5-го отдела РОВС генерал С. Ц. Добровольский пытался создать диверсионные группы из советских военнопленных, возглавляемые офицерами РОВС. Удалось подготовить и направить на фронт только один отряд численностью около 30 человек, хотя бывших бойцов Красной армии, проходивших обучение, было в несколько раз больше. Быстрое окончание войны не позволило ввести в действие другие отряды.

В целом можно отметить, что подрывная деятельность спецслужб иностранных государств и эмигрантских центров во второй половине 1930-х гг. не носила широкомасштабного характера и не представляла реальной угрозы безопасности СССР.

Борьба с вооруженным националистическим подпольем

1 сентября 1939 г., с началом германо-польской войны, И. В. Сталин провел совещания с руководством военного и чекистского ведомств[31]. На органы НКВД, прежде всего на военную контрразведку, была возложена задача обеспечения скрытности проводимых командованием РККА мер, в частности реализации директивы наркома обороны от 6 сентября 1939 г. о проведении мобилизации в семи военных округах и создании Белорусского и Украинского фронтов[32].

Еще более интенсивно сотрудники особых отделов стали проводить агентурно-оперативную работу после получения в штабах фронтов приказа наркома обороны и начальника

Генштаба от 9 сентября. Согласно этому приказу, следовало быть готовыми к наступлению с целью разгромить противостоящие польские войска.

Нарком внутренних дел Л. П. Берия 8 сентября подписал приказ о создании пяти оперативно-чекистских групп в КВО и БВО. Всего в оперативных группах насчитывалось 460 оперативников, технических специалистов и оперативно-политических работников из наркоматов внутренних дел УССР и БССР. Дополнительно из центрального аппарата НКВД выехали в Киев и Минск еще 50 человек. Руководить опергруппами поручалось заместителю наркома — начальнику ГУГБ НКВД СССР В. Н. Меркулову (в Киеве) и начальнику Особого отдела НКВД СССР В. М. Бочкову (в Минске)[33]. Для выполнения специальных заданий в распоряжение каждой группы выделялись по 300 военнослужащих пограничных войск. В целях предупреждения утечки информации директива об оперативных мероприятиях была выдана на руки В. Н. Меркулову, И. А. Серову, В. М. Бочкову, Л. Ф. Цанава. В свою очередь, указанные должностные лица обязывались ознакомить с содержанием документа первых секретарей ЦК компартий Украины и Белоруссии, а также командующих фронтами.

В соответствии с директивой оперативные группы должны были продвигаться вместе с передовыми частями Красной армии, создавать в занятых нашими войсками местностях временные органы власти, а также во всех значительных населенных пунктах — аппарат НКВД. В их обязанности входили задачи: немедленно занимать все учреждения связи (телеграф, телефонные станции, радиоузлы, почты) и ставить для руководства ими надежных лиц, захватывать все государственные и частные банки, правительственные учреждения, типографии, редакции газет и оказывать содействие политическим органам армии в налаживании издания газет. Кроме того, оперативным группам поручались и оперативно-политические задачи, которые заключались в захвате всех архивов (особое внимание обращалось на экспозитуры — территориальные органы польской военной разведки — 2-го отдела Генерального штаба), жандармерии, полиции и пограничных учреждений, аресте наиболее реакционных представителей административного аппарата, жандармов, полицейских, разведчиков и контрразведчиков и их агентуры, руководства реакционных с коммунистической точки зрения политических организаций, эмигрантских структур националистической и белогвардейской направленности.

Опергруппам предстояло активно задействовать уже находившуюся на польской территории агентуру органов госбезопасности и разведаппаратов пограничных войск, а также приступить к созданию агентурно-осведомительной сети с расчетом контролировать создаваемые управленческие органы, нелегальные политические структуры. К негласной работе рекомендовалось привлекать лиц, арестованных ранее польскими властями за революционную и иную антиправительственную деятельность. В области следственной работы следовало вскрывать заранее созданные подпольные организации и группы противника, ставившие своей целью совершение диверсионных и террористических актов, саботажа и шпионажа. В директиве ставились также задачи по поддержанию общественного порядка в занятых областях[34].

Рано утром 17 сентября 1939 г. советские войска перешли государственную границу и практически не встретили сколько-нибудь серьезного сопротивления. Агентурная сеть польской разведки в приграничной полосе была парализована в ходе реализации имевшихся чекистских оперативных игр и разработок. Оперативные группы НКВД находились в зоне действия передовых частей Красной армии.

17 сентября был занят Тарнополь (Тернополь), где оперативно-чекистская группа захватила помещение разведпляцувки[35] экспозитуры, ее архив и картотеки, а также часть личного состава. В руках чекистов оказалось большое количество личных и рабочих дел агентов и конфидентов польских разведывательных и контрразведывательных органов. Как сообщили в Москву из НКВД Украинской ССР, захваченные документы позволили установить около 100 агентов на территории Винницкой и Каменец-Подольской областей и в отдельных районах Белорусской ССР.

Часть из них ранее уже была арестована, а остальных предстояло установить и задержать. На основе материалов архива были объявлены в розыск более 380 агентов и конфидентов польской контрразведки, проживавших в Тарнопольской, Львовской, Станиславской и других областях Западной Украины[36]. На 28 сентября только оперативной группой № 1 были арестованы 923 человека, из которых 513 полицейских, 28 жандармов, 31 секретный сотрудник полиции и контрразведки[37].

К концу ноября в Тарнополе удалось разыскать и задержать 60 агентов и содержателей конспиративных квартир польских спецслужб. Отдельные из арестованных были завербованы и использовались в дальнейшем в оперативных мероприятиях по основным линиям чекистской работы, а прежде всего для вскрытия подполья.

Оперативная группа № 2 арестовала 553 человека, в том числе бывшего премьер-министра Польши Л. Козловского, бывшего военного министра Малышевского, министра просвещения при Пилсудском С. Грабского. В короткий срок были завербованы 130 агентов, и, как отмечалось в одном из докладов, многие негласные сотрудники являлись перспективными[38].

По полученным от агентуры данным о готовящемся во Львове восстании чекисты начали разработку «Паутина». Главным фигурантом дела являлся генерал М. Янушайтис, для розыска которого привлекли командира корпуса польской армии, оборонявшего г. Львов, бригадного генерала В. Лангнера. Уже 27 октября 1939 г. Янушайтиса, проживавшего во Львове по поддельным документам, удалось арестовать на конспиративной квартире. Генерал рассказал следователям, что создавал нелегальную организацию, ставившую своей целью борьбу за восстановление Польши. Еще до занятия Львова советскими войсками он подготовил из числа военнослужащих диверсионно-разведывательные группы, а позднее часть из них перебросил в немецкую зону оккупации. В качестве своего заместителя и начальника штаба организации Янушайтис назвал генерала М. Борута-Спеховича[39]. Вскоре тот тоже был задержан в числе основных объектов разработки «Паутина».

В ходе допросов подследственных стало ясно, что они планировали организовать широкое повстанческое движение и развернуть диверсионную деятельность. Крупные повстанческие организации из числа офицеров и солдат бывшей польской армии уже были созданы в ряде городов. Они готовились к совершению диверсий, приуроченных к моменту начала восстания. Следует отметить, что само восстание предполагалось начать во время неминуемого и скорого (как полагали руководители подпольной организации) столкновения немецких войск с частями Красной армии[40].

Штаб организации установил связь с польским эмигрантским правительством во Франции и лично с его председателем генералом В. Сикорским. Последнему сообщили, что повстанческие организации в составе от 10 до 40 и более человек существуют в Тарнополе, Станиславе, Владимир-Волынске, Кременце, Стрые, Бродах, Дрогобыче, Самборе, Ровно, Перемышле и других городах. Центр организации восстания располагал рядом складов оружия, предназначенного для повстанческих отрядов[41].

Оперативные группы установили, что существовала связь между польскими подпольными организациями и нелегальными структурами украинских националистов (ОУН и УНДО) по поводу будущих широкомасштабных подрывных акций. В связи с этим было заведено агентурное дело «Блок», в рамках работы по которому уже к 27 октября 1939 г. удалось арестовать 22 человека из числа руководителей указанных организаций. Большую помощь чекистам в разработке «Блок» оказал вновь завербованный агент Галичанин. Он представил данные на кавалерийский отряд ОУН (более 500 человек), вывел сотрудников НКВД на вступившего в ОУН и возглавлявшего вооруженный отряд бывшего польского офицера Полищука, поддерживавшего связь с центром ОУН в Мюнхене и подозревавшегося в связи с немецкой разведкой[42].

Кроме работы в области разведки и контрразведки, а также борьбы с повстанческой деятельностью на органы НКВД возлагалась и другая, масштабная по своему объему задача — организация работы с военнопленными. На территории западных районов СССР создавались восемь лагерей. Нарком внутренних дел обязывал должностных лиц, имеющих

отношение к военнопленным, обеспечить должный порядок деятельности пунктов и лагерей, надлежащую дисциплину и «хорошее обращение с пленными, обеспечение необходимым снабжением и разъяснительной работой»[43].

Однако указаний наркома было явно недостаточно. Требовалось обновить нормативно-правовую базу по вопросу о военнопленных. 20 сентября 1939 г. взамен действовавшего «Положения о военнопленных», утвержденного ЦИК и СНК СССР еще в марте 1931 г., было разработано новое. Экономический совет при СНК СССР одобрил его, и, не дожидаясь утверждения в Совнаркоме, НКВД принял его к исполнению. Приказом наркома от 19 сентября было образовано Управление по военнопленным (УПВ)[44].

Неподготовленность лагерей к приему большого числа военнопленных, отсутствие необходимых запасов продовольствия, грозившая эпидемиями антисанитария побудили высшее руководство СССР непосредственно решать возникшие проблемы. Политбюро ЦК ВКП(б) создало во главе с секретарем ЦК А. А. Ждановым специальную комиссию для рассмотрения вопроса о военнопленных. 3 октября 1939 г. в заинтересованные органы НКВД, а также командованию Белорусского и Украинского фронтов поступило секретное распоряжение за подписью И. В. Сталина. В нем говорилось о необходимости распустить по домам военнопленных солдат из числа украинцев, белорусов и других национальностей — уроженцев Западной Украины и Западной Белоруссии; 25 тысяч военнопленных направить на строительство дороги Новоград-Волынский — Корец — Львов; выделить в отдельную группу солдат, призванных с территории Польши, захваченной Германией, и содержать их в лагерях до переговоров с немцами об отправке на родину; для военнопленных офицеров организовать специальный лагерь, а старших офицеров от полковника и выше содержать отдельно. Для разведчиков, контрразведчиков, жандармов и полицейских требовалось организовать самостоятельный лагерь в Калининской области (г. Осташков)[45].

Фронтовое командование и особенно аппараты НКВД СССР на занятой территории волновала еще одна проблема, связанная с военнопленными. Германские военные власти 18 сентября предложили передать на советскую сторону более 9 тыс. военнопленных польской армии — белорусов и украинцев по национальности. Через три недели речь зашла еще об 11 тыс. человек[46].

В ответ нарком внутренних дел Л. П. Берия предложил Политбюро ЦК ВКП(б) передать Германии 33 тыс. военнопленных — уроженцев центральных и западных областей Польши. Решение этого вопроса состоялось 13 октября 1939 г. Предлагалось создать обменные пункты и завершить работу в короткий срок — с 23 октября по 3 ноября. Органам госбезопасности предстояло провести глубокую фильтрацию передаваемого от немцев контингента военнопленных для выявления сотрудников польских спецслужб, а также агентуры германской разведки. Всем начальникам вновь образованных территориальных подразделений НКВД был направлен список из 359 немецких разведчиков и агентов, арестованных в Польше до начала боевых действий. Предполагалось, что отдельные из этих лиц могут быть влиты в общую массу передаваемых германским командованием военнопленных[47].

Кроме работы с военнопленными Политбюро ЦК ВКП(б) возложило на НКВД СССР также и реализацию принятого 4 декабря 1939 г. решения о выселении всех проживавших в Западной Украине и Западной Белоруссии осадников вместе с их семьями. Авторы такого рода меры исходили из того, что Союз осадников был создан по окончании советско-польской войны 1919–1921 гг. специальным законом польского правительства (утвержденного сеймом) и рассматривался как военно-политическая опора властей и пограничной стражи в отошедших к Польше украинских и белорусских областях. Целью насаждения осадников являлось укрепление пограничной полосы преданными государству элементами, создание боевых дружин для борьбы с революционным движением украинцев и белорусов, связанным с СССР. Осадники наделялись лучшими землями, и им предоставлялся ряд льгот[48]. Советское руководство полагало, что осадники могут явиться опорой создаваемого подпольного движения и привлекаться для проведения диверсионно-террористической деятельности и шпионажа.

Первая депортация была назначена на 10 февраля 1940 г. Для ее организации из Москвы прибыла группа ответственных работников центрального аппарата НКВД. В Архангельскую, Вологодскую, Иркутскую, Омскую, Свердловскую, Молотовскую области, Коми АССР, Красноярский край были депортированы 139 590 поляков[49].

2 марта 1940 г. Совнарком СССР санкционировал выселение 22 тыс. семей офицеров бывшей польской армии, содержащихся в тюрьмах и лагерях, разведчиков, контрразведчиков, полицейских и жандармов, а также беженцев с территории Польши, отошедшей к Германии, пожелавших выехать в родные места, но не принятых германским правительством[50]. 5 марта 1940 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение о расстреле более 22 тыс. польских военнопленных, что являлось ярким примером продолжения репрессивной политики, борьбы с потенциальной «пятой колонной», проводимой советским руководством в 1937–1938 гг. Накануне в записке Л. П. Берии на имя И. В. Сталина часть польских военнопленных характеризовалась «заклятыми врагами советской власти, преисполненными ненависти к советскому строю»[51]. Это, безусловно, трагическая страница процесса «освоения» вновь приобретенных территорий Украины и Белоруссии.

Важно отметить, что в областях Западной Украины и Западной Белоруссии с октября 1939 г. начался процесс создания подпольных организаций, по типу напоминающих Польскую военную организацию (ПОВ) времен Первой мировой и советско-польской войн[52]. К примеру, генерал М. Янушайтис приступил к формированию конспиративных ячеек 22 сентября 1939 г., то есть в день капитуляции гарнизона г. Львова и прихода частей Красной армии. Один из его ближайших помощников генерал М. Борута-Спехович показал на допросе в НКВД, что организация имела склад с оружием[53].

Одна из крупных подпольных организаций на территории Западной Белоруссии располагала 84 станковыми и 87 ручными пулеметами, 2 тыс. винтовок, более 8 тыс. гранат[54].

Объединить деятельность разрозненных групп, придать ей плановый характер являлось основной целью Союза вооруженной борьбы (СВБ), созданного 13 ноября 1939 г. в Париже новым верховным главнокомандующим польской армией генералом В. Сикорским[55]. Устав СВБ, добытый НКВД оперативным путем, свидетельствовал о том, что создана организация, которая через непродолжительное время должна превратиться в достаточно мощную боевую силу, и с ней придется считаться при любом сценарии развития военно-политической обстановки. В пункте шестом устава прямо говорилось, что СВБ ведет «систематическую пропаганду и агитацию по возбуждению ненависти к оккупантам и призывает к борьбе с ними путем организации саботажа в учреждениях и на предприятиях, совершению террористических актов и диверсий»[56].

Вооруженное выступление предполагалось начать по приказу главного коменданта СВБ. Таким образом, начинался процесс создания разветвленных антисоветских подпольных боевых структур, способных существенным образом повлиять на начавшуюся политику советизации в западных областях Украины и Белоруссии. В занятых Красной армией местностях существовало не только польское, но также белорусское и украинское националистическое подполье. Последнее имело связь с немецкими политическими и военными органами и являлось в 1939 г. уже определенным рычагом влияния германских нацистов в регионе. Органами госбезопасности за несколько месяцев удалось выявить и арестовать несколько агентов немецкой разведки из числа оуновцев. Они показали, что переброшены на Западную Украину из Германии для подготовки вооруженного восстания[57].

В конце августа 1939 г. в Варшаву прибыла английская военная миссия, в состав которой входила большая группа не просто офицеров разведки, а специалистов в области диверсий и саботажа. Во главе ее стоял полковник К. Габбинс, будущий начальник SOE (Special Operations Executive) — управления разведывательно-подрывных операций[58]. Англичане установили контакт с руководством польской разведки и обсудили возможные направления сотрудничества.

Через несколько дней после начала войны Габбинс и его группа из Варшавы выехали во Львов, а оттуда 17 сентября в Бухарест, где и были намечены планы развития дальнейшего

сотрудничества двух разведок. Именно в Бухаресте несколько позднее поляки организовали базу № 2 Союза вооруженной борьбы. Она стала центром подрывной работы на Западной Украине. Руководитель резидентуры английской разведки в Бухаресте капитан С. Карлтон находился в плотном контакте с поляками и, если не контролировал, то, как минимум, полностью был посвящен в оперативную деятельность базы СВБ. Сотрудничество двух спецслужб касалось сбора информации военного, политического и экономического характера об СССР[59].

Помимо сотрудничества с резидентурой «R» польской разведки в Бухаресте и базой № 2 СВБ англичане самостоятельно установили связь с подпольной организацией «Мушкетеры», действовавшей на занятой Германией и СССР территории Польши. Ее ячейки имелись в 32 городах[60]. Это направление работы курировал непосредственно майор Г. Тэмплин — глава русской секции «Сикрет Интеллидженс Сервис». Английская разведка давала задания полякам по сбору информации о дислокации советских войск, экономической ситуации, особый интерес вызывали части воздушно-десантных войск.

В рамках резидентуры «R» и базы № 2 СВБ в Бухаресте функционировала особо засекреченная группа во главе с майором Ю. Беньковским, до сентября 1939 г. возглавлявшим экспозитуру № 5 польской разведки во Львове[61]. Он непосредственно руководил подрезидентурами «Роман», «Стасия» и «Цезарь», которые действовали против СССР, обеспечивали переброску на Западную Украину курьеров, разведчиков и ответственных организаторов подпольной сети Союза вооруженной борьбы.

Видя в СВБ серьезного противника, НКВД СССР поручил своим органам на Украине и в Белоруссии незамедлительно предпринять необходимые меры, которые привели бы к двум взаимосвязанным результатам: во-первых, нейтрализации разведывательно-подрывной работы подпольной организации и, во-вторых, внедрению во всепольский центр СВБ в Варшаве и руководство Союза в Париже (а позднее — в Лондоне). Предполагалось даже взять под агентурный контроль действовавшую в немецкой зоне оккупации (генерал-губернаторстве) разведывательно-диверсионную сеть СВБ, а значит, польских спецслужб. Об этих планах Л. П. Берия доложил И. В. Сталину[62].

28 марта 1941 г. нарком государственной безопасности СССР В. Н. Меркулов докладывал И. В. Сталину о том, что удалось вскрыть и ликвидировать свыше 500 польских антисоветских подпольных групп и организаций, были арестованы 15 409 человек (из них в западных областях УССР — 10 271, а БССР — 5138), захвачено 36 пулеметов, 1624 винтовки, 589 револьверов, 735 гранат, более 72 тыс. патронов. Нарком особо подчеркивал значимость установления контроля над семью радиопередатчиками. В конце декабря 1939 г. центральный штаб СВБ в Париже направил во Львов нового организатора подпольной работы бывшего майора Т. Стровского. У него имелись зашифрованные директивы и инструкции о подготовке вооруженного восстания, которое планировалось поднять к весне 1940 г. в расчете на то, что к этому времени союзники разгромят Германию и объявят войну СССР.

После ареста Т. Стровский дал исчерпывающие показания о своих контактах с главой польского правительства в изгнании генералом В. Сикорским, генералом К. Соснковским, начальником штаба СВБ полковником Г. Багиньским и другими важными персонами в Париже. Для чекистов безусловный интерес представляли переданные Т. Стровским слова генерала В. Сикорского о поддержке польского подполья со стороны военных и разведывательных структур Великобритании. В протоколе допроса Стровского от 19 марта 1940 г. говорилось: «При этом Сикорский почти дословно заявил следующее: «На ЗВЗ (СВБ) англичане дадут сколько угодно денег, будет нужно 5 миллионов фунтов стерлингов — дадут 5, будет нужно 50 — дадут 50, ибо они понимают, что ЗВЗ сможет своими диверсионными действиями воспрепятствовать выступлению СССР в помощь Германии или для реализации своих планов»[63].

12 января 1940 г. на основе агентурных данных органов госбезопасности пограничники задержали при переходе через границу из Румынии польских офицеров — братьев Юзефа и Станислава Жимерских, также являвшихся представителями центрального штаба СВБ. При них обнаружили зашифрованные инструкции и приказы. Показания братьев, а также Т. Стровского, расшифровка с их помощью секретных документов позволили полностью

установить структуру и формы подрывной деятельности Союза вооруженной борьбы и на этой основе активизировать проведение агентурных и следственных действий. Ряд подпольщиков СВБ чекисты перевербовали и использовали для завязывания оперативных игр с противником. Польский историк А. Пеплоньский даже утверждает, что сотрудники советских органов госбезопасности завербовали одного из главных руководителей львовского округа СВБ майора Е. Мачелиньского, работавшего под псевдонимом Корнель[64].

Если это соответствует действительности, то не без помощи Корнеля произошел разгром штаба СВБ во Львове в марте 1940 г. Тогда арестовали заместителя окружного командира СВБ подполковника К. Дзекановского (Кароль, Корвин, Надольский), начальника штаба Вице-Жерчевского и других. Глава организации полковник В. Жебровский (Жук, Ясеньчик, Дембиньский) был убит при попытке перейти границу в Румынию[65].

В 1940 г. под ударами НКВД практически прекратил существование еще один центр СВБ. Он действовал на территории Литовской Республики (г. Вильно) и выполнял те же функции, что и база № 2 СВБ в Бухаресте. Всего в Вильно были арестованы 995 участников польских нелегальных групп, большинство из которых подчинялись СВБ[66].

В ходе разгрома в марте — мае 1940 г. некоторых руководящих центров СВБ и открывшихся при этом возможностей были взяты под контроль несколько линий связи со штабом организации в Париже, включая коротковолновые радиостанции, явочные квартиры и переправочные пункты на границе с Румынией. Все это позволило во второй половине года захватить всех основных эмиссаров и курьеров, всего 29 человек. В декабре 1940 г. сотрудники УНКВД по Черновицкой области установили четыре явочные квартиры бухарестской базы СВБ, задержали пять курьеров, изъяли почти 4 тыс. американских долларов, кошелек запасных деталей для радиостанции, более 8 тыс. антисоветских листовок. Оперативная и следственная работа УНКВД в Белостоке привела к аресту в ноябре практически всего окружного руководства СВБ во главе с комендантом А. Игла-Иглевским (Скавронек, Сусло) — опытным диверсантом, прошедшим специальную подготовку во 2-м (разведывательном) отделе польского генштаба[67].

Взамен арестованного А. Игла-Иглевского из Варшавы был послан бывший комендант Люблинского округа СВБ майор Ю. Спихальский (Витольд, Сорока, Старый)[68]. Но и он вскоре оказался во внутренней тюрьме НКГБ, где дал подробные показания. В итоге в западных областях БССР были арестованы 59 руководителей и активных участников подпольных, подчиненных СВБ организаций в Белостокском округе. После понесенных серьезнейших потерь главный комендант СВБ генерал К. Соснковский издал директиву для «советской зоны оккупации». В ней отмечалось, что «хотя подготовка восстания остается главной задачей, но как лозунг более или менее ближайшего будущего снимается»[69]. Этот фрагмент директивы, перехваченный сотрудниками госбезопасности, свидетельствовал об эффективности предпринятого комплекса мер.

Еще одна директива из парижского центра СВБ призывала остававшихся на свободе руководителей ячеек перейти к актам саботажа и диверсий на железнодорожном транспорте, причем делать это в местностях, где низок процент польского населения, чтобы избежать ответных репрессий. В ряде шифровок, переданных на контролируемые НКВД радиостанции, указывалось на необходимость активизировать усилия по разведке и диверсиям, поскольку это укрепляет авторитет эмигрантского правительства и лично В. Сикорского как главнокомандующего в глазах англичан.

За три месяца до начала Великой Отечественной войны нарком госбезопасности В. Н. Меркулов доложил И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. П. Берии план дальнейших действий НКГБ. Он базировался на достигнутых результатах, а потому был вполне реалистичен. Предполагалось, в частности, взять под контроль всю работу СВБ в СССР, линии связи на Варшаву и Лондон, захватить в свои руки руководящие посты в структурах СВБ за границей, переориентировать их на борьбу против Германии. Однако указанные мероприятия до 22 июня 1941 г. удалось реализовать лишь частично.

На территории Западной Украины значительное влияние имела Организация украинских националистов (ОУН), отстаивавшая идею создания независимой Украины. В результате проведения чекистско-войсковых операций были разгромлены некоторые формирования украинских националистов. В оперативных отчетах отмечалось, что агенты и эмиссары этой организации в случае их обнаружения ожесточенно и фанатично сопротивлялись до последнего патрона, предпочитая смерть сдаче в плен. В процессе разработки ОУН проявилось взаимодействие КРО и Иностранного отдела (ИНО). Зарубежные резидентуры ИНО передали в сентябре 1939 г. контрразведывательным подразделениям различных материалов на 12 тыс. человек, входивших в националистические организации.

Достаточно эффективно в этих регионах удалось начать работу по агентурному проникновению в националистическое подполье, руководители которого опирались на помощь прежде всего германских спецслужб. Только за период с 25 по 28 ноября 1940 г. после выполнения оперативных заданий возвратились закордонные агенты Украинец, Виноградов, Гром, Око. Последний получил задание от германских спецслужб взять под свой контроль деятельность подпольных организаций в одном из районов Западной Украины.

Германские спецслужбы устанавливали контакты с ОУН. За несколько дней до начала Великой Отечественной войны отделом абвера в Румынии был разработан проект заданий для групп украинских националистов А. Мельника и С. Бандеры на случай войны с СССР. Предусматривалось, что эти группы общей численностью 500–1000 человек, подготовленные немецкими военнослужащими на территории рейха, должны «помешать наступлению русских и нарушить их связь с тылом». Для решения данной задачи перед группами ставились следующие диверсионно-террористические задачи: «перерезать телефонные и электрические провода, арестовывать и ликвидировать комиссаров и офицеров, нападать на колонны обозов, уничтожать самолеты на аэродромах, прокалывать и резать автомобильные покрышки, совершать поджоги в местах расквартирования военных и тушить пожары на важных для немецкой армии объектах, охранять военные объекты... распространять листовки и призывать к восстаниям»[70].

За период с осени 1939 по весну 1941 г. на территории Западной Украины были раскрыты 293 националистические организации и арестованы 7625 человек.

В декабре 1940 г. Л. П. Берия сообщал И. В. Сталину, что на 1 декабря на территории западных областей Украины и Белоруссии арестованы 90 407 «враждебных элементов», а выселено в Казахстан и другие регионы — 275 764 человека. В связи с работой германских комиссий по переселению было принято решение, что лица, подавшие заявления о желании принять гражданство Германии, но получившие отказ, также подлежат выселению в тыловые районы, их общее число составляло 80 397 человек. Практически оперативные силы органов госбезопасности были брошены на очищение данных территорий от антисоветских и враждебных элементов, что полностью соответствовало установкам «чистки» периода массовых репрессий 1937–1938 гг. До конца 1940 г. 292 513 бывших польских граждан были депортированы в отдаленные северные и восточные районы СССР[71].

Со второй половины 1940 г. сотрудники контрразведывательных подразделений наркоматов внутренних дел Латвии, Литвы, Эстонии начали активно проводить аресты участников антисоветского сопротивления. Например, на 10 мая 1941 г. в Литве были арестованы более 300 человек, входивших в литовский филиал Союза вооруженной борьбы. 15 мая нарком госбезопасности В. Н. Меркулов докладывал И. В. Сталину о многочисленных арестах членов Латышского национального легиона, «Стража отечества», Латвийского народного объединения.

Но главным средством в борьбе с участниками антисоветского сопротивления стали апробированные ранее массовые депортации. 17 июня 1941 г. руководитель НКГБ сообщал об итогах операции по арестам и выселению «антисоветских элементов» из Прибалтийских республик. Всего были репрессированы 40 178 человек, из них арестованы 14 467. Среди депортированных почти 90% составляли члены семей арестованных[72].

Деятельность контрразведывательных органов против разведывательно-подрывных акций японских спецслужб

Подрывную деятельность против СССР специальные службы Японии осуществляли непосредственно через государственную границу, а также используя возможности своих посольства, консульств, представительств различных информационных агентств и газет, торговых и транспортных компаний, концессионных предприятий.

В предвоенный период деятельность органов безопасности по борьбе с подрывной работой японских спецслужб осуществлялась на следующих основных направлениях: оперативное прикрытие государственной границы; приобретение агентуры из числа жителей приграничных населенных пунктов на советской территории, в Маньчжурии, Монголии и Корее; организация фильтрационной работы с нарушителями границы и перебежчиками; использование населения приграничных районов в охране государственной границы; выселение из приграничных районов иностранных граждан и так называемых антисоветских элементов; проникновение в японские спецслужбы и белоэмигрантские организации; выявление и разоблачение находившихся на российской территории японских разведчиков и агентов.

Организация оперативного прикрытия государственной границы строилась с учетом правил, регулировавших пребывание в пограничной полосе, порядка войсковой охраны госграницы пограничными нарядами с целью пресечения не только нелегального перехода границы отдельными японскими разведчиками и агентами, диверсионно-террористическими группами, перебежчиками, но и предотвращения проникновения на российскую территорию японских и китайских воинских подразделений и отдельных групп военнослужащих, корейских и китайских партизанских отрядов.

Вместе с тем инциденты подобного рода на дальневосточных границах СССР в исследуемый период были не единичными. Так, только за неполные восемь месяцев 1938 г. военнослужащими японских вооруженных сил было совершено нарушений границы: на суше — 124, на море — 120, воздушного пространства — 40. За это же время ими было спровоцировано 19 боевых столкновений[73]. Летом в 1938 и 1939 гг. на советско-японской границе у озера Хасан и на маньчжуро-монгольской границе у р. Халхин-Гол произошли масштабные вооруженные конфликты. В общей сложности с 1931 г. по 1941 г. произошло 306 значительных боевых столкновений советских пограничников с японцами[74].

Кроме того, со второй половины 1930-х гг. органы безопасности и военной разведки активно взаимодействовали для оказания поддержки китайскому партизанскому движению в Маньчжурии. 15 апреля 1939 г. народный комиссар внутренних дел Л. П. Берия и народный комиссар обороны К. Е. Ворошилов в целях наиболее полного использования партизанского движения и его дальнейшего организационного укрепления подписали указание военным советам 1-й и 2-й отдельных Краснознаменных армий оказывать партизанам помощь оружием, боеприпасами, продовольствием и медикаментами иностранного происхождения или в обезличенном виде, а также руководить их работой, формировать из числа интернированных партизан небольшие группы и перебрасывать обратно в Маньчжурию в разведывательных целях. Начальникам УНКВД Хабаровского и Приморского краев, Читинской области предлагалось оказывать военным советам полное содействие в проводимой работе, в частности в проверке и отборе переходивших со стороны Маньчжурии и интернированных партизан и передаче их для использования в разведывательных целях и переброски обратно в Маньчжурию. Начальникам погранвойск указанных округов предписывалось оказывать помощь военным советам как в части свободной переправы перебрасываемых на территорию Маньчжурии сформированных групп, так и в части приема переходящих советскую границу партизанских групп и отдельных связников[75].

Контрразведывательная работа в пограничных районах осуществлялась местными территориальными органами безопасности совместно с органами погранохраны, особыми

отделами и отделениями армии и флота, транспортными органами, дислоцировавшимися на территории этих районов. В соответствии с подготовленными планами, в которых отрабатывались задачи каждого органа при проведении операций по обнаружению, задержанию и фильтрации нарушителей границы, оговаривались способы взаимодействия и координации усилий, определялись условия привлечения органов милиции, частей РККА. Осуществлялся взаимный обмен информацией по оперативным вопросам, о тактике, формах и методах подрывной деятельности японских спецслужб[76].

Неоднократно в документах Центра, а также органов безопасности на местах поднимался вопрос о налаживании эффективной координации и взаимодействия, принимались меры к его решению. Однако необходимо отметить, что постоянной согласованности в деятельности перечисленных органов в 1930-х гг. не всегда удавалось достичь. Так, например, 10 июня 1934 г. заместитель начальника Иностранного отдела полномочного представительства (ПП) ОГПУ ДВК Б. Д. Богданов в письме заместителю начальника Особого отдела (ОО) ПП и ОКДВА С. А. Барминскому и начальнику Управления пограничной охраны (УПО) В. В. Чернышеву отмечал, что по сводкам ИНО (направлявшимся в ОО и УПО) проходили два красноармейца в Чите и Хабаровске. Также он указал, что «оба эти лица неоднократно фигурировали как японские агенты, однако до сих пор мы не осведомлены о результатах их установки и разработки»[77].

Вербовка агентов и осведомителей из числа жителей приграничных населенных пунктов производилась в целях выявления и задержания нарушителей государственной границы в пограничной полосе на наиболее вероятных направлениях их движения, в местах возможного укрытия, а также установления лиц, способствовавших переходу границы японскими разведчиками и агентами.

Систематически на границе задерживались контрабандисты, которые либо решали разведывательные задачи, либо по заданию спецслужб и эмигрантских центров занимались переправой антисоветской литературы. В июле 1937 г. начальник УНКВД ДВК докладывал о том, что при переходе границы задержан китаец, у которого были обнаружены 2 кг опия и антисоветские листовки. Кроме того, на Дальнем Востоке пограничники систематически вылавливали в Амуре бутылки с листовками. Японцы распространяли их на советской территории и с помощью воздушных шаров[78].

Учитывая, что нелегальную заброску разведчиков и агентов в СССР японские спецслужбы осуществляли главным образом через советско-китайскую и советско-корейскую границы, оперативными подразделениями органов безопасности совместно с органами погранохраны проводились проверка и неотложные следственные действия при задержании на границе нарушителей. Следствие по ним чаще всего велось в сочетании с оперативными мероприятиями, использованием данных об устремлениях иностранных спецслужб, формах и методах их подрывной работы и другой информации[79]. В процессе ведения следствия в отношении нарушителей госграницы органы безопасности получали информацию об оперативной обстановке в интересовавшем их районе сопредельной стороны, данные о подготовке агентов, предназначенных для переброски на советскую территорию, о состоявшихся перебросках, в некоторых случаях органы безопасности получали информацию в отношении конкретных агентов японских спецслужб из числа советских жителей.

Летом 1934 г. дезертировавший из части и сбежавший в Маньчжурию красноармеец был переброшен нелегально японской военной миссией с заданием собрать сведения о дислокации и численности воинских частей в Дальневосточном крае, привезти в Харбин фрагмент строительного материала, из которого возводились оборонные точки. Его снабдили маленьким фотоаппаратом с пленкой, а для беспрепятственного прохождения границы при возвращении в Харбин при нем имелся специальный пропуск, вшитый в подкладку пиджака[80]. В ходе следствия была получена значимая информация разведывательного и контрразведывательного характера.

В 1940 г. в Амурской области при переходе государственной границы из Маньчжурии была задержана китаянка, которая призналась, что была направлена в СССР японской раз-

ведкой и имела задание установить связь с одним советским гражданином. Указанное лицо было взято в разработку, и после подтверждения его преступной деятельности задержано.

На основе обобщения и анализа результатов деятельности по задержанию нарушителей государственной границы и выявлению среди них агентуры японских спецслужб готовились и рассылались в органы безопасности на местах указания по совершенствованию этой деятельности (например, указание разведотдела Управления пограничных войск НКВД Приморского округа от 21 апреля 1939 г. № 1530 начальникам погранотрядов по активизации борьбы с японской разведкой, указание разведотдела пограничных войск НКВД Хабаровского округа от 27 апреля 1939 г. начальникам погранотрядов о пресечении подрывной деятельности японских военных миссий против СССР и другие)[81].

Наряду с положительными результатами по выявлению среди нарушителей государственной границы разведчиков и агентов японских спецслужб в этой работе имелись и недостатки, сводившиеся к тому, что не всегда опрос задержанных нарушителей был всесторонним, глубоким и квалифицированным, нерегулярно в отношении них проводились необходимые оперативные мероприятия. Вследствие этого органы безопасности лишились возможности получения определенной информации разведывательного и контрразведывательного характера.

В создании надежной системы охраны государственной границы большую роль играла связь органов безопасности с жителями приграничных населенных пунктов. В апреле 1939 г. была введена в действие «Инструкция об организации и порядке привлечения местного населения пограничной полосы для помощи в охране границы пограничными войсками НКВД». В пограничных населенных пунктах, на предприятиях, в совхозах, колхозах и МТС начальниками пограничных частей и подразделений стали создаваться бригады содействия. В их состав включались на добровольных началах политически проверенные жители пограничной полосы, способные помогать пограничным войскам в охране границы. Все лица, включенные в бригады содействия, подлежали тщательной и систематической проверке через агентуру и личную командирскую разведку. Отличившиеся в содействии пограничным войскам поощрялись командованием и представлялись к правительственным наградам.

25 декабря 1940 г. НКВД СССР издал приказ «Об усилении работы с осведомлением и бригадами содействия в погранполосе», где констатировалось, что оперативная обстановка на границах СССР требует привлечения в помощь пограничным войскам широких масс проверенного трудового населения пограничной полосы в соответствии с приказом НКВД СССР 1939 г. Кроме того, предписывалось всем военнослужащим пограничных частей в процессе общения с местным населением по делам службы, партийно-политической работы, хозяйственным и прочим вести личную разведку по вопросам, связанным с охраной границы (выявление нарушителей границы и их пособников, выявление лиц, прибывших без надлежащего разрешения в погранполосу, выявление контрабандистов и готовящихся нарушений границы), собранные сведения своевременно представлять по команде начальникам застав, комендантам участков или начальникам пограничных отрядов. К апрелю 1941 г. пограничными войсками дальневосточных округов было создано 322 бригады содействия, в которых насчитывалось 10 422 члена[82].

Во второй половине 1930-х — начале 1940-х гг. местное население оказывало значительную помощь пограничным войскам Дальнего Востока в охране границы. Так, например, в марте 1938 г. группа колхозников села Турий Рог (Приморский край) в пограничной зоне задержала трех нарушителей границы. В марте — мае 1940 г. по одному нарушителю госграницы задержали советские граждане Урывский, Соколова, Седякин (Хабаровский край). В феврале 1941 г. указом Президиума Верховного Совета СССР медалью «За боевые заслуги» были награждены граждане Кальченко (Амурская область) и Ярославцев (Хабаровский край)[83]. С начала 1939 по июнь 1941 г. членам бригад содействия трех дальневосточных пограничных округов удалось задержать 291 нарушителя государственной границы.

В интересах охраны государственной границы со второй половины 1920-х гг. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло ряд решений по отселению из пограничных районов так называемых

«антисоветских элементов», а также иностранцев, значительное количество которых проживало в этих районах и которые, по мнению органов безопасности, «могли бы составить кадры для шпионско-диверсионной деятельности противника».

В период проведения паспортизации на советском Дальнем Востоке в конце 1933–1934 г. в связи с установлением режимных пограничных зон была проведена «чистка» сельского населения. В этих районах края в основном проживали амурские, уссурийские, забайкальские казаки и зажиточное крестьянство, которые в большинстве своем отрицательно относились к советской власти и проводившейся коллективизации. Выявленные «неблагонадежные» крестьяне были в административном порядке выселены из края. К осени 1934 г. 40,3 тыс. человек были вынуждены покинуть места своего проживания, в основном это были сельские жители[84].

21 августа 1937 г. СНК СССР и ЦК ВКП(б), рассмотрев «корейский вопрос», приняли постановление № 1428-32сс, в котором «в целях пресечения проникновения японского шпионажа в ДВК» Далькрайкому ВКП(б), Далькрайисполкому и УНКВД ДВК предписывалось выселить все корейское население пограничных районов Дальневосточного края[85]. СНК СССР и ЦК ВКП(б) также разрешили увеличить количество пограничных войск на 3 тыс. человек для уплотнения охраны границы в районах, из которых переселялись корейцы, и разместить пограничников в освобождаемых корейцами помещениях.

29 сентября 1937 г. Далькрайком ВКП(б), Далькрайисполком и УНКВД ДВК направили райкомам, райисполкомам и райотделениям НКВД директиву № 54/с о реализации вышеуказанных решений. При этом руководство операциями по переселению в районах возлагалось на тройки в составе уполномоченных крайкома ВКП(б), крайисполкома и Управления НКВД. Переселение предписывалось закончить до 25 октября[86].

Во исполнение постановления № 1428-32сс и других принятых в его развитие решений советские и партийные органы ДВК, органы безопасности организовали переселение корейского населения в Казахскую и Узбекскую ССР, корейцам, изъявившим желание, был разрешен выезд за границу, для чего устанавливался упрощенный порядок. В ходе проведения так называемой «корейской операции» репрессировались советские работники, которые допускали отклонение от календарного плана выселения корейцев. Так, 10 сентября 1937 г. был арестован председатель Приморского исполкома М. П. Вольский, обвиненный в шпионаже в пользу Японии[87].

28 сентября 1937 г. СНК СССР постановил выселить со всей территории Дальневосточного края всех оставшихся корейцев. Выселение предписывалось провести в течение октября 1937 г. в порядке, установленном для первой очереди выселения: на территорию Казахской ССР — 12 тыс. хозяйств и на территорию Узбекской ССР — 9 тыс. хозяйств[88]. 29 октября 1937 г. начальник УНКВД ДВК Г. С. Люшков доложил И. В. Сталину о том, что 25 октября 1937 г. выселение корейцев из ДВК закончено. Всего было выселено 36 442 семьи в составе 171 781 человека. Осталось на ДВК (Камчатка, Охотск, спецпереселенцы) всего 700 человек, которых планировалось вывезти сборным эшелоном к 1 ноября 1937 г.[89] Вместе с корейцами были высланы 7 тыс. китайцев, по несколько сотен немцев, поляков и прибалтов, около тысячи харбинских репатриантов.

Для своевременного и эффективного выявления и пресечения разведывательной и иной подрывной деятельности японских спецслужб, а также используемых ими белоэмигрантских организаций прежде всего было необходимо своевременно добывать данные об их устремлениях, отборе, подготовке и предполагаемой заброске агентов в СССР, о каналах их проникновения. Агентура органам безопасности была необходима также для изучения руководящего и рядового состава разведывательных органов Японии и белоэмигрантских организаций; лиц, связанных с обучением, подготовкой и нелегальной переброской агентов в СССР; получения военной, экономической и политической информации о Японии; изучения процессов, проходивших в среде белой эмиграции; выявления планов проведения активных подрывных акций против СССР.

Одним из эффективных способов решения указанных задач практически до конца 1930-х гг. было проведение оперативных игр (легендированных разработок) с японской

разведкой и связанными с ней русскими эмигрантскими организациями. Легендированные разработки, осуществлявшиеся разведывательными и контрразведывательными подразделениями органов безопасности, давали возможность выявлять органы японских спецслужб, проводившие подрывную работу против СССР, вскрывать их устремления, замыслы, методы работы. В ходе игр удавалось вынуждать японские спецслужбы работать вхолостую в отношении их интересов к объектам заинтересованности. Иногда удавалось формировать у японской разведки уверенность в осуществлении безнаказанного перехода границы в местах, контролировавшихся органами безопасности.

Так, в июне 1924 г. органы безопасности начали агентурную разработку «Маки — Мираж». Основанием для этого послужили сведения от сахалянской резидентуры КРО полпредства ОГПУ ДВО о том, что проживавшие в г. Сахаляне японцы Симамура — неофициальный японский консульский агент, Кумазава — владелец гостиницы «Сибирь», Миязаки — владелец аптеки занимались контрабандой товаров бытового назначения на советскую территорию. Одновременно они организовывали нелегальные переправы жителей советского Дальнего Востока в Маньчжурию, а также осуществляли сбор разведывательной информации об СССР. В ходе разработки в агентурную сеть японской разведки были введены квалифицированные агенты органов безопасности. Кроме того, в Хабаровске была создана легендированная группа из агентов, выступавших в роли военнослужащих частей и штаба ОКДВА, сотрудников государственных и хозяйственных учреждений. Разработка была завершена в 1938 г. В результате проведенных оперативных мероприятий органами безопасности были задержаны 55 агентов японской разведки из числа корейцев и китайцев — жителей советского Дальнего Востока, выявлены 830 активных белоэмигрантов, контрабандистов и нарушителей границы и 64 человека, подозревавшихся в принадлежности к агентуре японских спецслужб. От японской разведки в качестве вознаграждения было получено 81 450 советских рублей и 830 рублей в иностранной валюте[90].

В 1931–1935 гг. полномочное представительство ОГПУ в Восточно-Сибирском крае осуществляло операцию «Мечтатели», в результате которой несколько лет органы безопасности снабжали японскую военную миссию в Харбине и белоэмигрантские организации в Маньчжурии РОВС и БРП дезинформационными материалами. А закончилась операция в марте 1935 г. захватом на советской территории разведывательно-диверсионной группы японских спецслужб из числа белоэмигрантов И. В. Кобылкина и Е. Л. Переладова. У них было изъято два револьвера «маузер», один «браунинг» с патронами к ним, антисоветская литература, советские рубли и американские доллары[91].

В ходе разработки «Организаторы», проводившейся УНКВД ДВК в течение 1934–1937 гг., удалось выявить резидентуры японской разведки, работавшие на территории СССР под легальным прикрытием[92].

Дезинформационные материалы для использования по легендированным разработкам готовились Разведывательным отделом штаба ОКДВА и Особым отделом ПП и ОКДВА под контролем Разведывательного управления Штаба РККА и линейных подразделений Центрального аппарата ОГПУ — НКВД. Однако несовершенство процесса разработки и доведения до иностранных разведцентров дезинформации, а также требования некоторых спецслужб проводить диверсионные акты стали причинами постепенного свертывания легендированных разработок. Так, на допросе в августе 1937 г. арестованный бывший начальник японского отделения КРО ГУГБ НКВД СССР И. М. Николаев-Рамберг заявлял, что все легендированные агентурные разработки в отделении не давали никаких оперативных результатов, а дезинформационные материалы, передававшиеся японским спецслужбам, на 60–70% содержали достоверную информацию.

Органы безопасности также проводили активную работу по вербовке кадровых сотрудников, агентов японских спецслужб, подготовленных за рубежом, а также агентов, завербованных японскими разведками из числа советских жителей непосредственно в СССР. Например, агентом органов безопасности был установлен контакт с одной из эмигранток, работавшей машинисткой в фирме «Кокусай» и располагавшей связями среди русской эмиграции на

станциях Пограничная и Мулин. Предоставляемая ею информация перепроверялась через другие источники и находила свое подтверждение. Лояльное отношение к СССР, объективно предоставляемая эмигранткой информация позволили агенту в дальнейшем привлечь ее к сотрудничеству в качестве секретного осведомителя и получать информацию по русской эмиграции, о вооружении, численности и передислокации японских воинских частей на этих станциях.

Завербовав в 1936 г. сотрудника жандармерии в одном из маньчжурских городов, японца по национальности, органам безопасности удалось с его помощью выявить всю русскую агентуру жандармерии, двух завербованных машинистов поездов, убывших в СССР (один из них впоследствии был установлен в г. Саратове и взят в проверку), а также проводить выемку документов жандармерии.

Органы безопасности также осуществляли нелегальный вывод агентуры в Маньчжурию и Корею, в населенные пункты, где находились японские разведывательные центры (консульства, японские военные миссии, штабы японских и китайских войск и т. п.) и русские эмигрантские организации.

В рамках работы по разработке японской военной миссии в г. Фукдине в 1936 г. через направленных за кордон источников были установлены при переходе на советскую территорию белоэмигранты Попов и Арестоулов, имевшие диверсионно-разведывательные задания от японской разведки. При задержании у Попова были изъяты два «маузера», 163 патрона, большое количество контрреволюционной литературы. Арестоулову удалось скрыться, однако в результате этой неудачной вылазки он был скомпрометирован и впоследствии арестован японцами[93].

Мероприятия органов безопасности по проникновению в японские спецслужбы были неразрывно связаны с таким направлением оперативной деятельности органов безопасности, как выявление разведчиков и агентов иностранных спецслужб, проживавших на территории СССР и занимавшихся разведывательной и иной подрывной деятельностью, а также пресечением этой деятельности. Работа эта включала в себя целый комплекс контрразведывательных мероприятий.

Розыск японской агентуры, засылавшейся по нелегальным каналам на советскую территорию, осуществлялся органами безопасности на Дальнем Востоке на основании ориентировок Центра, данных, полученных от закордонных разведчиков и агентов, показаний разоблаченных в СССР агентов японских спецслужб, заявлений советских жителей, сообщений партийных и государственных органов, учреждений и организаций[94]. Так, в рамках работы по агентурному делу «Молодые» в 1936 г. по информации закордонных агентов на советской территории были задержаны японские агенты, члены Российского фашистского союза Ющенко, Данилов и Голубев, перехвачены несколько пудов фашистской литературы и письма к двум жителям станции Облучье, а также предотвращена попытка изъятия документов из советского консульства в Маньчжурии.

В сентябре 1936 г. в Дальневосточном крае, реализуя разведывательную информацию, органами безопасности был уничтожен отряд из 40 членов РФС под командованием бывшего поручика Белой армии Маслакова. Около станции Алгазар Амурской железной дороги отряд был разбит, а Маслаков убит в перестрелке. Начальник УНКВД предложил в связи с этим провести ряд оперативных мероприятий, включая подпольное издание в Харбине листовок со сведениями о разгроме банды, в целях предотвращения новых вылазок[95].

Задержанный при переходе границы агент японской разведки русский эмигрант Т. сообщил, что кроме сбора информации военно-экономического характера он имел задание установить связь с проживающим в Приморском крае японским агентом З., к которому японская военная миссия дала явку, и получить от него интересующую разведку информацию. З. действительно проживал в г. Уссурийске и разрабатывался по подозрению в шпионаже. Основанием для его разработки послужили данные о том, что он, проживая в 1935–1936 гг. в г. Спасске, поддерживал переписку с женой секретаря японского консульства в Хабаровске.

Выявление из числа советских жителей лиц, подозреваемых в принадлежности к агентуре японских спецслужб, было сложным и трудоемким процессом. Весьма серьезное значение в ходе этого придавалось контрразведывательной работе в отношении лиц, имевших подозрительные контакты с японцами, родственники или знакомые которых проживали за границей и имели отношение к спецслужбам Японии или белоэмигрантским организациям, негативно настроенных по отношению к советскому строю, проявлявших не связанный со служебной деятельностью интерес к сведениям секретного характера и прочее[96]. Материалы о подозрительном поведении таких лиц органы безопасности получали через оперативные возможности, от агентуры, из заявлений жителей СССР.

Например, в 1940 г. был задержан агент японской разведки Т., который на следствии показал, что, совершив в 1933 г. в г. Хабаровске грабеж кассы, он вместе со своим сообщником Н. бежал в Харбин, где был завербован японской разведкой. При переброске Т. на территорию СССР японские разведчики сообщили ему адрес брата и сестры Н., у которых Т. мог остановиться. Для проверки этих данных брат и сестра были взяты в разработку, в процессе которой удалось установить лиц, которые способствовали побегу Н. за границу, а также получить материалы о том, что брат и сестра знали о намерении Н. бежать за границу, были осведомлены о его пребывании на советской территории в 1936 г. в составе бандгруппы, ждали, что к ним придут из-за границы от имени брата.

Имея информацию о том, что японская разведка в своей подрывной деятельности активно использовала перебежчиков из СССР и контрабандистов, оперативные работники органов безопасности в процессе контрразведывательной работы предпринимали меры к предотвращению попыток отдельных советских жителей совершить нелегальный переход государственной границы в Маньчжурию или Корею. Однако факты перехода не были исключением в начале 1930-х гг. В эти годы количество нарушителей государственной границы исчислялось десятками и сотнями человек. Корейцы, китайцы, удэгейцы, коряки, русские, немцы и представители других национальностей переходили государственную границу, и отдельные из них не попадали в поле зрения органов безопасности.

Немаловажное значение придавалось контрразведывательной работе среди команд рыболовецких и торговых судов. В предвоенный период российские торговые суда регулярно посещали корейские, китайские и японские порты. Во время путины российские рыбаки часто соприкасались с иностранными, имели место случаи, когда в шторм отдельные наши сейнеры прибивало к японским берегам, а в 1930-х гг. были случаи захвата японцами советских гражданских судов. Спецслужбы Японии использовали эти обстоятельства для вербовки агентуры, получения разведывательной информации.

Например, в августе 1939 г. при переходе из Кореи были задержаны З. и К., которые сообщили, что во время шторма их сейнер был подобран японским пароходом и отбуксирован в корейский порт Расин. Из Кореи они бежали на паруснике. По возвращении остальных рыбаков через агентуру были получены данные о том, что З., находясь в Корее, некоторое время проживал в гостинице. В январе 1940 г. в ходе реализации разработки З. признался, что был завербован японцами в марте 1939 г., а «побег» его из Кореи на паруснике организован разведкой. Перед возвращением в СССР ему было дано задание устроиться работать на острове Путятин и собирать сведения разведывательного характера, а в случае войны проводить диверсионные акты — взрывать мосты, портить железнодорожное полотно. Для связи с ним был дан пароль.

Большое внимание органами ОГПУ — НКВД уделялось обеспечению безопасности на предприятиях, в учреждениях и организациях, имевших режимный характер или располагавших сведениями, составляющими государственную тайну. Так, например, для централизованного ведения шифровальной переписки всеми ведомствами, организациями и учреждениями в ДВК было организовано Дальневосточное краевое объединенное шифровальное бюро при Управлении НКВД[97].

Непосредственное значение для контрразведывательной работы на таких объектах имели приказы от 6 ноября 1939 г. «О порядке допуска к секретным работам на особо режимных

предприятиях», от 18 апреля 1941 г. «Об установлении паспортного режима на территории железнодорожных узлов оборонного и оборонно-хозяйственного значения» и другие, которые нацеливали органы безопасности на обеспечение сохранности государственной и военной тайны, изучение и проверку лиц, работавших на указанных объектах и в их окружении, также проявлявших необоснованный интерес к режимным объектам, характеру выпускавшейся продукции, вступавших в контакты с иностранцами.

Главным и основным направлением контроля над работой как секретных частей, так и в целом предприятий и учреждений являлись систематическое обследование и проверка состояния хранения секретных документов. Выявлялись случаи разглашения сведений, содержавших государственную и военную тайну, в открытой печати. В августе 1935 г. в Чите был издан телефонный справочник, в котором указывались все воинские части. И хотя справочник немедленно изъяли из свободной продажи, представители консульства Маньчжоу-Го успели приобрести несколько экземпляров[98].

В ходе разработки подозревавшихся в проведении подрывной деятельности сотрудников японских представительств, находившихся в СССР, оперативные работники органов безопасности уделяли основное внимание выявлению разведывательных устремлений японской разведки к оборонным, промышленным и иным объектам. Не менее важным являлось проникновение в резидентуры японской разведки, функционировавшие под прикрытием представительств своей страны, а также в японские спецслужбы с целью изучения форм и методов их работы.

В предвоенный период органам безопасности удавалось приобретать агентов и осведомителей в официальных японских представительствах, с помощью которых они получали важную информацию о разведывательных устремлениях японских спецслужб, изучали обстановку в представительствах, а также об отдельных японских гражданах. Так, завербовав ряд агентов из числа обслуживающего персонала и сотрудников японского посольства в Москве, органам безопасности удалось взять под контроль работу резидентуры японской разведки, действовавшей под прикрытием аппарата военного атташе.

Через осведомителя, завербованного в японском консульстве во Владивостоке, органы безопасности имели возможность изучать и анализировать деятельность консула, который занимался сбором разведывательной информации, в том числе и агентурными методами. Был проведен ряд выемок секретных документов, среди которых удалось получить план работы консульской разведки на год.

Для агентурной разработки сотрудников японского консульства в Хабаровске консулу был подставлен агент органов безопасности, который работал среди японцев, наезжавших в Хабаровск по коммерческим делам. Через одного такого предпринимателя и было организовано знакомство агента с консулом. Причем агент был рекомендован как надежный человек для выполнения любого рода поручений. Со временем он получил официальную должность в японском консульстве, что позволило органам безопасности вести эффективную разработку резидента японской разведки, действовавшего под прикрытием должности секретаря консульства.

В начале 1930-х гг. в ряде японских компаний в Дальневосточном крае органами безопасности были завербованы несколько осведомителей, через которых выявлены сотрудники, проводившие сбор разведывательной информации.

Агентурные мероприятия давали возможность получать информацию о планах японских спецслужб, выяснять их разведывательные устремления, выявлять сотрудников, занимавшихся проведением подрывной деятельности, агентов, получать информацию о способах осуществления агентурной разведки и связи с агентами, методах сбора информации разведывательного характера легальным путем, а также пресекать подрывные акции японских разведчиков и агентов.

В 1941 г. для проникновения в японскую военно-морскую разведку, работавшую в Приморье с позиций рыболовной фирмы «Ничиро», была проведена следующая операция. Агент Крымов, являвшийся одним из офицеров Разведывательного отдела штаба Тихоокеанского

флота, находился в течение года на Камчатке на арендованном японцами рыбоконсервном заводе, где подвергся тщательной обработке со стороны японского разведчика Хонды. Не успев завербовать агента до своего отъезда в Японию, Хонда дал Крымову рекомендательное письмо к другому разведчику, работнику фирмы «Ничиро» во Владивостоке Оцуке. Органами безопасности был предпринят ряд мер для установления связи Оцуки с Крымовым с помощью рекомендательного письма Хонды. Агента стали аккуратно подводить к Оцуке через окружение последнего. Делалось это постепенно, чтобы не вспугнуть японского разведчика. Были уже достигнуты первые успехи, но начало войны Японии против США на Тихом океане усилило осторожность японцев в общении с русскими, что не позволило осуществить намеченную комбинацию.

Только в апреле 1941 г. удалось создать ситуацию и познакомить Крымова с Оцукой на рыбных торгах во Владивостоке. Но Крымов в скором времени вновь уехал на Камчатку, что помешало развить и углубить это знакомство в интересах контрразведки. Однако разработка Оцуки была продолжена, он довольно часто посещал ресторан «Золотой Рог» и завязывал там знакомства. Органы безопасности использовали это обстоятельство через другого агента — Кольцова, чиновника управления «Дальрыбы», ведавшего рыбоконсервными заводами, сданными в аренду японцам. Агент стал посещать тот же ресторан, чтобы познакомиться с Оцукой и установить с ним связь. Следующим шагом намечалось через Кольцова подвести к Оцуке доверенное лицо из числа командного состава флота. Но и здесь возникли неожиданные трудности. Как раз в то время, когда Кольцов уже познакомился с Оцукой, из Токио во Владивосток вернулся японский вице-консул Нэи Сабуро, который привез с собой новые директивы МИДа и японской контрразведки. В соответствии с этими директивами все сотрудники консульства и компании «Ничиро» прекратили общение с советскими гражданами и посещение общественных мест.

Однако Оцука и его разведывательная деятельность под прикрытием представляли большой интерес для органов безопасности. В ходе постоянного наблюдения за ним выяснилось, что он иногда посещает книжный магазин, где подыскивает для себя редкие издания на русском языке. Органы безопасности вновь вышли на него через букиниста, располагавшего нужными изданиями.

Эта операция продолжалась не один год. Первые оперативно значимые результаты были получены только в начале 1944 г. За это время Оцука успел с помощью органов безопасности «завербовать» двух агентов из числа офицеров Тихоокеанского флота. Таким образом, советская контрразведка смогла выяснить конкретные устремления военно-морской разведки Японии, выявить практически всю агентурную сеть японского разведчика, провести ряд мероприятий по дезинформации противника, установить еще нескольких кадровых японских разведчиков, действовавших под прикрытием фирмы «Ничиро» и других компаний и занимавшихся сбором разведанных о Тихоокеанском флоте.

Операция завершилась в 1945 г., когда отделом контрразведки Смерш Северной Тихоокеанской военной флотилии агент японской разведки, бывший сотрудник фирмы «Ничиро» Оцука Токудзо был арестован. По его показаниям проходили 47 японцев, занимавшихся разведкой на японских концессиях на Камчатке. На основании данных Оцуки были задержаны три японских агента. Прекрасно знавший русский язык Оцука был долгое время начальником отдела кадров рыбоконсервного завода. С 1928 г. он работал в фирме «Ничиро» на Камчатке, где в течение 16 лет вел разведывательную деятельность по следующим направлениям: сбор характеризующих данных на русских работников концессий, представителей советской администрации; сбор данных о дислокации, количестве постов, вооружении и численности погранзастав; сбор характеризующих данных на руководящих работников НКВД, погранвойск, изучение личных и деловых качеств этих лиц, их слабых и сильных сторон[99].

Японские разведчики и агенты, находившиеся на советской территории, активно устанавливали контакты с жителями СССР различной национальности, одаривая подарками, ссужая деньгами, втягивая в противоправные коммерческие сделки с целью последующего шантажа и вербовки. Практиковались приглашения в рестораны, на банкеты в консульства, в

театр и кино. Большинство сотрудников японских представительств нанимали себе учителей русского языка, к которым ходили в гости, навещали вместе их знакомых, расширяя таким образом круг общения для выведывания информации.

В повседневной контрразведывательной работе органы безопасности серьезное внимание уделяли изучению форм и методов подрывной деятельности японских спецслужб на территории СССР с позиций официальных представительств. Знание противника способствовало успешному пресечению его подрывной деятельности, проведению удачных комбинаций по использованию своей агентуры в разработках, выявлению иностранной агентуры из числа советских жителей и обезвреживанию ее деятельности.

Комплексное применение сотрудниками органов безопасности оперативных средств давало положительные результаты в разработке японских спецслужб и заставляло последние изыскивать новые формы подрывной работы, опробование которых и принятие на вооружение требовало значительных материальных и временных затрат. Выявленные новые тактические приемы, формы и методы подрывной деятельности японских спецслужб учитывались контрразведчиками при планировании и проведении оперативных мероприятий и способствовали направлению их усилий в выгодном для органов безопасности русле, контролю над их действиями.

При этом большую помощь наряду с агентурой оказывала служба наружной разведки. При разработке разведчиков и агентов из числа сотрудников японских представительств наружная разведка выявляла их контакты с советскими жителями, брала под наблюдение по возможности всех посетителей японских представительств, которые в последующем находились в разработке. Например, в апреле 1939 г. наружная разведка зафиксировала встречу в магазине советского гражданина, работавшего начальником радиостанции, с сотрудником японского консульства в г. Александровске, который передал гражданину бумажный сверток. В последующем было установлено, что гражданин получил 25 тыс. рублей, а через месяц спешно выехал на материк.

В ходе разработки «Дипломаты» были получены данные, что в ночное время квартиру японского разведчика Мадзимы посещают двое советских граждан. Оба они были задержаны при выходе из квартиры сотрудниками наружной разведки. При личном досмотре у них были обнаружены выданные Мадзимой крупные суммы наличных в советских денежных знаках и адрес известного органам безопасности резидента японской разведки.

Практиковался и такой способ ведения наружной разведки за сотрудниками и посетителями японских представительств, как выставление у японских консульств круглосуточных постов милиции, наличие которых препятствовало посещению консульств в ночное время. В 1934 г. с санкции заместителя председателя ОГПУ Г. Г. Ягоды количество милицейских постов у японских консульств было удвоено, а сотрудники милиции подверглись проверке и тщательному отбору. В 1930-х гг. по периметру здания генерального консульства Японии во Владивостоке постоянно дежурили бригады наружного наблюдения[100].

Однако необходимо отметить, что в начале 1930-х гг. наружная разведка была малочисленна по своему составу, сотрудники не имели достаточного опыта, а требование брать под наблюдение всех контактировавших с сотрудниками японских представительств лиц приводило к распылению сил. В этой связи служба наружного наблюдения не всегда добивалась весомых положительных результатов. Так, при разработке сотрудника японского консульства в Благовещенске он дважды выходил из консульства переодетым в нищего китайца, не опознавался разведкой и уходил незамеченным.

Как отмечалось выше, важным направлением деятельности органов безопасности в предвоенный период было выявление и разоблачение агентуры японских спецслужб из числа советских жителей. На основе изученных материалов оперативной практики 1930-х гг. можно сделать вывод о том, что в поисках подходящих для вербовки лиц спецслужбы Японии, как правило, ориентировались на представителей бывших, так называемых эксплуататорских классов, лиц негативно настроенных по отношению к советской власти, чем-либо скомпрометировавших себя перед новым режимом и т. п. С учетом этого усилия контрразведчиков

направлялись на выявление агентов японских спецслужб из числа жителей СССР на этапе их изучения и вербовки иностранными разведчиками или представления последним информации отдельными гражданами по собственной инициативе.

Так, в апреле 1940 г. от агентуры поступили данные о том, что сотрудник «Крайгосстраха» провел несколько конспиративных встреч с одним из представителей японской страховой комиссии, находившейся в то время в г. Владивостоке. В ходе дальнейшей проверки было установлено, что гражданин был выходцем из зажиточной семьи, работая в системе «Экспортлеса», в 1930–1934 гг. привлекался к уголовной ответственности за хищения сроком на три года. В 1925 и 1938 гг. по роду службы на советских судах посещал порты Японии и Китая. Проверкой его ближайших связей были вскрыты подозрительные моменты в их поведении, например, контакты с секретарем японского консульства в г. Владивостоке Токурой. Инспектор «Крайгосстраха» скрывал от окружения свои встречи с капитанами японских судов, а оба его брата разрабатывались органами безопасности как бывшие сотрудники контрразведки Деникина. Арестованный в январе 1941 г. УНКВД по Новосибирской области японский агент в ходе следствия показал, что он рекомендовал японскому резиденту Гилю завербовать указанного сотрудника «Крайгосстраха» в связи с тем, что последний является антисоветски настроенной и морально неустойчивой личностью. Собранные материалы позволили в дальнейшем начать разработку, в ходе которой было установлено, что объекты предоставляли японской разведке ценную информацию по импортным грузам, проходившим через Владивостокский порт, используя свое служебное положение, вступали в преступные сделки с японскими моряками.

Большое внимание органами безопасности уделялось выявлению лиц, которые поддерживали подозрительные контакты с японцами, сотрудниками представительств Японии в СССР, выяснению характера этих контактов и разработке лиц, подозреваемых в причастности к японским спецслужбам, в целях выявления и пресечения их подрывной деятельности. Однако, как представляется, в 1930-х гг. основная масса агентуры японских спецслужб выявлялась в период выполнения заданий иностранных разведок по сбору разведывательной информации, а также проведению иной подрывной деятельности. Так, в мае 1934 г. от агента ОО ПП ОГПУ ДВК поступила информация о том, что 1 мая во время праздничного парада, когда по центральной площади г. Хабаровска проходила колонна военной техники, русская жена китайского сапожника производила подсчет ее количества, делая записи на листе бумаги. В тот же день вечером было зафиксировано, что она посетила японское консульство. В ходе последующей разработки была установлена причастность китайца к агентуре японского консульства в Хабаровске.

Широко применялось проникновение агентов органов безопасности в агентурные сети японских спецслужб, что давало возможность выявлять японских агентов, собирать информацию о формах и методах агентурной деятельности японской разведки, продвигать дезинформацию в японские разведывательные центры и даже парализовать деятельность японских спецслужб по проведению разведывательной и иной подрывной деятельности на советской территории. Так, в конце 1930-х гг. в разработку секретаря японского консульства в г. Александровске органам безопасности удалось ввести нескольких агентов. Это давало возможность быть в курсе отдельных разведывательных устремлений и намерений японских спецслужб. Например, одному агенту органов безопасности секретарь дал задание создать в Александровске повстанческую группу и для ее нужд выдал 7 тыс. рублей.

Организуя контрразведывательное обслуживание иностранных компаний и концессионных предприятий, сотрудники органов безопасности устанавливали японцев, которые занимались изучением советских жителей с целью их вербовки. Они выясняли, кто из жителей СССР часто либо конспиративно посещал иностранные учреждения или их жилые квартиры, проявлял стремление устанавливать связи с военнослужащими и т. д. Одновременно с этим серьезное значение придавалось изучению японцев, которые по роду службы постоянно общались с советскими гражданами. Такие японцы изучались на предмет привлечения их к сотрудничеству. Например, один из агентов, японец, был завербован с использованием

имевшихся на него материалов негативного характера. Он, работая в администрации концессии, постоянно обсчитывал рабочих. Это обстоятельство послужило основанием для его изучения, сбора компрометирующих материалов и формирования условий для вербовки.

Из оперативных данных и показаний разоблаченной агентуры контрразведчикам было известно, что японская разведка на территории СССР предпринимала меры к вербовке советских граждан из числа лиц, которые по занимаемому служебному положению сами или же их родственники могли иметь отношение к интересующей разведку информации, вербовала или использовала втемную женщин с целью получения через них информации, представляющей разведывательный интерес. Весьма активно приобретая агентуру среди женщин, японские разведчики также использовали их для изучения и подбора агентуры среди их родственников и знакомых, устройства у них явочных квартир или использования этих родственников и знакомых для получения от них информации втемную. Завербованным агентам японские спецслужбы предлагали принимать активное участие в общественной жизни их трудовых коллективов, больше общаться с людьми и максимально расширять свой круг общения.

Так, в ходе ряда разработок было установлено, что проходящие по ним лица по своему служебному положению имели отношение к сведениям, составляющим государственную тайну, конспиративно встречались с работниками японского консульства и компании «Ничиро».

Наружное наблюдение выявило, что секретарь японского консульства во Владивостоке Такада неоднократно встречался в городе с двумя женщинами. В ходе их разработки было установлено, что муж одной из них работал старшим инженером на оборонном объекте в Совгавани, дружественные связи этих женщин выходили на ряд ответственных сотрудников, связанных с вопросами получения и транспортировки оборонной техники.

Большую помощь в контрразведывательной работе по японским представительствам оказала служба перлюстрации корреспонденции. Перлюстрация переписки японских представительств позволяла выявлять отдельные устремления японских спецслужб и собранные ими путем визуального наблюдения материалы. Переписка японских граждан, проходившая по каналу почтово-телеграфной связи, также бралась под контроль. Это способствовало установлению лиц, лояльно настроенных к советской власти, изучению обстановки среди японских граждан, их связей с советскими людьми. Почтовый канал помогал выявлять лиц, поддерживающих переписку со своими заграничными связями, что в последующем использовалось с целью приобретения корреспондента в качестве агента или осведомителя.

В предвоенный период органам безопасности удалось реализовать ряд разведывательных и контрразведывательных операций, в результате которых была перлюстрирована переписка японских посольств и отдельных консульств с МИД Японии. Так, было установлено, что японский МИД доставлял свою диппочту, упакованную в вализы, во Владивосток, где они отправлялись японскими курьерами с почтовым поездом без сопровождения, а в Москве прямо из почтового вагона диппочту принимали сотрудники японского посольства. Для ознакомления с японскими вализами было решено организовать прямо в почтовом вагоне поезда Владивосток — Москва, который находился в пути до восьми суток, лабораторию Спецотдела ГУГБ НКВД. В лаборатории планировалось вскрывать вализы, фотографировать их содержание и вновь запечатывать, не оставляя следов вскрытия.

Как только японские курьеры во Владивостоке (или японские дипломаты в Москве) сдавали под расписку свои вализы почтовому служащему вагона, они немедленно попадали к сотрудникам Спецотдела. Прежде всего они фотографировали со всех сторон на цветную пленку внешний вид, характер упаковки, печати, пломбы и всё, что можно было заметить на поверхности вализ, все их особенности и характерные детали. Пленки тут же проявлялись. Затем тщательно исследовались под лупой печати, узлы, запоры, после чего начинался процесс вскрытия внешних упаковок вализ, мешков — в зависимости от характера почты. Если вализ было немного, бригада успевала к моменту отправления поезда провести всю подготовительную работу к их вскрытию, но к самому вскрытию она могла приступить, только когда поезд уже трогался, на случай возможного обращения японцев с просьбой о возвращении диппочты, что, в принципе, не исключалось и даже однажды имело место.

Самое сложное начиналось при вскрытии внутренних упаковок с подкладкой из рисовой бумаги. К этой процедуре уже были заранее подготовлены новые пакеты, сравнение внешнего вида которых с пакетами диппочты проводилось также под лупой, а отдельных их участков — даже под специальным микроскопом, если появлялось подозрение о наличии каких-то меток или особенностей, трудноразличимых без микроскопа. При удачном стечении обстоятельств к середине пути специалисты успевали добраться до содержимого почты, сфотографировать ее и начать обратный процесс закрытия пакетов. Это обратное действие наиболее ответственно, так как малейшее упущение, по-иному сложенные листы, царапина или помятости могли дать японцам повод к подозрениям. К моменту запечатывания пакетов и вализы специально выделенный специалист уже имел сравнительные характеристики клеев, сургуча, чернил, которыми были сделаны надписи на пакетах. Если пакеты заменялись на новые, то специалист по почеркам делал абсолютно идентичные надписи на новых упаковках[101].

Существенных успехов удалось добиться в предвоенный период и радиоконтрразведывательной службе органов НКВД. Так, устойчиво перехватывалась и дешифровывалась телеграфная переписка отдельных дипломатических и консульских представительств Японии в СССР и ряде других иностранных государств[102]. В контрразведывательной деятельности органов безопасности применялись также и другие оперативно-технические средства.

На основе анализа архивных документов можно констатировать, что основным способом пресечения подрывной деятельности японских разведчиков и агентов из числа сотрудников официальных представительств в начале 1920-х гг. было привлечение их к уголовной ответственности и последующее выдворение за пределы СССР.

Документированию подрывной деятельности японских разведчиков не всегда уделялось должное внимание, основной упор делался на их собственные признания, а также свидетельские показания агентов японской разведки и агентов органов безопасности, участвовавших в агентурных разработках. Во второй половине 1920-х гг. в связи с проведением СССР активной внешней политики, негативной реакцией на эти процессы иностранных держав и, как следствие, обострением международной военно-политической обстановки ОГПУ издало целый ряд приказов и циркулярных распоряжений, которые предписывали во избежание дипломатических конфликтов с иностранными державами проводить разработку иностранных граждан с особой тщательностью и осторожностью.

Таким образом, в конце 1920-х — начале 1930-х гг. в ходе пресечения деятельности иностранных разведчиков основная ставка делалась на ликвидацию связей иностранных представителей из числа жителей СССР путем ареста этих лиц и последующего осуждения либо высылки.

В конце 1930-х гг. был найден «лучший» способ пресечения разведывательной работы иностранных государств с легальных позиций. 28 октября 1937 г. с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) был издан оперативный приказ № 00698. Исходя из установки, что все посольства и консульства являются базами иностранных разведок, сотрудникам КРО предлагалось «немедленно арестовывать всех советских граждан, связанных с личным составом диппредставительств и посещающих их служебные и домашние помещения». Режим работы рекомендовался такой, чтобы обеспечить «беспрерывное наблюдение» за всеми сотрудниками посольств Германии, Японии, Италии, Польши. Практически в приказе ставилась задача полной изоляции представительств указанных стран[103].

Такое тотальное преследование всех лиц, имевших какие-либо контакты с иностранцами, практически исключало возможности для иностранных разведок добывать информацию об экономическом и оборонном потенциале СССР. В это время произошел переход от контрразведывательных мероприятий по выявлению разведчиков и их агентуры к массовым операциям, направленным на изоляцию инопредставительств и одновременно против советских граждан иностранного происхождения (немцев, поляков, корейцев, китайцев и других)[104]. Реализация указанных установок привела к тому, что нарушения законности в деятельности органов безопасности стали приобретать систематический характер.

Подводя итог, можно отметить, что в предвоенный период органы безопасности выполнили важнейшую задачу по пресечению разведывательной деятельности японских спецслужб. Используя разнообразные методы, оперативные работники выявляли сотрудников разведывательных органов в официальных представительствах Японии в СССР. Немногочисленность консульских и иных японских представительств в предвоенные годы стала существенным фактором, влиявшим на эффективность их разработки. В ходе отдельных разработок контрразведчикам удавалось проникать в разведывательные центры Японии и Маньчжоу-Го. Однако жесткий контроль над иностранцами не означал, что удавалось полностью пресечь разведывательную деятельность японских спецслужб.

Важной особенностью контрразведывательной деятельности во второй половине 1930-х гг. явились систематические нарушения прав советских граждан, связанные с преследованием всех лиц, имевших контакты с японскими представителями, при отсутствии в большинстве случаев доказательств их виновности.

До середины 1930-х гг. продолжалось легендирование антисоветских организаций, с позиций которых проводились оперативные игры. К числу наиболее крупных из них можно отнести легендированные разработки «Маки — Мираж», «Мечтатели», «Организаторы» и ряд других. Легендирование антисоветских организаций позволяло органам безопасности выяснять разведустремления японских спецслужб, контролировать каналы проникновения в СССР, выявлять и разоблачать японскую агентуру.

Органам безопасности удалось также получить сведения о руководителях и сотрудниках японских военных миссий, их отделений и резидентур, об отдельных разведывательных пунктах, переправах, преподавателях и инструкторах разведывательных курсов, а также лицах, занимавшихся переброской японских разведчиков и агентуры, о планах и персональном составе белогвардейских эмигрантских организаций, об их связях с японскими спецслужбами.

В основном органам безопасности, используя весь имевшийся арсенал оперативных сил и средств, удавалось решать задачу по выявлению и пресечению разведывательной и иной подрывной деятельности японских спецслужб против СССР в предвоенный период.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Сталин И. В.* Сочинения в 13 т. М., 1952. Т. 13. С. 211.

[2] XVII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) 26 января — 10 февраля 1934 г. Стенографический отчет. М., 1934. С. 28.

[3] XVIII съезд Всесоюзной коммунистической партии (большевиков) 10–21 марта 1939 г. Стенографический отчет. М., 1939. С. 4, 241.

[4] Центральный архив ФСБ России (далее — ЦА ФСБ России). Ф. 3. Оп. 5. Д. 13. Л. 2.

[5] *Хлевнюк О. В.* Хозяин. Сталин и утверждение сталинской диктатуры. М., 2010. С. 339.

[6] Лубянка. Из истории отечественной контрразведки. М., 2007. С. 227.

[7] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 6. Л. 136–140.

[8] Центральный архив общественных движений г. Москвы. Ф. 3352. Оп. 3. Д. 268. Л. 155.

[9] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 6. Д. 638. Л. 414.

[10] Там же. Оп. 5. Д. 883. Л. 100–103.

[11] Государственная безопасность России: история и современность. М., 2004. С. 530.

[12] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 7. Д. 8. Л. 314.

[13] К 70-летию начала Второй мировой войны. Исследования, документы, комментарии / Колл. авт.; отв. ред. А. Н. Сахаров, В. С. Христофоров. М., 2009. С. 323–324.

[14] Зимняя война 1939–1940 гг. в документах НКВД: по материалам Архива УФСБ по г. Санкт-Петербургу и Ленинградской обл. / Авт.-сост. С. К. Бернев, А. И. Рупасов. СПб., 2010. С. 143.

[15] К 70-летию начала Второй мировой войны. С. 307–308.

[16] Государственная безопасность России: история и современность. С. 533.

[17] ЦА ФСБ России. Ф. 3ос. Оп. 8. Д. 5. Л. 29.

[18] Profile bedeutender Soldaten. Bd. 1. General Ernst Kostring. Der militärische Mittler zwischen dem Deutschen Reich und der Sowjetunion 1921–1941. Fr. am Main. 1965. S. 91.

[19] Лубянка. Сталин и ВЧК — ГПУ — ОГПУ — НКВД. Январь 1922 — декабрь 1936 г. / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2003.

[20] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 4. Д. 9. Л. 132.

[21] *Плотникова Н. С.* 1937 год: несостоявшийся январский процесс // Политическая история России: прошлое и современность. Исторические чтения: Гороховая-2. Вып. VII. 2009. С. 173–176.

[22] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 253. Л. 141.

[23] Там же. Д. 254. Л. 92–93.

[24] Государственная безопасность России: история и современность. С. 520.

[25] Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне. Исторические очерки и архивные документы / В. С. Христофоров, А. П. Черепков, Д. Ю. Хохлов. М., 2010. С. 114–118.

[26] Там же.

[27] Лубянка. Из истории отечественной контрразведки. С. 224.

[28] *Надтачаев В. Н.* Военная контрразведка Беларуси: Судьбы, трагедии, победы... Минск, 2008. С. 136–137.

[29] *Сечкин Г. П.* Граница и война: Пограничные войска в Великой Отечественной войне советского народа 1941–1945 гг. М., 1993. С. 59–61.

[30] ЦА ФСБ России. АСД. Р-23634. Т. 1. Л. 195.

[31] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). М., 2008. С. 270–271.

[32] *Мельтюхов М.* Упущенный шанс Сталина. Советский Союз и борьба за Европу. 1939–1941. М., 2002. С. 88.

[33] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. док. М., 1995. Т. 1. Кн. 1. С. 73.

[34] Радянські органи державноі безпеки у 1939 — червні 1941 р. Документи ГДА СБ Украіни. Київ, 2009. С. 46–49. Директива НКВД СССР ранее была опубликована в сборнике документов «Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войны» (Т. 1. Кн. 1. С. 79–81). Однако в указанной публикации упущен ряд важных пунктов.

[35] Пограничный разведывательный пункт.

[36] Радянські органи державноі безпеки у 1939 — червні 1941 р. С. 268.

[37] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 96.

[38] Радянські органи державноі безпеки у 1939 — червні 1941 р. С. 200.

[39] Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. В 2-х т. Варшава, Москва, 2001. Т. 1. С. 758.

[40] Радянські органи державноі безпеки у 1939 — червні 1941 р. С. 245.

[41] Там же. С. 247.

[42] Там же. С. 251.

[43] Там же. С. 50.

[44] Управление по военнопленным в июле 1940 г. было переименовано в Управление по делам военнопленных и интернированных (УПВИ).

[45] Катынь. Пленники необъявленной войны. М., 1997. С. 20.

[46] На земле Беларуси. Канун и начало войны. Минск, 2006. С. 45.

[47] Радянські органи державноі безпеки у 1939 — червні 1941 р. С. 84.

[48] Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. Т. 1. С. 70–72.

[49] Катынь. Пленники необъявленной войны. Документы и материалы / Под ред. Р. Г. Пихои, А. Гейштора; сост. Н. С. Лебедева и др. М., 1999. С. 30.

[50] На земле Беларуси. С. 48.

[51] Катынь. Пленники необъявленной войны. С. 384.

[52] Польска организация войскова (ПОВ) была создана Ю. Пилсудским в 1914 г. для проведения разведывательной, диверсионной и террористической работы, а также подготовки военных кадров для будущей польской армии.

[53] Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии в 1939–1941 гг. Т. 2. С. 936.

[54] Там же. С. 1040.

[55] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 246. Л. 5.

[56] Там же. Л. 6.

[57] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 172.

[58] *Пеплоньский А. и др.* Сотрудничество в области разведки во второй половине 1930-х годов // Intelligence cooperation between Poland and Great Britain during World War II. London, 2005. P. 174–175.

[59] Ibid. P. 181.

[60] Ibid. P. 185.

[61] Ibid. P. 307.

[62] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 246. Л. 13.

[63] Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг. Т. 2. С. 896.

[64] *Пеплоньский А.* Советский Союз // Intelligence cooperation between Poland and Great Britain. P. 282.

[65] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 246. Л. 19.

[66] Там же. Л. 25.

[67] Польское подполье на территории Западной Украины и Западной Белоруссии 1939–1941 гг. Т. 2. С. 1026.

[68] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 246. Л. 27.

[69] Там же. Л. 28.

[70] Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2-х т. / Под ред. А. Н. Артизова. М., 2012. Т. 1: 1939–1943. С. 311–312.

[71] Депортации польских граждан из Западной Украины и Западной Белоруссии в 1940 г. Варшава — Москва, 2003. С. 684.

[72] Сталинские депортации. 1928–1953 / Под общей ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. Н. Л. Поболь, М. П. Полян. М., 2005. С. 223.

[73] *Гайдук Н.* Боевые действия у озера Хасан // Военно-исторический журнал. 1978. № 7. С. 120.

[74] *Терещенко В. В.* На охране рубежей Отечества. М., 2008. С. 201.

[75] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 36–37.

[76] *Полутов А.* По обе стороны границы. Контрразведка флота против японской разведки // Честь и верность. 70 лет военной контрразведке Тихоокеанского флота / Сост. А. В. Полутов. Владивосток, 2002. С. 146.

[77] *Шинин О. В.* Против иностранных спецслужб // Пограничник. 2007. № 12. С. 25.

[78] *Хаустов В. Н.* Межвоенные годы в контексте обеспечения государственной безопасности // Государственная безопасность России: история и современность. М, 2004. С. 523.

[79] *Полутов А.* Указ. соч. С. 148.

[80] *Хаустов В. Н.* Указ. соч. С. 522–523.

[81] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 40–41, 46.

[82] *Шинин О. В.* Охрана границы в Дальневосточном регионе в 1923–1940 гг. // Вестник границы России. 2008. № 1. С. 70.

[83] Граница. Документально-художественное повествование о дальневосточной границе. Хабаровск, 1976. С. 243.

[84] *Проскурина Л. И.* Репрессии в дальневосточной деревне в конце 1920-х — первой половине 1930-х гг. // Политические репрессии на Дальнем Востоке (1920–1950-е): материалы первой Дальневосточной научно-практической конференции. Владивосток, 1997. С. 127.

[85] См.: Лубянка. Сталин и Главное управление безопасности НКВД. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. 1937–1938 / Под общ. ред. акад. А. Н. Яковлева; сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2004. С. 325–326.

[86] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. В 2-х ч. / Под. ред. Г. Ф. Весновской. Курск, 1999. Ч. 1. С. 241–244.

[87] Лубянка. Сталин и Главное управление безопасности НКВД. С. 351–352.

[88] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. С. 240–241.

[89] Лубянка. Сталин и Главное управление безопасности НКВД. С. 651.

[90] *Шинин О. В.* Против иностранных спецслужб // Пограничник. 2007. № 12. С. 26; подробнее см.: *Николаев Л.* «Маки — Мираж». Хабаровск, 2000.

[91] *Горбунов Е. А.* Схватка с Черным драконом. Тайная война на Дальнем Востоке. М., 2002. С. 173–210.

[92] *Хаустов В. Н.* Указ. соч. С. 522.

[93] *Шинин О. В.* Против иностранных спецслужб // Пограничник. 2007. № 12. С. 26.

[94] *Полутов А.* Указ. соч. С. 147.

[95] *Хаустов В. Н.* Указ. соч. С. 524.

[96] *Полутов А.* Указ. соч. С. 148.

[97] Государственный архив Хабаровского края. Ф. П-2. Оп. 1. Д. 342. Л. 17.

[98] *Хаустов В. Н.* Указ. соч. С. 539.

[99] *Полутов А.* Указ. соч. С. 151–152.

[100] Там же. С. 155.

[101] *Павлов В. Г.* ТФП: тайное физическое проникновение на иностранные объекты: Внедрение, подставы, перевербовка. М., 2010. С. 33–35.

[102] *Дамаскин И. А.* Сталин и разведка. М., 2004. С. 137–155; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 1. Кн. 1. С. 63–65, 171, 217, 254, 268, 280.

[103] Лубянка. Сталин и Главное управление безопасности НКВД. С. 650.

[104] *Хаустов В. Н.* Указ. соч. С. 519.

ВНЕШНЯЯ РАЗВЕДКА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Перестройка разведывательной работы на военный лад

В первые часы войны руководство внешней разведки направило в резидентуры указания об организации работы в боевых условиях и актуальных задачах, обусловленных нападением фашистской Германии на СССР. Дополнительно 24 июня, 1, 4 и 5 июля 1941 г. данные вопросы были конкретизированы в соответствии с директивами политического руководства. В обстановке стремительного продвижения немецких войск и неудач Красной армии логично было сосредоточение всех усилий на добывании в первую очередь военной информации. В частности, Центр требовал направления сведений о стратегических планах немцев, перебросках боевой техники и вооружений, планируемых ударах на конкретных фронтах, ситуации на оккупированных территориях. В первые месяцы войны резко возросло значение зафронтовой разведывательно-диверсионной деятельности, партизанского движения. С учетом специфики данных задач 5 июля 1941 г. из состава разведки была выделена Особая группа при наркоме внутренних дел во главе с заместителем начальника внешней разведки П. А. Судоплатовым, которой была поручена работа в тылу немецких войск. 2 октября 1941 г. ее заменил 2-й отдел НКВД, который 18 января 1942 г. был преобразован в 4-е управление НКВД.

Внешняя разведка встретила войну, будучи 1-м управлением НКГБ. Однако в июле 1941 г. в связи с необходимостью концентрации всех сил и возможностей на отражении немецкой агрессии руководство страны приняло решение об объединении НКГБ и НКВД в рамках единой структуры — НКВД, где внешняя разведка стала 1-м управлением НКВД. Его возглавил П. М. Фитин.

Опыт первых дней войны потребовал внесения определенных корректив в работу внешней разведки. В конце июня 1941 г. Государственный Комитет Обороны уточнил задачи разведки, которые сводились к следующему: наладить работу по выявлению военно-политических и других планов фашистской Германии и ее союзников; создать и направить в тыл противника специальные оперативные отряды для осуществления разведывательно-диверсионных операций; оказывать помощь партийным органам в развертывании партизанского движения в тылу врага; выявлять истинные планы и намерения наших союзников, особенно Англии и США, по вопросам ведения войны, отношения к СССР и проблемам послевоенного устройства; вести разведку в нейтральных странах (Иран, Турция, Швеция и другие), с тем чтобы не допустить перехода их на сторону стран оси, парализовать в них подрывную деятельность гитлеровской агентуры и организовать разведку с их территории против Германии и ее союзников; осуществлять научно-техническую разведку в развитых капиталистических странах в целях укрепления военной и экономической мощи СССР[1].

Начало вторжения в СССР. Колонна немецких танков

Таким образом, политическое руководство четко выделило в качестве главной задачи внешней разведки работу по Германии и ее союзникам, которая теперь заключалась не только в получении военной информации. Совершенно правильной была тактика концентрации усилий резидентур в третьих странах (в том числе нейтральных) на добывании сведений по германской проблематике. Это повышало гибкость в работе разведки и расширяло ее возможности. Вполне оправданным было усиленное внимание к получению информации о намерениях и планах союзников, прежде всего Англии и США. Большое значение имела задача предотвращения перехода нейтральных стран (Иран, Турция, Швеция и другие) на сторону Германии. Однако в перечне нейтральных стран не указывалась Швейцария, что явилось упущением. Как известно из опыта предыдущих войн, существенную роль в организации разведывательной работы против страны-противника играли граничившие с ней нейтральные страны. Разведслужбы великих держав, как правило, имели здесь свои загранаппараты, которые использовались в том числе для связи с агентурой на территории противника. Такая роль во Второй мировой войне принадлежала нейтральной Швейцарии. Однако сильная резидентура внешней разведки в данной стране накануне войны не была создана. Это не позволило использовать возможности швейцарской территории, например, для восстановления связи с агентурной группой Корсиканца.

Что касается задач зафронтовой разведывательно-диверсионной деятельности и поддержки партизанского движения, то они относились к компетенции Особой группы, а затем самостоятельного 4-го управления НКВД. Во исполнение поставленных задач внешняя разведка предприняла необходимые шаги по активизации деятельности резидентур применительно к требованиям военного времени.

Работа по Германии и союзным с ней странам была сосредоточена в 1-м отделе внешней разведки, который с ноября 1941 г. возглавлял А. М. Коротков. Основные усилия Центр направлял на установление связи с ценной агентурой на территории Германии. На третий день войны берлинская резидентура смогла передать рацию Корсиканцу, однако наладить с ним связь не удалось — радиостанция оказалась маломощной. Не увенчались успехом и попытки нашей резидентуры в Швеции перехватить радиосигналы Корсиканца. Центр старался довести до Корсиканца и Старшины поручение направить связника в Турцию или Швецию для восстановления контакта через имевшиеся там легальные резидентуры, однако в условиях войны выехать из Германии в эти страны было крайне затруднительно.

К 1942 г. через нелегальные возможности ГРУ удалось связаться со Старшиной, который передал весьма ценную информацию. Особый интерес представили сведения о военных планах командования вермахта на 1942 г. Старшина сообщал, в частности, что предстоящее летнее наступление немецких войск будет нацелено на Кавказ. Основная причина — острая нехватка бензина для боевой техники, поэтому немцы рассчитывали прежде всего захватить нефтеносные районы Кавказа. Вместо наступления на Ленинград немецкое командование планировало уничтожить население города жестокой блокадой. Старшина передал также координаты местоположения ставки Гитлера. Он проинформировал о том, что в Финляндии был захвачен и попал к немцам советский дипломатический код, а также о разгроме германскими спецслужбами английской агентуры на Балканах, часть которой была перевербована и использовалась немцами для дезинформирования Лондона. Учитывая важность полученной информации, об этом доложили И. В. Сталину.

Наличие у берлинского загранаппарата агентов — источников информации, крайне необходимой для советского руководства, потребовало от внешней разведки принятия срочных, в том числе рискованных мер для восстановления связи со Старшиной и Корсиканцем. В частности, в Берлин был направлен источник стокгольмской резидентуры Адам. Он выяснил, что радиостанция Корсиканца молчит из-за отсутствия необходимых радиодеталей и батарей питания, которые в военных условиях достать в Германии было чрезвычайно сложно. В данной ситуации Центр принял решение о заброске в Берлин агентов-радистов из числа прошедших специальную подготовку немцев: один из них — Франц, антифашист, участник боев в Испании; другой — Бек, также придерживавшийся антифашистских взглядов, сдался в плен советским войскам в апреле 1942 г. После соответствующей специальной подготовки в августе 1942 г. их перебросили в Германию. Францу были переданы условия связи со Старшиной, и он скрывался на квартирах членов антифашистской группы Корсиканца[2]. Однако наладить устойчивую связь с Центром Францу не удалось, единственная читаемая радиограмма от него предупреждала о возможности ареста антифашистов в Берлине. Сложности в организации радиосвязи создавало то обстоятельство, что радиоцентр разведки был переведен в г. Куйбышев, и на таком расстоянии маломощные агентурные радиостанции не обеспечивали устойчивой связи.

К этому времени гестапо получило возможность расшифровывать переписку по радио нелегальной резидентуры военной разведки в Бельгии, один из сотрудников которой устанавливал контакт со Старшиной[3]. Немцы вскрыли текст указания Центра об установлении контакта со Старшиной, где содержались его персональные данные. За ним и его связями было установлено наблюдение. В ходе слежки в поле зрения гестапо попал и Франц, а после ареста группы Корсиканца и Старшины он также был схвачен[4]. Гестапо попыталось использовать его для завязывания радиоигры с советской разведкой в целях доведения выгодной немцам дезинформации, однако Франц отказался от участия в радиоигре и был казнен.

Бек в нарушение инструкций Центра посетил свою жену в госпитале, где был арестован. Как выяснилось позже, пропавших без вести немцы брали на учет и контролировали их возможное появление как на фронте, так и по месту жительства. Он согласился сотрудничать с гестапо, и с его участием завязалась радиоигра с Центром. Только к январю 1943 г. в результате тщательного анализа всех данных Центр пришел к окончательному выводу о двойной игре Бека.

Таким образом, упомянутые ранее промахи в подготовке работы с агентурой в военных условиях, несмотря на все предпринимаемые уже в ходе широкомасштабных боевых действий усилия, преодолеть не удалось. Ценные берлинские источники были потеряны.

Попавшие в гестаповские застенки члены группы Корсиканца подвергались жестоким пыткам. Однако они вели себя мужественно, и фашистским палачам не удалось добиться от них раскаяний в том, что они боролись против нацистского режима. По личному указанию Гитлера арестованные мужчины были повешены, а женщины отправлены на гильотину. За активное участие в борьбе с фашизмом и проявленное при этом мужество и стойкость в 1969 г. Корсиканец и Старшина были награждены посмертно орденами Красного Знамени, а Фильтр, Лучистый, Тенор, Ида и Художник — орденами Отечественной войны I степени.

При отсутствии каких-либо легальных советских представительств в странах фашистского блока (за исключением Болгарии) центр тяжести в работе разведки был перенесен на нелегальные формы деятельности. С этой целью использовался канал отправки на работу в Германию населения оккупированных территорий. В частности, через действовавшие в тылу врага разведгруппы подбирались и привлекались к сотрудничеству лица, имевшие реальные шансы на отправку в Германию. Для них отрабатывались соответствующие задания и условия связи. Подготовленные в Центре нелегалы переправлялись на территорию Германии также с использованием возможностей английских партнеров, однако большинство переброшенных из Англии разведчиков не вышли на связь, и установить их судьбу не удалось. В целом внешней разведке в годы войны удалось переправить в Германию и союзные с ней страны около 100 разведчиков-нелегалов. Они добывали представлявшую интерес военную и политическую информацию, наиболее активно работали Шустрый и Десяток — в Германии, Ян — в Венгрии.

Вместе с тем деятельность разведчиков-нелегалов на территории Германии без связи с ценной агентурой не могла полностью удовлетворить потребности Центра в стратегической военно-политической информации. Данная задача успешно решалась с участием резидентур в третьих странах, в которых имелись более благоприятные возможности для работы по Германии.

Среди стран — союзниц Берлина особое место занимала Болгария, где сохранились советское посольство и резидентура внешней разведки, состоявшая из трех сотрудников во главе с Б. П. Осокиным. Несмотря на крайне жесткий контрразведывательный режим и тотальную слежку, резидентуре удалось наладить квалифицированную работу с агентурой. Наиболее ценными источниками являлись Наставник, имевший выходы на близкое окружение царя Бориса, и Грей — дипломат одной из союзных Германии стран, поддерживавший хорошие отношения с немецким военным атташе в Софии. От Грея резидентура регулярно получала полезную информацию о военно-политических планах и мероприятиях немцев, а также японцев. В частности, он своевременно сообщил о подготовке немецким командованием главного удара летом 1942 г. на юге в направлении Кавказа и Каспийского моря. От Наставника поступили надежные сведения о том, что Болгария не вступит в войну с Советским Союзом.

В 1943 г. Центр проанализировал работу резидентуры в Болгарии, учитывая необходимость ее расширения и активизации в условиях наступившего перелома в ходе войны. Потребовалось, кроме того, поддержать силы Сопротивления и наладить их устойчивую связь с загранбюро болгарской компартии. Руководство внешней разведки утвердило соответствующий план и направило в Софию нового резидента — Д. Г. Федичкина, имевшего большой опыт разведывательной работы. Под его руководством удалось решить поставленные Центром задачи. Были приобретены источники во всех основных объектах страны и налажено эффективное информирование Центра по интересующим его вопросам.

В период борьбы с Германией весьма остро стояла проблема возможного вступления Японии в войну против СССР на стороне Гитлера и втягивания Советского Союза в борьбу на два фронта. Достоверное выяснение истинной позиции Токио по данному вопросу являлось одной из важнейших задач внешней разведки и, соответственно, резидентуры в данной стране.

Кор. № 29

РАССЕКРЕЧЕНО
по акту № 3
от «28» 01 2006

СОВ. СЕКРЕТНО
ШИФРОМ

354

Телеграмма № 6340/7250

В Вашингтон Тов. Морису

«28» 6.41 19 г.

Срочно выясните все, что известно о решении Японского правительства отношении нашей страны связи войной СССР-Германия.

Кроме того регулярно информируйте переброске японских войск из Китая и Японии нашим границам.

Руководитель.

А. Вартанян

См. н/об.

Задание резиденту в США о планах японского правительства

Источник резидентуры, в частности, сообщил о том, что «Япония сейчас не имеет никаких активных намерений против СССР... Япония не готова воевать с СССР... Чем позже Японии придется вступить в войну, тем меньше жертв она понесет»[5]. Были получены сведения о подготовке японской военной экспансии в Юго-Восточной Азии. Существенная часть важной информации по данному вопросу добывалась также в третьих странах. В частности, благодаря тому, что в некоторых государствах еще в довоенный период внешняя разведка получила доступ к шифродокументам японских посольств, удавалось читать часть их секретной переписки с МИД и Министерством обороны Японии. Это позволяло достоверно отслеживать формирование политического курса и планов японского руководства, в том числе и в отношении нашей страны.

Большую роль в добывании сведений о позиции Японии сыграли источники внешней разведки в Англии, США, Болгарии, Турции, Китае. Так, источник шанхайской резидентуры Друг передал надежные данные о том, что японское руководство не планирует нападения на Советский Союз в 1941 г. 17 июля 1941 г. лондонская резидентура направила расшифровку англичанами японской шифротелеграммы, в которой сообщалось, что 2 июля на имперской конференции в Токио было принято решение о южном направлении военных действий. Филби в ноябре 1941 г. удалось добыть сведения из дешифрованной телеграммы германского посла в Токио о том, что Япония через десять дней начнет наступление против Сингапура. Лондонская резидентура получила текст расшифрованной англичанами телеграммы МИД Японии своему послу в Берлине от 27 ноября 1941 г., где предлагалось сообщить Гитлеру,

что основные японские усилия будут сосредоточены на юге, и высказывалось намерение воздерживаться от преднамеренного ведения действий на севере[6].

Вся указанная информация в сочетании со сведениями советских военных разведчиков позволила Сталину принять решение о переброске дальневосточных и сибирских дивизий под Москву в разгар немецкого наступления. В последующие военные годы неоднократно становился актуальным вопрос о возможном нападении японцев на нашу страну. Имевшиеся у внешней разведки оперативные позиции позволили успешно добывать достоверную информацию по данной проблеме и способствовать принятию политическим руководством адекватных решений.

В соответствии с задачами, поставленными перед внешней разведкой, была активизирована работа в Англии и США, ведущих странах — союзниках СССР. Главным ее направлением стало добывание имевшейся у них информации о военно-политических планах и мероприятиях гитлеровской верхушки, которой союзники по разным причинам не делились с нашей страной. Внимательно отслеживались также позиции англичан и американцев в отношении Советского Союза, объемы реальной военно-технической помощи, которую они могли бы оказать нам, их конфиденциальные контакты с немецким руководством, устремления спецслужб в работе по СССР. Интересовали внешнюю разведку и современные научно-технические разработки союзников, которые могли быть использованы в борьбе с Германией, а также на перспективу.

Следует отметить, что разведывательные позиции внешней разведки в Англии, которые удалось сохранить в ходе репрессий, сыграли в годы войны одну из ведущих ролей в добывании многоплановой достоверной информации по Германии. В 1941 г. легальная резидентура в Лондоне состояла из четырех человек, возглавлял ее А. В. Горский. К 1944 г. она была увеличена до 12 сотрудников. В 1941 г. резидентом стал Б. М. Крешин, а в 1943 г. — К. М. Кукин. Основой агентурного аппарата являлась «Кембриджская пятерка».

Особенность и важность разведывательной деятельности в Англии заключалась в том, что английские спецслужбы еще до войны смогли расшифровать немецкие коды и получили доступ к секретной переписке по радиоканалам верховного командования со штабами групп войск, армий и других подразделений вермахта. В этих документах раскрывались конкретные планы боевых операций против советских войск. Нет нужды объяснять чрезвычайную ценность подобной информации для советского командования. Поскольку английское руководство тщательно скрывало наличие подобных материалов, агентура внешней разведки была нацелена на приобретение доступа к ним. Эта задача была в значительной степени решена через агентов Филби, Кернкросса и Бланта. Так, в течение всей войны Москва, например, регулярно получала еженедельные сводки англичан о дислокации и перемещениях германских войск на восточном фронте. Только в период с 5 ноября 1941 по 1 июля 1942 г. было добыто 139 листов подобных документов. В рапорте на имя начальника внешней разведки Фитина давалась весьма высокая оценка материалов об оперативных приказах германского командования на советско-германском фронте. В связи с этим предлагалось объявить агентам благодарность. Серьезной заслугой Кернкросса стало заблаговременное добывание материалов, раскрывающих замыслы немцев по организации наступления на Курской дуге.

Через «Кембриджскую пятерку» лондонская резидентура смогла добыть конкретные сведения о содержании секретной инструкции Гиммлера относительно создания на территории Германии и некоторых оккупированных стран подпольной армии на случай занятия союзными войсками этих территорий. Данная информация также получила высокую оценку в Москве.

Резидентура обеспечила доступ к перехваченным английскими спецслужбами телеграммам немецкой разведки о ее деятельности в СССР, Финляндии, Швеции, Турции, на Ближнем Востоке и Балканах, а также об агентуре, кадровом составе и методах работы. В частности, был получен список 125 немецких разведчиков.

Кернкросс передал нам немецкий машинный шифр «Тунец», который англичане применяли для дешифровки немецких радиограмм и который также использовался во время

И. А. Ахмеров

Г. А. Вартанян

войны. Источник сообщил содержание расшифрованной телеграммы японского военного атташе в Берлине о том, что японские специалисты поддерживают постоянные контакты с немецкими экспертами в деле дешифровки советских радиограмм. Однако, как указывалось в телеграмме, существенно продвинуться в данном вопросе им пока не удалось.

Лондонская резидентура активно работала по решению и других задач, поставленных Центром. В частности, внимательно отслеживались планы поставок военно-технических грузов в СССР, позиция англичан в отношении открытия второго фронта. По указанным вопросам регулярно информировал Кернкросс, работавший некоторое время в секретариате лорда К. Хэнки, министра без портфеля.

В конце сентября 1941 г. лондонская резидентура впервые сообщила о планах англичан по созданию в течение ближайших двух лет атомного оружия. Конкретные данные содержались в добытом секретном докладе, предназначенном для премьер-министра Черчилля. В совокупности с другими сведениями это способствовало активизации наших исследований в указанной сфере.

Блант и другие агенты из числа «Кембриджской пятерки» передали конфиденциальную информацию о переговорах англо-американского командования относительно выхода Италии из войны, которые велись при посредничестве Ватикана. В Центр было доложено о тайном подписании соглашения о перемирии с правительством маршала Бадольо 3 сентября 1943 г. Располагая подобной информацией, Москва смогла добиться своего участия в подобных переговорах и обеспечения наших национальных интересов.

Лондонская резидентура внесла существенный вклад в разведывательное освещение планов английского руководства по послевоенному устройству Германии и мира, а также по подготовке англичан и американцев к встречам «Большой тройки» в Тегеране, Ялте и Потсдаме. Этому способствовали регулярно получаемые секретные документы МИД Англии. В 1945 г. за значительную помощь нашей стране в годы войны всем членам «Кембриджской пятерки» была установлена пожизненная пенсия.

Центр уделял повышенное внимание активизации разведывательной работы в США. Ее значение подчеркивал и тот факт, что резидента внешней разведки В. М. Зарубина перед выездом в Вашингтон принял И. В. Сталин. Советский руководитель подчеркнул, что главная задача разведчиков в США — внимательно наблюдать за позицией правящих кругов и вероятностью их договоренности с гитлеровской Германией по поводу завершения войны сепаратным миром.

Внешняя разведка располагала в США легальными резидентурами в Нью-Йорке, Вашингтоне и Сан-Франциско, а также нелегальной резидентурой, которую возглавлял И. А. Ахмеров. Резидентурам удалось сохранить связь с приобретенными до войны агентами и привлечь к сотрудничеству новых. В частности, имелись источники в непосредственном окружении президента, Госдепартаменте, аппарате конгресса, военных ведомствах, разведывательных и контрразведывательных органах. Через них добывались важная информация по Германии и Японии, проекты документов для важных международных встреч, о военно-политических планах правительства США, переговорах германского посла в Ватикане Э. Вайцзеккера с представителями Рузвельта, проблемах второго фронта, позиции США по вопросам послевоенного мироустройства и т. д.

Весьма эффективно американские резидентуры действовали по линии научно-технической разведки. Данную работу возглавлял опытный разведчик Л. Р. Квасников. Были приобретены ценные источники, способные добывать важную информацию о ходе работ американцев по созданию атомного оружия. Существенный интерес для укрепления нашей обороноспособности представили секретные материалы в области реактивной авиации, радиолокации, электроники, ракетостроения.

Среди задач внешней разведки, сформулированных в директиве ГКО от 29 июля 1941 г., отмечалось ведение разведывательной деятельности в нейтральных странах с тем, чтобы не допустить их перехода на сторону стран оси, парализовать в них подрывную деятельность гитлеровской агентуры, организовать с их территории разведку против Германии и ее союзников. При этом упоминались конкретные страны: Иран, Турция, Швеция.

Что касается Швеции, то легальную резидентуру в ней до 1943 г. возглавлял опытный разведчик Б. А. Рыбкин, с 1943 по 1945 г. — В. П. Рощин. Резидентуре удалось приобрести ряд агентов, через которых было налажено получение секретной информации по Германии и Скандинавским странам. Имелись источники, способные выполнять задания на территории Германии. Через агентурные возможности среди шведов удалось получить доступ к немецкой шифропереписке. Добываемая резидентурой информация высоко оценивалась Центром, часть ее направлялась непосредственно в ГКО. При помощи приобретенных агентов резидентура отслеживала немецкие перевозки в Финляндию, германо-шведскую торговлю и поставки в Германию стратегического сырья. Источники стокгольмской резидентуры вели наблюдение за передвижениями немецких войск в Норвегии.

В 1944 г. через связи резидентуры был налажен контакт посла СССР в Швеции А. М. Коллонтай с представителем финского правительства, и начались переговоры о заключении перемирия. Резидентура осуществляла разведывательное обеспечение этих переговоров, которые завершились 19 сентября 1944 г. подписанием соответствующего соглашения. Финляндия вышла из войны.

В военный период в Турции имелись две легальные резидентуры: в Стамбуле и Анкаре, а также разведпункт в Карсе. Главной считалась стамбульская резидентура. С 1941 по 1942 г. ее возглавлял Г. И. Мордвинов, после ареста которого турецкими властями в 1942 г. резидентом был назначен его заместитель М. М. Батурин. Резидентуры располагали достаточно эффективным агентурным аппаратом, позволявшим получать интересующую Центр информацию, в том числе по Германии и ее сателлитам. Так, только Батурин за время работы в Турции лично привлек к сотрудничеству девять ценных источников. Через агентурные возможности загранаппарат получал секретную информацию из турецких правительственных учреждений, германского посольства, венгерской колонии, резидентуры американской разведки в Стамбуле. Центр был своевременно информирован о секретных турецко-германских пере-

говорах по поводу возможного вступления Турции в войну на стороне Гитлера после захвата немцами Кавказа. На основании полученных сведений руководство нашей страны приняло адекватные меры по сдерживанию Турции. Резидентура добыла важную информацию о возможной реакции Анкары на ввод советских и английских войск в Иран: ни в коем случае не ввязываться в возможный конфликт, никаких обязательств перед Ираном на себя не брать[7].

Источники внешней разведки в Турции внимательно отслеживали попытки немецких представителей наладить через турок конфиденциальные контакты с американцами и англичанами в целях заключения перемирия за спиной СССР. В 1942 г. резидентура в Анкаре получила сведения о том, что в Швейцарии представители крупных американских и английских банков ведут секретные переговоры с немецкими банкирами по поводу послевоенного финансирования Германии и экономического устройства Европы. В Центр сообщалось также, что швейцарское внешнеполитическое ведомство пыталось свести немцев и англичан в Бёрне для выработки условий возможного перемирия.

Стамбульская резидентура тщательно отслеживала контакты венгров в Турции с американскими и английскими представителями в целях выработки приемлемых для Будапешта вариантов выхода из войны. Вся указанная информация легла на стол советскому руководству, что позволило предпринять необходимые шаги по срыву подобных переговоров.

Советское политическое руководство придавало большое значение той роли, которую играл Иран на Среднем Востоке в ходе войны. Жизненно важной для Советского Союза была проходящая по территории Ирана сухопутная артерия, по которой в СССР поступали военно-технические грузы из США и Англии. В связи с этим 22 сентября 1941 г. и 5 марта 1942 г. руководство НКВД отдельно рассматривало мероприятия по усилению оперативной работы на территории Ирана.

В Тегеране действовала главная резидентура под руководством опытного разведчика И. И. Агаянца, направлявшая разведывательную деятельность периферийных резидентур, расположенных в различных важных для СССР районах страны. В силу сложившихся условий основные усилия внешней разведки в Иране были направлены на борьбу с немецкими спецслужбами, которые создали в стране мощную и разветвленную агентурную сеть. Этому способствовало то обстоятельство, что в Иране сформировалась многочисленная германская колония, накануне войны пополнившаяся еще 6,5 тыс. немецких специалистов. Они работали в военной промышленности, советниками в армии, спецслужбах и полиции, обслуживающий персонал железных дорог Ирана был в значительной степени немецким.

В 1941 г. немецкая разведка подготовила государственный переворот в Иране, в результате которого к власти должны были прийти германские ставленники. Тегеранская резидентура своевременно и полно информировала Центр о складывавшейся опасной ситуации, а также эффективно обеспечивала через свои возможности ввод советских войск на север Ирана. В результате предпринятых активных действий удалось выявить около 400 лиц, связанных с немецкой разведкой. Резидентура вскрыла личный состав подпольного профашистского центра «Мелиюн». Через агента резидентуры, внедренного в другую мощную националистическую организацию, так называемую «Голубую партию», удалось выяснить ее цели и список участников. Партия, в которую входило много иранских офицеров, готовила государственный переворот, чтобы при поддержке немцев вытеснить англо-советские войска из страны. В 1943 г. около 170 активных членов указанных организаций были арестованы.

Резидентуры внешней разведки в Иране провели большую работу по обеспечению безопасности Тегеранской конференции руководителей союзных держав в 1943 г. В результате были сорваны планы немецких спецслужб по организации покушения на лидеров «Большой тройки».

Центр высоко оценил деятельность тегеранской резидентуры в годы войны. Было, в частности, подчеркнуто, что она внесла большой вклад в своевременное выявление и срыв планов Германии в отношении Ирана, обеспечение безопасности поставок в нашу страну военно-технических грузов и продовольствия через территорию Ирана, пресечение деятельности фашистской агентуры и направляемых ею подпольных организаций, блокирование и

Британская колонна под охраной советского бронеавтомобиля в Иране

ликвидацию антисоветских националистических организаций, осуществлявших подрывную работу под немецким руководством. Свыше 30 сотрудников тегеранской резидентуры были награждены орденами и медалями.

Существенное внимание внешняя разведка уделяла в годы войны и Афганистану. Это объяснялось в том числе и тем, что в начале 1941 г. немецкое командование разработало операцию «Аманула» по захвату данной страны и использованию ее территории для похода на Индию. Германские спецслужбы создали в стране сильную агентурную сеть, которая располагала позициями среди влиятельных представителей афганской военно-политической верхушки. Немецкие агенты активно использовались для подрывной работы против СССР как в самом Афганистане, так и на территории советских среднеазиатских республик. С учетом данного обстоятельства борьба с фашистской агентурой являлась одной из основных задач кабульской резидентуры. В период войны ею руководил опытный разведчик М. А. Аллахвердов, штат резидентуры составляли пять человек. Им удалось приобрести эффективный агентурный аппарат, который позволил успешно решить указанные задачи.

Одним из ценных агентов был Ром, индиец по национальности, располагавший хорошими связями в политических кругах Афганистана и среди вождей пуштунских племен. Его удалось успешно приблизить к резиденту немецкой разведки в Кабуле. При помощи Рома немцы рассчитывали активизировать разведывательную работу в Индии и создать там профашистскую партию. Используя полное доверие немецкого резидента, Ром смог полностью вскрыть состав германской резидентуры в Кабуле и ее агентурную сеть. За «успешную» работу немцы наградили нашего агента орденом и доложили о нем Гитлеру, который направил Рому личные поздравления. Немецкая разведка снабдила источника радиостанциями и кодами для прямой связи с Берлином, что позволило взять под контроль радиосвязь абвера с агентурой в Афганистане и Индии.

Немцы порекомендовали Рома японцам, которые были заинтересованы в использовании его возможностей для оказания содействия диверсионным группам, высаживаемым япон-

ской разведкой с подводных лодок на побережье Индии. Информацию о таких операциях наша внешняя разведка по каналам партнерских связей передавала англичанам, которые захватывали японские диверсионно-разведывательные группы. В октябре 1943 г. советские разведчики, используя материалы Рома, провели вербовочную беседу с резидентом абвера в Кабуле. Фактически согласившись помогать нам, он через несколько дней сбежал из Афганистана, бросив резидентуру. Остальные сотрудники германской резидентуры были с нашей подачи выдворены из страны.

С помощью другого ценного источника кабульской резидентуры Язучи удалось обезвредить сильную агентурную группу абвера под кодовым названием «Унион» на севере Афганистана, специализировавшуюся на разведывательно-диверсионной деятельности в пограничных районах Средней Азии. Все это практически парализовало подрывную работу немецких спецслужб против СССР с территории Афганистана.

В годы войны правительства ряда оккупированных немцами государств находились в эмиграции в Лондоне. Их спецслужбы сохранили определенные возможности по поддержанию связи со своей агентурой и получали представлявшие интерес сведения о военно-политических мероприятиях немцев, их планах по проведению операций против союзников. В частности, в Лондоне действовали представители разведок Бельгии, Голландии, Греции, Норвегии, Польши, Чехословакии и Югославии. С сентября 1941 г. в Англии работал официальный представитель внешней разведки И. А. Чичаев. Ему удалось наладить доверительные отношения с руководителями чехословацкой, югославской, греческой, норвежской, бельгийской разведок, которые охотно делились с нами добываемой информацией. Сложнее обстояло дело с представителями французской и польской разведок.

Задача отслеживания действий польского эмигрантского правительства решалась с помощью его министров, наших агентов Генриха и Садовника. Поскольку политика польских эмигрантов контролировалась и направлялась англичанами, конкретная информация по данным вопросам поступала также от «Кембриджской пятерки». Внешняя разведка регулярно снабжала наше политическое руководство достоверными материалами о позиции эмигрантского правительства и англичан относительно решения польского вопроса и определения послевоенных границ в Европе, в частности между СССР и Польшей. Добывались также важные сведения о попытках польских эмигрантских кругов организовать восстание и другие акции широкого сопротивления советским войскам после их вступления на территорию Польши.

В связи с переломом в ходе боевых действий против фашистской Германии и наметившейся перспективой освобождения не только нашей страны, но и оккупированных европейских государств перед разведывательными органами Советского Союза встали новые задачи. Кроме того, накопленный опыт разведывательной деятельности в период войны требовал внесения определенных изменений в работу и сложившуюся структуру спецслужб.

Политбюро 14 апреля 1943 г. приняло решение о выводе из состава НКВД в качестве самостоятельного органа Народного комиссариата государственной безопасности, который возглавил В. Н. Меркулов. Внешняя разведка стала 1-м управлением НКГБ, его начальником остался П. М. Фитин. Работу по Германии и оккупированным ею странам по-прежнему вел 1-й отдел 1-го управления во главе с А. М. Коротковым. В ходе анализа деятельности разведорганов различных ведомств выявилось определенное дублирование их работы по ряду вопросов, что приводило к недостаточно эффективному использованию имеющихся сил и средств. Отмечалось неоправданное сосредоточение усилий на решении второстепенных задач в ущерб главным. Возникла необходимость более четкого разделения полномочий отдельных разведорганов и конкретизации их задач.

Это было сделано в постановлении ГКО от 5 июня 1943 г. о «Мероприятиях по улучшению зарубежной работы разведорганов СССР». Документ четко разграничивал функции 1-го управления НКГБ, Главного разведывательного управления Красной армии и Разведывательного управления Наркомата ВМФ СССР.

Что касается 1-го управления НКГБ, то к числу его задач были отнесены: ведение политической разведки в целях получения сведений о внешней и внутренней политике ино-

странных государств, их политическом и экономическом положении, политических партиях, группах и общественно-политических деятелях, достижениях и новинках в области науки и техники, данных об эмиграции и прочем. Подтверждалась задача концентрации основных усилий на работе против Германии и ее союзников, а также дальнейшего усиления деятельности в Англии, США и Турции[8]. Как показывает анализ данного документа, политическое руководство скорректировало задачи 1-го управления в целях придания им традиционного для внешнеполитической разведки характера. Обращает на себя внимание отсутствие ссылок на решение военных задач, хотя это, естественно, не означало прекращения работы внешней разведки по стратегическим военно-политическим проблемам. Постановление было, безусловно, востребованным и сыграло положительную роль в деле упорядочения деятельности за рубежом различных разведорганов. Принятые решения способствовали также совершенствованию работы 1-го управления.

В ходе анализа деятельности внешней разведки политическое руководство страны осознало недостаточную эффективность сложившегося порядка реализации разведывательной информации. Сталин требовал от внешней разведки предоставления фактического материала без аналитических выводов и прогнозов. Вместе с тем на завершающем этапе войны понадобились сведения о будущем устройстве мира и Европы, предстоящих событиях, вероятных изменениях в отношениях между союзниками, другими словами, резко возрастало значение объективных прогнозов развития военно-политической ситуации. Однако во внешней разведке не было специального информационно-аналитического подразделения для профессионального анализа разведывательной информации и выработки соответствующих прогнозов. В первой половине 1943 г. внутренними управленческими решениями была сформирована кадровая база для такого подразделения. Сотрудники, выделенные для ведения информационно-аналитической работы, подготовили ряд документов, среди которых можно выделить обзор, где анализировались планы германского руководства на советском фронте, особенно на Курской дуге, а также предстоящие действия союзников в Средиземноморье и Италии.

Положительная оценка руководством страны этих материалов способствовала тому, что в 1943 г. И. В. Сталин санкционировал создание информационно-аналитического подразделения. 7 декабря 1943 г. в составе 1-го управления впервые в истории внешней разведки был сформирован Информационно-аналитический отдел, сокращенно — ИНФО. Его возглавил опытный сотрудник разведки М. А. Аллахвердов. В исторической литературе, посвященной деятельности отечественных спецслужб, иногда можно встретить утверждения о том, что в разное время в составе внешней разведки существовали какие-то группы из двух-трех человек, которые якобы успешно решали задачи информационно-аналитической работы всей разведки. Подобные суждения строятся на недостаточном понимании существа и масштабов данной проблемы. Два-три человека не в состоянии квалифицированно проанализировать весь объем сведений, ежечасно поступающих из различных уголков земного шара, и тем более выстроить обоснованные прогнозы развития ситуации. Это под силу только высококвалифицированным экспертам, профессионально изучившим конкретную страну, ее язык, историю, религиозные факторы, менталитет, традиции политической элиты, особенности политической ситуации, историю отношений с нашей страной.

1-е управление пошло именно по данному пути. В ИНФО было образовано пять отделений, из них четыре — по географическому признаку и одно — для решения общих справочных задач. Было также создано специальное бюро переводов, что особенно облегчало работу с материалами на редких языках. К концу войны ИНФО имело уже девять отделений, где работали 126 профессиональных экспертов-аналитиков.

Упорядочение анализа, обработки и реализации разведывательной информации привело к качественно новому, более высокому уровню деятельности внешней разведки. Эксперты ИНФО участвовали в подготовке объединенного доклада разведорганов о «Современном положении гитлеровской Германии и ее возможностях для дальнейшего ведения войны». Сформулированные в данных материалах прогнозы в целом подтвердились.

И. А. Чичаев

М. А. Аллахвердов

Как показывает анализ деятельности внешней разведки в период Великой Отечественной войны, ей удалось наладить регулярное добывание ценных сведений по всем интересующим руководство страны проблемам, в том числе и о конкретных военных операциях фашистского командования. В частности, еще накануне наступления немцев на Москву внешняя разведка сообщила о концентрации германских войск, готовивших операцию «Тайфун».

Внешняя разведка сумела добыть сведения и в начале 1942 г. доложить И. В. Сталину о планах германского командования на предстоящее лето. Главный удар они предполагали нанести на юге, в направлении Кавказа. Целью наступления являлся захват нефтяных ресурсов и при благоприятном развитии операции поворот войск на север, к Москве. В марте — апреле 1942 г. поступили сообщения из резидентур в Румынии, Англии, Болгарии, Японии, в которых говорилось о предстоящем летнем наступлении немецких войск в направлении Сталинграда и Ростова с выходом на Северный Кавказ и далее к Каспийскому морю. В апреле 1942 г. лондонская резидентура проинформировала Центр, что немецкий удар на юге ожидается во второй половине мая. Стокгольмская резидентура сообщила более точную дату — десятые числа июня[9].

7 мая 1943 г. лондонская резидентура направила в Центр расшифрованный текст телеграммы генерал-фельдмаршала М. фон Вайхса из немецкой группы армий «Юг» от 25 апреля 1943 г. В ней излагались сведения о немецком плане наступления «Цитадель» и давалась оценка боеготовности советских войск на курско-белгородском направлении. 13 июня 1943 г. советскому руководству были доложены полученные из английских источников сведения о дате немецкого наступления на Курской дуге (3 июля)[10].

Внешняя разведка предупреждала руководство страны о возможности использования немцами отравляющих газов. Об этом, в частности, сообщала стокгольмская резидентура[11]. Аналогичную информацию добывали военные коллеги из ГРУ. О существе планов немцев Москва проинформировала западных союзников. По взаимной договоренности Черчилль в мае 1942 г. выступил по радио с жестким предупреждением в адрес Берлина. Он заявил, что

в случае применения немцами химического оружия на советско-германском фронте Англия обрушит на территорию Германии в широких масштабах боевые химические средства. В начале июня 1942 г. Рузвельт публично объявил об адекватных ответных мерах США в отношении Германии и Японии, если они используют химическое оружие против СССР и Китая. Эти предостережения были услышаны в Берлине, и Гитлер до конца войны не рискнул применить химическое оружие.

Особая заслуга в добывании достоверной информации по военным вопросам принадлежит «Кембриджской пятерке». Ее вклад в дело Победы отмечен высокими правительственными наградами, которые получили члены этой агентурной группы. Бывший руководитель советского отдела ЦРУ в 1963–1968 гг. Д. Мэрфи подчеркнул, что вербовка в 1930-е гг. «Кембриджской пятерки» были шедевром разведывательных операций. Интеллект агентов и оперативный потенциал постов, которые они занимали, были «сногсшибательными»[12].

Говоря о деятельности внешней разведки в годы Великой Отечественной войны, необходимо отметить, что в это напряженное время она смогла существенно повысить эффективность и качество своей работы. Был накоплен, успешно применялся и постоянно совершенствовался ценный опыт разведывательной борьбы в военных условиях. Удалось усилить нелегальную разведку, агентурный аппарат пополнился новыми важными источниками, возросло профессиональное мастерство разведывательных кадров. Руководство страны задействовало интеллектуальный потенциал внешней разведки в аналитической и прогностической областях для решения стратегических проблем. Получила развитие такая специфическая форма разведывательной деятельности, как партнерское сотрудничество со спецслужбами союзных государств. Все это в совокупности позволило добиться положительных результатов на всех основных направлениях разведывательной деятельности.

В частности, в военно-политической области постоянно добывалась важная информация о немецких планах по проведению крупных операций на восточном фронте, дислокации и перемещениях подразделений вермахта, оценках нацистским руководством боеспособности советских войск и прочем. Достаточно полно и детально освещались многочисленные попытки немцев и их союзников в различных странах и по различным каналам договориться с англичанами и американцами о сепаратном мире и продолжении совместными усилиями войны с СССР. Скрупулезно отслеживались основные аспекты политики союзников, в первую очередь США и Англии, в отношении Советского Союза, а также их секретные контакты с представителями немецкой верхушки по поводу заключения сепаратного договора.

Внешняя разведка своевременно сообщила о различии в подходах У. Черчилля и Ф. Рузвельта к открытию второго фронта; о позициях США и Англии на Тегеранской, Крымской и Потсдамской конференциях; о меморандуме Черчилля относительно основных принципов решения послевоенных проблем; о планах английского руководства по поводу оккупации Германии; об англо-американских взглядах на послевоенное устройство мира; о намерениях Лондона и Вашингтона ослабить Красную армию и блокировать ее продвижение в Европу и о многом другом.

Значительный вклад в победу над фашистскими захватчиками внесло научно-техническое направление внешней разведки. Добытые в ходе войны секретные материалы и образцы в области авиации, радиолокации, танкостроения, ракетной техники и ракетного топлива и других отраслях военного дела помогали нашей промышленности создавать современное оружие, превосходящее немецкие аналоги.

Особое значение имело своевременное получение сведений по основным аспектам атомного оружия. Благодаря самоотверженной работе советских разведчиков удалось существенно сократить отставание в этой области от западных стран и установить в послевоенное время ядерный паритет. Данный баланс до настоящего времени позволяет сохранять мирную жизнь нашей страны. Тем самым внешняя разведка обеспечила решение важнейшей стратегической задачи, значение которой для нашей безопасности велико и в современных условиях. Неслучайно в середине 1950-х гг. В. М. Молотов, выступая перед разведчиками,

заявил в узком кругу, что своей работой по раскрытию атомных секретов внешняя разведка окупила не только все свое прошлое, но и будущее.

В сфере внешней контрразведки удалось добиться разгрома гитлеровской агентуры в нейтральных странах, что способствовало блокированию пронацистской активности. Особенно успешно данная работа велась в Иране и Афганистане. В том, что ни одна из нейтральных стран не перешла на сторону оси, есть и определенная заслуга внешней разведки.

В годы Великой Отечественной войны в тылу противника действовало 2200 оперативных отрядов и групп, в рядах которых сражалось более половины кадровых сотрудников внешней разведки. Их деятельностью руководило 4-е управление НКВД, созданное, как уже упоминалось в начале настоящей главы, 18 января 1942 г. Возглавлял это управление П. А. Судоплатов, который одновременно являлся заместителем начальника внешней разведки, а костяк управления составили ее действующие сотрудники. Диверсионно-разведывательные подразделения НКВД уничтожили 230 тыс. гитлеровских солдат и офицеров, подорвали 2800 вражеских эшелонов с живой силой и техникой, добывали важную военную, стратегическую и политическую информацию, которая имела большое значение для советского военного командования.

Бывший директор ЦРУ США Ален Даллес вынужден был признать, что информация, которую добывала советская внешняя разведка во время Второй мировой войны, представляла собой предел мечтаний любой разведки мира[13].

За образцовое выполнение специальных заданий командования в тылу противника высокого звания Героя Советского Союза были удостоены девять кадровых сотрудников внешней разведки: руководители нелегальных резидентур в Киеве — Иван Данилович Кудря, в Николаеве — Виктор Александрович Лягин и в Одессе — Владимир Александрович Молодцов; командиры разведывательно-диверсионных отрядов и групп Станислав Алексеевич Ваупшасов («Местные», Белоруссия), Дмитрий Николаевич Медведев («Победители», Украина), Кирилл Прокофьевич Орловский («Соколы», Белоруссия), Николай Архипович Прокопюк («Охотники», Украина, Польша, Словакия), Александр Маркович Рабцевич («Храбрецы», Белоруссия, Польша), а также Николай Иванович Кузнецов — разведчик-нелегал отряда «Победители».

Каждая разведка сильна своими сотрудниками. Положительные результаты, которых добилась внешняя разведка в ходе войны, — это итог самоотверженной, упорной и бескомпромиссной борьбы с врагом всех разведчиков. Они отдавали свои силы, здоровье, а нередко и жизнь для достижения Победы. Их отличали стойкость, надежность, преданность делу и Родине, истинный патриотизм. Для них был неприемлем подход к жизни некоторых современных «граждан мира», полагающих, что Родина там, где больше платят. Эти достойные люди не искали славы, хорошо понимая, что особенностью их работы является строгая секретность, не позволяющая говорить в течение долгих лет, а может быть и никогда, о достигнутых ими успехах. Они сражались во имя Победы и победили вместе со всем народом.

Деятельность советской разведки на Дальнем Востоке

В момент начала Великой Отечественной войны в Китае продолжали действовать 12 легальных резидентур внешней разведки. Главной из них была резидентура в Чунцине. Ей подчинялась резидентура в Ланьчжоу. Аппарат чунцинской резидентуры находился в стадии формирования, и в нем работали всего три оперативных сотрудника.

К середине 1942 г. состав резидентуры внешней разведки в Китае был укреплен и доведен до пяти-шести оперработников. В годы войны главной резидентурой руководил видный разведчик А. С. Панюшкин, одновременно являвшийся послом СССР в Китае. Совмещение должностей было вызвано критическим положением в Китае и необходимостью сконцентри-

ровать усилия всех ведомств на противодействии восточному очагу агрессии, срыве планов Японии по расколу Китая и созданию здесь марионеточных административных структур.

Основным районом деятельности резидентуры являлась территория, контролируемая гоминьдановским правительством. Кроме того, в 1942 г. ей была поручена организация работы в оккупированных японцами городах Нанкине, Ханькоу, Тяньцзине, Пекине, а также в Кантоне (Гуанчжоу). Для решения указанных задач Центр потребовал тщательно проанализировать возможности агентурного аппарата, принять меры по приобретению ценных источников информации на японских объектах, а также в китайских правительственных и гоминьдановских структурах. Во исполнение указаний Центра в 1941—1945 гг. были привлечены к сотрудничеству новые полезные источники. Это позволило чунцинской резидентуре достаточно полно и своевременно информировать Центр по основным проблемам внутренней и внешней политики Китая, о позиции правительства Чан Кайши в отношении СССР, деятельности японцев, англичан и немцев в Китае, пронемецкой и прояпонской группировках в его правительстве и Гоминьдане, взаимоотношениях между Гоминьданом и Коммунистической партией Китая (КПК), борьбе группировок внутри Гоминьдана. Резидентура также систематически информировала Центр о военных планах Токио, дислокации японских войск и их переброске в Маньчжурию. В 1942 г. она через свои источники помогла сформировать нелегальную резидентуру в Гонконге. Разведчики-нелегалы добывали информацию о деятельности японцев в Тихоокеанском регионе.

В 1944 г. Центр в своем заключении дал положительную оценку работе чунцинской резидентуры, отметив значительное увеличение полученных документальных материалов по основным вопросам политической жизни Китая. За достигнутые результаты ряд сотрудников был удостоен государственных наград.

В чрезвычайно сложной оперативной обстановке из-за систематических провокаций японцев в отношении советской колонии, плотного наружного и агентурного наблюдения со стороны японских спецслужб пришлось вести работу легальным резидентурам на оккупированной японцами территории в Шанхае, Харбине и на станции Маньчжурия.

Основная задача легальной резидентуры в Шанхае состояла в отслеживании подготовки Японии к нападению на Советский Союз, вскрытии деятельности японской и немецкой разведок на Дальнем Востоке. Разведчики решали вопросы создания нелегальных резидентур на случай возникновения военных действий между Японией и Советским Союзом. Несмотря на сложную обстановку, резидентура к 1942 г. смогла сформировать эффективный агентурный аппарат, который снабжал внешнюю разведку ценной информацией. Существенная ее часть докладывалась советскому руководству.

К числу серьезных успехов резидентуры следует отнести привлечение к сотрудничеству в 1939 г. ценного источника Друга, немца по национальности. Он работал советником Чан Кайши по военным вопросам, возглавлял его личную охрану и разведку, пользовался влиянием на китайского диктатора. Друг лично знал Гитлера и Геринга, находился в непримиримой оппозиции к их политике и на этой основе дал согласие помогать советской разведке. Располагая хорошими возможностями для сбора секретной информации, Друг сообщил о том, что подготовка Германии к войне с Советским Союзом практически завершена. Нападение планировалось на май 1941 г., но затем было перенесено на июнь. Военные действия должны были носить скоротечный характер, поскольку немцы планировали разгромить СССР за три месяца.

Друг добыл также ценные сведения о том, что Япония не нападет на Советский Союз в 1941 г. По заданию Центра он убеждал Чан Кайши в необходимости продолжения вооруженной борьбы с японцами. Источник лично занимался боевой подготовкой китайских войск и руководил некоторыми операциями. После захвата Шанхая японцами Друг фактически использовался ими в качестве консультанта. В частности, Токио весьма интересовал вопрос о том, какова вероятность победы Японии в случае войны с Советским Союзом. Друг в соответствии с заданием аргументированно отговаривал японцев от такого шага, прогнозируя неминуемое поражение. Японское военное руководство признало его оценки объективными.

Однако резидентуре не удалось до конца выполнить поставленные перед ней задачи. Во второй половине 1942 г. были арестованы несколько работников резидентуры ГРУ Красной армии, а также внешней разведки, которые в японских застенках подверглись жестоким пыткам. В создавшейся ситуации в начале 1943 г. Центр принял решение о прекращении деятельности резидентуры и отзыве всех работников в Москву. Как показал анализ, основная причина провала состояла в том, что в работе недостаточно учитывались меры японцев по ужесточению контрразведывательного режима в регионе после начала войны на Тихом океане.

Вопрос о возобновлении работы резидентуры был поднят в Центре только через год. В ноябре 1944 г. в Шанхай направили оперативного работника под прикрытием одной из должностей в отделении ТАСС. До конца войны с Японией он передавал информацию в основном о передвижениях японских войск с юга Китая в Маньчжурию, военных приготовлениях японцев и политическом положении в Шанхае. В августе 1945 г., когда Красная армия начала военные действия в Маньчжурии, японские спецслужбы совершили налет на здание советского генконсульства в Шанхае. Наш сотрудник вместе с работником резидентуры военной разведки проявили стойкость при отражении налета, им удалось сохранить рацию и впоследствии продолжать передачу информации о действиях японцев.

Харбинская и другие резидентуры внешней разведки в Китае постоянно отслеживали боеспособность Квантунской группировки войск, совершенствование ее вооружений и укреплений, передислокацию войсковых частей. В ходе данной работы были получены сведения о функционировании южнее Харбина химико-бактериологической станции, где велись работы по созданию бактериологического оружия. Резидентуре удалось организовать на станции Маньчжурия перлюстрацию секретной корреспонденции консульства Японии и ее военной миссии, а также представительства МИД Маньчжоу-Го. В результате была получена достоверная информация о планах и конкретных мероприятиях японцев.

Большая работа была проведена по выявлению агентуры японских спецслужб, в массовом порядке забрасывавшейся на советскую территорию. На основании добытой резидентурой информации только в августе 1941 г. на границе с Читинской областью были обезврежены 39 японских агентов. С началом военных действий Красной армии в Маньчжурии весь состав харбинской резидентуры был интернирован японцами. Освобождение пришло с победой советских войск.

В ходе освободительной войны (1937—1945) в Китае резидентуры внешней разведки оказывали китайцам большую помощь в борьбе с японскими захватчиками. В частности, ее сотрудники участвовали в подготовке диверсионно-разведывательных групп из числа китайцев, их заброске на оккупированные территории, снабжении партизан оружием, боеприпасами и медикаментами по оперативным каналам. Постепенно это привело к налаживанию официального взаимодействия между внешней разведкой и китайскими партнерами на основе общей борьбы с японскими милитаристами. В 1938 г. было подписано соответствующее соглашение и создано Объединенное бюро для ведения совместной разведывательной работы по Японии. На первом этапе в ходе взаимодействия с китайцами удавалось получать представлявшие интерес сведения о японских вооруженных силах и конкретных военных операциях японцев. В дальнейшем возникли трудности, связанные со снижением китайскими партнерами собственного вклада в общую информационную работу и завышением требований к советской стороне. Естественно, попытки извлечь из партнерского сотрудничества односторонние выгоды не могли устроить внешнюю разведку, и взаимодействие постепенно было свернуто.

К лету 1943 г. внешняя разведка получила достоверные сведения о том, что Япония не собирается воевать с СССР. Это сразу же было использовано руководством СССР, в частности для ликвидации на острове Сахалин японских концессий по добыче нефти и каменного угля, являвшихся заметным раздражителем в отношениях с США. Одновременно были приняты меры для оказания выгодного Советскому Союзу информационно-психологического воздействия на гражданское население Японии путем помощи в снабжении его продовольствием.

Следует отметить, что в тот период в центре внимания внешней разведки находились также вопросы японского рыболовного промысла в советских территориальных водах, регулировавшиеся ранее советско-японской рыболовной конвенцией 1928 г., срок которой истек в 1936 г. Внешняя разведка неоднократно сообщала об исключительной заинтересованности Токио в продлении конвенции, поскольку для голодавших в период войны японцев рыба и морепродукты являлись основным источником животных белков. В итоге, основываясь в том числе на материалах разведки, руководство СССР продлевало конвенцию восемь раз, в последний раз — 25 марта 1943 г. Такая серьезная и жизненно важная уступка Японии, которая ослабила продовольственный кризис в стране, способствовала сохранению уважительного отношения населения и некоторой части правящей элиты Японии к СССР даже в условиях антисоветской пропаганды военного времени.

После вступления Советского Союза в войну с Японией в августе 1945 г. резидентуры внешней разведки снабжали Центр, а через него наше военное командование информацией о дислокации подразделений японской армии, ее командных пунктов, перемещениях войск. Ряд разведчиков был включен в оперативные группы НКВД, которые захватывали руководящих представителей политических и военных кругов, сотрудников японских спецслужб, их архивы и наиболее крупных агентов. Так, в ходе боевых действий и после их окончания органам госбезопасности на основе данных внешней разведки удалось задержать Пу И — императора Маньчжоу-Го, а также премьер-министра его правительства Чжан Цзикуя и некоторых других министров, главнокомандующего Квантунской группировкой войск генерала О. Ямаду и начальника штаба генерала Хату, начальника разведотдела армии полковника Асаду, белогвардейского атамана Семенова и его заместителя Бакшеева, весь руководящий состав Российского фашистского союза и его главу Родзаевского. Среди военнопленных удалось установить 693 кадровых японских разведчика. Анализ захваченных архивов японских спецслужб позволил взять на учет около 50 тыс. агентов иностранных разведок и участников антисоветских организаций в Маньчжурии, объявить в розыск 674 японских агента, из которых 142 вскоре были арестованы.

Быстрый и полный разгром японских войск стал подтверждением тому, что внешняя разведка достоверно и объективно информировала руководство страны о японских военно-политических планах и реальной боеспособности вооруженных сил Японии. В борьбе с японскими спецслужбами удалось в значительной степени парализовать эффективность их подрывной деятельности против нашей страны, выявить и задержать значительную часть завербованной ими агентуры.

Резидентуры внешней разведки в Китае достаточно полно освещали внутриполитическую ситуацию в стране, через свои возможности поддерживали в руководстве Китая те силы, которые выступали за продолжение борьбы с японскими захватчиками. Добываемая внешней разведкой информация позволяла быть в курсе действий ведущих мировых государств в Дальневосточном регионе и эффективно противодействовать их усилиям по дезинтеграции Китая.

Работа внешней разведки по проблеме открытия второго фронта

После нападения фашистской Германии на СССР У. Черчилль и Ф. Рузвельт осудили этот шаг как ничем не спровоцированную агрессию и встали на сторону Советского Союза. Начала формироваться антигитлеровская коалиция мировых держав. Углубляющееся политическое взаимодействие привело к постепенному росту военно-технической помощи СССР со стороны западных союзников. Немаловажное значение для организации отпора войскам фашистского блока имело распространение на Советский Союз условий поставок американского вооружения и снаряжения по ленд-лизу.

6

СОВ.СЕКРЕТНО.
27

3 ОТД ИНО ОГПУ

"РАССЕКРЕЧЕНО"
Служба внешней разведки РФ 10

Мат.№-.....
От 29/VI-33г.
АГЕНТУРНО:

О БЕСЕДЕ ГИТЛЕРА С ЗЕЛЬДТЕ.

Министр Труда РЕЙХА и руководитель "Штальгельма" ЗЕЛЬДТЕ в конце прошлойнедели, после произведенного слияния "Штальгельма" с НСДАП имел с Рейхсканцлером ГИТЛЕРОМ,с глазу на гла, длившуюся полтора часа. ЗЕЛЬДТЕ рассказывает следующее о содержании этой беседы, которой ГИТЛЕР придал совершенно односторонний характер:

ГИТЛЕР нарисовал широкую картину будущего развития всего мира, как он себе его представляет, руководствуясь при этом лишь собственными соображениями и ни на чем не основанными данными, говоря в духе"пророчества". ГИТЛЕР между прочим заявил, что мировая экономическая конференция никаких полезных результатов не даст. Хозяйственное положение всего мира и таким образом Германии сможет улучшиться лишь тогда, когда Россия сможет вновь включиться "в полном об"еме" в мировое хозяйство,и когда большевизм, постоянно волнующий весь мир, будет вырван "с корнем". Германия должна при содействии Англии вооружиться и после этого совместно с Англией, осуществить интервенцию в России.-

ЗЕЛЬДТЕ был чрезвычайно удивлен заявлением ГИТЛЕРА, потому что они по его мнению, полностью противоречили прежним взглядам ГИТЛЕРА, которые он отстаивал в течение последних месяцев в связи с проведением германско-советской политики. По мнению ЗЕЛЬДТЕ, словам ГИТЛЕРА не стоит придавать особенного значения, так как ГИТЛЕР в продолжение всей беседы производил впечатление человека переживающего какой то болезненный припадок и находящегося в состоянии "религиозного транса".-

------

Сообщение ИНО ОГПУ о беседе Гитлера с Зельдте

3е ОТД ИНО ОГПУ
Ист.А/256.
От 22/У1-33г.
АГЕНТУРНО:

И Н Ф О Р М А Ц И Я.

I. МЕМОРАНДУМ ГУГЕНБЕРГА.

В связи с этим вопросом здесь стало известно, что ГУГЕНБЕРГ, передав этот меморандум, совершил нескромный поступок по отношению к Кабинету, упомянув о требовании колоний на Востоке, содержащемся лишь в секретной правительственной программе. Это требование должно было служить лишь секретным базисом для делегации Мировой Экономической Конференции в Лондоне и о нем могло быть упомянуто лишь в виде намека. Речь в данном случае идет о сотрудничестве с будущим русским правительством, с которым имеется уже контакт, каковое, согласно сведений из руководящих кругов национал-социалистов, в скором времени добьется падения советского режима. Германское требование о предоставлении колоний на Востоке могло упоминаться лишь в неофициальных разговорах с англо-саксонскими правительственными кругами, с целью уведомить последних о деятельности гитлеровской партии, ее борьбе против Советского правительства и информировать ее о выявляющихся уже успехах. ГУГЕНБЕРГ, однако, после того как выяснился его предстоящий от"езд и невозможность выступить с предполагаемой речью, сам составил свой меморандум, не согласовав вопрос с делегацией. Меморандум этот, хотя и содержал согласованные с делегацией пункты к предстоящей речи, но вместе с тем ГУГЕНБЕРГ развил вопрос о колониях, что должно было произвести сенсацию и создать ему выдающееся положение, что соответствовало болезненному самолюбию ГУГЕНБЕРГА, заставляющее его поступать самым необдуманным образом. Меморандум ГУГЕНБЕРГА вызвал в Берлине колоссальное возмущение, в особенности после того как стало известно, что в русских

Сообщение ИНО ОГПУ о меморандуме Гугенберга

В связи с этим делом было издано запрещение германско-национа[льных] военных организаций, так как правительство сразу не приступило к мероприятиям, которые отодвинули бы на задний план несерьезность ГУГЕНБЕРГА, показав, что германское правительство в этом отношении не поддерживает ГУГЕНБЕРГА и опровергает поднятый в меморандуме вопрос о колониях на Востоке- /Россия/. Вчера в конторе ГУГЕНБЕРГА был наложен арест на все партийные и личные документы, и как сообщено в центральных кругах, сам ГУГЕНБЕРГ, якобы, арестован. Отстав[ка] ГУГЕНБЕРГА из Кабинета ожидается.-

С. секретно.

35

РАССЕКРЕЧЕНО

СПРАВКА.

Из Минска т.Цанава сообщает, что по данным агентуры отмечается частичная замена пограничной охраны войсковой охраной на участках Остров-Малкино. Границы этого участка патрулируются смешанными нарядами.

Отмечается усиление германских войск за нашей пограничной территорией, а также топографические с"емки нашей местности с сопредельной территории.

Подтверждается усиленный подвоз и размещение немцев и военного снаряжения вдоль нашей границы, с применением маскировки из спресованного сена и соломы.

Подтверждается учащенное движение товарных поездов в направлении Малкино-Остроленко-Остров. На железнодорожных станциях с интенсивными грузовыми операциями начали функционировать военные коменданты.

По данным УПВ /требующим проверки/, полученным от агента разведывательного отдела КОВО, немецкими властями в последних числах марта издано распоряжение эвакуировать семьи работников государственных учреждений к 7 апреля из района Варшавы на территорию собственно Германии.

Агентурными данными подтверждаются сведения о получении служащими железных дорог секретных мобилизационных предписаний и назначений на работу в города находящиеся на советской территории-Белосток-Чижев и другие.

№ 2839 от 7-IV-41г.

Верно: Майанцев

17.IV.41

Справка НКГБ БССР о концентрации германских войск в приграничных районах

34

Сов. секретно.

СПРАВКА.

Савченко из Киева сообщает, что по данным закордонной агентуры подтверждаются сведения об от"езде семей немецких чиновников и лиц немецкой национальности с территории генерал-губернаторства вглубь Германии, а также прибытия вместе с немецкими войсками немецких железнодорожников, на ст. Ржешов-150 человек, на ст. Перемышль группа /количество не установлено/

Прибывшие железнодорожники имеют указание мобилизационного характера при вступлении немецкой армии на территорию СССР в проведении работы по перешивке железнодорожной колеи на узкую, а также в руководстве по налаживанию работы железнодорожного транспорта.

На станции Ржешев сконцентрирован резерв до 100 штук паровозов узкой колеи.

№ 3024 от 9-IV-41г.

Верно:

17.4.41

Справка НКВД УССР о военных приготовлениях Германии

акт № 175/156 от 29.04.94

"РАССЕКРЕЧЕНО"
Служба внешней разведки РФ 10

225

51

тов. ЗАХАРУ. Берлин.

ПИСЬМО № 46.

от 5/IV-1941 г.

§ I п.46 от 5.4.41г.
О "Старшине" и "Корсиканце".

I. За последнее время мы буквально со всех сторон получаем агентурные сообщения о готовящейся германской акции. Эти сведения во многом, даже в сроках совпадают с данными "Старшины" и "Корсиканца", при чем при сопоставлении их оказалось, что все они идут из германских кругов или с территорий, оккупированных Германией.

Вместе с тем в американской и английской прессе в последнее время настойчиво и упорно предсказывают вторжение германских войск в Сов.Союз, оккупацию немцами Украины, "дешевую и молниеносную войну, которая вознаградит всех немцев" и т.д. Такие статьи были помещены в мартовских номерах газет "Чикаго дейли ньюс", "Нью-Йорк Геральд Трибюн" и в "Нью-Йорк Таймс". В английской газете "Дейли экспресс" во второй половине марта была помещена статья, в которой говорится о "секретной подготовке" Германией войны против СССР, о создании "антибольшевистского генштаба" в Кракове, о концентрации военных сил под Краковом, которые предназначаются для нанесения главного удара против СССР и т.д.

Такое обилие агентурных сведений о "секретной под-

Письмо руководства внешней разведки НКГБ СССР в берлинскую резидентуру

готовке" Германией этой акции, оживленная дискуссия этого вопроса в англо-американской печати наводит на мысль не имеет ли здесь место широко задуманная инспирация или

а) самих немцев с целью оказать таким образом давление на СССР и получить уступки по какому-либо вопросу, или

б) англо-американского блока с целью добиться трещины в советско-германских отношениях и переадресовать германскую агрессию на Сов.Союз.

Весьма возможно, что здесь переплетаются оба явления.

При этом агентура может являться простым рупором этих слухов, которые специально инспирируются, как той-, так и другой стороной.

Однако, эти предположения отнюдь не должны демобилизовать нашу бдительность к этому вопросу. Наоборот, Вам нужно тщательно фиксировать и сообщать немедленно нам все сведения получаемые Вами от агентуры по этому вопросу. Старайтесь возможно точнее передавать изложение этого вопроса агентом и выяснять первоисточник этих сведений.

Старайтесь по возможности сразу же на месте предпринимать проверку агентурных сведений, не дожидаясь наших указаний по этому вопросу, например вопрос о прекращении частных перевозок по жел.дорогам, о концентрации войск в том или ином районе и др., что Вы можете проверять соб-

ственными силами или через агентуру.

Работу со "Старшиной" следует максимально активизировать. Из Ваших сообщений видно, что "Старшина" отлично понимает кому и для чего нужны его сведения. Ему следует об"яснить насколько важно нам иметь по этим вопросам документальные материалы или хотя бы копии их.

Между прочим в одном из сообщений "Старшина" указывает, что немцы готовят планы бомбардировок против Выборга и Ленинграда с одной стороны, против Киева и Яссы с другой. В следующем сообщении "Старшина" говорит, что немцы готовятся подвергнуть бомбардировке Киев, Яссы и другие города Советской Украины". Между тем известно, что Яссы -румынский город. Такое невежество со стороны "Старшины", который специально занимается этим дело выглядит странно.

§ 2. Активизация работы со "Старшиной" ни коим образом не должна отражаться на работе с "Корсиканцем".

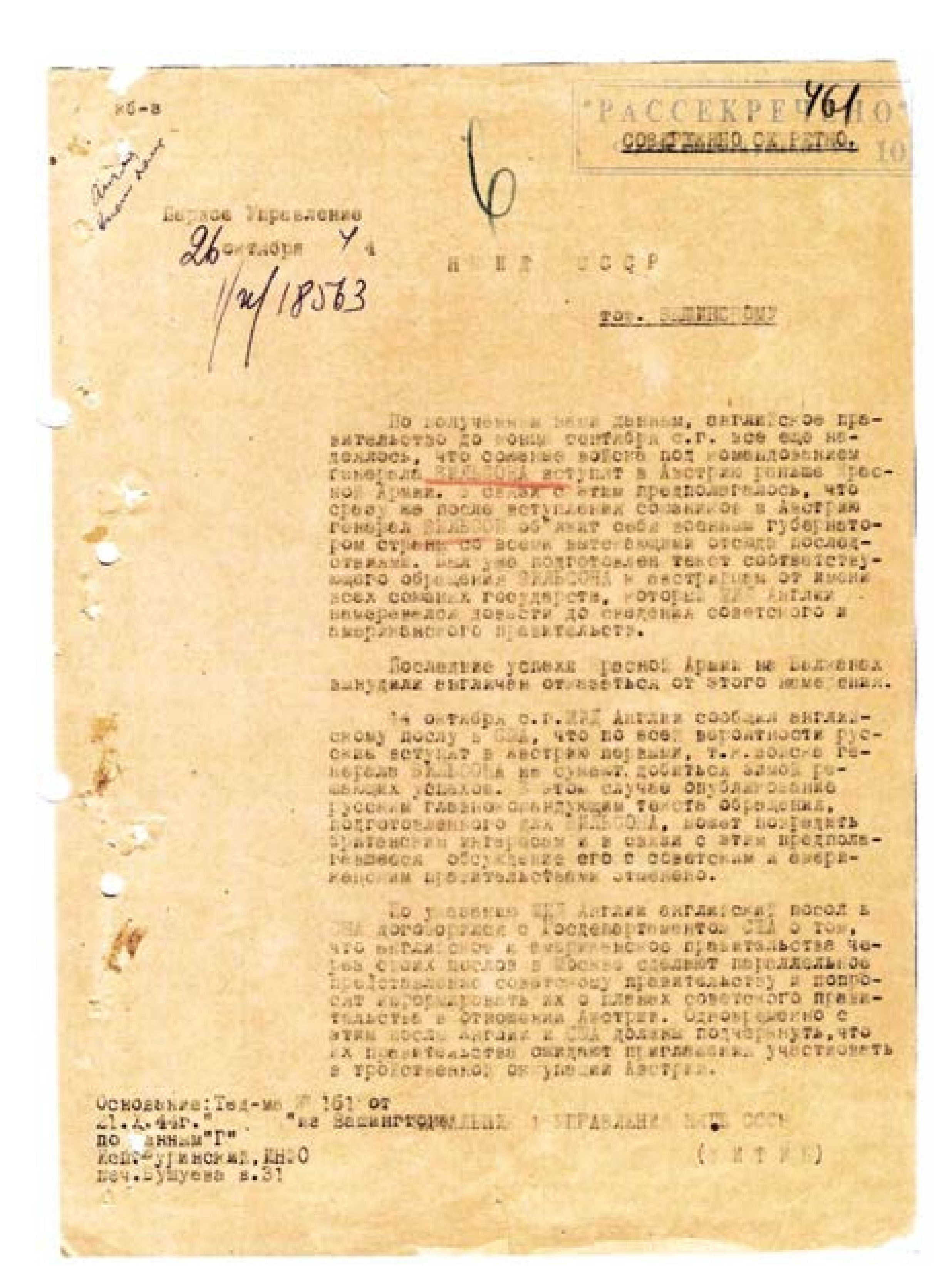
Нужно добиться регулярного получения от него материалов его ведомства, главным образом о потенциале экономических ресурсов Германии, отторговых договорах с другими странами, о положении валютного рынка и т.д., о чем мы уже неоднократно указывали.

Вместе с тем поговорите с "Корсиканцем", кого из его близких людей можно также непосредственно переключить на связь с нами. В первую очередь обсудите вопрос о

54

226

"   ", "   ," и "   ". Нас также интересует дальнейшее изучение Лебера (в будущем "   ") и "   ". Определите, наконец, кто такой "   :", почему "Короленец" упорно не называет его имена.

Кб-в

"РАССЕКРЕЧЕНО" 461

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО.

10

6

Первое Управление
26 октября 44
1/н/18563

НКИД СССР

тов. ВЫШИНСКОМУ

По полученным нами данным, английское правительство до конца сентября с.г. все еще надеялось, что союзные войска под командованием генерала ВИЛЬСОНА вступят в Австрию раньше Красной Армии. В связи с этим предполагалось, что сразу же после вступления союзников в Австрию генерал ВИЛЬСОН объявит себя военным губернатором страны со всеми вытекающими отсюда последствиями. Был уже подготовлен текст соответствующего обращения ВИЛЬСОНА к австрийцам от имени всех союзных государств, который МИД Англии намеревался довести до сведения советского и американского правительств.

Последние успехи Красной Армии на Балканах вынудили англичан отказаться от этого намерения.

14 октября с.г. МИД Англии сообщил английскому послу в США, что по всей вероятности русские вступят в Австрию первыми, т.к. войска генерала ВИЛЬСОНА не сумеют добиться заметных успехов. В этом случае опубликование русским главнокомандующим текста обращения, подготовленного для ВИЛЬСОНА, может повредить британским интересам и в связи с этим предполагавшееся обсуждение его с советским и американским правительствами отменено.

По указанию МИД Англии английский посол в США договорился с Госдепартаментом США о том, что английское и американское правительства через своих послов в Москве сделают параллельное представление советскому правительству и попросят информировать их о планах советского правительства в отношении Австрии. Одновременно с этим послы Англии и США должны подчеркнуть, что их правительства ожидают приглашения участвовать в тройственной оккупации Австрии.

Основание: Тел-ма № 161 от 21.10.44г. из Вашингтона по данным "Г"

НАЧАЛЬНИК 1 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР
(ФИТИН)

Исп. [illegible]
Печ. Бушуева в.31

Письмо руководства внешней разведки НКГБ СССР о планах английского правительства относительно Австрии

Подлежит возврату через 6 суток
в 4 отделение 9 отдела Разв. Упр.
Генштаба Красной Армии

РАССЕКРЕЧЕНО
по акту № 1
от « 14 » 01 2002

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Снятие копии воспрещается

Экз. №

РАСШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА Вх. № 12834

Из ВАШИНГТОНА *подана* 00 *час.* 07 *мин.* „17“ июля 1941 *г.*

Получена 9 отделом 04 *час.* 50 *мин.* „17“ июля 1941 *г.*

Для заметок и резолюций

По телеграфу

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ
ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ
ВАШИНГТОН, 16 июля 1941 года

1. Позиция США по отношению нас на сегодняшний день не является единой. Рузвельт и ряд членов (Моргентау Икес) за помощь нам, государственный департамент настаивает на позиции об"единенного развития войны, военный департамент настроен антисоветски и против помощи.

2. 10.7. Штейнгард телеграфировал: японский посол говорил о позиции Японии относительно СССР: "Ждать и смотреть", что японских сил в Маньчжурии достаточно только для обороны и что только распад СССР, из которого японцы получили бы пользу без большой войны, мог бы спасти положение Мацуока.

№ 303 – МОРИС

Расшифровал 09 *ч.* 45 *м.*
„17“ июля 1941 *г.*
Никитин

Отпечатано в „3“ экз. 17 – 12 ч. 30 м. БП

1. Адресату
2. т. Дронову
3. в реестр

Начальник 4 отделения — *Начальник 1 отделения*

Сообщение Л. А. Сергеева (Морис) из Вашингтона

70

Подлежит возврату через 6 суток в 4 отделение 9 отдела Разв. Упр. Генштаба Красной Армии

РАССЕКРЕЧЕНО
по акту № 6/4
от «07» 07 1989

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Снятие копии воспрещается
Экз. № 1

537

РАСШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА Вх. № 16443

Из Берлина подана 12 час. 52 мин. «29» декабря 1940 г.

Получена 9 отделом 19 час. 00 мин. «29» декабря 1940

Для заметок и резолюций

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДУПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

БЕРЛИН 29 декабря 1940 года.

Альта сообщил, что Ариец от высоко-информированных военных кругов узнал о том, что Гитлер отдал приказ о подготовке к войне с СССР. Война будет объявлена в марте 1941 года.

Дано задание о проверке и уточнении этих сведений.

№ 431 — МЕТЕОР.

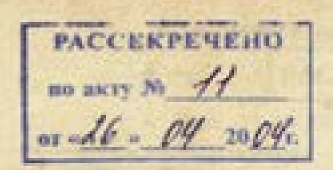
Скорняков.

Расшифровал 19.20 ч. 29.12.40
Малинский.

Отпечатано в 3 1/2 экз. 29.19.33 м.

1. Адресату. 6. т. Сталину 11.
2. т. Панфилову. 7. т. Сталину 12.
3. т. Дубинину 8. т. Молотову 13.
4. т. Тимошенко 14.

Сообщение И. Штёбе (Альта) о подготовке Германией нападения на СССР

109.
88

Сов.секретно
экз.№ 2

ПЕРЕЧЕНЬ ДОНЕСЕНИЙ
о военной подготовке против СССР
за январь-июнь 1941 г.

Кто	Когда донес	За какой период	Начало наступления.	Причины
1	2	3	4	5
Макс (1 отд.)	2.11.40	-	После победы над Англией	Удар предполагается с двух флангов: охватом со стороны севера (Финляндия) и со стороны Балканского полуострова. О причинах не говорит.
Скорняков ([illegible]ТТ)	25.12-40г.	-	Весной 1941 г.	Анонимка: план наступления - направления: от Люблин вдоль р.Припять на Киев; из Румынии между Ясси и Буковина на Тетерев; из В.Пруссии по р.Березина, Днепр на Киев. Одновременно ударом из Албании СССР должен быть отрезан от Дарданелл.
Вх.891сс (1 отд.)	15.2.-41г.	-	Через 2-3 месяца	Германия не имеет хлеба и поэтому стремится захватить Украину. Нападение произойдет через Румынию.
Вх.0356сс [illegible]	6.3.-41г.	-	После разгрома Греции	ВАТ Югославии Смилович убежден, что захват Греции предшествует нападению на СССР. Выход немцев к Дарданеллам является актом против СССР.
А.Г.	Февраль	-	После заключения мира с Англией.	СССР полностью будет подготовлен к войне в 1942г., а Германия может к этому времени истощиться.
[illegible]та (1 отд.)	17.1.-41г.	-	Весной 1941 г.	"А" сказал, что война с СССР не простые слухи, а приказ Гитлера, который известен ограниченному кругу лиц, занятых подготовкой к войне с СССР.
[illegible] (1 отд)	17.1.-41г.	-	Март 1941г.	В военных и дипломатических кругах говорят, что после поражения Англии или заключения с нею мира, ближайшим врагом будет СССР.

Перечень донесений о военной подготовке Германии против СССР за январь— июнь 1941 г.

РАССЕКРЕЧЕНО

1	2	3	4	5
Хлопов (ВАТ) пом	8.1.41	-	-	Ассистент американского ВАТ в Германии в разговоре с нашим помощником ВАТ сказал: "Мы имеем сейчас сведения из очень достоверных источников о том, что Германия готовится начать войну против СССР". Точно срок не указывает, но подчеркивает, что сведения достоверны.
[illegible]- сс (1 отд)	[illegible].2.41	-	Весной 1941г.	В интересах реорганизации Европы и в интересах окончательной победы Германии СССР должен ~~должен~~ быть уничтожен. На всякие попытки СССР в отношении территории Румынии Германия даст отпор.
Вх.751сс (1 отд)	7.2.-41г.	-	Весной 1941 г.	Арнец еще раз повторяет, что весной произойдет столкновение между Германией и СССР. В военных кругах и министерстве иностранных дел считают, что война предвидет конец национал-социалистского строя.
[illegible]ава (ВАТ)	26.2.-41г	-	-	Немецкие войска в Румынии предназначены для действий против СССР. В текущем месяце увеличился поток "туристов" в Финляндию и воинских транспортов в Словакию и Галицию (в основном мехчасти).
[illegible] (ВАТ)	8.3-41	-	-	Посланнику в Белграде в министерстве иностранных дел сообщили, что нацистская партия и армия пришли к соглашению о целесообразности в скором времени начать наступление против СССР. Посланник оценивает, как немецкую пропаганду, сфабрикованную для балканских правительств.
Софокл (ВАТ)	9.3-41г	-	Апрель-май	От министра двора в Белграде известно, что Германский генеральный штаб отказался от атаки английских островов. Ближайшей задачей поставлено - захват Украины и Баку. К этому подготавливаются сейчас Венгрия, Румыния и Болгария.

1	2	3	4	5
Ещенко (1 отд)	15.3 41г.	-	Через 3 месяца	Адвокат Санар сообщил, что немцы, якобы, полностью меняют свой план и собираются наступать против СССР. Мы, говорят немцы, заберем у СССР хлеб, уголь, нефть. Главный штаб Румынской армии вместе с немцами занимается разработкой плана войны против СССР.
[illegible] (ВАТ)	22.3. 41г.	-	-	По сообщению работников министерства торговли 20.3 немцами отдано секретное распоряжение приостановить выполнение заказов для СССР, промышленностью Протектората. Атташе югославского торгового агентства Церович показывал марки "Украинской Народной Республики". В Кракове генерал Войцеховский формирует славянский антибольшевистский корпус.
[illegible]нко (1 отд)	24.3.- 41г	-	Май О	Данные АБЦ: при встрече Антонеску с Герингом обсуждался вопрос о роли Румынии в предстоящей войне с СССР. В Берлине широко распространены слухи о неизбежности войны. Здесь утверждают, что Красная армия слаба, что вторжение до Москвы и Урала не составляет трудностей для немцев. Если будет война Англия не будет помогать СССР. В настоящее время из Франции к границе СССР перебрасывается громадное количество вооружения.
Савва (ВАТ)	24.3. 41г	-	15.4 О	По непроверенным сведениям, срок выступления против СССР 15.4. Прекращение выполнения наших заказов в Протекторате подтверждается.
Барт (1 отд)	24.3.- 41	-	- О	Здесь открыто говорят о войне с СССР. Призванные направляются к нашей границе. На днях призываются лица до 50 лет. В Кенигсберг прибывают с Запада новые части.
Томаш (1 отд)	24.3. 41	-	15.4 О	За последние полторы недели мастера не дают прохода, преследуя нагло. Получено указание задерживать отправку оборудования по заказам СССР До 15.4 должен окончательно решиться вопрос о походе немцев на восток.

РАССЕКРЕЧЕНО

40

1	2	3	4	5
Томаш (1 отд)	26.3	-	- О	Прекращен прием всех грузов на Перемышль, за исключением снаряжения, продовольствия и фуража. Подтвердил из другого источника подготовку похода на восток.
[illegible]енко (1 отд)	26.3 41	-	Через 2-3 месяца О	Румынский генеральный штаб имеет точные сведения о том, что на территории В.Пруссии и Польши готовятся 80 дивизий для наступления на Украину. Одновременно немцы вступят и в балтийские страны, где надеются поднять восстания против СССР. Румыны вместе с немцами участвуют в войне и получают Бессарабию.
[illegible]енко (1 отд)	25.3 41	-	-	24 марта у Антонеску было совещание, на котором последний предлагал свои услуги для борьбы против СССР. Немецкий офицер Херберт сказал: "Красные собаки! С ними скоро у нас будет расчет. Мы отберем [illegible]

РАССЕКРЕЧЕНО

115

91

1	2	3	4
Ещенко	25.3.41	Май	АБЦ: Гофман сообщил, что он несколько дней назад имел разговор с Антонеску, который сказал, что еще в январе этого года, при встрече с Гитлером он был посвящен в план войны против СССР.
Ещенко	25.3.41	Май	-1. СССР закулисный враг Германии 2. СССР пытается всеми силами продлить войну и есть опасность, что продвижение на ю.в. нем.армия подвергнется фланговому удару. 3. Кризис с продуктами питания заставляет отнять Украину. Основная причина войны - возможный переход СССР на сторону Англии.
Арнольд	27.3.41	Май август	Румын передал югославу, что Германия выступит против СССР если не в мае, то в августе.
Юрий Токио	25.3.41		Наступление на Англию немцев может провалиться. Имеется на этот случай 2-й план наступления на ближний восток. С СССР Германия считаться не будет, так как Красная армия показала слабость в Польше и Финляндии.
Маро	27.3.41		Создаваемая немцами группировка войск на Балканах направлена, главным образом, против Украины, которая должна быть продовольственной базой и нефтяной на случай затяжной войны с Англией.

РАССЕКРЕЧЕНО

116

92

1	2	3	4
Скорняков Вх.1624.	11.3.41	Из высказыв. Китайского ВАТ в Германии нашему ВАТ. Проведение военных действий против СССР в течение 4-6мес	1. Вторжение в Англию в наст время представляется как очень трудноосуществимое мероприятие (дело). 2. Красная армия не обладает достаточной боеспособностью. 3. Русские не имеют какого нибудь плана широкого наступления против Германии и их противодействие будет сведено к задержанию германского наступления.
"Док" Вх.1725	Первая половина марта.	Неизбежность войны с СССР (сроки не указаны) Создание 50млн украинского государства.	Гитлер обосновывает план захвата Сов.Украины следующими мотивами: 1. Создание 50мил.Укр.государства разрешило бы проблему питания Европы. Этот план поддерживают приверженцы Гитлера старые националсоциалисты. Военные не одобряют такого плана так как это приведет к кровопролитной войне, которая неизвестно чем кончится. Некоторая достоверность такого плана подтверждается поддержкой украинцев в генерал-губернаторстве.
Хлопов Вх.1651.	13.3.41	Высказывания ВАТ Швеции нашему ВАТ. (Сроки не указаны).	1. Переброски герм.войск к нашим границам. 2. Усиление пропаганды против СССР. 3. Из-за возникших трений между Германией и СССР по балканскому вопросу.
Дяхтеров Вх.1590	12.2.41	Представитель ТАСС в Венгрии Война Германии с СССР в дальнейшем неизбеж-	Пресс-атташе рум.посольства в Будапеште сказал,что он беседовал с одним крупным герм.офицером,который ска-

РАССЕКРЕЧЕНО

117

93

1	2	3	4
Марс	4.3.41		Крупный венгерский чиновник слышал от немецких офицеров, что уже в этом году Германия выступит против СССР.
Ященко	26.3.41		Имеются слухи о предстоящем конфликте между Германией и СССР. Антонеску при посещении Берлина 1.1.41г. лично Гитлером был посвящен в планах войны Германии против СССР и об этом был детальный разговор при встрече Антонеску с Герингом в Вене. Гофман считает критическим месяцем - май этого года. Антонеску обещал Германии активное участие в немецкой компании против СССР.
Ященко	12.3.41		Намечалась переброска немцев в Болгарию 27-28.II.41г. но был приказ из Берлина, чтобы часть войск, которые намечены для переброски в Болгарию, перебросить в Молдавию. В Молдавии и Буковине большое скопление немцев. В немецких кругах говорят "мы будем защищать Румынию и Болгарию от Англии и СССР.
Ященко	24.3.41		При встрече Антонеску с Герингом в Вене обсуждался вопрос о роли Румынии в предстоящей войне Германии с СССР. В Берлине отмечают, что Антонеску чрезвычайно враждебно настроен против СССР. Геринг при встрече с Антонеску в Вене дал Антонеску ряд указаний, по согласованию плана мобилизации румынской армии с планом мобилизации [illegible]

РАССЕКРЕЧЕНО

1	2	3	4
Ещенко	26.3.41		Ожидается выступление Германии на Украину через 2-3 месяца, одновременно вступят в Балтийские страны, где они ожидают восстания против СССР.
АЛЬТА /[illegible]отд/.	25.3.41	между 15.5 и 15.6.41	Для обеспечения себе продовольственной базы и поддержания своего авторитета Гитлер выступит против СССР. Факты подтверждающие это: 1. В Польше сконцентрировано 120 дивизий; 2. Запасные аэродромы в Польше занимаются бомбардировочными эскадрильями; 3. Интенсивное строит. ПВО на Востоке Германии. Формируются 3 арм. группы: 1. под командованием маршала Бока, Рундштедта и Риттера фон Лееб. 2. 1 арм. группа Кенигсберг-движется в направлении Ленинграда, 2-арм. группа Варшава, движется в направлении Москвы, 3 арм. группа Позен, движется в направлении на [illegible] Киев.
"X"	5.2.41	После окончания войны с Англией	Основания: 1. На границе с СССР стоит такое количество немецких войск, которое больше чем необходимо для защиты границ. 2. Сразу после войны с Францией Гитлер отдал приказ строить "восточные укрепления". 3. В восточных городах Германии идет усиленное [illegible] установка средств ПВО. Укрепления на Востоке были закончены в конце 1940 г.
"X"	27.3.41		В начале марта была созвана пресс-конференция в Берлине на которой Гитлер запретил писать, что либо о СССР. Гит-

РАССЕКРЕЧЕНО

119

1	2	3	4
			В кругах НСДАП господствует мнение, если Германия в ближайшее время не достигнет решительной победы над Англией, то Германия выступит против СССР, для захвата Украины. Другие считают, что Германия должна уже в июле выступить против СССР.
"Х"	5.4.41	1.5.-15.6.41	Советник правительства Боде из имперского минист.хоз . заявил, что в Берлине самые ответственные круги убеждены в предстоящей войне против СССР. Называют сроки 1.5.41, но в связи с событиями на Балканах срок выступления перенесен на 15.6.41. В Берлинских кругах считают, что Красную Армию легко разбить, т.к. она сконцентрировала основные силы на центральной части фронта. Этим частям немцы собираются вбить несколько клиньев на юге и на севере, согнав их в котловину и подготовить второе Кутно. Первоначальные основные атаки будут нанесены на юге и на севере.
"Х"	17.4.41	О	В настоящее время большинство немецких представителей фирм, напуганные упорными слухами о предстоящей войне с СССР выехали из Москвы. Судя по ведущейся подготовке /концентрация войск на Востоке/ особенно в Вост.Пруссии / война с СССР не исключена в самое ближайшее время. На границах с СССР сосредоточено до 100 дивизий.
"Х"	29.4.41	Ш	Шуленбург не был принят Риббентропом. Только 28.4.41 его внезапно вызвал Гитлер. Корреспондент немецких газет в Москве Тимм получил задание срочно доложить о состоянии автострады Москва-Минск. Полковник Криппс заявил что немцы рассчитывают всю операцию против нас провести-вплоть до занятия Москвы, Ленинграда, Киева и Одессы максимум в 4 недели. Гитлеровцы совершенно открыто готовят общественное мнение Германии к войне против СССР.
		через 6 недель.	Шуленбург не был принят ни Гитлером ни Риббентропом, что аналогично послу Германии в Польше, который за шесть недель до войны был вызван в Берлин. Непринятие Шуленбурга Гитлером означает, что вопрос о войне с СССР окончательно решен.
"Х"	29.4.41	15.5.41	Немцы предложили перебросить весь

РАССЕКРЕЧЕНО

121

1	2	3	4
			Имеется приказ, чтобы тяжелая артиллерия 19.6. была переведена из Кракова к границам СССР. Типпельскирх считает, что поводом к войне будет какой нибудь пограничный конфликт на советско-румынской границе. В Румынии и Финляндии об"явлена мобилизация.
13x			
"Х"	14.6.41	20.6.-23.6 июнь	Дни до 20 или 23.6.41 являются по мнению писеры решающими. Гитлер предложил Сталину приехать в Германию. Ответ должен быть дан до 12-13.6.41. Если Сталин не приедет в Берлин, то война неизбежна. Германия пред'явила требования СССР: а/дополнит. поставка 2.5 млн. тонн хлеба, б/свободный транзит в Персию и военная оккупацию советских зерновых складов на 4-5 млн. тонн. Последний срок принятия предложений 23.6.41. Я убежден, что через несколько недель после начала войны нами будут заняты важнейшие части СССР. Идет небывалая в истории подготовка для этого похода.
"Х"	14.6.41		Хильгер заявил, что ему известно, что немецкие военные круги боятся, что Красная Армия может сконцентрировать свои главные силы глубоко внутри страны. Тогда немцы смогли бы занять большую часть страны, но не смогли бы разбить Красную Армию еще в первой фазе войны.
"Х"	14.6.41	первая половина июня	В немецком посольстве в Москве царит беспокойство и неуверенность. Информация из Берлина говорит за то, что военные приготовления продолжаются и в министерствах убеждены, что война будет в первой половине июня.
"Х"	19.6.41	20.6.41	В посольстве убеждены, что с 20.6. следует ежедневно считаться с началом военных действий между Германией и СССР. Посольство получило указание немедленно отправить всех детей и женщин, получил указание о выезде немецкий морской аттаже вместе с персоналом. Хильгер получил обусловленную телеграмму, что война решена. Хильгер заявил, что теперь совершенно ясно, что война неизбежна.
"Х"	20.6.41	20.6.41	От"езд морского атташе и детей была произведена. Дипкурьеры очередные получили указание не выезжать из Берлина. Промышленные представители немецких фирм в

РАССЕКРЕЧЕНО

1	2	3	4
...х.	21.6.41 утром.	немедленно	(!) О Посольство получило телеграмму из Мид в Берлине,с 4.00 идет совещание у Типпельскирха.Источник убежден,что война начнется в ближайшие 48 часов.
...х.	21.6.41 в 19.00	немедленно	Посольство утром получило указание уничтожить все секретные бумаги.Приказано всем сотрудникам посольства до утра 22.6. запаковать свои вещи и сдать их в посольство,самим также находится в здании посольства,живущим вне посольства переехать в посольство. СЧИТАЮТ,ЧТО НАСТУПАЮЩЕЙ НОЧЬЮ БУДЕТ РЕШЕНИЕ- ЭТО РЕШЕНИЕ ВОЙНА.

54 экз.

О – ~~отмечены~~ отмечены не посланные руководству донесения.

? Рука М.Ф. Панфилова? Б.Г.
(Заместит. Голикова)

Плакат Г. Бершадского. 1941 г.

Плакат В. Милашевского. 1941 г.

Плакат А. Кокорекина. 1941 г.

Плакат Л. Торича. 1941 г.

БУДЬ ЗОРОК, СОВЕТСКИЙ ГРАЖДАНИН,
ТВОЙ ВРАГ ИМЕЕТ МНОГО ЛИЧИН

Оденься он нищим,
мы его разыщем

Притворись, что колхозник,
обличим его козни

Бабой может переодеться,
все равно никуда ему не деться

Он может быть в форме железнодорожной,
следи повсюду–где только можно

Враг маскируется утонченно и ловко,
имеет он большой по шпионажу стаж,
зато у нас в ответ на гнусный шпионаж–
своя советская смекалка и сноровка

Плакат А. Нюренберга. 1941 г.

Плакат И. Непомнящего. 1941 г.

Плакат Н. Кочергина. 1941 г.

Плакат Охлопкова. 1941 г.

С ПЫЛУ, С ЖАРУ—ПО ШТЫКУ НА ПАРУ...

Как задумал штаб фашистов
К нам послать парашютистов.

Вот их четверо подряд
С неба камнями летят…

Приземлилась вся четверка,
Только наши смотрят зорко:

Крикнув дружное „ура“,
Дали бой им повара…

Первый парень из десанта
Встретил повара-сержанта:

Делать тот привык шашлык,—
Посадил врага на штык!

Не удрал второй от смерти:
Штык проколол его, как вертел,—

Бравый повар, наш боец,
Был по фаршировке „спец“…

Два последних бандита
Были тоже перебиты:

Накормили так с утра
Немцев наши повара…

Плакат Н. Кочергина. 1941 г.

Плакат П. Алякринского. 1942 г.

Советское руководство стремилось как можно быстрее перейти к совместным военным операциям против немцев. Удар англо-американских сухопутных войск в тыл Германии заставил бы вермахт сражаться на два фронта, чего они всячески старались избежать, поскольку это привело бы к закономерному и достаточно быстрому истощению и последующему разгрому фашистской военной и государственной машины. Однако практическая реализация вроде бы очевидного соображения наталкивалась на упорное сопротивление со стороны союзников. Сложность для советского руководства заключалась в том, что на словах Черчилль и Рузвельт поддерживали идею открытия второго фронта, а на деле обставляли ее осуществление различными «объективными» препятствиями, которые якобы вынуждали их все время отодвигать сроки начала сухопутных операций против Германии в Европе.

Возникал крайне значимый для судьбы государства вопрос, насколько можно было принимать в расчет обещания союзников при планировании военных действий. Ответ на него стал важной задачей внешней разведки. Основной вклад в решение данной проблемы внесли резидентуры в Англии и США. Из их сообщений следовало, что позиция союзников в 1941 г. определялась неверием в способность Москвы выстоять под ударами вермахта. Поэтому отправлять своих солдат на гибель в Западную Европу представлялось для них нецелесообразным. В каком направлении работала мысль англичан в тот период, показывает перехваченная телеграмма министра иностранных дел Англии А. Идена от 30 июня 1941 г. британскому послу в Москве С. Криппсу. Министр потребовал от посла незамедлительно поставить перед советским правительством вопрос об открытии британских консульств в Баку, Астрахани, Тбилиси и Новосибирске. Здесь планировалось срочно развернуть разведывательную работу и в случае необходимости подготовить диверсии на советских военных объектах, чтобы они не достались немцам[14].

В сентябре 1941 г. внешняя разведка добыла содержание телеграммы У. Черчилля С. Криппсу, в которой британский премьер объяснял позицию по второму фронту. Если отбросить рассуждения об отсутствии возможности начать сухопутные операции на западе Европы в 1941 г., наибольший интерес для советского руководства представляло утверждение британского премьера о том, что союзники еще могут предпринять соответствующие меры к подготовке кампании в 1942 г.[15]

Вместе с тем в данном случае, как показали последующие события, британский премьер лукавил перед своим послом. В октябре 1941 г. лондонская резидентура получила доклад лорда Э. Бивербрука, который он подготовил после возвращения с трехсторонних переговоров в Москве. В нем английский министр высказался за открытие второго фронта, однако данное предложение было отвергнуто членами кабинета, против него категорически возражал и сам Черчилль. Резидентура подчеркнула, что против предложений Бивербрука выступили не только консерваторы, но и лейбористы. Таким образом, отрицательное отношение к открытию второго фронта было единой позицией политической элиты Британии.

12 июля 1942 г. внешняя разведка сообщила Сталину об итогах встречи Рузвельта и Черчилля в Вашингтоне. Согласно достигнутым договоренностям, основное внимание в 1942 г. союзники планировали уделить боям с немцами в Северной Африке. Открытие второго фронта на западе Европы не предполагалось[16]. В августе 1942 г. Черчилль на переговорах со Сталиным в Москве в присутствии представителя президента США А. Гарримана заявил, что союзники откроют второй фронт весной 1943 г.

В данном контексте небезынтересно вспомнить об одной дезинформационной операции, которую с санкции Рузвельта провели американские спецслужбы. В ноябре 1941 г. американцы из перехваченной шифропереписки Берлина с Токио узнали, что немцы заверили японцев в выполнении своих обязательств по Тройственному пакту, если Япония начнет войну против США. Однако вступление США в войну с Германией уже в 1941 г. было невыгодно Вашингтону, в том числе из-за необходимости в таком случае определяться с практическим участием в открытии второго фронта в Западной Европе. Чтобы удержать Германию от объявления войны США, американские спецслужбы довели до немцев специально подготовленный дезинформационный документ под названием «Программа победы». В нем на

Франклин Рузвельт и Уинстон Черчилль за беседой на Квебекской конференции

основании ложных расчетов делался вывод о готовности американцев к войне с Германией в Западной Европе не ранее июля 1943 г. Из документа следовало, что немцы спокойно могли вести войну против СССР, не опасаясь удара на Западе по крайней мере до середины 1943 г.[17]

Хотя германское руководство в отношении объявления войны США поступило по-своему, реальные сроки открытия второго фронта не очень отличались от доведенной до немцев дезинформации. Это обстоятельство наводит на размышления, имело место в данном случае собственно дезинформирование или, наоборот, неофициальное предупреждение о намерениях.

Однако и в 1943 г. «перетягивание каната» по поводу сроков открытия второго фронта продолжалось. При этом западные союзники не проявляли особой щепетильности при информировании Сталина о своих планах по данному вопросу. Дело доходило до прямого обмана советского руководства. Так, 9 февраля 1943 г. Черчилль по согласованию с Рузвельтом направил советскому лидеру послание о результатах англо-американской конференции в Касабланке, где якобы было принято решение о высадке союзников в Западной Европе в августе — сентябре 1943 г. В то же время 24 апреля 1943 г. нью-йоркская резидентура сообщила о беседе Рузвельта с Иденом в Вашингтоне. Президент, в частности, сказал английскому министру, что начальники штабов возражают против открытия второго фронта в Европе в 1943 г.[18]

Возникает закономерный вопрос, в чем заключались истинные причины такого поведения западных союзников? Внешняя разведка ответила на него. В 1943 г. из тегеранской резидентуры поступила информация о беседе источника с английским консулом в Иране Куком. Британец пояснил намерения в отношении СССР со стороны союзников, которые вели дело к взаимному истощению Германии и Советского Союза до степени, позволяющей им продиктовать свои условия послевоенного мира. В связи с этим России оказывалась помощь только в том размере, который позволял ей вести дальнейшую войну. Второй фронт

планировалось открыть только тогда, когда союзники убедятся, что немцы и русские дошли до крайней степени ослабления, и можно закончить войну так, как выгодно союзникам[19].

Об истинных устремлениях военно-политической элиты США в 1943 г. свидетельствует рассекреченный уже после войны документ под названием «Меморандум 121». Он был подготовлен в недрах американской разведки в августе 1943 г. под руководством ее шефа У. Донована. Меморандум был направлен не на открытие второго фронта, а на варианты сдерживания советского продвижения в Европу. В нем, в частности, предлагалось «попытаться повернуть против России всю мощь непобежденной Германии, все еще управляемой нацистами или генералами». Как констатируется в документе, «это, вероятно, приведет к завоеванию Советского Союза... Германией... Чтобы не допустить последующего господства Гитлера... мы вместе с Великобританией будем обязаны после завоевания России Германией взяться еще раз за трудную, а может быть, невыполнимую задачу — нанести поражение Германии». В меморандуме отмечалось, что общественное мнение в США и Англии было решительно настроено против Германии. Поэтому реализовать изложенные выше предложения было затруднительно и приходилось добиваться поражения Гитлера. В то же время предлагалось вести дело к «некоему урегулированию, враждебному интересам России»[20].

Обращает на себя внимание, что меморандум был утвержден Объединенным комитетом начальников штабов и направлен президенту США. В нем на переломном этапе борьбы с Германией официально проводилась мысль о том, что победа Гитлера — меньшее зло, чем выигрыш войны Советским Союзом.

В августе 1943 г. в Квебеке состоялись переговоры Рузвельта и Черчилля, на которых были определены планы союзников на 1944 г. Встреча проходила на фоне впечатляющих успехов советских войск в борьбе с вермахтом. Возникала реальная возможность того, что русские и без участия англичан и американцев разобьют немцев и войдут в Европу. Дальше тянуть с открытием второго фронта становилось опасным для интересов США и Англии. В связи с этим было принято два плана. Один — под названием «Оверлорд», предполагавший высадку англо-американских войск на западе Европы 1 мая 1944 г., если Красная армия до этого не добьется решительного успеха. А в том случае, если вермахт начнет разваливаться под ударами советских войск или из-за внутренних событий в Германии, в действие должен был немедленно вступить второй план — «Рэнкин», нацеленный на захват ключевых объектов на территории рейха. Ожидалось, что немцы не будут препятствовать максимально стремительному продвижению англо-американских войск. В Квебеке Рузвельт поставил задачу занятия Берлина раньше русских[21].

В ходе переговоров выявились некоторые разногласия между Рузвельтом и Черчиллем относительно районов высадки союзных войск в Европе. Американский президент настаивал на быстром захвате Западной Европы и Берлина по кратчайшим направлениям. Британский премьер стремился доказать правильность высадки в Италии и на Балканах, чтобы вторгнуться с этого плацдарма в Австрию и далее в Венгрию, а возможно, и в Польшу, что отрезало бы советским войскам выход в Центральную Европу. Данный план отражал попытки сохранить английское доминирование в традиционных зонах британского влияния. Однако Англия уже стала младшим партнером США, целиком зависящим от финансово-экономической поддержки Вашингтона, так что недюжинные усилия Черчилля успеха не имели.

В сентябре 1943 г. внешняя разведка информировала Сталина по всем указанным выше вопросам. Детальное знание истинных позиций союзников позволило советской делегации занять жесткую позицию на встрече «тройки» в Тегеране в ноябре 1943 г. по вопросу открытия второго фронта. Попытки Черчилля ограничиться обычными, ни к чему не обязывающими дискуссиями о намерениях, не увенчались успехом. На конференции были официально утверждены сроки проведения операции «Оверлорд» в мае 1944 г. Внешняя разведка внесла свой вклад в достижение этого успешного для советской стороны результата. Благодаря ее сведениям советское руководство своевременно принимало меры, которые не позволили реализовать приведенные выше планы по предотвращению продвижения Красной армии за отступающими немецкими войсками на территорию Германии и ее европейских союзников.

Разведывательное обеспечение Тегеранской, Ялтинской и Потсдамской конференций

К концу 1943 г. ситуация на советско-германском фронте окончательно изменилась в пользу Советского Союза. Среди западных союзников по антигитлеровской коалиции возникли опасения по поводу того, что СССР в состоянии сам разгромить гитлеровскую Германию и полностью воспользоваться плодами победы. В связи с этим между ними обострилась дискуссия относительно дальнейшей политики в отношении Москвы и о сроках и районах собственных наступательных операций в Европе.

В этих условиях 28 ноября — 1 декабря 1943 г. в Тегеране состоялась первая конференция глав государств «Большой тройки». К числу наиболее важных и острых проблем, обсуждавшихся в Тегеране, относились планы совместных военных действий на заключительном этапе войны, послевоенное устройство, будущие границы Польши.

Благодаря сообщениям нью-йоркской и лондонской резидентур внешней разведки Сталин достаточно четко представлял тактику действий Рузвельта и Черчилля на переговорах[22], и это позволило сформировать собственную жесткую, но реалистичную позицию. В результате участники конференции согласовали совместное решение о высадке во Франции в мае 1944 г.

Важные аспекты позиций западных союзников по вопросам послевоенного устройства Германии и Европы регулярно докладывались советскому руководству. Как свидетельствовали документы, полученные от нашей агентуры, американцы и англичане намеревались прежде всего устранить в лице Германии сильного конкурента в военно-политической и экономической областях. Путем расчленения страны и включения ее частей в различные федеративные образования предполагалось надежно подчинить их своим интересам, а также использовать подобный «кордон» против Москвы.

В частности, в добытом внешней разведкой документе о переговорах Ф. Рузвельта с президентом Чехословакии в эмиграции Э. Бенешем излагался план американского руководства по разделению Германии на пять-шесть отдельных государств[23]. Согласно полученному через лондонскую агентуру совершенно секретному меморандуму МИД Англии, британским интересам в большей степени соответствовало создание федерации отдельных немецких государственных образований. В то же время в документе не исключался компромиссный вариант — поддержка американской идеи о разделении Германии на несколько отдельных государств[24]. По мнению англичан, это позволило бы Лондону сохранить собственное влияние на послевоенную Германию.

Что касается послевоенного устройства в Европе, то внешняя разведка еще в 1942 г. доложила Сталину секретный меморандум, подготовленный британским министром иностранных дел А. Иденом. Документ содержал предполагаемые политические и территориальные требования к СССР по данному вопросу. Наибольшую ценность представили возможные контраргументы Сталина, которые трудно было бы опровергнуть. К их числу Иден относил:

1. Требование Сталина относительно возвращения тех территорий, которые уже являлись русскими до войны, а теперь оккупированы немцами;

2. Факт того, что Прибалтийские государства сами голосовали за присоединение к СССР в соответствии с принципами, изложенными в Атлантической хартии;

3. Факт того, что часть финской и румынской территорий была предоставлена СССР по договорам, законно заключенным до войны с Финляндией и Румынией[25].

Подобные аргументы Сталин успешно использовал в дискуссиях с лидерами США и Англии на Тегеранской и последующих конференциях. В частности, в Тегеране это позволило убедительно отклонить англо-американские предложения по послевоенному устройству Германии и Европы.

В конце 1943 г. внешняя разведка добыла секретный доклад министра лондонского правительства Польши М. Сейды о подходах польских эмигрантов к послевоенному устройству

Э. Бенеш

В. Сикорский

Европы. Судя по материалам, они претендовали на то, что Польша должна на западе иметь границу по Одеру — Нейсе за счет восточных немецких территорий, а на востоке — границу с СССР на основе договора от 1921 г.[26] Англичане, по данным лондонской резидентуры, в целом сочувствовали указанным планам польских эмигрантов, но не считали их реальными.

Полученные из нью-йоркской резидентуры сведения о переговорах Рузвельта с Черчиллем и Иденом, Бенешем, премьером польского эмигрантского правительства В. Сикорским показали, что США не поддерживают планы лондонских поляков относительно будущих границ Польши. С учетом данной информации советская сторона на переговорах в Тегеране отстаивала вариант, при котором восточная граница Польши должна была пройти по рубежам, сложившимся на 1939 г. (практически по линии Керзона), а западная — по Одеру и Нейсе. Союзники в принципе согласились с таким подходом, хотя окончательное решение данного вопроса было отложено.

Кроме информационного обеспечения работы советской делегации на Тегеранской конференции внешняя разведка принимала необходимые меры по обеспечению безопасности глав государств «Большой тройки». В период подготовки к Тегеранскому саммиту были получены сведения о готовящемся германскими спецслужбами покушении на ее лидеров. С учетом этого были мобилизованы все оперативные возможности советских спецслужб в Иране для предотвращения террористической акции немцев.

В данной работе отличилась группа Амира, состоявшая из молодых людей, патриотически настроенных по отношению к СССР. Амир — будущий выдающийся советский разведчик-нелегал Герой Советского Союза Г. А. Вартанян. Проезжая на велосипедах по Тегерану и его окрестностям, члены его группы вели наблюдение за немецкими разведчиками и их агентурой. В результате Амир получил информацию о высадке и передвижении в Тегеран на конспиративную квартиру германской разведки шести немецких парашютистов. Они являлись передовой группой, за которой должны были последовать главные исполнители. Немцев взяли под наблюдение советские и британские спецслужбы, их радиопереговоры с Берлином перехватывались и расшифровывались. Когда немецкая разведка узнала о провале передовой группы, она отказалась от продолжения операции, имевшей кодовое название «Длинный прыжок». Так, благодаря своевременным действиям тегеранской резидентуры в тесной координации с английскими партнерами удалось надежно обеспечить безопасность переговоров руководителей СССР, США и Англии.

Договоренности лидеров трех великих держав в Тегеране о сроках высадки западных союзников во Франции свидетельствовали о катастрофическом развитии ситуации для Гитлера — необходимости войны на два фронта. Тем не менее, как показали последующие события, признавая на словах тегеранские решения, Черчилль прилагал настойчивые усилия по их корректировке в выгодную для англичан сторону. В частности, лондонская резидентура внешней разведки получила сведения о том, что английский премьер уже после встречи в Тегеране вновь пытался убедить Рузвельта в целесообразности отказа от высадки во Франции и необходимости направить основные силы в Италию для наступления в Австрии и на Балканах. В октябре 1944 г. внешняя разведка добыла текст секретной телеграммы Черчилля Рузвельту, в которой британский руководитель, несмотря на развивающуюся во Франции операцию «Оверлорд», еще раз предлагал направить подкрепления не во Францию, а в Италию[27]. Однако все эти усилия не привели к положительному результату, так как Рузвельт не собирался защищать английские интересы в Европе в ущерб американским. А для США в данный период важнейшей задачей было кратчайшим путем и в сжатые сроки выйти к Берлину и как можно дальше на восток Европы. Подобная разница в позициях освещалась внешней разведкой в докладах советскому руководству.

На завершающей стадии войны снова возникла необходимость согласования подходов глав государств «Большой тройки» по основополагающим проблемам послевоенного устройства. В связи с этим была достигнута договоренность о проведении в феврале 1945 г. в Крыму Ялтинской конференции. Накануне саммита внешняя разведка регулярно докладывала Сталину информацию о подготовке западных союзников к переговорам и вырабатываемой ими позиции. Так, удалось добыть ряд документов, содержавших переписку Черчилля и Рузвельта по данным вопросам. В ней говорилось о необходимости согласовать зоны оккупации Германии западными державами, излагались планы англичан по вводу войск в Триест, Грецию, Австрию, Албанию, Болгарию, Венгрию, прослеживались разногласия между союзниками при выработке вариантов решения указанных проблем.

Внешняя разведка добыла документ объединенного разведывательного подкомитета Комитета начальников штабов Англии, в котором были закреплены предложения по оккупации британцами различных регионов мира и определялось число необходимых для этого войск[28]. Из США удалось получить подготовленный для Рузвельта секретный доклад о политике в отношении Германии. В нем, в частности, содержались предложения по ликвидации экономической мощи Германии и устранению ее в качестве конкурента США на мировых рынках.

Накануне Ялтинской конференции в Москве было проведено совещание руководителей разведывательных органов НКГБ, НКО и Наркомата Военно-морского флота. В процессе обсуждения оценивались возможности Германии для дальнейшего вооруженного сопротивления. Участники сошлись во мнении, подкрепленном разведывательной информацией, что война в Европе продлится не более трех месяцев. Обсуждались также переговорные позиции западных союзников на предстоящей конференции в Крыму. На основании анализа всех имеющихся сведений представители разведывательного сообщества выработали следующий прогноз: американцы и англичане пойдут на существенные уступки Советскому Союзу ввиду их большой заинтересованности во вступлении СССР в войну с Японией. Это впоследствии подтвердилось на переговорах в Ялте.

В январе 1945 г. внешняя разведка представила Сталину основные документы правительств США и Англии, в которых раскрывались их переговорные позиции на саммите. Освещались, в частности, следующие проблемы: расчленение и децентрализация Германии; размер германских территориальных уступок на востоке; будущее Рейнско-Вестфальского и Кильского районов; перемещение населения Германии; меры экономической безопасности и репатриации; обращение с главными военными преступниками; голосование в ООН; права советских республик в ООН; итало-югославская граница; режим Черноморских проливов; границы Польши и формирование временного польского правительства, а также некоторые другие вопросы.

Хорошая информированность советского руководства о позициях западных союзников позволила проводить в Ялте эффективную наступательную тактику. В результате удалось обеспечить учет национальных интересов нашей страны на главных направлениях послевоенного развития.

После разгрома фашистской Германии исчезла общая цель, скреплявшая в военные годы антигитлеровскую коалицию. Интересы западных союзников и СССР в послевоенном мире все более расходились. США и Англия готовились к конфронтации с Советским Союзом, в которой существенную роль должно было сыграть военное превосходство на основе монопольного обладания атомным оружием.

В июне 1945 г. внешняя разведка смогла добыть секретный доклад Комитета начальников штабов Англии правительству страны на тему «Безопасность Британской империи». В нем Советский Союз был определен в качестве главного противника Великобритании и всего западного мира в послевоенный период. Предлагалось разработать и провести комплекс внешнеполитических и военных мероприятий, направленных против СССР: формирование с помощью США военно-политических блоков и сети военных баз вокруг Советского Союза; международная изоляция СССР путем создания системы региональных организаций без советского участия, использования в этих целях ООН и других международных организаций; установление «особых» отношений с США в качестве основы для эффективного проведения данного курса. Новый президент США Г. Трумэн, вступивший на этот пост после смерти Ф. Рузвельта в апреле 1945 г., разделял подобные взгляды.

США и Англию очень беспокоили перспективы существенного усиления политической роли Советского Союза в Европе и в мире после победоносного разгрома германского фашизма. Так, в одной из перехваченных внешней разведкой телеграмм Черчилля Трумэну британский премьер с большой тревогой расписывал опасности, которые угрожают западным демократиям после освобождения советскими войсками Польши, Чехословакии, Венгрии и Румынии, а также вследствие продвижения советских войск в глубь Германии. Он рекомендовал американскому президенту не отводить войска западных союзников с занимаемых ими фактических позиций за линию разграничения оккупационных зон, установленных на Ялтинской конференции. Лондонская резидентура выяснила содержание секретного приказа Черчилля от марта 1945 г., в котором он предписывал командованию британской армии тщательно собирать германское оружие и боевую технику и складировать их. Предполагалось снова быстро раздать его германским частям, с которыми англичанам пришлось бы сотрудничать, если бы советское наступление в Западной Европе продолжилось.

В ходе развернувшейся борьбы за наиболее выгодные для каждой из стран-победительниц условия мирного урегулирования в Европе существенно обострилась ситуация вокруг послевоенного устройства Польши. Как сообщала внешняя разведка, несмотря на согласованное на Крымской конференции прекращение функционирования польского эмигрантского правительства в Лондоне и создание вместо него коалиционного Временного правительства национального единства, Черчилль не спешил отказываться от лондонских эмигрантов.

В свою очередь, эмигрантское правительство не признало решения Крымской конференции и в обстановке секретности пыталось создать условия для захвата власти в Польше. Формально согласившись распустить подразделения подчинявшейся им Армии Крайовой (АК), «лондонцы» приняли меры для сохранения на конспиративной основе наиболее боеспособных групп, ориентировав их на вооруженную борьбу с советскими войсками. Внешняя разведка добыла приказ главнокомандующего АК, в котором давались следующие директивы подобным боевым структурам: наступление Красной армии расценивать как новую оккупацию Польши; Временное правительство национального единства не признавать; законным правительством считать только польское правительство в Лондоне; в изменившихся условиях борьбы стремиться занимать различные посты в аппарате временного правительства; использовать все легальные возможности для овладения отраслями жизни временного правительства; АК распустить; командирам не легализовываться; хорошо законспирированные штабы оставить в подполье. Кроме того, для непосредственной диверсионно-террористи-

ческой деятельности была создана нелегальная организация «Вольность и неподлеглость»[29]. Английские спецслужбы оказывали помощь в подготовке кадров для таких групп, снабжали их оружием, боеприпасами и средствами связи.

С учетом враждебной направленности политики эмигрантского правительства для советского руководства было весьма важно добиться действительного отказа западных союзников от продолжения контактов с ним и осуществления практических шагов по созданию временного правительства на коалиционной основе. Внешняя разведка регулярно информировала Сталина о подходах англичан и американцев к решению данной проблемы. В частности, она получила через лондонскую резидентуру секретный список 35 кандидатов, которых западные союзники планировали продвинуть в новое правительство. Сведения разведки советское руководство успешно использовало для достижения компромисса с союзниками в деле формирования временного правительства, при котором были бы обеспечены наши национальные интересы.

Подобное развитие ситуации побудило Черчилля направить Трумэну телеграмму, в которой он предложил созвать новую конференцию глав антигитлеровской коалиции, чтобы попытаться отстоять западный вариант послевоенного устройства Польши. Для успешного урегулирования данного вопроса он считал необходимым тесно увязать его с решением других важных для Советского Союза проблем. В частности, компромисс в отношении польских границ предполагалось поставить в зависимость от уступок со стороны СССР в деле формирования новых органов власти в Польше и проведении здесь соответствующих выборов под контролем западных союзников. О сути указанных подходов внешняя разведка доложила руководству страны.

16 июля 1945 г. американцы успешно испытали первую атомную бомбу, которой у Советского Союза еще не было. Подобное преимущество в современных вооружениях стало средством дополнительного давления на СССР. На этом фоне 17 июля 1945 г. в Германии состоялась Потсдамская конференция. Советское руководство было достаточно подробно информировано внешней разведкой о переговорных позициях американцев и англичан. Ему были доложены также объективные прогнозы дальнейшего развития международной ситуации на основании добытых документов о послевоенных планах западных союзников в отношении СССР.

Внешняя разведка предупредила советское руководство о том, что наиболее острая борьба развернется вокруг послевоенного устройства Польши. Данная информация позволила советской делегации действовать, четко представляя реальную ситуацию, эффективно используя слабые места в позициях западных партнеров, и в целом добиться продвижения наших интересов.

Анализ деятельности внешней разведки по разведывательному обеспечению встреч на высшем уровне в Тегеране, Ялте и Потсдаме показывает, что она успешно справилась с этой задачей. Добытые ею секретные сведения, в том числе прогностического характера, нашли подтверждение в ходе переговоров. Материалы разведки способствовали достижению выгодных для нашей страны результатов указанных мероприятий на высшем уровне, которые на многие десятилетия обеспечили нам мирную жизнь.

Взаимодействие советской разведки со спецслужбами союзников

В годы войны Советский Союз осуществлял с Англией и США взаимодействие по линии разведок. Оно базировалось на соглашении между Москвой и Лондоном о совместных действиях в войне против Германии от 12 июля 1941 г. и соглашении с США о принципах, применимых к взаимной помощи в ведении войны против агрессии, от 11 июня 1942 г. Инициатива в налаживании совместной работы против Германии и ее союзников в разведывательной области исходила от англичан и американцев.

Первые переговоры на эту тему прошли в августе 1941 г. в Москве с англичанами. В качестве партнера внешней разведки выступило Управление специальных операций (УСО) Министерства экономической войны Великобритании. В результате был подписан документ под заголовком «Запись того, о чем согласились советские и британские представители в своих беседах по вопросу о подрывной работе против Германии и ее союзников». К нему прилагался «Предварительный план общей линии поведения в подрывной работе для руководства советской и британской секций связи». В качестве главных направлений взаимодействия были согласованы: координация диверсионной деятельности и определение ее объектов; обмен разведывательной информацией, полезной для подрывной работы; обмен новинками в области технических средств и методов диверсионной деятельности; оказание взаимного содействия в деле вывода агентуры в Германию и оккупированные ею страны.

Как видно из документа, с англичанами была достигнута договоренность о взаимодействии в области диверсионной деятельности, которая входила в компетенцию УСО. Вести подобную работу у нас было уполномочено 4-е управление НКВД. Что касается внешней разведки, то ее интересовала прежде всего стратегическая военно-политическая информация. Поэтому логичнее было бы 4-му управлению взаимодействовать напрямую с УСО. Однако в тяжелые дни лета 1941 г. советское руководство замкнуло УСО на внешнюю разведку. Как показало ближайшее будущее, различавшиеся сферы заинтересованности данных служб не способствовали успешному развитию взаимодействия.

В приведенном документе четко оговаривались принципы поддержки партизанских движений в захваченных немцами странах и были определены сферы ответственности сторон. В частности, западноевропейский регион, а также Греция были закреплены за английскими спецслужбами. В Болгарии, Финляндии и Румынии организовывать и поддерживать партизанскую борьбу должна была советская разведка. Ведение разведывательно-диверсионной деятельности в Югославии, Польше и Чехословакии подлежало дополнительному согласованию между правительствами СССР и Англии. Для повседневной координации взаимодействия были сформированы секции связи. В сентябре 1941 г. такую секцию в Москве возглавил полковник Д. Хилл, а в Лондоне — полковник внешней разведки И. А. Чичаев.

В ходе реализации согласованных целей сотрудничества советская сторона добивалась в первую очередь систематической выброски нашей агентуры на территорию Германии с Британских островов. Вместе с тем в этом деле возникли сложности и проблемы. Так, наша первая разведывательная группа вылетела с аэродрома в Англии для заброски в германский тыл в ноябре 1941 г. Однако из-за плохой погоды самолет вернулся на базу и при посадке разбился. Один наш разведчик погиб, другой был тяжело ранен.

В феврале — марте 1942 г. еще одна группа наших агентов дважды вылетала на задание. Но, как и в первый раз, плохая погода не позволила осуществить выброску. В апреле 1942 г. эта группа вновь попыталась высадиться на территории Германии, но самолет, на котором она летела на аэродром, не вернулся, а судьба самой группы осталась неизвестной. По сведениям англичан, самолет был сбит над немецкой территорией, и все разведчики погибли. Однако Чичаев сообщил в Центр, что, по имевшейся у него информации, самолет с нашими агентами вообще никуда не вылетал, а их местонахождение неизвестно. Он выразил серьезные сомнения в корректном подходе англичан к сотрудничеству с нами в данной области. В дальнейшем попытки забросить с территории Англии наши разведывательные группы в Германию продолжались. Они приводили к большим потерям и в целом положительных результатов не принесли. В частности, из 36 агентов, направленных в Англию в период с 1941 по 1944 г., только 26 были заброшены в Германию и оккупированные ею страны. Трое погибли при десантировании, четверых, завербованных английской разведкой, пришлось вернуть в Советский Союз, остальные на связь не вышли, и об их судьбе сведений не имеется.

По данным Чичаева, британцы не намеревались оказывать эффективное содействие в переброске наших разведывательных групп в Германию. Они активно изучали наших разведчиков с момента их прибытия в Англию и до момента выброски. В указанных целях использовались техника подслушивания, наблюдение, негласные досмотры личных вещей.

Отдельным агентам делались прямые вербовочные предложения с перспективой выплаты крупных вознаграждений. Все это, естественно, не способствовало укреплению доверия между сторонами и повышению результативности совместных разведывательных мероприятий.

Вместе с тем и советская внешняя разведка не всегда в полной мере учитывала все сложности, связанные с заброской агентуры в немецкий тыл, начиная с особенностей весьма жесткого контрразведывательного режима в Германии и заканчивая какой-либо своевременно не предусмотренной, но очень важной мелочью. Не всегда наши агенты были достаточно тщательно подготовлены и проверены. Совокупность указанных факторов привела к тому, что в 1943 г. заброска наших агентов в Германию через Англию была прекращена.

Стороны осуществляли обмен разведывательной информацией по военным вопросам. Англичане передавали нам сведения о военном потенциале Германии, конкретных военных мероприятиях немецкого командования и прочем. Полученные данные были полезными и направлялись в Главное разведывательное управление Красной армии. В свою очередь, внешняя разведка делилась материалами о немецких войсках, их перемещениях и вооружении. Особенно это относилось к частям, дислоцированным во Франции, Бельгии и Голландии, поскольку эти страны наиболее интересовали англичан. Однако в целом подобный информационный обмен не вполне устраивал советскую сторону. Англичане избегали передавать нам сведения, полученные в результате дешифровки сообщений немецкого командования и представлявшие наибольшую ценность. Данная позиция была сформулирована в документе заместителя начальника английской разведки (СИС) от 8 июля 1942 г., полученном агентурным путем. В нем, в частности, утверждалось: «Мы не можем доверять русским так же, как, скажем, чехам или американцам, либо давать им информацию, которая может выдать важный или деликатный источник»[30].

В то же время неплохо обстояли дела с обменом данными по конкретным вопросам диверсионной деятельности, в частности о новых технических средствах и методах ее ведения. Стороны передавали друг другу данные о диверсионном снаряжении, образцах раций и специальном вооружении, различных типах мин и взрывателей. Англичане положительно оценивали советские образцы диверсионной техники. 4-е управление НКГБ также считало полученные от английской разведки аналогичные материалы и образцы весьма полезными. Чичаев смог ознакомиться с работой ряда объектов, где готовилась или использовалась специальная диверсионная техника. В частности, он побывал в центре по подготовке диверсантов и на экспериментальной станции подрывной техники, а также в музее спецтехники и парашютной школе.

Достаточно продуктивным было сотрудничество советской и английской разведок в третьих странах. Благодаря этому удалось совместными усилиями разгромить немецкую агентуру в Афганистане. Кроме того, были нанесены ощутимые удары по резидентурам японской и итальянской разведок в данной стране. Внешняя разведка оказала английским партнерам информационное содействие в ликвидации агентурно-диверсионной сети немецкой и японской разведок в Индии и Бирме. В свою очередь, англичане передали нам сведения на немецких агентов в Средней Азии, заброшенных в наш тыл. Устойчивые деловые контакты поддерживались с английскими партнерами при штабе маршала И. Б. Тито в Югославии. Как вполне успешное можно оценить сотрудничество с англичанами в Иране по нейтрализации немецкой агентуры и обеспечению безопасности встречи лидеров антигитлеровской коалиции.

Однако и в данной сфере возникли серьезные трения, связанные с поведением англичан. В частности, в Иране они организовали разведывательную школу, где готовили агентуру для работы против СССР. Внедрение нашего разведчика Г. А. Вартаняна в эту школу позволило получить исчерпывающую информацию о ее работе, необходимую для принятия эффективных мер по прекращению подобной деятельности[31].

В Турции заместитель главного резидента немецкой разведки Э. Фермерен в 1944 г. перебежал к англичанам. Внешней разведке было известно, что он занимался разведывательной работой против Советского Союза. Тем не менее, несмотря на наши обращения,

английские партнеры под различными предлогами отказывались сообщать нам какую-либо информацию по данному вопросу. В конце концов, они все-таки передали нам материал по Фермерену, в котором, однако, не было никаких сведений относительно разведывательной деятельности немцев против Советского Союза. Более того, полученные внешней разведкой агентурные данные свидетельствовали о том, что переданный материал имел дезинформационный характер.

По мере приближения окончания войны отношение англичан к сотрудничеству с советской внешней разведкой менялось в худшую сторону. В частности, английская разведка в нарушение договоренностей 1941 г. по поводу сфер ответственности в деле поддержки партизанского движения активно пыталась внедрить собственные разведывательные группы в Болгарию и Румынию. Лондон стремился таким путем усилить свои позиции и влияние на внутриполитическую ситуацию в указанных странах. Чтобы подвести под это правовую основу, в марте 1945 г. руководитель английской секции связи в Москве предложил пересмотреть соглашение 1941 г. и выработать новое, более выгодное англичанам. Советское руководство, хорошо понимая истинные причины инициативы англичан, отклонило ее. Данное обстоятельство стало еще одним свидетельством того, что сотрудничество по линии разведок заходило в тупик и в новых условиях не имело перспектив. В марте 1945 г. оно было фактически свернуто, а к сентябрю того же года секции связи закрылись.

Взаимодействие с американцами по линии разведывательных служб началось позднее. В декабре 1943 г. в Москве состоялась встреча наркома иностранных дел В. М. Молотова с прибывшим в Советский Союз в качестве гостя американского посла руководителем Управления стратегических служб (УСС) США генерал-майором У. Донованом. В беседе Донован предложил наладить сотрудничество между разведывательными службами двух стран в борьбе с нацистской Германией и направить соответствующих представителей в Москву и Вашингтон. 4 января 1943 г. ГКО принял положительное решение по данному вопросу и утвердил кандидатуру начальника англо-американского отдела 1-го управления НКГБ А. Граура в качестве представителя внешней разведки в США.

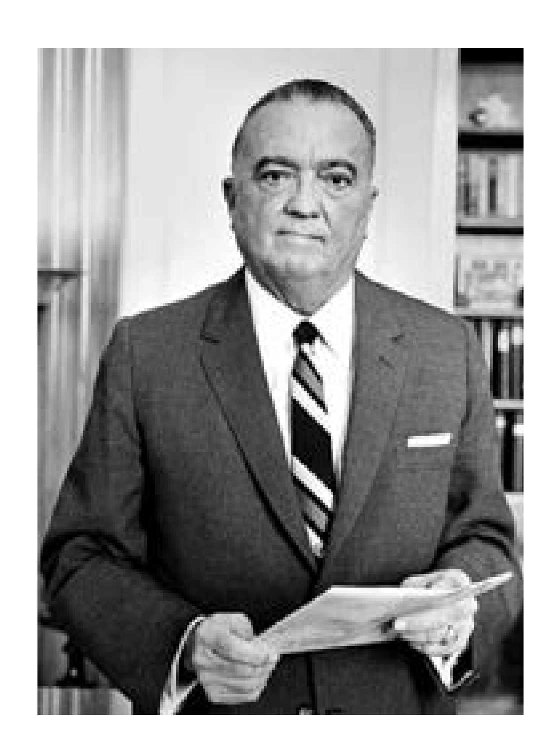
5 января 1943 г. в посольстве США состоялись переговоры начальника 1-го управления НКГБ П. М. Фитина с У. Донованом, в ходе которых были уточнены основные направления предстоящего сотрудничества: обмен разведывательной информацией о противнике; консультации по вопросам проведения диверсионной работы на территории врага; обмен образцами диверсионной техники и специальной радиоаппаратуры; содействие в заброске агентуры в тыл врага. На основании этой договоренности Донован в соответствующей инструкции для подразделений УСС указал: «России может быть передана оригинальная разведывательная информация УСС, которая полезна стране, ведущей войну против Германии».

Однако процесс обмена представителями разведок в каждой из столиц был отложен президентом США на неопределенное время из-за позиции, занятой руководителем ФБР Э. Гувером. Внешняя разведка получила агентурные сведения о том, что Гувер резко возражал против обмена представителями. Он направил президенту США письмо с предложением отказаться от приема представителя советской разведки в Вашингтоне, ссылаясь на возможный ущерб интересам безопасности и негативную реакцию общественного мнения страны. Вследствие этого в дальнейшем взаимодействие осуществлялось через руководителя военной миссии США в СССР генерал-майора Д. Дина.

Достаточно активно оно проходило в сфере обмена разведывательной информацией. В частности, в апреле — мае 1944 г. американцы передали материалы, подготовленные научно-исследовательским отделом УСС о положении в Германии и оккупированных ею странах. Они представили справочный интерес для информационного отдела внешней разведки. В мае 1944 г. внешняя разведка передала американцам обширную справку о состоянии немецкой армии, ее вооружениях и прогнозные оценки политического будущего Германии. В сентябре 1944 г. в УСС была направлена информация о секретных химических заводах в Польше и Германии, подземном заводе по производству торпед в Свинемюнде, испытательном полигоне реактивных торпед в районе Мерзебурга.

У. Донован

Э. Гувер

Из числа полученных от УСС сведений наибольший интерес представили данные о внутреннем положении в Германии, попытках специального уполномоченного Гитлера по балканским делам Нойбахера обсудить с одним из сотрудников УСС в Югославии возможность сепаратных переговоров о капитуляции Германии, а также о планах венгерской оппозиции во главе с Г. Соосом содействовать выходу Венгрии из войны. Все эти материалы были доложены И. В. Сталину, В. М. Молотову и Л. П. Берии.

В связи с просьбой Донована в марте 1944 г. в адрес УСС была передана обширная справка о внутреннем положении в Болгарии, состоянии ее военной промышленности, вооруженных сил, немецком военном присутствии в стране. Дин дал высокую оценку полученному материалу. По просьбе УСС внешняя разведка оказала необходимую помощь в выяснении судьбы группы американских разведчиков, выброшенных с самолетов на территорию Чехословакии.

В мае 1944 г. стороны обменялись информацией о механизмах и методах диверсий, которая представляла взаимный интерес. В январе 1945 г. представители УСС передали послу СССР в Вашингтоне А. А. Громыко около 1500 фотоклише различных материалов, содержавших ключи к советским шифрам. Они были захвачены американцами у немцев в Северной Италии. Поскольку всё, что связано с шифрами, является особо деликатным и тщательно оберегаемым делом, этот шаг американцев получил высокую оценку в Москве. Проведенная затем экспертиза документов показала, что речь шла о кодах, использовавшихся для связи между отдельными советскими воинскими подразделениями или между ними и органами НКГБ — НКВД. Об их захвате противником стало своевременно известно, и в дальнейшем они не задействовались.

После окончания войны политические приоритеты США и СССР разошлись, что привело к прекращению взаимодействия по линии спецслужб. Оценивая результаты сотрудничества между разведками союзников в годы войны, нельзя не отметить, что советская сторона, которая несла на своих плечах основную тяжесть борьбы с вермахтом, рассчитывала на более доверительный характер отношений и эффективную помощь со стороны партнеров. В то же

время такой специфичный аспект работы спецслужб, как взаимодействие, не мог выйти за те жесткие рамки, которые накладывались на него особенностями политических отношений между соответствующими государствами. Тем не менее и в этих условиях обмен информацией по военно-политическим вопросам, о методах и средствах разведывательно-диверсионной деятельности, совместная борьба против подрывной работы нацистских спецслужб, особенно в третьих странах, были весьма полезными и ценными в период жестокой схватки с фашистской Германией.

Противодействие внешней разведки тайным операциям разведок США и Англии на завершающем этапе войны

В соглашении СССР и Англии о совместных действиях в войне против Германии стороны взяли на себя обязательства «не вести переговоров, не заключать перемирия или мирного договора (с немцами. — *Прим. ред.*), кроме как с обоюдного согласия»[32]. Такой подход был дополнен на встрече У. Черчилля и Ф. Рузвельта в Касабланке в январе 1943 г. решением союзников требовать от Германии безоговорочной капитуляции.

И. В. Сталин, целиком разделявший подобные принципы взаимоотношений между союзниками в ходе войны, в то же время полагал, что их практическую реализацию необходимо внимательно отслеживать, тем более что по разведывательным каналам поступала информация о попытках добиться сепаратных договоренностей.

Примерно до 1943 г. инициатива в поисках вариантов заключения сепаратного мира с англичанами и американцами исходила от немцев. Соответствующие шаги официальный Берлин предпринимал с начала Второй мировой войны, а особенно активизировал их после нападения на СССР. Основной целью гитлеровского режима было внесение раскола в антигитлеровскую коалицию и устранение тем самым угрозы войны на два фронта. При этом нацистская верхушка не исключала возможности заключения сепаратного мира с англо-американскими союзниками на антисоветской основе. Поскольку от имени Гитлера вести подобные переговоры было нереально, на передний план выдвигали «мнимых» оппозиционеров типа Ф. фон Папена.

Направляя Папена в дружественную Германии Турцию, Гитлер поставил ему в качестве основной задачи — добиваться всеми способами развала антигитлеровской коалиции. Папен активно приступил к выполнению данного указания и попытался завязать конфиденциальные переговоры с англичанами через Турцию, Швецию и Ватикан. Как сообщила лондонская резидентура, в мае 1942 г. по просьбе Папена (и видимо, при содействии разведки СС) один из его знакомых в германском посольстве в Швеции вылетел в Англию для установления доверительных контактов с руководством оппозиционной лейбористской партии. Он привез с собой немецкие предложения о сепаратном мире, которые якобы исходили от какой-то неведомой группы, выступающей за Германию без Гитлера. Англичане, естественно, посчитали это несерьезным, а «посланца» интернировали.

В мае 1942 г. резидентура внешней разведки в Анкаре сообщила, что генеральный секретарь турецкого МИДа по просьбе Папена обратился к английскому послу с предложением об организации конфиденциальных переговоров о сепаратном мире. Теперь Папен выступал с открытым забралом, без прикрытия своих действий какой-то туманной оппозиционной группой. Для обострения ситуации он через турецкого дипломата довел до британца дезинформацию о якобы предстоящем заключении Москвой сепаратного мира с Берлином. Данные тезисы использовались для внесения раскола в антигитлеровскую коалицию. Английский посол, по всей видимости, был осведомлен об истинных задачах Папена и отказался от обсуждения данной темы.

Президент США Франклин Рузвельт и премьер-министр Великобритании Уинстон Черчилль объявляют журналистам результаты конференции союзников в Касабланке

Папен не отчаялся и решил втянуть в сепаратные игры Ватикан. Как сообщила в 1943 г. стамбульская резидентура внешней разведки, Папен направил в Рим своего знакомого, германского уполномоченного по торговле с Турцией К. фон Лерзнера. Коллега Папена германский посол в Италии Э. фон Вайцзеккер свел Лерзнера с кардиналами Д. Монтини и Л. Мальоне. Немец уговаривал кардиналов склонить папу Пия XII к посредничеству между англо-американцами и Берлином в целях заключения сепаратного мира с Германией. Папа хорошо понимал, что выступление лидера католической церкви в подобном качестве наверняка было бы воспринято паствой как попытка спасти Гитлера и его кровавый фашистский режим, в связи с чем отклонил эту затею. Таким образом, намерения Берлина добиться своих целей с использованием дипломатических каналов не принесли желаемых результатов. Что касается «оппозиционной» деятельности Папена, то она получила заслуженную оценку в 1947 г., когда суд по денацификации в Нюрнберге приговорил Папена как военного преступника к восьми годам тюрьмы.

Параллельно контакты с англичанами и американцами настойчиво устанавливала так называемая правая оппозиция, состоявшая из представителей консервативных полити-

К. Герделер

Л. Бек

ческих и клерикальных кругов, крупных военных монархической ориентации, отдельных сотрудников абвера и МИД Германии. В данном случае речь не шла о жестко организованной сплоченной тайной организации. Ее участники не были тесно связаны между собой, их объединяла только неприязнь к Гитлеру, но не ко всем аспектам его политики, особенно в отношении СССР. Эта оппозиция проявила себя еще накануне Мюнхенского сговора, доводя до англичан просьбы о занятии жесткой позиции по отношению к Гитлеру в «чехословацком вопросе». Ее руководители, будучи хорошо осведомленными о далеко идущих агрессивных планах Гитлера в отношении захвата Чехословакии, а затем и Польши, опасались, что действия фюрера развяжут мировую войну, в которой Германии придется сражаться с Западом. «Неуступчивость» англичан они предполагали использовать для отстранения Гитлера от власти. Однако Н. Чемберлен отмахнулся от подобных идей, поскольку без Гитлера, по его мнению, произошла бы «большевизация» Германии. Кроме того, только Гитлер, как полагали британский премьер и его окружение, был в состоянии последовательно продолжать агрессию в восточном направлении.

После начала Второй мировой войны и особенно гитлеровского вторжения в СССР эмиссары оппозиции через имевшиеся у них возможности в нейтральных государствах, а также в Ватикане начали настойчиво доводить до англичан предложения о прекращении «братоубийственной» войны Германии с западными странами. Они обещали Лондону свергнуть фюрера и заключить мир на взаимоприемлемых условиях, составной частью которых было создание единого союза Запада против «коммунистической России». Внешняя разведка внимательно отслеживала положение в германской оппозиции и ее политические цели, а также конкретные действия по их достижению и информировала об этом советское руководство. В подготовленном (по материалам Корсиканца) еще накануне войны документе по данному вопросу внешняя разведка выделяла среди оппозиционных групп в Германии четыре основные категории: «крупно-буржуазная, лево-буржуазная, социал-демократическая и армейская»; были указаны их руководители, ориентация на англичан и американцев, а также непосредственная цель — переворот в Германии, устранение Гитлера и мир с западными державами[33].

Внимание внешней разведки привлекла группировка бывшего обер-бургомистра Лейпцига К. Герделера. Она была более организованной, имела программные документы. В нее входили такие интересные фигуры, как начальник военно-промышленного отдела верховного командования вермахта генерал Г. Томас и бывший начальник генштаба сухопутных войск Л. Бек. В довоенный период берлинская резидентура проводила изучение Герделера через Корсиканца, которое было прервано после начала боевых действий против СССР и интернирования сотрудников советского полпредства[34].

Группа Герделера предпринимала от имени «правой» оппозиции настойчивые попытки начать сепаратные переговоры с англичанами и американцами. В этих целях Герделер использовал в том числе шведских банкиров М. и Я. Валленбергов, располагавших тесными связями с английскими деловыми и правительственными кругами. Шведы доводили до британского руководства предложения по сепаратному миру после устранения Гитлера. Кроме того, Герделер наладил канал обмена мнениями с англичанами через пастора Д. Бонхеффера, поддерживавшего контакты с английским епископом Д. Беллом. Тот, в свою очередь, располагал связями в британском правительстве. Шеф абвера адмирал В. Канарис от лица оппозиционеров общался по разведывательным каналам с руководством английской и американской разведок. Его контакты внимательно отслеживались внешней разведкой, в том числе через возможности «Кембриджской пятерки»[35].

Деятельность «правой» оппозиции не следует переоценивать. Что касается отставных военных и политиков, то они решительно выступали не только за устранение Гитлера, но и за слом наиболее одиозных элементов нацистской системы. В то же время ряд чиновников, исправно служивших Гитлеру на высоких постах, полагал, что после ликвидации фюрера основные черты военно-политической диктатуры должны быть сохранены, иначе Германия станет «коммунистической». Это в первую очередь относится к такой фигуре, как Канарис. Его подчиненные заявляли, что, будучи человеком весьма коварным и изворотливым, он вел двойную, а возможно, и тройную игру. Прикрытие оппозиции он использовал прежде всего для сбора информации о планах англичан и американцев, доведения до них выгодной Берлину дезинформации, раскола антигитлеровской коалиции и превращения немцев в союзников США и Англии в деле сдерживания «коммунистической опасности». За указанными выше контактами пристально следили политическая разведка СС и гестапо. До поры до времени никакие репрессивные меры против оппозиционеров не предпринимались, так как их интриги можно было использовать опять же для раскола антигитлеровской оппозиции.

Англичане и американцы до 1943 г. сдержанно относились к контактам с «правой» оппозицией, поскольку она не являлась реальной силой, которая обладала бы необходимыми властными полномочиями не только для свержения Гитлера, но и (что наиболее важно) для принуждения немецких войск на Западе к капитуляции. Суть британской позиции, изложенной в секретном меморандуме английского МИДа от 17 марта 1943 г., добытом лондонской резидентурой, заключалась в том, что, по мнению Лондона, только германская армия в состоянии свергнуть фашистских руководителей, установить свою диктатуру и сформировать нефашистское правительство[36]. Аналогичных позиций придерживалось и американское руководство, о чем проинформировала Центр нью-йоркская резидентура: «Заместитель госсекретаря С. Уэллес сказал, что сначала надо выяснить — насколько действительно серьезна группа Канариса, Гальдера, Браухича, Бека... На какие силы они опираются и какие у них фактические возможности по заключению мира»[37]. Поэтому британцы искали влиятельных «союзников» прежде всего среди командного состава вермахта и не обрывали неофициальные контакты с оппозиционерами. Чтобы нейтрализовать возможные обвинения со стороны Сталина в попытках вести сепаратные переговоры, англичане в ноябре 1941 г. направили в Москву памятную записку, в которой отмечались намерения немцев инициировать по различным каналам переговоры о «всеобщем мире».

В свою очередь, лондонская резидентура добыла совершенно секретный меморандум МИДа Англии, предназначенный для руководства британских спецслужб, о сепаратных

контактах с немцами в период с 1941 по 1943 г. Это внушительный документ, раскрывающий 42 эпизода таких контактов и их результаты[38]. В совокупности с другими данными указанный документ позволяет констатировать, что все основные факты неафишируемого сепаратного общения западных союзников с немцами стали известны внешней разведке и, соответственно, советскому руководству.

В 1943 г. динамика сепаратных зондажей изменилась. Теперь уже западные союзники начали проявлять инициативу в установлении скрываемых от Советского Союза контактов с немецкими представителями. В 1942 г. в Швейцарии состоялась внешне ничем не примечательная встреча, о которой резидентура внешней разведки в Турции сообщила в Москву: руководящие представители крупных финансовых корпораций США, Англии и Германии обсуждали в Швейцарии судьбу германской экономики после завершения войны, а также перспективы послевоенного экономического устройства Европы. Становилось ясно, что гитлеровская авантюра в Советском Союзе терпит крах. Пора было подумать о послевоенной судьбе германской экономики и англо-американских капиталов, вложенных в нее, а это были немалые средства. Так, только американские капиталовложения в Германии составили в 1939 г. около 3,3 млрд долларов. Концерны США тесно сотрудничали с крупными немецкими фирмами. В частности, американская компания «Дженерал моторс» после приобретения немецкого завода «Адам Опель АГ» выпускала около половины всех немецких автомобилей. Что касается материального обеспечения военных планов Гитлера, то «Опель» («Дженерал моторс») и «Форд» изготовили для германских вооруженных сил 90% всех автомобилей грузоподъемностью до 3 тонн и 70% тяжелых грузовых автомашин; «Опель» произвел 50% двигателей для самолетов Ю-88[39]. После вступления США в войну с Германией производственные связи осуществлялись через Швейцарию.

Перспектива разгрома фашистской Германии Советским Союзом и стремительного вступления советских войск в Европу поднимала вопрос об экономическом будущем обширного рынка. «Большевизация» данного региона сделала бы его недоступным для западного делового мира и принесла бы серьезные убытки. В этой связи встала задача не допустить советского проникновения в промышленно развитые районы Германии и Западную Европу в целом.

Озабоченность деловых кругов США полностью разделялась Госдепартаментом и американскими спецслужбами, которые, соответственно, требовали необходимых действий. Лондонская резидентура внешней разведки добыла сообщение британского посла в США Э. Галифакса о его беседе с заместителем госсекретаря С. Уэллесом 4 декабря 1942 г., в ходе которой последний подчеркнул: «Если германская военная машина распадется сейчас, в 1943 или в 1944 году, то союзники увидят преследование немцев Красной Армией далеко на западе... Такое распространение большевизма окажет крайне неблагоприятное воздействие на американское общественное мнение (то есть деловые круги. — *Прим. ред.*), не говоря уже о том, что это нарушит европейскую реконструкцию»[40]. Поскольку, как признал Уэллес, американское и английское правительства будут физически не в состоянии задержать Красную армию, требовалось пока не поздно принять другие меры по ограничению возможного продвижения русских в Европу.

Что касается американской разведки, то здесь вспомнили о немецкой «правой» оппозиции, представители которой с начала Второй мировой войны пытались установить связь с правящими кругами в Лондоне и Вашингтоне. Суть предложений оппозиционеров сводилась в целом к одной и той же идее: отстранение Гитлера от власти, заключение сепаратного мира с западными державами и продолжение уже совместной борьбы с русскими на восточном фронте. В связи с этим американская разведка разработала план по решению указанных проблем путем устранения Гитлера с помощью внутренней оппозиции и заключения сепаратного перемирия с новым «временным» правительством на выгодных для западных союзников условиях. Предполагалось, в частности, выйти через «правую» оппозицию на влиятельные фигуры в вермахте или аппарате СС, способные обеспечить свержение Гитлера, предотвращение прихода к власти в Германии коммунистических сил и капитуляцию немецких войск

на Западе без снижения сопротивления на Востоке. В итоге можно было бы рассчитывать на беспрепятственный и стремительный захват Берлина англо-американскими войсками. Как сообщила нью-йоркская резидентура, в 1943 г. руководитель американской разведки У. Донован доложил президенту Ф. Рузвельту план «дворцового переворота» в Германии[41].

Подобный сценарий обсуждался на встречах союзников в Касабланке в январе и в Вашингтоне в мае 1943 г. В результате, наряду с операцией «Оверлорд», предусматривавшей высадку союзных войск во Франции в мае 1944 г. и открытие второго фронта, было принято тщательно скрывавшееся от СССР решение о подготовке еще одной операции «Рэнкин». Она предусматривала готовность союзников к немедленному вторжению в Германию, если в ней произойдут экстраординарные события — военная машина страны внезапно развалится под ударами русских или произойдет государственный переворот. Согласно сообщению «Кембриджской пятерки», план «Рэнкин» предусматривал не военные действия, а переброску англо-американских войск для «мирной» оккупации Германии после произошедших в ней внутренних событий. В данном сообщении подробно излагались основные положения указанного плана[42].

Английские коллеги Донована в целом согласились с американскими намерениями, однако, учитывая чрезвычайную сложность организации свержения Гитлера, они склонялись к более реалистичному, на их взгляд, варианту: добиться капитуляции немецкой группировки на севере Италии, а в ходе уже начавшихся сепаратных зондажей в Стамбуле с венграми склонить Будапешт к выходу из войны и беспрепятственному пропуску англо-американских войск через свою территорию. В результате чего открывалась возможность быстрого продвижения из Италии в Венгрию и Австрию и при благоприятном развитии событий — занять Польшу до вступления в нее советских войск. Подобная ситуация отрезала бы Красной армии путь в Восточную Европу и Германию, а также позволила бы западным союзникам увереннее действовать на Балканах и в Греции. Внешняя разведка своевременно получила сведения о сути указанных стремлений.

Англичане были настолько уверены в успехе своих планов, что рассчитывали быстро занять Австрию английскими войсками, по крайней мере до прихода Красной армии. Они даже подготовили текст обращения английского командующего генерала Вильсона, объявляемого военным губернатором, к австрийским гражданам от имени союзных государств[43], о чем внешняя разведка доложила руководству страны.

Одновременно резидентура в Турции сообщила о скрываемых от нас контактах англичан и американцев с венграми в Стамбуле в целях заключения сепаратного перемирия и пропуска западных войск через территорию страны.

Первоочередные интересы спецслужб западных союзников сфокусировались на Северной Италии. Неслучайно в Швейцарии в начале 1943 г. появился таинственный господин Балл, он же региональный резидент УСС США в Европе Аллен Даллес. Своим немецким контрагентам Даллес говорил о том, что он специалист по немецким делам, располагает неограниченными средствами, «прямым проводом» к Рузвельту, минуя Госдепартамент, и полномочиями принимать решения на месте.

До войны А. Даллес был юристом и совладельцем американской адвокатской конторы «Салливэн и Кромвелл», защищавшей в США интересы германского правительства и крупнейших немецких концернов, как, например, «ИГ Фарбениндустри». К числу клиентов Даллеса принадлежал и солидный банк Шрёдеров, располагавший филиалами в США, — тот самый банк, один из компаньонов которого барон К. фон Шрёдер 4 января 1933 г. свел у себя на вилле Гитлера и бывшего рейхсканцлера фон Папена, а также «освятил» от имени делового мира Германии состоявшуюся здесь сделку о передаче власти в стране нацистам. Ближайший помощник Даллеса в Бёрнской резидентуре УСС Г. фон Шульце-Геверниц являлся родственником одного из «капитанов» немецкой промышленности Г. Стиннеса и главнокомандующего ВМС Германии гросс-адмирала К. Дёница. Другой коллега — бывший белогвардеец, состоявший к тому времени на службе у американского правительства, В. Лада-Маркарский.

Появление в Швейцарии такой крупной фигуры, как А. Даллес, привлекло к нему пристальное внимание нацистских спецслужб. 6-му управлению РСХА (политической разведке СС) удалось подставить Даллесу своего агента Габриэля, выдававшего себя за противника гитлеровского режима. Габриэль в беседах с американским резидентом получал интересную информацию, которая докладывалась начальнику 6-го управления В. Шелленбергу, начальнику РСХА Э. Кальтенбруннеру и Г. Гиммлеру. Так, Габриэль сообщил, что, по словам А. Даллеса, «принятое в Касабланке решение о том, чтобы не идти на какие-либо переговоры, представляет, конечно, ценность, как, например, средство давления, но он готов в любое время предпринять в Вашингтоне шаги с целью начать переговоры с такой оппозицией в Германии, которую действительно можно принимать всерьез»[44].

Довольно быстро такие «серьезные оппозиционеры» нашлись. Ими оказались посланцы В. Шелленберга Паульс и Бауэр (псевдонимы сотрудников политической разведки СС М. фон Гогенлоэ и Р. Шпитци). В ходе обмена мнениями по военно-стратегическим вопросам выяснилась общность взглядов относительно борьбы с распространением коммунизма в Европе после войны, создания в этих целях «кордона против большевизма и панславизма» за счет расширения Польши на восток, сохранения сильных режимов в Румынии и Венгрии. Даллес позволял себе в присутствии немцев негативно отзываться о некоторых аспектах политики англичан и подчеркивал, что послевоенное урегулирование американцы возьмут в свои руки. Стороны в итоге договорились о продолжении переговоров.

Параллельно Габриэль докладывал: «Он (А. Даллес. — *Прим. ред.*) высказал мысль, что следующая война произойдет между двумя самыми могущественными государствами — США и Советским Союзом. Поэтому его в особенности интересовало, насколько крах Германии способен привести к возникновению немецкого государства Советов»[45].

Жупел «большевизации» Германии в случае победы СССР активно использовался немцами для подталкивания американцев и англичан к сепаратным переговорам с Берлином. Как видно из приведенных высказываний Даллеса, германские тезисы нашли у него весьма заинтересованный отклик.

Подобные соображения о судьбе Третьего рейха и послевоенной Европы подпитывали надежды нацистской верхушки на то, что западные страны могут пойти на сепаратную сделку с Германией. У немцев возникло впечатление, что в антигитлеровской коалиции растут противоречия не только между Кремлем и западными союзниками, но и между США и Англией. Следовательно, этот союз недолговечен. Отсюда нетрудно было сделать вывод, что нужно стойко держаться на Востоке, чтобы дотянуть до того момента, когда коалиция развалится и бывшие союзники начнут перетягивать Германию каждый на свою сторону. Таким образом, рассуждения Даллеса ужесточали сопротивление немцев на Востоке и стоили советскому народу дополнительных жертв.

В 1943–1944 гг. резидентура Даллеса активизировала свои контакты также с представителями оппозиционных кругов Германии, делая ставку на военных. Согласно сведениям, полученным внешней разведкой, состоялись переговоры американцев с прибывшими в Швейцарию бывшим командующим сухопутными войсками Германии В. фон Браухичем и представителями начальника генштаба сухопутных войск К. Цайтцлера. Суть мирных предложений немецких военных сводилась к заключению сепаратной сделки после устранения Гитлера. Она включала в себя открытие фронта на Западе с переброской всех боеспособных частей на восточный фронт, исключение оккупации Германии советскими войсками, сохранение за немцами некоторых территориальных приобретений в Европе.

В этот же период английская разведка также выясняла возможные условия сепаратного мира, которые были бы приемлемы для руководящих военных кругов Германии. В частности, ее агент Джуниор совершил поездку по Франции, где в беседах с немецкими офицерами собирал информацию по данному вопросу. Английская агентура проявляла интерес к позициям старших офицеров вермахта по поводу возможности сепаратной сделки и условий капитуляции на Западе также через посредников из Испании и Португалии.

В конце концов, попытки Даллеса выиграть Вторую мировую войну с помощью тайных операций не увенчались успехом. Гитлера свергнуть не удалось, как и создать прозападное правительство в Германии. Не получилось и с беспрепятственным пропуском западных войск в Берлин, наоборот, Гитлер нанес весьма чувствительный удар союзникам в Арденнах, а гестапо уничтожило практически всю «правую» оппозицию — в Главном управлении имперской безопасности ее называли «Черная капелла». В добытом внешней разведкой послевоенном документе американских спецслужб «революционная деятельность» Даллеса в Бёрне характеризуется с нескрываемым сарказмом: «Аллен пытался из своего удобного пункта в Швейцарии закончить войну путем осуществления революции в Германии против Гитлера... Американский вице-консул в Цюрихе был также знаком Даллесу. Очевидно, он находился в том же УСС, так как это был В. Лада-Маркарский... Чрезвычайно способный корпоративный адвокат и бывший белогвардеец (Лада-Маркарский. — *Прим. ред.*) представляли собой несколько странную пару для организации революции, и неудивительно, что их попытка не имела успеха»[46].

Но Даллес не впал в уныние. Более того, в 1945 г., как ему показалось, представилась еще одна более перспективная возможность реализовать свои стратегические наработки. Теперь случай свел его наконец-то с действительно надежным и влиятельным партнером, который располагал необходимыми властными полномочиями. Это был руководитель войск СС и сил полиции в Северной Италии обергруппенфюрер СС К. Вольф. Так, в марте 1945 г. начались конфиденциальные сепаратные переговоры в Швейцарии между Даллесом и Вольфом. Формально их целью являлась капитуляция перед западными союзниками группировки вермахта в Северной Италии под командованием фельдмаршала А. Кессельринга.

На самом деле в Цюрихе и Бёрне разворачивалась операция американских спецслужб под кодовым названием «Санрайз» («Восход солнца»). С Вольфом в сугубо секретном порядке обсуждались варианты капитуляции немецких войск на всем западном фронте, а не только в Северной Италии. Параллельно согласовывались совместные меры по предотвращению антифашистского восстания в тылу немецких войск в Северной Италии под руководством итальянского Комитета национального освобождения, где сильны были позиции коммунистов. Западных союзников не устраивала перспектива создания в Северной Италии «советской республики», а также захвата Триеста югославской партизанской армией. В ходе операции «Санрайз» были сознательно нарушены договоренности в рамках антигитлеровской коалиции о недопустимости сепаратных переговоров с немцами. Кроме того, обсуждались варианты «почетной» сдачи в плен группировки вермахта в Северной Италии, что подрывало согласованный принцип безоговорочной капитуляции.

Об этих фактах внешняя разведка информировала Кремль. Полученные сведения учитывались советским руководством в отношениях с западными союзниками и при планировании стратегических наступательных операций. Пристальное внимание советской стороны к швейцарским интригам УСС побудило западных союзников информировать Москву о контактах с Вольфом, но только об их военных аспектах, касавшихся «частного» вопроса возможной капитуляции немецких войск в Северной Италии. Американцы были категорически против допуска советских представителей к этим переговорам, Вашингтон опасался, что участие русских не позволит утаить главную, а именно — политическую сторону операции «Санрайз». В результате острой переписки между Сталиным и Рузвельтом Вашингтон свернул переговоры с Вольфом, однако эта полемика внесла серьезную трещину в фундамент коалиции.

Что касается немцев, то переговоры с Даллесом курировал В. Шелленберг, а также его сотрудники, начальники 6-го управления по Западной Европе и США Штаймле и Пефген, при участии начальника технической службы данного управления Дернера. Технической службе политической разведки СС удалось вскрыть радиокоды дипломатического представительства США в Швейцарии, а также частично резидентуры УСС в этой стране. Поэтому руководство нацистских спецслужб имело достаточно четкое представление о содержании и ходе переговоров[47].

Докладывал ли Даллес Рузвельту о том, что его партнерами по сепаратным переговорам является гитлеровская верхушка, сведений в архивах СВР России не имеется. В одном он, безусловно, преуспел: ему удалось с помощью Вольфа в определенной мере обострить разногласия между лидерами «Большой тройки». Недаром некоторые историки называют операцию «Санрайз» первым эпизодом холодной войны.

Что касается внешней разведки, то она сделала все от нее зависящее для того, чтобы эти сепаратные игры были сорваны.

Деятельность научно-технической разведки в годы войны

С началом Великой Отечественной войны от научно-технической разведки потребовалось повышение эффективности в добывании секретных сведений о достижениях в области науки и техники, имеющих прежде всего оборонное значение. В июле 1941 г. ГКО конкретизировал задачи научно-технического направления внешней разведки с целью обеспечить поступление информации о ведущихся исследованиях использования урана как нового источника энергии; о радиолокаторах для армии и флота и применении в них миллиметрового радиодиапазона; о портативной радиоаппаратуре на высотных и специальных самолетах, агрегатах и приборах для них; об авиамоторах мощностью свыше 2 тыс. л. с.; о гидроакустических средствах обнаружения кораблей в море; о средствах ведения бактериологической войны, отравляющих веществах и средствах защиты от них; о синтетических каучуках, переработке нефти, производстве высокооктанового горючего и высокосортных смазок.

Для решения данных задач резидентуры внешней разведки, прежде всего в наиболее развитых западных странах, Англии и США, были пополнены новыми сотрудниками. Предпринимались необходимые шаги по реорганизации научно-технического направления внешней разведки. В частности, в 1942 г. отделение научно-технической разведки было создано также в европейском отделе. В 1943 г. в 1-м управлении НКГБ был образован самостоятельный отдел НТР, а в Нью-Йорке — самостоятельная резидентура научно-технической разведки, которую возглавил Л. Р. Квасников. Указанные меры полностью себя оправдали и способствовали тому, что практически все задачи, поставленные перед научно-технической разведкой в годы войны, были успешно решены.

Одной из выдающихся операций научно-технической разведки по праву считается добывание тщательно скрываемой от СССР информации о работах в США и Англии по созданию атомного оружия. Выполняя еще предвоенное указание Центра, резидентуры отслеживали признаки возможного ведения в Германии и на Западе работ, связанных с делением урана. В сентябре 1941 г. лондонская резидентура получила достоверные сведения о практических планах английских военных по созданию в течение ближайших двух лет атомной бомбы, а также конкретные научно-технические данные о принципах ее действия и основных параметрах. В декабре 1941 г. от одного из непосредственных участников научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР) по созданию атомной бомбы поступила важная информация. В ней излагались результаты работы ученых в Англии и США в ядерной области. Этот иностранец был привлечен к сотрудничеству лондонской резидентурой и стал ценным источником внешней разведки. В 1943–1946 гг. он передал около 2 тыс. листов секретной информации. Добытые внешней разведкой материалы сыграли важную роль в деле активизации в СССР НИОКР в области атомного оружия. Ядерная проблематика в годы войны стала одним из важнейших направлений деятельности нашей научно-технической разведки, получившим кодовое название операция «Энормоз».

После поступления первых сообщений по атомной проблеме перед научно-технической разведкой встала задача расширения круга источников информации, непосредственно работающих над ядерным проектом. В конце 1941 г. лондонская резидентура получила сведения

о том, что США и Великобритания договорились координировать усилия своих ученых в области атомной энергии. Позднее, 20 июня 1942 г., во время переговоров в Вашингтоне Черчилль и Рузвельт приняли решение строить атомные объекты в США, так как Англия подвергалась постоянным бомбардировкам германской авиации. Вся деятельность в сфере создания атомного оружия получила у союзников кодовое название «Манхэттенский проект». 22 декабря 1942 г. лондонская резидентура направила в Центр подробный отчет о работах по этому проекту. Как следовало из документа, американцы значительно опережали англичан в деле разработки атомной бомбы.

27 мая 1943 г. Центр направил в США ориентировку о работе по «Манхэттенскому проекту», указав в качестве объектов проникновения группу профессора А. Комптона в исследовательском комитете национальной обороны, Колумбийский университет, чикагскую группу, калифорнийскую группу ученых «Келлог». Данное задание было поставлено на основе информации лондонской резидентуры. По решению ГКО головной организацией в разведывательной работе по атомным делам стала внешняя разведка НКГБ. В соответствии с этим ей передавалась агентура, располагавшая возможностями добывать сведения по «Манхэттенскому проекту».

В ноябре 1944 г. нью-йоркская резидентура получила доклад о работах в Лос-Аламосской лаборатории, а также список лиц, работающих по указанному проекту. В этом же году сотрудник нью-йоркской резидентуры А. С. Феклисов привлек к сотрудничеству с внешней разведкой нового перспективного источника по атомному оружию и наладил регулярное получение секретных материалов по данной проблеме. К 1945 г. внешней разведке удалось расширить агентурные возможности в США по добыванию секретных сведений относительно «Манхэттенского проекта». Поступавшая от источников детальная информация позволила Москве быть в курсе всех работ, которые проводились в США по созданию атомной бомбы. Серьезным успехом научно-технической разведки стало обеспечение доступа к конкретным сведениям об устройстве американского опытного реактора Э. Ферми, которые существенно помогли при создании нашего первого атомного реактора.

В июне 1945 г. резидентура добыла подробную документацию по устройству атомной бомбы, а также о предстоящем примерно 10 июля 1945 г. ее первом испытании. В этой связи, когда 24 июля 1945 г. Г. Трумэн проинформировал И. В. Сталина о создании в США нового оружия большой разрушительной силы и своем намерении применить его против Японии, советский руководитель не проявил особых эмоций, поскольку уже имел необходимую информацию. Американцы испытали свою первую атомную бомбу 16 июля 1945 г., а 9 августа 1949 г. была взорвана первая советская атомная бомба. Тем самым была преодолена монополия США на обладание ядерным оружием и сорваны планы его использования для шантажа СССР. Существенный вклад в установление ядерного паритета внесла научно-техническая разведка. По свидетельству академика Ю. Б. Харитона, вручая награды участникам работ по созданию нашей атомной бомбы, Сталин заметил: «Если бы мы опоздали на один-полтора года, то, наверное, испробовали бы этот заряд на себе»[48].

Согласно оценкам американских ученых, разведывательная информация по «Манхэттенскому проекту» помогла нам сократить сроки создания атомного оружия от трех до десяти лет и опередить США в области водородной бомбы. И. В. Курчатов следующим образом отозвался о материалах внешней разведки: «Произведенное мной рассмотрение материала показало, что получение его имеет громадное, неоценимое значение для нашего государства и науки... Получение материала заставляет нас по многим вопросам проблемы пересмотреть свои взгляды и установить три новых для советской атомной физики направления в работе... Материалы большой ценности... Таблица значений сечений деления урана-235 и плутония-239 быстрыми нейтронами... позволяет надежно определить критические размеры атомной бомбы»[49].

Следует отметить, что сотрудникам внешней разведки, активно участвовавшим в добывании информации по атомной проблематике, А. С. Феклисову, Л. Р. Квасникову, А. А. Яцкову и В. Б. Барковскому впоследствии было присвоено высокое звание Героя Российской Федерации.

Выполняя задание ГКО, научно-техническая разведка в годы войны многое сделала для содействия повышению боеспособности наших вооруженных сил путем добывания ценной информации по проблемам радиолокации. Это позволило ускорить развитие боевых радиолокационных систем в нашей стране, существенно сэкономить средства на НИОКР. В частности, председатель Совета по радиолокации академик А. И. Берг в отзыве на информацию разведки заявил, что полученные технические сведения имели большое государственное значение. Работа 1-го управления НКГБ в этой области была признана им «блестящей»[50].

Существенный вклад научно-техническая разведка внесла и в развитие отечественной реактивной авиации. Она снабжала наших ученых и производственников передовыми данными по проблемам преодоления скорости звука, о новых конструкционных материалах, принципиально новых реактивных двигателях и многом другом. Данная работа получила высокую оценку Наркомата авиационной промышленности. Немаловажное военное значение имели материалы внешней разведки о методике размагничивания кораблей для борьбы с магнитными минами. Научно-техническая разведка смогла добыть технологию массового производства новейшего в то время лекарственного препарата — антибиотика пенициллина. Он был крайне необходим в годы войны для спасения жизней раненых военнослужащих.

Приведенные данные и оценки свидетельствуют о том, что научно-техническая разведка с честью выполнила возложенные на нее в военный период задачи. Она способствовала преодолению отставания нашей страны в важных для обороноспособности областях науки и техники и выходу, несмотря на всю тяжесть военных условий, на новые передовые рубежи, какими стало создание собственного ядерного оружия.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Очерки истории российской внешней разведки / Гл. ред. В. И. Трубников. В 6-ти т. Т. 4. 1941–1945 гг. М., 1999. С. 8–9.

[2] *Гладков Т.* Его величество агент. М., 2010. С. 241.

[3] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. 1933–1941 гг. / Гл. ред. Е. М. Примаков. М., 1997. С. 407.

[4] *Пещерский В. Л.* Неразгаданные тайны «Красной капеллы» // Новая и новейшая история. 1996. № 3. С. 182; *Он же.* «Красная капелла». М., 2000. С. 344.

[5] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 525.

[6] Там же. С. 543.

[7] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 61.

[8] Там же. Т. 1. Л. 153–155.

[9] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 250–251.

[10] Там же. С. 246, 249.

[11] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 109–111.

[12] *Мэрфи Д.* Что знал Сталин. Загадка плана «Барбаросса». М., 2009. С. 136.

[13] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 281.

[14] Там же. С. 263–264.

[15] Там же. С. 265.

[16] Там же. С. 267–268.

[17] *Яковлев Н. Н.* Франклин Рузвельт, человек и политик. М., 1981. С. 327.

[18] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 270–271.

[19] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 144.

[20] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 5. 1945–1965 гг. / Гл. ред. С. Н. Лебедев. М., 2003. С. 19.

[21] Там же. Т. 4. С. 271.

[22] Там же. С. 272.

[23] Там же. С. 285.

[24] Там же.

[25] Там же. С. 555.

[26] Там же. С. 461.

[27] Там же. С. 273.

[28] Там же. С. 286.

[29] Там же. С. 466–467.

[30] Там же. С. 389.

[31] Там же. С. 338.

[32] История новейшего времени стран Европы и Америки. 1918–1945. М., 2004. С. 476.

[33] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 65–73.

[34] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 3. С. 426.

[35] Там же. Т. 4. С. 173.

[36] Там же. С. 601.

[37] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 73.

[38] Там же. Л. 76–103.
[39] *Безыменский Л. А.* Разгаданные загадки Третьего рейха. 1933–1941. М., 1984. С. 312.
[40] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 592.
[41] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 104.
[42] Там же. Л. 105–106.
[43] Там же. Л. 108.
[44] *Фельфе Х.* Мемуары разведчика. М., 1988. С. 78.
[45] Там же.
[46] Архив СВР России. Д. 138612. Т. 1. Л. 129–131.
[47] *Фельфе Х.* Указ. соч. С. 79.
[48] Известия. 1992. 8 декабря.
[49] Очерки истории российской внешней разведки. Т. 4. С. 676–677.
[50] Там же. С. 432.

ВОЕННАЯ РАЗВЕДКА В ГОДЫ ВОЙНЫ

Деятельность военной разведки в первый период войны

В условиях начавшейся войны Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (РУ ГШ КА) (начальник — генерал-лейтенант Ф. И. Голиков) должно было обеспечивать Ставку Верховного главнокомандования и Генеральный штаб сведениями о противнике, необходимыми для организации планирования и ведения военных действий, добывать информацию об отношении к войне против СССР союзников Германии — Италии, Венгрии, Румынии, Финляндии и Японии, а также о внешнеполитическом курсе правительств США и Англии. Решением этих и многих других задач должны были заниматься зарубежные резидентуры РУ ГШ, разведывательные отделы штабов фронтов, войсковая разведка, радиоразведка, дешифровальная служба, а также воздушная разведка.

В интересах Главного морского штаба (ГМШ) ВМФ действовали силы военно-морской разведки, которыми руководило Разведывательное управление ГМШ ВМФ. Начальником военно-морской разведки в годы войны был контр-адмирал М. А. Воронцов.

Информационный отдел Разведуправления ГШ должен был оперативно собирать, анализировать поступавшие разведывательные сведения и на их основе готовить срочные специальные сообщения, разведывательные сводки и карты, отражавшие положение на фронте, для членов Ставки ВГК и Генерального штаба.

В первые дни войны командование РУ ГШ КА оказалось в сложном положении. Зарубежные резидентуры военной разведки после 22 июня 1941 г. прекратили деятельность в Германии, Румынии, Венгрии, Италии, Финляндии, поскольку разведчики, действовавшие под прикрытием советских официальных зарубежных представительств, были интернированы германскими силами безопасности вместе с советскими дипломатами и техническим персоналом. В Берлине прекратила деятельность резидентура «Арнольд», в Будапеште — «Марс», в Бухаресте — «Ещенко», в Хельсинки — «Освальд». В Италии свернула свою деятельность резидентура, действовавшая под прикрытием советского посольства. Без связи с Центром оказалась и разведывательная группа «Альта», действовавшая в Берлине, она продолжала добывать ценные сведения о планах немецкого командования, но передать их в Москву не могла.

Несмотря на резкое сокращение количества сведений о противнике, РУ ГШ 22 июня подготовило разведывательную сводку № 1, в которой изложило сведения о положении на фронтах по состоянию на 20 часов 00 минут. В частности отмечалось, что в ходе боевых действий за 22 июня 1941 г. получили фактическое подтверждение имевшиеся на 20 июня данные о группировке противника, находящегося непосредственно на границе СССР на Северном, Северо-Западном, Западном, Юго-Западном и Южном фронтах[1]. Разведывательная сводка № 1 была направлена И. В. Сталину, В. М. Молотову, К. Е. Ворошилову, А. А. Жданову, С. К. Тимошенко, Г. М. Маленкову, Л. П. Берии, Л. З. Мехлису, Н. Ф. Ватутину, Н. Г. Кузнецову, Г. К. Маландину. К ней прилагались боевой состав германской армии и распределение ее сил по фронтам.

В результате вероломного нападения фашистской Германии на СССР и быстрого продвижения войск противника в глубь советской территории руководство Разведуправления ГШ не смогло в полной мере выполнить мобилизационные планы и перестроить деятельность не только зарубежных органов разведки, но и разведывательных отделов штабов округов западного направления. В целом в конце июня 1941 г. личному составу Разведуправления ГШ пришлось действовать не по тем планам, которые готовились и отрабатывались в предвоенные годы[2]. Усиление контрразведывательного режима в Бельгии, Болгарии, Голландии, Греции, Дании, Норвегии, Швеции, Франции и других государствах также оказало отрицательное влияние на деятельность нелегальных резидентур военной разведки и резко сократило их возможности по добыванию сведений о Германии, возникли трудности с передачей добытых материалов в Центр[3].

В этих условиях начальник Генерального штаба направил 2 августа 1941 г. начальникам штабов Северного, Северо-Западного, Западного, Центрального, Юго-Западного и Южного фронтов и ВВС КА директиву № 00700, в которой потребовал предоставлять все разведывательные сводки начальнику РУ ГШ КА[4]. Были приняты и другие срочные меры, направленные на увеличение объема сведений о противнике и замыслах командования вермахта. Летом 1941 г. основные задачи по добыванию сведений о противнике были возложены на органы оперативной агентурной, главным образом войсковой, разведки. Больше внимания стало уделяться воздушной разведке. Командование Разведывательного управления ГШ направляло заявки для ведения авиационной разведки непосредственно в штаб ВВС Красной армии.

С началом военных действий резко изменились и условия деятельности фронтовых частей радиоразведки. Им пришлось отказаться от привычных при стационарном расположении методов работы, решать задачи в условиях непрерывного перемещения войск. В августе 1941 г. командование Разведывательного управления ГШ направило всем командирам частей радиоразведки, работавшим в боевых условиях, справку о видах и особенностях радиосетей противника, диапазонах рабочих волн радиостанций штабов различных уровней, правилах радиообмена, условных сокращениях и открытых сигналах. Выполняя указания РУ ГШ, разведывательные отделы фронтов приступили к формированию и заброске в тыл противника разведывательных и разведывательно-диверсионных групп.

В первые дни войны был определен жесткий порядок представления информационных материалов от разведывательных отделов штабов фронтов в Центр. В соответствии с директивой начальника Генерального штаба от 2 августа 1941 г. начальники этих отделов штабов Северного, Северо-Западного, Западного, Центрального, Юго-Западного фронтов и ВВС Красной армии должны были представлять разведывательные сводки в Разведуправление ГШ один раз в сутки.

Разведывательное управление отправляло в Генеральный штаб: разведдонесения и разведывательные сводки — два раза в сутки (вечером и утром); разведдоклады — три раза в месяц; доклады о положении на фронтах — ежедневно за истекшие сутки и один раз в неделю к этому докладу — карту группировок немецких войск (7, 15, 22 и 30 числа каждого месяца). Также каждую неделю к 7, 15, 22 и 30 числу докладывался возможный состав сил и средств противника, группировки войск по фронтам и направлениям до дивизий, отдельных бригад и батальонов включительно. На основе особо важных сведений Разведывательное управление должно было незамедлительно готовить специальные сообщения для военно-политического руководства СССР и командования Красной армии.

Срочно принимались и другие меры, направленные на повышение эффективности работы Разведуправления ГШ, однако их нельзя назвать последовательными. Примером тому может служить решение И. В. Сталина о направлении 8 июля 1941 г. начальника РУ ГШ КА генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова в Лондон, а затем в Вашингтон во главе советской военной миссии. Голиков должен был провести переговоры с руководителями британского и американского правительств о поставках в СССР оружия, военной техники и других важных материалов[5]. И именно в это время центральный аппарат Разведуправления ГШ собирался на практике воплотить все разработанные ранее и новые меры по организации деятель-

ности структур военной разведки в условиях военного времени. Отсутствие начальника Разведуправления ГШ в Москве создало дополнительные трудности в работе центрального аппарата военной разведки. Судя по подписям на документах, которые были подготовлены в июле — октябре 1941 г., ситуация с руководством Разведывательного управления ГШ была неопределенной[6].

24 сентября 1941 г. начальник РУ ГШ КА направил И. В. Сталину и начальнику Генштаба Красной армии докладную записку, в которой сообщил о неудовлетворительном положении дел в военной разведке и внес предложения по приведению ее в соответствие с требованиями войны. В частности отмечалось, что «войсковая разведка на фронте поставлена неудовлетворительно. Руководство ею со стороны какого-нибудь органа в системе НКО отсутствует»[7].

Значительные потери личного состава оперативной разведки в первые месяцы войны заставили руководство РУ ГШ КА направить часть специалистов центрального аппарата в действующую армию — в разведывательные отделы штабов западных фронтов, которые остро нуждались в опытных кадрах[8]. Эта необходимая мера также ослабила центральный аппарат РУ ГШ и снизила уровень профессионального управления деятельностью резидентур за рубежом.

Во исполнение постановления ГКО от 15 октября 1941 г. «Об эвакуации столицы СССР г. Москвы»[9] центральный аппарат Разведуправления ГШ был передислоцирован в г. Куйбышев. В Москве продолжала действовать группа оперативного управления РУ ГШ КА в составе генерал-майора А. П. Панфилова, полковника И. А. Большакова, полкового комиссара Л. С. Эпштейна, сотрудников отдела К. Б. Леонтьева, М. И. Поляковой, В. В. Бочкарева и других офицеров разведки[10].

С началом войны сотрудники сохранившихся зарубежных резидентур Разведуправления ГШ в Европе, государствах Дальнего Востока и США должны были решать широкий круг новых военно-политических, военных и военно-технических задач.

В военно-политической области: установить отношение правительств Японии и Турции к войне Германии против Советского Союза; добыть сведения о направленности внешней политики руководства США и Англии и их взглядах на создание антигитлеровской коалиции; узнать реальное отношение правительств Болгарии, Ирана, Турции и Швеции к войне Германии против СССР[11].

В области вооруженного противоборства: выявлять планы Германии по дальнейшему ведению войны против Советского Союза; добывать сведения о составе, численности и состоянии вооруженных сил Германии, Венгрии, Румынии, Италии, Финляндии и Японии.

В военно-экономической области: оценивать состояние экономики Германии и ее возможностей по производству оружия и военной техники, выявлять дислокацию объектов военной промышленности Германии.

В военно-технической области: добывать сведения о разработке новых видов оружия и военной техники, их характеристиках, объемах серийного производства и сроках поставки в войска.

В ходе первого периода Великой Отечественной войны задачи резидентур стратегической агентурной разведки корректировались и уточнялись в соответствии с требованиями войны и оперативно-стратегическими задачами, которые решали Ставка ВГК и Генеральный штаб Красной армии.

С захватом Правобережной Украины гитлеровское командование сразу же приступило к подготовке наступления на Москву. Первоначально эта задача была определена в директиве верховного главнокомандования вооруженных сил Германии (ОКВ) № 35 от 6 сентября 1941 г.[12] В дополнительных указаниях к плану операции «Тайфун», утвержденных 17 сентября, главное командование сухопутных войск Германии (ОКХ), в частности, указало на необходимость переброски войск группы армий «Центр» таким образом, чтобы эти мероприятия «остались по возможности скрытыми от русских, особенно передвижение моторизованных соединений в район расположения группы армий «Центр», а также перегруппировки главных сил авиации»[13]. Особое внимание обращалось на проведение мероприятий по «дезинформации русских. Все это создавало значительные трудности для деятельности военной разведки.

Ставка ВГК и Генеральный штаб Красной армии предполагали, что Гитлер попытается захватить советскую столицу. Важно было установить, когда германское командование планирует начать операцию по захвату Москвы и определить состав группы армий «Центр», которой предстояло реализовать этот план. Вскрыть замыслы германского командования на сентябрь — октябрь 1941 г. должно было Разведуправление ГШ. Одновременно его зарубежным резидентурам требовалось установить, не вступят ли в войну против СССР Япония и Турция, что могло значительно ослабить возможности Ставки ВГК по организации обороны Москвы и создать для Германии благоприятные условия для ведения войны на восточном фронте.

Эти и другие разведывательные задачи решали силы зарубежной разведки РУ ГШ КА, а также разведчики агентурных отделений разведывательных отделов штабов фронтов. Накануне битвы за Москву добыванием сведений о противнике занимались шесть оперативных пунктов Западного, четыре оперативных пункта Резервного и Брянского и четыре оперативных пункта Калининского фронтов, силы радиоразведки, а также воздушная разведка. Зарубежные резидентуры Разведуправления ГШ в сентябре 1941 г. смогли доложить в Центр, что германское командование планирует захватить советскую столицу. Первостепенное значение имели также сведения об отношении правительств Японии и Турции к войне Германии против Советского Союза.

В августе — сентябре 1941 г. от Рихарда Зорге (псевдоним Рамзай) в Центр поступило более двадцати донесений о том, что в Токио обсуждаются вопросы вступления Японии в войну против СССР[14]. Так, 23 августа 1941 г. Р. Зорге сообщал в Центр, что «для Японии еще не наступило время вступать в войну. Немцы очень недовольны таким поведением Японии»[15]. Сведения, поступавшие от Зорге, тщательно анализировались командованием Разведуправления ГШ. Некоторые из них были отнесены в разряд дезинформационных, но большинство признано ценными. Для объективной оценки сведений о возможном вступлении Японии в войну против СССР специалисты информационного отдела Центра обобщали донесения резидентов зарубежной разведки, поступавшие не только из Японии, но и из Швейцарии, Великобритании и США.

В Швейцарии сведения об отношении японского правительства к войне Германии против СССР добывал резидент РУ ГШ КА Шандор Радо (псевдоним Дора). 7 августа 1941 г. он сообщил: «Японский посол в Швейцарии заявил, что не может быть и речи о японском выступлении против СССР до тех пор, пока Германия не добьется решающих побед на фронте»[16].

Важные сведения, раскрывающие отношение правительства Японии к войне Германии против СССР поступили в Центр и от резидента военной разведки Л. А. Сергеева[17] (псевдоним Морис), который действовал в США и руководил деятельностью резидентуры «Омега». Используя сведения, полученные от источников, работавших в американской военной разведке, Л. А. Сергеев несколько раз докладывал, что японское правительство не намерено вступать в войну против СССР. 19 июля, например, разведчик доложил в Центр о том, что ближайшие действия японцев будут направлены на дальнейшую оккупацию Индокитая. А 14 сентября 1941 г. Р. Зорге также сообщил о решении японского правительства «не вступать в войну против СССР»[18]. Анализ донесений Р. Зорге, Ш. Радо и Л. А. Сергеева позволил руководству Разведуправления ГШ сделать обоснованный вывод о том, что Япония во второй половине 1941 г. не намерена вступать в войну против Советского Союза[19], о чем и было доложено в Генеральный штаб.

Требовались и достоверные сведения о планах Турции, которая в любой удобный для нее момент могла начать военные действия по захвату Кавказа, что, в свою очередь, серьезно изменило бы баланс сил на советско-германском фронте. Резидент Разведуправления ГШ в Анкаре полковник Н. Г. Ляхтеров докладывал в Центр о том, что турецкое правительство занимает выжидательную позицию и не намерено вступать в войну против СССР до тех пор, пока Германия не добьется на восточном фронте решительной победы. Из Анкары поступали донесения, многие из которых были важны для правильного понимания реальных целей внешнеполитического курса турецкого правительства.

М. И. Полякова

Л. А. Сергеев

Резидентура военной разведки в Тегеране действовала менее эффективно, поэтому в Центре решили заменить резидента. В столицу Ирана был направлен опытный разведчик полковник Б. Г. Разин.

Военный атташе в Стокгольме полковник Н. И. Никитушев докладывал в Центр о том, что правительство Швеции воздержится от вступления в войну против СССР, однако предоставит Германии возможность перебрасывать свои войска через шведскую территорию в Финляндию, а также продолжит торгово-экономические отношения с Германией.

Учитывая содержание донесений Р. Зорге, Ш. Радо, Л. А. Сергеева, Н. И. Никитушева и других военных разведчиков, Ставка ВГК приняла решение о переброске на Западный фронт части войск и сил с Дальнего Востока, из Сибири и Среднеазиатского военного округа. Оперативно проведенная перегруппировка войск позволила значительно укрепить оборону Москвы.

В это же время контрразведки Японии и Германии начали принимать меры по выявлению и аресту советских разведчиков, радиостанции которых выходили в эфир. 18 октября 1941 г. в Токио были арестованы Р. Зорге и некоторые его источники. По указанию Гитлера германская контрразведка разработала операцию «Красная капелла»[20], главной целью которой было выявление и уничтожение советских разведчиков, действовавших в европейских странах. 13 декабря в Брюсселе гестапо провело операцию по выявлению и аресту советских радистов. В ходе этой акции был арестован радист, входивший в состав нелегальной резидентуры военной разведки, которой руководил агент Кент (под этим псевдонимом в РУ ГШ КА числился разведчик-нелегал А. М. Гуревич)[21]. Для восстановления связи с наиболее ценными источниками Разведывательное управление направляло специальных курьеров в Польшу, Чехословакию и Германию, однако эти усилия положительных результатов не приносили.

В октябре — декабре 1941 г. в Центр от резидентов Разведуправления ГШ, действовавших в Англии, Бельгии, Франции, Швеции, Швейцарии, Болгарии и Турции поступали сведения о положении на советско-германском фронте, а также другая важная информация военно-политического, военного и военно-экономического характера. Из Швеции от источника Карл, например, поступали расшифрованные сводки германской армии и директивные указания штаба верховного главнокомандования вермахта. РУ ГШ КА в конце 1941–1942 гг. представляло в Ставку ВГК оперативные сводки германских штабов о положении на восточном фронте, и на основе этих сведений велась специальная оперативная карта[22].

В сентябре 1941 г. также важно было установить, когда немецкое командование планирует перейти в наступление на московском направлении, и определить состав группировки немецких войск. Эту задачу успешно решали разведчики разведывательного отдела штаба Западного фронта. 23 сентября 1941 г. сотрудники этого отдела установили, что немецкие войска готовятся к наступлению на Москву и создали для этого крупную группировку в составе трех армий и трех танковых групп. О замысле немцев была информирована Ставка ВГК. Ценные сведения удалось получить в ходе допросов немецких летчиков, сбитых во время налетов на Москву. Информация о передвижении немцев в направлении Москвы регулярно добывалась и воздушной разведкой.

Важные сведения о концентрации сил противника на московском направлении были добыты также радиоразведкой. В сентябре 1941 г. из Ташкента в Москву был переброшен 490-й радиодивизион, который стал дивизионом ОСНАЗ Ставки ВГК. Дивизион успешно выполнял задачи по разведке немецкой бомбардировочной авиации, устанавливал, с каких аэродромов, какие самолеты и в каком количестве поднимались в воздух для совершения налетов на Москву и другие крупные промышленные центры. С первых же дней участия в Московской битве командование дивизиона установило прямую связь со штабом противовоздушной обороны Москвы и за один-два часа предупреждало войска ПВО о возможных налетах немецкой авиации.

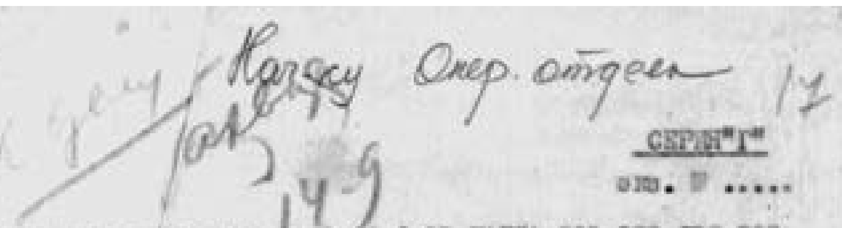
В Разведуправлении ГШ все данные о приготовлениях противника обобщались и в виде разведывательных сводок направлялись в Ставку ВГК и Генеральный штаб. В частности, в разведывательных сводках за 29 и 30 сентября 1941 г. указывалось, что противник продолжает подготовку к наступлению на Западном фронте на смоленско-вяземском направлении, а его главная группировка сосредоточена под Смоленском в составе 5, 8, 23-го армейских и трех других корпусов неустановленной нумерации. Была уточнена группировка войск противника в районе Рославля, Новгорода-Северского, и делалось предположение о переходе немцев в наступление в ближайшие дни[23].

Разведывательные сведения о противнике, поступавшие в Центр от руководителей зарубежных резидентур, ежедневно дополнялись данными, которые добывались силами оперативной агентурной разведки и радиоразведки Разведуправления ГШ. В июле — августе 1941 г. только разведывательные органы Западного фронта направили в тыл противника около 500 разведчиков, 17 партизанских отрядов и 29 разведывательно-диверсионных групп[24].

В августе в тыл к немцам был направлен парашютно-десантный отряд в составе 27 разведчиков во главе с И. Ф. Ширинкиным. С 7 сентября по 1 ноября этот отряд успешно действовал в Смоленской, Витебской, Псковской и Новгородской областях. После возвращения с задания И. Ф. Ширинкин доложил о проведенных операциях в тылу противника командующему Западным фронтом Г. К. Жукову.

В ходе Московской битвы оперативная агентурная разведка была нацелена на бесперебойное обеспечение командующих фронтами сведениями о противнике. В период с 15 сентября по 31 декабря 1941 г. разведывательный отдел Западного фронта подготовил и забросил в тыл противника 71 разведывательную и разведывательно-диверсионную группу. В районах Смоленска, Вязьмы, Ржева, Зубцова, Лепеля, Борисова, Березино, Бобруйска и других населенных пунктов действовали разведывательные группы, которые непрерывно контролировали переброски немецких войск[25]. Было достоверно установлено, что с 1 по 11 ноября 1941 г. противник из глубокого тыла перебросил в полосу Западного фронта девять дополнительных дивизий. Активно действовали в тылу противника разведывательно-диверсионные группы, подготовленные специалистами разведывательных отделов штабов Калининского, Западного, Брянского и Юго-Западного фронтов.

Военной разведке в сентябре 1941 г. удалось установить точный день начала операции «Тайфун»[26]. Получить такие сведения смог военный разведчик старший лейтенант В. В. Бочкарев, который проводил допросы захваченных в плен немецких летчиков. Один из них — капитан Г. Мессершмидт сообщил, когда начнется наступление вермахта на Москву. Эти сведения были доложены И. В. Сталину[27].

СЕКРЕТ
экз. № .....

РАЗВЕДСВОДКА № 81 ШТАБА ЮЗФ 14.9.41 6.00 КАРТА 500.000, 200.000

1) ГРУППИРОВКА И СОСРЕДОТОЧЕНИЯ. На 14.9 перед ЮЗФ установлены резко выраженные группировки противника: подвижные группировки – в районе Ромны (до двух мотодивизий) и в районе сев.-зап. Кременчуг (не менее одной мотомехдивизии), имеющих задачей действиями на юг и север окружить ЮЗФ.

В районах Бахмач, [illegible] (до трех дивизий) и Нежин, Кобыжча (не менее двух дивизий) имеющих задачей действиями на юго-запад и юго-восток окружить 21 и 5 армии.

Козелецкая группировка (до трех дивизий, имеющая задачей действиями в южном направлении обойти Киев с востока.

2) ДЕЙСТВИЯ ПРОТИВНИКА. В течение 13.9 противник продолжал сосредоточивать в районе Ромны крупные силы. Из района Ромны продолжал распространяться на юг.

Развивая успех с рубежа Бахмач, [illegible], Дремайловка, к исходу дня до пд с танками вышла на рубеж Дмитриевка, Гайворон, Григоровка, Аполлоновка. До пд с 60 танками (предположительно дивизия СС) вышли на рубеж [illegible], [illegible], передовые части овладели [illegible], [illegible].

Противник силой до трех пд (предположительно 293, 112 и 121 пд) вышло на рубеж (иск.) [illegible], Прохоры, [illegible].

(Сведений о действиях и положении противника на участке Ворожба – Конотоп не поступало).

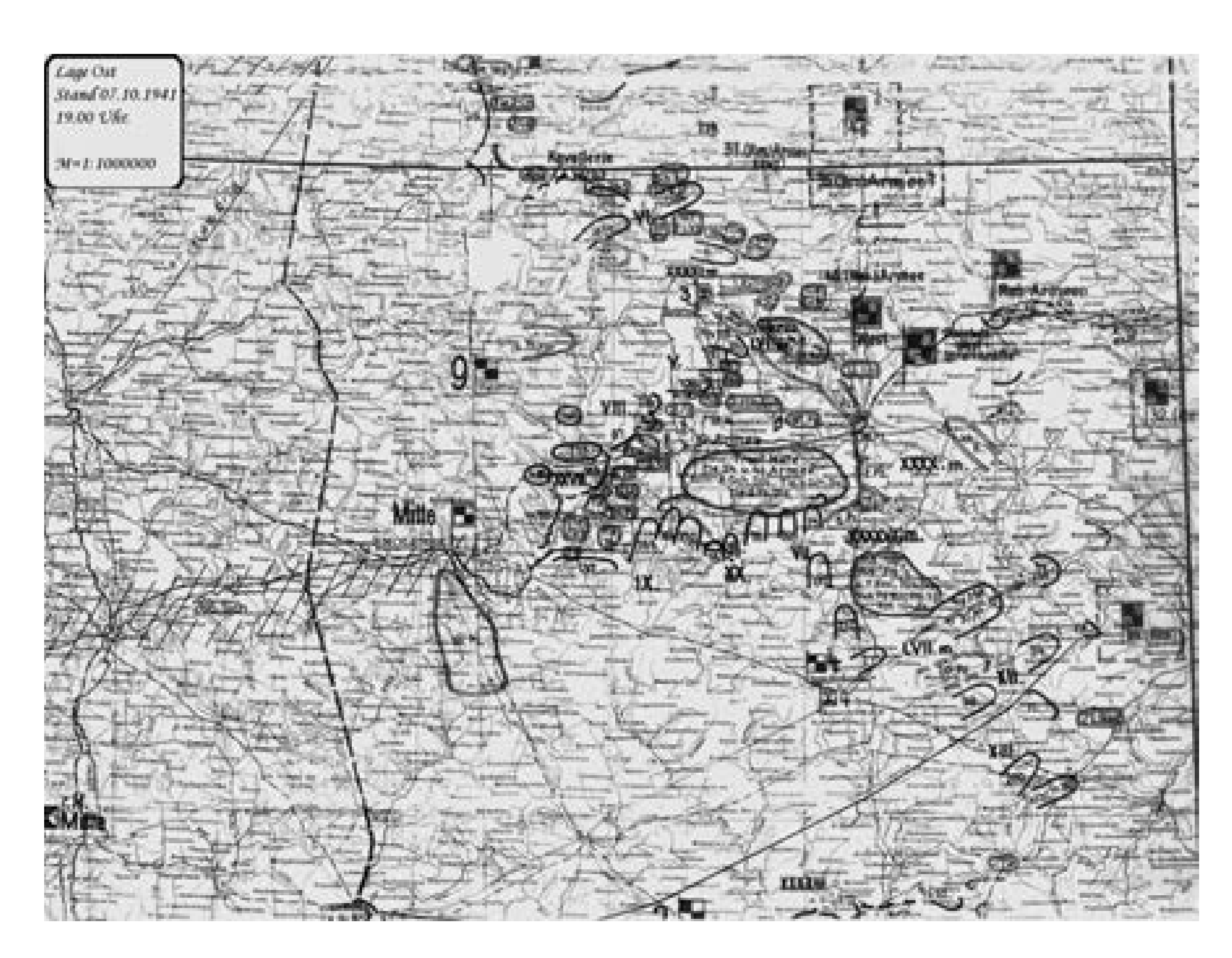
В течение 13.9 авиаразведкой установлено движение мотоколонны до 270 автомашин и 30 танков с рубежа Конотоп, Бахмач, в направлении Ромны. Из Ромны на Лохвица отмечено движение до 100 автомашин и 30 танков. В районах Дроздовка и Ордовка скопление пехоты неустановленной численности.

Нежинское направление. Противник в течение 13.9 продолжал развивать успех в южном и сев.-вост. направлениях, к исходу дня вышел на рубеж иск. окр. Нежин, [illegible], Григорьевка, [illegible], [illegible], Медведовка, [illegible], [illegible], хутора Носовские, Кобыжча, передовые части овладели Бобровица.

Козелецкое направление. Противник силою до двух пд, продолжая наступление в южном направлении, к исходу дня вел бой с нашими частями на рубеже [illegible], южная окр. Козелец, Одинцы, [illegible], Булахово, [illegible]. По данным авиации отмечено движение автоколонн с Окуниново на Остер, всего в течение 13.9 в этом направлении прошло до 200 автомашин. В районе [illegible] отмечено скопление до 200 автомашин.

Киевское направление. Активных действий не было. Противник вел редкий артиллерийский и минометный огонь.

Разведсводка от 14 сентября 1941 г. Юго-Западный фронт

Немецкая оперативная карта на 7 октября 1941 г.

После того как 19 октября ГКО ввел в Москве и прилегающих к ней районах осадное положение, был утвержден план «Z», предусматривавший создание пяти нелегальных резидентур военной разведки для действий в Москве в случае ее захвата фашистами. В состав каждой резидентуры входили несколько человек из наиболее надежных и проверенных москвичей — рабочих, инженеров, учителей, артистов. В одной из групп числилась Анна Серова — сотрудница киностудии «Мосфильм», в другой — работница Центрального телеграфа Нина Короленко, в третьей — артист Московского цирка Михаил Румянцев (Карандаш). Созданием резидентур руководил начальник германского отдела Разведуправления ГШ полковник И. А. Большаков. Нелегальную резидентуру «Центр» было поручено возглавить капитану М. Поляковой, одной из самых опытных разведчиков германского отдела РУ ГШ. Радисткой в этой группе была назначена Лидия Щербинина. Резидентуру «Запад» должен был возглавить старший лейтенант С. Куроедов, а резидентуру «Север» — старший лейтенант П. Романенко. План «Z» отменили только в начале февраля 1942 г.

В тыл противника направлялись специальные группы и мобильные отряды военных разведчиков, которые должны были взрывать мосты и эшелоны противника, уничтожать его живую силу и боевую технику. Диверсанты-разведчики поджигали дома, в которых размещались немецкие солдаты и офицеры, уничтожали небольшие гарнизоны, собирали сведения о дислокации штабов, аэродромов и складов. Эти сведения использовались для организации налетов советской авиации. Нанесение противнику максимально большого материального ущерба было одной из основных задач подразделений военной разведки в ходе подготовки немцев к наступлению на Москву.

17 ноября 1941 г. был издан приказ Ставки ВГК «О создании специальных команд по разрушению и сжиганию населенных пунктов в тылу немецких войск». К выполнению этой задачи стали активно привлекаться не только мужчины, но и женщины, в основном молодые москвички. Они проходили ускоренную специальную разведывательно-диверсионную подготовку и направлялись в тыл противника. По инициативе разведчиц, которые составляли до 30% личного состава всех разведывательно-диверсионных подразделений, начиная с октября 1941 г. стали создаваться женские разведывательно-диверсионные группы. В тылу противника успешно действовали разведгруппы, которыми командовали Е. Ф. Колесова, Е. Я. Пожарская и В. И. Степанова.

В журнале учета операций разведгрупп разведывательного отдела штаба Западного фронта записано, что 21 ноября 1941 г. задания на проведение диверсионных акций в тылу противника получили 15 разведывательно-диверсионных групп войсковой части № 9903. В составе одной из таких групп были Зоя Космодемьянская и Вера Волошина. При выполнении задания в тылу противника они были схвачены немцами, подвергнуты жестоким публичным пыткам, которые проводились с целью устрашения местного населения, и казнены. 16 февраля 1942 г. разведчице З. Космодемьянской было посмертно присвоено звание Героя Советского Союза. Звание Героя России (посмертно) В. Волошиной было присвоено 6 мая 1994 г.

В период Московской битвы в тылу противника успешно действовали разведывательные отряды и группы «Огонь», «Ястреб», «Абрам», «Игорь», «Профессор», «Бравый», «Рябчик», «Смелый» и многие другие.

К началу декабря 1941 г. дальнейшее продвижение группы армий «Центр» удалось остановить, тем не менее вражеская группировка все еще оставалась мощной. Военная разведка смогла установить, что в составе войск фельдмаршала Ф. фон Бока было около 75 дивизий, в том числе 22 танковые и моторизованные, однако тылы германской группировки оказались растянуты как в глубину, так и по фронту. Диверсионные группы военной разведки и партизанские отряды, многие из которых тоже были созданы Разведуправлением Генерального штаба Красной армии, срывали снабжение немецких войск. Усилиями разведчиков-диверсантов и партизан суточный подвоз боеприпасов, провианта и горючего для всей группы армий «Центр» был сокращен до 23 эшелонов в сутки, в то время как войскам, стремившимся захватить Москву, требовалось для обеспечения наступательных боевых действий до 70 эшелонов ежедневно[28]. В документах разведывательного отдела штаба Калининского фронта

З. Космодемьянская

В. Волошина

Казнь Зои Космодемьянской

указывалось: «Путем резкой активизации диверсий сократить до минимума перевозки войск и грузов противника по важным магистралям, и особенно на Смоленском направлении, с тем чтобы помочь передовым частям, перешедшим в наступление на этом участке фронта»[29].

В начале декабря войска Западного, Калининского и Юго-Западного фронтов перешли в контрнаступление. В этот период разведывательное обеспечение деятельности Генерального штаба и штабов фронтов осуществляли три оперативных пункта Северо-Западного, четыре оперативных пункта Калининского, шесть оперативных пунктов Западного, четыре оперативных пункта Брянского и четыре оперативных пункта Юго-Западного фронта.

С началом контрнаступления войск Красной армии сотрудники Разведуправления ГШ, эвакуированные в Куйбышев, возвратились в столицу. Начальник РУ ГШ КА подписал приказ, в соответствии с которым всему личному составу управления предписывалось к 25 января 1942 г. приступить к работе в Москве. Вспоминая те дни, ветеран военной разведки М. И. Полякова писала: «Возвратившийся из Куйбышева аппарат Разведуправления заработал в полную силу. В его работе исчезла нервозность, характерная для первых месяцев войны. Домой мы уходили только для того, чтобы привести себя в порядок и немного поспать. Выходных дней у нас, как правило, не было»[30].

В ходе контрнаступления органы военной разведки добывали сведения о направлениях отхода соединений и частей противника, о создании ими рубежей обороны, постоянно уточнялись состав немецких войск, нумерация дивизий, оценивалась их боеспособность, фиксировалось перемещение штабов, узлов связи, нахождение резервов. Разведывательно-диверсионные группы и отряды продолжали действовать в тылу противника, нанося ущерб его живой силе, технике и средствам связи.

Большую роль в организации разведки противника в Московской битве играли начальники разведывательных отделов штабов фронтов полковник Е. В. Алешин (Калининский фронт), полковник Т. Ф. Корнеев (Западный фронт) и полковник М. А. Кочетков (Брянский фронт).

В достижение победы над германскими захватчиками в ходе Московской битвы внесла свой вклад и воздушная разведка. К началу Великой Отечественной войны разведывательная авиация организационно подразделялась на армейскую и корпусную. Армейская состояла из отдельных разведывательных авиационных полков, в состав которых входили четыре отдельных разведывательных авиационных эскадрильи по 12 самолетов-разведчиков типа СБ и ЯК-4, и одной эскадрильи связи, насчитывавшей 12 самолетов У-2. В корпусную разведывательную авиацию входили отдельные разведывательные авиационные эскадрильи по девять самолетов-корректировщиков и разведчиков и по шесть самолетов связи. Всего было сформировано и находилось в стадии формирования десять разведполков и 63 отдельные эскадрильи. Однако большая часть корпусных авиационных эскадрилий к началу войны не имела ни материальной части, ни личного состава. В целом разведывательные авиационные полки и отдельные эскадрильи накануне войны были укомплектованы личным составом только на 37,7% и имели на вооружении 5,5% самолетов от общего состава боевой авиации ВВС[31].

В связи с низкой укомплектованностью разведывательной авиации личным составом и значительными потерями материальной части в первые дни войны командующие ВВС фронтов были вынуждены для ведения воздушной разведки привлекать силы боевой авиации. Несмотря на объективные трудности, воздушные разведчики в период Московской битвы добывали ценные сведения о дислокации и передвижениях войск противника, что позволяло, учитывая сведения, добытые другими видами разведки, предпринимать адекватные меры по укреплению обороны столицы на наиболее опасных направлениях.

В целом в ходе битвы за Москву силы зарубежной (стратегической), оперативной и войсковой разведки выполнили задачи по добыванию сведений о противнике. За результативные действия по сбору сведений о противнике и проведение диверсионных операций в его тылу более 200 военных разведчиков одного лишь Западного фронта были награждены орденами и медалями.

Оценивая деятельность военных разведчиков в период Московской битвы, генерал армии С. М. Штеменко уже после окончания войны писал: «В период битвы за Москву мы знали, например, о противнике достаточно много, чтобы точно определить замысел, характер и направления его действий. Нам была известна степень напряжения сил немецко-фашистских войск на всем фронте их наступления. Поэтому советское Верховное главнокомандование приняло решение на переход в контрнаступление под Москвой в наиболее подходящий для этого момент»[32].

Значительные успехи, однако, не могли скрыть и серьезные недостатки в деятельности военной разведки. Командование РУ ГШ КА, проанализировав деятельность органов зарубежной и оперативной разведки в период битвы за Москву, пришло к выводу о необходимости принятия неотложных мер по улучшению эффективности руководства всех разведывательных структур военной разведки. Оценки и предложения были доложены военным комиссаром Разведуправления ГШ генерал-лейтенантом И. И. Ильичевым 31 января 1942 г. в Государственный Комитет Обороны. В докладе отмечалось, что «организационная структура военной разведки не отвечала условиям войны и являлась тормозом в разведывательной работе», руководство разведкой отсутствовало, поскольку не были назначены новый начальник Разведуправления ГШ (в ноябре 1941 г. Ф. И. Голиков был направлен на командную работу в войска), а также руководитель, отвечавший за агентурную работу[33]. Критике был подвергнут Генеральный штаб, который «не руководил работой Разведуправления». И. И. Ильичев просил немедленно назначить начальника военной разведки, обязать Генштаб конкретно руководить разведкой или же возложить общее руководство Разведуправлением на одного из заместителей наркома обороны. В докладной записке также отмечалась слабая материально-техническая база Разведуправления: самолеты в его распоряжении отсутствовали, не было необходимой экипировки, продовольствия. И. И. Ильичев предложил ввести новые штаты РУ ГШ, организационно-штатную структуру военной разведки фронтов и армий, а также улучшить материальное обеспечение оперативной деятельности.

В ГКО с этими предложениями согласились. Было признано, что структура Разведуправления ГШ не соответствует требованиям войны. 16 февраля 1942 г. приказом НКО СССР Разведывательное управление Генштаба Красной армии было преобразовано в Главное разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (ГРУ ГШ КА). Начальником ГРУ — заместителем начальника Генерального штаба по разведке был назначен генерал-майор А. П. Панфилов. В организационной структуре ГРУ были созданы два управления. Личный состав 1-го (агентурного) управления отвечал за организацию агентурной разведки, в его состав входили отделы: германский, европейский, дальневосточный, ближневосточный, диверсионный, а также фронтовой, армейской и окружной разведки, оперативной техники, специальной радиосвязи и радиоразведки[34]. 2-е управление было информационным и имело в своем составе германский, европейский, дальневосточный редакционно-издательские, войсковой информации, дешифровальный и другие отделы. Офицеры этого управления готовили разведывательные сводки, специальные сообщения для высшего политического руководства СССР и командования Красной армии, суточные донесения, карты с обстановкой на фронтах, справочники и другие документы.

В соответствии с решением Ставки ВГК были приняты меры по совершенствованию форм и способов взаимодействия ГРУ с Генеральным штабом, который должен был регулярно определять задачи по разведыванию противника в интересах планирования и ведения боевых действий войсками Красной армии[35]. Было намечено улучшение материально-технического обеспечения сил и средств военной разведки, поставлены конкретные задачи по ее оснащению средствами агентурной радиосвязи и транспортной авиацией, определены меры по повышению качества подготовки кадров. ГРУ сосредоточило в своих руках руководство стратегической, оперативной и тактической разведкой.

Готовясь к летней кампании 1942 г., сотрудники ГРУ ГШ активизировали заброску на оккупированные противником территории разведывательных и разведывательно-диверсионных групп. В феврале 1942 г. было подготовлено и заброшено в тыл противника девять

разведывательных групп. Во втором полугодии планировалось подготовить и забросить в тыл противника 500 человек в составе разведывательных групп и 1100 человек в составе разведывательно-диверсионных групп.

С учетом опыта первых месяцев войны принимались дополнительные меры, направленные на повышение возможностей радиоразведки. В этих целях в июне 1942 г. был развернут 1-й отдельный радиополк ОСНАЗ Ставки ВГК, в состав которого вошла маневренная группа, способная решать задачи радиоразведки в тактической глубине обороны противника. Во фронтах были созданы группы прослушивания переговоров по проводным линиям связи противника, в их задачи входило незаметно подключаться к линиям связи в его тылу (7—10 км от линии фронта) и добывать сведения об обстановке в дивизиях и полках германской армии. Были приняты меры по улучшению процесса подготовки квалифицированных кадров радиоразведки.

Из-за больших потерь в трудном положении оказалась воздушная разведка: на 1 января 1942 г. в ее частях насчитывалось 94 самолета-разведчика. Были приняты меры, направленные на развитие и укрепление этого важного вида разведки. В начале 1942 г. в штабе ВВС Красной армии было создано Разведывательное управление, которое возглавил генерал-майор Д. Д. Грендель, в его состав вошли четыре отдела, а в штабах ВВС фронтов были развернуты самостоятельные разведывательные отделы. Три специально сформированных отдельных дальних разведывательных авиационных полка Главного командования должны были вести воздушную разведку по заданию начальника Генерального штаба и командующего ВВС. Был также сформирован отдельный запасной разведывательный авиационный полк, в котором проводилась подготовка экипажей воздушных разведчиков[36].

В 1942 г. перестроили свою деятельность и военно-морские разведчики. В апреле была изменена организационно-штатная структура Разведывательного управления Главного штаба ВМФ, которым командовал контр-адмирал М. А. Воронцов. В оргструктуре РУ ГШ ВМФ было образовано десять отделов (северо-западное, южное, дальневосточное направления, текущей обстановки, радиоразведки, шифровальный, дешифровальный, внешних сношений, военно-морской цензуры и другие) и три отделения (связи, оперативной техники и финансовое), в них входили 274 человека, в том числе 156 военнослужащих и 118 человек гражданского персонала[37].

Одним из важнейших результатов, которые во время Московской битвы были достигнуты Верховным главнокомандованием Вооруженных сил Советского Союза при активном участии военной разведки, стал срыв планов Гитлера по применению на восточном фронте боевых отравляющих веществ.

Первым о подготовке немецких войск к использованию химического оружия 24 января 1942 г. сообщил начальнику ГРУ ГШ КА руководитель нелегальной резидентуры в Швейцарии Ш. Радо: «От шефа противохимической защиты в швейцарском военном министерстве: ...Немцы в больших количествах изготовляют следующие ОВ: иприт, фосген, дифосген, дифениларсинцианид... Против всех этих ОВ, за исключением иприта, в немецкой армии защитой служит только трехслойный фильтрующий противогаз. Фильтр состоит из абсорбирующих веществ, две части кокса с тремя частями уротропина или другие абсорбирующие вещества. Против люизита и иприта защитой служит только противоипритный костюм»[38].

Наращивание в Германии производства отравляющих веществ могло свидетельствовать о том, что Гитлер готовится применить химическое оружие. Донесение Ш. Радо вскоре было подтверждено информацией, поступившей от других разведчиков. На основе полученных данных начальник РУ ГШ КА подготовил и направил 30 января 1942 г. членам Ставки ВГК специальное сообщение: «О подготовке германской армии к применению химических средств»[39]. Одновременно Центр 1 февраля 1942 г. направил всем резидентам, действовавшим в европейских странах, задание добыть сведения о состоянии химической промышленности Германии и дислокации заводов, на которых производятся химические отравляющие вещества.

...ит возврату через 6 суток
...деление 8 Отдела Разв. Упр.
...нштаба Красной Армии

16/584

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Снятие копии воспрещается

Экз. № 80

РАСШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА Вх. № 1745, 1756

Из Женева подана ___ час ___ мин. « ___ » ___ 19 г.

Поступ. в отделом 06 час 45 мин. «24» 1 1942 г.

По радио

НАЧАЛЬНИКУ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНОГО УПРАВЛЕНИЯ ГЕНШТАБА КРАСНОЙ АРМИИ

Женева, 21 января 1942 года

На Ваш № 87

От шефа противохимической защиты в швейцарском военном министерстве.

1. Немцы в больших количествах изготовляют следующие ОВ: иприт, фосген, дифосген, дифениларсинцианид, формилхлоридидоксил, кокодилизоцианид $(CH_3)_2$ (?), теллурдиэтил-(C_2H_5) Te, нитроилл фяуочид, этиларсинхлорид $-C_2H_5$ -

Вероятно, также изготавливаются старые ОВ на базе арсина и триоксидарсина, однако о этих ОВ нет точных данных.

Против всех этих ОВ, за исключением иприта, в немецкой армии защитой служит только трехслойный фильтрирующий противогаз. Фильтр состоит из абсорбирующих веществ, две части кокса с 3 частями уротропи-

(см. след. лист)

Отпечатано в „___" экз. „___" ___ ч. ___ м.

Начальник 1 отделения

6. 7. 8. 9. 10. 11. 12. 13. 14. 15.

Донесение Ш. Радо. Лист 1

...т возврату через 6 суток
...ление 8 Отдела Разв. Упр.
...штаба Красной Армии

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО
Снятие копии воспрещается

Экз. № 81

РАСШИФРОВАННАЯ ТЕЛЕГРАММА Вх. №

Из ____ подана ___ час. ___ мин. « ___ » ______ 19 г.
Получена 8 отделом ___ час. ___ мин. « ___ » ______ 19 г.

...меток и резолюций

- 2 -

на или другие абсорбирующие вещества, два слоя активированного угля и 3 слоя противодымного фильтра. Против лоста или иприта защитой служит только противоипритный костюм.

2) В Германии проводились опыты тетраэтилом, который является еще более ядовитым чем иприт, но так как это вещество также опасно в обращении для своих собственных войск, то практически оно не применимо.

Абзац от Луизы

В начале декабря через Вену проследовали транспорты с батареями полевой 21 см. артиллерии, бронеавтомобилями и автомобилями. Транспорты направлялись на юго-запад Франции.

№ 68 ДОРА

...10 ч. 45 м.
1 1942
...лов

...печатано в « 1 » экз. « 27 » 18.00 м. вп.
Начальник I отделения [подпись]

6. ___ 11. ___
7. ___ 12. ___
8. ___ 13. ___
9. ___ 14. ___
10. ___ 15. ___

Донесение Ш. Радо. Лист 2

Выполняя задание, офицеры разведывательного отдела штаба Западного фронта сообщили о том, что в лагере для военнопленных, который располагался в селе Варварово, в 26 км юго-восточнее населенного пункта Холм-Жирковский, немцы произвели испытания отравляющего вещества нового типа. Бесчеловечный эксперимент, проводившийся на военнопленных, снабженных советскими противогазами, закончился трагически — все испытуемые погибли[40].

Сведения о подготовке Германии к применению на восточном фронте химических отравляющих веществ поступили в Центр и от резидента Конрада. 2 февраля 1942 г. он сообщил, что «немцы подготовили для отправки на восточный фронт большое количество тары для перевозки химических отравляющих веществ. Сведения получены из инструкции, поступившей в Дирекцию железных дорог»[41]. Ш. Радо 12 февраля 1942 г. также сообщил в Центр, что «в немецких противотанковых войсках усиленно ведется химическая подготовка. В каждой роте имеется унтер-офицер в качестве химинструктора».

Новые сведения о планах германского командования по применению химических отравляющих веществ на советском фронте были использованы начальником ГРУ ГШ для подготовки 22 февраля 1942 г. специального сообщения «О продолжающейся подготовке германской армии к применению химических средств». В этом сообщении указывалось: «Мероприятия германского командования направлены на подготовку к химической войне не только на фронте, но и в глубоком тылу. На восточном фронте отмечено прибытие химических войск на Брянском и Харьковском направлениях. По данным целого ряда источников, начало химической войны приурочивается к весне этого года в связи с предполагаемым наступлением»[42]. Это сообщение было направлено И. В. Сталину, В. М. Молотову, Г. М. Маленкову, Н. А. Вознесенскому, Л. П. Берии, А. И. Микояну, Л. М. Кагановичу, А. М. Василевскому и Б. М. Шапошникову.

В сообщении аналогичного характера 11 марта 1942 г., адресованном Верховному главнокомандующему И. В. Сталину, начальник ГРУ докладывал о том, что противник сосредоточивает «запасы химического оружия, главным образом на южном фланге... и ведет интенсивную подготовку к химическому нападению»[43]. На основе новых сведений, поступивших от резидентов, действовавших в Женеве, Лондоне и на территории оккупированной немцами Польши, начальник ГРУ направил в Ставку ВГК и начальнику ГШ КА очередное специальное сообщение «О новых средствах химического нападения и о подготовке к массовому применению огнеметов германской армией»[44].

Угроза применения немецкими войсками химического оружия в ГРУ ГШ была выделена в самостоятельное направление работы офицеров-аналитиков. В разведывательные отделы штабов фронтов были направлены дополнительные указания по вскрытию мероприятий противника, направленных на подготовку к применению химических отравляющих веществ[45]. Разведчики, выполняя указание Центра, добыли новейший немецкий противогаз FE-41, который там тщательно изучили и передали в Главное управление химических войск Красной армии. Существенным подтверждением подготовки противника к химической войне являлось и добытое военными разведчиками задание германского командования, в котором начальник абвера адмирал В. Канарис требовал «установить степень готовности Красной армии к ведению химической войны»[46].

Обобщая эти донесения, начальник ГРУ ГШ докладывал членам Ставки ВГК: «Ускоренная подготовка германской армии к применению отравляющих веществ является бесспорным фактом... германское командование продолжает подготовку к химической войне. Установлено, что химическая подготовка германских войск проводится по всему фронту. Части противника, расположенные в городах Красногвардейск, Прилуки, Нежин, Харьков, Таганрог, усиленно обучаются применению химических отравляющих веществ и мерам противохимической защиты. Части СС в Варшаве получили приказ в спешном порядке приступить к противогазовой подготовке. Отмечены случаи выдачи войскам противогазов образца 1941 г. Продолжается переброска на восточный фронт отравляющих веществ и химических боеприпасов, главным образом химических снарядов и авиабомб. Вывод: Противник продолжает интенсивную подготовку к химическому нападению»[47].

Применение Гитлером отравляющих веществ против войск Красной армии могло создать предпосылки для использования подобных средств и против Англии. Поэтому И. В. Сталин через советского посла в Лондоне И. М. Майского информировал премьер-министра Великобритании У. Черчилля о планах Гитлера. В соответствии с обещанием «сделать заявление, предупреждающее немцев о том, что если они начнут химическую войну против русских армий, мы, конечно, сразу же отплатим Германии тем же»[48], которое британский премьер дал советскому вождю, У. Черчилль выступил 12 мая 1942 г. по радио. Через два дня один из резидентов советской разведки, имевший источники в рейхе, сообщал в Центр: «Огромное впечатление на гражданское население Германии произвела речь Черчилля по поводу применения газов против Германии в том случае, если немцы будут применять отравляющие вещества на восточном фронте. В городах Германии очень мало надежных газоубежищ, которые могут охватить не больше чем 40% населения». По оценке этого резидента, «в случае применения Гитлером химического оружия на восточном фронте в ходе ответного удара погибло бы около 60% населения Германии от британских газовых бомб»[49].

Гитлеровское руководство вынуждено было отказаться от своих варварских планов. Таким образом, благодаря своевременно добытым военными разведчиками сведениям о наращивании нацистской Германией объемов производства боевых отравляющих веществ и подготовке войск к их применению на восточном фронте политическое руководство СССР согласованно с британским правительством добилось срыва коварного замысла Гитлера.

Военная разведка в годы коренного перелома

В первой половине 1942 г. военная разведка продолжала добывать сведения о группировке германских войск на советско-германском фронте и планах германского командования по ведению войны против СССР. В докладах и донесениях, которые направлялись в этот период в Ставку ВГК и Генеральный штаб, отмечалось, что летом 1942 г. командование вермахта готовит наступательные операции на южном фланге советско-германского фронта с нанесением главных ударов на Сталинград и Кавказ.

Цель летнего наступления германских войск на восточном фронте в 1942 г. была изложена в директиве ОКВ № 41, утвержденной Гитлером 5 апреля 1942 г. В соответствии с ней германские войска должны были «вновь захватить инициативу и навязать противнику свою волю», главный удар намечалось нанести на южном участке советско-германского фронта с «целью уничтожить противника западнее реки Дон, чтобы затем захватить нефтеносные районы на Кавказе и перейти перевалы через Кавказский хребет»[50]. В Берлине эта операция получила кодовое название «Блау», ее составной частью являлся замысел стратегического наступления немецких войск на Кавказ «Эдельвейс».

В период подготовки к операции «Блау» Гитлер приказал руководству немецкой контрразведки активизировать выявление и уничтожение советских разведчиков, действовавших в Германии и на территориях государств, оккупированных немецкими войсками. В этих целях в Германии, Франции, Бельгии, Швеции, Швейцарии продолжалась операция «Красная капелла». В результате активных действий контрразведывательных органов Германии некоторые советские разведчики и агенты были выявлены и арестованы[51]. В частности, в декабре 1941 г. в Брюсселе гестапо захватило радиостанцию, расписание работы радиста, шифровальную книгу и другие ценные материалы, что позволило германской контрразведке продолжить выявление других сотрудников советской разведки, действовавших в перечисленных странах.

В результате проведенных мероприятий германской контрразведке удалось получить сведения о советской агентурной сети в Германии. Были выявлены и захвачены члены разведывательной группы «Альта», которой руководила Ильзе Штёбе, а также члены агентурной

сети внешней разведки НКВД. Всего в Германии, Бельгии и Франции к осени 1942 г. были арестованы около 100 человек, работавших на советскую разведку. После закрытого военного трибунала 48 человек приговорили к смертной казни, а остальных — к длительным срокам тюремного заключения. К смертной казни была приговорена и Ильзе Штёбе, которая даже под пытками в гестапо не выдала своих помощников[52].

Не выдержав физического воздействия палачей гестапо, некоторые разведчики под принуждением согласились вести радиоигру с Центром. Проводившиеся контрразведкой противника мероприятия затруднили деятельность нелегальных резидентур военной разведки, что отрицательно отразилось на количестве и качестве поступавших в Центр разведывательных сведений. Тем не менее Центр получил информацию о том, что в летней кампании 1942 г. противник нанесет свой главный удар на южном фланге. Первое донесение об этих замыслах Гитлера поступило в ГРУ 3 марта 1942 г. от разведчика майора А. Ф. Сизова, который действовал в Лондоне. Он сообщил, что Германия планирует «весной 1942 г. начать наступление в направлении Кавказа»[53]. 12 марта руководитель резидентуры военной разведки в Швейцарии Ш. Радо доложил в Центр: «Основные силы немцев будут направлены против южного крыла восточного фронта с задачей достигнуть рубежа р. Волги и Кавказа, чтобы отрезать армию и население центральной части России от нефтяных и хлебных районов»[54]. Это донесение было использовано руководством ГРУ для подготовки специального сообщения членам Ставки ВГК «О планах Германии на 1942 год»[55].

Нелегальная резидентура, которой руководил Ш. Радо, продолжала вести активную разведывательную деятельность. К сотрудничеству были привлечены новые ценные агенты, имевшие связи в высших штабах вермахта, министерстве иностранных дел Германии и других правительственных учреждениях. Эти источники в Центре числились под псевдонимами Луиза, Ольга, Лонг, Тейлор, Люци, Сиси и другими. Резидентура «Дора» имела три самостоятельные радиостанции, которые действовали в разных городах Швейцарии, и продолжала направлять в Центр важные сведения военного характера. В среднем радисты Ш. Радо ежедневно передавали в Центр от трех до пяти радиограмм. Среди донесений разведчика основными были сообщения, в которых на основе добытых сведений утверждалось, что «Гитлер поставил задачу взять Майкоп и Грозный в августе... все крупные специалисты по нефти сидят в Берлине и ждут приказа о выезде на Северный Кавказ»[56].

В январе — апреле 1942 г. резиденты ГРУ, действовавшие в Турции, Лондоне и Вашингтоне, докладывали в Центр, что Германия намерена изменить план войны против СССР: перейти в решительное наступление на южном фланге советско-германского фронта, захватить Ростовскую область, Краснодарский и Ставропольские края, а также Крым, Кавказ и другие районы, которые являлись основным поставщиками продуктов питания и нефтепродуктов для войск Красной армии.

15 марта источник военной разведки в Лондоне, который числился в Центре под оперативным псевдонимом Долли, сообщил начальнику ГРУ о содержании бесед министра иностранных дел Германии И. Риббентропа с японским послом в Берлине генералом Х. Осимой, состоявшихся 18, 22 и 23 февраля 1942 г. Риббентроп сообщил японскому послу о том, что для германского командования «в 1942 г. первостепенное значение будет играть южный сектор восточного фронта. Именно там начнется наступление, а сражение развернется к северу»[57].

Особое значение имели разведывательные сведения военного характера. Так, в спецсообщении ГРУ, направленном в Генеральный штаб в конце марта, отмечалось: «Наиболее вероятным направлением главного удара немцев на восточном фронте будет ростовское направление. Цель наступления — овладеть нефтеносной базой СССР и в последующем ударом на Сталинград выйти к р. Волга»[58].

1 июля 1942 г. военный атташе полковник Н. И. Никитушев, действовавший в Стокгольме, докладывал в Центр: «Шведский штаб считает, что на Украине началось основное немецкое наступление. План немцев — прорыв линии обороны Курск — Харьков с развитием наступления через Дон к Сталинграду на Волгу. Затем установление заслона на северо-востоке и продолжение наступления свежими силами на юг через Ростов-на-Дону на Кавказ»[59].

Эти сведения без промедления были переданы членам Ставки ВГК. Летом 1942 г. резидент Ш. Радо направил в Москву сведения об объемах выпуска германской военной промышленностью самолетов, танков, артиллерийских орудий, о перебросках воинских частей противника на южный участок советско-германского фронта. Достоверную информацию о противнике добывали агенты Люци, Лонг, Луиза и другие[60].

Таким образом, вполне обоснованно можно сделать вывод о том, что основные положения немецкой директивы № 41 на летнее наступление стали известны ГРУ задолго до подписания ее Гитлером, то есть еще на стадии разработки. Но, как с сожалением вспоминал Маршал Советского Союза А. М. Василевский, «обоснованные данные нашей разведки о подготовке главного удара на юге не были учтены. На юго-западном направлении было выделено сил меньше, чем на западном»[61].

В этот период войны сведения, добытые зарубежными резидентурами ГРУ, о том, что Япония продолжает занимать выжидательную позицию и не намерена вступать в войну против СССР до тех пор, пока Германия не нанесет советским войскам решительное поражение, были учтены советским руководством. После крупных потерь в Крымской, Харьковской и Любанской операциях И. В. Сталин все же обратил внимание на донесения военной разведки и приказал начальнику Генерального штаба А. М. Василевскому снять с Дальнего Востока 10–12 дивизий и не позже 11 июля начать их скрытую переброску на запад в резерв ВГК[62]. Так во второй раз в годы Великой Отечественной войны сведения, добытые военной разведкой, легли в основу решения Ставки ВГК о переброске дальневосточных соединений на советско-германский фронт, что позволило укрепить южный фланг советско-германского фронта и сохранить стабильную обстановку на Дальнем Востоке.

Были приняты и другие неотложные решения по укреплению обороны Сталинграда, формированию стратегических резервов и планированию операций, которые позволили добиться перелома в Сталинградской битве.

В ходе оборонительного этапа Сталинградской битвы и в период подготовки контрнаступления советских войск зарубежные резидентуры военной разведки добывали сведения о планах германского командования на зиму 1942–1943 гг.; вскрывали замыслы по использованию германским командованием вооруженных сил союзников (Болгарии, Венгрии, Румынии, Словакии, Италии) на советско-германском фронте; уточняли состав и районы сосредоточения резервов германской армии; получали сведения о ходе мобилизации в Германии; выявляли расположение наиболее важных военных и военно-промышленных объектов на территории Германии для воздушных налетов и мест дислокации сил ПВО противника. ГРУ регулярно сообщало в Ставку ВГК о потерях германской армии на восточном фронте в личном составе и боевой технике, а также о результатах бомбардировок военных объектов на территории Германии.

Решая эти и другие задачи, руководство ГРУ планировало активно использовать действующие зарубежные резидентуры военной разведки, а также забросить на территорию Германии несколько групп для ведения разведки в Берлине, Кёльне, Вене, Гамбурге, Лейпциге, Мюнхене и других городах Германии. Ответственными за выполнение этих задач были старший помощник начальника германского отдела ГРУ военинженер 2 ранга К. Б. Леонтьев, сотрудники отдела капитан М. И. Полякова и старший лейтенант В. В. Бочкарев. Планировалось также восстановить связь с резидентурой ГРУ в Берлине, которой руководила И. Штёбе (Альта), с разведчиками И. Венцелем, К. Ефремовым, Г. Робинсоном[63]. В Центре еще не было известно о том, что в результате проведения операции «Красная капелла» германская контрразведка смогла выявить и арестовать этих разведчиков.

В 1942 г. продолжали действовать резидентуры военной разведки «Акасто», «Брион», «Дора», «Зевс», «Эдуард», «Нак», «Соня», «Жорес», «Омега», «Жезл» и другие. Во второй половине года руководство ГРУ установило, что разведчик А. М. Гуревич (Кент) арестован контрразведкой противника и ведет радиоигру под ее контролем. Этот канал радиосвязи был использован советской военной разведкой для передачи противнику военных и военно-политических сведений дезинформационного характера.

Значительный вклад в разгром немецких войск под Сталинградом внесли резидентура стратегической агентурной разведки «Дора» и ее руководитель Ш. Радо. В январе — октябре 1942 г. он направил в Центр 800 шифрованных радиограмм (около 1100 листов текста), а к марту 1943 г. — еще около 750 донесений[64]. Главной особенностью деятельности резидентуры, которой руководил Ш. Радо, являлось добывание упреждающих сведений о противнике, тыловых оборонительных рубежах немцев юго-западнее Сталинграда, резервах в тылу восточного фронта, планах немецкого командования в связи с контрнаступлением Красной армии под Сталинградом.

В период Сталинградской битвы активно действовала резидентура военной разведки «Брион» в Лондоне, деятельностью которой руководил генерал-майор И. А. Скляров. В 1942 г. он направил в Центр 1344 донесения, в январе — феврале 1943 г. от него поступило еще 174 радиограммы. Большинство донесений И. А. Склярова были использованы командованием ГРУ ГШ КА для докладов членам Ставки ВГК. Сотрудник резидентуры «Брион» подполковник И. М. Козлов в течение 1942 г. руководил деятельностью ценного источника Долли, который проходил службу в британском военном ведомстве. Он ежемесячно передавал от 20 до 28 расшифрованных британцами немецких радиограмм о переговорах Риббентропа с японским, венгерским и румынским послами, указания генштаба германских сухопутных войск командирам частей на Сталинградском фронте, распоряжения Г. Геринга командованию германской воздушной армии, которая поддерживала войска Ф. Паулюса[65]. Донесения источника Долли начальник ГРУ часто докладывал И. В. Сталину, Г. К. Жукову и А. М. Василевскому.

Сотрудники дешифровальной службы ГРУ в 1942 г. раскрыли принцип действия германской шифровальной машины «Энигма» и смогли читать немецкие радиограммы. Специалисты ГРУ также сконструировали специальные устройства, ускоряющие процесс дешифрования[66]. Телеграммы противника позволили установить дислокацию более 100 штабов соединений немецкой армии, нумерацию двухсот батальонов, других частей и подразделений вермахта. После вскрытия шифров абвера появилась возможность получать сведения о деятельности десятков немецких агентов в тыловых районах Красной армии. В целом дешифровальная служба ГРУ раскрыла в 1942 г. основные немецкие и японские шифросистемы общевойсковых, полицейских и дипломатических шифров, 75 шифров немецкой разведки, более 220 ключей к ним, что позволило прочитать более 50 тыс. немецких шифротелеграмм. Усердие и старание дешифровальщиков были высоко оценены: 29 ноября 1942 г. 14 офицеров дешифровальной службы ГРУ были представлены к правительственным наградам, среди них полковник Ф. П. Малышев, подполковник А. А. Тюменев, майор И. И. Уханов, военинженеры 3 ранга М. С. Одноробов и А. И. Баранов, капитаны А. Ф. Яценко и А. И. Шмелев, а также другие специалисты[67].

В ходе динамично изменяющейся оперативной и тактической обстановки достоверные сведения о противнике добывали офицеры войсковой разведки. Смело и решительно действовали войсковые разведчики старший лейтенант И. М. Позняк, капитан А. Г. Попов и другие[68].

В 1942 г. военными разведчиками в оперативной работе были допущены и серьезные упущения. В частности, зарубежным органам военной разведки не удалось добыть документальные материалы, раскрывавшие замыслы германского командования на летнюю кампанию 1942 г. Разведывательные отделы штабов Брянского, Юго-Западного и Южного фронтов тоже не смогли получить сведения о намерениях немецкого командования, вскрыть состав ударных группировок противника и определить начало наступления немецких войск.

Ставка ВГК, допустившая весной 1942 г. просчет в оценке стратегической обстановки, выразила неудовлетворение деятельностью ГРУ. Начальник ГРУ ГШ генерал-майор А. П. Панфилов 25 августа 1942 г. был снят с должности и направлен в действующую армию на должность заместителя командующего 3-й танковой армией. Руководство ГРУ временно возглавил генерал-лейтенант И. И. Ильичев, который предпринял срочные меры, направленные на повышение эффективности деятельности всех органов военной разведки.

А. С. Рогов

И. В. Виноградов

В связи с возрастающей потребностью в достоверных разведывательных сведениях о противнике, необходимостью своевременного учета развития военно-политической и стратегической обстановки в Европе, на Дальнем Востоке и в Африке, а также в целях объективной оценки действий союзников Ставка ВГК решила усилить зарубежную (стратегическую) агентурную разведку Красной армии. Приказом наркома обороны СССР от 25 октября 1942 г. зарубежная разведка была выделена из состава Генерального штаба и подчинена наркому обороны СССР. В Генеральном штабе было создано Управление войсковой разведки, которому запрещалось ведение агентурной разведки. Для этой цели предлагалось создавать на фронтах оперативные группы, использовать для прикрытия их деятельности возможности Центрального штаба партизанского движения, однако на практике эта реорганизация заметных улучшений в деятельности военной разведки не принесла.

Разведывательными отделами штабов фронтов, принимавших участие в Сталинградской битве, командовали генерал-майор А. И. Каминский, с октября 1942 г. — генерал-майор А. С. Рогов (Юго-Западный фронт), генерал-майор И. В. Виноградов (Сталинградский фронт), генерал-майор М. А. Кочетков (Донской фронт), полковник Н. В. Шерстнев (Южный фронт), полковник В. М. Капалкин (Северо-Кавказский фронт). Разведывательные органы военно-морской разведки возглавляли полковник Д. Б. Намгаладзе (разведывательный отдел штаба Черноморского флота), капитан 1 ранга К. А. Бархоткин (разведотдел Азовской флотилии) и полковник Н. С. Фрумкин (разведотдел Каспийской флотилии).

В ходе начавшегося 19 ноября 1942 г. контрнаступления под Сталинградом военная разведка установила состав и примерную численность войск противника, попавших в окружение. В специальном сообщении, подготовленном Управлением войсковой разведки Генерального штаба и доложенном И. В. Сталину и А. И. Антонову, указывалось: «В окружении находятся части 4-й и 6-й немецких армий под командованием генерала танковых войск Паулюса, в составе 11, 8, 51-го и двух танковых корпусов, всего 22 дивизии, из них пехотных дивизий — 15, танковых дивизий — 3, механизированных дивизий — 3... Вся окруженная группировка имеет: людей — 75–80 тысяч, орудий полевых — 850, орудий ПТО — 600, танков — 400»[69].

Состав группировки войск был вскрыт достаточно точно, но численность окруженных войск противника была гораздо больше и составляла около 300 тыс. человек.

Напряженно работала и радиоразведка, однако во время отступления советских войск на южном крыле советско-германского фронта она оказалась неподготовленной к действиям в сложной и быстро меняющейся обстановке. К началу перехода немцев в наступление радиоразведка не смогла добыть данные о создании германским командованием трех ударных группировок: 2-й полевой и 4-й танковой армий — для нанесения удара на воронежском направлении; 6-й полевой армии, усиленной танковыми соединениями, — для нанесения удара на сталинградском направлении; 1-й танковой и 17-й полевой армий — для нанесения удара на Северном Кавказе[70].

К началу оборонительного сражения 394-й и 561-й радиодивизионы Сталинградского фронта улучшили свою работу и смогли непрерывно отслеживать радиосвязь группы армий «Б» и входивших в ее состав 6-й полевой и 4-й танковой армий. В это время были получены очень важные сведения о перемещении узлов связи штаба 4-й танковой армии и входивших в ее состав 48-го танкового, 4-го армейского и 6-го румынского корпусов с воронежского направления на юг, в район Сталинграда, а также об усилении 6-й полевой армии 14-м и 24-м танковыми корпусам. До середины ноября 1942 г. фронтовая радиоразведка вела наблюдение за большинством корпусов штабов 6-й полевой и 4-й танковой армий, а также за штабами около 50% немецких дивизий. Радиоразведка сумела обнаружить выход итальянских и румынских войск к Дону и переброску ряда немецких частей к Сталинграду. Правда, ей не удалось вскрыть осуществленный 23 августа прорыв танковых и моторизованных войск немцев к Волге у северной границы Сталинграда. В целом, радиоразведка в ходе Сталинградской битвы впервые показала, что она является новым важным видом военной разведки[71].

В 1942 г. активно действовала воздушная разведка. О ее эффективности можно судить по такому примеру: в боях под Сталинградом заместитель командира эскадрильи 8-го отдельного разведывательного авиационного полка 8-й воздушной армии Южного фронта капитан В. Д. Балашов провел 45 боевых вылетов, сфотографировал территорию, на которой находились войска противника, общей площадью 14,5 тыс. квадратных километров. В августе 1943 г. капитану Балашову было присвоено звание Героя Советского Союза.

После завершения Сталинградской битвы Ставка ВГК директивой от 3 апреля 1943 г. поставила перед военной разведкой следующую задачу: «Постоянно следить за всеми изменениями в группировке противника и своевременно определить направления, на которых он проводит сосредоточение войск и особенно танковых частей»[72].

В истории Великой Отечественной войны значительное место занимает битва за Кавказ, которая продолжалась с 25 июля 1942 г. по 9 октября 1943 г. и включала в себя ряд оборонительных и наступательных операций советских войск. В этот период Ставку ВГК интересовал широкий перечень вопросов военного и военно-политического характера: состояние и возможности германской армии, участие в военных действиях на южном фланге фронта румынских, венгерских и итальянских соединений, отношение правительств Японии и Турции к захвату Северного Кавказа, планы правительств США и Великобритании по оказанию военно-технической помощи Советскому Союзу и открытию второго фронта в Европе.

На начальном этапе битвы за Кавказ исключительную ценность представляла информация о том, могут ли вступить в войну на стороне Германии Япония и Турция. Первые сведения об отношении японского правительства к событиям, которые разворачивались на южном фланге советско-германского фронта, поступили в ГРУ от разведчика Л. А. Сергеева, действовавшего в Вашингтоне. Используя свои агентурные возможности в американской столице, он смог добыть достоверные сведения о том, что в 1942 г. японское правительство не планирует вступления в войну против СССР. Данные, подтверждавшие правильность сообщения Л. А. Сергеева, поступили в Центр из резидентуры ГРУ ГШ, действовавшей в Токио, которой руководил опытный разведчик подполковник К. П. Сонин. Полезные сведения были также добыты разведывательными отделами штабов Дальневосточного и Забай-

кальского фронтов, свидетельствующие, что в частях и соединениях японской Квантунской группировки, дислоцированной в Маньчжурии, никаких подготовительных мероприятий к началу военных действий не проводится. Японское правительство предпочло в этот период времени действовать в Юго-Восточной Азии.

За ходом боевых действий на просторах Ростовской области, в районе Сталинграда и в предгорьях Северного Кавказа внимательно следило и руководство Турции. Оно выжидало, когда ослабнет Красная армия и наступит удобный момент для захвата Крыма и Северного Кавказа. Об этом докладывал в Центр резидент ГРУ в Турции полковник Н. Г. Ляхтеров. Руководство ГРУ интересовали дислокация и боеготовность основных группировок турецких вооруженных сил. За действиями турецкого флота вели наблюдение офицеры разведывательного отдела штаба Черноморского флота и подчиненные советского военно-морского атташе в Анкаре капитана 1 ранга К. К. Родионова.

В начале 1942 г. полковник Н. Г. Ляхтеров сообщал в Центр о том, что германская военная разведка активно проводит в Анкаре и других турецких городах антисоветские мероприятия, направленные на обострение советско-турецких отношений. Ляхтеров также передал в Москву сведения о концентрации турецких войск у советской границы. Учитывая этот факт, в самый напряженный период битвы за Кавказ Ставка Верховного главнокомандования была вынуждена держать крупные силы на границе с Турцией. Генерал армии С. М. Штеменко писал: «В середине 1942 г. никто не мог поручиться за то, что Турция не выступит на стороне Германии. Неспроста ведь на границе с советским Закавказьем сосредоточивались тогда двадцать шесть турецких дивизий. Советско-турецкую границу приходилось держать на прочном замке, обеспечивая ее от всяких неожиданностей силами 45-й армии. На случай если турецкое наступление пойдет через Иран на Баку, принимались необходимые меры предосторожности и на ирано-турецкой границе»[73].

В 1943 г. для усиления резидентуры ГРУ в Турции в Анкару прибыл полковник М. М. Волосюк в качестве заместителя резидента военной разведки. Офицер быстро освоился в новой обстановке, ему удалось завербовать шифровальщика посольства одной из стран, входивших в блок фашистских государств. Этому агенту, который согласился продать шифры и секретную почту своего военного атташе, в ГРУ был присвоен псевдоним Карл. В 1943–1944 гг. от Карла было получено значительное количество секретных материалов, многие из которых представляли значительный интерес для военной разведки.

В период битвы за Кавказ от источников резидентуры ГРУ в Анкаре в Центр поступило около 100 информационных материалов и сообщений. Наиболее ценные сведения давали нелегальные разведывательные группы «Дилен» и «Догу», а также источники Балык, Даммар, Дишат и Дервиш. Они имели своих информаторов в германском посольстве, аппарате германского военного атташе, военном министерстве и министерстве иностранных дел Турции, а также в турецком генеральном штабе. Полковник Н. Г. Ляхтеров и его соратники также сообщали в Центр, что США и Англия проводят в отношении Турции политику, которая не согласуется с общими задачами войны союзных государств против Германии: американцы и англичане снабжали Турцию оружием, несмотря на то что она могла вступить в войну против СССР.

Важные сведения поступали в Центр от разведчиков, действовавших в Иране, а также руководителей разведывательных отделов штабов Среднеазиатского и Закавказского военных округов. Резидентом ГРУ в Иране был полковник Б. Г. Разин. Он сообщал в Центр о том, что англичане стремятся создать в Иране проанглийское правительство и за его спиной обеспечить условия по превращению Ирана в плацдарм для будущих военных действий на Ближнем и Среднем Востоке, а также по ограничению влияния СССР в этом регионе. Полковник Разин организовал работу резидентуры советской военной разведки таким образом, что ее ценные источники Григорий, Геркулес, Тане, Иране, Кум и другие смогли добывать важные сведения, которые обеспечивали безопасность транспортировки военных грузов, отражали политические колебания в иранском обществе, раскрывали основные цели связей иранского военного руководства с американцами и англичанами.

Разведчики докладывают о выполненом задании

Для борьбы с германской агентурой и обеспечения безопасности транспортировки военных грузов через северную часть территории Ирана разведывательные отделы штабов Среднеазиатского военного округа и Закавказского фронта в 1942–1944 гг. перебросили в Иран для работы против немецкой агентуры 30 хорошо подготовленных военных разведчиков. Кроме резидентуры полковника Б. Г. Разина в Иране активно действовали и нелегальные резидентуры советской военной разведки «Зангуль», «Демавенд» и «Султан», результативно работал источник Зариф. На основе сведений, поступивших от военных разведчиков из Ирана, в Центре было подготовлено 10 специальных сообщений, направленных в Ставку ВГК, созданы новые справочники по вооруженным силам Ирана, подготовлено много других ценных информационных материалов.

В ходе битвы за Кавказ отличились радиодивизионы Северо-Кавказского фронта, которые смогли правильно установить группировку войск противника на Таманском полуострове, своевременно представляли сведения о перемещениях штабов соединений врага и его действиях (в частности, 44-го и 5-го армейских, 49-го горнострелкового и 3-го танкового корпусов), вскрыли усиление группировки противника с целью ликвидации плацдарма на Малой земле в районе Новороссийска. Кроме того, радиоразведка этого фронта непрерывно наблюдала за базированием авиации противника в Крыму и его тыловыми районами.

На территории Северного Кавказа, временно оккупированной противником, активно действовала войсковая разведка. В боях за Кавказ отличились командир взвода разведчиков лейтенант С. Валиев, его подчиненный рядовой М. Бурдженадзе, рядовой разведроты 74-й стрелковой дивизии 12-й армии Т. Кошкинбаев, командир диверсионного отряда 56-й армии старший лейтенант Ф. Штуль, рядовой разведроты 395-й стрелковой дивизии 56-й

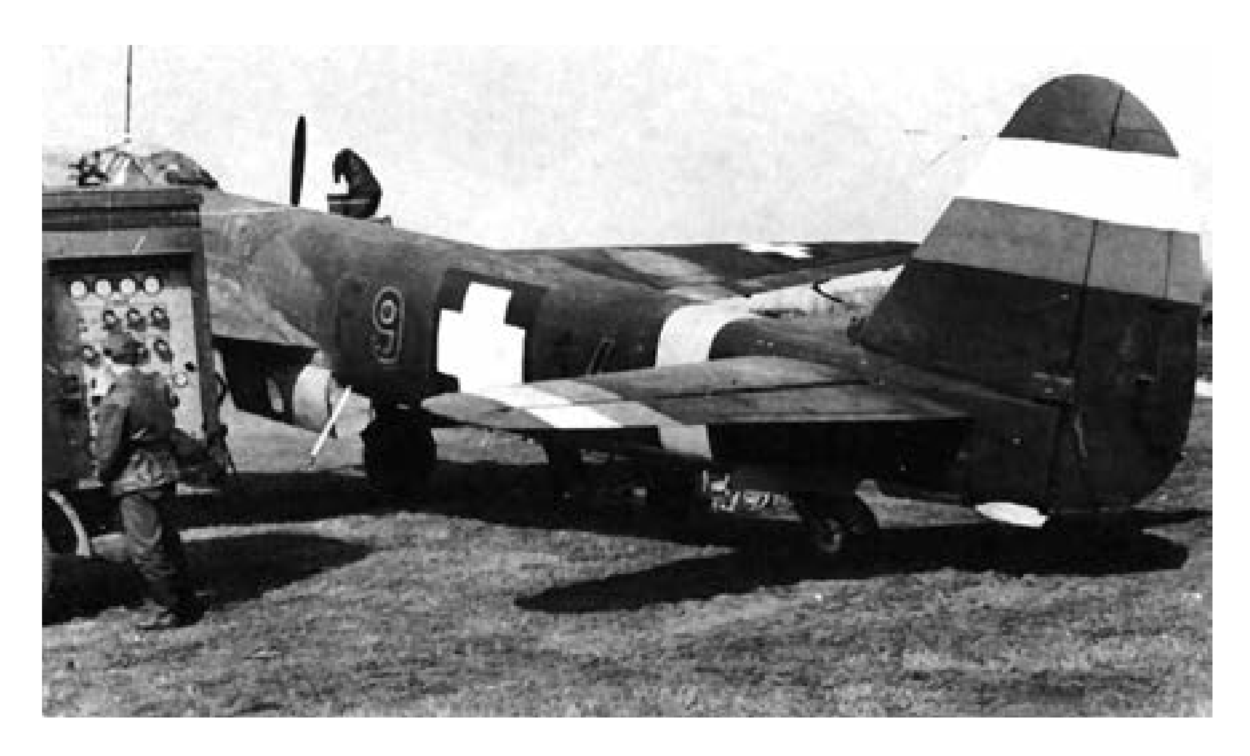
армии С. Медведев, разведчик 395-й дивизии старший лейтенант В. Пономарев и многие другие. Они проводили операции, в ходе которых добывали ценные сведения о противнике, захватывали в плен немецких офицеров, взрывали мосты через горные речки, уничтожали командные пункты противника, его узлы связи, склады и боевую технику[74].

В боях за Кавказ отличился и войсковой разведчик капитан Д. С. Калинин, успешно командовавший разведывательной группой в тылу противника, уничтоживший командный пункт и несколько автомашин врага. Активно действовали и другие войсковые разведчики, пройдя специальную альпинистскую подготовку, приобретя навыки действий в горах в школе военного альпинизма под руководством известного мастера спорта Б. В. Грачева и инструкторов Л. М. Малейнова, Е. В. Абалакова, А. И. Сидоренко, П. И. Сухова и других. Действуя небольшими группами, военные разведчики проникали в тыл немецких войск, создавали панику, прокладывали пути для ввода ударных сил на основных направлениях. По указанию командующего 56-й армией А. А. Гречко был сформирован крупный разведывательно-диверсионный отряд для действий в тылу противника, который возглавил подполковник С. И. Перминов. В составе отряда действовали истребительно-диверсионные группы, сведенные в моторазведку численностью более 300 разведчиков, 75-й батальон противотанковых ружей и взвод саперов; всего в отряде было 480 человек. Отряд Перминова успешно действовал в тылу противника, нанося ему значительные потери в живой силе и боевой технике.

Важную роль в битве за Кавказ приобрело взаимодействие войск Красной армии и сил Черноморского флота. Штаб флота организовывал и проводил оперативную разведку на всем театре. Характерной ее особенностью являлось то, что военно-морской разведке приходилось решать задачи не только в интересах флота, но и в значительной степени в интересах войск Красной армии, вследствие чего основными объектами разведки были не только военно-морские силы противника, но и его сухопутные войска и авиация. Это обстоятельство вынуждало флотских разведчиков изучать новые объекты, осваивать новые методы добывания разведывательных сведений о противнике. Особенно это касалось радиоразведчиков, которые в предвоенные годы не практиковали ведение разведки сухопутных войск[75]. Организацией и проведением разведывательных операций руководили начальник разведывательного отдела штаба Черноморского флота полковник Д. Б. Намгаладзе и его заместитель капитан 2 ранга С. И. Иванов. Подразделениями радиоразведки флота командовали подполковники И. Б. Айзинов, И. Я. Лаврищев и С. Д. Курляндский. Организацией войсковой разведки занимался капитан С. Л. Ермаш. Береговым радиоотрядом флота командовал майор И. Е. Маркитанов.

Для выполнения задач оперативной разведки привлекались радиоразведка Каспийской флотилии, разведывательная и частично боевая авиация, разведывательные отряды (группы) штаба флота, Азовской флотилии и Новороссийской военно-морской базы, подводные лодки, надводные корабли в море, а также части береговой обороны и службы наблюдения и связи флота. Основные сведения о противнике в период битвы за Кавказ добывал 3-й береговой радиоотряд Черноморского флота под командованием капитана И. Е. Маркитанова. Объектами радиоразведки были ВВС и ВМС Германии, Румынии, Турции, а также некоторые армейские части противника[76].

Большую работу радиоразведчики Черноморского флота проводили по слежению за действиями вражеской разведывательной авиации врага. Они установили, что на Южном фронте действовала разведывательная авиация в составе девяти групп самолетов Ю-88 и Хе-111, которые базировались на аэродромах в Мариуполе, Саки и Николаеве. Были вскрыты и другие аэродромы противника, за которыми велось постоянное радионаблюдение. Одной из важнейших задач отряда было своевременное вскрытие сети радиолокационных станций противника, широко использовавшейся на Черном море. Было выявлено две сети РЛС в Крыму, в состав которых входило 11 радиолокационных станций, они учитывались силами Черноморского флота и авиации в ходе ведения боевых действий. Были также выявлены сети радиолокационных станций врага на территории Румынии. На протяжении всего периода

Разведчик Юнкерс Ю-88D немецкого производства из 1-й эскадрильи дальней разведки венгерских ВВС

битвы за Кавказ 3-й береговой радиоотряд Черноморского флота передал в штаб флота: 2 тыс. донесений о деятельности и дислокации надводных кораблей и подводных лодок противника, более 2 тыс. донесений о деятельности всех видов немецкой и румынской авиации, более 3 тыс. донесений об обнаружении силами радиотехнической разведки противника кораблей Черноморского флота, более 100 донесений о деятельности вражеских армейских частей и соединений.

В ходе битвы за Кавказ отличились и радиоразведчики берегового радиоотряда Каспийской флотилии, которым командовал капитан-лейтенант П. Ивченко. Отважно действовали разведчики-моряки Черноморского флота. Один из них — мичман Ф. Ф. Волончук, который принимал участие в обороне Севастополя, затем выполнял боевые задания в центральной части Главного Кавказского хребта, действовал в тылу врага в Крыму, на Керченском и Таманском полуостровах. Разведчики под командованием Ф. Ф. Волончука разгромили в оккупированной гитлеровцами Евпатории полицейское управление, осуществили ряд диверсионных актов на Ялтинском шоссе, захватывали в плен немецких солдат на Умпырском перевале Главного Кавказского хребта.

Ценные сведения о противнике добывала воздушная разведка Черноморского флота. Только за апрель — июнь 1943 г. она обнаружила 232 конвоя противника, в которых было отмечено 1421 судно[77].

В ходе битвы за Кавказ сотрудники стратегической, оперативной, войсковой и военно-морской разведки проявляли мужество и героизм, высокое профессиональное мастерство и инициативу. Действуя в горах, они оказались сильнее и удачливее специально обученных немецких и итальянских альпийских стрелков и разведывательно-диверсионных отрядов германской разведки. На протяжении полутора лет битвы за Кавказ военные разведчики добывали ценные сведения о противнике и тем самым способствовали срыву операции «Эдельвейс» по захвату Северного Кавказа. За подвиги, совершенные при выполнении за-

даний командования, многие военные разведчики были награждены орденами и медалями. Высокого звания Героя Советского Союза были удостоены военные разведчики Г. И. Выглазов, Н. А. Земцов, Д. С. Калинин. Умелыми организаторами разведки в период битвы за Кавказ показали себя начальники разведывательных отделов штабов: Северо-Кавказского фронта — В. М. Капалкин и Н. М. Трусов, Южного фронта — А. Ф. Васильев и Н. В. Шерстнев, Закавказского фронта — П. Н. Вавилов, Черноморского флота — Д. Б. Намгаладзе.

Подготовка к летне-осенней кампании 1943 г. потребовала решительного улучшения деятельности всей системы разведывательных органов СССР, в том числе и разведки Наркомата обороны, в состав которой входили все виды военной разведки: зарубежная (стратегическая), оперативная, тактическая, радио- и воздушная разведка.

В феврале 1943 г. командующие ряда фронтов обратились к И. В. Сталину с просьбой вернуть в их подчинение органы оперативной агентурной разведки. Эта просьба была рассмотрена и одобрена на заседании Политбюро ЦК ВКП(б), на котором присутствовали Маршалы Советского Союза Г. К. Жуков, А. М. Василевский и генерал армии А. И. Антонов. В апреле 1943 г. постановлением ГКО в системе военной разведки были созданы два разведывательных управления: Главное разведывательное управление Красной армии (ГРУ КА) и Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии (РУ ГШ КА).

ГРУ КА подчинялось наркому обороны и являлось Главным разведывательным управлением Наркомата обороны СССР, на него возлагались задачи по ведению зарубежной (стратегической) агентурной разведки. Начальником ГРУ КА был назначен генерал-лейтенант И. И. Ильичев.

Разведывательное управление Генерального штаба Красной армии, в которое было преобразовано Управление войсковой разведки ГШ, отвечало за организацию и ведение оперативной разведки. Его начальником был назначен генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов.

Совершенствуя деятельность зарубежной разведки НКО, Ставка ВГК уделяла значительное внимание укреплению оперативной и фронтовой разведки. В апреле 1943 г. был издан приказ наркома обороны СССР И. В. Сталина «О состоянии органов войсковой разведки и мероприятиях по улучшению ее деятельности». Из него следовало, что опыт боевой деятельности войск показал: командиры частей и соединений не уделяли войсковой разведке должного внимания; командующие фронтами и армиями мало спрашивали с командиров дивизий, полков за состояние войсковой разведки и не добивались повышения разведывательной грамотности общевойсковых командиров; разведывательные подразделения очень часто использовались не по прямому назначению; как правило, они не были обеспечены материальными средствами, не создавалось ни морального, ни материального стимулирования для того, чтобы в разведывательные подразделения и органы разведки шли лучшие боевые командиры и бойцы.

Были названы серьезные недостатки и в деле подготовки кадров разведчиков, вследствие чего подразделения войсковой разведки не были укомплектованы, и это не позволяло им качественно решать задачи по добыванию сведений о противнике. Указывались недостатки и в деятельности подразделений военной разведки, которые в ряде случаев вели свою работу обособленно и не считали необходимым сообщать все полученные ими данные в разведывательные отделы фронтов и армий. Разведчики мало проявляли инициативы и изобретательности в ходе операций по добыванию сведений о противнике. Имелись недостатки в обработке всех разведывательных данных, неудовлетворительно оценивались организация допроса военнопленных и обработка трофейных документов. Существенное влияние на добывание оперативных сведений о неприятеле оказывало отсутствие в распоряжении разведывательных отделов фронтов и армий средств авиационной разведки. Имевшиеся в воздушных армиях разведывательные полки, как правило, вели разведку ограниченно, в интересах ВВС, и укомплектовывались неопытными в оперативно-тактическом отношении летчиками-наблюдателями.

В целях улучшения работы войсковой разведки Верховный главнокомандующий приказал:

Н. М. Трусов

П. Н. Чекмазов

«1. Обязать командиров полков, дивизий, корпусов, командующих армиями и фронтами уделить серьезное внимание делу разведки. Начальникам штабов повсеместно руководить работой начальников разведки, проверять их выполнение.

2. Разведывательные подразделения и командиров-разведчиков использовать только по прямому назначению для выполнения боевых задач по разведке, ни в коем случае не ставить им задач как обычным стрелковым ротам в бою и не назначать для охраны штабов.

3. В боевой деятельности разведывательных органов шире практиковать различные формы и методы разведки, проявляя изобретательность и военную хитрость во всех областях разведки, в том числе и в использовании лазутчиков, организации засад и диверсионных налетов на линии и узлы связи, на отдельных офицеров и штабы противника с целью их разгрома, захвата пленных и оперативных документов.

4. К 10 мая 1943 г. полностью укомплектовать все разведывательные органы и подразделения Карельского, Ленинградского, Волховского, Северо-Западного, Калининского, Западного, Брянского, Центрального, Воронежского, Юго-Западного, Южного, Северо-Кавказского фронтов и 7-й отд. армии, не допуская в дальнейшем содержания разведорганов и разведподразделений в некомплекте. Разведывательные органы и подразделения укомплектовать инициативными командирами и красноармейцами, способными быть настоящими разведчиками, в том числе добровольцами из военнослужащих».

Далее в приказе предписывалось все захваченные у противника документы немедленно доставлять в разведывательные отделы штабов фронтов и армий, сформировать при Высшей специальной школе Красной армии факультет подготовки работников разведотделов штабов фронтов и армий; на Высших разведывательных курсах переподготовки готовить командиров-разведчиков для полков дивизий и армий; из числа выпускников пехотных училищ отбирать наиболее способных для укомплектования органов военной разведки. Рекомендовалось в обязательном порядке перед назначением в войска молодых командиров Красной армии в течение месяца обучать разведывательному делу по специальной программе.

Значительное внимание уделялось укреплению войсковой разведки и повышению эффективности ее деятельности. В этих целях рекомендовалось на курсах младших лейтенантов фронтов и армий создавать учебные подразделения для подготовки командиров разведывательных рот и взводов, организовать в запасных частях фронтов, армий и учебных батальонах дивизий постоянно действующие учебные подразделения для подготовки младшего командного состава разведки.

Учитывая особую сложность и опасность разведывательной работы, приказом Верховного главнокомандующего предусматривалось разработать меры по моральному и материальному поощрению отличившихся военных разведчиков. Начальнику разведывательного управления Генерального штаба Красной армии было поручено представить на утверждение систему поощрений для командиров и бойцов-разведчиков. Приказом Верховного главнокомандующего было установлено, что начальники разведывательных отделов фронтов, армий, корпусов и разведывательных отделений дивизий являются заместителями начальников соответствующих штабов по разведке. Начальники разведывательных отделов штабов Северо-Западного, Калининского, Западного, Брянского, Центрального, Юго-Западного, Южного и Северо-Кавказского фронтов получили указание создать и полностью укомплектовать до 15 мая 1943 г. моторизованные разведывательные роты в составе от 6 до 10 бронемашин, от 30 до 40 мотоциклов с колясками и от 15 до 20 «виллисов» (в зависимости от состава сил и средств фронта) для использования их на главных направлениях наступательных операций.

Приказом Верховного главнокомандующего были установлены следующие требования: восстановить разведывательные подразделения во всех кавалерийских частях и соединениях (разведывательные дивизионы в кавалерийских корпусах, разведывательные эскадроны в кавалерийских дивизиях и разведывательные взводы в кавалерийских полках); предоставить право начальникам разведывательных отделов фронтов и армий ставить задачи начальникам разведывательных органов специальных родов войск и контролировать их выполнение; подчинить в оперативном отношении разведывательные авиационные полки воздушных армий начальникам разведывательных отделов штабов фронтов; иметь в составе авиационных разведывательных полков самолеты Як-7 и Пе-2, а в составе разведывательных отделов штабов фронтов создать отделения авиационной разведки, укомплектовав их тактически грамотными общевойсковыми командирами[78].

В это же время в связи с созданием ГРУ КА возникла острая необходимость четкого разграничения функций между Главным разведывательным управлением КА и органами внешней разведки НКВД. В этих целях ГКО было принято постановление «Мероприятия по улучшению зарубежной работы разведывательных органов СССР», в соответствии с которым определено, что функции ГРУ КА — ведение разведки в интересах Наркомата обороны СССР, а функции 1-го Главного управления НКВД — ведение политической разведки[79]. В постановлении ГКО указывалось, что основное внимание разведывательные органы СССР должны направить на работу против Германии, Японии и Италии, усилить разведывательную работу в Англии, США и Турции, активизировать деятельность резидентур под прикрытием официальных представительств, практиковать направление за рубеж кадровых работников разведывательных органов в составе различных делегаций, комиссий. ГКО потребовал расширить создание нелегальных резидентур на территории иностранных государств, обеспечить такие формы их прикрытия, как организация торговых фирм, кинотеатров, фотоателье, ресторанов, а также вхождение компаньонами в различные фирмы, предприятия и т. д.[80]

В целях повышения достоверности разведывательной информации, используемой высшим политическим руководством СССР и командованием Красной армии, решением ГКО весной 1943 г. при начальнике Генерального штаба была сформирована группа по обобщению и анализу разведывательных сведений о противнике (группа по разведке). Она занималась подготовкой для ГКО и Ставки ВГК аналитических докладов о состоянии вооруженных сил Германии, ее экономики и возможностях по ведению войны против СССР. В ее состав входили руководители разведывательных органов СССР: начальники ГРУ, Разведуправления ГШ, Разведуправления Наркомата ВМФ, ПГУ НКВД и отдела спецопераций НКВД. Руко-

водителем группы был назначен генерал-полковник Ф. И. Голиков, который в апреле 1943 г. стал заместителем наркома обороны СССР по кадрам[81].

Таким образом, в период между Сталинградской и Курской битвами в СССР была создана система разведывательных органов, в которую входили: ГРУ КА, Разведуправление ГШ, ПГУ НКВД и Разведуправление Наркомата ВМФ, а также были четко определены направления их деятельности и конкретизированы разведывательные задачи.

Ставка ВГК приступила к оценке обстановки на советско-германском фронте и планированию боевых действий в весенне-летний период. Для всесторонней оценки положения требовалась достоверная разведывательная информация о противнике и его замыслах по дальнейшему ведению войны. Перед военными разведчиками были поставлены следующие задачи:

1. Войсковой разведке:

а) через опрос пленных и изучение захваченных документов вскрыть намерения противника;

б) уточнить нумерацию частей противника перед фронтом и дислокацию его резервов в глубину до 30 км; степень укомплектованности войск противника личным составом и техникой, за счет каких резервов и до какой численности пополняются части первой линии; районы концентрации войск, особенно танков и артиллерии, на переднем крае и в ближайшей глубине; новые виды вооружения (танки, артиллерия, минометы, пулеметы, самолеты), поступившие в войска и их тактико-технические свойства.

2. Агентурной разведке:

а) выявить оперативные планы противника на весенний и летний периоды;

б) установить районы доукомплектования выводимых войск из первой линии, за счет каких ресурсов производится доукомплектование личным составом и вооружением;

в) определить какие соединения доукомплектовываются и вновь восстанавливаются; когда и сколько соединений будет готово для предстоящих операций;

г) добыть сведения о том, сколько и какие соединения из союзных войск противника будут восстановлены; установить потоки железнодорожных перебросок войск и районы выгрузки и куда перебрасываются войска из Крыма.

Агентурной разведке ставилась задача добыть сведения о районах концентрации немецких войск к предстоящим операциям, выявить состав группировок. Разведчики должны были установить аэродромное базирование ВВС противника; дислокацию армейских и фронтовых баз противника по боеприпасам, горюче-смазочным материалам и продовольствию, наличие стратегических резервов, количество и нумерацию соединений, которые могут быть переброшены на восточный фронт, а также решить другие задачи. Важно было определить наличие и строительство оборонительных рубежей до линии рек Западная Двина и Днепр. Разведка должна была добывать сведения о дислокации химических частей и складов ОВ, организации и вооружении химических частей. Важные задачи были определены радиотехнической и авиационной разведкам: выявить группировку и аэродромное базирование ВВС противника, интенсивность железнодорожных перевозок, районы выгрузки и районы сосредоточения войск противника, особенно танковых и моточастей, происходящие перегруппировки немецких войск[82].

К началу Курской битвы разведывательные отделы штабов Брянского и Центрального фронтов смогли создать во вражеском тылу по 20 агентурных и агентурно-разведывательных групп. Командование Воронежского фронта имело в тылу противника три агентурные группы, которые не только добывали ценные сведения, но и активно занимались диверсионной деятельностью, нанося врагу чувствительные удары, главным образом по железнодорожным коммуникациям.

Зарубежные резидентуры военной разведки добыли сведения о подготовке Германии к весенне-летней кампании 1943 г. Были вскрыты колебания Гитлера и верховного командования германских вооруженных сил по вопросу выбора направления главного удара, а также начавшиеся переброски германских войск на восточный фронт из Франции, Бельгии, Гол-

Обслуживание на аэродроме советского самолета-разведчика Пе-2, оснащенного фотоаппаратом АФА

ландии и Швеции, установлено, что англо-американцы преднамеренно затягивали в 1943 г. открытие второго фронта в Европе.

В начале марта 1943 г. в Центр поступили донесения военных разведчиков о подготовке очередного летнего наступления немцев на советском фронте в районе Курска. 22 марта резидент ГРУ в Швейцарии Ш. Радо доложил о том, что для «удара на Курск, возможно, будет использован танковый корпус СС, который в настоящее время получает пополнение. К группе армий Манштейна относятся помимо двух других (еще не установленных) следующие соединения: в Донбассе и северо-западнее — 15 ак и вновь сформированный ак; в районе Харьков — 41 ак и танковый корпус СС № 1»[83].

В марте 1943 г. руководство ГРУ подготовило для Ставки ВГК доклад «О вероятных планах немецкого командования на весну и лето 1943 года»[84]. В этом докладе были сделаны следующие выводы:

«1. Ликвидацией южных фронтов «А» и «Б» немецкое командование отказывается от попыток наступления на Кавказ и в направлении излучины р. Дон.

2. Оперативное построение армий указывает на усиление правого фланга центрального фронта и левого фланга южного фронта противника.

3. Все танковые дивизии восточного фронта противника, за исключением двух-трех, сосредоточены в южном секторе фронта, т. е. к югу от линии Орел — Брянск. Чем подтверждается положение, что основными активно действующими фронтами будут являться правый фланг центрального фронта и весь южный фронт противника.

Из оперативного построения немецких армий вытекают два возможных варианта:

1. Наступление с целью выхода на р. Дон от Воронежа до Богучара, на р. Калитва и в излучину нижнего течения р. Сев. Донец с захватом Ростова.

2. Наступление на Воронеж с дальнейшим наступлением на северо-восток в обход Москвы с востока»[85].

Аналитики ГРУ сделали вывод, что противник будет добиваться последовательного окружения и уничтожения советских войск в районе Курской дуги и в наступательной операции 1943 г. не исключается возможность повторения действий 1942 г. в части выбора направления главного удара с резким его изменением для выхода на оперативные тылы обороняющейся стороны. Оценка была правильной и подтверждалась многочисленными разведывательными сведениями.

Продолжали активно добывать сведения о противнике и разведчики-нелегалы ГРУ. Так, Ш. Радо 3 апреля сообщил в Центр, что, по данным его проверенного источника, «немецкое главное командование будет продолжать последовательное движение в направлении Курска»[86]. Таким образом, можно утверждать, что первые сведения об операции германского командования «Цитадель» стали поступать в Центр еще до подписания Гитлером приказа № 6 (это произошло 15 апреля 1943 г.), то есть эти сведения были также добыты на стадии разработки плана.

Из Лондона 8 апреля в Центр поступило донесение от источника Долли, который сообщал о том, что британский премьер-министр У. Черчилль потребовал от своей военной разведки представить ему оценку потерь Красной армии в ходе Сталинградской битвы и возможных планов Германии на летнюю кампанию 1943 г.[87] В докладе было указано, что «имеется признак, где может быть предпринято наступление. Известно, что в середине марта была небольшая концентрация германских бронедивизий к северо-востоку от Курска. Возможно, немцы будут концентрировать свои войска для устранения Курского выступа»[88]. Через несколько дней Долли также сообщил, что английская разведка «перехватила приказ германским ВВС восточного командования (группировка ВВС, оперировавшая примерно от Смоленска до Курска), в котором указывается, что передовые подразделения для операции Citadella [«Цитадель»] могут начать подготовку к операции. На основе этих данных британские аналитики из воздушного министерства пришли к выводу, что германский 8-й воздушный корпус включен в эту операцию, и полагают, что указанные передовые части будут выдвинуты из Германии. Эта операция может быть ядром будущего наступления против Курска»[89].

Через день после подписания Гитлером приказа № 6, то есть 16 апреля 1943 г., резидент ГРУ в Англии генерал-майор И. А. Скляров сообщил: концентрация немецких войск в районе Белгорода и Орла доказывает, что немцы хотят использовать этот сектор для крупного наступления, общее направление которого должно привести примерно в район Воронежа[90]. Скляров доложил в Центр данные о количестве имевшихся в Германии резервов, а также о планах производства в Германии основных вооружений на первые шесть месяцев 1943 г.

Сведения о противнике, которые в начале весны 1943 г. поступали в Центр от резидентов ГРУ, свидетельствовали о том, что германское командование планирует в период летней кампании провести на советском фронте крупное наступление, в ходе которого намерено завладеть стратегической инициативой, нанести войскам Красной армии решающее поражение и добиться перелома в ходе военных действий. Учитывая многочисленные донесения военных разведчиков, Ставка ВГК в апреле приняла решение временно перейти к преднамеренной обороне в районе Курской дуги, в ходе оборонительного сражения обескровить противника и, создав благоприятные условия, перейти в наступление и нанести поражение германским войскам.

Предстоящие сражения в летней кампании 1943 г. требовали дальнейшего укрепления военной разведки и совершенствования ее деятельности как за линией фронта, так и за рубежом. Поэтому начальник ГРУ 27 апреля 1943 г. направил наркому обороны СССР докладную записку «О мероприятиях по улучшению разведывательной работы за рубежом», в которой изложил предложения, направленные на повышение эффективности работы зарубежных

органов военной разведки[91]. Эти предложения были одобрены, что позволило повысить эффективность деятельности ГРУ.

От зарубежных резидентур ГРУ, действовавших в Англии, Болгарии и ряде других стран, продолжали поступать сведения о перебросках немецких войск в направлении Орла, Брянска, Белгорода, Харькова. Разведчики докладывали о переброске противником танковых частей, развитии аэродромной сети, наращивании темпов работы германской военной промышленности. Результаты анализа этих сведений позволили в общих чертах понять замысел германского командования на летнюю кампанию 1943 г. на советско-германском фронте. Он сводился к тому, чтобы двумя одновременными встречными ударами в направлении на Курск — из района Орла на юг и из района Харькова на север — окружить и уничтожить на Курском выступе советские войска.

Резидент Ш. Радо 22 апреля 1943 г. сообщил в Центр, что на совещании в Берлине «принято решение о мероприятиях, обеспечивающих немецкие наступательные операции в мае и июне в южном секторе советско-германского фронта. Операции эти имеют ограниченные цели — захват Курска и Ворошиловграда»[92]. В конце апреля — мае Ш. Радо уточнил состав группы армий Вайхса, а в начале июня — состав группы армий Манштейна[93].

Важные сведения, раскрывавшие замысел планов германского командования на лето 1943 г., поступали в Москву от резидента ГРУ в Вашингтоне Л. А. Сергеева. В первой половине мая он доложил в Центр: «Дополнительные данные указывают на концентрацию немецких войск в северной части южного фронта в России. На центральном участке фронта крупных операций не ожидается до конца мая или начала июня. На северном фронте крупных операций не предвидится по крайней мере в течение месяца... Главный удар немцев в летней кампании будет нанесен из района Курск — Орел в направлении на Воронеж»[94].

24 мая 1943 г. в Центр поступило новое важное сообщение Ш. Радо. В нем говорилось, что «план немецкого командования сухопутных войск может провалиться в том случае, если русские, которые уже улучшили свои коммуникации, выступят быстро и значительными силами западнее и юго-западнее Тулы и из района Курска»[95].

Весной и летом 1943 г. резидентура ГРУ в Лондоне часто направляла в Центр копии сводок, которые готовились в английском военном ведомстве для У. Черчилля. Добывал эти секретные сведения подполковник И. М. Козлов. В обобщенных материалах излагалась оценка ситуации, складывавшейся на советско-германском фронте. Важные сведения поступали в Центр от резидента ГРУ в Швеции полковника Н. И. Никитушева, они раскрывали использование германским командованием возможностей стран Северной Европы для укрепления группировки немецких войск в Финляндии и переброски резервов на центральный участок советско-германского фронта. Эти сведения позволяли оценивать усилия германского командования на различных участках фронта, в первую очередь в районе Курского выступа.

Концентрация немецких войск в районах Орла и Белгорода была выявлена фронтовой и воздушной разведкой. Части радиоразведки фронтов также вскрывали создание крупных группировок противника в этом районе с крупным количеством танковых дивизий. Было установлено прибытие 2-й и 4-й танковых, а также 2-й и 9-й армий противника. Несмотря проводившуюся неприятелем маскировку, 1-й радиополк ОСНАЗ в конце марта 1943 г. выявил перемещение радиостанции 9-й полевой армии, работавшей в радиосети немецкого генерального штаба из Смоленска в южном направлении, к Брянску, где она прекратила выходы в эфир. Одновременно в районе Брянска немцами была развернута и начала постоянно работать новая крупная радиосеть армейского типа. Таким образом, германское командование пыталось создать ложное представление о том, что штаб 9-й полевой армии дислоцирован в районе Брянска, то есть на второстепенном направлении в глубине Курской дуги. Эта радиомаскировка была выявлена советскими радиоразведчиками.

Ценные сведения о противнике добыли разведчики 347-го радиодивизиона Брянского и 394-го радиодивизиона Центрального фронта. Они смогли выявить группировку немецких войск в районе Орла и создание второй ударной группировки немецких войск

на южном фасе Курской дуги. 313-й радиодивизион Воронежского фронта в марте 1943 г. получил сведения о переброске в район Харькова находившегося ранее во Франции 2-го танкового корпуса СС в составе танковых дивизий «Райх», «Викинг» и «Мертвая голова». В апреле — мае 1943 г. была выявлена переброска с юга, из Донбасса, на это направление еще четырех танковых дивизий (6, 7, 11 и 17 тд), полностью вскрыта группировка немецких ВВС в районе Курской дуги, установлены нумерация авиационных частей и подразделений и аэродромы их базирования. Во взаимодействии с воздушной разведкой регулярно отслеживалось количество базирующихся на аэродромах самолетов противника. Были также получены сведения о выдвижении танковых и пехотных соединений на исходные позиции для перехода в наступление[96].

В первой половине 1943 г. сведения о замыслах противника на лето 1943 г. в большом количестве добывали силы Разведуправления ГШ. Во вражеский тыл направлялись подготовленные и обеспеченные радиосвязью с Центром разведывательные и диверсионные группы. В частности, разведотделы штабов Брянского, Центрального и Воронежского фронтов в этот период направили в тыл противника около 50 разведывательных групп.

Одновременно с подготовкой к проведению наступательной операции «Цитадель» германское командование приступило к созданию системы оборонительных рубежей, главным из которых был «Восточный вал». Сведения о начале его строительства поступили в Центр 25 марта 1943 г. от Ш. Радо[97]. В апреле — мае 1943 г. разведчик неоднократно докладывал о параметрах системы оборонительных сооружений «Восточный вал», сроках их создания, а также о частях вермахта, которые принимали участие в их оборудовании[98].

Резиденты ГРУ, а также силы разведывательных отделов штабов Центрального и Воронежского фронтов к 1 июля 1943 г. установили, что в полосе Центрального фронта, в районе Покровское — Тросна — Орел, противник сосредоточил до шести-семи пехотных дивизий и до шести танковых дивизий, усиленных отдельными танковыми батальонами, отдельными батальонами штурмовых орудий и другими частями из резерва главного командования. Общее количество танков и штурмовых орудий определялось в 1000—1200 единиц. Была также установлена группировка неприятельских войск в полосе Воронежского фронта, в районе Грайворон — Харьков — Белгород[99].

Деятельность резидентур ГРУ в Турции, Швейцарии и Швеции проходила в условиях активного давления представителей германского министерства иностранных дел на правительства этих государств с целью выявления и прекращения деятельности на территориях этих государств советских разведчиков и радистов. В результате мер, предпринятых контрразведками этих стран, в Швеции была выявлена нелегальная разведгруппа ГРУ КА «Адмирал» (резидент В. А. Сташевский). В Швейцарии местной полиции удалось раскрыть некоторых членов резидентуры ГРУ «Дора», деятельностью которой руководил Ш. Радо. Резидент смог избежать ареста, но группа в конце 1943 г. прекратила свою оперативную деятельность[100].

Несмотря на понесенные потери, ГРУ и Разведуправление ГШ, а также разведывательные отделы штабов Центрального и Воронежского фронтов в апреле — июле 1943 г. смогли организовать разведку вражеских войск на большую глубину. В целом военной разведке удалось вскрыть районы сосредоточения ударных группировок войск противника, их боевой и численный состав, вооружение, наличие новых типов танков, штурмовых орудий, самолетов и другой боевой техники. Правильно были определены и участки фронтов, на которых противник намечал перейти в наступление, а также установлены возможные сроки начала наступления германских войск — с 3 по 7 июля 1943 г.

Германское командование только 1 июля приняло окончательное решение начать операцию «Цитадель» 5 июля. Из-за крайней ограниченности во времени зарубежные резиденты ГРУ не смогли добыть точные сведения о дне и часе начала операции «Цитадель». Советскому командованию точное время перехода немецких войск в наступление стало известно 5 июля от солдат 6-й пехотной дивизии противника, захваченных в плен разведчиками штаба Центрального фронта, и от перебежчика — солдата 168-й пехотной немецкой дивизии, который перешел фронт в полосе обороны Воронежского фронта[101].

Разведчик сержант М. Катасонов

Незадолго до начала Курской битвы начальник разведывательного отдела Центрального фронта полковник А. И. Каминский требовал от своих подчиненных: «Разведку тактической глубины обороны противника проводить не в порядке экспериментов, а систематически и планомерно. В проведении разведки не придерживаться шаблона»[102]. В целом разведка смогла обеспечить командующих, командиров и штабы значительным количеством сведений о противнике, необходимых для принятия решений и постановки задач войскам. Войсковая разведка предоставила сведения о противнике на глубину до 5 км вражеской обороны. Данные о более дальних целях были получены с помощью оперативной агентурной и воздушной разведки. Проведенная работа позволила вскрыть огневые средства неприятеля и систему инженерных сооружений на глубину до 2–3 км, а местами и до 5 км, что обеспечивало необходимыми исходными данными для подготовки системы артиллерийского огня. Однако полностью определить группировку пехотных и, главное, танковых соединений, особенно в районах, удаленных на 10–25 км и более, где находились основные силы ударной группировки, не удалось. Командование противника предпринимало усиленные меры маскировки переброски войск, которая осуществлялась в основном в ночное время. Выход танковых соединений в районы сосредоточения осуществлялся под усиленным прикрытием средств противовоздушной обороны, что затрудняло, а порой и исключало появление самолетов воздушной разведки. Однако советской разведке все же удалось изучить ударную группировку врага, которая действовала против 48-й и 13-й армий[103].

Начальный этап Курской битвы был самым ответственным периодом этого сражения. Благодаря сведениям, которые добыли военные разведчики, инициатива оказалась в руках советского командования. На рассвете 5 июля 1943 г. войска Центрального и Воронежского фронтов обрушили на боевые порядки немецких войск, изготовившихся к наступлению, мощный огневой удар, в ходе которого противнику был нанесен серьезный урон. Реализация плана «Цитадель», разработанного в условиях повышенной секретности, была сорвана в самом начале сражения. С началом наступления немецко-фашистских войск активизировалась их радиосвязь, особенно в звене «дивизия — полк», что дало возможность радиоразведчикам Центрального и Воронежского фронтов отслеживать их боевой состав и пеленговать расположение штабов. Они своевременно выявляли перемещения дивизионных и корпусных штабов противника и постоянно следили за полосами их наступления.

Ценные сведения о противнике добывали силы отдельных радиодивизионов ОСНАЗ Брянского, Центрального, Воронежского, Западного и Степного фронтов, которыми командовали И. Н. Максимов, И. А. Лобышев, В. А. Грот, П. Т. Соловьянов, Б. Я. Шадрин. Например, с переходом наших войск в контрнаступление радиоразведка своевременно установила переброску трех немецких танковых дивизий (18, 20 и 2-й) на другие направления. Это свидетельствовало о том, что неприятель обеспокоен успехами советских войск на северном и восточном участках Орловского выступа и предпринимает ответные действия. 16 июля радиоразведка отметила прибытие в район восточнее Орла 8-й танковой дивизии немцев из Витебска. В последующем она выявила переброску еще двух дивизий противника в район Болхова, двух дивизий в район Орла и прибытие на кромское направление четырех дивизий с других участков советско-германского фронта. Всего с 13 по 30 июля 1943 г. радиоразведка фронтов, участвующих в Курской битве, установила переброску на угрожаемые участки 13 дивизий противника, в том числе семи танковых, одной механизированной и пяти пехотных. Добытые и своевременно доложенные радиоразведкой сведения способствовали вскрытию замыслов и планов врага и принятию правильных решений командующими фронтами.

С переходом советских войск в наступление задачи радиоразведки фронтов существенно расширились. Она продолжала непрерывное наблюдение за состоянием и действиями немецких войск, отступавших под ударами Западного, Брянского, Центрального, Воронежского и Юго-Западного фронтов. В этот период 1-й радиополк Ставки Верховного главнокомандования путем радиоперехвата и пеленгования радиосетей немецкого генерального штаба регулярно собирал разведывательные сведения о дислокации и перемещениях штабов 2-й танковой,

9-й полевой, 2-й полевой и 4-й танковой армий противника, а также фланговых группировок немецких войск на смоленском и харьковском направлениях. Фронтовые радиодивизионы вели постоянное наблюдение за армейскими, корпусными и дивизионными радиосетями и направлениями передислокации их штабов. Маневренные группы радиодивизионов регулярно осуществляли перехват открытых переговоров в немецких радиосетях тактического звена управления и добывали ценные сведения о дислокации штабов и командных пунктов полков и батальонов противника.

Ценные сведения о переброске неприятельских войск добывала воздушная разведка. В частности, экипаж самолета 4-го отдельного разведывательного авиационного полка, в состав которого входил И. И. Лезжов, 6—7 июля осуществил несколько вылетов на разведку противника. 7 июля экипаж провел воздушную разведку в районе Белгорода и Харькова, обнаружил и сфотографировал переброску танков по дороге, которая вела из Харькова в Белгород. Эти сведения были переданы в штаб полка. Немецкие истребители повредили самолет разведчиков, но они все же смогли добраться до территории, занятой советскими войсками[104].

Разгрому немецких войск в Курской битве способствовали и точные сведения, добытые резидентами ГРУ об изменениях в отношениях между Германией и ее союзниками (то есть о прочности противостоявшего Советскому Союзу фашистского блока). Эту информацию добывали резиденты зарубежной разведки майор Л. А. Сергеев в Вашингтоне и полковник П. П. Мелкишев в Нью-Йорке. Л. А. Сергеев 18 февраля сообщил в Центр о планах руководства Финляндии по выходу из войны. В июне 1943 г. он также доложил в Центр о том, что японское руководство вряд ли позволит себе начать войну против СССР в 1943 г. В первой половине 1943 г. разведчики ГРУ начали отмечать трансформацию отношений руководства США и Англии к Советскому Союзу. Между Вашингтоном и Лондоном активизировались переговоры на высшем уровне. Резидент ГРУ в Нью-Йорке полковник П. П. Мелкишев докладывал в Центр: «Америка и Англия намерены вступить на Балканы прежде, чем Красная армия дойдет до Румынии, и прежде, чем партизанское движение будет доминирующим сектором сопротивления Германии на Балканах... Антисоветские настроения в Госдепартаменте и военном ведомстве США становятся все сильнее. Там открыто говорят о необходимости предотвратить занятие Красной армией прибалтов, разгром Финляндии и вступление на Балканы»[105].

Резиденту ГРУ удалось получить информацию о результатах переговоров Рузвельта с Черчиллем, которые проходили в конце мая 1943 г. Лидеры США и Англии продолжали занимать выжидательную позицию, сократили оказание СССР материально-технической помощи и не планировали открытие второго фронта в 1943 г.[106]

Сведения о состоянии отношений между государствами германского блока добывали резидентуры «Акасто» в Швеции, «Брион» в Лондоне и «Нак» в Анкаре. Отношение японского правительства к войне Германии против СССР освещали полковники Л. А. Сергеев из Вашингтона и М. А. Сергеечев из Токио, а также другие резиденты[107]. Резиденты ГРУ в Лондоне генерал-майор И. А. Скляров и полковник А. Ф. Сизов также докладывали в Центр о том, что политические лидеры США и Англии, несмотря на декларируемые ими обещания, не намерены в 1943 г. открывать в Европе второй фронт[108]. В частности, генерал-майор И. А. Скляров 9 октября 1943 г. докладывал из Лондона: «Второй фронт в Западной Европе не открывается по чисто политическим соображениям. Считается, что русские еще недостаточно ослаблены и представляют собой большую силу, которой опасаются как в Англии, так и в Америке»[109].

В ходе Курской битвы высокую активность проявляли и военные разведчики, которые действовали в составе разведывательных и разведывательно-диверсионных групп в тылу противника. Нанося удары по немецким гарнизонам, путям переброски войск, аэродромам и узлам связи, разведчики ослабляли тыл противника и не позволяли ему перебрасывать резервы в районы боевых действий. Проводились акции и по уничтожению командного состава германских оккупационных войск.

Оценивая деятельность всех видов военной разведки накануне и в ходе Курской битвы, Маршал Советского Союза Г. К. Жуков писал: «Благодаря блестящей работе военной разведки весной 1943 г. мы располагали рядом важных сведений о группировке немецких войск перед летним наступлением. Хорошо работающая разведка была также одним из слагаемых в сумме причин, обеспечивших успех этого величайшего сражения»[110].

Результаты деятельности военной разведки в 1943 г. подтвердили правильность принятого решения о создании Главного разведывательного управления Красной армии и Разведывательного управления Генерального штаба. В целом военная разведка накануне и в ходе Курской битвы действовала как единый хорошо отлаженный механизм, своевременно обеспечивая Ставку ВГК, Генеральный штаб, командующих фронтов и других командиров Красной армии достоверными сведениями о противнике, что способствовало достижению победы в Курской битве.

После окончания Курской битвы резиденты ГРУ начали докладывать в Центр о начавшихся изменениях во внешнеполитическом курсе фашистской Германии, руководство которой, с одной стороны, продолжало проводить мероприятия по укреплению коалиции прогерманских государств, а с другой, пыталось установить контакты с англо-американцами. Цель этих контактов — обсуждение условий возможного заключения сепаратного мира и достижение раскола антигитлеровской коалиции. Изменения начали происходить и во внешнеполитическом курсе США и Англии. В связи с этим Центр поставил перед своими резидентами задачу получить сведения о возможных контактах представителей гитлеровского руководства с англо-американцами, а также о взглядах руководства США и Великобритании на послевоенное устройство Германии, Европы и мира в целом.

Результаты разгрома немецких войск в Курской битве обсуждались руководителями США и Великобритании в ходе встречи в августе 1943 г. в Квебеке. О некоторых решениях, достигнутых в ходе конференции, президент США Ф. Рузвельт и премьер-министр Великобритании У. Черчилль сообщили И. В. Сталину[111]. Более полный «отчет» о результатах Квебекской встречи направил в Центр резидент ГРУ в Вашингтоне Л. А. Сергеев: «В Квебеке выражено согласие на созыв конференции с участием СССР. На этой конференции предполагается вынести на обсуждение проблемы послевоенного обустройства Европы. На встрече с советской делегацией союзники скажут, что они смогут открыть второй фронт только весной 1944 года». Эти и другие сведения были использованы начальником ГРУ КА генерал-лейтенантом И. И. Ильичевым для подготовки специального сообщения И. В. Сталину и В. М. Молотову «Об итогах конференции в Квебеке и отношении США и Англии к СССР»[112].

Большую роль военная разведка сыграла в период подготовки и проведения Тегеранской конференции. В конце 1943 г. руководители США, Великобритании и Советского Союза достигли договоренности о личной встрече в Тегеране. На стадии подготовки к Тегеранской конференции советское правительство в первую очередь интересовали перспективы открытия союзниками второго фронта в Европе. Сведения о позициях Ф. Рузвельта и У. Черчилля по этой проблеме были добыты резидентами ГРУ, которые действовали в Вашингтоне и Лондоне. Из разведывательных донесений, поступивших в Центр, следовало, что президент США выступает за высадку сил союзников в Северной Франции, а премьер-министр Великобритании полагает, что операция союзников должна начаться на Балканах. Сроки открытия второго фронта указывались предварительные.

Было также установлено, что Ф. Рузвельт и У. Черчилль планируют обсудить с руководителем советской делегации ход боевых действий на Тихом океане, добиться от СССР согласия на участие в войне против Японии, обсудить вопросы создания Организации Объединенных Наций, а также наиболее важные проблемы послевоенного устройства Европы и мира. Стало известно, например, о планах Черчилля по укреплению влияния Англии на Балканах, о том, что Рузвельт может предложить разделение Германии на несколько самостоятельных государств, о предложении Черчилля создать после окончания войны две-три международные организации (для Европы, Америки и Востока), которые бы осуществляли управленческие и полицейские функции.

Советская и союзная делегации возле советского посольства в Тегеране.
Тегеранская конференция

Резидент ГРУ в Лондоне генерал-майор И. А. Скляров 9 октября 1943 г. сообщил в Центр о планах союзников по открытию второго фронта в Европе и о том, что «наши союзники боятся вторжения русских в Германию, так как это может, как здесь считают, вызвать коммунистические революции во всех странах Европы»[113]. Одному из разведчиков резидентуры И. А. Склярова удалось в начале октября 1943 г. добыть полные сведения о секретном американо-британском плане «Оверлорд» — плане операции вторжения союзных экспедиционных сил в Европу[114]. Советской военной разведке стало известно, что разработка плана вторжения союзных войск в Европу в целом была завершена в июле 1943 г.[115] Подобные сведения направил в Центр и резидент советской военной разведки в Нью-Йорке П. П. Мелкишев. Он сообщил о том, что У. Черчилль, находясь в Вашингтоне в сентябре 1943 г., заявил: «США и Англия обещать СССР открытие второго фронта в этом году не будут»[116].

Из Лондона 8 октября 1943 г. поступило донесение о содержании еще одного секретного американского плана, который имел кодовое наименование «Рэнкин»[117]. План этот, как сообщал резидент ГРУ в Вашингтоне полковник Л. А. Сергеев, был разработан в середи-

не августа 1943 г., приблизительно в одно и то же время с общим планом «Оверлорд», но имел особое оперативно-стратегическое предназначение. В соответствии с этим планом главная цель англо-американских войск состояла в немедленном начале боевых действий в Европе в случае резкого ослабления сопротивления вермахта войскам Красной армии, падения морального духа немецких войск и угрозы захвата территории Германии советскими войсками[118]. План «Рэнкин» предусматривал разделение Германии на зоны оккупации, формирование в Европе сфер американского и английского влияния, создание американо-британских сил быстрого реагирования. В этом случае союзные войска должны были незамедлительно предотвратить продвижение войск Красной армии в западном направлении. В одном из разделов плана «Рэнкин» американским войскам предписывалось захватывать германскую территорию так быстро, насколько это «позволяют делать технические возможности средств переброски войск»[119]. Союзники планировали оказаться в Берлине раньше передовых частей Красной армии. Сведения о планах «Оверлорд» и «Рэнкин» командование ГРУ направило И. В. Сталину, В. М. Молотову и начальнику Генерального штаба А. М. Василевскому.

Важными были и добытые сведения о позиции союзников по Ирану. Полковник Л. А. Сергеев сообщил, что в Государственный департамент США поступило письмо из министерства иностранных дел Великобритании. В нем была изложена «генеральная линия в вопросе политики союзников в Иране, которую ориентировочно займет английская делегация на предстоящей конференции трех держав»[120]. Полное содержание этого документа тоже стало известно высшему политическому руководству СССР. Сотрудники резидентуры ГРУ в Тегеране, которой руководил полковник Б. Г. Разин, приняли участие в решении ответственных задач по информационному обеспечению деятельности членов советской правительственной делегации[121]. О результатах деятельности резидентуры военной разведки в Тегеране начальник ГРУ генерал-лейтенант И. И. Ильичев доложил В. М. Молотову, Л. П. Берии и С. М. Штеменко[122].

В конце ноября 1943 г. советская делегация выехала из Москвы. В ее состав входили: И. В. Сталин, В. М. Молотов, К. Е. Ворошилов, С. М. Штеменко и другие ответственные лица Наркомата иностранных дел и Генерального штаба. Делегации трех держав собрались в Тегеране 28 ноября. По данным внешней разведки НКВД, немецкие диверсанты готовили террористический акт против руководителей «Большой тройки». Спецслужбами СССР, Великобритании и США были приняты меры, которые гарантировали безопасность руководителей и членов делегаций[123]. Тегеранская конференция подтвердила готовность союзных держав сотрудничать в деле скорейшего достижения победы над Германией и Японией, конкретизировала сроки открытия второго фронта в Европе, создала предпосылки для формирования международной организации, которая получила название Организации Объединенных Наций (ООН), определила принципы решения послевоенных проблем в Европе. Успешной работе советской правительственной делегации в Тегеране способствовали сведения, добытые И. А. Скляровым, Л. А. Сергеевым, П. П. Мелкишевым и Б. Г. Разиным.

В целом во втором периоде Великой Отечественной войны военная разведка добыла точные сведения о планах Гитлера по ведению войны против СССР в 1943 г.: группировке германских войск на курском направлении и на Кавказе, политике правящих кругов Турции в отношении Германии и СССР; обеспечила политическое руководство СССР достоверными и своевременными сведениями военно-политического характера, которые позволили укрепить антигитлеровскую коалицию и создать условия для открытия второго фронта в Европе в третьем периоде войны.

В 1943 г. Главное разведывательное управление подготовило и направило высшему политическому руководству СССР и начальнику Генерального штаба 331 специальное сообщение по Европе, 61 — по Азии, 119 — по Америке и 32 — по Африке. Всего — 543 сообщения, тогда как в 1942 г. было подготовлено и направлено высшему политическому руководству СССР и командованию Красной армии 222 специальных сообщения[124].

Партизанская война на временно оккупированной территории СССР

С первых же дней Великой Отечественной войны на советской территории, временно оккупированной противником, началась деятельность отрядов военных разведчиков, которая организовывалась Разведывательным управлением Генерального штаба Красной армии. Они не только добывали сведения о неприятеле, но и наносили ему максимально возможный ущерб в живой силе и военной технике.

Начало этой зафронтовой деятельности военной разведки было положено 23 июня 1941 г., после того как начальник Разведуправления ГШ генерал-лейтенант Ф. И. Голиков доложил начальнику Генерального штаба генералу армии Г. К. Жукову предложения об организации разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника и получил указания по их реализации. Начальник специального (диверсионного) отделения РУ ГШ полковник Х.-У. Д. Мамсуров разработал конкретный план организации диверсионных, диверсионно-партизанских и партизанских групп и отрядов, и началась целенаправленная работа по формированию оперативных групп для диверсионной деятельности во фронтовых полосах и в тылу врага. К этой работе были привлечены старший преподаватель Военной академии им. М. В. Фрунзе полковник А. Е. Свирин и лучшие слушатели академии майор А. К. Спрогис, капитан А. Я. Азаров, старшие лейтенанты И. Н. Банов, Ф. И. Коваленко, И. И. Матусевич и А. К. Мегера. Они были направлены в распоряжение начальника разведывательного отдела штаба Западного фронта для организации подготовки и переброски в тыл противника разведывательно-диверсионных групп и партизанских отрядов. А. Е. Свирин и А. К. Спрогис создали специальную группу для решения этих задач, а через некоторое время она была преобразована в Оперативно-учебный центр (войсковую часть № 9903) разведывательного отдела штаба Западного фронта. С августа 1941 по июль 1942 г. командиром этой воинской части был майор А. К. Спрогис, с июля по август 1942 г. — майор М. А. Можаров, а с сентября по декабрь 1942 г. — майор А. К. Мегера[125].

В конце июня — начале июля 1941 г. руководством Разведуправления ГШ были сформированы и направлены для оказания помощи разведывательным отделам штабов фронтов подобные специальные группы, в состав которых вошли опытные офицеры военной разведки и радисты. Одновременно сотрудники РУ ГШ начали подготовку эмигрантов из стран Восточной Европы для развертывания движения Сопротивления на территориях, оккупированных немецкими войсками.

До 30 июня 1941 г. командующие войсками Северного, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов утвердили планы работы разведывательных отделов штабов по развертыванию партизанских формирований в тылу противника и приступили к их выполнению. В дальнейшем к этой работе подключились военные советы Карельского, Ленинградского, Центрального, Брянского, а затем и других фронтов по мере их формирования.

С началом войны разведывательными отделами штабов Северного и Северо-Западного фронтов тоже были разработаны планы по организации партизанской борьбы в тылу врага. Для подготовки партизанских кадров военной разведкой в поселке Кавголово Ленинградской области был создан лагерь, в котором подготовку одновременно проходили до 350 разведчиков-диверсантов[126].

Формированием и отправкой партизанских отрядов и групп в тыл врага занимались разведывательный отдел штаба Северо-Западного фронта, Выборгский, Сортавальский, Ухтинский и Кандалакшский оперативные пункты и разведывательные отделы штабов 7, 14 и 23-й армий. Так, 6 июля 1941 г. разведотделом штаба Северного фронта был переброшен в тыл противника в район северо-восточнее г. Пскова партизанский добровольческий отряд № 2 численностью 53 человека и партизанский отряд № 3 в составе 110 разведчиков-диверсантов. В восточных районах Латвии и Эстонии разведывательными отделами штабов армий было создано и оставлено после отхода наших войск 10 партизанских отрядов.

А. К. Спрогис

А. К. Мегера

В конце июля 1941 г. на Северном фронте Ухтинским оперативным пунктом при помощи Калевальского райкома ВКП(б) был сформирован партизанский отряд под командованием Б. С. Лахти. 26 июля он был переброшен на катерах в тыл противника. За 53 дня боевых действий отрядом были разгромлены два финских гарнизона, уничтожены более 80 солдат и офицеров противника, прервана телефонная связь на 12 участках[127].

В районе дороги Лонка — Войница действовал еще один партизанский отряд в составе 56 человек под командованием У. И. Антикайнена. Он был создан Ухтинским оперативным пунктом военной разведки и действовал в тылу противника с 10 августа по 10 сентября 1941 г., смог взорвать два моста, уничтожить два автомобиля, 16 солдат и офицеров противника.

В июле — августе 1941 г. на Кингисеппском направлении во вражеском тылу успешно действовал партизанский отряд, которым командовал заместитель начальника разведывательного отдела штаба 14-й армии Герой Советского Союза В. С. Знаменский. Отряд 31 июля уничтожил базы горючего в Сланцевском районе и на станции Ищево[128].

Результаты действий партизанских формирований были положительно оценены 3 августа 1941 г. исполняющим обязанности начальника Разведуправления ГШ бригадным комиссаром И. И. Ильичевым. В докладной записке «Некоторые данные о боевых действиях партизанских отрядов», направленной в адрес секретаря ЦК ВКП(б) А. С. Щербакова, он писал, что с начала войны 10 партизанскими отрядами и несколькими диверсионными группами разведывательного отдела штаба Северного фронта было уничтожено 25 самолетов, 10 танков, шесть цистерн с горючим, 42 автомашины, 28 мотоциклов, одна бронемашина, 15 генералов и офицеров, 249 солдат, а также подорвано четыре моста, организовано четыре крушения поездов, разрушено пять линий связи.

К концу августа 1941 г. в результате напряженной работы партийных и советских органов, НКВД — НГКБ и Военного совета Северо-Западного фронта были сформированы и переброшены в тыл противника 78 партизанских отрядов общей численностью около 3800 человек[129]. Большая часть из них была сведена в партизанские бригады.

В целом уже к 15 октября 1941 г. в юго-восточных районах Ленинградской области действовало восемь партизанских бригад, состоявших из 68 отрядов общей численностью

Бойцы партизанского отряда «Полярник» на привале во время похода в тыл врага

6515 бойцов[130]. Основными исполнителями решений партийных, советских и военных органов управления наряду с органами НКВД — НКГБ по Ленинграду и Ленинградской области были разведывательные отделы штабов Северного и Северо-Западного фронтов.

Несмотря на чрезвычайно сложную обстановку, командование Западного фронта также активно занималось организацией партизанского сопротивления в тылу противника. С 9 июля по 1 сентября разведотдел штаба Западного фронта укомплектовал и перебросил в тыл противника 39 партизанских отрядов и 113 разведывательно-диверсионных и диверсионно-партизанских групп. Основу партизанских отрядов военной разведки составляли военнослужащие Красной армии и комсомольцы, набранные по призыву областных и городских организаций ВЛКСМ.

В первые месяцы войны подготовка партизанских отрядов и групп военной разведки осуществлялась в течение 2–5 дней, что сказывалось на их боеспособности и результатах действий. Впоследствии сроки подготовки командиров партизанских отрядов (групп) и минеров-подрывников были увеличены до 10–15 суток, а затем до 30 дней. Подготовка радистов осуществлялась в течение 2–3 месяцев.

Успешной работе разведывательного отдела штаба Западного фронта по организации партизанского движения способствовала помощь представителей Разведуправления ГШ полковников Х.-У. Д. Мамсурова, В. А. Трояна, Г. Л. Туманяна и майора А. К. Спрогиса, которые приобрели богатый опыт организации и ведения партизанских и диверсионных действий во время гражданской войны в Испании.

С начала войны на Разведуправление ГШ была возложена задача по подготовке групп руководителей диверсионно-партизанских формирований. Войсковая часть № 9903 разведывательного отдела штаба Западного фронта, например, с 25 июня по 12 октября 1941 г. подготовила и передала Смоленскому обкому ВКП(б) для организации партизанских действий 287 человек, Калининскому обкому ВКП(б) — 249 человек, Можайскому горкому ВКП(б) — 87 человек[131].

Из-за нехватки самолетов переброска разведчиков-диверсантов в тыл противника осуществлялась в основном наземным путем — на автомашинах или в пешем порядке. По состоянию на 20 августа 1941 г. разведывательным отделом штаба фронта было подготовлено и переброшено в тыл врага 29 партизанских отрядов и 38 организаторов и руководителей партизанских отрядов и групп. В прифронтовой полосе было организовано семь партизанских отрядов численностью в 900 человек. До 15 сентября 1941 г. предусматривалось подготовить и вывести в тыл противника 60–65 диверсионно-партизанских формирований (из них 37 партизанских отрядов) общей численностью 1000–1200 человек[132]. Разведотдел штаба Западного фронта обеспечивал созданные в неприятельском тылу партизанские отряды стрелковым оружием, взрывчаткой, продовольствием и медикаментами.

Согласно докладу начальника разведывательного отдела штаба фронта к 10 октября 1941 г. партизанскими отрядами и диверсионными группами было уничтожено 14 мостов, четыре танка, одна бронемашина, два самолета, шесть орудий, 51 мотоцикл, 214 автомобилей, четыре склада с боеприпасами, организовано крушение восьми поездов, убиты и ранены 993 немецких солдата и офицера[133].

Военный совет Центрального фронта для подготовки и переброски партизанских отрядов и групп в тыл противника создал при штабах 3, 13 и 21-й армий оперативные группы, в состав которых входили два-три офицера военной разведки и инструктор. Оперативно-учебный центр штаба фронта был создан 13 июля 1941 г., его начальником стал полковник И. Г. Старинов[134]. За период с 13 июля по 22 сентября 1941 г. личным составом оперативно-учебного центра были подготовлены 95 инструкторов и более 3,5 тыс. партизан и диверсантов.

Для оказания помощи разведывательному отделу штаба Юго-Западного фронта в организации партизанского движения на Украине и подготовке разведывательно-диверсионных групп руководство РУ ГШ направило оперативную группу во главе с генерал-майором М. А. Абсалямовым. Благодаря совместным усилиям этой группы разведотделом штаба фронта с 10 по 22 июля 1941 г. было подготовлено 42 отряда в составе от 3 до 13 человек[135]. К сожалению, эта работа проводилась без должной подготовки: офицеры военной разведки успевали только подбирать людей, выдавать им оружие, доводить приказы командования и проводить инструктажи. В последующем были созданы четыре спецшколы, что позволило повысить качество подготовки партизанских кадров[136].

С образованием 25 июня 1941 г. Южного фронта его Военный совет также приступил к развертыванию партизанского движения в тылу противника. Планировалось создать 45 партизанских отрядов. Решением этой задачи руководил начальник разведывательного отдела штаба фронта полковник И. В. Виноградов при участии офицеров разведывательных отделов штабов 6-й и 18-й армий, Липканского и Черновицкого оперативных пунктов военной разведки. К 20 июля 1941 г. разведывательным отделом штаба Южного фронта были сформированы 15 диверсионно-партизанских отрядов общей численностью 381 человек и 131 диверсионно-партизанская группа, насчитывавшая 718 человек[137].

Целенаправленно работали и офицеры-разведчики армейского звена. Так, с 15 по 31 июля 1941 г. разведывательным отделом штаба 18-й армии было подготовлено шесть диверсионно-партизанских отрядов для действий в районах населенных пунктов Шпиков, Рахны, Тульчин, Терновка и другие.

Тем не менее в руководстве партизанским движением в первые месяцы войны не было централизованного руководства, что приводило к ошибкам и просчетам. В сложившихся

В. А. Троян

Г. Л. Туманян

условиях Ставка ВГК приняла решение о создании комиссии по руководству партизанским движением. В ее состав вошли первый секретарь ЦК КП(б) Белоруссии П. К. Пономаренко, начальник Главного политического управления КА — заместитель наркома обороны Л. З. Мехлис и ряд других высокопоставленных лиц. Однако созданная структура оказалась малоэффективной.

Большую роль в организации партизанского движения сыграло Главное политуправление Красной армии. В августе 1941 г. при военных советах фронтов были созданы отделы по организации и руководству партизанским движением. Они формировались на базе политуправлений фронтов и активно включались в работу. Так, после создания отдела по организации и руководству партизанским движением при Военном совете Ленинградского фронта им были приняты 51 партизанский отряд общей численностью 2109 человек и 18 местных партизанских отрядов, в состав которых входили еще 547 человек[138].

К середине сентября 1941 г. планы Разведуправления ГШ по подготовке партизанских формирований были выполнены. В тылу противника активно действовали партизанские группы, отряды и даже партизанские формирования. В Карелии, Ленинградской и Калининской областях партизаны активно использовали рейды, налеты на колонны неприятеля и его штабы. Так, 2-я партизанская бригада, сформированная разведывательным отделом штаба Северо-Западного фронта, с октября и до конца декабря 1941 г. уничтожила около тысячи солдат и офицеров противника, свыше 50 грузовых автомашин, 39 мотоциклов, три склада с боеприпасами, два склада с горючим, захватила в плен 39 вражеских солдат и офицеров.

Разведчики-диверсанты активизировали свою деятельность за линией фронта. Они разрушали дороги, наносили удары по складам противника, его командным пунктам и аэродромам, организовывали крушения воинских эшелонов с живой силой и боевой техникой[139].

В организации партизанского движения допускались и досадные ошибки. 17 сентября 1941 г. планировалось забросить в тыл противника разведывательно-диверсионный отряд в составе 55 человек под командованием Г. М. Линькова. Отряд должен был действовать в

Советский кинооператор в партизанском отряде

районе г. Лепель Белорусской ССР. В результате ошибок пилотов и штурманов в тылу противника оказалась только часть отряда. Сам командир приземлился в 80 км от планируемого района и в течение месяца осуществлял поиск своих бойцов. Г. М. Линьков нашел шесть человек из своего отряда, к которым за это время присоединились 24 красноармейца, выбирающихся из окружения. В октябре 1941 г. в состав отряда Г. М. Линькова вошла группа под командованием А. П. Бринского, и его численность возросла до 120 человек. Отряд вел разведку и совершал диверсии в Лепельском, Чашниковском и Холопеническом районах Витебской области.

В марте 1942 г. в тыл врага для ведения разведки, организации диверсий и установления радиосвязи с отрядом Линькова была переброшена группа В. В. Щербины. В апреле 1942 г. Г. М. Линьков сформировал 15 диверсионно-разведывательных групп и стал наращивать диверсионную деятельность. 21 мая 1942 г. отряд Г. М. Линькова начал 600-километровый рейд в район озера Червоное Житковичского района Полесской области. В ходе выдвижения в новый район партизанское формирование окрепло. К нему присоединился партизанский отряд капитана С. П. Каплуна. За время рейда партизаны пустили под откос 32 вражеских эшелона. В июле 1942 г. отряд Линькова был преобразован в партизанскую бригаду. 19 августа 1942 г. в бригаду был переброшен капитан И. Н. Банов (Черный), который стал заместителем командира отряда по разведке. Бригадой Г. М. Линькова была осуществлена крупная операция по уничтожению руководящего состава оккупационных войск и их пособников в клубе селения Микашевичи, куда на совещание съехались чины гестапо, командиры немецких карательных частей и полиции. При взрыве заряда, установленного И. Б. Конопадским, погибли около 200 оккупантов и их пособников[140].

Одним из ближайших соратников Г. М. Линькова был А. П. Бринский. До войны он служил на западной границе СССР в должности военного комиссара 59-го отдельного разведывательного батальона 2-й стрелковой дивизии 10-й армии Западного особого военного округа. В июле 1942 г. он возглавил партизанский отряд, который совершал диверсии на железной дороге Брест — Барановичи. С 9 августа по 10 сентября 1942 г. партизанами под

командованием А. П. Бринского было пущено под откос 69 эшелонов, взорвано несколько мостов, подбито несколько машин, уничтожено пять бензозаправочных пунктов[141].

С начала 1942 г. в интересах организации партизанского движения в тылу противника военная разведка начала использовать оперативные группы. Это было обусловлено тем, что в тылу не хватало организаторов партизанского движения, специалистов по агентурной разведке и диверсиям. Оперативные группы, как правило, состояли из командира, его заместителя, нескольких разведчиков и радистов. В начале лета 1942 г. вновь созданное ГРУ и разведывательные отделы штабов фронтов начали формировать в тылу противника оперативные центры, в состав которых входили от 30 до 50 человек. Центры предназначались для объединения и координации действий разведывательно-диверсионных групп, действовавших самостоятельно, и разрозненных местных партизанских отрядов, а также наращивания агентурной сети в новых районах.

30 мая 1942 г. ГКО принял постановление об образовании при Ставке ВГК Центрального штаба партизанского движения (ЦШПД), а также республиканских и областных штабов партизанского движения. В соответствии с приказом, подписанным 16 июня 1942 г. заместителем наркома обороны СССР Е. А. Щаденко, к 25 июня было необходимо сформировать ЦШПД во главе с первым секретарем ЦК Компартии Белоруссии П. К. Пономаренко, шесть фронтовых ШПД (Украинский, Брянский, Западный, Калининский, Ленинградский и Карело-Финский), 42 оперативные группы ЦШПД при военных советах армий, дислоцировавшихся в указанных выше регионах, и представительства ЦШПД на Сталинградском фронте при военных советах 1, 62, 63 и 64-й армий. Одновременно формировались Центральная школа организаторов партизанских отрядов, Центральная специальная радиошкола, подвижные радиоузлы при ЦШПД и штабах партизанского движения указанных выше фронтов. Представители ГРУ ГШ С. П. Анисимов и И. Н. Артемьев были назначены соответственно начальниками разведотдела и отдела связи ЦШПД. Создание представительств Центрального и республиканских штабов партизанского движения при военных советах фронтов и армий завершило образование централизованной системы руководства партизанским движением, которая успешно функционировала до середины января 1944 г.

По оценке П. К. Пономаренко, Разведывательное управление ГШ провело большую работу по подготовке спецгрупп, направлявшихся в тыл противника[142]. В связи с созданием централизованной системы управления партизанским движением офицеры ГРУ были назначены на руководящие должности в состав Центрального, республиканских и фронтовых штабов партизанского движения. Например, полковник А. К. Спрогис стал начальником штаба партизанского движения Латвии, а полковник Х.-У. Д. Мамсуров — начальником штаба партизанского движения Южного фронта. Эти назначения способствовали повышению эффективности управления партизанскими отрядами и формированиями, обобщению и распространению опыта войны в тылу противника, а также добыванию разведывательных сведений с баз партизанских отрядов.

Так, например, с базы партизанского отряда Г. М. Линькова действовала диверсионная группа старшего лейтенанта В. В. Щербины в составе четырех человек. Заместителем командира группы был младший лейтенант Д. И. Киймах. В течение нескольких месяцев В. В. Щербина, используя помощь Г. М. Линькова, действовал в районах городов Полоцк, Молодечно, Минск и других. Его диверсионные группы пустили под откос около 50 вражеских эшелонов с живой силой и военной техникой, уничтожили 350 автомашин, взорвали и сожгли 10 мостов, уничтожили несколько сотен фашистских солдат и офицеров, добывали ценные разведывательные сведения о противнике.

24 сентября 1942 г. в районе г. Ивенец Минской области при проведении занятий с командирами диверсионных групп В. В. Щербина подорвался на мине. За образцовое выполнение боевых заданий и проявленные при этом отвагу и мужество он был посмертно удостоен звания Героя Советского Союза. Отряд возглавил его заместитель Д. И. Киймах.

Умело сочетала разведывательные и боевые действия группа под командованием П. П. Вершигоры, подготовленная разведывательным отделом штаба Брянского фронта.

Х.-У. Д.Мамсуров

Г. М. Линьков

В. В. Щербина

А. П. Бринский

Партизаны в боевом походе

Группа вела разведку железнодорожного узла Брянск-II. В ходе одной из совместных операций в тот момент, когда на железнодорожной станции скопилось несколько немецких эшелонов, партизаны взорвали пути с двух сторон железнодорожного узла. Командир разведгруппы П. П. Вершигора по рации сообщил об этом в штаб фронта, и там было принято решение нанести авиационный удар по железнодорожной станции. В налете приняли участие около 30 бомбардировщиков, которые уничтожили свыше полутора тысяч немецких солдат и офицеров и четыре состава с боеприпасами[143]. За эту операцию командующий Брянским фронтом генерал К. К. Рокоссовский представил П. П. Вершигору к награждению орденом Красного Знамени.

Между центральными органами военной разведки и ЦШПД осуществлялся постоянный обмен разведывательными сведениями о противнике. Военная разведка сообщала в ЦШПД об обстановке на оккупированных врагом территориях, выявленных партизанских отрядах и подпольных организациях, проникновении в партизанские формирования агентуры противника, предателях и пособниках, а также другие сведения. Начальник ЦШПД, в свою очередь, направлял начальнику ГРУ и в штабы фронтов информацию о противнике, добытую партизанами. Важные указания о ведении партизанами и военными разведчиками разведывательной работы согласовывались Центральным штабом с ГРУ[144].

Длительное время нерешенной оставалась проблема обеспечения партизанских отрядов средствами радиосвязи. На 10 июля 1942 г. в их распоряжении имелось всего 37 радиостанций, поэтому подавляющее большинство отрядов оставалось без радиосвязи с Центром. Начальник ЦШПД обратился в ГРУ с просьбой оказать содействие в организации связи с партизанскими формированиями.

Со стороны ГРУ последовали практические действия. Так, в район г. Остер была переброшена разведывательно-диверсионная группа под командованием политрука К. С. Гнидаша в составе восьми человек со средствами радиосвязи. Через некоторое время в Чернигове, Киеве, Нежине, Прилуках, на железнодорожных станциях Тетерево, Фастов и других командир группы создал агентурную сеть. За короткий срок группа Гнидаша выросла до 100 человек. Учитывая возросшие возможности группы, было решено создать на ее базе оперативный центр. Усилиями последнего в Остерском и Дубечанском районах были сформированы четыре партизанских отряда: имени Н. А. Щорса, В. И. Чапаева, С. М. Буденного и «Победа».

Увеличение состава оперативного центра сказалось на результатах разведки и диверсионной деятельности. Личным составом центра были взорваны черниговская электростанция, киевский (южный) железнодорожный мост через р. Днепр, пущен под откос 21 эшелон, уничтожено более тысячи солдат и офицеров противника.

Через год в оперативном центре К. С. Гнидаша насчитывалось уже около 3 тыс. бойцов. Центр действовал на территории Черниговской и Киевской областей. Совместно с партизанским отрядом под руководством братьев Терентия, Степана и Василия Науменко бойцы центра К. С. Гнидаша уничтожили на реках Днепр и Десна 10 пароходов и 14 барж противника[145]. За выполнение специальных заданий командования и проявленные при этом мужество и героизм командир центра был награжден орденом Красного Знамени. 23 сентября 1943 г. оперативный центр соединился с войсками Красной армии. В последующем К. С. Гнидаш еще несколько раз забрасывался в тыл врага. При выполнении последнего боевого задания, будучи раненым и не желая попасть в плен, он подорвал себя гранатой. В марте 1945 г. К. С. Гнидашу посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

Накопленный к концу лета 1942 г. опыт формирования и действий разведывательных отрядов и оперативных центров был использован на западном стратегическом направлении. В частности, в августе — сентябре 1942 г. разведывательным отделом штаба Западного фронта были подготовлены и заброшены в тыл противника четыре оперативных центра по 35—40 человек каждый. Этими центрами командовали Н. П. Куличкин, К. В. Чернов, А. К. Спрогис и И. Ф. Топкин. Многие офицеры военной разведки стали командирами партизанских соединений. Например, в сентябре 1942 г. капитан Л. И. Сорока возглавил партизанскую бригаду им. М. И. Калинина. Командиром крупного партизанского отряда, а затем командиром 8-й партизанской дивизии стал старший лейтенант А. Н. Галюга[146].

К осени 1942 г. у организаторов партизанского движения накопился ряд проблем, требующих принципиального решения на самом высоком уровне. Для поиска ответов, подведения итогов и постановки новых задач командиры наиболее крупных партизанских формирований были собраны в Москве. 1 сентября 1942 г. их принял И. В. Сталин, а 5 сентября нарком обороны СССР издал приказ «О задачах партизанского движения». В нем, в частности, говорилось, что партизанским отрядам и отдельным бойцам-партизанам надлежит вести непрерывную разведку в интересах Красной армии. Кроме того, приказ содержал указания о создании в тылу противника мощной агентурной разведки.

Руководство военной разведки совместно с органами НКВД организовало выполнение этой задачи. В этот период в системе военной разведки подготовкой групп занимались 1-е управление ГРУ, Высшая специальная школа и разведывательные отделы штабов фронтов и армий. В частности, в июне 1942 г. только 1-м отделом 1-го управления ГРУ, который возглавлял полковой комиссар Л. С. Эпштейн, было создано 12 разведгрупп, вокруг которых должны были формироваться партизанские отряды.

Во второй половине 1942 г. партизаны и военные разведчики добыли сведения о 197 гарнизонах противника, 67 складах и базах, 35 аэродромах, 12 штабах частей и соединений.

В январе 1943 г. по указанию ГРУ при партизанском соединении А. Ф. Федорова была сформирована оперативная группа «Омега». Она предназначалась для создания разведывательной сети в районе населенных пунктов Репки, Припять, Киев, Яготин, Пирятин, Бахмач, Щорс. В феврале при партизанском соединении Я. И. Мельника начал действовать

К. С. Гнидаш

Д. И. Креймах

оперативный центр «Онегин», возглавляемый М. Н. Шороховым. Личным составом центра были созданы источники в районах городов Шостка, Бахмач, Конотоп, Ромны и Харьков.

Партизаны добывали ценные разведывательные сведения, необходимые советскому командованию, Генштабу и фронтам, а также проводили успешные диверсии на коммуникациях противника. Активно действовали партизаны-разведчики, которыми командовал И. Н. Банов. В донесении от 20 января 1943 г. он сообщил о базировании на Барановичевском аэродроме значительной авиационной группировки из 174 фашистских самолетов[147]. В преддверии Курской битвы партизаны И. Н. Банова передали сведения о перебросках резервов немецко-фашистских войск с целью усиления групп армий «Центр» и «Юг» и совершили десятки успешных диверсий на коммуникациях врага. В частности, они установили наличие в их составе 2-й и 4-й танковых армий, 2-й и 9-й армий противника, а также новых тяжелых танков.

Успешной деятельности ГРУ и РУ ГШ в области руководства партизанскими отрядами и оперативными центрами в тылу противника способствовал приказ НКО СССР И. В. Сталина от 19 апреля 1943 г. № 0073 «Об улучшении разведывательной работы в партизанских отрядах». В нем указывалось на необходимость улучшения разведывательной работы в интересах Красной армии, и с этой целью были введены должности заместителей командиров партизанских формирований по разведке, на которые назначались офицеры военной разведки.

В развитие сталинского приказа 26 июня 1943 г. начальником Генштаба была подписана директива «Об агентурной разведке через партизан». Разведуправление ГШ получило право назначать в партизанские отряды офицеров на должности заместителей командиров по разведке с правом поддержания связи непосредственно с разведывательными отделами штабов фронтов и РУ ГШ. Выполняя директиву начальника Генерального штаба, разведывательный отдел штаба Северо-Западного фронта подготовил 25 офицеров, которые приказом Ленинградского ШПД были назначены заместителями командиров партизанских формирований

А. Н. Галюга

М. Н. Шорохов

по разведке. С каждым из них были переброшены в тыл противника один-два радиста. Разведывательный отдел штаба Северо-Кавказского фронта подготовил в качестве заместителей командиров партизанских отрядов и бригад по разведке шесть офицеров.

Важной мерой по улучшению взаимодействия с партизанскими формированиями и эффективному использованию их возможностей в интересах разведки было закрепление за разведывательными отделами штабов ряда фронтов тех партизанских формирований, которые действовали в их полосе и находились в подчинении ЦШПД или республиканских ШПД. Так, за разведотделом штаба Брянского фронта были закреплены девять партизанских отрядов, за разведотделом штаба Центрального фронта — пять отрядов и два партизанских соединения, а за разведотделом штаба Воронежского фронта — 15 отрядов. В результате проведенных мероприятий деятельность подавляющего большинства партизанских формирований приобрела четко выраженный разведывательно-диверсионный характер.

В ходе подготовки и проведения стратегических, фронтовых и армейских операций Красной армии в весенне-летний период 1943 г. значительно активизировалась диверсионная деятельность партизанских формирований. Так, в мае — июне подчиненными полковника И. Н. Банова было взорвано и пущено под откос 69 эшелонов противника, разрушено 26 мостов, уничтожены около 700 немецких солдат и офицеров.

Во второй половине 1943 г. усиление партизанских формирований опытными офицерами разведки продолжалось. Разведывательный отдел штаба Западного фронта подготовил и направил в партизанские формирования шестерых заместителей командиров отрядов по разведке, четырех помощников командиров партизанских бригад по разведке, переводчика и 15 радистов. Также активно в этом направлении действовал и разведотдел штаба Брянского фронта. К октябрю 1943 г. его офицеры перебросили в тыл противника трех заместителей командиров партизанских бригад по разведке.

Летом 1943 г. практически в каждом партизанском формировании центрального и фронтовых ШПД в качестве заместителей командира по разведке и по диверсионной работе

действовали офицеры, подготовленные разведывательными отделами штабов фронтов, что существенно повышало эффективность действий партизан в тылу противника.

В 1943 г. за линией фронта продолжала действовать группа под командованием капитана Ф. И. Кравченко. Группа наносила дерзкие удары по коммуникациям Гомельского железнодорожного узла. В результате ее диверсионных актов было пущено под откос 54 воинских эшелона противника. В последующем Ф. И. Кравченко возглавил партизанский отряд имени Ивана Богуна в Черниговско-Волынском партизанском соединении А. Ф. Федорова. Добываемые этим отрядом разведывательные сведения о немецких войсках, сосредоточенных на Левобережной Украине, гомельском и коростеньском направлениях, способствовали выходу советских войск на рубеж Днепра. За выполнение заданий командования, смелость и решительность, проявленные в боях с немецко-фашистскими захватчиками, Ф. И. Кравченко был награжден двумя орденами Ленина и медалью «Партизану Отечественной войны» I степени. 3 мая 1945 г. указом Президиума Верховного Совета СССР ему было присвоено звание Героя Советского Союза.

Активную разведывательно-диверсионную работу вел отряд под командованием Г. М. Линькова. В январе 1943 г. за выдающиеся заслуги в развитии партизанского движения офицеру было присвоено звание Героя Советского Союза. После того как Г. М. Линьков был вызван в Москву для доклада, командовать отрядом стал И. Н. Банов, который превратил его в крупное партизанское соединение, в состав которого к весне 1943 г. входили две бригады и четыре отряда. На его базе были созданы оперативные центры «Черный» под командованием И. Н. Банова, «Брук» под руководством А. П. Бринского, «Галицкий» под командованием В. П. Пелиха и «Льдов», который по возвращении из Москвы в мае 1943 г. возглавил сам Г. М. Линьков.

21 мая он был направлен в тыл врага в район Брест — Барановичи — Волковыск. В состав оперативного центра «Льдов» были переданы партизанские отряды военной разведки имени С. М. Кирова, В. М. Молотова, М. И. Калинина, В. П. Чкалова, Георгия Димитрова и «Советская Беларусь», а также отряды под командованием А. П. Черткова и П. П. Зайцева, которые действовали под Барановичами и Пинском. В августе 1943 г. по указанию Центра была проведена реорганизация партизанского формирования Г. М. Линькова, и на его базе создан оперативный центр в составе оперативных групп, девяти подвижных диверсионных групп и радиоузла. Часть партизан с вооружением, материальными средствами, радиостанцией и радистом была передана представителю Белорусского ШПД — секретарю Брестского обкома ВКП(б) полковнику С. И. Сикорскому. Г. М. Линьков успешно руководил разведывательным центром до 14 марта 1944 г., затем на эту должность был назначен майор И. В. Грачев. В июне 1944 г. И. В. Грачеву была поставлена задача передислоцировать центр в район населенного пункта Гута Брестской области, где он продолжил разведывательно-диверсионную деятельность. 25 июля в районе г. Брест оперативный центр соединился с частями Красной армии.

Партизаны А. П. Бринского, начиная с декабря 1942 г., вели разведку войск и оборонительных сооружений противника на территории Польши от линии советско-польской границы до Люблина включительно. 27 января 1943 г. С. П. Каплун, являвшийся заместителем А. П. Бринского, с отрядом в составе 120 человек был направлен в район населенного пункта Высоцк Ровенской области с задачей организации диверсий и развертывания партизанского движения. С февраля 1943 по апрель 1944 г. этот отряд успешно действовал в районах Столин, Горынь, Бухличи, Удрицк, Белая, Домбровица, Сарны. Со временем его численность существенно увеличилась. В конце весны 1943 г. партизанский отряд А. П. Бринского был переименован в партизанскую бригаду № 1, а отряд С. П. Каплуна — в партизанскую бригаду № 2.

Организаторский талант и накопленный боевой опыт позволили А. П. Бринскому вести разведывательно-диверсионную деятельность на территории 11 временно оккупированных областей Белоруссии, Западной Украины и трех польских воеводств. Его подчиненными были уничтожены несколько тысяч вражеских солдат и офицеров, пущено под откос 322 вражеских эшелона, два бронепоезда, выведено из строя 16 военных предприятий, 73 танка, около 500 автомашин, взорвано 117 мостов. В Центр передано более тысячи радиограмм и

Командир 1-й Украинской партизанской дивизии С. А. Ковпак на совещании со штабом

большое количество документальных материалов. За выполнение специальных заданий в тылу врага А. П. Бринский 4 февраля 1944 г. был удостоен звания Героя Советского Союза. А 29 апреля 1944 г. на базу оперативно-разведывательного центра «Брук», находившуюся в 19 км восточнее г. Ковель, прибыл подполковник В. П. Пелих. Он сменил А. П. Бринского, который по состоянию здоровья был вывезен из вражеского тыла в Москву.

Особая партизанская бригада Разведуправления ГШ под командованием Д. И. Киймаха, в состав которой входили более 500 человек, в 1943 г. действовала в районе городов Минск, Молодечно и Лида. Заместителем командира отряда по агентурной работе был военный разведчик майор Н. П. Федоров. Только с 11 по 28 мая 1943 г. этим отрядом было пущено под откос девять эшелонов противника, взорваны один шоссейный и два железнодорожных моста, броневик, мельница, убиты 57 немецких офицеров и солдат, порваны провода на трех участках[148].

На боевом счету особой партизанской бригады и уничтожение в сентябре 1943 г. наместника Гитлера в Белоруссии гаулейтера В. Кубе. К этому времени отряд потерял прежнего командира — самолет, на борту которого в Москву направлялись Д. Киймах и командиры разведывательно-диверсионных групп И. Рыбаков, А. Захаров и В. Воронянский, был сбит при пересечении линии фронта. Отряд возглавил майор Н. П. Федоров (псевдоним Колокол). Он установил контакты с действовавшей в Минске разведгруппой, которой руководила М. Б. Осипова (Черная). Та, в свою очередь, сумела наладить связь с Е. Г. Мазаник (Галя), работавшей уборщицей в доме, где проживал гаулейтер, и ее сестрой В. Г. Шуцкой. По заданию Федорова Е. Г. Мазаник удалось незаметно для охраны особняка пронести и заложить специальную мину под матрац кровати гитлеровского наместника. Наутро следующего дня стало известно, что палач белорусского народа уничтожен. Операция «Возмездие» завер-

шилась успешно, при этом все ее непосредственные участники сумели избежать ареста и через некоторое время были вывезены на Большую землю. 25 сентября майор Н. П. Федоров доложил в Центр: «22 сентября в 4.00 взрывом убит генеральный комиссар Белоруссии Кубе. Диверсию готовил при помощи «Черной» через Шуцкую Валентину Григорьевну. Диверсию совершила «Галя» — Мазаник Елена Григорьевна. Мина подложена под матрац в квартире Кубе. Люди, готовившие диверсию, находятся у меня. Колокол»[149].

29 октября 1943 г. был подписан указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Советского Союза военным разведчикам Е. Г. Мазаник и М. Б. Осиповой, а также Н. В. Троян, которая активно действовала в другом партизанском отряде, созданном Наркоматом внутренних дел СССР. Майор Н. П. Федоров и В. Г. Шуцкая были награждены орденами Ленина.

Партизанские формирования, созданные Разведуправлением ГШ, активно действовали не только на Украине и в Белоруссии. Достойный вклад они внесли в разведывательное обеспечение Прибалтийской наступательной операции. В частности, в ходе подготовки и проведения этой операции в тылу врага в районе г. Виндава (Латвия) успешно работала резидентура № 136, которую возглавлял Э. Д. Аболыньш.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны в тылу противника активно действовали партизанские бригады и отряды военной разведки. Партизанскими формированиями и оперативными центрами под командованием И. Н. Банова было пущено под откос 447 эшелонов, Г. М. Линькова — 325, А. П. Бринского — 322, П. М. Логинова — свыше 150, Д. И. Деймаха — более 150, С. П. Каплуна — 139, И. Ф. Топкина — 124, Ф. И. Кравченко — 54, В. В. Щербины — 50, К. В. Чернова — 26, К. С. Гнидаша — 21. Разведывательные отряды, созданные РУ ГШ КА и разведывательными отделами штабов фронтов, добывали ценные сведения о противнике, чем способствовали правильной оценке сил и возможностей противника по ведению войны на советско-германском фронте.

Работа военной разведки на завершающем этапе войны

В 1943–1944 гг. на всех направлениях советско-германского фронта действовало более 215 разведывательных, разведывательно-диверсионных групп и отдельных резидентур. Все они были радиофицированы и насчитывали более 2500 разведчиков и осведомителей[150].

Противник предпринимал активные меры, направленные на противодействие войсковым разведчикам, которые несли значительные потери. Тем не менее в разведывательные отделы штабов фронтов продолжали поступать ценные сведения. Данные войсковой и оперативной агентурной разведки всегда проверялись с помощью воздушной и радиоразведки, и таким образом формировалась обобщенная картина обстановки на фронтах. К концу 1943 г. и до окончания войны разведывательные отделы штабов фронтов знали о противнике практически все в зонах своей ответственности. Группировка неприятельских войск тщательно изучалась и дополнялась, разведчики знали ее состав с нумерацией всех полков, дивизий, корпусов и армий, их состояние и боевую способность.

В первой половине 1944 г. в ГРУ и РУ ГШ для Ставки ВГК были подготовлены десятки важных информационных сообщений: «Оценка сил и возможностей противника на весну и лето 1944 года», «Анализ стратегического положения немецкой армии на 20 февраля 1944 года», «Анализ основных оборонительных мероприятий немецкого командования в Голландии, Бельгии и Франции», «Доклад о состоянии военной экономики фашистской Германии к лету 1944 года» и другие[151].

Особое место среди информационных документов военной разведки, подготовленных накануне операции по освобождению Белоруссии, занимает доклад для членов Ставки ВГК И. В. Сталина, В. М. Молотова и начальника Генерального штаба А. М. Василевского

И. И. Ильичев

Ф. Ф. Кузнецов

«О положении Германии, ее возможностях и вероятных планах ведения войны»[152]. В нем были систематизированы достоверные сведения о фашистской Германии и ее возможностях ведения войны против СССР по состоянию на 1 июля 1944 г. Доклад был подписан генерал-полковником Ф. И. Голиковым, который по поручению Верховного главнокомандующего руководил деятельностью группы по обобщению сведений о противнике, начальником Главного разведывательного управления Красной армии генерал-лейтенантом И. И. Ильичевым, начальником Разведывательного управления Генерального штаба генерал-лейтенантом Ф. Ф. Кузнецовым, начальником 1-го управления НКГБ комиссаром госбезопасности 3 ранга П. М. Фитиным, начальником 4-го управления НКГБ комиссаром госбезопасности 3 ранга П. А. Судоплатовым и начальником Разведывательного управления Главного штаба ВМФ контр-адмиралом М. А. Воронцовым.

Накануне операции «Багратион» начальникам разведывательных отделов штабов фронтов западного направления необходимы были дополнительные сведения о группе армий «Центр» и в целом о боевом составе группировок германских войск на советско-германском фронте. Эти задачи выполняли разведотделы штабов 1-го Прибалтийского (начальник отдела — полковник А. А. Хлебов), 3-го (генерал-майор Е. В. Алешин), 2-го (генерал-майор И. В. Виноградов) и 1-го (генерал-майор П. Н. Чекмазов) Белорусских фронтов, а также штаба Днепровской военной флотилии, чьи силы привлекались к операции (подполковник Ф. И. Белокуров).

К началу операции в составе агентурной сети разведывательного отдела штаба Прибалтийского фронта насчитывалось около 50 агентов-источников. Командование 3-го Белорусского фронта имело в тылу противника четыре резидентуры и более 40 разведывательных групп; разведотдел штаба 2-го Белорусского фронта — 28 разведывательных и разведывательно-диверсионных групп; разведотдел штаба 1-го Белорусского фронта — девять резидентур и около 50 разведывательных групп и отрядов. В ходе операции «Багратион» разведывательные отделы фронтов увеличили свои силы в тылу противника, перебросив за линию фронта еще более 70 хорошо оснащенных и радиофицированных агентурных групп.

Принимая решение о проведении операции «Багратион», Ставка ВГК знала о противостоящих силах всё, что было необходимо для планирования операции и разгрома немецких войск в Белоруссии. В то же время были приняты чрезвычайные меры по сохранению в тайне замысла и содержания плана операции, к непосредственной разработке привлекался узкий круг лиц. В полном объеме его содержание знали только пять человек: заместитель Верховного главнокомандующего, начальник Генерального штаба и его первый заместитель, начальник Оперативного управления и один из его заместителей. Упоминание о предстоящей операции в Белоруссии в разговорах по телефону или в телеграфной переписке категорически запрещалось. Оперативные предложения фронтов разрабатывались двумя-тремя лицами, донесения писались от руки и докладывались, как правило, лично командующими.

Сведения о противнике, необходимые для уточнения планов советского командования, добывали десятки разведывательных групп военной разведки. Так, по указанию командующего 1-м Прибалтийским фронтом генерала армии И. Х. Баграмяна основные усилия разведывательного отдела штаба фронта были направлены на вскрытие противостоящей группировки войск противника, дислокации его оперативных и тактических резервов, аэродромов базирования авиации, а также на выявление оборонительных рубежей. Всего в полосе фронта к началу операции «Багратион» действовало 45 разведывательных и разведывательно-диверсионных групп. Разведка велась на глубину до 300–400 км. Разведчики-диверсанты проводили акции, нападали на штабы и пункты управления войсками противника, уничтожали транспорты противника с живой силой и военной техникой на железных и шоссейных дорогах. В районах населенных пунктов Гродно и Вильнюс активно действовала разведывательная группа Е. П. Устинова.

Масштабы подготовительных мероприятий к операции «Багратион» продолжали нарастать и на других фронтах. В разведывательных отделах были проведены специальные совещания с привлечением на них командиров радиодивизионов ОСНАЗ, начальников штабов, заместителей по технической части и начальников оперативных отделений дивизионов. В частях были тщательно проработаны вопросы организации и ведения радиоразведки перед началом и в ходе наступления. Впервые за годы Великой Отечественной войны было принято решение о широком эшелонировании деятельности радиоразведки в интересах не только командования фронтов, но и находящихся на главных направлениях общевойсковых армий и соединений. При армейских полках связи были созданы специальные радиоразведывательные подразделения — группы ближней радиоразведки, для укомплектования которых из резерва ГРУ выделено 40 ультракоротковолновых приемников, 50 портативных приемников «Вираж» и 50 аппаратов прослушивания телефонных переговоров по проводным линиям связи. Всего было сформировано 19 групп ближней радиоразведки: по три группы в 1-м Прибалтийском и 3-м Белорусском фронтах, пять групп во 2-м Белорусском фронте и восемь групп в 1-м Белорусском фронте[153]. Во всех радиодивизионах в соответствии со специально разработанными отделом радиоразведки ГРУ рекомендациями были приняты меры по организации эффективного наблюдения за немецкими радиосетями взаимодействия в звене «армия — корпус — дивизия».

Белорусская стратегическая наступательная операция, имевшая кодовое название «Багратион», началась 23 июня 1944 г. Об интенсивности действий разведывательных отделов штабов фронтов, которые принимали в ней участие, можно судить по количеству проведенных разведчиками засад, поисков, операций по сбору сведений в тылу противника. Наибольшее количество разведывательных операций провел разведотдел 1-Белорусского фронта — 22 950 операций; разведчики 3-го Белорусского фронта — 16 254; 1-го Прибалтийского фронта — 15 350; 2-го Белорусского фронта — 7711[154].

Радиоразведку в Белорусской наступательной операции обеспечивали радиоразведывательные части: на 1-м Прибалтийском фронте — 339-й отдельный радиодивизион ОСНАЗ, на 3-м Белорусском фронте — 474-й отдельный радиодивизион ОСНАЗ, на 2-м Белорусском фронте — 489-й отдельный радиодивизион ОСНАЗ, на 1-м Белорусском фронте — 394-й и

545-й отдельные разиодивизионы ОСНАЗ, а также 1-й отдельный радиополк ОСНАЗ Ставки ВГК. Наблюдая за радиосетями противника и засекая пеленгованием их радиостанции, советская радиоразведка имела возможность достаточно регулярно выявлять и контролировать расположение соответствующих немецких войсковых штабов.

1-й отдельный радиополк Ставки ВГК вел постоянное наблюдение за работой коротковолновой системы радиосвязи генерального штаба сухопутных войск вермахта с расположенными на советско-германском фронте штабами полевых и танковых армий и объединявших их групп армий. Фронтовые радиодивизионы во взаимодействии с 1-м радиополком осуществляли регулярную разведку радиосвязи «борт — земля» и «земля — борт» 6-го немецкого воздушного флота и входивших в его состав авиационных соединений и частей, а также вели наблюдение за радиосвязью немецких авиабаз и аэродромов.

После того как 25 июня войска 1-го Прибалтийского фронта соединились с 3-м Белорусским фронтом и замкнули кольцо окружения витебской группировки германских войск, радиоразведка советских фронтов своевременно установила расположение в кольце 4, 6, 197, 206 и 246-й пехотных дивизий противника, радиостанции штабов которых открытым текстом передавали панические запросы о срочной помощи и больших потерях в личном составе и технике. Получение таких данных во многом способствовало полному разгрому и пленению этой группировки немецких войск[155].

К концу Белорусской стратегической наступательной операции, которая завершилась 29 августа 1944 г., советские войска вышли на ближайшие подступы к Балтийскому морю, Восточной Пруссии и Варшаве, где радиоразведка стала выполнять задачи по вскрытию новой группировки занявших оборону немецких войск.

При организации разведки в оперативном тылу немецких войск Разведуправление ГШ учитывало размещение на территории Белоруссии и в Прибалтике партизанских и разведывательно-диверсионных отрядов военной разведки. В этот период времени здесь действовало около 150 партизанских отрядов общей численностью до 220 тыс. человек. Они активно участвовали в боевых действиях. Так, в тыловых районах только одного немецкого корпуса, дислоцированного в Белоруссии, за первые две ночи августа 1944 г. разведчики и партизаны провели 663 огневых боя и 998 нападений на гарнизоны противника. Было совершено 194 взрыва на шоссейных дорогах, подорвано 125 автомашин, в 105 местах повреждены линии связи[156].

В целом в ходе операции «Багратион» советская военная разведка выполнила поставленные перед ней Ставкой ВГК ответственные задачи. В 1944 г. 30 военных разведчиков были удостоены звания Героя Советского Союза: гвардии майор Г. И. Братчиков, майоры К. С. Гнидаш и Ф. И. Кравченко, старший лейтенант С. Ф. Пшенный, гвардии лейтенант А. П. Пащенко, гвардии сержант В. Д. Коротков, старший сержант А. А. Матросов, рядовой М. И. Еремин и другие[157]. Орденами и медалями были награждены 92 611 разведчиков; знаком «Отличный разведчик», утвержденным указом Президиума Верховного Совета СССР от 10 марта 1943 г., — 23 013 военных разведчиков[158].

С переносом военных действий в 1944 г. за пределы Советского Союза зарубежные резидентуры ГРУ, силы Разведуправления ГШ и войсковые разведчики приступили к решению новых задач. Они должны были вскрыть планы германского командования, продолжать наносить удары по его силам и коммуникациям в глубоком тылу, добывать сведения о замыслах германского руководства по дальнейшему ведению войны. Разведчикам предстояло решить и другие новые задачи военного и военно-политического характера.

О масштабах работы, проделанной в предпоследний год войны, позволяет судить донесение Разведуправления ГШ, направленное в начале 1945 г. на имя нового начальника Генерального штаба генерала армии А. И. Антонова под заголовком «Боевая деятельность войсковиков-разведчиков Красной армии на фронтах Великой Отечественной войны за 1944 год». В этом донесении сообщалось о том, что войсковые разведчики в июне — августе 1944 г. захватили в плен 65 657 немецких солдат и офицеров, добыли 29 566 документов. Всего же силами военной разведки в 1944 г. на всех фронтах были захвачены в плен 203 622 солдата

и офицера противника, добыто 92 626 документов (в 1943 г. военные разведчики захватили в плен 43 613 немецких солдат и офицеров). В 1944 г. войсковые разведчики провели 180 464 операции (в 1943 г. — 119 631), уничтожили 371 503 офицера и солдата противника. Наибольший урон противнику нанесли разведчики Карельского, Ленинградского, 1, 2 и 3-го Прибалтийских, 1, 2 и 3-го Белорусских, 1, 2, 3 и 4-го Украинских фронтов.

Велики были и потери советской военной разведки. В ходе выполнения заданий за линией фронта в 1944 г. погибли 24 915 военных разведчиков, получили ранения различной тяжести 64 187 сотрудников разведывательных отделов и отделений фронтов, корпусов, дивизий и воинских частей. Всего за 1944 г. фронтовая разведка потеряла 89 102 разведчика убитыми и ранеными[159].

С выходом советских войск к государственной границе СССР военная разведка перенесла свои действия на территорию стран Восточной Европы. В 1944 г. силы оперативной агентурной и войсковой разведок стали проводить свои операции на территории Польши, Чехии и Словакии, Австрии, Венгрии и других стран. Разведчики добывали сведения о дислокации крупных соединений войск противника, вскрывали планы германского командования, а также проводили диверсионные мероприятия.

Весной 1944 г. организацией разведывательно-диверсионной деятельности в тылу противника занимались И. Н. Банов, М. С. Глушков, В. К. Цветинский, Н. А. Матеюк, В. П. Пелих и другие военные разведчики. На оккупированной территории Польши действовали семь соединений и 26 отдельных отрядов советских партизан, в Чехии и Словакии — более 40 отрядов[160]. Оперативный центр, которым командовал И. Н. Банов, вел разведку и диверсионную работу на важных железнодорожных магистралях Варшава — Брест, Варшава — Люблин — Хелм, Луков — Любартов — Люблин и Влодава — Хелм. В ходе выполнения поставленных задач советские разведчики взаимодействовали с польскими патриотами, имевшими псевдонимы Вацлав, Анжей, Словец, Оляж, Чеслав, Пальма, и другими.

В период с 30 июля 1944 по 8 марта 1945 г. на территории Польши, Чехии и Словакии успешно вел разведку отряд Разведуправления ГШ, который возглавлял В. П. Яромов. С помощью польских и чешских патриотов было добыто большое количество ценных разведывательных сведений. В 1944 г. на территории этих государств действовали также оперативные агентурные группы разведывательного отдела штаба 1-го Белорусского фронта «Ворон», «Бернард», «Накат» и ряд других. Они установили связь с местными патриотами, координировали их деятельность и оказывали им посильную помощь.

В начале 1944 г. разведывательно-диверсионный отряд Разведуправления ГШ, которым командовал майор Н. П. Федоров, переправился через Западный Буг и вышел в район Люблина, где, установив связь с польскими партизанами, начал проводить диверсии на железных и шоссейных дорогах. 17 апреля 1944 г. Н. П. Федоров погиб в бою. 21 ноября того же года ему посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

По указанию Центра группа капитана Н. А. Матеюка форсировала реку Западный Буг и вышла в район Люблина. Разведчики взаимодействовали с польскими партизанами. Во второй половине мая 1944 г. во время боев с карателями Матеюк был дважды тяжело ранен. Разведчики, уходя от преследования, много дней на руках несли своего командира, прежде чем на самолете его удалось доставить в Москву.

С апреля 1944 г. на оккупированной немцами территории Польши под командованием подполковника В. П. Пелиха действовал разведотряд, в составе которого было 30 человек. Отряд состоял из группы управления и пяти диверсионных групп, которыми командовали П. М. Логинов, П. С. Тихонов, А. Ф. Филюк, П. Д. Сапатов и Н. П. Широков.

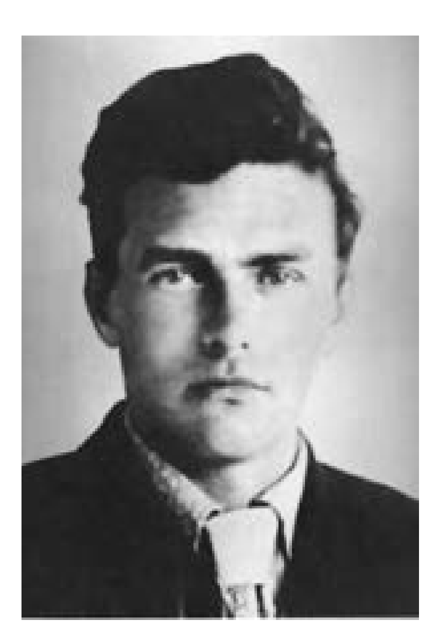
В ходе освобождения советскими войсками Польши была проведена операция «Голос» с участием сотрудников разведотдела штаба 1-го Украинского фронта. Е. С. Березняка, А. Т. Шаповалова и радистки А. Ф. Жуковой. Они действовали в Кракове, добыли важные сведения о немецком гарнизоне, укреплениях и планах немецкого командования. Оценивая общие разведывательные результаты деятельности группы «Голос», начальник ГРУ генерал-полковник П. И. Ивашутин 16 апреля 1965 г. докладывал министру обороны СССР Маршалу

Е. С. Березняк

В. П. Пелих

Н. А. Матеюк

Советского Союза Р. Я. Малиновскому: «Разведывательной группой «Голос» были вскрыты краковская группировка противника, состоявшая из семи пехотных, одной танковой и одной гренадерской дивизий, расположение штаба армейского корпуса, а также дислокация частей авиационного корпуса и других частей противника, дислоцировавшихся и действовавших в районе действия группы. От разведгруппы было получено большое количество радиограмм с разведданными о войсках и военных объектах противника»[161].

Добывать сведения о немецком гарнизоне в Кракове группе «Голос» помогали польские патриоты-антифашисты Владислав Бохенек, Михаил Врубель, Юзеф Заенц и его жена Валерия, Станислав Очкос и Юзеф Прысак. Много позднее, 7 мая 1968 г., они за активную помощь советскому командованию в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками были награждены орденами и медалями СССР. В сообщении ТАСС по поводу награждения польских патриотов, в частности, отмечалось: «В исключительно трудных условиях оккупационного режима разведгруппа Е. С. Березняка установила связь с местными партизанами и польскими подпольщиками и с их помощью добывала ценную информацию о противнике, о дислокации воинских частей оккупантов и об их составе. Эти сведения имели важное значение при подготовке операций войск 1-го Украинского фронта по освобождению Кракова. Советские разведчики совместно с польскими патриотами супругами Заенц Юзефом и Валерией, Владиславом Бохенеком, Юзефом Прысаком и другими товарищами сумели предотвратить подготовленное фашистами уничтожение бывшей польской столицы города Кракова, сохранить его исторические и культурные памятники»[162].

Особая страница в историю военной разведки 1-го Белорусского фронта вписана в ходе Варшавского восстания. 1 августа 1944 г. сторонники польского правительства в эмиграции подняли в Варшаве вооруженное восстание, которое началось без согласования с советским командованием и было плохо подготовлено. 9 августа 1944 г. И. В. Сталин принял в Москве польского премьер-министра С. Миколайчика, обратившегося к советскому вождю с просьбой оказать помощь восставшим, которые вели тяжелые бои с войсками вермахта, брошенными на подавление восстания. Помимо предоставления полякам стрелкового ору-

жия, противотанковых средств, а также медикаментов и продуктов питания, Сталин, выполняя обещание, данное Миколайчику, приказал командующему 1-м Белорусским фронтом маршалу К. К. Рокоссовскому направить в Варшаву офицера-разведчика с радистом. Они должны были установить связь с повстанцами, оценить обстановку в Варшаве, сообщать точные координаты мест в городе для выброски грузов с самолетов.

В Варшаву был направлен разведчик лейтенант И. А. Колос, который действовал среди восставших поляков с 21 сентября по 2 октября 1944 г. Благодаря усилиям офицера-разведчика советское командование перебросило восставшим полякам значительное количество военных грузов, медикаментов и продовольствия. Его отчет, подготовленный по возвращении из Варшавы, был направлен Верховному главнокомандующему[163]. В 1964 г. правительство Польской Народной Республики наградило лейтенанта И. А. Колоса орденом «Крест Храбрых». В декабре 1994 г. полковнику в отставке И. А. Колосу было присвоено звание Героя России.

На завершающем этапе войны командование Разведуправления ГШ, помогая местным патриотам бороться против немецких оккупантов, направило на территорию Чехии и Словакии около 20 разведывательных отрядов[164]. По указанию командующего 1-м Украинским фронтом Маршала Советского Союза И. С. Конева начальник разведывательного отдела штаба фронта генерал-майор И. Г. Ленчик в начале сентября 1944 г. направил в штаб Словацкого восстания офицера-разведчика для осуществления связи повстанцев с командованием фронта. Эта миссия была возложена на майора И. И. Скрипку, который, прибыв в расположение восставших, установил контакты с их руководителем генералом Я. Голианом. За время действий в тылу противника разведчик направил в Центр около 300 донесений, своевременно вскрывавших переброски германских войск, их боевой состав, укомплектованность, оснащение оружием и боевой техникой.

В горных районах Словакии и Чехии в начале 1945 г. боевые действия против оккупантов продолжали вести многие партизанские отряды. Вместе с ними сражались и представители Разведуправления ГШ. В Чехии вместе с восставшими местными жителями сражался майор А. В. Фомин, высадившийся с разведывательной группой в районе г. Чеслав в Восточной Чехии 26 октября 1944 г. Под руководством майора Фомина в Чехии было организовано одно из самых значительных партизанских подразделений — бригада имени Яна Гуса, насчитывавшая 444 бойца и с которой сотрудничали еще 1200 человек. В течение 199 дней бригада майора Фомина совершила 66 боевых операций, организовала 103 местных и три городских национальных комитета сопротивления, издала и распространила четыре листовки и две инструкции с описанием методов вооруженной борьбы в условиях оккупации. К концу ноября 1944 г. А. В. Фомин создал 37 нелегальных революционных комитетов в окрестностях городов Чеслав и Хрудим и 13 народных комитетов в районе г. Ждяр. В январе 1945 г. Фомину и его заместителю чеху Мирославу Пиху удалось создать областной нелегальный народный комитет, который стал действовать в окрестностях городов Пржибыслав и Немецкы-Брод (ныне — Гавличкув-Брод). При комитетах были созданы «гражданские партизанские группы» — самостоятельные боевые партизанские ячейки, управлявшиеся штабом бригады Фомина и контролировавшиеся народными комитетами.

Гестаповцы начали активную борьбу против чешских партизан. В городах проводились частые облавы, в деревнях устраивались тайные засады, каратели старались держать под контролем горные тропы. Преследуемые карателями Фомин, Пих и их группы уходили из района в район, нанося неожиданные удары и совершая диверсионные акты на железной и шоссейных дорогах. В неравном бою с карателями майор А. В. Фомин и его товарищи погибли. В 1968 г. президентом Чехословакии офицер-разведчик был посмертно награжден орденом Красной Звезды.

25 августа 1944 г. в тыл противника в район г. Банска-Бистрица была переброшена агентурная группа 1-го Украинского фронта «Тарас». В короткий срок командир группы завербовал несколько военнослужащих словацкой армии, а из местного населения создал партизанский отряд, подразделения которого базировались в трех районах, расположенных

И. А. Колос

И. И. Скрипка

Н. В. Корнеев

Н. К. Патрахальцев

на удалении до 150 км друг от друга. За счет этого удалось организовать и вести разведку в значительном по площади районе.

В 1944 г. органы военной разведки активизировали переброску своих миссий или других представительств при национальных органах руководства партизанской борьбой. Так, с января 1944 г. начальником военной миссии в Югославии при штабе И. Б. Тито был назначен профессиональный военный разведчик генерал-лейтенант Н. В. Корнеев, его заместителем — генерал-майор А. П. Горшков. Старшим помощником начальника миссии стал полковник Н. К. Патрахальцев, секретарем — майор Г. С. Харитонов, оба офицера были штатными сотрудниками ГРУ[165].

В качестве помощника начальника советской военной миссии при Национальном комитете освобождения Югославии действовал майор П. М. Коваленко. Он не только помогал организовать разведку югославским товарищам, добывал разведывательные сведения о противнике, но и принимал участие в боевых действиях в составе 2-го Пролетарского корпуса Народно-освободительной армии Югославии. 24 августа 1944 г. П. М. Коваленко было присвоено звание Героя Советского Союза.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны представители ГРУ КА активно действовали в Болгарии. В 1944 г. в группу советских офицеров при главном командовании Болгарской народной армии входил полковник С. Д. Зотов, затем он был официальным представителем СССР в Союзной контрольной миссии в Болгарии. Офицеры ГРУ направлялись в штабы партизанских отрядов Албании, Болгарии и Италии, где также успешно выполняли поставленные перед ними задачи.

Советские военные разведчики действовали и на территории Греции. Группа офицеров-разведчиков и два радиста прибыли в страну в июне 1944 г. Среди них были Г. М. Попов и В. А. Троян. Они установили связь с главным штабом греческого движения Сопротивления (ЭЛАС) и наряду с решением других вопросов добывали сведения о группировке немецких войск на этой части Балканского полуострова, а также оказывали помощь в организации разведки. Использование военной разведкой возможностей сил Сопротивления позволяло активизировать их деятельность, добывать ценные разведывательные сведения о противнике.

По мере приближения конца войны резко возросла активность разведывательных служб воюющих государств. В этих условиях советской разведке пришлось сталкиваться с фактами прямой дезинформации со стороны союзников, которые не желали быстрого продвижения Красной армии по территории Восточной и Центральной Европы.

20 февраля 1945 г. руководитель американской военной миссии в Москве бригадный генерал Дж. Дин попросил начальника советского Генерального штаба генерала армии А. И. Антонова принять его по важному делу. На встрече американский генерал сообщил, что прибыл по указанию начальника штаба армии США генерала Д. Маршалла. Цель визита — передать советскому Генштабу важные сведения о планах действий немцев на восточном фронте.

Из данных американской разведки следовало, что немцы планируют создать две группировки для контрнаступления: одну — в Померании для удара на Торн, вторую — в районе Вена — Моравска-Острава для наступления в направлении на Лодзь. При этом южная группировка должна была включать 6-ю танковую армию СС. Разведсведения, переданные американским генералом, заинтересовали А. И. Антонова, и он сообщил об этом командующему 1-м Белорусским фронтом Г. К. Жукову, войска которого в феврале 1945 г. уже находились в 60 км от Берлина.

21 февраля А. И. Антонов получил информацию по этому же вопросу от начальника ГРУ генерал-лейтенанта И. И. Ильичева. Данные, изложенные в специальном сообщении ГРУ, противоречили сведениям, которые днем раньше передал в советский Генштаб американский генерал Дин. И. И. Ильичев, приведя убедительные доказательства, докладывал, что «вся 6-я танковая армия СС направляется в Венгрию»[166]. Сведения ГРУ о переброске 6-й танковой армии СС были также направлены начальнику Разведуправления ГШ генерал-полковнику Ф. Ф. Кузнецову для уточнения, проверки и своевременной организации оперативной раз-

ведки в районах возможного появления новых танковых дивизий на советско-германском фронте.

Анализ обстановки говорил о том, что на южном участке советско-германского фронта складывалась опасная ситуация. Начальник Генерального штаба сообщил командующему 3-м Украинским фронтом маршалу Ф. И. Толбухину о готовящемся немецким командованием наступлении в Венгрии. Маршал, получив сведения о приближении к его фронту 6-й танковой армии СС, поставил перед начальником разведывательного отдела генерал-майором А. С. Роговым задачу выяснить направление наступления противника. Через некоторое время разведкой было установлено, что наиболее вероятное направление — севернее Секешфехервара на Будапешт и между озерами Веленце и Балатон на Дунапентеле.

Начав наступление в ночь на 6 марта, противник, как и предполагали в штабе фронта, главный удар нанес между озерами Веленце и Балатон. В результате десятидневных ожесточенных боев ему ценой больших потерь удалось вклиниться в оборону советских войск южнее озера Веленце до 12 км, а западнее канала Шарвиз — до 30 км. Тем не менее враг быстро выдохся и 15 марта вынужден был прекратить наступление. А уже на следующий день силами войск 3-го и левого крыла 2-го Украинских фронтов началась Венская стратегическая наступательная операция с целью завершения разгрома немецко-фашистских войск в западной части Венгрии и освобождения столицы Австрии Вены.

Таким образом, благодаря своевременно добытым военной разведкой сведениям план германского командования по нанесению внезапного удара на южном фланге фронта был сорван. Также были успешно нейтрализованы дезинформационные усилия союзников, преследовавших свои цели в войне против Германии.

30 марта 1945 г. начальник Генерального штаба Красной армии А. И. Антонов сообщил генерал-майору Дж. Дину о том, что «боевые действия на восточном фронте в течение марта месяца не подтвердили данную информацию, ибо бои эти показали, что основная группировка немецких войск, включавшая 6-ю танковую армию СС, была сосредоточена не в Померании и не в районе Моравска-Острава, а в районе озера Балатон, откуда немцы вели наступление с целью выйти к Дунаю и форсировать его южнее Будапешта». Далее А. И. Антонов вполне обоснованно утверждал, что «информация, которой пользовался генерал Маршалл, не соответствовала действительному ходу событий на восточном фронте в марте месяце. Не исключена возможность, что некоторые источники этой информации имели своей целью дезориентировать как англо-американское, так и советское командование и отвлечь внимание советского командования от того района, где готовилась немцами основная наступательная операция на восточном фронте... Это сообщение я считал своим долгом довести до сведения генерала Маршалла исключительно для того, чтобы он мог сделать соответствующие выводы в отношении источника этой информации»[169].

В 1942–1944 гг. офицеры Главного разведывательного управления Красной армии организовали взаимодействие с военными разведками стран антигитлеровской коалиции, которое в основном осуществлялось в сфере обмена разведывательными сведениями о противнике. Организацией контактов в этой области занимались советские военные атташе и руководители военных миссий.

Руководитель советской военной миссии в Лондоне контр-адмирал Н. М. Харламов взаимодействовал с рядом начальников департаментов английского военного ведомства, руководством министерства экономической войны, сотрудниками других английских учреждений, которые располагали сведениями о нацистской Германии. Сведения, поступавшие от Н. М. Харламова в Разведуправление ГШ, представляли интерес для советского командования, однако иногда они запаздывали и имели фактические неточности. В 1944 г. вице-адмирал Н. М. Харламов был отозван в Москву в связи с назначением на новую должность. Советскую военную миссию в Лондоне возглавил генерал-лейтенант А. Ф. Васильев.

В Москве в годы войны британской военной миссией руководили генерал-лейтенант Г.-Л.-К. Мартель и бригадный генерал М. Барроуз. Они получали сведения разведывательного характера о Германии от начальника Управления спецзаданий Генерального штаба Красной

армии генерал-майора Н. В. Славина, который руководил деятельностью советских военных миссий в союзных государствах.

11 мая 1944 г. генерал-майор Н. В. Славин сообщал начальнику ГРУ генерал-лейтенанту И. И. Ильичеву о том, что глава английской военной миссии генерал-лейтенант М. Барроуз обратился к нему с письмом, в котором сообщал: «Начальник главного управления военной разведки военного министерства Великобритании 25 апреля принял господина контр-адмирала Харламова и господина генерал-майора Васильева и ознакомил их с мнением британского генерального штаба по следующим вопросам:

1. Категории немецких дивизий на Западе и их боеспособность. Меры, принятые Германией по снабжению Венгрии и Румынии, и ее дальнейшие намерения.

2. Мнение Великобритании о способностях Румынии и Венгрии оказывать сопротивление.

3. Формирование новых германских дивизий и дивизий ее сателлитов, а также будущие возможности.

4. Укрепления, сооруженные Германией на восточном фронте, в частности на границах с Венгрией и Румынией».

Далее Барроуз от имени начальника главного управления военной разведки Великобритании просил Генеральный штаб Красной армии, в свою очередь, поделиться имеющимися в его распоряжении сведениями по тем же вопросам, «сравнение которых с мнением британского генерального штаба может оказаться поучительным и обмен которыми приведет к обоюдному усовершенствованию познания противника». Барроуз также просил ознакомить его с мнением Генерального штаба «по германским, венгерским и румынским вопросам»[169].

Направляя это письмо Барроуза начальнику ГРУ, генерал-майор Н. В. Славин просил выделить офицера для проведения беседы с генералом Барроузом. Такая беседа состоялась, и глава английской военной миссии получил подробные ответы на все поставленные им вопросы.

Обмен разведывательными сведениями о Германии между военными ведомствами СССР и Великобритании осуществлялся с учетом многих ограничений. Представители генеральных штабов двух государств передавали друг другу информацию, как правило, только в тех случаях, когда поступали личные устные или письменные запросы руководителей военных миссий. Инициативных предложений о передаче сведений о противнике было мало. Второе направление взаимодействия, то есть оказание помощи при проведении специальных операций, советскими и английскими спецслужбами практически не использовалось.

Оценивая сотрудничество советских и английских разведывательных служб в годы Великой Отечественной войны, можно сказать, что в целом оно было полезным и взаимовыгодным, но, естественно, ограничивалось строгими требованиями секретных инструкций специальных служб обеих стран.

Сотрудничество между Генеральным штабом Красной армии и министерством обороны США в области обмена разведывательными сведениями о фашистской Германии складывалось менее плодотворно. В начале 1942 г. военный атташе при посольстве СССР в США полковник И. М. Сараев попытался обсудить вопрос о возможном обмене разведывательными сведениями о Германии с представителями Пентагона. Американцы с интересом восприняли это предложение, однако сразу же потребовали, чтобы в Москве американскому военному атташе было предоставлено право дважды в неделю посещать советский Генеральный штаб, где он мог бы работать с секретными документами, в которых отражались советские оценки положения на советско-германском фронте, изучать другие документы, связанные с вооруженными силами Германии. В Генеральном штабе требование американцев было отвергнуто как неадекватное. Советская сторона готова была передавать американцам сведения о германской армии, но была против предоставления им оперативных документов Генерального штаба.

Вопрос обмена сведениями о противнике между штабами вооруженных сил СССР и США вновь встал в конце 1943 г., когда американцы готовились к проведению операции

«Оверлорд». Американское командование было заинтересовано в получении дополнительных разведывательных сведений о Германии и ее вооруженных силах. Они имели полный доступ к сведениям, которые добывали английские разведчики, но были уверены в том, что советские разведслужбы располагают более точными данными.

Координацию усилий военных ведомств СССР и США в войне против Германии и Японии в 1943–1945 гг. в Москве осуществлял руководитель американской миссии бригадный генерал Дж. Р. Дин. После окончания войны он написал книгу воспоминаний о своей деятельности в СССР, которую назвал «Странный союз»[170]. В этой работе Дин неодобрительно характеризовал взаимодействие США и СССР в военной сфере, обвинив советских представителей в сдерживании его полезных инициатив и предложений — полезных, разумеется, для США.

Сотрудничество советской военной разведки с военными разведками европейских государств, оккупированных в годы Второй мировой войны германскими войсками, началось в сентябре 1941 г. На первом этапе были установлены контакты между военными разведками СССР и Польши. Этому важному решению предшествовали официальные переговоры и договоренности, которые были достигнуты между советским руководством и польским правительством в эмиграции, действовавшим в Лондоне.

14 августа 1941 г. был подписан двухсторонний советско-польский военный договор. На территории СССР началось формирование польской армии для последующего ее участия в войне против гитлеровской Германии на советско-германском фронте. Уполномоченным Генерального штаба Красной армии по формированию польской армии на территории СССР был назначен генерал-майор А. П. Панфилов, исполнявший обязанности начальника Разведывательного управления ГШ Красной армии[171].

После подписания советско-польского военного договора возникли предпосылки для переговоров о сотрудничестве представителей Разведуправления ГШ Красной армии с разведкой польского штаба верховного главнокомандующего и главного командования Союза вооруженной борьбы (СВБ). 14 августа 1941 г. в Москве генерал-майор А. М. Василевский и польский генерал З. Шишко-Богуш подписали конвенцию о создании военных миссий при верховных командованиях СССР и польского правительства в эмиграции. Руководители этих военных миссий, дислоцированных в Москве и Лондоне, должны были заниматься решением военных вопросов, которые представляли интерес для советской и польской армий.

Для советского Генерального штаба кроме формирования польской армии важно было организовать взаимодействие советской и польской военных разведок. Эту идею высказал генерал-майор А. П. Панфилов. Взаимодействие советской и польской разведок в случае успешного решения организационных вопросов могло способствовать увеличению поступления в Москву количества разведывательных сведений о фашистской Германии и ее вооруженных силах. В соответствии с решением начальника Генерального штаба Маршала Советского Союза Б. М. Шапошникова с советской стороны ответственным за взаимодействие с польской военной разведкой был назначен генерал-майор А. П. Панфилов. С польской стороны за решение этих вопросов отвечал полковник Л. Миткевич, начальник 2-го (разведывательного) отдела верховного главнокомандующего Польши.

В первых же дискуссиях о сотрудничестве военных разведок СССР и Польши возникли сложности организационного характера, касавшиеся принципов возможного взаимодействия и методов его реального осуществления[172]. Появление этих острых вопросов объяснялось тем, что до нападения Германии на СССР польская военная разведка занималась сбором разведывательных сведений о Советском Союзе и Красной армии. Советская военная разведка, в свою очередь, тоже активно занималась сбором сведений о Польше и ее вооруженных силах. После нападения Германии на СССР военно-политическая ситуация изменилась, необходимо было резко перестроиться во имя взаимовыгодного обмена сведениями о Германии.

Сотрудник аппарата советского военного атташе в Лондоне А. Ф. Сизов по указанию начальника военной разведки посетил начальника 2-го отдела польского генерального штаба в британской столице полковника Л. Миткевича. Речь шла о налаживании советско-поль-

ского взаимодействия в области разведки. Военный атташе СССР в Лондоне генерал-майор И. А. Скляров докладывал начальнику Разведуправления ГШ: «Сизов посетил 11 сентября Миткевича, который сообщил следующее: «1. Поляки имеют агентурную сеть в Польше и почти во всех странах Европы (кроме Болгарии). Более надежная сеть — в западной части Польши, немного слабее — в восточных районах. Центр в Лондоне связан с агентурой сетью преимущественно по радио надежно и хорошо, за исключением агентуры, действующей в Турции. Связь с Венгрией работает с некоторыми перебоями. 2. Наши задания согласился брать охотно, но за сроки их выполнения гарантий не дает. 3. Агентурная сеть поляков может выполнять и диверсии мелких масштабов (крушение поездов, взрывы мостов, железнодорожных узлов и другие). Планируют организовывать и крупные диверсии с привлечением большого количества местного населения. 4. Хорошо организован у них контроль за передвижением по польской территории немецких войск по линии Кёнигсберг — Варшава — Краков — Будапешт»[173].

С нашей стороны предлагалось вести обмен разведывательными сведениями о Германии и ее вооруженных силах напрямую, без посредников. Советские представители также высказали предложение, чтобы была установлена прямая радиосвязь между Разведуправлением ГШ и главным командованием польской армии в Польше. Однако польское правительство в эмиграции выступило против этих предложений и настаивало на том, чтобы в Москве был установлен польский радиоузел, который бы и поддерживал связь с польским военным руководством, дислоцированным в Лондоне, а представители этого руководства в Москве передавали разведсведения о Германии непосредственно в Разведуправление Красной армии или Генеральный штаб[174].

Генерал-майор И. А. Скляров 21 сентября 1941 г. в Лондоне встретился с полковником Л. Миткевичем. Для связи с представителями советской разведки Л. Миткевич предложил кандидатуру майора Л. Бортновского, который уже был членом польской военной миссии в Москве[175]. От него последовали и другие предложения по организации сотрудничества военных разведок СССР и Польши. В частности, он попросил от имени польского штаба «помощи в переброске личного состава для разведывательных постов с территории СССР», а также содействия в доставке технических средств[176].

Запись беседы генерал-майора И. А. Склярова с польским разведчиком полковником Л. Миткевичем была использована начальником советской военной разведки 26 сентября 1941 г. для подготовки спецсообщения Верховному главнокомандующему И. В. Сталину и начальнику Генерального штаба Б. М. Шапошникову[177]. Верховный главнокомандующий в целом одобрил предложения по установлению сотрудничества РУ ГШ КА с польской военной разведкой.

Иначе обстояло дело в польском руководстве в эмиграции. Внутри лондонского штаба польских вооруженных сил прошли острые дебаты о принципах советско-польского сотрудничества в области обмена разведывательными сведениями. Начальник 4-го отдела польского штаба генерал К. Соснковский, который занимался вопросами передачи разведывательных сведений о Германии английской разведке, выдвинул требование, чтобы вся разведка против немцев в германском тылу восточного фронта (на территории оккупированной немцами Польши) организовывалась и проводилась только поляками. Кроме того, генерал С. Ровецкий и полковник Ю. Смоленский отвергли советские предложения о том, чтобы польские разведывательные группы взаимодействовали с советскими разведывательными подразделениями.

Начались поиски взаимоприемлемых решений. Во второй половине сентября 1941 г. была завершена разработка основных направлений сотрудничества: обмен разведывательными сведениями о противнике, координация усилий в проведении отдельных диверсионных операций на территории Польши, оказание советской разведкой помощи полякам в заброске их разведчиков на территорию Польши и другие. Одновременно советское руководство отвергло предложения польской стороны о наращивании сил польской военной разведки на советских территориях, временно оккупированных немецкими войсками[178].

А. Ф. Сизов

И. А. Скляров

В Разведывательном управлении Красной армии, потерявшем с первых дней войны свои агентурные возможности в Польше, не было сведений об истинных намерениях польского эмиграционного правительства. Эти намерения стали известны уже после окончания Второй мировой войны. Они были изложены в секретном послании премьер-министра и военного министра польского правительства в эмиграции генерала В. Сикорского от 10 октября 1941 г. силам Сопротивления, действовавшим на территории Польши. Касаясь сотрудничества с советской военной разведкой, Сикорский требовал, чтобы организованная сеть разведки охватывала все тылы немецких войск от Балтики до Черного моря, особенно пути сообщения, этапные центры, работа проводилась не только под углом зрения потребностей настоящей войны, а прежде всего восстания и деятельности польской разведки на востоке после войны, поэтому польским разведчикам следовало избегать связей с сетью советской разведки. Особое внимание обращалось на защиту польской агентурной сети от проникновения в нее советских агентов и разведчиков НКВД.

По согласованию с английским правительством сотрудник аппарата советского военного атташе в английской столице А. Ф. Сизов был назначен советским военным атташе при союзных правительствах в Лондоне. Это назначение расширило возможности А. Ф. Сизова по организации взаимодействия с представителями не только польской военной разведки, но и руководителями разведывательных служб других государств, правительства которых располагались в Лондоне в связи с тем, что территории этих государств были оккупированы немецкими войсками.

Среди тех, с кем А. Ф. Сизову в 1942–1943 гг. удалось установить хорошие отношения, были помощник военного атташе Чехословакии подполковник Л. Свобода, сотрудник польской военной разведки подполковник С. Гано, начальник чехословацкой военной разведки полковник Ф. Моравец, а также начальники разведывательных служб Бельгии, Голландии, Норвегии, Франции и Югославии, которые находились в Лондоне[179]. Он неоднократно получал от них сведения о фашистской Германии. В 1943 г. от чехословацких разведчиков, которые имели в Европе разветвленную агентурную сеть, Сизов получил значительное

количество материалов о положении в рейхе и производительности основных германских военных заводов, выпускавших танки, самолеты и артиллерийские орудия[180].

Продуктивно развивалось сотрудничество А. Ф. Сизова и с представителями бельгийской военной разведки. Бельгийцы благодаря своим разведчикам и агентам имели достоверные данные о дислокации всех немецких дивизий в Бельгии, а также сведения о перебросках этих дивизий на советский фронт. В 1943 г. они передали Сизову значительное количество ценных материалов, которые были признаны в ГРУ важными и своевременными[181]. Информация представляла особый интерес в период подготовки советского командования к Курской битве.

А. Ф. Сизов также активно сотрудничал с представителем военной разведки Норвегии, передававшим важные материалы о Германии и ее вооруженных силах. Особый интерес представляли сведения о немецких дивизиях, находившихся в Норвегии, и системе обороны, которую немцы создали вдоль норвежского побережья[182].

В целом в 1943 г. советский военный разведчик получил от представителей разведывательных служб Чехословакии, Норвегии, Югославии, Бельгии, Франции, Голландии, Польши и США 64 папки важных материалов по военным вопросам, которые были высоко оценены в Москве. За это же время А. Ф. Сизов получил от своих источников 18 номеров специальных разведбюллетеней английской военной разведки[183]. Представителям разведок Польши, Бельгии, Голландии и других стран были переданы обобщенные материалы о том, как организовывать партизанские отряды и руководить их действиями в условиях германской оккупации. Такие сведения особенно были важны силам Сопротивления, которые активно начали действовать во Франции и в Норвегии.

В первой половине 1944 г., в период разработки Генеральным штабом Красной армии плана операции «Багратион», взаимодействие А. Ф. Сизова с представителями военных разведок стран антигитлеровской коалиции достигло наибольшей эффективности. С 1 января по 17 декабря 1944 г. Сизов направил в Центр 425 срочных разведывательных донесений, что составило 625 листов расшифрованных радиограмм. В период подготовки и проведения операции «Багратион» он ежедневно отправлял в Центр 5–6 донесений о противнике. Как правило, его донесения начинались словами: «Гано сообщил...», «Французская разведка сообщила...», «Бельгийская разведка сообщила...», «Барон сообщил...», «По данным норвежской разведки...»[184].

А. Ф. Сизов еженедельно получал из Москвы конкретные задания. Часто Центр направлял разведчику и срочные задания, на выполнение которых отводились один-два дня. Естественно, сам полковник Сизов не мог вылететь в Венгрию, Польшу или Румынию для сбора сведений, которые интересовали начальника ГРУ. Но в этом и была главная заслуга А. Ф. Сизова: находясь в Лондоне, он получал сведения о противнике, которые добывали разведчики, действовавшие на территориях Бельгии, Франции, Чехословакии, Норвегии, Голландии и других стран.

Среди его источников наиболее активным и ценным являлся начальник военной разведки Чехословакии полковник Ф. Моравец, которому в Главном разведывательном управлении был присвоен псевдоним Барон. Он руководил деятельностью Управления чехословацкой военной разведки в Лондоне. Моравец имел ценных агентов в ряде стран Западной Европы и, самое главное, в верховном главнокомандовании вермахта (ОКВ). В 1943–1944 гг. он передал Сизову около 200 материалов по различным военным и военно-политическим вопросам.

В конце февраля 1944 г. Моравец сообщил Сизову содержание плана ОКВ на лето 1944 г., который был утвержден Гитлером. Его источник в немецком генеральном штабе передавал сведения о перебросках германских войск на советский фронт, о дислокации немецких соединений в Дании, Голландии, Франции и других странах Западной Европы. От этого источника также поступали обобщенные данные о производительности немецких авиастроительных и танковых заводов, количестве подводных лодок, которые создавались на германских судостроительных заводах, ежемесячном выпуске авиационных бомб, снаряженных химическими отравляющими веществами, производстве артиллерийских снарядов

и патронов для стрелкового оружия. Благодаря этому источнику в ГРУ поступали сведения даже о выпуске автомобильных покрышек на германских заводах резиновых изделий. Моравец имел возможность прослеживать даже передвижения Гитлера, его источники добывали материалы о результатах совещаний в ставке фюрера, присутствовали на испытаниях новых систем оружия нацистской Германии[185].

Значительную помощь Сизову в сборе сведений о дислокации германских войск в западных странах оказывали заместитель начальника бельгийской военной разведки майор Бернард (псевдоним Рено) и начальник бельгийской военной разведки Марриссал[186]. В состав разведгруппы полковника А. Ф. Сизова входили военные разведчики инженер-капитан П. Тюрин, лейтенант П. Никонов и лейтенант административной службы Ю. Жемчужников[187]. В конце марта 1944 г. полковник Сизов направил начальнику ГРУ письмо, в котором сообщал, что его подчиненные не успевают обрабатывать сведения, поступавшие к нему от представителей французской и бельгийской военных разведок. Центр безотлагательно направил в Лондон в распоряжение А. Ф. Сизова переводчика, свободно владевшего французским языком[188]. За 1944 г. подчиненные А. Ф. Сизова перевели с французского языка более 200 разведывательных материалов. Давая им оценку, начальник ГРУ сообщал подчиненному 5 февраля 1944 г.: «Значительная часть полученных от вас сведений по германской армии является ценной»[189].

По заданиям полковника Сизова сотрудники французской и бельгийской разведок, действовавшие в Лондоне, добывали сведения о частях и соединениях германской армии, которые дислоцировались на французской, бельгийской и румынской территориях, о перебросках войск, которые в первой половине 1944 г. производило германское командование в ожидании крупных сражений на восточном и западном фронтах, о выпуске новых образцов военной техники, производительности германских авиационных заводов, производстве артиллерийских орудий, боеприпасов, химических отравляющих веществ и даже синтетического бензина[190].

В 1944 г. А. Ф. Сизов продолжал направлять в Центр сведения, которые он получал от норвежской военной разведки. 3 мая 1944 г., например, он сообщил состав и дислокацию немецких войск в Норвегии по состоянию на 26 апреля 1944 г. Он также докладывал в Центр данные о состоянии береговой обороны Норвегии, количестве батарей морской и сухопутной артиллерии, составе и дислокации дивизионов береговой обороны, количестве и дислокации крепостных батальонов, предназначенных для охраны артиллерийских батарей[191].

Еще в январе 1942 г. Центр порекомендовал А. Ф. Сизову установить рабочие контакты с представителем военной разведки Югославии. Начальник военной разведки писал: «По этой стране работайте над решением следующих вопросов и установите:

— наличие германских и итальянских войск, пути и сроки их переброски на восточный фронт, количество перебрасываемых войск, количество прибывающих;

— места расположения немецких и итальянских баз снабжения, наличие материальных ресурсов, предназначенных для германской армии;

— замыслы германского командования на югославской территории;

— какими вооруженными силами располагает правительство Недича;

— районы партизанских действий»[192].

А. Ф. Сизов установил знакомство с майором югославского Генерального штаба Княжевичем, которому в Центре был присвоен оперативный псевдоним Кин. Этот офицер входил в ближайшее окружение И. Б. Тито и обладал ценными сведениями о германской армии, которые добывала югославская разведка.

В 1944 г. А. Ф. Сизов направил в Центр 425 донесений и значительное количество документальных материалов. Многие донесения были использованы для подготовки специальных сообщений И. В. Сталину, В. М. Молотову и начальнику Генерального штаба А. М. Василевскому. А. Ф. Сизов был единственным офицером ГРУ, который в 1944 г. за проявленную инициативу и добывание ценных сведений о противнике в течение трех месяцев был дважды награжден орденом Красного Знамени.

В целом взаимодействие ГРУ Красной армии с разведками европейских государств, оккупированных немецкими войсками, было продуктивным и взаимовыгодным, оно строилось на доверительной и бескорыстной основе.

Советская военная разведка, однако, не только сотрудничала со спецслужбами западных союзников, но в ряде случаев вынуждена была противодействовать им. На протяжении фактически всей войны от руководителей зарубежных резидентур военной разведки генерал-майора И. А. Склярова и полковника А. Ф. Сизова поступала информация о закулисных маневрах У. Черчилля и его окружения. Аналогичная информация шла и из Вашингтона. Сведения о контактах американской разведки и представителей германского командования начали поступать в Центр еще в 1943 г. На их основе в ГРУ было подготовлено несколько специальных сообщений, направленных руководству СССР. Среди них: «О контактах американцев и англичан с немцами», «О связях англо-американских кругов с немцами и о сроках открытия второго фронта» и другие[193].

Из Вашингтона 31 января 1944 г. резидент ГРУ информировал о том, что в столице США начала работу секретная конференция, в которой принимали участие офицеры специальных служб США и Великобритании. Разведчик Л. А. Сергеев сообщал, что участники конференции изучали не вооруженные силы Германии и ее сателлитов, а возможности Красной армии, организацию советских частей и соединений, уточняли сведения о состоянии резервов Красной армии и оценивали моральный дух советских солдат и офицеров. Американские и английские разведчики также сравнивали сведения, которыми они располагали, — о военном потенциале и запасах стратегического сырья в СССР[194].

Итоговые документы этой конференции были добыты советскими военными разведчиками. Из них следовало, что в американской разведке не сомневались в скором разгроме фашистской Германии. Обращает на себя внимание тот факт, что американские разведчики уже в 1944 г. рассматривали СССР в качестве нового противника.

Начальник ГРУ требовал от резидентов военной разведки продолжать сбор сведений о подготовке союзников к операции «Оверлорд». «Союзники кормят нас одними обещаниями, а конкретных действий нет», — писал генерал-лейтенант И. И. Ильичев в Лондон генерал-майору И. А. Склярову в январе 1944 г.[195] Выполняя задание начальника ГРУ, генерал-майор Скляров с 1 января по 31 июля 1944 г. направил в Центр 750 информационных донесений, представлявших значительный интерес для командования[196]. Он сообщал в Москву о переброске немецких войск с одного фронта на другой, формировании новых пехотных и танковых дивизий, производительности немецких авиационных заводов, состоянии немецких войск во Франции, боевом расписании Красной армии, составленном по данным немецкой разведки, а также о планах союзников в Средиземноморье и многом другом. Важным достижением И. А. Склярова и его разведчиков следует считать сведения о тактико-технических характеристиках немецких ракет ФАУ-2.

В Центр 21 апреля 1944 г. поступило донесение от генерал-майора Склярова о функционировавшей в британской столице организации, имевшей название Послевоенный подкомитет начальников штабов (HSCS). Британское правительство поручило этому подкомитету подготовить доклад о возможных направлениях внешней политики СССР после завершения войны. Главный вопрос, на который аналитики HSCS должны были дать ответ, заключался в следующем: «Как русская политика после войны может затронуть британские интересы и какие стратегические соображения необходимо иметь в связи с этим?»[197]

В недрах этого внешнеполитического ведомства в обстановке глубокой секретности был подготовлен объемный доклад о перспективах развития советской внешней политики в послевоенные годы и ее возможном влиянии на британские интересы. В первом варианте доклада в целом давалась объективная оценка направленности внешнеполитического курса советского правительства. В частности, отмечалось, что «Россия должна быть склонна в основном к миру, будет предпочитать дружеские взаимоотношения с Великобританией и Америкой. Однако она может изменить свою политику в том случае, если станет подозревать,

что политика Англии и Америки благоприятствует враждебным комбинациям против СССР, особенно если они каким-либо образом поддержат Германию».

После обсуждения в различных правительственных учреждениях (военном департаменте, управлении военной разведки и других) проект этого документа был переработан. Окончательный вариант доклада получил название «Столкновение советской политики с британскими стратегическими интересами» и содержал жесткие рекомендации британскому правительству. Тем не менее главный вывод, к которому пришли аналитики HSCS, заключался в следующем: «В течение по крайней мере пяти лет после войны основной заботой русских будет сохранение мира и восстановление с экономической помощью Англии и США разрушенного хозяйства»[198].

В 1944 г. резидентуры ГРУ продолжали отслеживать контакты англо-американцев с немцами. В июне 1944 г. начальник военной разведки направил И. В. Сталину и В. М. Молотову специальное сообщение «Поиски немцами путей заключения сепаратного мира с США»[199]. Резидентами ГРУ также было установлено, что не только представители фашистской Германии искали пути установления контактов с англо-американцами, было встречное движение и со стороны американской и британской разведок.

В 1945 г. контакты между англо-американцами и представителями фашистской Германии активизировались, что сразу оказалось в поле внимания разведчиков ГРУ. На основе их донесений начальник военной разведки 21 февраля 1945 г. доложил политическому руководству СССР специальное сообщение «О связях английской разведки с фашистскими элементами в Италии»[200].

17 марта 1945 г. генерал-лейтенант И. И. Ильичев направил И. В. Сталину специальное сообщение исключительной важности: «Наш заслуживающий доверия источник сообщил содержание... телеграммы Риббентропа немецкому посланнику в Ирландии. Риббентроп предложил устно через посредников или иным другим путем довести до сведения видных английских и американских деятелей, что Германия защищает Европу от большевизма, и если англичане и американцы этого не поймут, то она вынуждена будет выбирать между миром с СССР и миром с Англией и США»[201].

19 марта резидент ГРУ в Вашингтоне Л. А. Сергеев информировал Центр о встрече представителя американского министерства финансов с сотрудником МИД Германии Хессе, который заявил, что Германия готова начать с англо-американцами «массовый обмен военнопленными, создание демилитаризованных зон безопасности, чтобы исключить бомбежки гражданских объектов и населения»[202]. Продолжая выполнять задание Центра, полковник Л. А. Сергеев через несколько дней сообщил в Москву: «Сотрудник немецкого посольства в Стокгольме по указанию Риббентропа заявил шведскому представителю Карлсону, что Германия согласна на окончание войны при условии сохранения своих границ в рамках 1939 г. Кроме этого, Германия предлагает создание союза против СССР»[203].

Добиваясь получения достоверных сведений о происходящем на европейском театре войны, начальник ГРУ 24 марта 1945 г. направил резиденту Л. А. Сергееву в Вашингтон срочное указание, в котором сообщал, что по имеющимся в Центре сведениям немцы не оказывают сопротивления войскам союзников. Начальник ГРУ просил выяснить правдоподобность этой информации, а также узнать планы союзников по дальнейшим операциям в Европе[204].

Через три дня Л. А. Сергеев сообщил, что «немецкое верховное командование меньше внимания уделяет западному фронту, а сосредотачивает усилия для достижения стабилизации положения на восточном фронте, которое является наиболее критическим... Немцы не смогут начать контрнаступление на восточном фронте приблизительно до середины апреля... В настоящее время разрабатывается план наступательной операции в Верхней и Нижней Силезии с целью окружить большое количество передовых войск Красной армии в этом районе»[205]. 27 марта Л. А. Сергеев направил в Центр еще одно донесение: «Текущие операции американских войск имеют целью захват переправ через Рейн. Одну переправу американцы намерены захватить севернее Рура, вторую — в районе Франкфурта... Генерал Эйзенхауэр

Немецкая ракета ФАУ-2

планирует после овладения переправами захватить Рур. Северная группа армий, продвигаясь с севера, а Центральная армейская группа — с юга, соединятся в районе Кассель — Падерборн. После соединения обе американские армейские группы должны захватить всю территорию по восточному берегу реки Рейн и будут готовиться к дальнейшему продвижению в глубь территории Германии».

Центр высоко оценил инициативное решение информационных задач полковником Л. А. Сергеевым и сообщил ему о том, что его сведения об обстановке на западном фронте представляют большой интерес. Начальник ГРУ просил резидента организовать получение данных, касающихся группировки союзных и немецких войск, «к каждому 10 и 25 числу»[206].

Сведения, добытые военными разведчиками, свидетельствовали о том, что переговоры союзников с представителями фашистской Германии превращаются в новый фактор, оказывающий серьезное влияние на ход боевых действий на советско-германском фронте. В результате этих переговоров происходило ослабление сопротивления германских войск на западном фронте и осуществлялась переброска дивизий вермахта на советско-германский фронт, что резко повышало сопротивление немцев и снижало темпы наступления войск Красной армии. Новые сведения о положении на западном фронте, поступившие в Центр от резидентов, были обобщены в специальном сообщении «О попытках немцев заключить с Англией и США сепаратный мир»[207], адресованном членам ГКО и Ставки ВГК.

В Москве стало известно о встрече резидента американской разведки в Швейцарии А. Даллеса с генералом СС К. Вольфом. Контакты американцев с немцами противоречили решениям, принятым лидерами СССР, США и Великобритании. Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов в письменной форме выразил американскому послу в СССР А. Гарриману отрицательное отношение советского правительства к переговорам в Швейцарии о возможной капитуляции части или всей германской армии. Этот вопрос занял также большое место в переписке И. В. Сталина с Ф. Рузвельтом.

Таким образом, успешная деятельность военной разведки весной 1945 г. позволила вскрыть тайные контакты между представителями США и гитлеровской Германии, сорвать эти переговоры и помешать подписанию сепаратного соглашения англо-американцев с эмиссарами гитлеровской Германии.

Меры, принятые советским правительством, исходя из донесений ГРУ, и твердая позиция Сталина в переписке с американскими президентами (Ф. Рузвельтом и Г. Трумэном), привели к тому, что было принято решение об участии в американо-германских переговорах в Италии представителя СССР — кадрового сотрудника ГРУ генерал-майора А. П. Кисленко. 27 апреля 1945 г. запрет на переговоры с немцами был отменен. 29 апреля были согласованы последние положения акта о капитуляции группировки германских войск в Северной Италии, который подписали английский генерал Морган, от имени германского генерала фон Витингофа — немецкий полковник Швайниц и представитель генерала Вольфа майор СС Веннер. Генерал-майор А. П. Кисленко присутствовал на церемонии подписания этого акта.

Резидентура ГРУ, действовавшая в Лондоне, в мае 1945 г. добыла сведения о том, что после подписания акта о безоговорочной капитуляции Германии по указанию премьер-министра У. Черчилля началась секретная разработка плана войны против СССР, в которую британский премьер намеревался втянуть и США. Разработкой этого плана занимались специалисты Штаба объединенного планирования военного кабинета Великобритании. Операция получила название «Немыслимое» (Unthinkable)[208].

18 мая 1945 г. из Лондона от военного атташе генерал-майора И. А. Склярова в Центр поступило срочное донесение. Оно не только имело гриф «Совершенно секретно», но и необычное даже для условий завершившейся Великой Отечественной войны указание «Очень молния». Это говорило о том, что данную радиограмму, поступившую из Лондона в ГРУ, следовало расшифровать безотлагательно и срочно доложить командованию военной разведки.

Генерал-майор И. А. Скляров, ссылаясь на данные, полученные от агента Долли, докладывал о том, что 15 мая 1945 г. штаб объединенного планирования военного кабинета Великобритании начал разработку плана операции «Немыслимое» — плана войны против

России. Агент сообщал, что в разработке этого плана принимает участие ограниченный круг военных специалистов, среди них начальник британской военной разведки генерал Синклер и сотрудник этого ведомства подполковник Стокдэйл. По данным источника, 15 мая 1945 г. состоялось закрытое совещание разработчиков операции «Немыслимое», на котором «бригадир Томпсон сообщил, что все подготовительные мероприятия должны проводиться в условиях особой секретности, и сказал, что Черчилль хочет преподнести урок Сталину и навязать англо-американскую войну Советскому Союзу, нанести русским неожиданный и ужасный удар... отогнать русских на линию восточнее линии Керзона и затем заключить мир... По их мнению, невозможно составить план на основе такой ограниченной операции, и они должны будут... составить план тотальной войны» против Советского Союза. По данным Долли, «Черчилль и комитет начальников штабов положили в основу плана следующие предложения: а) англо-американцы наносят удар по советским войскам ориентировочно 1 июля 1945 г. без предупреждения и с полной неожиданностью; б) моральное состояние британских и американских войск и общественное мнение будут на 100 процентов надежными; в) война на Дальнем Востоке будет приостановлена, и Россия также придет к какому-нибудь соглашению с Японией; г) немецкая армия и Германия будут использованы против России с максимальной возможностью».

Донесение генерал-майора И. А. Склярова о плане операции «Немыслимое» было исключительным в практике разведывательной деятельности ГРУ. Даже в годы Великой Отечественной войны в распоряжении начальника военной разведки не было подобных сведений, которые бы полностью противоречили логике событий, обстановке в международном сообществе в условиях только что завершившейся Великой Отечественной войны, а также соглашениям, подписанным между правительствами Советского Союза и Великобритании.

В Центре донесение о разработке плана войны против Советского Союза, поступившее из Лондона, было подвергнуто тщательному изучению. Проверить достоверность содержания донесения источника Долли было невозможно, так как подобных сведений от других источников в распоряжении командования ГРУ не было. Учитывая, что источник Долли в 1942–1945 гг. передавал советской военной разведке только достоверные сведения, а также сотрудничал с ГРУ исключительно на бескорыстной основе, начальник военной разведки генерал-лейтенант И. И. Ильичев принял решение доложить донесение агента И. В. Сталину и В. М. Молотову. Как показало дальнейшее развитие военно-политической обстановки в Европе, такое решение было обоснованным.

В конце мая — начале июня 1945 г. в Центр продолжали поступать сведения от источника Долли о ходе разработки в Лондоне плана войны против СССР. Стало известно, что идея нанесения внезапного массированного удара по советским войскам, дислоцированным в Германии, не получила полного одобрения на секретном совещании английского военного кабинета. Источник сообщил, что начальник английской военной разведки генерал Синклер заявил на одном из совещаний: «Вся эта идея является вздором и не может рассматриваться». Руководитель совещания в объединенном штабе планирования военного кабинета генерал Торнтон возразил ему: «Если мы не ударим по России сейчас, когда здесь находятся американцы и мы полностью отмобилизованы, то будет невозможно обуздать Россию в будущем».

В мае и июне 1945 г. агент Долли передал военной разведке еще несколько сообщений о плане операции «Немыслимое»[209]. По имеющимся данным, разработка плана операции была завершена 22 мая 1945 г. В «Заключении начальников штабов Великобритании о плане войны против СССР», подготовленном 8 июня 1945 г., отмечалось: «Мы считаем, что если начнется война, достигнуть быстрого ограниченного успеха будет вне наших возможностей, и мы окажемся втянутыми в длительную войну против превосходящих сил»[210]. Премьер-министр Великобритании У. Черчилль понял, что добиться скорой победы в этой авантюре он не сможет, и приказал подготовить план обороны Британских островов на случай, если «американцы отведут свои войска в зоны и отправят остальные силы обратно в США... В этой обстановке русские будут располагать силами для наступления к Северному морю и Атлантике. Прошу разработать план защиты Британских островов»[211].

Штаб объединенного планирования военного кабинета Великобритании в начале июля выполнил указания У. Черчилля. 9 июля проект нового плана, сохранившего название «Немыслимое», начальник штаба министра обороны Англии генерал Г. Исмей направил У. Черчиллю. В нем указывалось, что только в случае использования ракет и другого нового оружия, которое может появиться у русских, возникнет серьезная угроза безопасности Великобритании, и вторжение или серьезные удары по британским морским коммуникациям могут быть осуществлены только после длительной подготовки, которая займет несколько лет.

10 июля 1945 г. Черчилль писал Исмею: «Я получил проект плана Unthinkable, разработанный 8 июля 1945 г., в котором отражено русское превосходство в наземных войсках как 2 к 1. Если американцы выведут свои войска в свои зоны и перебросят основные силы на свою территорию и в зону Тихого океана, то русские имеют достаточно сил для продвижения к побережью Северного моря и Атлантики. Необходимо продумать четкий план того, как мы сможем защитить наш Остров, принимая во внимание, что Франция и Нидерланды будут не в состоянии противиться русскому превосходству». Так, вместо наступательной стала разрабатываться оборонительная операция под тем же кодовым названием[212].

После разработки нового плана У. Черчилль в условиях начавшейся в Великобритании предвыборной кампании отправился в Потсдам, где он должен был встретиться с президентом США Г. Трумэном и руководителем СССР И. В. Сталиным.

Советская разведка задолго до начала работы Потсдамской конференции добыла сведения о создании в США атомной бомбы[213] и разработке английским генеральным штабом плана войны против СССР. Эти сведения были учтены в ходе переговоров И. В. Сталина с американским президентом и английским премьер-министром.

Попытка У. Черчилля втянуть США в июне 1945 г. в войну против СССР не встретила поддержки в Вашингтоне. Трумэн, имея атомное оружие, не собирался действовать по наметкам британского премьера. Курс на конфронтацию с СССР не получил одобрения и у большинства английских избирателей. В июле 1945 г. по результатам очередных парламентских выборов У. Черчилль потерял пост премьер-министра. Новый глава правительства лейборист К. Эттли предпочел дистанцироваться от планов своего предшественника.

План операции «Немыслимое» был рассекречен в Лондоне только в 1999 г. Но, как видим, его содержание не было тайной для советского руководства уже в мае — июне 1945 г., что позволило своевременно принять предупредительные меры: по указанию из Москвы маршал Г. К. Жуков в июне 1945 г. перегруппировал имевшиеся в его распоряжении на территории Германии войска и перевел их в необходимую степень боевой готовности. В свою очередь, английская разведка отметила повышенную активность советских войск в Германии, это не могло быть не учтено разработчиками плана операции «Немыслимое» и заставило их трезво оценить соотношение советских и англо-американских сил в Германии[214].

Военная разведка в ходе войны против Японии

Длительное время в секретных планах Японии на одном из первых мест был захват советских дальневосточных территорий. Однако в 1941 г. вместо похода на север против СССР японское правительство приняло решение начать завоевание колониальных владений европейских государств в Юго-Восточной Азии. 7 декабря 1941 г. японская авиация нанесла удар по военно-морской базе Тихоокеанского флота США Пёрл-Харбор. Уничтожив бóльшую часть американского Тихоокеанского флота, японцы устремились в Малайзию, на Филиппины, в Бирму, Индонезию и Новую Гвинею.

Добиваясь успехов в боевых действиях на южном направлении, японцы заняли в отношении войны Германии против СССР выжидательную позицию. Они готовы были начать боевые действия, но ожидали момента, когда Красная армия в боях с немцами будет в

значительной степени ослаблена и не сможет оказать серьезного сопротивления японским войскам в случае их вторжения на советскую территорию.

По мере возрастания напряженности на Дальнем Востоке командование Разведуправления ГШ наращивало силу зарубежной, оперативной и радиоразведки в регионе. К марту 1942 г. в составе войск Дальневосточного фронта и в Забайкальском военном округе было развернуто 11 отдельных радиодивизионов ОСНАЗ.

Разгром вермахта под Москвой и Сталинградом заставил японцев воздержаться от участия в войне против СССР, однако опасность такого развития событий не ослабевала. В 1942–1944 гг. японцы неоднократно провоцировали обострение отношений с СССР. В 1941–1944 гг. они задержали 178 и потопили 18 советских торговых судов. Подразделения Квантунской группировки 779 раз нарушали сухопутную границу СССР, японские ВВС более 400 раз вторгались в воздушное пространство Советского Союза. Это были неслучайные факты, что понимали в Москве и старались не обострять отношения. Второй фронт на Дальнем Востоке Советскому Союзу был не нужен. Представители СССР старались урегулировать конфликтные ситуации, и хотя достигалось это с большим трудом, Москве все-таки удавалось балансировать на грани мира и войны с Японией.

Японцы продолжали выжидать и искали серьезный повод для нанесения первого удара. Такой случай мог представиться им в 1943–1944 гг. В тот период представители США настойчиво добивались от И. В. Сталина принятия решения, которое позволило бы американским бомбардировщикам «либерейтор» базироваться на советских аэродромах в Сибири, а кораблям ВМС США использовать при необходимости советские военно-морские базы на Дальнем Востоке. Конкретно эти вопросы обсуждались между Сталиным и Рузвельтом во время Тегеранской конференции 29 ноября 1943 г. В тот день американский президент передал Сталину меморандум, в котором выразил свое желание обменяться сведениями о японцах и предварительном планировании, которое в перспективе могло привести к совместным советско-американским операциям против Японии.

Рузвельт поставил перед Сталиным конкретные вопросы:

«1. Согласен ли Сталин обеспечивать Соединенные Штаты военной информацией о борьбе с Японией?

2. Желательно ли, чтобы США создали на Аляске и Алеутах опорные пункты для защиты советских эскадренных миноносцев и подводных лодок, находящихся в советских портах, от возможных атак японцев?

3. Был бы Советский Союз в состоянии в случае американской атаки против северных Курил прямым или косвенным образом оказать помощь?»[215]

Рузвельт добивался от Сталина согласия на передачу американцам информации о советских морских портах, которые могли быть использованы ВМС США, а также сведений о советских авиационных базах, расположенных вдоль береговой линии, которые могли бы принять до 100 американских самолетов. Нарком иностранных дел СССР В. М. Молотов сообщил американскому послу У. А. Гарриману в конце декабря 1943 г., что «советское правительство готово поделиться имеющейся информацией о японцах, насколько это возможно»[216]. Остальные вопросы требовали дополнительного изучения.

У американских специалистов, работавших в военной миссии США в Москве в годы Великой Отечественной войны, вызывало недоумение, почему Сталин так и не выполнил обещание в определенное время разрешить американским «бомбардировщикам вступать в бой с территории Сибири»[217].

Понять, почему Сталин отказался от такого сотрудничества, позволяет содержание некоторых донесений советских военных разведчиков из Токио и Чанчуня. Значительный интерес в этом отношении представляет текст донесения военного атташе генерал-майора А. В. Рузанкова из Чанчуня 4 марта 1942 г.: «Гитлер обратился к Японии с требованием начать в ближайшем будущем наступление против СССР. Японцы ответили, что к войне они еще не готовы. Однако дискуссия по этому вопросу в японском правительстве и верхах ведется. Военная клика стоит за развязывание войны против СССР в ближайшее время, а крупные

политические деятели Коноэ, Мацуока, представители концернов «Мицуи» и «Мицубиси» считают военное наступление преждевременным. По мнению японцев, им сейчас необходимо закрепиться на юге, в Китае и посмотреть, как начнет новое наступление сама Германия. Если у Германии есть силы и наступление даст успех, тогда Япония может начать войну против СССР»[218]. В завершение генерал-майор Рузанков докладывал начальнику Главного разведывательного управления: «Японцы следят, не предоставляем ли мы американцам базы на Камчатке и Сахалине». Это донесение начальник ГРУ генерал-лейтенант Ильичев приказал направить И. В. Сталину, В. М. Молотову, Г. М. Маленкову, Л. П. Берии, Л. М. Кагановичу, А. И. Микояну, Н. А. Вознесенскому и Б. М. Шапошникову.

В донесении генерал-майора Рузанкова особого внимания заслуживала информация, что японская разведка ведет постоянное наблюдение за тем, не представляет ли СССР свою территорию для американской авиации. Этот факт мог бы послужить серьезным поводом для обострения советско-японских отношений, и не исключено, японцы использовали бы размещение американских самолетов на советских аэродромах в качестве аргумента для нанесения массированного удара не только по американским самолетам, но и по советским военным объектам. Японцы, как свидетельствовало их нападение на американскую военно-морскую базу Пёрл-Харбор, умели наносить такие массированные удары внезапно и с максимальной эффективностью.

Союзники, добиваясь начала действий Красной армии против Японии, не торопились открывать второй фронт в Европе, который мог бы ослабить натиск фашистских армий под Сталинградом и даже под Курском в 1943 г. Прагматичные представители правительства США в Москве, добиваясь права использования американской авиацией советских баз на Дальнем Востоке, понимали, что это неизбежно приведет к атаке Японии на эти базы, то есть к нападению на СССР.

Японская разведка имела представление о том, что делалось на территории Советского Союза. Ее агенты внимательно следили за советско-американским военным взаимодействием. 10 апреля 1942 г. резидент ГРУ в Токио докладывал в Центр: «Источник сообщил, что в Японии проводится мобилизация с целью увеличения численности войск для ведения боевых действий против Индии. На днях на юг направлено 24—25 тысяч новобранцев, которые будут нести там охранную службу. Одновременно часть войск перебрасывается на север, так как Япония опасается, что СССР в июне — июле предоставит Камчатку США, как базу для нападения на Японию»[219].

Резидент советской военной разведки полковник Ф. А. Феденко[220] докладывал в Центр из Чанчуня: «По сообщению источника, Германия настаивает на вступлении Японии в войну против СССР. Однако японцы не намерены развязывать эту войну до тех пор, пока Германия не добьется решающих успехов на восточном фронте. Япония опасается, что в случае войны против СССР союзники используют Владивосток, откуда совместно с советской авиацией будут бомбить японские острова»[221].

Вопрос о том, нападать или не нападать на СССР, напряженно дискутировался среди высших японских военных чинов не только в 1942 г., но и в 1943—1944 гг. Об этом регулярно докладывали в Центр военные разведчики генерал-майор Н. В. Рузанков, полковники Ф. А. Феденко и И. В. Гущенко, подполковники К. П. Сонин и М. А. Сергеечев.

Сражения в Европе и на территориях стран Тихоокеанского региона продолжались. Они диктовали особые правила отношений с теми, кто продолжал воевать на стороне фашистской Германии.

В июне 1945 г. в составе контингента японских войск в Маньчжурии и Корее уже насчитывалось около 1 млн человек. Во главе находящейся в Маньчжурии Квантунской группировки войск стоял опытный японский четырехзвездный генерал О. Ямада. Начальником штаба группировки был генерал-лейтенант Х. Хата, который ранее служил военным атташе в Советском Союзе. На вооружении группировки было 5 тыс. орудий, свыше 1 тыс. танков и 2 тыс. самолетов[222]. Опасность, что эти силы могут быть использованы против СССР, не только не исчезла, а наоборот, постепенно увеличивалась.

В середине июля — начале августа 1945 г. состоялась Потсдамская встреча руководителей СССР, США и Великобритании. Правительства США и Великобритании, к которым присоединилось руководство Китая, опубликовали 26 июля Потсдамскую декларацию и потребовали от Японии безоговорочной капитуляции. Японское правительство отклонило требование Потсдамской декларации. Японцы рассчитывали добиться таких условий мира, которые обеспечили бы им сохранение основ японского милитаристического государства. Отказ японского правительства принять требования Потсдамской конференции предопределил развитие дальнейших событий на Дальнем Востоке.

Советско-японские отношения в этот период достигли максимального напряжения. 5 апреля 1945 г. советское правительство, действуя в соответствии с третьей статьей японо-советского пакта о нейтралитете, объявило о денонсации этого пакта, который в связи с действиями Японии потерял смысл.

В июле и первых числах августа 1945 г. разведывательные отделы штабов советских фронтов на Дальнем Востоке действовали с максимальным напряжением. Общее руководство работой трех разведывательных отделов осуществлял генерал-майор С. М. Чувырин, который был начальником разведки штаба главкома советских войск на Дальнем Востоке. Начальником разведывательного отдела штаба 1-го Дальневосточного фронта являлся генерал-майор Я. Н. Ищенко, инициативный военный разведчик, который приобрел опыт специальной работы на Карельском фронте. Обязанности начальника разведывательного отдела 2-го Дальневосточного фронта исполнял генерал-майор Н. С. Соркин, один из наиболее опытных специалистов по организации и ведению разведки на Дальнем Востоке, имевший опыт работы еще с 1920-го года. Начальником разведки штаба Забайкальского фронта был генерал-майор П. А. Попов, который окончил основной и восточный факультеты Военной академии имени М. В. Фрунзе, в предвоенные годы прошел стажировку в одной из частей японской армии, владел японским языком, имел опыт работы на руководящих должностях в Разведывательном управлении Генерального штаба Красной армии. Начальником разведотдела штаба Тихоокеанского флота был полковник А. З. Денисин. Разведывательный отдел штаба Амурской военной флотилии возглавлял Б. Н. Бобков.

Накануне Дальневосточной кампании разведывательные отделы фронтов, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии имели на территории противника агентурную сеть, в состав которой входили около 670 разведчиков и агентов.

Вспоминая период подготовки к началу Маньчжурской стратегической наступательной операции и отдавая дань напряженным усилиям военных разведчиков, Маршал Советского Союза К. А. Мерецков писал: «Как установила разведка, между узлами сопротивления, а также между укрепленными районами оставались промежутки, не заполненные фортификационными сооружениями. Таким образом, линия обороны была почти сплошной, но все же не совсем. Мы уцепились за это «почти»[223].

Разведчикам удалось установить не только слабые звенья в обороне противника. Силы разведывательных отделов штабов фронтов добыли точные сведения об авиабазах и аэродромах противника, выявили места расположения складов горючего, боеприпасов и продовольствия, наличие железных и шоссейных дорог, которые, как правило, были осями операционных направлений для действий войск. Военные разведчики и их агенты в период подготовки к проведению Маньчжурской наступательной операции держали под контролем на территории противника железные дороги, аэродромы, склады и другие важные объекты на глубину от 100 до 250 км.

Для того чтобы разгромить Квантунскую группировку, которой командовал генерал Ямада, необходимо было лишить его возможности управлять своими многочисленными войсками. Советским военным разведчикам удалось выявить основные пункты управления японской армии, и с началом военных действий по ним были нанесены мощные артиллерийские и авиационные удары. Силами разведывательных отделов штабов фронтов в период подготовки к наступлению было проведено около 200 спецопераций, в ходе которых в тыл противника выведено 188 разведывательных групп. Через государственную границу были

переброшены 588 хорошо подготовленных разведчиков, которые имели радиостанции для связи с Центром. Подавляющее большинство из них полностью выполнили поставленные перед ними задачи.

В целом, сведения о противнике добывали 2452 разведчика и агента, среди которых были русские, монголы, китайцы, нанайцы и другие. Они владели китайским или японским языками, легко ориентировались на местности, которая была занята войсками Квантунской группировки. Создать такую силу за два или даже три месяца невозможно, она накапливалась годами. В свое время в этой работе принимали участие Я. К. Берзин, Л. Я. Бурлаков, В. И. Чуйков и многие другие разведчики. Чем дольше японцы находились на захваченных ими чужих территориях, тем больше у них появлялось непримиримых противников и шире становились возможности советских разведчиков, которым помогали тем, кто не смирился с японской оккупацией. В нужный момент эта многочисленная армия военных разведчиков и их добровольных помощников была приведена в действие. Нейтрализовать ее японская контрразведка не смогла.

Несомненным успехом советской разведки в период подготовки Маньчжурской операции было и то, что разведчикам удалось своевременно установить скрытный отвод основных японских сил от линии передового соприкосновения. Это позволило выявить замысел генерала Ямады, который состоял в том, чтобы заблаговременно вывести главные силы из-под первого, как правило, массированного удара артиллерии и авиации, сохранить силы, пожертвовав частями прикрытия, и тем самым заставить советское командование бить по пустым площадям.

8 августа 1945 г. советское правительство заявило японской стороне о том, что с 9 августа Советский Союз будет считать себя в состоянии войны с Японией. На следующий день советские войска начали стремительное наступление против японских войск, дислоцированных в Маньчжурии. Маршал Советского Союза А. М. Василевский воспользовался добытыми разведчиками сведениями о бактериологическом оружии Квантунской группировки. Он принял решение начать наступление без артиллерийской подготовки, которую ожидали Ямада и его штаб. Советские войска ночью в дождливую и ветреную погоду внезапно и стремительно с трех направлений начали боевые действия, а затем стали крушить противника на второй и даже третьей линии его обороны. Такого развития ситуации японцы не предполагали.

Офицеры военной разведки принимали участие в выполнении специальных заданий командования в составе специальных десантных отрядов и групп. Представители разведывательного отдела штаба Забайкальского фронта были в составе парламентской группы, которую командующий фронтом Маршал Советского Союза Р. Я. Малиновский направил 19 августа в Чанчунь, где находилась ставка японского командования. Возглавлял группу особо уполномоченный советского военного командования полковник И. Т. Артеменко, который был начальником оперативного отдела штаба фронта. Это была смелая и дерзкая операция. Парламентеры вылетели в глубокий тыл противника, в Чанчунь, который находился в 500 км от линии фронта, и там заставили генерала Ямаду принять требование советского командования о полной и безоговорочной капитуляции[224].

Командующий 1-м Дальневосточным фронтом Маршал Советского Союза К. А Мерецков также направлял в тыл противника усиленные воздушные десанты. Вспоминая эти события, Мерецков писал, что он приказал создать усиленные подвижные отряды, «которые должны были продвигаться быстрыми темпами, овладевать важными промышленными центрами и не допускать вывоза или уничтожения японцами материальных ценностей».

В те дни один из передовых отрядов 1-го Дальневосточного фронта выполнил специальное задание — захватил в плен японцев, которые работали в отряде № 731. Среди арестованных были: генерал-лейтенант медицинской службы Кадзицука Рюдзи, начальник санитарного управления Квантунской группировки; генерал-майор медицинской службы К. Киоси, начальник производственного отдела отряда № 731; подполковник Н. Тосихиде, врач-батериолог, начальник учебно-просветительского отдела отряда № 731; майор медицинской службы К. Томио, врач-бактериолог, начальник отделения производственного отдела

отряда № 731. Были захвачены в плен и другие сотрудники японских бактериологических центров, а также главнокомандующий Квантунской группировки генерал О. Ямада.

Характеризуя назначение отряда № 731, Ямада показал: «Отряд № 731 был организован в целях подготовки бактериологической войны, главным образом против Советского Союза, а также против Монгольской Народной Республики и Китая». Далее он отметил, что на отряд № 100 возлагалась задача по проведению диверсионных мероприятий, то есть заражению эпидемическими бактериями пастбищ скота и водоемов. В этой части отряд № 100 в своей работе был тесно связан с разведывательным отделом штаба Квантунской группировки[225].

Военная разведка, добывшая в 1937 г. сведения об Управлении по водоснабжению и профилактике частей Квантунской армии, под видом которого действовал отряд № 731, своевременно выявила серьезную угрозу безопасности на Дальнем Востоке. В 1945 г. эта угроза, как и Квантунская группировка войск, была ликвидирована. Однако не все преступники оказались на скамье подсудимых: бывшие руководители отряда № 731 С. Исии и М. Китано получили покровительство американской военной разведки. Они передали американцам секретные сведения о результатах испытаний бактериологического оружия на людях и с помощью американцев избежали заслуженного наказания.

После завершения Маньчжурской операции советские военные разведчики захватили ценные документы командования Квантунской группировки. В результате их изучения оказалось, что в общей оценке группировки войск противника, подготовленной советской военной разведкой, и реальными данными серьезных расхождений не было. Были выявлены лишь несовпадения в нумерации некоторых японских частей. Оценка операционных направлений, сильных и слабых сторон укрепленных районов тоже подтвердилась, кроме незначительного расхождения в количестве огневых точек и характере оборонительных сооружений в некоторых укрепленных районах.

2 сентября 1945 г. на борту американского линкора «Миссури» в Токийском заливе был подписан акт о полной и безоговорочной капитуляции Японии. От имени Советского Союза акт о капитуляции Японии подписал генерал-лейтенант К. Н. Деревянко, кадровый сотрудник военной разведки.

В ходе Дальневосточной кампании отличились многие советские военные разведчики. За героические действия при высадке разведывательного отряда Тихоокеанского флота на восточное побережье Северной Кореи старший лейтенант В. Н. Леонов был награжден второй медалью «Золотая Звезда» и стал дважды Героем Советского Союза. Звание Героя Советского Союза было присвоено военным разведчикам Н. А. Демину, С. М. Кузнецову, И. И. Маюрову и А. М. Никандрову.

Добывание военно-технических секретов

В годы Великой Отечественной войны советская военная разведка в военно-технической области решала следующие задачи: добывание сведений о разработке в Германии, Японии, США и Великобритании новых видов оружия и военной техники, их тактико-технических характеристиках, установление начала и объема серийного производства и сроков поставок в войска; получение сведений о реальном выпуске военной промышленностью Германии, Японии и других государств, являвшихся сателлитами Германии, вооружений и военной техники; добывание достоверных сведений о состоянии и возможностях экономики и военной промышленности Германии по обеспечению вермахта для ведения войны.

Решая эти задачи, советской военной разведке, в частности, удалось получить: чертежи и описания новых авиационных бомб; образцы брони и тактико-технические характеристики новых германских танков; характеристики японских танков и самолетов морской авиации; тактико-технические характеристики германских самолетов «Дорнье-227» и «Фокке-

Вульф-200», «Мессершмитт-210», «Юнкерс-228», «Хейнкель YS-129», нового итальянского истребителя RF-2001, а также сведения о создании в Германии 210-мм и 280-мм орудий, которые поступали на вооружение германской армии весной 1943 г. Разведчиками были добыты конфиденциальные материалы о новой немецкой парашютной торпеде, данные об испытаниях ракетных снарядов ФАУ, формула синтетического бензина, новейшие немецкие противогазы, тактико-технические данные японского самолета «Мицубиси S-002» и японского истребителя T-2SSF, образцы германских, японских и некоторых других иностранных радиостанций и многие другие важные сведения военно-технического характера.

Добыванием этих и других сведений и материалов занимались военные разведчики А. А. Адамс, Ш. Радо, Я. П. Черняк, Ж. А. Коваль, У. Кучински, Л. А. Сергеев, С. Д. Кремер, Н. И. Заботин, П. С. Мотинов, И. А. Скляров, А. Ф. Сизов, Н. М. Харламов, П. Н. Ангелов, К. П. Сонин и другие. Так, А. А. Адамс получил сведения о разработке в США новых типов отравляющих веществ, средств защиты от них и материалы о радиовооружении американской армии. Информация о производстве новых типов отравляющих веществ была высоко оценена Главным санитарным управлением Красной армии.

В 1943 г. резидент Ш. Радо направил в Центр сведения о том, что в ходе подготовки к летнему наступлению на советско-германском фронте командование вермахта делает ставку на новую авиационную и бронетанковую технику. В мае 1943 г. он информировал, что, по данным его источников, германская промышленность выпускает новые танки «тигр» и «пантера», а также самоходные орудия «фердинанд». Были добыты и сведения, раскрывавшие тактико-технические характеристики новых типов танков: ширина колеи, мощность двигателя, калибр пушки, боезапас, толщина лобовой брони. 23 мая 1943 г. разведчик сообщил: «В феврале — марте выпустили 85 танков, среди них новые типа «тигр». Германская промышленность, включая Австрию и Чехословакию, выпустила 750 танков (месячный план — 900 танков). Немецкая авиационная промышленность выпускает 1600 самолетов в месяц»[226].

После окончания Великой Отечественной войны командование ГРУ так охарактеризовало деятельность резидентуры «Дора», которой руководил Ш. Радо: «Группа «Дора» поставляла обширные материалы по следующим вопросам: возможности Германии по производству танков, самолетов... о новых немецких отравляющих веществах и способах их применения, об опытах использования внутриатомной энергии урана для производства атомных бомб»[227].

Ценные военно-технические сведения были добыты и военным разведчиком Я. П. Черняком. Материалы, поступившие от него в Центр, получили высокую оценку заместителя председателя Совета по радиолокации при Государственном Комитете Обороны СССР академика А. И. Берга, который 26 мая 1944 г. писал начальнику военной разведки: «Присланные Вами за 10 месяцев материалы представляют очень большую ценность для создания радиолокационного вооружения Красной армии и Военно-морского флота. Особая их ценность заключается в том, что они подобраны со знанием дела, дают возможность не только ознакомиться с аппаратурой, но и в ряде случаев изготовить аналогичную, не затрачивая длительного времени и значительных средств на разработку. Кроме того, сведения о создании немцами методов борьбы с помехами позволили начать разработку соответствующих контрмероприятий. Все эти сведения и материалы позволяют нам уверенно выбирать пути технического развития новой и мало нам известной техники радиолокации, обеспечивая нам для этого перспективу и осведомленность»[228]. В следующем письме начальнику ГРУ, датированном 11 июля 1944 г., академик А. И. Берг дал еще одну оценку материалам, которые были добыты Я. П. Черняком: «Полученные от Вас материалы на 1082 листах и 26 образцов следует считать крупной и ценной помощью делу. Уполномоченный ГКО академик тов. Вавилов просит о принятии мер к получению следующей части материалов»[229].

Работа резидентуры, которой в годы Великой Отечественной войны руководил Я. П. Черняк, была очень интенсивной. Так, только в 1944 г. от него в Центр поступило 12 500 листов военно-технической документации и 60 образцов новейшей аппаратуры. «Получил от ГРУ 811 иностранных информационных материалов (в том числе 96 чертежей), описаний и инструкций новейших радиолокационных средств. Совет готов поддержать представление

работников, участвовавших в этой работе, к правительственным наградам или премированию», — в очередной раз писал академик А. И. Берг начальнику ГРУ Красной армии[230].

Значительное количество сведений военно-технического характера в годы войны добыли военные разведчики контр-адмирал Н. М. Харламов, генерал-майор И. А. Скляров, полковник А. Ф. Сизов, которые действовали в Лондоне. В апреле 1944 г. немецкие конструкторы проводили на северном побережье острова Рюген в Северном море испытания ракетных установок ФАУ-2. На одном из таких испытаний присутствовал агент советской военной разведки. Сведения об этих испытаниях получил резидент военной разведки в Лондоне генерал-майор И. А. Скляров, который сообщил в Центр: «Ракета стартовала с поверхности земли. Она с сильным шумом поднялась при сохранении начального угла вылета (без искривления траектории) до высоты 8700 метров... затем полет продолжался по горизонтальной траектории. Корпус ракеты снабжен двумя небольшими несущими плоскостями. Внизу хвостовой части ракеты можно наблюдать трубу, из которой в момент старта выбивалось пламя длиной около 30 метров»[231].

В декабре 1944 г. межведомственной группой по обобщению и анализу сведений о противнике, которой руководил генерал-полковник Ф. И. Голиков, был подготовлен очередной доклад «О современном положении Германии и ее возможностях на дальнейшее ведение войны»[232]. Один из разделов доклада посвящался оценке состояния германской военной промышленности, ее возможностей по производству боевых самолетов, танков, кораблей, стрелково-артиллерийского вооружения и боевых химических веществ. Отмечалось, что фактический ежемесячный выпуск боевых самолетов во второй половине 1944 г. составлял 1800. При этом подчеркивалось, что немцы за счет сокращения выпуска бомбардировщиков (на 50% по сравнению с январем 1944 г.) значительно превысили выпуск истребителей, преимущественно одномоторных (на 91% по сравнению с выпуском в январе 1944 г.). На основании этих данных был спрогнозирован среднемесячный выпуск самолетов на ближайшее время, который составил 1800 единиц.

Оценивая перспективы танкостроительной промышленности Германии, руководители советских разведок, входившие в состав группы по обобщению и анализу сведений о противнике, отмечали: «Выпуск танков (вместе с самоходными орудиями) на 1.12.1944 г. составляет 650—750 единиц в месяц против 800—900 в месяц в первой половине текущего года (снижение на 20—25%). В результате такого снижения выпуска танков Германия не в состоянии в настоящее время удовлетворить потребности своей армии, в силу чего танковые соединения имеют большой некомплект материальной части»[233].

Тенденция к сокращению выпуска военной продукции отмечалась и в области судостроения общим водоизмещением: для боевых кораблей — с 200 тыс. до 12 тыс. тонн, для торговых судов — с 500 тыс. до 250 тыс. тонн в год. В то же время в докладе отмечалось, что в течение ближайших месяцев следует ожидать пополнения флота новыми боевыми единицами в пределах до 10 тыс. тонн ежемесячно, что позволит вводить в строй из числа строящихся: эсминцев и миноносцев — 2, тральщиков — 8, подводных лодок — до 10 (главным образом, очевидно, малых типов), катеров разных — 15, десантных судов — 4—5.

Оценивая данные, добытые советскими спецслужбами (ГРУ КА, РУ ГШ КА, ПГУ НКВД, Разведуправление ВМФ), группа по обобщению и анализу сведений о противнике пришла к выводу о том, что в Германии следует ожидать сокращения производства стрелкового и артиллерийского вооружения, боеприпасов с химическими отравляющими веществами. В то же время на фоне сокращения производства кораблей, бронетанковой техники, стрелкового и артиллерийского оружия специалисты советских разведывательных служб пришли к выводу, что нашему командованию следует учитывать наращивание противником выпуска общего количества боевых самолетов, большая часть которых будет использована на советско-германском фронте.

Таким образом, несмотря на общую тенденцию к сокращению возможностей промышленности Германии по производству военной техники и оружия, выявленную советской военной разведкой в 1944 г., она по-прежнему была в состоянии обеспечить потребности

А. А. Адамс

Ж. А. Коваль

Я. П. Черняк

С. Д. Кремер

вермахта значительным количеством средств вооруженной борьбы. Ставка ВГК своевременно была проинформирована о том, что в 1945 г. вермахт, несмотря на утерю стратегической инициативы в войне, будет оставаться сильным и технически оснащенным противником.

В целом усилиями советских разведывательных служб, в том числе и ГРУ, в ходе Великой Отечественной войны были добыты ценные сведения и материалы военно-технического характера, что оказало советским конструкторам и инженерам определенную помощь в разработке новых видов военной техники и вооружения, ускорило процесс создания опытных образцов и их серийного производства, а также позволило сократить расходы финансовых средств, производственных и материально-технических ресурсов. На завершающем этапе войны Красная армия была оснащена первоклассными военной техникой и вооружением, не уступающими, а по отдельным видам превосходящими аналогичные германские образцы.

В годы войны советская разведка решила одну из труднейших военно-технических задач — получила информацию о работах британских и американских физиков в области создания атомного оружия. Впервые о решении английского правительства использовать атомную энергию в военных целях военная разведка сообщила в августе 1941 г. Сотрудник лондонской резидентуры военной разведки полковник С. Д. Кремер 8 августа провел встречу с британским физиком немецкого происхождения Клаусом Фуксом. Этот ученый работал в Бирмингемском университете, имел доступ к исследованиям, связанным с научной разработкой теоретических основ получения атомной энергии и использования ее для создания урановой бомбы.

10 августа 1941 г. из Лондона в Центр было отправлено следующее донесение: «Барч 8 августа провел встречу с германским физиком Фуксом, который сообщил, что он работает в составе специальной группы в физической лаборатории университета в Бирмингеме над теоретической частью создания ураниевой бомбы. Группа ученых при Оксфордском университете работает над практической частью проекта. Окончание работ предполагается через три месяца, и тогда все материалы будут направлены в Канаду для промышленного производства. Знакомый дал краткий доклад о принципах использования урана для этих целей. При реализации хотя бы 1% энергии 10-килограммовой бомбы урана взрывное действие будет равно 1000 тонн динамита. Доклад высылаю оказией»[234]. Донесение подписал генерал-майор И. А. Скляров, советский военный атташе в английской столице.

С августа 1941 по октябрь 1942 г. Кремер провел с Фуксом четыре встречи и получил от него в общей сложности 246 листов секретных материалов по британскому атомному проекту. После завершения служебной командировки и отъезда полковника С. Д. Кремера в Москву работой Фукса руководила разведчица У. Кучински, которая действовала в Великобритании. С октября 1942 по ноябрь 1943 г. Кучински провела с Фуксом также четыре агентурных встречи и получила от него 324 листа секретных материалов о работах британских ученых, направленных на создание атомной бомбы.

В 1942 г. в Англию по указанию Центра прибыл разведчик-нелегал Разведуправления ГШ Я. П. Черняк, который длительное время работал в различных европейских странах. Черняк был направлен в Великобританию для выполнения специального задания — проведения вербовки физика Аллана Нанна Мэя, сотрудника Кавендишской лаборатории, которая входила в состав Кембриджского университета и являлась одним из ведущих британских научных центров, принимавших участие в реализации программы создания атомной бомбы. Я. П. Черняк привлек Мэя к сотрудничеству с советской разведкой и работал с ним в 1942–1943 гг. За этот период он получил от агента 142 листа материалов по атомной проблеме, которые были высоко оценены советским физиком И. В. Курчатовым[235].

В это же время на территории Великобритании действовала еще одна нелегальная резидентура РУ ГШ КА, работой которой руководил разведчик Дюбуа. Этой резидентуре удалось добыть сведения о закупках британскими компаниями большого количества урановой руды. Информацию о британском атомном проекте Дюбуа передавал резиденту военной разведки в Лондоне генерал-майору И. А. Склярову. В частности, в феврале 1942 г. генерал Скляров докладывал в Центр, что, по данным Дюбуа, англичане «закупили весь возможный уран за

последние шесть месяцев для взрывного дела. Проводятся опыты бомбардировки урана-235 нейтроном, который взрывает атом, и происходит огромное выделение энергии»[236].

Понимая важность поступивших из Лондона сведений, которые подтверждались разными источниками (К. Фуксом, А. Мэем и Дюбуа), начальник военной разведки генерал-майор А. П. Панфилов 7 мая 1942 г. направил письмо начальнику спецотдела Академии наук СССР М. П. Евдокимову. В нем, в частности, говорилось: «В связи с сообщениями о работе за рубежом над проблемой использования для военных целей энергии ядерного деления урана прошу сообщить, насколько правдоподобными являются такие сообщения и имеет ли в настоящее время эта проблема реальную основу для практической разработки вопросов использования внутриядерной энергии, выделяющейся при цепной реакции урана»[237].

10 июня 1942 г. начальник Разведуправления ГШ получил ответ, подписанный академиком В. Г. Хлопиным: «В ответ на Ваш запрос от 7 мая 1942 г. сообщаем, что Академия наук не располагает никакими данными о ходе работ в заграничных лабораториях по проблеме использования внутренней энергии, освобождающейся при делении урана. Мало того, за последний год в научной литературе, поскольку она нам доступна, почти совершенно не публикуются работы, связанные с решением этой проблемы. Это обстоятельство единственно, как мне кажется, дает основание думать, что соответствующим работам придается значение, и они проводятся в секретном порядке... Если Разведывательное управление располагает какими-либо данными о работах по проблеме использования внутриатомной энергии урана в каких-нибудь институтах или лабораториях за границей, то мы просили бы сообщать эти данные в спецотдел АН СССР»[238].

После этого письма урановая проблема приобрела для военной разведки особую значимость, на которую помимо добывания сведений, необходимых для обеспечения боевых действий в ходе войны против фашистской Германии и ее союзников, следовало обратить особое внимание. Советскому военному атташе в Великобритании и руководителю лондонской резидентуры генерал-майору И. А. Склярову из Центра было направлено указание «обратить внимание на получение информации по урановой бомбе»[239]. Такое же указание поступило руководителю резидентуры военной разведки в Швейцарии Ш. Радо.

Все материалы, полученные из Лондона, командование военной разведки направляло уполномоченному Государственного Комитета Обороны по науке С. В. Кафтанову. Материалы военной разведки по британскому атомному проекту Кафтанов в обезличенном виде передавал И. В. Курчатову для проведения экспертной оценки. В частности, И. В. Курчатов, в октябре 1942 г. изучая переданные ему материалы по английскому атомному проекту, пришел к выводу, что они представляют для советских физиков значительный интерес. Из материалов, добытых военной разведкой, было видно, что физики Чадвик, Дирак, Фаулер и Коккрофт, к которым присоединились ученые Фриш, Холбан и Коварски, эмигрировавшие из Дании и Франции, достигли важных результатов в процессе изучения возможностей получения сверхвзрывчатых веществ путем использования ядерной энергии атомов урана.

На основе полученных от С. В. Кафтанова материалов И. В. Курчатов 27 ноября 1942 г. подготовил докладную записку заместителю председателя СНК СССР В. М. Молотову, в которой, констатируя, что «в исследованиях проблемы урана советская наука значительно отстала от науки Англии и Америки», предлагал «широко развернуть в СССР работы по проблеме урана и привлечь к ее решению наиболее квалифицированные научные и научно-технические силы Советского Союза»[240]. Молотов, изучив докладную записку, направил ее И. В. Сталину. В результате в феврале 1943 г. ГКО утвердил постановление об организации работ по использованию атомной энергии в военных целях. Курирование всех работ по атомной проблеме было поручено В. М. Молотову. Его заместителем, ответственным за вопросы обеспечения ученых разведывательными сведениями по атомной проблеме, был назначен Л. П. Берия.

В сентябре 1943 г. разведчик-нелегал военной разведки Урсула Кучински, действовавшая в Великобритании, после очередной встречи с К. Фуксом сообщила в Центр о результатах совещания президента США Ф. Рузвельта и премьер-министр Великобритании У. Черчилля,

которое состоялось 19 августа в канадском городе Квебеке. По данным Фукса, США и Великобритания решили объединить свои возможности и усилия физиков двух стран в целях ускорения процесса создания атомной бомбы. Фукс также сообщил У. Кучински о том, что он вместе с английскими физиками Пайерлсом, Чадвиком и другими направляется в США и будет работать на американских объектах над практической частью атомного проекта.

В конце 1943 г. К. Фукс и другие ведущие английские физики действительно выехали в США. Некоторые из них, в частности А. Мэй, оказались в Канаде, где тоже имелись промышленные центры и научные лаборатории, выполнявшие заказы, связанные с созданием первой американской атомной бомбы.

В справке ГРУ о работе К. Фукса, подготовленной в 1945 г., отмечалось: «За время работы на Разведуправление Красной армии Фукс передал ряд ценных материалов, содержащих теоретические расчеты по расщеплению атома урана и созданию атомной бомбы. Материалы направлялись уполномоченному ГКО СССР тов. Кафтанову, а позднее — заместителю председателя Совнаркома СССР тов. Первухину. Всего от Фукса за период 1941–1943 гг. получено более 570 листов ценных материалов»[241]. В этой справке также сообщалось, что в январе 1944 г. К. Фукс был передан «для дальнейшего использования 1-му Управлению НКВД, после чего наша работа с ним была прекращена».

В 1944-м и в последующие годы советским правительством были приняты постановления, которые определили перспективные направления деятельности советских ученых, конструкторов, сотрудников внешней разведки НКВД и разведки Генерального штаба Красной армии в области создания отечественного атомного оружия.

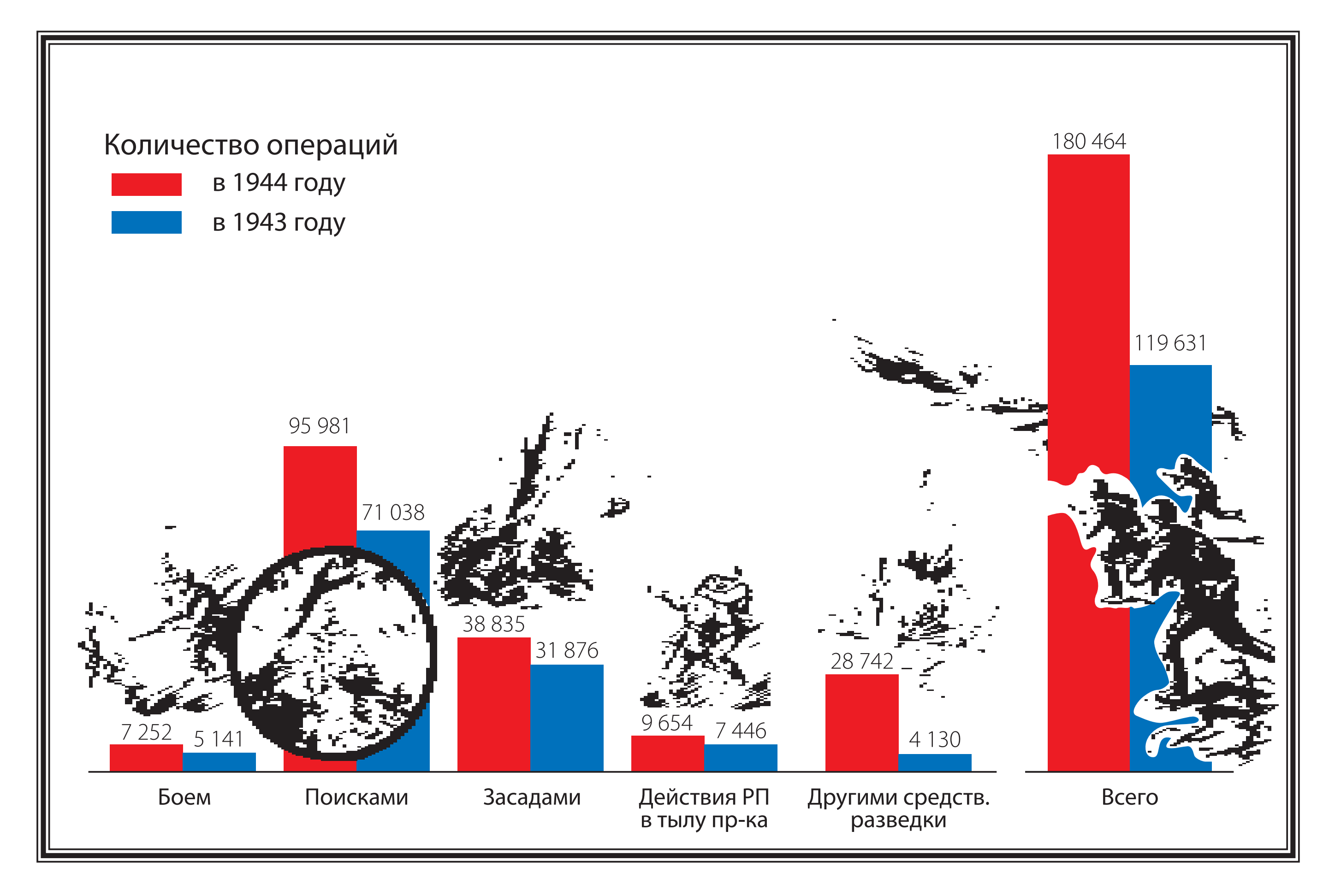
В начале 1944 г., после того как Л. П. Берия был назначен административным руководителем советского атомного проекта, под его руководством состоялось первое совещание руководителей военной разведки и разведки НКВД, посвященное анализу возможностей по добыванию документальных материалов и образцов, связанных с разработкой в США атомного оружия[242]. В работе совещания принимали участие начальник военной разведки генерал-лейтенант И. И. Ильичев и его помощник полковник М. А. Мильштейн, разведку НКВД представляли П. М. Фитин и Г. Б. Овакимян. На совещании присутствовал и высокопоставленный сотрудник НКВД П. А. Судоплатов.

Для повышения эффективности действий советских разведслужб в области добывания сведений об атомных проектах США и Англии по указанию Л. П. Берии в НКВД был создан отдел «С», а его начальником был назначен полковник П. А. Судоплатов. Одна из основных задач этого отдела состояла в координации деятельности работы Разведуправления и НКВД по сбору информации по урановой проблеме и реализации полученных данных внутри страны.

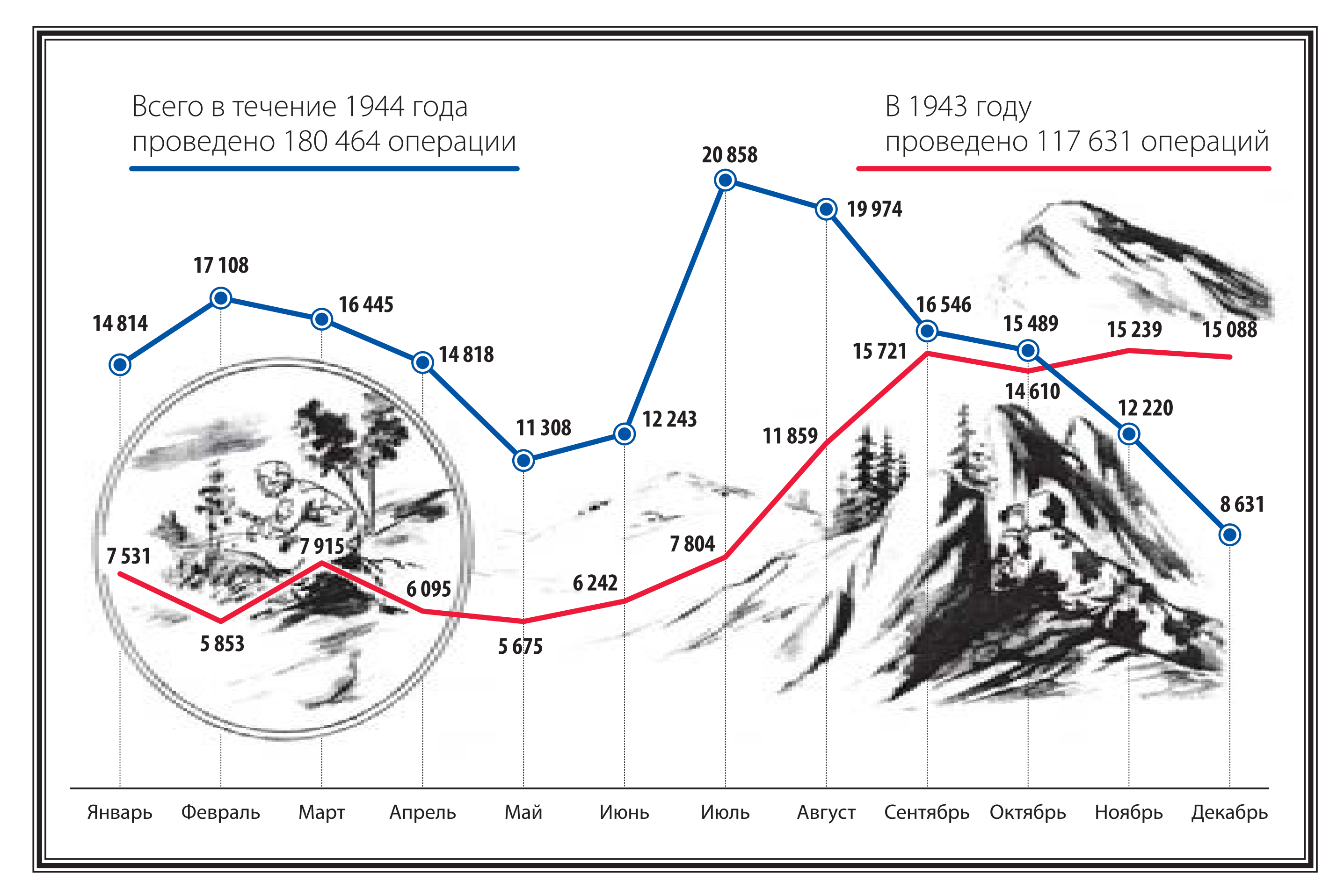
В соответствии с решением совещания руководителей советских разведывательных служб все усилия по проникновению на атомные объекты иностранных государств были сконцентрированы во внешней разведке НКВД. Военная разведка передала НКВД все данные на агента Клауса Фукса, планировалось передать и установочные данные на агента А. Мэя, а также условия связи с ним в Канаде, где он работал в секретной лаборатории Монреальского университета. Но в связи с тем, что у внешней разведки НКГБ в Канаде не было своих оперативных сил, весной 1945 г. связь с А. Мэем восстановил сотрудник ГРУ старший лейтенант П. Н. Ангелов, который провел несколько встреч с этим ценным агентом и получил от него более 150 листов документов по американскому атомному проекту. Мэй также передал Ангелову два образца вещества урана-235, 238.

После совещания на Лубянке в феврале 1944 г. начальник ГРУ генерал-лейтенант Ильичев дал указание резидентурам в Лондоне и Нью-Йорке активизировать работу по привлечению источников получения сведений по американскому атомному проекту. В ГРУ было принято решение подключить к добыванию информации по урановой бомбе разведчиков-нелегалов. В США одним из таких разведчиков был А. А. Адамс.

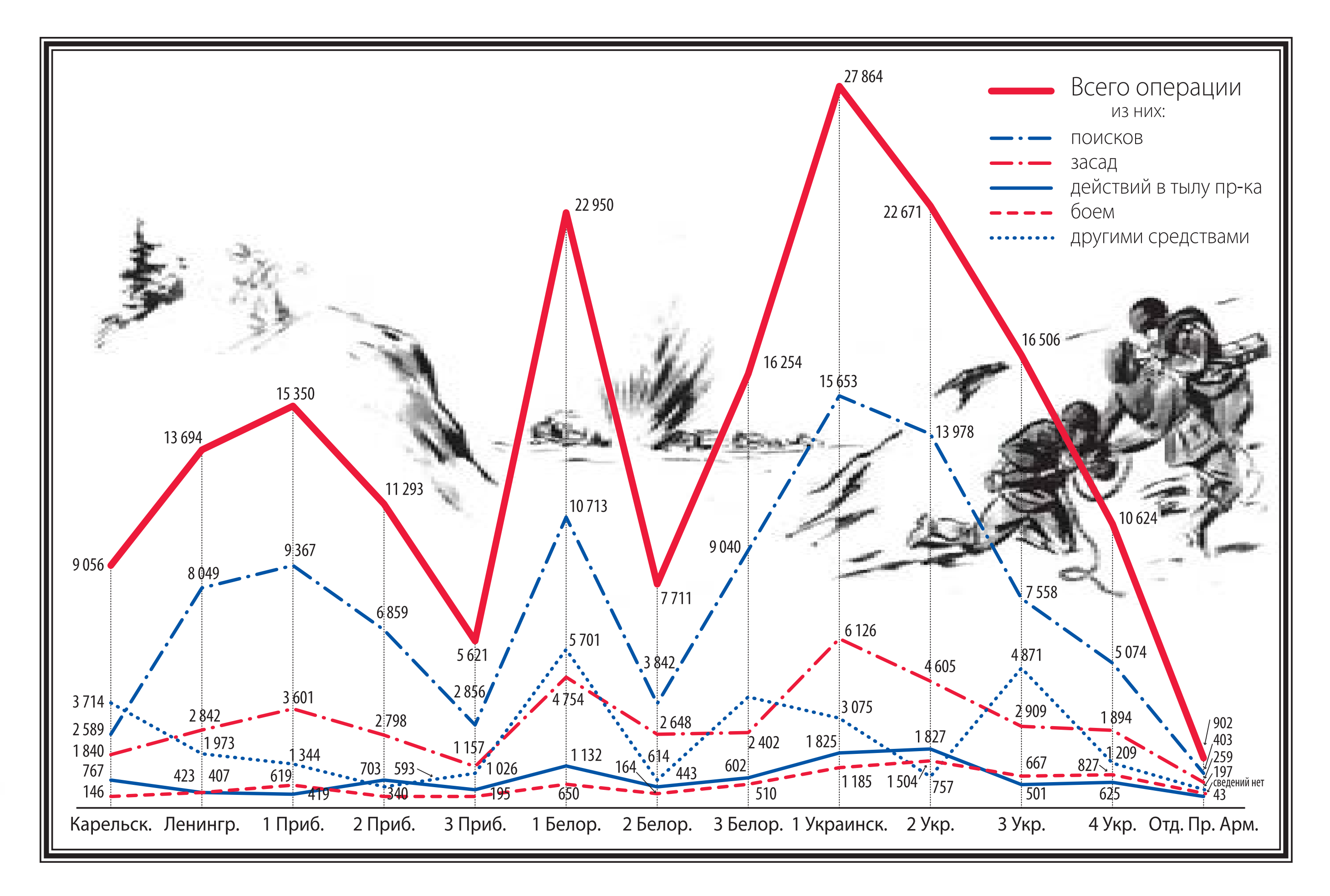
В феврале 1944 г. Адамс привлек к сотрудничеству американского ученого, который в ГРУ получил псевдоним Кемп. Ученый передал Адамсу 18 закрытых научно-технических

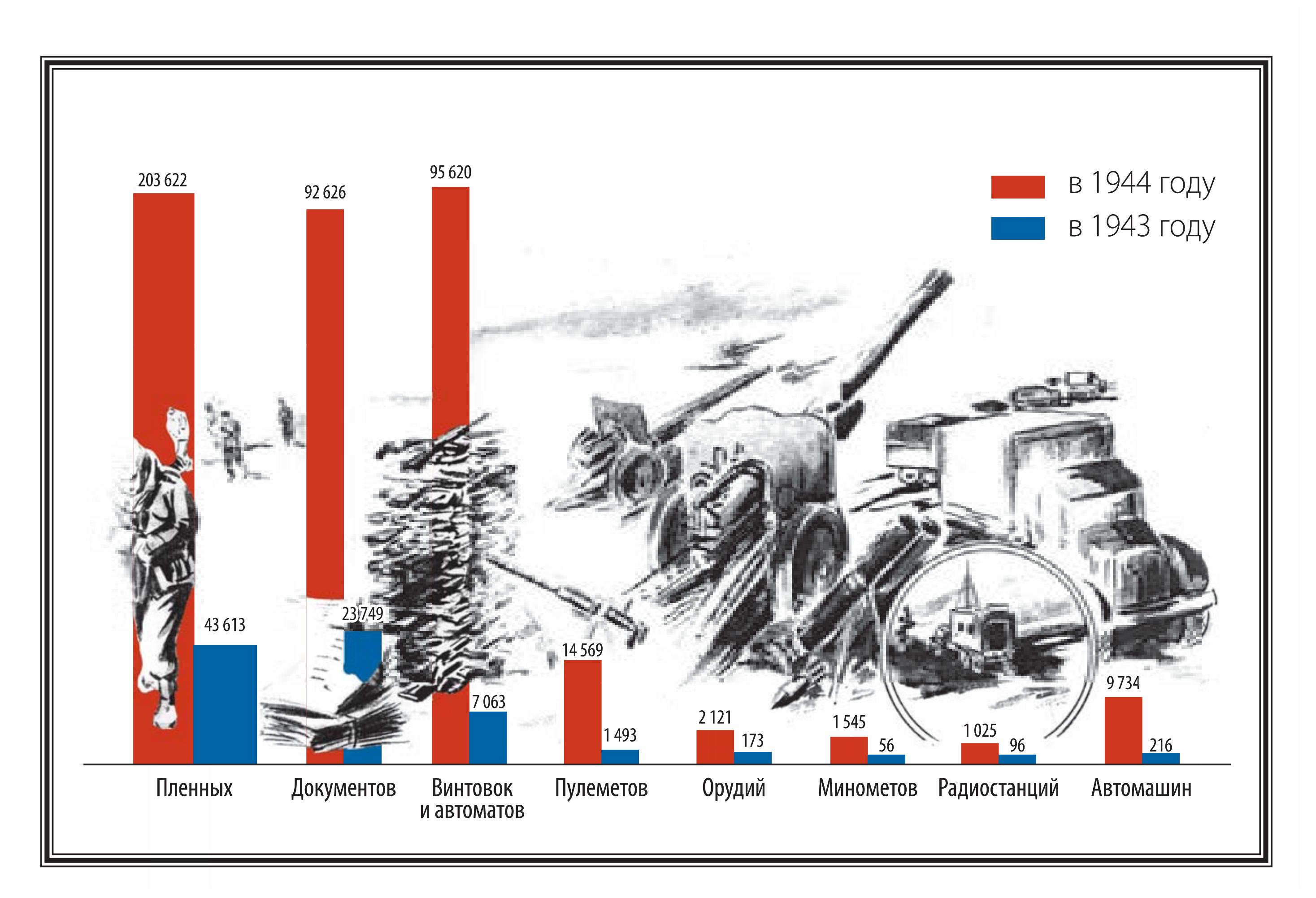
Количество разведывательных операций, проведенных в 1943 и 1944 гг.

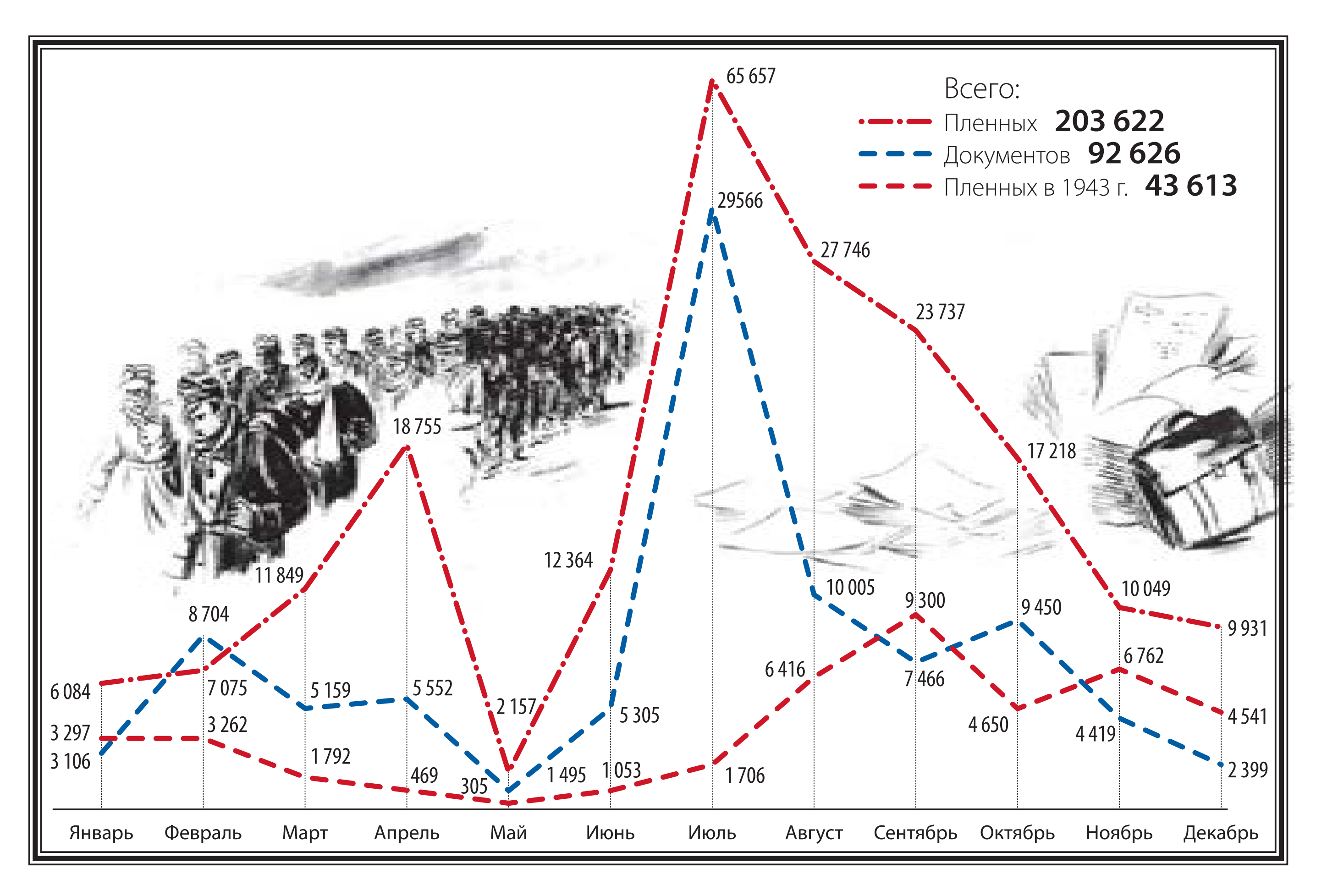
Количество проведенных разведывательных операций на всех фронтах по месяцам за 1944 г.

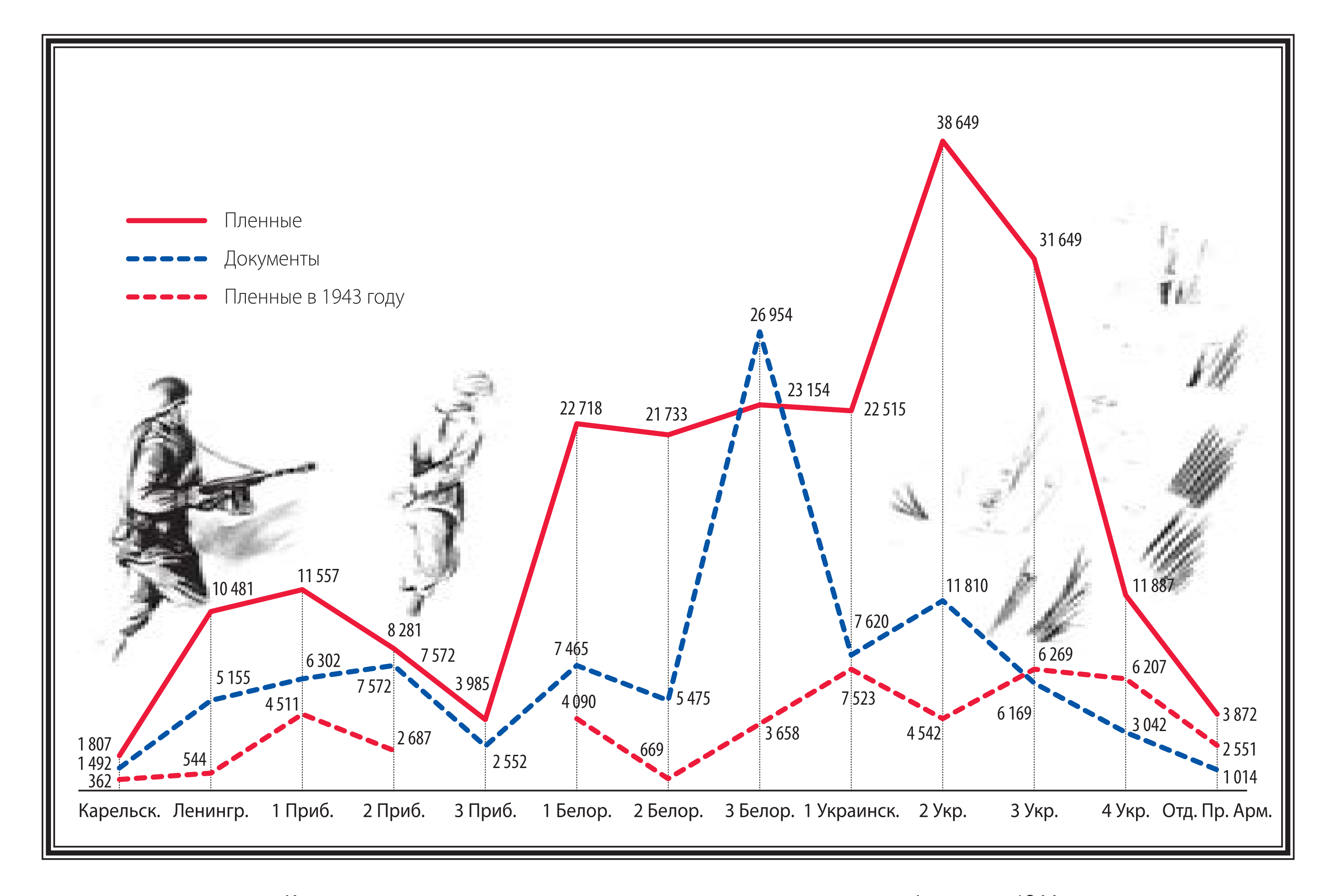
Количество проведенных разведывательных операций по фронтам за 1944 г.

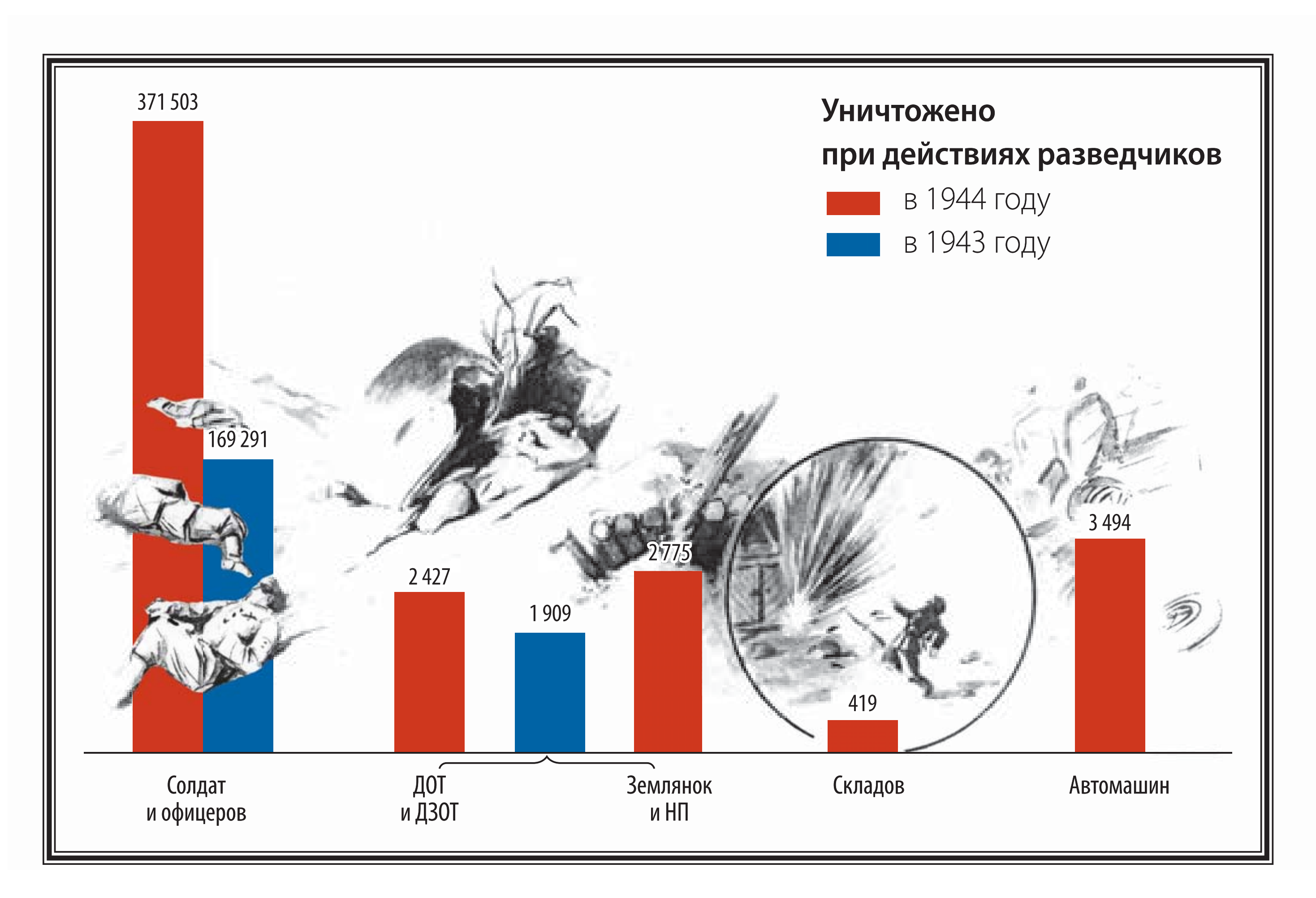
Общие потери противника за 1944 г.

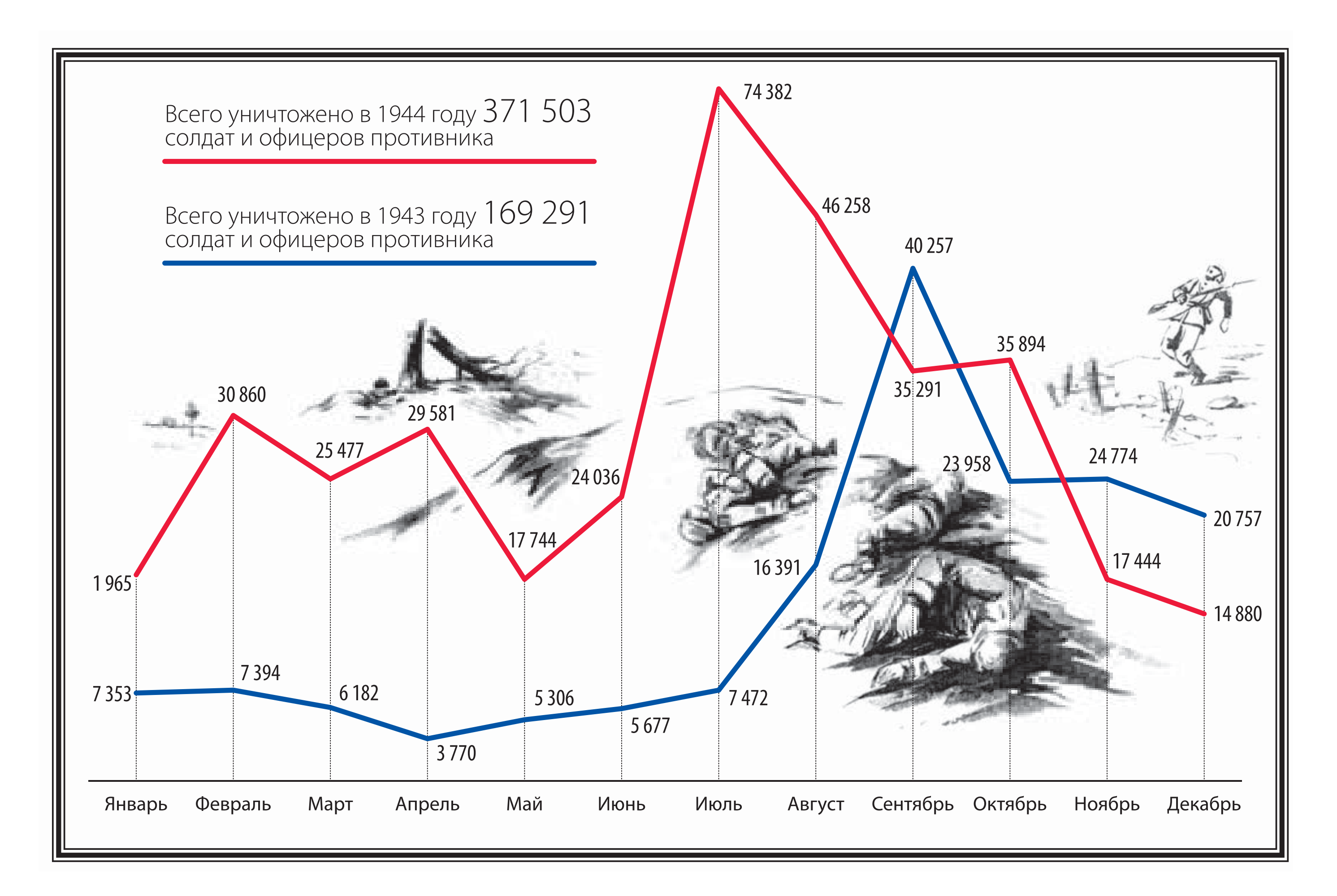
Количество пленных и документов, захваченных разведчиками в 1944 г.

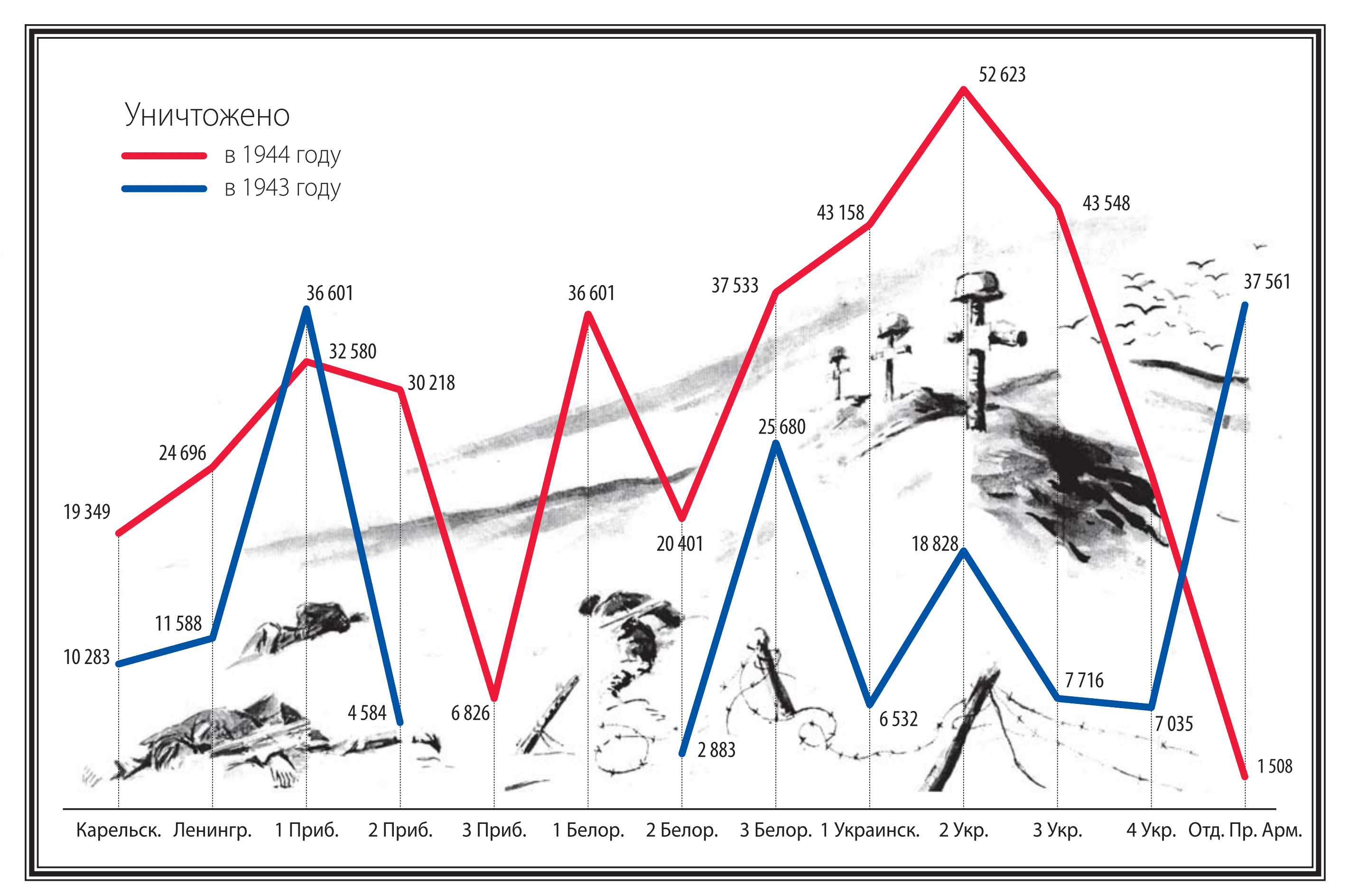
Количество пленных и документов, захваченных разведчиками, по фронтам в 1944 г.

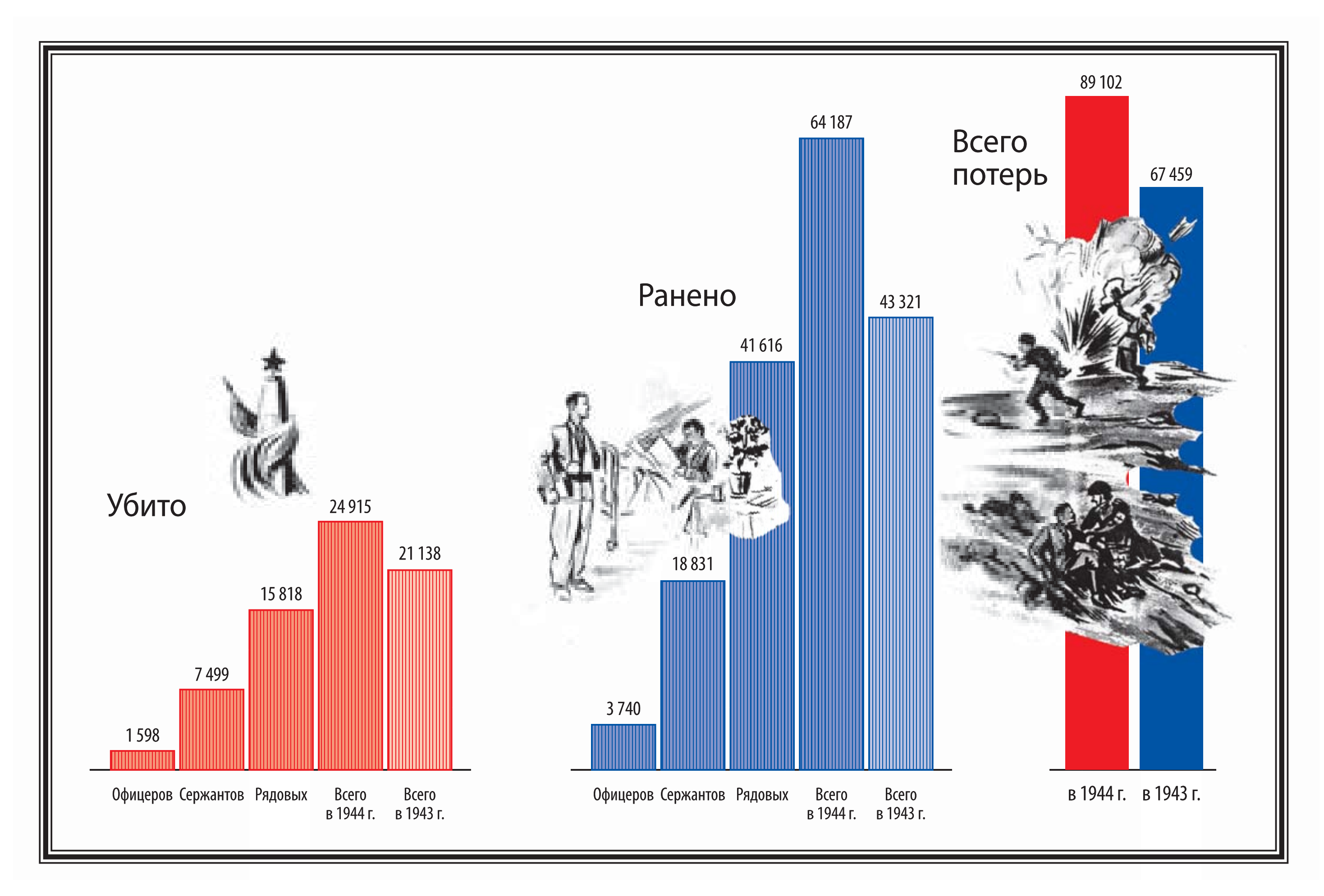
Общие потери противника в результате действий разведчиков за 1944 г.

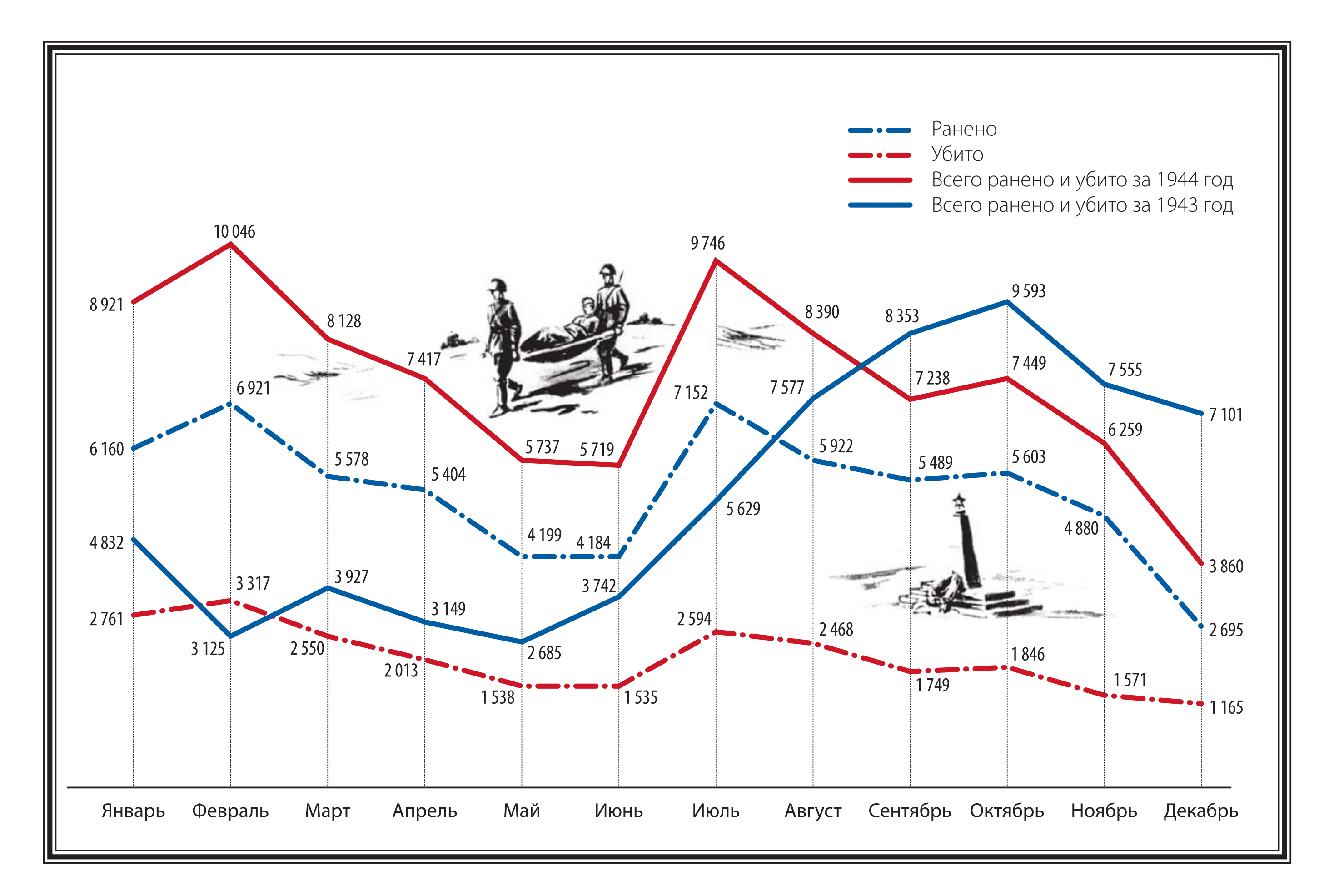
Количество солдат и офицеров противника, уничтоженных в процессе действий разведчиков по месяцам в 1944 г.

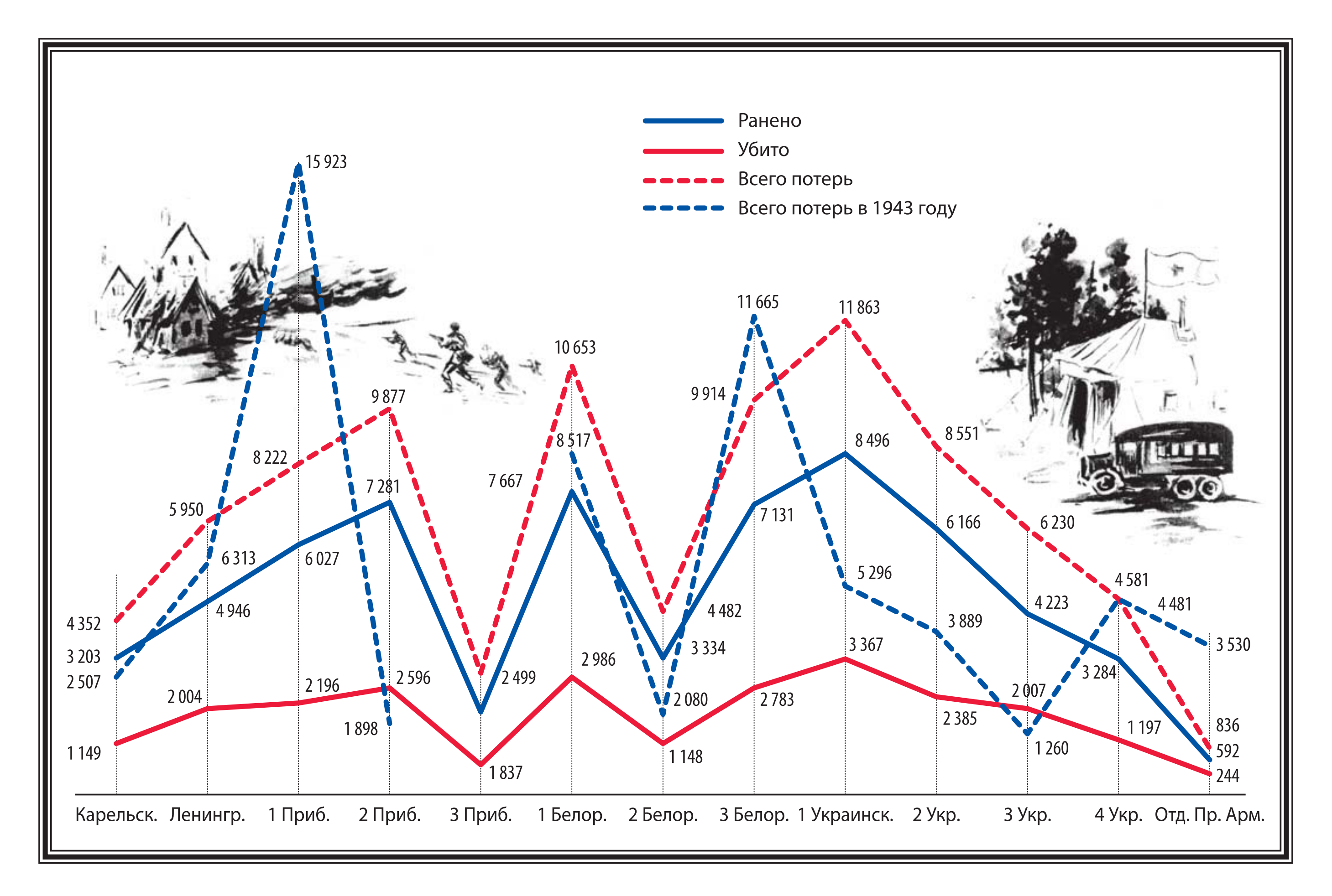
Количество солдат, уничтоженных в процессе действий разведчиков по фронтам в 1944 г.

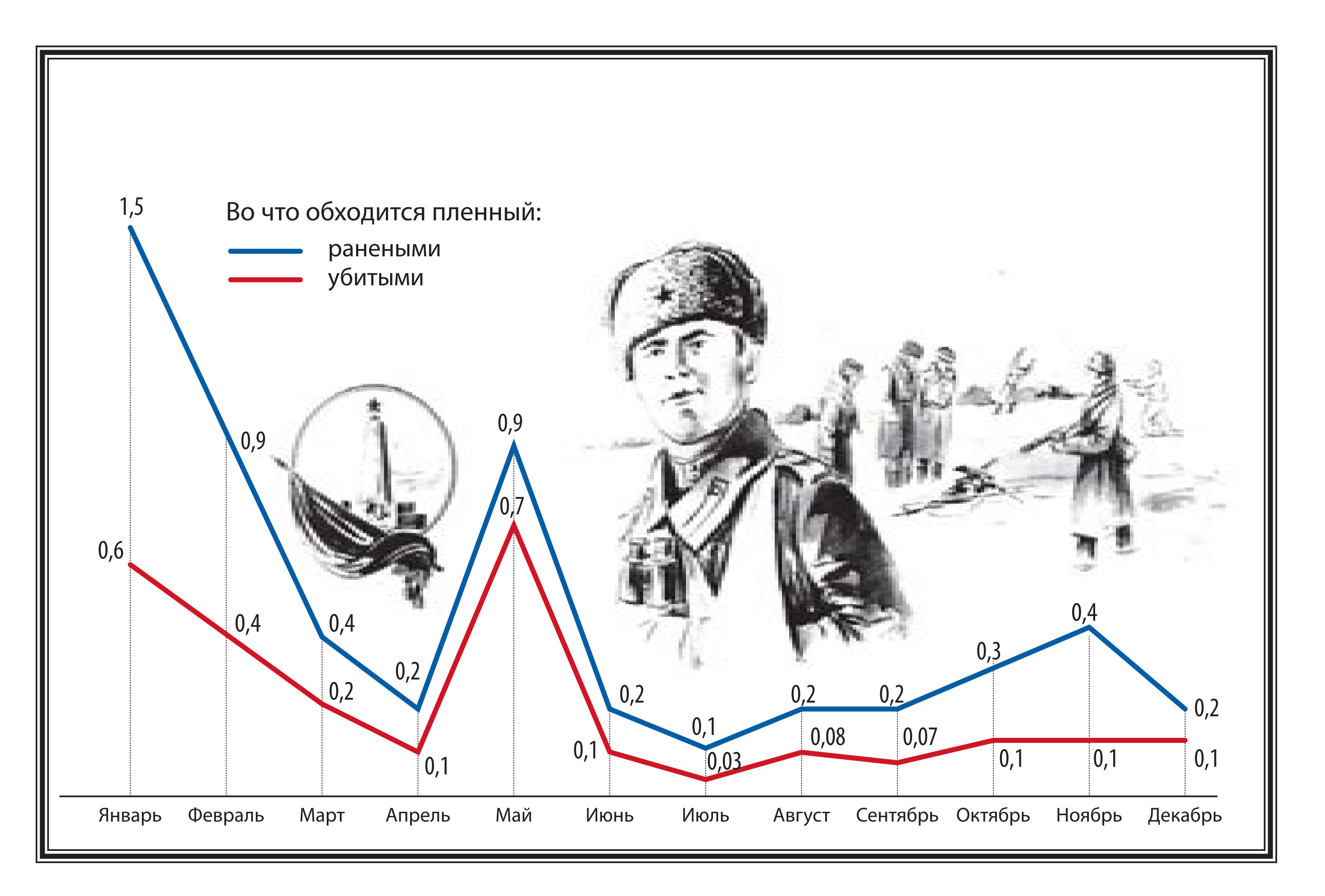
Потери наших разведчиков за 1944 г.

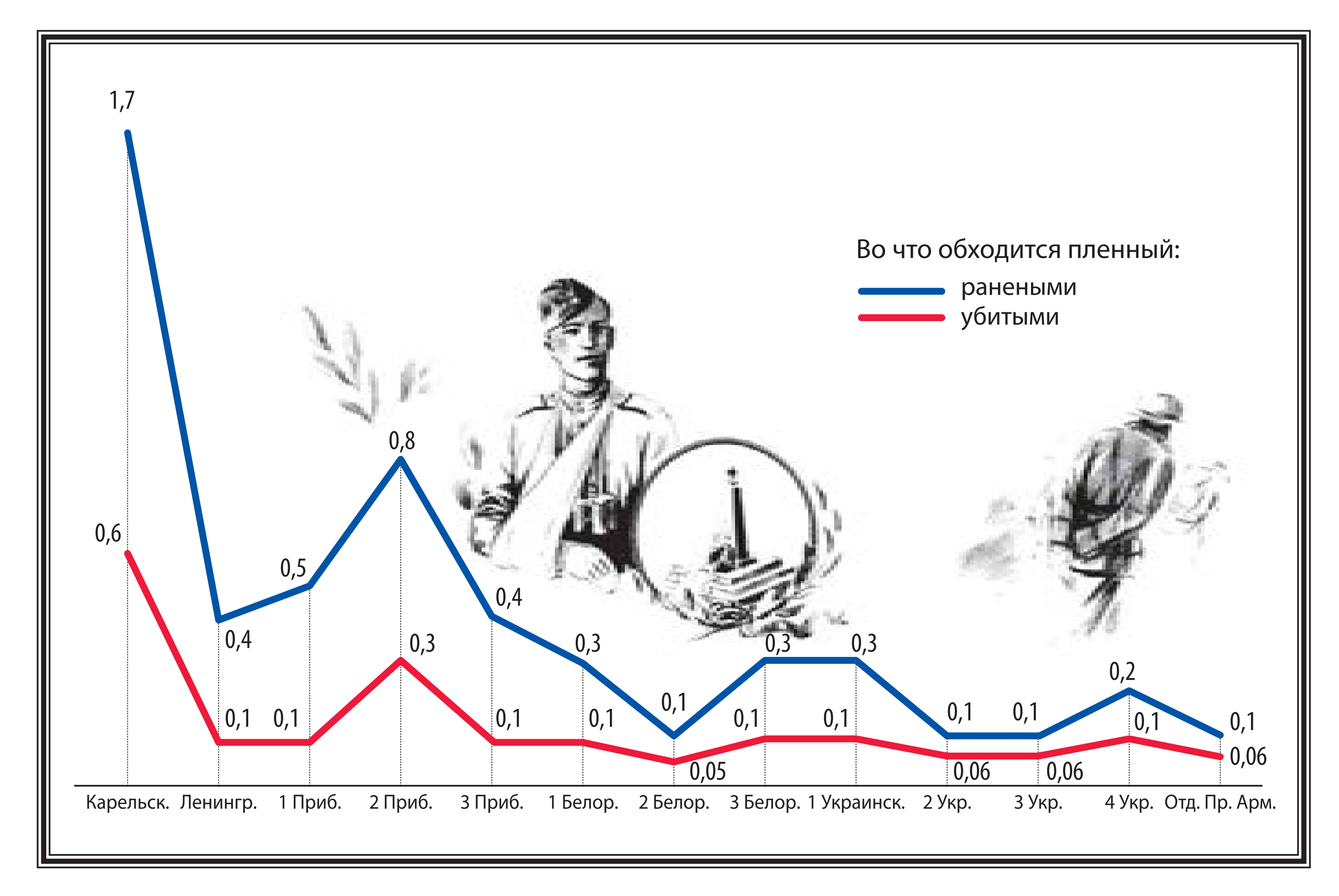
Потери наших разведчиков по месяцам за 1944 г.

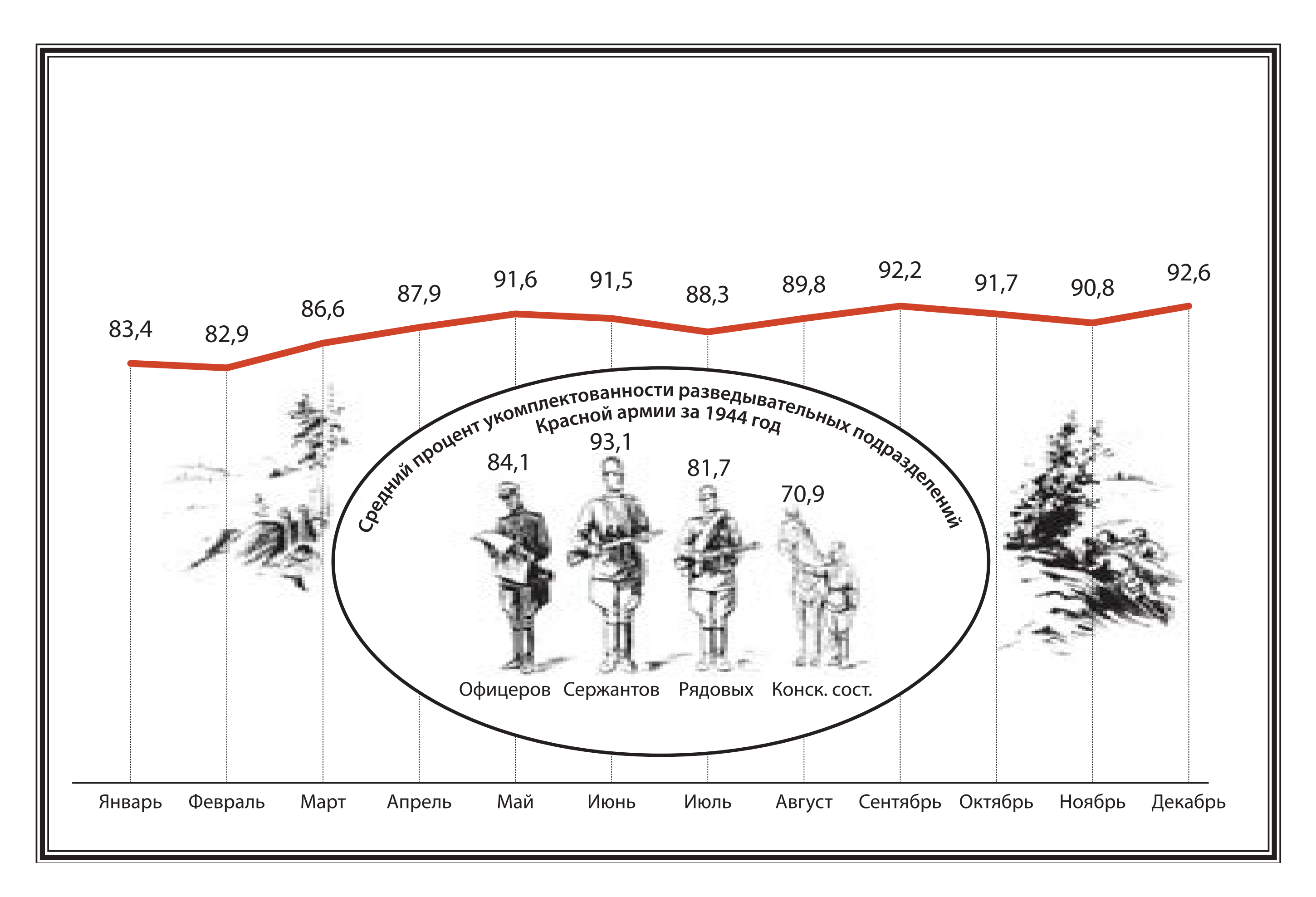
Потери наших разведчиков по фронтам за 1944 г.

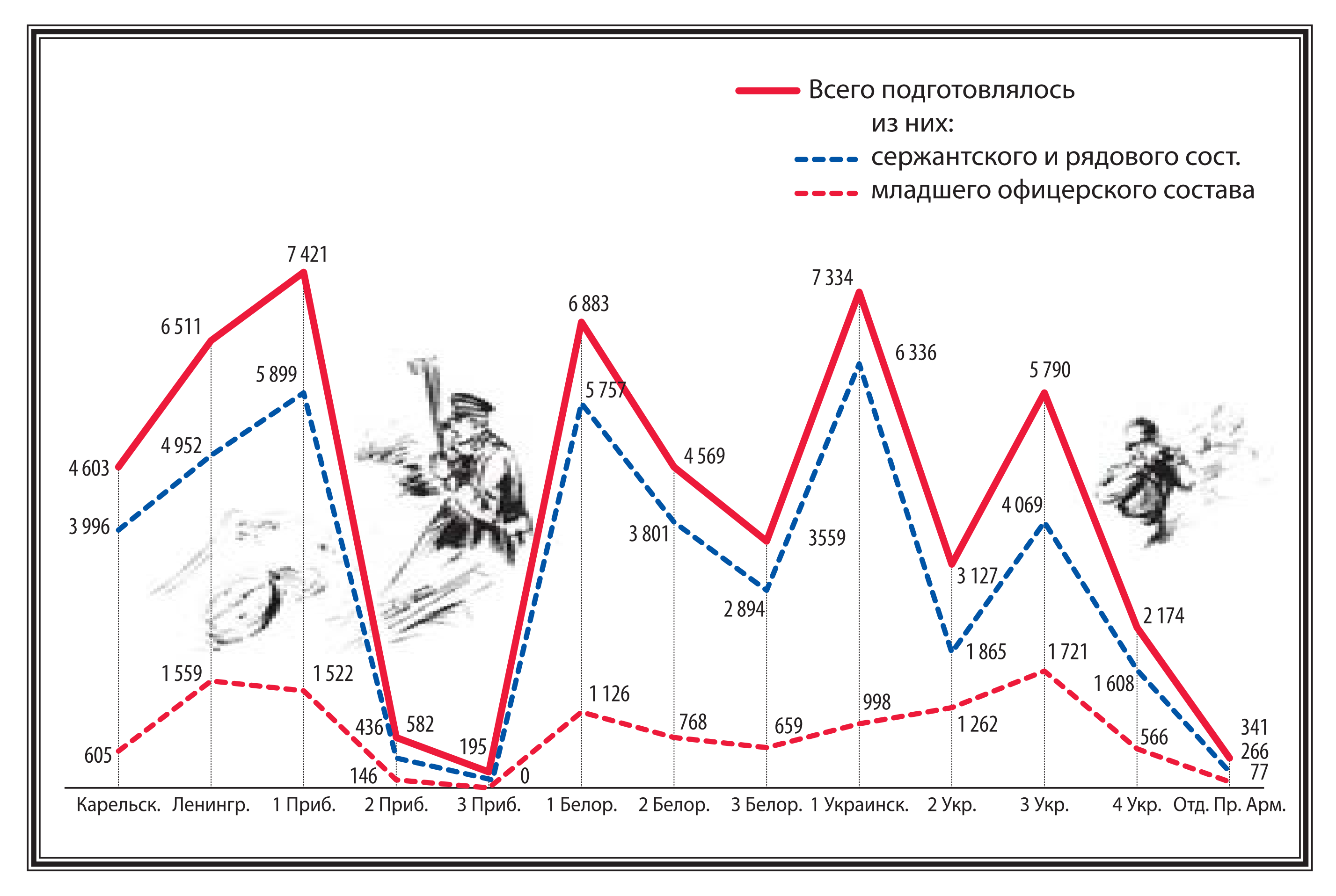
Во что, в среднем, обходится пленный убитыми и ранеными нашими разведчиками по месяцам за 1944 г.

Во что, в среднем, обходится пленный убитыми и ранеными нашими разведчиками по фронтам за 1944 г.

Средний процент укомплектованности разведывательных подразделений во всех фронтах по месяцам за 1944 г.

Ход подготовки резерва разведчиков в 1944 г.

документов по американскому атомному проекту. Общий объем документов, полученных от Кемпа, составил 986 страниц[243].

После первой встречи с Кемпом Адамс направил начальнику военной разведки личное письмо, в котором говорилось следующее: «Дорогой Директор!.. В США усиленно работают над проблемой использования энергии урания (не уверен, так ли по-русски называется этот элемент) для военных целей.

Для характеристики того, какое внимание уделяется этой проблеме в США, могу указать следующее:

1. Секретный фонд в один миллиард долларов... уже почти израсходован на исследовательскую работу и работу по созданию технологии производства названных раньше элементов...

2. Тысячи инженеров и техников заняты в этой работе. Сотни высококвалифицированных врачей изучают влияние радиоактивного излучения на человеческий организм. В Чикагском и Колумбийском университетах, где ведутся эти исследования, построены и действуют особые лаборатории. Специальная комиссия, состоящая из наивысших военных чинов и ученых, руководит этой работой...

3. Мой источник сообщил, что уже проектируется снаряд, который будет сброшен на землю. Своим излучением и ударной волной этот взрыв уничтожит все живое в районе сотен миль. Он не желал бы, чтобы такой снаряд был сброшен на землю нашей страны. Это проектируется полное уничтожение Японии, но нет гарантии, что наши союзники не попытаются оказать влияние и на нас, когда в их распоряжении будет такое оружие. Никакие противосредства не известны всем исследователям, занятым в этой работе. Нам нужно также иметь такое оружие, и мы теперь имеем возможность получить достаточно данных, чтобы вести самим работы в этом направлении.

4. Посылаю образцы ураниума и бериллиума»[244].

Материалы, добытые А. А. Адамсом, начальник ГРУ 26 июня 1944 г. направил наркому химической промышленности СССР М. Г. Первухину. В записке, сопровождавшей разведматериалы, указывалось: «При этом направляю Вам по прилагаемой описи добытые агентурным путем совершенно секретные материалы различных научно-исследовательских организаций США на 986 фото и 19 листах по вопросу об использовании урана для военных целей»[245].

М. Г. Первухин передал материалы советской военной разведки академику И. В. Курчатову для научной оценки. 11 июля 1944 г. Курчатов направил Первухину совершенно секретную записку, в которой сообщал: «Материал представляет собой результат работы большого количества специалистов исключительно высокой квалификации, успешно разрабатывающих уран-графитовые котлы. Материал для нас исключительно ценен, потому что наряду с результатами теоретических расчетов он содержит: схемы и описания опытов; протоколы наблюдений и испытаний; точные чертежи разного рода устройств; конкретные данные по аппаратуре с указанием производящих фирм»[246].

В мае 1944 г. Адамс получил от Кемпа еще 2500 страниц закрытых материалов по американскому атомному проекту и новые образцы, которые были направлены в Москву. 6 июня 1944 г. по указанию начальника военной разведки генерал-лейтенанта И. И. Ильичева в Наркомат химической промышленности были отосланы образцы урана, графита и тяжелой воды, добытые Адамсом, а также фотопленки всех материалов. Всего в 1944 г. Адамс направил в Центр около 5 тыс. листов секретных документов по американскому атомному проекту.

Кроме А. А. Адамса военная разведка имела на территории США и других разведчиков-нелегалов. К добыванию сведений по американскому атомному проекту был подключен разведчик Ж. А. Коваль (псевдоним Дельмар). Он смог проникнуть на секретный американский атомный объект, который располагался в г. Ок-Ридж, где американские физики наладили производство оружейного урана, плутония и полония. Разведчик сообщил в Центр о местонахождении этого объекта, его предназначении и производстве материалов, необходимых для создания атомной бомбы. Это была ценнейшая информация. Атомный объект в Ок-Ридже являлся закрытой и строго охраняемой зоной, даже К. Фуксу, который занимался

разработкой математического аппарата газодиффузионного процесса обогащения урана и решением технологических проблем строившегося комплекса в Ок-Ридже, посещать этот секретный объект было запрещено. Коваль работал радиометристом в одной из лабораторий Ок-Риджа. Он сообщил в Центр о том, что все заводы комплекса разделены на три литерных сектора К-25, У-12 и Х-10, а также что производилось на этих литерных объектах и какие материалы американские конструкторы использовали для создания нейтронного запала, который значительно увеличивал мощность взрыва атомной бомбы.

В 1944 г. военная разведка получала сведения об американском атомном проекте от агента, который имел условный номер «3». Этот источник изучал физические и химические особенности радиоактивных изотопов урана, имел большой круг знакомых среди американских атомщиков и передал советской военной разведке значительное количество ценных материалов по урановой теме.

Отечественная военная разведка в 1944—1945 гг. имела информацию еще об одном секретном атомном проекте США. Речь идет о проекте под условным наименованием «Меррей Хилл Эриа», представлявшем собой программу инвентаризации «глобальных запасов и месторождений радиоактивных элементов и установления над ними единого американского контроля»[247]. Данные об этой программе были добыты военным разведчиком Л. А. Сергеевым. Реализуя этот секретный проект, американцы добивались ограничения доступа всех стран, кроме Великобритании, к мировым запасам урановых руд. По данным руководителя американского атомного проекта генерала Л. Гровса, эта задача была реализована к концу 1945 г. на 97%[248].

Действиями военных разведчиков, информировавших об американском атомном проекте, на территории США руководил главный резидент военной разведки в Соединенных Штатах П. П. Мелкишев, который работал в Нью-Йорке и занимал должность вице-консула в советском дипломатическом представительстве.

Без внимания советской разведки не остался и германский атомный проект. Добыванием сведений о работах немецких физиков в 1941 г. занималась резидентура военной разведки в Лондоне, которой руководил генерал-майор И. А. Скляров. На начальном этапе работы К. Фукса в Бирмингемской лаборатории ему была поручена экспертная оценка материалов о германском атомном проекте, которые получала британская разведка с помощью своего агента Гриффина, действовавшего в Германии. Сведения, которые Гриффин поставлял британской разведке, Фукс передавал советскому разведчику полковнику С. Д. Кремеру. Данные о германском атомном проекте добывала и резидентура ГРУ в Швейцарии «Дора», которой руководил Ш. Радо.

Усилиями офицеров и сотрудников военной разведки в 1941—1949 гг. было получено 5785 листов секретных материалов об атомных проектах США, Германии и Великобритании и 25 образцов. Научную значимость работы, проделанной военной разведкой по раскрытию атомных секретов, оценил руководитель советского атомного проекта академик И. В. Курчатов. По его мнению, материалы, добытые военной разведкой, должны были принести «громадную пользу работам наших научно-исследовательских институтов, занимающихся аналогичной проблемой»[249]. Использование советскими физиками значительного количества секретных материалов ускорило процесс создания отечественной атомной бомбы.

В августе 1945 г. начальник ГРУ генерал-полковник Ф. Ф. Кузнецов получил от начальника Генерального штаба А. И. Антонова указание добыть сведения о результатах применения американцами атомного оружия в Японии. Требовалось установить характер и масштабы разрушений, получить образцы грунта, воды, различных строительных материалов и даже фрагментов любой живой природы, оказавшейся в районе и под воздействием атомных взрывов. Для того чтобы выполнить это указание начальника Генерального штаба, необходимо было направить в районы бомбардировок офицеров военной разведки, способных оценить последствия атомных ударов по японским городам.

В Токио действовала резидентура советской военной разведки, которой руководил подполковник К. П. Сонин[250]. Кузнецов направил Сонину указание, в соответствии с которым

разведчикам предстояло «принять срочные меры по обследованию действий атомных бомб в районах Хиросима и Нагасаки. Результаты доложить». Такое же указание поступило и помощнику военно-морского атташе СССР в Японии капитану 1 ранга А. И. Родионову[251].

Исследовать последствия атомных бомбардировок можно было, только выехав непосредственно на место, где находились развалины городов. В августе резидентура не смогла выполнить указание начальника военной разведки. Но после 2 сентября, когда был подписан акт о капитуляции Японии, обстановка в Токио и вокруг советского посольства стабилизировалась, и разведчики смогли выехать в разрушенные японские города.

Подполковник К. П. Сонин поручил своему заместителю подполковнику М. Романову отправиться в Хиросиму и Нагасаки для выполнения задания начальника ГРУ. Вместе с Романовым для сбора материалов о разрушенных американцами японских городах отправились переводчик аппарата военно-морского атташе лейтенант Н. Кикенин и корреспондент ТАСС в Токио А. Варшавский. 14 сентября разведчики прибыли в Хиросиму и собрали различные материалы (образцы грунта, строительных материалов и прочее) на месте уничтоженного города. В Нагасаки группа Романова работала 16 сентября. Обратный путь в Токио разведчики проделали с начальником санитарной службы 5-го американского флота генералом Вилкатсом, который утверждал, что в районе атомного взрыва безопасно. Романов и члены его группы были глубоко убеждены в обратном.

18 сентября посол СССР в Японии Я. А. Малик докладывал в Москву: «В Хиросиму уже вылетел исполняющий обязанности военного атташе Романов. На днях по договоренности с американцами туда вылетает группа наших работников и наш кинооператор, которые осмотрят на месте последствия применения атомной бомбы, сфотографируют на кинопленку и подробно опишут все увиденное. Материалы из японской прессы тщательно подбираются. Однако, по мнению тов. Деревянко (и я с ним полностью согласен), более целесообразно и желательно прислать из Союза двух-трех специалистов для исследования последствий применения атомной бомбы»[252].

Возвратившись в посольство, Романов и его товарищи подготовили отчеты о посещении Хиросимы и Нагасаки. Один отчет был направлен командованию советской военной разведки, второй передан советскому послу в Японии Я. А. Малику, который направил его В. М. Молотову. Вместе с отчетом Романова посол направил подборку вырезок из японских газет «Майнити» и «Асахи» о поражающих факторах атомной бомбы. Отчетные документы военных разведчиков о пребывании в Хиросиме и Нагасаки в Главное разведывательное управление доставил лично подполковник М. Романов.

Резидент К. Сонин, который самостоятельно побывал в одном из поверженных японских городов, 29 сентября докладывал в Центр: «Лично вылетал в Нагасаки... Как и следовало ожидать, никаких воронок в местах взрывов бомб не существует. По общему утверждению, разрывы происходили в воздухе. В радиусе до одного километра от эпицентра разрыва бомбы силой удара уничтожено все. Исключение составляют сохранившиеся коробки железобетонных зданий и мостов»[253].

В начале ноября 1945 г. начальник ГРУ генерал-полковник Ф. Ф. Кузнецов, получивший все материалы разведчиков о посещении Хиросимы и Нагасаки и последствиях атомных бомбардировок японских городов, направил подробный отчет начальнику Генерального штаба генералу армии А. И. Антонову. К документам военных разведчиков прилагался и кинофильм, снятый кинооператором «Совкинохроники» Прудниковым в Хиросиме и Нагасаки.

Военным разведчикам полковнику А. А. Адамсу, Я. П. Черняку и Ж. А. Ковалю за мужество и героизм, проявленные при выполнении специальных заданий в годы Великой Отечественной войны, было присвоено высокое звание Героя России. Большой вклад в добывание атомных секретов внесли полковники С. Д. Кремер и Н. И. Заботин, подполковники К. П. Сонин и М. Романов, майоры П. П. Мелкишев и П. С. Мотинов, капитан А. Ф. Косицын, старший лейтенант П. Н. Ангелов и лейтенант Н. П. Кикенин, У. Кучински и другие.

Сведения военно-технического характера, которые военные разведчики добывали в 1941—1945 гг., представляли значительную ценность. Они позволяли советским ученым ускоренными темпами совершенствовать оружие и военную технику, которые поступали на вооружение войск Красной армии и сил Военно-морского флота.

Можно вполне обоснованно сказать, что в годы Великой Отечественной войны все виды военной разведки, взаимодействуя с внешней разведкой НКВД, своевременно и в достаточной степени качественно решали задачи по добыванию сведений о противнике, проводили в его тылу разведывательные и диверсионные операции, которые помогали войскам Красной армии одерживать победы.

За мужество и героизм, проявленные в боях против германских войск, офицер военно-морской разведки капитан-лейтенант В. Н. Леонов был дважды удостоен звания Герой Советского Союза. В числе военных разведчиков зарубежной разведки Наркомата обороны СССР звание Герой Советского Союза было присвоено Р. Зорге. Героями Советского Союза стали летчик 215-й отдельной дальнеразведывательной эскадрильи Ставки ВГК И. И. Лезжов, а также военные летчики-разведчики В. И. Кириленко, И. С. Мельников, Е. В. Мартынов и др.

Среди удостоенных высшей степени отличия СССР — офицеры оперативной и войсковой разведки генерал-майор И. Н. Банов, полковники А. П. Бринский, В. В. Карпов и Г. М. Линьков, майоры Г. И. Братчиков, К. С. Гнидаш, Ф. И. Кравченко, Н. П. Федоров, В. В. Щербина, П. П. Вершигора, В. С. Заимов, главный старшина С. М. Агафонов, старшина 2-й статьи В. Д. Федоров, З. А. Космодемьянская, Е. Ф. Колесова, М. Б. Осипова, Е. Г. Мазаник, Х. А. Кульман, А. Н. Криворученко, А. А. Матросов, А. А. Морозова, И. Я. Никонов и другие военные разведчики.

В 1994 г. участники Великой Отечественной войны полковник И. А. Колос и разведчица В. Д. Волошина были удостоены звания Герой России.

В 1995 г. указом Президента Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные в борьбе с немецко-фашистскими захватчиками звание Героя России было присвоено командиру партизанского отряда Д. Т. Узденову.

В целом за подвиги, совершенные в годы Великой Отечественной войны, удостоены званий Герой Советского Союза и Герой России 597 военных разведчиков.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 11610. Д. 19. Л. 1–9.

[2] *Павлов А. Г.* Военная разведка СССР в 1941–1945 гг. // *Лурье В. М., Кочик В. Я.* ГРУ. Дела и люди. М., 2002. С. 583.

[3] *Пещерский В. Л.* «Красная капелла». Советская разведка против абвера и гестапо. М., 2000. С. 10–11; *Бирнат К. Г., Краусхаар Л.* Организация Шульце-Бойзена — Харнака в антифашистской борьбе. М., 1974; *Перро Ж.* «Красная капелла». М., 2004; *Полторак С.* Разведчик Кент. СПб., 2003; *Треппер Л.* Большая игра. М., 1990.

[4] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 4612. Д. 2. Л. 9–93.

[5] *Рубцов Ю. В.* Миссия генерала Голикова // Международная жизнь. 2011. № 6.

[6] *Кондрашов В. В.* Знать все о противнике. М., 2010. С. 135.

[7] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7567. Д. 1. Л. 43.

[8] *Бочкарев В. В.* 60 лет в ГРУ. М., 2003. С. 50–51; *Ивашутин П. И.* Докладывала точно // Военно-исторический журнал. 1990. № 5; *Никольский В.* Аквариум-2. М., 1987. С. 49–59.

[9] *Соколов А. М.* Великая Отечественная война. 1941. Хронограф. М., 2007. С. 339.

[10] Военная разведка в битве за Москву. М., 2005. С. 23.

[11] *Переверзев В. И.* Страницы из истории советской стратегической военной разведки. Как это было. 1918–1970. М., 2002. С. 49.

[12] *Дашичев В. И.* Банкротство стратегии германского фашизма. Исторические очерки, документы и материалы. В 3-х кн. М., 1973. Кн. 2. С. 241–242.

[13] Военно-исторический журнал. 1961. № 10. С. 87.

[14] *Фесюн А. Г.* Дело Рихарда Зорге. Неизвестные документы. СПб., 2000. С. 122–131.

[15] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 2. Л. 905.

[16] *Павлов А. Г.* Указ. соч. С. 585.

[17] Сергеев Лев Александрович (1906–1994), резидент ГРУ в США (1940–1946).

[18] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 3. Л. 59.

[19] *Переверзев В. И.* Указ. соч. С. 50.

[20] *Пещерский В. Л.* Указ. соч. С. 10–11.

[21] *Перро Ж.* Указ. соч. С. 197.

[22] *Павлов А. Г.* Указ. соч. С 585.

[23] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 11610. Д. 21. Л. 333–363.

[24] Военная разведка России. 200 лет. М., 2012. С. 364.

[25] *Кондрашов В. В.* Знать все о противнике. С. 139.

[26] *Бочкарев В.* Указ. соч. С. 50–51.

[27] Там же. С. 51–52.

[28] *Лота В. И.* ГРУ. Испытание войной. М., 2010. С. 166.

[29] *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. М., 2005. С. 290.

[30] *Корабельников В. В., Павлов А. Г. Никольский В. А., Полякова М. И., Лота В. И.* Военная разведка в битве за Москву. М., 2002. С. 36.

[31] Военная разведка России. С. 364.

[32] *Штеменко С. М.* Генеральный штаб в годы войны. В 2-х кн. М., 1985. Кн. 2. С. 264.

[33] *Лота В. И.* ГРУ. Испытание войной. С. 241.
[34] *Север А., Колпакиди А.* ГРУ. Уникальная энциклопедия. М., 2009. С. 413.
[35] *Кондрашов В. В.* Знать все о противнике. С. 148–149.
[36] Военная разведка России. С. 364–365.
[37] *Федоров В. М.* Военно-морская разведка: история и современность. М., 2008. С. 125.
[38] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24155. Д. 3. Л. 80–81.
[39] Там же. Оп. 7451. Д. 1. Л. 4–5.
[40] Там же. Л. 4.
[41] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24153. Д. 3. Л. 111.
[42] Там же. Оп. 7451. Д. 1. Л. 5.
[43] Там же. Л. 23.
[44] Там же. Л. 42–44.
[45] Там же. Д. 4. Л. 2.
[46] Там же. Л. 5.
[47] Там же. Л. 25.
[48] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. В 2-х т. М., 1986. Т. 1. С. 44–45.
[49] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24154. Д. 4. Л. 116.
[50] *Дашичев В. И.* Указ. соч. Т. 2. С. 320, 324.
[51] *Полмар Н., Аллен Т.* Энциклопедия шпионажа / Пер. с англ. М., 1999. С. 335–336; *Перро Ж.* Указ. соч. С. 230–231; *Полторак С.* Указ. соч. С. 361–381.
[52] Das Deutsche Reich und der Zweite Weltkreig. Bd. 9/1. 2004. S. 791–792.
[53] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24155. Д. 3. Л. 739–740.
[54] Цит. по: *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. С. 405.
[55] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7451. Д. 1. Л. 52–54.
[56] *Радо Ш.* Под псевдонимом «Дора». М., 1973. С. 138.
[57] Там же.
[58] *Лота В. И.* Сорвать «Эдельвейс». М., 2010. С. 127.
[59] *Квашнин А., Павлов А., Лота В.* Сталинградская эпопея военной разведки. М., 2002. С. 121.
[60] *Радо Ш.* Указ. соч. С. 105–108.
[61] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1973. С. 184–185.
[62] *Андроников Н. Г., Соколов А. М.* Великая Отечественная война. Хронограф. 1942. М., 2009. С. 284.
[63] *Бухгайт Г.* Абвер — щит и меч III рейха. М., 2003. С. 360–361.
[64] *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. С. 461.
[65] *Лота В. И.* ГРУ. Испытание войной. С. 294–297.
[66] *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. С. 532–533.
[67] *Квашнин А., Павлов А., Лота В.* Указ. соч. С. 136–137.
[68] Там же. С. 89, 94.
[69] ЦАМО. Оп. 11610. Д. 410. Л. 32.
[70] *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. С. 400.
[71] *Шмырев П., Добродий П.* По данным радиоразведки / Сталинградская эпопея военной разведки. М., 2002. С. 188.
[72] *Павлов А. Г.* Указ. соч. С. 591.
[73] *Штеменко С. М.* Указ. соч. Кн. 2. С. 107.
[74] *Корабельников В., Симонов В., Лота В.*, *Перминов С.* Военная разведка в битве за Кавказ. М., 2009. С. 127, 143.
[75] Там же. С. 92.
[76] Там же. С. 94.
[77] *Федоров В. М.* Указ. соч. С. 526.
[78] *Кондрашов В. В.* Знать все о противнике. С. 174–177.
[79] См.: *Черепанов В. В.* Власть и война. М., 2006. С. 301.
[80] Там же. С. 302.

[81] *Бабаянц Ю. А., Карпов В. В.* Они руководили ГРУ. Сборник биографических очерков. М., 2005. С. 177.

[82] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 11610. Д. 378. Л. 194–196.

[83] Там же. Оп. 24182. Д. 2. Л. 36.

[84] Там же. Оп. 11610. Д. 420. Л. 28–29.

[85] Там же.

[86] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24182. Д. 3. Л. 32.

[87] Там же. Оп. 24184. Д. 2. Л. 140–142.

[88] Там же. Л. 472.

[89] *Корабельников В. В., Павлов А. Г., Лота В. И., Шмырев П. С.* Указ. соч. С. 39.

[90] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24184. Д. 2. Л. 257.

[91] Там же. Оп. 14750. Д. 1. Л. 7–11.

[92] Там же. Оп. 24182. Д. 3. Л. 281.

[93] Там же. Д. 2. Л. 457; Д. 3. Л. 414.

[94] Там же. Д. 3. Л. 346.

[95] Там же. Л. 225.

[96] *Корабельников В. В., Павлов А. Г., Лота В. И., Шмырев П. С.* Указ. соч. С. 83–84.

[97] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24182. Д. 2. Л. 505.

[98] Там же. Л. 511.

[99] *Павлов А. Г.* Военная разведка СССР в 1941– 1945 гг. // Новая и новейшая история. 1995. № 2.

[100] *Радо Ш.* Указ. соч. С. 300–301. *Read A., Fisher D.* Operation LUCY. London, Hodder and Stougton, 1980. P. 186–187; *Палмар Н., Аллен Т.* Указ. соч. С. 200–201.

[101] *Жуков Г. К.* Воспоминания и размышления. М., 1965. С. 457.

[102] ЦАМО. Ф. 62. Оп. 323. Д. 5. Л. 250.

[103] Великая Отечественная война 1941–1945 годов. В 12-ти т. Т. 3. Битвы и сражения, изменившие ход войны. М., 2012. С. 534.

[104] *Лезжов И. И.* Разведчик. М., 2012. С. 59–62.

[105] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24185. Д. 2. Л. 177–178.

[106] Там же. Л. 262.

[107] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24336. Д. 1. Л. 2.

[108] Там же. Оп. 24185. Д. 1. Л. 348.

[109] Там же. Л. 462.

[110] *Жуков Г. К.* Величайшая победа СССР и бессилие фальсификаторов истории // Коммунист. 1970. № 1. С. 89.

[111] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании в во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 150–151.

[112] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7362. Д. 3. Л. 258–259.

[113] Там же. Оп. 24185. Д. 1. Л. 462.

[114] Там же. Л. 390–399.

[115] Там же. Л. 856.

[116] Там же. Д. 3. Л. 822.

[117] Там же. Д. 1. Л. 435.

[118] Там же. Л. 435–436.

[119] Там же. Л. 435.

[120] Там же. Д. 3. Л. 1002–1004.

[121] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24204. Д. 1. Л. 286.

[122] Там же. Оп. 24186. Д. 2. Л. 833.

[123] *Кузнец Ю.* Тегеран-43. М., 2003. С. 12–13.

[124] *Бойко В. И.* Военная разведка накануне и в годы Великой Отечественной войны. М., 2013. С. 158.

[125] *Дмитриев Д. М.* Военные партизаны. Летопись партизанских действий части особого назначения 9903. М., 2006. С. 5–6, 13, 21.

[126] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 4152. Д. 5. Л. 1–8, 18–19.

[127] Там же. Оп. 4120. Д. 2. Л. 103–105.

[128] *Пономаренко П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1945 гг. М., 1982. С. 41.

[129] *Асмолов А. Н.* Фронт в тылу вермахта. М., 1983. С. 15.

[130] Там же. С. 31.

[131] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 5894. Д. 2. Л. 293–304.

[132] Там же. Оп. 8445. Д. 1. Л. 25–28.

[133] *Кондрашов В. В.* История отечественной военной разведки. Документы и факты. М., 2012. С. 445–446.

[134] *Дюков А. Р.* Кто командовал советскими партизанами. Организованный хаос. М., 2012. С. 245.

[135] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 8475. Д. 1. Л. 53–147.

[136] *Кондрашов В. В.* Знать все о противнике. С. 119.

[137] Там же. Л. 225.

[138] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 4152. Д. 5. Л. 56, 144–149.

[139] *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. С. 372.

[140] *Черный И. Н.* Данные достоверны. М., 1972. С. 139.

[141] Там же. С. 218.

[142] До осени 1942 г. руководство ЦШПД представляло собой коллегию в составе начальника штаба П. К. Пономаренко и двух членов: от НКВД — В. Т. Сергиенко и от ГРУ ГШ КА — И. И. Ильичев.

[143] *Вершигора П.* Люди с чистой совестью. Рейд за Днепр. М., 1966. С. 41–42.

[144] *Пономаренко П. К.* Указ. соч. С. 36.

[145] Там же. С. 373.

[146] *Никольский В.* ГРУ в годы Великой Отечественной войны. М., 2005. С. 67–68.

[147] *Черный И. Н.* Указ. соч. С. 165.

[148] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 17021. Д. 1. Л. 70.

[149] Там же. Л. 108.

[150] *Кондрашов В. В.* Знать все о противнике. С. 191.

[151] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 10196. Д. 3. Л. 59–118, 119–131; Д. 4. Л. 271–272, 275–278.

[152] Там же. Оп. 12972. Д. 10. Л. 54–69.

[153] *Корабельников В. В., Павлов А. Г., Бойко В. И., Шмырев П. С., Добродий П. В.* Операция «Багратион» и военная разведка. М., 2004. С. 131.

[154] *Лота В. И.* Тайные операции Второй мировой. С. 382–383.

[155] *Корабельников В. В., Павлов А. Г., Бойко В. И.* Операция «Багратион» и военная разведка. М., 2004. С. 132.

[156] *Кондрашов В. В.* Знать все о противнике. С. 202.

[157] *Корабельников В. В., Павлов А. Г., Бойко В. И.* Указ. соч. С. 173.

[158] *Лота В.* Тайные операции Второй мировой. 2006. С. 381–389.

[159] Там же. С. 385.

[160] *Никольский В.* Указ. соч. С. 158.

[161] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 29742. Д. 3. Л. 195.

[162] *Лота В. И.* Информаторы Сталина. М., 2009. С. 182–183.

[163] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 9985. Д. 7. Л. 61–67.

[164] Военный энциклопедический словарь. М., 2007. С. 682–683.

[165] *Лота В. И.* Информаторы Сталина. С. 265, 302.

[166] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 11346. Д. 1. Л. 30, 31об.

[169] Переписка председателя Совета министров СССР с президентами США и премьер-министрами Великобритании во время Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Т. 2. С. 207–208.

[169] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 10196. Д. 4. Л. 189.

[170] *Dean John R.* The Strange Alliance. The Story Of Our Efforts at Cooperation with Russia. L., 1947.

[171] *Бабаянц Ю. А., Карпов В. В.* Указ. соч. С. 182–183.

[172] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 7272. Д. 1. Л. 149–150.

[173] Там же. Оп. 12963. Д. 9. Л. 2.

[174] Там же. Оп. 7272. Д 1. Л. 149–150.
[175] Там же. Л. 150.
[176] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 12963. Д. 9. Л. 3.
[177] Там же. Оп. 7272. Д. 1. Л. 149–150.
[178] Там же. Оп. 12963. Д. 9. Л. 3.
[179] Там же. Д. 7. Л. 230–231.
[180] Там же. Л. 292.
[181] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 28927. Д. 1. Л. 436–437.
[182] Там же. Оп. 24232. Д. 3. Л. 146, 174.
[183] Там же. Оп. 12963. Д. 7. Л. 292.
[184] Там же. Оп. 24232. Д. 2. Л. 20–55.
[185] Там же. Л. 211, 237.
[186] Там же. Л. 242.
[187] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 12963. Д. 7. Л. 293.
[188] Там же. Оп. 24232. Д. 3. Л. 175.
[189] Там же. Оп. 24261. Д. 1. Л. 26.
[190] Там же. Оп. 24232. Д. 3. Л. 235, 239, 480.
[191] Там же. Л. 89, 125, 146, 174.
[192] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 12963. Д. 9. Л. 3об.
[193] Там же. Оп. 11268. Д. 4. Л. 28, 33–34, 42–43.
[194] *Лота В. И.* Тайные операции Второй мировой. С. 37.
[195] Там же. С. 45.
[196] Там же. С. 51.
[197] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24232. Д. 2. Л. 562.
[198] Там же. Л. 563.
[199] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 11266. Д. 2. Л. 69–70.
[200] Там же. Д. 3. Л. 5.
[201] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24286. Д. 2. Л. 304.
[202] Там же. Л. 327.
[203] Там же. Л. 322.
[204] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 25314. Д. 1. Л. 40.
[205] Там же. Оп. 24286. Д. 2. Л. 310.
[206] Там же. Оп. 25314. Д. 1. Л. 358.
[207] Там же. Оп. 11246. Д. 1. Л. 35.
[208] *Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О.* Война. 1941–1945. Факты и документы. М., 2001. С. 268–269.
[209] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24285. Д. 2. Л. 1003.
[210] Мировые войны XX века. В 4-х кн. Кн. 4. Вторая мировая война. Документы и материалы. М., 2005. С. 614–615.
[211] Там же. С. 661.
[212] *Кульков Е., Мягков М., Ржешевский О.* Указ. соч. С. 269.
[213] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 28251. Д. 6. Л. 13.
[214] *Ржешевский О. А.* Секретные военные планы У. Черчилля против СССР в мае 1945 г. // Новая и новейшая история. 1999. № 3. С. 38.
[215] *Дин Дж.* Странный союз. М., 2005. С. 202.
[216] Там же.
[217] Там же. С. 210.
[218] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24161. Д. 4. Л. 234.
[219] Там же. Оп. 24159. Д. 1. Л. 111.
[220] Феденко Федор Алексеевич (1903–1973), генерал-лейтенант. С августа 1940 г. советник по разведке в китайской армии. После окончания Великой Отечественной войны был заместителем начальника ГРУ.
[221] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24162. Д. 1. Л. 399.
[222] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1989. С. 242.

[223] *Мерецков К. А.* На службе народу. М., 1969. С. 423.

[224] *Гордеев Н. В., Жданова Н. Н., Бугреев В. И.* Забайкальцы в Маньчжурской стратегической наступательной операции // Военно-исторический журнал. № 7. 2004. С. 16–17.

[225] *Лота В. И.* За гранью возможного. М., 2009. С. 558–559.

[226] Там же. С. 601.

[227] Цит. по: *Лота В. И.* Секретный фронт Генерального штаба. С. 466–467.

[228] *Лота В. И.* ГРУ и атомная бомба. С. 121.

[229] Там же.

[230] Там же. С. 122–123.

[231] *Лота В. И.* Тайные операции Второй мировой. С. 95.

[232] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 12972. Д. 10. Л. 54–69.

[233] *Лота В. И.* Тайные операции Второй мировой. С. 367–369.

[234] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24120. Д. 1. Л. 668.

[235] Атомный проект СССР. В 7-ми т. Т. 1. Ч. 2. М., 2002. С. 276–279.

[236] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24155. Д. 3. Л. 384.

[237] Атомный проект СССР. Т. 1. С. 262–263.

[238] Там же. С. 265–266.

[239] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 24132. Д. 2. Л. 252.

[240] Атомный проект СССР. Т. 1. С. 276–279.

[241] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 28296. Д. 5. Л. 180–183.

[242] Атомная отрасль России. М., 1998. С. 46.

[243] *Лота В. И.* Ключи от ада. М., 2009. С. 223.

[244] Цит. по: *Лота В. И.* ГРУ и атомная бомба. С. 205–207.

[245] ЦАМО. Ф. 23. Оп. 17479. Д. 3. Л. 29.

[246] Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 2. С. 99.

[247] *Фалин В.* Второй фронт. М., 2000. С. 518.

[248] Там же. С. 518.

[249] Атомный проект СССР. Т. 1. Ч. 2. С. 99.

[250] Сонин Константин Петрович (1903–1960), полковник, в Красной армии с 1927 г. В военной разведке с декабря 1937 г. Руководил резидентурой военной разведки в Японии (1941–1945).

[251] Родионов Анатолий Иванович (1908–1980), контр-адмирал, в ВМФ с 1927 г. В распоряжении Разведывательного управления Главного морского штаба с июля 1944 г.; февраль — декабрь 1945 г. — помощник военно-морского атташе при посольстве СССР в Японии.

[252] АВП. Ф. 06. Оп. 8. Д. 6. Л. 1–33.

[253] *Лота В. И.* ГРУ и атомная бомба. С. 282.

СПЕЦСЛУЖБЫ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ НА СОВЕТСКО-ГЕРМАНСКОМ ФРОНТЕ

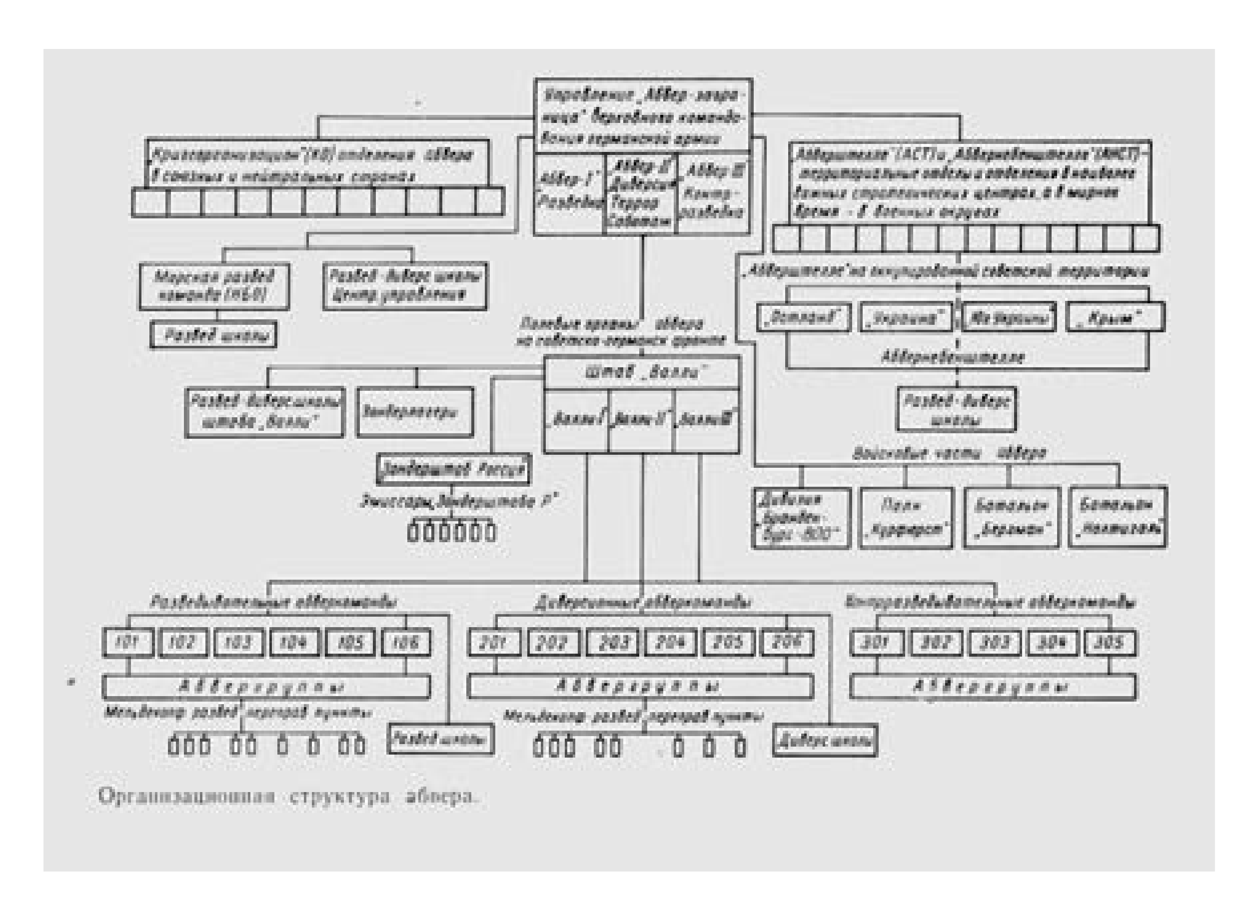
Управление военной разведки и контрразведки (абвер)

С приходом к власти Гитлера и установлением нацистской диктатуры существенно изменились система и роль карательных и разведывательных органов Германии. Разведка стала одним из важнейших инструментов осуществления агрессивной внешней политики.

Руководители нацистской Германии создали организацию, приспособленную к ведению разведывательно-подрывной работы против других стран, в том числе и против Советского Союза. Подобного рода деятельность должна была обеспечить, с одной стороны, добывание политической, экономической, военной и военно-технической информации о потенциальных противниках Германии, а с другой — их непосредственный подрыв изнутри. До 1941 г. правом ведения разведки на территории других стран обладали военная разведка — абвер и 6-е управление РСХА, которые являлись главными организаторами и исполнителями подрывной работы, нацеленной на СССР. В середине 1941 г. к ним присоединился и МИД Германии.

Одно из главных мест среди спецслужб нацистской Германии занимал абвер — военный разведывательный и контрразведывательный орган. В феврале 1934 г. абвер был включен в отдел военного управления имперского военного министерства. До прихода национал-социалистов к власти абвер имел небольшой штат из 150 сотрудников, но уже в июне 1935 г. его составляли 956 человек. Возглавлял этот орган с 1935 по 1944 г. адмирал В. Канарис, который превратил германскую военную разведку в одну из мощнейших в мире.

Во время реорганизации в феврале 1938 г. и создания верховного командования вермахта (ОКВ) абвер был включен в состав управленческой группы по общим вопросам ОКВ, а с 1 июня 1938 г. преобразован в управление разведки и контрразведки. В его состав входили шесть отделов: центральный (личный состав и финансы), абвер-I (разведка), абвер-II (саботаж и диверсии), абвер-III (контрразведка), управленческая группа «Заграница» и отдел военной цензуры. Кроме того, в составе ОКВ также имелся тесно связанный с абвером зондерабтайлюнг (особый отдел), состоявший из отделений «Г» и «И». Отделение «Г» отвечало за изготовление фальшивых документов, паспортов и прочего. Отделение «И» занималось дешифрованием перехваченных радиограмм противника и совершенствованием способов тайной связи с агентами, заброшенными в тыл противника.

Организационная структура абвера

Функции главных структурных подразделений абвера заключались в следующем:

Абвер-I — сбор разведывательной информации об иностранных армиях и флотах, подготовка агентов-радистов, радиоперехват, изготовление документов прикрытия и оперативной техники.

Абвер-II — подготовка диверсионно-террористической агентуры и заброска ее в тыл противника; разработка и изготовление средств террора и диверсий, организация диверсионных и террористических актов; организация так называемых национальных легионов, сформированных из немцев, проживающих на территориях стран-противников; подразделения для захвата стратегически важных объектов. Для осуществления подрывных операций на территории вероятных противников абвер-II имел в своем в распоряжении воинское формирование особого назначения — дивизия «Бранденбург-800».

Абвер-II состоял из двух подотделов: «Запад» и «Восток». Отделение «Восток» занималось подготовкой диверсионной и террористической деятельности против СССР, Польши, Балканских стран, Ирана, Ирака, Аравии, восточной части Африки, Индии и других стран Востока. Кроме того, в подчинении отдела абвер-II находились диверсионная школа в Квенцзее, лаборатория по изготовлению взрывчатых веществ «Лаботегель», офицеры связи авиации (люфтваффе) и ВМС (кригсмарине) и секретариат.

Абвер-III отвечал за контрразведывательное обеспечение вооруженных сил нацистской Германии, военно-административных и военно-хозяйственных учреждений и объектов оборонного значения. Одним из ведущих подразделений отдела абвер-III являлся реферат III F (контршпионаж). В его функции входили организация контрразведывательной работы

за границей, внедрение агентуры в разведывательные органы противника и борьба с иностранными разведками, действовавшими на территории самой Германии, а также возлагались задачи ведения радиоигр с противником. До 1939 г. реферат III F состоял из двух отделений: «Ост» («Восток» — СССР, Балканские страны, Латвия, Литва, Польша, Румыния, Чехословакия) и «Вест» («Запад» — Великобритания, Бельгия, Голландия, Франция, Швейцария), затем количество отделений возросло до шести. С июня 1941 г. как самостоятельный орган реферата III F был создан так называемый штаб «Валли».

На периферии страны в военных округах разведывательная и контрразведывательная работа германской военной разведки была сосредоточена в так называемых абверштелле (сокращенно АСТ). В свою очередь, абверштелле имели подчиненные им органы — абвернебенштелле (сокращенно АНСТ), расположенные, как правило, вблизи границы. АСТ обозначались номером военного округа или названием города, в котором они дислоцировались. Например, абверштелле при штабе 1-го военного округа в Кёнигсберге именовалось абверштелле-I или абверштелле «Кёнигсберг» (сокращенно АСТ-I или АСТ «Кёнигсберг»).

Как правило, абверштелле состояли из двух групп: группы разведки I и группы контрразведки III, а также реферата «Зет», отвечавшего за финансовые вопросы и подчинявшегося непосредственно руководителю АСТ. В начале 1940 г. в приграничных АСТ на Западе и Востоке в их состав были включены группы II, занимавшиеся саботажем и диверсионной деятельностью. Кроме того, группа контрразведки иногда включала в себя реферат III F, занимавшийся изучением каналов проникновения иностранных разведок, перевербовкой и использованием в контрразведывательных целях разведчиков иностранных государств. Этот же реферат организовывал и проводил радиоигры с разведкой противника.

В абверштелле в среднем работали по 20–25 офицеров и 10–15 человек технических сотрудников (обычно на двух офицеров приходился один сотрудник технического персонала). Перед началом Второй мировой войны количество офицеров и технического персонала в АСТ было увеличено примерно вдвое.

В июне 1938 г. произошла реорганизация абвера, в результате чего были созданы новые абверштелле, а при германских посольствах в дружественных или нейтральных Германии государствах — так называемые кригсорганизацион (военные организации; сокращенно КО). До войны на территории Советского Союза абвер своих представителей не имел, и разведывательная работа велась с позиций КО в Болгарии, Румынии, Финляндии, Иране, Турции. Например, в Финляндии размещался орган военной контрразведки кригсорганизацион «Финлянд», основной задачей которого была разведывательная работа против Советского Союза в районах Карельского и Ленинградского фронтов. КОФ осуществлял шпионско-диверсионную деятельность на участке от Мурманска до Чудского озера путем засылки в тыл частей Красной армии шпионов и диверсантов[1].

Канарис установил правило, что офицер группы абвера «Заграница», находящийся в каком-либо иностранном государстве, не должен во избежание дипломатических осложнений заниматься разведывательной или контрразведывательной деятельностью против этого государства.

В соответствии с планом «Барбаросса» абвер усилил разведывательно-подрывную работу против СССР. Главное внимание германская разведка уделяла подрыву военной мощи Красной армии. С этой целью в расположение частей и соединений действующей армии, в тылы фронтов засылались тысячи шпионов, диверсантов и террористов. Из общего количества вражеских агентов, забрасываемых в СССР, непосредственно в зону боевых действий Красной армии в 1941 г. направлялось 55%, в 1942 г. — 54%, в 1943 г. — 53%, в 1944 г. — 63%, в 1945 г. — 88%[2].

В своих планах тайных операций на восточном фронте руководство абвера отводило важную роль русской эмиграции. Бывший генерал-майор императорской и белой армий, член Русского общевоинского союза (РОВС) В. П. Бресслер показывал, что с 1941 до середины 1943 г. некоторые члены РОВС служили в немецкой армии переводчиками, как и члены Союза русских офицеров, Союза служивших в российском флоте, Балтийского союза.

В. Канарис и Ф. фон Бентивиньи

После начала военных действий на восточном фронте в сентябре 1941 г. были созданы АСТ «Украина» с подчиненным ему АНСТ «Киев», АСТ «Юг Украины», АСТ «Крым» и АСТ «Остланд» с подчиненными ему АНСТ «Ревал» (другое название — «Бюро Целлариуса»), «Ковно» и «Минск» при группе армий «Север».

Все русские сотрудники абвера были включены в состав его фронтовых органов и работали на оккупированной советской территории. Наибольшее число русских белоэмигрантов было сосредоточено в абвернебенштелле «Юг Украины», проводившей контрразведывательную работу на территориях Херсонской, Сталинской, Запорожской, Кировоградской, Одесской областей, а с 1942 г. — в Крыму. Эмигранты возглавляли контрразведывательные резидентуры, самостоятельно вербовавшие агентуру. Помимо вербовки в абвер велась постоянная работа по привлечению в ряды Русского общевоинского союза и Народно-трудового союза (НТС)[3].

О том, как германской военной разведкой (абвер-I) проводилась подготовка к нападению на СССР и какие сведения удалось получить о советском военном потенциале, дал показания ее бывший начальник генерал-лейтенант Г. Пиккенброк: «Агентурная работа против Советского Союза была особенно усилена с 1938 года, но проводить ее в СССР было очень трудно, так как въезд туда был ограничен и контролировать агентуру было почти невозможно, кроме того, агентура часто проваливалась. В связи с этим немецкой разведкой была приобретена агентура в большом количестве за счет поляков-пограничников, которые находились на содержании Германии, но польское правительство об этом ничего не знало. В начале войны против СССР генеральному штабу сухопутных сил Германии было хорошо известно о дислокации, вооружении и боевой готовности Красной армии в пограничных,

Ф. фон Бентивиньи

Г. Пиккенброк

западных районах Советского Союза... несмотря на все мероприятия, проводимые по разведке. Все-таки данные о резервах Красной армии были ничтожными»[4].

Другой высокопоставленный руководитель абвера генерал-лейтенант Ф. фон Бентивиньи, возглавлявший в 1939–1944 гг. отдел абвер-III (военная контрразведка), после ареста показывал: «До 1939 г. структура и деятельность русской разведывательной службы была малоизвестна германскому генштабу. Более подробные данные начали поступать после присоединения Прибалтийских стран к Советскому Союзу, так как в Прибалтике имелось большое количество немецких агентов. После оккупации Польши в Варшаве был захвачен архив 2-го бюро польского генштаба, располагавшего обширными материалами о русской разведке. Регулярно мы получали также информацию о России из Финляндии от органов финской разведки. К началу войны с Советским Союзом нам были в основном известны советские разведорганы в приграничных районах Прибалтики, Западной Украины и Белоруссии. В отношении закордонной работы советской разведки было установлено, что она базируется, как правило, на официальные дипломатические представительства, в связи с чем за каждым сотрудником советского посольства и консульств было учреждено тщательное наблюдение»[5].

Заместитель начальника отдела абвер-II (саботаж и диверсии) полковник Э. Штольце на допросе отмечал, что в марте или апреле 1941 г. руководитель отдела абвер-II полковник Лахузен поставил его в известность о скором военном нападении Германии. В связи с этим Штольце получил задание организовать и возглавить специальную группу под условным наименованием «А» для подготовки диверсионной и разложенческой работы в советском тылу. Лахузен также передал приказ оперативного штаба вооруженных сил, подписанный фельдмаршалами Кейтелем и Йодлем, который содержал основные директивные указания по проведению подрывной деятельности на территории СССР после нападения Германии на Советский Союз. «Данный приказ был впервые помечен условным шифром «Барбаросса»... Абвер перед войной не имел полного представления о противнике, с которым ему пришлось столкнуться на советско-германском фронте. С сентября 1939 г. руководству абвера было запрещено вести разведывательную работу против СССР»[6].

Разведывательно-диверсионные действия активизировались особенно в последнюю неделю перед нападением на Советский Союз. С 15 июня 1941 г. германское командование приступило к переброске на территорию СССР диверсионно-разведывательных групп и диверсантов-одиночек, которые имели задание с началом военных действий разрушать линии телеграфно-телефонной связи, взрывать мосты и железнодорожное полотно на основных коммуникациях советских войск, уничтожать воинские склады и другие важные объекты, захватывать в тылу Красной армии железнодорожные и шоссейные мосты и удерживать их до подхода передовых частей германской армии. В ночь с 21 на 22 июня 1941 г. германская разведка на ряде операционных направлений перебросила через границу наземным и воздушным путем значительное количество мелких диверсионных групп, участники которых были переодеты в гражданскую одежду и в форму военнослужащих Красной армии.

В ОКВ имелись данные, что Красная армия насчитывает 116 стрелковых, 20 кавалерийских дивизий, 40 моторизованных и танковых бригад[7]. Аналитические материалы и фактические сведения, поступавшие верховному командованию вермахта и лично Гитлеру из различных источников, убеждали в быстрой победе над СССР. Начальник штаба верховного командования сухопутных войск вермахта генерал-полковник Ф. Гальдер докладывал Гитлеру в феврале 1941 г., что общая численность танков в СССР составляет чуть больше 10 тыс., главным образом старых образцов[8].

Главнокомандующий сухопутными войсками генерал-фельдмаршал В. фон Браухич 1 мая 1941 г. на совещании в ставке дал такой прогноз развития событий: «Упорные сражения в приграничной полосе продлятся не более четырех недель. В дальнейшем можно рассчитывать на ограниченное сопротивление». Таким образом, немецкий генеральный штаб и его рабочий орган — военная разведка активно помогали формированию иллюзорных взглядов германского командования, в результате чего оно уверовало, что Красная армия слаба, а советский режим непрочен[9].

До лета 1942 г. на советско-германском фронте действовали три армейские группировки, именовавшиеся вначале армейскими группировками «А», «В» и «С», или группировками «Зюд» («Юг»), «Митте» («Центр») и «Норд» («Север»). Соответственно этому, приданные им разведывательные абверкоманды именовались I А, I В и I Ц, или «I Зюд», «I Митте», «I Норд».

Диверсионные команды имели аналогичные наименования с добавлением цифры II (абверкоманда II А и т. д.), а контрразведывательные команды — цифры III (абверкоманда III А и т. д.). Одновременно эти же команды носили наименования по позывным своих радиостанций («Меркурий», «Сатурн», «Орион», «Марс», «Нептун»). Система наименований абвергрупп, подчиненных командам, была аналогичной, с добавлением после буквы номера армии, которой была придана абвергруппа (абвергруппа I А 11 — придана 11-й армии) и т. д.

В начале 1942 г. абвером были сформированы армейские группировки «Зюд А», «Зюд Б» и «Дон», к которым по его линии добавились новые абверкоманды и абвергруппы. К этому же времени относится и изменение наименований абверкоманд и абвергрупп, им была присвоена новая нумерация. Разведывательные команды и группы получили нумерацию от 101 и выше, диверсионные — от 201 и выше, контрразведывательные — от 301 и выше. Кроме того, были созданы абверкоманды и абвергруппы по линии экономической разведки, которые также придавались армейским группировкам и армиям.

Подполковник Г. Шиммель, который возглавлял абверкоманду-104 и одновременно был начальником разведотдела I С при штабе группы армий «Север», отмечал: «За период моей работы в разведотделе I С при штабе Северного фронта, т. е. с 1 июля 1942 г. и до 30 июня 1944 г., в тыл Красной армии на территорию Советского Союза было выброшено разведчиков в количестве 25—30 групп, в каждой группе насчитывалось от 2—3 до 4 человек. Таким образом, в тыл Красной армии заброшено было разведчиков не менее 70 человек. Группы разведчиков нами забрасывались главным образом в районы железных дорог Ленинград — Тихвин, Ленинград — Вологда, Рыбинск, Бологое и Торопец. Эти железные дороги нами контролировались, и мы располагали данными о передвижениях войск и боеприпасов к фронту по указанным выше железным дорогам»[10].

Курсанты одной из немецких разведывательных школ

Накануне и в годы Второй мировой войны абвер постоянно совершенствовал и разрабатывал новые методы и средства своей работы, брал на вооружение новейшие достижения науки в области коротковолновой радиосвязи, микрофотографии, химии, радиопеленгации и т. д. Например, в 1940 г. на вооружение отдела абвер-II была поставлена бесшумно стреляющая винтовка, получившая широкое применение почти во всех терактах и диверсиях.

В ходе экспериментальных работ в лаборатории в Штансдорфе был создан портативный коротковолновый радиопередатчик большой мощности, поступивший на оснащение агентов-радистов, засылаемых в неприятельский тыл. Также был разработан фотоаппарат малых размеров с большой светосилой, позволяющей скрыто производить съемки объектов. Этими фотоаппаратами величиной со спичечную коробку снабжалась агентура разведывательных и контрразведывательных подразделений. Фотоснимки имели размеры типографской точки, и огромное их количество можно было провозить и передавать скрытно, не боясь провала. Были сконструированы так называемые бильдаппараты для фотографических съемок с высоты 10–13 тыс. метров и многое другое.

Только накануне нападения фашистской Германии на Советский Союз, весной 1941 г., всем армейским группировкам немецкой армии были приданы по одной разведывательной, диверсионной и контрразведывательной команде абвера, а армиям — подчиненные этим командам абвергруппы. Абверкоманды и абвергруппы с подчиненными им школами являлись основными органами немецкой военной разведки и контрразведки, действовавшими на советско-германском фронте.

В первые недели июня 1941 г. абвер направил сформированные подразделения разведки в оперативное подчинение трех групп армий — «Север», «Центр» и «Юг». В течение дня 21 июня штабы армий выдвинули эти подразделения вперед, в боевые порядки танковых дивизий и разведывательных батальонов. 22 июня между первым и вторым часом ночи абвер

получил от этих подразделений донесения о том, что они заняли исходные позиции. При их участии молниеносное наступление германской армии приводило к значительным успехам. Так, группа фронтовой разведки в Брест-Литовске сумела захватить секретные документы в помещении УНКВД[11].

Коренной перелом в ходе Великой Отечественной войны, катастрофические изменения на фронтах германской армии отразились на деятельности абвера. 12 февраля 1944 г. был издан совершенно секретный приказ Гитлера № 1/44, которым объявлялось об учреждении единой немецкой разведывательной службы во главе с рейхсфюрером СС Г. Гиммлером. Абвер-I и абвер-II были включены в состав РСХА в качестве управления военной разведки. Произошли определенная централизация и объединение разведывательных и контрразведывательных органов, но эти изменения не могли существенным образом повлиять на ход военных действий.

Для руководства разведывательно-диверсионной и контрразведывательной работой против Советского Союза в июне 1941 г. был создан специальный орган управления абвера «Заграница» на советско-германском фронте, условно именовавшийся штаб «Валли». Он подчинялся соответствующим отделам управления абвера «Заграница» и отделу иностранных армий «Восток» при ОКХ[12] и докладывал этим органам о результатах разведывательной и подрывной деятельности против Советского Союза. Начальником штаба «Валли» являлся подполковник Г. Шмальшлегер.

В соответствии со структурой центрального аппарата управления абвера «Заграница» штаб «Валли» имел в своем составе три отдела.

Отдел «Валли I» — руководство военной и экономической разведкой на советско-германском фронте. В его подчинении находились разведывательные команды и группы, приданные штабам армейских группировок и армий для ведения разведывательной работы на соответствующих участках фронта, а также команды и группы экономической разведки, проводившие сбор разведданных в лагерях военнопленных.

Отдел «Валли II» — руководство абверкомандами и абвергруппами по проведению диверсионной и террористической работы в частях и в тылу Красной армии. Им руководили майор Зелигер, оберлейтенант Мюллер и капитан Беккер. С июля 1941 г. отдел размещался в местечке Сулеювек вблизи Варшавы, а затем был эвакуирован в Германию.

Отдел «Валли III» — руководство всей контрразведывательной деятельностью подчиненных ему абверкоманд и абвергрупп по борьбе с советскими разведчиками, партизанским движением и антифашистским подпольем на оккупированной территории СССР в зоне фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных тылов.

Кроме абверкоманд в непосредственном подчинении штаба «Валли» находились: варшавская школа по подготовке разведчиков и радистов, переведенная затем в Восточную Пруссию в местечко Нойгоф; разведывательная школа в местечке Нидерзее (Восточная Пруссия) с филиалом в г. Арис, организованная в 1943 г. для подготовки разведчиков и радистов, оставляемых в тылу наступающих советских войск.

В своей практической деятельности команды, созданные по линии отдела «Валли I» (военная разведка), занимались сбором разведывательных данных о Красной армии и оборонительных сооружениях на участках фронта армейских группировок и армий, которым они были приданы. За время войны на советско-германском фронте действовали шесть разведывательных абверкоманд, в подчинении каждой из них находилось от трех до шести абвергрупп, некоторые из которых вели также борьбу с партизанами при помощи специально созданных для этого отрядов особого назначения. Разведывательные данные команды и группы собирали через забрасываемую в советский тыл агентуру и путем опроса советских военнопленных.

Разведывательная агентура вербовалась из числа антисоветски настроенных военнопленных и местных жителей в оккупированных районах. При вербовке агентов среди военнопленных предпочтение отдавалось лицам, добровольно перешедшим на сторону немцев, подвергшихся в прошлом репрессиям со стороны советской власти, имевшим род-

ственников на оккупированной территории, а также пленным, давшим показания о частях Красной армии. Завербованная агентура направлялась в школы и на курсы, действовавшие при командах и группах, и после соответствующей подготовки забрасывалась в тыл советских частей. Кроме того, команды и группы получали уже обученных агентов из варшавской, брайтенфуртской и других разведшкол штаба «Валли». Например, после нападения на СССР на базе брайтенфуртской школы был создан проверочно-подготовительный лагерь, в который направлялись отобранные для вербовки советские военнопленные. В марте 1942 г. лагерь был реорганизован в самостоятельную разведшколу, подчиненную штабу «Валли».

Часть агентуры никакой специальной подготовки не проходила, а в течение нескольких дней инструктировалась по существу полученного задания и после этого забрасывалась в тыл советских войск. Инструктаж обычно проводил начальник группы или специально выделенный для этой цели сотрудник. Перед выброской за линию фронта агентура абвера экипировалась в форму советских военнослужащих или в гражданскую одежду, снабжалась продовольствием, оружием и документами прикрытия, изготовленными в разведоргане или изъятыми у пленных и собранными на поле боя.

Переброска агентов в тыл советских войск проводилась с самолетов на парашютах или пешим порядком через линию фронта. При отступлении частей вермахта агенты оседали в специально подготовленных для этих целей местах. На самолетах агентура перебрасывалась на расстояние 150–200 км за линию фронта группами по два-три человека, из которых один радист. Для осуществления этих задач штабу «Валли» придавались самолеты из так называемой «группы Гартенфельдта», входившей в состав «эскадры Ровеля».

В зависимости от характера задания срок пребывания в советском тылу устанавливался от одной недели до нескольких месяцев. Связь с такой агентурой поддерживалась по радио или через агентов-связников. Для обратного перехода линии фронта лазутчики снабжались паролями, обозначавшими, как правило, наименование разведоргана или фамилию его начальника.

Засылка в ближайший тыл пешим порядком осуществлялась обычно ночью в удобных для скрытого перехода местах — на стыках частей, в болотистой или лесистой местности. В целях зашифровки и прикрытия переброски агентов немецкая разведка часто прибегала к различным комбинациям, в частности инсценировала выход из окружения, побег из плена, возвращение после спецзадания советского командования.

Возвратившиеся после выполнения задания агенты содержались при группе или команде изолированно от других, подвергались тщательному допросу и проверялись через особо доверенную агентуру. Вызывающие подозрения агенты направлялись для допроса в органы тайной полевой полиции (ГФП), а также полиции безопасности и СД. В завершающий период войны наряду с агентами из числа советских военнопленных немецкая военная разведка широко использовала агентуру из числа венгров, румын, чехов, поляков, главным образом членов различных профашистских организаций.

Диверсионно-разведывательные команды и группы отдела «Валли II» (саботаж и диверсии) занимались вербовкой, подготовкой и переброской агентуры с заданиями диверсионно-террористического, повстанческого, пропагандистского и разведывательного характера. На советско-германском фронте в годы войны действовали шесть диверсионных команд. В подчинении каждой абверкоманды находилось от двух до шести абвергрупп.

Эти команды и группы создавали из изменников Родины специальные истребительные подразделения (ягдкоманды), различные националистические формирования и казачьи сотни для захвата, сохранения от разрушения до подхода главных сил вермахта стратегически важных объектов в тылу советских войск. Иногда они использовались для войсковой разведки переднего края, захвата языка, подрыва отдельных укрепленных точек. При проведении подобных операций личный состав ягдкоманд экипировался в форму военнослужащих Красной армии. При отступлении агентуру абверкоманд, групп и их подразделений использовали как поджигателей и подрывников населенных пунктов, мостов и других инженерных сооружений.

Агенты одной из абвергрупп

Вооружение немецкой разведывательно-диверсионной группы

Агентура разведывательно-диверсионных команд и групп забрасывалась в тыл Красной армии с целью разложения военнослужащих и склонения к измене Родине. Для этой же цели распространялись антисоветские листовки, проводилась устная пропаганда на переднем крае обороны при помощи репродукторов.

При отступлении немецких частей в населенных пунктах оставлялась антисоветская литература, а для ее распространения вербовались специальные агенты. Кроме того, команды и группы отдела абвер-II по месту своей дислокации проводили активную борьбу с партизанским движением. Агенты экипировались и снабжались документами прикрытия в соответствии с легендой и получали задания на проведение подрывов поездов, железнодорожного полотна, мостов, уничтожение оборонительных сообщений, военных и продовольственных складов, стратегически важных объектов, совершение террористических актов в отношении офицеров и генералов Красной армии, партийных и руководящих работников.

Диверсантам выдавались взрывчатые вещества и зажигательные средства в портативной упаковке, замаскированные в сумках противогазов, вещевых мешках, консервных банках, в виде пищевых концентратов и т. п. На выполнение задания агентам отводилось три — пять, иногда и более дней, после чего они по паролю возвращались на немецкую сторону. Агенты с заданиями пропагандистского характера перебрасывались без указания конкретного срока возвращения.

В последний период войны абверкоманды приступили к подготовке диверсионно-террористических групп для оставления в тылу Красной армии. С этой целью заранее закладывались базы и хранилища с оружием, взрывчатыми веществами, продовольствием и одеждой, которыми должны были пользоваться эти группы.

Контрразведывательные команды и группы, созданные по линии «Валли III» (контрразведка) и действовавшие в тылу группировок вермахта, которым они были приданы, проводили активную агентурно-оперативную работу по выявлению советских разведчиков, партизан и подпольщиков, а также собирали и обрабатывали трофейные документы. На советско-германском фронте дислоцировались пять контрразведывательных абверкоманд, в подчинении каждой из них находилось от трех до восьми абвергрупп, которые придавались армиям, а также тыловым комендатурам и охранным дивизиям.

Контрразведывательные команды и группы перевербовывали задержанных советских разведчиков, через которых проводили дезинформационные радиоигры. С 1942 по конец 1944 г. германские спецслужбы провели «около 110 блоков радиоигр» с советской контрразведкой[13]. Часть перевербованных агентов перебрасывалась в советский тыл для внедрения в органы НКВД — НКГБ и разведотделы Красной армии с целью изучения методов работы этих органов, выявления подготовленных и заброшенных в тыл немецких войск советских разведчиков.

О некоторых результатах контрразведывательной работы против советских спецслужб с июня 1941 по январь 1944 г. дал показания генерал-лейтенант Ф. фон Бентивиньи: «За время моей службы в абвере, т. е. до января 1944 г., немецкими контрразведывательными органами арестовывалось в среднем от 300 до 600 советских агентов в месяц. В это число отнесена также разоблаченная агентура партизанских отрядов. В связи с массовой заброской советскими органами агентуры штаб «Валли» отображал на специальных картах районы наиболее плотного скопления вражеских агентов и объекты, разведкой которых агентура озадачивалась. Исходя из этих данных, можно было делать выводы о ближайших военных планах советского командования»[14].

Для изучения форм и методов работы советской контрразведки в отделе абвер-III составлялись статистические таблицы о количестве арестованных советских агентов и диверсантов по всем армейским группировкам на восточном фронте. Например, в январе 1944 г. было захвачено 419 агентов[15].

Одним из наиболее распространенных методов агентурной работы немецкой военной контрразведки была провокация. Так, агенты под видом советских разведчиков или лиц, переброшенных со спецзаданиями в тыл немецких войск командованием Красной армии,

поселялись у советских патриотов, входили к ним в доверие, давали задания, направленные против немцев, организовывали группы для перехода на советскую сторону. Затем все патриоты подвергались аресту.

С этой же целью из агентов и изменников Родины создавались псевдопартизанские отряды, в которые вовлекались патриотически настроенные советские люди, желавшие вести борьбу с оккупантами. Позже их арестовывали. Создавались и псевдопартизанские отряды из агентов германских спецслужб в целях дискредитации партизанского движения. Такие отряды организовывали бандитские налеты, грабили, убивали мирное население, сжигали деревни и села. Контрразведывательные команды и группы вели активную агентурную разработку подозрительных лиц, а полученные данные передавали в СД и ГФП для реализации.

В июле 1944 г., то есть после переподчинения абвера РСХА, приказом рейхсфюрера СС штаб «Валли» был переименован в орган «Лейтштелле-Ост фюр Фронтауфклерунгс», а разведывательные, диверсионные и контрразведывательные абверкоманды и абвергруппы — соответственно в фронтауфклерунгс-команды и фронтауфклерунгс-группы и вошли в состав военного управления (милиамт) и 6-го управления РСХА.

В 1939 г. в ходе германо-польской кампании немецкой военной разведкой в Словакии из уцелевших в боях бойцов «Эббингауз» в курортном местечке Слияч была сформирована рота специального назначения, действовавшая в то время против Польши, в задачу которой входило предотвращать уничтожение железнодорожных путей, переправ, мостов, заводов и других сооружений отступавшими польскими войсками. Позднее подразделение было передислоцировано в г. Бранденбург у р. Хафель, поэтому военнослужащих этого подразделения стали называть бранденбуржцами.

В 1939—1940 гг. по мере роста численности десантных рот на их основе был сформирован батальон специального назначения № 800. Успех его действий на территории Голландии, Бельгии, Люксембурга и Северной Франции способствовал принятию решения о создании на его базе в октябре 1940 г. отдельного полка специального назначения «Бранденбург».

Полк состоял из пяти батальонов четырехротного состава, штабной роты, роты связи, команды специального назначения и отдельной так называемой «вассер компани» (водяная рота). В батальонах, ротах и взводах имелись специальные подразделения агентуры, «доверенных лиц», парашютистов, диверсантов и лыжников. «Бранденбург-800» находился в распоряжении отдела абвер-II германской военной разведки. Штаб полка дислоцировался в Берлине, там же находились штабная рота, рота связи и команда специального назначения.

Первоначально подразделения «Бранденбург-800» комплектовались главным образом из немцев, владевших иностранными языками или проживавших ранее в оккупированных Германией странах. Обязательным условием приема в состав полка были преданность нацистскому режиму, хорошее физическое развитие, смелость, умение быстро ориентироваться в обстановке. После нападения Германии на СССР личный состав полка, затем преобразованного в дивизию, стал пополняться лицами, враждебно настроенными по отношению к советскому строю. Все военнослужащие «Бранденбург-800» были агентами абвера и обучались диверсионно-разведывательному делу. Каждый из них имел по две солдатские книжки: одну — на вымышленную фамилию для использования во фронтовой обстановке, а другую — с подлинной фамилией для немецкого командования.

Накануне нападения на Советский Союз командование полка «Бранденбург-800» в целях маскировки предстоящих операций сформировало из фольксдойче, то есть немецких колонистов из разных стран Европы, владеющих русским языком, специальные отряды, экипированные в форму бойцов и командиров Красной армии и вооруженные советским оружием. В задачу полка входил захват оперативно важных объектов — мостов, туннелей, оборонных предприятий и удержание их до подхода авангардных частей вермахта.

С началом войны против СССР основные подразделения полка «Бранденбург-800» были переброшены на советско-германский фронт. Девять рот, а также штаб 2-го батальона находились на Северном Кавказе; по одной роте действовало на Калининском и Ленинградском фронтах; две роты были переброшены на Карельский фронт.

Ранним утром 22 июня 1941 г. роты полка «Бранденбург-800» двигались в авангарде наступавших частей германской армии. Например, при переходе советско-германской границы в районе Бреста первой шла 12-я рота 3-го батальона, личный состав которой был одет в красноармейскую форму. В ходе боевых действий на советско-германском фронте деятельность подразделений «Бранденбург-800» в основном сводились к парализации тыловых коммуникаций Красной армии.

В это же время при полку специального назначения «Бранденбург-800» был сформирован так называемый Арабский легион из взятых в плен во время войны с Францией арабов. По замыслу немецкого командования этот легион при подходе немецких войск к Кавказу должен был быть переброшен сначала на Кавказ, а оттуда в подчинение генерал-фельдмаршала Э. Роммеля для захвата Суэцкого канала. После разгрома немецких войск под Сталинградом, когда надежда на быстрый захват Кавказа угасла, легион был придан танковой армии Роммеля как обычная воинская часть, где и находился до изгнания немецко-итальянских войск из Африки.

В период наступления немецких войск в задачи полка входили ведение войсковой и агентурной разведки, захват мостов, переправ, заводов и других важных объектов и удержание их до подхода немецких войск, организация банд и восстаний в тылу Красной армии, создание паники среди советских солдат. В период отступления германской армии подразделения полка разрушали коммуникации и военные объекты, организовывали грабежи мирного населения в прифронтовой полосе и вели борьбу с партизанами.

Для выполнения заданий командования на восточном фронте отряды полка «Бранденбург-800» переодевались в форму красноармейцев, вооружались советским оружием, снабжались фиктивными документами и действовали под видом подразделений и частей Красной армии. В ряде случаев они проникали в расположение советских войск под видом раненых красноармейцев, идущих с переднего края обороны в тыл, а также переодевались в одежду гражданского образца.

Например, в период наступления немецких войск на Северном Кавказе группой диверсантов в количестве 30 человек из полка «Бранденбург-800», проникшей на советскую сторону в форме красноармейцев, был взорван мост в районе г. Минеральные Воды в целях воспрепятствования организованному отходу частей Красной армии. Другая группа диверсантов захватила мост в районе г. Пятигорск и удерживала его до подхода немецких танковых частей. Третья группа полка «Бранденбург-800», переодетая в форму военнослужащих Красной армии и снабженная фиктивными документами и русским оружием, проникла в г. Майкоп, где на мосту создала пробку, нарушив тем самым отход советских войск.

При наступлении немецких частей на г. Орджоникидзе перед 2-м батальоном полка «Бранденбург-800» была поставлена задача захватить в районе населенного пункта Ардон железнодорожный и деревянный мосты через р. Терек. С этой целью одна из групп под руководством оберлейтенанта Штаделя, одетая в советскую форму, подойдя к охране моста, заявила, что они «отставшие от части красноармейцы» и должны перейти мост. Во время переговоров часть группы должна была проникнуть на мост и обрезать провода минирования, а затем перейти мост и закрепиться на противоположном берегу. Второй группе назначалось вслед за первой закрепиться на противоположном берегу. Остальные подразделения батальона шли за первыми двумя группами. Однако операция, проводимая батальоном, была сорвана, так как две первые группы, хотя и проникли на мост, но закрепиться не успели и были полностью уничтожены.

В ноябре 1942 г. для спецопераций полк был преобразован в дивизию «Бранденбург», вошедшую в состав стратегического резерва верховного главнокомандования вермахта. Штаб дивизии размещался в Берлине. Отдельные полки участвовали в борьбе с партизанским движением на территории СССР, Югославии, Греции и Франции.

О специальном подразделении «Браденбург-800» и проводившихся им спецоперациях в годы Второй мировой войны на западном и восточном фронтах советским контрразведчикам подробно рассказал на допросах один из опытных диверсантов капитан Г. Киршнер. Так, в

ночь с 21 на 22 июня 1941 г. в 10 км от Перемышля в районе польской деревни Валава Киршнеру командиром батальона «Бранденбург-800» майором Хайнцем было предложено совместно с 228-м пехотным полком 101-й дивизии форсировать р. Сан, закрепиться и готовиться к дальнейшему наступлению. Впоследствии он совместно с ротой в течение пяти-шести дней принимал участие в небольших боевых операциях с частями Красной армии. 30 июня 1941 г. рота была переброшена в район Львова с заданием захватить в городе электростанцию, казармы и склад боеприпасов. 1 июля 1941 г. совместно с войсками вермахта рота вступила в г. Львов и захватила указанные объекты.

Подразделения «бранденбуржцев» наиболее активно использовались на Северном Кавказе (в Чечне, Кабардино-Балкарии, Северной Осетии), где проводилась подрывная и диверсионно-террористическая работа в тылу Красной армии с целью организации национального повстанческого движения по мере приближения частей вермахта. Во время следствия капитан Киршнер рассказал подробности об одной операции, которую попытался осуществить отдел абвер-II в 1942 г. на Северном Кавказе.

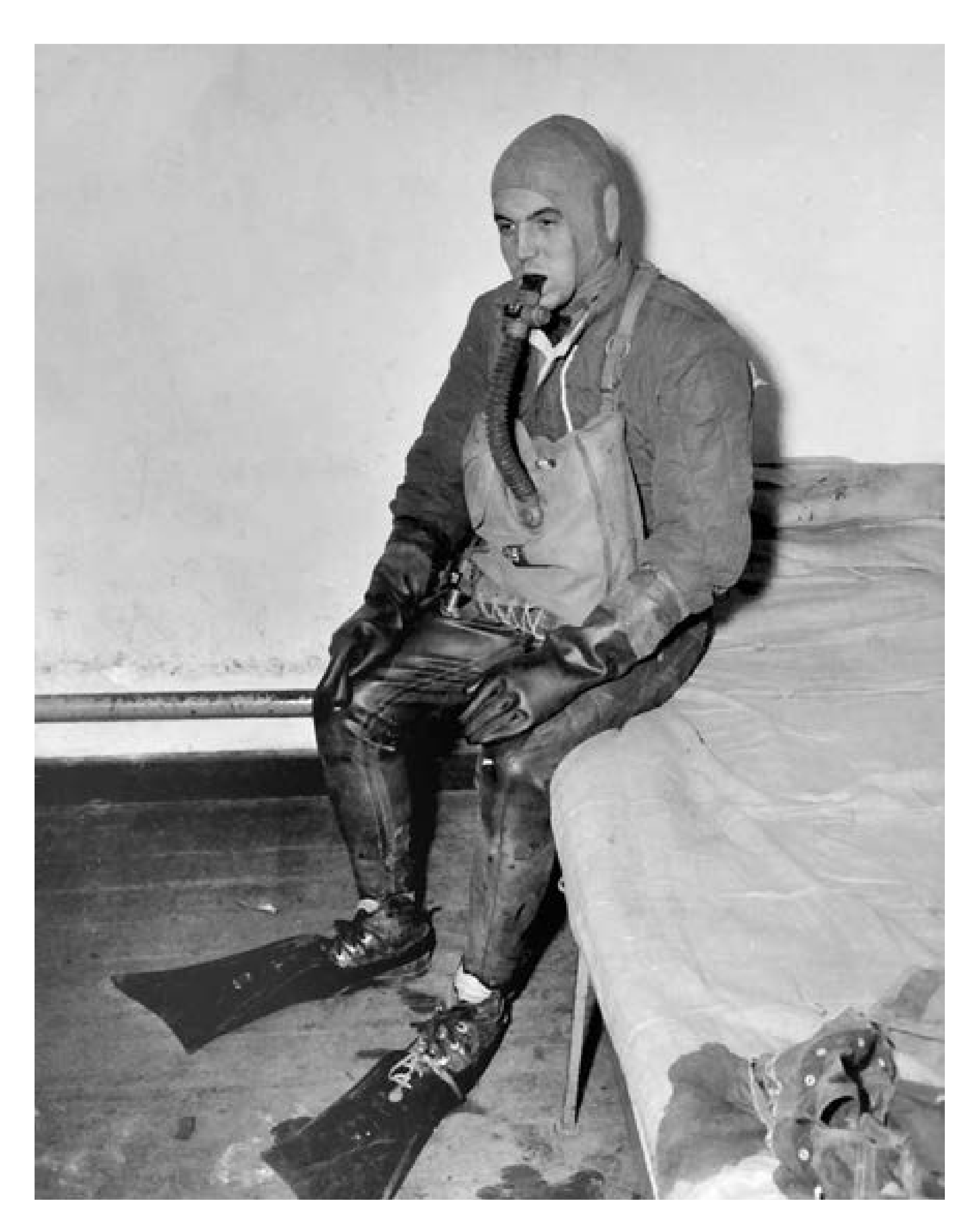
Операция «Шамиль» была рассчитана на подъем повстанческого движения на Кавказе в тылу Красной армии, чтобы облегчить продвижение немецких частей в глубь советской территории. Для этой операции был сформирован специальный отряд из немцев, а также военнопленных-красноармейцев — изменников Родины в количестве 36 человек, который осенью 1942 г. был переброшен на территорию Грозненской области. Личный состав состоял из лиц, обучавшихся в полку «Бранденбург-800». Операция «Шамиль» потерпела провал из-за того, что ряд лиц из данной группы добровольно перешел на сторону Красной армии, а большое количество участников группы были убиты. Через три месяца в расположение частей немецкой армии вернулись всего восемь человек.

Еще до того как подразделение «Бранденбург» стало дивизией, Гитлер 17 октября 1942 г. издал приказ «О диверсионных операциях», согласно которому все «бранденбуржцы» обязывались во время этих операций уничтожать любого, заподозренного в связях с противником. «Даже в том случае, если эти субъекты будут просить о сдаче в плен, им не следует давать пощады... Когда необходимо произвести допрос задержанных, разрешается отобрать одного-двух из них, но немедленно расстрелять их после окончания допроса»[16].

При формировании подразделения «Бранденбург-800» солдатами и офицерами особый акцент делался на интеллектуальный уровень будущих диверсантов. Среди «бранденбуржцев» первых наборов были командиры, имевшие докторскую степень, а среди солдат и унтер-офицеров — студенты престижных немецких университетов.

Весной 1943 г. в Бранденбурге управлением абвера «Заграница» на базе 805-го полка дивизии «Бранденбург-800» было создано новое воинское подразделение — учебный полк «Курфюрст» («Князь»), который стал одной из центральных диверсионно-разведывательных школ отдела абвер-II. В нем проходили обучение официальные сотрудники абвера и агенты, намеченные для переброски на территорию воевавших с Германией стран. Личный состав полка «Курфюрст» отбирали сотрудники абвера в немецких воинских частях. Как правило, в полк брали военнослужащих рядового и унтер-офицерского состава, причем только немцев. Кандидаты должны были владеть одним из иностранных языков — русским, английским, французским и другими. Некоторые из них проживали ранее в России, Франции, США и других странах.

Кроме полка «Курфюрст» в составе «Бранденбурга» находился и специальный батальон «Бергман» («Горец»), который начал формироваться отделом абвер-II в начале ноября 1941 г. в Нойгамере (Германия). Батальон комплектовался советскими военнопленными, выходцами с Северного Кавказа и Закавказья, а также добровольцами из немцев, служивших в горнострелковых дивизиях вермахта, и предназначался для ведения подрывной работы на Кавказе. Личный состав батальона насчитывал 1500 человек и подразделялся на пять рот. Непосредственно при штабе батальона находились взвод подрывников и группы специального назначения. В августе 1942 г. батальон прибыл в Пятигорск, был включен в состав 44-го армейского корпуса и усилен двумя кавалерийскими эскадронами.

Захваченный в плен немецкий пловец-диверсант

Подразделения батальона «Бергман» перебрасывались в тыл советских войск для разрушения коммуникаций, создания паники, захвата языков, распространения листовок. Командиры всех рот проводили также вербовку агентов из числа антисоветски настроенных местных жителей оккупированных районов Северного Кавказа. Позже батальон «Бергман» был переименован в полк «Альпинист», передислоцирован сначала в Крым, а затем в Болгарию, Грецию, Албанию и Югославию, где его личный состав участвовал в охране коммуникаций и боевых действиях против партизан.

В районе Моздока из числа военнопленных кавказцев в Георгиевском, Прохладненском и Пятигорском лагерях батальон «Бергман» был пополнен 400 добровольцами. Общая численность батальона составила 4 тыс. человек, и он был преобразован в полк «Бергман».

В германских военно-морских силах имелось и подразделение боевых пловцов, так называемое соединение «К» (соединение малого боя) — диверсионно-штурмовое соединение ВМС, состоявшее из отрядов человекоуправляемых торпед, взрывающихся катеров, боевых пловцов-одиночек и подлодок-малюток.

В июне 1941 г. германское командование санкционировало создание в составе группы армий «Север» русского учебного батальона для сбора дополнительной информации о противнике. Это было первое русское антисоветское формирование, образованное в составе вермахта. Его организатором стал эмигрант, бывший офицер императорской гвардии Б. А. Смысловский (псевдоним фон Регенау), который в конце 1942 г. был произведен в чин подполковника и назначен начальником так называемого зондерштаба «Р» (особый штаб «Россия») — секретной организации для наблюдения за партизанским движением, созданной при абверовском подразделении «Валли». Штаб дислоцировался в Варшаве (Польша) под вывеской «Восточная строительная фирма «Гильзен». Главные резидентуры штаба базировались в Пскове, Минске, Киеве и Симферополе.

Общая численность сотрудников зондерштаба «Р» составляла более тысячи человек. Ему были подчинены 12 спецшкол (учебно-разведывательных батальонов), с 1943 г. составлявших особую дивизию «Р», назначением которой были борьба с партизанами и разведывательно-диверсионные рейды в советский тыл. Общая численность дивизии оценивалась в 10 тыс. человек. Зондерштаб «Р» поддерживал связь с антисоветски настроенными вооруженными группами в тылу Красной армии, а также с отрядами Украинской повстанческой армии (УПА) и польской Армии Крайовой[17].

Первоначально в его задачи входило наблюдение за партизанским движением, борьба с партизанами и советскими разведчиками-парашютистами, ведение антисоветской пропаганды среди населения оккупированной территории Советского Союза. Агенты зондерштаба «Р» действовали под видом служащих хозяйственных, дорожных, заготовительных учреждений оккупационных властей, разъезжих торговцев и т. п. С октября 1943 г. на зондерштаб «Р» было возложено проведение агентурной разведки в тылах советских войск. Вся практическая деятельность проводилась через межобластные резидентуры, которые назывались разведывательно-резидентскими областями. Оккупированная советская территория делилась до июня 1943 г. на пять, а позднее на четыре таких области.

Агентурная сеть резидентур состояла из штатных агентов, находившихся на полном ее содержании, разъездных агентов-разведчиков и информаторов по населенным пунктам. Руководящий состав зондерштаба «Р», его межобластных и областных резидентур состоял, как правило, из белоэмигрантов, бывших петлюровских офицеров — проверенных агентов немецкой разведки, а также из изменников Родины, зарекомендовавших себя на предательской работе. Областные и районные резидентуры создавались главным образом в местах наибольшей активности партизанских отрядов и действовали под прикрытием различных хозяйственных организаций: дорожных и строительных отделов, заготовительных контор и т. п.

Через сеть информаторов и разведчиков из числа местных жителей резидентура вела работу по выявлению дислокации партизанских отрядов, их руководящего состава, численности, партийной прослойки, наличия работников НКВД — НКГБ, средств связи с центром, района действия, баз снабжения. С целью разложения и склонения партизан к переходу на

сторону немцев резидентура внедряла своих агентов в партизанские отряды. Зондерштаб «Р» действовал до конца 1943 г.

После прихода нацистов к власти в Германии была создана специальная авиагруппа для выполнения разведывательной работы, также известная как «эскадрилья Ровеля» (по имени ее первого командира — майора люфтваффе Теодора Ровеля)[18]. С начала 1930-х гг., задолго до начала Второй мировой войны, самолеты этой авиагруппы проводили секретные полеты на больших высотах над территорией Польши, Великобритании, Франции, Чехословакии и других стран. С 1934 г. летчики люфтваффе начали совершать с территории Восточной Пруссии разведывательные полеты над Советским Союзом.

Аэрофотоснимки территории иностранных государств, полученные в ходе разведывательных полетов, поступали для обработки сотрудникам авиационной группы 1-го (разведывательного) отдела абвера. 13 февраля 1940 г. на совещании у начальника оперативного отдела верховного командования вермахта генерала А. Йодля был заслушан секретный доклад руководителя германской военной разведки адмирала Канариса «О новых результатах воздушной разведки против СССР, полученных специальной группой «Ровель»[19].

В течение всего 1940 г. самолеты 1-й и 3-й эскадрилий группы подполковника Ровеля регулярно появлялись над приграничными районами Советского Союза. Кроме группы Ровеля в разведке территории СССР были задействованы самолеты авиакомпании «Люфтганза», которые выполняли регулярные рейсы по маршруту Берлин — Данциг — Кёнигсберг — Белосток — Минск — Москва. С января 1941 г. главное командование люфтваффе издало распоряжение о проведении широкомасштабных разведывательных полетов над советской территорией с целью разведки приграничной полосы. Группа подполковника Ровеля была фактически недосягаема для средств ПВО и обнаружения, поскольку оснащалась самолетами, потолок полета которых превышал 12 км. За несколько месяцев до начала войны начались систематические облеты приграничной территории СССР на глубину от 100 км и далее.

На вооружении этого соединения имелась специальная авиационная техника, главным образом самолеты ФВ-200 («Кондор»), Дорнье-15 (Do-15), Дорнье-17 (Do-17) и Ю-86 (Ju-86 модификаций H, D, P) с высотными двигателями и другие. Данные об активизации нацистской Германией воздушной разведки, безусловно, не остались незамеченными советской стороной. Один из агентов советской внешней разведки оберлейтенант Х. Шульце-Бойзен передавал сведения о разведывательных полетах, совершаемых дальней воздушной разведкой люфтваффе. После нападения на СССР группа Ровеля проводила дальнюю разведку важных стратегических объектов в советском тылу: военно-морских баз, промышленных центров, районов нефтедобычи и т. д.

Более подробную информацию советские спецслужбы и руководство страны о подразделении Ровеля получили в начале 1942 г., когда в Гудаутском районе Абхазской АССР вынужденно приземлился самолет-разведчик Ю-88. В докладной записке в ГКО СССР от 27 марта 1942 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия сообщал об аресте экипажа немецкого самолета и результатах его допросов. Была получена информация о дислокации и техническом оснащении «эскадры Ровеля», направлениях и перспективах разведывательных полетов. В сообщении отмечалось, что в последнее время немецкое командование по заданию главного штаба военно-воздушных сил Германии разрабатывало план проведения аэрофоторазведки глубоких тылов СССР с задачей выявления промышленных объектов в восточных областях до Урала включительно.

В показаниях генерал-лейтенанта Г. Пиккенброка упомянута и авиачасть Ровеля, который, по его словам, оказывал абверу «хорошие услуги» в получении разведданных об СССР: «В 1936–1938 гг. в абвере был еще авиационный отряд Ровеля. Отряд принадлежал командованию военно-воздушных сил, но подчинялся Канарису. Причем было обусловлено, что в военное время этот отряд должен будет перейти полностью в распоряжение командования военно-воздушных сил. В отряде было 6 самолетов разнообразных типов и назначений, кроме того, была лаборатория для печатания и проявления аэрофотоснимков. В задачу отряда Ровеля входили высотное фотографирование территорий иностранных государств, а также

заброска и снабжение агентуры. Командовал отрядом Ровель, имя не знаю, в то время майор, позже, во время войны, стал генерал-майором»[20].

После больших потерь, понесенных люфтваффе под Сталинградом, 27 января 1943 г. разведывательная эскадра полковника Т. Ровеля была официально распущена, а входившие в нее 1, 2 и 3-я эскадрильи вошли в состав вновь образованной 100-й авиагруппы дальней разведки.

В феврале 1943 г. на аэродроме Рангсдорф недалеко от Берлина было сформировано так называемое опытное подразделение при главнокомандующем люфтваффе, которое возглавил полковник люфтваффе Г. Хейгль. Подразделение состояло из двух эскадрилий (групп). Первая эскадрилья была сформирована на основе 4-й эскадрильи «эскадры Ровеля», и на нее возложены войсковые испытания новейших образцов авиационной техники и вооружения. Ее командиром был назначен полковник люфтваффе Т. Ровель. Вторая эскадрилья занималась исключительно проведением секретных операций по заброске агентов германской военной разведки и РСХА в тыл противника. Ее возглавил бывший пилот «эскадры Ровеля» капитан люфтваффе К.-Э. Гартенфельд. Эскадрилья имела бóльшую штатную численность, чем аналогичные подразделения дальней разведки. В ее составе имелось 25 экипажей по три человека, большинство из которых ранее были летчиками-испытателями. Выброска агентуры в тыл Советского Союза производилась, как правило, в ночное время. Агенты доставлялись к самолету за час до вылета в закрытой машине офицерами абвера или под охраной солдат.

20 февраля 1944 г. «опытное подразделение» было переформировано в 200-й бомбардировочный полк, именовавшийся КГ-200. Данное специальное соединение люфтваффе предназначалось для обеспечения разведывательно-диверсионных заданий. Во время войны на вооружение КГ-200 поступили машины новых типов, в частности тяжелый бомбардировщик «Юнкерс-290», «Арадо-232» и другие.

23 мая 1944 г. в ходе проведения радиоигры «Арийцы» на территории Калмыцкой АССР были уничтожены два Ю-290, специально оборудованные для выполнения разведывательно-десантных операций в глубоком тылу противника. Экипаж самолетов частично был уничтожен, а остальные взяты в плен. В своих показаниях от 13 июля 1944 г. командир одного из Ю-290 лейтенант В. Вагнер рассказал о специальном подразделении люфтваффе — 200-й бомбардировочной эскадре, сформированном на основе «эскадры Ровеля». Таким образом, советское командование получило достаточно полную информацию о секретном авиаподразделении германских спецслужб. В конце апреля 1945 г. КГ-200 прекратила свое существование.

Главное управление имперской безопасности

Главное управление имперской безопасности (РСХА) являлось координатором всей карательной политики в Германии и на оккупированных территориях. Образовано оно было в 1939 г. в результате слияния главного управления полиции безопасности и главного управления службы безопасности (управление СД), а окончательно сформировалось к сентябрю 1940 г. В составе РСХА насчитывалось семь управлений, а в 1944 г. — восемь. 6-е управление осуществляло разведывательную и подрывную деятельность на территории многих стран, в том числе и на восточном фронте.

Оно включало отделы VI A (общая организация разведывательной службы), VI B (разработка и использование средств связи, служба перехвата), VI C (разведка в советско-японской зоне влияния, а также на Ближнем и Дальнем Востоке), VI D (разведка в зоне влияния США), VI E (борьба с идеологическим противником за рубежом), VI F (технические средства разведки), VI Kult (разведка и культура), VI G (использование научной информации) и VI S (материальный, моральный и политический саботаж).

Руководитель управления бригаденфюрер СС В. Шелленберг подробно рассказал в своих мемуарах об основных задачах разведдеятельности, которую проводило его управление против СССР, в том числе и о планах диверсий в советском тылу: «Меня просили уделить особое внимание разведке в ближайшем тылу противника, однако никто не учитывал, с какими трудностями это было сопряжено... Руководство нашей деятельностью против России было возложено на три отдела. В обязанности первого отдела входили сбор и сопоставление информации, добытой агентами, постоянно проживавшими за рубежом. Мы стремились получать от них максимум сведений: как из секретных, так и несекретных источников. К несекретным источникам относились пресса, официальная статистика, книги и прочие публикации... Для развертывания этой работы во всех столицах стран Европы были созданы разведывательные центры, в качестве образца для которых была принята организация нашего главного управления в Берлине. Второй отдел управления ведал операцией «Цеппелин»[21]. Основной задачей этой операции была массовая выброска групп русских военнопленных на парашютах в глубокий тыл Советского Союза»[22].

Именно отдел VI C, или восточный отдел, и был основным противником советских спецслужб. Первоначально отдел включал в себя 13 рефератов, затем увеличился еще на один, а с конца 1944 г. состоял из четырех: VI C 1 (Советский Союз), VI C 2 (страны-лимитрофы), VI C 3 (Дальний Восток) и VI C/Z («Предприятие «Цеппелин»).

В марте 1942 г. в связи со срывом плана молниеносной войны на восточном фронте для подрывной деятельности в советском тылу РСХА был создан специальный разведывательно-диверсионный орган под условным наименованием «Унтернемен «Цеппелин» («Предприятие «Цеппелин»)[23]. Эту задачу предполагалось осуществить путем заброски специально обученной агентуры в глубокие тыловые районы Советского Союза, имеющие важное оборонное значение, а также в национальные области и республики для сбора разведывательных данных о политическом положении в СССР, проведения националистической пропаганды, организации повстанческого движения и осуществления террористических актов над партийными деятелями.

В своей работе против СССР «Цеппелин» действовал в тесном контакте с абвером и командованием вермахта, а также имперским министерством по делам оккупированных областей. Он был подчинен 6-му управлению РСХА (внешняя разведка) и на правах особого реферата VI C/Z входил в группу (отдел) VI C, проводившую политическую разведку против Советского Союза и стран Ближнего Востока. Руководящий штаб «Цеппелина» состоял из аппарата начальника органа и трех отделов: отдел Z 1 — комплектование и оперативное руководство низовыми органами, снабжение агентуры техникой и снаряжением; отдел Z 2 — обучение агентуры; отдел Z 3 — обработка всех материалов о деятельности особых лагерей, фронтовых команд и агентуры, переброшенной в тыловые районы СССР.

Главные тактические задачи «Цеппелина» определялись этим планом так: «Надо стремиться к тактике возможно большего разнообразия. Должны быть образованы специальные группы действия. Разведывательные группы — для сбора и передачи политических сведений из Советского Союза. Пропагандистские группы — для распространения национальной, социальной и религиозной пропаганды. Повстанческие группы — для организации и проведения восстаний. Диверсионные группы — для проведения политических диверсий и террора»[24]. Руководители германского рейха надеялись на то, что «Цеппелин» сможет подорвать крепость советского тыла и этим окажет реальную помощь немецкому командованию в борьбе против Красной армии.

Весной 1942 г. «Цеппелин» направил четыре зондеркоманды на советско-германский фронт, которые были приданы оперативным группам полиции безопасности и СД при основных армейских группировках вермахта. Зондеркоманды «Цеппелина» занимались отбором военнопленных для подготовки агентуры в учебных лагерях, собирали сведения о политическом и военно-экономическом положении СССР путем опроса военнопленных, проводили сбор обмундирования для экипировки агентуры, различных воинских документов и других материалов, пригодных для использования в разведывательной работе. Команды

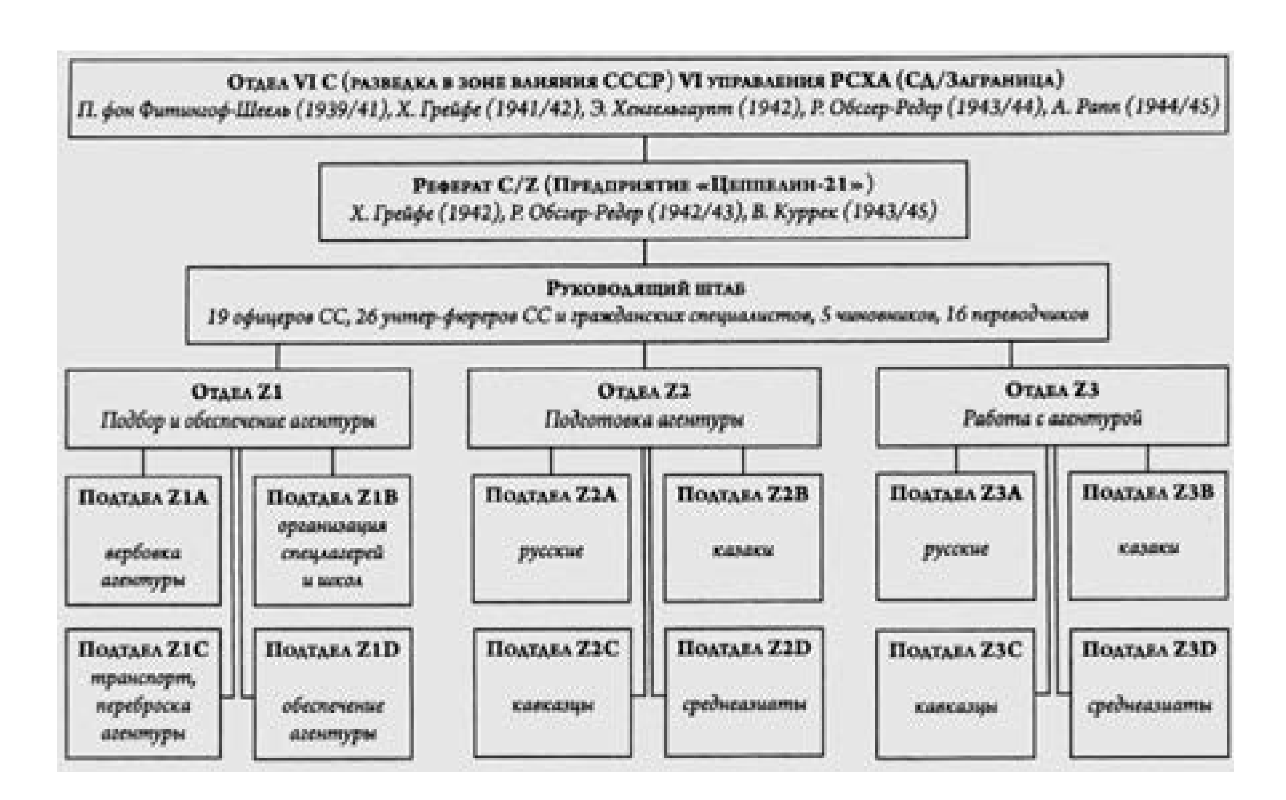

Схема «Предприятия «Цеппелин»

перебрасывали также подготовленную агентуру через линию фронта как пешим путем, так и с самолетов на парашютах.

Примерно через год, в 1943-м, зондеркоманды были расформированы, а вместо них на советско-германском фронте созданы две главные команды — «Русланд Митте» (позднее — «Русланд Норд») и «Русланд Зюд» («Штаб доктора Редера»). Чтобы не распылять силы по всему фронту, эти команды сосредоточили свои действия только на важнейших направлениях: северном и южном. Каждая из главных команд «Цеппелина» с входившими в нее службами была мощным разведывательным органом и насчитывала несколько сотен сотрудников и агентов. Начальник команды подчинялся только руководящему штабу «Цеппелина» в Берлине, а в практической работе имел полную оперативную самостоятельность, организуя на месте подбор, обучение и переброску агентуры. Свои действия он координировал с другими разведорганами и военным командованием.

Немцы стремились также организовать сепаратистское движение в национальных республиках, направленное на отторжение их от СССР, и создать вместо них марионеточные государства под протекторатом Германии. С этой целью в 1941–1942 гг. РСХА совместно с имперским министерством по делам оккупированных восточных областей создало в Берлине ряд так называемых национальных комитетов (Грузинский, Азербайджанский, Армянский, Туркестанский, Северо-Кавказский, Волго-Татарский и Калмыцкий), перед которыми ставилась задача привлечения национальной эмиграции для активной борьбы против Советского Союза.

В конце 1942 г. в Берлине отделом пропаганды штаба главного командования вермахта совместно с разведкой был создан Русский комитет во главе с А. Власовым. Комитет проводил активную работу среди военнопленных и советских граждан, вывезенных в Германию, для формирования воинских частей Русской освободительной армии.

В состав национальных комитетов органы «Цеппелина» внедряли свою агентуру и использовали ее в целях обработки в антисоветском духе военнопленных разных национальностей Советского Союза, подбора и подготовки из них кадров разведчиков и диверсантов для засылки в советские республики для подрывной работы.

«Предприятие «Цеппелин» на восточном фронте потерпело крах. Бывший руководитель внешней разведки рейха В. Шелленберг отмечал, что НКВД удавалось внедрить свою агентуру в «Цеппелин»: «Понятно, что органы НКВД сумели причинить нам немалый вред и, что еще хуже, начали засылать своих людей через фронт с заданием внедриться в операцию «Цеппелин», чтобы подрывать ее изнутри»[25].

В войсках СС[26] части специального назначения стали создаваться несколько позже, чем в абвере. 18 апреля 1943 г. в замке Фриденталь, расположенном в нескольких километрах от Ораниенбурга (пригород Берлина), началось формирование подразделения войск СС специального назначения. По названию места, где она была расквартирована, часть получила название «Фриденталь». Командиром нового подразделения был назначен гауптштурмфюрер СС О. Скорцени. Основой формирования принципиально нового разведывательно-диверсионного подразделения стали военнослужащие егерского батальона СС, позже получившего № 500.

Формирование нового подразделения было завершено 5 августа 1943 г., а чуть более месяца спустя диверсанты «Фриденталя» приняли участие в операции по освобождению итальянского диктатора Б. Муссолини. 17 апреля 1944 г. подразделение было преобразовано в егерский батальон СС № 502. В его состав вошли три стрелковые и одна легионерская роты. Как и подразделением «Фриденталь», 502-м батальоном СС[27] командовал О. Скорцени. В своей боевой подготовке диверсантов он воспользовался формами и методами, разработанными ранее «бранденбуржцами», которые добровольно вступали в ряды подразделения «Фриденталь». В 1944 г. подразделение было переподчинено 6-му управлению РСХА. Образованию «СС-Ягдфербанд» Скорцени посвятил в своих мемуарах отдельный абзац[28].

В мае — июне 1944 г. по указанию рейхсфюрера СС Г. Гиммлера в РСХА, по аналогии с егерскими частями, для подготовки и выполнения особо важных заданий по террору, шпионажу и диверсиям в тылу противника были сформированы истребительные части СС. Комплектование и оперативное руководство практической деятельностью нового органа поручалось тому же Скорцени, который был к тому времени начальником группы VI S в 6-м управлении РСХА и одновременно возглавлял группу D военного управления РСХА (бывшая управленческая группа абвера «Заграница»), руководившую террором и диверсиями[29].

Деятельность «СС-Ягдфербанд» (егерские части СС) получила развитие в конце 1944 г., когда сателлиты Германии один за другим стали выходить из войны. Разведорган «СС-Ягдфербанд», пользуясь особым покровительством Гитлера и Гиммлера, под руководством Скорцени организовал десятки диверсионно-террористических школ и стал в массовом порядке готовить агентов-диверсантов для заброски их в тыл советских войск.

В «СС-Ягдфербанд» входили пять отдельных групп: «Ягдфербанд Митте» («Центр»), сформированная 10 ноября 1944 г. на базе 502-го егерского батальона СС; «Ягдфербанд Норд-Вест» («Северо-Запад»), созданная на базе подразделения дозорного корпуса «Северная Франция»; «Ягдфербанд Ост» («Восток»), основу которой составили военнослужащие егерского батальона СС «Восток» диверсионной части дозорного корпуса эйнзатцгруппы «Балтика»; «Ягдфербанд Зюд-Ост» («Юго-Восток»), созданная из диверсионной части дозорного корпуса «Карпаты», кроме эсэсовцев она была доукомплектована моряками ВМФ Германии (командир — гауптштурмфюрер СС А. Фукс); «Ягдфербанд Зюд-Вест» («Юго-Запад»), сформированная из диверсионных частей дозорного корпуса «Южная Франция».

Каждый из отделов «СС-Ягдфербанд», в свою очередь, делился на отделения, носившие названия той страны, на территории которой они проводили свою деятельность. Например, «СС-Ягдфербанд Зюд-Ост» имел отделения: «СС-Ягдфербанд Зюд-Ост Болгария», «СС-Ягдфербанд Зюд-Ост Венгрия», «СС-Ягдфербанд Зюд-Ост Чехословакия» и «СС-Ягдфербанд Зюд-Ост Югославия».

В сентябре 1944 г. все части «СС-Ягдфербанд» были переданы в войска СС, а в конце войны их вновь переподчинили оперативному штабу «Фриденталь», который в апреле 1945 г. был преобразован в охранный корпус «Альпенланд».

Личный состав «СС-Ягдфербанд» состоял из лиц, хорошо подготовленных для подрывной деятельности. В основном это были официальные сотрудники и агентура абвера и «Цеппелина», а также лица, служившие ранее в дивизии «Бранденбург-800» и войсках СС. По мере расширения деятельности кадры органа пополнялись бывшими полицейскими, участниками карательных отрядов, охранных батальонов, различных профашистских националистических формирований, а также военнослужащих вермахта. Деятельностью «СС-Ягдфербанд» руководил главный штаб, расположенный в замке Фриденталь.

Главный штаб состоял из следующих основных отделов: I А — разработка планов диверсионных операций, заброска агентурных и боевых групп, руководство их действиями; I В — материально-техническое обеспечение агентурных и боевых групп; I С — сбор и обработка разведданных, ведение контрразведывательной работы среди личного состава органа; оперативный отдел особого использования — подбор и подготовка кадров. В непосредственном подчинении главного штаба находились два специальных боевых подразделения: 502-й егерский батальон и 600-й батальон парашютистов (разведывательно-диверсионное подразделение войск СС).

Весь личный состав «СС-Ягдфербанд» обучался специальным дисциплинам. Ему преподавали теорию и практику диверсионного дела, тактику диверсионных и террористических групп, способы вывода из строя промышленных предприятий, знакомили с вооружением и тактикой действий советской, американской и английской армий.

В октябре 1944 г. для ведения подрывной работы на освобожденных от немецкой оккупации территориях республик Советской Прибалтики и северной части Польши был создан филиал «СС-Ягдфербанд» под условным наименованием «Ягдфербанд Ост» (истребительное соединение войск СС «Восток»), состоявший из штаба, трех рот специального назначения и нескольких диверсионных групп, обычно дислоцировавшихся отдельно от штаба. Каждая рота имела свое особое назначение и использовалась штабом по мере надобности как самостоятельная боевая единица. Так, одна рота в полном составе предназначалась для операций в тылу советских войск. Вторая, укомплектованная фольксдойче, несла охрану территории штаба. Третья состояла из бывших советских военнопленных и предназначалась для борьбы с партизанами.

Кроме того, при штабе «Ягдфербанд Ост» были две небольшие (по 17—18 человек) диверсионные группы под командованием унтершарфюрера СС А. Рубина-Башко и оберштурмфюрера СС Б. Тони. Они готовили диверсантов для переброски в тыл Красной армии партиями по три-четыре человека. Все подразделения «Ягдфербанд Ост» делились на две группы: Балтийскую и Общерусскую.

В августе 1944 г. в Латвии сотрудниками «СС-Ягдфербанд» была создана диверсионно-террористическая организация «Межа Кати» («Дикая кошка»), которая позже вошла в состав Балтийской группы. «Межа Кати» состояла из отдельных диверсионно-террористических отрядов, которые создавали в лесах тайные базы с продовольствием, оружием, боеприпасами. После капитуляции Германии они перешли на нелегальное положение.

Для обучения диверсантов в «СС-Ягдфербанд», по примеру абвера и «Цеппелина», имелись и собственные разведывательно-диверсионные школы. К их созданию приложили руку опытные диверсанты из дивизии «Бранденбург». Агенты-диверсанты вербовались из числа лиц тех национальностей, куда их планировалось забросить.

Одно из учебных заведений подобного рода располагалось на горе Шварценберг близ г. Трутнов на оккупированной территории Чехословакии. Эта школа находилась в непосредственном подчинении начальника «СС-Ягдфебанд Ост» штурмбанфюрера СС А. Ауха и руководителя «СС-Ягдфербанд» оберштурмбанфюрера СС О. Скорцени. Школа готовила диверсантов для действий на железнодорожных коммуникациях в районе Витебска, Смоленска, Минска и Бобруйска. К концу войны агентов стали обучать способам совершения

О. Скорцени

О. Скорцени и Б. Муссолини после освобождения

террористических актов против руководителей советских и партийных органов, высшего офицерского состава Красной армии.

К ноябрю 1944 г. в диверсионно-террористических школах «СС-Ягдфербанд» готовились до 25 тыс. агентов-диверсантов разных национальностей, в том числе бельгийцев, болгар, голландцев, латышей, поляков, румын, русских, финнов, французов, чехов, словаков, эстонцев, югославов и других. Обучение в них проходили также фольксдойче.

В связи с приближением Красной армии к местам дислокации диверсионно-террористических школ на территории Восточной Европы многие из них были переведены на территорию Австрии. В апреле 1945 г. деятельность этих школ прекратилась. Все курсанты были разбиты на группы и передислоцированы в другие районы Австрии, главным образом южнее Дуная. Все агенты-диверсанты должны были, спрятав оружие, боеприпасы, продукты и переодевшись в гражданскую одежду, выжидать развития международных событий, а затем, в случае вооруженного конфликта между союзниками и СССР, по сигналу «СС-Ягдфербанд» приступить к активной подрывной деятельности в тылу советских войск в пользу англо-американской коалиции.

По планам «СС-Ягдфербанд», в случае если война между союзниками по антигитлеровской коалиции не началась бы до августа 1945 г., все агенты, оставленные в тылу советских войск, должны были группами или в одиночку пробираться в американскую зону оккупации Австрии, в Линц, где связаться с резидентурой «СС-Ягдфербанд». Предполагалось предложить услуги агентов-диверсантов американской и английской разведкам для борьбы с СССР.

Весной 1945 г., накануне наступления частей Красной армии на Берлин, германская военная разведка интенсивно насаждала свою агентуру в тылу советских войск. С этой целью были сформированы так называемые рюкцунгорганизацион (организации отступления), в задачу которой входили сбор разведданных о частях Красной армии, занявших эти районы, и передача собранных сведений в Берлин.

Всего в годы войны на восточном фронте действовало более 130 разведывательных, диверсионных и контрразведывательных команд СД и абвера, функционировало около 60 школ, готовивших агентуру для заброски в тыл Красной армии. Главным противостоянием на фронтах тайной войны спецслужб СССР и нацистской Германии стала борьба особых отделов НКВД, а затем контрразведки Смерш с абвером и «Цеппелином».

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. Сб. док. Симферополь, 2011. С. 49.

[2] *Коровин В. В.* Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003. С. 11.

[3] *Чуев С. Г.* Проклятые солдаты. М., 2004. С. 20.

[4] ЦА ФСБ России. Н-21105. В 4-х т. Т. 1. Л. 8–15.

[5] Там же. Н-21136. В 3-х т. Т. 1. Л. 16–26.

[6] Там же. Н-20944. В 3-х т. Т. 3. Л. 153.

[7] *Helmut Roewer*. Skrupellos. Die Machenschaften der Geheimdienste in Rußland und Deutschland 1914–1941 / Verlag Faber&Faber Leipzig, 2004. S. 656.

[8] *Magnus Pahl*. Fremde Heere Ost. Hitlers militärische Feindaufklärung. Ch. Links Verlag, Berlin, 2012. S. 346–347.

[9] *Винокуров В.* Роль немецкой военной дипломатии в принятии решения о нападении на СССР // Военно-промышленный курьер. 2008. № 3.

[10] ЦА ФСБ России. Р-48645. Л. 55–56 об.

[11] *Райле О.* Секретные операции абвера. Тайная война немецкой разведки на Востоке и Западе / Пер. с нем. М., 2010. С. 160.

[12] Отдел иностранных армий (Abteilung Fremde Heere, сокр. FH) был образован перед началом Первой мировой войны в составе генерального штаба сухопутных войск Германии для оценки информации о положении противника. После Первой мировой войны формально отдел прекратил свое существование (как и многие ведомства согласно Версальскому договору), однако фактически он продолжал свою деятельность под наименованием отдел Т3 — статистический отдел сухопутных войск военного министерства рейхсвера. В 1938 г. в результате структурных изменений отдел был разделен на два самостоятельных подразделения, получивших наименования отдел иностранных армий Востока (Fremde Heere Ost, сокр. FHO), или 12-й отдел генштаба ОКХ, и отдел иностранных армий Запада (Fremde Heere West, сокр. FHW), или 3-й отдел штаба оперативного руководства ОКВ. Начальники FHO: полковник Эберхард Кинцель (1938 — март 1942 г.); генерал-майор Рейнхард Гален (апрель 1942 — апрель 1945 г.); подполковник Герхард Вессель (апрель — май 1945 г.). Начальники FHW: полковник Ульрих Лисс (1938 — март 1943 г.); полковник Алексис Фрейхерр фон Рённе (март 1943 — июль 1944 г.); полковник Вилли Бюркляйн (июль 1944 — май 1945 г.).

[13] *Hagen W.* (*Wilhelm Hättl*). Die geheime Front. Organisation, Personen und Aktionen des Deutschen Geheimdienstes, Linz und Wien. 1950. S. 74.

[14] ЦА ФСБ России. Н-21136.

[15] *Stephan R. W.* Stalin's Secret War. Soviet Counterintelligence against the Nazis, 1941–1945. University Press of Kansas, 2004. P. 120.

[16] *Неподаев Ю. А.* Спецназ адмирала Канариса. М., 2004. С. 70–71.

[17] *Дробязко С. И.* Под знаменами врага. Антисоветские формирования в составе германских вооруженных сил 1941–1945 гг. М., 2005. С. 131–132.

[18] Ровель Теодор (1894–1978), немецкий военный летчик, полковник, в годы Второй мировой войны командир специального подразделения люфтваффе.

[19] *Дегтев Д. М.*, *Зубов Д. В.* Всевидящее око фюрера. Дальняя разведка люфтваффе на восточном фронте. 1941–1943. М., 2012. С. 24. О дальней разведке люфтваффе см. также: *Зефиров М. В.*, *Дегтев Д. М.*, *Баженов Н. Н.* Самолеты-призраки Третьего рейха. Секретные операции люфтваффе. М., 2007.

[20] ЦА ФСБ России. Н-21105. В 4-х т. Т. 2. Л. 33–52.

[21] Вероятно, Шелленберг имел в виду деятельность подразделения VI С (Восточного отдела) — VI C/Z («Цеппелин»).

[22] *Шелленберг В.* Лабиринт. Мемуары. Минск, 1998. С. 256–257.

[23] *Ямпольский В. П.*, *Богодист В. Ф.* Организация и деятельность «Цеппелина» // Труды Общества изучения истории отечественных спецслужб. М., 2008. Т. 4. С. 327–356.

[24] Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. С. 472.

[25] *Шелленберг В.* Указ. соч. С. 265.

[26] Войска СС (Waffen-SS) — вооруженные формирования СС. Официально созданы 1 июня 1940 г. путем переименования частей усиления СС с включением в их состав дивизии СС «Мертвая голова». Позже ряд дивизий СС был объединен в корпуса СС, в конце войны был сформирован штаб 6-й танковой армии СС (кроме того, существовала армейская группа обергруппенфюрера СС Ф. Штейнера).

[27] 502-й егерский батальон СС — специальное подразделение в составе «СС-Ягдфербанд». Сформирован в июне 1943 г. на специальных учебных курсах Ораниенбург в местечке Фриденталь, расположенном севернее Берлина. В своем составе первоначально имел четыре роты. Комплектовался в основном из солдат и унтер-офицеров, служивших в дивизии «Бранденбург», войсках СС и парашютно-десантных частях люфтваффе. 10 ноября 1944 г. реорганизован в спецподразделение «СС-Ягдфербанд Митте». Командиры: гауптштурмфюрер СС Отто Скорцени (июнь 1943 — начало 1944 г.); оберштурмфюрер СС Фукс (до 10 ноября 1944 г.).

[28] *Скорцени О.* Секретные задания РСХА // Короли диверсий. М., 1997. С. 177.

[29] О структуре и деятельности «СС-Ягдфербанд» см. также: Смерш: исторические очерки и архивные документы. С. 133–136.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ В ПЕРВЫЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

Организация, основные задачи и кадровый состав органов военной контрразведки

С началом Великой Отечественной войны деятельность советских органов безопасности на фронте и в тылу претерпела серьезные изменения. В течение июня — июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР, СНК СССР, ЦК ВКП(б), руководство наркоматов обороны, внутренних дел и госбезопасности издали ряд нормативных актов, предопределивших их организацию и основные задачи на период войны.

Органы военной контрразведки по состоянию на 22 июня 1941 г. были представлены 3-м управлением НКО СССР, 3-м управлением НКВМФ СССР, 3-м отделом НКВД СССР и подчиненными им третьими отделами (отделениями) на местах. Наиболее разветвленную структуру органов военной контрразведки (третьих подразделений) имел Наркомат обороны СССР. Возглавлял 3-е управление НКО СССР бригадный комиссар А. Н. Михеев. В свою очередь, 3-е управление НКВМФ СССР отвечало за обеспечение безопасности в частях и соединениях флотов, флотилий и военно-морских баз. 3-й отдел НКВД СССР вел контрразведывательную работу в войсках Наркомата внутренних дел.

Независимо от принадлежности к конкретному ведомству большинство подразделений военной контрразведки вступило в войну, не завершив реорганизацию, проводившуюся в связи с образованием из особых отделов НКВД третьих отделов (отделений). По воспоминаниям многих ветеранов, предпринятая в феврале 1941 г. реорганизация отрицательно сказывалась в начальный период войны на работе подразделений военной контрразведки в боевой обстановке. К тому же часть командиров соединений, в подчинение которым были переданы третьи отделы (отделения), стремилась использовать их для выполнения различных поручений, не имевших отношения к основным задачам органов безопасности.

Руководство Наркомата внутренних дел СССР и органов военной контрразведки в предвоенные годы не уделило достаточного внимания подготовке особых отделов (третьих подразделений) к деятельности в условиях ведения боевых действий, хотя уже имелся опыт советско-финской войны 1939–1940 гг. Подготовка носила общий характер и касалась преимущественно мобилизационных вопросов. В подразделениях военной контрразведки, особенно в звене «бригада — дивизия — корпус», ощущалась нехватка квалифицированных оперативных сотрудников. Прибывшие на работу в эти подразделения накануне и с

началом войны молодые контрразведчики из территориальных органов НКВД — НКГБ, а также сотрудники, зачисленные в контрразведку с командных и политических должностей из армейских и флотских подразделений, не имели достаточной профессиональной подготовки, а многие не успели приобрести опыт оперативной работы даже в мирных условиях[1].

Между тем обстановка на фронтах уже в первые недели войны складывалась не в пользу советских войск. Немецкое командование полностью владело стратегической инициативой, нанося массированные удары на том или ином участке фронта, что обусловило ряд крупных поражений советских войск летом — осенью 1941 г. В сложившихся исключительно тяжелых условиях руководство СССР приняло решение объединить все правоохранительные органы в единое ведомство. Преобразования затронули и органы военной контрразведки.

17 июля 1941 г. было принято постановление ГКО, которое предписывало:

«1. Преобразовать органы Третьего управления как в Действующей армии, так и в военных округах (от отделений в дивизиях и выше) в особые отделы, а Третье управление — в Управление особых отделов.

2. Подчинить Управление особых отделов и особые отделы Народному комиссариату внутренних дел, а уполномоченного особотдела в полку и особотдела в дивизии одновременно подчинить соответственно комиссару полка и комиссару дивизии.

3. Главной задачей особых отделов на период войны считать решительную борьбу со шпионажем и предательством в частях Красной армии и ликвидацию дезертирства непосредственно в прифронтовой полосе.

4. Дать особым отделам право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте.

5. Обязать НКВД дать в распоряжение особых отделов необходимые вооруженные отряды из войск НКВД.

6. Обязать начальников охраны тыла иметь прямую связь с особыми отделами и оказывать им всяческую поддержку»[2].

Как подчеркивалось в директиве НКВД СССР от 18 июля 1941 г. № 169, отданной в развитие этого постановления ГКО, «смысл преобразования органов Третьего управления в особые отделы с подчинением их НКВД заключается в том, чтобы повести беспощадную борьбу со шпионами, предателями, диверсантами, дезертирами и всякого рода паникерами и дезорганизаторами... Этой задаче должна быть подчинена вся работа особых отделов, вся их деятельность на фронте и в тылу». Руководство НКВД СССР потребовало «решительно перестроить всю агентурно-оперативную работу с тем, чтобы в любой обстановке обеспечить выявление и беспощадное уничтожение предателей, шпионов и дезертиров»[3].

Вновь образованное Управление особых отделов (УОО) НКВД СССР представляло собой самостоятельную структуру в составе Наркомата внутренних дел, которой подчинялись все особые отделы фронтов, округов (военных, пограничных, внутренних войск), армий, корпусов, дивизий, бригад и отдельных гарнизонов. Управление состояло из нескольких отделов. В частности, за обеспечение безопасности основных родов войск отвечал 4-й отдел, ВВС — 2-й отдел, бронетанковых войск и артиллерии — 3-й отдел и т. д.

В состав Управления особых отделов НКВД СССР в качестве 6-го отдела, осуществлявшего контрразведывательную работу в войсках НКВД, вошел и бывший 3-й отдел НКВД СССР. Начальником УОО НКВД СССР был назначен заместитель наркома внутренних дел комиссар госбезопасности 3 ранга В. С. Абакумов. Бывший начальник 3-го управления НКО СССР бригадный комиссар А. Н. Михеев получил специальное звание комиссара государственной безопасности 3 ранга и был назначен начальником особого отдела НКВД Юго-Западного фронта.

В соответствии с постановлением ГКО от 10 января 1942 г. «О преобразовании органов Третьего управления НКВМФ в особые отделы» органы военно-морской контрразведки были также переданы в подчинение Управления особых отделов НКВД СССР.

В соответствии с приказом НКВД СССР от 19 июля 1941 г. при особых отделах дивизий и корпусов были сформированы отдельные стрелковые взводы, при особых отделах ар-

СОВ. СЕКРЕТНО

Экз. № 2868

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО—187/сс

От 17 июля 1941 г. Москва, Кремль

СОДЕРЖАНИЕ: О преобразовании органов 3-го Управления в Особые Отделы.

1. Преобразовать органы 3-го Управления как в Действующей армии, так и в военных округах от отделений в дивизиях и выше в Особые Отделы, а 3-е Управление — в Управление Особых Отделов.

2. Подчинить Управление Особых Отделов и Особые Отделы Народному Комиссариату Внутренних Дел, а уполномоченного Особотдела в полку и Особотдел в дивизии одновременно подчинить соответственно комиссару полка и комиссару дивизии.

3. Главной задачей Особых Отделов на период войны считать решительную борьбу с шпионажем и предательством в частях Красной Армии и ликвидацию дезертирства в непосредственно прифронтовой полосе.

4. Дать Особым Отделам право ареста дезертиров, а в необходимых случаях и расстрела их на месте.

5. Обязать НКВД дать в распоряжение Особых Отделов необходимые вооруженные отряды из войск НКВД.

6. Обязать начальников охраны тыла иметь прямую связь с Особыми Отделами и оказывать им всяческую поддержку.

Председатель Государственного Комитета Обороны
И. СТАЛИН.

Заказ № 318сс.

Центральная типография НКО СССР имени Клима Ворошилова
Москва, ул. Маркса и Энгельса, 17.

Постановление ГКО о преобразовании органов 3-го управления в особые отделы от 17 июля 1941 г.

А. Н. Михеев

В. С. Абакумов

мий — отдельные стрелковые роты, при особых отделах фронтов — отдельные стрелковые батальоны. Приказ предписывал «укомплектовать эти части личным составом войск НКВД, находящимся в подчинении начальников охраны тыла фронтов. На укомплектование выделить лучший проверенный состав из числа кадра»[4].

Через несколько дней после реорганизации органов военной контрразведки последовала новая серьезная реформа органов безопасности страны. Указом Президиума Верховного Совета СССР от 20 июля 1941 г. НКВД СССР и НКГБ СССР были объединены в Народный комиссариат внутренних дел СССР во главе с Л. П. Берией[5].

Проведенные реформы органов безопасности позволили создать единое мощное правоохранительное ведомство, способное в тяжелый начальный период войны решать такие серьезные задачи, как борьба с вражескими спецслужбами, оказание помощи военному командованию, партийным, хозяйственным органам в наведении порядка, стабилизации положения на фронте и в тылу. Значительно укрепились связи и улучшилось взаимодействие между территориальными органами и особыми отделами НКВД.

Однако реорганизация органов безопасности в условиях начавшейся войны имела и свои негативные последствии. Во второй раз за непродолжительный период времени менялась организационно-штатная структура, осуществлялись серьезные кадровые перестановки. В кратчайшие сроки необходимо было решить вопросы правового положения, финансирования, материально-технического снабжения и прочие.

Стабильная структура органов военной контрразведки на фронтах, которая способствовала бы успешному решению задач военного времени, сложилась лишь к началу 1943 г. Она, как правило, выглядела так: особый отдел НКВД фронта, 5–10 особых отделов армий, подчиненных фронту, 30–40 особых отделов частей и соединений, подчиненных либо непосредственно особому отделу НКВД фронта, либо особым отделам НКВД армий (в зависимости от подчиненности частей и соединений по линии военного командования). С апреля 1943 г. данные органы стали носить наименования управлений (отделов) контрразведки Смерш НКО СССР.

Подчиненность сотрудников органов военной контрразведки звена «бригада — дивизия» в последующем в связи с введением единоначалия в Красной армии приказом НКВД СССР от 14 октября 1942 г. была изменена. Старший оперуполномоченный и оперуполномоченный в полку и начальник особого отдела соединения одновременно с подчинением по линии особых отделов НКВД стали подчиняться командиру полка и командиру соединения соответственно[6].

В своей работе органы военной контрразведки тесно взаимодействовали с пограничными войсками НКВД, на которые в соответствии с постановлением СНК СССР от 25 июня 1941 г. была возложена задача по охране тыла действующей Красной армии. Во исполнение решения СНК СССР в кратчайшее время были сформированы управления охраны тыла Северного, Северо-Западного, Западного, Юго-Западного и Южного фронтов. Пограничные части были преобразованы в пограничные полки; в управлениях созданы разведывательные отделы, в пограничных полках — разведывательные отделения, в батальонах — группы разведчиков; введены должности заместителей по разведке начальника войск по охране тыла, командира полка и командира батальона. В задачу разведывательных отделений входили организация оперативной работы по охране тыла, борьба с агентурой вражеских спецслужб, ведение зафронтовой разведки.

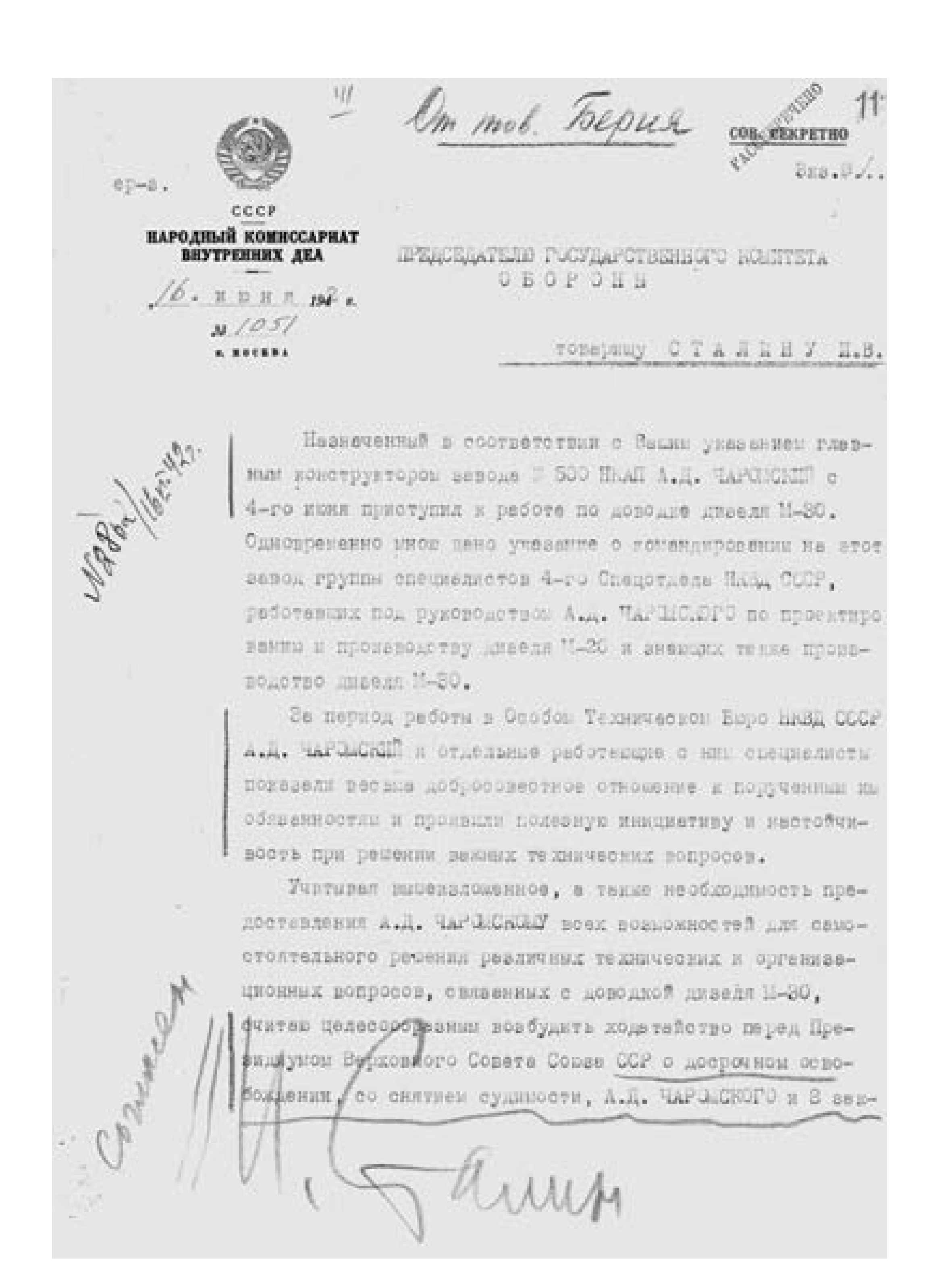
Организуя свою работу в период Великой Отечественной войны, органы военной контрразведки опирались на законодательство военного времени. В первую очередь они руководствовались указами Президиума Верховного Совета СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» и «Об объявлении в отдельных местностях СССР военного положения». В соответствии с этими указами в местностях, объявленных на военном положении (более 20 республик и областей СССР), все функции органов государственной власти в области обороны, обеспечения общественного порядка и государственной безопасности принадлежали военным советам фронтов, армий, военных округов, а там, где не было военных советов, — высшему командованию войсковых соединений[7].

Военные власти получили широкие полномочия, в том числе в области издания обязательных для населения постановлений, мобилизации наличных сил и средств на нужды обороны и т. п. В изъятие действовавших правил уголовного судопроизводства в местностях, объявленных на военном положении, на рассмотрение военных трибуналов передавались все дела о преступлениях, направленных против обороны, общественного порядка и государственной безопасности (государственных преступлениях, умышленных убийствах, разбое и т. п.). Приговоры военных трибуналов кассационному обжалованию не подлежали и могли быть отменены или изменены только в порядке надзора. Органы военной контрразведки на протяжении всей войны активно использовали возможности военного командования в местностях, объявленных на военном положении, для решения своих задач, поддержания в прифронтовой полосе жесткого контрразведывательного режима.

6 июля 1941 г. в интересах поддержания общественного порядка и предупреждения случаев паники Президиум Верховного Совета СССР принял указ об ответственности за распространение в военное время ложных слухов. Его содержание было кратким: «Установить, что за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения, виновные караются по приговору военного трибунала тюремным заключением на срок от 2 до 5 лет, если это действие по своему характеру не влечет за собой по закону более тяжкого наказания»[8].

В этот же день постановлением ГКО была введена военная цензура. Органы военной цензуры просматривали всю входящую и исходящую почтовую корреспонденцию частей Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД, что позволяло предотвращать утечку военных секретов, предупреждать распространение панических, провокационных и иных нежелательных сообщений. Отделениями военной цензуры производились вскрытие и просмотр всех видов писем и телеграмм с проставлением штампа «Просмотрено военной цензурой».

Таким образом, уже в первые месяцы войны произошли существенные изменения в законодательстве страны, которые оказали влияние на содержание оперативной и следственной работы органов военной контрразведки.

От тов. Берия

СОВ. СЕКРЕТНО

Экз.№ 1

Отдел

СССР

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

16 июня 1942 г.

№ 1051

г. Москва

ПРЕДСЕДАТЕЛЮ ГОСУДАРСТВЕННОГО КОМИТЕТА ОБОРОНЫ

товарищу СТАЛИНУ И.В.

№ 880ос/16.VI.42

Назначенный в соответствии с Вашим указанием главным конструктором завода № 500 НКАП А.Д. ЧАРОМСКИЙ с 4-го июня приступил к работе по доводке дизеля М-30. Одновременно мною дано указание о командировании на этот завод группы специалистов 4-го Спецотдела НКВД СССР, работавших под руководством А.Д. ЧАРОМСКОГО по проектированию и производству дизеля М-30 и знающих также производство дизеля М-30.

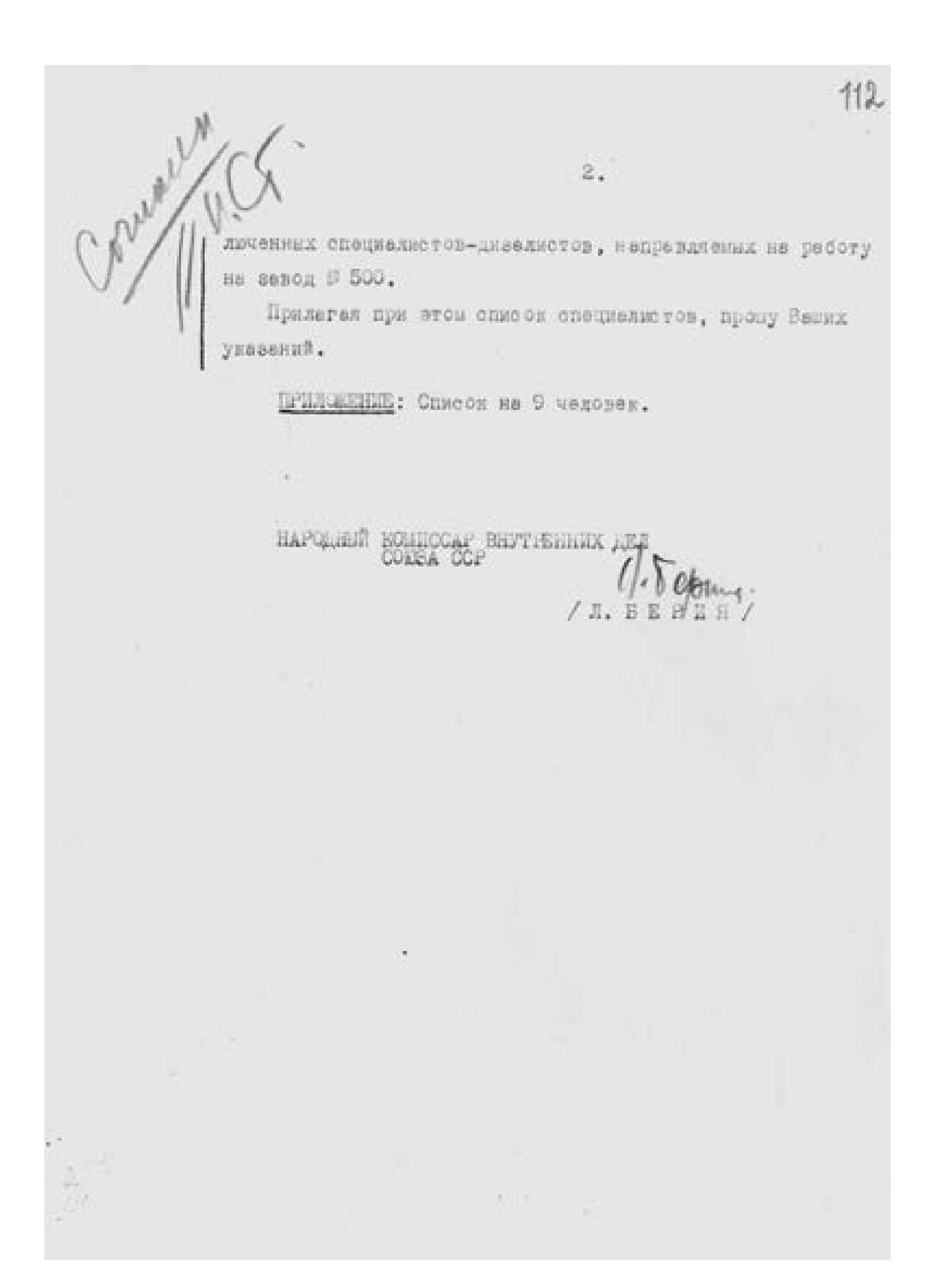
За период работы в Особом Техническом Бюро НКВД СССР А.Д. ЧАРОМСКИЙ и отдельные работающие с ним специалисты показали весьма добросовестное отношение к порученным им обязанностям и проявили полезную инициативу и настойчивость при решении важных технических вопросов.

Учитывая вышеизложенное, а также необходимость предоставления А.Д. ЧАРОМСКОМУ всех возможностей для самостоятельного решения различных технических и организационных вопросов, связанных с доводкой дизеля М-30, считаю целесообразным возбудить ходатайство перед Президиумом Верховного Совета Союза ССР о досрочном освобождении, со снятием судимости, А.Д. ЧАРОМСКОГО и 8 зак-

Согласен

И. Сталин

Докладная записка НКВД СССР об освобождении А. Д. Чаромского и снятии с него судимости. С резолюцией И. В. Сталина. Лист 1

112

Согласен И. Ст.

2.

люченных специалистов-дизелистов, направляемых на работу на завод № 500.

Прилагая при этом список специалистов, прошу Ваших указаний.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Список на 9 человек.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
СОЮЗА ССР

Л. Берия
/Л. БЕРИЯ/

Докладная записка НКВД СССР об освобождении А. Д. Чаромского и снятии с него судимости. С резолюцией И. В. Сталина. Лист 2

Как правило, особые отделы НКВД на фронте и в прифронтовой полосе занимались только выявлением и расследованием соответствующих преступлений. Приговоры по законченным производством делам выносили военные трибуналы, хотя в отдельных случаях сотрудники особых отделов имели право на применение внесудебных мер. Спецификой карательной политики в годы войны было и то, что репрессиям подвергались не только военные преступники, но и их ближайшие родственники. В соответствии с приказом Ставки ВГК № 270 от 16 августа 1941 г. семьи военнослужащих, «дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу», подлежали аресту «как семьи нарушивших присягу и предавших свою Родину дезертиров»[9].

Организуя работу органов военной контрразведки в первые дни войны, руководство 3-го управления НКО СССР и 3-го управления НК ВМФ СССР не имело объективной и полной информации о складывавшейся на линии фронта и в прифронтовой полосе оперативной обстановке. Поэтому неслучайно первая директива, направленная центральным аппаратом военной контрразведки НКО СССР на места 22 июня 1941 г. о задачах органов 3-го управления в связи с началом военных действий, носила абстрактный, «дежурный» характер. Вместе с тем в директиве были заложены все основные направления будущей работы органов военной контрразведки в годы войны.

В связи с началом военных действий и «для пресечения подрывной деятельности агентуры иностранных разведок и антисоветских элементов, проникших в армию», директива предписывала активизировать разработку всего «подучетного элемента» и требовала:

— направить агентурно-осведомительный аппарат на своевременное вскрытие и ликвидацию агентуры противника по линии шпионажа, диверсии, террора; своевременно предотвращать случаи дезертирства и измены Родине;

— решительно пресекать все антисоветские проявления и вражескую работу по разложению личного состава воинских частей, распространению контрреволюционных листовок, провокационных и панических слухов;

— обеспечить предотвращение фактов разглашения военнослужащими государственной и военной тайны, особенно обратив внимание на работников штабов и узлов связи;

— вскрывать недочеты, отрицательно влияющие на выполнение задач, поставленных перед войсками, и немедленно через командование ликвидировать выявленные недочеты[10].

Следующая, подписанная 27 июня 1941 г. начальником 3-го управления НКО СССР А. Н. Михеевым директива определила основные элементы оперативной деятельности военной контрразведки. В военное время функции органов 3-го управления НКО СССР включали: агентурно-оперативную работу в частях Красной армии и в тыловых учреждениях, их обеспечивавших, а также среди гражданского окружения; борьбу с дезертирством; работу на территории противника[11].

На протяжении лета — осени 1941 г. руководство органов безопасности и военной контрразведки издало значительное количество нормативных документов (приказов, указаний, директив, ориентировок и т. п.), которые конкретизировали задачи особых отделов НКВД. Однако руководство особых отделов на местах не сразу смогло уяснить новые приоритеты в оперативной работе. Перестройка работы с мирного на военный лад происходила в исключительно трудных условиях на фоне постоянного отступления советских войск, формирования новых частей и соединений и т. п. В некоторых органах военной контрразведки возникали проблемы выстраивания отношений с командованием. Неслучайно во второй половине 1941 г. представители руководства Управления особых отделов НКВД СССР неоднократно выезжали на места, где знакомились с организацией работы, давали указания по повышению ее качества и эффективности.

Так, к примеру, в начале октября 1941 г. начальник УОО НКВД СССР В. С. Абакумов выезжал на Южный фронт, побывал в 9-й и 18-й армиях, в 150-й стрелковой дивизии. В ходе поездки В. С. Абакумов знакомился с оперативными материалами особых отделов, давал указания и проводил инструктажи с руководящим составом особых отделов по вопросам решительного пресечения дезертирства, шпионажа и «разболтанности на фронте».

Даже спустя полгода после начала войны положение оставалось непростым. 1942 г. по драматизму и сложности обстановки как на фронте, так и в тылу страны немногим уступал предыдущему. Вследствие тяжелых поражений весной 1942 г. вплоть до контрнаступления под Сталинградом советским войскам пришлось вести затяжные и ожесточенные оборонительные бои с превосходящими силами противника.

Складывавшаяся на фронтах обстановка обусловила и основные задачи органов военной контрразведки на 1942 г. в частях и соединениях действующей армии. К их числу относились:

— розыск шпионов, диверсантов и террористов, забрасываемых вражескими спецслужбами в расположение войск действующей армии и прифронтовую полосу;

— оказание помощи военному командованию и политорганам в укреплении боеспособности частей и соединений, сохранении секретов;

— борьба с изменой Родине в виде перехода на сторону врага, дезертирством и членовредительством, пресечение распространения панических слухов;

— информирование руководства страны и военного командования о реальном положении в действующей армии и проблемах, негативно влияющих на ее боеспособность.

Однако в условиях ожесточенных оборонительных сражений 1941—1942 гг. спектр задач, решаемых особыми отделами НКВД, не ограничивался перечисленными выше. Помимо борьбы с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб противника органы военной контрразведки фактически занимались наведением порядка в прифронтовой полосе, боролись с мародерами и расхитителями военного имущества, выявляли виновников и расследовали случаи аварий, факты морально-бытового разложения отдельных военнослужащих и т. п.

Анализируя накопленный с начала войны опыт, руководство органов государственной безопасности СССР обратило внимание на необходимость более четко сформулировать задачи, стоявшие перед военной контрразведкой, выделив приоритетные и отказавшись от второстепенных. В Управлении особых отделов НКВД СССР пакет документов по данной проблеме был подготовлен уже в октябре 1942 г. Он включал: проект постановления Государственного Комитета Обороны; справку о штатной численности особых отделов НКВД СССР по состоянию на 15 октября 1942 г.; список начальников особых отделов НКВД фронтов, армий, военных округов, флотов и флотилий. В проекте постановления ГКО предусматривалось:

«1. Работу особых отделов НКВД ограничить выполнением следующих задач:

а) ведение контрразведывательной работы в частях, штабах и учреждениях Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД: борьба с проникновением в них агентуры противника — шпионов, диверсантов, террористов;

б) борьба с предательством, изменой Родине и антисоветскими проявлениями;

в) борьба с дезертирством, членовредительством, трусами, паникерами и разглашением военной тайны;

г) выявление отдельных недочетов в области снабжения частей Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД боеприпасами, продуктами питания, обмундированием и другими предметами довольствия.

2. Обязать начальников особых отделов НКВД Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД информировать соответственно командиров частей, соединений и командующих армий, фронтов, флотилий и флотов обо всех имеющихся материалах на командный, начальствующий и рядовой состав армии, флота и войск НКВД, а также о всех выявленных недостатках»[12].

Предложения по изменению задач были обоснованными, однако реализация их произошла позднее, в апреле 1943 г., одновременно с очередной реорганизацией органов военной контрразведки.

Одной из особенностей работы особых отделов НКВД в условиях военного времени стало их частое переподчинение. Во исполнение решений военного командования части и соединения за годы войны неоднократно передавались из одной структуры (корпуса, армии, фронта, военного округа) в другую, выводились на переформирование и т. п. Соответственно изменялась и подчиненность особых отделов НКВД (отделов контрразведки Смерш). Кроме

того, в отличие от территориальных органов безопасности подразделения военной контрразведки часто меняли места своей дислокации в ходе оборонительных боев или наступления, что лишало руководство и оперативный состав возможности глубоко изучить оперативную обстановку, тщательно и заблаговременно готовить оперативные мероприятия.

В силу этих особенностей и некоторых других причин планированием оперативно-следственной работы занимались главным образом отделы военной контрразведки частей и соединений с учетом стоящих перед ними задач. Эти планы касались в основном текущих мероприятий, которые предстояло реализовать в короткие сроки, исходя из имеющихся возможностей. Общие планы деятельности особых отделов НКВД (органов Смерш) армий, фронтов до конца войны разрабатывались нерегулярно. При этом недостаточно внимания уделялось координации работы оперативных подразделений в соответствующей полосе фронта (армии). Это несколько снижало уровень эффективности контрразведывательной деятельности в войсках и на освобожденной от противника территории.

Одной из серьезных проблем с началом военных действий и мобилизационным развертыванием новых частей и соединений Красной армии и Военно-морского флота стало укомплектование подразделений военной контрразведки, особенно в действующей армии, квалифицированными сотрудниками. Многие чекисты имели слабую оперативную подготовку, к тому же они не знали организационной структуры и тактики работы разведывательных органов фашистской Германии, не имели четкого представления о методах розыска вражеских агентов, организации зафронтовой работы и т. п. Имевшаяся в органах государственной безопасности информация об абвере и главном управлении имперской безопасности Германии не была своевременно доведена до оперативного состава соответствующих подразделений чекистских органов, и они вынуждены были в течение продолжительного времени вести борьбу с разведкой противника вслепую, в боевых условиях самостоятельно собирать необходимые о ней данные.

Для укомплектования особых отделов развертываемых частей и соединений Красной армии оперативным составом в военную контрразведку было направлено большое число оперативных работников территориальных органов безопасности, а также армейских офицеров. Только из территориальных и транспортных органов госбезопасности в особые отделы НКВД прибыли на пополнение около 20 тыс. оперативных работников, которые не имели опыта работы в армейских условиях[13]. К примеру, особый отдел Ленинградского фронта пополнился из территориальных органов госбезопасности 1,5 тыс. новых сотрудников.

Начало Великой Отечественной войны заставило руководство органов безопасности внести серьезные изменения в систему подготовки и переподготовки кадров, в том числе для подразделений военной контрразведки. Так, в Высшей школе НКВД СССР курсы подготовки и переподготовки (усовершенствования) оперативных работников органов безопасности с 11 августа 1941 г. были переведены с месячной на трехмесячную программу обучения[14]. Чтобы полнее удовлетворить потребности органов военной контрразведки и территориальных органов в кадрах, в июне — октябре 1941 г. был произведен досрочный выпуск слушателей отдельных курсов. 26 июня 1941 г. 264 слушателя курсов усовершенствования руководящего состава Высшей школы НКВД СССР были откомандированы в ОМСБОН, а 238 слушателей курсов по подготовке оперативного состава для особых отделов направлены на работу в особый отдел Московского военного округа. Приказом НКВД СССР от 23 июля 1941 г. при Высшей школе НКВД СССР были организованы курсы подготовки оперативных работников для особых отделов НКВД СССР численностью 850 человек. Продолжительность занятий на курсах устанавливалась в 24 рабочих дня.

Одной из мер подготовки чекистских кадров стало расширение сети учебных заведений органов безопасности: были организованы Московская и Бакинская межкраевые школы. Общая численность слушателей чекистских школ увеличилась с 2 до 3,6 тыс. человек.

Ввиду острой нехватки квалифицированных кадров П. А. Судоплатов и Н. И. Эйтингон предложили Л. П. Берии освободить из тюрем бывших сотрудников органов безопасности. Согласие было получено.

П. А. Судоплатов с бойцами ОМСБОН

Допрос немецкого военнопленного

Пополнение кадрами шло и путем возвращения на службу ветеранов. С началом войны многие чекисты, уже не служившие в ведомстве, уволенные в отставку, направили на имя Л. П. Берии заявления с просьбой отправить их на фронт. Один из них — Э. А. Петерс писал: «Имею чекистскую и боевую подготовку, участвовал в операциях по ликвидации бандитизма, диверсантов, шпионов и прочей сволочи... для меня счастье отдать все свои силы, весь свой опыт и свою жизнь к защите своей Родины от фашистских громил. 3/VII.41»[15].

Несмотря на принимаемые меры, кадровый вопрос отличался остротой на протяжении всего первого периода Великой Отечественной войны. В условиях ведения активных боевых действий особые отделы НКВД несли большие потери. Осенью 1941 г. на Юго-Западном фронте попал в окружение и погиб бывший начальник 3-го управления НКО комиссар госбезопасности 3 ранга А. Н. Михеев.

В конце 1941 г. руководство НКВД СССР было вынуждено принять несколько серьезных решений с целью устранения данной проблемы. Директивой НКВД СССР от 2 октября 1941 г. было предписано организовать учет находящихся на излечении в военных госпиталях работников особых органов НКВД на предмет их дальнейшего использования. Предусматривалось пропускать сотрудников особых отделов, выписанных из госпиталей, через врачебные комиссии и признанных годными к дальнейшей службе в полевых условиях направлять к месту прежней службы[16].

12 декабря 1941 г. был издан приказ НКВД СССР о проведении отбора и специальной подготовки чекистских кадров для укомплектования особых отделов. В соответствии с ним в территориальных органах НКВД формировался резерв сотрудников для направления на работу в особые отделы НКВД для замещения должностей оперуполномоченных и старших оперуполномоченных[17]. В этот же период в целях «подготовки на случай надобности для зачисления на оперативную работу по линии органов особых отделов НКВД» было принято решение призвать на двухмесячную учебно-практическую подготовку чекистов запаса, работающих в системе других неоперативных управлений НКВД СССР. Прохождение учебно-практической подготовки организовывалось при НКВД — УНКВД по месту дислоцирования органов, откуда призывались на переподготовку чекисты запаса. Все отобранные чекисты зачислялись в резерв отдела кадров НКВД СССР[18].

Очередной этап в совершенствовании системы подготовки кадров для органов военной контрразведки пришелся на весну 1942 г. 22 мая был издан ряд приказов НКВД СССР, в соответствии с которыми при особом отделе НКВД Сибирского военного округа были созданы курсы резерва подготовки оперативно-чекистских кадров для особых отделов НКВД с количеством слушательского состава на один набор в 300 человек. Отбор кандидатов на обучение необходимо было провести из числа проверенных членов и кандидатов в члены ВКП(б) и ВЛКСМ в возрасте от 19 до 38 лет с образованием не ниже семи классов средней школы и по состоянию здоровья пригодных к службе в органах НКВД. Срок обучения устанавливался в два месяца, занятия начинались с 1 июня 1942 г. В качестве преподавательского состава выступали оперативные сотрудники ОО НКВД Сибирского военного округа и УНКВД по Новосибирской области.

Одновременно при особых отделах НКВД Балтийского и Тихоокеанского флотов создавались курсы по подготовке и переподготовке оперативно-чекистских кадров с общей численностью курсантского состава 100 и 80 человек соответственно. Срок обучения устанавливался в три месяца[19].

В особых отделах фронтов и военных округов создавался постоянно действующий резерв кадров с целью:

— укомплектования по вакантным должностям старших оперуполномоченных и оперуполномоченных за счет набора и подготовки новых кадров;

— укомплектования должностей руководящего состава от начальника ОО НКВД бригад, дивизий и выше за счет выдвижения проверенных работников, имеющих опыт оперативной работы.

Оперативный состав, выделенный в резерв, впредь до назначения на штатную должность использовался на работе в аппарате особого отдела НКВД фронта или военного округа и содержался за счет общего некомплекта особых отделов НКВД[20]. Принятые меры в определенной мере способствовали решению кадровой проблемы в органах военной контрразведки.

Определенная работа по повышению квалификации оперативного состава осуществлялась и непосредственно во фронтовых особых отделах. В ходе ожесточенных боев 1941 — начала 1942 г. органы военной контрразведки, как и войска, понесли серьезные потери в личном составе. Оперативные подразделения получали новое пополнение, однако прибывающие работники зачастую не имели профессионального образования. Руководство органов на местах решало проблему повышения уровня профессиональной подготовки сотрудников различными способами.

Например, некоторое затишье на юго-западном направлении позволило руководству особого отдела НКВД Юго-Западного фронта в феврале 1942 г. организовать занятия с оперативным составом. В этом была острая необходимость. В особых отделах дивизий, насчитывавших, включая вспомогательный персонал, 20–25 сотрудников, кадровых чекистов, имевших опыт оперативной работы, осталось к этому времени по 5–6 человек. Остальные сотрудники были в основном из политработников и обычных войсковых офицеров, направленных в военную контрразведку. Оперативную работу они знали слабо и имели смутное представление о действовавших против войск фронта разведывательных и контрразведывательных органах противника. Поэтому основной упор в ходе подготовки был сделан на изучение всем оперативным составом методов подрывной деятельности вражеской разведки и организации контрразведывательной работы.

Напряженная обстановка на всех фронтах и особенно под Сталинградом, активные действия вражеской разведки побудили руководство военной контрразведки провести в августе 1942 г. мероприятия «по укреплению особистских кадров полков, дивизий и армий». В рамках этих мероприятий было решено:

— откомандировать на постоянную работу на фронт из аппарата УОО НКВД СССР 60 сотрудников из числа заместителей начальников отделов, начальников отделений, заместителей начальников отделений, старших оперуполномоченных и оперуполномоченных — для использования их на работе в особых отделах армий и дивизий;

— перебросить из особых отделов фронтов в особые отделы армий по 20 оперработников из начальников отделений, заместителей начальников отделений, старших оперуполномоченных и оперуполномоченных для использования в особых отделах армий, дивизий и полков;

— направить из особых отделов армий по 15 оперработников данной категории для использования особыми отделами дивизий в полках;

— перебросить из аппаратов особых отделов военных округов по 15 оперработников для работы в составе особых отделов дивизий действующей армии на уровне полков.

Взамен направленных предусматривалось перевести из особых отделов НКВД дивизий, армий и фронтов соответствующее количество оперработников для укомплектования особых отделов армий, фронтов, округов и УОО НКВД СССР. За оперработниками, направленными «на укрепление», сохранялись прежние оклады содержания. Особо подчеркивалось, что направлению подлежали только опытные сотрудники[21].

Штатная численность особых отделов фронтов составляла 99–141 человек, армий — 56, танковых армий — 26, воздушных армий — 19. В особом отделе НКВД стрелковой и кавалерийской дивизии по штату насчитывался 21 сотрудник, в танковой дивизии — 25, в авиационной дивизии — 7.

На середину октября 1942 г. возглавляли особые отделы НКВД фронтов: Карельского — старший майор госбезопасности А. М. Сиднев, Ленинградского — старший майор госбезопасности А. С. Быстров, Волховского — старший майор госбезопасности Д. И. Мельников, Северо-Западного — старший майор госбезопасности И. Я. Бабич, Калининского — старший майор госбезопасности Н. Г. Ханников, Западного — комиссар госбезопасности 3 ранга

Л. Ф. Цанава, Брянского — старший майор госбезопасности Н. А. Королев, Воронежского — старший майор госбезопасности А. А. Вадис, Юго-Западного — майор госбезопасности Г. А. Мельников (заместитель начальника), Донского — майор госбезопасности В. М. Казакевич (заместитель начальника).

Таким образом, перестройка деятельности органов военной контрразведки с началом войны представляла собой набор первоочередных неотложных мероприятий: постановку новых задач, организационную реформу, меры по ускорению подготовки кадров и созданию особых отделов новых воинских формирований. В основном она была завершена к концу 1941— началу 1942 г. Оперативная деятельность особых отделов претерпела существенные изменения и в значительной мере опиралась на законодательство военного времени. На первый план в начальный период войны вышли борьба органов военной контрразведки с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб противника и оказание помощи командованию в стабилизации положения на фронте, наведение порядка в войсках и прифронтовой полосе.

Борьба органов военной контрразведки с разведывательно-диверсионной деятельностью спецслужб противника

С началом военных действий спецслужбы фашистской Германии, а затем и Финляндии, Румынии, Венгрии начали массированную заброску своей агентуры в прифронтовую полосу и тыловые районы СССР. Помимо сбора разведывательной информации в интересах своего командования они стремились путем проведения диверсий, террористических актов, организации повстанческих выступлений дезорганизовать управление частями и соединениями Красной армии, сорвать воинские перевозки, дестабилизировать положение как в прифронтовой полосе, так и в глубоком тылу.

О масштабах этой деятельности свидетельствует то, что в разгар Великой Отечественной войны на восточном фронте противник развернул около 200 разведывательных органов и школ[22]. Забрасываемые через линию фронта агенты и диверсанты были экипированы большей частью в форму красноармейцев, имели при себе соответствующие документы прикрытия, оружие, взрывчатые вещества, коротковолновые радиостанции.

Основной удар в борьбе с разведывательно-диверсионной деятельностью спецслужб противника приняли на себя органы военной контрразведки действующей армии. Однако как руководство, так и оперативный состав в первые недели и месяцы войны не имели еще реального представления об организации спецслужб противника, стратегии и тактике их деятельности. Многие не только рядовые сотрудники, но даже руководители органов не знали, к примеру, о существовании абвера. Однако уже через месяц руководству военной контрразведки стало ясно, что противник практикует массовую заброску агентуры, приобретенной из числа советских военнопленных, в прифронтовую полосу и глубокий тыл.

Как показала практика, для заброски агентов в зону боевых действий немецкая разведка широко применяла сухопутный способ проникновения через передний край линии фронта. Переброску агентов спецслужбы противника чаще всего осуществляли на непродолжительный срок, после чего они должны были возвращаться в разведывательный орган. Легенды, которые вражеская разведка разрабатывала для агентов, были в основном несложными и вытекали из общей обстановки, сложившейся на фронтах. Как правило, они выдавали себя за военнослужащих, вышедших из окружения или отставших от подразделений, а также за гражданских лиц, бежавших с территории, временно оккупированной врагом. Экипировка вражеских агентов производилась в соответствии с легендами.

В этот период немецкая разведка ориентировалась на массовое использование слабо подготовленных агентов, рассчитывая, что если даже небольшая часть из них выполнит задание, будет достигнут определенный оперативный результат. «В распоряжение штабов немецких армий, — заявлял позднее руководитель абвера В. Канарис, — направлялись многочисленные группы агентов... Группы использовали трофейное русское обмундирование, военные грузовики и мотоциклы. Они должны были проникать в советский тыл на глубину 50–300 км перед фронтом наступающих немецких армий, с тем чтобы сообщать по радио результаты своих наблюдений, обращая особое внимание на сбор сведений о русских резервах, о состоянии железных и прочих дорог, а также о всех мероприятиях, проводимых противником»[23].

Делая ставку на молниеносную войну, в первые месяцы боевых действий основное внимание немецкая разведка обращала на фронт и прифронтовую полосу, где осуществлялся сбор разведывательной информации, исходя из текущих потребностей военного командования. Продолжающееся отступление советских войск, отсутствие зачастую сплошной линии фронта, значительная протяженность фронтовых коммуникаций — всё это создавало условия для безнаказанного проникновения агентуры противника в советский тыл. При переброске агентов немецкая разведка ставила перед ними задачу вести сбор разведывательных данных путем личного наблюдения в пути следования по заданному маршруту, подслушивать и выведывать у военнослужащих сведения, представлявшие военную тайну. Диверсионно-разведывательные группы противника пытались дезорганизовать управление советскими войсками и работу органов тыла.

Быстрое продвижение вражеских войск позволило спецслужбам врага в ряде случаев собрать ценную разведывательную информацию об основных группировках советских войск и без использования агентуры. Немецкими войсками в первые месяцы войны было захвачено большое количество различных документов и материалов войсковых штабов, партийных и советских органов, шифров. Другим важным источником служили показания советских военнопленных.

Тем не менее масштабы заброски вражеской агентуры, завербованной в основном из числа советских военнопленных, в прифронтовую полосу были значительными. Помимо военнопленных спецслужбы противника использовали и другие возможности. К примеру, подразделения абвера в ряде случаев практиковали вербовку и засылку в советский тыл агентуры из числа подростков, женщин. Такого рода агенты заводили знакомства среди военных, стремились устроиться на работу в воинские части в качестве медсестер, официанток, прачек и т. п. В этой связи НКВД СССР было дано указание особым отделам работавших в частях Красной армии и до этого бывших в плену женщин задерживать, допрашивать об обстоятельствах пленения и выхода с территории противника, а уличенных в шпионаже арестовывать.

Столкнувшись с масштабной заброской вражеской агентуры через линию фронта, особые отделы НКВД в первые месяцы войны сделали упор на режимно-заградительные меры. Они осуществлялись, как правило, с участием войск НКВД по охране тыла действующей армии. С июля 1941 г. заградительные отряды начали также укомплектовываться военнослужащими рот и батальонов особых отделов армий и фронтов. В задачи этих отрядов входили задержание дезертиров, агентов спецслужб противника, всех подозрительных лиц, проникающих на линию фронта, и проведение предварительного расследования с последующей передачей материалов вместе с задержанными по подсудности[24].

К организации заградительной службы были привлечены и силы воинских гарнизонов в прифронтовой полосе. Они организовывали засады, посты, заслоны на перекрестках, путях движения беженцев, подходах к крупным населенным пунктам. Кроме того, по поручению контрразведчиков для поддержания порядка и проверки документов стали высылаться воинские патрули на железнодорожные станции, практиковалась сплошная одновременная проверка документов у пассажиров в поездах. К 20 июля 1941 г. заградотряды и оперативные заслоны уже существовали на всех фронтах[25].

В директиве Управления особых отделов НКВД СССР от 28 июля 1941 г. об усилении работы заградительных отрядов подчеркивалась важность их использования в интересах

контрразведки и приводились конкретные примеры задержания немецких агентов, экипированных в форму красноармейцев и имевших задания шпионского либо пропагандистского характера. Примечательно, что в документе ставилась задача сбора сведений о сотрудниках вражеских разведорганов, обстоятельствах вербовки, способах переброски разоблаченных агентов противника и т. п. Полученные в процессе следствия материалы предписывалось использовать в оперативной работе и, кроме того, направлять в Управление особых отделов НКВД СССР.

Изложенные в директиве требования по выявлению вражеской агентуры сопровождались и некоторыми спорными положениями. Так, директива предписывала «всех лиц, возвратившихся из германского плена, как задержанных заградительными отрядами, так и выявленных агентурным и другим путем, арестовывать и тщательно допрашивать об обстоятельствах пленения и побега или освобождения из плена. Если следствием не будут добыты данные о причастности их к органам германской разведки, таких лиц из-под стражи освобождать и направлять на фронт в другие части, установив за ними постоянное наблюдение как со стороны органов особого отдела, так и со стороны комиссара части»[26].

Применение возможностей заградительной службы в ряде случаев сопровождалось и выселением «социально опасных и неблагонадежных лиц» из прифронтовой полосы. К примеру, согласно приказу командования Северо-Западного фронта от 25 июля 1941 г. в трехдневный срок из прифронтовой полосы выселялись по спискам, представленным соответствующими органами НКГБ и НКВД, бывшие кулаки, лица, судимые в прошлом за контрреволюционные преступления, имевшие переписку с родственниками, проживавшими в Германии и Финляндии, а также уголовные преступники и лица, враждебно настроенные к советской власти[27].

Широко использовались возможности заградительной службы для выявления агентов по признакам фиктивности документов и особенностям экипировки. Разведывательные органы противника в ряде случаев допускали в этом отношении серьезные ошибки. Например, контрразведчики установили, что в фиктивные красноармейские книжки, которыми снабжались агенты, сотрудники немецкой разведки вставляли скрепку из нержавеющей стали, и она всегда была чистой и блестящей. Подлинные же красноармейские книжки соединялись обычной железной скрепкой, которая оставляла ржавые следы, и т. п. Во многих органах военной контрразведки были разработаны специальные памятки-инструкции по правилам проверки документов. Определенную роль в выявлении вражеских агентов по признакам фиктивности документов сыграл приказ НКО СССР № 330 от 7 октября 1941 г., согласно которому в Красной армии вводилась единая красноармейская книжка и устанавливалась особая литеровка документов, менявшаяся через каждые 10–15 дней.

Борьба с разведывательной и диверсионной деятельностью неприятельских спецслужб осуществлялась органами военной контрразведки во взаимодействии с территориальными органами НКВД. Так, 24 июня 1941 г. СНК СССР принял специальное постановление о мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе. Ликвидация последних была возложена на органы НКВД. В развитие этого постановления народный комиссар внутренних дел СССР Л. П. Берия 25 июня 1941 г. подписал приказ, в соответствии с которым было предусмотрено организовать в НКВД СССР штаб, а в республиканских наркоматах внутренних дел и управлениях НКВД по г. Ленинграду и Ленинградской области, Мурманской, Калининской областям, Карело-Финской, Украинской, Белорусской, Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской ССР, Крымской АССР, Ростовской области, Краснодарскому краю и западной части Грузинской ССР — оперативные группы, отвечавшие за организацию борьбы с вражескими парашютистами и диверсантами.

Наркомам внутренних дел, начальникам УНКВД республик, краев и областей совместно с органами НКГБ было предписано в 24 часа организовать при городских, районных и уездных отделах (отделениях) НКВД истребительные батальоны по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника численностью 100–200 человек каждый и об исполнении донести по телеграфу[28]. Между особыми отделами (третьими подразделениями),

начальниками истребительных батальонов и другими структурами НКВД была налажена постоянная связь и в необходимых случаях организовано взаимодействие.

Однако, несмотря на принимаемые меры, в первые месяцы войны фашистскими диверсантами были выведены в прифронтовой полосе из строя некоторые линии и узлы связи, вследствие чего нарушено устойчивое управление войсками со стороны штабов фронтов и армий. В значительной мере это явилось результатом действий диверсионных групп, засланных гитлеровцами в советский тыл еще накануне войны[29]. Некоторые акции диверсантам противника удалось совершить и в глубоком тылу Советского Союза. Так, в августе 1941 г. на Кировской и Октябрьской железных дорогах было совершено семь диверсионных актов[30].

К осени 1941 г. руководство органов военной контрразведки осознало необходимость и важность централизованного накопления и анализа данных о деятельности разведывательных органов противника. Между тем фактически сложившийся порядок работы с задержанной вражеской агентурой в органах военной контрразведки не способствовал положительному решению данной задачи. Чтобы исправить положение, особые отделы НКВД фронтов издали ряд распоряжений по улучшению следственной работы по делам арестованной агентуры противника.

Так, в указании особого отдела НКВД Южного фронта от 18 ноября 1941 г. констатировалось, что следствие в особых отделах армий, дивизий, бригад по делам на разоблаченных агентов врага велось поверхностно, не выяснялись детали и обстоятельства, которые можно было бы использовать в розыске другой забрасываемой агентуры (способы связи и т. п.). Это лишало органы безопасности возможности проведения острых контрразведывательных мероприятий, например, по перевербовке агентуры противника. В связи с этим начальник особого отдела НКВД Южного фронта П. В. Зеленин дал указание всё следствие по делам разоблаченной агентуры противника сосредоточить в следственных частях особых отделов НКВД фронта и армий и в особом отделе НКВД по охране тыла фронта. Начальникам особых отделов НКВД армий предписывалось ввести в практику работы по линии контрразведки перевербовку неприятельской агентуры, особенно из числа военнослужащих РККА, изучать методы работы вражеской разведки, ее личный состав и широко использовать полученные данные для сбора разведывательных материалов о войсках противника. Перевербовку и выброску такой агентуры за линию фронта и задания следовало предварительно согласовывать с особым отделом НКВД фронта[31].

В процессе непрерывной борьбы с агентурной разведкой противника к концу 1941 г. постепенно начала складываться система специальных разыскных мероприятий, проводившихся органами военной контрразведки. Она включала в себя организацию наблюдения за вероятными маршрутами движения шпионов, диверсантов и террористов к местам дислокации войсковых частей и соединений Красной армии; осмотр возможных мест появления или укрытия вражеских агентов; проверку подозрительных лиц, появляющихся в полосе боевых действий; использование в розыске заградительной службы и т. д. Достаточно активно стали использовать особые отделы НКВД и явившихся с повинной вражеских агентов. Находясь в составе оперативно-разыскной группы, они визуально опознавали тех лиц, которые им были известны по совместному нахождению в немецком разведывательном органе или разведшколе.

Важную роль в розыске вражеской агентуры, снабженной радиостанциями, играла радиоконтрразведывательная служба. Ее подразделениями за годы войны было перехвачено большое количество радиодонесений действовавших в советском тылу агентов немецкой разведки. Для фиксации работы агентурных радиостанций противника на территории, занятой советскими войсками, формировались специальные разыскные радиопеленгаторные группы. Служба радиоконтрразведки оказывала эффективную помощь органам безопасности и военной контрразведки в организации и проведении радиоигр с разведкой противника. Кроме того, подразделения радиоконтрразведки органов безопасности осуществляли разведку в эфире, пеленгование радиостанций, радиоперехват и дешифровку радиограмм военного командования и разведывательных органов противника. За годы войны военному коман-

дованию были переданы тысячи расшифрованных радиограмм о дислокации и численном составе основных группировок немецких войск, готовящихся наступательных операциях противника, сосредоточении резервов и прочем, что помогало советскому военному командованию принимать правильные решения при разработке боевых операций.

Эффективным оружием в арсенале органов военной контрразведки стали перевербовка задержанной и явившейся с повинной агентуры и внедрение ее в разведорганы и разведшколы противника, а также ведение радиоигр. Они начали применяться особыми отделами НКВД уже в 1941 г. В ходе радиоигр удавалось перехватывать каналы связи разведывательных органов противника со своими агентами, выводить на нашу территорию вражеских шпионов и захватывать их. Одну из первых радиоигр органы военной контрразведки провели в сентябре 1941 г., в ходе которой особый отдел Северо-Западного фронта задержал 10 вражеских агентов.

Радиоигры с противником вели в 1941 г. как территориальные органы государственной безопасности, так и органы военной контрразведки. Во избежание противоречий в дезинформации, которые могли вызвать подозрения у немецко-фашистской разведки и гитлеровского командования, работа по использованию захваченных вражеских агентов с радиостанциями была централизована. Тексты радиограмм разрабатывались органами контрразведки совместно с Генштабом Красной армии и утверждались руководством Генштаба, а особенно важные — Ставкой ВГК. Все сеансы связи контролировались радиоконтрразведывательной службой. К участию в радиоиграх привлекались задержанные и перевербованные немецкие агенты-радисты, а также агенты органов госбезопасности, внедренные в германские разведорганы и переброшенные затем противником на советскую территорию с радиостанциями. Сотрудники особых отделов тщательно следили за реакцией противника на передаваемые ему сообщения. При малейших признаках недоверия с его стороны в радиоигру вносились соответствующие изменения.

Существенную роль в разоблачении агентуры неприятеля и других преступных элементов в начальный период войны сыграла проводимая органами безопасности фильтрация советских военнослужащих, вышедших из окружения или бежавших из фашистского плена. Механизм этой работы складывался постепенно. В первые месяцы войны, когда глубокий тыл быстро превращался в передовую, эту работу особым отделам НКВД приходилось налаживать на ходу. Между тем по состоянию на 29 сентября 1941 г. только на Юго-Западном фронте из окружения вышли 9084 человека: младших командиров и рядовых — 6766, среднего комсостава — 2227, старшего комсостава — 76, высшего комсостава — 15 человек. За это же время вышли из окружения 116 сотрудников особого отдела НКВД Юго-Западного фронта. Все вышедшие из окружения были проверены особыми отделами[32].

С первых дней войны в соответствии с военно-стратегическими планами фашистского командования по захвату Москвы и Ленинграда основные силы немецкой разведки были сконцентрированы на центральном и северном направлениях. Осенью 1941 г. только на московском направлении действовали три абверкоманды, 19 абвергрупп, особая команда полиции безопасности и СД «Москва», около 10 особых и оперативных команд и другие разведывательные и карательные органы гитлеровцев.

В противоборстве с сильными спецслужбами противника летом — осенью 1941 г. особые отделы НКВД постепенно приобретали опыт ведения контрразведывательной работы в условиях боевых действий. Несмотря на имевшиеся трудности, уже в период битвы за Москву органами военной контрразведки был разоблачен ряд немецких агентов, прошедших специальную подготовку в городах Борисове и Смоленске и переброшенных в советский тыл на тульском участке фронта с заданием внедриться в штабы и воинские части. Кроме того, агентам поручалось проникнуть в Москву для сбора сведений о расположении минированных участков, ходе эвакуации, дислокации аэродромов, эффективности бомбардировок города немецкими самолетами и многом другом. Арестованные агенты назвали еще 65 советских военнопленных, завербованных немецкой разведкой и частью уже заброшенных в советский тыл[33].

Активная работа по розыску вражеской агентуры проводилась и на других фронтах. Так, согласно сообщению НКВД СССР в ГКО от 29 ноября 1941 г. особым отделом НКВД Северо-Западного фронта в октябре 1941 г. была выявлена и арестована переброшенная через линию фронта в районе Кресцы — Валдай группа агентов немецкой военной разведки из 17 человек. Арестованные показали, что имели задание по сбору сведений о расположении штабов, аэродромов, складов с боеприпасами и продовольствием, передвижениях артиллерийских и танковых частей Красной армии.

В тылу страны контрразведывательные подразделения территориальных органов и особых отделов НКВД во второй половине 1941 г., занимаясь преимущественно борьбой с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб фашистской Германии, обратили внимание на некоторую активизацию работы с легальных позиций английских спецслужб. 25 сентября 1941 г. 3-е управление НКВМФ СССР направило сообщение народному комиссару Военно-морского флота СССР Н. Г. Кузнецову о проведении разведывательной деятельности на Черноморском флоте представителями английской военно-морской миссии. Находившиеся на Черноморском флоте члены миссии Фокс и Эмброуз путем личного наблюдения и бесед с командным составом пытались подробно выяснить, какое вооружение имеется на том или другом корабле, каковы их тактические и ходовые качества и т. д.[34] В начале ноября 1941 г. сходное сообщение об активизации разведывательной деятельности сотрудников английской военно-морской миссии в Архангельске направил в Москву 3-й отдел Беломорской военной флотилии.

Поступавшая по этим и другим каналам информация о деятельности англичан стала основанием для издания указаний НКВД СССР от 27 ноября 1941 г. начальникам УНКВД по Архангельской и Мурманской областям, начальникам третьих отделов Северного флота и Беломорской военной флотилии об агентурно-оперативных мероприятиях по пресечению шпионской деятельности английской разведки на севере СССР. В нем констатировалось, что английские разведывательные органы внедряют в число официальных военных и экономических представительств в СССР крупных разведчиков, которые используют для сбора шпионских сведений кадры офицеров и унтер-офицеров английской армии и флота, находящиеся на территории СССР. Требовалось улучшить взаимодействие в работе по пресечению шпионской деятельности англичан между КРО УНКВД по Архангельской и Мурманской областям, третьими отделами Северного военного флота, Беломорской флотилии и особым отделом Архангельского военного округа. Перед названными органами ставилась задача выявлять из числа союзников, находящихся на нашем Севере, занимающихся разведывательной деятельностью лиц, устанавливать их подозрительные связи среди личного состава флота и частей Красной армии, а также среди местного населения и т. п.[35]

Однако главные события, связанные с противоборством спецслужб, развивались на фронтах Великой Отечественной войны. Только в ходе битвы под Москвой в зоне боевых действий и в тылу войск Западного фронта органы военной контрразведки во взаимодействии с территориальными органами безопасности обезвредили свыше 200 фашистских агентов и более 150 диверсионно-разведывательных групп противника[36].

К концу 1941 г. фронтовые органы военной контрразведки подвели первые итоги борьбы с вражеской агентурой и диверсантами с начала войны. Так, согласно спецсообщению особого отдела НКВД Ленинградского фронта от 16 декабря 1941 г. № 145636, направленному в адрес члена Военного совета Ленинградского фронта, секретаря ЦК ВКП(б) и Ленинградского обкома и горкома ВКП(б) А. А. Жданова, контразведчиками фронта за этот период были «арестованы и репрессированы за шпионаж, диверсионную деятельность и других лазутчиков германской разведки 143 человека, из них: а) агентов германской разведки, завербованных до войны — 27 человек; б) резидентов германской разведки — 2 человека; в) агентов из числа быв. военнослужащих, находившихся в плену, — 84 человека; г) агентуры из жителей местностей, занятых противником, — 24 человека; д) агентов из жителей прифронтовой полосы — 6 человек»[37].

Военные контрразведчики к этому времени установили, что основной «базой» германских разведорганов до начала войны являлись антисоветские зарубежные организации, в

том числе ОУН, и специально подготовленные шпионские группы из числа лиц немецкой национальности. С началом боевых действий они составили костяк агентов, засылавшихся в советский тыл в составе групп с разведывательными заданиями. Так, в конце июля 1941 г. в Лужском укрепрайоне были задержаны два немецких агента: Я. Карафиат — студент Пражского медицинского института, и К. Шункару — украинец, румынский подданный. В ходе следствия было установлено, что группа агентов германский разведки, в которую входили арестованные, в красноармейской форме была переброшена за линию фронта с задачей пробраться в район Пулково, откуда по радио передавать сведения о передвижении частей Красной армии. Группа была снабжена радиопередатчиком, шифром и оружием[38].

С продвижением вражеских войск в глубь советской территории немецкая разведка перешла к упрощенным методам работы и стала активно использовать в качестве агентов попавших в плен военнослужащих частей Красной армии, изменников Родины, перешедших на сторону врага, «враждебный элемент» из населения местностей, временно занятых противником, а в некоторых случаях и подростков. Подобного рода агентура в начальный период войны получала поверхностную подготовку и собирала сведения преимущественно в интересах военного командования тактического уровня.

Аналогичная картина в целом складывалась и на западном направлении. В докладной записке особого отдела НКВД Западного фронта от 30 декабря 1941 г. № 70991-сч командующему фронтом Г. К. Жукову и члену Военного совета фронта Н. А. Булганину были приведены данные о результатах работы особых отделов фронта за период с 22 июня по 28 декабря 1941 г. Всего были арестованы и разоблачены 505 агентов немецкой разведки, из них: завербованных до войны — 4, переброшенных через фронт из числа военнопленных — 380, жителей временно занятых противником районов — 76, жителей прифронтовой полосы — 43, внедренной в штабы войсковых соединений агентуры — 2. Особый отдел фронта сделал вывод о том, что немецкая разведка в условиях военной обстановки осуществляет массовую вербовку агентуры, особенно из числа военнопленных и добровольно перешедших на сторону врага. Особенно интересовало германскую разведку московское направление, куда забрасывалась основная масса завербованной агентуры[39].

Следует оговориться, что при оценке количественных показателей деятельности органов военной контрразведки в 1941–1942 гг. необходимо учитывать их относительную достоверность. В тяжелейших условиях первого периода войны, не владея в полной мере информацией о тактике противника, оперативные и следственные подразделения военной контрразведки и территориальных органов безопасности в ряде случаев допускали ошибки, которые трагически сказывались на судьбах конкретных людей. Среди руководства и оперативного состава порой складывалось искаженное либо преувеличенное представление о реальной направленности разведывательно-подрывной деятельности вражеских спецслужб.

Как следует из приведенного выше спецсообщения особого отдела НКВД Ленинградского фронта, военные чекисты к концу 1941 г. пришли к твердому убеждению, что завербованным красноармейцам и младшим командирам немцы дают в основном задания по разложению воинских частей Красной армии при помощи пропаганды пораженческих взглядов, распространения паники, провокационных слухов о мощи немецкого оружия, о «хорошей» жизни для сдавшихся в плен военнослужащих и т. п. Именно в таком направлении велось и следствие в отношении подозрительных лиц, задержанных в прифронтовой полосе, либо вышедших из окружения советских военнослужащих. Ряд показаний подследственных, по-видимому, был получен под давлением, носит расплывчатый характер и в этой связи вызывает сомнения в достоверности.

После начала наступления под Москвой в конце 1941 — начале 1942 г. были приняты меры по упорядочению фильтрационной работы органов военной контрразведки. Особыми отделами НКВД на освобожденной частями Красной армии территории было обнаружено значительное количество бывших советских военнопленных и лиц, находившихся в окружении противника. По мнению Л. П. Берии, эту категорию лиц необходимо было тщательно

проверять и выявлять среди них «изменников Родины, шпионов и дезертиров». Об этом 25 декабря 1941 г. он написал И. В. Сталину, предложив создать специальные лагеря НКВД[40].

27 декабря было принято постановление ГКО, которым Наркомат обороны обязывался создать сборно-пересыльные пункты (СПП) для помещения в них бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену и окружении противника, обнаруживаемых в освобожденных местностях. В этот же день был отдан приказ наркома обороны И. В. Сталина № 0521 о формировании армейских СПП (один на армию) и фронтовых проверочно-фильтрационных пунктов (ФПФП), специальных лагерей для проверки военнослужащих, освободившихся из плена. Их число не было постоянным и колебалось в зависимости от обстановки на фронтах.

28 декабря 1941 г. появился приказ НКВД СССР, которым было поручено заместителям наркома внутренних дел СССР В. В. Чернышеву и И. А. Серову в трехдневный срок организовать специальные лагеря НКВД: Грязовецкий (Вологодская область), Южский (Ивановская область), Тамбовский (Тамбовская область), Новоаннинский (Сталинградская область). В последующем было создано еще шесть лагерей[41]. В эти лагеря направлялись все военнослужащие, задержанные на освобожденной от противника территории для первичной проверки. В ходе фильтрации осуществлялся личный досмотр и бралось письменное объяснение об обстоятельствах пребывания в плену. Завершалась проверка во фронтовых фильтрационных лагерях и спецлагерях НКВД и сборно-пересыльных пунктах. На 29 января 1942 г. в спецлагерях НКВД содержались 32 147 бывших военнослужащих Красной армии и Военно-морского флота, ранее находившихся в плену и окружении противника[42]. Спустя месяц, по состоянию на 23 февраля 1942 г., всего были освобождены из плена и собраны из находившихся в окружении лиц уже 128 132 человека[43].

В ходе наступления под Москвой в начале 1942 г. части Красной армии освободили ряд городов и районов, где в течение нескольких месяцев хозяйничали фашистские оккупанты. Первыми в освобожденные населенные пункты вместе с боевыми подразделениями вступали органы военной контрразведки. В отсутствие других правоохранительных органов и органов власти военные контрразведчики должны были принимать по горячим следам неотложные меры по задержанию агентуры спецслужб противника, немецко-фашистских пособников, выявлять и изымать оставленную немецкими разведорганами документацию. Таким образом, на период наступления наиболее актуальными задачами для органов военной контрразведки стали задержание на освобожденной территории лиц, активно сотрудничавших с оккупантами, а также борьба с разведывательной деятельностью спецслужб противника непосредственно на линии фронта и в прифронтовой полосе.

18 февраля 1942 г. НКВД СССР издал указание № 64 о задачах и порядке организации оперативно-чекистской работы на освобожденной от немецко-фашистских оккупантов территории СССР. В указании предписывалось немедленно с изгнанием оккупантов восстанавливать в освобожденных районах органы государственной безопасности. Для этого территориальным органам направлять в освобожденные города и районы заранее подготовленные оперативно-чекистские группы НКВД, которые развертывали свою работу по договоренности с особыми отделами НКВД.

Как органы военной контрразведки, так и территориальные органы НКВД начинали свою работу на освобожденной территории с арестов всех выявленных пособников оккупантов, оставленной фашистскими спецслужбами агентуры, диверсантов и террористов. Сотрудники органов военной контрразведки опрашивали местных жителей, заявителей в отношении лиц, оказывавших содействие оккупантам, тщательно изучали захваченные документы немецких учреждений. Особое внимание уделялось выявлению и постановке на учет личного состава немецких разведывательных, контрразведывательных, полицейских и административных органов, их агентуры, в том числе оставленной на освобожденной территории, изменников Родины, участников карательных отрядов, других предателей и пособников, участников созданных оккупантами националистических и различных антисоветских организаций. Перечисленные лица подлежали немедленному аресту.

Весьма внушительным был и перечень лиц, которые хотя и не арестовывались, но подлежали проверке и контролю со стороны органов безопасности. В условиях военного времени и особенно применительно к 1941–1942 гг. в него попали и некоторые категории жителей оккупированной территории, которые с позиций сегодняшнего дня не представляют опасности для государства. В частности, к ним относили владельцев жилых домой, в которых размещались учреждения оккупантов, членов и кандидатов в члены ВКП(б) и ВЛКСМ, прошедших регистрацию у немцев, содержателей притонов и домов терпимости, всех без исключения лиц, служивших в созданных немцами учреждениях и предприятиях и т. п. Подлежали взятию на учет бывшие троцкисты, правые, представители других бывших антисоветских партий, оказавшиеся на оккупированной территории.

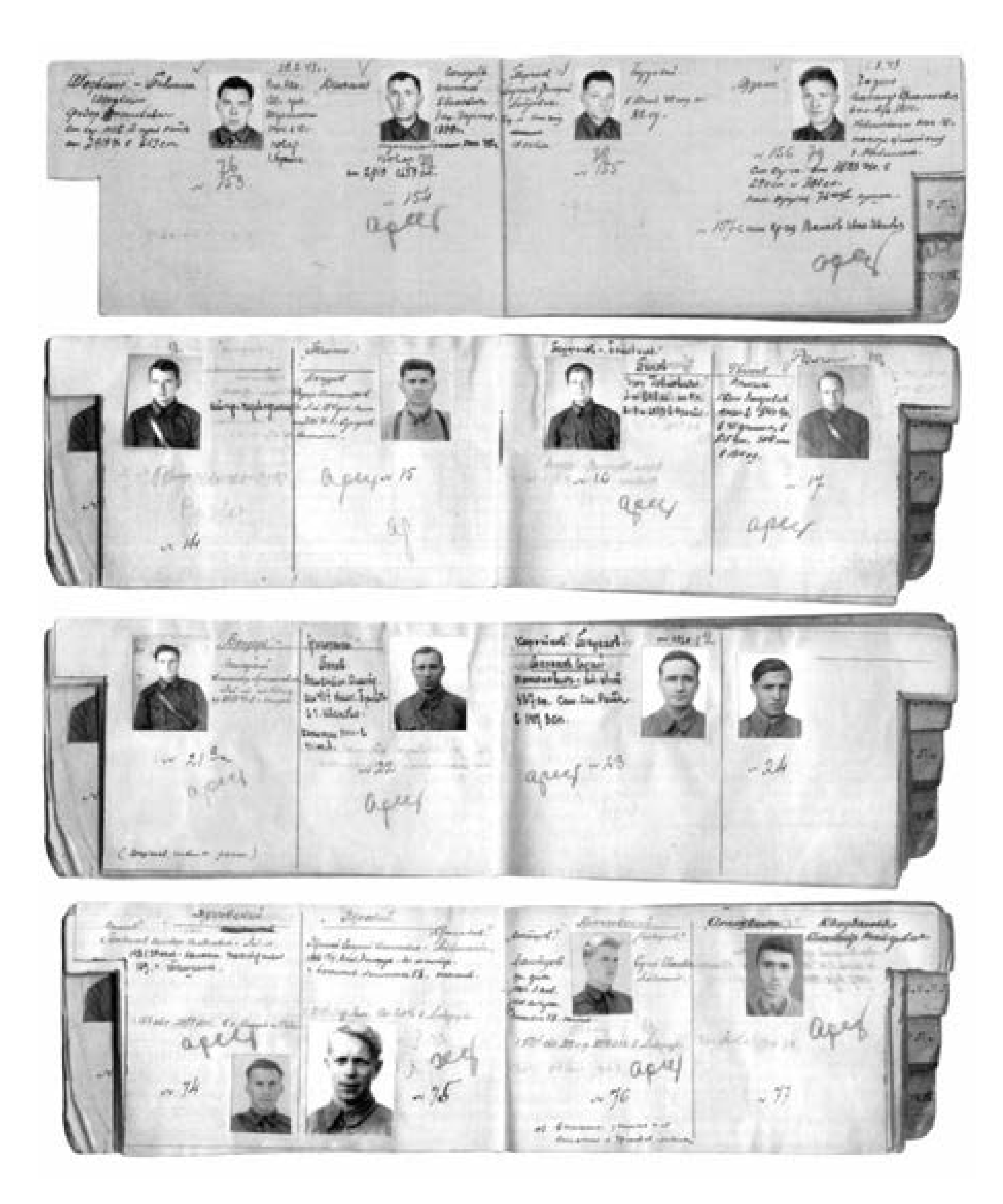
Исключения делались для насильственно мобилизованных немцами, а также мелких служащих (истопников, уборщиц, рядовых канцелярских служащих). Последние арестовывались только при наличии конкретных материалов о совершении предательства. Для выявления оставленных немцами агентов, а также складов оружия и боеприпасов военные контрразведчики через местное население устанавливали лиц, которые не являлись жителями данной местности, организовывали тщательный осмотр всех подвальных, чердачных и складских помещений, разрушенных зданий[44].

Задачей первостепенной важности в начале 1942 г. продолжал оставаться розыск забрасываемой гитлеровскими спецслужбами агентуры в прифронтовую полосу и глубокий советский тыл. К этому времени стало ясно, что противник поставил обучение своей агентуры на поток и развернул на оккупированной территории многочисленные разведывательные органы и школы. По некоторым зарубежным оценкам, основанным на анализе архивных документов абвера, в период с 1942 по 1944 г. эта спецслужба постоянно имела за линией советского фронта 500–800 агентов. Только в группе армий «Центр» немецко-фашистской разведкой ежедневно забрасывалось в советский тыл 8–10 агентов[45].

20 февраля 1942 г. было издано указание НКВД СССР № 66 об усилении оперативно-чекистской работы по выявлению агентуры разведывательных органов воюющих с СССР стран, которое ориентировало органы безопасности на розыск забрасываемой в тыл обученной в разведывательных школах агентуры[46]. В последующие месяцы органами военной контрразведки были достигнуты при решении этой задачи определенные положительные результаты. Так, 6 апреля 1942 г. особым отделом Калининского фронта были арестованы агенты-радисты германской военной разведки Г. Ф. Фоменко и И. М. Дьяченко. У задержанных изъяли радиостанцию, два пистолета, два парашюта, поддельные документы, 4 тыс. рублей советскими дензнаками и запас продовольствия на 10 дней. Оба агента были одеты в форму военнослужащих Красной армии и снабжены соответствующими документами. На допросе Фоменко и Дьяченко показали, что они находились в лагере военнопленных, откуда были отобраны и направлены в разведывательную школу в г. Борисов, а после обучения заброшены в советский тыл для ведения разведки на коммуникациях войск Красной армии[47].

Отличительной особенностью начального периода войны являлась периодическая заброска агентуры в составе групп численностью до 15–20 человек. К примеру, 25 февраля 1942 г. в комендатуру станции Веженка, расположенную в 7 км от г. Белева (Западный фронт), прибыла группа бывших военнопленных в составе 10 человек. Командир группы лейтенант РККА Карнаух заявил, что военнослужащие являются членами заброшенной в советский тыл диверсионной группы, имеют при себе мины для совершения взрывов на железнодорожных путях и документы военнослужащих НКВД[48].

Особо следует подчеркнуть, что в указании НКВД СССР № 66 Управлению контрразведки и Управлению особых отделов НКВД было предписано организовать планомерное выявление и изучение дислокации, состава и методов работы разведывательных и контрразведывательных органов воюющих с СССР стран. Ставилась задача практиковать засылку надежной агентуры в тылы противника для подставы ее германским разведорганам с задачей выявления дислокации и личного состава этих органов, а также лиц, подготавливаемых противником к переброске на нашу территорию. Это исключительно важное и своевременное

Страница альбома с установочными данными на немецких агентов, курсантов Борисовской разведшколы абвера

решение фактически ориентировало органы контрразведки на выявление агентуры противника уже на стадии ее подготовки. Развернувшаяся вслед за этим работа по проникновению во вражеские разведорганы и разведывательные школы была очень сложной по своему исполнению, но принесла с течением времени неплохие результаты и существенно повысила эффективность розыска вражеских агентов.

На протяжении первой половины 1942 г. органы военной контрразведки зачастую путем проб и ошибок продолжили вырабатывать оптимальную для военного времени систему организации своей оперативной работы. В условиях продолжавшихся ожесточенных боев на всех фронтах, отмобилизования новых частей и соединений, значительных потерь среди личного состава военной контрразведки и прихода им на смену сотрудников из территориальных и транспортных органов безопасности войсковых офицеров сделать это было не так просто. Неслучайно основные результаты по разоблачению и задержанию агентуры, диверсантов и террористов спецслужб противника были достигнуты в начальный период войны во многом в результате фильтрационной работы.

Деятельность особых отделов НКВД в годы войны по проверке и фильтрации военнослужащих, вышедших из окружения или бежавших из плена, является объектом критики многих современных исследователей истории советских органов государственной безопасности. Нельзя не согласиться, что для военнослужащих, зачастую с боями вышедших из окружения или бежавших из плена, было морально тяжело проходить проверку и подвергаться допросам со стороны работников особых отделов. Имели место и нарушения, в том числе грубый нажим на проверяемых. Однако нельзя не учитывать остроту переживаемого момента, а также реальную практику спецслужб противника по заброске своей агентуры в советский тыл под соответствующей легендой. К тому же сотрудники особых отделов подходили к организации проверки избирательно. Для военнослужащих, вышедших из окружения в составе подразделений, как правило, проверки не было, либо она была минимальной. Более серьезная работа велась в отношении лиц, вышедших из окружения или бежавших из плена в одиночку либо при сомнительных обстоятельствах.

По мере накопления опыта система мер по розыску агентуры противника органов военной контрразведки совершенствовалась, и уже к концу 1942 г. основные результаты стали приносить оперативно-разыскные, заградительные, чекистско-войсковые и другие оперативные мероприятия, а не фильтрационная работа.

Проверка и опрос военнослужащих, находившихся в плену или вышедших из окружения при сомнительных обстоятельствах, практиковались вплоть до окончания Великой Отечественной войны. Однако помимо фильтрационной работы военная контрразведка стала получать очень ценную информацию от своих агентов, внедренных в разведывательные органы и разведывательные школы противника, а также из других источников. Результаты зафронтовой работы активно использовались органами военной контрразведки для организации розыска агентов абвера, прошедших обучение в разведывательных и диверсионных школах и заброшенных в советский тыл. Ставшие известными особенности тактики заброски, экипировки агентов и диверсантов врага, признаки фиктивности документов доводились контрразведчиками до военного командования, личного состава, участвовавшего в несении комендантской и патрульно-постовой службы.

Военные контрразведчики установили, в частности, что вражеская разведка снабжает свою агентуру различными советскими и воинскими документами: паспортами, удостоверениями командного и начальствующего состава, красноармейскими книжками, командировочными удостоверениями, оперативными предписаниями и различными справками. Эти документы были частично захвачены разведкой в период наступления германской армии или отобраны у военнопленных и гражданского населения, изъяты у убитых и раненых бойцов, командиров и политработников либо сфабрикованы. К примеру, одна только абергруппа-107, дислоцировавшаяся на оккупированной советской территории в городах Бежице и Орле, в 1941–1943 гг. имела около 20 гербовых печатей штабов различных советских дивизий, до 40 печатей стрелковых полков, свыше 10 печатей эвакогоспиталей, 5–6 печатей армейских

госпиталей, печати штаба Западного фронта, несколько печатей райкомов ВКП(б) и комсомола, гербовые печати горотдела и райотдела НКВД.

В феврале 1942 г. органами военной контрразведки был составлен сборник признаков подделки документов, использования противником экипировки и легенд прикрытия. Во многих частях были разработаны памятки-инструкции по правилам проверки документов.

В период наступательных действий органы военной контрразведки принимали все меры к тому, чтобы захватить официальных сотрудников, агентуру, обслуживающий персонал разведорганов противника, а также их документацию. Изучение трофейной документации, допросы сотрудников и обслуживающего персонала позволяли получить установочные данные на тех агентов, которые были ранее заброшены неприятелем в наш тыл. В ряде случаев ценную информацию удавалось получать и путем опроса населения прифронтовой полосы. Ориентировки о выявленных агентах регулярно рассылались во все органы безопасности для организации их розыска в масштабах страны.

Директивой НКВД СССР от 28 марта 1942 г. № 129 об усилении борьбы с агентурой противника, действующей на нашей территории с поддельными документами, органам контрразведки было предписано организовать во фронтовой и прифронтовой полосе проверку и жесткий контроль документов у всех лиц, передвигающихся в одиночном порядке либо в составе небольших подразделений и команд, а также тщательную фильтрацию задержанных. При проверке документов особое внимание обращать на их подлинность, время выдачи, подписи и содержание документа, обязательно проверяя и сличая все имеющиеся у данного лица документы, практикуя краткий устный опрос. Все граждане мобилизационных возрастов, подозрительные женщины, пытавшиеся завязать знакомство с военнослужащими, а также подростки, обнаруженные в расположении воинских частей и не проживавшие в данном населенном пункте, подлежали задержанию до выяснения их личности и причин появления у линии фронта[49].

Органы военной контрразведки приняли меры по усилению контроля передвижения военнослужащих и гражданских лиц по проселочным дорогам, в обход населенных пунктов. На этих маршрутах выставлялись специальные посты, секреты, проверявшие документы у подозрительных лиц. Все вызывавшие сомнение задержанные также подлежали фильтрации. Большую роль в выявлении и розыске вражеской агентуры по-прежнему играла развернутая с первых месяцев войны заградительная служба. Она включала в себя контрольно-пропускные пункты и заградительные отряды войск НКВД по охране тыла действующей армии.

Принимаемые меры позволили повысить эффективность борьбы с вражеской агентурой как непосредственно в прифронтовой полосе, так и в глубоком советском тылу. За период с января по июль 1942 г. органами НКВД были в общей сложности арестованы 7755 агентов противника, а всего с начала войны — 11 765 человек. Большая часть была задержана в результате работы органов военной контрразведки и войск по охране тыла действующей армии. Органами НКВД СССР было выявлено к этому времени 36 школ германской военной разведки на временно оккупированной территории, в которых обучались одновременно до 1500 агентов-разведчиков и диверсантов, завербованных врагом главным образом из числа военнопленных командиров и бойцов Красной армии[50]. Как правило, противник забрасывал в начальный период войны свою агентуру через линию фронта группами по 3–4 человека, реже — по 10–20 человек. С марта 1942 г. немецкая разведка начала практиковать также заброску агентуры самолетами.

Уже весной 1942 г. Управление особых отделов НКВД СССР, другие органы безопасности начали направлять на места ориентировки директивы о конкретных разведывательных подразделениях и школах противника, подготовленной в них агентуре, используемых легендах, документах прикрытия и т. п. Со временем в Управлении особых отделов НКВД (позднее ГУКР Смерш НКО) были сформированы литерные дела на конкретные разведслужбы, а работа по ним, включая накопление необходимой информации, стала носить системный характер.

Бывшие сотрудники разведорганов противника после окончания Второй мировой войны достаточно критично оценивали эффективность свой работы по заброске агентуры

в советский тыл. Так, по оценке одного из бывших офицеров абвера, из 100 заброшенных агентов 60 не выполняли свое задание и просто исчезали, примерно 20 являлись с повинной в советские органы безопасности и лишь 20 человек стремились реально работать на немецкую разведку[51].

В сложных условиях первых лет войны в практике работы органов безопасности встречались и факты нарушения законности. Объяснялись они в одних случаях чрезвычайностью обстановки, в других — низким уровнем профессионализма, отсутствием должной правовой подготовки сотрудников, а иногда и стремлением отличиться, получить результат. При проверках состояния дознания и следствия в низовых органах безопасности сотрудники центрального аппарата неоднократно отмечали, что показания арестованных по обвинению в принадлежности к агентуре фашистской разведки вызывали сомнения, в делах присутствовали грубые противоречия. Нередко наличие задания немецкой разведки вообще доказывалось только показаниями самого арестованного.

В процессе допроса задержанных подозрительных лиц отдельные сотрудники органов безопасности и войск по охране тыла применяли недозволенные методы, вплоть до физического воздействия. Такой негативный пример имел место в январе 1942 г. в деятельности 23-го погранполка войск НКВД по охране тыла Южного фронта, когда переданные из полка в особый отдел НКВД фронта задержанные в количестве 21 человека отказались от ранее данных показаний о принадлежности к немецкой разведке. В процессе дальнейшего следствия в особом отделе НКВД 12-й армии выяснилось, что задержанные дали вымышленные показания в связи с применением к ним при допросах методов физического воздействия или уговоров дать показания под предлогом освобождения из-под стражи и устройства на работу. По результатам разбирательства лица, допустившие грубые нарушения уголовного и уголовно-процессуального законодательства, были арестованы особым отделом НКВД и преданы суду военного трибунала.

Несмотря на сложившуюся на фронтах исключительно тяжелую обстановку, весной — летом 1942 г. руководством органов военной контрразведки были приняты определенные меры по повышению качества следственной работы и укреплению законности в деятельности особых отделов. Группа сотрудников следственной части Управления особых отделов НКВД СССР в середине мая 1942 г. проверила состояние следственной работы в особых отделах Юго-Западного фронта. Позднее аналогичные группы выезжали в особые отделы Калининского, Северо-Западного и Карельского фронтов.

Проверяющие вскрыли ряд серьезных недостатков в деятельности следственных подразделений органов военной контрразведки, главным образом в звене «дивизия — корпус». К примеру, в некоторых органах существовала практика предъявлять обвинения в измене Родине всем лицам, вернувшимся из плена. Не всегда грамотно выстраивалась работа следователей с задержанными агентами и диверсантами противника. Факты нарушения революционной законности были выявлены, в частности, в деятельности органов военной контрразведки Карельского, Калининского, Северо-Западного фронтов и Московского военного округа. Серьезные недостатки в следственной работе объяснялись во многом слабой профессиональной компетентностью следователей, в основном из призванных из запаса работников милиции.

По результатам проверки работы следственных подразделений был издан приказ НКВД СССР от 30 августа 1942 г. № 001854 об устранении недостатков в следственной работе особых отделов НКВД фронтов, армий, флотов, флотилий, военных округов. Приказ требовал не допускать случаев ареста по необоснованным материалам и без санкции прокурора. Начальникам особых отделов НКВД фронтов предписывалось провести расследования по выявленным фактам нарушения законности и виновных наказать. Эту практику рекомендовалось продолжить и впредь. Были предусмотрены меры по оказанию помощи и усилению контроля над работой следственных подразделений, в особых отделах фронтов, армий, флотов, флотилий, военных округов и спецлагерей были проведены совещания оперативного состава по вопросу улучшения следственной работы[52].

Важной составной частью контрразведывательной деятельности особых отделов НКВД стала работа по поддержанию режима секретности, сохранения государственной и военной тайны. Особое значение придавалось сохранению шифров и штабных оперативных документов. В приказах по линии военной контрразведки указывалось на необходимость охранять шифры, совершенно исключив возможность попадания их в руки противника.

Организуя работу в штабах и шифроорганах, органы военной контрразведки тщательно проверяли личный состав, допущенный к работе с секретными материалами, постоянно контролировали соблюдение военнослужащими правил секретного делопроизводства. Каждый факт утраты секретных документов или изделий становился предметом разбирательства особых отделов НКВД и командования. Виновные привлекались к суровой ответственности. На основании информации, полученной от органов военной контрразведки, командование армий, фронтов неоднократно издавало приказы об устранении недостатков в соблюдении режима секретности в частях и соединениях Красной армии.

На особом контроле у сотрудников военной контрразведки в 1941 г. было также обеспечение охраны боевых машин БМ-13 (катюш). Как известно, 29 июня 1941 г. в Москве была сформирована первая в мире батарея реактивной артиллерии из семи боевых машин БМ-13, командиром которой стал капитан И. А. Флёров. В полосе 16-й армии батарея реактивной артиллерии впервые была применена в начале августа 1941 г. Как вспоминал ее командующий К. К. Рокоссовский, «вначале применение реактивных установок на фронте ограничивалось в целях секретности такими инструкциями, что бывало хоть отказывайся от использования. Многие командиры-артиллеристы поговаривали, что с этими «катюшами» приходится возиться, как с капризной женщиной. Я был вынужден на свой риск внести некоторые упрощения. При умелом использовании реактивные установки давали хорошие результаты»[53].

Опыт применения реактивной артиллерии нашел отражение в директиве Ставки ВГК от 1 октября 1941 г. Она требовала дивизионы и батареи М-8 и М-13 применять только по крупным разведанным целям. «Все боевые машины М-8 и М-13 считать совершенно секретной техникой Красной армии. Поэтому эти машины и боеприпасы к ним ни в коем случае не должны попасть в руки врага. К этим машинам во всех условиях боевой обстановки наряжать постоянно надежное и сильное наземное прикрытие. Ответственность за сохранение тайны возложить на командующих фронтами и армиями»[54].

Но несмотря на принимаемые меры по особой охране катюш, нередко они становились трофеями немецкой армии. Об этом свидетельствовали донесения особых отделов на имя И. В. Сталина, В. М. Молотова, К. Е. Ворошилова, Б. М. Шапошникова и Л. П. Берии. Так, 11 октября 1941 г. по телефону в НКВД СССР было доложено о том, что накануне наши войска в г. Мценске оставили девять катюш со снарядами, которые попали в руки врага. Командующий 5-й армией Д. Д. Лелюшенко об этом никому не сообщил[55]. На следующий день в ГКО поступило сообщение о захвате немецкими танковыми подразделениями на огневой позиции на 146 км шоссе Москва — Минск одной установки системы Костикова (катюши) и трех автомашин с 92 снарядами РС, принадлежавших отдельной батарее старшего лейтенанта Денисова. Несмотря на приближение противника, установка не была своевременно вывезена с огневой позиции. Особому отделу НКВД Западного фронта было дано указание принять все меры к уничтожению захваченной установки и снарядов[56], однако приказ выполнен не был.

Занимаясь вопросами сохранения секретов в действующей армии, органы военной контрразведки обратили внимание и на деятельность военных корреспондентов, многие из которых пренебрегали соблюдением режима секретности. По роду своей работы, а также в силу беспечности некоторых командиров они часто имели доступ к особо секретным материалам о частях и соединениях действующей армии, находились в курсе намечавшихся операций. Поэтому руководство военной контрразведки предложило особым отделам строже подходить к предоставлению информации военным корреспондентам, контролировать их работу и поведение в быту[57].

Существенную помощь особым отделам НКВД в решении задачи сохранения секретов оказывали подразделения военной цензуры. Они были сформированы по линии 3-го управ-

ления НКО СССР и 3-го управления НК ВМФ СССР в соответствии с постановлением ГКО от 6 июля 1941 г. при военно-почтовых сортировочных пунктах, военно-почтовых базах, военно-почтовых отделениях и т. п. Отделения военной цензуры осуществляли гласный политический контроль всей исходящей и входящей переписки частей Красной армии и Военно-морского флота. Конфискации подлежали письма антисоветского, провокационно-клеветнического характера, с зашифрованным или закодированным содержанием, а также содержавшие сведения, составлявшие военную тайну. В случае, когда в письме имелся текст, содержавший сведения, не подлежащие оглашению, но не враждебного характера, оно направлялось по адресу, но с обязательным вычеркиванием или вырезанием запрещенного фрагмента.

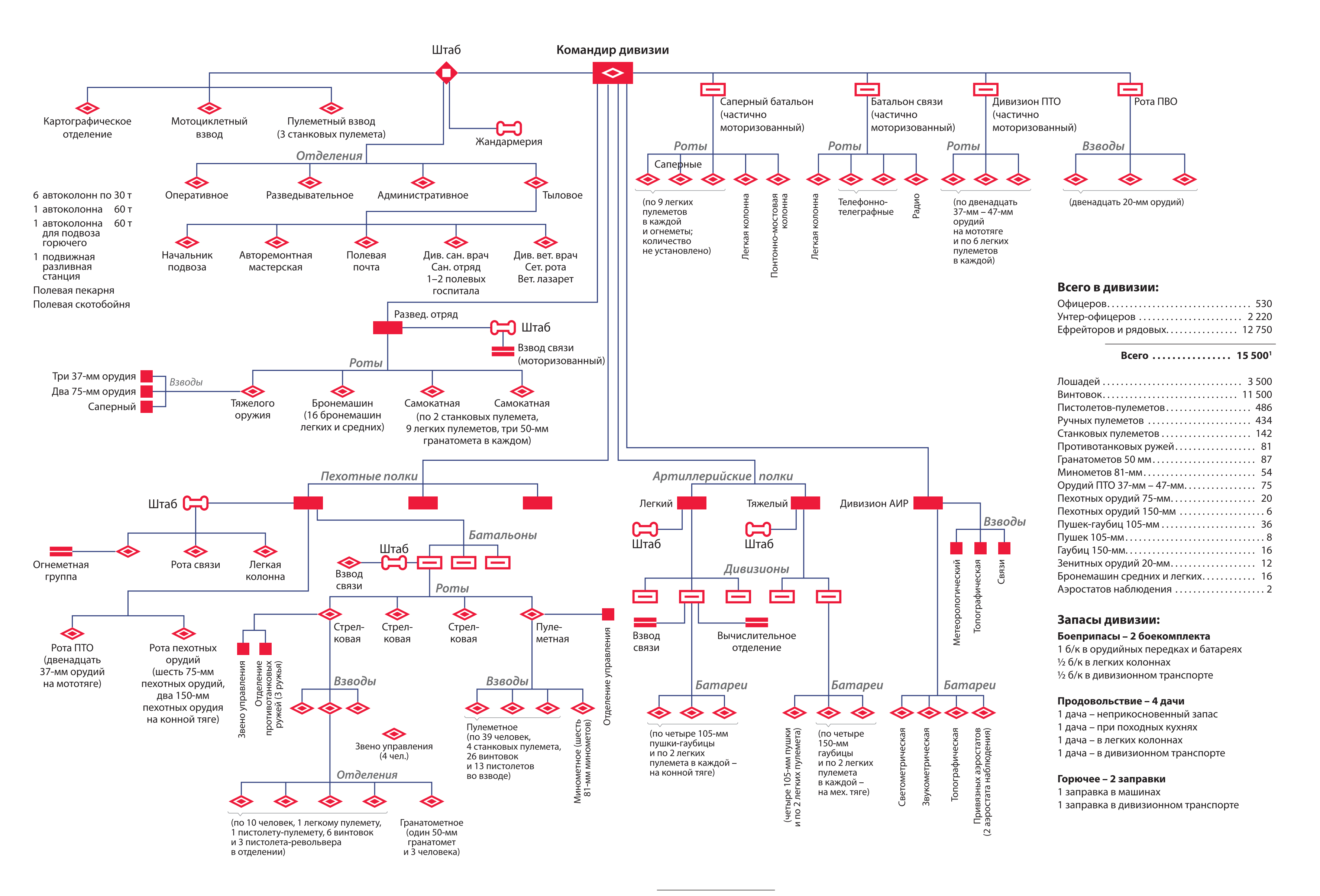
Приказом от 15/16 августа 1941 г. в связи с преобразованием 3-го управления НКО СССР в Управление особых отделов НКВД СССР военная цензура из Управления особых отделов была передана во 2-й спецотдел НКВД СССР «для установления единого централизованного руководства цензурой». В составе спецотдела было образовано отделение военной цензуры военной корреспонденции. Приказ установил и порядок просмотра корреспонденции гражданского населения, войсковых частей действующей армии и частей, дислоцированных в республиках, краях и областях. Оперативное руководство отделениями в действующей армии осуществляли начальники особых отделов фронтов и армий. Особое внимание было обращено на своевременную доставку писем на фронт и с фронта в тыл, что имело важное значение в условиях тяжелых оборонительных боев летом и осенью 1941 г.

Материалы военной цензуры часто служили основой для подготовки важных аналитических документов, характеризующих положение в тылу страны и на фронте. Органы безопасности неоднократно обращали внимание политического и военного руководства на неблагополучное положение в ряде районов страны, оказывавшего негативное влияние на боеспособность воинов Красной армии и флота. Так, в начале 1942 г. В. С. Абакумов в записке в ЦК ВКП(б) и НКО СССР на имя А. А. Андреева и Л. З. Мехлиса сообщал: «При проверке писем, идущих в Действующую армию, военной цензурой в конце декабря 1941 г. и начале января 1942 г. продолжают отмечать значительное количество жалоб семей военнослужащих на плохие материально-бытовые условия и отсутствие внимания к их нуждам со стороны местных гражданских и военных органов. Такие жалобы отмечаются по Ярославской, Московской, Ивановской, Калининской, Молотовской, Горьковской, Кировской, Свердловской, Омской, Челябинской и Чкаловской областям»[58].

Тем не менее главным направлением в контрразведывательной работе на протяжении первого периода войны оставался розыск вражеской агентуры. Особую актуальность и остроту проблема борьбы с вражескими агентами и диверсантами приобрела летом 1942 г. в условиях, когда советские войска вели ожесточенные оборонительные бои под Сталинградом и на Северном Кавказе. Согласно сообщению особого отдела НКВД Сталинградского фронта, только за август 1942 г. на фронте были арестованы 110 немецких агентов, в том числе на линии фронта — 97 человек. 11 арестованных агентов прошли обучение в Варшавской, Полтавской и Яблоньской (в районе г. Люблин, Польша) разведывательных школах абвера. В ходе следствия было установлено, что немецкая разведка в течение месяца направляла свою агентуру в тыл Красной армии главным образом с заданиями по совершению диверсий, сбору разведывательных данных на линии фронта и в прифронтовой полосе, а также склонению советских солдат к переходу на сторону немецких войск[59].

В период боев на Северном Кавказе органы военной контрразведки столкнулись с деятельностью специального разведывательно-диверсионного полка «Бранденбург-800». В начале битвы за Кавказ диверсантам этого полка удалось провести несколько успешных операций в тылу советских войск.

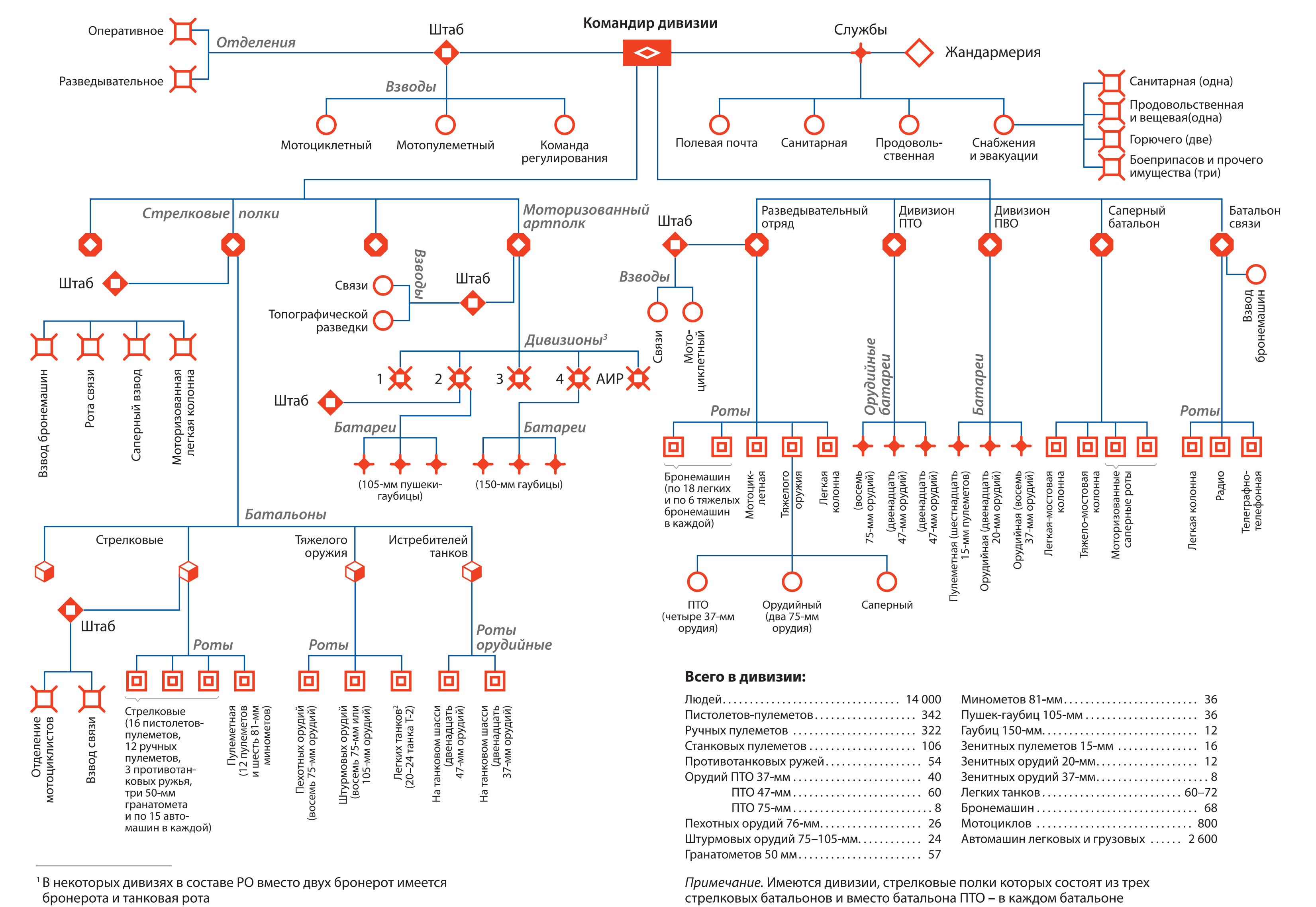
В августе — сентябре 1942 г., когда немецкие войска вышли к Волге, особое значение приобрела железнодорожная линия Урбах — Баскунчак — Паромная, по которой шло снабжение Сталинградского фронта. С учетом этого немецкая разведка произвела заброску нескольких агентов-диверсантов, которые должны были путем совершения взрывов парализовать рабо-

Примечание. Из общего количества пехотных дивизий германской армии 60% дивизий (первой и второй очереди) имеют по два артиллерийских полка каждая и 40 % дивизий (третьей очереди) – по одному артиллерийскому полку.

[1] Численность дивизии, в составе которой имеется только один артиллерийский полк, составляет 14 500 человек.

Организация пехотной дивизии германской армии в 1941 г.

Всего в дивизии:

Людей	14 000
Пистолетов-пулеметов	342
Ручных пулеметов	322
Станковых пулеметов	106
Противотанковых ружей	54
Орудий ПТО 37-мм	40
ПТО 47-мм	60
ПТО 75-мм	8
Пехотных орудий 76-мм	26
Штурмовых орудий 75–105-мм	24
Гранатометов 50 мм	57
Минометов 81-мм	36
Пушек-гаубиц 105-мм	36
Гаубиц 150-мм	12
Зенитных пулеметов 15-мм	16
Зенитных орудий 20-мм	12
Зенитных орудий 37-мм	8
Легких танков	60–72
Бронемашин	68
Мотоциклов	800
Автомашин легковых и грузовых	2 600

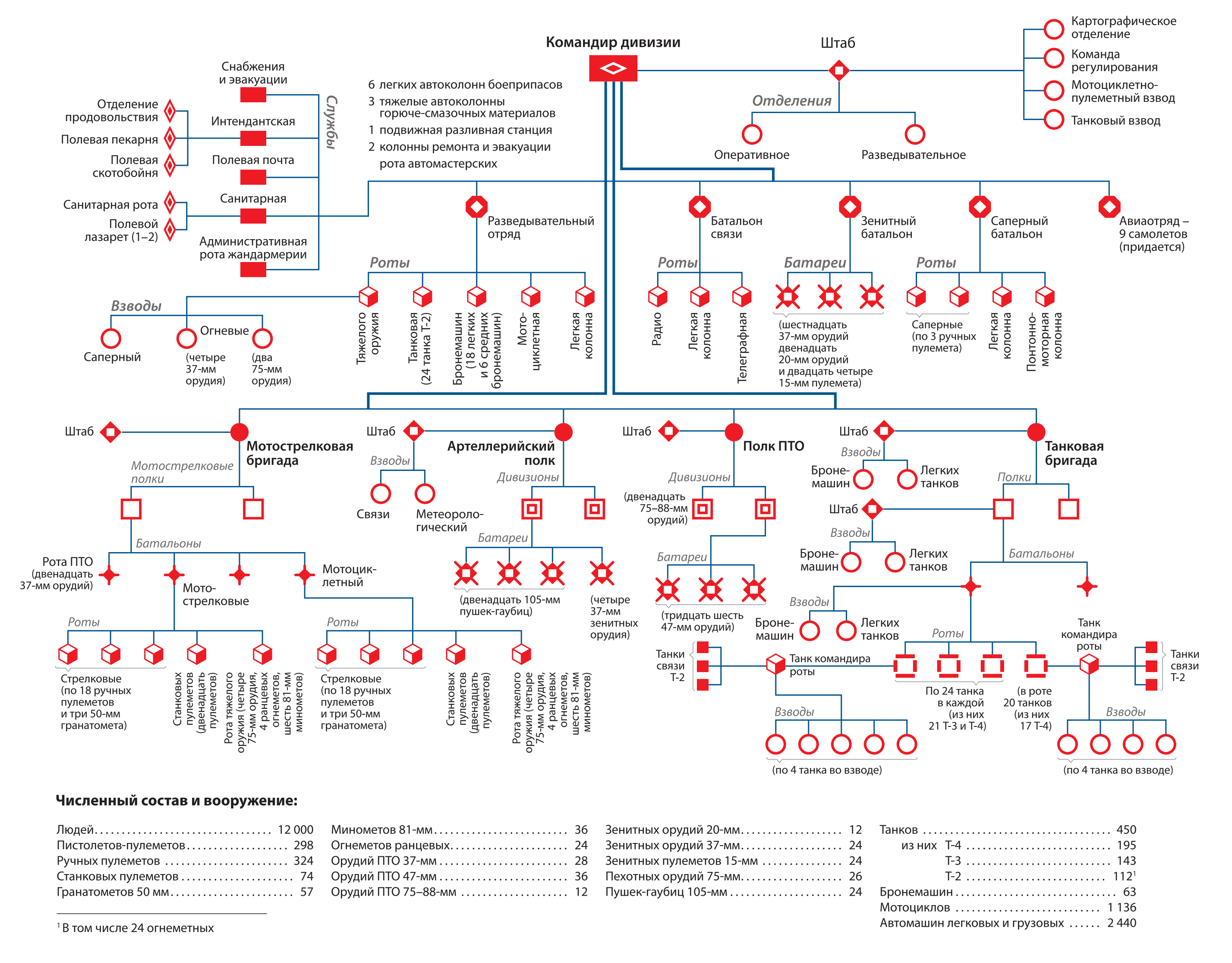
Примечание. Имеются дивизии, стрелковые полки которых состоят из трех стрелковых батальонов и вместо батальона ПТО – в каждом батальоне тяжелого оружия одна рота ПТО.

[1] В некоторых дивизях в составе РО вместо двух бронерот имеется бронерота и танковая рота

[2] Наличие роты танков требует проверки

[3] 1 и 3 дивизионы 105-мм пушек-гаубиц

Организация моторизованной дивизии германской армии в 1941 г.

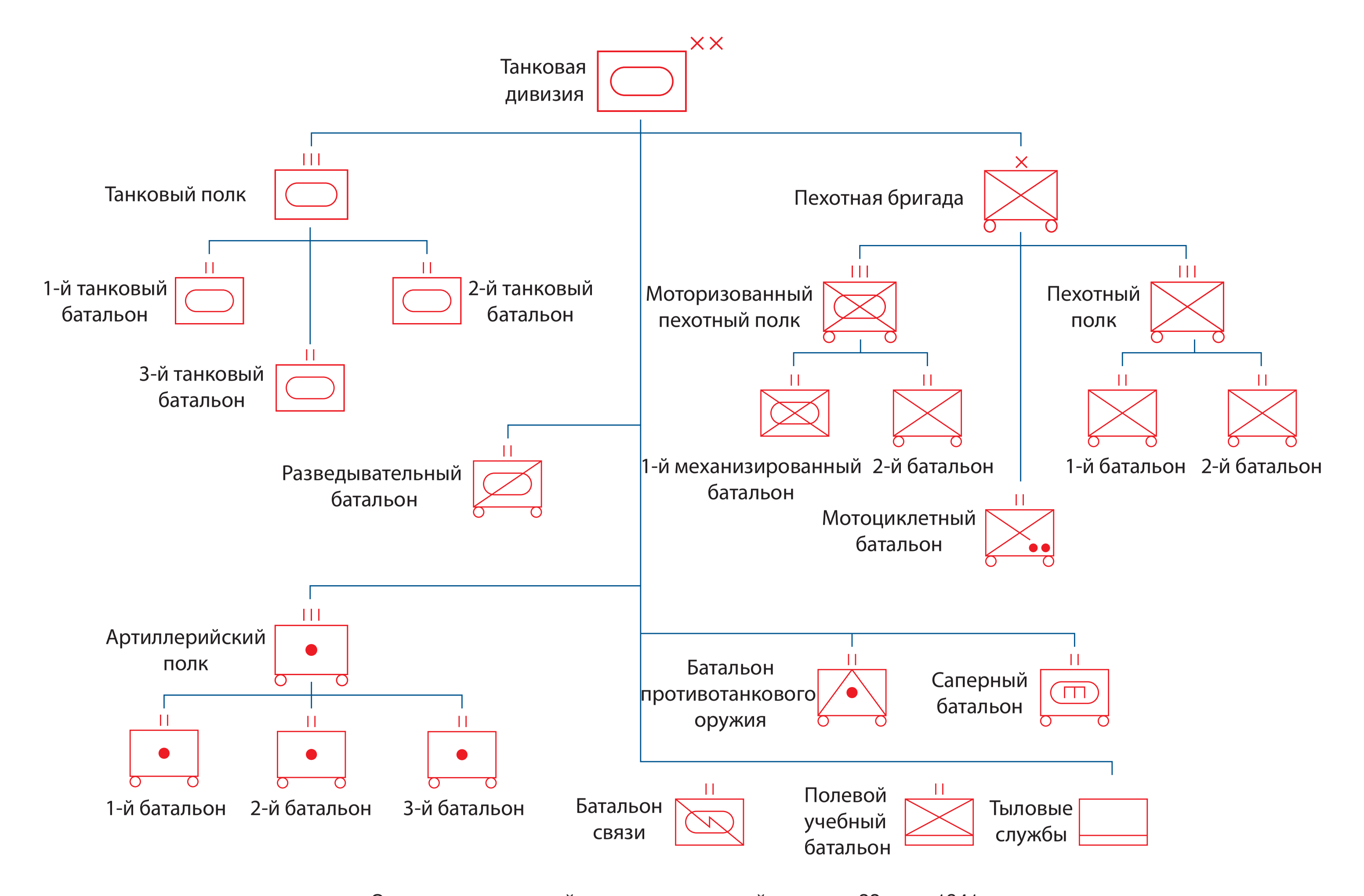

Численный состав и вооружение:

Людей	12 000
Пистолетов-пулеметов	298
Ручных пулеметов	324
Станковых пулеметов	74
Гранатометов 50 мм	57
Минометов 81-мм	36
Огнеметов ранцевых	24
Орудий ПТО 37-мм	28
Орудий ПТО 47-мм	36
Орудий ПТО 75–88-мм	12
Зенитных орудий 20-мм	12
Зенитных орудий 37-мм	24
Зенитных пулеметов 15-мм	24
Пехотных орудий 75-мм	26
Пушек-гаубиц 105-мм	24
Танков	450
из них Т-4	195
Т-3	143
Т-2	112[1]
Бронемашин	63
Мотоциклов	1 136
Автомашин легковых и грузовых	2 440

[1] В том числе 24 огнеметных

Организация танковой дивизии (основной тип) германской армии в 1941 г.

Организация танковой дивизии германской армии на 22 июня 1941 г.

Допрос немецкого военнопленного

Разбор захваченных немецких документов

ту железной дороги, однако органами военной контрразведки эти попытки были сорваны. 23 августа 1942 г. силами военной контрразведки на левом берегу Волги были задержаны два агента немецкой разведки, которые имели при себе 9,8 кг тола, шесть коробок с запалами и взрывателями, сигнальный фонарь и топографические карты.

В свою очередь, в течение августа особые отделы фронта отправили в тыл противника преимущественно с заданием внедрения в разведывательные органы 30 агентов. Кроме того, при отходе советских частей на новые рубежи были оставлены в неприятельском тылу 46 резидентов, агентов и связников, перед которыми поставлены задачи проникновения в аппарат вражеских разведорганов и сбора контрразведывательных данных. За этот же период из тыла противника возвратились три источника особых отделов, которые доставили ценные сведения в интересах военного командования[60].

С выходом гитлеровских частей к Волге разведывательные органы противника усилили заброску своей агентуры на территорию Саратовской, Сталинградской, Пензенской областей. Так, в середине августа 1942 г. при налете вражеской авиации на боевые порядки 99-й стрелковой дивизии сотрудники особого отдела НКВД дивизии обратили внимание на то, что с земли было выпущено несколько осветительных ракет. В процессе розыска предположительно заброшенных вражеских агентов было установлено, что в находившейся недалеко деревне Торостянка появились двое подозрительных военнослужащих. Они поселились на частной квартире и выдавали себя за военнослужащих одного из полков 99-й стрелковой дивизии. Проверка показала, что такие лица в полку не значатся. Сотрудники особого отдела сумели задержать вражеских агентов с поличным во время очередного сеанса радиосвязи. При обыске у них были изъяты портативная радиостанция, шифры, ракетница, записи о частях 99-й стрелковой дивизии. Все оперативно-разыскные мероприятия были проведены в течение пяти дней[61].

Противник в это период пытался забрасывать свою агентуру и под видом раненых. Для ее выявления контрразведчики привлекали медицинских работников. Так, например, санинструктор одной из частей заметила, что двое приставших в пути раненых отказываются от перевязки ран, ссылаясь на то, что не хотят повредить гипс. Когда же санинструктор проявил настойчивость и гипс был снят, выяснилось, что рука абсолютно здорова; то же оказалось и у напарника. Уличенные в симуляции ранения шпионы пытались выдать себя за дезертиров, но при обыске в их вещевых мешках обнаружили малогабаритную радиостанцию, шифры и расписания связи, шпионские записи, предназначенные для передачи в разведцентр. На допросах агенты Васин и Симоненко, как они назвали себя, показали, что были заброшены в советский тыл на самолете после окончания Минской шпионской школы. Сведения передавали в разведцентр по радиостанции.

Борьба с агентурой противника активно велась органами военной контрразведки и на других фронтах. К примеру, 13 июля 1942 г. особым отделом НКВД Северо-Западного фронта были арестованы прошедшие обучение в Смоленской разведшколе агенты-диверсанты немецкой разведки, бывшие красноармейцы С. Ф. Юшин и Е. Н. Марков, сброшенные с немецкого самолета на парашютах в районе станции Куженкино. Агенты имели при себе 6 кг тола, детонаторы, бикфордов шнур, два револьвера системы «наган», поддельные документы и некоторые другие предметы шпионской экипировки. Согласно заданию немецкой разведки диверсанты должны были взорвать железнодорожный мост на участке Куженкино — Шлино. При допросе задержанные назвали других агентов, обучавшихся с ними в Смоленской разведшколе и переброшенных немцами в советский тыл.

Одним из серьезных противников советской контрразведки наряду с абвером являлись финские спецслужбы, которые вели разведку в тылу частей и соединений Красной армии с помощью отдельных агентов, а также хорошо подготовленных и экипированных агентурно-боевых групп. Как правило, они проникали в тыл на глубину до 100–150 км, имея при себе портативные радиостанции для связи с центром. Задачами групп были сбор разведывательной информации о дислокации, передвижениях советских войск, совершение диверсионных актов, захват языков и т. п.

Для подготовки агентуры (преимущественно из числа советских военнопленных) были созданы несколько разведывательных школ, срок обучения в которых составлял от трех до девяти месяцев. Особыми отделами Ленинградского и Карельского фронтов, Архангельского военного округа на протяжении 1942 г. был арестован ряд агентов из числа советских военнопленных, прошедших подготовку в Петрозаводской школе финской разведки. По окончании этой школы агенты и диверсанты перебрасывались с радиостанциями в расположение частей Красной армии, как правило парами, для сбора разведывательных данных и совершения диверсий. Так, арестованные особым отделом НКВД 7-й отдельной армии два финских агента были переброшены в советский тыл 16 июля 1942 г. с заданием уничтожать склады с боеприпасами и продовольствием, отравлять продукты питания в воинских частях. С этой целью диверсанты были снабжены финской разведкой отравляющим веществом.

В целом на протяжении всего первого периода войны борьба с разведывательно-диверсионной деятельностью вражеских спецслужб занимала центральное место в работе органов военной контрразведки. Особые отделы НКВД в действующей армии постепенно разработали и реализовали комплекс заградительных и оперативных мер, обеспечивших достаточно эффективный розыск вражеской агентуры и диверсантов на линии фронта и в прифронтовой полосе. Изучив тактику деятельности абвера и других спецслужб, особые отделы НКВД к концу 1942 г. стали постепенно перехватывать инициативу у противника, активнее проводить острые наступательные контрразведывательные мероприятия, связанные с перевербовкой агентуры, внедрением своих источников в разведорганы и разведшколы немецкой и других разведок, осуществлением радиоигр.

Зафронтовая работа органов военной контрразведки

Вскоре после начала войны в деятельности органов военной контрразведки появилось новое сложное направление — зафронтовая работа. Ее задачи, стратегия и тактика, используемые силы и средства определились не сразу и претерпевали в течение войны определенные изменения.

Во исполнение решения руководства страны о развертывании сопротивления захватчикам на оккупированной территории органы военной контрразведки приступили к заброске отдельных агентов и созданию резидентур в тылу противника уже летом 1941 г. Силы и средства военной контрразведки первое время использовались преимущественно для сбора разведывательной информации о войсках неприятеля и в определенной степени дублировали деятельность органов военной разведки. Кроме того, перед ними ставились задачи по проведению диверсионной работы.

Период становления зафронтовой работы в органах военной контрразведки сопровождался определенными трудностями, в основном связанными с отсутствием у оперативного состава соответствующего опыта. При отработке легенд для забрасываемой агентуры в некоторых случаях сотрудники особых отделов НКВД прибегали к стандартным приемам. Например, в первые месяцы войны агенты органов военной контрразведки при переходе к противнику в основном выдавали себя за лиц, бежавших из мест заключения, антисоветски настроенных, имели документы прикрытия с номерами одной серии и т. п. Через некоторое время немецкая контрразведка выпустила специальную ориентировку, в которой было предписано задерживать в тылу и прифронтовой полосе всех граждан с соответствующей легендой и документами.

Созданные органами военной контрразведки за линией фронта резидентуры были зачастую громоздки: агенты, входившие в их состав, поддерживали связь между собой по цепочке, что противоречило правилам конспирации и могло привести к провалу. Вербовка граждан, проживавших на оккупированной территории, производилась агентами-вербовщиками часто без соответствующего изучения. В итоге новые источники во многих случаях не располагали

возможностями по решению оперативных задач и поэтому фактически не использовались. Способы и средства связи оставляли желать лучшего. Например, только по особому отделу НКВД Калининского фронта до 1942 г. не имелось связи с 64 агентами, находившимися в тылу противника, и судьба их была неизвестна.

Организацией зафронтовой работы в начальный период войны занимались, как правило, особые отделы армий и фронтов. Об интенсивности и содержании подобной работы летом — осенью 1941 г. можно судить по отчетным документам органов военной контрразведки. Так, согласно спецсообщению особого отдела НКВД Западного фронта от 27 сентября 1941 г. в НКВД СССР о результатах диверсионно-разведывательной деятельности в тылу противника, отделением КРО особого отдела фронта только за период с 14 по 21 сентября было переброшено в тыл врага с разведывательными и диверсионными заданиями 15 групп общей численностью 51 человек. Группы насчитывали 3—5 человек, подобранных главным образом из числа жителей прифронтовой полосы. Перед заброской с большинством групп помимо тщательного инструктажа по вопросам выполнения заданий были проведены занятия по изучению оружия немецкого образца, гранатометанию и способам применения взрывчатых веществ. Участники групп вооружались гранатами, аммоналом, пистолетами, бутылками с зажигательной жидкостью КС.

Группы имели задания вести разведку в интересах военного командования, совершать диверсионные акты путем уничтожения средств связи противника, организации крушений воинских поездов, перехвата отдельных связистов, курьеров противника с их документами, уничтожения путем поджога баз горючего, складов с имуществом и боеприпасами, скирд хлеба. Из 15 переброшенных групп к 18 сентября 1941 г. возвратились две, действовавшие на территории Смоленской области. Выполняя задание, первая из них вблизи деревни Горки уничтожила гранатами одну грузовую автомашину с боеприпасами и восемь фашистских солдат. Вторая группа на территории Кардымовского района подожгла 12 скирд необмолоченного хлеба, уничтожила два трактора и две молотилки[62].

Аналогичная работа проводилась и особыми отделами НКВД Северо-Западного, Ленинградского и других фронтов. На Ленинградском фронте осенью 1941 г. организацией разведывательно-диверсионной работы в тылу противника, а также внедрением агентуры в разведывательные органы занималось 6-е отделение особого отдела НКВД фронта. По состоянию на 3 ноября 1941 г. отделение приобрело 112 агентов, из них: маршрутной агентуры — 24, резидентов для особых отделов армий — 4, агентуры «Д» (диверсионной) — 55, агентуры из числа военнопленных — 29 человек. В начале своей деятельности отделение в основном занималось переброской в тыл противника разведывательно-диверсионных групп. Завербованные для этой цели люди проходили краткосрочную специальную подготовку в диверсионной школе («Д») и затем, получив вооружение и радиоаппаратуру, перебрасывались в тыл врага.

Всего было переброшено семь таких групп. Из них на середину сентября 1941 г. продолжали работу в тылу противника четыре группы. Из-за плохого качества радиоаппаратуры, работающей только на прием, отделение не всегда располагало полными сведениями о деятельности заброшенных групп. По данным отдельных участников этих групп, возвратившихся из тыла противника, диверсионные группы провели в августе и сентябре 1941 г. следующую работу: группа Могдика уничтожила большой деревянный мост на шоссе Серебрянка — Плюсса, заминировала железнодорожную линию в районе станции Плюсса, собрала определенный объем разведданных о неприятеле; группы Чечина и Синицына, продолжавшие работать в тылу противника, произвели подрыв железнодорожного полотна в районе станции Плюсса, вывели из строя приспособление, обнаруживающее мины на железнодорожном полотне, и крытую мотодрезину, уничтожив при этом до 18 немецких солдат и офицеров. Однако не все заброшенные группы действовали так успешно. Часть из них не смогла выполнить задания.

Примерно в начале сентября 1941 г. отделение закрыло школу «Д» и полностью переключилось на внедрение своей агентуры в разведорганы противника, вербовку агентуры на вражеской территории и войсковую разведку.

Маршрутной агентурой особого отдела, направлявшейся через линию фронта в тыл противника, был выявлен ряд штабов, аэродромов и других военных объектов. Сведения, получаемые от агентуры, после перепроверки своевременно направлялись командованию. На основании данных, полученных из особого отдела, ВВС фронта уничтожили на Липковском аэродроме 14 и повредили 25–30 самолетов, на станцию Поповка был произведен огневой налет артиллерии и авиации. Несколько раз агентура направлялась за линию фронта для сбора сведений по специальным заданиям командующего Ленинградским фронтом генерала армии Г. К. Жукова и командующего ВВС фронта.

Большое место в деятельности отделения занимала работа с военнопленными. Группа оперативных работников в составе трех человек по состоянию на 3 ноября 1941 г. допросила 169 немцев и 133 финна. В ходе допросов военнопленных был получен ряд ценных разведматериалов, переданных затем командованию. Из числа военнопленных были выведены за линию фронта с разведывательными заданиями и заданиями по разложению армии противника два человека, подготовлены для этой цели еще четыре человека. Кроме того, эта группа оказывала практическую помощь Управлению политпропаганды фронта в работе среди военнопленных[63].

Зафронтовая работа велась и подразделениями военной контрразведки флотов. Так, в октябре 1941 г. в 3-м отделе Черноморского флота в составе КРО была создана специальная оперативная группа по организации агентурно-оперативной работы в тылу противника.

В период битвы под Москвой Управление особых отделов НКВД СССР участвовало совместно с Управлением НКВД по г. Москве и Московской области в формировании диверсионно-разведывательных групп для борьбы с фашистами в их тылу. Было подготовлено 377 таких групп общей численностью 7947 человек[64]. Всего в оккупированные районы только Московской области для выполнения специальных заданий особой группой НКВД СССР и особыми отделами для партизанских действий были подготовлены 5429 чекистов и бойцов[65].

Помимо органов военной контрразведки организацией зафронтовой работы, разработкой разведывательных органов противника в начальный период войны занимались и территориальные органы безопасности, размещенные в прифронтовой полосе и в глубине страны. Однако органы военной контрразведки и территориальные органы безопасности часто действовали недостаточно согласованно. На практике было немало случаев, когда территориальные органы задерживали агентов немецких разведывательных органов, склоненных к явке с повинной агентами органов военной контрразведки, несвоевременно передавали в особые отделы задержанных вражеских агентов-парашютистов, забрасывавшихся в тыл советских войск в ходе радиоигр, которые проводили военные контрразведчики.

При организации территориальными органами безопасности оперативных игр с разведками противника у них возникали большие трудности в получении соответствующих дезинформационных материалов, в связи с чем эти игры иногда не получали развития. В отдельных случаях передававшаяся в ходе оперативных игр дезинформация не согласовывалась с командованием фронтов.

Не всегда должным образом были отработаны вопросы взаимодействия и военной контрразведки соседних фронтов, несмотря на то что в ряде случаев они вели борьбу с одними и теми же разведывательными органами противника. К примеру, подразделения фашистской разведки «Абверштелле Остланд», дислоцировавшиеся в Таллине, вели в 1942 г. разведывательно-подрывную работу против войск Ленинградского, Северо-Западного, Волховского фронтов, а также Северного и Балтийского флотов. Соответственно, «Абверштелле Остланд» и его филиалы были объектами зафронтовой работы всех органов военной контрразведки названных фронтов и флотов. Действовали же они нередко вразнобой, так как центральный аппарат военной контрразведки, отвечавший за координацию, был перегружен и не мог своевременно оказывать помощь в организации согласованной зафронтовой работы. Это приводило к тому, что в некоторых случаях при выходе в советский тыл агентов, внедренных в подразделения «Абверштелле Остланд», их перехватывал тот орган военной контрразведки, на территории действий которого они переходили линию фронта. Орган военной

контрразведки, внедрявший агентов к противнику, ставился в известность об этом факте с запозданием. В планах мероприятий подразделений военной контрразведки не всегда учитывались замыслы военного командования по ведению боевых операций и, соответственно, перспективы развития зафронтовой контрразведывательной работы.

Однако, несмотря на имеющиеся трудности, зафронтовая работа органов военной контрразведки и территориальных органов безопасности постепенно становилась более эффективной. Руководство органов безопасности внимательно изучало положительный и отрицательный опыт ее ведения и вносило необходимые коррективы.

25 апреля 1942 г. нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия обратился в ГКО с предложением об использовании в радиоиграх захваченных радиостанций противника. Он отмечал, что только в марте — апреле 1942 г. органами внутренних дел задержаны 76 агентов немецкой военной разведки, переброшенных на самолетах в составе разведывательно-диверсионных групп и в одиночку для шпионской и диверсионной работы в городах Вологде, Ярославле, Иванове, Александрове (Ивановская область), Пензе, Молотове, Тамбове, Куйбышеве, Сталинграде, Казани, Горьком и в войсковых тылах Западного фронта. У задержанных была изъята 21 портативная радиостанция. Все немецкие агенты являлись бывшими военнослужащими Красной армии, находившимися в плену у немцев, где они были завербованы и обучены в разведывательных школах.

«В целях ограничения активности германских разведывательных органов... создания видимости работы» переброшенных агентов советская контрразведка установила связь с противником по 12 радиостанциям. НКВД СССР полагало, что захваченные немецкие радиостанции можно использовать в интересах главного командования Красной армии для дезинформации врага в отношении дислокации и перегруппировок частей и соединений. В случае получения согласия предлагалось выработать порядок подготовки материалов по дезинформации и передачи их в НКВД СССР для реализации через захваченные немецкие радиостанции[66]. Поступившее предложение было одобрено НКВД СССР.

К середине 1942 г. органы военной контрразведки стали активно практиковать перевербовку агентов спецслужб воевавших с СССР стран, что позволило завязать с неприятелем как оперативные, так и радиоигры. В ходе таких игр военные контрразведчики выявляли основные устремления противника, конкретные разведывательные органы и школы, тактику их работы, применявшиеся ухищрения, а также вражескую агентуру, заброшенную в прифронтовую полосу и глубокий советский тыл. В течение этого года особыми отделами НКВД был заброшен в тыл противника и ряд агентов из числа советских патриотов. При этом перед ними ставились задачи как разведывательного, так и контрразведывательного характера.

Так, уже в феврале 1942 г. особый отдел НКВД Юго-Западного фронта успешно внедрил в органы полиции оккупированного Киева своего зафронтового агента Мосейчука (В. П. Даниленко). Он работал в полиции до ноября 1943 г., вплоть до освобождения города советскими войсками. Контрразведчикам 3-го Украинского фронта он предоставил сведения на более чем 200 сотрудников полиции, СД, их агентуру, а также карателей из числа казаков.

Серьезные результаты принесла заброска особым отделом НКВД 20-й армии Западного фронта в немецкий тыл агента Михайлова (А. С. Соболева) в июне 1942 г. После перехода линии фронта он был помещен немцами в лагерь военнопленных, а затем зачислен в подразделение РОА. Через некоторое время на Михайлова обратили внимание абверовцы и завербовали его. Находясь в Смоленской диверсионной школе, Соболев склонил для работы в пользу советской контрразведки 12 курсантов, убедив их после переброски через линию фронта явиться с повинной в органы безопасности. Через одного из курсантов он передал в особый отдел отчет о проделанной работе. В конце января 1943 г. Соболев связался с партизанами и был переправлен в особый отдел НКВД Калининского фронта, где сообщил ценные сведения о Смоленской диверсионной школе, ее официальных сотрудниках и курсантах. Привлеченный Соболевым к сотрудничеству агент абвера бывший майор Красной армии П. С. Голокоз продолжал работу в Смоленской диверсионной школе в интересах советской

контрразведки. В июле 1943 г. он привел в расположение партизанской бригады Захарова, действовавшей на территории Белоруссии, немецкий карательный отряд численностью 84 человека, который был окружен и уничтожен партизанами. После этого Голокоз был переправлен через линию фронта. О проделанной Соболевым и Голокозом работе докладывалось лично И. В. Сталину. Оба агента были награждены орденами Красного Знамени[67].

Определенный объем работы был выполнен органами военной контрразведки и при оказании помощи в развертывании в тылу противника партизанского движения. В ряде особых отделов НКВД для решения данной задачи создавались специальные оперативные группы, которые осуществляли связь с партизанскими отрядами, действующими на территории врага, оказывали помощь в переброске партизан и разведывательно-диверсионных групп через линию фронта, получали через партизан данные разведывательного характера, выявляли предателей и провокаторов из числа остававшегося на оккупированной территории населения и т. п.[68]

Органы военной контрразведки вели также оперативную работу в штабах партизанского движения при военных советах фронтов, занимались фильтрацией вышедших из тыла противника партизан, в случаях оперативной необходимости по согласованию с военными советами использовали возможности партизанских баз для развертывания контрразведывательной работы в тылу противника в интересах органов военной контрразведки.

К концу начального периода войны особые отделы НКВД смогли развернуть полноценную работу за линией фронта, используя в этих целях как перевербованную агентуру противника, так и источников, приобретаемых из числа советских патриотов. Создание агентурных позиций в тылу противника позволило органам контрразведки более эффективно решать задачу по розыску вражеской агентуры, выявлению планов и замыслов, тактике работы абвера и других неприятельских спецслужб.

Борьба с изменой Родине, дезертирством, распространением слухов и паники

Сложившееся в первые месяцы войны тяжелое положение на фронте, превосходство противника в авиации, танках и артиллерии, а также искусстве ведения боевых действий негативно сказывались на морально-психологическом состоянии советских войск, их устойчивости. Большинство соединений и частей Красной армии вели упорные бои с наступавшим противником, однако имели место и факты массового бегства бойцов и командиров с поля боя.

Уже в первые дни войны в центральный аппарат военной контрразведки стала поступать тревожная информация о неудачных действиях советских войск, многочисленных случаях паники и неорганизованности. Например, согласно информации третьих подразделений с началом военных действий во многих частях 4-й армии началась паника. Застигнутые врасплох внезапным нападением командиры растерялись, военнослужащие обращались в бегство, вместо организации эвакуации многие командиры и политработники в панике бежали из Бреста, в первую очередь спасая свои семьи. Обком и горком ВКП(б) вместе с областными управлениями НКВД и НКГБ пытались навести порядок в городе, но сделать ничего не смогли. Многие воинские части отступали, а в крепости гарнизон продолжал борьбу[69].

В начале июля 1941 г. в районе Кировограда в беспорядке отступила с занимаемых позиций 223-я дивизия, которая фактически оказалась не готова к боевым действиям: командование не знало местности и обстановки, не было карт, отсутствовала связь с соседями, снарядов имелось только 25 боекомплектов и т. п.[70]

Разведчик-диверсант

Результат диверсии

Способствовали дезорганизации прифронтового тыла и панические настроения ряда руководителей местных партийных и советских организаций. Так, по информации органов военной контрразведки, в ночь с 22 на 23 июня 1941 г. бежало все партийное и советское руководство Белостокской области, оставив город без управления. Этим воспользовались враждебные элементы, они освободили из тюрем более 3 тыс. арестованных, которые начали грабежи, погромы, открыли стрельбу по проходившим подразделениям Красной армии. Несмотря на то что линия фронта находилась на значительном удалении, руководство городов Львова, Ровно, Бердичева и Шепетовки также бежало в тыл, а потом вынуждено было возвратиться обратно. Их действия служили поводом к бегству районных и сельских руководителей[71].

Неразберихе способствовало в определенной степени и нахождение сотен тысяч человек на оборонительных работах. Во исполнение постановления ГКО от 26 августа 1941 г. были мобилизованы на оборонительные работы: из Харькова — 170 тыс., из Сум — 100 тыс., из Сталино — 35 тыс., из Ворошиловграда — 35 тыс. человек[72]. Под Ленинградом на строительстве оборонительных сооружений ежедневно работали до 500 тыс. человек[73].

Распространению паники в частях и соединениях отчасти способствовала и работа завербованных немецкой разведкой агентов из числа военнопленных Красной армии, которым в ряде случаев давались задания склонять личный состав подразделений к измене Родине и переходу на сторону врага, рассказывать о превосходстве немецкого оружия, хорошем обращении с военнопленными т. п.[74]

Неустойчивость воинских частей, несанкционированное отступление с занимаемых позиций, случаи паники среди личного состава вызвали появление уже 27 июня 1941 г. директивы 3-го управления НКО СССР о борьбе с дезертирством. Необходимо, однако, отметить, что в начальный период войны командование и особые отделы НКВД зачастую расширительно толковали понятие дезертирства. Потерпев поражение в бою, части и соединения Красной армии во многих случаях отступали неорганизованно. Оставшись без командиров, не ориентируясь в обстановке, рядовые бойцы поодиночке и группами без приказа отходили в тыл, укрывались в лесных массивах либо у местного населения. При определенных обстоятельствах подобные действия также могли расцениваться как дезертирство.

Но существовали и другие не менее существенные причины и факторы. Специальная комиссия Управления особых отделов НКВД СССР, анализируя причины предательства, установила, что многие изменники Родины перешли на сторону врага из боевого охранения как в одиночку, так и группами и в основном были земляками. Дезертировали преимущественно те, чьи семьи проживали недалеко от линии фронта. Значительную часть военнослужащих составляли лица, семьи которых остались на территории, занятой противником.

Сложившаяся обстановка заставила военное командование и органы военной контрразведки уже в первые недели войны создать в собственном тылу заградительную службу. Она организовывалась в основном силами войск НКВД по охране тыла, а также подразделениями, выделенными в распоряжение особых отделов НКВД. Основными задачами заградительных отрядов было задержание дезертиров, а также небольших групп военнослужащих и подразделений, которые разрозненно, без приказа командования отходили в тыл. Кроме того, осуществлялось выявление в потоке отступавших вражеской агентуры, террористов и диверсантов.

Важность организации эффективной заградительной службы с целью повышения устойчивости войск понимало и высшее военное руководство. К примеру, 26 июля 1941 г. генерал армии Г. К. Жуков направил главнокомандующим войсками направлений и фронтов телеграмму следующего содержания: «Через линию заградительных отрядов просачивается в глубокий тыл очень большое количество командиров и красноармейцев. Проникая в глубокий тыл, они своим появлением и преувеличенными сообщениями дезорганизуют население и распространяют панику. Расследованием установлено:

1. Заградслужба в тылах армий и фронтов организована очень низко, и стоит она только на дорогах.

2. При задержании вместо немедленного направления во фронтовые части задержанных направляют глубже в тыл.

Ставка приказала немедленно лично разобраться, как организована заградслужба, и дать начальникам охраны тыла исчерпывающие указания. Всех задержанных вливать во фронтовые части и в тыл не направлять»[75].

Необходимо отметить, что наличие дезертиров не только подрывало боеспособность частей и соединений действующей армии, но и дестабилизировало обстановку в прифронтовой полосе. Во многих случаях вооруженные дезертиры создавали в тылу войск банды, занимавшиеся мародерством и грабежом гражданского населения. Для ликвидации подобных банд военной контрразведке совместно с территориальными органами НКВД приходилось проводить соответствующие мероприятия.

Помимо дезертирства на протяжении всей войны органам военной контрразведки приходилось иметь дело с фактами перехода военнослужащих на сторону врага — изменой Родине. Добровольный переход на сторону противника солдат и офицеров Красной армии был опасен прежде всего с точки зрения сохранения военных и иных секретов. Всех сдавшихся в плен советских военнослужащих в обязательном порядке опрашивали офицеры разведывательных отделов штабов противника. В результате вражескому командованию становились известны дислокация, вооружение, состояние и численность личного состава противостоящих частей и соединений Красной армии, а также планы советского командования.

Актуальность борьбы особых отделов НКВД с дезертирством и изменой Родине на протяжении 1941 г. на фоне ухудшения обстановки на фронте только возрастала. Противник, особенно в первые два года Великой Отечественной войны, активно проводил агитационные мероприятия, направленные на то, чтобы побудить военнослужащих Красной армии к сдаче в плен. На передней линии фронта работали специальные радиоустановки, которые периодически передавали обращения немецкого командования и сдавшихся в плен советских военнослужащих к солдатам и офицерам Красной армии, с немецких самолетов разбрасывались листовки, в том числе листовки-пропуска, в которых говорилось о бесцельности сопротивления, гуманном обращении с советскими военнопленными и т. п.

16 августа 1941 г. Ставкой ВГК был издан приказ № 270 «О случаях трусости и сдаче в плен и мерах по пресечению таких действий». В нем подчеркивалось, что большинство частей Красной армии ведет себя безупречно, мужественно, а порой и героически, однако наряду с этим имели место позорные факты сдачи в плен. Отмечалось, что следует считать злостными дезертирами командиров и политработников, во время боя срывающих с себя знаки различия и бегущих в тыл. Всем вышестоящим командирам и комиссарам вменялось в обязанность расстреливать на месте подобных дезертиров из начальствующего состава и, «если такой начальник или часть красноармейцев вместо организации отпора врагу предпочтут сдаваться ему в плен — уничтожать их всеми средствами, как наземными, так и воздушными, а семьи сдавшихся в плен красноармейцев лишать государственного пособия и помощи». Командиры и комиссары дивизий наделялись правами смещения командиров батальонов и полков, снижения их в должности до рядовых, а при необходимости и расстрела на месте. В приказе обращалось внимание на особую ответственность за поддержание порядка не только командного состава и политработников, но и сотрудников особых отделов, которые, находясь в окружении, «проявили недопустимую растерянность, позорную трусость и не попытались даже помешать перетрусившим... сдаться в плен врагу»[76].

12 сентября 1941 г. военным советам фронтов был направлена директива № 001919, написанная начальником Генштаба Б. М. Шапошниковым под диктовку И. В. Сталина. В ней в частности указывалось, что для предупреждения нежелательных явлений необходимо иметь в каждой стрелковой дивизии «заградительный отряд из надежных бойцов, численностью не более батальона (в расчете по 1 роте на стрелковый полк), подчиненный командиру дивизии и имеющий в своем распоряжении кроме обычного вооружения средства передвижения в виде грузовиков и несколько танков или бронемашин». Задачами заградотряда являлись: оказание прямой помощи комсоставу в поддержании и установлении твердой дисциплины

в дивизии; пресечение бегства одержимых паникой военнослужащих, не останавливаясь перед применением оружия; ликвидация инициаторов паники и бегства; поддержка «честных и боевых элементов» дивизии, не подверженных панике, но увлекаемых общим бегством. Ставка обязала работников особых отделов и политсостав дивизии оказывать всестороннюю помощь командирам дивизий и заградительным отрядам в деле укрепления порядка и дисциплины. Создание заградительных отрядов предписывалось закончить в пятидневный срок со дня получения приказа[77].

Особым видом воинского преступления в период войны стало так называемое членовредительство, то есть причинение в том или ином виде вреда собственному здоровью с целью уклониться от участия в боевых действиях (повреждение того или иного органа, симуляция болезни и т. п.). Отдельные военнослужащие, к примеру, простреливали себе мягкие ткани руки или ноги, чтобы попасть в госпиталь. Другие пытались уклониться от службы путем подделки документов и т. п. Выявление подобных фактов причинения себе вреда военнослужащими осуществлялось с помощью привлечения медицинских работников и иных специалистов.

Измена Родине, дезертирство, членовредительство, пораженческие настроения, антисоветские высказывания и аморальные поступки, по мнению контрразведчиков, чаще имели место в тех частях, где была слабо поставлена воспитательная и политическая работа, а командиры и политработники скрывали факты нарушений военнослужащими дисциплины[78].

Борьба сотрудников особых отделов с попытками перехода на сторону противника и дезертирством велась по таким основным направлениям, как информирование командования о состоянии дисциплины в частях; профилактическая работа по недопущению случаев измены и дезертирства; проведение оперативных мероприятий по выявлению военнослужащих, намеревающихся покинуть свою часть, и наблюдение за ними; организация заградительных мероприятий с целью недопущения случаев самовольного ухода военнослужащих в тыл.

Выявление лиц, вынашивавших планы перехода на сторону врага, большей частью осуществлялось с помощью агентуры. Особые отделы брали лиц с изменническими и дезертирскими настроениями в активную разработку. Признаками, свидетельствовавшими о подготовке такого рода преступлений, могли служить: повышенный интерес к вражеским листовкам-пропускам, сбор и хранение таких листовок; заучивание на языке противника отдельных фраз и слов, необходимых для объяснения причин своего перехода через линию фронта; стремление собрать секретные сведения в целях их передачи противнику после перехода; выяснение отношения противника к перебежчикам и военнопленным и т. д. Лиц, подозреваемых в стремлении перейти на сторону врага, особые отделы НКВД, как правило, при посредстве командования переводили в тыловые части, где продолжали их проверку. В тех случаях, когда данные подтверждались, военнослужащие арестовывались.

30 августа 1941 г. было издано указание наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии о взятии под наблюдение «лиц, интересовавшихся фашистскими листовками», и немедленном аресте тех, у кого окажутся спрятанными листовки, служившие пропуском для перехода к врагу. Выдвигалось также требование тщательно расследовать каждый случай измены, выявляя сообщников и укрывателей, устанавливать виновность оперативного состава в ослаблении профилактической работы[79].

В качестве профилактики таких опасных преступлений, как переход на сторону врага, дезертирство, членовредительство стали активно использоваться и гласные меры. В частности, практиковалось доведение до сведения военнослужащих приговоров военного трибунала об осуждении виновных в совершении преступлений, что на практике являлось сильным сдерживающим фактором. Своего рода профилактикой были и такие суровые меры в условиях войны, как расстрел, особенно производимый перед строем.

В первые месяцы войны, по мнению руководства Управления особых отделов НКВД СССР, достаточно эффективной работы по пресечению дезертирства на местах не велось. Борьба с дезертирами и членовредителями в основном была сконцентрирована в особых отделах НКВД фронтов и армий. Они же в большинстве случаев применяли и такую крайнюю

меру, как расстрелы. Среди руководства особых отделов НКВД в тот период еще не было единого мнения об эффективности и порядке применения к дезертирам непосредственной расправы. Некоторые начальники низовых особых отделов НКВД полагали, например, что расстрелы дезертиров могут привести к обратному результату — увеличению числа советских военнослужащих, сдающихся в плен. Другие руководители настаивали на уточнении прав особых отделов НКВД в борьбе с дезертирством. Так, начальник особого отдела НКВД Закавказского военного округа Н. М. Рухадзе в записке на имя первого заместителя начальника Управления особых отделов НКВД СССР С. Р. Мильштейна от 3 сентября 1941 г. предложил «предоставить оперативным работникам ОО право расстрела в исключительной боевой обстановке только в трех случаях: 1) при дезертирстве с поля боя; 2) при неисполнении приказания командования и 3) при перебежке на сторону противника. В остальных случаях... следует привлекать к ответственности в общеустановленном порядке. В этих случаях расстрел должен оформляться актом за подписями командира, комиссара, оперработника ОО, а при возможности и прокурора... Практика показывает, что передача дел по дезертирству органам прокуратуры затягивает рассмотрение этих дел и не создает эффекта и перелома непосредственно в части. Было бы целесообразно в период военных действий создать специальные тройки при ОО армий и дивизий, предоставив право этим тройкам разбирать дела и выносить приговоры по дезертирству с приведением их в исполнение на месте»[80].

Несмотря на имевшиеся недостатки и проблемы, борьба органов военной контрразведки, войск по охране тыла с дезертирством носила в 1941 г. исключительно масштабный характер. В справке, направленной комиссаром госбезопасности 3 ранга С. Р. Мильштейном в октябре 1941 г. (число не указано) на имя наркома внутренних дел Л. П. Берии, сообщалось, что «с начала войны по 10 октября сего года особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла были задержаны 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Из них оперативными заслонами особых отделов задержаны 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла — 407 395 военнослужащих. Из числа задержанных особыми отделами арестованы 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт. В числе арестованных: шпионов — 1505, диверсантов — 308, изменников — 2621, трусов и паникеров — 2643, дезертиров — 8772, распространителей провокационных слухов — 3987, самострельщиков — 1671, других — 4371». (Так в тексте. — *Авт.*)

Объективность квалификации деяний, совершенных конкретными военнослужащими в условиях постоянного отступления, всеобщей неразберихи, деморализации и потери управления соединениями и частями, в ряде случаев вызывает сомнения. Часто это был суд скорый, без должного исследования всех обстоятельств. Как следует из документа, были расстреляны 10 210 человек, из них перед строем — 3321 человек. Наибольшее число воинских преступлений было совершено на Западном фронте: арестованы 4013 человек, из них расстреляны 2136, в том числе перед строем — 556[81].

Постепенно к борьбе с дезертирством подключились и территориальные органы НКВД, которые наряду с особыми отделами военных округов стали проводить профилактическую работу среди призывников. 6 декабря 1941 г. была издана специальная директива НКВД СССР «О мероприятиях по борьбе с дезертирством», согласно которой наркомам внутренних дел союзных и автономных республик, начальникам УНКВД краев и областей предписывалось активизировать борьбу с этим явлением, организовав в населенных пунктах заслоны, дозоры и патрулирование, взяв под агентурный контроль вокзалы, пристани, железнодорожные станции, рестораны, столовые, систематически проверяя документы у сомнительных лиц. Территориальные органы НКВД обязали каждую декаду информировать НКВД СССР, крайкомы и обкомы ВКП(б) о результатах проделанной работы.

В поиске и задержании дезертиров принимали участие все службы органов внутренних дел: паспортные столы — при проведении мероприятий по поддержанию паспортного режима и учета военнообязанных; отделы службы и боевой подготовки — через организацию облав в поисках дезертиров с участием милиции, военнослужащих внутренних войск, сотрудни-

ков военных комендатур и т. д.; милиционеры наружной службы — во время повседневной деятельности. Особая роль отводилась уголовному розыску. Его сотрудникам было поручено выявление дезертиров агентурно-оперативным путем. Семьи дезертиров ставились на оперативный учет, за ними устанавливалось агентурное наблюдение.

В дни битвы под Москвой для проверки документов у лиц, направлявшихся в город по железной дороге, были установлены КПП в Рязани, Муроме, Александрове, Серпухове, Владимире, Кашире, Нахабино, Сходне, Одинцово и Апрелевке[82]. Для задержания дезертиров и других военнослужащих, бежавших с фронта, были организованы четыре заградительных пункта по шоссе Калинин — Москва: два — из состава опергруппы Управления ОО НКВД СССР, один — силами особого отдела НКВД 5-й стрелковой дивизии и еще один — от особого отдела НКВД 30-й армии[83].

Информация о результатах работы по пресечению дезертирства регулярно направлялась руководству страны и в центральный аппарат НКВД СССР. Так, 29 октября 1941 г. руководство сектора охраны Московской зоны сообщало И. В. Сталину, В. М. Молотову и А. М. Василевскому, что за период с 15 по 28 октября были задержаны 75 568 военнослужащих, в том числе 6038 начальствующего состава. Из числа военнослужащих выявлены и переданы в особые отделы 760 дезертиров; задержано антисоветского элемента — 933 человека, из них выселены — 122, арестованы — 214, переданы местным органам НКВД — 597 человек[84]. Число военнослужащих и других подозрительных лиц, задержанных подразделениями заградслужбы в московской зоне, и в последующие месяцы оставалось высоким.

Весной 1942 г. в условиях, когда враг перешел в наступление и среди части военнослужащих вновь появились сомнения в нашей победе, по линии военной контрразведки были приняты дополнительные меры по борьбе с изменой Родине в форме перехода на сторону противника. В мае 1942 г. вышла директива НКВД СССР об усилении борьбы с изменой Родине. В ней отмечалось, что такого рода преступления совершали главным образом военнослужащие, чьи семьи проживали на занятой немцами территории, лица, осужденные трибуналами за различные преступления с отправлением на фронт, либо из состава пополнения, прибывшего из исправительно-трудовых лагерей и спецпоселений. В этой связи НКВД СССР потребовал взять на учет всех проходящих службу в частях и соединениях лиц данных категорий, а также принимать решительные меры в отношении военнослужащих, высказывающих намерение изменить Родине. В необходимых случаях по договоренности с командованием частей и военными трибуналами приведение приговоров в отношении осужденных «за попытку к измене Родине к ВМН организовывать перед строем с последующим доведением решения трибунала до каждого военнослужащего части»[85].

На протяжении всего драматичного 1942 г. борьба с изменой Родине, то есть намерениями или фактическими попытками перехода на сторону противника, оставалась одной из важнейших задач органов военной контрразведки на всех фронтах. 20 августа 1942 г. НКВД СССР информировал ГКО, ЦК ВКП(б) и СНК СССР, что «по сообщениям особых отделов фронтов с начала войны по 1 августа с. г. за попытку изменить Родине и изменнические намерения в частях Действующей армии арестованы 20 794 военнослужащих, в том числе вскрыто 550 изменнических групп с участием в них 2562 человек». Наибольшее количество подобных фактов было выявлено в частях Западного, Южного, Северо-Западного и Ленинградского фронтов. В большинстве случаев изменнические группы создавались и возглавлялись «антисоветски настроенными лицами, ущемленными в прошлом теми или иными мероприятиями советской власти»[86].

Особые отделы НКВД по-прежнему продолжали считать одной из основных своих задач и борьбу с так называемыми антисоветчиками и антисоветскими организациями. Так, в 1941 г. органами военной контрразведки был выявлен и ликвидирован ряд антисоветских организаций различной политической направленности. Однако подобные факты с учетом чрезвычайной обстановки осени 1941 г. и особенностей работы органов безопасности в этот период требуют тщательной перепроверки. В условиях исключительно тяжелой обстановки деятельность оперативных и следственных подразделений органов военной контрразведки

нередко носила упрощенный характер, в том числе в плане сбора объективных доказательств виновности военнослужащих. Это касалось и рассмотрения уголовных дел по преступлениям, связанным с «антисоветской агитацией и пропагандой», что в итоге приводило в ряде случаев к необоснованным задержаниям и осуждению военными трибуналами. Часто арестовывались военнослужащие, вина которых состояла только в высказываниях, содержавших сомнения в победе советских войск, критику командования из-за нехватки продуктов питания и т. п. К антисоветчикам могли отнести и рассказчиков анекдотов.

В некоторых случаях органы военной контрразведки фактически фальсифицировали уголовные дела в отношении военачальников по указанию политического руководства страны. Так, 6 июля 1941 г. органами 3-го управления НКО СССР был арестован бывший командующий Западным фронтом Д. Г. Павлов. Постановлением Государственного Комитета Обороны от 16 июля 1941 г. генерал армии Д. Г. Павлов, бывший начальник штаба фронта генерал-майор В. Е. Климовских, бывший начальник связи фронта генерал-майор А. Т. Григорьев и некоторые другие военачальники были преданы суду военного трибунала за «позорящую звание командира трусость, бездействие власти, отсутствие распорядительности, развал управления войсками, сдачу оружия противнику без боя и самовольное оставление боевых позиций». Все обвиняемые были осуждены к расстрелу, хотя доказательства их вины фактически отсутствовали[87].

В подобных условиях даже те военачальники, которые пытались объективно разобраться в причинах поражений советских войск, в некоторых случаях попадали под подозрение и подвергались репрессиям. Так, за доверительные беседы с сослуживцами о возможных ошибках командования в стратегических вопросах крупный военный ученый генерал В. А. Меликов был обвинен в пораженчестве и заключен в тюрьму, где позднее и скончался[88].

В то же время в работе органов военной контрразведки присутствовала и профилактика. Военные контрразведчики, к примеру, проводили беседы с рядовым и командным составом, направленные на предотвращение чрезвычайных происшествий в войсках: рукоприкладства, пьяных дебошей военнослужащих в общественных местах, мародерства, совершения убийств и самоубийств, фактов гибели военнослужащих по неосторожности.

Значительная работа по повышению боеготовности войск, оказанию помощи командованию была проделана особыми отделами НКВД в период подготовки и проведения наступательной операции под Харьковом весной 1942 г. Следует отметить, что особый отдел НКВД Юго-Западного фронта неоднократно информировал главкома направления С. К. Тимошенко и члена Военного совета Н. С. Хрущева о нецелесообразности ее проведения из-за значительного превосходства противника в силах и неблагоприятного исходного положения советских войск. Однако руководство особого отдела понимания у командования не нашло. В итоге особый отдел НКВД фронта был вынужден направить в Управление особых отделов НКВД СССР сообщение, в котором, основываясь на мнении ряда авторитетных источников из числа военных специалистов, делался вывод о ее нецелесообразности и опасности. По воспоминаниям бывшего сотрудника особого отдела НКВД фронта генерал-лейтенанта М. А. Белоусова, получив это сообщение, В. С. Абакумов связался по ВЧ-связи с членом Военного совета Юго-Западного направления Н. С. Хрущевым и попросил его высказать свою точку зрения по поводу планируемой операции. Н. С. Хрущев заявил, что согласен с опасениями за исход операции, но он ничего не может сделать.

Руководство особого отдела НКВД Юго-Западного фронта приняло все меры по обеспечению по своей линии безопасности намечаемой операции. Военным советам Юго-Западного фронта и Юго-Западного направления чекисты представили доклад об оперативной и политической обстановке в Харькове, Белгороде, Полтаве и Донбассе. В особый отдел НКВД фронта были вызваны начальники особых отделов армий и корпусов, которые входили в создаваемые южную и северную ударные группы войск. Перед ними были поставлены четкие задачи на период проведения наступления.

Во время подготовки к боевым действиям все особые отделы корпусов, дивизий и бригад, принимавших участие в наступлении, были полностью укомплектованы оперативным со-

ставом. Некоторые отделы получили пополнение из числа работников особого отдела НКВД фронта. Командование фронта организовало вспомогательный пункт управления на участке, где действовала южная ударная группа. Руководство особого отдела фронта направило туда небольшую оперативную группу. На нее возлагалась задача поддержания регулярной связи с аппаратами особых отделов объединений и соединений войск созданной здесь группировки. Она же отвечала за оперативную работу на вспомогательном пункте управления.

К сожалению, опасения особого отдела НКВД фронта оправдались, и Харьковская операция закончилась крупным поражением советских войск. Южная ударная группа попала в окружение, лишь небольшие отряды и группы бойцов и командиров пробились через вражеское кольцо. Потери в людях и боевой технике были очень большими. Особые отделы, действовавшие в составе наступавших объединений и соединений, потеряли 70% своего оперативного состава, а из оперативной группы на вспомогательном пункте управления остался в живых только один сотрудник.

Трагедией закончилась и очередная попытка советских войск прорвать блокаду Ленинграда, предпринятая весной 1942 г. В конце мая 1942 г. оборона советских войск была прорвана, части и соединения 2-й ударной армии оказались в окружении. Согласно сохранившимся документам особого отдела НКВД армии, командующий армией генерал А. А. Власов, оказавшись в сложном положении, боевыми действиями практически не руководил, пьянствовал. При прорыве из окружения в ночь с 24 на 25 июня 1942 г. начальник особого отдела НКВД 2-й ударной армии А. Г. Шашков был ранен и, не желая обременять других, застрелился. Заместитель начальника особого отдела армии старший лейтенант госбезопасности Ф. М. Горбов, а с ним и часть военных контрразведчиков вышли из окружения 25 июня 1942 г.

Весь конец июня и июль 1942 г. военное командование, чекисты и партизаны пытались разыскать генерала Власова. 16 июля последовало радиосообщение немцев о пленении командующего 2-й ударной армией, тем не менее еще длительное время предпринимались попытки установить судьбу Власова и переправить его через линию фронта. В период с 16 по 20 июля 1942 г. начальник Управления особых отделов НВД СССР В. С. Абакумов лично контролировал проверку данных о командующем. В этих целях были задействованы возможности Управления особых отделов НКВД Волховского фронта и Ленинградского штаба партизанского движения.

Однако, как оказалось позднее, немцы действительно пленили Власова. Находясь в плену, он пошел на сотрудничество с фашистами. Его авторитет как бывшего командующего армией немцы пытались использовать в интересах создания РОА и национальных легионов. Советские спецслужбы в последующем проводили мероприятия по проникновению в окружение Власова, в том числе с целью его уничтожения (операция «Ворон» и другие), однако решить эту задачу не удалось. Весной 1945 г. Власов был задержан в Чехословакии и позднее по приговору Военной коллегии Верховного суда СССР казнен[89].

Отступление советских войск весной — летом 1942 г. сопровождалось усилением такого опасного явления, как дезертирство. Отставшие от своих частей или преднамеренно покинувшие расположение подразделения солдаты во многих случаях начинали добывать себе питание и одежду путем грабежей гражданского населения. Только особыми отделами Донского фронта в течение 1942 г. было выявлено и ликвидировано восемь бандгрупп и бандитов-одиночек, всего 39 человек. Сходное положение было характерно и для других фронтов. К примеру, в конце апреля 1942 г. были получены данные о том, что на территории Уразовского района Курской области оперирует группа из пяти человек, одетых в форму пограничников и выдающих себя за представителей заградительных подразделений по борьбе с дезертирством и изъятию военного имущества у местного населения. Принятыми военными контрразведчиками мерами 5 мая были задержаны три участника названной группы: А. Н. Гусев, В. Ф. Вакуленко, Ф. Д. Посахов. В процессе следствия выяснилось, что бандиты изъяли оружие у отставших красноармейцев, а обмундирование — у населения. Бандгруппа действовала с осени 1941 г. и совершила несколько убийств местных жителей.

Поражение советских войск под Харьковом оказало огромное влияние на все последующее развитие событий на советско-германском фронте летом и осенью 1942 г. Стратегическая инициатива на длительный период перешла к противнику.

Советское командование первоначально располагало довольно значительными силами для отражения наступления немецких войск. Однако, по оценкам органов военной контрразведки, которые опирались на мнение военных специалистов, командование не всегда использовало их эффективно. К числу типичных недостатков, которые фигурировали в сообщениях органов военной контрразведки, относились:

— слабое знание командными кадрами обстановки, дислокации и планов противника вследствие недостаточного проведения разведки;

— слабый учет при отдаче приказов вышестоящими штабами временного фактора, в результате чего части и отдельные подразделения не имели возможности подготовиться к наступлению или занять оборону;

— при организации наступления командование часто не имело представления о реальных силах противника, соответствующая разведка неприятельских позиций, узлов обороны не проводилась, что влекло за собой в дальнейшем необоснованные потери; не организовывалось должным образом взаимодействие между танковыми, артиллерийскими, пехотными и авиационными частями;

— практиковалось запугивание подчиненных при отдаче приказа вышестоящим командованием угрозами привлечения их к строгой ответственности в случае невыполнения задачи, вплоть до расстрела, снятия с должности и т. п.;

— частая переброска частей, особенно танковых, с одного рубежа на другой, что изматывало личный состав и расходовало материальный ресурс.

Так, согласно информации, направленной из особого отдела НКВД Сталинградского фронта в УОО НКВД СССР 18 июля 1942 г., 23-й танковый корпус за 10 дней совершил марш в общей сложности до 300 км. За этот период бригады корпуса несколько раз занимали и оставляли оборону, фактически не участвуя в боях. В результате непродуманных действий и неразберихи за непродолжительное время части корпуса израсходовали моторесурсы на 35–40%. Танковые подразделения шли в рейд или в атаку часто без пехоты, артиллерии, не имея достаточных запасов ГСМ и боеприпасов. Как следствие, нередкими были случаи, когда материальная часть танковых подразделений, артиллерии выводилась из строя своим личным составом из-за отсутствия горючего, запчастей либо возможности переправить технику через водное препятствие[90].

По мере отступления в частях и соединениях Красной армии резко снизились дисциплина и моральный дух солдат и офицеров. Как констатировали органы военной контрразведки, в июне 1942 г. несколько участились случаи хранения и распространения военнослужащими частей фронтов фашистских листовок с пропусками на сторону противника. Особыми отделами Южного, Юго-Западного, Брянского, Северо-Западного, Ленинградского и Карельского фронтов за распространение и хранение листовок за этот месяц были арестованы 34 военнослужащих[91].

Наступление немецко-фашистских войск на кавказском и сталинградском направлениях сопровождалось повышенной активностью спецслужб противника по заброске агентуры непосредственно в войска и прифронтовую полосу. Особый отдел НКВД Юго-Западного фронта принял самое активное участие в организации отпора наступающим соединениям противника. В составе фронта находилось на тот период времени пять общевойсковых армий и одна воздушная, однако они были обескровлены, и каждая из них по численности фактически представляла собой не более одной дивизии. В воздушной армии катастрофически не хватало самолетов и летного состава. Снабжение войск боеприпасами, горючим и продовольствием было дезорганизовано.

В этих условиях руководство особого отдела фронта добилось разрешения НКВД СССР на ввод в бой 13-й конвойной дивизии войск НКВД, располагавшейся в районе Валуек. 11 июля 1942 г. особый отдел фронта в донесении в Управление особых отделов НКВД СССР просил

доложить Ставке, что без немедленного пополнения Юго-Западного фронта крупными свежими силами он не сможет оказать серьезного сопротивления врагу.

12 июля 1942 г. в соответствии с решением Ставки был сформирован новый Сталинградский фронт. 17 июля 1942 г. перешла в наступление немецкая группа армий «Б»: 6-я полевая армия генерала Ф. Паулюса и 14-й танковый корпус были нацелены на Сталинград.

Продолжавшееся отступление советских войск, выход противника в район р. Волги вынудили руководство страны и вооруженных сил пойти на крайние меры. 28 июля 1942 г. нарком обороны СССР издал известный приказ № 227 об укреплении порядка и дисциплины в войсках, который был доведен до всего личного состава Красной армии и Военно-морского флота. Приказ требовал прекратить отступление, упорно, до последней капли крови защищать каждую позицию, каждый метр советской территории. В целях укрепления дисциплины предусматривалось сформировать в пределах фронта от одного до трех штрафных батальонов (по 800 человек), куда направлять средних и старших командиров и политработников, проявивших трусость или неустойчивость. В пределах армии формировалось 3—5 заградительных отрядов (до 200 человек в каждом) для пресечения случаев паники, несанкционированного отхода войск и 5—10 штрафных рот (от 150 до 200 человек в каждой), куда направлялись допустившие нарушения дисциплины бойцы и младшие командиры.

На всех фронтах, за исключением Сталинградского, за формирование заградотрядов отвечали военные советы фронтов, которым они и были непосредственно подчинены. На Сталинградском фронте военные советы формировали заградотряды совместно с особыми отделами, поэтому последние имели двойное подчинение. Проблемой создания заградительных отрядов на Сталинградском фронте занимался и лично руководитель Управления особых отделов НКВД СССР В. С. Абакумов. Он прибыл в Сталинград ориентировочно 3 августа 1942 г. с большой группой руководящих работников. После беседы с командующим фронтом и членом Военного совета В. С. Абакумов сформировал три оперативные группы, которые выехали в армии, чтобы выяснить обстановку на местах и проверить работу по созданию заградительных отрядов. Побывав 6 августа 1942 г. с группой работников в 62-й и 64-й армиях, В. С. Абакумов установил, что формирование заградотрядов не закончено, и в кратчайшие сроки добился выполнения решения Ставки. На 9 августа 1942 г. были созданы и действовали: в 63-й армии — 4, в 21-й армии — 4, в 62-й армии — 3, в 64-й армии — 5, в 51-й армии — 2, в 1-й танковой армии — 3, в 4-й танковой армии — 3 заградотряда[92].

В период нахождения В. С. Абакумова в войсках противник 7 августа 1942 г. прорвал оборону и вышел на правый берег р. Дон в районе Калач — Камыши — Пятиизбянская. Ряд соединений 62-й армии оказался отрезан противником, который предпринимал меры к окружению всей армии и овладению переправами в районе Калача, подвергая боевые порядки наших войск беспрерывной массированной бомбардировке с воздуха.

Днем 8 августа остатки личного состава 131-й стрелковой дивизии и других частей, непосредственно защищавших подступы к мосту и переправам, начали беспорядочно переправляться на левый берег Дона, в большинстве раздетые и без оружия. Раненым на берегу Дона у переправ медпомощь не оказывалась. Чтобы исправить положение в особый отдел был вызван начальник санотдела 62-й армии, которого заставили принять меры к эвакуации раненых и оказанию им помощи. В целях задержания дезертиров и лиц, в беспорядке отходящих с правого берега Дона, особым отделом армии были созданы три заградотряда и 10 заградительных групп, на которые была возложена задача оказывать помощь командованию в наведении порядка, направлять неорганизованно выходящих военнослужащих в распоряжение командования армии, а дезертиров, бросивших оружие и обмундирование, в необходимых случаях расстреливать на месте перед строем.

О сложившейся обстановке, недостатках в управлении войсками, действиях органов военной контрразведки фронта В. С. Абакумов в течение 8—10 августа докладывал шифротелеграммами наркому внутренних дел СССР Л. П. Берии. Несмотря на трагичность сложившейся обстановки, превосходство противника в авиации и танках, части и соединения Красной армии, как следует из докладов, стремились до последнего удерживать свои пози-

ции и не отступать без приказа. Так, в шифровке на имя Л. П. Берии со Сталинградского фронта от 9 августа 1942 г. начальник Управления особых отделов НКВД СССР отмечал, что «случаев паники и беспорядочного отхода частей в 63, 21, 64, 51-й и двух танковых армиях, вызывающих необходимость применения действий отрядов, не было. Заградотрядами за период с 6 по 8 августа задержано одиночек и мелких групп — 721 человек, из которых расстреляно — 27, арестовано — 23, направлено в штрафные роты — 275, остальные направлены на пересыльные пункты»[93].

Перед возвращением в Москву В. С. Абакумов потребовал от подчиненных, чтобы информация о положении на Сталинградском фронте поступала в Управление особых отделов НКВД СССР ежедневно, при этом она должна была содержать исключительно правдивые и объективные сведения. Необходимо отметить, что руководство Управления выдвигало подобное требование и к руководству особых отделов других фронтов.

Согласно директиве НКВД СССР от 4 июля 1942 г. № 264, органы военной контрразведки обязаны были докладывать в Управление особых отделов НКВД СССР тщательно проверенную информацию по вопросам: «предупреждения провала боевых операций, подготовки предательства, дезертирства, террористических намерений, самострела, трусости, паникерства, преступной деятельности лиц командно-начальствующего состава, подрывающих боеспособность частей Красной армии и кораблей ВМФ, о серьезных недочетах в состоянии частей КА и ВМФ с указанием мероприятий, принятых особым отделом на месте», об антисоветской деятельности «вражеских элементов», о количестве арестованных шпионов, диверсантов, террористов, дезертиров и по некоторым другим вопросам. Особо важные донесения должны были направляться по телеграфу. НКВД СССР обязывало особые отделы реализовывать свои материалы через командование и принимать конкретные меры по устранению выявленных недостатков.

По данным особых отделов НКВД, подавляющее большинство солдат и офицеров восприняли приказ № 227 как крайне необходимый и своевременный. Более того, многие военнослужащие отмечали, что он был необходим еще месяц-два назад. Были и другого рода высказывания, однако процент их относительно невелик. Например, в частях и соединениях 4-й танковой армии по состоянию на 14 августа 1942 г. особыми отделами было выявлено всего около 20 отрицательных мнений и высказываний[94].

В соответствии с приказом НКО № 227 в частях действующей армии по состоянию на 15 октября 1942 г. было сформировано 193 заградительных отряда, из них в частях Сталинградского фронта — 16 и Донского фронта — 23, они были подчинены особым отделам НКВД армий. Заградительными отрядами с начала их формирования (с 1 августа по 15 октября 1942 г.) были задержаны 140 755 военнослужащих, оставивших без приказа передовую линию фронта. Из числа задержанных были арестованы 3980 человек, расстреляны — 1189, направлены в штрафные роты — 2776, в штрафные батальоны — 185, возвращены в свои части и на пересыльные пункты — 131 094 человека.

Наибольшее число задержаний и арестов было произведено заградительными отрядами Донского и Сталинградского фронтов. В частности, по Донскому фронту были задержаны 36 109 человек, из них арестованы — 736, расстреляны — 433, направлены в штрафные роты — 1056, в штрафные батальоны — 33, возвращены в свои части и на пересыльные пункты — 32 933 человека. На Сталинградском фронте задержаны 15 649 человек, из них арестованы — 244, расстреляны — 278, направлены в штрафные роты — 218, в штрафные батальоны — 42, возвращены в свои части и на пересыльные пункты — 14 833 человека[95].

Применение заградительных отрядов в исключительно сложных условиях 1942 г. во многих случаях было суровой необходимостью. Например, 14 сентября 1942 г. противник предпринял наступление против оборонявших Сталинград частей 399-й стрелковой дивизии 62-й армии. Бойцы и командиры 396-го и 472-го стрелковых полков в панике стали отходить, оставляя занимаемые рубежи. Начальник заградотряда младший лейтенант госбезопасности Ельман приказал своему отряду открыть огонь над головами отступающих. В результате личный состав этих полков был остановлен, и через два часа полки заняли прежние рубежи обороны[96].

Проверка документов

Заградительные отряды формировались и особыми отделами НКВД флотов, принимавших участие в боевых действиях. Так, заставы заградительного отряда особого отдела НКВД Балтийского флота в 1941–1942 гг. задержали около 6 тыс. человек, из этого числа арестованы и осуждены — 167, расстреляны без суда — 11, переданы органам прокуратуры — около 800, а часть задержанных освобождена из-за отсутствия состава преступления[97].

В целом заградительные отряды, и особенно на Сталинградском и Донском фронтах, в период ожесточенных боев с противником сыграли свою положительную роль в деле наведения порядка в частях и предупреждения неорганизованного отхода с занимаемых ими рубежей, возвращения значительного числа военнослужащих на передовую линию фронта.

В критические моменты, когда требовалась поддержка обороняющимся войскам, заградительные отряды вступали непосредственно в бой с противником и сдерживали его натиск. Так, 15–16 сентября 1942 г. заградотряд 62-й армии в течение двух суток успешно вел бой с превосходящими силами противника в районе железнодорожного вокзала Сталинграда. Несмотря на свою малочисленность, отряд не только оборонялся, но и переходил в контратаки, и свой рубеж оставил только после смены частями стрелковой дивизии.

На некоторых фронтах отмечались факты, когда командиры соединений использовали находящиеся у них в оперативном подчинении заградительные отряды в качестве обычного боевого подразделения. Так произошло, например, с заградительным отрядом 29-й армии Западного фронта. Участвуя в одной из атак, отряд из 118 человек личного состава потерял

убитыми и ранеными 109 человек, после чего его пришлось переформировывать. Неоднократно использовались для ведения боевых действий заградительные отряды на Воронежском, Донском фронтах. Руководство УОО НКВД СССР полагало в тот период, что подобное нецелевое использование заградительных отрядов являлось неправильным[98].

Необходимо также отметить, что после выхода приказа № 227 отдельные командиры воинских частей и соединений проявляли самоуправство и злоупотребляли теми широкими правами, которые были им предоставлены. Отмечались случаи необоснованных расстрелов, угроз расстрелом и т. п. В подобных случаях особые отделы НКВД через вышестоящее командование и военных прокуроров принимали необходимые меры по нормализации обстановки и привлечению виновных к ответственности.

Роль и место органов военной контрразведки в развернувшемся летом 1942 г. под Сталинградом ожесточенном сражении далеко выходили за рамки работы обычной спецслужбы. В критический момент войны, когда на сталинградском направлении решалась фактически судьба всей страны, на первый план в работе особых отделов выдвинулась задача стабилизации обстановки на линии фронта, поддержания воинской дисциплины, а также оперативного информирования Верховного главнокомандования и командований фронтов о реально складывающейся обстановке, причинах неудач наших войск. Особые отделы НКВД стали действующими субъектами развернувшейся битвы, оказавшими реальное влияние на ход боевых действий.

Руководителем особого отдела НКВД Сталинградского фронта в этот период являлся старший майор госбезопасности Н. Н. Селивановский. Человек решительный, храбрый, не боявшийся брать ответственность на себя, он оказался на уровне тех исключительно трудных задач, которые стояли перед военными контрразведчиками фронта в критический период Великой Отечественной войны.

В начале августа 1942 г. последовало решение Ставки о разделении Сталинградского фронта на два: Сталинградский и Юго-Восточный. При этом возникли определенные трудности в разделении особого отдела фронта. В качестве компромиссного было принято решение сформировать особый отдел НКВД Юго-Восточного фронта на базе особого отдела расформировываемой 1-й танковой армии. Такое решение способствовало сохранению в целостности уже сработавшегося коллектива, знакомого с обстановкой в полосе действий вновь создаваемого фронта. Между тем 9 августа 1942 г. Ставкой было принято решение создать единое командование двумя фронтами, защищавшими Сталинград. Вслед за этим последовало указание Н. Н. Селивановскому возглавить работу особых отделов обоих фронтов.

Обстановка продолжала ухудшаться. 23 августа 1942 г. немецкие войска прорвали фронт и вышли на подступы к Сталинградскому тракторному заводу. Город горел, началась паника среди жителей и на некоторых участках обороны. Бежавшие из городской тюрьмы уголовники занимались мародерством, грабили магазины и квартиры. Оперативные группы особого отдела фронта на переправах в этот день задержали около тысячи военнослужащих, без приказа покинувших свои позиции. Все они были в основном из правофланговых соединений 62-й армии, по которым противником был нанесен особенно сильный удар. Два действовавших на этом участке заградотряда вступили в бой с противником и почти полностью погибли.

В этих условиях в ночь с 23 на 24 августа начальник ОО НКВД Сталинградского фронта Н. Н. Селивановский собрал находившихся в городе руководящих работников особых отделов Сталинградского и Юго-Восточного фронтов. На совещании было принято решение сосредоточить силы на выполнении приказа № 227, борьбе с дезертирством и членовредительством, поддержании порядка в городе, особенно на переправах. Решение этих задач возложили на одно из отделений особого отдела, численность которого довели до 60 человек. Это отделение действовало в тесном контакте с областным управлением НКВД, милицией, военной комендатурой города и подразделениями войск НКВД по охране тыла. Начальник тыла фронта возглавил штаб, сформированный из представителей военной контрразведки, территориального органа НКВД, милиции, военной комендатуры. Штаб, в свою очередь,

взял под свой контроль плавсредства, создал оперативные группы для несения службы на переправах, патрулирования в городе и проведения других мероприятий.

Общее руководство особыми отделами двух фронтов, оборонявшихся в районе Сталинграда, стала осуществлять оперативная группа во главе с начальником особого отдела Сталинградского фронта.

В августе — сентябре 1942 г. НКВД СССР и, в частности, Управление особых отделов практически ежедневно направляли донесения в ГКО и ГШ РККА о положении на Сталинградском и Юго-Западном фронтах, в которых анализировалась сложившаяся на фронте ситуация, указывалось на имеющиеся недостатки в боевой деятельности войск, а также вносились предложения по стабилизации обстановки. Они в определенной мере дублировали донесения по линии командования, но позволяли руководству страны и вооруженных сил более объективно оценивать положение под Сталинградом, принимать верные решения.

Деятельность органов военной контрразведки не ограничивалась только информационной работой. С учетом исключительно сложной обстановки на фронтах руководители особых отделов, используя все имевшиеся в их распоряжении возможности, пытались в ряде случаев добиться принятия военным командованием тех или иных конкретных управленческих решений. К примеру, 5 сентября 1942 г., побывав на КП 62-й армии, начальник особого отдела фронта Н. Н. Селивановский убедился в том, что в штабе армии царили неуверенность и подавленность. Командование считало, что армия не в силах удержать Сталинград и вести бои в городе нецелесообразно.

Вечером того же дня Н. Н. Селивановский вместе с начальником УНКВД по Сталинградской области А. И. Ворониным переправились на левый берег Волги и прибыли на КП фронта. На встрече с членами Военного совета фронта Н. Н. Селивановский настаивал на том, чтобы вместо генерала А. И. Лопатина новым командующим 62-й армией был назначен генерал В. И. Чуйков, который уже показал себя к этому времени с положительной стороны в оборонительных боях. 7 сентября 1942 г. особый отдел НКВД фронта направил в Управление особых отделов НКВД СССР телеграмму о критической обстановке в городе. В ней же высказывалась просьба ходатайствовать перед Верховным главнокомандующим о немедленном назначении командующим 62-й армией генерала Чуйкова. Через несколько дней такое назначение состоялось.

Огромные потери, которые несли части Красной армии в ходе Сталинградской битвы, приводили к морально-психологическому надлому отдельных военнослужащих. Как, например, следует из сообщения особого отдела НКВД Юго-Западного фронта, по состоянию на 22 сентября 1942 г. после многодневных упорных боев в 13-й гвардейской стрелковой дивизии оставалось 500 активных штыков, в 10-й дивизии войск НКВД — 60 активных штыков, в 42-й стрелковой бригаде — 20 активных штыков. Аналогичное положение было характерно и для других соединений. Вся 62-я армия насчитывала на этот момент около 5 тыс. человек.

Некоторые солдаты и офицеры считали происходящее чьим-то злым умыслом. В беседах высказывалось недоверие собственному командованию, которое «не умеет командовать» и только «гробит» армию. В некоторых случаях даже велись разговоры о прямом предательстве со стороны командования армий и фронта. Такие суждения являлись следствием трагического положения дел на фронте, однако в условиях ожесточенного сражения с врагом это было чревато возникновением паники, беспорядочным отступлением. По этой причине летом — осенью 1942 г. особые отделы в ряде случаев привлекали отдельных военнослужащих к уголовной ответственности «за пораженческие настроения и распространение панических слухов».

Тяжелое положение, сложившееся под Сталинградом в августе — октябре 1942 г., находило отражение и в почтовой корреспонденции, отправляемой в тыл. Во многих письмах бойцов и командиров присутствовали высказывания о плохой организации боя, недостатке боеприпасов и вооружения, слабой активности нашей авиации и недовольство комсоставом. В то же время, как свидетельствуют материалы отделений военной цензуры, даже в самые напряженные и трагические дни битвы на Волге общий настрой военнослужащих фронта был

здоровым, патриотическим. К примеру, отделением военной цензуры 62-й армии в период с 15 июля по 1 августа 1942 г. было просмотрено 67 380 писем. Большинство их носили сугубо бытовой характер. Писем, выделявшихся своим патриотическим настроем, было отобрано 1333, отрицательным — 125. Изъято военной цензурой по различного рода основаниям было всего 93 письма, что составило 0,1% к общему числу[99].

В работе самих органов военной цензуры в этот период имелись определенные проблемы. 12 сентября 1942 г. НКВД СССР издал специальную директиву № 386, в которой речь шла об устранении имевшихся в этой сфере недостатков. Отмечалось, в частности, что в ряде отделений военной цензуры наблюдалась погоня за количественными показателями, имели место факты потери пересылаемых документов, фотокарточек и писем, цензоры из-за небрежности забивали штампами или срезали адреса, номера полевой почты и т. п. Ряд работников отделений военной цензуры не имел соответствующей квалификации. Директива обязала начальников областных управлений НКВД и начальников особых отделов в войсках обратить пристальное внимание на работу военной цензуры, устранить имеющиеся недостатки и впредь держать работу отделений под постоянным контролем[100].

Напряженно работали особые отделы НКВД Сталинградского и Донского фронтов в сентябре — октябре 1942 г., когда враг оказался непосредственно в Сталинграде и бои шли уже на улицах города. Донесения о складывающейся обстановке особых отделов НКВД фронтов передавались немедленно, чаще всего по каналам ВЧ-связи в адрес наркома Л. П. Берии или его заместителя начальника УОО НКВД СССР В. С. Абакумова. Счет шел на часы. Так, например, в донесении по ВЧ-связи от 16 сентября 1942 г. на имя Л. П. Берии и В. С. Абакумова начальник особого отдела фронта Н. Н. Селивановский докладывал, что 13-я гвардейская стрелковая дивизия генерал-майора А. И. Родимцева за день боев 15 сентября израсходовала все боеприпасы к автоматическому оружию и по состоянию на полночь 16 сентября боеприпасов не получила. Командир дивизии для перевозки раненых на другой берег Волги никаких средств не имел.

В этой связи особым отделом через командующего фронтом был поставлен вопрос о немедленной доставке для дивизии 500 тыс. патронов к автоматам, 10 тыс. патронов для ПТР, 10 пушек со снарядами, выделении одного-двух речных судов (типа прогулочных трамваев) для перевозки раненых и переправы 1500 бойцов, оставшихся на левом берегу в ночь на 15 сентября[101]. Эта информация, видимо, исходила лично от Н. Н. Селивановского, который в ночь на 16 сентября 1942 г. выезжал в Сталинград, где разбирался с обстановкой, принял меры к организации охраны КП 13-й гвардейской стрелковой дивизии и пункта связи командующего 62-й армии, располагавшихся на берегу Волги в 100–150 м от противника.

21 сентября 1942 г. Н. Н. Селивановский вновь находился в Сталинграде в районе завода «Красный Октябрь». В этот же день особый отдел НКВД фронта докладывал в УОО НКВД СССР об обстановке: «Сегодня противник вел особенно интенсивный огонь из артиллерии и подвергал бомбардировке с воздуха центр города и место причалов переправ. Сгорели две центральные пристани. Есть много жертв. У пристани на правом берегу Волги продолжает иметь место неорганизованность. Переправляемые боеприпасы своевременно... не принимаются, в связи с чем сгружаются на берег и днем зачастую подрываются огнем противника. Раненые до вечера не вывозятся. Тяжело раненые не получают помощи — умирают. Их трупы не убираются, по ним ездят на машинах. Врачей нет. Помощь раненым оказывают местные женщины. По всем этим вопросам проинформирован начальник штаба фронта тов. Захаров. Последний дал указание о направлении медперсонала в Сталинград, приказал убрать трупы»[102].

Значительный поток информационных материалов о положении в Сталинграде шел в центр и по линии управления НКВД по Сталинградской области. Как правило, информация касалась положения на линии фронта, результатов оперативной деятельности сотрудников управления. Материалы направлялись в адрес наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии, либо его заместителя — начальника Управления особых отделов В. С. Абакумова. Например, 5 октября 1942 г. начальник УНКВД по Сталинградской области старший майор гос-

безопасности А. И. Воронин направил в адрес Л. П. Берии телефонограмму об ухудшении оперативной обстановки в Сталинграде. Согласно сообщению, в ходе наступления противник занял часть районов города, в том числе верхний поселок завода «Баррикады». Линия обороны на тот момент проходила по территории заводов «Красный октябрь», «Баррикады», центральной части поселка СТЗ и по р. Мокрая Мечётка. УНКВД на 4 октября 1942 г. были арестованы четыре агента немецкой разведки, задержаны 35 лиц, которые подозревались в шпионаже и дезертирстве[103].

Свою роль в поддержании дисциплины в обороняющихся войсках в самые напряженные моменты обороны Сталинграда сыграли и заградительные отряды. Только заградительным отрядом особого отдела 62-й армии с 13 по 15 сентября 1942 г. были задержаны 1218 человек военнослужащих, из которых расстреляны — 21, арестованы — 10, а остальные направлены в свои части. Как выяснилось в процессе опроса, большинство задержанных относились к одному из полков 399-й стрелковой дивизии, который был брошен на поле боя командиром и комиссаром полка. За проявленную трусость и бегство с поля боя позднее они были расстреляны перед строем[104].

При выполнении боевых задач оперативный состав органов военной контрразведки, как правило, действовал смело и решительно, проявлял высокое чувство долга и ответственности. В случае выхода командиров и комиссаров из строя военные контрразведчики решительными мерами пресекали панику и отступление, брали командование на себя, личным примером увлекали бойцов в атаку, что способствовало успешному решению поставленных перед частями и подразделениями задач.

Так, согласно сообщению начальника особого отдела 84-й танковой бригады в особый отдел 62-й армии от 31 октября 1942 г., оперуполномоченный по 201-му танковому батальону младший политрук А. Я. Расторгуев 14 октября 1942 г., когда противник прорвал передний край обороны в районе тракторного завода, уничтожил немецкий танк бутылкой с горючей жидкостью. В тот же день другой оперуполномоченный особого отдела бригады лейтенант госбезопасности А. В. Данилюк в момент атаки немцев остановил беспорядочно отходивших бойцов и добился того, чтобы они вновь заняли оборону.

18 октября 1942 г. совершил подвиг оперуполномоченный особого отдела НКВД 308-й стрелковой дивизии 1-й гвардейской армии И. А. Ткаченко. В ходе боя он из автомата и гранатами уничтожил нескольких гитлеровцев. Позднее, когда путь наступающим подразделениям преградил огонь дзота противника, он во главе группы бойцов подполз к огневой точке и забросал ее гранатами. В ходе боя Ткаченко был смертельно ранен. За проявленное мужество и героизм он был представлен к награждению орденом Ленина посмертно[105].

При этом часто подвиги военных контрразведчиков оставались незамеченными и неоцененными в должной степени. Как правило, чекистов награждали за подвиги на поле боя, а не за оперативные результаты. Неслучайно в основном инициаторами поощрения были представители военного командования.

Необходимо отметить, что помимо решения собственно контрразведывательных задач сотрудникам особых отделов приходилось выполнять многочисленные поручения Военного совета фронта. Сотрудники особых отделов разыскивали или встречали остатки войск, отходивших к Сталинграду, задерживали отдельные зенитные и артиллерийские подразделения и обязывали их командование занимать оборону на подступах к городу для борьбы с танками противника, принимали меры по сбору раненых в развалинах города и их эвакуации, доставке с левого берега на передовую боеприпасов, поддерживали порядок на переправах и даже ходили в разведку на глубину до 30 км в тыл врага.

Так, в начале сентября 1942 г. по просьбе Военного совета фронта сотрудниками особых отделов была организована доставка в Сталинград более 100 вагонов боеприпасов. Тыловые службы не справлялись с этой задачей. Восемь оперработников особого отдела в течение нескольких часов 1 сентября 1942 г. смогли мобилизовать на левом берегу Волги около 300 грузовых автомашин, принадлежащих выведенным на переформирование воинским частям и различным гражданским организациям. Автомашины были направлены на аэро-

дроме, разбиты на шесть автоколонн, которые и перевезли к Волге 103 вагона боеприпасов. Далее они переправлялись в Сталинград на различных плавсредствах.

Новые сложные задачи встали перед военными контрразведчиками при подготовке наступательной операции Красной армии с целью окружения и разгрома немецко-фашистской группировки под Сталинградом. Подразделения органов военной контрразведки, обеспечивавшие безопасность Ставки ВГК, Генерального штаба, штабов фронтов, приняли все меры к тому, чтобы в период разработки замысла операции и доведения его до исполнителей противнику не стало известно о планах советского командования. От работы в штабах отстранялись лица, не внушавшие доверия, проводились проверки соблюдения режима секретности, требований по скрытному управлению войсками и т. д.

Принятые совместно с командованием меры в целом позволили решить задачу, хотя, безусловно, полностью скрыть факт сосредоточения значительного количества свежих частей и соединений на направлении главных ударов было невозможно. По показаниям фельдмаршала Ф. Паулюса, примерно с середины октября 1942 г. по результатам наблюдений на земле и с воздуха противник сделал вывод о подготовке советских войск к наступлению и сосредоточении крупных сил как северо-восточнее, так и южнее Сталинграда. Об этом шли донесения в штаб армейской группировки «Б». Оттуда соответствующие предложения направлялись в ставку верховного командования, но последнее не верило в опасность наступления Красной армии[106].

В первых числах ноября 1942 г. на Сталинградском фронте состоялось совещание под руководством заместителя Верховного главнокомандующего Г. К. Жукова и начальника Генерального штаба А. М. Василевского, на котором был рассмотрен план контрнаступления советских войск под Сталинградом. Особому отделу фронта было поручено, в первую очередь, оказать помощь командованию в вопросах перемещения войск, подвоза боеприпасов и других военных грузов и переправы их на правый берег Волги на Сталинградский фронт.

Особый отдел фронта взял под контроль все фронтовые и армейские переправы через реку. На каждой из переправ несли круглосуточное дежурство два-три оперативных работника из аппаратов особых отделов фронта и армий. В их обязанности входило поддержание порядка на переправах и режима их работы, что означало переброску войск и грузов строго по графику, принятие мер к своевременному укрытию и маскировке переброшенных на правый берег Волги сил. Старший оперативный работник на каждой переправе имел мандат Военного совета фронта, согласно которому его распоряжения предписывалось выполнять безоговорочно всем командирам и начальникам, оказавшимся в районе переправы.

Переправа осуществлялась в основном ночью в темноте и требовала особой организованности. Только с 1 по 20 ноября 1942 г. южнее Сталинграда было перевезено на правый берег Волги более 160 тыс. бойцов и командиров, более 10 тыс. лошадей, 430 танков, 600 орудий, 14 тыс. автомашин и несколько десятков тысяч тонн боеприпасов и горючего. В успешном решении этой сложной задачи немалая доля труда и оперативного состава особых отделов.

Накануне наступления руководство особых отделов НКВД Сталинградского и Донского фронтов заблаговременно поставило задачи перед подчиненными органами. Оперативный состав особых отделов на период подготовки и проведения наступления в первую очередь должен был исключить случаи измены Родине и перехода советских военнослужащих на сторону противника, обеспечить эффективную борьбу с дезертирством и симуляцией, предотвращать попытки совершения террористических актов в отношении командного состава, поднимающего бойцов в атаку, не допускать мародерства на освобождаемой территории.

В период наступления подразделения военной контрразведки фронтов должны были обеспечить захват кадровых разведчиков и агентуры противника, документации вражеских разведывательных, контрразведывательных и карательных органов, задержание изменников Родины, карателей, пособников оккупантов, бывших военнослужащих Красной армии, осевших на жительство в освобождаемых населенных пунктах. Во избежание разглашения сведений о предстоящем наступлении руководством особых отделов фронтов было принято решение временно прекратить заброску своей агентуры в неприятельский тыл.

Оценивая работу органов военной контрразведки по оказанию помощи командованию в поддержании боеспособности частей и соединений действующей армии в начальный период войны, следует признать, что она во многом способствовала стабилизации положения на линии фронта и в прифронтовой полосе. Благодаря решительным действиям военного командования и сотрудников особых отделов НКВД была организована эффективная борьба с проявлениями паники, неорганизованности, дезертирством, переходом на сторону врага и членовредительством. Своей работой на данном направлении органы военной контрразведки способствовали постепенному наступлению перелома в действиях на фронтах в пользу советских войск в самый драматичный и сложный период Великой Отечественной войны.

Информирование высшего политического руководства страны, военного командования и политических органов

С началом Великой Отечественной войны работа по информированию руководства страны и военного командования осуществлялась особыми отделами НКВД на всех уровнях. Высшему политическому и военному руководству страны постоянно направлялись материалы о результатах деятельности органов военной контрразведки, реальном положении на фронтах, крупных недостатках и проблемах, проявившихся в ходе боевых действий частей и подразделений Красной армии и ВМФ и т. п. Информация органов военной контрразведки такого рода поступала в ГКО, Ставку ВГК, членам советского правительства и Политбюро ЦК ВКП(б). Кроме того, особые отделы НКВД регулярно информировали военные советы фронтов и армий о выявленных устремлениях разведывательных органов противника и результатах своей деятельности, об имеющихся недостатках, влияющих на боеспособность частей и соединений, о политико-моральном состоянии личного состава, фактах дезертирства, измены Родине и т. п.

Уже в первые дни войны при начальнике 3-го управления НКО СССР майоре госбезопасности А. Н. Михееве была создана специальная группа информации. В состав группы входили всего три оперативных сотрудника и три машинистки-стенографистки. Каждый из оперативных сотрудников курировал один из театров военных действий. По воспоминаниям сотрудника группы М. А. Белоусова, ее задачей было получение информации с фронтов по линии особых отделов и предоставление ее после обработки И. В. Сталину, некоторым другим членам Политбюро, наркому обороны, начальнику Генерального штаба и начальнику Главного политического управления Красной армии. Необходимость создания группы отчасти обуславливалась тем, что штабы фронтов не всегда справлялись с предоставлением информации в Генеральный штаб и наркому обороны СССР. К тому же поступавшая от них информация нередко была необъективной.

Руководители государства и органов безопасности придавали этому направлению работы исключительное значение. В первые месяцы войны информация особых отделов НКВД большей частью касалась неудачных действий частей и соединений Красной армии, причем во многих случаях речь шла не о простой констатации фактов. В документах назывались причины происходящих событий, а также содержались конкретные предложения военных контрразведчиков по исправлению положения. Не со всеми приводимыми положениями можно согласиться, тем не менее они дают оригинальное видение и объяснение многих трагических фактов начального периода войны. Так, органы военной контрразведки сообщали, что:

— большинство стрелковых дивизий не успело занять назначенные им полосы обороны вдоль государственной границы и вступило в сражение в основном с марша, при ограниченном количестве боеприпасов и горючего, поэтому противник сравнительно быстро прорвал их оборону и начал развивать наступление в глубину;

— частая потеря управления не позволяла сосредоточить усилия обороняющихся на угрожаемых направлениях, приказы и распоряжения доходили до войск с большим опозданием и не соответствовали складывающейся обстановке, служба тыла была дезорганизована, при проведении контрударов механизированные соединения вводились в сражение по частям без четкой организации взаимодействии и надежного прикрытия с воздуха;

— взаимодействие частей организовано плохо, отсутствует централизованное управление из-за проблем со связью, наблюдается массовый отрыв отдельных групп бойцов от своих подразделений и самостоятельное оставление ими позиций, уход в тыл.

Многие сводки касались конкретных операций и событий. К примеру, освещая развитие обстановки на северо-западном направлении, органы военной контрразведки сообщали, что 28-я танковая дивизия полковника И. Д. Черняховского, которая должна была участвовать в контрударе, к 10 часам только вышла в исходный район. После 50-километрового марша танки остались без горючего. Армейский автотранспорт сумел доставить всего 16 бочек горючего, в то время как для заправки всех танков дивизии требовалось не менее 60—70 тонн. Дивизионные склады располагались в районах Риги, в 190 км от исходного района. На северо-западном направлении части 8, 12 и 27-й армий отступали неорганизованно и в беспорядке, бросая оружие и боеприпасы. Поэтому, прибыв на новые рубежи обороны, были не в состоянии организовать сопротивление противнику[107].

Военная контрразведка сообщала также о катастрофических потерях личного состава. Так, по данным особых отделов, после десятидневного отступления в 10-й стрелковой дивизии насчитывалось всего 1100 человек, в 48-й — 500, в 125-й — 980, в 11-й — 1 тыс. человек[108].

8 июля 1941 г. И. В. Сталину было направлено донесение заместителя начальника 3-го управления НКО СССР Ф. Я. Тутушкина о потерях ВВС Северо-Западного фронта в первые дни войны. В документе говорилось, что вследствие неготовности частей ВВС ПрибОВО к военным действиям, нераспорядительности и бездеятельности некоторых командиров авиадивизий и полков, граничащих с преступными действиями, около 50% самолетов было уничтожено противником при налетах на аэродромы. «Вывод частей из-под удара авиации противника не был организован, — констатировалось в донесении. — Зенитные средства обороны аэродромов отсутствовали, а на тех аэродромах, где средства были, не было артснарядов... Перебазировка на другие аэродромы проходила неорганизованно, каждый командир дивизии действовал самостоятельно, без указаний ВВС округа, посадку совершали, кому где вздумается, в результате чего на некоторых аэродромах скапливалось по 150 машин. Так, на аэродроме Пильзино противник, обнаружив такое скопление самолетов, налетом одного бомбардировщика 25 июня с. г. уничтожил 30 самолетов... В данное время авиачасти ВВС Северо-Западного фронта являются неспособными к активным боевым действиям, так как в своем составе имеют единицы боевых машин: 7-я авиадивизия — 21 самолет, 8-я авиадивизия — 20, 57-я авиадивизия — 12»[109].

Помимо информирования высшего политического и военного руководства страны о положении на фронте и в тылу, органы военной контрразведки сообщали в ряде случаев руководству НКВД СССР о недостатках в деятельности некоторых структур самих органов безопасности. При этом поступало много негативного материала о неблаговидных поступках их коллег, прежде всего из территориальных органов НКВД. В частности, было установлено, что с первых месяцев войны партийно-советские органы и территориальные органы НКВД в прифронтовой полосе в ряде случаев проявляли «вредные преждевременные эвакуационные настроения и растерянность, дезорганизуя этим всю систему государственного аппарата на местах»[110].

9 августа 1941 г. начальник особого отдела НКВД 20-й армии Ф. В. Воистинов сообщил из Орла в Центр: «Когда 20-я армия действовала в районах Витебской и Смоленской областей, то из работников НКГБ и НКВД никто не остался, и среди местного населения приходилось громить контрреволюционеров силами особых органов, которые и так загружены борьбой с контрреволюцией, проникающей в Красную армию»[111].

Секретно

Экз. №..

ОБЩИЕ ПОТЕРИ МАТЕРИАЛЬНОЙ ЧАСТИ И ЛЕТНОГО СОСТАВА ЧАСТЕЙ 11 САД за период с 1.7. по 31.7.41 года.

2.7.41г. Исправных- 18, неисправных - 9, всего 27 с-тов. Не вернулось с боевого задания из района РАГАЧЕВ - БОБРУЙСК 5 ИЛ-2. Пропали без известия ст. лейтенант ДЕНИСОВ, ШИРОКИЙ и мл. лейтенант ВОЛКОВ, ст. лейтенант КОШЕЛЕВ, лейтенант КРИВИЧ. Восстановлено за день два самолета.

3.7.41г. Исправных 13, неисправных - 9, всего 22 самолета. Не вернулось с боевого задания из района РАГАЧЕВ, БОБРУЙСК: мл. лейтенант АЛЕКСЕИЧИН, ст. Политрук ДРЯКОВ, ст. Политрук ВАСИЛЕНКО. Восстановлено за день один самолет.

4.7.41г. Исправных - 11, неисправных 8, всего - 19 самолетов. Не вернулось с боевого задания из района РАГАЧЕВ - три самолета. Сбиты огнем З.А. противника.

5.7.41г. Исправных -10, неисправных -6, всего 16 самолетов. Два самолета обнаружено из недовившихся неисправными 3.7.41г.

6.7.41г. Исправных-10, неисправных-8, всего - 18 самолетов. Один самолет обнаружен из недовившихся 4.7.41г. Восстановлено за день три самолета.

7.7.41г. Исправных-13, неисправных- 6, всего - 19 самолетов Не вернулось с боевого задания из района Рагачев - три самолета, два сбиты огнем З.А. летчики лейтенант ТКАЧЕНКО Мл. лейтенант СОРОКИН. Один самолет - причины неизвестны.

8.7.41г. Исправных - 8, неисправных - 8, всего 16 самолетов. Один самолет обнаружен без горючего на площадке, прибыл на аэродром.

9.7.41г. Исправных-8, неисправных - 9, всего 17 самолетов. Не вернулись с боевого задания из района Бобруйск три самолета, летчики командир звена САТАКИН, мл. лейтенант КУЗЬМИЧЕВ.

10.7.41г. Исправных-7, неисправных - 7, всего 14 самолетов. С боевого задания не вернулся один самолет, пропал без вести и сведений о нем нет.

11.7.41г. Исправных - 6, неисправных- 7, всего 13 самолетов. С боевого задания не вернулось 4 самолета, два самолета летчики САЛДАТЕНКО САКИРДЖАНОВ сбиты ЗА противника, самолеты погибли, летчики пропали без вести. Два самолета подбиты ЗА противника, упали на линии фронта. Самолеты разбиты, летчики ЗАЙЦЕВ, КУЛАКОВ вернулись в часть.

12.7.41г. Исправных - 2, неисправных - 7, всего- 9 самолетов

13.7.41г. Исправных - 6, -"- -10, всего-16 -"-

7 самолетов поступило из завода № 18 и поставлено на просмотр и отладку оружия. Два самолета не вернулись с боевого задания, сбиты истребителями противника. Самолеты разбиты, летчик АЛЕКСЕЕВ убит, второй летчик ВАРФОЛАМЕЕВ ранен, возвратился в полк, самолет уничтожен.

Донесение ОО НКВД о потерях в 11-й сад

По мере развития зафронтовой работы особые отделы НКВД стали направлять военному командованию для возможного использования добытые о противнике сведения разведывательного характера. Во многих случаях информация из НКВД СССР по различным вопросам поступала непосредственно на имя начальника Генштаба Г. К. Жукова.

На протяжении всего начального периода войны особые отделы НКВД вскрывали серьезные недочеты в использовании частями и соединениями действующей армии военной техники, подготовке специалистов, осуществлявших ее эксплуатацию. Одной из серьезных проблем советского командования была на тот период нехватка авиации и танков. Однако в определенной степени эта проблема была обусловлена слабой подготовкой и неумением личного состава грамотно эксплуатировать технику, несвоевременным проведением регламентных и ремонтных работ.

О сложившемся неблагополучном положении в феврале 1942 г. Управление особых отделов НКВД СССР направило информацию в ГКО И. В. Сталину, а также в Генеральный штаб (Б. М. Шапошникову) и в НКО СССР (П. Ф. Жигареву, А. А. Новикову). В сообщении шла речь о том, что аварийность в частях ВВС приняла большие размеры. В ноябре 1941 г. — январе 1942 г. в частях ВВС фронтов и округов имело место 206 катастроф и 243 аварии самолетов, в результате чего погибли 342 человека летно-технического состава и 157 человек получили ранения. Был разбит 341 самолет, и 58 самолетов требовали заводского ремонта.

Одной из причин аварийности являлась также плохая организация перелетов и перебазирования полков с пунктов формирования. В декабре 1941 г. — январе 1942 г. при перелете 274-го истребительного авиаполка было разбито семь самолетов, 621-го легкобомбардировочного авиаполка — шесть, 516-го истребительного авиаполка — четыре и т. п. 513-й и 313-й авиаполки при перебазировании в распоряжение 52-й армии за восемь дней из 40 самолетов вывели из строя 25, из которых большинство было разбито при взлетах и посадках. В докладной записке приводились и другие примеры неблагополучного положения в авиационных частях.

Управление особых отделов НКВД СССР внесло командованию ВВС Красной армии предложения: запретить перелет маршевых полков на фронт без самолетов-лидеров; прибывающие на фронт маршевые полки прикреплять к однотипной части с целью быстрейшего получения опыта в эксплуатации матчасти и ее боевого применения; выделить группу полков, имеющих большой опыт боевой работы и пополнять их материальной частью и летным составом на месте, не направляя на переформирование. В этих полках иметь группы запасных летчиков из молодого пополнения для постепенного их втягивания в боевую работу; первые боевые вылеты экипажей авиаполков, прибывших на фронт, производить с ведущими из полков, имеющих боевой опыт работы в районе действия, и т. д.[112]

Примерно в этот же период в ГКО и НКО СССР докладывалось, что по сообщению особых отделов НКВД Западного, Ленинградского, Калининского, Северо-Западного, Юго-Западного, Южного и Брянского фронтов в результате плохой организации восстановления танкового парка большое количество боевых машин остается неисправными и не может быть использовано в боевых операциях. По состоянию на 20 февраля 1942 г. в частях действующей Красной армии имелось 3625 танков, из них требовали ремонта — 1925 машин: КВ — всего 515, требовали ремонта — 343; Т-34 — всего 837[113].

Аналогичная ситуация наблюдалась в авиации. По данным УОО НКВД СССР, по состоянию на 10 марта 1942 г. по Красной армии всего было не отремонтировано 4424 самолета и 7454 авиационных мотора, из них на фронте — 1711 самолетов и 1640 авиационных моторов соответственно[114].

Информация Управления особых отделов НКВД СССР практически во всех случаях находила отклик у командования, и по ней принимались конкретные меры.

Были установлены случаи, когда командующие армиями, командирам дивизий и корпусов, получая категорические указания Ставки, приходилось отдавать приказы о немедленном переходе в наступление, хотя подчиненные им части и соединения не имели времени

изучить оборону противника, должным образом спланировать и подготовить свои действия, подвезти боеприпасы. В этих условиях органы военной контрразведки нередко помогали войскам избежать ненужных потерь, своевременно информируя вышестоящее командование о складывающейся на фронте реальной обстановке.

К примеру, согласно замыслам Верховного главнокомандования, в январе 1942 г. 2-й ударной армии, входившей в состав Волховского фронта, было приказано в кратчайшее время подготовить и осуществить наступление с целью прорыва блокады Ленинграда. Во исполнение распоряжения Ставки 2-я ударная армия должна была до 6 января 1942 г. выдвинуться на огневые рубежи и 7 января начать боевые действия по прорыву обороны противника на р. Волхов. Особый отдел информировал Военный совет армии о серьезных недочетах в подготовке к операции, необеспеченности бригад и дивизий питанием, горючим, боеприпасами, связью и т. п. Однако командующий армией генерал-лейтенант Г. Г. Соколов (в оперативном отношении слабо подготовленный военачальник, поскольку долгое время служил на штабных должностях в пограничных и внутренних войсках НКВД СССР), зная, что сообщения особого отдела соответствуют действительности, тем не менее заверил командование Волховского фронта в готовности армии к наступлению.

7 января 1942 г. части и соединения армии, не управляемые штабом армии, без налаженной между собой связи и не имея ясного представления о противнике, начали разрозненное наступление. В 14 часов того же дня начальник особого отдела НКВД армии капитан госбезопасности Шашков доложил начальнику особого отдела фронта Д. И. Мельникову, что части несут большие потери, а командование и штаб армии должных мер по руководству войсками не принимают. После получения сообщения из особого отдела НКВД фронта командующий фронтом К. А. Мерецков, член Военного совета А. И. Запорожец и уполномоченный Ставки ВГК Л. З. Мехлис немедленно выехали на КП 2-й ударной армии и, убедившись в правдивости сообщения особого отдела, приостановили наступление. В результате неорганизованного боя, не принесшего никаких результатов, армия потеряла 2118 бойцов, из них 404 убитыми и 1497 ранеными. Нет никаких сомнений, что без вмешательства особого отдела потери армии были бы неизмеримо большими[115]. После разбора операции с санкции И. В. Сталина генерал Г. Г. Соколов был снят с должности, а командующим 2-й ударной армией стал генерал-лейтенант Н. К. Клыков.

Анализируя причины неудачных действий советских войск в начале 1942 г., военные контрразведчики выявили также, что во многих случаях боевые приказы и сведения о дислокации, передвижении частей и соединений Красной армии передавались по телефону, телеграфу и радио открытым текстом. 25 февраля 1942 г. НКВД СССР проинформировал Генеральный штаб и Наркомат обороны СССР о том, что, по данным особых отделов Ленинградского, Западного, Юго-Западного, Брянского, Волховского фронтов, имеют место многочисленные нарушения требований приказа НКО СССР № 0243 по скрытому управлению войсками, и предложил принять по линии командования соответствующие меры для исправления сложившегося положения.

Успешно начатое в декабре 1941 г. наступление советских войск под Москвой к апрелю 1942 г. по объективным причинам приостановилось. Противник подтянул резервы, создал сильную оборону и успешно отражал атаки советских войск. Между тем командование Красной армии требовало на различных фронтах продолжения наступления. Войска несли серьезные и неоправданные потери, достигая при этом минимальных результатов. О сложившейся ситуации органы военной контрразведки неоднократно информировали руководство страны и Ставку ВГК. Так, 29 марта 1942 г. сообщение по вопросу неудачного проведения операций войсками Юго-Западного фронта с аналитическими выкладками предоставил в НКВД СССР начальник особого отдела НКВД фронта старший майор госбезопасности Н. Н. Селивановский. 12 апреля 1942 г. оно было доложено наркомом внутренних дел Л. П. Берией И. В. Сталину.

В другом случае 17 апреля 1942 г. Л. П. Берия докладывал в ГКО СССР И. В. Сталину и В. М. Молотову, а также начальнику Генерального штаба Красной армии А. М. Василев-

скому о том, что, по сообщению особого отдела НКВД Калининского фронта, войска этого фронта несут большие потери в личном составе. По мнению особого отдела НКВД фронта, во многих случаях вина за такие потери ложилась на командование фронтом и армиями, которые разрабатывали операции без учета действительной обстановки и временных критериев. Отдельные части вводились в бой с марша, без разведки, вскрытия системы обороны противника, путем лобовых атак. В этом же сообщении особый отдел приводил яркий пример нерационального использования в ходе боев в качестве пехоты военнослужащих редких воинских специальностей: сформированная Московским военным округом 3-я гвардейская морская бригада в результате боевых действий в начале 1942 г. потеряла 3176 командиров, специалистов торпедных катеров, подводников, связистов и электриков.

Несмотря на тяжелую обстановку, органы военной контрразведки летом и осенью 1942 г. продолжали анализировать причины неудачных действий советских войск под Сталинградом и принимать через командование меры по их устранению. Так, в октябре 1942 г., по данным особого отдела Донского фронта, части 66-й армии пытались прорвать оборону противника и к 23 октября, разгромив вражескую группировку, прорвавшуюся к Волге, соединиться с советскими войсками в Сталинграде. Армия для выполнения задачи располагала значительными силами: 13 стрелковых дивизий, из них четыре свежие, 23 полка РГК, 12 гвардейских минометных полков, несколько танковых бригад и т. п. Но, начав операцию, к 26 октября советские войска вынуждены были остановиться, не достигнув успеха. При этом участвовавшие в наступлении дивизии понесли серьезные потери — до 4—5 тыс. человек каждая.

Командование причину провала наступления объясняло низкими боевыми качествами пехоты. Однако проведенный военными контрразведчиками анализ показал, что неудачные действия объясняются плохим руководством бойцами стрелковых подразделений командиров рот, батальонов, полков и дивизий, которые теряли управление на поле боя, не организовывали должным образом поддержку наступления артиллерией и т. п. За все время наступательных действий в частях армии не было ни одного случая, чтобы бойцы не выполнили приказа идти в атаку, ни одного случая массовой паники или группового бегства с поля боя. О вскрытых недочетах в организации наступательных операциях особым отделом НКВД Донского фронта был проинформирован Военный совет фронта[116].

В ходе ведения ожесточенных боевых действий под Сталинградом органы военной контрразведки выявили многочисленные факты плохого обеспечения питанием личного состава частей и соединений фронта. Начальник особого отдела НКВД Сталинградского фронта Н. Н. Селивановский сообщал в конце октября 1942 г. о том, что установленная приказами НКО СССР система снабжения рассчитана на «образцово организованный и налаженный процесс снабжения и его технического оформления (своевременная отчетность, получение и выдача продовольственных аттестатов... и т. п.), что в условиях боевых действий не всегда представляется возможным сделать». Отдельные части и даже соединения в ходе боевых операций часто перебрасывались с одного участка фронта на другой и не могли своевременно оформить прикрепление на снабжение и открепление. Это приводило к тому, что части по нескольку дней не снабжались продовольствием. В сообщении особого отдела фронта приводились многочисленные примеры[117]. 4 ноября 1942 г. о серьезных проблемах со снабжением личного состава передовых частей питанием Управление особых отделов НКВД СССР сообщило непосредственно в НКО СССР начальнику Главного управления тыла РККА А. В. Хрулеву[118].

Значительный объем работы по информированию командования был проделан органами военной контрразведки Сталинградского и Донского фронтов в период подготовки наступления советских войск под Сталинградом. Так, например, 17 ноября 1942 г. в ГКО И. В. Сталину и В. М. Молотову и в Генеральный штаб Красной армии А. М. Василевскому было направлено сообщение НКВД СССР о недочетах в подготовке к наступлению 4-го механизированного и 4-го кавалерийского корпусов. Речь шла о нехватке боеприпасов, горюче-смазочных материалов, зимнего обмундирования и т. п.[119]

Несколько ранее, 13 ноября 1942 г. особый отдел НКВД Донского фронта информировал НКВД СССР о том, что немецкому командованию известно о подготовке к наступлению

войск 65-й армии Донского фронта. Советские войска выдвигались в районы сосредоточения без должной маскировки, порой в дневное время. Командование некоторых соединений и частей не принимало мер для своевременного подвоза боеприпасов, питания, обмундирования. Ряд командиров частей 65-й армии на основе информации особого отдела НКВД был снят с занимаемых постов за непринятие мер по предотвращению случаев измены Родине и дезертирства[120].

В целом информирование особыми отделами НКВД политического руководства страны, военного командования, политических органов играло важную роль. Оно позволяло в короткие сроки донести проблемы, возникающие в частях и соединениях действующей армии, до заинтересованных инстанций и добиться их незамедлительного решения.

К осени 1942 г., несмотря на сохранявшуюся исключительно сложную военно-стратегическую обстановку на фронтах, деятельность органов военной контрразведки приобрела более стабильный характер. Руководством органов безопасности был четко определен круг первоочередных задач особых отделов, внесены необходимые коррективы в организацию оперативной работы в связи с началом военных действий. По мере стабилизации положения на второй план отходили задачи, связанные с наведением порядка на линии фронта и в прифронтовой полосе, одновременно возрастала актуальность организации эффективной борьбы с разведывательной и диверсионной деятельностью спецслужб противника.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Козичев М. В* общем строю за Великую Победу // 50 лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов. Информационный бюллетень Управления военной контрразведки ФСБ РФ. Специальный выпуск. М., 1995. С. 6.

[2] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 337–338.

[3] Там же. С. 346.

[4] Там же. С. 366.

[5] Там же. С. 372–373.

[6] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сборник документов. Т. 3. Кн. 2. М., 2003. С. 369.

[7] Сборник Законов СССР и Указов Президиума Верховного Совета СССР. 1938–1944 гг. М., 1945. С. 129–132.

[8] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 204.

[9] 1941 год. Сб. документов. В 2-х кн. М., 1998. Кн. 2. С. 478.

[10] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 37–38.

[11] Там же. С. 90–93.

[12] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 843. Л. 88.

[13] Исторические чтения на Лубянке. М., В. Новгород, 2000. С. 42.

[14] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 580. Л. 309.

[15] Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 815. Л. 7, 14, 16, 19, 30.

[16] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 161–162.

[17] Там же. С. 415–417.

[18] Там же. С. 424–425.

[19] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 472–474.

[20] Там же. С. 475.

[21] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 843. Л. 74–75.

[22] Лубянка, 2. Из истории отечественной контрразведки. М., 1999. С. 237.

[23] Вопросы истории. 1965. № 5. С. 29.

[24] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 92–93.

[25] *Рубцов Ю. В.* Заградительные отряды в РККА в годы Великой Отечественной войны // Клио. 2008. № 3. С. 86.

[26] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 412.

[27] Там же. С. 406.

[28] Там же. С. 64–65, 77–79.

[29] Вопросы истории. 1965. № 5. С. 29.

[30] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 20. Л. 29.

[31] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. М., 2000. С. 316–318.

[32] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 20. Л. 111.

[33] Там же. Д. 1. Л. 244–245.

[34] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 133–135.

[35] Там же. С. 357–358.

[36] Новая и новейшая история. 1968. № 5. С. 100.

[37] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 431–432.

[38] Там же. С. 432.

[39] Там же. С. 480–481.

[40] Великая Отечественная война. 1941 год. Исследования, документы, комментарии. М., 2011. С. 260.

[41] Там же. С. 260–261.

[42] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 28. Л. 7.

[43] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 183.

[44] Там же. С. 130–136.

[45] *Robert S. Stephan*. Stalin's Secret War: Soviet Counterintelligence Against the Nazis 1941–1945 (Modern Was Studies). 2003. S. 51.

[46] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 141–146.

[47] Там же. С. 409–410.

[48] Там же. С. 157–161.

[49] Там же. С. 301–302.

[50] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 102–103.

[51] *Stephan R. S.* Stalin's Secret War: Soviet Counterintelligence Against the Nazis 1941–1945 (Modern Was Studies). S. 93.

[52] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 183–185.

[53] *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1985. С. 40.

[54] Русский архив: Великая Отечественная война. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1941 год. Т. 16 (5-1). С. 98, 216.

[55] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 20. Л. 115.

[56] Там же. Л. 152–153.

[57] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 142. Л. 378–380.

[58] Там же. Ф. 14ос. Оп. 1. Д. 1. Л. 218.

[59] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 227–228.

[60] Там же. С. 228.

[61] Смерш. Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 149–150.

[62] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 146–147.

[63] Там же. С. 271–274.

[64] Чекисты на защите столицы. М., 1982. С. 5–6.

[65] Лубянка в дни битвы за Москву. М., 2002. С. 20.

[66] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 378–379.

[67] Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 164–166.

[68] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 141. Л. 64–67.

[69] См.: Известия ЦК КПСС. 1990. № 6. С. 204–205.

[70] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1. Л. 16.

[71] Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 119. Л. 176–177.

[72] Там же. Д. 117. Л. 95, 97–98, 101.

[73] История Великой Отечественной войны Советского Союза 1941–1945 гг. В 6 т. Т. 6. М., 1963. С. 80.

[74] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1. Л. 388–389.

[75] Русский архив: Великая Отечественная. Генеральный штаб в годы Великой Отечественной войны. Документы и материалы. 1941 год. Т. 23. М., 1999. С. 101.

[76] Великая Отечественная война. 1941 год. Исследования, документы, комментарии. С. 240–241.

[77] Там же. С. 180.

[78] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 11. Л. 270.

[79] Великая Отечественная война. 1941 год. Исследования, документы, комментарии. С. 242.

[80] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 1. Л. 87–88.

[81] Российский государственный архив новейшей истории (далее — РГАНИ). Ф. 89. Оп. 18. Д. 8. Л. 1–3.

[82] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1. Д. 679. Л. 40.

[83] Там же. Ф. 3. Оп. 8. Д. 20. Л. 140.

[84] Там же. Д. 11. Л. 63.

[85] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 517–518.

[86] Там же. Т. 3. Кн. 2. С. 151–156.

[87] «Ни паники, ни растерянности с их стороны не было» // Исторический архив. 2006. № 2.

[88] Страницы истории советского общества: факты, проблемы, люди. М., 1989. С. 279.

[89] Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 50–57.

[90] Сталинградская эпопея: Материалы НКВД СССР и военной цензуры из Центрального архива ФСБ РФ / Сост. А. Т. Жадобин, В. В. Марковчин, Ю. В. Сигачев. М., 2000. С. 153–158.

[91] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 121. Л. 53–54.

[92] Там же. Л. 179–182.

[93] Там же. Л. 183–185.

[94] Сталинградская эпопея. С. 180–181.

[95] Там же. С. 230.

[96] Там же. С. 231.

[97] Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне. М., 2010. С. 97.

[98] Сталинградская эпопея. С. 231–232.

[99] Там же. С. 164.

[100] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 232–234.

[101] Сталинградская эпопея. С. 204–207.

[102] Там же. С. 213–214.

[103] Там же. С. 226.

[104] Там же. С. 207.

[105] Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 47.

[106] Сталинградская эпопея. С. 271–272.

[107] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 343. Л. 140–142.

[108] Там же. Д. 20. Л. 17.

[109] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 220–221.

[110] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 20. Л. 159–160.

[111] Там же. Д. 248. Л. 172.

[112] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 4. Д. 119. Л. 140–143.

[113] Там же. Л. 192–194.

[114] Там же. Л. 285.

[115] *Лазарев В. И.* Деятельность органов военной контрразведки в начальный период Великой Отечественной войны // Исторические чтения на Лубянке. Отечественные спецслужбы накануне и в годы Великой Отечественной войны. ФСБ России. М., 2000. С. 36–37.

[116] Сталинградская эпопея. С. 251–260.

[117] Там же. С. 245–250.

[118] Там же. С. 265–266.

[119] Великая Отечественная война. 1942 год. Исследования, документы, комментарии. М., 2012. С. 463–464.

[120] Там же. С. 460–461.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОРГАНОВ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ В ГОДЫ КОРЕННОГО ПЕРЕЛОМА

Оперативная обстановка в Вооруженных силах СССР

В результате проведения зимней кампании 1942—1943 гг. советские войска продвинулись вперед на 600—700 км, было разгромлено свыше 100 дивизий противника, действовавших на советско-германском фронте. Ощутимы были потери и советских войск, в связи с чем требовалось значительно увеличить объем пополнения, мобилизовать в армию и во флот новые возрастные категории советских граждан, призывать тех, кто проживал на временно оккупированной территории, освобожденной Красной армией. Большинство мобилизуемых на фронт составляли лица, родившиеся уже при советской власти, воспитанные в патриотическом духе.

Большое количество вновь мобилизованных приходилось на представителей коренных национальностей советских республик Средней Азии. По свидетельству Маршала Советского Союза А. И. Ерёменко в конце 1942 г. в состав Сталинградского фронта прибыл 4-й кавалерийский корпус, в котором 70% личного состава составляли узбеки и казахи. Их подготовка вызывала много сомнений[1]. Слабое знание русского языка, предопределявшее плохое усвоение, а затем и ненадлежащее выполнение ими приказов командиров и начальников, самым непосредственным образом влияло на решение боевых задач воинскими частями.

В своих дневниках А. И. Еременко отметил и другой малоизвестный факт: в числе пополнения на Калининский фронт в середине июля 1943 г. прибыло 20 уже сформированных штрафных рот, созданных по решению ГКО из лиц, осужденных на длительные сроки заключения[2]. Примерно такое же количество штрафных рот получили и другие фронты. Вместе с тем к 1943 г. устойчивость войск обеспечивала прослойка военнослужащих, которые участвовали в боевых действиях с первых месяцев войны и приобрели необходимый фронтовой опыт. Именно они цементировали подразделения, заражая уверенностью в победе над врагом молодых солдат.

В октябре 1942 г. Президиум Верховного Совета СССР упразднил институт комиссаров и вновь установил полное единоначалие, указав тем самым на возросшее доверие к командному составу Красной армии и флота.

Приобрели хорошие навыки работы в боевых условиях и партийно-политические органы. Основная масса политработников вполне эффективно вела пропагандистскую и

7-ой вариант. 1

ПОПРАВКИ, СДЕЛАННЫЕ ТОВАРИЩЕМ И. В. СТАЛИНЫМ, - 23.IX
НА ПРЕДЛОЖЕННОМ НАМИ ТЕКСТЕ ГИМНА.

СЕРГЕЙ МИХАЛКОВ
ЭЛЬ - РЕГИСТАН.

Союз нерушимый Республик
СВОБОДНЫХ ~~НАРОДОВ~~ ~~СОЮЗ БЛАГОРОДНЫЙ~~.

Союз нерушимый республик свободных
~~Свободных народов союз благородный~~

Сплотила навеки Великая Русь.

Да здравствует, созданный волей народов,

Единый, могучий Советский Союз!

ЖИВИ В ВЕКАХ, СТРАНА СОЦИАЛИЗМА!
ПУСТЬ НАШЕ ЗНАМЯ МИРУ МИР НЕСЕТ.
ЖИВИ И КРЕПНИ, СЛАВНАЯ ОТЧИЗНА!
ТЕБЯ ХРАНИТ ВЕЛИКИЙ НАШ НАРОД.

Сквозь грозы сияло нам солнце свободы,
И
~~Нам~~ ЛЕНИН великий нам ~~в грядущее~~ путь озарил.
на верность народу,
Нас вырастил СТАЛИН - ~~избранник народа~~,

На труд и на подвиги нас вдохновил.

ЖИВИ В ВЕКАХ, СТРАНА СОЦИАЛИЗМА!
ПУСТЬ НАШЕ ЗНАМЯ МИРУ МИР НЕСЕТ.
ЖИВИ И КРЕПНИ, СЛАВНАЯ ОТЧИЗНА!
ТЕБЯ ХРАНИТ ВЕЛИКИЙ НАШ НАРОД!

ПРИМЕЧАНИЕ: Поправки тов. СТАЛИНА /сделанные им от руки синими чернилами/ мы пометили здесь красным карандашом; синим карандашом помечены наша окончательная редакция, принятая товарищем СТАЛИНЫМ, МОЛОТОВЫМ и ВОРОШИЛОВЫМ.

Поправки, внесенные в гимн И. В. Сталиным

контрпропагандистскую деятельность. Для положительного воздействия на политико-моральное состояние рядового и командно-начальствующего состава широко стали использоваться примеры зверств оккупантов во временно занятых ими районах нашей страны. Укреплению политико-морального состояния войск способствовало и переименование многих частей и соединений в гвардейские. На основании приказов народного комиссара обороны только за первую половину 1943 г. более 100 полков, бригад, дивизий, корпусов и армий стали гвардейскими[3]. Указами Президиума Верховного Совета СССР от 6 января и 15 февраля 1943 г. впервые после революции были введены погоны для личного состава Красной армии и ВМФ[4].

В 1943 г. произошло изменение политики государственных и партийных властей в отношении Русской православной церкви (РПЦ). Повышение роли церкви в мобилизации духовных сил всего общества, и вооруженных сил в частности, имело важное значение в переломный период войны. Среди верующих на всей территории СССР активизировался сбор средств в Фонд обороны, а также на строительство танковых колонн и авиаэскадрилий. Призывы церкви к беспощадной борьбе с захватчиками находили отклик в сердцах огромной массы военнослужащих, особенно выходцев из сельских районов страны, где, несмотря на гонения в отношении священнослужителей в 1920–1930-е гг., у населения сохранились религиозные чувства. Всё это военные контрразведчики учитывали в своей работе. Никаких репрессивных мер в отношении солдат и офицеров, открыто проявляющих свою религиозность, не принималось, выражение своей приверженности той или иной конфессии не являлось основанием для подозрений в какой-либо противоправной деятельности, прежде всего антисоветской. Лишь к представителям разного рода сект, не желавшим брать в руки оружие для защиты Отечества, органы госбезопасности относились с повышенным вниманием и зачастую добивались предания их суду военного трибунала.

Постановлением Политбюро ЦК ВКП(б) в конце 1943 г. был утвержден, а затем опубликован во всех центральных и местных газетах новый гимн Союза ССР. Это стало знаковым событием, неоднозначно воспринятым различными категориями граждан. Руководство страны хотело знать мнение населения и особенно военнослужащих на свой далеко не ординарный политико-идеологический шаг. Соответствующее поручение в этом направлении было дано и органам контрразведки Смерш.

Уже 23 декабря 1943 г. В. С. Абакумов представил И. В. Сталину спецсообщение «О реакции военнослужащих на новый государственный гимн СССР»[5]. Военные контрразведчики выборочно, однако достаточно репрезентативно отразили в докладе мнения различных категорий лиц — от лейтенантов до маршалов, от офицеров фронтовых воинских частей до руководителей структурных подразделений Наркомата обороны и Генерального штаба. Судя по тексту спецсообщения, большинство офицеров и генералов с одобрением встретили новый гимн, подчеркивали, что он славит нашу великую Родину и нерушимый Союз Советских Социалистических Республик, отражает сущность государственного строя, проникнут чувством патриотизма и вселяет уверенность в скорую победу над врагом.

Вместе с тем контрразведчики выявили и негативные тенденции во взглядах некоторых военнослужащих на советскую внешнюю и внутреннюю политику, взаимоотношения с союзниками по антигитлеровской коалиции, роль И. В. Сталина до и в ходе войны, ведущую роль русского народа в борьбе с захватчиками. Подобные высказывания в основном фиксировались со стороны представителей среднего звена командно-начальствующего состава и инженерно-технического персонала. За столь короткий срок изучить настроения рядового состава Красной армии сотрудники органов Смерш, конечно, не успели, но в дальнейшем они учитывали высказывания, связанные со сменой государственного гимна, в работе по выявлению лиц, подрывавших политико-моральное состояние частей армии и флота.

Одним из индикаторов политико-морального состояния войск для органов военной контрразведки являлись сведения, содержавшиеся в обобщенных сводках отделений военной цензуры (ОВЦ) НКГБ СССР при армиях. Вот, к примеру, что говорилось в одной

Т. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

ЛИЧНОМУ СОСТАВУ ПО

УПРАВЛЕНИЮ КОМАНДУЮЩЕГО ВОЙСКАМИ ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА

ПЕРЕДАЕТСЯ ТЕЛЕГРАММА НАЧАЛЬНИКА ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА

МАРШАЛА СОВЕТСКОГО СОЮЗА ТОВ ВАСИЛЕВСКОГО-СЕКРЕТАРЬ ВОЕННОГО

СОВЕТА ЦЕНТРАЛЬНОГО ФРОНТА МАЙОР АЛЕЩИН--ПО ПРИКАЗАНИЮ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ ПЕРЕДАЕТСЯ ВЫПИСКА ИЗ

ПОСТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР-НАЧАЛЬНИК

ГЕНЕРАЛЬНОГО ШТАБА МАРШАЛ СОВЕТСКОГО СОЮЗА-ВАСИЛЕВСКИЙ-

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО -СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР

ПОСТАНОВЛЕНИЕ:-19 АПРЕЛЯ 1943 Г НР 415-138СС МОСКВА,КРЕМЛЬ

СОВНАРКОМ СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:---1-УПРАВЛЕНИЕ ОСОБЫХ ОТДЕЛОВ

НКВД СССР ИЗЪЯТЬ ИЗ ВЕДЕНИЯ НКВД СССР И ПЕРЕДАТЬ В НАРОДНЫЙ

КОМИССАРИАТ ОБОРОНЫ,РЕОРГАНИЗОВАВ ЕГО В ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

КОНТРРАЗВЕДКИ НКО //.,СМЕРШ,,-СМЕРТЬ ШПИОНАМ/,ПОСТАВИВ ПЕРЕД

НИМ СЛЕДУЮЩИЕ ЗАДАЧИ:-А/БОРЬБА СО ШПИОНСКОЙ,ДИВЕРСИОННОЙ

ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЙ И ИНОЙ ПОДРЫВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ИНОСТРАННЫХ

РАЗВЕДОК В ЧАСТЯХ И УЧРЕЖДЕНИЯХ КРАСНОЙ АРМИИ,Б/-БОРЬБА С

АНТИСОВЕТСКИМИ ЭЛЕМЕНТАМИ,ПРОНИКШИМИ В ЧАСТИ И УЧРЕЖДЕНИЯ

КРАСНОЙ АРМИИ-С/ПРИНЯТИЕ НЕОБХОДИМЫХ АГЕНТУРНО-ОПЕРАТИВНЫХ

И ИНЫХ,ЧЕРЕЗ КОМАНДОВАНИЕ,МЕР К СОЗДАНИЮ НА ФРОНТАХ УСЛОВИЙ

ИСКЛЮЧАЮЩИХ ВОЗМОЖНОСТЬ БЕЗНАКАЗАННОГО ПРОХОДА АГЕНТУРЫ

ПРОТИВНИКА ЧЕРЕЗ ЛИНИЮ ФРОНТА С ТЕМ,ЧТОБЫ СДЕЛАТЬ ЛИНИЮ

ФРОНТА НЕПРОНИЦАЕМОЙ ДЛЯ ШПИОНСКИХ И АНТИСОВЕТСКИХ ЭЛЕМЕНТОВ

Г/БОРЬБА С ПРЕДАТЕЛЬСТВОМ И ИЗМЕНОЙ РОДИНЕ В ЧАСТЯХ И

УЧРЕЖДЕНИЯХ КРАСНОЙ АРМИИ/ПЕРЕХОД НА СТОРОНУ ПРОТИВНИКА

УКРЫВАТЕЛЬСТВО ШПИОНОВ И ВООБЩЕ СОДЕЙСТВИЕ РАБОТЕ ПОСЛЕДНИХ

-Д/,БОРЬБА С ДЕЗЕРТИРСТВОМ И ЧЛЕНОВРЕДИТЕЛЬСТВОМ НА ФРОНТАХ

ПРОВЕРКА ВОЕННОСЛУЖАЩИХ И ДРУГИХ ЛИЦ,БЫВШИХ В ПЛЕНУ И

ОКРУЖЕНИИ ПРОТИВНИКА-Ж/ВЫПОЛНЕНИЕ СПЕЦИАЛЬНЫХ ЗАДАНИЙ

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ----2--УСТАНОВИТЬ,ЧТО ОРГАНЫ СМЕРШ

ОСВОБОЖДАЮТСЯ ОТ ПРОВЕДЕНИЯ ВСЯКОЙ ДРУГОЙ РАБОТЫ,НЕ

СВЯЗАННОЙ НЕПОСРЕДСТВЕННО С ЗАДАЧАМИ,ИЗЛОЖЕННЫМИ В П 1

НАСТОЯЩЕГО ПОСТАНОВЛЕНИЯ--3--НАЗНАЧИТЬ ТОВ АБАКУМОВА ВИКТОРА

СЕМЕНОВИЧА ЗАМЕСТИТЕЛЕМ НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ И

НАЧАЛЬНИКОМ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДКИ НКО //.,СМЕРШ.

ОСВОБОДИВ ЕГО ОТ РАБОТЫ ЗАМЕСТИТЕЛЯ НАРОДНОГО КОМИССАРА

ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР,ЗАМЕСТИТЕЛЯМИ НАЧАЛЬНИКА ГЛАВНОГО

УПРАВЛЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДКИ НКО/.,СМЕРШ,,ТОВ МЕШИКА ПАВЛА

ЯКОВЛЕВИЧА,ОСВОБОДИВ ЕГО ОТ РАБОТЫ В НКВД СССР,ТОВ

СЕЛИВАНОВСКОГО НИКОЛАЯ НИКОЛАЕВИЧА,ОСВОБОДИВ ЕГО ОТ РАБОТЫ

НАЧАЛЬНИКА ОО НКВД [illegible]НОГО ФРОНТА И ТОВ БАБИЧА ИСАЯ ЯКОВЛЕВИЧА

ОСВОБОДИВ ЕГО ОТ РАБОТЫ НАЧАЛЬНИКА ОО НКВД СЕВЕРО-ЗАПАДНОГО

ФРОНТА -ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР-И СТАЛИН

-УПРАВЛЯЮЩИЙ ДЕЛАМИ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СССР-Я ЧАДАЕВ.

Телеграмма начальника Генерального штаба об образовании ГУКР НКО Смерш

из сводок ОВЦ 13-й армии Центрального фронта от 8 июля 1943 г., в преддверии Курской битвы: «За 5 и 6 июля процензурировано исходящей корреспонденции 55 336 писем, из них на национальных языках народов СССР — 6914. Из общего числа проверенной корреспонденции обнаружено отрицательных высказываний 21, относящихся к жалобам на недостаток в питании и отсутствие табака. Вся остальная корреспонденция (55 315 писем) патриотического характера, отражающая преданность нашей Родине и любовь к Отечеству. Бойцы и командиры горят желанием немедленно вступить в решающее сражение с ненавистным врагом»[6].

Специальная сводка ОВЦ по этой же армии за период с 25 июня по 9 июля 1943 г. была посвящена обзору писем только на национальных языках. Отдел военной цензуры проверил 52 853 письма и сообщил, что в корреспонденции присутствуют патриотические мотивы, вера в силу советского оружия[7].

Все указанное выше и другие факторы, включая, конечно же, увеличивавшиеся поставки в войска боевой техники и вооружения, положительно сказывались на ходе и исходе наступательных операций Красной армии и сил флота во втором периоде войны, начало которым положило контрнаступление под Сталинградом 19 ноября 1942 г.

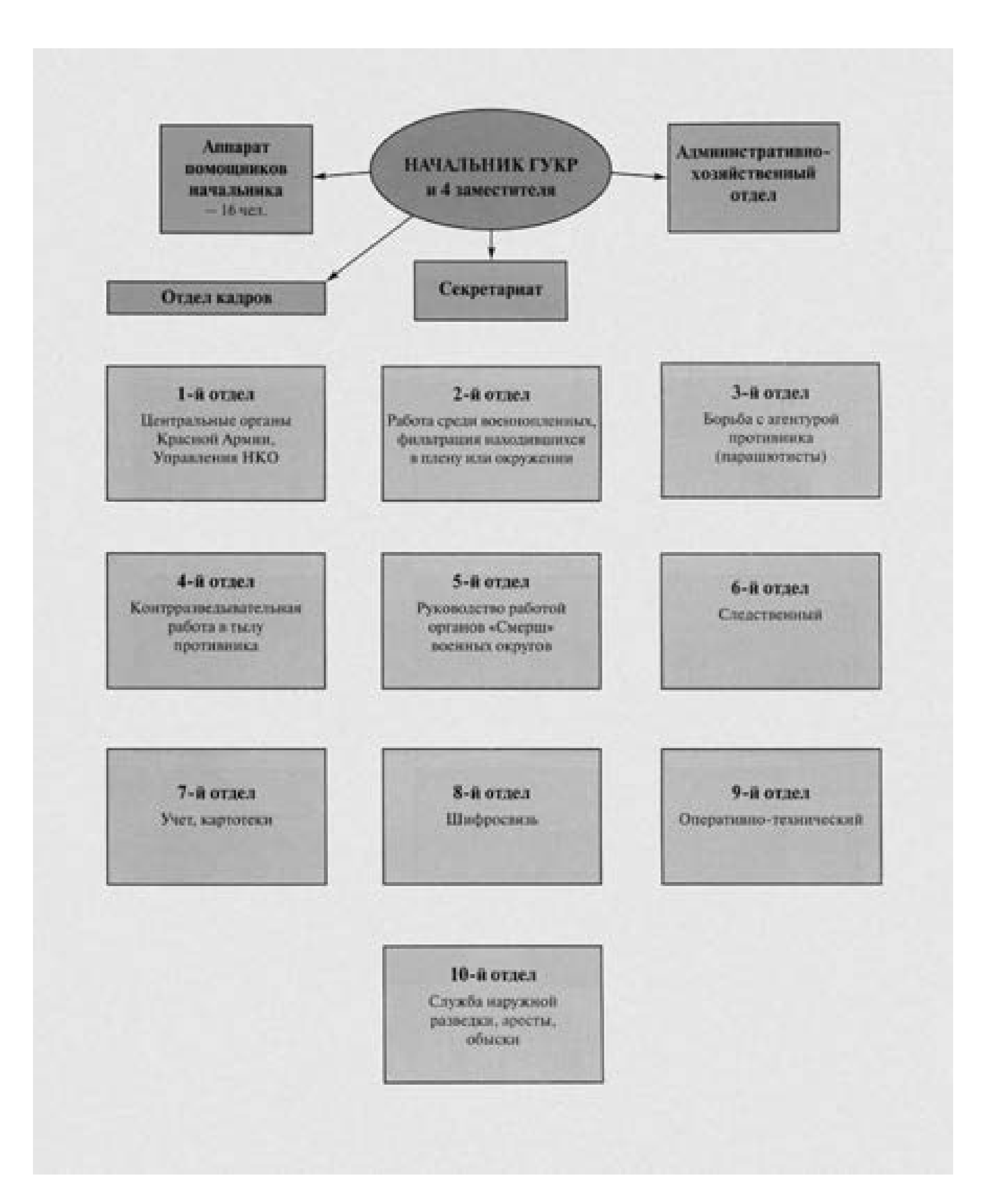
Повышение уровня политико-морального состояния войск, положительные изменения в области управления ими, организованности, воинской дисциплины, а также порядка в деле снабжения продовольствием и обмундированием, не говоря уже о вооружении, напрямую влияли на оперативную и следственную работу органов военной контрразведки.

К лету 1943 г. особые отделы (а затем органы Смерш) соединений и объединений уже достаточно детально изучили построение и методы работы спецслужб противника. В сообщении от 1 июля ГУКР НКО Смерш в ГКО отмечалось, в частности, что за время войны удалось выявить 23 разведывательные и диверсионные школы, а также 66 разведывательных команд и групп, действующих на советско-германском фронте. На дату доклада военные контрразведчики разоблачили и арестовали 15 443 агента германской разведки и имели в своем распоряжении их детальные показания, раскрывающие формы и методы работы врага[8].

Большое значение имело выявление, установление структуры и вариантов использования противником разнообразных вооруженных формирований из числа послереволюционных эмигрантов и бывших военнослужащих нашей армии и флота, а также жителей оккупированных районов. Эти лица были наиболее податливым элементом для осуществления вербовочной работы немецких и других спецслужб, проведения разведки во фронтовой полосе и ближайшем тылу наших войск, реализации провокационных и идеологических акций. Известны не единичные факты, когда предатели составляли даже экипажи захваченной советской бронетехники и использовали ее в боевых действиях против частей Красной армии. Так, к примеру, в ходе боев 11 июля 1943 г. на Курской дуге немцы применили группу танков Т-34, которую поставили во главе колонны немецких бронемашин. Благодаря этому во время перегруппировки соединений 35-го гвардейского стрелкового корпуса противник легко продвинулся в глубь нашей обороны более чем на 10 км, слившись с частями отходящей 92-й гвардейской стрелковой дивизии. Таким образом, изменники помогли врагу овладеть г. Ржавец. При этом 92-я дивизия понесла серьезные потери в личном составе и утратила практически всю материальную часть[9].

Еще в 1942 г. при 1-м отделе штаба «Валли», о котором уже шла речь ранее, был создан особый штаб «Россия», больше известный как зондерштаб «Р». Возглавил его русский эмигрант майор немецкой армии Б. А. Смысловский (он же фон Регенау), а разведывательный отдел — изменник Родины, бывший до июля 1942 г. командиром 1-го отдельного стрелкового корпуса 56-й армии Северо-Кавказского фронта, М. М. Шаповалов[10]. Наряду с проведением карательных операций против партизан зондерштаб «Р» занимался разведкой в тылу Красной армии, в том числе оставлял свою проверенную агентуру в освобождаемых от оккупантов районах[11].

Военные контрразведчики владели информацией о войсковых соединениях, известных, как Русская национальная бригада СС, Русская национальная народная армия (РННА),

Структура ГУКР НКО Смерш, утвержденная И. В. Сталиным 27 апреля 1943 г.

Б. А. Смысловский

А. А. Власов

легион «Идель — Урал», Кавказский полк особого назначения «Бергман», состоявший из азербайджанского, грузинского и северокавказского батальонов, а также о так называемой Русской освободительной армии, непосредственно руководимой изменником Родины, бывшим генералом Красной армии А. А. Власовым. Известно было и о формировании и действиях казачьих частей. Уже во второй половине 1942 г. эти части имелись в составе нескольких немецких армий и охранных дивизий.

Для планирования и успешного проведения активной контрразведывательной и разложенческой работы по указанным выше и другим вооруженным формированиям начальник Управления особых отделов НКВД СССР В. С. Абакумов приказал всем руководителям фронтовых и армейских аппаратов военной контрразведки наладить анализ поступающей информации об их появлении в зоне ответственности того или иного особого отдела, задержании участников и результатах их допросов. Особое внимание предлагалось уделить сбору сведений о командном составе, прикомандированных офицерах германской военной и политической разведки, политико-моральном состоянии личного состава антисоветских формирований[12].

В результате целенаправленной работы аппаратов спецпропаганды политорганов РККА, подпольных организаций, партизан, оперативных групп 4-го управления НКВД — НКГБ, а также военной контрразведки многие солдаты и командиры указанных формирований перешли на сторону Красной армии. Так, только со 2 по 12 августа 1943 г. на участке ответственности 13-й армии Центрального фронта через передовые позиции прошли и сдались в плен четыре группы солдат Грузинского легиона. Они показали при допросах, что моральное состояние их батальона крайне низкое и большинство солдат легиона имеют желание влиться в части Красной армии, чтобы на ее стороне сражаться с немецкими захватчиками[13].

Успешной работе особых отделов — органов Смерш способствовало укрепление нормативно-правовой базы их функционирования во втором периоде войны. Так, приказом народного комиссара обороны № 0283 от 19 апреля 1943 г. был объявлен указ Президиума Верховного Совета СССР о мерах наказания шпионов, изменников Родины из числа со-

ветских граждан и образовании военно-полевых судов. В нем, в частности, говорилось, что ко всем преступникам, виновным в совершении кровавых расправ над мирным советским населением и пленными красноармейцами, к их пособникам из местного населения до того времени применялась мера возмездия, явно не соответствовавшая их злодеяниям. Поэтому для наказания немецких, итальянских, румынских, венгерских и финских военнослужащих, чиновников оккупационных властей и коллаборационистов, а также шпионов и изменников Родины создавались военно-полевые суды. В состав суда входили председатель военного трибунала дивизии, заместитель командира дивизии по политической части и начальник особого отдела НКВД. Приговоры военно-полевого суда должны были приводиться в исполнение немедленно. Участников карательных акций, а также шпионов и изменников Родины надлежало приговаривать к смертной казни через повешение, а пособников оккупантов, уличенных в содействии совершению злодеяний, — к каторжным работам на срок от 13 до 20 лет. Для целенаправленного психологического воздействия на местное население и военнослужащих признавалось необходимым проводить казнь публично для демонстрации того, какое возмездие ждет тех, кто совершал насилие и расправу над мирными гражданами и советскими военнопленными и кто предал свою Родину[14].

Данный указ ПВС СССР двояким образом сказался на практической и прежде всего следственной работе органов госбезопасности. С одной стороны, он позволял отдельным сотрудникам не слишком заботиться о скрупулезном, детальном расследовании деяний, совершенных пособниками врага, шпионами и изменниками, что приводило порой к трагическим судебным ошибкам. А с другой — реализация указа положительно влияла на политико-моральное состояние войск, отражала отношение населения освобожденных от оккупантов районов к тем, кто помогал врагу. Все знали, что изменникам, карателям и другим активным пособникам военных противников СССР уготовано лишь короткое заседание военно-полевого суда и незамедлительное приведение приговора о высшей мере наказания в исполнение. Это давало хороший профилактический эффект и укрепляло настрой людей на содействие командованию и органам государственной безопасности в нейтрализации подрывных элементов, включая шпионов, диверсантов, агентуру гестапо и СД.

Серьезное значение для оперативных работников, следователей и их руководителей имело специальное постановление пленума Верховного суда СССР от 25 ноября 1943 г. «О квалификации действий советских граждан по оказанию помощи врагу в районах, временно оккупированных немецкими захватчиками»[15]. В тексте постановления указывалось, что судебная практика (а следовательно, и оперативно-чекистская) шла по пути квалификации всякого содействия, оказанного советскими гражданами врагу, как измена Родине, независимо от характера этого деяния. В связи с этим нередко выносились суровые приговоры, не соответствовавшие духу и букве указа ПВС СССР от 19 апреля 1943 г. Применение изложенной в постановлении пленума Верховного суда СССР градации тех или иных деяний по степени их опасности для государства, а также описание действий, вообще не влекущих за собой уголовной ответственности, способствовали устранению возможных ошибок при вынесении военно-полевыми судами приговоров.

Наличие правовой базы, определявшей следственную работу органов государственной безопасности, в том числе и военной контрразведки, еще не означало, что на практике, во фронтовых условиях, не допускались нарушения процессуальных норм при расследовании уголовных дел. Военные прокуроры, надзиравшие за следствием в особых отделах НКВД, а затем в органах Смерш, также далеко не всегда оказывались на высоте положения и недостаточно принципиально реагировали на имевшие место отклонения от норм закона.

Характерные примеры содержатся в докладной записке начальника Главного политического управления Красной армии генерал-полковника А. С. Щербакова председателю ГКО и наркому обороны И. В. Сталину о проведенном расследовании по донесению командующего 7-й отдельной армией генерал-майора А. Н. Крутикова. Командарм в апреле 1943 г. написал наркому обороны об искривлении следственной практики в особом отделе армии. По указанию И. В. Сталина для изучения дел на месте в штаб армии были командированы

Совершенно секретно 98

(Сохранен БУК? ... № 6 ... 9 ...)

П Р И К А З
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ
№ 0086 с.ш

" июня 1943 года. гор.Москва.

СОДЕРЖАНИЕ: Об организации школ и курсов Главного Управления контрразведки НКО "СМЕРШ" и создании резерва оперативного состава при Управлениях и отделах фронтов и военных округов.

I. Для подготовки и переподготовки оперативного состава органов "СМЕРШ" организовать при Главном Управлении контрразведки "СМЕРШ" 4 постоянных школы: I-ую Московскую – на 600 чел., 2-ю Московскую – на 200 чел., Ташкентскую – на 300 чел., Хабаровскую – на 250 чел. и курсы с 4-х месячным сроком обучения в г.г. Новосибирске – на 200 чел. и Свердловске – на 200 чел.

2. Для слушателей школ и курсов установить денежное содержание:

а) лицам среднего и старшего начальствующего состава по ранее занимаемым должностям;

б) лицам рядового и младшего начальствующего состава стипендию в размере 400 рублей в месяц.

3. Начальнику Главного Управления Тыла Красной Армии генерал-полковнику интендантской службы тов.ХРУЛЕВУ обеспечить школы и курсы всеми видами довольствия.

4. Для укомплектования кадрами органов контрразведки "СМЕРШ" новых формирований и пополнения убыли оперативного состава, – создать при Главном Управлении контрразведки "СМЕРШ", Управлениях и отделах фронтов и военных округов постоянно действующий

Приказ об организации школ и курсов ГУКР НКО Смерш. Лист 1

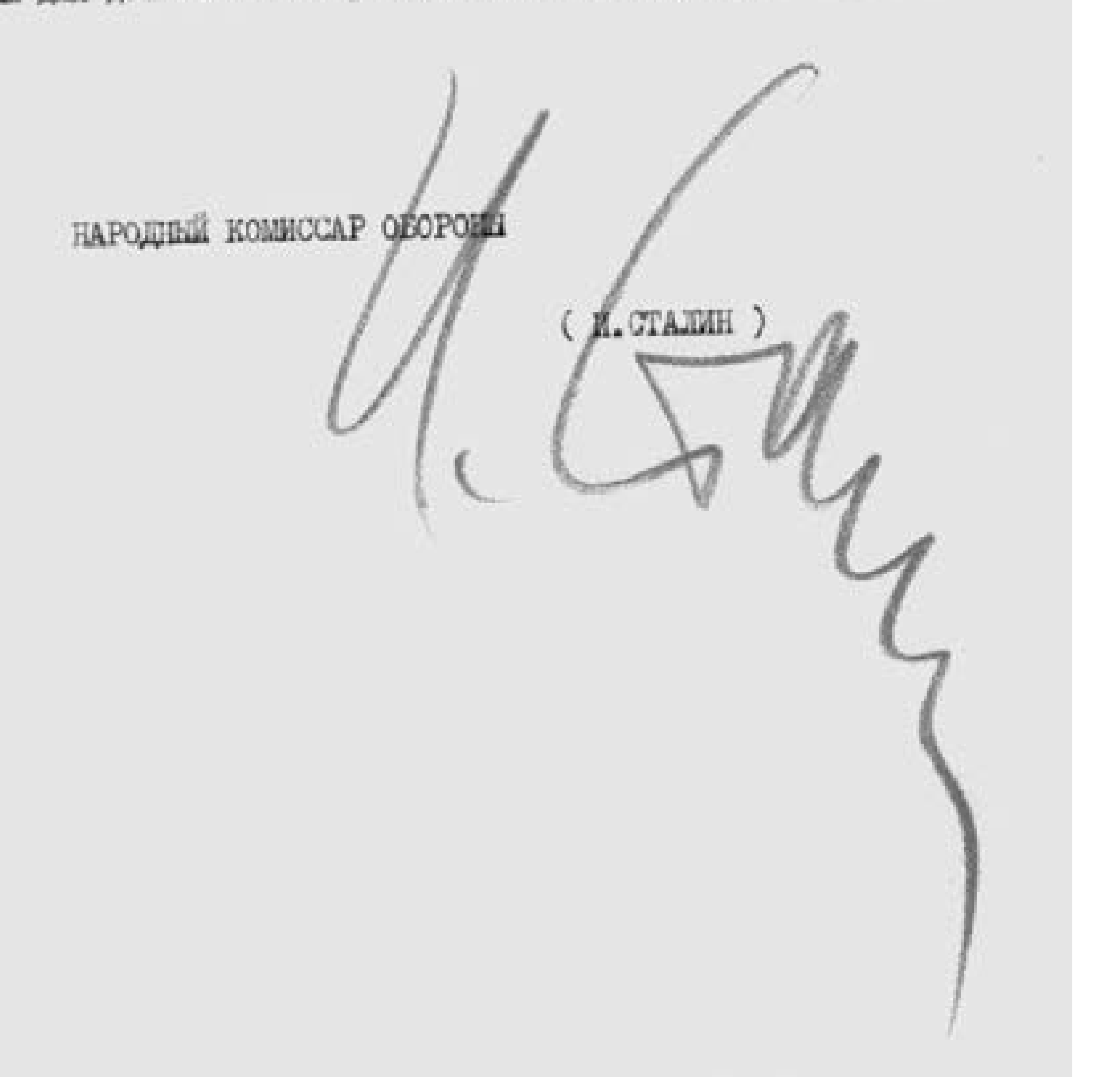
2.

до 50 – 100

резерв кадров ~~от 50 до 100~~ человек.

Резерв пополнять за счет нового набора из числа младшего и среднего командно-политического состава армии.

Личный состав резерва содержать за счет общего некомплекта контрразведки "СМЕРШ" и тарифицировать по ставкам, установленным для должностей оперативного состава органов "СМЕРШ".

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ

(И. СТАЛИН)

Приказ об организации школ и курсов ГУКР НКО Смерш. Лист 2

представители ГлавПУ РККА и ГУКР НКО Смерш, а упомянутых генералом Крутиковым «шпионов» доставили в Москву, где их лично допросили А. С. Щербаков и В. С. Абакумов. В результате проведенной работы были установлены реально имевшие место факты нарушений в работе сотрудников особого отдела при расследовании уголовных дел в отношении лиц, подозреваемых в шпионаже, измене Родине и антисоветской пропаганде. Основными причинами такого положения являлись: поверхностная и тенденциозная оценка материалов дел, использование непроверенных сведений из донесений секретных осведомителей, упор при расследовании на признание подозреваемыми своей вины. Надзирающие прокуроры знали об этом, однако не реагировали должным образом. В итоговом документе комиссии констатировалось: «В работе особого отдела армии и особых отделов соединений имели место крупные и серьезные недостатки, а также извращения»[16].

На основании предложений комиссии нарком обороны подписал приказ № 0089 от 31 мая 1943 г., в соответствии с которым заместитель начальника особого отдела 7-й отдельной армии (он же начальник следственной части) подполковник Керзон и старший следователь Ильяйнен были уволены из органов контрразведки и осуждены на пять лет лишения свободы. Уволили и трех следователей с направлением их в штрафной батальон. Начальнику особого отдела армии полковнику И. П. Добровольскому за отсутствие контроля над работой следственной части был объявлен выговор с предупреждением. Одновременно был снят с должности и понижен в воинском звании помощник военного прокурора армии майор юстиции Васильев, а сам военный прокурор полковник юстиции Герасимов наказан в дисциплинарном порядке[17].

Главным управлением контрразведки Смерш, управлениями контрразведки фронтов и соответствующими отделами армий неоднократно предпринимались выезды на места для изучения состояния следственной работы в подчиненных органах. Так, в ходе проверки сигнала, поступившего в УКР Смерш Южного фронта, о недостойном поведении следователя ОКР Смерш 50-го запасного полка 44-й армии были вскрыты серьезные недостатки и нарушения процессуальных норм. Выяснились факты угроз подследственным и даже случаи их избиения. Приказом начальника отдела Смерш армии полковника Б. М. Самогородского следователь, допустивший нарушения законности, был отстранен от работы, а его начальник получил взыскание[18].

Подобные случаи произошли в отделе военной контрразведки 56-й армии. В докладной записке военного прокурора этого объединения указывалось: «Органами ОКР «Смерш» 56-й армии проведена огромная работа по выявлению и разоблачению контрреволюционного предательского элемента, пробравшегося в ряды Красной армии и засланного немецкими разведывательными органами... Однако наряду с этим ряд работников ОКР «Смерш» армии допускали извращения следственной практики и необоснованные аресты военнослужащих по обвинению их в контрреволюционных преступлениях»[19]. Как оказалось, следователи использовали заявления лжесвидетелей и обвиняли ряд лиц в намерении изменить Родине или в контрреволюционной пропаганде. В итоге разбирательства по данным случаям нарушители закона понесли заслуженное наказание.

Приведенные факты являлись единичными и никак не умаляют огромной работы следователей и оперработников, основанной на нормах действовавших в те годы законов.

В начале июня 1943 г. начальник ГУКР НКО Смерш направил руководителям подчиненных органов указание об улучшении следственной работы. В преамбуле данного документа отмечалось, что начальники управлений и отделов военной контрразведки еще недостаточно предметно руководят следственной работой. Исходя из этого, им предлагалось принять меры к укомплектованию следственных подразделений опытными работниками и постоянно оказывать им практическую помощь, а в случаях возбуждения уголовных дел по шпионажу в аппаратах Смерш дивизий и армий передавать их для более квалифицированной оценки и дальнейшего расследования в соответствующие структуры фронтового уровня или уровня военных округов. В. С. Абакумов указал на необходимость тщательной проверки показаний обвиняемых и свидетелей[20].

Для контроля выполнения на практике указания начальника ГУКР Смерш в управления контрразведки фронтов выезжали комиссии, а по результатам их работы созывались совещания для обсуждения состояния дел и принимались необходимые организационно-кадровые решения. К примеру, в конце августа 1943 г. было проведено двухдневное совещание в Краснодаре в УКР Смерш Северо-Кавказского фронта. В его работе приняли участие военный прокурор и председатель военного трибунала фронта. Заместитель начальника Управления контрразведки сообщил присутствующим, что после получения указания начальника главка была осуществлена проверка следственных подразделений по кадровой линии, в ходе которой отчислены слабоквалифицированные офицеры и те, кто допускал какие-либо нарушения уголовно-процессуальных норм. Была также введена практика обязательного согласования оперативными работниками со следователем вопроса о возбуждении того или иного уголовного дела. В итоге количество возбужденных дел в органах военной контрразведки объединений и соединений фронта сократилось, стало шире применяться профилактическое воздействие на военнослужащих с целью недопущения реальных преступных действий с их стороны[21].

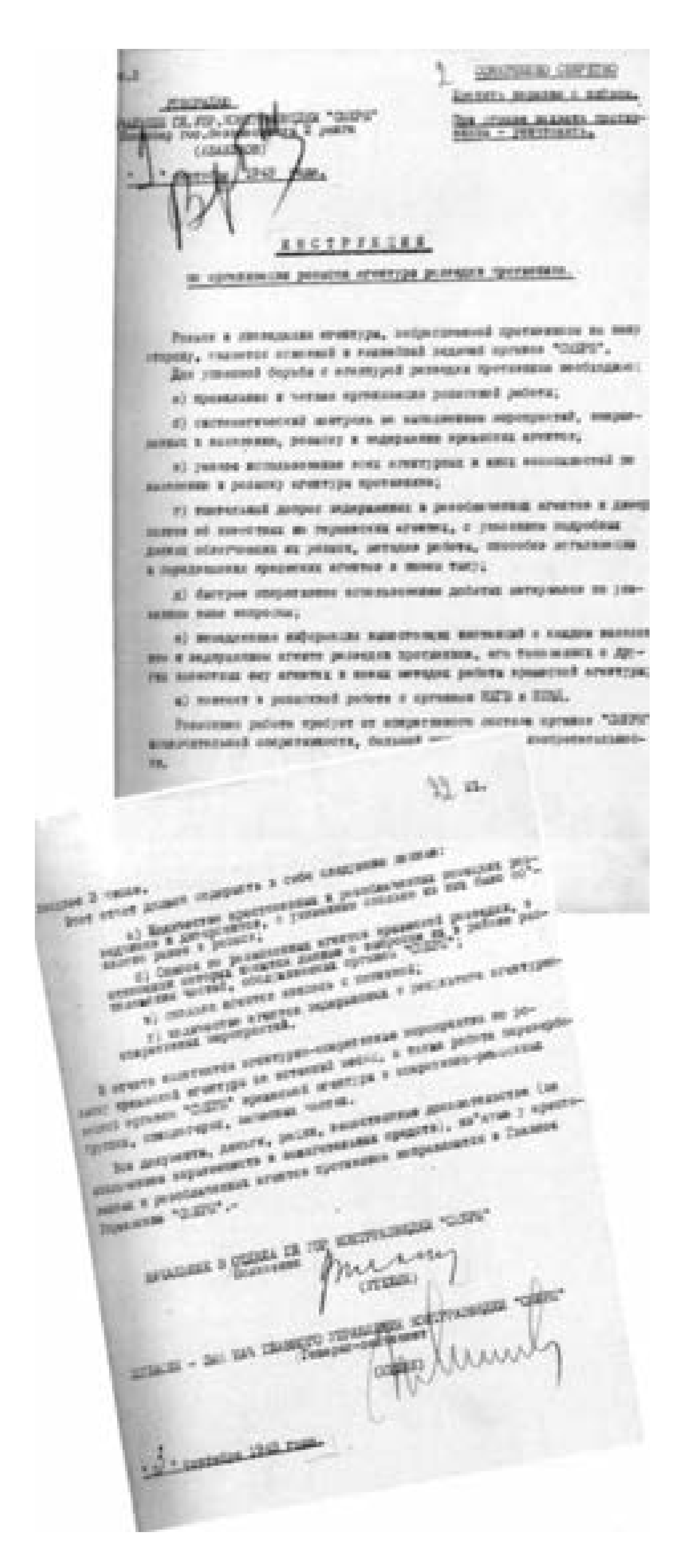
На втором этапе Великой Отечественной войны совершенствовалась нормативная база организации и проведения оперативной работы. Сюда прежде всего относятся следующие основополагающие документы: указание Управления особых отделов НКВД СССР № 1694 от 20 января 1943 г. о правилах переброски агентуры на сторону противника; Инструкция по организации и проведению радиоигр с противником, объявленная директивой ГУКР НКО Смерш 16 июля 1943 г.; приказ начальника ГУКР НКО Смерш от 2 сентября 1943 г. об усилении работы по розыску и ликвидации агентуры германской военной разведки; Инструкция по организации разыскной работы, разработанная в развитие приказа.

Серьезным подспорьем для фронтовых военных контрразведчиков стала специальная инструкция, разработанная летом 1943 г. в ГУКР НКО Смерш, по организации и проведению радиоигр с противником с использованием захваченных агентурных радиостанций. Она появилась в преддверии Курской битвы и сыграла свою роль как инструмент для более эффективной работы в указанном направлении. В основе инструкции лежали результаты анализа предшествующего опыта как непосредственно контрразведывательной деятельности, так и взаимодействия с Генеральным штабом Красной армии и штабами фронтов.

Уже в начале 1943 г. контрразведчики четко определились с каналами проникновения агентуры противника в войска. К ним относились следующие: 1) вербовка захваченных в плен военнослужащих и в короткое время возвращение их в часть под видом отставших, заблудившихся, раненых; 2) переброска агентуры в расположение наших войск под видом выходящих из окружения или бежавших из плена в расчете на то, что эта агентура непосредственно либо через лагеря попадает в действующую армию; 3) перевербовка зафронтовой агентуры разведорганов армии и фронта в целях внедрения через нее в разведотделы штабов; 4) внедрение агентуры прямо или путем подставы ее военнослужащим в учреждения и предприятия, обслуживающие армию и ее штабы; 5) приобретение агентуры из лиц призывного возраста на территории, оставляемой немецкой армией под ударами наших войск, в расчете на то, что они будут мобилизованы; 6) внедрение агентуры в партизанские отряды из числа лиц, ранее не призванных в Красную армию по тем или иным причинам, либо из бывших военнослужащих, осевших на жительство на оккупированной территории, в расчете на то, что партизанские отряды на уже освобожденной территории будут расформированы, а их бойцы и командиры пополнят ряды Красной армии.

По данным ГУКР НКО Смерш только за сентябрь — ноябрь 1943 г. в полосе 3-го Белорусского фронта, к примеру, на сторону советских войск вышли шесть партизанских бригад общей численностью более 5 тыс. человек. В ходе их фильтрации военные контрразведчики арестовали 92 партизана, обоснованно подозреваемых в принадлежности к агентуре немецкой контрразведки и полицейских органов[22].

Особое внимание аппараты Смерш уделяли поиску агентуры спецслужб противника среди офицерского состава. Те, кто был ранее в плену либо вышел из окружения в одиноч-

Инструкция ГУКР Смерш по организации розыска агентуры противника

ном порядке и при сомнительных обстоятельствах, подлежали фильтрации. Постепенно эта работа упорядочивалась на основе приказов и директив командования. Так, Главное управление кадров НКО СССР издало в начале октября 1943 г. специальную директиву, предписывающую создавать в запасных офицерских полках, где сосредоточивались указанные выше категории комсостава, проверочные комиссии, в состав которых в обязательном порядке требовалось включать представителей управлений и отделов военной контрразведки[23].

Эта мера способствовала разыскной работе органов Смерш. Так, за сентябрь — декабрь 1943 г. контрразведчики 3-го Белорусского фронта выявили среди личного состава запасного офицерского полка 39 агентов противника, пытавшихся проникнуть в действующие части. Один из разоблаченных шпионов, бывший начальник ветеринарской лечебницы кавалерийской дивизии, попал в плен и в лагере был завербован гестапо, затем окончил Бреславльскую разведшколу и вступил в антисоветскую организацию «Боевой союз русских националистов», подконтрольную СД. Хорошо зарекомендовав себя в борьбе с партизанами, прошел переподготовку в разведшколе в г. Яблонь Люблинского округа Польши и был оставлен «на оседание» в районе наступления советских войск для дальнейшего проникновения в части Красной армии[24].

Результаты наступательных операций советских войск летом 1943 г. предполагали корректировку содержания некоторых направлений оперативной деятельности органов контрразведки Смерш. Операция «Цитадель» являлась последним крупным наступлением немецких войск на восточном фронте. Стратегическая инициатива полностью и окончательно перешла к Красной армии. Это означало, что военным контрразведчикам все чаще приходилось работать в условиях наступления, когда от вражеской оккупации освобождались большие районы нашей страны. Обоснованно предполагалось, что спецслужбы противника в своей разведывательно-подрывной работе сделают упор на создание агентурных позиций путем оставления на этой территории шпионов и диверсантов. Отсюда резко возрастало значение разыскных мероприятий.

Выводы из ранее накопленного опыта розыска ГУКР НКО Смерш были изложены в приказе от 2 сентября 1943 г. В его тексте констатировалось, что розыск агентуры противника все еще находится в неудовлетворительном состоянии, и достаточно много германских агентов, объявленных в розыск на основе добытых оперативных и следственных материалов, пока не задержаны. По показаниям ряда арестованных агентов было установлено, что отдельные из них до ареста неоднократно задерживались, но после поверхностной проверки документов освобождались, даже не подвергаясь личному обыску. В целях усиления розыска начальник ГУКР НКО Смерш приказал еще раз проверить работу всех аппаратов военной контрразведки и устранить выявленные недочеты. Далее следовал перечень конкретных мер, включая создание внештатных оперативно-разыскных групп с включенными в их состав агентами-опознавателями. Одному из своих заместителей и начальнику 3-го отдела ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумов поручил разработать инструкцию для подчиненных органов по розыску агентуры противника[25].

Такая инструкция была подготовлена в короткий срок, В. С. Абакумов утвердил ее, после чего объявил директивой ГУКР НКО Смерш от 9 сентября 1943 г. Она содержала перечень оперативных, заградительных и профилактических мероприятий: выявление вражеских агентов по признакам фиктивности документов и особенностям экипировки; опрос военнослужащих, находившихся в плену или вышедших из окружения при сомнительных обстоятельствах; обеспечение непроницаемости линии фронта; проверочная (фильтрационная) работа; изучение захваченных трофейных документов; опрос населения прифронтовой полосы и т. д.

Основным средством армейских контрразведывательных аппаратов в борьбе со шпионами, диверсантами и террористами оставались негласные сотрудники органов безопасности. Правильный их подбор и расстановка, а также целеустремленное использование являлись важнейшими условиями успешной борьбы с вражеской агентурой.

Перестройка организационной структуры и уточнение задач военной контрразведки в 1943 г.

Успехи советских войск на фронтах положительно отразились на деятельности всех оперативных структур НКВД. Советские органы госбезопасности приобрели к этому времени достаточный опыт противодействия спецслужбам фашистской Германии, не позволяя им существенным образом влиять на подготовку и проведение боевых операций посредством масштабных подрывных и шпионско-диверсионных акций.

И тем не менее с учетом изменений в военно-политической и оперативной обстановке потребовалось не только откорректировать задачи органов военной контрразведки, но и привести их организационную структуру в оптимальное состояние. Подобного рода задачи обозначились еще в ходе зимней кампании 1942–1943 гг., поэтому проекты некоторых основополагающих документов появились в Управлении особых отделов НКВД СССР именно в этот период. Однако пока продолжалась Сталинградская битва, а также другие крупные оборонительные и наступательные операции, проводить реорганизацию, включая и разрешение такого исключительно чувствительного для командования Красной армии вопроса, как ведомственная принадлежность военной контрразведки, руководство страны признало нецелесообразным.

Только к 13 апреля 1943 г. И. В. Сталин определился с передачей военной контрразведки в Наркомат обороны, обсудив эту идею с некоторыми высшими политическими и военными руководителями. Л. П. Берия считал, что появилась возможность, не снижая темпов работы, провести организационную перестройку чекистских аппаратов. Структура Наркомата внутренних дел в 1942 г. оставалась достаточно сложной и уже не отвечала предъявляемым Государственным Комитетом Обороны требованиям. По указанию И. В. Сталина заместитель министра внутренних дел СССР В. Н. Меркулов подготовил и 14 апреля 1943 г. направил председателю ГКО проект постановления ЦК ВКП(б) об организации самостоятельного Наркомата госбезопасности и проект указа Президиума Верховного Совета СССР на сей счет. Это были документы, уже доработанные с учетом мнения И. В. Сталина, поскольку В. Н. Меркулов с начала апреля 1943 г. дважды докладывал Верховному главнокомандующему первоначальные варианты документов. По имеющимся сведениям, замнаркома внутренних дел рассчитывал занять главный пост в НКГБ, сохранив в своем подчинении военную контрразведку в виде Управления особых отделов[26].

У председателя ГКО было иное мнение. Поскольку И. В. Сталин одновременно являлся и наркомом обороны, то он решил замкнуть на себя руководство военной контрразведкой, которая к этому времени разрослась численно, укрепилась организационно и, что самое главное, уже реально доминировала среди других оперативных управлений НКВД. Даже в области зафронтовой работы особисты по ряду позиций не уступали специально созданному для этих целей 4-му управлению НКВД СССР.

Предстоящие серьезнейшие изменения в сфере органов госбезопасности И. В. Сталин первоначально обсудил с членами Политбюро ЦК ВКП(б), заседание которого состоялось 14 апреля 1943 г.[27] Участники заседания сошлись во мнении относительно задач Наркомата госбезопасности, отметив при этом, что в сферу ответственности НКГБ СССР не должна входить борьба с подрывной, шпионской, диверсионной и террористической деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной армии и Военно-морского флота, а также в войсках Наркомата внутренних дел[28].

Уже на следующий день во всех центральных советских газетах был опубликован указ Президиума Верховного Совета СССР об образовании Народного комиссариата государственной безопасности СССР. Наркомом был утвержден В. Н. Меркулов.

За день до решения вопроса о создании НКГБ, то есть 13 апреля 1943 г., кабинет председателя ГКО И. В. Сталина в одно и то же время посетили и провели там более двух часов

члены ГКО В. М. Молотов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, заместитель наркома внутренних дел В. Н. Меркулов, заместитель наркома обороны и начальник ГлавПУ РККА А. С. Щербаков, только что назначенный заместителем наркома обороны по кадрам Ф. И. Голиков, а также семь руководителей особых отделов фронтов. Эту группу возглавлял замнаркома внутренних дел, начальник Управления особых отделов НКВД В. С. Абакумов[29]. На заседании шла речь о выделении военной контрразведки из системы НКВД и придании ей определенного статуса в рамках военного ведомства.

Еще до совещания у И. В. Сталина начальник УОО НКВД СССР В. С. Абакумов провел необходимую предварительную работу, создав временную группу разработчиков основополагающих документов, необходимых для проведения реорганизации. Вот что вспоминал о создании и функционировании группы ветеран военной контрразведки полковник И. Я. Леонов: «А. М. Сиднев (начальник особого отдела Карельского фронта. — *Ред.*) буквально через десять дней после вступления меня в должность, пригласил к себе и сообщил, что по согласованию с Центром я включен в состав представительной комиссии Управления Особых отделов по решению вопросов по подготовке необходимых нормативных документов реорганизации Особых отделов, для чего я должен выехать в Москву. Поскольку А. М. Сиднев был в курсе дел о предстоящей работе комиссии, он четко определил мои задачи и высказал ряд своих рекомендаций... 3 апреля я выехал в Москву и приступил к работе в вышеуказанной комиссии. 19 апреля 1943 г., в связи с подготовкой и проведением крупных наступательных операций Красной армии и с возросшими контрразведывательными задачами, ГКО издал постановление о реорганизации Особых отделов в органы военной контрразведки «Смерш» («Смерть шпионам») и переводе их из системы НКВД СССР в Наркомат обороны, что предусматривало еще большее взаимодействие органов контрразведки с военным командованием, позволяло улучшить их материально-техническое обеспечение и повышало мощь в борьбе с разведками противника. Это была смелая, разумная и дальновидная перестройка наших органов военной контрразведки... Следует отметить, что работа комиссии по реорганизации Особых отделов была хорошо подготовлена, проходила при непосредственном участии И. В. Сталина и под его руководством. Создана она была при Управлении Особых отделов НКВД СССР во главе с заместителем начальника Управления, опытнейшим контрразведчиком генерал-лейтенантом И. Я. Бабичем. В комиссию вошло по одному представителю особых отделов каждого фронта, военного округа и от каждой штатной должности, начиная от старшего оперативного уполномоченного до заместителя начальника Особого отдела фронта, военного округа. В состав комиссии был также включен представитель и от Особых отделов Военно-морского флота... Комиссия работала десять дней, заседания комиссии проходили ежедневно с 13.00 до 24 часов в кабинете И. Я. Бабича, иногда в этих заседаниях принимал участие и В. С. Абакумов. Обсуждения выносимых на заседания вопросов всегда проходили активно. Особенно мне запомнились выступления двух подполковников: Фролова — начальника штабного отделения Особого отдела Первого Белорусского фронта и Веселова — начальника отделения по руководству подчиненными особыми отделами войск Ленинградского фронта. Они отличались хорошим знанием специфики работы оперативных работников в войсках, вопросов взаимодействий их с командованием и личным составом войск, а также знанием структуры спецслужб противника и методов их работы против наших войск. Как правило, вносимые ими предложения находили поддержку. Комиссия разработала все основные нормативные документы: Положение о военной контрразведке НКО «Смерш», необходимые приказы, наставления и инструкции, структуру органов военной контрразведки. Разработанная комиссией структура главного управления контрразведки НКО «Смерш», фронтовых, армейских, корпусных и дивизионных органов контрразведки и флотов была не громоздкой, эффективной, позволявшей обеспечивать четкую работу всех звеньев военной контрразведки сверху донизу. При докладе И. В. Сталину о результатах работы комиссии встал вопрос о целесообразности изменения наименования Особых отделов... Наименование «Смерш» подчеркивало, что во главу всех задач военной контрразведки ставится бескомпромиссная борьба с подрывной деятельностью иностранных разведслужб против сражающейся Красной

армии. По решению Совнаркома СССР в функции органов «Смерш» включалось также пресечение враждебных действий антисоветских элементов, проникших в войска, борьба с предательством, изменой Родине, дезертирством, обеспечение непроницаемости линии фронта для агентуры противника и выполнение специальных заданий Народного комиссара обороны. Было установлено, что по всем вопросам оперативной деятельности нижестоящие органы «Смерш» подчиняются вышестоящим отделам и Управлениям «Смерш». Главное управление контрразведки «Смерш» подчинялось Наркому обороны СССР, его начальник являлся одним из заместителей наркома (И. В. Сталина). Было также создано Управление контрразведки «Смерш» при Наркомате Военно-Морского Флота СССР»[30].

До принятия окончательного решения В. С. Абакумов еще дважды побывал у И. В. Сталина. На одной из бесед присутствовал и В. Н. Меркулов, который представил председателю ГКО проект постановления ЦК ВКП(б) о создании управления Смерinш (что означало «смерть иностранным шпионам»). Согласившись в основном с текстом, Верховный главнокомандующий лично внес изменение в название нового чекистского органа. Вместо «Смеринш» он написал «Смерш», тем самым расширив круг лиц, определяемых как шпионы[31]. И это было абсолютно правильным уточнением, так как органам Смерш пришлось вскоре столкнуться с агентурой бандподполья на Украине, Северном Кавказе и в Прибалтике.

19 апреля 1943 г. постановлением Совнаркома СССР Управление особых отделов НКВД было преобразовано в Главное управление контрразведки НКО Смерш[32]. Подписав указанное постановление как председатель Совнаркома СССР, И. В. Сталин через два дня уже в качестве руководителя ГКО утвердил положение о ГУКР Смерш[33]. В положении устанавливалось, что его начальник «подчинен непосредственно народному комиссару обороны и выполняет только его распоряжения»[34]. Обращает на себя внимание последняя часть формулировки о функциональной подчиненности. Ранее мы нигде не встречаем указаний на личную подчиненность каких-либо структур госбезопасности И. В. Сталину. Это дает основание говорить о том, что никакого влияния со стороны НКГБ — НКВД и, что особенно важно, ответственных руководителей Наркомата обороны на практическую деятельность ГУКР Смерш и его информационные потоки не осуществлялось. Предусматривалось лишь «поддержание, по мере необходимости, тесного контакта с соответствующими органами НКГБ СССР, НКВД СССР и Разведывательным управлением Генштаба Красной армии, обмен информацией и ориентировками»[35].

При этом в отличие от постановления ГКО от 17 июля 1941 г. о преобразовании органов 3-го управления НКО СССР в особые отделы НКВД СССР в положении о ГУКР Смерш уже не было пункта о праве на расстрел на месте дезертиров. Нет и таких формулировок, как «беспощадная расправа с паникерами, диверсантами, дезертирами и всякого рода дезорганизаторами», которые фигурировали в директиве НКВД, изданной на основе постановления ГКО. В положении о ГУКР Смерш упор сделан на активную агентурно-оперативную работу военной контрразведки в области борьбы со шпионажем и изменниками Родины. Однако дезертирство и членовредительство, а также оказание помощи командованию в поддержании высокой боеготовности войск остались в качестве объекта приложения усилий аппаратов Смерш[36].

К разрешению отдельных организационно-кадровых вопросов деятельности органов госбезопасности ГКО еще не раз возвращался на своих заседаниях в последующие месяцы. Сохранившиеся в Центральном архиве ФСБ России документы со всей очевидностью свидетельствуют о том, что И. В. Сталин глубоко вникал в процесс реорганизации органов военной контрразведки. Он лично рассматривал, корректировал и утверждал положение о ГУКР НКО Смерш, его структуру и штат. Председатель ГКО отредактировал и подписал штаты и структуру двух видов фронтовых управлений, увеличив количество штатных единиц в УКР Смерш, где во фронт входило более пяти армий. По приказанию наркома В. С. Абакумов подготовил приказ НКО от 29 апреля 1943 г. о присвоении воинских званий начальствующему составу органов Смерш и приказ НКО о назначениях заместителей и помощников начальника ГУКР НКО Смерш.

Нельзя не упомянуть еще несколько решений, которые дополняли развернутый процесс реорганизации. В постановлении СНК СССР № 415-138сс от 19 апреля 1943 г. в пункте № 7 прямо указывалось: «Изъять из ведения НКВД СССР Морской отдел Управления Особых отделов НКВД СССР и передать его Народному комиссариату Военно-морского флота, организовав на базе его Управления контрразведки НКВМФ («Смерш»)». Далее перечислялись задачи вновь создаваемого органа, во многом повторявшие те, что стояли перед ГУКР НКО Смерш. СНК обязал наркома ВМФ адмирала Н. Г. Кузнецова представить на утверждение ЦК ВКП(б) структуру органов Смерш НКВМФ, кандидатуры начальника Управления контрразведки и его заместителей[37].

К концу мая 1943 г. указание СНК СССР было выполнено, положение об УКР НКВМФ Смерш и его органах на местах разработано. 3 июня 1943 г. нарком ВМФ Н. Г. Кузнецов подписал приказ № 00155 о создании управления. В нем, в частности, подчеркивалось, что УКР НКВМФ Смерш подчиняется непосредственно наркому и «выполняет только его распоряжения»[38].

В системе НКВД СССР на базе 6-го отдела Управления особых отделов создавался отдел Смерш для оперативного обслуживания войск НКВД.

Таким образом, весной 1943 г. была создана система органов Смерш, охватывающая все вооруженные силы. Нельзя не заметить, что практически одновременно с реформой контрразведки произошли организационные изменения и в военной разведке. Приказом наркома обороны И. В. Сталина (№ 0071 от 19 апреля 1943 г.) Управление войсковой разведки Генштаба было реорганизовано в Разведуправление ГШ Красной армии и на него возложено руководство войсковой и агентурной разведками фронтов, а также проведение дезинформации противника. Этим же приказом при начальнике Генштаба создавалась группа командиров во главе с генерал-полковником Ф. И. Голиковым с задачей обобщения и анализа поступающих данных о противнике от всех органов разведки и контрразведки НКО, НКВД, НКВМФ, ГУКР Смерш и партизанских штабов.

Органам ГУКР Смерш предписывалось усилить работу по обеспечению безопасных условий деятельности военной разведки и систематически информировать Разведывательное управление Генштаба Красной армии, сообщая данные о причинах провала агентов, полученные в ходе следственной работы, факты перевербовки противником негласных сотрудников военной разведки, особенности подготовки противником своих агентов, организации связи с ними, а также способы заброски в наш тыл. Одновременно и РУ ГШ РККА обязывалось незамедлительно сообщать в ГУКР Смерш все добытые данные об агентуре противника, подготавливаемой для внедрения в Красную армию или ее тылы[39].

Кроме военной контрразведки претерпела изменения и структура войск НКВД. По распоряжению ГКО нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия своим приказом № 00792 от 4 мая 1943 г. создал Главное управление войск НКВД по охране тыла действующей армии с подчинением ему всех управлений охраны тыла фронтов и входивших в их состав частей. Общая численность войск охраны тыла определялась в 80 тыс. офицеров и солдат. Начальником Главного управления назначили комиссара госбезопасности 3 ранга А. М. Леонтьева[40]. В составе главка имелся разведывательный отдел, и аналогичные подразделения — в войсках фронтов. Они работали в контакте с органами Смерш по выявлению агентуры противника, предателей, изменников и боевиков националистического подполья во фронтовых тылах.

Как явствует из положения, органы Смерш создавались как централизованная организация с вертикальной подчиненностью. Все аппараты военной контрразведки обязывались информировать военные советы и командование соответствующих частей, соединений и учреждений Красной армии по следующим вопросам: 1) о результатах борьбы с агентурой противника; 2) о проникших в части антисоветских элементах; 3) об итогах борьбы с изменой Родине, предательством, дезертирством и членовредительством. На практике по каждому из указанных вопросов управления и отделы Смерш стали предоставлять военным советам и командующим ежемесячные сводки, а при проведении наступательных операций — и более регулярную информацию.

П Р И К А З

НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ

№ ___/сш

"24" апреля 1943 года. гор.Москва.

СОДЕРЖАНИЕ: - П о л и ч н о м у с о с т а в у.

ПО ГЛАВНОМУ УПРАВЛЕНИЮ КОНТРРАЗВЕДКИ НКО "СМЕРШ"

НАЗНАЧИТЬ: Полковника гос.безопасности ГОРГОНОВА Ивана Ивановича - начальником 1 отдела.

Подполковника гос.безопасности КАРТАШЕВА Сергея Николаевича - начальником 2 отдела.

Полковника гос.безопасности УТЕХИНА Георгия Валентиновича - начальником 3 отдела.

Полковника гос.безопасности ТИМОФЕЕВА Петра Петровича - начальником 4 отдела.

Полковника гос.безопасности ЗЕНИЧЕВА Дмитрия Семеновича - начальником 5 отдела.

Подполковника гос.безопасности ЛЕОНОВА Александра Георгиевича - начальником 6 отдела.

Подполковника гос.безопасности ШАРИКОВА Михаила Петровича - начальником 8 отдела.

Подполковника гос.безопасности КОЧЕТКОВА Александра Евстафьевича - начальником 9 отдела.

Майора гос.безопасности ЗБРАИЛОВА Александра Михайловича - начальником 10 отдела.

Полковника гос.безопасности ЧЕРТОВА Ивана Александровича - начальником 11 отдела.

Полковника гос.безопасности ВРАДИЙ Ивана Ивановича - начальником Отдела Кадров.

Подполковника гос.безопасности ПОЛОЗНЕВА Сергея Андреевича - начальником Адмфинхозотдела.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ
Маршал Советского Союза - (И.СТАЛИН)

Приказ НКО о назначении руководящего состава ГУКР Смерш

П Р И К А З
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ

19 апреля 1943 года. № 1/сш гор.Москва.

СОДЕРЖАНИЕ: О присвоении воинских званий начальствующему составу органов " СМЕРШ ".

В соответствии с утвержденным Государственным Комитетом Обороны положением о Главном Управлении Контрразведки Народного Комиссариата Обороны "СМЕРШ" и его органах на местах, -

П Р И К А З Ы В А Ю:

1. Присвоить личному составу органов "СМЕРШ" воинские звания установленные Указом Президиума Верховного Совета Союза ССР в следующем порядке:

НАЧАЛЬСТВУЮЩЕМУ СОСТАВУ ОРГАНОВ "СМЕРШ":

а) имеющим звание мл.лейтенант гос.безопасности – МЛ.ЛЕЙТЕНАНТ;
б) имеющим звание лейтенант гос.безопасности – ЛЕЙТЕНАНТ;
в) имеющим звание ст.лейтенант гос.безопасности – СТ.ЛЕЙТЕНАНТ;
г) имеющим звание капитан гос.безопасности – КАПИТАН;
д) имеющим звание майор гос.безопасности – МАЙОР;
е) имеющим звание подполковник гос.безопасности – ПОДПОЛКОВНИК;
ж) имеющим звание полковник гос.безопасности – ПОЛКОВНИК.

2. Остальным лицам начальствующего состава, имеющим звание комиссар гос.безопасности и выше, – воинские звания присвоить в персональном порядке.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ОБОРОНЫ И. Сталин (И. СТАЛИН)

Приказ НКО о присвоении воинских званий начальствующему составу органов ГУКР Смерш

В положении специально подчеркивалось, что органы Смерш освобождались от проведения работы, не связанной непосредственно с решением возложенных на них задач. Сами же задачи формулировались следующим образом: а) борьба со шпионской, диверсионной, террористической и иной подрывной деятельностью иностранных разведок в частях и учреждениях Красной армии; б) борьба с антисоветскими элементами, проникшими в части и учреждения Красной армии; в) принятие необходимых агентурно-оперативных и иных (через командование) мер к созданию на фронтах условий, исключающих возможность прохода агентуры противника через линию; г) борьба с предательством и изменой Родине в частях и учреждениях Красной армии (переход на сторону противника, укрывательство шпионов и вообще содействие работе последних); д) борьба с дезертирством и членовредительством на фронтах; е) проверка военнослужащих и других лиц, бывших в плену и окружении противника; ж) выполнение специальных заданий народного комиссара обороны.

В положении четко определялись права и обязанности органов военной контрразведки: а) вести агентурно-осведомительную работу; б) производить в установленном законом порядке выемки, обыски и аресты военнослужащих Красной армии, а также связанных с ними лиц из гражданского населения, подозреваемых в преступной деятельности; в) проводить следствие по делам арестованных с последующей передачей дел по согласованию с органами прокуратуры на рассмотрение соответствующих судебных органов или Особого совещания при НКВД СССР; г) применять различные специальные мероприятия, направленные на выявление преступной деятельности агентуры иностранных разведок и антисоветских элементов; д) вызывать без предварительного согласования с командованием в случаях оперативной необходимости и для допросов рядовой и командно-начальствующий состав Красной армии.

Было определено, что аресты военнослужащих Красной армии органами Смерш могут производится: рядового и младшего начсостава — по согласованию с прокурором; среднего начсостава — по согласованию с командиром и прокурором соединения, части; старшего начсостава — по согласованию с военными советами и прокурором; высшего начсостава — с санкции наркома обороны.

Между структурными подразделениями органов контрразведки Смерш строго распределялись функциональные обязанности, что обеспечивало достаточно высокое качество их работы. Помощники начальника Главного управления (по числу фронтов) с приданными им группами оперативных работников курировали деятельность органов Смерш на фронтах. Кроме данных групп имелись и функциональные отделы: 1-й отдел ГУКР Смерш НКО занимался агентурно-оперативной работой по центральным органам Красной армии, управлениям Наркомата обороны; 2-й отдел вел работу среди военнопленных, представляющих интерес для органов Смерш, осуществлял проверку военнослужащих Красной армии, бывших в плену и окружении противника; 3-й отдел отвечал за борьбу с агентурой противника (парашютистами), забрасываемой в наш тыл; 4-й отдел вел контрразведывательную работу в тылу противника в целях выявления каналов проникновения агентуры противника в части и учреждения Красной армии; 5-й отдел осуществлял руководство работой органов Смерш военных округов; 6-й отдел был следственным. Отдел кадров занимался подбором и подготовкой кадров для органов Смерш и формированием новых подразделений.

На местах были организованы управления контрразведки НКО (Смерш) фронтов и отделы контрразведки НКО (Смерш) армий, округов, корпусов, дивизий, бригад, запасных полков, гарнизонов, укрепрайонов, учреждений Красной армии. Для обеспечения оперативной работы, конвоирования арестованных и их охраны, а также охраны мест заключения в органах Смерш формировались воинские подразделения: во фронтовых управлениях — батальон, в армейских отделах — рота, в отделах контрразведки корпуса, дивизии и бригады — взвод.

Личный состав органов контрразведки Смерш комплектовался за счет оперативного состава бывшего Управления особых отделов НКВД СССР и специального отбора военнослужащих из числа командно-начальствующего и политического состава Красной армии и ВМФ. Подготовка кадров для органов Смерш обеспечивалась путем создания специальных школ и курсов при Главном управлении контрразведки НКО. Работникам органов контрраз-

ведки Смерш присваивались воинские звания, установленные в Красной армии. Они носили форму, погоны и другие знаки различия соответствующих родов войск Красной армии.

Произошедшие структурные изменения органов контрразведки Смерш в 1943 г. обеспечили повышение эффективности и целеустремленности разведывательной и контрразведывательной работы, все более широкое применение наступательных методов в борьбе с подрывной деятельностью спецслужб противника. Новая организационно-штатная структура органов военной контрразведки в 1943 г. оправдала себя и фактически не претерпела существенных изменений до конца войны.

После реорганизации большое внимание было уделено подготовке новых кадров. 15 июня 1943 г. председатель ГКО И. В. Сталин подписал приказ об организации школ и курсов ГУКР Смерш. В частности, были созданы четыре постоянные школы: 1-я Московская на 600 человек, 2-я Московская на 200 человек, Ташкентская на 300 человек, Хабаровская на 250 человек со сроком обучения 6—9 месяцев и курсы с четырехмесячным сроком обучения в Новосибирске и Свердловске на 200 человек каждые[41]. В ноябре 1943 г. Новосибирские курсы по подготовке оперативного состава были реорганизованы в школу ГУКР НКО СССР Смерш с годичным сроком обучения. Всего за годы Великой Отечественной войны в Новосибирске на курсах были подготовлены около 4 тыс. военных контрразведчиков.

Проделанная в этом направлении работа позволила не просто своевременно восполнять безвозвратные потери, которые несли органы контрразведки Смерш в период войны, но и повысить качество разведывательной и контрразведывательной деятельности в боевых условиях за счет повышения квалификации сотрудников.

Основные направления деятельности органов военной контрразведки

Определение линии работы и тактических приемов деятельности особых отделов, а затем и органов Смерш напрямую зависело от направленности и активности противостоящих разведорганов противника на том или ином участке фронта. Набор оперативных мероприятий, их объем и интенсивность определялись в зависимости от того, что происходило на фронтах. После эффективного контрнаступления под Сталинградом возникла необходимость активной разыскной работы на освобожденной от врага территории. Было очевидно, что прифронтовой тыл противник постарался насытить агентурой, оставленной «на оседание», а также нацеленной на непосредственное проникновение в воинские части, штабы и учреждения Красной армии.

Для второго периода войны характерным стало использование спецслужбами врага агентуры, хорошо подготовленной в созданной для этой цели сети разведывательных школ и курсов. Слабо обученные диверсионно-разведывательные кадры из числа советских военнопленных уже не могли принести противнику существенной пользы.

Разыскная работа на ранее оккупированной врагом территории проводилась органами госбезопасности и ранее, в первый период Великой Отечественной войны, однако масштабы ее были невелики, и результативность оставляла желать лучшего.

В конце 1942 — зимой 1943 г. органы военной контрразведки столкнулись с необходимостью фильтрации большого числа бывших военнопленных и организации проверочной работы в отношении призываемых в Красную армию граждан, проживавших в освобожденных районах. Кроме того, следовало развернуть оперативные мероприятия среди военнопленных противника. До наступления под Сталинградом их число росло медленно и к середине ноября 1942 г. не превышало 20 тыс. человек[42], однако уже к концу года через приемные пункты прошли 80 тыс. немецких и итальянских военнопленных. Всего же в плену у советских войск только в результате ликвидации котла в районе Сталинграда оказалось почти 152 тыс. человек. В частях 6-й армии фельдмаршала Ф. Паулюса служили, по некоторым данным,

51 780 так называемых «хиви», то есть советских граждан, добровольно надевших форму врага, участвовавших в боях либо выполнявших вспомогательные функции. Только в 524-м гренадерском полку разгромленной под Сталинградом 297-й немецкой пехотной дивизии по состоянию на 12 ноября 1942 г. числились 106 человек, служивших в качестве ездовых, шоферов, поваров и рабочих на передовой.

Для содержания военнопленных противника и фильтрации бывших советских военнопленных в конце февраля 1942 г. Наркомат внутренних дел СССР создал 19 спецлагерей, в каждом из которых за счет оперативного состава и следователей военной контрразведки были организованы особые отделы. В ходе и после завершения Сталинградской битвы в спецлагерях и на сборно-пересыльных пунктах были собраны 128 132 человека из числа освобожденных из плена или находившихся в окружении. Из них после краткой проверки были направлены в части Красной армии 21 804 человека, а в отношении остальных проводились более углубленные фильтрационные процедуры[43].

В разыскной работе большое значение придавалось поддержанию режима прифронтовой полосы. Когда советские войска перешли от обороны к контрнаступлению, начальник Управления особых отделов НКВД СССР В. С. Абакумов направил директивное указание, в котором разъяснялось, в чем должна состоять помощь командованию в установлении и поддержании фронтового режима и как эффективнее использовать этот административный режим в целях усиления разыскной работы. Данное указание легло в основу соответствующих распорядительных документов особых отделов фронтов и армий и принесло хорошие результаты. В период наступательных операций Сталинградского, Донского и Юго-Западного фронтов, а также на центральном направлении особыми отделами НКВД указанных фронтов на освобожденной от вражеских войск территории из общего числа арестованных подозрительных лиц (1369 человек) в результате активной разыскной работы были выявлены и разоблачены 144 агента спецслужб противника, 688 пособников оккупантов: полицейских, старост и т. д. Особому отделу Донского фронта удалось лишь в одном прифронтовом районе вскрыть резидентуру германской разведки в количестве 14 человек, из которых были арестованы 10, а остальные объявлены в розыск[44].

Аппараты Смерш вели большую работу по укреплению прифронтового режима и находили поддержку в этом вопросе у командования. Командующий войсками Юго-Западного фронта генерал армии Р. Я. Малиновский, к примеру, полностью согласился с предложениями Управления контрразведки по усилению режима прифронтовой полосы и отдал соответствующие распоряжения[45]. Решение командующего базировалось на информации начальника УКР Смерш фронта генерал-майора П. И. Ивашутина о том, что в районах, где был ранее установлен жесткий режим прифронтовой зоны, только в апреле 1943 г. его подчиненные выявили и арестовали 63 агента разведки противника из числа гражданских лиц.

Активно действовали военные контрразведчики в ходе битвы за Кавказ, при освобождении городов Моздок, Минеральные Воды, Пятигорск, Ставрополь, Армавир, Майкоп и Краснодар. Судя по докладной записке особого отдела Северо-Кавказского фронта, подготовленной за несколько дней до завершения Краснодарской наступательной операции, только маневренными оперативными группами, действовавшими в боевых порядках войск, на освобожденной территории были задержаны 64 606 человек. Из этого числа удалось выявить 1176 агентов разведывательных, контрразведывательных и полицейских органов противника, включая агентов абвергрупп 101 и 301, зондеркоманды «Цеппелин». Они были заброшены в тыл наступающих советских войск, либо оставлены «на оседание» при отходе частей вермахта. Кроме того, особые отделы соединений и объединений фронта задержали 416 подозреваемых в шпионаже лиц, а также более двух тысяч ранее бежавших к немцам изменников Родины из числа бывших военнослужащих и 1350 дезертиров[46]. Фронтовые контрразведчики в ходе частичной реализации имевшихся агентурных дел по разработке разведывательных органов противника в короткий срок установили и арестовали членов семи разведывательно-диверсионных резидентур, имевших в своем распоряжении пять портативных радиостанций.

Добровольные помощники немцев («хиви») из числа советских пленных рядом с подводой

Как видно из приведенных примеров, на освобожденной территории органы военной контрразведки решали следующие задачи: выявление, разоблачение и пресечение работы агентуры разведорганов противника, оставленной либо заброшенной в прифронтовые районы; установление и задержание изменников Родины и активных пособников оккупантов, особенно тех, кто участвовал в карательных операциях против партизан, а также вскрытии и разгроме подпольных организаций; арест создателей и руководителей антисоветских воинских формирований. Следует уточнить, что сотрудники особых отделов (органов Смерш) в основной своей массе достаточно быстро передвигались вперед вместе с наступающими войсками, а потому не имели реальной возможности вести длительную и глубокую проверку задержанных активных пособников врага и большинство из них передавали воссоздаваемым на основе оперативных групп территориальным органам госбезопасности. Однако в отношении тех, кто был разоблачен как агент немецкой военной и политической разведки, а также лиц, обоснованно подозреваемых в этом, самостоятельно заводили уголовные дела и вели расследование.

В докладной записке на имя В. С. Абакумова от УКР Смерш Центрального фронта об агентурно-оперативной работе за июль 1943 г. указано, что данным органом и его подчиненными аппаратами на освобожденной территории задержан 4501 человек, из которых 145 подвергнуты аресту ввиду имевшейся информации об их враждебной деятельности в качестве агентов разведывательных, контрразведывательных и полицейских структур противника, а также служивших в немецкой армии и старост[47].

Отделы военной контрразведки 13, 48 и 70-й армий создали оперативные группы для проведения мероприятий по фильтрации подозрительных лиц с целью выявления враждебных

элементов. В результате на 15 августа 1943 г. они смогли разоблачить 12 шпионов, четырех диверсантов, 62 полицейских, 37 старост, 13 человек, служивших в немецкой армии.

Активно работали на освобожденной территории и органы Смерш Северно-Кавказского фронта. Начальник Управления военной контрразведки генерал-майор М. И. Белкин в начале июля 1943 г. доложил в Москву о некоторых результатах работы по агентурным делам на различные органы германской военной и политической разведки. Так, по делу «Пинг-понг» (на абвергруппу-101) были арестованы 17 агентов врага и изъяты три радиостанции. Более 20 агентов зондеркоманды «Цеппелин» (дело «Берлога») удалось арестовать в Ставропольском крае. Абвергруппа-102 (дело «Контора») потеряла в результате работы контрразведчиков 11 своих агентов-радистов, а абвергруппа-301 (дело «Банкроты») — 38 агентов, участвовавших в контрразведывательных акциях против заброшенных в немецкий тыл советских разведчиков, а также подпольщиков и партизан. Оперативно-разыскная группа УКР Смерш Северно-Кавказского фронта захватила в г. Ставрополь, в помещении, где дислоцировалось до отступления войск противника одно из подразделений «Цеппелина», секретные документы. Сведения, почерпнутые из них, дополненные материалами из протоколов допросов уже арестованных шпионов, позволили выявить 136 агентов, подготовленных к переброске либо уже заброшенных в тыл Красной армии[48].

Военные контрразведчики Северо-Кавказского фронта в рамках агентурного дела под условным названием «Черное золото» вскрыли намерения германского командования и его разведорганов по обеспечению быстрейшего использования объектов нефтяной промышленности в случае захвата Кавказа. Оказалось, что была создана «Армия нефтяников» из числа советских военнопленных, ранее имевших отношение к добыче и транспортировке нефти. Группы «Армии нефтяников» были сконцентрированы в Мариупольском лагере, и численность их составляла более 2 тыс. человек. Среди этого контингента вербовалась агентура для заброски в города Грозный, Майкоп и Баку. Их задача состояла в проведении диверсий и пораженческой агитации среди рабочих и инженерно-технического персонала нефтепромыслов и перерабатывающих предприятий в преддверии захвата Кавказа частями вермахта. Первая агентурная группа («Зет»), включавшая до 50 человек, в декабре 1942 г. прибыла в Ставрополь для дополнительной подготовки в разведшколе. Планам абверовцев не суждено было реализоваться ввиду проведения наступательных операций советских войск, однако часть агентуры из групп «Зет» и МАФ была оставлена на освобожденной от врага территории. С момента возникновения агентурного дела «Черное золото» (конец лета 1942 г.) по июнь 1943 г. сотрудники органов Смерш Северно-Кавказского фронта арестовали и разоблачили 14 агентов немецкой разведки, завербованных в «Армию нефтяников», взяли на учет и объявили в розыск еще более 70 агентов[49].

Действуя на освобожденной от врага территории, аппараты военной контрразведки координировали оперативные мероприятия с воссоздаваемыми территориальными органами НКГБ — НКВД прифронтовых областей. В период развернувшихся наступательных операций советских войск по освобождению территории Курской области спецслужбы фашистской Германии активизировали в нашем тылу шпионскую, диверсионно-террористическую деятельность, усилили заброску парашютистов-диверсантов, предпринимали меры по поддержке подрывной деятельности бандитских элементов. Чекисты Курской области в тесном взаимодействии с работниками военной контрразведки Центрального, Воронежского и Степного фронтов, опираясь на помощь советских людей, вскрывали и обезвреживали законспирированную фашистскую шпионскую сеть, ликвидировали остатки бандгрупп, созданных немецкой разведкой.

Налаживался и обмен информацией прифронтовых управлений НКГБ с фронтовыми и армейскими органами Смерш, позволявший распределять, а если необходимо, то и концентрировать усилия в оперативно-разыскной работе. К примеру, УНКГБ по Курской области задержало, а затем передало сотрудникам военной контрразведки для проведения следствия двух агентов немецкой разведки, сброшенных 28 июля 1943 г. с вражеского самолета. Эти агенты имели задание по совершению диверсионных актов на вновь строящейся

фронтовыми инженерными и саперными частями железной дороге от Старого Оскола до станции Ржава. Транспортная магистраль прежде всего предназначалась для обеспечения боеприпасами, боевой техникой и военным имуществом наступающих частей Красной армии. В ходе следствия выяснилось, что кроме захваченных агентов абверовцы сделали еще две заброски по четыре человека в каждой. У них было задание, аналогичное первой группе. Четырех диверсантов удалось задержать. По информации контрразведчиков командование Воронежского фронта приняло необходимые охранные меры, и диверсий удалось избежать.

Для более тесной увязки работы с органами военной контрразведки руководство НКГБ СССР командировало в освобожденные областные центры оперативные группы, которые направляли деятельность воссоздаваемых соответствующих территориальных органов. В частности, в г. Орел с начала августа 1943 г. находилась группа сотрудников во главе с заместителем начальника 2-го (контрразведывательного) управления НКГБ СССР комиссаром госбезопасности 3 ранга Л. Ф. Райхманом. Он лично встретился с начальником УКР Смерш Брянского фронта генерал-майором Н. И. Железниковым и начальником 4-го отдела ГУКР НКО Смерш генерал-майором П. И. Тимофеевым, прибывшими с проверкой состояния фильтрационной работы на освобожденной территории, и сообщил им добытые оперативной группой сведения.

В свою очередь, ГУКР НКО Смерш незамедлительно поставил в известность члена ГКО, наркома внутренних дел Л. П. Берию и главу НКГБ СССР В. Н. Меркулова о являвшихся с повинной, а также задержанных подростках-диверсантах, переброшенных немцами в тыл Красной армии самолетами для совершения диверсионных актов на коммуникациях наших войск. Военные контрразведчики установили, что в конце августа 1943 г. 10 молодых диверсантов были заброшены в районы городов Гжатск, Ржев и Сычёвка, а еще две группы с таким же числом диверсантов — на территорию Тульской, Московской, Воронежской и Курской областей. Используя привлеченных экспертов из числа военных химиков и саперов, сотрудники органов Смерш установили, что замаскированная под куски каменного угля взрывчатка обладает большой разрушительной силой. Для розыска подростков-диверсантов военные контрразведчики предложили коллегам из НКГБ — НКВД организовать агентурное наблюдение в районах железных дорог, выявлять и задерживать подозрительных подростков и проверять на причастность к диверсионной агентуре противника. С этой же целью рекомендовалось создавать оперативно-разыскные группы, ориентировать дежурные службы на станциях и сотрудников транспортной милиции[50].

Серьезную помощь в борьбе с разведчиками и диверсантами германских спецслужб в прифронтовой зоне, очистке освобожденных районов от иных враждебных элементов, а также задержании дезертиров военным контрразведчикам оказывали войска охраны тыла НКВД СССР. Итог их деятельности за 1943 г. в полной мере отражен в докладной записке Л. П. Берии на имя председателя ГКО И. В. Сталина. В документе, в частности, указано, что войска по охране тыла действующей армии в процессе очистки ранее оккупированных районов задержали для проверки 931 459 человек, из которых подавляющее большинство (582 515 человек) составляли военнослужащие, неорганизованно отходившие с поля боя, отставшие от своих частей, находившиеся ранее в немецком плену и т. д. Среди них, а также среди гражданских лиц были арестованы 80 296 человек, включая 4822 агента разведки, контрразведки и полицейских органов противника. Кроме того, разведотделы войск по охране тыла выявили в общем потоке задержанных 14 626 изменников Родины и предателей, большое число карателей и иных активных пособников оккупантов. За 1943 г. были задержаны и переданы органам контрразведки Смерш 95 агентов-парашютистов. Наибольшее их количество было нейтрализовано в тылах Западного, Белорусского и 3-го Украинского фронтов[51].

Активная разыскная работа проводилась сотрудниками органов Смерш и непосредственно среди личного состава Красной армии и флота. К сожалению, они нередко сталкивались с фактами, когда некоторые командиры без всякой проверки зачисляли на службу или работу лиц, проживавших на оккупированной территории, бежавших из плена или вышедших из окружения, что создавало условия для проникновения в воинские части аген-

С.С.С.Р.

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ОБОРОНЫ СОЮЗА ССР

Управление Контрразведки „СМЕРШ" Ленинградского фронта

ПРОТОКОЛ ДОПРОСА

1944 г. Октября мес. 21 дня. Я, следователь ОКР „Смерш" 23 Армии

допросил в качестве свидетеля

1. Фамилия Владиславлев
2. Имя и отчество Александр Владимирович
3. Дата рождения 1898 год
4. Место рождения г. Москва
5. Местожительство г. Москва,
6. Нац. и гражд. (подданство) русский, гражданин СССР
7. Паспорт не имеет
   (когда и каким органом выдан, номер, категория и место прописки)
8. Род занятий Ком-р 2го б-на 268 СП 136 СД.
   (место службы и должность)
9. Социальное происхождение из духовного сословия — сын священника
   (Род занятий родителей и их имущественное положение)
10. Социальное положение (род занятий и имущественное положение)
    а) до революции учащийся на иждивении родителей
    б) после революции служащий
11. Состав семьи женат

Протокол допроса

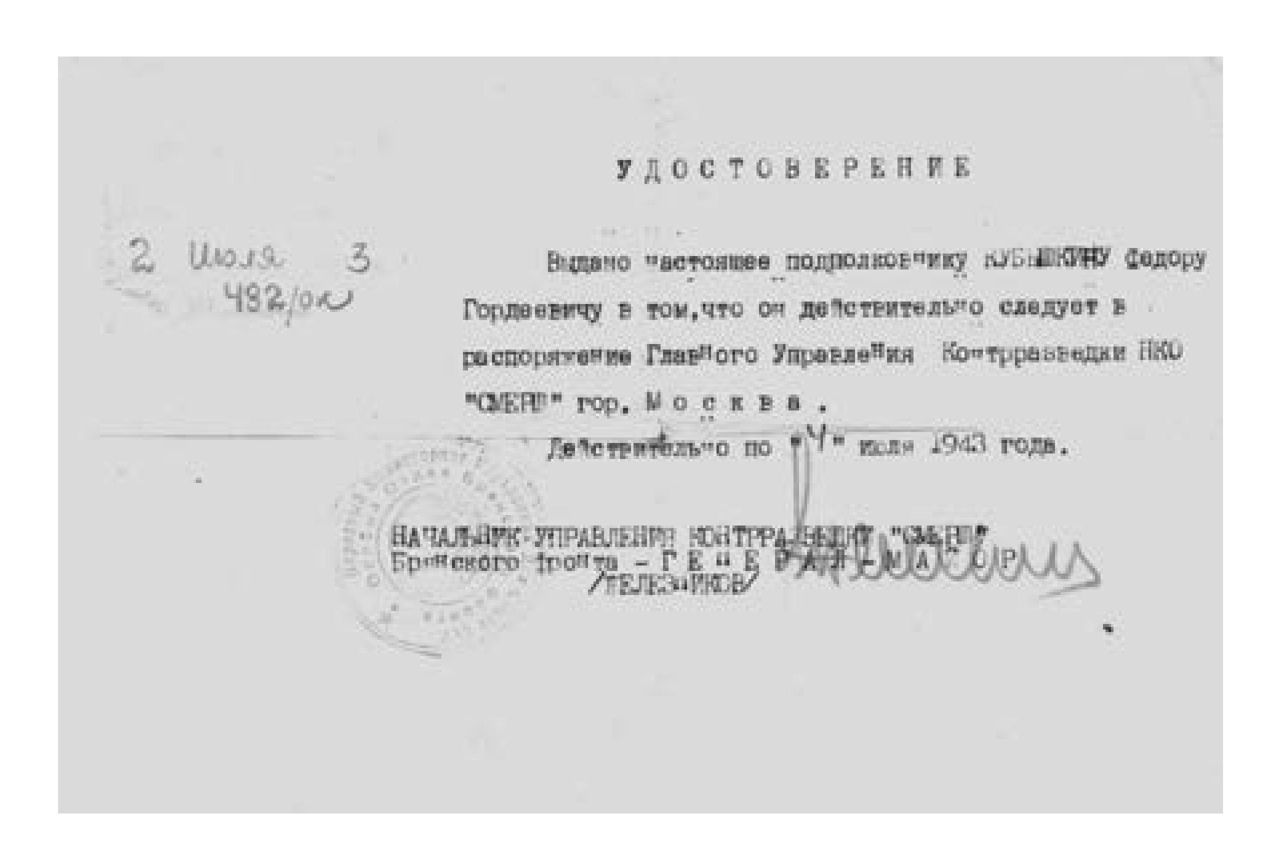
туры противника, изменников Родины и пособников оккупантов. По информации военной контрразведки Генеральный штаб и Главное управление кадров НКО СССР не раз издавали соответствующие распоряжения, которые приводили к некоторым положительным сдвигам в указанном вопросе, однако порочную практику искоренить не удалось вплоть до окончания Великой Отечественной войны. Поэтому аппараты Смерш брали на учет всех, кто не прошел необходимую проверку, добивались через командование и политорганы их увольнения либо направления на сборно-пересыльные пункты для более тщательного изучения. Такие меры далеко не всегда находили понимание у командно-начальствующего состава среднего уровня, да и у отдельных лиц, носивших генеральские погоны.

Характерный пример привел в своих мемуарах Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский. Зимой 1942 г. его подчиненные доложили о том, что наши войска освободили советских военнопленных, содержавшихся немцами в двух лагерях, и начальник политотдела предложил зачислить их в воинские части. «Это была верная мысль. Послали в Козельск группу офицеров штаба, политработников и врачей. Отобрали пригодных по здоровью. Эти люди столько испытали за время оккупации, что готовы были идти на любую опасность, лишь бы отомстить ненавистному врагу»[52]. А вот органы военной контрразведки были поставлены уже перед свершившимся фактом зачисления бывших военнопленных в части и учреждения наших войск.

УКР Смерш Южного фронта удалось разоблачить окончившего Варшавскую разведшколу абвера Н. Трофименко, который под видом отставшего от своей части командира роты пытался проникнуть в одну из воинских частей 2-й гвардейской армии с разведывательными целями. Первоначально он внедрился на пересыльный пункт, затем был направлен в резерв командного состава, а уже оттуда прибыл в отдел кадров штаба армии и только там арестован[53]. Подобных поверхностных проверок без участия сотрудников органов Смерш было немало.

Одним из оснований для организации разыскных мероприятий военными контрразведчиками являлись материалы, добытые в ходе проведения активной фронтовой работы. Суть ее заключалась в проникновении в спецслужбы противника с целью получения упреждающей информации о планах и замыслах разведывательных, контрразведывательных и полицейских структур по вербовке, подготовке и внедрению агентуры в воинские части действующей армии, прифронтовую зону и тыловые районы страны, а также в партизанские отряды и соединения, национальные патриотические организации. Такого рода работа проводилась и в первый период Великой Отечественной войны, однако по понятным причинам развернуть ее в полную силу не представлялось возможным. Успехи советских войск в ходе контрнаступлений и наступательных операций позволили контрразведчикам активизировать свои действия.

Прежде всего потребовалось проанализировать все ранее полученные материалы по конкретным разведывательно-диверсионным органам противника, действующим против того или иного фронта и армии. Собранные воедино данные стали основой для заведения объектовых агентурных дел на абверкоманды, абвергруппы и разведывательные школы. В этих делах концентрировались протоколы допросов арестованных или явившихся с повинной шпионов и диверсантов абвера и СД, а также доклады зафронтовых агентов, вернувшихся на нашу сторону после выполнения заданий военной контрразведки. Постепенно таких дел становилось все больше. Если во второй половине 1942 г. и в первой половине 1943 г. было заведено всего несколько объектовых агентурных дел, например на абвергруппу-107, ее передовой пост «Пауль Цвай» и некоторые разведорганы[54], то позднее состоялись постановления о заведении более чем 20 подобных дел: агентурная разработка «Взрыв» и «Кондотьеры» на абвергруппу-203; «Птицеловы» на абвергруппу-209 («Буссард»); «Охотники» — на абвергруппу-205; «Яма» и «Коррозия» — на Борисовскую разведшколу и другие. По всем этим делам были намечены и реализованы конкретные оперативные планы, направленные на парализацию или снижение разведывательно-подрывной активности спецслужб противника. Если по агентурным делам «Пауль Цвай» и «Скорпионы» в абвергруппу-107 («Виддер») в 1942 г. удалось внедрить только одного зафронтового агента Уланова, то за 1943 г. — уже 11 секретных сотрудников органов Смерш[55].

УДОСТОВЕРЕНИЕ

2 Июля 3
482/ок

Выдано настоящее подполковнику КУБЫШКИНУ Федору Гордеевичу в том, что он действительно следует в распоряжение Главного Управления Контрразведки НКО "СМЕРШ" гор. Москва.

Действительно по "4" июля 1943 года.

НАЧАЛЬНИК УПРАВЛЕНИЯ КОНТРРАЗВЕДКИ "СМЕРШ"
Брянского фронта – ГЕНЕРАЛ-МАЙОР
/ТЕЛЕЗНИКОВ/

Командировочное удостоверение ГУКР Смерш

Один из них, зафронтовой агент Патриот, передал чекистам данные на несколько десятков курсантов Борисовской разведшколы абвера, перевербовал немецкого агента Шумилова, а за «успешное» выполнение диверсионного задания в тылу Белорусского фронта был награжден немцами бронзовой медалью. Особого успеха добилась зафронтовой агент Марта (УКР Смерш Брянского фронта), заброшенная в апреле 1943 г. в г. Орел для проникновения в «Виддер». Пройдя серьезную проверку германской разведки, она стала руководителем спецгруппы, в которую вошли еще два агента-радиста «Виддера». В августе 1943 г. состоялась переброска группы в тыл Брянского фронта. Марта вышла на связь с военными контрразведчиками и представила им большое количество ценной информации[56]. Радиостанция агентурной группы «Марта» практически до конца наступательной операции советских войск передавала противнику дезинформацию в интересах нашего командования.

По агентурному делу «Коррозия» УКР Смерш Брянского фронта велась разработка Борисовской разведывательной школы. Еще в конце сентября 1942 г. в тыл противника на базу одной из партизанских бригад была направлена оперативная группа под руководством сотрудника особого отдела 4-й ударной армии младшего лейтенанта П. Т. Дрега с заданием приобретать агентуру и внедрять ее в разведшколы в Смоленске и Борисове[57]. Опергруппа добилась некоторых результатов в разработке Борисовской разведшколы, но внедриться туда не удалось. Фактически продолжением работы явились мероприятия по агентурным делам «Коррозия» (УКР Смерш Брянского фронта) и «Яма» (УКР Смерш 1-го Белорусского фронта). В частности, по делу «Коррозия» военные контрразведчики задержали около десятка выпускников школы, перевербовали агента-радиста Богданова, а также ранее заброшенных в наш тыл агентов немецкой разведки Ростовцева и Свиридова. Предполагалось начать

радиоигру с Борисовской разведшколой и вызвать на контролируемую явочную квартиру связника. Кроме того, контрразведчики намеревались завербовать преподавателей школы И. Фролова и Д. Шинкаренко, однако реализовать намеченные планы не удалось в силу ряда допущенных оперативных ошибок. Аналогичные ошибки имели место и по агентурному делу «Кондотьеры» на абвергруппу-203[58].

Более эффективно шла работа по агентурному делу «Яма». Контрразведчики 1-го Белорусского фронта с начала лета 1943 г. уже вели радиоигру с абвергруппой-203. К этому времени были перевербованы несколько бывших курсантов разведшколы, и один из них в рамках агентурной комбинации «Рояль» заброшен в немецкий тыл под видом агента, уже выполнившего задание. На декабрь 1943 г. в Борисовской разведшколе разновременно поработали, выполняя поручения сотрудников органов Смерш, семь зафронтовых агентов. Секретные сотрудники Николаев и Кторов, вновь заброшенные противником в наш тыл, использовались в радиоиграх «Музыка» и «Опыт». В ходе последней в конце сентября 1943 г. удалось вызвать на нашу сторону и арестовать трех опытных агентов Борисовской разведшколы и передать неприятелю большое количество дезинформационных сведений. Всего по агентурному делу «Яма» военные контрразведчики арестовали 15 бывших курсантов и 220 объявили в розыск на основе полученных от зафронтовых агентов данных.

Активно разрабатывалась и абвергруппа-203, использующая агентуру Борисовской разведшколы и Смоленской диверсионной школы, действовавших против войск Брянского, Центрального и Воронежского, а позднее и 1-го Белорусского фронтов.

В полосе ответственности УКР Смерш Западного фронта действовала абвергруппа-108, имеющая радиопозывной «Эбер». Она была придана 4-й германской армии и особенно активизировалась в июле — августе 1943 г., накануне и в период проведения войсками Западного, а также Брянского и Центрального фронтов Орловской наступательной операции. В ходе разработки этого разведоргана только контрразведчики Западного фронта за июнь — август арестовали 11 его агентов. Сотрудники фронтового управления Смерш выяснили, что на разведпункте в Рославльском районе Смоленской области сконцентрированы до 30 подготовленных шпионов и диверсантов, причем число их растет за счет новых вербовок среди советских военнопленных. Чтобы парализовать деятельность «Эбера» и его разведпунктов, были спланированы и проведены агентурные комбинации «Катализаторы», «Бумеранг» и «Рейд». Только по делу «Катализаторы» в тыл противника для закрепления в абвергруппе-108 военные контрразведчики перебросили двух перевербованных ими вражеских агентов. Один из них — Матырев должен был завербовать в интересах УКР Смерш Западного фронта бывшего военнопленного В. Кондаурова, постоянно работавшего в разведпункте, но просоветски настроенного, который мог сам стать вербовщиком и склонять немецких агентов к явке с повинной после заброски в тыл Красной армии[59].

В 1943 г. наращивала свою активность абверкоманда-103 (радиопозывной «Сатурн»). Она действовала против Западного, Калининского, Брянского и Центрального фронтов, а подчинялась армейской группе «Митте». Агентуру для «Сатурна» немцы готовили в местечке Катынь, недалеко от Смоленска. Там обучался и советский военнопленный лейтенант А. И. Козлов, он же немецкий агент Меньшиков. В конце июня 1943 г. германская разведка забросила его в тыл нашей армии в Тульскую область. Он направлялся как курьер к агенту «Сатурна»Ароматову в подмосковную деревню Малаховку, однако Меньшиков сразу же явился с повинной в отдел Смерш 323-й стрелковой дивизии, а вскоре был доставлен в ГУКР НКО Смерш в Москву. Сведения, сообщенные Козловым, полностью совпадали с материалами ранее ушедшего к партизанам сотрудника паспортного бюро Катынской (позднее Борисовской) разведшколы. Он передал чекистам фотографии 141 агента немецкой разведки, дал установочные данные и характеристики на многих из них, указал фамилии, под которыми их забросили в наш тыл. Кроме того, «паспортист» предоставил фото 91 курсанта разведшколы.

С учетом этих обстоятельств в ГУКР НКО Смерш решили использовать А. И. Козлова в разработке разведоргана противника «Сатурн» и завербовали его под псевдонимом Следопыт. 17 июля 1943 г. он был переброшен через линию фронта. Успешно отчитавшись о выполне-

нии задания, он по предложению руководителя агентурной работы «Сатурна» зондерфюрера Фурмана занял должность преподавателя центральной школы абверкоманды-103. Уже в конце августа 1943 г. от Следопыта прибыл курьер — заброшенный на сторону советских войск радист Березовский с паролем «Байкал-61», а затем и другие завербованные Козловым агенты, которые доставили в органы военной контрразведки исключительно важную информацию. Сам Козлов действовал в «Сатурне» до апреля 1945 г. В общей сложности он передал в органы Смерш данные на 80 официальных сотрудников и агентов вражеских разведорганов[60].

Объектами интересов органов Смерш являлись и разного рода антисоветские вооруженные формирования, созданные германским командованием еще в первый период войны. Среди таких формирований была и Русская освободительная армия (РОА). ОКР Смерш 60-й армии Центрального фронта в разгар Курской битвы разработал агентурную комбинацию по внедрению в РОА своего секретного сотрудника Давыдова. После активной оперативной и идеологической подготовки агент был переброшен через линию фронта под видом перебежчика. Перед Давыдовым поставили задачу проникнуть на службу в РОА, занять там командную должность и обеспечить переход возможно большего числа солдат и офицеров на сторону Красной армии. Благодаря хорошей подготовке и личным качествам агент проник не только в РОА, но и в спецлагерь особой команды «Цеппелина» в г. Зандберге. Вскоре от него прибыл курьер с данными по РОА и организации охраны штабов некоторых немецких соединений, который не только сам по заданию Давыдова ушел к партизанам, но и увел с собой около трех десятков военнослужащих РОА. Агенту военной контрразведки удалось наладить достаточно близкие отношения с начальником отдела «А» «Цеппелина» Г. Грайфе, что позволило ему более эффективно выполнять задания. В частности, Давыдов завербовал четырех диверсантов и склонил их на явку с повинной в органы Смерш, а в случае направления в части РОА им надлежало вести там разложенческую работу, добиваясь перехода частей к партизанам либо на сторону Красной армии.

Весной 1944 г. Давыдов был заброшен в наш тыл главной командой «Руслан-Норд» для связи с группой немецких агентов, которых сотрудники военной контрразведки к тому времени уже перевербовали и использовали в радиоигре «Бурса». Таким образом, Давыдов за время пребывания в тылу у немцев установил в общей сложности 15 официальных сотрудников и 25 агентов «Цеппелина», подготовленных к заброске в тыл Красной армии, причем некоторых перевербовал, и они явились с повинной. А 17 других агентов германской политической разведки контрразведчики разыскали по сообщенным Давыдовым приметам и арестовали[61].

Управлением контрразведки Центрального фронта 5 июня 1943 г., то есть за месяц до начала немецкими войсками операции «Цитадель», был переброшен за линию фронта опытный секретный сотрудник А. И. Колесников (псевдоним Электрик). Ему поручили внедриться в разведорган противника в г. Орле (в абвергруппу-207, проводившую диверсионную деятельность на коммуникациях и в тылах Западного, Центрального и Белорусского фронтов) для сбора данных об агентах, готовящихся к заброске в расположение частей Красной армии. Контрразведчики предусмотрели, что если Электрик будет направлен немцами в РОА, то он должен проводить там разложенческую работу, создавать группы из патриотически настроенных лиц и склонять их к переходу на сторону Красной армии в ходе наступления частей вермахта. Так сложилось, что Колесников внедрился в антисоветское формирование «бригада Каминского» — Русскую освободительную народную армию (РОНА). Находясь в ее рядах более трех месяцев, Электрик завербовал 19 человек из числа личного состава РОНА. В результате их деятельности на сторону партизан перешло около двух рот РОНА со всем вооружением[62].

В общей сложности в ходе второго периода войны агенты, возвратившиеся разновременно из тыла противника, представили добытые ими сведения на 359 официальных сотрудников германской военной разведки и на несколько сотен выявленных ими германских шпионов и диверсантов, готовившихся для переброски в расположение частей Красной армии. Впоследствии 176 германских разведчиков из числа названных нашей агентурой после переброски в советский тыл были арестованы органами Смерш.

Кроме того, находясь на территории противника, наши секретные сотрудники перевербовали 85 агентов немецких разведывательных органов и склонили для работы в пользу советской контрразведки пять официальных сотрудников германской разведки. От зафронтовой агентуры были получены подробные доклады о методах вербовки и подготовки немцами шпионов, диверсантов для проведения подрывной деятельности в частях Красной армии и советском тылу. Все это способствовало повышению эффективности розыска вражеских агентов, диверсантов и террористов.

Активное развитие в 1943 г. получило взаимодействие органов военной контрразведки с 4-м управлением НКГБ СССР и его подчиненными органами в зафронтовой работе. В 1943 г. в период наибольшей активности германских спецслужб оперативные группы органов госбезопасности, действовавшие в тылу противника, передали в органы военной контрразведки Смерш установочные данные на более чем 1260 агентов, заброшенных немцами в части Красной армии[63].

Несмотря на значительные достижения в зафронтовой работе органов военной контрразведки, имели место и недостатки, влиявшие на эффективность работы в тылу врага. Основными причинами здесь являлись: отсутствие до весны 1943 г. четких и объективных данных о спецслужбах противника, прежде всего о разведывательных и контрразведывательных подразделениях в полосе действий того или иного фронта; разрозненность проводимых мероприятий, практически полное отсутствие объектовых агентурных разработок на конкретные абверкоманды, абвергруппы, зондеркоманды СД — «Цеппелина», разведывательно-диверсионные школы и на созданные немцами антисоветские вооруженные формирования, а следовательно, и планов работы по ним; слабая централизация зафронтовой работы; незначительное в процентном отношении использование военнопленных противника для проникновения в разведорганы Германии и ее сателлитов; неудовлетворительная организация связи с заброшенными в тыл врага агентами, вследствие чего добытая ими информация запаздывала, и поэтому не всегда удавалось парализовать усилия абвера и СД по проведению разведывательно-диверсионных акций во время оборонительных или наступательных операций советских войск.

Во второй период Великой Отечественной войны советская контрразведка значительно расширила практику применения сложного, но эффективного оружия — радиоигр с разведками врага. Они проводились как в оперативных целях для нанесения ущерба германским спецслужбам в их агентурной деятельности, так и для продвижения дезинформационных сведений в штабы немецких войск относительно замыслов и конкретных планов Ставки ВГК, фронтовых и армейских аппаратов управления.

В начале апреля 1943 г. в НКВД СССР проанализировали итоги уже проведенных и еще продолжавшихся радиоигр и пришли к выводу, что в подавляющем большинстве случаев удавалось добиться требуемых результатов. Так, в ходе радиоигры «Неон» из района станции Подборовье Северной железной дороги, выполняя задачу скрытия концентрации советских войск на волховском направлении, в декабре 1942 — январе 1943 г. систематически передавалась противнику дезинформация, преуменьшающая реальные перевозки боевой техники и воинских контингентов в направлении городов Тихвин и Волхов. В итоге из германского разведцентра в Пскове была получена радиограмма с указанием на то, что агентурная группа не зафиксировала передислокацию 2-й ударной армии[64].

По заданию Генерального штаба РККА с целью сковывания вражеских сил на севере через группу захваченных и включенных в радиоигру агентов (в Вологде, Москве, Ярославле) были переданы дезинформационные сведения о концентрации наших войск на Карельском фронте. Противнику было сообщено, что на этот фронт направлено 70 эшелонов с личным составом и восемь эшелонов с артиллерией. Эта работа достигла своей цели. 3 и 10 февраля 1943 г. Главное разведывательное управление РККА от своей резидентуры в Женеве получило телеграммы о том, что германское командование уверено в наращивании количества частей Красной армии в городах Мурманске и Кандалакше и поэтому ожидает советское наступление в Лапландии, то есть на западе Мурманской области. Это явилось свидетельством достигнутого контрразведчиками успеха в проведении радиоигры.

Однако к началу весны 1943 г. уже были реализованы все планы дезинформации противника, составленные в ГШ РККА и утвержденные Ставкой. Отрицательно сказывалось на проведении радиоигр и отсутствие в Генштабе конкретных лиц или подразделения, ведающего вопросами дезинформации, и НКВД СССР незамедлительно информировал по этому поводу председателя ГКО И. В. Сталина. Ведь под угрозой провала оказались более десяти подконтрольных контрразведчикам агентурных радиостанций немецких спецслужб[65].

Как известно, решение ГКО по указанному выше вопросу было принято в апреле 1943 г., практически одновременно с реорганизацией Управления особых отделов НКВД в Главное управление контрразведки НКО Смерш. Как и предлагал Л. П. Берия, в Генеральном штабе создали специальную группу по подготовке дезинформационных материалов. Более того, вся работа по организации и проведению радиоигр с противником была сконцентрирована в ГУКР НКО Смерш, куда в полном составе перешло одно из отделений 1-го отдела Контрразведывательного управления НКВД СССР, ранее отвечавшее за радиоигры. В штате вновь созданного Главного управления военной контрразведки Наркомата обороны предусматривался 3-й отдел с задачей организации войны в эфире — проведения операций литер «Э» (эфир). Начальником отдела стал полковник Г. В. Утехин, а затем генерал-майор В. Я. Барышников. С этого времени и до конца Великой Отечественной войны за разработку планов радиоигр, координацию работы фронтовых аппаратов Смерш и соответствующих управлений и отделов военных округов отвечали сотрудники 3-го отдела Г. Григоренко, С. Елин, И. Лебедев, Д. Тарасов. Они же зачастую непосредственно работали с перевербованными агентами-радистами, участвовали в поимке немецких шпионов.

С начала Великой Отечественной войны и по июнь 1943 г. органы государственной безопасности СССР арестовали 263 агента-парашютиста с коротковолновыми радиостанциями. Из этого числа 89 были перевербованы и включены в радиоигры. Однако к началу лета 1943 г. 65 радиостанций контрразведчики в разное время вывели из активной работы вследствие потери к ним интереса со стороны противника, из-за опасности провала по причине длительного срока использования, а также по технической невозможности поддержания связи. Таким образом, до начала летних наступательных операций наших войск осуществлялось 24 операции литеры «Э», причем 16 начались в 1943 г. (в феврале — 2, в марте — 2, в мае — 12)[66]. Радиоигры велись не только в прифронтовых районах, но и из Новосибирска (радиоигра «Валдавский»), г. Солигалич Ярославской области («Лесники»), Ленинграда («Трио»), Горького («Друзья»), Свердловска («Патриоты»), станции Рузаевки Мордовской АССР («Арфа») и другие.

Одной из наиболее удачных радиоигр, проведенных органами Смерш в 1943 г., может считаться операция «Салават». Она развивалась на фоне наступления наших войск. С 9 февраля по 16 марта 1943 г. войска Северо-Кавказского фронта при взаимодействии с Черноморским флотом провели Краснодарскую наступательную операцию, целью которой был разгром немецко-фашистских войск на Кубани. В результате успешных действий Красной армии зимой 1943 г. от главных сил группы армий «А» были отсечены и прижаты к Азовскому морю 17-я и часть войск 1-й танковой армии вермахта. Танки генерал-фельдмаршала Э. фон Клейста удалось остановить у Кавказских гор, но враг был еще не сломлен и полон решимости продолжать войну. 16 марта по указанию Ставки ВГК войска Северо-Кавказского фронта перешли к обороне и начали подготовку новой наступательной операции с целью разгрома противника на Таманском полуострове.

Радиоигра «Салават» началась 31 марта 1943 г. особым отделом Северо-Кавказского фронта с санкции наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии. С апреля того же года руководство перешло в ведение Управления контрразведки Смерш Северо-Кавказского фронта. Непосредственный участник этой радиоигры полковник в отставке Д. П. Тарасов так описал начало этой операции: «Весной 1943 г. при отступлении немецко-фашистских захватчиков из Краснодарского края орган германской военно-морской разведки «Нахрихтен Беобахтер» (НБО) оставил в станице Славянской агентов «Мухаммедова» и «Яковлева» с радиостанцией. Оба агента в прошлом служили в Черноморском военно-морском флоте, но, попав в плен,

были завербованы германской разведкой и прошли специальную подготовку. На следующий день после вступления частей Красной Армии в станицу, 23 марта 1943 г., германские разведчики добровольно явились с повинной в оперативную группу особого отдела НКВД 37-й армии СКФ. Они подробно рассказали особистам о полученном ими задании и сообщили имена других 14 немецких агентов, ранее заброшенных НБО в тыл Красной армии. Приняв во внимание, что командование Северо-Кавказского фронта остро нуждалось в тот период в передаче противнику военной дезинформации из района станицы Нововеличковская, советской военной контрразведкой было решено начать «радиоигру» с германским военно-морским разведорганом. В радиоигре с противником агент «Мухаммедов» получил псевдоним «Салават», а «Яковлев» — «Моряк». Утром 9 апреля 1943 г. противнику была передана первая радиограмма, содержащая дезинформацию. Следующий сеанс состоялся 10 апреля: «Из разговоров с жителями, много войск движутся ночью на северо-запад. По дороге видели также большое количество подвод, на них большие и малые ящики. Кроме того, видел движение до 40 пушек, низкие с длинными стволами, колеса резиновые. Нашел подходящее и безопасное место. Чувствую себя хорошо». Через несколько дней к противнику ушла радиограмма с новой порцией дезинформации: «Шесть. Ночью возвратился. С четырнадцатого по восемнадцатое апреля видел через станцию Мышастовка прошло до сорока поездов на северном направлении. В сутки проходит до десяти эшелонов с бойцами, которые хорошо одеты, все молодые. В эшелонах имеется много платформ, на которых большие понтоны с подвесными моторами. Из разговоров с красноармейцами узнал, что эти войска идут якобы на побережье моря для специального задания».

Работа радиоточки «Салават» была замечена службами радиоперехвата и дешифрования НКГБ СССР, которые, естественно, не знали о радиоигре военных контрразведчиков. Руководство НКГБ СССР обратило внимание ГУКР Смерш на переговоры противника, в которых сообщалось о передвижениях войск в полосе ответственности Северо-Кавказского фронта, полагая, что это явится основанием для розыска немецкого агента. 29 апреля 1943 г. начальник УКР Смерш Северо-Кавказского фронта генерал-майор М. И. Белкин доложил заместителю начальника ГУКР Смерш НКО СССР генерал-майору П. Я. Мешику: «Сообщенные Вами данные по материалам «радиоперехват» о получении немцами сведений военно-разведывательного характера, являются нашим «дезом», сообщенным германской военно-морской разведке по рации агента «Салават»... Для ориентировки по делу просим дать указание в дальнейшем о контроле в эфире за сообщениями германской военно-морской разведки, касающимися работы на рации «Салават», и результаты сообщать нам».

В ГУКР НКО Смерш придавали большое значение радиоигре «Салават», взяли ее под особый контроль, и все перспективные планы направлялись для согласования в Москву. В материалах агентурного дела «Салават» имеется, к примеру, выписка из доклада по «Плану дезинформации противника перед СКФ на май 1943 г. в глубоком и ближнем тылу фронта и на переднем крае», подготовленного штабом Северо-Кавказского фронта. Документ был получен УКР Смерш Северо-Кавказского фронта 18 мая и передан В. С. Абакумову. В плане обозначались цели радиоигры на конкретный период: «1. Данными из глубокого тыла создать впечатление у противника о подходе значительных резервов из глубины и сосредоточении их на правом и левом флангах Северо-Кавказского фронта; 2. Агентурными данными и распространением слухов среди наших войск на флангах, убедить противника о заканчивающемся сосредоточении пехоты, артиллерии и танков на флангах СКФ; 3. Совокупностью мероприятий (агентурные данные, радиоданные, данные войсковые) приковать внимание противника к району Шапсугская, Кабардинка, Цемесская долина; 4. Вынудить противника перебрасываемые из глубины на Таманский полуостров новые части и пополнение сосредотачивать к своим флангам и оттянуть имеющиеся резервы с Крымского участка». Далее указывались конкретные дезинформационные данные, которые надлежало передать противнику.

Данные радиоперехвата, полученные из отдела «Б» и 5-го управления НКГБ СССР в конце мая — начале июня 1943 г. и свидетельствовавшие об успехе дезинформации по радио-

Г. В. Утехин

М. И. Белкин

П. Я. Мешик

точке «Салават», оперативно поступали в УКР Смерш Северо-Кавказского фронта. О ходе радиоигры с противником, переданных и полученных радиограммах УКР Смерш Северо-Кавказского фронта регулярно докладывалось в 3-й отдел ГУКР, а также непосредственно начальнику ГУКР Смерш НКО СССР В. С. Абакумову либо его заместителю П. Я. Мешику.

25 августа в районе станицы Старонижестеблиевской Краснодарского края была сброшена группа парашютистов для помощи «Салавату». Все трое были арестованы на месте приземления. Ими оказались агенты германской военно-морской разведки Саркисов, Парсанов и Петросов. Из допросов арестованных стало известно, что они должны были изыскать все возможности для встречи с ранее заброшенными агентами и передать им фиктивные документы, штамп и печать 670-го запасного полка, запчасти к радиостанции и батареи питания. Агенты Саркисов, Парсанов и Петросов были позднее также перевербованы и привлечены к самостоятельной радиоигре, получившей кодовое наименование «Тройка».

По ходу радиоигры «Салават» начальник УКР Смерш генерал-майор М. И. Белкин регулярно запрашивал командование Северо-Кавказского фронта о новых порциях дезинформации для передачи противнику. Так, 7 сентября, исходя из требований немецкого разведоргана, он написал командующему, что по достоверным данным, имеющимся в УКР Смерш Северо-Кавказского фронта, противник усиленно интересуется, снимает ли командование Красной армии части с кубанского участка фронта для переброски на другие участки, какие части и тяжелое вооружение перебрасываются и каким путем. Одновременно противник интересовался наличием частей Красной армии в районе Тихорецка (номера частей, их вооружение, командиры и т. д.). В связи с этим М. И. Белкин просил дать Управлению контрразведки дезинформационный материал по указанным выше вопросам для передачи врагу в ходе радиоигры.

В сентябре радиоточка «Салават» интенсивно передавала неприятелю новые порции дезинформации. Текст дезинформаций предоставлялся УКР Смерш Северо-Кавказского фронта, а передачу санкционировал начальник Разведупра Генштаба КА. На заключительном этапе игры (ноябрь 1943 г.) предусматривалось создание такого положения, чтобы радиоточка «Салават» стала базой для легализации агентуры НБО, забрасываемой в тыл частей Красной армии, однако реализовать его не удалось. 15 сентября из германского разведцентра поступило указание агентам на переезд ближе к линии фронта, и после этого связь с разведорганом противника прервалась. До середины декабря 1943 г. радиоточка «Салават» безуспешно запрашивала Центр, но ответа не последовало — слишком далеко на запад передислоцировался НБО.

Тем не менее можно утверждать, что в ходе радиоигры контрразведчики внесли свой вклад в успешное наступление войск фронта, сумев наряду с другими мерами оказать содействие командованию в сокрытии от немецкой разведки планов действий наших частей и соединений. С 9 апреля по 17 декабря 1943 г. радиоточкой «Салават» было проведено 86 сеансов связи. За этот же период времени в адрес противника передано 39 радиограмм, а получено 30. Еще 23 августа 1944 г. распоряжением заместителя начальника ГУКР Смерш следственные дела на бывших агентов германской военно-морской разведки производством были прекращены, Яковлев и Мухаммедов из-под стражи освобождены и направлены в запасные части Северо-Кавказского военного округа. Радиоаппаратура и материалы к радиоигре «Салават» были направлены в 3-й отдел ГУКР Смерш[67].

В мае — июне 1943 г. серьезные результаты были достигнуты в ходе радиоигры «Опыт», проведенной на Центральном фронте. Передачи осуществлялись от имени фашистских агентов, переброшенных в расположение войск Красной армии для сбора шпионских сведений о дислокации и передвижении частей и подразделений, о местах нахождения штабов, аэродромов, оборонительных сооружений. Цель радиоигры заключалась в том, чтобы дезинформировать гитлеровское командование относительно мероприятий, проводившихся советскими войсками. Для этого в разведывательный орган противника через каждые два-три дня по указанию Генерального штаба Красной армии передавались радиограммы, содержавшие дезинформацию. В них указывалось, что в сторону фронта проходят эшелоны

со строительными материалами, бронеколпаками, колючей проволокой и другими грузами, необходимыми для обороны, что местные жители и саперы роют окопы, противотанковые рвы, строят блиндажи и доты. В сообщениях редко упоминалось о перевозке войск и боевой техники. Игра продолжалась всего 20 дней, однако противник был в определенной степени введен в заблуждение в отношении замысла нашего командования в период подготовки к Курской битве. Он так и не смог выяснить истинные силы советских войск, сосредоточенных на Центральном фронте.

В качестве примера по дезинформации противника можно также привести радиоигру «Повестка». 12 мая 1943 г. на территории Перемышльского района Тульской области переброшенные немцами агенты-парашютисты М. А. Мишуринский и В. Я. Таргонин явились с повинной, они имели задание осесть в районе Козельск — Белёв — Лихвин и вести шпионскую работу, устанавливая количество, наименование и дислокацию воинских частей, их оснащенность техникой и вооружением, а также выяснить морально-политическое состояние командного и рядового состава частей Красной армии. Радиоигра началась 17 мая 1943 г., продолжалась более двух месяцев и была прекращена только из-за невозможности вести успешную дезинформацию по этой рации ввиду близости фронта[68].

В июне 1943 г. в Егорьевский райотдел УНКВД по Московской области явился зафронтовой агент особого отдела Северо-Западного фронта Северов, переброшенный немцами самолетом через линию фронта для выполнения разведывательного задания. Секретного сотрудника военной контрразведки и его добровольно сдавшегося напарника Бойцова срочно направили в Москву в ГУКР НКО Смерш. Северов и Бойцов дали чекистам подробные сведения о германской военной разведке и СД, их структуре, официальном составе и сообщили о 133 агентах, уже подготовленных немецкими спецслужбами для работы в советском тылу. Оценив все полученные сведения и личностные характеристики самих опрашиваемых, заместитель начальника 3-го отдела ГУКР НКО Смерш полковник В. Я. Барышников доложил комиссару госбезопасности 2 ранга В. С. Абакумову о том, что Северов и Бойцов имеют очень интересное задание и можно осуществить серьезные контрразведывательные мероприятия, как, например, вызов квалифицированных вербовщиков, а данную агентурную группу целесообразно включить в радиоигру. Радиосвязь предлагалось установить с 26 июня[69].

Так началась игра с разведорганом «Цеппелин-Норд» под условным наименованием «Загадка». Уже первые ее результаты показали, что существует реальная возможность решения не только чисто контрразведывательных задач, но и стратегической дезинформации противника, легендируя наличие у Бойцова и Северова возможностей получения сведений от высокопоставленного источника в Наркомате путей сообщения, который якобы готов давать совершенно секретную информацию по воинским перевозкам, но работать будет только на разведки союзников СССР и поэтому вербовать его надо «под чужим флагом» от имени английской разведки. Свое согласие главное управление имперской безопасности дало незамедлительно. Дезинформирование противника в рамках радиоигры «Загадка» продолжалось до 7 апреля 1945 г.

Со второго периода Великой Отечественной войны операции по дезинформированию проводились по двум основным направлениям: введение военного командования противника в заблуждение о характере железнодорожных перевозок и дислокации войск и передача в разведывательно-диверсионные органы противника сведений о мнимых положительных результатах его подрывной деятельности. Радиоигры по дезинформированию военного командования противоборствующей стороны по своему содержанию были весьма разнообразны — от кратковременной передачи дезинформационных сведений тактического порядка одной подконтрольной военной контрразведке радиостанцией противника до создания долговременного комплекса, целой системы радиоигр, передающих целенаправленно в разведцентры врага дезинформацию в масштабах региона, фронта, направления и театра военных действий. Опыт дезинформирования военного командования неприятеля постоянно обобщался.

На базе радиоигры «Кварц», проводившейся органами военной контрразведки Волховского фронта, был создан комплекс радиоигр из семи перехваченных радиостанций (Вологда, Ярославль, Рыбинск, Бежецк, Калинин, Москва, Горький) накануне наступательной операции наших войск под Тихвином (декабрь 1942 — январь 1943 г.). А из пяти захваченных радиостанций (Пудож, Ярославль, Вологда, Москва, станция Обозерской Северной железной дороги) была создана целая сеть для передачи дезинформационных сведений о концентрации наших войск и техники на Кольском полуострове (январь 1943 г.). В увязке друг с другом работали девять радиостанций (базовая радиоигра «Опыт») для передачи дезинформации военного характера в период подготовки и осуществления наступления советских войск на Курской дуге (май — июнь 1943 г.).

Всего со дня создания ГУКР НКО Смерш в апреле 1943 г. и до конца года было проведено 30 радиоигр, о чем В. С. Абакумов доложил И. В. Сталину и В. М. Молотову запиской от 15 января 1944 г.[70] В результате этих игр были арестованы 40 агентов противника, изъято более 500 килограммов взрывчатки, 13 ящиков винтовочных патронов и много других материальных средств для проведения шпионской и диверсионной работы в тылу Красной армии.

Свидетельством успешности действий военной контрразведки является тот факт, что участвовавших в радиоиграх агентов противника, перевербованных сотрудниками органов Смерш, немцы наградили орденами и медалями, а пятерых — даже дважды. Что касается ГУКР НКО Смерш, то около 10 секретных сотрудников из числа вышеуказанных агентов были удостоены советских наград.

Наряду с решением основных вопросов в области контрразведки органы Смерш (как и ранее особые отделы НКВД) уделяли необходимое внимание оказанию помощи командованию в поддержании высокой боеготовности войск. Эта задача была комплексной и распадалась на многие компоненты: выявление предпосылок к утечке важной информации о замыслах и планах военного руководства; вскрытие и нейтрализация через оперативные возможности факторов, отрицательно сказывавшихся на политико-моральном состоянии войск; своевременное получение информации о недостатках в снабжении воинских частей всеми видами довольствия, обеспечении их оружием, боевой техникой и боеприпасами; проведение расследований фактов срыва выполнения боевых задач и т. д. Устанавливая объективные причины и условия тех или иных недостатков, сотрудники военной контрразведки концентрировались на роли субъективных факторов в происходивших событиях. Именно на это нацеливался их агентурно-осведомительный аппарат.

По указанным выше и иным вопросам представлялись письменные сообщения членам военных советов фронтов и армий, командирам соединений и воинских частей. При необходимости руководители отделов и управлений контрразведки делали устные доклады на заседаниях военных советов. В подавляющем большинстве случаев по итогам докладов принимались конкретные решения по исправлению допущенных конкретными должностными лицами ошибок, им указывалось на ненадлежащее выполнение служебных обязанностей, разгильдяйство и недисциплинированность. По наиболее серьезным фактам командующие и другие члены военных советов давали указания военно-прокурорским работникам оценить представленную аппаратами Смерш информацию на предмет установления признаков состава того или иного преступления в действиях военнослужащих. Так, особый отдел НКВД Северо-Кавказского фронта по поручению Военного совета расследовал причины серьезных потерь и срыва наступления 4-го казачьего кавалерийского корпуса в январе 1943 г. Как выяснилось, в наступлении не участвовала приданная корпусу танковая группа, которую своевременно не обеспечили дизельным топливом. Были установлены преступная халатность и безответственное поведение со стороны начальника штаба тыла фронта и еще нескольких должностных лиц. Все материалы расследования УКР Смерш Северо-Кавказского фронта передало в военный трибунал, который приговорил виновных к различным срокам исправительно-трудовых лагерей с отсрочкой исполнения приговора до окончания боевых действий[71].

В мае 1943 г. там же, на Северо-Кавказском фронте, контрразведчикам пришлось проводить еще одно расследование. На станции Усть-Лабинской Краснодарского края всего

лишь одной бомбой, сброшенной внезапно появившимся самолетом противника, были уничтожены два эшелона: один — с боеприпасами, другой — с боевой техникой и военным имуществом. Всего взорвались и сгорели 88 вагонов. Сотрудники органов Смерш доказали виновность начальника станции, военного коменданта и его помощника, которые грубо нарушили установленные приказами НКО и НКПС правила формирования и размещения на станциях воинских эшелонов. В частности, в одном и том же эшелоне перевозились боеприпасы и самовозгорающаяся жидкость КС, а второй эшелон стоял параллельно с первым[72].

В 1942–1943 гг. на основе информации военной контрразведки и политорганов создавались комиссии ГКО. О результатах их работы в мемуарной литературе имеются разноречивые отзывы, особенно в тех случаях, когда выводы «представителей Москвы» и конкретные решения не совпадали с мнением командующих фронтами и армиями. Следует прямо сказать, что в ряде случаев члены комиссии расширительно трактовали данные особых отделов (органов Смерш), да и в спецсообщениях военных контрразведчиков и политработников иногда сгущались факты. Это происходило в силу ряда причин, прежде всего из-за неполноты информации о произошедших событиях. Командующий Донским фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский сожалел о снятии с должностей генералов В. Д. Крюченкина (командующий 4-й танковой армией) и А. И. Данилова (командующий 21-й армией). Это произошло после доклада Верховному главнокомандующему выводов комиссии ГКО под руководством Г. М. Маленкова и заместителя начальника Генерального штаба по организационным вопросам генерал-майора Ф. Е. Бокова[73].

Иную оценку одной из комиссий ГКО дал вступивший в командование фронтом генерал-полковник А. И. Еременко. Вот что он записал в своем дневнике: «6 мая 1943 г. на Калининский фронт приехала комиссия ГКО во главе с тов. Щербаковым А. С. (секретарь ЦК и начальник Главного политуправления Красной армии), члены комиссии тов. Хрулев и тов. Кузнецов. Цель приезда: проверить и навести порядок в вопросах снабжения и обеспечения войск, так как были случаи (за что и сняли Пуркаева) больших перебоев в питании. Люди недоедали из-за плохой организации снабжения. В первом квартале 1943 г. было 76 случаев смерти от истощения»[74]. Комиссия, изучив состояние дел, провела совещание с начальниками тыла дивизий и армий и потребовала устранить факты неорганизованности в снабжении, особенно в подвозе продовольствия в боевые порядки, и дать должную оценку фактам хищения продуктов питания. По результатам работы комиссии ГКО было принято постановление, которым резко осуждалась плохая работа бывшего командующего Калининским фронтом генерал-полковника М. А. Пуркаева. Приказом НКО от 31 мая 1943 г. командующему и члену Военного совета фронта генерал-лейтенанту Д. С. Леонову были объявлены выговоры. Лиц начсостава, допустивших перебои в питании бойцов, предписывалось направить в штрафные батальоны. В пункте № 16 приказа наркома обороны указывалось следующее: «Военным советам фронтов (армий), военным прокуратурам и трибуналам усилить меры борьбы с хищениями и разбазариванием продфуража, неуклонное применение к нарушителям законов постановления Государственного Комитета Обороны от 3 марта 1942 г. № 1379с»[75].

Еще одна комиссия ГКО побывала в июле 1943 г. на Воронежском фронте. Она разбиралась с причинами больших потерь в бронетехнике. По некоторым оценкам, только за 12 июля 1943 г. они составили до 530 танков и САУ. В основном эти потери относились к 5-й гвардейской танковой армии. Комиссия, возглавляемая членом ГКО Г. М. Маленковым, пришла к выводу, что действия войск Воронежского фронта 12 июля являются образцом неудачно организованной и проведенной боевой операции. По результатам работы комиссии несколько командиров из числа высшего начальствующего состава были отстранены от командования соединениями и объединениями[76]. Среди материалов, которые легли в основу выводов комиссии, были и спецсообщения УКР Смерш Воронежского фронта. Следует напомнить, что еще в конце 1941 г. Главный военный прокурор В. И. Носов издал приказ, в котором содержался запрет на самостоятельное расследование неудачных боевых операций. Однако в отличие от прокурорских работников аппараты военной контрразведки фронтов и армий по указаниям соответствующих военных советов занимались расследованиями, а

также в большинстве случаев оперативно сопровождали работу разного рода комиссий и предоставляли в их распоряжение легализованные агентурные материалы.

Достаточно эффективно советские военные контрразведчики работали по вопросу вскрытия причин, условий и конкретных фактов утечки важной секретной информации, выявляли военнослужащих и служащих армии и флота, допускавших нарушение правил секретного делопроизводства. Особенно важным это направление деятельности становилось при подготовке и проведении разного уровня боевых операций. В ходе развернувшихся в конце 1942—1943 гг. наступлений имели место случаи, когда высокопоставленные представители командно-начальствующего состава непреднамеренно оказывались на занятой врагом территории и погибали либо захватывались в плен. При этом они имели при себе важные секретные документы.

К примеру, нарком внутренних дел СССР Л. П. Берия 21 декабря 1942 г. проинформировал Верховного главнокомандующего и других членов ГКО о том, что, по сообщению особого отдела штаба Юго-Западного фронта, начальник штаба ЮЗФ генерал-майор Г. Д. Стельмах и начальник штаба 3-й гвардейской армии генерал-майор И. П. Крупенников сбились с намеченного маршрута своей поездки в 1-й механизированный корпус и попали в расположение противника в деревне Коньково. У Г. Д. Стельмаха имелись при себе топографическая карта с нанесенной обстановкой частей 1-й и 3-й гвардейских армий и записная книжка с важными сведениями о состоянии войск фронта. Для розыска генералов была сформирована оперативная группа во главе с заместителем начальника особого отдела фронта. Эта группа вместе с наступающими частями прибыла в освобожденное село Коньково и разыскала тела убитых немцами начальника штаба фронта, адъютантов и водителей. Никаких документов при них не оказалось, и не было сомнений, что они попали в руки врага. 8 января 1943 г. Л. П. Берия сообщил в ГКО о результатах проведенного расследования случившегося. Оказалось, что генерал И. П. Крупенников был пленен и под конвоем отправлен в штаб одной из немецких дивизий, а затем в штаб армейской группировки[77]. До окончания войны генерал Крупенников находился в концлагере в Германии, освобожден американскими войсками и был передан советскому командованию. По необоснованным обвинениям о якобы добровольной сдаче в плен расстрелян в 1950 г. Реабилитирован в 1957 г.

В октябре 1943 г. из-за несоблюдения необходимых мер обеспечения безопасности перемещения высшего командного состава в плену у противника оказались командующий артиллерией 3-й ударной армии генерал-майор М. О. Петров и начальник штаба армии, а также начальник штаба 49-го стрелкового корпуса. А с ноября 1943 г. военные контрразведчики проводили расследование обстоятельств захвата немцами командующего 44-й армией генерал-лейтенанта В. А. Хоменко и командующего артиллерией этой же армии генерал-майора артиллерии С. А. Бобкова.

По настоянию ГУКР НКО Смерш Ставка ВГК 7 ноября 1943 г. издала директиву всем командующим войсками фронтов и отдельными армиями, а также представителям Ставки ВГК об усилении охраны и мер безопасности командного состава. В этом документе предписывалось следующее: «1) Запретить выезд командующих армиями, командиров корпусов и лиц высшего командного состава, им соответствующих, в передовую линию войск без организованной по пути движения разведки и охраны в 2—3 бронемашины или танка; 2) При выезде в войска от штаба корпуса и ниже не брать с собой никаких оперативных документов за исключением чистой карты района поездки; 3) Беспрекословно выполнять все требования регулировщиков; 4) Запретить высшему начальствующему составу личное управление автомашинами; 5) Возложить ответственность за точное выполнение настоящей директивы лично на командующих фронтами и отдельными армиями. В случае нарушения настоящей директивы командующий фронтом лично будет привлечен к ответственности»[78]. Директиву подписали И. В. Сталин и первый заместитель начальника Генерального штаба РККА генерал-полковник А. И. Антонов.

На оказавшихся в плену генералов военные контрразведчики заводили разыскные дела с целью выяснения их судьбы. В частности, на основании полученной оперативной

информации разыскная группа УКР Смерш 4-го Украинского фронта установила место захоронения генерал-лейтенанта В. А. Хоменко и генерал-майора артиллерии С. А. Бобкова. Их тела были найдены только в двадцатых числах июля 1944 г. и перезахоронены со всеми воинскими почестями в г. Мелитополь[79].

В ходе агентурно-оперативной работы по поводу предательства подпольной организации в Днепропетровске сотрудники органов Смерш установили, что в ее состав входил Петров, который на самом деле оказался генерал-майором П. П. Павловым, числившимся пропавшим без вести командиром 25-го танкового корпуса 6-й армии Юго-Западного фронта. Как оказалось, будучи ранен он попал в плен, бежал, вступил в нелегальную организацию советских патриотов, но был выдан провокатором. В апреле 1945 г. он был освобожден из концлагеря американскими войсками и передан представителям советского командования. П. П. Павлов прошел глубокую проверку в органах госбезопасности. Контрразведчики выясняли, не выдал ли он военной тайны и не достались ли врагу его секретные документы. Результаты проверки показали, что генерал мужественно держался при пленении и в период пребывания в лагерях военнопленных, а секретные документы успел уничтожить после своего ранения[80].

Директива Ставки ВГК от 7 ноября 1943 г. была далеко не единственным нормативным документом в области сохранения государственной и военной тайны, инициированным военными контрразведчиками. Так, в ходе Ржевско-Вяземской наступательный операции Западного фронта ОКР Смерш 50-й армии выявил факт утраты боевого приказа командования объединения. Виновника установили довольно быстро, им оказался начальник штаба 139-й стрелковой дивизии подполковник Л. Ф. Кваша. Контрразведчики уже не раз предупреждали его в связи с проявлением халатности в работе с секретными документами. В этот раз дело усугублялось тем, что через несколько часов должны были возобновиться наступательные действия войск армии, а в случае попадания боевого приказа к противнику большие потери стали бы неминуемыми. По факту утраты особо важного документа военные контрразведчики провели расследование, но боевой приказ найден не был. Военный трибунал 50-й армии приговорил Л. Ф. Квашу к 10 годам лишения свободы с отбыванием наказания в исправительно-трудовых лагерях с отсрочкой наказания до окончания военных действий.

О произошедшем ГУКР НКО Смерш было доложено в ГКО, и 31 мая 1943 г. заместитель наркома обороны Маршал Советского Союза А. М. Василевский подписал приказ «О мерах по сохранению военной тайны при отдании боевых приказов», подготовленный в Генеральном штабе при участии контрразведчиков. В данном документе командующим армиями предписывалось не отдавать общего боевого приказа, а доводить свои указания непосредственно исполнителям либо ограничиваться частными боевыми приказами. Начальники штабов обязывались записывать эти приказы в одном экземпляре и хранить лично у себя. «Начальствующий состав Красной армии, — отмечалось в четвертом пункте приказа, — должен понять, что всякая небрежность и халатность в обращении с секретными документами оказывает помощь противнику. Ни один командир, ни один штаб не должны знать о том или ином секретном мероприятии, если это не положено им знать по долгу службы»[81].

Работа по сохранению в тайне замыслов и планов командования особенно активизировалась после принятия Ставкой ВГК решений о проведении тех или иных операций. Режимные меры должны были реализовывать соответствующие военачальники, и в большинстве случаев они это делали с большой ответственностью.

Военные контрразведчики внимательно следили за реализацией принимаемых мер, их эффективностью с точки зрения надежного перекрытия каналов утечки важных сведений, выявления предпосылок к утрате документов. Через свои агентурно-оперативные возможности они отслеживали все этапы, а затем и реализацию утвержденных планов. Безусловно, главным являлось ограждение штабов от проникновения агентуры противника. Для этого сотрудники особых отделов, а затем органов Смерш предпринимали целый комплекс мер: организационных, режимных, оперативных и профилактических. Для контрразведывательной работы в штабах и на узлах связи выделялись наиболее опытные оперативные работники,

а их работу контролировали не только начальники первых отделов (отделений), но и лично руководители фронтовых и армейских аппаратов. Перед началом каждой крупной операции советских войск контрразведчики профильтровывали через оперативное сито весь личный состав органов управления. В необходимых случаях через командование принимались меры к отчислению из штабных подразделений и узлов связи лиц, вызывающих какие-либо сомнения.

При подготовке наступления войск 4-го Украинского фронта УКР Смерш проинформировало Военный совет о результатах проведенной работы. Члены Военного совета отреагировали незамедлительно. Во-первых, был издан приказ по войскам фронта, категорически запрещающий принимать на службу и работу лиц, не прошедших проверку органами Смерш. Во-вторых, были отданы соответствующие распоряжения, и за октябрь — ноябрь 1943 г. только из штаба фронта, других органов управления и связи отчислили более 40 человек, включая восемь офицеров[82].

Действуя совместно с командованием, военные контрразведчики добились положительных результатов. Можно констатировать, что во второй период Великой Отечественной войны противнику не удалось добыть документальные свидетельства, перехватить переговоры по линиям связи, касающиеся разработки фронтовых и армейских операций. Однако следует подчеркнуть, что на стадии реализации планов перекрыть утечку информации было многократно сложнее ввиду резкого расширения круга посвященных в подготовительные мероприятия, а также в силу невозможности полностью скрыть масштабные перегруппировки войск и техники, подвоз и концентрацию боеприпасов, воинского имущества, продовольствия и т. д. Когда все же случалась утечка важных сведений, контрразведчикам приходилось проводить тщательное расследование для установления истинных причин произошедшего.

УКР Смерш Брянского фронта в июне 1943 г. изучало причины утечки информации о предстоящих наступательных операциях. Результаты расследования начальник фронтового Управления контрразведки генерал-майор Н. И. Железников незамедлительно сообщил Военному совету и в ГУКР НКО Смерш. Судя по тексту докладной записки, наблюдалась плохая маскировка в районах сосредоточения, особенно это касалось артиллерии. В итоге противник подверг авиаудару боевые позиции 7-го и 2-го артиллерийских корпусов. Контрразведчики установили и явные просчеты в работе штаба фронта. В частности, вопрос о скрытности всех подготовительных действий решался формально, не был даже разработан план маскировки. Вместе с тем Н. И. Железников признал и недостатки в оперативном обслуживании штабов, а также факты, когда не удалось предотвратить переход на сторону врага некоторых военнослужащих — изменников Родины[83].

Одним из серьезных вопросов, решаемых органами контрразведки Смерш и военным командованием во фронтовых условиях, как уже упоминалось выше, являлась борьба с переходами на сторону противника (измена Родине) и дезертирством. В целях предупреждения измены Родине и дезертирства сотрудники органов военной контрразведки наряду с оперативной работой проводили профилактические мероприятия. В частности, они информировали командование и политорганы частей и соединений о выявленных нарушениях воинского порядка, которые могли использовать изменники и дезертиры для осуществления своих преступных замыслов, о лицах, заподозренных в изменнических намерениях, с тем чтобы не допустить назначения их в наряды, выполнявшие боевые задания на переднем крае. Уязвимые участки линии фронта, удобные для перехода на сторону противника, командование части по рекомендации оперативных работников перекрывало засадами, постами, секретами.

При организации работы по борьбе с дезертирством органы военной контрразведки использовали заградительную службу, а также выделенные в их распоряжение воинские подразделения. Эти подразделения, действуя под руководством оперативных работников, осуществляли поиск дезертиров и изменников Родины в городах и населенных пунктах прифронтовой полосы, прочесывали леса, овраги, выставляли заслоны на мостах, перекрестках дорог. Изменники Родины и дезертиры, место пребывания которых не было известно, после соответствующего расследования объявлялись в местный или всесоюзный розыск.

Силами оперативных групп и заградительных отрядов немедленно после освобождения частями Красной армии от противника населенных пунктов производилось прочесывание этих пунктов и районов бывшей обороны противника (блиндажи, окопы). В ходе Сталинградской битвы при прочесывании освобожденных от противника населенных пунктов Карповка, Кариновка, Ново-Алексеевка, Жирноклеевка были задержаны: 571 бывший военнослужащий Красной армии, находившийся в плену, проживавший на оккупированной территории, 98 старост, полицейских и других пособников оккупантов, 120 лиц призывного возраста, 423 немецких солдата и офицера. В процессе фильтрации военнопленных были выявлены также лица, работавшие в немецкой тайной полиции и разведке. Особыми отделами НКВД 21, 64 и 65-й армий был захвачен ряд серьезных документов немецких штабов, комендатур, в том числе приказ командующего окруженной немецкой группы войск Ф. Паулюса, в котором говорилось о тяжелом положении немецких войск в кольце окружения, о сокращении норм выдачи продуктов солдатам, снятии с питания советских военнопленных и прочем. За время операции четверо оперативных уполномоченных особых отделов фронта были убиты и трое ранены.

В случае необходимости органы военной контрразведки информировали командование и о фактах получения противником сведений о наших войсках. К примеру, 7 августа 1943 г. ГУКР НКО Смерш направило в Генштаб РККА информацию об обнаружении противником перегруппировки наших войск на участке 39-й армии вследствие нарушения правил маскировки.

Серьезным подспорьем для командования при подготовке и проведении ряда операций стали сведения, полученные органами военной контрразведки в ходе зафронтовой работы. Так, к примеру, 11 мая 1943 г. Управление контрразведки Смерш Брянского фронта доложило в Военный совет фронта о данных, полученных зафронтовой агентурой, о концентрации немецких войск в районе Орла. Секретный сотрудник военной контрразведки, подставленный на вербовку подразделению немецкой разведки при штабе 2-й немецкой танковой армии, будучи переброшенным на нашу сторону 7 мая 1943 г. сообщил, что от немцев он получил задание после перехода линии фронта осесть в одном из районов Елец — Ефремов или Малиново, где заниматься сбором данных о продвижении войск Красной армии, вести разложенческую работу, склоняя военнослужащих к измене Родине. В процессе подготовки агента офицер немецкой разведки среди прочего особенно интересовался вопросом, что ему известно о подготовке частей и соединений Красной армии на случай, если немцы, предприняв наступление, попытаются окружить и уничтожить курскую группировку или выйти в направлении Белёва на р. Ока, окружить и отрезать отходы войск Красной армии к Москве. На вопрос нашего агента, сколько времени ему придется ждать прихода немцев в указанном ныне районе, офицер ответил, что наступление немецкой армии начнется примерно в первых числах июня. Кроме того, агенту из личных наблюдений и со слов военнопленных Красной армии, использующихся немцами на различных работах, стало известно, что в Орел недавно прибыли бронетанковая дивизия СС «Мертвая голова» и отряды СС, которые пока разместились в городе и его окрестностях. Все эти ценные сведения были использованы командованием для подготовки отражения наступления вермахта в районе Курского выступа.

В силу чрезвычайной активности всех видов разведки успех военной операции часто зависел от степени владения достоверной информацией о противостоящей стороне. Поэтому неслучайно в зафронтовой работе органов военной контрразведки важное место отводилось дезинформации противника.

В ходе боевых действий части Красной армии захватили большое число военнопленных. Кроме того, по решению ГКО на территории, ранее занятой противником, было интернировано в порядке очистки тыла советских войск значительное количество активных фашистских элементов из гражданского населения гитлеровской Германии и ее союзников. В числе военнопленных и интернированных оказались граждане не только воюющих с Советским Союзом государств, но и других оккупированных гитлеровцами стран — Франции,

Бельгии, Люксембурга, Голландии, Норвегии, а также нейтральных государств — Швеции, южноамериканских стран. В общей сложности в лагерях для военнопленных и интернированных на территории СССР находились граждане 33 государств и 45 национальностей общим количеством свыше 4,5 млн человек.

Государственный Комитет Обороны возложил на органы государственной безопасности задачу по организации агентурно-оперативной работы среди военнопленных и интернированных. С этой целью в 1941 г. в НКВД СССР было образовано Главное управление по делам военнопленных и интернированных (ГУПВИ), включающее в свой состав оперативно-чекистский отдел, который организовывал агентурно-оперативную работу и руководил оперативно-чекистскими отделами (отделениями) в лагерях. Основными задачами агентурно-оперативной работы среди военнопленных и интернированных являлись: сбор разведывательных сведений, представляющих интерес для Красной армии; вербовка агентов и подготовка их для использования за границей; выявление официальных сотрудников и агентов вражеских разведывательных органов; разоблачение деятельности разведывательных, контрразведывательных и карательных органов противника; вербовка агентов в целях контрразведывательной работы среди военнопленных и интернированных; выявление среди военнопленных — бывших советских граждан изменников Родины, участников фашистских злодеяний; агентурное изучение политических настроений, выявление и ликвидация нелегальных фашистских, диверсионных, шпионских и иных подрывных организаций; пресечение различных внутрилагерных преступлений; выявление и пресечение подрывной деятельности агентов американской и английской разведок, проводимой против СССР; выявление высококвалифицированных специалистов с целью их последующего использования в интересах нашей страны.

Учитывая, что военнопленные являются ценнейшим источником информации о противнике, органы государственной безопасности уделяли особое внимание сбору через них разведывательных сведений. Военнопленные, среди которых были не только кадровые офицеры и солдаты, но и лица, мобилизованные из учреждений государственного аппарата, различных отраслей промышленности, научно-исследовательских и других учреждений Германии, представляли значительный интерес. Они сообщали важные сведения об армии и военно-экономическом потенциале противника, новых видах вооружения, аэродромах, укреплениях и других военных объектах, а также о различных государственных, военных и дипломатических секретах и мероприятиях правительств фашистской Германии и ее сателлитов.

При использовании военнопленных для сбора разведывательных данных органы государственной безопасности уделяли особое внимание получению сведений, в которых нуждалось советское командование. Для этого были составлены специальные вопросники, которыми оперативники руководствовались в работе с агентами, при допросах военнопленных и при проведении других мероприятий с целью добывания нужной информации. В годы войны органами государственной безопасности было получено от военнопленных, обработано и направлено командованию Красной армии, различным наркоматам и ведомствам свыше 6 тыс. разведывательных документов.

Как следует из докладной записки Л. П. Берии И. В. Сталину от 3 апреля 1943 г., с начала Великой Отечественной войны по 25 марта 1943 г. были учтены УПВИ НКВД СССР 291 579 военнопленных; за этот период умерли 132 105 человек, из них 521 офицер. На 25 марта 1943 г. содержались в лагерях 93 663 военнопленных[84].

Работа по выявлению сотрудников и агентов разведорганов противника позволяла устанавливать основные направления деятельности немецко-фашистской разведки, пресекать ее подрывные акции на нашей территории, выяснять, в какой мере она при переброске своих агентов через линию фронта использовала сопредельные с Советским Союзом страны (Турцию, Швецию и другие). Добытые данные о деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника помогли сделать некоторые выводы и об ошибках, допущенных советскими спецслужбами.

На основании этих сведений органы государственной безопасности получили возможность разоблачить в последующем подрывную деятельность агентов фашистских спецслужб, руководителей реакционных политических партий, организаций в Польше, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии и других странах. Большое значение имели также данные, полученные от военнопленных разведчиков, об агентуре разведывательных органов Германии и ее сателлитов в различных капиталистических странах, в первую очередь в США и Англии. Эти сведения были использованы советской разведкой в интересах Советского государства.

О результатах работы среди военнопленных противника во фронтовых условиях периодически составлялись обобщенные документы, позволявшие своевременно вскрывать недостатки и использовать положительный опыт. В этом отношении интересна докладная записка начальника Управления контрразведки Смерш Центрального фронта генерал-майора А. А. Вадиса Военному совету фронта о работе с военнопленными войск противника 13 октября 1943 г.[85] За период наступательных операций с 26 августа по 1 октября 1943 г. войсками Центрального фронта[86] были захвачены в плен 4445 солдат и офицеров противника, из которых 42 человека офицерского состава. За указанный период были допрошены свыше 90 военнопленных, представлявших оперативный интерес, в том числе один майор, четыре обер-лейтенанта, четыре лейтенанта, два зондерфюрера и 81 человек унтер-офицерского и рядового состава. При допросах военнопленных германской армии и обработке трофейных документов основное внимание уделялось вопросам деятельности разведывательных и контрразведывательных органов противника, мероприятиям германского командования по формированию воинских частей из представителей различных национальностей Советского Союза, выяснению политико-морального состояния войск противника, а также вопросам режима на оккупированной территории, паспортной системы и административного устройства.

Так, взятый в плен командир самокатного эскадрона разведотряда 251-й пехотной дивизии обер-лейтенант Э. Шуппе на допросе в управлении Смерш Центрального фронта показал, что в ночь на 20 августа 1943 г. в районе г. Севска через линию фронта в расположение частей Красной армии были переброшены два агента германской разведки, имевшие для обратного возвращения пароль «Курск». Один из агентов был одет в форму лейтенанта Красной армии, другой — в форму красноармейца. Переброска агентов была осуществлена во время разведывательного поиска, проводившегося подразделением обер-лейтенанта Э. Шуппе. Последний также указал приметы переброшенных агентов, предполагаемый срок и место их возвращения.

Поскольку из полученных еще ранее показаний военнопленного ефрейтора было уже известно, что в июле 1943 г. на участке 82-й пехотной дивизии через линию фронта перебрасывались два агента немецкой разведки, также имеющие пароль «Курск», все подчиненные органы Смерш Центрального фронта были ориентированы относительно действий разведоргана противника. В ориентировке были указаны подробные приметы перебрасываемых агентов. В результате проведенных оперативных мероприятий на участке армии, где начальником отдела Смерш был полковник Трапезников, задержали бывших военнослужащих Красной армии А. Ф. Кромова и А. С. Волынцева, являющихся агентами германской разведки, переброшенными зондеркомандой-110. Для обратного возвращения они получили пароль «Курск». Переброска была произведена в ночь на 20 августа 1943 г. в районе г. Севск. Обстоятельства переброски, а также приметы Кромова и Волынцева совпадали с данными, которые сообщил на допросе обер-лейтенант Э. Шуппе.

Наряду с осуществлением контрразведывательной работы органы военной контрразведки активно помогали командованию и политорганам советских войск в охране военных секретов, повышении боеспособности частей и соединений. В целях сохранения в тайне замыслов командования и важнейших мероприятий, связанных с подготовкой той или иной операции, военные контрразведчики вели агентурную работу в штабах, где сосредоточивались наиболее важные секреты, и в окружении войск. Совместно с работниками транспортных органов государственной безопасности они проводили агентурно-оперативные мероприятия

на железнодорожных коммуникациях, по которым осуществлялись воинские перевозки для нужд фронта.

Большую роль играли информационные сводки органов военной контрразведки, направляемые в адрес военного командования. По неполным подсчетам, в 1943 г. органами военной контрразведки фронтов и армий военному командованию (от наркома обороны до командующих отдельными армиями) было направлено более 12 тыс. письменных информационных документов, не считая почти ежедневной передачи устной информации на всех уровнях. В них сообщались, как правило, обобщенные сведения и оценка данных о наличии и составе группировок противника на конкретном операционном направлении, определялся вероятный характер их действий, что целенаправленно использовалось в ходе подготовки и ведения Красной армией наступательных операций.

Вместе с органами военной контрразведки большую помощь нашему командованию оказывала служба радиоразведки и радиоперехвата органов НКВД — НКГБ. Она вела постоянное наблюдение за работой вражеских радиостанций, дешифровывала их радиограммы. За годы войны органы государственной безопасности передали командованию советских войск тысячи расшифрованных радиограмм о дислокации и численном составе основных группировок фашистских войск, готовящихся наступательных и оборонительных операциях противника, сосредоточении резервов и т. д. Много было перехвачено радиограмм, содержащих донесения агентов немецко-фашистской разведки, действовавших в тылу наших войск.

Важную разведывательную информацию о противнике получало военное командование от органов госбезопасности. Так, 31 августа 1943 г., в период Смоленско-Рославльской наступательной операции советских войск, командованию Западного фронта были переданы сведения о подтягивании немцами резервов в район Ельни. В августе — сентябре 1943 г. органы госбезопасности сообщили командованию Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов о дислокации и численном составе действовавших против них 1-й и 4-й танковых и 8-й армий противника и о том, что в состав 1-й танковой армии входят 40, 48 и 57-й танковые корпуса, а в состав 8-й армии — 2-й и 3-й танковые корпуса, дивизии танкового корпуса СС «Мертвая голова», «Рейх», «Великая Германия» и другие соединения. И такие примеры не единичны.

Опыт, накопленный в ходе второго периода Великой Отечественной войны, показал, что военная контрразведка принимала активное участие в обеспечении безопасности проведения крупных оборонительных и наступательных операций Красной армии. Как свидетельствуют архивные документы, органы государственной безопасности работали по сохранению в секрете планов подготовки и проведения операций, безопасности воинских перевозок, сокрытия районов расположения и сосредоточения войск главного удара и т. д.

Непосредственно во время наступления оперативный состав органов контрразведки Смерш решал также задачи по выявлению агентуры противника, предупреждению и пресечению случаев измены Родине, дезертирства и бегства с поля боя военнослужащих. Мероприятия военной контрразведки по борьбе с дезертирами, изменниками Родины, антисоветскими элементами, распространителями провокационных и панических слухов способствовали укреплению политико-морального состояния личного состава действующей армии, повышению боевой готовности частей и соединений советских войск.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] *Еременко А. И.* Дневники. Записки. Воспоминания. 1939–1946 гг. М., 2013. С. 127.

[2] Там же. С. 158.

[3] Сборник приказов и директив Ставки Верховного главнокомандования, НКО СССР, НКВМФ СССР, Генерального штаба и начальников родов войск. В 2-х ч. Ч. II. 1943 г. М., 1970. С. 5–89.

[4] Военная энциклопедия. Т. 6. М., 2002. С. 417.

[5] Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР Смерш. 1939 — март 1946 г. Сб. документов. М., 2006. С. 396.

[6] «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки. М., 2003. С. 31–32.

[7] Там же. С. 54.

[8] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 5.

[9] *Букейханов П.* Курская битва. Перелом. М., 2012. С. 240–241.

[10] Великая Отечественная. Комкоры. Военный биографический словарь. В 2-х т. М., 2006. Т. 1. С. 623–624.

[11] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. М., 2007. С. 358.

[12] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 15. Д. 97. Л. 98.

[13] «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки. С. 330–333.

[14] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 402.

[15] Сборник законодательных и нормативных актов о репрессиях и реабилитации жертв политических репрессий. М., 1993. С. 43–45.

[16] Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР Смерш. С. 383.

[17] Там же. С. 386.

[18] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 126–127.

[19] Там же. С. 205.

[20] Там же. С. 561.

[21] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 21. Д. 142. Л. 147–150.

[22] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 405. Л. 4–5.

[23] Там же. Л. 46.

[24] Там же. Л. 48.

[25] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 308–310.

[26] Там же. Т. 4. Кн. 1. С. 382.

[27] Политбюро ЦК РКП(б) — ВКП(б). Повестки дня заседаний. 1940–1952: каталог. В 3-х т. М., 2001. Т. 3. С. 298.

[28] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 381.

[29] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). М., 2008. С. 403.

[30] *Леонов И. Я.* Наш XX век. Воспоминания и размышления ветерана военной контрразведки. СПб., 2003. С. 96–98.

[31] ЦА ФСБ России. Ф. 4ос. Оп. 1. Д. 7. Л. 17.

[32] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 397.

[33] Кто руководил НКВД. 1934–1941: справочник. М., 1999. С. 80; На приеме у Сталина. С. 405.

[34] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 405.

[35] Лубянка. Органы ВЧК — КГБ. 1917–1991: справочник. М., 2003. С. 626.

[36] Там же. С. 624.

[37] Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне. Исторические очерки и архивные документы. М., 2010. С. 72.

[38] ЦА ФСБ России. Ф. 6. Оп. 3. Д. 1. Л. 1–2.

[39] Архив УФСБ по Омской области. Ф. 40. Оп. 26. Д. 85. Л. 1.

[40] История внутренних войск. В 5-ти т. М., 2011. Т. 3. С. 55.

[41] Смерш. Исторические очерки и архивные документы М., 2003. С. 78.

[42] *Христофоров В. С.* Сталинград. Органы НКВД накануне и в дни сражения. М., 2008. С. 103.

[43] Там же. С. 122.

[44] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 27.

[45] Там же. Т. 4. Кн. 2. С. 473.

[46] Там же. Т. 4. Кн. 1. С. 264–265.

[47] «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки. С. 129.

[48] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 50.

[49] Там же. С. 132.

[50] «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки. С. 183–187.

[51] Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР Смерш. С. 406–407.

[52] *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 2013. С. 138.

[53] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 475.

[54] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 2. Д. 369. Л. 8.

[55] Там же. Л. 9.

[56] «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки. С. 109.

[57] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. С. 266.

[58] Там же. Т. 4. Кн. 1. С. 618–619.

[59] Там же. Т. 4. Кн. 2. С. 284–286.

[60] Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 183–190. К сожалению, личная судьба А. И. Козлова сложилась после войны драматически. По постановлению особого совещания при МГБ СССР в 1950 г. он был обвинен в разглашении секретных сведений и заключен в исправительно-трудовой лагерь на три года. Был реабилитирован в 1960-е гг., но военные заслуги А. И. Козлова государство признало лишь в 1993 г.

[61] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. С. 93.

[62] Там же. Т. 4. Кн. 2. С. 244.

[63] Государственная безопасность России: история и современность. С. 576.

[64] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 428.

[65] Там же.

[66] Там же. С. 535.

[67] *Макаров В. Г.* Спецоперация «Литера «Э» // ФСБ: за и против. 2012. № 2 (18). С. 50–55.

[68] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. С. 535–549.

[69] *Макаров В. Г., Тюрин А. В.* Лучшие спецоперации Смерша. Война в эфире. М., 2009. С. 82.

[70] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 366. Л. 43.

[71] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 21. Д. 142. Л. 105.

[72] Там же. Л. 109.

[73] *Рокоссовский К. К.* Указ. соч. С. 213.

[74] *Еременко А. И.* Указ. соч. С. 146.

[75] ЦАМО. Ф. 40. Оп. 11. Д. 76. Л. 75.

[76] *Замулин В. Н.* Прохоровка — неизвестное сражение великой войны. М., 2005. С. 646.

[77] *Христофоров В. С.* Указ. соч. С. 62.

[78] Русский архив: Великая Отечественная. Ставка ВГК. Документы и материалы. 1943 г. Т. 16. С. 231–232.

[79] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 369. Л. 123.

[80] Архив УФСБ по Омской области. Ф. 40. Оп. 26. Д. 89. Л. 30; см. также: Великая Отечественная война. Комкоры. Военный биографический словарь. Т. 2. С. 156–157.

[81] Русский архив: Великая Отечественная. Приказы НКО СССР. Т. 13 (2-3). С. 149.

[82] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 27. Д. 143. Л. 124.

[83] «Огненная дуга». Курская битва глазами Лубянки. С. 24.

[84] 65 лет Великой Победы. В 6-ти т. М., 2010. Т. 6. С. 310.

[85] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 435–442.

[86] Имеется в виду Черниговско-Припятская наступательная операция, проведенная войсками Центрального фронта с 26 августа по 30 сентября 1943 г.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННОЙ КОНТРРАЗВЕДКИ В ЗАВЕРШАЮЩИЙ ПЕРИОД ВОЙНЫ

Оперативная обстановка

В ходе третьего, последнего периода Великой Отечественной войны Главное управление контрразведки Смерш НКО СССР, УКР Смерш НК ВМФ, НКГБ, НКВД и их подчиненные органы продолжали играть активную роль во всенародной борьбе с немецко-фашистскими захватчиками. На новом этапе войны они действовали в изменившейся военно-политической обстановке. Выйдя к границам СССР, наступающие части Красной армии практически без остановки перенесли боевые действия на территорию сопредельных государств — Румынии и Польши, а во второй половине 1944 г. — и других стран Европы: Болгарии, Югославии и Венгрии.

По мере продвижения советских войск спецслужбы Болгарии, Венгрии и Румынии по указанию своего военного и политического руководства предпринимали настойчивые попытки установления контактов с разведслужбами Англии и США для решения через них вопросов, связанных с выходом из войны. При этом главным являлось важное условие — успеть проделать указанную работу до занятия этих европейских стран войсками Красной армии. Они даже были готовы передать в распоряжение американцев и англичан своих кадровых сотрудников и агентуру для возможного использования против нашей страны, а также снабдить союзников информацией о нацистской Германии, в частности о ее вооруженных силах и разведывательных органах.

Главное управление контрразведки НКО Смерш частично владело сведениями об указанных контактах, поскольку было своевременно информировано коллегами из разведки НКГБ и ГРУ Красной армии. Это позволило заблаговременно поставить конкретные задачи фронтовым и армейским аппаратам, вновь создаваемым оперативным группам по обеспечению безопасности наступающих воинских частей и в прифронтовой полосе, а также недопущению дальнейшей разведывательно-подрывной работы болгарских, венгерских и румынских спецслужб.

Сложнее обстояло дело с Польшей. Официально под руководством эмигрантского правительства во главе с С. Миколайчиком польская разведка и подпольные боевые структуры Армии Крайовой действовали только против немецких оккупантов и в общих интересах союзников, включая СССР. На самом деле они были нацелены на недопущение установ-

ления в Польше режима не только дружественного, но даже лояльного по отношению к Советскому Союзу. «Лондонцы» и их представители в самой Польше не желали даже обсуждать вопрос о так называемых восточных крессах — территориальной принадлежности к нашей стране Западной Украины, Западной Белоруссии и некоторых областей Литвы. Присоединение их в 1939 г. к СССР рассматривалось как оккупация, а Красная армия — как войска оккупантов.

Еще в октябре 1943 г. 1-е управление НКГБ СССР получило из лондонской резидентуры сообщение о некоторых решениях польского генерального штаба. Агенты советской разведки отмечали, что генштаб с согласия эмигрантского правительства дал инструкции уполномоченному польского правительства в Польше «готовиться к оказанию сопротивления Красной армии при вступлении ее на территорию Польши». Кроме того, польским вооруженным силам, то есть Армии Крайовой, предписывалось вести беспощадную борьбу с просоветскими партизанами в Западной Украине и Западной Белоруссии и «готовить всеобщее восстание в этих областях при вступлении туда Красной армии»[1].

Намерения польских эмигрантских кругов нашли свое отражение в ряде конкретных приказов руководства Армии Крайовой. В докладной записке начальника ГУКР Смерш В. С. Абакумова, направленной 30 января 1944 г. в ГКО (И. В. Сталину и В. М. Молотову), сообщалось, что с базы партизанской бригады имени Чкалова (Западная Белоруссия) в Москву доставлена группа офицеров Армии Крайовой. Они руководили батальоном № 331, действовавшим против наших партизан. При проведении допросов выяснилось, что батальон выполнял указания подпольного центра в Варшаве[2]. Советские партизаны доставили в ГУКР Смерш и соответствующие приказы командования Армии Крайовой, однозначно подтверждающие информацию лондонской резидентуры НКГБ.

Все это ставило перед контрразведкой задачу не допустить противодействия польских подпольных структур советским войскам и мероприятиям нашего командования при вступлении на территорию Польши.

Военное и политическое руководство Германии, реально признав невозможными не только победу над СССР, но даже и гарантированное сдерживание темпов продвижения Красной армии, все больше внимания уделяло активизации подрывной деятельности в целях политического разрушения нашей страны и ее потенциала изнутри. Ставка делалась на усиление активности националистических движений и групп практически во всех союзных и автономных республиках СССР, создание антисоветского подполья не только и не столько в прифронтовом, а уже в глубоком тылу Советского Союза.

В 1944 г. возросла активность германских спецслужб по созданию и стимулированию подрывной деятельности разного рода национальных советов, национальных легионов и т. д. Гитлеровцы опирались на эмигрантов, проводили антисоветскую пропаганду в лагерях военнопленных, среди угнанных на работу в Германию гражданских лиц. Продвигались идеи раздела СССР как многонационального федеративного государства на подконтрольные нашему противнику марионеточные псевдогосударственные образования. В этом плане конкретными шагами являлось формирование Белорусской рады, Армянского, Грузинского, Туркестанского комитетов, Туркестанского легиона, Калмыцкого корпуса доктора Долля. В этом же ряду можно упомянуть и Комитет освобождения народов России (КОНР). Предпринимались дальнейшие меры по укреплению и соответствующей обработке так называемой Русской освободительной армии (РОА) во главе с перешедшим на сторону врага А. А. Власовым.

С учетом продвижения Красной армии на запад стало шире практиковаться оставление отдельных агентов, небольших групп и даже агентурных отрядов численностью в несколько десятков человек на территориях, которые через непродолжительное время Вооруженные силы Советского Союза освобождали от оккупантов. Агентура, ранее использовавшаяся в контрразведывательных и полицейских целях, а также разного рода пособники гитлеровцев целенаправленно оставлялись в тылу наших войск для ведения разведывательной и диверсионной деятельности.

Солдаты Армии Крайовой на привале

«За последнее время, — говорилось в докладной записке, направленной в ГУКР НКО Смерш 11 мая 1944 г. Управлением контрразведки 1-го Украинского фронта, — германская разведка усилила заброску на нашу сторону своей наиболее подготовленной и враждебно настроенной к советской власти агентуры из числа националистов, бывших белогвардейцев, предателей и уголовников... Некоторые из арестованных шпионов неоднократно выполняли задания германской разведки в нашем тылу, а отдельные из них убивали своих напарников, не желавших выполнять задания немцев, а при задержании оказывали вооруженное сопротивление»[3].

Своим коллегам вторили контрразведчики 1-го Прибалтийского фронта. Они докладывали в ГУКР НКО Смерш, что идет резкое снижение количества германских агентов — разведчиков и диверсантов, явившихся с повинной. Если с мая по декабрь 1943 г. из 153 заброшенных в наш тыл агентов спецслужб Германии 49 явились с повинной, то есть почти каждый третий, то с 1 января по 10 июня 1944 г. — только семь из 77 заброшенных и арестованных, а с мая 1944 г. — вообще ни один. Причину такого положения сотрудники органов Смерш видели в длительном пребывании в лагерях военнопленных будущих шпионов, где они подвергались сильнейшей идеологической обработке в антисоветском духе. Кроме того, после вербовки они привлекались, как правило, к участию в карательных акциях и к боевым действиям против партизан, а следовательно, запятнали себя активной помощью военному противнику СССР[4].

Можно утверждать, что немецкие спецслужбы пытались в 1944 г. создать масштабное антисоветское партизанское движение, по достоинству оценив эффективность деятельности наших партизанских соединений, бригад и отдельных отрядов в собственном тылу. Однако это была попытка с негодными средствами — прочной и широкой опоры у антисоветского партизанского движения на территории СССР, по крайней мере в границах 1939 г., не имелось. В районах Западной Украины, Западной Белоруссии, Прибалтики, Северного Кавказа, в Калмыкии и Крыму гитлеровские спецслужбы еще могли на что-то рассчитывать, если бы не меры, предпринятые советским руководством и конкретно органами государственной безопасности и внутренних дел. Этот факт нельзя не учитывать при изучении и особенно при оценке так называемых массовых операций по выселению, не отрицая при этом их репрессивного характера и антигуманной сущности. Не следует забывать исторических реалий и причинно-следственных связей происходивших событий.

Освобождая Украину, советские войска с самого начала 1944 г. столкнулись с деятельностью ОУН и боевой активностью банд так называемой Украинской повстанческой армии (УПА). В прифронтовой зоне борьбу с ними вели органы контрразведки Смерш, привлекая войска НКВД СССР по охране тыла и подразделения Красной армии. Банды нападали на тыловые военные объекты, обозы, населенные пункты с малочисленными гарнизонами, убивали советских солдат и офицеров. В одной из докладных записок Управления контрразведки Смерш 1-го Украинского фронта в Москву отмечалось, к примеру, что только с 7 февраля по 2 марта 1944 г. зафиксировано более 200 случаев нападений банд УПА на мелкие группы военнослужащих и захвата транспортов с оружием и боеприпасами. И все это относилось лишь к полосе действий частей и соединений 13-й армии[5].

Украинский штаб партизанского движения информировал командование наступающих фронтов о том, что в конце декабря 1943 г. некоторые главари банд УПА заключили соглашения с немецкими оккупационными властями о вооружении националистического подполья в обмен на участие в подрывной деятельности против советских войск[6]. В докладной записке в ГКО от 31 марта 1944 г. начальник ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумов сообщил, что среди документов, захваченных оперативной группой в ходе освобождения одного из украинских городов, обнаружен секретный приказ бригаденфюрера СС К. Бреннера, где говорилось о договоренности, достигнутой с представителями УПА, о неприменении немецкими войсками оружия против отрядов УПА в обмен на захват и передачу последними советских офицеров и солдат для получения необходимых разведсведений[7].

В ходе контрразведывательного обеспечения наступательных операций Красной армии сотрудники органов Смерш получили реальное подтверждение о подрывной работе еще одной эмигрантской организации, используемой немецкими спецслужбами и пропагандистскими органами для решения своих задач. Речь идет о Народно-трудовом союзе нового поколения (НТСНП). УКР Смерш 3-го Украинского фронта были захвачены в Одессе 14 участников этой организации во главе с неким И. Сущенко, завербованным абверовцами еще в 1943 г. На допросах арестованных выяснилось, что по заданию немецкой разведки и руководства НТСНП в Берлине одесская организация занималась выявлением коммунистического подполья в регионе, проникновением в партизанские отряды и действовавшие в тылу противника резидентуры разведорганов нашей армии, органов НКГБ и Смерш. При отступлении немцев Сущенко и его подчиненным было приказано остаться в Одессе и других населенных пунктах области с целью проникновения в советские воинские части для осуществления террористических и диверсионных акций, ведения разложенческой работы среди красноармейцев. При вступлении наших войск в Одессу они успели распространить более 2,5 тыс. антисоветских листовок и 300 экземпляров программы НТСНП[8].

Инструкции и пропагандистские материалы организация получила из Варшавы, от белоэмигранта А. Вюрглера — начальника отдела пропаганды дислоцированного там зондерштаба «Р». С подрывной деятельностью НТСНП столкнулись в мае 1944 г. и контрразведчики 1-го Украинского фронта, что указывало на достаточно обширную зону активности этой антисоветской организации. Поэтому в соответствующих ориентировках

ГУКР НКО Смерш и НКГБ СССР предлагалось предпринимать необходимые меры по ее нейтрализации.

В 1944 г. германская разведка резко активизировала террористические акции, чего не наблюдалось в предыдущие годы войны. Сотрудникам органов госбезопасности удалось предотвратить задуманное покушение даже на Верховного главнокомандующего И. В. Сталина[9]. ГУКР НКО Смерш в мае дважды докладывало в ГКО о подтвержденной тенденции в тактике действий противника и на основе полученных указаний издало соответствующую директиву для подчиненных органов. Им приказывалось усилить агентурно-оперативную работу по выявлению террористов и разработку лиц, высказывающих намерения совершить акты террора, через командование ограничить командирование в Москву военнослужащих из числа бывших в плену и вышедших из окружения в одиночном порядке при подозрительных обстоятельствах. Эти директивы предлагалось довести вплоть до рядовых оперативных сотрудников[10].

Для правильного понимания деятельности органов контрразведки Смерш в 1944 г. нельзя не указать и на происходившие изменения в Красной армии и на флоте. Прежде всего это касается дальнейшего поднятия морально-политического духа наших войск. Успешные наступательные операции практически на всем протяжении советско-германского фронта, освобождение многих городов, включая такие крупные центры, как Киев и Минск, полное снятие блокады Ленинграда исключительно позитивно сказались на настроениях рядового и офицерского состава. Укреплению уверенности в разгроме врага способствовало массированное поступление в части и соединения новых, более мощных образцов оружия и боевой техники. Ненависть к немецко-фашистским захватчикам и их союзникам, войска которых участвовали в вооруженной борьбе, усиливали зримые для наших военнослужащих свидетельства их зверств на оккупированной территории СССР: результаты карательных операций, массовые расстрелы мирного населения и захваченных военнопленных, уничтожение культурных ценностей и национальных святынь.

На указанные и другие факторы опиралась всё усиливавшаяся идеологическая работа с личным составом со стороны командиров и партийно-политического аппарата Красной армии и флота. В этом направлении достаточно эффективно действовали и сотрудники контрразведки Смерш. Каждый их агент и осведомитель из многотысячного негласного аппарата в действующей армии и тыловых военных округах воспитывался оперативным составом в духе преданности своему государству, уверенности в скорой и окончательной победе над нацистской Германией и ее сателлитами. Эффективным являлось доведение до военнослужащих и гражданского персонала информации о фактах разоблачения и наказания изменников, шпионов, диверсантов, дезертиров и членовредителей. Выявленные и задержанные органами контрразведки Смерш активные пособники оккупантов, вина которых не подлежала сомнению, передавались в военно-полевые суды, исполнение приговоров происходило безотлагательно и, как правило, в течение не более одних суток. Приговоренные к высшей мере наказания подлежали публичному повешению, так же поступали и с карателями.

На морально-политическое состояние наших войск влияли не только положительные факторы, но и объективно возникавшие сложности. Данное обстоятельство не могло не учитываться советскими органами госбезопасности и прежде всего военной контрразведкой. В связи с восстановлением западной границы СССР и завершением освобождения оккупированных вражескими войсками территорий среди военнослужащих Красной армии стали возникать разговоры о целесообразности продолжения войны. Подобные факты зафиксировали органы контрразведки Смерш практически всех фронтов. Судя по некоторым документам, обобщающим вышеуказанное явление, чекисты обращали внимание командования и политических органов на тот факт, что нежелание участвовать в последующих военных действиях высказывали не только рядовые бойцы и сержанты, но и офицеры полкового и дивизионного уровня. Причем в числе последних отмечались военнослужащие, участвующие в боях с первых лет войны, награжденные боевыми орденами и медалями. Одним словом, о банальной трусости не могло быть и речи, скорее это являлось результатом усталости, а

Казнь полицаев

также отсутствия целенаправленной идеологической работы или ее недостаточной эффективности. Как бы там ни было, демобилизационные настроения могли негативно сказаться на предстоящих наступательных операциях, прежде всего в Польше. Именно в войсках, вошедших на польскую территорию, наблюдались наиболее резкие высказывания относительно продолжения войны[11].

В 1944 г. обострилась проблема людских ресурсов. Происходили сдвиги в демографическом, национальном и социальном составе рядового и сержантского контингента наших войск. В воинские части поступали лица, мобилизованные в освобожденных Красной армией местностях, то есть по большей части те, кто более полутора лет жил в условиях оккупации, включая бывших военнопленных и скрывшихся в 1941–1942 гг. дезертиров. Чем дальше на запад продвигался фронт, тем больше призывалось лиц, в той или иной степени зараженных националистическими настроениями. Особенно ярко это проявлялось на Украине и в Прибалтике.

Одной из задач националистов являлся срыв проводимой мобилизации путем запугивания местного населения, активной пропагандистской работы среди мобилизуемых. Наиболее заметно это было в первые месяцы 1944 г. в Тарнопольской и Ровенской областях. Характерным примером здесь может служить следующий факт. Для пополнения 161-го запасного стрелкового полка 1-го Украинского фронта в Кременецком районе Тарнопольской области

в марте были мобилизованы 250 граждан. Сложности возникли еще при сборе призывников: их буквально пришлось разыскивать по месту жительства. А при совершении марша к месту дислокации полка на колонну напала банда УПА, шесть военнослужащих Красной армии были убиты, а все мобилизованные ушли с бандой в лес. В этот же день на станции Ошмяны бандиты обстреляли из пулеметов и винтовок эшелон с мобилизованными из западных областей Украины. Во время перестрелки около 30 мобилизованных пытались бежать, убив при этом часовых и завладев их оружием. Принятыми мерами командования 10 человек удалось задержать, а остальные ушли в лесной массив, где оперировала банда[12].

Мобилизованными из освобожденных местностей Правобережной Украины в значительной степени пополнились дивизии 8-й гвардейской армии 3-го Украинского фронта. Зная об этом от захваченных пленных, немецкое командование рассчитало, что слабо обученные и в определенной степени националистически настроенные военнослужащие не окажут упорного сопротивления. Эти предположения оправдались в полной мере. Предприняв наступательную операцию 10—12 мая 1944 г., противник обратил в бегство бóльшую часть дивизий, оборонявшихся на правом берегу Днестра. И только решительные действия командования армии, включая реальную поддержку со стороны оперативного состава органов Смерш, а также личного состава заградотрядов, позволили вновь организовать линию обороны и сдержать натиск немецких частей.

Ввиду сокращения призывного контингента в Центральной России, на Урале, в Сибири и на Дальнем Востоке комплектование частей проводилось из осужденных граждан, находившихся в исправительно-трудовых лагерях системы НКВД. Причем подавляющее большинство этой категории лиц, вопреки утверждению некоторых авторов, направлялось в обычные воинские формирования, а не в штрафные роты[13]. Первоначально призываемый контингент бывших заключенных не был столь велик, чтобы создавать серьезные проблемы для командования и органов контрразведки Смерш, но постепенно количество освобожденных из лагерей и колоний увеличивалось. В декабре 1944 г. ГКО распорядился об освобождении 10 тыс. человек[14]. НКВД и Прокуратуре СССР предписывалось отобрать годных к строевой службе заключенных, которые были приговорены за бытовые и незначительные преступления, и передать их в НКО для укомплектования Красной армии.

Естественно, что в большинстве своем освобожденные уголовники не были преисполнены патриотическими чувствами, не проявляли готовности подчиняться командирам и вообще соблюдать воинскую дисциплину. Все это отрицательно сказывалось на морально-политическом состоянии войск, а следовательно, и на боеготовности. На это многократно указывали управления и отделы контрразведки Смерш в своих информационных сообщениях командованию. Выводы и предложения чекистов по результатам расследования случившихся негативных проявлений помогали военачальникам и политическим органам скорректировать свои действия.

По наиболее вопиющим фактам ГУКР НКО Смерш докладывало в ГКО и Генеральный штаб. Так, согласно спецсообщению контрразведки 18 мая 1944 г. на железнодорожной станции Красноармейское Сталинской (Донецкой) области были отмечены множественные факты неповиновения, грубого нарушения воинской дисциплины и даже преступлений среди личного состава маршевого пополнения 6-й запасной стрелковой дивизии, двигавшейся эшелоном к линии фронта. В ходе расследования, проведенного отделом контрразведки Смерш Харьковского военного округа, выяснилось, что из 776 военнослужащих маршевого пополнения 444 человека были ранее судимы. Они привлекли на свою сторону неустойчивых красноармейцев, стали избивать и разоружать офицеров и работников железнодорожной милиции, пытавшихся прекратить пьянство, распродажу военного имущества, насилия над местными жителями. Командование военного округа никаких экстренных мер не приняло и позволило негативным событиям развиваться в течение трех дней. Лишь после информирования контрразведчиками Генерального штаба и последовавших жестких указаний из Москвы командующий ХВО генерал-лейтенант С. А. Калинин обеспечил пресечение преступных действий военнослужащих. Сотрудники органов контрразведки Смерш провели рассле-

дование случившегося, выявили и арестовали 10 зачинщиков, передав их представителям военной прокуратуры. 9 мая последовал жесткий приказ наркома обороны И. В. Сталина, на основании которого генерал С. А. Калинин «за бездеятельность и недобросовестное отношение к делу» был снят с занимаемой должности и отдан под суд[15].

Указанные выше обстоятельства напрямую влияли на оперативную деятельность органов контрразведки Смерш. Для обслуживания вновь создаваемых на освобожденной территории военкоматов, а также запасных полков и фильтрационных лагерей пришлось не просто увеличивать количество оперработников, но даже создавать соответствующие отделы — настолько интенсивными и объемными оказались проводимые мероприятия.

Изучение статистической отчетности органов контрразведки Смерш показывает, что среди мобилизуемых в западных районах страны был достаточно высок процент дезертирства. Главными причинами являлись трусость, националистические настроения, недостатки в снабжении пополнения вещевым довольствием и продуктами питания. Так, отдел контрразведки Смерш Белорусского военного округа доложил о факте массового дезертирства из 50-й запасной Литовской стрелковой дивизии. Только за период с 15 октября по 15 декабря 1944 г. из этого соединения дезертировали более тысячи военнослужащих[16].

Активная борьба с дезертирами и дезертирством как явлением, а также с уголовным бандитизмом принесла свои плоды в плане срыва намерений и реальных попыток противника по дестабилизации обстановки в прифронтовой зоне и в стране в целом, по созданию кризисных ситуаций в отдельных ее национальных регионах, не позволила добиться перерастания бандитско-повстанческой деятельности в своего рода гражданскую войну.

Чекисты обращали внимание командования фронтов и даже руководства Государственного Комитета Обороны на проблемы в комплектовании гвардейских частей и соединений. В феврале 1944 г. ГУКР НКО Смерш направило по этому вопросу специальную докладную записку в ГКО (И. В. Сталину), Генштаб (А. И. Антонову) и Главное управление формирования и укомплектования войск Красной армии (И. В. Смородинову). В документе, в частности, отмечалось, что во многие гвардейские части 1-го и 2-го Прибалтийских фронтов в нарушение установленных правил мобилизуются лица, не прошедшие проверку органами контрразведки Смерш. Из 14 тыс. мобилизованных в 11-ю гвардейскую армию выявлены 502 бывших полицейских и 132 человека, добровольно служивших в немецких вспомогательных частях. Только после информирования об этих фактах Военного совета фронта указанных лиц перевели для службы в запасные полки других армий. В гвардейских частях 2-го Прибалтийского фронта контрразведчики выявили 16 агентов немецкой разведки и полицейских органов, 102 изменника Родины, 179 вновь мобилизованных дезертиров и членовредителей.

В то же время наряду с мобилизацией лиц, недостойных служить в гвардейских частях, не выполнялись требования приказа наркома обороны № 354 от 13 декабря 1941 г. о необходимости возвращать в гвардию получивших ранения либо заболевших военнослужащих после их излечения в госпиталях. Подобная ситуация наблюдалась и на других фронтах. Исходя из изложенного, начальник ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумов в докладной записке просил адресатов принять зависящие от них меры по наведению порядка в вопросе пополнения гвардейских частей и соединений[17].

Информация ГУКР НКО Смерш послужила также основанием для проведения тщательной проверки готовящихся к отправке на фронт временно расквартированных в Раменском и Щелковском районах Московской области 9, 10 и 13-й гвардейских бригад воздушно-десантных войск. Комиссия, созданная наркоматом, полностью подтвердила информацию контрразведчиков о крайне низком состоянии воинской дисциплины личного состава в бригадах, о многочисленных фактах краж имущества граждан и государственных учреждений, хищениях боеприпасов, продовольствия и обмундирования. Среди гвардейцев оказалось много призванных из ранее оккупированных районов и соответствующим образом не профильтрованных, а также бывших военнопленных.

По итогам проверки 18 января 1944 г. был издан приказ НКО, в соответствии с которым за непринятие своевременных мер по наведению порядка в бригадах командующему ВДВ

Красной армии генерал-майору А. Г. Капитохину и члену Военного совета генерал-майору Г. П. Громову нарком объявил выговор, а командиров 9-й и 13-й гвардейских бригад ВДВ отстранил от занимаемых должностей. Главному военному прокурору поручалось в кратчайшие сроки расследовать случаи преступных действий военнослужащих и виновных привлечь к уголовной ответственности[18].

Военные контрразведчики, оказывая помощь командованию РККА в решении вопроса комплектования боевых частей, проводили работу по выполнению требований ГКО о дополнительном изыскании людских ресурсов. Одна из таких комиссий проверила в мае 1944 г. Приволжский военный округ, и по результатам проверки вышел соответствующий приказ заместителя наркома обороны. Был установлен факт содержания сверх установленного штата более 2 тыс. человек, годных к службе в боевых частях[19].

Серьезные недостатки в работе по укомплектованию войск выявили сотрудники 1-го отдела ГУКР НКО Смерш в ответственном за это органе — Главупроформе. На основании чекистской информации была подготовлена докладная записка в ГКО, по решению которого создали специальную комиссию из представителей ЦК ВКП(б) и ГУКР НКО Смерш. Все факты подтвердились, и за конкретные упущения и невыполнение требований ГКО начальник Главупроформа, его заместитель и еще 13 их подчиненных были сняты с занимаемых должностей[20].

Еще одной проблемой в укомплектовании действующих частей и соединений, волновавшей военачальников и руководство органов Смерш, являлось то, что к началу 1944 г. в тыловых воинских частях, различных штабах и учреждениях скопилось достаточно много военнослужащих, которые, как отмечал в своем докладе в ГКО генерал-полковник авиации Г. А. Ворожейкин, «в войне почти не участвуют и до сих пор пороха не нюхали»[21]. Государственный Комитет Обороны отреагировал на обращение генерала и поручил ГУКР НКО Смерш уточнить обстановку в тыловых военных округах в плане выявления дополнительных людских ресурсов. В короткий срок соответствующая работа была проведена. Военные контрразведчики представили в ГШ РККА свою информацию и просили первого заместителя начальника Генштаба генерала А. И. Антонова направить на места компетентные комиссии для подтверждения вскрытых оперативным путем фактов.

К концу 1943 г. удалось полностью преодолеть некоторые сложности, возникшие в связи с проведенной весной реорганизацией спецслужб СССР. Как и любая крупная перестройка структуры, системы подчиненности, отчетности, координации работы, отладка иных механизмов достаточно сложного организма, отвечающего за государственную безопасность, заняла какое-то время. Все указанное пришлось делать, что называется, «не выходя из боя». Любая остановка была чревата возможностью пропустить удары немецких разведывательно-подрывных органов, а значит, допустить дополнительные безвозвратные потери личного состава армии и флота, срыв выпуска и поставки в войска боевой техники, оружия и боеприпасов, невыполнение намеченных стратегических и оперативно-тактических планов советского командования. Это психологически довлело над соответствующими руководителями-реформаторами и конкретными исполнителями. Надо отдать им должное: справиться с трудностями удалось в довольно короткие сроки, без ущерба для дела.

Вступление частей и соединений Красной армии в конце 1944 — начале 1945 г. непосредственно на территорию противника поставило новые задачи перед органами военной контрразведки. В условиях нахождения советских войск на территории Германии, Венгрии, Румынии, Польши, Прибалтийских республик резко возрастала опасность разворачивания противником разведывательно-диверсионной деятельности с опорой на местное население. Требовалось обеспечить твердый порядок на освобожденных от фашистов территориях, нейтрализовать все попытки немецко-фашистских спецслужб активизировать разведывательно-подрывную работу в тылу Красной армии. Решить задачу исключительно силами органов военной контрразведки и имевшимися в распоряжении фронтов войск по охране тыла было проблематично.

В этой связи в начале января 1945 г. руководством страны и органов безопасности было принято решение создать на фронтах институт уполномоченных НКВД СССР для

обеспечения очистки тылов Красной армии от вражеского элемента. Приказом НКВД СССР от 11 января 1945 г. «О мероприятиях по очистке фронтовых тылов Действующей Красной Армии от вражеских элементов» были назначены уполномоченные НКВД СССР по фронтам: 2-й Прибалтийский фронт — комиссар государственной безопасности 3 ранга П. Н. Кубаткин (начальник УНКГБ СССР по Ленинградской области), 1-й Прибалтийский фронт — комиссар государственной безопасности 3 ранга И. М. Ткаченко (председатель НКГБ по Литовской ССР), 3-й Белорусский фронт — комиссар госбезопасности 2 ранга В. С. Абакумов (начальник ГУКР Смерш НКО СССР), 2-й Белорусский фронт — комиссар госбезопасности 3 ранга Л. Ф. Цанава (нарком государственной безопасности Белорусской ССР), 1-й Белорусский фронт — комиссар госбезопасности 2 ранга И. А. Серов (заместитель наркома внутренних дел СССР), 1-й Украинский фронт — генерал-лейтенант П. Я. Мешик (заместитель начальника ГУКР Смерш НКО СССР), 4-й Украинский фронт — генерал-лейтенант Н. Н. Селивановский (заместитель начальника ГУКР Смерш НКО СССР)[22].

Уполномоченные НКВД по фронтам фактически стали руководителями и координаторами деятельности всех оперативных органов и войск, задействованных в интересах обеспечения фронта и тыла действующей армии. Неслучайно на эти должности были назначены наиболее опытные и авторитетные чекисты из состава НКГБ, НКВД и Смерш. От своих прямых обязанностей они в связи с назначением не освобождались. Необходимо отметить, что институт уполномоченных создавался только на главном направлении — на тех фронтах, части и соединения которых были нацелены прежде всего на фашистскую Германию и ее сателлитов. Советским войскам предстояло действовать здесь в условиях наиболее сложной оперативной обстановки, на территории с враждебно настроенным населением.

Приказ предписывал уполномоченным НКВД СССР по фронтам по мере продвижения частей Красной армии на территории, освобожденной от войск противника, немедленно проводить необходимые чекистские мероприятия, обеспечивающие выявление и арест «шпионско-диверсионной агентуры германских разведывательных органов, террористов, участников различных вражеских организаций, бандитско-повстанческих групп», независимо от национальной принадлежности и гражданства; выявлять и изымать нелегальные радиостанции, склады оружия, подпольные типографии и другие материально-технические базы, предназначенные для вражеской работы. Особое внимание при этом необходимо было обратить на проведение указанных мероприятий в городах, крупных населенных пунктах, железнодорожных узлах и промышленных предприятиях, чтобы лишить агентуру противника возможности проведения разведывательно-подрывной работы. Указывалось арестовывать также командно-оперативный состав полицейских органов, руководящий состав тюрем, концентрационных лагерей, военных комендантов, прокуроров, следователей, членов военных судов, трибуналов, руководителей областных, окружных, уездных дум и управ, бургомистров, членов фашистских организаций, руководителей крупных хозяйственных и административных организаций, редакторов газет, журналов, авторов антисоветских изданий, командный и рядовой состав армий воюющих против СССР стран и так называемой Русской освободительной армии, а также прочий подозрительный элемент.

При проведении мероприятий уполномоченные НКВД СССР могли использовать органы Смерш фронтов. Кроме того, в распоряжение каждого из них выделялось по 150 опытных чекистов. Уполномоченным по фронтам для проведения чекистско-войсковых и иных мероприятий оперативно были подчинены войска НКВД по охране тыла фронтов численностью 31 099 человек и дополнительно выделены для усиления части и подразделения в количестве 27 900 человек.

Начальник ГУКР Смерш НКО СССР В. С. Абакумов в числе других уполномоченных НКВД СССР после выхода приказа отбыл на закрепленный за ним 3-й Белорусский фронт и приступил к исполнению новых обязанностей. До его возвращения в Москву в начале марта 1945 г. работу центрального аппарата военной контрразведки направлял заместитель начальника ГУКР Смерш НКО СССР И. Я. Бабич.

Работа аппаратов уполномоченных НКВД СССР на фронтах велась примерно по одной схеме. Она просматривается на основе отчетных документов В. С. Абакумова, направленных в адрес наркома внутренних дел СССР Л. П. Берии. Так, согласно его докладу от 15 января 1945 г. в пределах 3-го Белорусского фронта было создано шесть оперативных групп для проведения чекистской работы на участке каждой армии фронта. Группы состояли из начальника, двух заместителей (один из них по войскам НКВД), 20 человек оперсостава и двух переводчиков. Каждой группе был придан полк войск НКВД. Кроме того, в распоряжении Абакумова находился резерв из оперсостава и войск НКВД для выполнения специальных заданий[23]. Созданные оперативные группы приступили к выполнению приказа.

В органах военной контрразведки изменений не произошло. В полном объеме функционировали Главное управление контрразведки НКО Смерш и УКР Смерш НК ВМФ, их фронтовые и флотские аппараты. Они были в достаточной степени укомплектованы руководящим, оперативным и оперативно-техническим составом. Для примера приведем некоторые цифры из отчета о работе с кадрами УКР Смерш 4-го Украинского фронта от 21 января 1944 г. На конец отчетного периода (по сравнению с январем 1943 г.) количество подчиненных органов увеличилось на 15%. В составе УКР Смерш Украинского фронта имелось семь армейских, 21 корпусной, 68 дивизионных, 28 бригадных и 20 прочих аппаратов контрразведки (всего 144 органа). Средняя укомплектованность указанных структур составляла 97%. Наибольший процент укомплектованности наблюдался в отделах Смерш корпусов, дивизий и бригад, именно эти подразделения действовали на линии фронта, в боевых порядках войск. Около 92% сотрудников являлись членами или кандидатами в члены ВКП(б), еще 7% — комсомольцами. Беспартийными были, как правило, технические работники. Высшее образование имели 177 человек (12%), незаконченное высшее — 119 (12,5%), 48% окончили среднюю школу и техникумы. С низшим образованием насчитывалось 279 человек. При этом следует отметить, что среди руководящего состава со средним и высшим образованием были 75% от общего числа. Еще один количественный показатель представляется крайне важным — по стажу работы в органах госбезопасности. Сотрудников со стажем до года — 370, от года до трех лет — 849, от четырех до шести лет — 632, от семи и выше — 527 человек. Всего в штате УКР Смерш 4-го Украинского фронта состояли 2423 человека. Таким образом, опытными чекистами (от четырех лет стажа и более) следует считать почти половину сотрудников контрразведки фронта[24]. Похожие цифры можно привести и по другим фронтовым и флотским органам Смерш.

Согласно сводке сведений о личном составе органов контрразведки НКО Смерш на 1 января 1944 г. в их составе имелось 33 875 штатных единиц, а некомплект составлял 1603 человека. Таким образом, в центральном аппарате, на фронтах и в военных округах трудились 32 272 человека. Почти половину военных контрразведчиков составляли достаточно молодые люди от 21 года до 30 лет (15 484 человек), чуть меньше было тех, кому не исполнилось 40 лет, и всего 42 чекиста имели возраст старше 50 лет. Немаловажно, что высшее образование имели 2710 контрразведчиков, незаконченное высшее и среднее получили 25 тыс. человек. Военнослужащих с низшим образованием использовали в подразделениях обеспечения и охраны, на оперативную работу их не назначали. Что касается начальников управлений контрразведки Смерш фронтов на начало 1944 г., то из 17 человек четверо окончили до начала войны академии, а остальные — военные училища и школы. Однако срок пребывания в генеральских должностях у подавляющего большинства не превышал трех лет, хотя в органах госбезопасности они начали служить во второй половине 1930-х гг.[25]

В конце сентября 1944 г. начальник ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумов с личного согласия И. В. Сталина подготовил проект постановления Совнаркома СССР о присвоении воинского звания генерал-лейтенант (то есть на ступень выше, чем предусматривалось штатами по занимаемой должности) девяти руководителям военной контрразведки фронтов, а также УКР Смерш Московского военного округа. Еще три человека были представлены к званию генерал-майор. В. С. Абакумов указывал, что все перечисленные в документе сотрудники «за время Отечественной войны проявили себя как хорошие и опытные контр-

разведчики»[26]. Такая оценка базировалась на тех результатах, которые были достигнуты фронтовыми аппаратами Смерш в деле обеспечения стратегических наступательных операций советских войск. Воинское звание «генерал-лейтенант» было присвоено начальникам управлений контрразведки Смерш фронтов А. С. Быстрову (Ленинградский), А. А. Вадису (1-й Белорусский), Я. А. Едунову (2-й Белорусский), Н. И. Железникову (2-й Прибалтийский), П. И. Ивашутину (3-й Украинский), Д. И. Мельникову (Карельский), Н. А. Осетрову (1-й Украинский).

В 1944 г. были проведены в жизнь меры по развитию системы подготовки и переподготовки оперативного состава контрразведки Смерш. Так, в апреле начальник ГУКР НКО Смерш комиссар госбезопасности 2 ранга В. С. Абакумов издал приказ о реорганизации ленинградских курсов. Контингент слушателей увеличили со 100 до 200 человек, которые обучались на двух отделениях. Для основной массы переменного состава курсов срок обучения составлял 6–9 месяцев[27]. Реорганизованы были и свердловские курсы, где набор слушателей составил 350 человек. На базе курсов ГУКР Смерш в Новосибирске была создана спецшкола с количеством обучающихся 400 человек. Предполагалось готовить оперативный состав шесть месяцев, а затем срок был увеличен до года. Первый набор слушателей состоял из офицеров и сержантов — участников боевых действий на фронтах, многие из них подбирались на учебу еще в период излечения в госпиталях. Все зачисленные приступили к занятиям во второй половине января 1944 г., а в июле состоялся первый выпуск. Все 289 слушателей были направлены на фронт[28].

Расширялась и реформировалась в 1944 г. и система подготовки контрразведчиков для ВМФ. Этот процесс регламентировался приказами наркома Военно-морского флота адмирала Н. Г. Кузнецова. Согласно этим документам, в феврале в Ленинграде была создана Высшая школа Управления контрразведки Смерш НК ВМФ. Соответствующие курсы организовывались и в местах дислокации штабов Балтийского, Черноморского и Тихоокеанского флотов[29].

Подготовка новых военных контрразведчиков требовалась не только из-за увеличения количества обслуживаемых частей и соединений Красной армии и ВМФ, но и в силу понесенных потерь. Согласно справке кадрового аппарата ГУКР Смерш, с начала войны и по 1 марта 1944 г. были убиты в боях 3725 сотрудников, еще 3092 пропали без вести, раненых насчитывалось 3520 человек. Общие потери составили почти 10,5% офицерского состава военной контрразведки. Более 600 человек возвратились из плена и вышли из окружения, однако далеко не все из них продолжили чекистскую службу из-за требований обеспечения внутренней безопасности[30].

Основные направления деятельности органов Смерш

Осуществляя в 1944 г. контрразведывательное обеспечение Красной армии, Военно-морского флота и войск НКВД СССР, военные чекисты действовали в рамках задач, определенных еще постановлением СНК СССР от 19 апреля предыдущего года о реорганизации Управления особых отделов НКВД СССР в Главное управление контрразведки НКО Смерш[31]. Однако новые военно-политические реалии заставляли вносить некоторые коррективы и по-иному расставлять акценты по основным направлениям работы. На первом месте, безусловно, оставалась борьба с разведывательно-подрывной активностью главного военного противника в лице нацистской Германии и ее сателлитов — Венгрии, Румынии и Финляндии. К этому добавилось и противодействие недружественным акциям спецслужб союзников, что проявлялось более отчетливо во второй половине 1944 г. в связи с вступлением Красной армии в страны Восточной и Южной Европы.

К началу стратегических наступательных операций 1944 г. руководитель ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумов сделал все от него зависящее, чтобы переломить господствовавшее еще с 1920-х гг. мнение о приоритетности в работе военной контрразведки вопроса вскрытия недостатков в деятельности военных кадров и перенесения на второй план противодействия разведслужбам противника. С конца 1943 г. стало заметно усиление зафронтовой работы органов Смерш, розыска агентуры германской, финской, румынской и других разведок в тыловых районах и непосредственно в воинских частях нашей армии, радиоигр, проводимых как Главным управлением контрразведки, так и соответствующими управлениями фронтов и военных округов. К сожалению, все это интересовало в основном военных и политических руководителей на уровне ГКО, Ставки ВГК и Генерального штаба.

Что же касается командующих и членов военных советов фронтов и армий, не говоря уже об их подчиненных корпусного и дивизионного звена, то здесь наблюдалась далекая от общепринятой точки зрения картина. Реакция отдельных военачальников (судя по их резолюциям на многочисленных спецсообщениях управлений контрразведки Смерш того или иного фронта) была далека от продуктивной. Даже командующие фронтами Н. Ф. Ватутин, И. С. Конев, Р. Я. Малиновский, К. К. Рокоссовский, Ф. И. Толбухин и другие, реально и во многом позитивно рассматривавшие работу органов Смерш, оставляли практически без внимания доклады о разоблачении агентов-разведчиков (диверсантов), изменников Родины, а также активных пособников оккупантов. Их больше интересовали спецсообщения о результатах борьбы с дезертирством, членовредительством, иными преступлениями со стороны военнослужащих, об итогах расследования разного рода чрезвычайных происшествий, фактах морально-бытового разложения отдельных офицеров и генералов, недостатках в тыловом обеспечении войск и т. д.

Некоторые военачальники, включая Маршала Советского Союза Г. К. Жукова, по сути дела считали деятельность контрразведчиков мало актуальной для решения возникающих непосредственно в ходе военных операций вопросов. Будучи в 1944 г. представителем Ставки ВГК по координации действий 1-го и 2-го Украинских фронтов, а после ранения Н. Ф. Ватутина одновременно и командующим 1-м Украинским фронтом, он не оставил ни одной резолюции на спецсообщениях начальника Управления контрразведки генерал-майора Н. А. Осетрова. Все спецсообщения УКР Смерш возвращались лишь с сопроводительным письмом секретаря Военного совета фронта с указанием на то, что представленные документы маршалу доложены[32]. Г. К. Жуков, к примеру, никак не отреагировал на факт безосновательного расстрела командиром 18-го стрелкового корпуса помощника начальника штаба по разведке одной из дивизий, боевого офицера, не раз проявлявшего героизм, награжденного к тому времени тремя орденами и медалью «За отвагу».

Примерами безразличного отношения некоторых военачальников фронтового и армейского звена могут служить далеко не единичные факты отказов с их стороны утвердить представления к государственным наградам сотрудников органов Смерш, а также привлеченных к разного рода контрразведывательным операциям офицеров и солдат из линейных воинских частей. Здесь наиболее однозначно поступали такие генералы, как командующие 69-й армией В. Я. Колпакчи, 49-й армией И. Т. Гришин и 3-й армией А. В. Горбатов.

Восприятие контрразведки военачальниками так или иначе влияло на расстановку акцентов в ее оперативной и информационной работе. Это был объективный факт, с которым постоянно сталкивалось руководство ГУКР Смерш. И все же В. С. Абакумов настойчиво нацеливал своих подчиненных на решение главной, по его мнению, задачи — непосредственной борьбы с разведывательно-подрывной деятельностью спецслужб противника, прежде всего за счет усиления оперативного розыска.

Разыскные мероприятия приобретали решающее значение в работе военной контрразведки. В этом направлении ГУКР НКО Смерш предприняло в 1944 г. серьезные организационные меры. Еще осенью 1943 г. центральный аппарат военной контрразведки разработал специальную инструкцию по организации разыскной работы, в которой удалось аккумулировать накопленный за предыдущий период войны опыт. Значение данной инструкции нельзя

переоценить — она сродни боевым уставам Красной армии. Инструкция явилась одним из важнейших директивных документов, предопределивших работу военных контрразведчиков до конца Великой Отечественной войны. Текст ее был предельно конкретен. В нем, в частности, давались методика организации местного розыска, порядок использования перевербованных агентов разведки противника, раскрывалась требуемая работа оперативно-разыскных групп, описывалась процедура заградительных мероприятий и т. д.

Уже в начале февраля 1944 г. начальник ГУКР НКО Смерш информировал И. В. Сталина о том, что его сотрудниками подготовлен и разослан во все подчиненные органы «Сборник материалов об органах германской разведки, действующих на советско-германском фронте»[33]. Основательность работы, проделанной ГУКР НКО Смерш, В. С. Абакумов определял тем, что этот сборник базируется на данных агентуры военной контрразведки и НКГБ СССР, внедренной в некоторые разведподразделения и школы по подготовке разведывательно-диверсионных кадров, а также на содержании протоколов допросов уже арестованных агентов противника. Информируя председателя ГКО, руководитель Смерш одновременно испрашивал разрешение на ознакомление с материалами сборника командующих и членов военных советов фронтов и округов, чтобы они имели реальное представление о специальных силах и средствах немецкой разведки, действующих против наших войск на конкретных участках фронта и в тыловой зоне. Такая просьба не была случайной, поскольку далеко не все военачальники осознавали возможные негативные последствия действий вражеской агентуры для предполагавшихся в 1944 г. наступательных операций.

Через полтора месяца был создан аналогичный указанному выше «Сборник материалов об органах финской разведки, действующих против Советского Союза»[34]. Он предназначался в основном для контрразведывательных органов, действовавших в северо-западном регионе.

Сборники материалов о разведорганах противника дополнялись и конкретизировались применительно к участкам фронта, поскольку немецкие, румынские и финские спецслужбы не только меняли дислокацию своих подразделений, но и переформировывали их, а также заменяли руководящие кадры, усиливая те направления, где предполагались наступательные операции советских войск. Сбор информации о происходивших изменениях осуществлялся непрерывно. Кроме донесений зафронтовой агентуры, протоколов допросов арестованных разведчиков и диверсантов, аппараты фронтовых и армейских органов Смерш использовали материалы опросов военнопленных, в той или иной мере соприкасавшихся с органами разведки противника или имевших знакомых среди их штатного состава, а также анализировали трофейные документы, захваченные оперативными группами военной разведки и передовыми отрядами наших войск.

Важным источником информации являлись сведения, добытые полевыми отделами 5-го управления НКГБ СССР. Следует уточнить, что указанные подразделения были созданы в конце 1943 г. и имелись при каждом фронтовом управлении контрразведки Смерш. Деятельность их сотрудников явно недооценена в истории органов госбезопасности военного периода, во многом из-за повышенной секретности проводимой работы. Полевые отделы 5-го управления НКГБ СССР являлись неким симбиозом радиоконтрразведывательной службы и службы дешифрования. Им удалось раскрыть многие коды и шифры войск противников. Прежде всего они сосредоточивались на перехвате линий связи разведывательных и контрразведывательных структур, но немало пользы принесли армейскому и фронтовому командованию, а также Генеральному штабу Красной армии. Информация, добываемая полевыми отделами, в подавляющем большинстве была достоверной и отражала события в реальном масштабе времени. Архивные документы свидетельствуют, что многие дела по оперативной разработке вражеских разведорганов и разведшкол заводились именно на основе сведений, поступавших из полевых отделов 5-го управления НКГБ СССР.

Серьезной корректировке подвергся «Список агентов противника, подлежащих розыску». Этот документ военные контрразведчики впервые подготовили еще весной 1943 г. на основе обобщенных данных бывшего Управления особых отделов и 2-го управления НКВД СССР. В мае 1944 г. в этот список включили большое количество новых лиц, обоснованно

Сборник материалов ГУКР Смерш
об органах германской военной разведки

подозреваемых в работе на немецкую, финскую, румынскую и другие разведки противников СССР. Одновременно из числа разыскиваемых исключили почти 3,5 тыс. уже арестованных агентов-разведчиков и диверсантов. Уточненный список подлежал рассылке во все подчиненные ГУКР НКО Смерш и НКГБ СССР органы, а также в оперативные подразделения войск по охране тылов фронтов и армий[35].

Для проверки состояния разыскной работы во все фронтовые управления контрразведки в начале 1944 г. были командированы специальные группы во главе с помощниками В. С. Абакумова. Им поручалось убедиться в правильности и эффективности агентурно-оперативных мероприятий, предпринятых во исполнение разосланной еще в сентябре 1943 г. специальной инструкции по розыску и иных указаний по данному вопросу. Как показали результаты обследования, при наличии реальных успехов в деле розыска агентов разведывательных и контрразведывательных органов противника, а также изменников Родины и активных пособников оккупантов, эффективность усилий военных контрразведчиков следовало существенно повысить. Выяснилось, к примеру, что розыском занимались в основном выделенные сотрудники вторых отделов управлений Смерш фронтов и их коллеги из армейских аппаратов. Основная же масса оперативного состава низовых звеньев (в корпусах, дивизиях, бригадах и т. д.) не была включена в общую систему розыска. В устранении такого положения виделся путь к резкой активизации розыска.

Для дополнительного инструктажа в ГУКР НКО Смерш были вызваны ответственные за разыскную работу начальники отделов и отделений управлений контрразведки фронтов. С объемным и насыщенным конкретными примерами докладом перед ними выступил начальник ГУКР комиссар госбезопасности 2 ранга В. С. Абакумов. По итогам совещания и состоявшегося обмена опытом во все органы Смерш действующей армии и тыловых военных округов направлялись директивные указания и приказы. Следует подчеркнуть, что указанные документы постоянно дорабатывались с учетом проводимых и предстоящих наступательных операций Красной армии.

К примеру, до начала Белорусской стратегической наступательной операции советских войск 29 марта 1944 г. был издан специальный приказ начальника ГУКР НКО Смерш. Инспекторская бригада ГУКР с 19 мая по 1 июня проверяла ход реализации данного приказа в Управлении контрразведки 2-го Белорусского фронта. Как докладывал руководитель группы помощник начальника главка генерал-майор К. П. Прохоренко, внимание было сосредоточено именно на организации розыска. В акте проверки были указаны следующие недостатки: слабо изучаются каналы проникновения немецкой агентуры через линию фронта; чекистам не удалось добиться от командования фронта и армий наведения порядка в вопросе прикрытия разрывов в полосах обороны некоторых подразделений, что позволяло разведгруппам противника проникать в наш тыл; явно недостаточно привлекалась к розыску агентурно-осведомительная сеть оперуполномоченных в полках и на отдельных военных объектах; слабы были оперативные возможности в окружении воинских частей и в населенных пунктах за пределами 25-километровой прифронтовой зоны; новый оперативный состав, прибывающий взамен убитых и раненых сотрудников, слабо представлял, как на практике реализовывать основные положения инструкции по розыску.

Наряду с недостатками отмечались определенные положительные сдвиги. К примеру, только в полосе действий 49-й армии работало до 60 подвижных оперативно-разыскных групп и до 70 постоянных заградительных постов на перекрестках дорог, в больших селах и городках. В крупных городах, таких как Рославль, действовали опергруппы численностью до 25 человек. Опергруппа в Рославле, в частности, только за май 1944 г. задержала 113 подозрительных лиц, из которых после тщательной проверки были выявлены и разоблачены два агента немецкой разведки и 29 дезертиров, а еще семь человек взяты в изучение, поскольку их документы имели признаки подделки[36]. Неплохих результатов добились и контрразведчики 50-й армии. Они сумели разыскать и арестовать в мае 1944 г. шесть агентов (разведчиков и диверсантов) германских спецслужб, 63 дезертира, а также взять в оперативную проверку 954 человека с сомнительными паспортами, красноармейскими книжками и наградными документами.

Всего за май, то есть месяц, предшествующий началу операции «Багратион», сотрудники только оперативных групп УКР Смерш 2-го Белорусского фронта доказали причастность к немецкой разведке и арестовали 11 лиц, а также выявили 19 агентов гестапо и полиции[37]. Среди арестованных агентов противника большинство прошли специальную подготовку в разведшколах и, к сожалению для контрразведчиков, ранее уже выполняли задания в тылу наших войск и остались тогда неразоблаченными. Среди таких агентов были, в частности бывшие военнослужащие Красной армии Кудря (псевдоним Петров) и Ермаков. Теперь они имели задание по сбору развединформации и диверсионным актам на коммуникациях в районе станции Рославль. По показаниям этих агентов оперативно-разыскная группа задержала еще двух парашютистов — Кошечкина и Серенко, а несколько дней спустя арестовала в районе г. Мстиславль двух агентов, экипированных в форму офицеров нашей армии, намеревавшихся проникнуть в одну из воинских частей по поддельным командировочным удостоверениям[38].

При подготовке наступательных операций в зимне-весенний период 1944 г. военная контрразведка активизировала поисковые мероприятия в прифронтовой полосе. В зону внимания органов Смерш попали более 50 тыс. человек. 4 марта 1944 г. В. С. Абакумов представил в ГКО (И. В. Сталину) и в Генеральный штаб РККА (А. И. Антонову) доклад, в котором сообщал: за январь — февраль органы контрразведки всех фронтов с привлечением

войск НКВД по охране тыла и действующих частей Красной армии провели проверку документов в 10-километровой прифронтовой зоне. Были задержаны 15 190 человек, вызвавших подозрения, из них арестованы 529 военнослужащих и гражданских лиц. Среди арестованных оперативным и следственным путем разоблачены 149 немецких агентов, 165 активных пособников оккупантов и 91 человек преступного элемента. Остальные задержанные были направлены: а) в штрафбаты и штрафроты — 577 человек; б) на сборно-пересыльные пункты и в запасные части — 10 933 человека; в) в военные комиссариаты для мобилизации — 1932 человека; г) в территориальные органы НКВД СССР — 1748 человек[39].

Во время подготовки Ленинградско-Новгородской наступательной операции и в ходе ее проведения резко увеличилось количество забросок агентов — разведчиков, диверсантов и террористических групп противника в ближайшие тылы Ленинградского, Волховского и 2-го Прибалтийского фронтов. Это потребовало проведения масштабных разыскных мероприятий органов Смерш и войск НКВД по охране тыла. Было организовано круглосуточное наблюдение за воздушным пространством с целью своевременного обнаружения вражеских транспортных и разведывательных самолетов в тылу действующей армии. Проводились специальные инструктивные занятия с представителями органов ПВО, ВНОС, СНИС и авиационных частей, а недостатки в системе наблюдения вскрывались с помощью агентурно-осведомительного аппарата органов Смерш и незамедлительно устранялись через соответствующих командиров. На вероятных путях движения агентуры противника создавались заслоны, выставлялись секреты на подступах к населенным пунктам, усиливалась патрульная служба на дорогах, железнодорожных станциях, организовывались облавы в крупных населенных пунктах и прочесывались лесные массивы. Оперативно-разыскные группы действовали в местах скопления военнослужащих, в городах и в окружении уязвимых с точки зрения возможных диверсий объектов (базы снабжения оружием, боеприпасами, горюче-смазочными материалами и т. д.)[40].

С началом летних наступательных операций войск Красной армии В. С. Абакумов 11 июля 1944 г. издал приказ «О мероприятиях по усилению розыска агентуры разведки противника»[41], в котором предписывал в каждом фронтовом управлении контрразведки Смерш разработать детальный план, исходя из сложившейся оперативной обстановки.

Например, в плане УКР Смерш 2-го Белорусского фронта предусматривалось: «1. Агентуре среди личного состава штабов, узлов связи, шифротделах и других важных подразделениях ставить конкретные задания по выявлению лиц, проводящих шпионскую деятельность в войсках; 2. Усилить поисковую работу среди военнослужащих, ранее находившихся в немецком плену либо вышедших из окружения при подозрительных обстоятельствах; 3. Из числа уже арестованных агентов противника подбирать и перевербовывать тех, кто может опознавать выпускников Нойендорфской (Восточная Пруссия) разведывательной школы, а также штатный и переменный состав «Абвергруппы-209», «Абвергруппы-107 (Виддер)», действовавших против войск 2-го Белорусского фронта. С участием агентов-опознавателей создать 7 оперативных групп для работы в частях, на сборно-пересыльных пунктах, на железнодорожных станциях и в других местах скопления военнослужащих; 4. Опергруппы создавать и для работы в освобожденных городах Гродно, Белосток, Волковыск, где ранее дислоцировались разведорганы немцев»[42].

Спланированные мероприятия оказались достаточно эффективными. Так, уже к концу июля 1944 г. удалось выявить и задержать группу диверсантов-террористов, подготовленных германской разведкой из числа бывших военнопленных, служивших в так называемом Туркменском легионе. Эта группа имела задание по разрушению железнодорожных путей, уничтожению складов с боеприпасами, совершению террористических актов против старших офицеров Красной армии. Интенсивные допросы арестованных вскрыли масштабный план абвергруппы-209 по сковыванию наступательных операций 2-го Белорусского фронта. Оказалось, что этот разведорган создал Русский особый отряд, который возглавлял бывший офицер РОА П. Чвара. Первоначально отряд использовался для захвата в плен советских военнослужащих на переднем крае, а затем, после дополнительной подготовки, — для ми-

нирования мостов, железнодорожного полотна, занимаемых штабами зданий. Арестованные диверсанты дали контрразведчикам информацию о переброске немцами в районе г. Белосток около 70 человек из Русского особого отряда. На агентов из четырех групп (в общей сложности более 20 человек) были получены установочные данные, приметы и примерные районы действий. Указанная информация стала незамедлительно использоваться в ходе разыскных мероприятий. По согласованию с командованием усилилась охрана штабов, мест хранения боеприпасов, топлива и горюче-смазочных материалов, и в результате диверсионно-террористических актов удалось избежать. Только на участке действий 3-й армии контрразведчики задержали 26 агентов абвергрупп 208 и 209[43].

Всего за июль 1944 г. сотрудники УКР Смерш 2-го Белорусского фронта арестовали 55 агентов указанных абвергрупп, подготовленных в Нойендорфской разведшколе, а также в Смоленской и Минской школах диверсантов. Кроме того, чекисты разоблачили 46 агентов контрразведывательных и полицейских органов противника, часть из которых имела задание внедриться в ряды Красной армии[44].

Детально спланированные разыскные мероприятия позволили добиться хороших результатов и сотрудникам управления Смерш Балтийского флота. Так, им удалось вскрыть и ликвидировать разведывательно-диверсионную резидентуру, оставленную в тылу советских войск в столице Эстонской ССР — Таллине. Контрразведка Балтийского флота активно разрабатывала руководящий орган указанной резидентуры — абверкоманду-304. Она была сформирована незадолго до вступления вермахта в СССР и придана группе армий «Норд». Своей контрразведывательной работой абверкоманда-304 охватывала Латвийскую, Литовскую и Эстонскую ССР. Данный орган выделялся активностью в области проведения радиоигр с органами советской военной разведки, включая и разведотдел штаба Балтфлота. Согласно справочнику, изданному органами госбезопасности в послевоенные годы, по далеко неполным сведениям абверкоманда-304 вела девять радиоигр с советской разведкой, и это только с оккупированной территории Латвийской ССР[45].

В работе на противника в одной из радиоигр был задействован и бывший агент разведотдела штаба Балтийского флота Каспер. От зафронтовых источников поступила информация о том, что именно он оставлен в Таллине как руководитель резидентуры, состоявшей из 14 человек. После освобождения Таллина войсками Красной армии розыском Каспера занялась специально созданная оперативная группа УКР Смерш Балтийского флота под руководством майора Н. Мозгова. Около двух недель проводились интенсивные разыскные мероприятия, и Каспер был арестован. На основе материалов его допросов флотские контрразведчики арестовали не только весь личный состав резидентуры, но и еще 11 агентов немецкой разведки, а 24 агента были объявлены в розыск. При задержании агентуры врага и в ходе обысков чекисты изъяли несколько радиостанций, два ручных пулемета, 36 автоматов и винтовок, 170 гранат, большое количество боеприпасов, фиктивные советские документы и значительные суммы в советских рублях[46].

Масштабную и результативную разыскную работу провели военные контрразведчики в ходе операции по освобождению Крыма. Успеху способствовала слаженная деятельность УКР Смерш 4-го Украинского фронта, ОКР Смерш Отдельной Приморской армии, Черноморского флота и НКГБ Крымской АССР. Еще до начала наступления указанные чекистские органы четко определились по объектам розыска. Так, НКГБ Крымской АССР сосредоточился на агентуре немецкой и румынской спецслужб, проникших в партизанские отряды и подпольные организации. УКР Смерш Черноморского флота должно было сосредоточиться на агентуре военно-морской абверкоманды «Нахрихтен Беобахтер» (НБО). Военные контрразведчики 4-го Украинского фронта и Отдельной Приморской армии основное внимание уделяли аппаратам разведки и контрразведки 17-й немецкой армии и румынских войск. Предполагалось, что разыскная работа будет базироваться на материалах зафронтовой агентуры, оперативно-чекистских групп и сведениях, полученных в ходе допросов уже арестованных лиц.

На конец января 1944 г. в Крыму на базе партизанских отрядов вели работу 36 сотрудников НКГБ Крымской АССР. Для передачи информации они использовали три радиостанции.

Их негласный аппарат включал 19 резидентов, 87 агентов, 349 осведомителей, 76 ходоков-связников и 10 содержателей конспиративных квартир. С их помощью удалось выявить и взять на оперативный учет 270 предателей и 154 активных пособника оккупантов[47].

Органы Смерш сумели внедрить пять агентов непосредственно в НБО, которые передали сведения на несколько десятков немецких разведчиков и диверсантов. Имелась и агентура, освещавшая персонал организованного немецкими оккупационными властями Армянского национального комитета. За этой вывеской скрывалась многочисленная резидентура абвер-команды-101 под названием «Дромедар». Этим псевдонимом пользовался генерал бывшей армянской националистической армии Д. М. Катанян (агентурная кличка у абверовцев Каляев). На оккупированной территории Крыма и причерноморских районов резидентура «Дромедар» подбирала и готовила агентуру из числа советских военнопленных и гражданского населения кавказских национальностей, перебрасывала их в тыл Красной армии для разведывательной, диверсионной и разложенческой работы, вербовала «добровольцев» в армянские легионы, предназначенные для боевых действий на советско-германском фронте, создавала так называемые армянские комитеты как прикрытие своей негласной деятельности.

На основе ранее добытой информации, а также в ходе оперативной и следственной работы на Крымском полуострове, освобожденном в результате наступательной операции советских войск, только Управлением контрразведки Смерш Отдельной Приморской армии были арестованы 18 официальных сотрудников германских контрразведывательных и карательных органов, 15 абверовских агентов и 59 агентов гестапо, СД и ГФП, а также 1011 изменников, служивших в немецких войсках и полицейских структурах, и 448 активных пособников оккупантов[48].

Значительных успехов в разыскной работе в Крыму добились военные контрразведчики 4-го Украинского фронта. Как видно из спецсообщения начальника УКР Смерш фронта генерал-майора Н. К. Ковальчука в Политическое управление, чекисты задержали на территории полуострова с 10 по 24 апреля 1944 г. более 1,5 тыс. человек. Из этого числа задержанных были арестованы 235 бывших военнослужащих Красной армии, Черноморского флота и гражданских лиц. Оперативные и следственные материалы показали, что среди арестованных были 35 агентов военной разведки противника, 40 агентов гестапо, СД, других контрразведывательных и карательных органов, 22 официальных сотрудника СД, полиции и жандармерии, семь участников антисоветских националистических организаций, 32 изменника Родины из числа бывших военнослужащих армии и флота, 94 предателя и активных пособника оккупантов, пять дезертиров[49].

Согласно информации, изложенной в докладной записке ГУКР НКО Смерш в ГКО от 10 мая 1944 г. (то есть практически за весь период наступательной операции в Крыму), из числа арестованных на полуострове лиц органами военной контрразведки были выявлены и разоблачены 46 официальных сотрудников спецслужб Германии и Румынии, 172 их агента, оставленных для подрывной работы в тылу Красной армии, отдельные из которых имели задания на внедрение в наши воинские части. Кроме того, чекисты разыскали 388 предателей, карателей и активных пособников врага. В ходе поисковых мероприятий смершевцы задержали 3314 человек, проживавших на оккупированной территории Крыма и подозревавшихся в сотрудничестве с немецкими и румынскими властями, однако после соответствующей проверки их использовали для пополнения советских воинских частей[50].

Чтобы проводить проверку подозрительных лиц, прежде всего бывших военнослужащих Красной армии, а также уклонившихся от мобилизации при отступлении советских войск в 1941–1942 гг., органы контрразведки Смерш использовали возможности, представлявшиеся в период нахождения указанных и других категорий граждан на сборно-пересыльных пунктах, в запасных армейских полках, в фильтрационных (специальных) лагерях НКВД СССР. Количество последних менялось в течение войны. В 1944 г. их было более 10, и в каждом работал штатный отдел военной контрразведки Смерш, основной задачей которого являлся поиск агентов спецслужб противника, предателей и активных пособников оккупантов. В каждом

эк.2.

Р Е З У Л Ь Т А Т Ы

Зафронтовой работы Управления Контрразведки "СМЕРШ" 3 Белорусского фронта.

За время с 1.10.1943г. по 1.4.1944г.

№№ пп.	ОРГАНЫ "СМЕРШ"	Переброшено в тыл противника				Находится в тылу противника					Возвратилось на нашу сторону				Выявлено [illegible] фронтовой агентуры			Арестовано по матер. зафронтовой агентуры		
		с 1.10.1943г. по 31.12.1943г.	с 1.01.1944г. по 1.04.1944г.	Всего агентов	[illegible]	Внедрившихся агентов	Не внедрившихся агентов	[illegible]	[illegible]	Всего агентов	Внедрившихся агентов	Не внедрившихся агентов	[illegible]	Всего	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]	[illegible]
1	Упр. "СМЕРШ" фронта	3	2	5	5	5	-	-	7	12	1	-	8	9	48	86	40	-	39	1
2	Отд. "СМЕРШ" 5 Армии	2	1	3	-	-	-	3	-	3	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
3	- " - 49 армии	1	1	2	1	1	-	1	1	3	1	-	1	2	25	32	-	-	-	-
4	- " - 10 армии	1	-	1	-	-	-	1	-	1	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
5	- " - 31 армии	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
6	- " - 33 армии	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
7	- " - 39 армии	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-	-
	ВСЕГО:-	7	4	11	6	6	-	5	8	19	2	-	9	11	73	118	40	-	39	1

ПРИМЕЧАНИЕ:- 1. Отделы "СМЕРШ" 49,10,33 армий выбыли из подчинения УКР "СМЕРШ" 3 Белорусского фронта в марте и апреле месяцах сего года.

2. За апрель м-ц с.г. переброшено УКР "СМЕРШ" 3 Белорусского фронта 3 чел. в [illegible]

НАЧ.2 ОТДЕЛА УКР КОНТРРАЗВЕДКИ "СМЕРШ" 3 БЕЛОРУССКОГО ФРОНТА- Майор /ПЕТРОВ/

ВЕРНО: СТ ОПЕРУПОЛНОМОЧЕННЫЙ 4 ОТДЕЛА ГУКР "СМЕРШ"
Капитан /ЗИНЧЕНКО/

" " июня 1944г.

Результаты зафронтовой деятельности УКР Смерш 3-го Белорусского фронта. 1943–1944 гг.

отделе имелись выпускаемые ГУКР НКО Смерш справочники по распознанию фиктивных документов, фабрикуемых немецкой разведкой, сборники материалов об органах разведки, действующих на советско-германском фронте, списки разыскиваемых агентов иностранных разведок и т. д. Аналогичные комплекты документов имелись в отделах Смерш в запасных полках и у оперативных групп на сборно-пересыльных пунктах.

Об объеме разыскной работы красноречиво свидетельствуют цифры, приведенные в справке УКР Смерш 2-го Прибалтийского фронта. Только за март и 20 дней апреля 1944 г. была проведена проверка и фильтрация 3094 человек, преимущественно бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в немецком плену и проживавших на оккупированной территории, дезертиров и военнослужащих, отставших от своих частей[51]. Сопоставимую по количеству проверяемых лиц работу проводили на других фронтах. К примеру, УКР Смерш 3-го Украинского фронта среди отфильтрованных в январе — июне 1944 г. удалось выявить около тысячи подозреваемых в шпионаже бывших военнослужащих, дальнейшая проверка которых проводилась в специальных лагерях НКВД СССР и в запасных частях. Полностью подтвердились подозрения на 121 человека, которые и были арестованы[52].

В целях розыска агентуры спецслужб противника военные контрразведчики широко применяли прочесывание прифронтового тыла. Особый эффект эта работа имела в условиях, когда по указанию Ставки ВГК или фронтового командования проводилось отселение жителей из 10-километровой, а иногда и 25-километровой прифронтовой полосы. Так, за месяц до начала стратегической наступательной операции в Белоруссии «Багратион» Ставка ВГК поручила командующему 3-м Белорусским фронтом генералу армии И. Д. Черняховскому осуществить отселение местных жителей. По данным штаба фронта, предстояло переме-

стить за пределы 25-километровой зоны около 50 тыс. человек. Согласно директиве ГУКР Смерш НКО от 22 мая 1944 г., военным контрразведчикам предписывалось воспользоваться ситуацией и организовать поисковые мероприятия в потоке отселяемых и в освобожденных от гражданских лиц населенных пунктах. Такая работа была проведена. По признакам поддельных документов и на других основаниях чекисты задержали более сотни подозрительных граждан и организовали их тщательную проверку.

Наряду с указанной поисковой работой сотрудники органов Смерш вскрыли и серьезные недостатки в организации отселения, вызвавшие отрицательные проявления среди местного населения. Управление контрразведки фронта незамедлительно информировало командующего о сложившейся ситуации, в частности о том, что штабные работники допустили серьезные просчеты в суммарном объеме подлежащего вывозу имущества и в количестве отселяемых. Это привело к недостатку выделенного транспорта, и заставляло людей бросать домашний скот и личные вещи, с трудом сохраненные в условиях оккупации[53]. На основании своевременной информации контрразведчиков командующий фронтом принял необходимые меры для исправления положения, что позволило погасить негативные настроения жителей, не допустить реализации угроз в адрес участвовавших в отселении офицеров.

При прочесывании населенных пунктов военным контрразведчикам удавалось задерживать не только агентуру противника, но и отдельных официальных сотрудников немецких спецслужб. Так, в июле 1944 г. был задержан зондерфюрер Э. Брониковский-Герасимович — инструктор разведоргана при Ставке германского военного командования. Установив личность задержанного, чекисты проверили его по разыскным спискам. Оказалось, что Брониковский ранее являлся заместителем начальника Борисовской разведшколы, а затем — школы радистов абвера. На допросе в отделе Смерш он назвал 36 агентов, которые были заброшены в тыл Красной армии, а также в районы Москвы, Калинина и Тулы при его непосредственном участии. Используя полученную от арестованного информацию, чекисты задержали 27 агентов, а остальных объявили в розыск[54].

В октябре 1944 г. сотрудники УКР Смерш 3-го Прибалтийского фронта в ходе прочесывания населенных пунктов в прифронтовой полосе задержали начальника диверсионной резидентуры абверкоманды-212 офицера СС Р. Пусселя, оказавшего вооруженное сопротивление. В специально оборудованных помещениях в одном из городков чекисты изъяли предназначенные для его резидентуры 100 кг взрывчатых веществ, шесть автоматов и, что самое главное, восемь коротковолновых радиостанций и шифры для связи с абвергруппой-212. Немецкая разведка намечала, что резидентура Пусселя будет действовать в Риге и на железнодорожных коммуникациях в районе столицы Латвийской ССР. На допросах Пуссель выдал семь диверсантов из числа латышей, служивших ранее в войсках СС и прошедших обучение в диверсионной школе. Пуссель лично отобрал их как лучших курсантов и перевел на нелегальное положение. Выяснилось также, что резидентура уже приступила к исполнению задания: ее члены заминировали участок железной дороги, заложив около тонны тротила с дистанционным взрывателем. Диверсию предполагалось совершить в момент скопления эшелонов с военнослужащими и боеприпасами. Диверсанты были объявлены в розыск и вскоре арестованы, а заложенная взрывчатка своевременно изъята. Неминуемую гибель большого количества офицеров и солдат Красной армии удалось предотвратить[55]. О разоблачении диверсантов начальник ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумов доложил лично Верховному главнокомандующему и начальнику Генштаба Красной армии.

В сентябре 1944 г. военные контрразведчики захватили одного из руководителей абвергруппы-101 зондерфюрера Е. Мельникова, пытавшегося уйти в Венгрию с территории Румынии. В ходе его допросов выяснилось, что с германской разведкой он начал сотрудничать после бегства из СССР в 1940 г. В то время Мельников подвизался в г. Люблине (Польша) в подконтрольных немцам украинских националистических организациях и как сын бывшего петлюровского полковника быстро вошел в эмигрантскую среду. После соответствующей спецподготовки его планировалось забросить в СССР для шпионской работы, но началась война против нашей страны, и Мельников оказался востребован для службы в абверовских

Лично. 109

Совершенно секретно.

эк.4. экз.№ 3.

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

товарищу С Т А Л И Н У.

26 октября 1944 г. товарищу М О Л О Т О В У.

579/А

Докладываю, что Управлением "СМЕРШ" 3-го Прибалтийского фронта при прочесе леса на участке 19 Гвардейского стр.корпуса 16-го октября с.г. арестован оказавший вооруженное сопротивление начальник диверсионной группы германского разведоргана "Абвергруппа-212" немец –

ПУССЕЛЬ Ральф, 1913 года рождения, уроженец гор.Риги, по специальности инженер-химик, младший офицер войск СС германской армии.

На месте задержания ПУССЕЛЬ обнаружена землянка, в которой изъяты оставленные немцами для ПУССЕЛЬ 100 кгр. взрывчатых веществ, 6 автоматов и винтовок, 5 радиостанций типа "Север" и значительное количество боеприпасов, продовольствия и одежды.

Будучи допрошен, ПУССЕЛЬ показал, что при отступлении войск противника из района [illegible] (близ Риги) он был оставлен германским разведорганом "Абвергруппа 212" с заданием собирать шпионские сведения и осуществлять диверсионные акты на коммуникациях, ведущих к городу Рига.

В этих целях ПУССЕЛЬ отобрал 7 диверсантов-латышей ЗАЛИНЬШ, АВОТИНЬШ, ПРИНЦС, ТАРКС и других из числа окончивших школу германской разведки в гор.Рига и совместно с ними, незадолго до ареста, заминировал участок дороги в районе гор.Огре, заложив туда до 1000 кгр.тола с часовым механизмом.

Дальнейшие указания по подрывной работе участники диверсионной группы должны были получить от ПУССЕЛЬ на заранее обусловленном месте в районе озера Лобес, что юго-восточнее гор.Огре.

Допрос ПУССЕЛЬ продолжается.

Приняты меры к аресту участников группы ПУССЕЛЬ и разминированию шоссейной дороги в районе гор.Огре.

АБАКУМОВ.

Сообщение об аресте командира абвергруппы-212. 1944 г.

структурах на советско-германском фронте — зондеркоманде «Пума», абвергруппе «Дакс», а затем абвергруппе-101. Мельников вербовал агентуру среди военнопленных. Особой заслугой он считал привлечение к разведывательно-подрывной деятельности бывшего майора Красной армии В. Писменного (псевдоним Лехтер), до войны служившего в Генеральном штабе РККА, а в начале войны — начальником штаба дивизии[56].

Среди завербованных Мельниковым были «светлейший князь Грузии» Н. Дадишкилиани (псевдоним Никки) и бывший капитан К. Камалов. Все они к 1944 г. «выросли» на службе у немцев, готовили и забрасывали агентуру в тылы Красной армии для разведки и диверсий. В общей сложности Мельников навербовал более трех десятков агентов, которых и выдал советской контрразведке. На основе полученной от него информации сотрудники УКР Смерш 2-го Украинского фронта и их коллеги арестовали радиофицированную резидентуру абвергруппы-114 («Дромедар»), оставленную противником в Николаеве и Одессе, еще ряд агентов в Кишиневе и на территории Румынии.

Информационную базу для проведения разыскных мероприятий давали не только зафронтовые агенты, оперативные группы и разоблаченные агенты спецслужб противника. В 1943–1944 гг. увеличилось количество фактов, когда сведения о разведорганах германской, румынской и финской армий давали патриоты, волею судеб попавшие в них на работу. Показательной является операция военных контрразведчиков 4-го Украинского фронта. После освобождения г. Осипенко (Бердянск) в опергруппу НКГБ — НКВД явился местный житель и передал пакет с многостраничными рукописными материалами от некоего Украинского. Не найдя его в списках своей агентуры, сотрудники опергруппы предположили, что это негласный сотрудник органов Смерш фронта, и передали пакет туда. Как оказалось, никакого отношения Украинский к военной контрразведке и вообще к чекистам не имел. Это был Б. Н. Михайловский — врач одного из шахтерских поселков, мобилизованный в Красную армию в 1941 г. и через несколько месяцев после начала войны попавший в плен, прошедший застенки известного нацистского лагеря Заксенхаузен и других лагерей в Германии и Польше. В марте 1943 г. он согласился работать на немецкую разведку и был завербован под псевдонимом Украинский. С самого начала пребывания в «Команде доктора Радера» — одном из разведподразделений «Цеппелина» Михайловский инициативно приступил к сбору информации о его методах работы, официальном составе, а главное, о подготавливаемой к заброске в советский тыл и уже заброшенной агентуре немцев. Эти сведения содержались в оставленном им пакете.

Письмо Михайловского к чекистам начиналось такими словами: «Независимо от места и условий моего пребывания у меня всегда на первом плане была и есть судьба моего Отечества, моей Родины, достойным сыном и примером я хочу быть. Питая самые искренние чувства и намерения по отношению к своей Родине, я, судьбой заброшенный в лагерь врага, стараюсь по возможности выше нести знамя Второй Отечественной войны и здесь, в условиях гестапо»[57]. В деле оперативной разработки «Цеппелин» (УКР 4-го Украинского фронта) имеется информация о том, что Михайловский достаточно детально описал работу разведоргана за 1943 г., представил установочные данные на более чем 200 агентов «Цеппелина» и даже фотографии части из них. Сведения расценивались как полностью достоверные и исключительно важные, подтверждающиеся ранее имевшейся у контрразведчиков информацией[58]. Некоторых агентов сотрудники органов Смерш незамедлительно арестовали, а остальных внесли в разыскные списки, рассылаемые Главным управлением военной контрразведки.

Был предпринят ряд шагов для установления связи с Михайловским, который эвакуировался с немцами в Николаев, а затем в Одессу, но, к сожалению, сделать это по разным причинам не удалось. Михайловский был установлен в мае 1944 г. агентом-опознавателем УКР Смерш соседнего, 3-го Украинского фронта и арестован как официальный сотрудник разведоргана «Цеппелин». После проведенной тщательной проверки патриотические действия Михайловского подтвердились, и он был освобожден.

Помог контрразведчикам и сотрудник румынской разведки Антоний. Через своего близкого знакомого он передал сотрудникам оперативной группы Смерш в г. Николаев

материалы на румынский фронтовой разведорган «Вултурул», агентов, оставленных им на освобожденной территории Николаевской и Одесской областей, а также в некоторых других районах Украины, включая радиофицированные резидентуры. Как следует из докладной записки о разыскной работе УКР Смерш 3-го Украинского фронта, его сотрудники арестовали всех названных Антонием шпионов и диверсантов[59]. О самом Антонии чекисты выяснили следующее: в 1940—1941 гг. он помогал советским пограничникам в охране новых рубежей в Молдавской ССР, но связь с ним была потеряна при отступлении наших войск.

Для повышения эффективности разыскной работы военные контрразведчики настойчиво добивались от командования фронтов и армий наведения должного прифронтового режима, который даже в 1944 г. далеко не всегда был на уровне требований, предъявляемых соответствующими директивами Генерального штаба РККА. На основе информации о вскрытых аппаратами Смерш недостатках командующие принимали необходимые меры по данному вопросу, и положение дел удавалось исправить. Вот, к примеру, как отреагировал на одно из спецсообщений начальника УКР Смерш 1-го Белорусского фронта генерал-майора А. А. Вадиса командующий фронтом. По его указанию вопрос о серьезных недостатках в обеспечении режима прифронтовой зоны был рассмотрен на заседании Военного совета, и по итогам обсуждения принято постановление «О наведении государственного порядка в фронтовом и армейском тылу». Военный совет фронта посчитал необходимым поддержать предложения, разработанные контрразведчиками, в частности о назначении внештатных военных комендантов в городах и селах, где находились воинские части. Кроме того, Военный совет обязал облисполкомы (Гомельский, Полесский, Черниговский, Могилевский и Орловский) создать институт «десятидворок» во главе с уполномоченными лицами и возложить на них ответственность за выполнение правил режима прифронтовой полосы[60].

Определенные сложности в разыскной работе создавались из-за изъянов в организации учета личного состава воинских частей. Поскольку недостатки в данном вопросе приобретали масштабный характер, руководство ГУКР НКО Смерш приняло решение обратиться непосредственно к заместителю начальника Генерального штаба РККА генералу армии А. И. Антонову с предложением издать директиву, обязывающую фронтовое и армейское командование навести порядок в деле учета личного состава в воинских частях, исключив практику зачисления отсутствующих военнослужащих в списки убитых или пропавших без вести. Выдвигая такое требование, военные контрразведчики исходили из многочисленных фактов ареста агентов противника и дезертиров, числившихся погибшими в боях за Родину[61].

Нельзя не отметить, что в 1944—1945 гг. военные контрразведчики разоблачали и арестовывали вражеских агентов-разведчиков и диверсантов, которые ранее уже неоднократно выполняли задания в тылу нашей армии и даже проникали в ее ряды. В деле оперативной разработки на абверкоманду-103 («Берлога») имеются, к примеру, материалы на арестованного немецкого агента, бывшего военнопленного Евдокимова, который до своего задержания выполнил пять заданий разведки противника и благополучно возвращался в абвергруппу-103[62]. 15 мая 1944 г. был разоблачен и арестован еще один агент этой абвергруппы, бывший офицер. Уже выполнив ряд заданий, он вновь пересек линию фронта и сумел внедриться в одну из воинских частей 6-й армии и даже занял должность помощника командира полка[63]. В справке на диверсионную школу в Полтаве указывалось, что ее выпускники по нескольку раз забрасывались в наш тыл и по возвращении награждались медалями[64]. Подобные примеры не единичны. Однако в процентном отношении от общего числа разысканных и арестованных агентов вражеских спецслужб число тех, кто не был своевременно разоблачен при выполнении первых заданий врага, мизерное. Ни одна из контрразведывательных служб стран, участвовавших во Второй мировой войне, не может заявить, что на 100% пресекла тайные операции противной стороны.

Анализ архивных документов показывает, что в конце 1943 — начале 1944 г. наступил новый этап в зафронтовой работе военной контрразведки. Это связано прежде всего с разработкой Ставкой ВГК планов масштабных наступательных операций в зимне-весеннюю компанию. Значительно усилилась централизация подготовки и реализации агентурных

комбинаций, причем инициаторами порой являлись управления контрразведки Смерш действующих фронтов. Так, начальник УКР Смерш 4-го Украинского фронта генерал-майор Н. К. Ковальчук обратился к своему московскому руководству с просьбой ввести в практику своевременное информирование подчиненных органов о добытых сведениях по работе конкретных аппаратов немецкой разведки, об агентурной обстановке на территории противника в полосе действий смежных фронтов, а также предпринять меры, исключающие задержание на длительное время зафронтовых агентов другими органами Смерш, НКВД и НКГБ, поскольку дальнейшее использование таких секретных сотрудников теряло всякую перспективу. Все это могло обеспечить только Главное управление Смерш в Москве[65].

Центральный аппарат военной контрразведки и его подчиненные органы значительно усилили зафронтовую деятельность, опираясь при этом на приобретенный в предыдущий период опыт, профессионально окрепшие кадры руководителей и оперсостава, задействованного на данном направлении, а также специально отобранный агентурный аппарат. Зафронтовая работа стала неотъемлемой составной частью контрразведывательного обеспечения Красной армии и флота, что неоднократно подтверждалось приказами, указаниями и директивами ГУКР Смерш. В первой половине 1944 г. под руководством начальника главка В. С. Абакумова состоялось инструктивное совещание организаторов работы в тылу врага во фронтовых и армейских аппаратах военной контрразведки, в ходе которого отмечались предстоящие изменения в оперативной обстановке. Они были связаны с быстрым продвижением наших войск на запад, что предопределяло разворачивание упреждающей контрразведывательной работы на освобождаемых территориях СССР, включая и те, которые вошли в состав нашего государства в 1939—1940 гг. Там не приходилось рассчитывать на масштабную поддержку со стороны активной части населения, не впитавшего и во многом не разделявшего идеалы советского политического строя и коммунистической партии. Это относилось прежде всего к западным областям Украины и Белоруссии, а также Прибалтики. Контрразведчики отдавали себе отчет в том, что зафронтовая вербовочная работа резко осложнится и, возможно, участятся случаи предательства и двурушничества со стороны вновь вербуемых агентов.

Отрицательно на зафронтовой работе сказывалось переформирование и изменение зоны ответственности фронтов и армий, обусловленное соответствующими директивами Ставки ВГК. Отсюда также возникала необходимость усиления централизации. Наглядным примером является ситуация в УКР Смерш 2-го Белорусского фронта, которое частично приняло на себя работу, проводившуюся ранее (до 17 февраля 1944 г.) УКР Смерш Западного фронта, однако менее чем через месяц решением Ставки ВГК 2-й Белорусский фронт был упразднен и вновь восстановлен 24 апреля. Вот что докладывал в Москву только что утвержденный начальник УКР Смерш генерал-майор Я. А. Едунов: «После выхода управления фронта из резерва Ставки, за период с 1 марта по 5 апреля с. г. на ковельском и с 1 мая по настоящее время на могилевском направлениях, Управлению «Смерш» пришлось контрразведывательную работу по тылу противника начинать дважды совершенно заново»[66].

О какой эффективности в данной ситуации могла идти речь? В цитируемой докладной записке отмечалось, что в период подготовки войск фронта к активным операциям в Белоруссии УКР Смерш сумело лишь собрать и систематизировать сведения о разведорганах врага, действующих против фронта, забросить всего четырех агентов и подготовить одну оперативно-чекистскую группу к заброске в район Минска на базу партизанской бригады. Очевидно, что 4-й (зафронтовой) отдел ГУКР НКО Смерш не вполне учел обстановку и не предпринял своевременно организационных и практических мер по развитию начатой еще в январе — феврале 1944 г. зафронтовой работы на ковельском и могилевском направлениях УКР Смерш 2-го Белорусского фронта первого формирования. Однако упущения были достаточно быстро оценены в Москве, процесс централизации действий в неприятельском тылу ускорился на основе конкретных указаний начальника ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумова.

В связи с тем что Красная армия на многих участках советско-германского фронта начала выходить на государственную границу, руководитель военной контрразведки В. С. Абакумов

провел оперативное совещание, на которое были вызваны руководители вторых отделов УКР Смерш фронтов, отдельных армий, тех, кто отвечал за зафронтовую работу. Это совещание можно считать этапным, поскольку обсуждались результаты за период от начала планирования зимне-весенней кампании и конкретных стратегических операций конца 1943 г. — до первых месяцев 1944 г. и меры по повышению эффективности зафронтовой работы как составной части деятельности военной контрразведки по обеспечению безопасности войск Красной армии и прифронтового тыла.

С учетом укрепления и активизации работы оперативно-тактической разведки фронтовых и армейских штабов, а также партизанских сил аппаратам органов Смерш предстояло в 1944 г. еще в большей мере сосредоточиться на решении сугубо контрразведывательных задач: проникновении в германские, румынские, финские и другие спецслужбы, в их кадровый и агентурный аппарат и получении за счет этого упреждающей информации о разведывательно-подрывных акциях врага против Красной армии и флота. Не выстраивать параллельную с седьмыми отделами политических управлений разложенческую работу в среде антисоветских военных формирований, созданных немцами из числа белоэмигрантов, предателей и дезориентированных, находившихся под страхом расправы военнопленных, а добиваться указанной цели путем создания агентурных позиций и их эффективного использования.

В апреле — мае 1944 г. во фронтовых управлениях военной контрразведки работали инспекторские группы центрального аппарата. Они предметно изучили зафронтовую работу подчиненных органов. В итоговом отчете указывалось, что с 1 октября 1943 г. по 1 мая 1944 г. всего органами Смерш переброшено в тыл противника 345 агентов, включая 50 перевербованных разведчиков и диверсантов врага. Из общего числа переброшенных вернулись 102 агента, то есть менее одной трети. А в спецслужбы германской, румынской и финской армий внедрились всего 57 агентов, из которых 31 человек продолжал выполнять задания в тылу врага. Те, кто сумел проникнуть в разведывательные, контрразведывательные органы, в школы по подготовке агентуры, перевербовали в наших интересах 69 германских разведчиков, а еще 29 немецких агентов явились с повинной в органы госбезопасности по заранее оговоренным паролям. В результате чекисты смогли задержать 43 агента врага. Кроме того, зафронтовая агентура представила информацию на 620 официальных сотрудников разведорганов и 1103 их агента. Все они были объявлены в розыск, и к исходу апреля 1944 г. 273 разведчика и диверсанта оказались в руках смершевцев и сотрудников НКВД — НКГБ[67].

Наряду с положительными показателями в процессе проверки был выявлен ряд серьезных недочетов: слабое знание разведывательных, контрразведывательных органов, действующих в полосе того или иного фронта, зачастую отсутствие конкретных планов по разработке даже установленных аппаратов спецслужб противника, шаблонность (а поэтому малоэффективность) проводимых мероприятий, достаточно редкая подготовка агентурных комбинаций, рассчитанных на глубокое внедрение нашей агентуры в разведывательные подразделения врага и вербовку официальных сотрудников. Самокритично в докладной записке оценил деятельность 4-го отдела ГУКР НКО Смерш его начальник полковник госбезопасности Г. В. Утехин, возложив часть ответственности на центральный аппарат[68].

Одной из мер, выработанных на совещании и утвержденных В. С. Абакумовым, явилось расширение практики заброски в тыл врага оперативно-чекистских групп с включением в их состав опытных контрразведчиков, способных направлять и управлять работой конкретных агентов. Результаты, достигнутые в этом вопросе 4-м управлением НКГБ СССР, подталкивали военных контрразведчиков к восприятию опыта коллег. Анализ архивных документов позволяет сделать вывод о достаточно активной реализации указанной выше меры. Так, если за последние четыре месяца 1943 г. было скомплектовано и заброшено за линию фронта всего семь оперативно-чекистских групп фронтовых управлений военной контрразведки, то до августа 1944 г. уже 19 и еще четыре непосредственно 4-м отделом ГУКР НКО Смерш[69]. В состав оперативно-чекистских групп входили, как правило, от двух до пяти оперативных работников, красноармейцы и краснофлотцы из подразделений охраны и обеспечения деятельности управлений и отделов Смерш, проверенные в боевой работе.

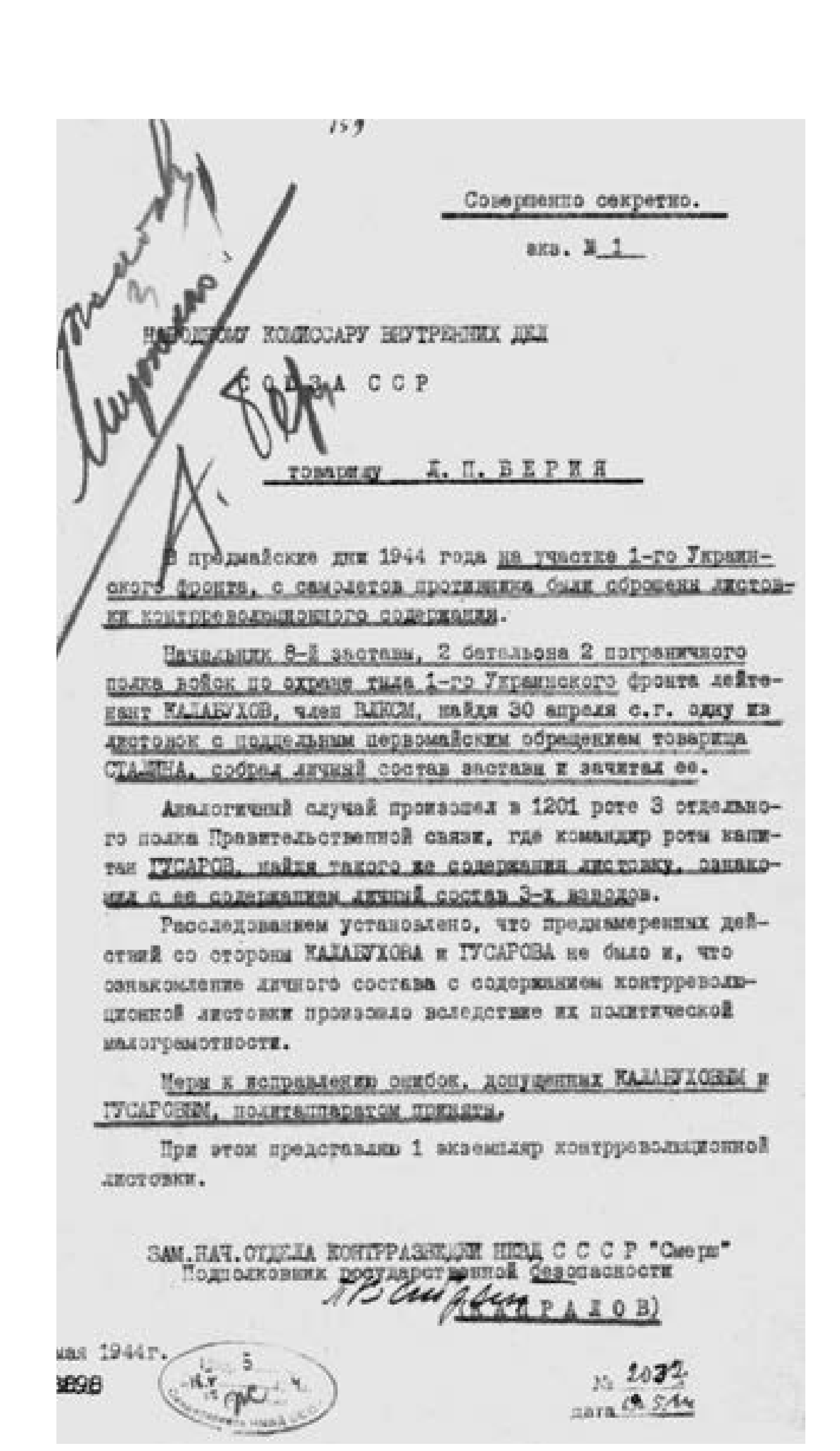
Управлениями контрразведки наступающих войск в первой половине года было заброшено за линию фронта 11 групп. В апреле 1944 г. ГУКР НКО Смерш санкционировало, к примеру, направление в тыл противника оперативно-чекистской группы УКР 3-го Белорусского фронта «Запорожцы». Командиром ее был утвержден капитан Н. П. Селюк, старший оперуполномоченный 1-го отделения 2-го отдела, то есть подразделения, непосредственно ответственного за организацию зафронтовой работы. Он пять лет проходил службу в разведывательных и контрразведывательных аппаратах органов госбезопасности, включая обслуживание разведотдела штаба фронта и Западного штаба партизанского движения, хорошо знал постановку работы в тылу войск оккупантов, методы партизанских действий, за конкретные операции был награжден орденом Красной Звезды и медалью «Партизану Отечественной войны» 1-й степени. Заместитель командира капитан Н. Ф. Рыбалка до января 1942 г. проходил службу в отделе разведки УНКВД по Читинской области, не раз выполнял боевые задания в оккупированной японцами Маньчжурии. Опыт работы в тылу врага имели также радист сержант В. Панов и присланный из Москвы шифровальщик лейтенант А. Ф. Махлай.

Всё, что поручалось группе, имело прямое отношение к началу наступательной операции «Багратион». К сожалению, ввиду быстрых темпов наступления группа уже 29 июня 1944 г. оказалась в расположении наших войск, однако, как видно из отчета, сумела проделать серьезную работу. В частности, были собраны данные на 22 агента немецких разведывательных и контрразведывательных органов, создана агентурная сеть, большинство участников которой под предлогом боязни ответственности за сотрудничество с оккупационными властями ушли вместе с отступающими частями вермахта, имея задачу дальнейшей работы в интересах органов госбезопасности. С помощью агентов-боевиков оперативно-чекистской группе удалось захватить штабного сотрудника СД в г. Орша, и при допросе он дал много ценных сведений. По информации, представленной контрразведчиками, партизаны провели успешную операцию по разгрому карательного отряда, состоявшего из французских фашистов. Более того, переданные по радио данные о месте дислокации штаба Французского легиона (деревня Малявка) через УКР Смерш фронта были незамедлительно доложены в Военный совет, и по приказанию последнего наша авиация подвергла указанный населенный пункт мощной бомбардировке, в результате чего каратели-«вишисты» понесли серьезнейшие потери. Параллельно с выполнением контрразведывательных заданий группа собрала и передала в УКР Смерш фронта ценные разведывательные сведения об оборонительных укреплениях немецких войск в районе г. Орша и заблаговременных мерах врага по организации отвода своих сил на запасные позиции, о минировании промышленных объектов и зданий в г. Орша. Обо всем этом начальник УКР Смерш генерал-лейтенант П. В. Зеленин лично информировал командование фронта и представителя Ставки ВГК Маршала Советского Союза А. М. Василевского[70].

Наряду с «Запорожцами» наиболее эффективно в первой половине 1944 г. работали оперативно-чекистские группы Яковлева, Бабушкина, Николаева (4-й отдел ГУКР НКО Смерш) и «Штурм» (УКР 1-го Прибалтийского фронта). По материалам групп за первые шесть месяцев 1944 г. были разоблачены и арестованы 14 разведчиков и диверсантов вражеских спецслужб, несколько смершевских агентов внедрены в немецкие и румынские разведорганы, завербованы более сотни секретных сотрудников, многие из которых участвовали в зафронтовых мероприятиях до конца года. При выполнении заданий во второй половине 1944 и в 1945 г. погибли три оперативных работника контрразведки и 68 агентов органов Смерш, действовавших в составе зафронтовых опергрупп.

Не отставали от своих коллег и чекисты УКР Смерш Военно-морского флота. Прежде всего это относится к контрразведчикам Черноморского флота. Они активно использовали оперативные зафронтовые группы при подготовке и проведении наступательных операций по освобождению Крыма, крупных приморских городов Николаева и Одессы.

Опыт зафронтовой работы показал, что оперативно-чекистские группы значительно более результативны, чем отдельные заброшенные в тыл врага агенты, с помощью которых было практически невозможно решить задачи по захвату документации органов разведки и контрразведки врага, захвату либо ликвидации активных официальных сотрудников спец-

159

Совершенно секретно.

экз. № 1

НАРОДНОМУ КОМИССАРУ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

СОЮЗА С С Р

товарищу Л. П. БЕРИЯ

В предмайские дни 1944 года на участке 1-го Украинского фронта, с самолетов противника были сброшены листовки контрреволюционного содержания.

Начальник 8-й заставы, 2 батальона 2 пограничного полка войск по охране тыла 1-го Украинского фронта лейтенант КАЛАБУХОВ, член ВЛКСМ, найдя 30 апреля с.г. одну из листовок с поддельным первомайским обращением товарища СТАЛИНА, собрал личный состав заставы и зачитал ее.

Аналогичный случай произошел в 1201 роте 3 отдельного полка Правительственной связи, где командир роты капитан ГУСАРОВ, найдя такого же содержания листовку, ознакомил с ее содержанием личный состав 3-х взводов.

Расследованием установлено, что преднамеренных действий со стороны КАЛАБУХОВА и ГУСАРОВА не было и, что ознакомление личного состава с содержанием контрреволюционной листовки произошло вследствие их политической малограмотности.

Меры к исправлению ошибок, допущенных КАЛАБУХОВЫМ и ГУСАРОВЫМ, политаппаратом приняты.

При этом представляю 1 экземпляр контрреволюционной листовки.

ЗАМ.НАЧ.ОТДЕЛА КОНТРРАЗВЕДКИ НКВД С С С Р "Смерш"
Подполковник государственной безопасности
([illegible]РАДОВ)

мая 1944г.
[illegible]898

№ 2032
дата 05.5.44

Сообщение ОКР Смерш о сбросе немцами листовок. 1944 г.

служб противника, а также создать разветвленную агентурную сеть, с помощью которой удавалось выявлять оставленных «на оседание» в тылу Красной армии разведчиков и диверсантов, активных пособников оккупантов, предателей и изменников. Однако аппараты Смерш не отказались от использования одиночных агентов. С 15 февраля по 20 ноября 1944 г. управления контрразведки фронтов забросили в тыл врага с контрразведывательными заданиями более 160 своих агентов. За этот же период возвратились 99 секретных сотрудников, но, к сожалению, в силу ряда объективных и субъективных причин, только 34 из них полностью выполнили чекистские задания. И тем не менее выполнившие свою миссию добыли данные на 280 официальных сотрудников и 479 агентов противника, готовившихся к переброске в тыл Красной армии с разведывательными и диверсионно-террористическими заданиями. В результате работы зафронтовых секретных сотрудников 54 немецких агента явились в органы контрразведки Смерш и НКВД — НКГБ, несколько сотен были объявлены в розыск по приметам, а иногда и фотографиям[71].

Много ценной оперативной информации сообщил военным контрразведчикам зафронтовой агент Данник — Иван Григорьевич Данилов. Его, студента журналистского отделения одного из вузов, в июле 1941 г. призвали в Красную армию, а уже в августе, в ходе кровопролитных боев в районе г. Кривой Рог, Данилов попал в плен. Однако через несколько дней ему удалось бежать и по чужим документам устроиться на работу в колхоз. За проведение антигерманской агитации будущий зафронтовой агент органов Смерш дважды арестовывался немецкой тайной полицией, но каждый раз бежал. С освобождением Кировоградской области Данилов был мобилизован полевым военкоматом и направлен в одну из запасных стрелковых частей. В процессе проверочных мероприятий среди нового пополнения контрразведчики обратили внимание на Данилова и, оценив его личные качества, а также поведение в плену и на оккупированной территории, пришли к выводу о целесообразности его вербовки. Так у отдела Смерш 53-й армии 2-го Украинского фронта появился перспективный зафронтовой агент Данник.

После тщательной подготовки (с начала января 1944 г.) Данник 3 мая был переброшен в тыл врага на территорию Молдавии с заданием внедрения в агентурную сеть разведки противника. Пройдя серию допросов и убедив следователей в своей готовности работать на германские спецслужбы, Данник был зачислен в головной пост абвергруппы-101, приданной 6-й армии вермахта. Пройдя еще один курс обучения, теперь уже в немецкой разведке, Данник приступил к практическому «выполнению» ее поручения. Зафронтовой агент принес контрразведчикам сведения о дислокации немецких и румынских частей и дал точную информацию на четырех вражеских шпионов. А затем Данник вновь был переброшен за линию фронта. Теперь он был повышен немцами и стал служить непосредственно в абвергруппе-101, что значительно расширило его контрразведывательные возможности. В частности, он перевербовал в интересах органов Смерш несколько агентов абвергруппы, подготовленных к заброске в советский тыл, а также собрал сведения об официальных сотрудниках этого разведоргана. Особо Данника интересовал начальник курсов по подготовке агентов Лехнер, бывший майор Красной армии В. Г. Писменный, которого представлялось возможным привлечь к работе на советскую контрразведку. Перевербованные агенты, будучи заброшенными в наш тыл в период проведения Ясско-Кишиневской стратегической наступательной операции, разновременно явились в органы Смерш 2-го Украинского фронта и передали чекистам собранную Данником информацию, а также важные для командования сведения о противнике. К сожалению, управлению контрразведки Смерш 2-го Украинского фронта не удалось завершить агентурную комбинацию по вербовке Лехнера, поскольку он поспешно эвакуировался вместе со всем персоналом абвергруппы-101 сначала в Венгрию, а затем в Германию. Сам Данник еще дважды переходил линию фронта с заданиями разведки, и каждый раз сотрудники Смерш получали от него исключительно важные данные. Более 30 немецких агентов были обезврежены по его информации и еще около двух десятков объявлены в розыск. За успешное выполнение заданий военной контрразведки И. Г. Данилова наградили орденом Красной Звезды[72].

На завершающем этапе войны зафронтовой агентуре стало легче решать задачи по склонению официальных сотрудников и курсантов разведшкол противника к сотрудничеству в интересах советской контрразведки. Так, например, в декабре 1944 г. Управлением контрразведки Смерш 1-го Белорусского фронта в немецкий тыл был переброшен зафронтовой агент Ткач (А. С. Скоробогатов) с заданием склонить к переходу на советскую сторону одного из руководителей диверсионной школы абвергруппы. 21 января 1945 г. Ткач возвратился из-за линии фронта. Он сообщил о 14 агентах немецкой разведки, подготовленных к переброске в тыл советских войск с диверсионными заданиями. Вместе с агентом в расположение советских войск вышли начальник диверсионной школы абвергруппы-209 бывший офицер Красной армии Ю. Евтухович, воспитательница женской группы школы А. Гуринова и 44 диверсанта-подростка 15—16 лет.

Безусловно, на зафронтовую работу военной контрразведки влияли успехи нашей армии и флота в борьбе с противником, решительные наступательные действия Красной армии все меньше оставляли надежд изменникам и предателям на победу Германии и ее союзников, не прибавляли желания активно помогать врагу, боясь справедливого возмездия. А вот те, кто сотрудничал с врагом по принуждению или в силу сложившихся тяжелых обстоятельств, не говоря уже о патриотически настроенных советских гражданах, ждали лишь возможности оказать помощь своей Родине. Контакты с зафронтовыми оперативно-чекистскими группами или отдельными агентами органов госбезопасности и являлись такой возможностью. Это понимали и сотрудники спецслужб противника, пытаясь завязать с советскими разведывательными и контрразведывательными структурами оперативные игры с целью дезинформации советского командования армейского и фронтового уровня.

Разгадать планы врага было не столь простым делом. Не всегда контрразведчики принимали полностью выверенные решения, круто изменяли судьбу отдельных граждан, прежде всего из числа советских военнопленных. Наиболее ярким примером здесь может служить операция против абвергрупп 203 и 204, проводимая управлениями контрразведки 3-го и 2-го Украинских фронтов в конце 1943 — весной 1944 г. От арестованных агентов противника военные контрразведчики узнали, что руководитель парашютной команды абвергруппы-203 некий Краков настроен просоветски. В беседах с некоторыми из подготовленных к заброске диверсантов он намекал на целесообразность явиться с повинной в органы Смерш и передать привет от Дяди Вани, давая понять, что ранее он был связан с чекистами. Хотя ни по каким учетным документам Дядя Ваня не значился, да и вообще подобные псевдонимы были не характерны для работы органов госбезопасности, 2-й отдел УКР Смерш 3-го Украинского фронта с санкции Москвы перевербовал одного из агентов абвергруппы-203 и забросил его в немецкий тыл с заданием добиться официального согласия Кракова работать на военную контрразведку. Агент-вербовщик исполнил все, что поручили чекисты, и был с помощью Кракова вновь направлен абверовцами в тыл Красной армии[73].

В Управлении контрразведки 3-го Украинского фронта он рассказал, что Краков — это бывший военврач второго ранга А. Полозов, до осени 1941 г. служивший в 38-й кавалерийской дивизии и в ходе одного из боев попавший в плен. В лагере для военнопленных офицеров под Берлином он принял предложение о сотрудничестве с немецкой разведкой (псевдоним Донцов), но якобы сделал это в целях попасть ближе к фронту и уйти к партизанам либо перейти на сторону наших войск. Полностью и сразу поверить во все это чекисты, естественно, не могли, поскольку Полозов работал на немецкую разведку с 1942 г., а контакты с нашими органами пытался устанавливать во второй половине следующего года. Кроме того, он не предложил контрразведчикам серьезной разведывательной информации в интересах советского командования, а та, что давал, не подтверждалась (в частности, о подготовке германскими войсками наступления на одном из участков фронта). Кроме того, по оперативной информации абвергруппа-203 забросила в тыл Красной армии более 60 своих агентов, а тех, о ком сообщил Полозов, насчитывалось менее 20 человек.

Но самое странное произошло весной 1944 г., когда под ударами наших войск немцы начали стремительно отступать. Срочно эвакуировалась и абвергруппа-203. И даже в таких

обстоятельствах Полозов не предпринял мер к тому, чтобы незамедлительно информировать органы Смерш об агентуре, оставленной в тылу частей Красной армии. Вместе с группой диверсантов, якобы перевербованных им, Полозов даже не попытался захватить или уничтожить руководящий состав абвергруппы, завладеть секретными документами разведоргана. Он с группой явился в один из штабов наступающих войск 2-го Украинского фронта, представился командиром партизанского отряда, потребовал срочно пополнить вооружение его отряда, снабдить боеприпасами и незамедлительно перебросить за линию фронта. На основании оперативно полученной чекистами информации о подозрительном поведении «партизан» Полозов и вся группа диверсантов были арестованы. Объяснить свое поведение он не смог, выдвигая на допросах противоречивые версии. В итоге Полозов (он же Донцов, он же Краков) был осужден особым совещанием при НКВД СССР. Постановление совещания гласило: «Полозова А. А. за измену Родине заключить в исправительно-трудовой лагерь сроком на двадцать лет». В 1954 г. он был досрочно освобожден, а в 1990 г. реабилитирован как жертва политических репрессий[74]. Но с оперативной точки зрения вопросов к Полозову осталось достаточно, не исключая и возможности его участия в игре немецких спецслужб против управлений контрразведки двух фронтов.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны контрразведывательные аппараты все активнее и масштабнее трудились над организацией и проведением радиоигр со спецслужбами противника. Прочной основой этого являлись результативные поисковые мероприятия на каналах проникновения агентуры врага в части Красной армии и флота, в прифронтовые и удаленные от зоны боевых действий районы. Самым непосредственным образом положительно сказывались и достижения в зафронтовой работе, внедрение в разведывательные органы абвера и СД. Если на первую половину января 1944 г. ГУКР НКО Смерш, его фронтовые, армейские и военноокружные аппараты вели 30 радиоигр (из Москвы, Архангельска, Вологды, Тихвина, Ярославля, Горького, Тулы, Брянска, Тамбова, Тбилиси, Гурьева, Свердловска, Уральска, Чкалова, Ирбита, Новосибирска и других районов), то в ноябре уже использовались 42 агентурные радиостанции немцев[75].

Изменения в военно-политической и оперативной обстановке влияли на тактику проведения радиоигр и их задачи. Важным оставалось дезинформирование противника относительно замыслов и конкретных планов командования. В этом направлении военные контрразведчики базировались на информации, специально созданной в Генеральном штабе Красной армии группы, возглавляемой начальником его Оперативного управления генерал-полковником С. М. Штеменко. Из 61 подконтрольной чекистам немецкой агентурной радиостанции со второй половины 1943 по май 1945 г. на дезинформирование неприятеля было задействовано 35, то есть более половины.

Особенно важно было ввести противника в заблуждение в период подготовки и проведения стратегических наступательных операций. Военные контрразведчики исходили из того, что германская разведка предпримет все возможные меры, чтобы выяснить направления главных ударов. Одним из демаскирующих признаков их подготовки являлось сосредоточение войск и боевой техники, связанное, в свою очередь, с передислокацией воинских частей, соединений и объединений Красной армии в те или иные районы. По направленности и интенсивности железнодорожных перевозок противник мог реально определить время и место предстоящих наступательных операций. Отсюда наблюдались попытки немецкой военной разведки насадить свою агентуру на крупных железнодорожных узлах, включая Москву.

К началу 1944 г. контрразведчики уже накопили опыт дезинформирования врага именно по перевозкам войск. С ноября 1943 г. проводилась радиоигра «Развод», в ходе которой решалась задача скрытия от агентурной разведки противника планов Ставки Верховного главнокомандования на зимне-весеннюю и летнюю кампании. Захваченный германский разведчик Гунн на допросе откровенно рассказал о данном ему задании в абверкоманде-103 («Сатурн»). Как уроженцу Москвы Гунну было приказано после десантирования в районе г. Клин пробраться в советскую столицу, легализоваться и приступить к сбору сведений о передвижении грузов по окружной железной дороге и их направлениях. Это являлось главным для одной из структур абвера[76].

Оценив полученные от Гунна сведения, 3-й отдел ГУКР НКО Смерш 10 ноября 1943 г. принял решение начать радиоигру, используя радиостанцию германского агента. Гунн был перевербован и в документах чекистов стал проходить как Москвич или Спортсмен. Чтобы объяснить для «Сатурна» молчание разведчика-радиста, в течение нескольких недель, когда проводилась предвербовочная проверка Гунна, чекисты решили указать на якобы занятость его бракоразводным процессом с женой. Отсюда и появилось название спецоперации — «Развод». Основные события в рамках «Развода» проходили в течение 1944 г. Первая радиограмма с дезинформационными данными вышла в эфир 4 января, ее содержание определили в Генеральном штабе РККА. «Несколько раз был на окружной желдороге в Ростокино, — указывалось в радиосообщении, — в обе стороны идут смешанные эшелоны. 13, 15, 18, 20 и 22 декабря видел 69 танков КВ, 35 — Т-34, до 500 автомашин, 73 бронемашины, 1 крупное и до 100 мелких орудий. Кроме того, до 30 эшелонов с лесом, углем, дровами, торфом, фуражом, санями. Наблюдал по 3–4 часа в день»[77].

Указанная и другие подобные радиограммы утверждались по линии военной контрразведки начальником ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумовым или его заместителем генерал-лейтенантом П. Я. Мешиком. Такой уровень санкционирования требовался для создания у противника реальной картины событий, якобы подтвержденной другими агентами. Вопросы воинских перевозок являлись основными в ходе дезинформационной работы и в рамках радиоигры под условным названием «Находка»[78]. Данная радиоигра проводилась с февраля 1943 г., и передаваемые сведения не вызывали у абверовцев подозрений. Противника удалось убедить, что у их агента-радиста, который был перевербован контрразведчиками и действовал под псевдонимом Гайдаров, имеется целая шпионская сеть из числа железнодорожников в г. Красногорск Московской области, что позволяло добывать обширные сведения по перевозкам.

В начале 1944 г. радиоигра «Находка» приобрела еще большую значимость. 10 февраля к В. С. Абакумову обратился начальник Разведуправления ГШ РККА генерал-лейтенант Ф. Ф. Кузнецов. Он писал: «Прошу вас передать по радиостанции «Находка», гор. Москва, следующую дезинформацию: 3 и 4 февраля с Киевского вокзала отправлено на Брянск два состава с танками Т-34, шесть составов пехоты, два состава горючего... 6 февраля отправлено два эшелона артиллерии и штабной поезд, в котором едут генералы и офицеры украинских фронтов». Через несколько дней Ф. Ф. Кузнецов предложил продвинуть дезинформацию о десантных частях, настаивая при этом на задействовании радиостанции «Находка»[79].

Специально подготовленная информация о воинских перевозках стала передаваться противнику и в рамках начатой 6 февраля 1944 г. радиоигры «Борисов». В адрес абверкоманды-103 шли радиограммы от ее агента Ароматова, перевербованного сотрудниками ГУКР НКО Смерш и имевшего теперь псевдоним Борисов. Он и арестованный чекистами напарник Нестеров должны были после заброски осесть в г. Люберцы Московской области и вести наблюдение за Казанской железной дорогой. Первая связь с разведцентром состоялась уже 9 февраля, а нужные дезинформационные материалы подготовила группа офицеров Генштаба. В целях повышения интереса вражеской разведки сотрудники органов Смерша легендировали знакомство Борисова с диспетчером подмосковной железнодорожной станции, владеющим важными сведениями по воинским перевозкам[80].

Кроме указанных радиоигр «Развод», «Находка», «Борисов» из московского региона давалась абверовцам дезинформация о перевозках в ходе операции «Контролеры» и нескольких радиоигр, проводимых в более близких к фронту регионах. Всего в начале 1944 г. были задействованы семь агентурных радиостанций немецкой разведки, действовавших под контролем органов Смерш, а продвигаемая через них дезинформация нацеливалась на введение в заблуждение германского командования относительно проведения советскими войсками Корсунь-Шевченковской наступательной операции. В частности, удалось на некоторое время задержать контрудар частей вермахта в направлении Звенигородка для деблокирования окруженных там немецких дивизий. В дальнейшем, на протяжении всего 1944 г., использование от двух до десяти радиоигр, нацеленных на единый результат, стало устойчивым явлением, отражавшим возросшее мастерство военных контрразведчиков, их

исключительно тесное взаимодействие с аппаратом Генерального штаба РККА и соответствующими управленческими структурами фронтов.

В ходе других радиоигр чекисты также передавали дезинформацию, пусть и эпизодически, наряду с решением контрразведывательных задач по парализации разведывательно-подрывной активности спецслужб вермахта и РСХА. А на данном направлении неприятель с конца 1943 г. поменял приоритеты. Если ранее упор делался на добывание развединформации, на точечных диверсионных акциях, то далее, с учетом начала масштабных, практически не прекращавшихся наступательных операций советских войск, все более настойчиво противник пытался опираться на разного рода националистические организации (как реальные, так и существовавшие лишь в воображении руководства абвера и РСХА), проводить мероприятия по расшатыванию устойчивости нашего тыла как неотъемлемого фактора побед Красной армии.

На основе информации, добытой в ходе проведения радиоигр и полученной при реализации других контрразведывательных операций, начальник ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумов в марте 1944 г. информировал членов ГКО И. В. Сталина, В. М. Молотова и Л. П. Берию о том, что германская разведка пытается создавать повстанческие формирования и банды для дезорганизации тыла Красной армии, нарушения коммуникаций, связывающих фронт с базами снабжения и центрами производства военной техники, вооружения и боеприпасов, забрасывает агентурные группы в районы, где, по данным противника, имеются поселения административно-ссыльных и лагеря военнопленных, орудуют банды дезертиров и антисоветского националистического подполья. Были установлены факты заброски агентурных групп и отрядов в лесные массивы Архангельской, Вологодской, Тамбовской и Ярославской областей, а также в Закавказье, Казахстан и Мордовскую АССР. У задержанных военными контрразведчиками и сотрудниками органов НКВД — НКГБ изымалось большое количество оружия, взрывчатых веществ, множество советских документов, крупные суммы в рублях, комплекты формы советских военнослужащих, тысячи экземпляров антисоветской и националистической литературы. «В последние месяцы, — говорилось в докладной записке, — немцы дают задание устанавливать расположение лагерей военнопленных — бывших военнослужащих немецкой армии, организовывать их освобождение, формировать из них вооруженные отряды»[81]. Для оснащения этих отрядов перебрасывалось воздушным путем все необходимое для повстанческих действий.

Чтобы сорвать планы германских спецслужб, ГУКР НКО Смерш и его подчиненные органы приняли ряд мер, включая и «отвлечение противника на негодный объект», путем организации радиоигр. Так, на территории Калмыкии проводилась радиоигра «Арийцы». Как явствует из рассекреченных в последние годы документов, 24 мая 1944 г. посты службы ВНОС зафиксировали приземление сверхмощного самолета, из которого был высажен диверсионный отряд в количестве 24 человек. Позднее чекисты установили, что отряд возглавлял офицер немецкой военной разведки Эбергард фон Шелер (псевдоним Кваст). В ходе допросов задержанных диверсантов, в частности Кваста, выяснилось, что военное управление РСХА рассчитывало подготовить на территории Калмыкии базу для последующей переброски 36 эскадронов так называемого Калмыцкого корпуса доктора Долля и организации восстания среди калмыков. Передовой отряд Э. фон Шелера имел и другую задачу — создать ретрансляционный пункт для связи с агентами-радистами, заброшенными в восточные районы СССР и передачи их сообщений в германские разведорганы. Передовой отряд имел несколько станковых и ручных пулеметов, автоматы, винтовки и гранаты. Но 27 мая ожидалась новая партия груза: около 40 тюков багажа с 10 тыс. патронов и взрывчатка.

С учетом добытых данных в ГУКР НКО Смерш решили провести радиоигру под шифром «Арийцы». Поскольку требовалась координация с местными органами НКВД и НКГБ, то после подписи В. С. Абакумова план работы по делу был направлен на утверждение члену ГКО, наркому внутренних дел Л. П. Берии. В плане указывалось, что радиоигра организуется «в целях предотвращения подрывной деятельности германской военной разведки по созданию повстанческих формирований на территории быв. Калмыкии, выявления агентуры и

эк.4.

Совершенно секретно.

НАРОДНЫЙ КОМИССАР ВНУТРЕННИХ ДЕЛ
Союза ССР
(Л.БЕРИЯ)
"27" мая 1944 года.
Л. Берия

П Л А Н

агентурно-оперативных мероприятий по делу "АРИЙЦЫ"

23 мая с.г. в 20 клм. севернее м.Утта в бывшей Калмыкии органами НКВД и НКГБ, в результате проводимой операции по ликвидации группы агентов германской военной разведки, возглавляемой немецким капитаном КВАСТ, было арестовано 12 и убито 7 человек. Остальные 14 человек скрылись, розыск которых продолжается.

Следствием установлено, что эта группа имела задание подготовить базы для выброски последующих групп германских агентов, которые должны были действовать на территории б.Калмыкии.

В целях предотвращения подрывной деятельности германской военной разведки по созданию повстанческих формирований на территории б.Калмыкии, выявления агентуры и бандгрупп, оставленных немцами при отступлении, а также для вызова от немцев на нашу сторону других активных агентов и эмиссаров, с последующим их арестом, - провести следующие мероприятия:

I. Т.т. ЛУКЬЯНОВУ и СВИРИНУ (НКВД), МИШИНУ ("СМЕРШ") и МИХАЙЛОВУ (НКГБ) провести тщательное следствие по делу группы арестованных агентов германской разведки.

В процессе следствия основное внимание сосредоточить на выявлении:

а) действительного характера задания, полученного группой;

План агентурно-оперативных мероприятий по делу «Арийцы». 1944 г. Лист 1

4. 8

7. Главному Управлению "СМЕРШ" принять через командование ПВО необходимые меры к усилению наблюдения за воздухом по трассе пролета вражеских самолетов из Румынии в б.Калмыкию.

8. Генерал-лейтенанту интендантской службы тов.БУРГАФТ выделить для снабжения оперативных групп по розыску немецких диверсантов 100 продовольственных пайков сроком на I месяц.

9. Т.т. ЛУКЬЯНОВУ, СМИРНОВУ, МЕШИКУ и МИХАЙЛОВУ организовать своевременную информацию о ходе выполнения намеченных мероприятий.

ПРИМЕЧАНИЕ:- Вопрос о направлении батальона и самолетов в район операции согласован с товарищем АПОЛЛОНОВЫМ.

В.Абакумов

АБАКУМОВ

ЛЕОНТЬЕВ

"26" мая 1944 года.

План агентурно-оперативных мероприятий по делу «Арийцы». 1944 г. Лист 4

бандгрупп, оставленных немцами при отступлении, а также для вызова от немцев на нашу сторону других актив-агентов и эмиссаров, с последующим их арестом». При реализации плана чекисты учитывали тот факт, что германская разведка, вероятно, не располагала информацией о решении советского правительства переселить калмыков в глубь страны[82].

Руководить операцией поручили заместителю начальника ГУКР НКО Смерш генерал-лейтенанту П. Я. Мешику. Его подчиненные перевербовали Э. фон Шелера (чекистский псевдоним Борода) и его радиста (псевдоним Колонизатор). Руководитель главка военной контрразведки В. С. Абакумов оговорил с командованием ПВО страны меры по усилению контроля над воздушным пространством в районах, где возможен пролет самолетов из Румынии.

С началом радиоигры противнику передавалась дезинформация о положении в Калмыкии, сообщалось о благоприятных условиях развития бандповстанческого движения и готовности передового отряда принимать пополнения. Однако немцы не спешили, предпринимая все возможные меры для максимально возможной перепроверки сведений Кваста. И лишь 12 июня 1944 г. на подготовленную площадку приземлился самолет Ю-290, предварительно сбросив 20 тюков груза и пять парашютистов. Экипаж самолета, груз и агентов-диверсантов удалось захватить. Всего в ходе радиоигры в руках чекистов оказался 21 парашютист, а 12 диверсантов были уничтожены. Но главное — удалось убедить вражескую разведку в отсутствии поддержки со стороны населения Калмыкии деятельности банд, что предотвратило другие, неконтролируемые органами госбезопасности возможные попытки к организации повстанческого движения в Калмыкии и на территории Астраханской области.

В 1944 г. разворачивались основные события и по радиоигре «Разгром». Еще в середине предыдущего года немецкая разведка забросила группу агентов на территорию Грузинской ССР. Разведорган «Цеппелин» рассчитывал, что эта группа (семь человек, все бывшие солдаты так называемого Грузинского легиона) сумеет навербовать сторонников и с помощью якобы существовавшего (по мнению гитлеровских спецслужб) антисоветского националистического подполья поднять восстание, а также совершать диверсионные акты на коммуникациях Красной армии, срывать мобилизационные мероприятия в Грузии и соседних Закавказских республиках. В подготовке группы участвовали лидеры грузинской эмиграции, включая М. Кедия и Т. Картвешвили, которые активно сотрудничали со службой безопасности рейха. Однако националистическая обработка не подействовала на членов группы, и все они после приземления добровольно явились в органы госбезопасности, а часть из них была перевербована и использовалась в операциях органов Смерш. В результате радиоигры «Разгром» на июнь 1944 г. были выведены на нашу сторону 10 агентов «Цеппелина», у которых изъяли три радиостанции, девять винтовок, 12 автоматов, более миллиона рублей и большое количество фальшивых документов. До руководства «Цеппелина» довели информацию о якобы создании подпольной группы в г. Тбилиси из 19 человек, которая вошла в контакт с ранее существовавшей группой, связанной с грузинскими эмигрантами. Таким образом, чекистам удавалось длительное время перехватывать все попытки германских спецслужб создать реальное антисоветское подполье в Закавказье и вводить противника в заблуждение относительно «эффективности» его усилий по подрыву устойчивости советского тыла[83]. О достигнутых успехах по радиоигре «Разгром» ГУКР НКО Смерш неоднократно докладывало ГКО и лично Верховному главнокомандующему.

В целях парализации подрывной активности спецслужб врага, попыток создания антисоветского партизанского движения в глубоком тылу и прифронтовой зоне, аппараты органов Смерш в 1944 г. организовали либо продолжили ранее начатые радиоигры «Горцы», «Дуплет», «Тростники», «Капкан», «Лесники», «Подрывники», «Бурса», «Бандура», «Кубанцы», «Трезуб», «Берлога» и другие. Отдельные из них проводились вплоть до капитуляции нацистской Германии. Подытоживая результаты радиоигр на начало ноября 1944 г., В. С. Абакумов доложил И. В. Сталину и В. М. Молотову, что удалось: «1) Вводить германское военное командование и разведку противника в заблуждение, дезинформируя их об обстановке на ряде участков фронта и создавать у немцев видимость, что они через свою агентуру якобы

получают шпионские данные о расположении частей на фронте и контролируют основные наши коммуникации, связывающие фронт с тылом; 2) Легендировать перед противником активные действия заброшенных им групп агентов с заданиями по организации диверсий и повстанческого движения в различных районах Советского Союза, вследствие чего немцы забросили в район «действия» этих групп 112 своих агентов в качестве пополнения, которые были нами арестованы; 3) Вынудить германскую разведку разновременно забросить на нашу сторону своих агентов, 25 минометов и пулеметов, 292 автоматов, винтовок и пистолетов, 722 мины, 72 897 патронов, 2685 кг взрывчатых веществ, 12 радиостанций, 5 395 448 рублей советских денег, 20 000 долларов и 5000 английских фунтов, а также большое количество листовок от имени антисоветских организаций»[84].

С начала 1945 г. органы военной контрразведки продолжили работу по дезинформации противника. В конце декабря 1944 — начале 1945 г. 24 агентурные радиостанции, находившиеся под контролем военных контрразведчиков в различных районах СССР, передавали дезинформационные материалы, чтобы скрыть подготовку наступательной операции в Восточной Пруссии и Польше. Однако работа велась уже в меньших масштабах. В условиях быстрого и фактически непрерывного наступления советских войск на территории Германии и других европейских государств эффективность зафронтовой работы снижалась. И органы советской военной контрразведки, и вражеские разведорганы постоянно находились в движении. Многие разведывательные подразделения неприятеля были уже к этому времени разгромлены вместе с армейскими частями. В марте — апреле 1945 г. постепенно завершались и радиоигры, которые осуществлялись советской военной контрразведкой. Противник ограничивался поддержанием радиосвязи с наиболее ценными, на его взгляд, группами агентов, но уже фактически не имел возможности оказывать им какую-либо поддержку.

Наряду с непосредственным противодействием разведывательно-подрывной деятельности гитлеровских спецслужб органы военной контрразведки активно применяли предупредительно-профилактические меры по недопущению утечки информации о замыслах и планах командования всех уровней. Особенно важным это представлялось при подготовке и в ходе проведения наступательных операций, которыми и был наполнен завершающий этап Великой Отечественной войны. Для решения этой, одной из важнейших задач сотрудники органов Смерш применяли как оперативные, так и административно-репрессивные меры. Чекисты строили свою работу, исходя из реалий боевой обстановки и негативных явлений, которые не удалось полностью устранить в войсках. Это прежде всего нарушение режима работы с совершенно секретными и секретными документами, разглашение важной информации и игнорирование правил скрытого управления войсками.

К сожалению, несмотря на усилия командования и контрразведки Смерш, происходили утраты документов, содержащих государственную и военную тайну. Данные, обобщенные 1-м отделом ГУКР НКО Смерш (за период с июня 1943 по май 1944 г.), показывали тревожную картину утрат и хищений грифованых документов практически на всех фронтах: 2-м Украинском — 590, Западном — 422, 1-м Украинском — 402, Закавказском — 356, Волховском — 329 и т. д.[85]

Военные контрразведчики инициировали проверку состояния режима хранения и использования совершенно секретных и секретных документов в аппарате Наркомата обороны, его управлениях и отделах. Руководить намеченной работой по распоряжению заместителя начальника Генерального штаба РККА генерала армии А. И. Антонова было поручено начальнику 8-го управления Генштаба РККА генерал-лейтенанту П. Н. Белюсову. В итоговом акте, присланном В. С. Абакумову, отмечались серьезные недостатки в секретном делопроизводстве. «Особенно неблагополучно, — отмечалось в документе, — было с хранением секретной документации в ВВС Красной армии, в Автодорожном управлении, Главной военной прокуратуре, Продовольственном управлении ГИУ РККА»[86]. За исследуемый период в НКО СССР, на фронтах и военных округах было утрачено и похищено 5786 совершенно секретных и секретных документов. За допущенные нарушения в делопроизводстве по информации органов Смерш и непосредственно командованием привлекалось к ответст-

венности 3562 военнослужащих и служащих РККА. Из общего числа осуждены военными трибуналами 150 офицеров и 44 вольнонаемных сотрудника[87].

Результаты проверки с конкретными указаниями по наведению должного порядка в СДП Генеральный штаб РККА оформил в виде директивы для командующих фронтами и военными округами. С особой настойчивостью военные контрразведчики вскрывали нарушения правил скрытого управления войсками. А примеров безответственности в данном вопросе было более чем достаточно. Убеждать отдельных военачальников порой приходилось конкретными материалами, добытыми чекистами в ходе оперативной работы. Так, начальник отдела контрразведки Смерш 11-й гвардейской армии полковник Митрофанов информировал свое фронтовое руководство и Военный совет о результатах допроса военнопленного обер-ефрейтора П. Цаунса по вопросу о постановке радиоразведки в вермахте. Эта служба имелась при штабах армий, корпусов и дивизий. Ротам радиоразведки придавалась группа дешифровки и раскодирования. Каждая рота при штабе армии имела два взвода радиоразведки, взвод телефонной разведки и взвод радиопеленгации. В каждом взводе насчитывалось до 70 человек личного состава. Аналогичной структурой, но с сокращенным составом военнослужащих, располагали корпус и дивизия. Пленный привел конкретные примеры успешной работы радиоразведки. Оказалось, что в мае 1944 г. был засечен разговор высокопоставленных командиров соединений, которые готовились к наступлению восточнее Витебска. Немецкие военачальники приняли соответствующие контрмеры, и предпринятая атака советских войск успеха не имела[88].

В спецсообщении в Военный совет 3-го Украинского фронта от 30 марта 1944 г. начальник УКР Смерш генерал-майор П. И. Ивашутин указал, что один из наших военнопленных, служивший у немцев в подразделении радиоразведки 348-й пехотной дивизии, сумел передать чекистам пакет со своими записями. Советский патриот писал, в частности, следующее: «Не думайте, что я делаю много пользы (для противника. — *Ред.*), потому что я принимаю радиограммы и там что-нибудь совру. Я работаю сейчас у немцев, попал к ним, когда нас окружили... используюсь для перевода радиопереговоров командиров Красной армии... много болтают по радио и раскрывают много сведений»[89]. Как удалось установить, из тыла врага сигнализировал майор Сергей Фирсов, который работал в группе радиоразведки вместе с еще пятью военнопленными. Один из жителей только что освобожденного района, опрошенный чекистами, сообщил, что на его квартире несли службу указанные пленные офицеры и солдаты. Сергей просил передать нашему командованию, что «шифры и коды, которыми пользуются в части Красной армии, хорошо известны немцам и что все перехваченные немцами кодированные или зашифрованные радиограммы они легко расшифровывают и поэтому о подготовляемых или осуществляемых операциях своевременно осведомлены»[90].

Следует сказать, что командующие и члены военных советов фронтов незамедлительно реагировали на вскрытые нарушения правил скрытого управления войсками (СУВ). К примеру, Военный совет 1-го Прибалтийского фронта в декабре 1943 г. издал приказ «О запрещении открытых телефонных переговоров», а штаб фронта направил в подчиненные органы управления армиями и корпусами директиву «Об усилении контроля за скрытностью переговоров и передач по проводным средствам связи и радио»[91].

Командующий фронтом генерал армии И. Х. Баграмян строго указал командующему 11-й гвардейской армии генерал-лейтенанту К. Н. Галицкому на допущенные лично им нарушения правил СУВ, о которых сообщило Управление контрразведки Смерш[92]. Через несколько дней контрразведчики проинформировали командующего фронтом об аналогичных нарушениях со стороны командующего 4-й ударной армией генерал-лейтенанта П. Ф. Малышева и его начальника штаба генерал-майора А. И. Кудряшова. Резолюция И. Х. Баграмяна на спецсообщении начальника УКР Смерш генерал-майора Н. Г. Ханникова была следующей: «Предупредить Малышева и Кудряшова о недопустимости подобных явлений не только самим, но и добиться этого от подчиненных. Об исполнении доложить. Кроме того — небольшую директиву-шифровку направить всем. Телефонные разговоры в первой линии прекратить»[93].

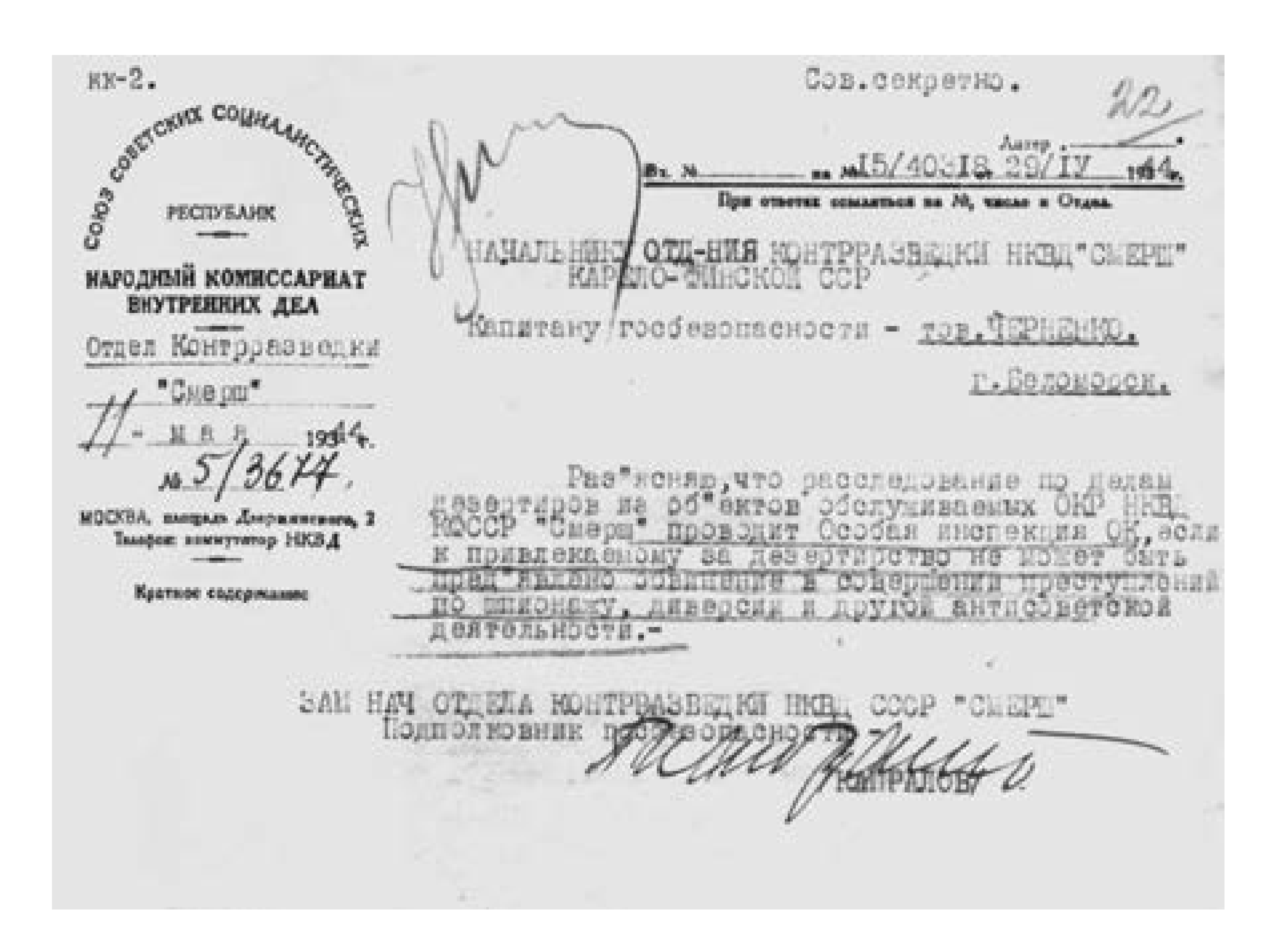
Руководитель органов контрразведки Смерш В. С. Абакумов указал в своей докладной записке в адрес заместителя начальника ГШ РККА А. И. Антонова на отмеченные фронтовыми чекистами недостатки в реализации правил СУВ. Он отметил, что утечка информации по линиям связи приводит к неоправданным потерям в личном составе наступающих частей Красной армии. Военные контрразведчики в своих спецсообщениях в военные советы фронтов, в докладных записках в ГУКР НКО Смерш указывали на нарушения правил СУВ со стороны командующего 31-й армией генерал-лейтенанта В. А. Глуздовского, начальника штаба 60-й армии генерал-майора Г. А. Тер-Гаспаряна, начальника штаба 3-й гвардейской армии Ф. Т. Рыбальченко, командира 97-го стрелкового корпуса генерал-лейтенанта Ю. В. Новосельского и многих других генералов и офицеров — командиров соединений и воинских частей.

Контрразведчики констатировали, что количество фактов нарушения правил СУВ возрастало в непосредственно предшествующий наступательным операциям период и в ходе их проведения. В это же время имели место разного рода предпосылки и факты утечки информации к противнику вследствие несоблюдения разного рода режимных мер, в частности необоснованного расширения круга лиц, осведомленных о замыслах и планах командования. Вот, к примеру, что произошло 4 июля 1944 г. в 38-й армии. На совещание у командующего армией по поводу предстоящего наступления прибыла группа генералов и офицеров по списку, согласованному с находившимся там же командующим 1-м Украинским фронтом Маршалом Советского Союза И. С. Коневым. Военные контрразведчики установили, правда уже после совещания, что среди присутствовавших был командир самоходного артиллерийского полка И. Доброшинский. Он выслушал доклады И. С. Конева и К. С. Москаленко, записал основные положения в личный блокнот и после совещания вылетел на самолете У-2 в расположение своего полка, но к месту назначения не прибыл. Расследование, проведенное сотрудниками Смерш, показало, что в силу неизвестных причин самолет перелетел линию фронта[94].

И. С. Конев и К. С. Москаленко высказали беспокойство за сохранность в тайне плана наступления, но изменить его представлялось очень проблематичным. Собрав максимум возможной информации о полковнике Доброшинском и пилоте Сабурове, контрразведчики пришли к однозначному выводу, что они не могли встать на путь предательства и, скорее всего, летчик потерял ориентировку. Однако никто не мог гарантировать, что к противнику не попали записи Доброшинского и что он ничего не расскажет при интенсивных допросах. Как бы там ни было, но, перейдя в наступление, войска армии столкнулись с хорошо организованной обороной противника, поставленную задачу в первые дни не решили и понесли значительные потери.

Особое значение придавалось борьбе с фактами измены Родине в форме перехода на сторону врага, поскольку перебежчики являлись носителями информации о текущей деятельности своих воинских частей, силах и средствах, предназначенных для наступательных или оборонительных операций, и о решениях командования. Чекистам было известно, что ни один предатель не проходил мимо допросов в отделах 1 С (разведывательных) германских воинских соединений, и каждый был готов дать противнику нужные сведения, а в последующем мог быть привлечен германскими спецслужбами к разведывательно-диверсионным либо пропагандистским акциям.

Статистические данные приводили к выводу, что намерения и попытки перехода на сторону врага в основном проявляются среди тех военнослужащих, кто ранее находился в плену, дезертировал из своей части и остался проживать на оккупированной территории, а затем был вновь мобилизован в Красную армию при освобождении нашими войсками тех или иных районов СССР. Такие и некоторые другие категории военнослужащих находились под пристальным вниманием сотрудников контрразведки Смерш, обслуживающих конкретные воинские части и учреждения. На изучение данного контингента направлялись основные усилия агентурно-осведомительной сети. В случае поступления информации о возможных изменнических намерениях отдельных лиц военные контрразведчики через командование предпринимали меры к отводу заподозренных военнослужащих с передовой линии. При

КК-2.

Сов.секретно.

Союз Советских Социалистических Республик

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ

Отдел Контрразведки "Смерш"

11 - мая 1944 г.

№ 5/3674.

МОСКВА, площадь Дзержинского, 2
Телефон: коммутатор НКВД

Краткое содержание:

Вх. № ______ на № 15/4018 29/IV 1944.

При ответах ссылаться на №, число и Отдел.

НАЧАЛЬНИКУ ОТД-НИЯ КОНТРРАЗВЕДКИ НКВД "СМЕРШ" КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР

Капитану госбезопасности – тов. ЧЕРНЕНКО.

г. Беломорск.

Раз"ясняю, что расследование по делам дезертиров из об"ектов обслуживаемых ОКР НКВД КФССР "Смерш" проводит Особая инспекция ОК, если к привлекаемому за дезертирство не может быть пред"явлено обвинение в совершении преступлений по шпионажу, диверсии и другой антисоветской деятельности.-

ЗАМ НАЧ ОТДЕЛА КОНТРРАЗВЕДКИ НКВД СССР "СМЕРШ"
Подполковник госбезопасности – [illegible]

Сообщение ОКР Смерш о дезертирах. 1944 г.

некоторых очевидных моральных издержках такой меры (поскольку отведенные не принимали какое-то время участие в боях, а следовательно, не подвергались опасности быть ранеными или убитыми) она позволяла доказать реальность подготовки того или иного бойца или командира к переходу на сторону врага, либо наоборот — снять возникшие в их отношении подозрения при проверке в более спокойной тыловой обстановке. Последнее, то есть оправдание, происходило значительно чаще. В таких случаях сотрудники органов Смерш ограничивались профилактическими беседами по поводу непродуманных высказываний.

Другой важной мерой являлось создание так называемой непроницаемости линии фронта путем реализации через командование воинских подразделений и частей добытой информации о выявленных недостатках в прикрытии стыков, состоянии боевого охранения и т. д. Агенты и осведомители, попадавшие в состав секретов и засад, инструктировались оперативным составом на недопущение перехода линии боевого соприкосновения с противником нашими военнослужащими, вплоть до применения оружия на поражение. В периоды, непосредственно предшествующие наступлению, массово практиковалось направление военных контрразведчиков в состав боевого охранения перед позициями наших войск с указанной выше целью. Достаточная эффективность мер, предпринимавшихся чекистами в тесном взаимодействии с командованием, подтверждается статистическими сведениями, излагавшимися в ежемесячных отчетах фронтовых аппаратов в ГУКР НКО Смерш и военным советам соответствующих фронтов.

После пересечения советскими войсками государственной границы СССР несколько сократилось количество случаев дезертирства. Частично на это повлияло и отсутствие возможности временно укрыться у местного населения, принадлежащего к иным национальностям, языками которых потенциальные дезертиры не владели. Однако основным фактором являлось укрепление порядка и воинской дисциплины, совершенствование и развитие системы предупредительных мер на основе использования агентурно-осведомительного аппарата военной контрразведки. В связи с ослабеванием такого явления, как дезертирство, но главное, с изменением общей обстановки на фронтах, отпала необходимость в дальнейшем сохранении штатных заградительных отрядов. Приказом наркома обороны И. В. Сталина № 0349 от 29 октября 1944 г. они были расформированы[95].

Одним из важных направлений работы аппаратов контрразведки Смерш стала борьба с подрывной деятельностью против советских войск разного рода националистических организаций и подчиненных им бандитских формирований. В ходе наступательных операций в центре и на южном фланге советско-германского фронта была освобождена территория Украинской ССР. И уже в конце 1943 — начале 1944 г. чекисты вплотную столкнулись с активным противодействием мероприятиям командования частей и соединений Красной армии со стороны Организации украинских националистов (ОУН) и банд Украинской повстанческой армии (УПА). Безусловно, это не явилось неожиданностью для военных контрразведчиков. Было ясное понимание, что акции националистов, имевшие место в предвоенные годы и при отступлении наших войск в 1941 г., возобновятся с новой силой. Об этом говорилось в информационных сообщениях в ГУКР НКО Смерш от коллег из 2-го (контрразведывательного) и 4-го (зафронтового) управлений НКГБ СССР, Разведуправления Генерального штаба, центров партийного подполья и руководящих органов партизанского движения.

Так, еще в конце сентября 1943 г. 3-й отдел 4-го управления НКГБ СССР представил контрразведчикам справку, в которой, в частности, говорилось: «Успешное продвижение Красной армии на фронте вызвало заметную активность организаций украинских националистов-бандеровцев на временно оккупированной части Украины. Из различных районов Украины руководители оперативных групп 4-го Управления НКГБ СССР «Тимофей», «Сидор», «Богдан», «Петр» и Мирковский сообщают о том, что украинские националисты-бандеровцы стягивают с западных областей УССР свои вооруженные банды на Волынь и Полесье... в направлении Киева, Житомира и Винницы»[96]. Чтобы повлиять на взгляды колеблющихся, попавших в силу тех или иных обстоятельств в банды либо ставших в ряды националистического движения, Президиум Верховного Совета и СНК УССР в феврале 1944 г. приняли специальное обращение к участникам так называемых УПА и УНРА (Украинская национально-революционная армия), в котором раскрывались реальные цели украинских националистов, в том числе и действий против Красной армии, указывались конкретные пути выхода из нелегальных структур и гарантировалось полное прощение совершенных ошибок, но не преступных деяний, связанных с убийствами мирных граждан, подпольщиков и партизан[97].

Данное обращение имело важное политико-идеологическое значение и, конечно же, повлияло на отдельных людей. Однако надеяться только на результаты этой пропагандистской акции чекисты не могли. Даже без специальных указаний из Москвы фронтовые контрразведчики все активнее разворачивали противодействие украинским националистам. В феврале — марте 1944 г. аппараты органов Смерш представили в Главное управление и военным советам фронтов спецсообщения о некоторых результатах своей деятельности в данном направлении. К примеру, УКР Смерш 3-го Украинского фронта докладывал о ликвидации более 30 ячеек ОУН, общей численностью около 300 человек[98]. Доклад объемом около 40 страниц сделало и УКР Смерш 1-го Украинского фронта. Вот некоторые статистические данные из этого документа, раскрывающие размах и напряженность борьбы с подрывной активностью националистов против частей Красной армии. Военные контрразведчики выявили и арестовали в ноябре 1943 — январе 1944 г. более 250 членов ОУН и участников банд УПА (ноябрь — 30, декабрь — 36, январь — 171, за несколько дней февраля — 32). Из общего числа арестованных 71 были разного рода руководителями ячеек и банд.

Бойцы УПА

Зверства оуновцев – уничтожение польского населения

За Самостійну Соборну Українську Державу!

Воля Народам! Воля Людині!

ДО ЗБРОЇ

ВИДАЄ ПОЛІТИЧНИЙ ВІДДІЛ УПА

РІК. I — ЖОВТЕНЬ 1943 Р. — Ч. 4.

Г. Пісикчевський

Слідами княжих дружинників

Наша боротьба за Українську Державу — це продовження тисячолітньої боротьби наших предків. Але це тільки боротьба наша схожа на їхню, — схожі на них, і то майже в усьому, й ми самі. Навіть з найдальшими предками—княжими дружинниками є в нас ця схожість, дарма, що сповиті вони сивим туманом давнини.

„Загородіте Полю (цебто диким ордам) ворота за землю українську, за рани Ігореві" — ось під яким кличем боролись минулі вої. І була для них та земля українська дорожча за славу, за багатства, за все на світі. „Краще, — казали вони, — в своїй землі кістьми лягти, ніж у чужій жити в славі". Щира й сильна любов до рідної землі була основою їхньої високої ідейности. Знали вони, що боряться не за наживу, не для особистої правмости, але за рідну державу, за рідний народ, за рідну і велику, цінну для всього світа, культуру.

І ми, вояки сьогоднішньої революційно-визвольної Української Повстанчої Армії, боремось за рідну державу на рідній землі, за рідний народ, за його волю. Боротьба наша йде з не меншим ворогом, як то було за княжих часів.

Висока ідейність в свою чергу зроджувала такі чесноти у княжих дружинників, як почуття обов'язку й відповідальности, хоробрість, геройство, самопосвяту. Вони наказували їм полюбити і шукати не солодких вигод, що розніжують і ослаблюють тіло й душу людини, а твердого, небезпечного, геройського життя, що цю душу і тіло гартує. Ось виринає перед нами князь Ігор перед своїми полками і слова його, як удари меча, рішучі і невідкличні: „Хочу з вами надламати списа край поля половецького і або голову наложити, або води з Дону шоломом напитися". Або пан, або пропав, — іншого виходу вони не знають. Ось послухаймо, як гордо звучать слова учасника боїв княжої доби: „Краще нам порубаними бути, ніж у неволю попасти". Святослав гартував перед боєм своє вояцтво: „Поляжемо, а не осоромимо землі нашої, мертві бо сорому не мають". Та врешті читаймо, що пише про наших героїв чужинець — ворог: „Про них розповідають, що вони навіть переможені ніколи не віддаються в руки ворогів, а як не мають надії врятуватись, встромлюють собі в нутро мечі і так себе вбивають. А роблять це вони, віріючи, що вбиті ворогами в полоні і на тому світі служитимуть своїм убивцям. Вони бояться такої неволі і самі себе вбивають, щоб не слу жити по смерті ворогам". (З грецьких літописів).

Чи ж не самою високою ідейністю керуються сьогодні українські повстанці в своєму житті й боротьбі? Вони покинули хату, покинули рідних, вступили на шлях труднощів і невигод, щоб боротись з ворогом—займанцем рідної землі. Кличі княжих дружинників виписані золотом в них на прапорах.

Листовка УПА

Боестолкновения опергрупп органов Смерш, заградотрядов и воинских подразделений при продвижении Красной армии на Правобережную Украину увеличивались количественно и отличались ожесточенностью. Когда войска фронта вошли на территорию Ровенской области УССР, то только в январе 1944 г. произошло более 30 боестолкновений, в ходе которых были убиты 68 бандитов, ранены — 26, захвачены — 24. При этом потери сотрудников Смерш, бойцов войск НКВД и других военнослужащих составили 20 человек, из них убитыми — 16. В первой половине февраля северо-западнее г. Луцк произошло огневое столкновение с бандой УПА, насчитывавшей до 600 членов. Причем на вооружении банды имелось несколько артиллерийских орудий, станковые и ручные пулеметы, а также автоматы. Потеряв убитыми 85 человек и 11 пленными, банда отошла в лес[99].

Еще одну банду приблизительно из 300 членов опергруппа ОКР Смерш 13-й армии ликвидировала 15 февраля. Были уничтожены 46 бандитов. В районах действия банд военные контрразведчики и войска НКВД по охране тыла фронта установили места расположения около 50 подпольных складов. Из них изъяли 61 винтовку, 13 автоматов, восемь ручных пулеметов, миномет, радиостанцию и свыше 500 тонн продовольствия. В результате спланированных мероприятий удалось арестовать руководителя житомирского окружного провода ОУН, и он на допросах дал достаточно много информации, которая в дальнейшем активно использовалась фронтовыми чекистами, а затем и вновь созданными органами НКГБ — НКВД[100].

Контрразведчики 1-го Украинского фронта завели 12 агентурных дел («Холопы», «Враги», «Самостийники», «Повстанцы», «Блуждающие», «Скорпионы» и другие) и успешно их реализовали в январе — марте 1944 г. К примеру, по агентурному делу «Холопы» ОКР Смерш 18-й армии разрабатывал и в итоге ликвидировал диверсионный отряд УПА во главе с неким Дорошем. Были уничтожены 11 членов банды, арестованы — 10. Всего по агентурному делу на середину февраля разрабатывались 211 человек, а уже были арестованы — 34, причем почти половина из них успела проникнуть в ряды Красной армии. Чекисты установили, что диверсионный отряд Дороша был создан в результате пропагандистского рейда в ноябре 1943 г. банд группы УПА (600 человек) из Ровенской области. Рейд в восточные области УССР имел целью развернуть диверсионно-террористическую деятельность в тылу наступающих советских войск[101].

Допросы захваченных бандитов-диверсантов позволили установить, что многие участники рейда в Житомирскую область были связаны с абверкомандой — фельдпост № 37805, которым руководил бывший полковник петлюровской армии И. Голуб (псевдонимы Гольт и Голияд). Проведенный чекистами анализ полученных данных показал, что речь идет об абвергруппе-220, основной задачей которой были подготовка кадров диверсантов для УПА, ведение разведки, создание военизированных подразделений при помощи местных организаций ОУН на территории Галиции и Волыни на случай занятия этих районов Красной армией. Для связи при абвергруппе-220 постоянно находились представители штаба УПА. Указанный орган немецкой военной разведки имел курсы радистов-разведчиков и диверсантов в г. Львов, которыми как раз и руководил Голуб. В числе личного состава курсов были 16 украинцев, работавших ранее агентами контрразведки противника в г. Житомир[102].

Активная борьба с бандами УПА на южном и центральном участках фронта, включая и полосу действий самого мощного объединения Красной армии — 1-го Украинского фронта, не обходилась, к сожалению, без частичных поражений в тайной войне. К таковым, без сомнения, относится факт получения тяжелого ранения (приведшего в итоге к смерти) командующего фронтом генерала армии Николая Федоровича Ватутина. В отечественной и зарубежной (прежде всего украинской) исторической литературе в целом достаточно достоверно описаны обстоятельства произошедшего 29 февраля 1944 г. в районе села Милятин Ровенской области УССР. Этот эпизод подробно отражен и в мемуарном очерке К. В. Крайнюкова, бывшего в то время членом Военного совета 1-го Украинского фронта и находившегося вместе с командующим при боестолкновении[103]. Однако читателю будет интересно узнать некоторые детали, связанные с решением сотрудниками органов Смерш задачи обеспечения безопасности высшего командного состава фронта, особенно в условиях активности банд УПА на Украине.

Развертывание войск на прочесывание Рудницкой пущи

Боевые действия по уничтожению банды ОУН — УПА

В архиве ФСБ России по Омской области сохранилось дело УКР Смерш 1-го Украинского фронта — «Материалы по делу ранения тов. В.» (Н. Ф. Ватутина). Из материалов дела усматривается, что ранение «тов. Николаева» (условная фамилия Н. Ф. Ватутина, использовавшаяся в переговорах по телефонам) является следствием стечения ряда обстоятельств объективного и субъективного характера, включая и недопонимание между отдельными военачальниками и руководителями аппаратов контрразведки Смерш в вопросе обеспечения личной безопасности командующего фронтом и других командиров.

Недостаточно объективно оценивая информацию УКР Смерш 1-го Украинского фронта, представитель Ставки ВГК Маршал Советского Союза Г. К. Жуков все же предупредил Н. Ф. Ватутина перед его выездом на командный пункт 13-й армии о полученных от военных контрразведчиков данных, подтверждающих повышение активности банд УПА именно в данном районе. Этот факт подтвердил при расследовании и начальник штаба фронта генерал-лейтенант А. Н. Боголюбов, присутствовавший при беседе Г. К. Жукова и Н. Ф. Ватутина. Однако будучи уже на КП 13-й армии, командующий фронтом (по предложению командарма генерал-лейтенанта Н. П. Пухова и члена Военного совета армии генерал-майора М. А. Козлова) изменил уже проработанный охраной путь возвращения и выехал по маршруту через село Милятин, где оперировала банда УПА Зеленого[104].

Как пояснял в ходе расследования покушения на Н. Ф. Ватутина начальник ОКР Смерш 13-й армии полковник Александров, он 25 февраля, то есть за четыре дня до происшествия, письменно проинформировал командарма и члена Военного совета о деятельности банд в полосе ответственности объединения и конкретно в районе села Милятин, где группа УПА (200–300 человек) захватила гаубицу и обоз 149-й стрелковой дивизии, убив нескольких военнослужащих. Лично повлиять на решение командующего фронтом контрразведчик не мог, поскольку генерал Пухов приказал срочно передислоцировать отдел Смерш с КП армии в другой населенный пункт. Командарм, как выяснилось, не предпринимал мер по усилению охраны Н. Ф. Ватутина бронеавтомобилями, несмотря на наступление вечернего времени[105]. Все вышесказанное и создало предпосылки к драматическому развитию ситуации.

В ночь с 29 февраля на 1 марта 1944 г. в селе Милятин УКР Смерш фронта направил группу оперативных работников и 60 бойцов из батальона охраны. Они совместно с ротой войск НКВД провели прочесывание местности и приняли меры к ликвидации банды Зеленого. Уже в ходе первого боестолкновения были убиты пять бандитов и двое захвачены, затем удалось уничтожить еще более 10 участников банды. Обо всех обстоятельствах ранения генерала армии Н. Ф. Ватутина начальник ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумов лично доложил Верховному главнокомандующему И. В. Сталину[106]. В свою очередь, начальник УКР Смерш 1-го Украинского фронта генерал-майор Н. А. Осетров предложил Военному совету ряд мер, направленных на усиление борьбы с ячейками ОУН и бандами УПА. В частности, он настаивал на увеличении количества личного состава пограничных и внутренних войск НКВД, охраняющих тыл фронта, на издании директивы Военного совета, запрещающей направлять военнослужащих в командировки в одиночном порядке, перевозить военные грузы без соответствующей охраны. По мнению Управления контрразведки фронта, следовало усилить охрану командных пунктов, штабов и тыловых учреждений в районах сосредоточения банд УПА, а также принять меры по совершенствованию обеспечения безопасности высшего командно-начальствующего состава. Кроме того, рекомендовалось срочно провести мобилизацию всех призывных возрастов в освобожденных областях западной части УССР, а к лицам, укрывающимся от мобилизации, принимать репрессивные меры. В освобожденных районах рекомендовалось незамедлительно провести паспортизацию и ввести пропуска от военных комендантов для передвижения между населенными пунктами. Выселить в отдаленные местности СССР поголовно все население из районов, пораженных бандитизмом, и прежде всего произвести выселение Острожского, Гощанского, Ровенского, Мизачанского, Здолбуновского, Клеваньского и Сарнского районов. В пораженных бандитизмом местностях при обкомах ВКП(б) под руководством первых секретарей предполагалось создать штабы для организации и направления борьбы с бандитизмом[107]. Частично указанные меры были реализованы.

Н. А. Осетров

А. А. Вадис

Однако радикальные решения, в частности о высылке населения, не поддержал нарком госбезопасности УССР генерал-лейтенант С. Р. Савченко. Еще 5 февраля 1944 г. он сообщил в НКГБ СССР следующее: «Установлены случаи, когда низовка УПА, особенно из числа «мобилизованных», скрывается в лесах и не возвращается в села, боясь репрессий наших органов. Между тем органы «Смерш» передовых частей без разбора производят аресты оуновцев и участников УПА, не согласовывая с нашими органами, что значительно затрудняет работу по разложению низовки УПА»[108].

Следует признать, что в данном случае как раз и проявились противоречия в практической работе военной контрразведки и территориальных органов. Если первые в условиях наступления делали всё для оказания помощи командованию по вопросу скорейшего пополнения личного состава частей и соединений за счет проведения мобилизации, уделяли внимание предотвращению покушений на жизнь военнослужащих, прежде всего из командного состава, то органы НКВД — НКГБ УССР строили свою работу с расчетом на послевоенную перспективу, надеясь путем разложения сбить активность нацподполья.

Члены ГКО И. В. Сталин, В. М. Молотов и Л. П. Берия потребовали от начальника ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумова обобщить и доложить сведения о проведенной военными контрразведчиками работе во фронтовом тылу по борьбе с украинскими националистами. В своей записке, направленной в ГКО (№ 401/А от 4 марта 1944 г.), последний отметил, что аппараты Смерш четырех Украинских фронтов с 1 ноября 1943 г. по 1 марта 1944 г. ликвидировали на освобожденной территории УССР 55 подпольных ячеек и групп ОУН и три крупных бандотряда УПА. В проведенных операциях были арестованы 405 участников ОУН, при боестолкновениях убиты 356 бандитов, захвачено 12 радиостанций, 16 минометов, 16 станковых и ручных пулеметов и 90 автоматов. На выявленных подпольных складах изъято 700 тонн продуктов питания, две типографии и т. д.[109]

Аналогичного содержания докладные записки ГУКР НКО Смерш направлялись в ГКО ежемесячно. Суммирование приводимых в них цифр показывает, что за период с ноября 1943 г. по 1 июня 1944 г. управлениями контрразведки 1, 2, 3-го Украинских и 1-го

Белорусского фронтов были арестованы 2943 и убиты в боестолкновениях 2192 активных члена ОУН и бандита УПА. Изъято 18 артиллерийских орудий, 41 миномет, 159 пулеметов и 27 радиостанций[110].

Отметим, что фронтовые аппараты контрразведки Смерш вели активную борьбу с оуновцами и бандитами УПА до выхода войск за пределы территории СССР. Далее эту важную работу в основном проводили их коллеги из отделов Смерш, организованных на Украине военных округов. Основная же тяжесть реализации предпринимаемых мер ложилась теперь на воссозданные органы НКВД — НКГБ УССР и частично на аналогичные аппараты южных районов БССР, а также пограничные и внутренние войска. Однако это не означает, что во второй половине 1944 г. управления и отделы контрразведки Смерш в действующей армии завершили борьбу с ОУН — УПА. Теперь она развивалась в рамках мероприятий под условным общим названием «Западники». Здесь имеются в виду агентурно-оперативные и административно-предупредительные меры по выявлению членов ОУН и участников банд УПА, проникших в ходе мобилизации в воинские части Красной армии, и по недопущению проведения ими враждебной деятельности, подрывающей боеспособность советских войск.

Термин «западники» стал фигурировать в документах органов Смерш после перенесения боевых действий на Украине на правую сторону Днепра, обусловивших возможность проведения мобилизационных мероприятий в освобожденных районах. Руководство контрразведывательных аппаратов действующей армии отдавало себе отчет в том, что люди, прожившие на занятой противником территории с лета 1941 по весну 1944 г. могли не только стать членами ОУН — УПА, но и в некоторой степени воспринять пропаганду врага, укрепиться во мнении, что мощь германской армии несокрушима, что силы СССР на исходе, и в конечном итоге он не сможет «сломать хребет» вермахту и войскам СС, одержать окончательную победу над нацизмом. Подобные мысли могли толкать людей к сотрудничеству с оккупационными властями и конкретно со спецслужбами Германии. Со стороны отдельных «западников» не исключались попытки к измене Родине в форме перехода на сторону врага, а следовательно, к выдаче военных сведений. Такое понимание «западников» закладывалось и в директивы Генерального штаба, а также штабов фронтов и армий, которые становились основой административно-кадровых и воспитательных мер, помогали организовать агентурно-осведомительную сеть для изучения и контроля над данным контингентом военнослужащих. Так, в докладной записке УКР Смерш 1-го Украинского фронта в Москву о работе за июнь 1944 г. указывалось, что, согласно приказу Военного совета 3-й гвардейской армии, все солдаты и сержанты, призванные с территории Западной Украины, были изъяты из частей и соединений армии и 14 июня направлены в составе трех маршевых рот в 17-ю запасную стрелковую дивизию в г. Житомир[111].

В июне 1944 г. Военный совет 43-й армии 1-го Прибалтийского фронта дал указание всем командирам частей о рассредоточении «западников», не допуская их концентрации. Аналогичные указания подготовили и военные советы 4-й ударной и 6-й гвардейской армий. Именно в июне в эти армии поступило в качестве пополнения большое количество военнослужащих-«западников» (в 4-ю ударную армию — 2727, в 6-ю гвардейскую — 4982, в 43-ю — 3658 человек)[112].

Во многих случаях с инициативами относительно «западников» выступали военные контрразведчики, и это абсолютно понятно, поскольку именно органы Смерш отвечали за борьбу с фактами измены Родине в форме перехода на сторону врага, дезертирством, трусами и паникерами. Однако, несмотря на принимаемые командованием, политорганами и чекистами меры, первоначально не удавалось полностью парализовать враждебные проявления со стороны «западников». Так, из 4-й ударной армии с 27 мая по 21 июня 1944 г. дезертировали 39 человек, прибывших в составе пополнения мобилизованных на Западной Украине. Удалось задержать лишь нескольких из них. Два дезертира были приговорены военным трибуналом армии к высшей мере наказания и расстреляны перед строем сослуживцев и земляков. А в 43-й армии группа «западников» из четырех человек ушла за линию фронта, и еще один был убит при попытке перейти на сторону врага. Контроль над «западниками» организовывали и органы Смерш тыловых военных округов.

В докладной записке в ГКО начальник военной контрразведки 29 августа 1944 г. сообщал И. В. Сталину и В. М. Молотову: «В соответствии с Вашими указаниями ГУКР «Смерш» докладывает о результатах работы органов контрразведки военных округов по очистке от враждебного, националистического и другого преступного элемента запасных стрелковых дивизий, укомплектованных мобилизованными из Западных областей Украины». А далее следуют цифры: с 1 апреля по 25 августа 1944 г. арестованы органами Смерш 6625 человек, из которых участников ОУН — УПА — 4220, участников религиозных сект, отказавшихся брать оружие, — 2030, активных немецких пособников — 375. Кроме того, из запасных частей изъяты и направлены в спецлагеря НКВД для более глубокой проверки 4383 человека[113].

Вместе с тем военные контрразведчики в своих отчетах в Москву и в спецсообщениях в военные советы армий отмечали много фактов геройских поступков среди мобилизованных на Западной Украине. «В наступательных боях подавляющее большинство «западников», — говорилось в докладной записке УКР 1-го Прибалтийского фронта от 19 июня 1944 г., — по оценке нашей агентуры и командования, проявляют смелость и мужество, стойко сражаются с немецко-фашистскими захватчиками»[114]. Далее в записке приводятся многочисленные конкретные примеры и отмечается, что командование по достоинству оценивает этих бойцов и представляет к награждению орденами и медалями.

В то же время военные контрразведчики вскрывали серьезные упущения со стороны командования в вопросах подготовки военнослужащих из числа «западников» к участию в боевых действиях. По наиболее характерным и достаточно масштабным явлениям управления и отделы Смерш незамедлительно информировали военные советы соответствующих армий и фронтов для недопущения повторения подобного в будущем. Так, УКР Смерш 4-го Украинского фронта отметило в сентябре 1944 г. серьезные нарушения в исполнении приказа Военного совета № 070-ОУ «О подготовке и порядке направления в действующую армию призывников-западников». В качестве примера контрразведчики привели ситуацию, сложившуюся в 1-й гвардейской армии (командующий генерал А. А. Гречко). В качестве пополнения в это объединение поступили 8442 человека, призванные из западных областей Украины и Белоруссии. Все они из запасных полков сразу направлялись на передовую линию. Молодые солдаты не были обучены обращению с вверенным им оружием, имели слабое представление о современном бое. В итоге, из-за боязни гибели с 15 августа по 5 сентября дезертировали 65 солдат, причем все с оружием, а один перешел на сторону врага. Произошедшее стало предметом рассмотрения на заседании Военного совета фронта, а в армию выехала специальная комиссия из представителей штаба фронта и Политического управления[115].

В ходе наступательных операций 1944 г. сотрудники военной контрразведки и аппаратов госбезопасности, вновь организуемых на освобожденной от врага территории, столкнулись с активной деятельностью антисоветских организаций, созданных и функционировавших под эгидой немецкой военной разведки, а также главного управления имперской службы безопасности (РСХА). Особое внимание чекистов привлекли эти пронацистские образования и их боевые структуры в связи с использованием их кадров немецкими спецслужбами для вербовки в качестве агентов-разведчиков, диверсантов и пропагандистов. Например, так называемый зондерштаб «Р» был организован из белоэмигрантов и плененных немцами советских военнослужащих. Он существовал с марта 1942 г. при 1-м отделе штаба «Валли» (главном органе немецкой военной разведки на советско-германском фронте) и до конца 1943 г. занимался борьбой с партизанским движением и коммунистическим подпольем, но с начала следующего года, будучи формально ликвидированным, передал своих многочисленных сотрудников в разведывательные и диверсионные школы[116].

В разведывательно-подрывной работе против нашей страны и ее армии противник широко использовал и кадры так называемых Русской освободительной армии (РОА), Боевого союза русских националистов во главе с бывшим генералом РККА И. Бессоновым (который также создал и Политический центр борьбы с большевизмом), Национал-социалистической трудовой партии России, Русского национал-социалистического союза, националистических легионов: Грузинского, Армянского, Туркестанского, Калмыцкого, Эстонского и т. д.

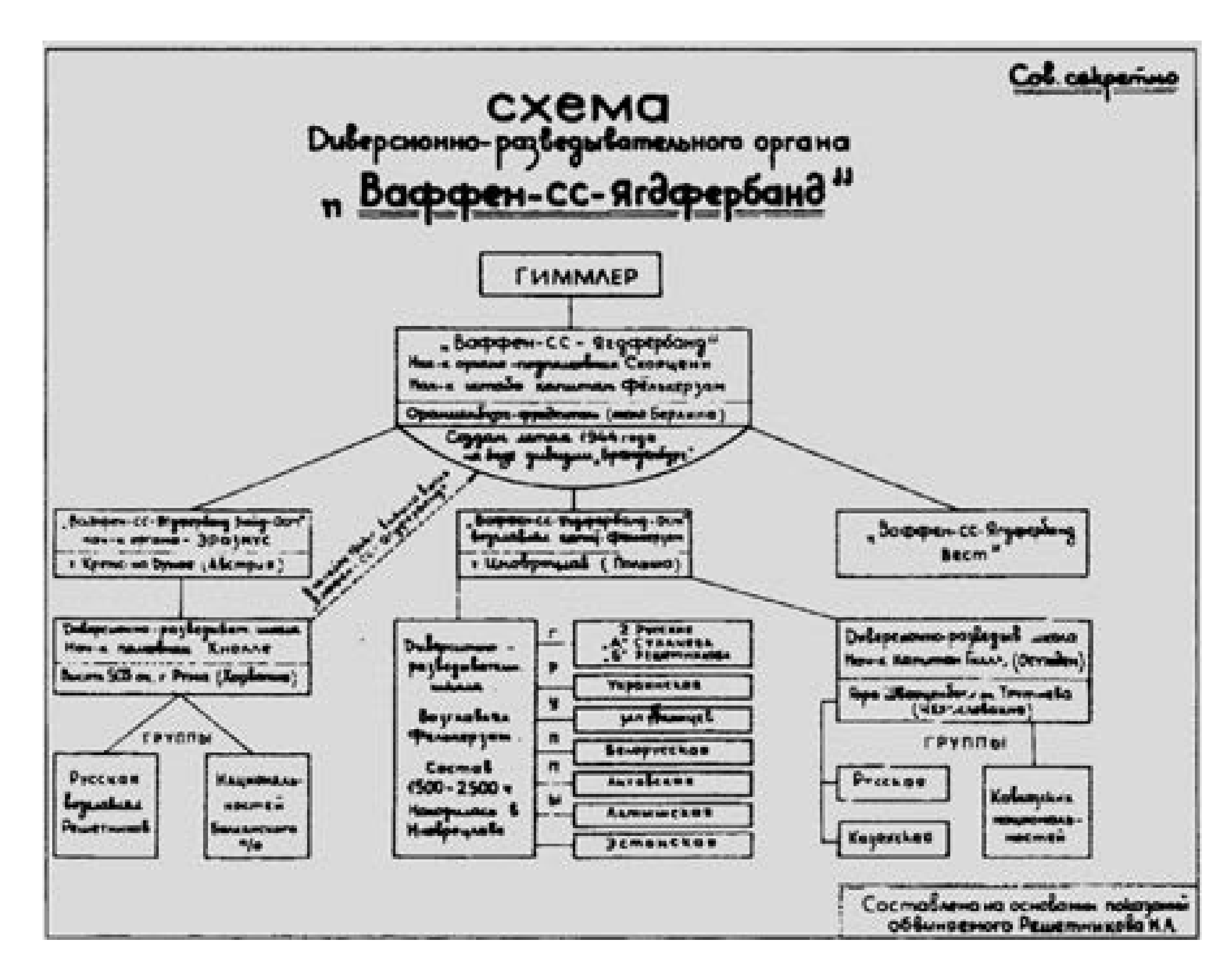

Схема диверсионно-разведывательного органа «Ваффен-СС Ягдфербанд»

В течение 1944 г. НКГБ СССР и ГУКР НКО Смерш подготовили и направили в территориальные и фронтовые органы ряд указаний о разработке указанных выше и других антисоветских и националистических организаций и выявлению их деятельности и личного состава в ходе фильтрационной и следственной работы. Одним из первых было выпущено указание НКГБ СССР от 28 марта «О выявлении и агентурной разработке связи Национал-социалистической трудовой партии России (НСТПР) и командного состава Русской народной армии (РНА)[117]. В документе отмечалось, что НСТПР по заданию германского командования активно проводит разведывательную и контрразведывательную работу, засылая в тыл Красной армии шпионов и диверсантов[118]. Аналогичную информацию содержало указание НКГБ СССР от 11 июля 1944 г. о работе по Национально-туркестанскому комитету единства; директивы ГУКР НКО Смерш об агентурно-оперативных мероприятиях по выявлению и аресту участников антисоветской организации Союз борьбы против большевизма (№ 50100 от 26 июля 1944 г.) и участников Союза белорусской молодежи (№ 55413 от 14 августа 1944 г.); указания НКГБ СССР о проведении контрразведывательных мероприятий в отношении антисоветских казачьих формирований (№ 108 от 24 августа 1944 г.) и т. д.

Базой для подобного рода документов являлись результаты следствия по возбужденным уголовным делам, а также донесения зафронтовой агентуры. Так, в Ост-мусульманской

дивизии СС работали зафронтовые агенты ОКР Смерш 6-й армии Юго-Западного фронта Караманов-Мутанов и 4-го управления НКГБ СССР Ичиан. В Калмыкском кавалерийском корпусе действовали агенты ОКР Смерш 28-й армии Громов, Озеров, Тюрбеев, Астров, Ходжаев и занявший одну из командных должностей Зарахаев[119]. Более 20 зафронтовых агентов военной контрразведки и органов НКГБ СССР в разное время внедрились в Русскую освободительную армию. Активную работу по 1-й Русской бригаде СС под командованием бывшего подполковника РККА В. Гиль-Родионова проводила оперативная группа «Штурм» УКР Смерш 1-го Прибалтийского фронта. Информация, полученная от зафронтовых агентов и оперативных групп, проверялась, уточнялась и дополнялась следователями органов Смерш при допросах уже разысканных и задержанных участников антисоветских и националистических организаций. Эти данные активно использовались для дальнейшей работы по парализации разведывательно-подрывной деятельности спецслужб Германии и ее сателлитов.

К примеру, в докладной записке УКР Смерш 3-го Прибалтийского фронта в Москву от 13 сентября 1944 г. указывалось, что в освобожденных районах Эстонской и Латвийской ССР установлен ряд фашистских контрреволюционных националистических формирований, ведущих в тылах фронта повстанческую и террористическую работу. К этим структурам относились «Омакайтсе» («Самозащита»), «Айзсарги» («Защитники») и другие. За короткий период времени военные контрразведчики фронта у арестованных членов этих организаций изъяли большое количество оружия и боеприпасов. На 13 сентября удалось выявить и арестовать 60 человек актива подпольной организации «Айзсарги» и от них получить данные еще на 250 участников подполья. Среди них оказались шесть агентов немецких контрразведывательных органов и 25 карателей. Документально было установлено, что немцы, отступая под ударами Красной армии из Латвии, оставляли свою агентуру с заданиями разведывательного характера и давали ей прямую установку на организацию вооруженной повстанческой деятельности в тылу наших войск[120]. В последующий месяц этот же орган военной контрразведки выявил и ликвидировал 33 волостные организации «Айзсарги», а также 10 шпионских и диверсионных групп из числа членов этой организации[121]. Контрразведчики Ленинградского фронта только с 13 по 15 сентября 1944 г. сумели установить и арестовать 34 командира (от взвода до батальона) организации «Омакайтсе». Подследственные подтвердили, что их организация использовалась как база для вербовки немцами своей агентуры. Так, командир взвода «Омакайтсе», а затем руководитель группы разведывательно-диверсионной школы в местечке Улброка показал, что при содействии командира эстонского пограничного полка Васка отобрал для абверкоманды-204 около 40 человек, в основном из членов «Омакайтсе», и направил их на подготовку в качестве диверсантов, предназначавшихся для работы в тылу Красной армии[122].

Зафронтовая оперативная группа «Штурм» УКР Смерш 1-го Прибалтийского фронта под руководством старшего лейтенанта А. Н. Иванова (псевдоним Зайцев) добыла информацию на ряд офицеров и рядовых 1-й русской бригады СС «Дружина». Это антисоветское формирование было создано главным управлением имперской безопасности Германии в рамках операции «Цеппелин» и предназначалось для участия в борьбе с партизанами. Из числа личного состава бригады отбирались будущие диверсанты и разведчики. Понимая, что советские войска разобьют вермахт, часть бригады во главе с ее командиром бывшим подполковником РККА В. Гиль-Родионовым в августе 1943 г. перешла на сторону партизан и с того времени значилась как Первая антифашистская бригада. Однако среди ее бойцов и командиров были и те, кто запятнал себя активным сотрудничеством со спецслужбами Германии: участвовал в карательных акциях, выполнял задания разведки противника[123]. 28 августа 1944 г., основываясь на информации опергруппы «Штурм» и других данных, ОКР Смерш 6-й гвардейской армии выявил в армейском запасном полку среди партизан, соединившихся с наступающими частями Красной армии, ряд бывших немецких военнослужащих 1-й русской бригады СС. Все они в прошлом являлись офицерами РККА, находясь в плену, согласились сотрудничать с разведслужбами противника[124].

В ходе допросов арестованных удалось задокументировать процесс создания и использования гитлеровской службой безопасности Боевого союза русских националистов и организованной на его основе 1-й русской бригады СС. Подследственные подтвердили, что основными задачами указанных структур являлись карательные мероприятия против партизан и подготовка кадров для разведывательно-подрывной работы в тылу Красной армии. Отобранные «дружинники» окончили разведывательную школу в местечке Яблонь близ г. Люблин (Польша), подчиненную особой команде «Цеппелина» при оперативной группе «Б». С июня 1942 по март 1943 г. 60 человек из числа подготовленных агентов были заброшены в различные районы СССР с заданиями диверсии, поднятия восстаний и проведения антисоветской агитации[125]. Арестованных военными контрразведчиками бывших членов БСРН и 1-й русской бригады СС осудил военный трибунал 1-го Прибалтийского фронта, приговорив двух человек в шести годам исправительно-трудовых лагерей, еще четырех — к 10 годам заключения в лагере, а двоих — к высшей мере наказания, расстрелу[126].

Управление контрразведки Смерш 1-го Прибалтийского фронта с августа 1943 г. также разрабатывало и другую антисоветскую разведывательно-пропагандистскую организацию Политический центр борьбы с большевизмом (ПЦББ), во главе которой стоял бывший генерал-майор РККА, командир одной из дивизий И. Бессонов. Первые сведения о ПЦББ военные контрразведчики получили от группы перешедших к партизанам бывших военнопленных командиров РККА, оставшихся верными своей Родине и создавших подпольную патриотическую организацию внутри ПЦББ. Они дали чекистам развернутую информацию об изменниках, активно сотрудничавших с немцами, а также о планах главного управления имперской безопасности. Основные идеи этих планов, заключавшиеся в поднятии восстаний в тыловых районах СССР, разработал лично Бессонов. Арестованный после окончания войны Бессонов так показал при допросе об этих замыслах: «Выполняя задание немцев, я разработал предварительный план повстанческой деятельности в тылу Советского Союза, по которому предполагалось создание из числа военнопленных, бывших военнослужащих Красной армии, нескольких десантных групп для высадки их с самолетов на парашютах в северные районы СССР. Предполагалось высадить десант численностью 50 000 человек. В соответствии с этим моим штабом был тщательно разработан план десантирования и боевых действий, составлены всякие схемы, на карты нанесены маршруты, основное направление ударов... Планом предусматривалось, что высадившиеся на севере СССР крупные десантные отряды захватят расположенные там лагеря заключенных и поселения ссыльных, вооружат их после привлечения на свою сторону и, пользуясь отдаленностью этих районов от фронта и жизненных центров страны, а также отсутствием крупных воинских гарнизонов, разовьют повстанческую деятельность в тылу Красной армии. При этом ставилась цель достигнуть и овладеть промышленными центрами Урала, отрезать Сибирь от центральной части Советского Союза и лишить его важнейшей стратегической базы на востоке»[127].

Всё, что выяснили военные контрразведчики о ПЦББ, стало основой для осуществления розыска его членов, а также участников подготовленных немцами боевых отрядов, для недопущения проникновения их в ряды Красной армии после вторичного призыва на военную службу на освобожденные территории СССР.

На завершающем этапе Великой Отечественной войны сотрудники органов Смерш продолжали борьбу с антисоветскими проявлениями в войсках, рассматривая ее как исключительно важную меру по поддержанию и дальнейшему укреплению политико-морального состояния личного состава советских войск, мобилизации духовных сил военнослужащих и служащих, нацеленность их на окончательную победу над врагом. И если командование совместно с партийно-политическими аппаратами действовало в данном направлении гласными методами, прежде всего путем активной агитации и пропаганды во всех видах, то военные контрразведчики использовали созданный в воинских частях и подразделениях агентурно-осведомительный аппарат. Антисоветские настроения теперь наблюдались в основном со стороны лиц, изучаемых в связи с проявлением с их стороны признаков подготовки преступных действий, в частности измены Родине в форме перехода на сторону

врага или шпионажа, террористических актов, дезертирства с оружием, сознательной порчи военного имущества и боевой техники, националистической деятельности и т. д.

Характер негативных проявлений со стороны военнослужащих и служащих РККА в 1944–1945 гг. значительно изменился. Достаточно редко уже наблюдалось неверие в нашу окончательную победу над врагом, в прочность советского политического строя, правильность шагов, предпринятых руководством страны в ходе войны во внешней и внутренней политике. Одновременно увеличивалось количество так называемых политически невыдержанных суждений о послевоенном устройстве жизни в СССР. Значительное количество лиц, находившихся под наблюдением сотрудников органов Смерш в связи с негативными проявлениями в политико-идеологической сфере, допускали достаточно резкие высказывания относительно колхозной системы, надеясь на ее ликвидацию после войны, в том числе под давлением союзников СССР. Вразрез с официальной пропагандой ими делались сравнения уровней жизни населения в нашей стране и государствах Восточной Европы. Безусловно, все это имело под собой объективные основания, что реально осознавали и сотрудники военной контрразведки. Но допустить безнаказанного распространения подобного рода утверждений чекисты не могли. В рамках тогдашнего понимания политико-морального состояния войск, провозглашаемого безоговорочного единения всего советского народа на основе идей партии вокруг ВКП(б) и конкретно ее вождя — Верховного главнокомандующего И. В. Сталина не было места вышеприведенным, открыто высказываемым сомнениям, не говоря уже о попытках организовать коллективное недовольство «политикой партии и советского правительства».

Количество лиц, арестованных аппаратами Смерш за негативные политические проявления, так называемых антисоветских элементов (АСЭ), подытожить достаточно сложно. В число АСЭ зачастую включались и немецкие пособники, и члены националистических организаций, и бывшие партийные оппозиционеры, и даже разного рода сектанты, которые отказывались брать в руки оружие и защищать свою страну. Результаты анализа сохранившихся архивных документов позволяют утверждать, что количество арестованных антисоветски настроенных лиц не превышало в 1944 г. 10–30 человек на том или ином фронте ежемесячно. К примеру, УКР Смерш 1-го Прибалтийского фронта арестовал по данной «окраске» (учетной позиции) в мае — 16, в июне — 21, в июле — 15, в августе — 10, а в сентябре — 25 человек[128].

Особое значение приобретала работа по усилению оказания помощи командованию и политическим органам в деле укрепления боеготовности войск. Уже виделась победа над врагом, и военные контрразведчики делали все от них зависящее для сокращения числа небоевых потерь личного состава в результате разного рода чрезвычайных происшествий, выявляя предпосылки к ним, для вскрытия и предотвращения фактов разглашения военных секретов, утраты документов, пресечения нарушения правил скрытого управления войсками. Сотрудники органов Смерш не обходили вниманием случаи неисполнения боевых приказов, недисциплинированности военнослужащих, дезертирства и членовредительства.

На основании директивных указаний ГУКР НКО Смерш фронтовые управления, армейские, корпусные и дивизионные отделы контрразведки значительно нарастили объем и подняли качество своих письменных спецсообщений соответствующим военным советам и командирам. Здесь особо следует отметить УКР Смерш 3-го Украинского фронта во главе с генерал-майором (а затем генерал-лейтенантом) П. И. Ивашутиным. Достаточно сказать, что за период практически беспрерывных наступательных операций войск фронта за его подписью только за первую половину 1944 г. Военному совету было представлено 217 спецсообщений по разного рода вопросам, требующим реакции командования[129]. Сюда входили помесячные отчеты УКР Смерш о борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью противника, изменой Родине и антисоветскими действиями, дезертирством и членовредительством, враждебными проявлениями членов Украинской националистической организации (ОУН) и бандитами из Украинской повстанческой армии (УПА), о фактах невыполнения приказов, очковтирательстве и т. д.

Командующий 3-м Украинским фронтом генерал армии Р. Я. Малиновский и член Военного совета генерал-полковник А. С. Желтов в подавляющем большинстве случаев давали положительную оценку работе контрразведчиков, незамедлительно принимали меры к устранению вскрытых ими недостатков и предпосылок к чрезвычайным происшествиям. Достаточно вспомнить факт выявления чекистами реальных обстоятельств событий первой половины мая 1944 г., когда без приказа под натиском врага оставили рубеж обороны части 35, 39, 79 и 88-й дивизий 8-й гвардейской армии, а также части 93-й и 113-й стрелковых дивизий 57-й армии[130].

В своих мемуарах Маршал Советского Союза В. И. Чуйков, командовавший в тот период 8-й гвардейской армией, обошел, к сожалению, острые углы случившегося и дал ему несколько другое описание. Он вообще не упомянул о роли аппаратов контрразведки Смерш фронта в стабилизации ситуации. А ведь это они, опираясь на помощь командиров более стойких частей, приняли жесткие неотложные, но уже не характерные для весны 1944 г. меры. В период с 10 по 12 мая в ходе работы по заграждению чекисты задержали и заставили вновь обороняться почти 4 тыс. военнослужащих, наиболее злостных паникеров передали командирам частей, и они были расстреляны перед строем своих сослуживцев. Контрразведчики своевременно информировали находившегося на тыловом пункте управления командарма В. И. Чуйкова, а также командующего фронтом Р. Я. Малиновского о происходящем. Последний срочно прибыл в район боев для оказания помощи своему подчиненному. Можно утверждать, что именно указанные события подвигли Р. Я. Малиновского и члена Военного совета фронта А. С. Желтова спустя несколько дней отметить в боевой характеристике В. И. Чуйкова следующее: «За последнее время у тов. Чуйкова нашли проявление элементы, граничащие с зазнайством и пренебрежением к противнику, что привело к благодушию и потере бдительности»[131].

Активно информировал Военный совет 1-го Белорусского фронта начальник Управления контрразведки генерал-лейтенант А. А. Вадис, опытный чекист, работавший в органах госбезопасности с 1930 г. Единственный из своих коллег он дважды удостаивался знака «Почетный работник ВЧК — НКВД» и за первые три года войны был награжден тремя орденами. С 1942 г. крепкие деловые отношения связывали его с командующим фронтом Маршалом Советского Союза К. К. Рокоссовским, который, судя по резолюциям на спецсообщениях УКР Смерш, не только положительно оценивал работу А. А. Вадиса и его подчиненных, но и достаточно быстро реагировал на вскрываемые военной контрразведкой недостатки и предпосылки к чрезвычайным происшествиям в войсках. Не останавливался маршал и перед серьезной критикой командармов, таких как В. Я. Колпакчи, И. В. Галанин, А. В. Горбатов, допускавших проступки в личном поведении или служебной деятельности, о чем Военному совету фронта не раз сообщалось в информациях УКР Смерш.

Особо остро чекисты реагировали на скрываемые некоторыми должностными лицами существенные недостатки в боевой деятельности войск и ее обеспечении. К примеру, в январе 1944 г. Управление контрразведки Смерш Западного фронта поставило в известность командующего и членов Военного совета о серьезнейших недостатках в деятельности медико-санитарной службы фронта по обслуживанию раненых военнослужащих, многие из которых длительное время не эвакуировались с поля боя и оставлялись на произвол судьбы, часто попадая в плен к противнику, расстреливались либо умирали от потери крови и обморожения. Только по одной из дивизий за 2—3 месяца с конца 1943 по январь 1944 г. около 300 раненых умерли, не дождавшись эвакуации. Трагичная обстановка сложилась с ранеными офицерами и солдатами 61-й армии (командующий генерал-лейтенант П. А. Белов). Из 19 эшелонов, отправленных с ранеными в тыл, 14 были составлены из товарных вагонов, не имевших обогрева вообще. А все это происходило в январские морозы. Квалифицированное медицинское сопровождение раненых и их питание в пути также не были обеспечены. В результате многие военнослужащие скончались в пути следования или получили гангрену конечностей[132].

Особое внимание обращали контрразведчики на факты дезинформирования командования фронта со стороны командиров дивизий, корпусов и других должностных лиц,

пытавшихся скрыть неудачи и преуменьшить понесенные потери. В этом плане наиболее характерным примером могут служить события, развернувшиеся на Западном фронте зимой — весной 1944 г. Начальнику УКР Смерш фронта генерал-майору П. В. Зеленину пришлось жестко противостоять командующему фронтом генералу армии В. Д. Соколовскому, его начальнику штаба генерал-лейтенанту А. П. Покровскому и командующему 33-й армией генерал-полковнику В. Н. Гордову.

С середины февраля 1944 г., основываясь на спецсообщениях П. В. Зеленина, начальник ГУКР Смерш несколько раз докладывал председателю ГКО И. В. Сталину об обстановке на Западном фронте, в частности о необеспеченности руководства боевыми операциями и издевательствах над командирами со стороны командующего 33-й армией генерал-полковника В. Н. Гордова. Верховный главнокомандующий потребовал предоставить ему более детализированную информацию по обстановке и в 33-й армии, и на Западном фронте в целом. 28 февраля подробная справка поступила из УКР Смерш фронта, а на следующий день В. С. Абакумов представил ее И. В. Сталину[133]. Изложенные в докладной записке сведения совпали с ранее имевшимися у Верховного главнокомандующего свидетельствами о серьезных ошибках в деятельности В. Н. Гордова, за что последний был снят в 1942 г. с должности командующего Сталинградским фронтом. Тогда, как и позднее, генерал проявлял личное мужество, но как военачальник не отличался продуманными решениями. На это не обращал внимания и не принимал необходимых мер командующий Западным фронтом В. Д. Соколовский. Он и сам в этот период не обеспечил решение поставленных перед фронтом задач: в ходе предпринятого наступления удалось продвинуться лишь на 1–1,5 км, потеряв при этом убитыми 5858 и ранеными 17 478 человек.

Дополнение к указанной докладной записке поступило к И. В. Сталину 1 апреля. Начальник ГУКР Смерш привел оценки состояния дел на Западном фронте и в 33-й армии, представленные чекистской агентурой в Генеральный штаб, штаб фронта и армии. Они были настолько остры, что впервые за годы войны Верховный главнокомандующий потребовал раскрыть подлинные фамилии и должности секретных сотрудников военной контрразведки, чтобы убедиться в их компетентности. Вот лишь некоторые примеры из докладной записки: 1. В результате плохого планирования операции при наступлении 31-й армии, в частности артподготовки, гвардейские минометы (катюши) нанесли удар не по противнику, а по расположению 352-й стрелковой дивизии, которая понесла большие потери в личном составе и боевой технике. 2. В ходе мартовского наступления на витебском направлении из-за слабо организованного взаимодействия пехоты, танков и артиллерии, а также необеспеченности внезапности поставленные задачи решены не были. 3. В феврале за 10 дней боев части 33-й и 39-й армий потеряли более 28 тыс. солдат и офицеров, а в марте за три дня боев 33-я армия понесла потери еще в 8 тыс. человек. В обоих случаях достигнуть поставленных целей не удалось[134].

Судя по составу участников совещания в кабинете И. В. Сталина, состоявшегося 3 апреля 1944 г., именно на нем обсуждался доклад ГУКР Смерш и было принято решение о направлении на Западный фронт специальной комиссии под руководством члена ГКО, секретаря ЦК ВКП(б) Г. М. Маленкова[135]. В комиссию вошли: начальник Главного политического управления КА А. С. Щербаков, начальник Оперативного управления Генштаба С. М. Штеменко, начальник Разведывательного управления Генштаба Ф. Ф. Кузнецов, начальник одного из направлений ГШ РККА А. И. Шимонаев. Результаты работы комиссии полностью подтвердили то, что сообщал в ГКО ГУКР Смерш. Более чем на 30 листах был подготовлен обстоятельный доклад. Выяснилось, что для получения дополнительных войск, боеприпасов и материальных ресурсов командование фронта систематически принуждало начальника разведотдела увеличивать в докладных записках количество немецких дивизий перед линией Западного фронта на пятнадцать единиц. Только за февраль 1944 г. Западный фронт израсходовал 1300 вагонов боеприпасов и не имел желаемого результата (в то время как 2-й Украинский фронт израсходовал 370, а 1-й Украинский — 566 вагонов, выполнив поставленные задачи). При этом Западный фронт понес значительные потери. Общее коли-

чество потерь указывалось выше, но следует отметить, что свыше 50% из них приходились на 33-ю армию генерала В. Н. Гордова[136].

Особое внимание военные контрразведчики уделяли выявлению недостатков и упущений в ходе подготовки и проведения наступательных операций советских войск. В этом отношении они выступали в роли дополнительного и достаточно эффективного аппарата Ставки ВГК, командования фронтов и армий.

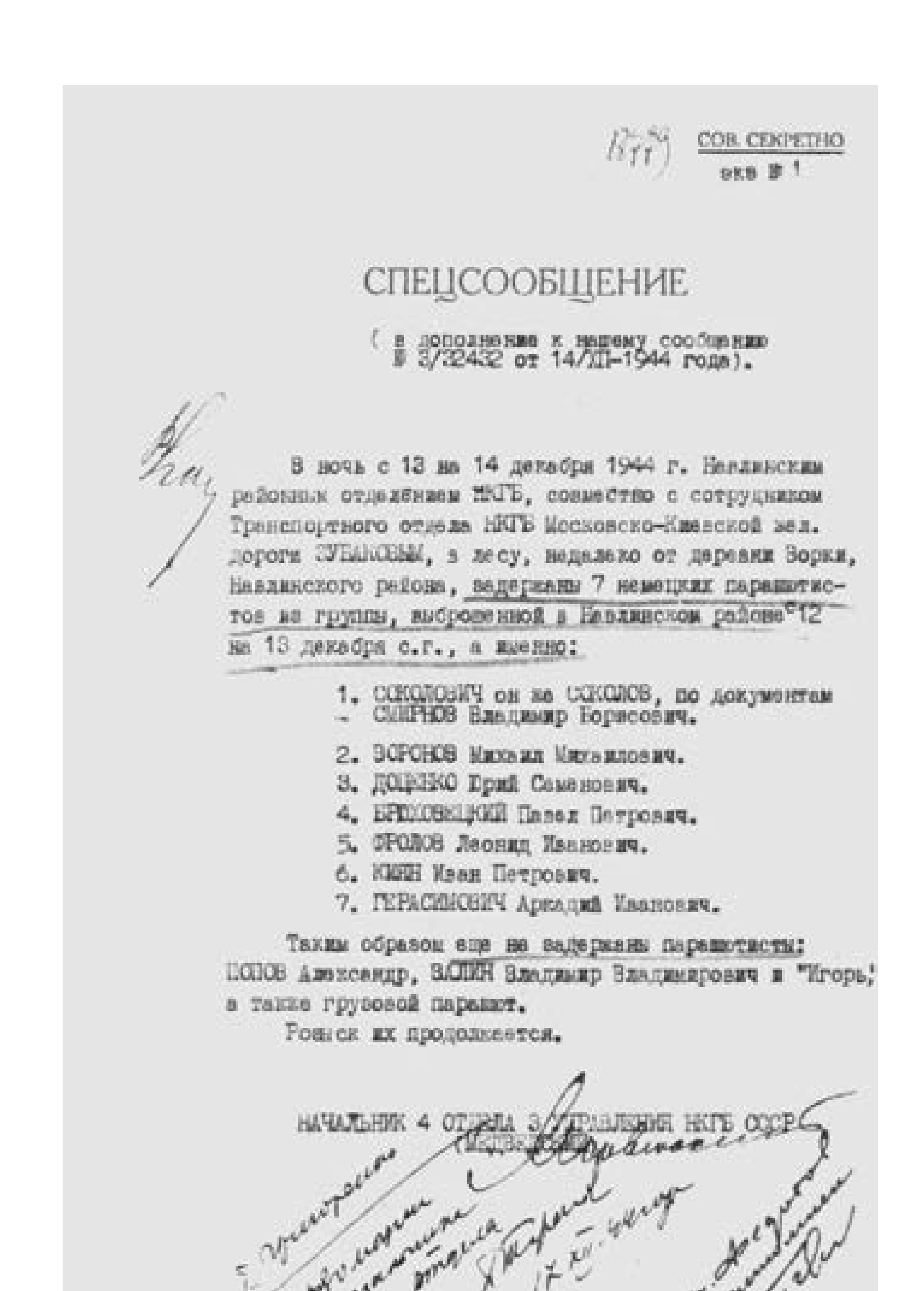
Еще при разработке плана Керченско-Эльтигенской десантной операции (31 октября — 11 декабря 1943 г.), ставшей прологом Крымской наступательной операции 1944 г., УКР Смерш Отдельной Приморской армии (ОПА) постоянно информировал Военный совет о противоречивых оценках генералов и штабных работников относительно реальности сроков разрабатываемого плана, привлекаемых сил и средств. Военные контрразведчики явно хотели поддержать командарма генерала армии И. Е. Петрова при докладах представителю Ставки ВГК маршалу К. Е. Ворошилову. Начальник УКР Смерш ОПА генерал-майор М. И. Белкин, особист с 1920 г., участник Великой Отечественной войны с первых ее дней и, как указывалось почти во всех аттестациях, «квалифицированный чекист, энергичный, инициативный работник, настойчивый и решительный», прекрасно отдавал себе отчет, что требования маршала далеки от реалистичности и он пытается любой ценой вернуть доверие Верховного главнокомандующего. Для командарма хорошим аргументом стала информация чекистов о захвате немцами нескольких матросов из бригады морской пехоты, осведомленных о подготовке десанта и примерных сроках его начала. К сожалению, командир бригады не принял должных мер к сохранению в тайне планов и замыслов командования, за что был отстранен от занимаемой должности[137].

До сведения членов Военного совета армии контрразведчики довели информацию об открыто высказываемом неверии в успех операции командира 16-го стрелкового корпуса генерал-майора К. И. Провалова. Более того, он не предпринимал должных мер к подготовке корпуса к боям. Военный совет принял решение временно отстранить генерала от командования корпусом. За факты дезинформирования был снят с должности и командир одной из дивизий полковник Василенко. Сведения, предоставленные Управлением контрразведки, наконец-то привлекли внимание К. Е. Ворошилова, и, как указывал М. И. Белкин в одной из докладных записок в ГУКР НКО Смерш, маршал предложил постоянно докладывать ему полученную информацию, особенно по борьбе с агентурой противника в войсках и о фактах изменнических проявлений[138].

На основе данной информации командование отвело от участия в десантной операции 260 военнослужащих, прежде всего паникеров и трусов. Причем подавляющее количество пришлось на 9-ю Краснодарскую пластунскую дивизию, состоявшую в резерве Ставки ВГК. Из 159 человек отправили в штрафные роты — 23, отчислили в другие части — 52, передали в тыловые подразделения — 68 солдат и сержантов. Остальные подлежали проверке органами Смерш, поскольку имелась информация об их сотрудничестве с оккупантами до призыва в армию. Контрразведчики нанесли, как тогда говорилось, «оперативный удар» по подучетникам, то есть арестовали всех тех, кто изучался в связи с подозрениями в шпионаже, дезертирстве, членовредительстве и готовил переход на сторону врага.

В отчете УКР Смерш Отдельной Приморской армии за декабрь 1943 — январь 1944 г. указывалось, что наряду с решением контрразведывательных задач «проводилось также выполнение специальных заданий командования, связанных с укреплением боеспособности частей на основе оперативной сигнализации наших органов по тем или иным решающим недостаткам в состоянии частей и соединений армии»[139]. К примеру, сотрудники Смерш 2-й гвардейской стрелковой дивизии вскрыли и арестовали группу военнослужащих, которые имитировали выходы в тыл противника, давали выдуманные сведения и за намерения разоблачить их убили командира разведроты. Военный трибунал приговорил всех арестованных к расстрелу.

Контрразведчики выявили и задержали крупного афериста, выдававшего себя за Героя Советского Союза, кавалера восьми орденов, «присвоившего» себе воинское звание полков-

СОВ. СЕКРЕТНО

экз № 1

СПЕЦСООБЩЕНИЕ

(в дополнение к нашему сообщению № 3/32432 от 14/XII-1944 года).

В ночь с 13 на 14 декабря 1944 г. Навлинским районным отделением НКГБ, совместно с сотрудником Транспортного отдела НКГБ Московско-Киевской жел. дороги ЗУБАКОВЫМ, в лесу, недалеко от деревни Борки, Навлинского района, задержаны 7 немецких парашютистов из группы, выброшенной в Навлинском районе с 12 на 13 декабря с.г., а именно:

1. СОКОЛОВИЧ он же СОКОЛОВ, по документам – СМИРНОВ Владимир Борисович.
2. ВОРОНОВ Михаил Михайлович.
3. ДОЦЕНКО Юрий Семенович.
4. БРЕЖКОВИЦКИЙ Павел Петрович.
5. ФРОЛОВ Леонид Иванович.
6. КИЛИН Иван Петрович.
7. ГЕРАСИМОВИЧ Аркадий Иванович.

Таким образом еще не задержаны парашютисты: ПОПОВ Александр, ЗАЛИН Владимир Владимирович и "Игорь", а также грузовой парашют.

Розыск их продолжается.

НАЧАЛЬНИК 4 ОТДЕЛА 3 УПРАВЛЕНИЯ НКГБ СССР

(МЕДВЕДЕВ)

16/XII-44

Спецсообщение 3-го Управления НКГБ СССР о задержании немецких парашютистов. 1944 г.

ника и в беседах с другими военнослужащими представлявшегося в качестве командующего особой сталинской авиагруппой. Он предлагал нескольким генералам и старшим офицерам свою поддержку в решении боевых задач, но за соответствующее денежное и материальное вознаграждение[140].

По приговору военного трибунала армии перед строем были расстреляны 16 военнослужащих, задержанных чекистами за массовое хищение продовольствия, предназначенного для наступающих частей. Акт приведения приговора в исполнение перед строем с оглашением некоторых фактов из уголовного дела положительно сказался на морально-психологическом состоянии солдат и офицеров армии. За активную работу в период подготовки и в ходе наступления начальник УКР Смерш ОПА М. И. Белкин и многие его сотрудники были поощрены новым командующим Отдельной Приморской армией генералом А. И. Еременко, а в мае 1944 г. по его инициативе М. И. Белкин удостоился ордена Красного Знамени.

Управление контрразведки Смерш 4-го Украинского фронта оперативно сигнализировало о вскрытых недостатках в боеготовности войск и состоянии тыловых объектов. Его сотрудники, как и левофланговые соседи из ОПА, активно изучали реальные и достаточно противоречивые мнения командиров разных уровней и штабных работников относительно разработки многих деталей плана наступательных действий. Эти сведения чекистов положительно воспринимались командованием фронта, поскольку в силу ряда субъективных причин некоторые участники процесса планирования не считали возможным отстаивать свои взгляды открыто. Так, один из командармов и ряд офицеров штаба фронта оценивали как неверное решение вести наступление на никопольском направлении, считая, что оно не даст фронту преимуществ, но принесет большие потери[141]. Военному совету фронта пришлось с учетом информации контрразведчиков дополнительно и многократно разъяснять подчиненным необходимость Никопольско-Криворожской операции и нацеливать их на активную подготовку к наступлению.

Генерала армии Ф. И. Толбухина заинтересовали и бюрократические методы выработки конкретного плана наступления, применяемые генерал-лейтенантом Д. Д. Лелюшенко, командующим 3-й гвардейской армией. Он проводил бесконечные совещания с комкорами и командирами-артиллеристами, не принимая окончательного решения. Участники совещаний не имели возможности лично руководить подготовкой войск к боям из-за частых выездов на КП армии, что могло привести к серьезным отрицательным последствиям.

Информация УКР Смерш фронта сыграла не последнюю роль в решении командования перенести на несколько дней форсирование р. Днепр, поскольку чекисты вскрыли очень слабую готовность переправочных средств. Соединения 5-й ударной армии генерал-полковника В. Д. Цветаева фактически гарантированно не смогли бы подойти в условленное время к переправам. Но аргументы командарма не были восприняты в штабе фронта. Кроме того, чекисты информировали Военный совет фронта о нехватке продовольствия и издержках в доставке боеприпасов в войска. Безусловно, Управление контрразведки в своей информации делало упор на субъективные обстоятельства, на ошибочные решения, нерадивость и упущения в решении важных вопросов конкретными должностными лицами. Пришлось, к примеру, информировать командующего фронтом о натянутых отношениях начальника штаба генерал-лейтенанта С. С. Бирюзова с начальником Управления бронетанковых и механизированных войск, что резко негативно отражалось на подготовке наступления, поскольку последний вообще не приглашался на совещания, в частности по операции в районе Перекопа. В итоге управление не знало своих задач в общем плане наступления со всеми вытекающими последствиями[142].

Одним из компонентов работы контрразведчиков являлось обеспечение безопасности высших должностных лиц фронтового командования и представителей Ставки ВГК. В конце 1943 г. им пришлось расследовать факт отравления начальника штаба фронта генерал-лейтенанта С. С. Бирюзова. К счастью, выяснилось, что это был не террористический акт, а грубая ошибка работников аптеки и лечащего врача. Более серьезный случай произошел в середине апреля 1944 г., в ходе Крымской стратегической наступательной операции. Перед

прилетом представителя Ставки ВГК на аэродром Сарабуз чекисты потребовали у местного командования сведения, не заминированы ли противником при отходе взлетно-посадочная полоса и рулежные дорожки. Эта работа была проведена, но, как оказалось, недостаточно тщательно. В итоге на мине подорвался самолет маршала А. М. Василевского. Проведя расследование, чекисты пришли к выводу о преступно-халатном отношении к порученному делу командира саперного батальона. Материалы расследования были переданы в военную прокуратуру фронта[143].

Задачи, аналогичные вышеуказанным, решали и контрразведчики фронтов, принимавших участие в Белорусской стратегической наступательной операции. План контрразведывательного обеспечения операции был составлен в середине июня 1944 г. УКР Смерш 1-го Белорусского фронта. В нем планировалось создание нештатной группы подготовки и выпуска докладных записок в Москву и спецсообщений в Военный совет фронта. Предусматривалось, что обобщение информации будет происходить каждые 10 дней, а в экстренных случаях — за каждые 2—3 дня наступления[144].

Пункты плана, посвященные вскрытию недостатков в подготовке операций, прописаны достаточно детально. Это свидетельствует о хорошем владении контрразведчиками информацией о состоянии войск, запасов боеприпасов, оружия, техники и других компонентов, характеризующих готовность к наступательным боям. Предписывалось незамедлительно выпускать спецсообщения в Военный совет фронта о недостатках в ходе передислокации частей и соединений, их развертывании, отсутствии достаточного количества засекречивающей аппаратуры связи на фронтовом радиоузле, недостаточной профессиональной подготовке связистов, фактах разглашения информации, связанной с предстоящими действиями, нарушениях правил СУВ в 66-м и 33-м полках связи, в 919-м авиаполку, а также о многочисленных случаях несвоевременной доставки боевых приказов и распоряжений. Решено было срочно сообщить командующему фронтом информацию по 64-й фронтовой базе: о некомплектной отправке в воинские части артиллерийского вооружения и боеприпасов, серьезных недостатках в противодиверсионной и пожарной охране. По военно-санитарному управлению контрразведчикам также поступили сведения о предпосылках к срыву решения поставленных задач. В частности, имелись недостатки в системе эвакуации раненых с поля боя, доставки их в госпитали, обеспеченности медикаментами и медимуществом.

По этим и другим вопросам, влияющим на подготовку операции, работали сотрудники отделов Смерш в армиях правого фланга фронта, включенных в план «Багратион». Чекисты стремились оградить войска от активизировавшейся разведывательно-подрывной деятельности противника. Начальник ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумов 14 июня 1944 г., то есть за неделю до начала наступательной операции, сообщил в ГКО и Генштаб РККА, что, по информации управлений контрразведки 1, 2 и 3-го Белорусских фронтов, немецкая разведка значительно увеличила заброску своей агентуры в расположение действующих частей Красной армии с заданиями сбора сведений о группировке наших войск, движении к линии фронта людских пополнений, боевой техники, боеприпасов и продовольствия. Только за май контрразведчики арестовали 430 шпионов и диверсантов. В. С. Абакумов отметил важную деталь — большинство агентов противник забросил самолетами, и сроки выполнения заданий ограничивались 4—10 днями[145].

Из этого следовало, что командованию и аппаратам Смерш не удалось полностью скрыть подготовку к наступлению в Белоруссию. Однако если разложить количество арестованных агентов по фронтам и сравнить с количеством арестованных шпионов и диверсантов, к примеру, в полосе ответственности 1-го Украинского фронта (47 агентов за май), то для Генерального штаба становилось понятным, что враг имеет серьезные сомнения относительно направления главного удара советских войск. Учтя эту информацию чекистов, Ставка ВГК и командования фронтов приняли дополнительные меры по дезинформации противника, усилению маскировки и т. д.

На фронтовом уровне контрразведчики детализировали то, что докладывалось в ГКО и Генштаб. Задания, данные вражеским агентам, обобщались и незамедлительно доводились

до сведения командармов, комкоров и комдивов для учета при подготовке боевых действий. Начальники управлений контрразведки фронтов требовали от подчиненных направлять срочные донесения с указанием количества арестованных агентов, мест их обнаружения, уже собранной ими информации. Кроме того, истребовались отчеты о результатах фильтрации военнопленных, реализации учетных дел на лиц, вынашивавших изменнические намерения в форме перехода на сторону врага, что рассматривалось как перекрытие одного из каналов утечки информации. Предполагалось арестовать до начала наступления тех, кто высказывал угрозы убийства в бою разного уровня командиров. Подобные заявления приравнивались контрразведчиками к подготовке террористических актов в отношении должностных лиц.

Из докладной записки на имя В. С. Абакумова от начальника УКР Смерш 1-го Белорусского фронта генерал-майора А. А. Вадиса видны некоторые результаты проделанной работы при подготовке и в первые дни наступления. Последний докладывал сводные данные за отделы Смерш 3, 28, 48, 65-й армий и 16-й воздушной армии. Вот лишь некоторые отчетные позиции: работали 17 оперативно-разыскных групп с включением в них агентов опознавателей; на всех сборно-пересыльных и фильтрационных пунктах фронта действовали опергруппы, участвующие в проверке бывших военнопленных, дезертиров, отставших от своих частей военнослужащих, а также захваченных в плен солдат и офицеров немецкой армии; за время подготовки к наступлению арестованы по фронту 139 человек, из них агентов немецкой разведки — 9, террористов — 6, за намерение перейти на сторону врага — 9, активных члена ОУН и банд УПА из числа «западников» — 72; задержаны два агента-пропагандиста, специально обученных немцами. Уже в ходе наступления (за 23 июня — 7 июля 1944 г.) были арестованы 166 человек, из них за террористические намерения в отношении своих командиров — 4, за изменнические намерения — 1, агентов военной разведки противника — 5, участников антисоветских организаций (среди военнослужащих и гражданских лиц) — 77, дезертиров — 12. В помещении, где располагался наиболее активно работающий против 1-го Белорусского фронта немецкий разведорган «Виддер» (абвергруппа-107), была обнаружена часть его архива, включая фотографии ряда агентов, которые были объявлены в розыск[146].

В следующей докладной записке (за первые 10 дней июля 1944 г.) УКР Смерш 1-го Белорусского фронта отметил, что арестованы 72 человека, из которых 12 агентов немецкой разведки и восемь активных членов ОУН — УПА и дезертиров; опергруппами и заградслужбой задержаны в ближайшем тылу фронта 4208 человек и уже профильтрованы 2684, основная масса задержанных направлена в запасные полки. Уже упоминалось, что среди задержанных был выявлен заместитель руководителя немецкой разведшколы в г. Борисов Э. Брониковский. На первичном допросе он назвал 18 агентов, осевших в Барановичах, Ковеле и других городах Белоруссии. По горячим следам чекисты организовали их розыск. Вскоре были задержаны один агент и три резидента с радиостанциями[147].

Резиденты сообщили контрразведчикам, что в середине июня 1944 г. обустроились в г. Барановичи с заданием остаться в тылу Красной армии в ожидании ее наступления в ближайшее время. Этот факт еще раз подтвердил, что достигнуть полной тайны операции «Багратион» не удалось. Уже в первые дни наступления сказались выявленные в феврале — апреле 1944 г. серьезные недостатки в работе фронтовой и армейской разведок, особенно агентурных и диверсионных отделений разведотделов штабов фронта. Об этом был своевременно информирован начальник ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумов. Последний довел сведения УКР 1-го Белорусского фронта до руководства Разведуправления Генштаба, но своевременных и эффективных мер принято не было, в частности отдельные агенты и разведгруппы продолжали снабжаться устаревшими или некачественно отремонтированными радиостанциями, которые в течение короткого времени выходили из строя. Радиоузел разведотдела штаба фронта располагался в 60–100 км от мест дислокации агентурных групп и так же далеко от разведотдела. Поэтому даже с трудом принятая информация попадала в штаб фронта через 5–7 дней. Указания агентуре передавались соответственно. За октябрь — декабрь 1943 г. и первый квартал 1944 г. разведотделу штаба фронта не удалось завербовать ни одного немца

из числа военнопленных, а большинство разведгрупп забрасывались на базы партизанских отрядов и не покидали районов их нахождения, пользуясь при этом развединформацией партизан.

Буквально накануне наступления сотрудники УКР Смерш фронта выявили факт принятия на вооружение 1455-го артполка 10 самоходных артиллерийских установок (СУ-85) с неисправными двигателями, у нескольких при небольшом марше отвалились колеса. Чекисты незамедлительно информировали об этом НКГБ СССР для выяснения ситуации на Уральском машиностроительном заводе и заводе № 16 Наркомата тяжелого машиностроения, где и были изготовлены танковые дизели. Одновременно пошла информация на имя командующего бронетанковыми и механизированными войсками Красной армии маршала бронетанковых войск Я. Н. Федоренко.

Обеспокоились сотрудники органов Смерш и принятием на вооружение 286-й авиадивизии поступившими с 21-го и 381-го авиазаводов самолетов Ла-5 со значительными дефектами. В результате большинство образцов новой авиатехники к эксплуатации допущено не было. Из 133 самолетов вообще не могли подняться в воздух 24, а 60 были допущены к полетам под наблюдением специальной комиссии с участием представителя отдела Смерш. Было над чем подумать аппаратам НКГБ СССР, курировавшим указанные выше заводы. В НКГБ СССР поступила еще одна информация о выходе из строя по техническим причинам нескольких танков 2-й танковой армии и о наличии серьезных дефектов в реактивных системах М-13. Из 24 новых установок, прибывших на фронт, девять были непригодны.

Контрразведчики вскрыли и факт утраты 24 июня 1944 г. совершенно секретной директивы с элементами плана наступления и задачами авиации по подавлению железнодорожных перевозок противника. Виновником оказался начальник штаба 336-й истребительной авиадивизии. После проведения расследования он был отстранен от должности, а все собранные материалы контрразведчики передали в военную прокуратуру для привлечения его к уголовной ответственности[148].

Сотрудники Смерша расследовали и факт трагически закончившейся тренировки артиллеристов. Под огонь попал наблюдательный пункт 457-й стрелковой дивизии. Погибли семь офицеров и четыре солдата, еще 20 человек получили ранения разной степени тяжести. Выяснилось, что задействованные в учениях орудия были неисправны, а командир 40-го стрелкового корпуса генерал-майор В. С. Кузнецов необоснованно собрал на НП большое количество людей и не потребовал доклада о готовности артиллеристов к стрельбе. За безответственное отношение к организации и проведению учений Военный совет фронта объявил генералу Кузнецову выговор, командир дивизии был предупрежден о неполном служебном соответствии, а командир артполка привлечен к уголовной ответственности. Сотрудники Смерш могли быть удовлетворены лишь тем, что в ходе расследования террористических намерений и антисоветских умыслов ни у кого из артиллеристов выявлено не было. По итогам проведенной работы соответствующее сообщение было направлено в Ставку ВГК и в Генштаб РККА.

В первые дни наступления войск 1-го Белорусского фронта были представлены в штаб 16-й воздушной армии полученные оперативным путем сведения о небрежности отдельных командиров при отработке вопросов взаимодействия авиации и стрелковых частей, однако на данную информацию внимания не обратили. 24 июня два штурмовика и три истребителя ошибочно произвели обстрел и бомбежку тылов 96-й гвардейской дивизии, в результате погибли шесть военнослужащих и 15 были ранены. В этот же день шесть Ил-2 обстреляли соседний аэродром, уничтожив на земле несколько штурмовиков, при этом семь человек получили ранения. Сотрудникам Смерш пришлось проводить официальное расследование, в ходе которого оперативные данные нашли свое подтверждение[149].

Значительный объем информации контрразведчики представили в военные советы фронта и армий о негативных явлениях в морально-политическом состоянии войск. Имели место факты мародерства и иных противоправных действий по отношению к местному населению со стороны отдельных военнослужащих. В связи с выходом частей фронта к госгранице

СССР широкое распространение получили высказывания о нежелании освобождать Польшу. Многие военнослужащие, включая офицеров, считали, что Отечественная война для них закончилась. С учетом такого явления чекисты, используя свои оперативные возможности, а работники политаппаратов путем усиления идеологического и воспитательного воздействия на личный состав воинских частей делали все возможное для разъяснения необходимости окончательного разгрома врага в его логове.

Работа органов Смерш при освобождении европейских стран

В результате успешного проведения Люблин-Брестской (1-й Белорусский фронт) и Львовско-Сандомирской (1-й Украинский фронт) операций части и соединения Красной армии вступили на территорию Польши. Это обязывало руководство органов государственной безопасности и контрразведки НКО Смерш внести коррективы в свою деятельность, предпринять некоторые меры по совершенствованию агентурно-оперативной и следственной работы в новых условиях. Эти меры во многом предопределялись и базировались на тексте заявления НКИД СССР, опубликованном 27 июля 1944 г., где обозначалась цель советских войск на польской земле, а также содержании соглашения правительства Советского Союза с Польским комитетом национального освобождения (ПКНО), подписанного в Москве 26 июля 1944 г.

Ряд положений указанного соглашения детализировался и разъяснялся в постановлении ГКО СССР «О задачах советских войск в связи с вступлением на территорию Польши». В нем, в частности, отмечалось, что «в зоне военных операций на польской территории верховную ответственность за все дела, относящиеся к ведению войны, сосредоточить в руках командующих 1-м Украинским, 1-м и 2-м Белорусскими фронтами, общее руководство управлением гражданскими делами возложить на Военные советы указанных фронтов»[150]. Целью всех действий военных властей являлась ликвидация сопротивления общего врага и оказание помощи польскому народу в деле освобождения от немецко-фашистских оккупантов. Тесные рабочие контакты предлагалось устанавливать только с местными органами власти, которые, как предполагалось, будут созданы на освобожденной территории ПКНО.

Для аппаратов контрразведки Смерш особо значимым в их практической деятельности являлся пункт четвертый, где четко определялось: «Никаких других органов власти и в том числе органов польского эмигрантского «правительства» в Лондоне, кроме органов Польского Комитета Национального Освобождения, не признавать. Иметь в виду, что лица, выдающие себя за представителей польского эмигрантского «правительства» в Лондоне, должны рассматриваться как самозванцы, и с ними следует поступать как с авантюристами»[151].

Естественно, что в постановлении ГКО, предназначавшемся для военного командования, не предусматривались конкретные указания контрразведке. Они должны были поступить в заинтересованные подчиненные органы из ГУКР НКО Смерш. Однако произошла некая пауза, о чем свидетельствуют запросы в Москву от аппаратов действующих армий и фронтов. Так, ОКР Смерш 5-й ударной армии в начале августа 1944 г. просил у руководства разъяснений по двум принципиальным вопросам работы на территории иностранного государства: о порядке насаждения агентурно-осведомительной сети в окружении воинских частей для своевременного вскрытия возможных угроз реализации планов командования и обеспечения безопасности личного состава и о порядке осуществления репрессивных мер в отношении лиц, подозреваемых в проведении подрывных действий. Аналогичные вопросы возникали и у других управлений и отделов военной контрразведки.

Для детального анализа складывающейся оперативной обстановки и последующей выработки необходимых разъяснений в г. Люблин, где функционировал ПКНО, вылетел начальник ГУКР НКО Смерш комиссар госбезопасности 2 ранга В. С. Абакумов. Он

установил плотный рабочий контакт с членом Военного совета 1-го Белорусского фронта Н. А. Булганиным, назначенным 1 августа 1944 г. постановлением СНК СССР одновременно и представителем советского правительства при ПКНО, а также с начальником отдела общественной безопасности ПКНО Ст. Радкевичем.

Первый документ, разработанный прибывшими в Люблин сотрудниками ГУКР НКО Смерш при непосредственном участии В. С. Абакумова, был сообщен ввиду срочности председателю ГКО И. В. Сталину и его заместителям В. М. Молотову и Л. П. Берии запиской по ВЧ: «В соответствие с Вашими указаниями, — писали В. С. Абакумов и Н. А. Булганин, — нами совместно с начальником отдела общественной безопасности Комитета Национального освобождения Радкевичем, по согласованию с председателем КНО Моравским, разработан следующий порядок арестов в Польше»[152]. Далее указывалось, что аресты участников антигосударственных партий, организаций и групп, агентов эмигрантского правительства, проводящих подрывную работу против ПКНО и его органов, а также немецких пособников и шпионов производят аппараты отдела общественной безопасности. Аресты военнослужащих Войска Польского (ВП) осуществляет информационное (контрразведывательное) управление ВП и его органы в частях и соединениях. Что же касается лиц, действующих против Красной армии, имеющих задание проникнуть внутрь СССР и задержанных польскими спецслужбами, а также официальных сотрудников и агентуры немецкой разведки, то они подлежали передаче органам Смерш. При этом последним предоставлялось право самостоятельно арестовывать лиц из указанной категории. «Изложенный порядок арестов, — говорилось далее в документе, — нами проводится в жизнь, и если Вы (И. В. Сталин. — *Ред.*) найдете возможным, просим утвердить его как директиву для нас»[153].

Судя по практике дальнейших действий органов контрразведки Смерш, в ГКО согласились с разработанными В. С. Абакумовым и Н. А. Булганиным положениями. Члены ГКО поддержали и предложения В. С. Абакумова учредить должности советников для центрального аппарата отдела общественной безопасности ПКНО и 15 штатных единиц советников для его областных органов.

Руководителю ГУКР Смерш пришлось в этот период заняться еще одним важным вопросом — укрепить аппараты военной контрразведки в созданном в конце июля 1944 г. Народном войске Польском. Еще при формировании 1-го польского корпуса в СССР в его структуре имелись информационные отделы, а фактически — подразделения Смерш, однако по целому ряду причин эффективность их деятельности была низкой. В этом отдавали себе отчет и сотрудники советских органов госбезопасности, и командование корпуса. Желая взять работу информационных отделов под свой контроль, командир корпуса З. Берлинг обратился с соответствующим письмом в ЦК ВКП(б) к заместителю заведующего отделом международной информации Д. З. Мануильскому[154].

Справку, а фактически ответ З. Берлингу для Д. З. Мануильского подготовил начальник 7-го отдела 2-го управления НКГБ СССР комиссар госбезопасности 3 ранга Г. С. Жуков. Он отметил: информационные отделы комплектуются отделом кадров ГУКР Смерш; большинство руководителей и сотрудников оперативного состава являются русскими и украинцами по национальности и польского языка не знают; в школу НКВД в г. Куйбышев отобраны 300 поляков из 1-го польского корпуса, которые через три месяца обучения могут быть обращены на укомплектование информационных отделов и органов безопасности новой Польши; целесообразно дать указание В. С. Абакумову направить на работу в контрразведку польской армии 100–120 офицеров Красной армии, откомандированных для прохождения службы в польские воинские части. Без этих мер поднять уровень оперативной работы представлялось проблематичным.

Г. С. Жуков не затронул еще один важный вопрос — отсутствие нормативно-правовой базы для работы информационных отделов. Вот почему, основываясь на постановлении, утвержденном ГКО 21 апреля 1943 г. и определявшем положение о ГУКР Смерш НКО СССР, группа В. С. Абакумова разработала проект аналогичного документа об управлении информации при главнокомандующем вооруженными силами Польши и его органах на местах.

Этот проект поддержали главком М. Роля-Жимерский и председатель ПКНО Э. Осубка-Моравский. Начальник ГУКР Смерш просил И. В. Сталина, В. М. Молотова и Л. П. Берию утвердить указанный документ, после чего провести его в жизнь приказом главкома вооруженных сил Польши[155].

В сентябре 1944 г. в дополнение к документам, разработанным группой В. С. Абакумова, появилось совместное указание Главного военного прокурора Красной армии генерал-лейтенанта юстиции В. И. Носова и начальника Главного управления военных трибуналов генерал-лейтенанта юстиции Е. Л. Зейдлина для подчиненных сотрудников с разъяснениями порядка осуществления арестов на территории Польши. В нем, в частности, говорилось, что органы контрразведки Смерш имеют право ареста шпионов, диверсантов, террористов, независимо от национальной принадлежности, если их действия направлены против советских войск[156]. Таким образом, определенная юридическая база для оперативной и следственной работы на территории Польши была создана.

Однако в решении многих практических вопросов недостатки сохранялись. К примеру, укомплектованность органов контрразведки Войска Польского на середину октября 1944 г. составляла немногим более 50% от положенной по штату. В большинстве полков из четырех оперработников в наличии имелся только один, но даже эти люди в подавляющем большинстве не владели польским языком. «В результате такого положения, — указывал в докладной записке заместитель наркома внутренних дел, уполномоченный НКВД СССР по 1-му Белорусскому фронту И. А. Серов, — части и соединения польской армии в оперативном отношении обслуживаются слабо, поэтому не знают о всех намерениях вражеского элемента, проникшего в ряды польской армии»[157]. Начальник информационного управления Войска Польского полковник П. В. Кожушко отмечал, что никто из Москвы им не руководил и не помогал в работе.

1-я армия Войска Польского входила в состав 1-го Белорусского фронта, но, к сожалению, его Управление контрразведки Смерш не уделяло должного внимания соответствующим аппаратам своих польских коллег и лишь требовало время от времени доклады по конкретным вопросам. Сам же П. В. Кожушко, как считал И. А. Серов, «по своей чекистской подготовке не в состоянии справиться с возложенными на него обязанностями»[158]. В какой-то степени такое утверждение соответствовало реальности, но нельзя упускать из виду, что указанную выше оценку контрразведчикам польской армии давал человек, не прошедший сам ни одной оперативной ступени в своей карьере и лишь условно могущий считаться «опытным чекистом-оперативником». Более того, И. А. Серов в период своей работы в Польше фактически вступил в конфликт с руководящим составом органов Смерш, стремясь подмять их, направить на выполнение своих, не всегда продуманных мероприятий против подразделений Армии Крайовой (АК). Поэтому В. С. Абакумов принял решение о создании в Люблине оперативной группы ГУКР НКО Смерш во главе с начальником 1-го отдела главка, опытнейшим чекистом (в органах госбезопасности с 1929 г.) генерал-майором И. И. Горгоновым[159]. Одновременно по указанию В. С. Абакумова к начальнику отдела общественной безопасности ПКНО Ст. Радкевичу был прикреплен для оказания практической помощи помощник руководителя ГУКР НКО Смерш генерал-лейтенант Г. С. Болотин-Балясный[160].

Данные организационно-кадровые меры и нормативно-правовые документы должны были стать и стали основой для решения практических задач органами контрразведки Смерш. Безусловно, на первом месте у них оставалась борьба с агентурой немецкой разведки и пособниками оккупантов, действовавшими против Красной армии. Однако изучение архивных документов советских структур госбезопасности позволяет серьезно сместить акценты при рассмотрении работы военных контрразведчиков на территории Польши. Вне всякого сомнения по масштабности, напряженности, количеству привлекаемых сил и средств следует выделить мероприятия по нейтрализации «польского подпольного войска» — Армии Крайовой, с отрядами, батальонами и бригадами которой советские воинские части сталкивались еще весной 1944 г. Однако это происходило восточнее «линии Керзона», то есть в Западной Украине и Западной Белоруссии. Имели место даже совместные бои против немецких войск.

Сов. секретно

НКО
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
КОНТРРАЗВЕДКИ
„СМЕРШ"
... января 1945 г.
№ 650/А
г. Москва

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

товарищу Л.П. БЕРИЯ.

Докладываю, что Главным Управлением "СМЕРШ" и его органами на фронтах и в военных округах в работе по розыску немецких шпионов и диверсантов используются в качестве опознавателей перевербованные нами агенты разведки противника, преимущественно из числа явившихся с повинной в органы контрразведки, либо арестованных и давших правдивые показания о своей связи с немецкой разведкой и известных им шпионах и диверсантах, переброшенных или оставленных противником на нашей территории.

За время с I сентября 1943 года и по I января 1945 года органами "СМЕРШ" фронтов и военных округов перевербовано и использовано в работе по розыску немецких шпионов и диверсантов 697 агентов противника, при помощи которых органами "СМЕРШ" было арестовано 703 немецких шпиона и диверсанта.

В настоящее время органами "СМЕРШ" в работе по розыску агентуры противника используется 396 агентов-опознавателей.

Работа по розыску и аресту агентов разведки противника, с участием агентов-опознавателей, продолжается.

При этом представляю докладную записку об использовании органами "СМЕРШ" агентов-опознавателей в работе по розыску и аресту шпионов и диверсантов разведки противника.

Об изложенном доложено товарищу СТАЛИНУ.

В. Абакумов
АБАКУМОВ.

Докладная записка ГУКР Смерш об использовании агентов-опознавателей. 1945 г.

Один из первых таких боев отмечен в полосе действий 2-го Белорусского фронта. Начальник Управления контрразведки фронта генерал-майор Я. А. Едунов направил срочную шифротелеграмму в ГУКР НКО Смерш, в которой докладывал следующее: в районе Ковеля действует бригада польских партизан майора Коваля, который на самом деле является капитаном бывшей польской армии Фаддеем Жилотто. Он связался с начальником отдела Смерш 47-й армии, а через него — с командующим армией генерал-лейтенантом В. С. Поленовым и сообщил важную военно-политическую информацию. Оказалось, что в районе Ковеля находятся около 7 тыс. польских военнослужащих под командованием майора Яна Олива. Эти части были сформированы в июле 1943 г. по указанию подпольного штаба в Варшаве. Личный состав двух бригад (по пять батальонов в каждой) состоит из офицеров и солдат старой польской армии. Майор Олива имел указание не вести активных боевых действий против немцев, а ждать подхода частей Красной армии. Теперь же, установив радиосвязь с Варшавой и командованием Армии Крайовой в Лондоне, получив дополнительно оружие и боеприпасы, сброшенные с английских самолетов, «подпольная дивизия» была готова к взаимодействию с наступающими советскими войсками.

Руководитель ГУКР НКО Смерш, придавая серьезное значение вышеприведенной информации, потребовал от Управления контрразведки фронта детализировать ее и 23 марта 1944 г. подписал две докладные записки в ГКО, а также начальнику Генерального штаба генералу армии А. И. Антонову[161]. Однако оперативно подготовить указание командованию 2-го Белорусского фронта по отношению к частям польской «подпольной армии» ни по линии военного руководства, ни по линии ГУКР Смерш не удалось. Потребовался месяц на проработку вопроса с использованием возможностей разведки органов госбезопасности и ГРУ Красной армии. Только 20 апреля 1944 г. была подготовлена директива Ставки Верховного главнокомандования, в которой указывалось на необходимость с осторожностью относиться к польским офицерам Оливе и Ковалю, так как, возможно, они вступили в контакт с командованием наших войск не только по команде из Лондона, но и по заданию немецкой разведки. В связи с этим Ставка ВГК приказывала порвать какие бы то ни было отношения с подпольными отрядами генерала Соснковского, командующим Армией Крайовой[162].

При подготовке данной директивы учитывалось, что именно в июле 1943 г. германские контрразведывательные органы создали из офицеров и солдат бывшей польской армии вооруженное формирование под названием «Рагнер», которое первоначально использовалось для борьбы с советскими партизанами на территории Белоруссии. При комплектовании Армии Крайовой кураторы группы «Рагнер» из немецких спецслужб дали ее руководителям указание влиться в ее части[163].

Работа немецкой разведки «под флагом» Армии Крайовой была установлена и в ходе оперативной игры, проведенной контрразведчиками 2-го Белорусского фронта. Они вскрыли диверсионно-разведывательную резидентуру под руководством бывшего агента гестапо в г. Белосток Кушнаревского. Среди своего окружения он распространял целенаправленную дезинформацию, что действует по заданиям командования Армии Крайовой. Некоторые из его агентов действительно состояли членами этой подпольной организации. После ареста Кушнаревского в ходе его допросов чекисты установили, что абвергруппа-205 оставила для снабжения резидентуры шесть тайных складов с оружием, боеприпасами, взрывчатыми веществами и радиостанциями. Содержимое складов было своевременно изъято, и почти все агенты резидентуры оказались в руках чекистов[164].

Сами же отряды Армии Крайовой давали своей деятельностью достаточно оснований советским спецслужбам для сомнений в желании поддерживать усилия Красной армии в борьбе с врагом. На это ясно указывалось в перехваченной чекистами протокольной записи переговоров представителей германской военной разведки и полиции безопасности с одним из командиров Армии Крайовой майором Кжижановским (псевдоним Вилк). Их встреча состоялась еще 13 февраля 1944 г. Немецкая сторона соглашалась на существование польских вооруженных групп численностью в несколько тысяч человек в обмен на неприменение ими оружия против германских солдат[165].

На основе указаний эмиссара лондонского эмигрантского правительства, выступавшего под псевдонимом Свирь, должны были прекратить боевые действия против оккупантов и подпольные группы в Западной Белоруссии. Об этом стало известно от руководства партизанской бригады имени Чкалова. После нападения подпольных польских групп на партизан и расстрела 10 человек была предпринята ответная акция, в ходе которой разоружены до 200 членов организации ZWZ и арестован ряд офицеров. По указанию НКГБ СССР и ГУКР Смерш арестованных самолетом доставили в Москву и поместили во внутреннюю тюрьму на Лубянке. В ходе допросов удалось установить факт переформирования отрядов ZWZ в батальоны Армии Крайовой во всех воеводствах. Эти батальоны предполагалось использовать против частей Красной армии. О показаниях польских офицеров В. С. Абакумов несколько раз докладывал в ГКО, его председателю И. В. Сталину[166].

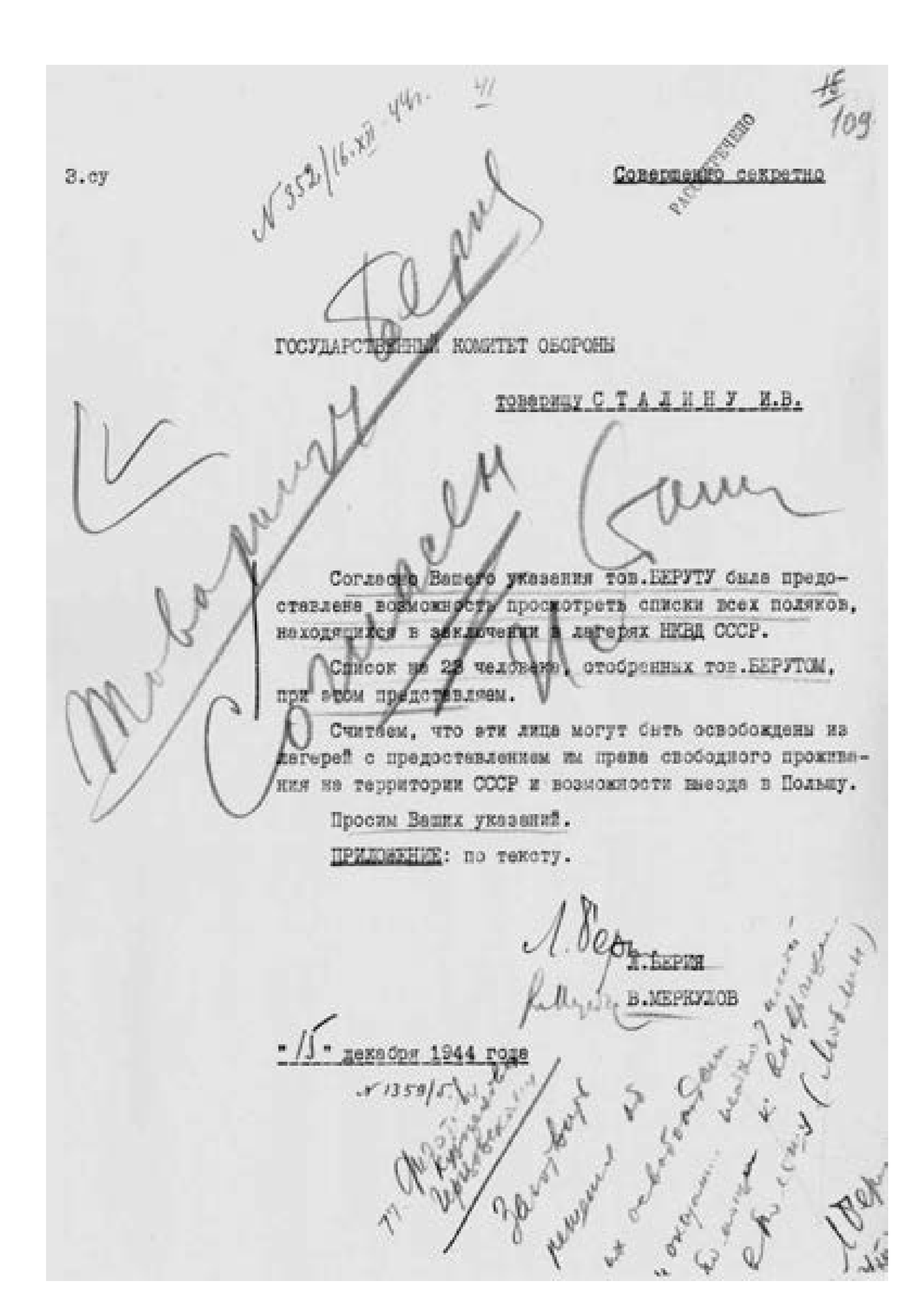
Информационные импульсы из Москвы, а также обобщенные данные разведорганов и Управления контрразведки Смерш 1-го Белорусского фронта легли в основу распоряжения начальника штаба генерал-полковника М. С. Малинина от 16 июля 1944 г. Он указывал командармам, что командующий войсками фронта маршал К. К. Рокоссовский приказал ни в какие сношения и соглашения с подпольными польскими отрядами не вступать, а при обнаружении таковых незамедлительно разоружать их личный состав и направлять для проверки на армейские пункты сбора. Если же отряды окажут сопротивление, то в отношении них следовало применять вооруженную силу[167]. Через несколько дней из штаба фронта последовало дополнение к приведенному документу. Командующий потребовал ежедневных докладов о ходе разоружения польских отрядов и о количестве направленных на сборные пункты солдат и офицеров.

По запросу ГУКР НКО Смерш Управление по делам военнопленных НКВД СССР утвердило положение о создании при каждой вступившей в Польшу армии приемных пунктов в 30 км от линии фронта и фронтовых СПП. На 1 августа 1944 г. фронтовые фильтрационные лагеря имелись во Львове и Изяславле — для 1-го Украинского фронта, в Барановичах и Бресте — для 1-го Белорусского фронта, в Волковыске — для 2-го Белорусского фронта и в Вильно — для 3-го Белорусского фронта[168].

Работа по разоружению отрядов Армии Крайовой развивалась по нарастающей. В докладной записке заместителя начальника ГУКР НКО Смерш генерал-лейтенанта Н. Н. Селивановского своему руководителю отмечалось, что уже на 6 августа 1944 г. были разоружены 9773 солдата и офицера Армии Крайовой, изъято три орудия, 601 ручной и 24 станковых пулемета, 33 автомата и 4991 винтовка, а также большое количество патронов, гранат, мин и взрывчатых веществ. Из числа разоруженных в запасные части Войска Польского было направлено 9559 человек, а интернировано 214 офицеров. В ходе операций контрразведчики захватили четыре радиостанции, через которые ранее поддерживалась связь с Лондоном, а также шифрованная переписка и коды[169].

Активные операции по разоружению проводились и всю следующую неделю августа. Судя по докладной записке в ГКО (И. В. Сталину и В. М. Молотову) и в НКВД СССР (Л. П. Берии), на 14 августа оперативными группами управлений контрразведки Смерш и приданными им частями внутренних войск в полосе ответственности 1, 2 и 3-го Белорусских, а также 1-го Украинского фронтов были разоружены 11 884 человека из числа личного состава Армии Крайовой, у них изъято восемь орудий, 45 минометов, 16 949 автоматов и винтовок, 930 пулеметов, 183 кг взрывчатых веществ. Среди арестованных выявлены в ходе оперативных мероприятий и следственных действий 114 представителей лондонского правительства и руководства Армии Крайовой. Кроме того, установлено 207 бывших агентов разведывательных, контрразведывательных и полицейских органов Германии. Захваченные в ходе операций документы вновь подтверждали, что эмигрантское правительство в Лондоне давало установки на всяческое противодействие мероприятиям советских военных властей и реализации решений ПКНО, включая и укомплектование Войска Польского[170].

В начале августа через завербованную из среды офицеров Армии Крайовой агентуру в процессе допросов задержанных, а также путем изучения и анализа захваченных докумен-

З.су

Совершенно секретно

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

товарищу С Т А Л И Н У И.В.

Согласно Вашего указания тов.БЕРУТУ была предоставлена возможность просмотреть списки всех поляков, находящихся в заключении в лагерях НКВД СССР.

Список на 23 человека, отобранных тов.БЕРУТОМ, при этом представляем.

Считаем, что эти лица могут быть освобождены из лагерей с предоставлением им права свободного проживания на территории СССР и возможности выезда в Польшу.

Просим Ваших указаний.

ПРИЛОЖЕНИЕ: по тексту.

Л.БЕРИЯ

В.МЕРКУЛОВ

"15" декабря 1944 года

№ 1358/б

Докладная записка НКВД СССР об освобождении из лагерей поляков. С резолюцией И. В. Сталина. 1944 г. Лист 1

110

Совершенно секретно.

РАССЕКРЕЧЕНО

С П Р А В К А

о поляках и польских евреях, находящихся в лагерях НКВД, об освобождении которых просит тов.БЕРУТ.

1.БЕРГЕР Герта Францевна, арестована УНКВД Московской области 4 сентября 1937 года по подозрению в шпионской деятельности, осуждена Особым Совещанием при НКВД СССР 17-го мая 1938 года сроком на 5 лет.

2.БОГДАНОВИЧ Анна Мироновна, арестована УНКВД Киевской области 5 августа 1937 года, осуждена Особым Совещанием при НКВД СССР 16 октября 1937 года за антисоветскую деятельность к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

3.БОГЕН Фрума Давыдовна, арестована УНКВД Московской области 19 октября 1937 года по обвинению в распространении антисоветской троцкистской литературы и проведении антисоветской агитации, осуждена Особым Совещанием при НКВД СССР 28 ноября 1938 года за контрреволюционную деятельность к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

4.ВОЛЬФ Елена Давыдовна, арестована НКВД СССР 17-го ноября 1937 года, осуждена Особым Совещанием при НКВД СССР 10 февраля 1938 года, по подозрению в шпионской деятельности к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 5 лет.

5.ГОРОВИЦ-ВОЙСЛАВСКАЯ Теофилия Петровна, арестована УНКВД Киевской области по подозрению в шпионской деятельности, осуждена Особым Совещанием при НКВД СССР 16-го октября 1937 года за контрреволюционную деятельность к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

6.ГРОССМАН Елизавета Григорьевна, арестована УНКВД Московской области 23 августа 1937 года по подозрению в шпионской деятельности, осуждена Особым Совещанием при НКВД СССР 4 декабря 1937 года за контрреволюционную деятельность к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 10 лет.

7.ГЕРЦБЕРГ Паулина Львовна, арестована НКВД СССР 20 августа 1937 года, осуждена Особым Совещанием при НКВД СССР 15 сентября 1937 года по подозрению в шпионской деятельности к заключению в исправительно-трудовой лагерь сроком на 8 лет.

Докладная записка НКВД СССР об освобождении из лагерей поляков. С резолюцией И. В. Сталина. 1944 г. Лист 2

тов военные контрразведчики выяснили, что руководство АК через своих представителей в Варшаве готовит восстание для захвата гражданской власти в польской столице до ее освобождения частями Красной армии. Сам факт восстания предполагалось использовать в политической борьбе с ПКНО и Крайовой Радой Народной (КРН), а также в переговорах с союзниками, включая и СССР, о послевоенном устройстве Польши[171].

Восстание в Варшаве ни в какой форме не было согласовано с руководством СССР и Красной армии, а органы Смерш и разведаппараты фронтовых штабов получили сведения о восстании, когда оно уже развивалось. Войска Красной армии в силу объективных причин не были готовы к немедленным наступательным действиям по оказанию помощи восставшим. Свою роль сыграли и понятные политические соображения высшего руководства СССР. Но обстановка могла измениться, и к этому следовало быть заранее готовыми. По указанию ГУКР НКО Смерш в управлениях контрразведки фронтов и соответствующих отделах армий в середине августа 1944 г. проводились оперативные совещания, на которых определялись возможные агентурно-оперативные и иные меры в случае приказа о наступательных боевых действиях. Особое внимание обращалось на охрану тыла войск, недопущение провокационных действий со стороны подпольных отрядов Армии Крайовой. По каждому воеводству и уезду предполагалось создать оперативные группы, а также группу для Варшавы[172].

К 30 сентября удалось разоружить более 15 тыс. членов Армии Крайовой, подавляющее большинство из которых было обращено на доукомплектование частей Войска Польского[173]. Операции против отрядов АК с разной степенью интенсивности продолжались и в последующие месяцы. Так, по указанию члена ГКО и наркома внутренних дел Л. П. Берии начальник ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумов и нарком госбезопасности БССР (он же уполномоченный НКВД СССР по 2-му Белорусскому фронту) Л. Ф. Цанава разработали план специальных мероприятий по Белостокскому воеводству. Было создано 10 объединенных оперативных групп из числа сотрудников органов Смерш и НКГБ БССР. Этим группам придавалось три полка войск НКВД. Общей задачей операции являлись выявление и арест руководителей и участников Армии Крайовой, разного рода представителей эмигрантского правительства и всех тех, кто вел подрывную работу против Красной армии.

Операция началась 6 ноября 1944 г. Прежде всего задержали около 500 человек, установленных через агентурно-осведомительный аппарат. Это были разного уровня командиры и руководители политических структур. Затем разоружили более тысячи рядовых членов Армии Крайовой и направили их в запасные части Войска Польского. Чекисты выявили 16 складов с оружием. Как удалось установить, часть этого оружия «аковцы» захватили при нападениях на мелкие подразделения советских войск[174]. Всего за период проведения операции разоружили более двух тысяч членов АК[175].

Таким образом, ориентировавшиеся на польское правительство в Лондоне отряды Армии Крайовой фактически не выходили из подполья, сохраняя свои структуры, кадры и вооружение. Подобное положение беспокоило советское командование и органы безопасности. Наличие конспиративно действующих вооруженных сил в тылу Красной армии в тех условиях, по мнению советского руководства, было недопустимо. Органам безопасности ставилась задача вскрывать подпольные структуры. К примеру, 26 января 1945 г. в г. Коньск органами Смерш был обнаружен глубоко законспирированный окружной штаб Армии Крайовой, который размещался в двух специально оборудованных помещениях под землей. Вход в штаб осуществлялся через кухню жилого дома и был тщательно замаскирован. При обыске контрразведчиками был задержан один из руководителей окружного штаба и изъяты две радиостанции, два телефонных аппарата, три пишущие машинки, стеклограф, пять радиоприемников, два автомата, два пистолета, печати и документы АК[176].

Таким образом, можно констатировать, что массовые операции по разоружению, аресту и интернированию солдат и офицеров Армии Крайовой во второй половине 1944 г. являлись одной из необходимых мер по обеспечению безопасности тыла Красной армии, доукомплектованию частей Войска Польского и, на чем сходятся многие отечественные и

зарубежные историки, способом реализации замыслов Кремля в отношении послевоенного устройства Польши[177].

К последнему прямое отношение имеют и действия военной контрразведки по укреплению Войска Польского, нейтрализации антисоветских настроений среди его личного состава, развитию позитивного отношения к деятельности Польского комитета национального освобождения и Крайовой Рады Народовой.

Как проводилась эта работа, видно из обобщенной справки информационного (контрразведывательного) отдела 1-й польской армии в СССР, подготовленной для использования в обучении молодых сотрудников. Прежде всего в справке отмечалось, что личный состав армии представлен в основном поляками, однако имеются украинцы, русские и евреи. Сами поляки не представляли собой однородной массы в политическом смысле. Много было тех, кто ранее подвергался разного рода репрессиям со стороны органов советской власти в связи с принадлежностью к польским реакционным партиям, кадровому составу спецслужб и полиции, разного рода подпольным организациям на территории Западной Украины и Западной Белоруссии. По учетам военных контрразведчиков, представленным УКР Смерш 1-го Белорусского фронта, на 1 июня 1944 г. среди личного состава имелось более двух тысяч бывших осадников и «лесников», действовавших до начала Второй мировой войны по заданиям польской разведки, контрразведки, полиции и пограничной службы, а также 800 человек, служивших ранее в немецкой армии, 120 бывших офицеров старой польской армии и даже несколько десятков штатных сотрудников и агентов польских разведслужб. В общей сложности внимания военных контрразведчиков заслуживали 14% всех офицеров и солдат 1-й польской армии.

Характерно, что в связи с наличием признаков шпионажа изучалось очень небольшое количество польских военнослужащих. Основная масса «подучетников» — это лица, проводившие агитацию в пользу эмигрантского правительства в Лондоне и против действий ПКНО, намеревавшихся перейти на сторону врага или дезертировать из воинских частей с оружием для присоединения к отрядам Армии Крайовой. Много усилий приложили сотрудники контрразведки для нейтрализации польских националистов, разжигавших ненависть к представителям других национальностей, прежде всего к евреям, пусть и уроженцам Польши, а также украинцам и русским, подрывавших тем самым морально-политический настрой личного состава и отрицательно влиявших на боеспособность соединений и частей.

Поскольку не единичными были высказывания со стороны польских военнослужащих о намерениях убийства советских офицеров, прикомандированных для службы в 1-ю польскую армию, Управление контрразведки Смерш 1-го Белорусского фронта нацеливало офицеров информационных отделов на выявление реальной подготовки террористических актов и принятие мер к заподозренным лицам. Летом 1944 г. информационный отдел реализовал агентурное дело «Враги» на 10 солдат и сержантов 1-й польской армии. Как выяснилось в ходе оперативных мероприятий, а затем и проведения следствия, они создали устойчивую преступную группу, готовились совершить террористические акты в отношении русских офицеров, назначенных на командные должности, а также стоящих на стороне ПКНО этнических поляков. Объекты агентурного дела вели пропагандистскую работу, подразумевая убедить военнослужащих своего полка в необходимости перехода линии фронта и соединения с частями Армии Крайовой. В связи с предполагаемым введением полка в боевые действия, УКР Смерш 1-го Белорусского фронта приказало информационному отделу 1-й польской армии реализовать дело путем ареста членов группы, что и было сделано. Все они предстали перед военно-полевым судом армии.

Налаживая борьбу с террористическими и националистическими проявлениями среди польских военнослужащих, контрразведчики препятствовали и развитию негативных проявлений со стороны прикомандированных офицеров Красной армии. В частности, они провели большую профилактическую работу по поводу реальных попыток самоорганизации указанной категории командиров и начальников в Союз русских патриотов. От имени этой организации в одном из соединений 1-й польской армии была распространена листовка

следующего содержания: «Товарищи русские бойцы, случайно попавшие в польскую армию... мы призываем вас к протесту... мы, русские, призываем вас к тому, чтобы вы требовали своего перевода в ряды Красной Армии. Добивайтесь своего права!» В ходе оперативных и профилактических мероприятий военные контрразведчики стремились убедить выявленных членов Союза, что своими действиями они подрывают дружественные отношения между двумя государствами, между правительством СССР и ПКНО, реально, пусть и не намеренно, способствуют агентам польской лондонской эмиграции[178].

Всё, что проделали военные контрразведчики в 1-й польской армии и в Войске Польском в целом, положительно сказалось на его боеготовности, обеспечило наряду с мерами командования и политорганов достаточно успешное решение боевых задач в совместной с Красной армией борьбе с гитлеровцами.

Значительный объем работы предстояло проделать военным контрразведчикам в связи с подготовкой и непосредственным вступлением наших войск на территорию Румынии. При всех сложностях взаимоотношений СССР с польским эмигрантским правительством и новой властью в лице Польского комитета национального освобождения советская сторона определяла свои действия, исходя из союзнических отношений по антигитлеровской коалиции. Совсем по-другому обстояло дело с Румынией. Ее правительство не только всемерно поддерживало нацистский режим в Германии, но и использовало свои вооруженные силы в войне против СССР. Красной армии пришлось сражаться с румынскими войсками уже с 22 июня 1941 г. К весне 1944 г. сухопутные объединения, авиация и флот Румынии понесли серьезнейшие потери в личном составе и боевой технике в ходе сражений с советскими войсками. Ситуация, сложившаяся после завершения успешных наступательных операций Красной армии, прежде всего Ясско-Кишиневской, ясно указывала на близкий крах военно-фашистского режима генерала И. Антонеску.

Оценка обстановки советским руководством в связи с вступлением Красной армии на территорию Румынии была полно изложена в постановлении ГКО №5594/с от 10 апреля 1944 г. Командованию 2-го Украинского фронта предлагалось издать соответствующее воззвание к румынскому населению, в котором призвать его продолжать мирный труд и оказывать Красной армии всемерное содействие и помощь в поддержании общественного порядка и обеспечении нормальной работы промышленности, сельского хозяйства и торговли. Одновременно населению должно было быть конкретно объяснено, что советские войска не преследуют иных намерений, чем те, что диктуются военной необходимостью. «Красная Армия выполняет приказ Верховного Главнокомандующего, — говорилось в постановлении ГКО, — преследовать неприятельские войска до их полного поражения и капитуляции противника. Не как завоевательница, а как освободительница румынского народа от немецко-фашистского гнета вошла в Румынию Красная Армия, не имеющая других целей, кроме целей разгрома вражеских германских армий и уничтожения господства гитлеровской Германии в порабощенных ею странах»[179].

Еще до вступления советских войск в Румынию военные контрразведчики определились с категориями лиц, которые подлежали розыску и аресту: официальные сотрудники германских и румынских разведывательных и контрразведывательных органов, ведущих подрывную работу против СССР и его армии; агенты военной разведки, контрразведки и жандармерии; участники всех антисоветских белоэмигрантских организаций (РОВС, НТСНП, БРП и другие); участники карательных акций на временно оккупированной советской территории; невозвращенцы довоенного периода и изменники Родины вне зависимости от их подданства; все лица, ведущие подрывную работу против частей Красной армии, находящихся на территории Румынии, независимо от принадлежности к тем или иным политическим партиям и их общественного положения[180].

Управление контрразведки Смерш 3-го Украинского фронта через свои оперативные возможности за линией фронта, а также путем допроса румынских военнопленных изучило политическую обстановку в Румынии и доложило свои выводы и предложения Военному совету. Чекисты предупреждали, что один из лидеров легионеров Х. Сима готовит под руко-

водством немцев подпольные организации для диверсионно-террористической деятельности в тылу наших войск, что следует ожидать их активности при продолжении наступательных операций в глубь Румынии[181].

Поскольку Ставка ВГК планировала операции на южном фланге с самыми решительными целями — вывести из войны союзниц нацистской Германии Болгарию и Румынию, для чего использовала войска 2-го и 3-го Украинских фронтов, то начальник ГУКР НКО Смерш В. С. Абакумов приказал создать специальную оперативную группу для координации работы всех аппаратов военной контрразведки на территории Румынии. Руководство указанной группой поручалось наиболее опытному из всех заместителей руководителя Главного управления генерал-лейтенанту Н. Н. Селивановскому. С ним в середине мая 1944 г. выехали несколько сотрудников центрального аппарата военной контрразведки — специалисты в организации розыска и проведения зафронтовой работы. Обстоятельный доклад опергруппы В. С. Абакумов получил уже 27 мая, и в тот же день, на основе присланного текста, было подготовлено спецсообщение в ГКО (И. В. Сталину и В. М. Молотову). Из его содержания видно, что Н. Н. Селивановский подтвердил реальность оценок и прогнозов начальника УКР Смерш 3-го Украинского фронта П. И. Ивашутина о вероятных действиях спецслужб Германии и Румынии при продвижении советских войск к западным границам румынской территории.

В спецсообщении нашли отражение и некоторые итоги работы, проделанной опергруппой и фронтовыми военными контрразведчиками. В частности отмечалось, что уже удалось выявить и взять под контроль 1255 сотрудников и агентов румынской разведки, службы безопасности — сигуранцы и полиции, а также 189 «железногвардейцев» и 289 проживавших в Румынии этнических немцев. Все указанные лица могли, по мнению чекистов, использоваться противником для подрывных действий в тылу Красной армии. Кроме того, более двух десятков румынских граждан пришлось арестовать за активное противодействие мерам, проводимым советским командованием[182].

Наряду с результатами оперативных мероприятий, направленных на обеспечение безопасности советских войск, Н. Н. Селивановский оценил с позиции военной контрразведки и деятельность командования по руководству организацией гражданского управления на освобожденной части Румынии. Он, в частности, отметил огромную занятость чисто войсковыми вопросами члена Военного совета 2-го Украинского фронта генерал-лейтенанта танковых войск И. З. Сусайкова, несшего персональную ответственность за исполнение решения ГКО № 55984/с от 10 апреля 1944 г. И. З. Сусайков давал лишь общие указания по работе с местными властями и деятельности военных комендатур, фактически перепоручив решение многих вопросов военным советам 27-й и 40-й армий, но их члены также фактически устранились от проведения необходимых мероприятий. Отсюда возникли серьезные проблемы в вопросах комплектования военных комендатур и их функционирования, пополнения запасов продовольствия для советских войск, содержания румынских и германских военнопленных и т. д.

В силу сложившихся обстоятельств оперативной группе ГУКР НКО Смерш пришлось в некоторой степени отвлекаться от своих прямых обязанностей и подменять деятельность командования по указанным выше вопросам. Поэтому В. С. Абакумов просил членов ГКО дать дополнительные указания и необходимые разъяснения Военному совету 2-го Украинского фронта, в том числе по усилению комендатур воинскими подразделениями и ужесточению контроля над трофейным имуществом. Особо требовалось интенсифицировать разъяснительную работу среди местного населения на основе постановления ГКО, чего практически не проводилось в жизни[183]. На положительное в целом отношение румынских граждан к военнослужащим Красной армии негативно влияли факты недостойного поведения некоторых солдат и офицеров советских воинских частей. Обо всех вскрытых подобного рода проявлениях военные контрразведчики незамедлительно информировали командование, политорганы и военную прокуратуру для принятия необходимых мер.

К августу 1944 г. на советско-германском фронте сложилась достаточно благоприятная обстановка для наступления наших войск в глубь Румынии. Перед ними противник имел

группу армий «Южная Украина» в составе двух немецких и двух румынских армий, а также 17-й немецкий отдельный армейский корпус. В полосе действий этой группировки против объединений 2-го и 3-го Украинских фронтов работало несколько уже хорошо известных чекистам разведывательных, диверсионных и контрразведывательных органов — абвергруппы: 101 (условные наименования «Пума», «Мердер», «Вольф», «Аллигатор»), 102 («Пантера»), 106 («Нептун»), в штат которой входил «румынский лагерь», состоявший из агентуры, завербованной главным образом из числа «железногвардейцев»[184]. Агентов — румынских граждан для действий в тылу советских войск вербовала и готовила также и диверсионно-разведывательная абвергруппа-201 («Коленклау»). Чтобы не подвергать своих агентов опасности задержания с оружием и взрывчаткой, абверовцы заранее заложили тайные склады со всем необходимым для развертывания диверсионно-террористической деятельности[185]. К указанным структурам германских спецслужб следует еще добавить абвергруппы 203 и 204, а также румынские разведорганы.

К сожалению, информация о функционировании последних, имевшаяся в распоряжении УКР Смерш 3-го Украинского фронта, не была своевременно, то есть перед началом наступления, доведена до чекистов соседнего 2-го Украинского фронта. В одном из их отчетов в ГУКР НКО Смерш прямо указывалось, что исчерпывающими данными на сей счет само управление и подчиненные ему отделы контрразведки фронта не располагали[186]. Для контрразведчиков обоих фронтов положение усугублялось одним важным обстоятельством: деятельность румынской разведки на своей территории проводилась уже не за счет вербовки бывших советских военнослужащих, находившихся в плену, а за счет румынского населения, солдат и офицеров национальной армии. Это значительно усложняло организацию розыска, выводило за его рамки многих уже проверенных в деле агентов-опознавателей.

В преддверии наступления оперативная группа ГУКР НКО Смерш, а также управления контрразведки 2-го и 3-го Украинских фронтов принимали меры по усилению работы в тылу противника. Активизировалась вербовочная работа среди румынских граждан, чекистами подбирались лица, способные оказать действенную помощь органам госбезопасности по вскрытию подрывных акций спецслужб Германии и Румынии. Архивные документы свидетельствуют, что военным контрразведчикам удалось привлечь к сотрудничеству ряд выявленных в ходе фильтрации военнопленных — официальных сотрудников разведки и контрразведки Румынии. Они, в свою очередь, не только откровенно рассказали об известных им операциях против Красной армии, но и затем были использованы как зафронтовые агенты и агенты-опознаватели.

УКР Смерш 3-го Украинского фронта в июне 1944 г. разработало зафронтовую агентурную комбинацию под условным названием «Дунай». В основе задуманного чекистами плана лежали материалы, собранные и оставленные для контрразведчиков в г. Николаев закордонным агентом, имевшим псевдоним Антоний. С учетом того, что Антоний являлся штатным сотрудником румынских спецслужб, он смог довести до чекистов конкретную информацию о структуре, методах работы, агентуре, некоторых разведывательно-подрывных акциях, проведенных в отношении советских войск, и намеченных планах. Реализованные в рамках операции «Дунай» мероприятия, дали положительный результат в виде ареста нескольких десятков румынских агентов уже в августе — сентябре 1944 г. Однако использовать Антония для парализации действий разведки врага, а также создаваемого фашистского подполья, к сожалению, не удалось. По некоторой информации Антоний погиб за несколько дней до начала наступления наших войск.

Ясско-Кишиневская операция началась 20 августа 1944 г., и за пять дней наступления войска 2-го и 3-го Украинских фронтов разгромили основные силы немецких и румынских армий. Это позволило достаточно быстро продвинуться к важнейшим экономическим и политическим центрам Румынии. Уже 23 августа фашистская диктатура во главе с маршалом Антонеску была ликвидирована в ходе национального вооруженного восстания, образовано новое правительство, которое на следующий день заявило о выходе Румынии из войны на стороне Германии. Начались переговоры с руководством СССР об условиях перемирия[187].

Дело Чон. [illegible]
Стр. 98

НКО

ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ КОНТРРАЗВЕДКИ „СМЕРШ"

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

[illegible] ноября 1944 г.

№ 606/б

г. Москва

товарищу Л.П. БЕРИЯ.

При этом представляю докладную записку о проделанной органами "СМЕРШ" работе в Румынии по розыску и аресту агентов германской и румынской разведок, проводивших подрывную деятельность против Красной Армии.

Всего на 15 ноября с.г. арестовано 794 сотрудника и агента разведки и контрразведки противника, в том числе:

сотрудников германской и румынской разведок	- 47
резидентов германской и румынской разведок	- 12
агентов германской разведки	- 180
агентов румынской разведки и контрразведки	- 546
агентов венгерской разведки	- 9

В числе арестованных: начальник румынского разведывательного центра "Н" 2-ой секции румынского генерального штаба – БАТЕЗАТУ, заместитель начальника разведывательного центра № 2 "специальной службы информации" Румынии – ШЕРБАНЕСКУ, резидент германской разведки – немец ШТИЛЛЕР, резидент германского разведывательного органа "Абверштелле-Вена" – ЦАРАНУ и другие.

Следствием установлено, что германская и румынская разведки активно использовывали для шпионской работы против Красной Армии белогвардейцев и участников различных зарубежных антисоветских организаций.

Органами "СМЕРШ" арестовано 99 участников этих организаций, которые признались в шпионской деятельности в пользу немцев и румын.

Например, в гор. Бухаресте арестованы активные белогвардейцы – генеральный секретарь головной войсковой рады украинской военной эмиграции в Европе – ШОРОХОВСКИЙ И.Е., доктор экономических наук [illegible] В.Б. и генерал-лейтенант царской армии барон ДЕЛЬВИГ С.Н., которые сознались в своих связях с разведкой противника.

Работа по выявлению и аресту других агентов германской и румынской разведок, проводивших подрывную деятельность против Красной Армии, – продолжается.

Об изложенном доложено товарищу СТАЛИНУ.

АБАКУМОВ.

Докладная записка о деятельности органов Смерш в Румынии. 1944 г.

Однако военные контрразведчики продолжали активную работу. По данным на 1 октября 1944 г. только УКР Смерш 2-го Украинского фронта из 145 агентов противника, учтенных по оперативным данным и уже заброшенных в тыл Красной армии до начала наступления или оставленных «на оседание», были арестованы 98 человек, а остальные объявлены в розыск. Кроме того, удалось выявить и задержать восемь агентов и одного официального сотрудника венгерской разведки, значительно активизировавшейся в этот период на территории Румынии. Всего фронтовые контрразведчики арестовали 281 агента противника (175 германской разведки, 98 румынской и, как уже говорилось выше, восемь венгерской)[188].

Большой объем информации УКР Смерш 2-го Украинского фронта получило в ходе допросов арестованного им официального сотрудника абвергруппы-101 Е. Мельникова (псевдоним Доктор Эрнст)[189]. Активная деятельность абвергруппы-204 вскрылась после ареста двух ее диверсантов. В ходе следствия они показали, что в нескольких населенных пунктах Румынии абвергруппа подготовила до начала наступательной операции советских войск около 300 диверсантов, предназначенных для работы в тылах частей Красной армии, и до 30 агентов уже были переброшены через линию фронта. Принятыми мерами удалось разыскать и арестовать 23 агента-диверсанта. Они признались, что получили от немцев задание использовать заранее заложенные базы-тайники с взрывчатыми веществами, оружием и боеприпасами, организовать нападение на небольшие воинские подразделения, штабы, пункты хранения военного имущества и продовольствия. Кроме того, предполагалось, что они будут проводить диверсионные акты на коммуникациях советских войск.

После падения фашистского режима Румыния объявила войну гитлеровской Германии. Румынская разведка (Специальная служба информации) продолжала свое существование, но уже под названием Служба информации (СИ). Первое время среди ее личного состава царила растерянность, большинство работников не исполняли своих должностных обязанностей по борьбе со спецслужбами бывшего союзника, а лишь обсуждали сложившуюся обстановку и перспективы на будущее[190].

Советские контрразведчики отдавали себе отчет в том, что среди офицеров румынских спецслужб много тех, кто не воспринял новую власть, продолжал считать СССР и его армию враждебными румынскому государству. Поэтому оперативная группа ГУКР НКО Смерш во главе с помощником В. С. Абакумова генерал-майором П. И. Тимофеевым совместно с контрразведчиками 2-го Украинского фронта приобрели ряд агентов из числа штатных и негласных сотрудников СИ. Через них удалось получить важные сведения, включая и попытки руководства СИ скрыть очень нужные чекистам материалы. Начальник СИ полковник И. Лиссиевич был вызван в комендатуру советских войск в Бухаресте, а фактически — к генералу П. И. Тимофееву и, осознав осведомленность контрразведчиков, согласился передать им следующие документы: рефераты о структуре и деятельности германских и венгерских разведорганов, действовавших на территории Румынии; справки о работе русских и украинских эмигрантов, иных антисоветских националистических организаций со списками и характеристиками их участников; списки германской и венгерской агентуры в Румынии и проведенных ими подрывных акциях против Красной армии[191]. Более того, И. Лиссиевич передал сведения на 108 агентов бывшей ССИ, а теперь СИ, с указанием полных установочных данных, адресов проживания, псевдонимов, паролей для связи. Часть этих агентов военные контрразведчики уже разрабатывали или даже арестовали, но других предстояло еще взять под контроль, поскольку они независимо от нового руководства могли быть втянуты в подготовку и совершение подрывных акций против СССР.

Данное предположение подтвердилось в ходе агентурной разработки и радиоигры «Приятели», проведенной оперативной группой ГУКР НКО Смерш в период с октября 1944 — по весну 1945 г. Основным исполнителем задуманного чекистами плана стал агент Хельмут, завербованный еще до начала Великой Отечественной войны. Он работал на немецкую разведку, начиная с 1940 г., а на ноябрь 1944 г. являлся резидентом и, что немаловажно, одновременно радистом главного управления имперской безопасности Германии в Бухаресте. Агент дал военным контрразведчикам выход на нелегально прибывшего из Вены крупного

германского разведчика Шмидта, а позднее — и на организатора агентурной сети в Румынии офицера СС Р. Гунна (псевдонимы 62-й и Боб). До прихода в Румынию советских войск он являлся помощником резидента СД, прикрываясь должностью адъютанта германского авиационного атташе в столице Румынии. Теперь он должен был восстановить старые связи, создать диверсионные агентурные группы и использовать легионеров-«железногвардейцев» в интересах Германии. Разработка указанных разведчиков, а также тесно с ними связанных эмиссаров лидера «железной гвардии» Хориа Сима, заброшенных для подрывной деятельности в Бухарест из Вены, позволила сотрудникам органов Смерш арестовать 179 активных участников подполья — шпионов, террористов и диверсантов. В их числе, как и предполагали чекисты, оказались и агенты ССИ — СИ[192].

Оперативная группа ГУКР НКО Смерш, а также контрразведчики 2-го и 3-го Украинских фронтов установили, что германская и румынская разведки активно использовали для шпионской и иной работы против Красной армии многих эмигрантов периода Гражданской войны, поэтому их надлежало разыскать и задержать в самые короткие сроки. В спецсообщении ГУКР НКО Смерш в ГКО от 19 ноября 1944 г. было указано, что на эту дату чекисты уже арестовали 99 человек из указанной категории лиц[193]. Эта работа продолжалась и в последующие месяцы, а также в 1945 г.

Свои особенности имела контрразведывательная работа на территории Болгарии. Эта страна являлась союзницей Германии, однако не находилась в состоянии войны с Советским Союзом. У СССР и Болгарии сохранялись дипломатические отношения. Являясь с 25 ноября 1941 г. участником Антикоминтерновского пакта, Болгария предоставила нацистской Германии свои порты и аэродромы для использования вермахтом, снабжала немецкие войска продовольствием и фуражом. На болгарской территории активно работала военная и политическая разведка нашего основного противника, и можно утверждать, что они господствовали практически безраздельно, контролируя основные направления деятельности болгарских спецслужб. Еще в 1938 г. при немецком посольстве в Софии абвер создал кригорганизацион «Болгария» (КО «Болгария») под условным наименованием «Бюро доктора Делиуса»[194].

Этот орган проводил разведку против Советского Союза, стран Балканского полуострова и Ближнего Востока. Что касалось СССР, то «Бюро» активно использовало белогвардейских офицеров-эмигрантов, осевших в Болгарии после окончания Гражданской войны. Одним из основных резидентов Доктора Делиуса (полковника немецкой разведки О. Вагнера) являлся К. Фосс — секретарь болгарского отделения Русского общевоинского союза (РОВС) и одновременно начальник так называемой внутренней линии (разведки и контрразведки). Близким соратником последнего был бывший врангелевский полковник А. Браунер, служивший в болгарской контрразведке и отвечавший за разработку советского посольства. Белоэмигранты служили и в морской разведывательной команде Черного моря, которая с мая 1943 г. дислоцировалась в болгарской столице. Поставщиком агентурных кадров для разведки Германии являлся болгарский отдел Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП).

Все указанные выше и другие структуры спецслужб и антисоветских организаций, безусловно, являлись объектами агентурной разработки резидентуры 1-го управления НКГБ СССР в Болгарии, и добытая на 1944 г. информация была направлена для оперативного использования в ГУКР НКО Смерш еще до вступления частей Красной армии в эту страну.

После победоносного завершения Ясско-Кишиневской операции советских войск и провала попытки сепаратных переговоров с союзниками СССР по антигитлеровской коалиции в Болгарии разразился острый политический кризис, а германское командование форсировало подготовку государственного переворота с целью удержания этой страны в зоне своего влияния. И хотя тайные операции не дали Германии требуемых результатов, болгарское правительство до начала сентября 1944 г. придерживалось политики «полного нейтралитета» и не заявило о разрыве отношений с националистской Германией. В этих условиях СССР 5 сентября объявил войну Болгарии. Через три дня передовые части 3-го Украинского фронта пересекли румыно-болгарскую границу с целью овладения приморской

частью Болгарии с портами Варна и Бургас. Не встречая сопротивления болгарских войск, части Красной армии 15 сентября 1944 г. вошли в болгарскую столицу — Софию.

Перед советской военной контрразведкой, представленной в Болгарии УКР Смерш 3-го Украинского фронта и оперативной группой центрального аппарата, помимо обеспечения безопасности войск стояли задачи розыска и задержания агентуры и официальных сотрудников германских спецслужб, а также членов эмигрантских организаций, активных в подрывной работе против СССР. Согласно информации, содержащейся в спецсообщении начальника фронтового Управления контрразведки генерал-лейтенанта П. И. Ивашутина командующему войсками Маршалу Советского Союза Ф. И. Толбухину и члену Военного совета генерал-полковнику А. С. Желтову, за время продвижения частей фронта по территории Болгарии вплоть до 19 октября 1944 г. удалось разыскать и арестовать 111 агентов и штабных работников немецких спецслужб, из которых 83 человека являлись негласными сотрудниками военной разведки и 28 человек принадлежали к контрразведывательным органам[195].

Среди задержанных оказалось около двух десятков немецких агентов из числа белоэмигрантов, которые работали в 1942—1944 гг. на временно оккупированной советской территории в подразделениях абверштелле «Юг Украины», разведкомандах «Нахрихтен Беобахтер» (НБО) и других структурах. Арестованные рассказали при допросах не только о своем личном участии в подрывной и шпионской работе против Красной армии и СССР в целом, но и дали сведения о некоторых агентах, оставленных в Советском Союзе немецкой разведкой. Все они впоследствии были задержаны, разоблачены и понесли справедливое наказание.

В результате спланированной контрразведывательной операции удалось добиться явки с повинной белоэмигранта Александра Браунера. Это, несомненно, был успех сотрудников УКР Смерш 3-го Украинского фронта, так как бывший врангелевский полковник на протяжении многих лет активно участвовал в разведывательно-подрывной работе РОВС против СССР, а также являлся резидентом и вербовщиком германской военной разведки не только на оккупированной советской территории, но и в Софии. Браунер дал развернутые показания о своей деятельности, о многих сотрудниках и агентах спецслужб Германии и Болгарии, членах таких эмигрантских организаций, как РОВС, НТСНП, Российский фашистский союз, а также о Русском охранном корпусе и т. д. Сведения, полученные от Браунера, позволили военным контрразведчикам сделать розыск более интенсивным и целенаправленным.

Еще одна агентурная комбинация, начатая в Софии, привела к задержанию бывшего председателя Болгарского отдела НТСНП Д. Завжалова, от которого была получена важная для контрразведчиков информация. Выяснилось, в частности, что он в 1942 г. совершил поездку в Берлин и вступил в контакт с руководящими сотрудниками Главного управления имперской безопасности, имевшими отношение к предприятию «Цеппелин». Они предложили Завжалову заняться организацией повстанческих отрядов в тылу Красной армии, но он якобы не согласился работать на немецкую разведку в таком качестве, хотя и являлся германским агентом с 1936 г. Более подробно Завжалов осветил деятельность НТСНП, связи этой организации с японской, польской и немецкой разведками[196]. Показания Завжалова в определенной степени способствовали разыскным мероприятиям военной контрразведки как в самой Болгарии, так и в Югославии и Чехословакии.

В рамках агентурного дела на абвергруппу-114 («Дромедар») контрразведчики выявили и арестовали бывшего генерала дашнакской армии эмигранта Тер-Арутюняна, служившего у немцев под псевдонимом Нжде. В период Великой Отечественной войны он завербовал на территории Болгарии более 30 агентов, армян по национальности, участвовал в их диверсионной подготовке и переброске в тыл Красной армии для подрывной деятельности. 17 диверсантов сотрудники Смерш задержали, не допустив совершения ими диверсионно-террористических актов, а остальных объявили в розыск.

К концу ноября 1944 г. УКР Смерш 3-го Украинского фронта в Болгарии арестовало уже 120 агентов разведорганов противника и 23 агента контрразведки. Отдельные из них успели проникнуть в наши воинские части. Так, в 776-м артиллерийском полку 37-й армии в ходе разыскных мероприятий был выявлен агент абвергруппы-201 В. Сухаренко, скрывав-

шийся под фамилией Худяков. При допросах он назвал 27 агентов, с которыми готовился для заброски в тыл Красной армии с диверсионными заданиями. Проверка по разыскным спискам показала, что большинство из них уже были арестованы органами контрразведки. ОКР Смерш 195-й стрелковой дивизии в ходе фильтрации бывших советских военнопленных, вновь мобилизованных в армию, выявил четырех немецких агентов-радистов. Среди личного состава 28-й гвардейской стрелковой дивизии удалось выявить опытного немецкого агента Хитрова, трижды уже выполнявшего разведзадания в тылу Красной армии[197].

Наряду с достигнутыми успехами фронтовых контрразведчиков в Болгарии имели место и досадные промахи. К примеру, не привела к желаемому результату разработка официального сотрудника абверштелле «Юг Украины», белоэмигранта Н. Шумакова. Проведя целенаправленные агентурно-оперативные мероприятия, сотрудники УКР Смерш 3-го Украинского фронта установили его явочную квартиру в Софии и решили организовать захват такого важного источника информации, однако в ходе проведения операции из-за допущенных ошибок в блокировании помещения Шумакову удалось бежать. Через несколько дней он был вновь разыскан, но при попытке ареста покончил жизнь самоубийством[198].

Несколько оперативных групп было задействовано для розыска такой ключевой фигуры среди белоэмигрантов, как бывший врангелевский капитан К. Фосс, со второй половины 1930-х гг. являвшийся резидентом немецкой разведки. Длительное время он являлся руководителем «внутренней линии» РОВС, направлял свою агентуру с разведывательными и террористическими заданиями в СССР, в 1942—1944 гг. возглавлял группы абверштелле «Юг Украины» в городах Николаеве и Одессе, участвовал в вербовке и забросках германских шпионов и диверсантов в тыл Красной армии, готовил резидентуры «для оседания» на освобожденной от оккупантов советской территории[199]. Установочные данные и даже фотографии Фосса (он же Вагнер, Вальтер) имелись в распоряжении контрразведчиков. Исходя из сообщений агентуры и материалов допросов арестованных немецких агентов и белоэмигрантов, сотрудники Смерш установили жену Фосса, которая сообщила, что он сумел скрыться из Софии и вообще из Болгарии. Как было выяснено позднее, Фосс перебрался на территорию Германии, где дождался прихода американских войск и вступил в контакт с американской разведкой. Ей он передал сведения об агентуре, оставленной в СССР.

Схожие задачи решали контрразведчики и в Югославии, однако с агентурой немецкой разведки из числа местных жителей сталкиваться приходилось значительно реже. И это естественно, поскольку Югославия никогда не являлась союзницей нацистской Германии, а в стране активно и масштабно проявляло себя народно-освободительное движение во главе с коммунистической партией. На второй сессии Антифашистского веча народного освобождения Югославии (АВНОЮ) было сформировано временное правительство — Национальный комитет освобождения (НКОЮ). В Югославию была направлена советская военная миссия, среди личного состава которой имелись и сотрудники органов государственной безопасности, а также офицеры военной разведки. Они активно взаимодействовали со службами НКОЮ.

В сентябре 1944 г. войска Красной армии вышли на югославскую границу и были готовы совместно с Народно-освободительной армией Югославии разгромить немецкую группу армий «Ф». Согласно достигнутым на государственном уровне договоренностям советская армия вступала на территорию Югославии временно, и после решения всех боевых задач наши воинские части должны были покинуть страну. Советские войска вели боевые действия в Югославии с 22 сентября 1944 г. по 15 мая 1945 г.[200]

В этот период шла активная борьба с агентурой немецкой разведки, действовавшей против войск 3-го Украинского фронта. Непосредственно контрразведывательную работу проводило УКР Смерш данного фронта, а также оперативная группа Главного управления под руководством заместителя начальника ГУКР НКО Смерш генерал-лейтенанта Н. Н. Селивановского[201]. На 26 декабря 1944 г. фронтовые контрразведки разыскали и задержали 14 агентов немецкой военной разведки, 45 тайных сотрудников контрразведывательных органов[202].

Так, ОКР Смерш 299-й стрелковой дивизии 57-й армии провел операцию по задержанию трех германских агентов-диверсантов, из них двое немцев и один словак. Все состояли

членами нацистской партии. Они должны были совершать подрывы на коммуникациях советских войск, затрудняя тем самым их продвижение. Как оказалось, переброшены они были самолетом с аэродрома под Будапештом разведорганом «Ягдфербанд Зюд» (истребительное соединение «Юг»). Диверсионные кадры для этого аппарата разведки подбирались из военнослужащих саперных частей СС, ранее проживавших в районах предполагаемых действий. Арестованные дали развернутые показания, в частности назвали имена и псевдонимы семи агентов, заброшенных на территорию Венгрии, в район г. Сегед[203].

После освобождения Белграда туда незамедлительно прибыла оперативная группа ГУКР НКО Смерш и установила тесный контакт с военной контрразведкой Народно-освободительной армии Югославии — Отделом защиты народа, который уже арестовал в городе и прилегающих районах более 3 тыс. человек, обоснованно подозреваемых в причастности к агентуре германских спецслужб, участии в карательных акциях, а также немецких пособников. Среди арестованных были и военнослужащие так называемого Русского охранного корпуса, сформированного немцами из числа белоэмигрантов. Всех их югославские контрразведчики передали в распоряжение оперативной группы, что, в свою очередь, способствовало активизации разыскной работы. В. С. Абакумов 29 ноября 1944 г. доложил в ГКО, что удалось разыскать и арестовать 78 руководителей и активных участников белогвардейских эмигрантских организаций, в той или иной мере проводивших подрывную деятельность против СССР и нашей армии. Из общего числа арестованных были выявлены 29 агентов германских спецслужб[204].

Особо успешными для сотрудников органов Смерш были поиски руководящих деятелей Национально-трудового союза нового поколения (НТСНП). В частности, в ходе реализации одной из агентурных комбинаций, в руках контрразведчиков оказался генеральный секретарь НТСНП М. Георгиевский. Как выяснилось, он с 1932 г. поддерживал связь с разведорганами Германии, Финляндии, Румынии и Польши. Перед самым началом войны нацистской Германии против СССР Георгиевский подобрал в Белграде и направил для обучения в Брайтенфуртскую и другие разведшколы 50 членов НТСНП. В 1942 г. он участвовал в пополнении кадрами зондерштаба «Р», созданного при головном органе немецкой военной разведки на советском фронте («Валли-1»). В ходе допросов Георгиевский дал сведения на 15 руководящих деятелей НТСНП, включая председателя совета этого союза В. Байдалакова[205]. Были арестованы и члены исполнительного бюро НТСНП Н. Хлопин, М. Пепескул и Е. Дивнич. Они рассказали контрразведчикам о контактах с германскими спецслужбами еще с предвоенного периода, о проведении агитационно-пропагандистской работы среди советских военнопленных, обработке их в антисоветском духе, насаждении ячеек НТСНП на оккупированной вермахтом территории СССР, участии в деятельности зондерштаба «Р», особо активной роли в нем главы Варшавского отделения НТСНП А. Вюрглера[206].

23 сентября 1944 г. началось освобождение Венгрии. Части 2-го Украинского фронта перешли ее границу. Последовательно были проведены (до начала апреля 1945 г.) три наступательных и одна оборонительная операции. В итоге бойцы 2-го и 3-го Украинских фронтов во взаимодействии с моряками Дунайской военной флотилии, а также при участии частей болгарской, румынской и югославской армий освободили 45% территории Венгрии, включая и ее столицу Будапешт[207].

Если в Болгарии и Югославии значительный объем оперативной работы военных контрразведчиков составлял розыск активистов разного рода антисоветских эмигрантских организаций, то при подходе к венгерской границе сотрудники органов Смерш столкнулись с активной диверсионной деятельностью разведки этой страны, а также и германских спецслужб. Не было никаких сомнений, что она проводит свои тайные операции в самом тесном контакте с германскими спецслужбами и во многом под их разносторонним контролем. Это предопределялось фактором оккупации Венгрии в марте 1944 г. немецкими войсками, несмотря на внешне сохранявшиеся союзнические отношения между двумя государствами.

Немецкая разведка в октябре 1944 г. передислоцировала в Венгрию абвергруппу-204, которая проводила свою работу совместно с венгерской диверсионно-террористической

организаций «Ковач Бела»[208]. Указанная абвергруппа создала в октябре — ноябре 1944 г. целую сеть курсов по подготовке агентов-диверсантов. Только на Будапештских курсах прошли обучение более 200 курсантов, и основная масса из них была заброшена в тылы 2-го и 3-го Украинских фронтов. Контрразведчикам пришлось приложить немало усилий по их поимке, чтобы не допустить масштабных диверсий, сковывающих снабжение наших войск оружием, боеприпасами, боевой техникой и т. д. В районе села Вечеш (на будапештском направлении) 19 ноября сотрудники отдела Смерш 23-го стрелкового корпуса 46-й армии задержали группу подозрительных лиц в количестве восьми человек. Как оказалось, это были диверсанты, переброшенные через линию фронта. В результате скоротечной, но активной агентурной разработки и дальнейшего следствия выяснилось, что они должны были осуществлять взрывы на армейских коммуникациях, захват и уничтожение советских офицеров. Арестованные сообщили контрразведчикам адреса пяти курсов в Будапеште, где проходили подготовку сами и еще более 100 человек[209].

В конце ноября 1944 г. контрразведкой 3-го Украинского фронта с помощью офицеров и солдат 57-й армии были задержаны девять агентов противника, следовавших в составе разведгруппы вдоль полосы наступления наших войск. От венгерской и немецкой разведок они получили краткосрочное задание по обследованию ближайшего тыла наступающих соединений, места концентрации танков и артиллерии, а также по созданию диверсионных групп из числа враждебно настроенных к Красной армии лиц[210].

Эффективно сработали меры, предпринятые ОКР Смерш 57-й армии, по обеспечению непроницаемости линии фронта. При попытке проникнуть в глубь обороны 189-го гвардейского стрелкового полка удалось задержать группу диверсантов. Два агента врага были уничтожены при оказании сопротивления, а четверо оказались в руках контрразведчиков. Диверсанты на допросах сообщили, что в ночь с 15 на 16 декабря должны переправиться через озеро и высадиться в тылу частей Красной армии еще более 80 диверсантов, окончивших спецшколу в Будапеште. На их поимку незамедлительно направились усиленные войсковыми подразделениями оперативно-разыскные группы Смерш. Одна из групп задержала около 50 диверсантов и сообщила место нахождения другого диверсионного отряда. 23 декабря 1944 г. этот отряд был окружен, но оказал вооруженное сопротивление. В ходе завязавшегося боя контрразведчики и солдаты стрелкового взвода уничтожили нескольких диверсантов, а остальных задержали. Таким образом, из 82 переброшенных в наш тыл диверсантов 75 человек были арестованы и четверо убиты,бежать удалось трем агентам противника. В ходе следствия контрразведчики выяснили, что всего в диверсионной школе в Будапеште обучались до 300 человек из профашистской молодежной организации «Левента» и фашистской партии «Нилош Керестеш» («Скрещенные стрелы»).

Перед отрядом диверсантов стояли следующие задачи по действиям в тылах дивизий и корпусов севернее и западнее г. Капошвар: совершение убийств советских офицеров и солдат, уничтожение отдельных автомашин и танков, взрывы мостов, полотна железных дорог и объектов военного назначения. В этих целях отряд снабдили ручным пулеметом, винтовками, автоматами, противотанковыми гранатами системы ФАУ, несколькими десятками мин, более 50 кг взрывчатки[211].

В последних числах декабря 1944 г. УКР Смерш 3-го Украинского фронта провело операцию по задержанию еще 19 диверсантов, подготовленных в спецшколе в селе Ипойпасто (80 км от Будапешта). Как и в вышеуказанном диверсионном отряде, в этой группе состояли члены молодежной организации «Левента» — фанатично настроенные приверженцы нацистской идеологии.

Согласно данным, изложенным в отчете УКР Смерш 3-го Украинского фронта за декабрь 1944 г., им было разыскано и арестовано в Венгрии 15 агентов-парашютистов и еще 136, переброшенных с разведывательными, диверсионными и террористическими заданиями через передний край обороны частей Красной армии. Около 40 агентов противника, оставленных «на оседание» в тылу наступающих войск, удалось разоблачить в ходе агентурно-оперативных мероприятий и следствия[212].

Контрразведчики предотвратили ряд диверсионно-террористических акций, исходя из информации задержанного в ходе агентурной комбинации капитана генерального штаба венгерской армии З. Мико. При допросе в конце января 1945 г. выяснилось, что Мико с ноября предыдущего года возглавлял специальное диверсионное отделение при генштабе, в задачи которого входили: организация в тылу Красной армии вооруженных групп и отрядов с целью развертывания партизанского движения и подготовки восстаний; обучение и переброска через линию фронта агентов-диверсантов; учет работы диверсионных групп и информирование об этом руководства Генштаба и разведорганов германских войск. Капитан Мико непосредственно руководил спецшколами в Будапеште и селе Ипойпасто. Он действовал в тесном контакте, а фактически под руководством оберштурмфюрера СС К. Нея из «Ягдфербанд Ост». По словам Мико, эсэсовец являлся специальным уполномоченным Г. Гиммлера по вопросу подготовки на территории Венгрии диверсантов и заброски их в тылы наших войск. К. Ней создал так называемый «101-й призывной пункт» в Будапеште, которому подчинялись три немецкие и четыре венгерские школы диверсантов. Он планировал до февраля 1945 г. подготовить более 10 тыс. агентов-диверсантов из числа членов фашистской партии «Нилош Керестеш» и молодежной организации «Левента». Они должны были перерезать коммуникации Красной армии в Карпатах к началу предполагавшегося весеннего наступления немцев в Венгрии. По данным капитана З. Мико, только в одной диверсионной школе в селе Шур на январь 1945 г. обучалось около 3,5 тыс. человек[213].

Для выполнения заданий германская и венгерская разведки сумели перебросить не менее 300 диверсантов, из которых основная масса была нейтрализована органами контрразведки Смерш еще до совершения диверсионно-террористических акций.

Наступательные операции советских войск, проведенные в течение января — апреля 1945 г., создали достаточные условия для нанесения решающего удара по разгрому вермахта уже на территории самой Германии. Войска 3-го Белорусского фронта заканчивали ликвидацию восточно-прусской группировки врага, во взаимодействии со 2-м Белорусским фронтом они вышли на подступы к Кёнигсбергу и уже в начале апреля 1945 г. овладели городом и крепостью. В январе — начале февраля войска 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов провели Висло-Одерскую стратегическую операцию, фактически разгромили немецкую группу армий «Центр» и тем самым предопределили возможность дальнейшего наступления вплоть до столицы нацистской Германии — Берлина.

Вместе с частями Красной армии продвигались вперед и соответствующие аппараты органов военной контрразведки Смерш. Теперь перед ними стояли не только задачи по парализации деятельности спецслужб главного противника в отношении нашей армии и флота, но и по проведению эффективной разыскной работы, выявлению и аресту крупных функционеров национал-социалистической партии, официальных сотрудников германской разведки, контрразведки полиции, бежавших на немецкую территорию изменников, предателей, участников карательных акций и т. д. Исключительно важным делом являлся захват разного рода архивов и картотек с данными о личном составе и агентуре спецслужб, материалами по исследованиям в области создания новых видов оружия и боевой техники. И все это предстояло проводить в условиях принятия военными советами фронтов решений в политико-административной сфере, определявших новый порядок управления на занимаемой территории врага. Эти решения способствовали реализации органами Смерш стоящих перед ними задач.

На занятой территории Германии и некоторых других стран приказами военных советов фронтов объявлялось военное положение. Действие законов гитлеровской Германии отменялось. Всему населению в течение 24 часов предписывалось сдать огнестрельное и холодное оружие, боеприпасы, взрывчатые вещества, имущество связи, радиоприемники и множительную аппаратуру. Всякого рода собрания и сборища запрещались.

Для сведения граждан Германии и некоторых других стран объявлялось, что части Красной армии не преследуют цели уничтожения мирных жителей и относятся к ним без какой-либо жестокости. Все годные к физическому труду и способные носить оружие мужчины от 17 до

Сов. секретно

Дело 16
Стр. 41

НКО
...НОЕ УПРАВЛЕНИЕ
...НТРРАЗВЕДКИ
„СМЕРШ“
__ марта 1945 г.
№ ...
МОСКВА

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

товарищу Л.П. БЕРИЯ.

Главным Управлением "СМЕРШ" и его органами в Румынии, Болгарии и Югославии арестовано 169 руководителей и активных членов антисоветской белогвардейской организации "Русский общевоинский союз"("РОВС"), проводивших подрывную деятельность против Советского Союза.

В числе арестованных:

ШУЛЬГИН В.В., 1878 года рождения, в прошлом крупный помещик, член 2-й, 3-й и 4-й государственных дум, бывший редактор черносотенной газеты "Киевлянин".

В период гражданской войны – член Особого совещания деникинской армии, выполнявшего правительственные функции.

Автор ряда антисоветских книг.

АЛЕКСАНДРОВ Б.П., 1903 года рождения, активный белогвардеец, руководил в Болгарском отделе "РОВС" обучением террористов, подготовлявшихся для переброски в Советский Союз, агент финской разведки.

ЖОЛОНДКОВСКИЙ В.Е., 1885 года рождения, полковник белой армии, представитель "РОВС" в Румынии, перебрасывал террористов в Советский Союз.

ГОРЯНСКИЙ М.Е., 1898 года рождения, капитан белой армии, активный белогвардеец, автор ряда антисоветских изданий, в которых белогвардейцы призывались к террору против руководителей Советского государства.

КУТЕПОВ П.А., 1925 года рождения, террорист, сын быв. руководителя "РОВС" генерала белой армии КУТЕПОВА А.П.

Сообщение ГУКР Смерш об аресте руководителей РОВС. 1945 г.

50 лет подлежали мобилизации для использования на работах. Их предполагалось направлять под конвоем в приемные пункты военнопленных, где и содержать, но отдельно от бывших военнослужащих вермахта. Из задержанных мужчин-немцев в итоге были сформированы рабочие батальоны по 750—1200 человек. На каждый батальон выделялось 10—12 человек советских офицеров из числа ограниченно годных к службе, а также медицинский работник с необходимым запасом медикаментов[214]. Весь контингент рабочих подлежал фильтрации.

22 января 1945 г. В. С. Абакумов в качестве уполномоченного НКВД СССР докладывал Л. П. Берии о том, что в тылах 3-го Белорусского фронта (часть территории Литвы и Восточной Пруссии) в ходе проверки германских граждан выявлено, а затем арестовано шпионов, диверсантов, участников националистических организаций, бандгрупп и другого враждебного элемента 463 человека. Среди них были не только германские подданные, но и бывшие советские военнопленные.

В число арестованных входили:

— немецкие диверсанты Гундис (псевдоним Лужа Пранис), Юрявичус (Жилис Теодорас), Станюнас (Скардис), Василянуцкос (Лапинаш), Драсутис (Стасис Балюнас), выброшенные немцами 14 января 1945 г. в местечке Езно с самолета на парашютах с заданием совершать диверсионные акты по подрыву железнодорожного полотна в тылах частей 3-го Белорусского фронта; при аресте изъяты: радиостанция, фиктивные документы, два ручных пулемета, пять парашютов, четыре автомата, восемь винтовок и пистолетов, тол, запалы и другие боеприпасы;

— агенты немецкой военной разведки Юрьев, Серко-Галушенко, Галицкий, бывшие военнослужащие Красной армии, попавшие в плен и после вербовки прошедшие обучение в спецшколе; 13 января 1945 г. они были выброшены в форме военнослужащих Красной армии с радиостанцией в тыл частей 3-го Белорусского фронта с заданием собирать сведения о переброске войск Красной армии по железной дороге в направлении Каунас — Козлова Руда — Волковышки; при задержании у них изъято большое количество фиктивных документов, оружия, нарукавные знаки КПП (контрольно-пропускной пункт) и советские деньги в сумме 60 тыс. рублей;

— агенты-радисты немецкой разведки Моспан и Шпонкин, бывшие советские военнослужащие, завербованные в период пребывания в плену и прошедшие спецподготовку; в начале января 1945 г. они были заброшены немцами с заданием наблюдать за передвижением советских войск и техники по шоссе Кальвария — Сувалки в сторону фронта и передавать собранные сведения по радиостанции, изъятой при аресте.

В этот же период органами военной контрразведки была ликвидирована банда, которая совершала в расположении 3-го Белорусского фронта налеты на советский актив и командиров Красной армии. При задержании были убиты пять и задержаны 16 бандитов во главе с главарем Вилимасом Иозасом, изъяты один пулемет, 12 автоматов, 16 гранат и 1500 патронов[215].

При вступлении в Восточную Пруссию выяснилось, что из многих населенных пунктов все местные жители были эвакуированы либо скрывались. Например, когда 20 января 1945 г. части Красной армии заняли г. Тильзит, в нем не оказалось ни одного жителя, хотя до войны проживали 58 тыс. человек. В г. Гумбинен из 28 тыс. жителей остался один старик[216]. Частичное возвращение населения, которое по тем или иным причинам не эвакуировалось, в города и другие населенные пункты началось спустя некоторое время.

Через месяц после начала работы аппаратов уполномоченных НКВД СССР по фронтам число задержанных органами безопасности, в том числе для фильтрации, в тылах 3-го Белорусского фронта значительно увеличилось. По состоянию на 16 февраля 1945 г. всего в полосе 3-го Белорусского фронта были задержаны 63 075 человек, среди них немецкого населения — 12 374 человека. Немцы проживали в специально выделенных населенных пунктах под наблюдением. Были задержаны 21 783 гражданина СССР и 28 918 иностранных подданных. Из числа задержанных арестованы 8017 человек.

Результаты работы оперативных групп в течение месяца свидетельствовали о стремлении противника развернуть в тылу Красной армии масштабную разведывательно-подрывную

работу. Только за этот период в полосе 3-го Белорусского фронта на территории Восточной Пруссии органами безопасности было выявлено 12 потайных складов с оружием для снабжения, оставленных диверсантов и террористов. В выявленных складах и при аресте шпионов и диверсантов были изъяты 134 пулемета, 48 ПТР, 1537 автоматов, винтовок и пистолетов, 3782 мины и гранаты, 106 413 патронов, 700 кг взрывчатых веществ, три радиостанции и шесть множительных аппаратов[217].

О проделанной немецкими спецслужбами масштабной подготовительной работе свидетельствовали и другие многочисленные факты. Так, 26 января 1945 г. в лесу в 6 км севернее деревни Альт-Гертлаунен отделом Смерш 39-й армии была арестована группа германских агентов-диверсантов — немцы-штурмовики отрядов СА Штехер, Эбель, Фельдшмут, Левальд, Парт и Домштейт, члены национал-социалистской партии. Диверсанты скрывались в заранее подготовленном специальном подземном убежище, в котором находились вооружение, боеприпасы, продовольствие и обмундирование. Они имели задание собирать и передавать по радио шпионские сведения о Красной армии, проводить диверсионные акты в тылу и убивать военнослужащих. Во время допросов арестованные показали, что были завербованы в сентябре — декабре 1944 г. капитаном войск СС Фуссом и обер-лейтенантом войск СА Освальдом в Кёнигсберге и 21 января 1945 г. оставлены в убежище, которое приготовили еще в октябре 1944 г. спецчасти полиции. В этом же лесу были обнаружены два замаскированных склада, из которых изъяты радиостанция с питанием, ручной пулемет, два автомата, винтовки, противотанковые и противопехотные мины, ракетница, продовольствие и восемь комплектов гражданской одежды[218].

В начале февраля 1945 г. начальникам органов Смерш и оперативных групп на основании указаний ГКО и НКВД СССР в целях «решительного пресечения попыток совершения террористических актов и диверсий со стороны немцев, оставляемых германским командованием и германскими разведывательными органами как в форме германских военнослужащих, а также и в гражданской одежде для подрывной деятельности в тылу продвижения частей Красной армии на территории Германии», было предписано решительно расправляться с лицами, уличенными в совершении террористических и диверсионных актов путем «беспощадного уничтожения их на месте преступления»[219].

Данное распоряжение руководства военной контрразведки было принято к исполнению. К примеру, в г. Растенбург органы безопасности ликвидировали группу немецких диверсантов из 10 человек, оставленную с заданием убивать офицеров Красной армии и взрывать здания, где размещались советские военнослужащие. При задержании члены группы оказали вооруженное сопротивление. В перестрелке четверо из них были убиты, а остальные арестованы и 6 февраля 1945 г. расстреляны.

В другом случае оставленная группа террористов численностью 11 человек, экипированная в форму военнослужащих германской армии и имевшая задание по совершению террористических актов, из засады убила двух военнослужащих 43-й армии. Все участники группы были арестованы и 6 февраля 1945 г. расстреляны[220].

Однако подобные мероприятия не носили массового характера. По состоянию на 5 марта 1945 г., то есть почти за месяц до начала действия данных чрезвычайных мер, в тылах 3-го Белорусского фронта всего были расстреляны на месте 113 немецких диверсантов и террористов, имевших задания убивать командиров и военнослужащих Красной армии, а также совершать диверсии[221].

В результате принятых контрразведкой Смерш и войсками НКВД по охране тыла действующей армии мер диверсионно-террористическая работа спецслужб противника была сведена к минимуму, однако полностью пресечь в условиях ведения боевых действий диверсионную деятельность было невозможно. В этой связи в тылу войск в отдельных случаях противнику удавалось достичь успеха. Например, 22 марта 1945 г. на перегоне Мушакенгрюнфедас — Вилленберг — Найденбург под проходящим поездом № 1400 с грузом 2-го Белорусского фронта взорвалась подложенная диверсантами мина. С рельсов сошли паровоз и три вагона, которые свалились под откос. Однако жертв не было, и груз не пострадал. После данного

происшествия Военный совет фронта издал специальное постановление об усилении охраны железных дорог[222].

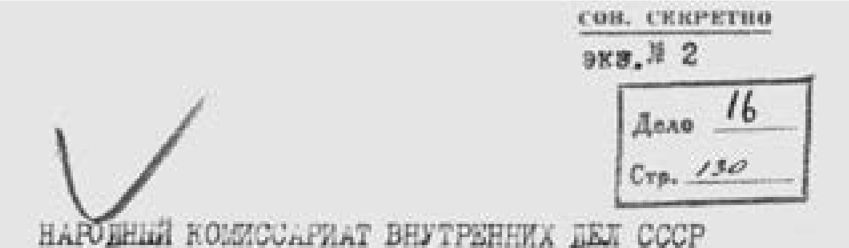
Наступавшие на всех фронтах советские войска освобождали узников концентрационных лагерей, содержащихся в лагерях для военнопленных советских и иностранных военнослужащих, а также угнанных в фашистское рабство людей разных национальностей. Кроме того, частями Красной армии было захвачено большое количество немецких военнопленных. Данное обстоятельство обусловило значительный объем фильтрационной работы в органах военной контрразведки наступавших фронтов. В соответствии с постановлением СНК от 6 января 1945 г. при штабах фронтов были созданы отделы по делам репатриации (аппараты уполномоченного СНК СССР генерал-лейтенанта Ф. И. Голикова), которые, в свою очередь, образовали сборно-пересыльные пункты (СПП) для приема и проверки советских граждан, освобожденных Красной армией. «Госпроверку» на СПП проводили проверочно-фильтрационные комиссии в составе представителей от НКВД (председатель), ГУКР Смерш НКО и НКГБ (члены комиссии) и оперативных сотрудников ведомств.

Непосредственную реализацию указаний по организации фильтрационной работы можно отследить на примере 3-го Белорусского фронта. Согласно указанию начальника ГУКР Смерш НКО — уполномоченного НКВД СССР по этому фронту В. С. Абакумова всех задержанных бывших военнослужащих Красной армии, находившихся в плену у немцев, было предложено направлять на армейские сборно-пересыльные пункты, где они проверялись органами контрразведки. Граждан СССР, возвращавшихся из Германии, угнанных немцами с оккупированной территории, направляли на сборно-пересыльный пункт, созданный Военным советом фронта в г. Миллюнене или на проверочно-фильтрационный пункт НКВД в г. Кибарты, где они также подлежали проверке. Все выявленные шпионы, диверсанты и другие вражеские элементы немедленно арестовывались. Выявленные иностранноподданные — англичане, американцы, французы, чехи и другие направлялись в специально созданную Военным советом фронта комендатуру сборного пункта в г. Миллюнене, откуда они после соответствующей проверки передавались нашим союзникам. Немцы, выходившие из лесов, двигавшиеся по дорогам или обнаруженные не по месту их жительства, подлежали задержанию и сосредотачивались в каком-либо населенном пункте. Лица, относившиеся к контингентам, перечисленным в приказе НКВД СССР от 11 января 1945 г. «О мероприятиях по очистке фронтовых тылов Действующей Красной Армии от вражеских элементов», немедленно арестовывались.

Работа по проверке и фильтрации была в тех сложных условиях необходимой и приносила определенные результаты. К примеру, за период боевых операций на территории западных областей Польши и Германии войсками 1-го Белорусского фронта в различных населенных пунктах по состоянию на 30 марта 1945 г. были освобождены 49 804 советских гражданина, которые содержались в сборных пунктах репатриантов. Фильтрацией этого контингента занимались оперативные группы органов Смерш. Из числа освобожденных советских граждан в действующие части через армейские сборно-пересыльные пункты были направлены 20 788 человек, в СССР — 12 175 (включая детей), на различные хозяйственные работы — 3859, в спецлагерь — 570 человек.

В процессе работы оперативных групп военной контрразведки на сборно-пересыльных пунктах выявлены: агентов-диверсантов — 1, завербованных для направления в разведшколы — 21, агентов гестапо — 20, пособников немцев — 26, служивших в частях РОА — 12, служивших в немецкой армии — 25, служивших в различных контрреволюционных националистических формированиях — 8, участников различных националистических организаций — 7[223].

Из взятых в плен более 50 тыс. немецких солдат и офицеров опергруппами и отделами Смерш были допрошены более 7 тыс. человек, из которых выявлены: официальных сотрудников разведывательных, контрразведывательных и карательных органов противника — 31, агентов военной разведки — 6, членов фашистской партии и участников фашистских организаций — 3918, бургомистров и других работников самоуправления — 252 и т. д.[224]

СОВ. СЕКРЕТНО

экз. № 2

Дело 16

Стр. 130

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СССР

НКО

…ВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ

…ОНТРРАЗВЕДКИ

„СМЕРШ"

мая 1945 г.

№ [illegible]

МОСКВА

товарищу Л.П. БЕРИЯ

По сообщению Управления "СМЕРШ" 1-го Украинского фронта 12 мая с.г. в районе гор.Прага задержан предатель ВЛАСОВ, который на автомашине направлялся в сторону союзников.

По предложению командира 25 танкового корпуса генерал-майора ФОМИНЫХ, ВЛАСОВ отдал приказ своим солдатам о переходе на сторону Красной Армии. Вчера же нашим войскам сдалась дивизия в количестве 10 тысяч человек.

Мною дано указание Начальнику Управления "СМЕРШ" 1-го Украинского фронта генерал-лейтенанту ОСЕТРОВУ доставить ВЛАСОВА под усиленной охраной в Главное Управление "СМЕРШ".

В. Абакумов

АБАКУМОВ

Сообщение ГУКР Смерш об аресте А. А. Власова. 1945 г.

На 3-м Украинском фронте за период с 1 февраля по 4 мая 1945 г. в десяти СПП были проверены в общей сложности 58 686 человек, из них 16 456 бывших военнослужащих Красной армии и 12 160 советских граждан призывного возраста, угнанных противником на работу в Германию. По результатам проверки все они были призваны в армию полевыми военкоматами и направлены в воинские части. Кроме того, 1117 граждан других государств были репатриированы на родину, а 17 361 человек, не подлежащие призыву, направлены в СССР. 378 человек были задержаны по подозрению в совершении военных преступлений, пособничестве оккупантам, службе в РОА и т. п.[225]

В процессе допросов военнопленных органы Смерш собирали и информацию о политико-моральном состоянии войск противника. Как выяснялось после январского наступления Красной армии и выхода ее частей на р. Одер, большинство немецких солдат и офицеров потеряли веру в возможность счастливого окончания войны для Германии, считали, что война проиграна. В немецкой армии царил глубокий пессимизм, нередко переходящий в отчаяние.

В ходе боев против наступающих частей Красной армии выявилась полная небоеспособность так называемых батальонов фольксштурма, наспех организованных по приказу Гитлера осенью 1944 г. Не пройдя достаточной военной подготовки и не успев получить оружие, они были брошены германским командованием на фронт для помощи германским передовым частям. По показаниям одного из военнопленных унтер-офицера Гораца, прибывшие на его участок на передовую линию фронта солдаты фольксштурма никакого вооружения, кроме двух лопат на десять человек, не имели. Многие из них не умели даже зарядить винтовку.

Сходные настроения царили среди гражданского населения Берлина, Кюстрина и других городов. Согласно показаниям хирурга одной из берлинских клиник Людвига Фаербаха в январе в городе была проведена мобилизация всего мужского населения, пригодного для военной службы. Однако жители германской столицы саботировали мобилизацию и призыв в фольксштурм. Значительная часть мужского населения дезертировала либо прибегала к членовредительству. За январь 1945 г. только в одной из берлинских клиник было зафиксировано немецкими врачами примерно 580 фактов членовредительства, совершенного различными способами. Уполномоченным имперского министерства здравоохранения около 300 членовредителей были переданы в гестапо, откуда их этапировали в концлагеря сроком от шести месяцев до года[226].

Требовало особого внимания органов Смерш и прибывающее в начале 1945 г. в части и соединения действующей армии пополнение. Призывной контингент из числа жителей России, Восточной Украины и Восточной Белоруссии, Средней Азии к этому моменту был в значительной степени исчерпан. Поэтому большое число новых солдат призывалось в войска через полевые военкоматы непосредственно с освобожденной от противника территории. Это в определенной степени сказывалось на оперативной обстановке в войсках, особенно в стрелковых частях, куда большей частью поступало такое пополнение. К примеру, в конце февраля 1945 г. в части и соединения 1-го Белорусского фронта поступило новое пополнение, среди которого органы Смерш установили лиц, бывших в плену у противника, — 4241 человек, советских граждан, угнанных немцами на принудительные работы — 2112, проживавших на оккупированной территории — 4685, служивших в РОА и других подобных формированиях — 318 человек. В процессе проверки и разработки данного контингента среди нового пополнения были выявлены и арестованы пять агентов немецкой военной разведки, шесть агентов карательных органов противника, 14 изменников Родины и пособников врагу[227].

16 апреля 1945 г. началась Берлинская наступательная операции, которая проводилась силами 1-го и 2-го Белорусских и 1-го Украинского фронтов. Чекисты заблаговременно подготовились к ее проведению. Перед органами военной контрразведки и войсками по охране тыла стояли задачи по сохранению в тайне планов командования, захвату главарей фашистского рейха, сотрудников и агентуры гитлеровских спецслужб, архивов разведывательных органов и многие другие. Требовалось и заблаговременно подготовиться к обеспечению общественной безопасности в огромном городе после его захвата советскими войсками. План осуществления оперативно-чекистских мероприятий в немецкой столице,

в том числе по поддержанию общественной безопасности, был 24 апреля 1945 г. согласован с Г. К. Жуковым. От штаба фронта в 20 районов Берлина были назначены военные коменданты. Кроме того, в каждый район направлялись оперативные группы из 10–15 сотрудников аппарата уполномоченного НКВД фронта во главе с начальником, назначаемым из опытных чекистов с должности не ниже заместителя начальника контрразведки Смерш армии или корпуса. Оперативные группы имели заранее подготовленные разыскные списки, а также опознавателей из числа местных жителей. Вокруг Берлина силами войск НКВД по охране тыла были расставлены контрольно-пропускные пункты общей численностью 4200 человек и создана одна пограничная застава для конвоирования арестованных.

Оперативным группам удалось захватить архивы многих германских учреждений, включая тайную политическую полицию (гестапо) и абвер. Особо отличились контрразведчики отдела Смерш 47-й гвардейской стрелковой дивизии 8-й гвардейской армии 1-го Белорусского фронта. О проведении операции вспоминал генерал-лейтенант в отставке А. И. Матвеев: «Перед 47 гв. сд, где я был начальником отдела, стояла боевая задача: преодолеть сопротивление противника и выйти на окраину Берлина в район Целендорф. В полосе наступления дивизии дислоцировалось одно из центральных учреждений абвера, замаскированное под сельскохозяйственный институт. Прибывшие в особый отдел 47 гв. сд начальник отдела контрразведки «Смерш» по 8 гв. армии генерал-майор Витков Григорий Иванович и начальник отдела 4 гв. корпуса полковник Кузьмин Александр Николаевич поставили задачу: организовать захват личного состава, агентуры и документов абверовского центра. Вместе с Витковым Г. И. и Кузьминым А. Н. мы обсудили возможные варианты решения этой задачи. Было признано наиболее целесообразным подготовить и провести десантную операцию, чтобы исключить возможность эвакуации абверовского центра на запад Германии. Витков Г. И. тут же по телефону договорился с командующим 8 гв. армии Чуйковым В. И. о выделении для десантной операции танковой роты и мотострелкового батальона. Для руководства десантной операцией была создана оперативная группа в составе пяти человек, которую я и возглавил. В состав оперативной группы входили старшие оперуполномоченные отдела контрразведки Смерш по 47 гв. сд Голубцев М. И., Коратуев М. И., Маринин М. И., Шишин Г. А. и прикомандированный из разведотдела дивизии переводчик Васильев Г. Л. Операция развивалась успешно. После огневого налета на узком участке фронта десант при содействии частей поддержки прорвал линию обороны и, не ввязываясь в бои, устремился вперед к намеченной цели. Надо было преодолеть около 12 км. Сельскохозяйственный институт, где находились абверовцы, был взят с ходу, без особого сопротивления, поскольку охранялся только часовыми и налет для абверовцев был совершенно неожиданным. Во дворе стояли снаряженные для эвакуации грузовые машины и 5 бронетранспортеров сопровождения без экипажей. Обитатели «заведения» спали перед предстоящей эвакуацией. Всего взято было в плен более 100 человек. Среди них офицеры и лица в гражданской одежде различных национальностей, в том числе русские...

Сомнений не было — цель достигнута. Теперь задача состояла в том, чтобы все захваченные документы и людей сохранить до прихода наших основных сил. По условиям плана десантной операции с наступлением рассвета должен был быть осуществлен прорыв основных сил дивизии с задачей выхода на рубеж западнее города Фертенвальде, и таким образом предполагалось деблокировать десант. Задача десанта состояла в том, чтобы занять круговую оборону и не допустить противника на территорию разведывательного органа, занятую десантом. Но получилось не всё так, как планировалось. На рассвете части дивизии не смогли прорвать оборону противника. Когда же немцы обнаружили, что разведорган захвачен десантом, они предприняли одну за другой яростные атаки, но были отбиты. Затем немцы открыли артиллерийский и минометный огонь, в основном зажигательными снарядами, чтобы уничтожить груженые автомашины с документами. Множество возгораний удалось ликвидировать, а автомашины вывести на противоположную сторону здания, куда снаряды практически не достигали. Круговую оборону пришлось держать целые сутки. Все бойцы и командиры, танкисты и мотострелки, а также оперативные работники десантной группы

вели себя как настоящие герои… Только на следующее утро основным силам дивизии удалось потеснить противника и деблокировать десант. Мы оказались в тылу наступающих войск, сохранив в целости все трофеи. Документы и показания пленных оказались весьма ценными. Они, в частности, неопровержимо доказывали, что фашистские разведывательные органы действительно концентрируют свои силы на юге Германии. Об этом свидетельствовало и то, что захваченный нами абверовский центр разведки должен был «эвакуироваться» на юго-запад Германии в район Баварии… прихватив с собой наиболее ценные кадры (по русским делам) и оперативную документацию»[228].

После захвата центра Берлина оперативные группы вели активную работу по задержанию интересующих контрразведку лиц и изъятию документов в зданиях гестапо, министерств авиации и пропаганды и на других аналогичных объектах. Активные мероприятия проводились оперативными группами и по розыску нацистских главарей. Первые сведения о том, что А. Гитлер оставался в бункере до 28 апреля, поступили к смершевцам в ходе боев за Рейхстаг. Последнее убежище фюрера было занято советскими войсками 2 мая, и в тот же день вечером военные контрразведчики обнаружили в нескольких метрах от входных дверей бомбоубежища и в самом бомбоубежище трупы семьи Й. Геббельса.

3 мая в 4 часа 45 минут начальник УКР Смерш 1-го Белорусского фронта А. А. Вадис как заместитель уполномоченного НКВД СССР по ВЧ-связи доложил Л. П. Берии о результатах розыска опергруппами деятелей нацистской партии и крупных чиновников ведомств фашистской Германии в Берлине. В числе захваченных оказались начальник отдела радиовещания министерства пропаганды Ганс Фриче, консультант Геббельса по агитации и пропаганде Вольф Хайнрихсдорф, начальник госпиталя рейхсканцелярии, личный врач Гитлера профессор Вернер Хаазе, президент союза германских моряков в Берлине Э. Гинцман. Последний утверждал, что Гитлер и Геббельс покончили жизнь самоубийством и трупы их сожжены, причем труп фюрера, по его данным, мог находиться «в котловане убежища».

Кроме того, в докладе начальника военной контрразведки фронта сообщалось о прибытии к командующему 8-й гвардейской армией В. И. Чуйкову коменданта Берлина генерала Гельмута Вейдлинга, который подписал приказ о сдаче всего личного состава берлинского гарнизона. По данным А. А. Вадиса на 18 часов 2 мая, из числа оборонявших город в плен сдались 46 тыс. немецких офицеров и солдат, среди которых были три генерала и вице-адмирал Ганс-Эрих Фосс. Из документов следовало, что оперативные группы Смерш фронта проводят мероприятия не только вокруг имперской рейхсканцелярии, но и в зданиях гестапо, министерств авиации и пропаганды, в доме Геббельса и других местах в целях задержания интересующих контрразведку лиц, тщательного осмотра и изъятия имеющихся документов.

3 мая 1945 г. в 21 час 30 минут командующий войсками 1-го Белорусского фронта маршал Г. К. Жуков и член Военного совета фронта генерал-лейтенант К. Ф. Телегин доложили И. В. Сталину о результатах разыскных мероприятий опергруппы Смерш в Берлине. Только 5 мая солдаты взвода ОКР Смерш 9-го стрелкового корпуса в одной из воронок от бомбы во дворе рейхсканцелярии обнаружили трупы А. Гитлера и его жены Е. Браун. Останки наци № 1, министра пропаганды и членов их семей, а также начальника верховного командования сухопутных войск вермахта генерал-лейтенанта Г. Кребса в дальнейшем находились под контролем контрразведчиков указанного стрелкового корпуса. Помимо охраны важнейших доказательств смерти главарей рейха сотрудники Смерш продолжали поиски новых свидетелей и необходимых документов для опознания и идентификации останков. По указанию генерала К. Ф. Телегина, для осуществления экспертиз в распоряжение чекистов была выделена группа военных медиков, которая провела необходимую работу по идентификации останков Гитлера и других нацистских главарей, оформив результаты соответствующими актами. В дальнейшем сотрудники Смерш провели большую работу по сбору доказательств смерти главарей рейха, поиску свидетелей, документов и т. п.

В мае — июне 1945 г. берлинская опергруппа обнаружила часть архивов РСХА, в частности разработки гестапо по аппарату германского МИДа и его сотрудникам за границей, материалы бывшего 6-го управления (внешняя разведка) с информацией по вопросам внеш-

Проверка документов. Германия. 1945 г.

ней политики фашистской Германии и сведениями о заграничной агентуре. В помещении командного состава войск СС в столице были захвачены списки агентуры, заброшенной в тыловые районы СССР в 1942–1943 гг.[229]

Значительный объем работы выполнили оперативные группы органов Смерш и на других фронтах. Они вместе с передовыми частями Красной армии захватывали здания разведывательных органов и школ противника, по горячим следам принимали неотложные меры к задержанию их личного состава, агентуры, документации. В ходе мероприятий по очистке тыла на территории Германии, Австрии, Венгрии, Польши, Румынии и некоторых других стран контрразведчиками были выявлены и задержаны тысячи вражеских агентов и диверсантов, сотрудников вражеских спецслужб, других карательных органов, немецко-фашистских пособников, а также некоторых других категорий лиц, представлявших угрозу безопасности частей и соединений действующей армии.

В самом конце войны и в первые месяцы после ее завершения сотрудникам Смерш удалось разыскать и арестовать многих руководителей немецкой военной разведки, среди них бывшие начальник отдела абвер-1 Ганс Пиккенброк, заместитель начальника отдела абвер-2 и начальник абверштелле «Берлин» Эрвин Штольце, начальник отдела абвер-3 Франц Бентивиньи, начальник подразделения 3Ф1 (контрразведка за линией фронта) Фридрих фон Розенберг-Грушницкий, начальник абверштелле «Вена» Отто Эрнст Амстер, начальник абверштелле «Прага» Ганс фон Деммель, начальник абверштелле «Бухарест» Эрих Роддер, начальник отдела «Валли-2» Теоджор Мюллет, а также ряд руководителей абверкоманд, абвергрупп, начальников разведывательных школ и курсов[230].

В целом деятельность органов военной контрразведки Смерш на заключительном этапе войны подтвердила, что это была весьма эффективно действующая структура в системе безопасности Вооруженных сил Советского Союза и страны в целом. Им удалось парализовать работу абвера против СССР и тем самым внести достойный вклад в дело обеспечения победы над врагом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] Очерки истории Российской внешней разведки. М., 1999. Т. 4. С. 609.
[2] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 366. Л. 125.
[3] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 4. Д. 174. Л. 204.
[4] Там же. Оп. 15. Д. 71. Л. 205об.
[5] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 24. Д. 117. Л. 30.
[6] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. М., 2007. С. 181.
[7] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 367. Л. 97.
[8] Там же. Д. 368. Л. 59.
[9] Лубянка-2. М., 2002. С. 253.
[10] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 368. Л. 38.
[11] Там же. Д. 393. Л. 502.
[12] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 24. Д. 107. Л. 510.
[13] *Рубцов Ю. В.* Штрафники Великой Отечественной: в жизни и на экране. М., 2008. С. 78.
[14] Родина. 2010. № 5. С. 76.
[15] ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 83. Л. 45–47.
[16] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 371. Л. 141.
[17] Там же. Д. 366. Л. 246–247.
[18] ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 77. Л. 7–9.
[19] Там же. Л. 475–478.
[20] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 534. Л. 14.
[21] Родина. 2010. № 5. С. 73.
[22] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 846. Л. 1–6.
[23] Там же. Л. 7–8.
[24] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 73–74.
[25] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 844. Л. 25.
[26] Там же. Д. 370. Л. 52.
[27] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 324.
[28] Новосибирская школа контрразведки. М., 2005. С. 56.
[29] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 362.
[30] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 844. Л. 19.
[31] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. М., 2008. С. 397–398.
[32] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 24. Д. 107.
[33] Там же. Д. 366. Л. 233.
[34] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 2. Д. 34. Л. 69–137.
[35] Там же. Ф. 14. Оп. 5. Д. 368. Л. 15.
[36] Там же. Д. 395. Л. 130.
[37] Там же. Л. 249.
[38] Там же. Л. 250.
[39] Там же. Д. 367. Л. 42.

[40] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 232–235.
[41] Там же. Т. 5. Кн. 2. М., 2007. С. 22.
[42] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 399. Л. 67.
[43] Там же. Л. 82.
[44] Там же. Л. 84.
[45] Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. Симферополь, 2011. С. 208.
[46] *Мозгов Н.* Надежды абвера в Прибалтике не оправдались // Информационный бюллетень УВКР ФСБ России (открытый спецвыпуск). М., 1995. С. 82–86.
[47] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 59.
[48] Там же. С. 363.
[49] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 27. Д. 152. Л. 34.
[50] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 368. Л. 20.
[51] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 361.
[52] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 26. Д. 136. Л. 198.
[53] Там же. Д. 404. Л. 29–30.
[54] Смерш. Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 85.
[55] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 369. Л. 180.
[56] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 25. Д. 296. Л. 84.
[57] Там же. Оп. 27. Д. 211. Л. 34.
[58] Там же. Л. 3.
[59] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 26. Д. 139. Л. 136.
[60] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 204–205.
[61] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 367. Л. 142.
[62] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 2. Д. 368. Л. 4.
[63] Там же. Оп. 26. Д. 139. Л. 192.
[64] Там же. Д. 208. Л. 7.
[65] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 549.
[66] Там же. С. 538.
[67] Там же. С. 572.
[68] Там же. С. 575.
[69] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 591. Л. 54–68; Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 4. Д. 17. С. 23.
[70] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 4. Д. 23. Л. 118–121.
[71] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 561. Л. 32–33.
[72] Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 182.
[73] Там же. Д. 336. Л. 288.
[74] ЦА ФСБ России. АСД Р-40840.
[75] Там же. Ф. 14. Оп. 5. Д. 370. Л. 236.
[76] *Макаров В., Тюрин А.* Лучшие спецоперации Смерша. Война в эфире. М., 2009. С. 114.
[77] Там же. С. 188.
[78] *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 269.
[79] *Макаров В., Тюрин А.* Карандаш купил за рубль. Опасная «находка» абвера // Родина. 2008. № 12. С. 65.
[80] *Тарасов Д. П.* Большая игра Смерш. М., 2010. С. 85.
[81] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 367. Л. 170.
[82] Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 197.
[83] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 368. Л. 249–252.
[84] Там же. Д. 369. Л. 236.
[85] Там же. Д. 534. Л. 7.

[86] Там же. Л. 3а.
[87] Там же. Л. 3б.
[88] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 15. Д. 273. Л. 6–7.
[89] Там же. Оп. 26. Д. 91. Л. 32.
[90] Там же. Л. 33.
[91] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 15. Д. 1. Л. 75.
[92] Там же. Д. 78. Л. 10об.
[93] Там же. Л. 75.
[94] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 24. Д. 111. Л. 86.
[95] ЦАМО. Ф. 4. Оп. 11. Д. 78. Л. 351.
[96] Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2-х т. М., 2012. Т. 1. С. 698–699.
[97] *Мощанский И. Б.* Освобождение Правобережной Украины. М., 2011. С. 158.
[98] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 26. Д. 91. Л. 14.
[99] Там же. Оп. 24. Д. 105. Л. 244.
[100] Там же. Л. 246.
[101] Там же. Л. 256.
[102] Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. С. 152.
[103] *Крайнюков К. В.* Генерал армии Николай Ватутин // Полководцы и военачальники Великой Отечественной. М., 1971. С. 73–74.
[104] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 24. Д. 117. Л. 4об.
[105] Там же. Л. 13–13об.
[106] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 367. Л. 1–11.
[107] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 24. Д. 117. Л. 31–33.
[108] Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 2. С. 36.
[109] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 367. Л. 43.
[110] Там же. Д. 368. Л. 175.
[111] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 24. Д. 108. Л. 388.
[112] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 435. Л. 248–249.
[113] Там же. Д. 370. Л. 20.
[114] Там же. Л. 255.
[115] Там же. Д. 486. Л. 211.
[116] *Грибков И. В., Жуков Д. А., Ковтун И. И.* Особый штаб «Россия». М., 2011. С. 244.
[117] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. С. 261.
[118] Там же. С. 262.
[119] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 15. Д. 267. Л. 60.
[120] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. С. 320.
[121] Там же. С. 510.
[122] Там же. С. 413.
[123] *Иванов А. Н.* За фронтом // Военные контрразведчики. Особым отделам ВЧК — КГБ 60 лет. М., 1978. С. 275.
[124] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп.15. Д. 73. Л. 79.
[125] Там же. Л. 134.
[126] Там же. Л. 202.
[127] *Петушин А.* «Цеппелин» над Югрой // Родина. 2005. № 7. С. 16–17.
[128] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 15.
[129] Подсчитано автором на основании материалов: ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 26. Д. 92.
[130] Там же. Л. 362–364.
[131] ЦАМО. Личное дело № 9094 на Чуйкова В. И. Л. 14.
[132] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 389. Л. 385–392.
[133] Там же. Д. 366. Л. 320–328.
[134] Там же. Д. 367. Л. 205.

[135] На приеме у Сталина. Тетради (журналы) записей лиц, принятых И. В. Сталиным (1924–1953). М., 2008. С. 430.
[136] Коммерсант — Власть. 2008. 31 марта. С. 61.
[137] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 366. Л. 27–28.
[138] Там же. Л. 5.
[139] Там же. Д. 494. Л. 19.
[140] Там же. Л. 24.
[141] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 27. Д. 143. Л. 53–53об.
[142] Там же. Л. 121.
[143] Там же. Л. 131об.
[144] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 2. Д. 174. Л. 1.
[145] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 510.
[146] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 2. Д. 174. Л. 82–88.
[147] Там же. Л. 12об.
[148] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 393. Л. 405.
[149] Там же. Л. 437.
[150] Русский архив: Великая Отечественная. СССР и Польша. 1941–1945. Т. 14 (3-1). М., 1994. С. 333–334.
[151] Там же. С. 334.
[152] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 369. Л. 342.
[153] Там же. Л. 343.
[154] Советский фактор в Восточной Европе. Документы. 1944–1953. Т. 1. М., 1999. С. 57–58.
[155] Там же. С. 350.
[156] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 378. Л. 42.
[157] «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...» Документы НКВД СССР о польском подполье 1944–1945 гг. М., Новосибирск, 2001. С. 47.
[158] Там же.
[159] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 377. Л. 152.
[160] Там же. Д. 378. Л. 21.
[161] Там же. Д. 367. Л. 173–174.
[162] *Васильева Н. В.* Красная армия на территории Польши: 1944–1945 годы. Некоторые дискуссионные военно-политические аспекты // Великая война и Великая Победа народа. Сб. статей. Кн. 1. М., 2010. С. 384.
[163] Советский фактор в Восточной Европе. С. 98–99.
[164] Независимое военное обозрение. 2004. № 19. С. 7.
[165] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 602.
[166] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 377. Л. 13.
[167] «Из Варшавы. Москва, товарищу Берия...». С. 336–337.
[168] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 377. Л. 178.
[169] Там же. Л. 85, 180.
[170] Там же. Л. 78.
[171] Военная энциклопедия. В 8-ми т. М., 1994–2003. Т. 2. М., 1994. С. 15.
[172] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 377. Л. 105.
[173] Там же. Д. 378. Л. 39.
[174] Там же. Л. 84–86.
[175] Там же. Л. 126.
[176] Там же. Л. 85–87.
[177] *Носкова А. Ф.* Сталин и Армия Крайова. К формированию позиции советского руководства // Российские и славянские исследования. Вып. 3. М., 2008.
[178] Коллекция исторических документов библиотеки Академии ФСБ России.
[179] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 307.
[180] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 844. Л. 10–11.

[181] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 26. Д. 92. Л. 289.
[182] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 368. Л. 138.
[183] Там же. Л. 144.
[184] Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. С. 118.
[185] Там же. С. 131.
[186] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 25. Д. 132. Л. 264.
[187] Боевые действия Советской армии в Великой Отечественной войне. М., 1958. С. 123.
[188] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 25. Д. 132. Л. 264об.
[189] Там же. Л. 265.
[190] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. С. 732.
[191] Там же. С. 735.
[192] *Тарасов Д. П.* Указ. соч. С. 218–220.
[193] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. С. 599.
[194] Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. С. 51.
[195] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 26. Д. 93. Л. 193.
[196] Там же. Л. 195.
[197] Там же. Д. 193. Л. 263.
[198] Там же. Д. 90. Л. 200об.
[199] Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. С. 338.
[200] Русский архив: Великая Отечественная. Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах: 1944–1945 Т. 14-3(2). М., 2000. С. 182.
[201] *Христофоров В. С.* Указ. соч. С. 296.
[202] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 26. Д. 139. Л. 356.
[203] Там же. Л. 358.
[204] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. С. 629.
[205] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 25. Д. 170. Л. 429.
[206] *Грибков И., Жуков Д., Ковтун И.* Указ. соч. С. 152.
[207] Русский архив: Великая Отечественная. Красная армия в странах Центральной, Северной Европы и на Балканах. 1944–1945. Т. 14-3(2). С. 290.
[208] Структура и деятельность органов германской разведки в годы Второй мировой войны. С. 145.
[209] Архив УФСБ России по Омской области. Ф. 40. Оп. 25. Д. 132. Л. 1966.
[210] Там же. Оп. 26. Д. 93. Л. 345об.
[211] Там же. Л. 363.
[212] Там же. Д. 88. Л. 600об.
[213] Там же. Д. 397. Л. 147об.
[214] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 846. Л. 108–111.
[215] Там же. Л. 13–16.
[216] Там же. Л. 19–20.
[217] Там же. Л. 167–168.
[218] Там же. Л. 61–62.
[219] Там же. Д. 864. Л. 133–135.
[220] Там же. Л. 168.
[221] Там же. Л. 328–329.
[222] Там же. Д. 860. Л. 152.
[223] Там же. Л. 203–208.
[224] Там же. Л. 176–177.
[225] Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 228–229.
[226] ЦА ФСБ России. Ф. 14. Оп. 5. Д. 860. Л. 126–135.
[227] Там же. Д. 866. Л. 191–194.
[228] *Матвеев А. И.* Последние дни войны. Особые отделы в Берлинской операции // Информационный бюллетень УВКР ФСБ России. Специальный выпуск. М., 1995. С. 101–103.
[229] Смерш. Исторические очерки и архивные документы. С. 95.
[230] Там же. С. 159–160.

ОРГАНЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ В БОРЬБЕ С ВРАГОМ НА ОККУПИРОВАННОЙ СОВЕТСКОЙ ТЕРРИТОРИИ

Создание специальных подразделений для деятельности в гитлеровском тылу

В связи с началом Великой Отечественной войны органы государственной безопасности были вынуждены в срочном порядке перестроить свою деятельность, чтобы не только противостоять спецслужбам нацистской Германии, но и организовать диверсионную борьбу против захватчиков.

В этих целях уже 5 июля 1941 г. была создана Особая группа при наркоме внутренних дел СССР во главе с П. А. Судоплатовым, на которую возложены следующие функции: разработка и проведение разведывательно-диверсионных операций против гитлеровской Германии и ее сателлитов; организация подполья и партизанской войны; создание нелегальных агентурных сетей на оккупированной территории; руководство специальными радиоиграми с немецкой разведкой с целью дезинформации противника[1].

Войска Особой группы состояли из двух полков, которые делились на батальоны, отряды, спецгруппы. В июле — октябре 1941 г. оба полка дислоцировались в ближнем Подмосковье. Проводилась интенсивная боевая учеба по специальным программам (минно-подрывное дело, тактика лесного боя, тактика партизанской борьбы и т. д.). И уже в этот период в тыл врага были направлены первые отряды, группы и одиночные исполнители.

Боевая программа развертывания всенародной борьбы в тылу немецко-фашистских войск была сформулирована в совместной директиве Совнаркома Союза СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей от 29 июня 1941 г., которая в отношении сопротивления гитлеровцам сводилась к развертыванию партизанского движения: «В занятых врагом районах создавать партизанские отряды и диверсионные группы для борьбы с частями вражеской армии, для разжигания партизанской войны всюду и везде, для взрыва мостов, дорог, порчи телефонной и телеграфной связи, поджога складов и так далее. В захваченных районах создавать невыносимые условия для врага и всех его пособников,

преследовать и уничтожать их на каждом шагу, срывать все их мероприятия. Для руководства всей этой деятельностью заблаговременно, под ответственность первых секретарей обкомов и райкомов создавать из лучших людей надежные подпольные ячейки и явочные квартиры в каждом городе, районном центре, рабочем поселке, железнодорожной станции, в совхозах и колхозах»[2]. А 3 июля 1941 г. эта директива была озвучена И. В. Сталиным в его обращении к советскому народу[3].

В связи с подготовкой постановления ЦК ВКП(б) «Об организации борьбы в тылу германо-фашистских войск», принятого 18 июля 1941 г., помимо членов правительства был вызван начальник Особой группы при наркоме внутренних дел П. А. Судоплатов. В совещании под председательством Г. М. Маленкова участвовали Л. П. Берия, П. К. Пономаренко, а также представители ЦК компартий Латвии, Литвы и Эстонии[4]. П. К. Пономаренко поднял вопрос не только об организации партизанского движения, но и о том, чтобы вывести из-под контроля противника всю оккупированную им территорию и таким образом дезорганизовать его тыл. В постановлении важнейшим условием развития народной борьбы в тылу врага признавалось партийное руководство и в соответствии с этим выдвигалась задача «развернуть сеть наших большевистских подпольных организаций на захваченной территории для руководства всеми действиями против фашистских оккупантов... организовать боевые дружины и диверсионные группы из числа участников гражданской войны... а также из работников НКВД, НКГБ и др.». ЦК ВКП(б) предлагал выделять для организации подпольных партийных организаций, создания партизанских отрядов и руководства народной борьбой в захваченных врагом районах «опытных боевых и до конца преданных партии, лично известных руководителям парторганизаций и проверенных на деле товарищей»[5].

На начальном этапе организации разведывательно-диверсионной деятельности органы безопасности столкнулись со значительными трудностями, которые были вызваны просчетами высшего руководства страны в предвоенный период. Во второй половине 1930-х гг. в СССР была разработана доктрина наступательной войны на чужой территории, не предусматривавшая создания разведывательно-диверсионных и партизанских отрядов, заблаговременного устройства для них опорных баз. В связи с этим была прекращена подготовка кадров, способных организовывать и проводить разведывательно-диверсионные операции в тылу противника. Одновременно в результате политических репрессий накануне войны были расстреляны или оказались в исправительно-трудовых лагерях многие специалисты.

П. А. Судоплатов предпринял энергичные меры по возвращению на службу профессионалов разведывательно-диверсионной работы. В этих целях он разыскивал в исправительно-трудовых лагерях бывших сотрудников органов безопасности и возбуждал ходатайства перед Президиумом Верховного Совета Союза ССР о досрочном освобождении и снятии судимости с бывших сотрудников НКВД, которых предполагалось использовать для работы в тылу противника[6].

В июле — декабре 1941 г. была собрана и доложена руководству НКВД СССР информация по каждому сотруднику органов безопасности, осужденному в предвоенные годы и отбывавшему наказание в исправительно-трудовых лагерях. Были составлены ходатайства на имя председателя Президиума Верховного Совета СССР М. И. Калинина об освобождении из заключения сотен сотрудников органов безопасности[7]. Материалы, поступившие из НКВД СССР, изучались в Комиссии при Президиуме Верховного Совета СССР по рассмотрению заявлений о помиловании, где готовились соответствующие предложения. После принятия решения о помиловании со снятием судимости и досрочном освобождении сотруднику немедленно вручались проездные документы и предписание прибыть в распоряжение соответствующего руководителя органов безопасности[8].

Подбор кадров для подпольного аппарата определялся тесным взаимодействием партийных органов и оперативных работников НКВД. Остро встал вопрос об использовании участников Гражданской войны, тех, кто проявил себя в истребительных батальонах и в только что созданных, главным образом в Белоруссии, партизанских отрядах. Из запаса органов НКВД были призваны такие опытные кадры, как будущий почетный сотрудник

С. А. Ваупшасов

Н. А. Прокопюк

госбезопасности, один из начальников отдела службы диверсий и разведки Г. И. Мордвинов, лично знавший многих участников партизанского движения в годы Гражданской войны, особенно на Дальнем Востоке[9].

Появилась реальная возможность использовать кадры, абсолютно неизвестные противнику, поскольку, по имеющимся сведениям, абвер и гестапо располагали информацией о партийном активе. Так, один из секретарей Николаевского обкома КП(б)У Яров, имея при себе списки некоторых подпольных организаций, был захвачен абверкомандой в тот момент, когда решался вопрос о создании резидентуры органов госбезопасности на юге Украины[10]. В результате партийный актив и подполье с самого начала в большинстве своем оказались в руках гитлеровцев. Поэтому руководство Особой группы постоянно напоминало руководителям всех резидентур о необходимости крайне осторожно опираться на местный партийный актив, оставшийся в зоне немецкой и румынской оккупации.

Уже в июле 1941 г. в Белоруссии активно действовал в тылу противника партизанский отряд под командованием заместителя начальника 1-го отдела Секретно-политического управления НКГБ Белоруссии Н. Морозкина, который имел полную информацию обо всем, что происходило на оккупированных территориях. Отряд, в основном состоящий из оперативников НКГБ, сотрудников НКВД и милиции, длительное время находился в районе Бобруйска. 22 июля 1941 г. сообщалось, что в отряде насчитываются 74 человека, в том числе много сотрудников Бобруйского горотдела НКВД, под командованием старшего лейтенанта госбезопасности Залогина, который совершил первые диверсионные операции: подорвал мосты под Гомелем и на Слуцком шоссе[11].

К 8 июля было сформировано 15 партизанских отрядов в Пинской области. Их возглавили советские руководители и чекисты, один из них — В. З. Корж стал в 1944 г. Героем Советского Союза. 12 отрядами командовали работники НКВД — начальники райотделов и их заместители, начальник паспортного отделения милиции, оперативные работники. Эти люди прекрасно знали местную обстановку, кадры агентуры, хорошо представляли себе антисоветский элемент, ставший на путь сотрудничества с врагом.

При отборе на должность командиров партизанских отрядов прежде всего учитывалась их прошлая деятельность. В первую очередь назначали командиров, имевших боевой опыт. Н. А. Прокопюк, С. А. Ваупшасов, К. П. Орловский не только участвовали в партизанской войне против белополяков в 1920-е гг., но и сражались в Испании. В резерве была большая группа сотрудников, воевавших на Дальнем Востоке. Репрессии конца 1930-х гг. практически не коснулись специалистов по диверсионной технике и приборам. Теперь все они были активно задействованы.

На основе решений ЦК компартий союзных республик, обкомов, горкомов и райкомов партии в июле 1941 г. в прифронтовой полосе было создано 1700 истребительных батальонов по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника общей численностью 328 тыс. человек. В истребительные батальоны, в которых было от 100 до 200 человек, подбирали проверенных, смелых и самоотверженных людей, способных владеть оружием. В случае угрозы оккупации территории неприятелем истребительные батальоны преобразовывались в партизанские отряды. В целях координации деятельности и обеспечения успешной борьбы с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе на основании приказа НКВД СССР от 25 июля 1941 г. № 00804 в наркомате был образован штаб, а в областных и республиканских управлениях — оперативные группы. Начальниками назначались опытные оперативные сотрудники органов безопасности.

25 августа 1941 г. приказом НКВД СССР оперативные группы местных органов госбезопасности, призванные противостоять парашютным десантам и диверсантам противника, были преобразованы в четвертые отделы управлений НКВД прифронтовых республик, краев и областей, оперативно подчиненные Особой группе при НКВД СССР[12]. Тем же приказом были объявлены положение о работе четвертых отделов и штатное расписание. Согласно этому документу перед четвертыми отделами ставились следующие задачи: повседневный контроль над формированием истребительных батальонов, партизанских отрядов и диверсионных групп, руководство их боевой деятельностью; налаживание связи с истребительными батальонами, перешедшими на положение партизанских отрядов, а также с существующими партизанскими отрядами и диверсионными группами, находящимися в тылу противника; организация агентурной и войсковой разведки районов вероятных действий партизанских отрядов и диверсионных групп; разведка тыла противника и мест возможной переправы партизанских отрядов; обеспечение партизанских формирований оружием и боеприпасами для ведения боевых действий, а также продовольствием, одеждой и другим снаряжением[13].

Оперативные группы и отряды органов безопасности, действовавшие в тылу противника на временно оккупированной территории Смоленской, Витебской, Калининской и Московской областей, выводили из окружения части и подразделения Красной армии и отдельных красноармейцев, указывали пути обхода вражеских укрепленных линий и огневых точек, сообщали командирам частей и соединений Красной армии сведения о расположении техники и живой силы противника[14].

В конце августа 1941 г. руководство Особой группы НКВД и командование бригады приступили к формированию специальных (оперативных) групп и отрядов, которые после прохождения подготовки направлялись в тыл противника. Подбору и изучению кандидатов, направлявшихся в неприятельский тыл, придавалось большое значение. Рассматривались сотни рапортов о включении в отряды для направления за линию фронта и выполнения спецзаданий. Особое внимание уделялось подбору командиров групп, которыми назначались, как правило, кадровые сотрудники органов безопасности и офицеры пограничных войск, имевшие опыт и обладавшие необходимыми личными качествами для руководства боевыми коллективами в тылу врага. П. А. Судоплатов требовал, чтобы в группы и отряды, готовившиеся к переброске в тыл противника, обязательно включались сотрудники, имевшие опыт оперативной работы. Они назначались заместителями командира группы по разведке и контрразведке[15].

Оперативные группы комплектовались проверенными сотрудниками органов безопасности и внутренних дел, солдатами, сержантами и офицерами пограничных и внутренних войск

НКВД, частей и подразделений Красной армии, а также лицами, прошедшими специальную подготовку. Особое внимание обращалось на физическую подготовленность участников групп, их связи за линией фронта, знание местной обстановки. Численный состав оперативных групп, их вооружение и оснащение определялись условиями, в которых им предстояло действовать. В оперативные группы входили от 3 до 20 человек, снабженных оружием, минно-подрывной техникой, документами прикрытия и средствами связи. Первые оперативные группы и отряды ушли в тыл противника (на оккупированную территорию Белоруссии и Украины, в Орловскую, Курскую и Смоленскую области) уже в начале августа 1941 г.

С 1 августа 1941 г. аппараты УНКВД и областные партийные и советские организации передислоцировались из Смоленска в Вязьму, где 4 августа был создан штаб руководства партизанскими отрядами в оккупированных районах области. Перед штабом были поставлены задачи передислоцироваться в г. Белый, продвигаться в тыл, в лесные районы, организовывать партизанские отряды, уничтожать живую силу противника, склады продовольствия в тылу и прифронтовой полосе, создавать на местах базы-тайники с оружием, боеприпасами и продовольствием. За период с 1 по 15 августа 1941 г. на территории Смоленской области было организовано и направлено в тыл врага 11 вооруженных отрядов общей численностью 404 человека.

Первыми для борьбы с противником на оккупированной советской территории летом 1941 г. ушли отряды Д. Медведева, А. Флегонтова, В. Зуенко, Я. Кумаченко[16]. В конце августа 1941 г. под руководством А. К. Флегонтова в Смоленской области действовали уже четыре партизанских отряда, включавших 174 человека[17]. В докладе о проделанной работе Флегонтов отмечал, что хотя местное население симпатизирует советской власти, массового участия в борьбе против немцев еще не принимает, из-за террора и запугивания связь с местным населением наладить трудно. По различным причинам часть отрядов распалась, а с частью прервалась связь. Все это затрудняло получение разведданных о расположении неприятеля и проведение рейдов. Но несмотря на карательные меры немецких властей, местное население передавало продукты партизанам, использовалось в качестве проводников[18]. Существенными недостатками в развертывании партизанского движения, по мнению Флегонтова, была слабая связь с населением (а местами и полное отсутствие); слабая активность партийных работников области (случались случаи дезертирства); тяжелые бытовые условия (продовольствие, одежда), особенно в зимний период; большая численность отрядов, поскольку им труднее обеспечивать себя продуктами и боеприпасами, а также укрываться от немцев[19]. В начале октября 1941 г. отряд Флегонтова был выведен из тыла противника и находился на отдыхе до 18 октября 1941 г.

Когда 2 августа один из оперативных отрядов под командованием А. К. Флегонтова убыл из Москвы в Вязьму, вместе с отрядом была направлена разведывательная группа «Мария», имевшая самостоятельное задание. При комплектовании оперативных групп предпринимались нестандартные меры. Так, разведывательная группа «Мария», выполнявшая задание на оккупированной территории Смоленской области, состояла всего из трех человек. Командиром был доцент МГУ Яков Кумаченко (Данила).

Члены группы «Мария», действовавшие под видом семьи, уходившей из района боевых действий, в течение августа, сентября и октября собирали разведывательную информацию в прифронтовой полосе, а 20 октября 1941 г. перешли линию фронта и до начала ноября находились в тылу противника[20]. С 7 августа по 20 октября группой «Мария» были переданы 13 радиограмм и одна докладная записка руководству 4-го управления НКВД СССР. 25 дней группа находилась на линии Днепра (Новоселки и Коровники), причем со 2 сентября по 20 октября действовала в составе оперативных отрядов НКВД СССР под командованием А. С. Зуенко и Галышева.

По информации, которая поступала от разведывательных групп, НКВД СССР готовились спецсообщения в ГКО о положении на оккупированной немецкими войсками территории Смоленской области. Разведчики сообщали, что немецкие войска грабят население, отбирают у него хлеб, скот, птицу, одежду. Немцы увозили в тыл собранный урожай, насиловали

женщин, расстреливали семьи партийно-советского актива, при этом они активно вели среди населения агитацию, говоря о том, что Москва якобы окружена, а Ленинград и Киев заняты немецкими войсками, что советская власть больше не существует. Однако отмечался рост массового недовольства населения самоуправством немцев, часть местных жителей уходила к партизанам[21].

6 ноября 1941 г. группа «Мария» благополучно и без потерь вернулась в Москву. Я. С. Кумаченко подготовил докладную записку на имя начальника 2-го отдела НКВД СССР П. А. Судоплатова, в которой подробно изложил информацию, собранную группой в тылу противника с 20 октября по 5 ноября 1941 г. Он не только сообщил о дислокации немецких частей и военных объектов, описал состояние транспортных коммуникаций, но и дал характеристику войск противника. Немецкие войска обычно располагались узкой полосой на 7–10 км по основным транспортным магистралям, а в промежутках между большаками шириной на 60–80 км имелись лишь небольшие воинские части. Путь от Емленя до Полежаевки (свыше 100 км) можно было свободно пройти, не встретив ни одного немца, а в части деревень показывалась лишь немецкая разведка. Начиная с линии Сычёвка — Ржев концентрация войск была более значительная, на пути от Полежаевки до Гжатска (около 70 км) располагался ряд воинских частей. В Абрамовке, Жернове и Златоустове находились крупные штабы и воинские части, регулярно разъезжающие по окрестным деревням. За успешное выполнение поставленных задач указом Президиума Верховного Совета СССР Я. С. Кумаченко и члены его разведывательной группы были награждены медалями «За боевые заслуги»[22].

В сентябре 1941 г. в районе г. Людиново появился отряд «Митя» под командованием легендарного Д. Н. Медведева. В составе 33 человек отряд перешел линию фронта, но за счет присоединившихся к нему окруженцев, бежавших из плена красноармейцев и местных жителей очень быстро вырос до нескольких сотен бойцов и командиров. При этом Д. Н. Медведев «отпочковал» от «Мити» несколько отрядов, назначив в них хорошо проявивших себя в боях командиров и начальников штабов. Только немногие посвященные знали тогда, что это не обычный отряд, каких на оккупированной территории действовали уже сотни и тысячи, а разведывательно-диверсионная резидентура (РДР) № 4/70 Особой группы при наркоме внутренних дел СССР, заброшенная в немецкий тыл со специальным заданием[23].

В отличие от многих местных отрядов «Митя» вел активную боевую, диверсионную и разведывательную деятельность. Его бойцы едва ли не ежедневно нападали на гарнизоны и автоколонны врага, сжигали и взрывали мосты, склады, узлы связи, уничтожали живую силу, в частности на их счету были даже два убитых немецких генерала[24]. Что весьма важно, всюду, где появлялся Медведев, он непременно встречался с командирами местных отрядов, помогал им практическими советами, порой боеприпасами и вооружением, когда требовалось, укреплял командный состав, и наконец — что на этом этапе партизанской войны было новинкой — координировал их деятельность по проведению совместных операций, что значительно увеличивало эффективность боевых действий. За короткий срок, всего несколько недель, Д. Н. Медведев активизировал деятельность около 20 местных отрядов.

Забрасываемые в тыл врага группы обычно насчитывали 30–50 человек, но после первых же операций они быстро вырастали за счет местного населения и военнослужащих, выходивших из окружения, и превращались в мощные партизанские отряды и соединения. Так, отряд «Неуловимые», возглавляемый ставшим в 1944 г. Героем Советского Союза М. С. Прудниковым, из опергруппы в 28 человек к лету 1944 г. вырос в мощное соединение численностью более 3 тыс. партизан[25].

Как правило, личный состав оперативных групп перебрасывался в тыл противника посредством авиации с десантированием на парашютах в заданном районе. Многие из оперативных групп превращались в партизанские отряды. Таким образом, уже первые месяцы войны продемонстрировали эффективность работы нового чекистского подразделения, но опыт первого года войны потребовал еще более значительной реорганизации в структуре органов государственной безопасности.

К. П. Орловский

Д. Н. Медведев

П. С. Прудников

Неблагополучная обстановка на советско-германском фронте побуждала руководство НКВД принимать меры по созданию нелегальных резидентур с задачей «оседания» в городах и крупных населенных пунктах, которые могли быть оккупированы противником. К таким городам был отнесен и Сталинград. Еще осенью 1941 г. там была создана разведывательная резидентура «Дружные» на случай занятия Сталинграда неприятелем со следующими задачами: политическая разведка — сбор сведений о мероприятиях, проводимых противником в городе, и его органах власти; законах, вводимых в городе; военная разведка — сбор сведений о количестве и дислокации воинских частей в городе, вооружении и моральном состоянии[26].

В Сталинград из Москвы в сентябре 1941 г. прибыли резидент Роман, имевший опыт нелегальной работы, и радист Люся, по легенде — его дочь. Они были легализованы и устроены на работу. В декабре 1941 г. Роману было предложено передать на связь несколько агентов УНКВД Сталинградской области, однако кандидаты не прошли утверждение у начальника 2-го отдела НКВД СССР В. А. Какучая[27]. Тогда на связь Роману была передана местная жительница Валя, негласный сотрудник 2-го спецотдела областного УНКВД, которой надлежало обеспечить связь в случае невозможности радиообмена. После частичной оккупации Сталинграда германскими войсками и интенсивных бомбардировок города с 12 сентября 1942 г. связь с группой «Дружные» была прервана, и ее судьба до начала 1945 г. оставалась неизвестной. Тогда-то и выяснилось, что в результате одной из бомбардировок Сталинграда радиостанция группы «Дружные» была повреждена, Валя ранена и эвакуирована в тыл. Роман и Люся в октябре 1942 г. в числе местных жителей были задержаны и направлены на принудительный труд в Германию. В рабочем лагере они находились до мая 1945 г. После освобождения Роман явился в отдел контрразведки Смерш 8-й гвардейской армии. После проверки Роман и Люся 2 августа 1945 г. прибыли в Москву в распоряжение 4-го управления НКГБ СССР.

Первый опыт разведывательно-диверсионной деятельности оперативных групп и отрядов органов безопасности показал, что эффективные боевые и разведывательные действия в тылу противника во многом зависели от правильно выбранного способа переброски. При переходе линии фронта и продвижении в заданный район необходимо было учитывать не только сведения о гарнизонах немецкой армии, подразделениях немецкой разведки, контрразведки

и полиции, но и географические особенности местности, а также климатические условия. Основным способом переброски групп в 1941 — первой половине 1942 г. был переход линии фронта (в зимнее время на лыжах). Так, оперативная группа «Местные», сформированная для работы на оккупированной противником территории Минской области, 5 марта 1942 г. в составе 23 человек убыла на выполнение специального задания. До места дислокации группа проделала марш на лыжах свыше 600 км по пересеченной местности.

Противник был обеспокоен тем, что отряды советских диверсантов, умело передвигаясь на лыжах, неожиданно появлялись в тылу германских войск. Для того чтобы предотвратить лыжные вылазки советских партизан, германское оккупационное командование уже зимой 1941–1942 гг. стало издавать приказы и распоряжения, запрещавшие местному населению передвигаться на лыжах. Так, 18 декабря 1941 г. бургомистр Нарышкинского уезда Орловской области издал распоряжение «о запрещении лыжного спорта». В документе отмечалось: «Немедленно вступает в силу закон о запрещении населению, включая женщин и подростков, лыжного спорта. Штатские лица, которые будут замечены, несмотря на запрещение, на лыжах, будут отправляться в концлагеря. С 1 января 1942 г. все частные лица, бегающие на лыжах, будут без предупреждения обстреливаться огнем. Гражданское население должно сдать все имущество, принадлежащее для лыжного спорта, в ближайшее место военного командования»[28].

Подобные распоряжения были обнародованы во многих органах оккупационной администрации. Повсеместно на территории Орловской области были расклеены отпечатанные в типографии объявления: «Всем гражданам (без различия пола и возраста) запрещается хождение на лыжах. Нарушение карается арестом. Начиная с 1 января 1942 г. лица, обнаруженные постами на лыжах, будут, как правило, последними пристрелены. Все имеющиеся у граждан (без различия пола и возраста) лыжные принадлежности (лыжи, лыжные палки, ремни и пр.) должны быть немедленно сданы в ближайшую местную комендатуру или ближайшую воинскую часть».

28 марта 1942 г. оперативная группа «Бывалые» в составе 21 человека была направлена в тыл противника в район Витебска. Линию фронта они преодолели на лыжах. Оперативная группа «Ходоки» в количестве 15 человек, сформированная для проведения разведывательно-диверсионной работы в тылу врага на временно оккупированной территории Украины, в ночь на 31 марта 1942 г. была выведена через линию фронта в районе Козельска. Группа, передвигаясь на лыжах по 40–50 км в сутки через густую сеть немецких гарнизонов и полиции, прибыла в заданный район.

3 апреля 1942 г. оперативная группа «Вперед» в количестве 30 человек, вооруженная пулеметом и 22 карабинами, выдвинулась из Москвы на автомашинах к фронту. Ее задачей было дезорганизовать работу Гомельского транспортного узла, который представлял собой один из наиболее крупных пунктов стратегического значения и активно использовался противником. Прибыв 9 апреля к линии фронта, группа передвигалась пешим ходом по маршруту, разведанному своими силами. В распутицу, порой по пояс в талом снегу и воде, с вещмешками, тяжело нагруженными толом, подрывными приспособлениями, продуктами и личными вещами, в маскировочных халатах группа добиралась до заданного района. С апреля по июль 1942 г. она прошла по оккупированной территории Орловской и Могилевской областей и провела ряд успешных боевых операций на коммуникациях, уничтожив два самолета, четыре автомашины, подорвав пять воинских эшелонов, разбив гарнизоны полиции в нескольких деревнях, две волостные управы, нанеся большой урон живой силе противника[29].

Отсутствие сплошной линии фронта на Западном и Калининском фронтах, многочисленные разрывы на стыках воинских частей и в труднодоступных районах позволяли оперативным группам и отрядам диверсантов незаметно проникать во вражеский тыл. Глубина фронта немецких армий не превышала 10 км, но именно они и были самыми трудными для преодоления. На оккупированных территориях, за исключением крупных населенных пунктов, воинские части противника встречались редко. Вдоль железных и шоссейных дорог регулярные воинские части, как правило, почти не располагались, здесь находились лишь

ХОЖДЕНИЕ

из одного места жительства
в другое без удостоверенного пропуска
немецких властей

ВОСПРЕЩЕНО

нарушение этого приказа будет строго караться
в крайнем случае РАССТРЕЛОМ

главнокомандующий
германской армии

Das Wandern von Ort zu Ort ohne schriftliche Genehmigung deutscher Dienststellen ist verboten. Zuwiderhandlungen werden streng, eventuell durch Erschießen bestraft. Der Oberbefehlshaber der deutschen Armee

Jeder Soldat ist verpflichtet wandernde Russen ohne Ausweis zu verhaften u. bei der nächsten Ortskommandantur abzugeben. Der Komm. General

Объявление оккупационных властей

Радиосвязь с разведцентром

резервные и охранные подразделения. Регулярно появлялись карательные отряды по борьбе с партизанами и команды по изъятию продовольствия.

Преимущества сухопутного способа заброски заключались в возможности незаметного проникновения в глубь территории, занятой противником, относительно больших отрядов. Для этого требовалось хорошее знание района предстоящих действий, расположения воинских частей неприятеля, обстановки на конкретном участке фронта, умение ориентироваться и преодолевать водные преграды. Переходы линии фронта оперативными группами всегда были сопряжены с опасностью и риском. Порой они сталкивались с непредвиденными обстоятельствами, на их пути неожиданно оказывались подразделения Красной армии, не имевшие информации о продвижении в тыл противника оперативных групп и принимавшие меры к их задержанию и разоружению. Из-за отсутствия точных разведывательных данных и в случае обнаружения немецкими подразделениями оперативным группам приходилось прорываться с боем, неся значительные потери, изменять место или сроки перехода линии фронта.

При выходе за линию фронта каждый боец отряда нес с собой личное оружие, боеприпасы и взрывчатку, запас продовольствия на десять дней, личное имущество и предметы первой необходимости. Общий вес снаряжения достигал 25–30 кг. Все это необходимо было переносить на себе по лесу, часто ночью (зимой на лыжах, по целине). Такую нагрузку могли выдержать только физически подготовленные люди.

С середины 1942 г. для переброски оперативных групп стали чаще прибегать к помощи авиации, что позволяло существенно расширить диапазон их действия. Через несколько часов оперативная группа, доставленная самолетом, приземлившись на парашютах, могла оказаться в глубоком тылу противника, в самых отдаленных уголках оккупированной территории. Эффективность использования воздушного транспорта зависела от квалификации пилотов, погодных условий, возможности совершать посадку на партизанских аэродромах, десантной подготовки разведчиков, их умения ориентироваться в незнакомой местности и выживать в экстремальных условиях.

Обучение парашютному делу проходило на аэродромах во Внуково, Долгопрудном, Монино. Постепенно советские самолеты стали регулярно совершать посадки на партизанских аэродромах в тылу противника. Это позволяло не только быстро и удобно доставлять десантников и грузы, но и вывозить раненых, производить смену личного состава, вызывать в Москву для отчета и инструктажа командиров отрядов, забирать отдельных военнопленных, представлявших оперативный интерес, и ценные документы.

К началу 1943 г. переброска оперативных групп и отрядов в тыл противника стала осуществляться в основном путем воздушно-десантных операций. Только за 1943 г. парашютно-десантной службой 4-го управления НКГБ СССР было организовано и проведено 273 ночных полета (из них 15 посадок в тылу противника), при выполнении которых были переброшены во вражеский тыл воздухом 620 парашютистов, 905 мест спецгрузов (боеприпасы, взрывчатка, оружие, питание для радиостанций) и вывезены по специальным заданиям шесть человек и 178 раненых[30].

Водный путь использовался, если линия фронта проходила по руслу реки, акватории моря, озера или водохранилища. Хорошее знание участков водной поверхности, рельефа побережья и мест расположения подразделений противника позволяло незаметно высаживать оперативные группы в его тылу. Так, в августе 1941 г. оперативная группа 4-го управления НКВД СССР «Братушки» в составе 23 человек, разделившись, направилась на подводной лодке из Севастополя по Черному морю в Болгарию. Первая часть группы в составе 14 человек 11 августа, высадившись на пять резиновых лодок, направилась к болгарскому берегу. Восемь человек вместе с командиром С. Родионовым сошли на берег в 3–4 км южнее устья реки Камчия. Из-за большого тумана в море шесть оставшихся членов группы отстали, высадились на берег в другом месте и ушли в горы самостоятельно. Не найдя на берегу отставших, С. Родионов увел свою часть группы в горы. 14 августа 1941 г. они остановились в 30–35 км западнее места высадки в районе селения Рудник, где организовали базу и установили связь

по рации с Севастополем. Оставшаяся часть группы во главе с С. Димитровым прошла 150 км и к 31 августа прибыла в окрестности Сливена, где занялась организацией базы и поисками группы С. Родионова. 28 августа на болгарский берег высадилась вторая часть оперативной группы в составе девяти человек по командованием Г. Янкова, доставленная на подводной лодке. 10 сентября она прибыла в район с. Котел, пройдя 120 км по горам[31].

В октябре 1941 г. Особая группа была реорганизована во 2-й отдел НКВД СССР. Его задачами по-прежнему являлись формирование в районах, находившихся под угрозой оккупации, разведывательно-диверсионных резидентур, подготовка и направление в тыл противника оперативных групп и отрядов с заданиями разведывательно-диверсионного характера, восстановление связи с проверенной агентурой, оставшейся на оккупированной территории, агентурное проникновение в разведывательные органы и школы противника. Для организации нелегальной радиосвязи с районами СССР, занятыми германскими войсками, в Свердловске и Куйбышеве были созданы радиоцентры, с которыми поддерживали связь резидентуры, оперативные группы и отряды НКВД, действовавшие на оккупированной территории.

Начальный этап разведывательно-диверсионной деятельности органов безопасности характеризовался приобретением опыта методом проб и ошибок. Это было связано с тем, что во второй половине 1930-х гг. в СССР была свернута работа по подготовке и использованию партизанских форм борьбы в войне. Инструкции и пособия по тактике партизанских действий были изъяты, проектирование, испытание и производство специальных технических средств для применения в тылу противника прекратилось, скрытые партизанские базы перестали закладываться, на военных учениях способы и формы партизанской борьбы не проверялись. Одной из причин игнорирования партизанских форм борьбы были установки, согласно которым исключалось ведение войны на своей территории. Все это привело к тому, что в 1941 г. в распоряжении военного командования и руководства отечественных органов безопасности не имелось достаточного количества подготовленных разведчиков, диверсантов, радистов, а самое главное — руководителей оперативных групп.

Основным недостатком в организации подготовки агентов-диверсантов, оперативных групп и диверсионных отрядов был слабый предварительный анализ районов, мест перехода линии фронта и выброски парашютного или водного десанта в тылу противника. Это приводило к неожиданным столкновениям с немецкими подразделениями, непредвиденным потерям, вынужденной смене намеченного района действий. Способы вывода оперативных групп в тыл противника, их деятельность в окружении, передвижение в тылу, выживание в экстремальных условиях разрабатывались ценой собственных ошибок.

Скоропалительная подготовка членов оперативных групп, ошибки при подборе кандидатов, некачественное изучение и проверка агентов и сотрудников, пренебрежение вопросами конспирации и обеспечения собственной безопасности привели к провалам и гибели сотрудников органов безопасности в результате агентурного проникновения спецслужб противника в советское подполье, предательства среди сотрудников разведывательно-диверсионных резидентур в Киеве, Николаеве и Одессе.

В самом начале войны в этих городах на «глубокое оседание» были оставлены разведывательно-диверсионные резидентуры во главе с сотрудниками органов безопасности И. Д. Кудрей, В. А. Лягиным и В. А. Молодцовым. Несмотря на то что разведывательно-диверсионные резидентуры органов безопасности работали в условиях жесткого контрразведывательного режима, установленного германской полицией безопасности и СД, а также румынской сигуранцей, они добывали и передавали в Центр важную разведывательную информацию и успешно проводили диверсионные акции.

В октябре 1941 г. войска при Особой группе НКВД были переформированы в Отдельную мотострелковую бригаду особого назначения (ОМСБОН) НКВД СССР в составе двух мотострелковых полков: четырехбатальонного и трехбатальонного со специальными подразделениями (саперно-подрывная рота, авторота, рота связи, отряды спецназначения,

В. А. Лягин

В. А. Молодцов

школа младшего начсостава и специалистов). Перед бригадой ставились задачи: оказание помощи Красной армии средствами разведывательных, диверсионных, военно-инженерных и боевых действий; содействие развитию массового партизанского движения; дезорганизация фашистского тыла, выведение из строя коммуникаций врага, линий связи и других объектов; осуществление стратегической, тактической и агентурной разведки; проведение контрразведывательных операций. Руководящее звено отрядов ОМСБОН составили опытные оперативные работники органов госбезопасности и командиры пограничных и внутренних войск НКВД. Личный состав набирался из числа политэмигрантов, в том числе прошедших гражданскую войну в Испании, спортсменов, специалистов по иностранным языкам[32]. В составе бригады было более 25 тыс. солдат и командиров, из них две тысячи иностранцев: немцев, австрийцев, испанцев, американцев, китайцев, вьетнамцев, поляков, чехов, болгар и румын. В бригаду вступили лучшие советские спортсмены, в том числе чемпионы по боксу и легкой атлетике, — они стали основой диверсионных формирований, посылавшихся на фронт и забрасывавшихся в тыл врага.

ОМСБОН был призван вести разведывательные и диверсионные действия на важнейших коммуникациях противника, ликвидировать вражескую агентуру, действуя отдельными подразделениями, мелкими группами и индивидуально. Развитие событий выдвинуло еще одну, не менее важную задачу: оказывать всестороннюю помощь в развитии и расширении партизанского движения, создании подполья, сплочении патриотов в тылу врага. В соответствии с этими целями необходимо было создать такое формирование, подобного которому Красная армия фактически еще не знала. Его подразделениям предстояло действовать не на одном участке фронта, как это было с другими воюющими частями, а в самых разных местах всех фронтов — от Баренцева до Черного морей, и не только на линии самого фронта, но и далеко за его пределами, вплоть до Берлина[33].

Комплектование войск Особой группы, а затем и бригады осуществлялось в связи с указанием ЦК ВКП(б) о мобилизации коммунистов и комсомольцев на фронт. Она состояла в основном из добровольцев: рабочих, студентов, спортсменов, выпускников школ,

командиров пограничных и внутренних войск. Пограничники, преподаватели и слушатели Высшей школы погранвойск и Высшей школы НКВД, других учебных заведений НКВД СССР составили костяк командного состава бригады, а ее рядовые бойцы в основном пришли по путевкам ЦК ВЛКСМ. Исполком III Коммунистического Интернационала направил в бригаду большую группу коммунистов — эмигрантов из стран Европы и Востока.

К исходу третьего месяца Великой Отечественной войны положение на фронте оставалось крайне сложным и опасным. Гитлеровское руководство считало, что в конце лета наступило время для нанесения последнего удара с целью окончательного разгрома Советского Союза. Главным препятствием для осуществления целей фашизма оставалась Москва — важнейший политический, экономический и культурный центр страны. Тяжелой для Москвы оказалась середина октября, когда враг рвался к городу по кратчайшему пути. Столица уже тогда стала прифронтовым городом. В этой сложнейшей обстановке в ночь с 15 на 16 октября части ОМСБОН, расположенные в это время в районе подмосковных станций Зеленоградская, Клязьма и Кратово, поднятые по боевой тревоге, прибыли в Москву. Согласно приказу ОМСБОН вместе с другими воинскими частями, особенно военными академиями, должен был стать ядром обороны внутри самой столицы, при этом бригаде придавались танковый батальон и артдивизион.

Первая задача состояла в том, чтобы обеспечить оборону центра столицы, ее площадей: Красной, Свердлова, Пушкинской, Маяковского, а также Дома правительства, музеев Ленина и Исторического. Оборона имела целью не допустить прорыва фашистов через Садовое кольцо, улицу Горького и одновременно быть готовыми к действиям на направлениях Белорусский вокзал, Ленинградское и Волоколамское шоссе.

7 октября 1941 г. бригаде было приказано организовать отряд подрывников для минирования важных объектов и сооружений государственного и оборонного значения в Москве и на подступах к ней. По времени это одно из самых первых боевых заданий совпало с переформированием бывшего отряда войск в ОМСБОН. В связи с этим можно сказать, что рождение ОМСБОН непосредственно связано с обороной Москвы.

Административные здания, жилые многоэтажные дома, подвалы превращались в мощные оборонительные пункты, куда стягивались пулеметы, боеприпасы и другое оружие; создавались пулеметные опорные точки, каждая из которых имела свой сектор обстрела. Некоторые из них были расположены на подступах к Кремлю, в здании Центрального телеграфа и в других местах. Несколько пушек бригады были помещены у здания Историко-архивного института, у стены Китай-города. На площади Маяковского оборудовались огневые точки с широким спектром обзора и обстрела. За Белорусским вокзалом вдоль выемки железной дороги рылись окопы, одновременно ставились противотанковые ежи, строились блиндажи, проводилась телефонная связь и т. д. Омсбоновцы патрулировали улицы Москвы. Появление на улицах столицы подтянутых солдат в строю с полной боевой выкладкой имело огромное мобилизующее и психологическое воздействие на жителей осажденного города. Люди видели, что Москва имеет надежных и крепких защитников.

Одной из славных страниц в летописи бригады было ее участие в историческом параде 7 ноября 1941 г. Парад произвел потрясающее впечатление на всех прогрессивных людей, объединившихся под знаменем борьбы с фашизмом. Для советских же граждан это было не только неким символом решимости бороться с фашизмом до победы, но и показателем возможности одержать эту победу, огромным мобилизующим фактором. Для солдат, командиров и политработников Красной армии эти факторы удесятерялись, закаляя их решимость победить врага.

По неполным данным, более тысячи омсбоновцев защищали Москву. На фугасах и минах, установленных сводным отрядом в Подмосковье, подорвалось 30 немецких танков, 20 броневиков, 68 машин с мотопехотой, 19 легковых автомобилей с офицерами, 53 мотоцикла. Подразделения бригады захватили в исправном состоянии 17 автомашин, 35 мотоциклов с колясками, много пулеметов, радиоприемников и другого военного имущества; кроме того, 156 автомашин были уничтожены авиацией на пробках у минных полей[34].

Справа А. П. Демьянов (агент Макс Гейне)

Данные за 1941–1943 гг. о действиях ОМСБОН на линии фронтов свидетельствуют, что солдаты и офицеры подготовили к разрушению 128,5 км железнодорожных, шоссейных дорог и автомагистралей, вырыли на них 11 564 фугасные воронки, изготовили и перезарядили 8998 мин, заложили 2057 фугасов, взорвали полотно шоссейных дорог и автомагистралей протяженностью 71,5 км, заложили 49 252 минных поля, подготовили к взрыву 205, взорвали 95 мостов, установили 94 км минных завалов, подготовили к разрушению и выводу из строя более 36 промпредприятий, подготовили 2469 подрывников из числа рабочих и служащих местных предприятий и т. д.[35]

18 января 1942 г. для осуществления широкомасштабной разведывательно-диверсионной зафронтовой работы против Германии и ее союзников как на советской территории, так и в оккупированных странах Европы, на Дальнем и Ближнем Востоке, а также для оказания содействия советским и партийным органам в организации и боевой деятельности партизанских отрядов и диверсионных групп в тылу врага, 2-й отдел НКВД СССР был преобразован в 4-е управление НКВД СССР. В составе наркоматов внутренних дел Украины и Белоруссии создавались собственные четвертые управления. Образованные ранее четвертые отделы УНКВД краев и областей были переподчинены 4-му управлению Центра и соответствующим управлениям наркоматов внутренних дел УССР и БССР.

На 4-е управление возлагались следующие задачи:

— в области разведывательной деятельности: сбор и передача командованию РККА разведданных о дислокации, численном составе и вооружении соединений и частей противника, о местах расположения его штабов, аэродромов, складов и баз с оружием, боеприпасами и ГСМ, о строительстве оборонительных сооружений; изучение режимных, политических и хозяйственных мероприятий немецкого командования и оккупационной администрации;

— в области диверсионной деятельности: нарушение работы железнодорожного и автотранспорта, срыв регулярных перевозок в тылу врага; вывод из строя военных и промышленных объектов, штабов, складов и баз вооружения, боеприпасов, ГСМ, продовольствия и

прочего имущества; нарушение линий связи на железных, шоссейных и грунтовых дорогах, узлов связи и электростанций в городах и других объектов, имеющих военно-хозяйственное значение;

— в области контрразведывательной деятельности: установление мест дислокации разведывательно-диверсионных и контрразведывательных органов и школ немецких спецслужб, их структуры, численного состава, системы обучения агентов, путей их проникновения в части и соединения РККА, партизанские отряды и советский тыл; выявление вражеских агентов, подготавливаемых к заброске или заброшенных в советский тыл для проведения шпионско-диверсионной и террористической деятельности, а также оставляемых в тылу советских войск после отступления немецкой армии; установление способов связи агентуры противника с ее разведцентрами; разложение частей, сформированных из добровольно перешедших на сторону врага военнослужащих РККА, военнопленных и насильственно мобилизованных жителей оккупированных территорий; ограждение партизанских отрядов от проникновения вражеской агентуры[36].

Следует отметить, что задачи нового управления в области организации партизанской борьбы были существенно сужены и ограничены в основном ведением разведывательно-диверсионной, контрразведывательной и боевой деятельности в тылу у врага.

Помимо этого, 4-м управлением НКВД — НКГБ СССР проводились радиоигры с противником, одна из крупнейших получила кодовое наименование «Монастырь»[37]. Данная трехэтапная оперативная игра проводилась с конца 1941 по 5 мая 1945 г. На первом этапе органы государственной безопасности использовали наличие в Москве антисоветской церковно-монархической организации во главе с поэтом Седовым, который находился в оперативной разработке. Ему был подставлен надежный агент Гейне (А. П. Демьянов), которому Седов поручил перейти линию фронта, сообщить немцам о существовании в Москве их организации и получить задание по дальнейшей работе. В феврале 1942 г. органы госбезопасности перебросили Гейне через линию фронта. Действуя в соответствии с отработанной легендой, агент информировал немцев о наличии монархической организации в Москве, ее руководителях и проводимой ими антисоветской деятельности. Как курьер организации Гейне попросил указаний о дальнейшей работе. Успешно пройдя проверку, он получил от немцев задание собирать и передавать в германский разведывательный центр сведения о положении в Москве, продовольственном снабжении населения столицы, работе ряда военных заводов, дислокации и численности войск, их переброске через Московский железнодорожный узел и другую разведывательную информацию. Перед монархической организацией германская разведка поставила следующие задачи: активизировать антисоветскую пропаганду среди населения, развернуть диверсионную и саботажническую деятельность, создавать подпольные антисоветские ячейки монархической организации в крупных промышленных городах страны.

Возвратившись в Москву, Гейне под контролем сотрудников госбезопасности передавал по рации подготовленные НКВД СССР дезинформационные сведения. В августе 1942 г. он сообщил в немецкий разведывательный центр, что радиопередатчик приходит в негодность и требуется замена. Через некоторое время в Москву на подготовленную органами госбезопасности квартиру явились заброшенные самолетом два курьера разведки противника, передавшие Гейне 10 тыс. рублей и продукты. Курьеров арестовали, а оставленная ими на месте приземления рация была доставлена в органы госбезопасности. Гейне сообщил в разведывательный центр, что курьеры прибыли благополучно, но без рации, так как она при приземлении была повреждена. Начался второй этап оперативной игры — «Курьеры».

В октябре 1942 г. в Москву прибыли еще два курьера вражеской разведки, которые доставили для Гейне радиопередатчик, 20 тыс. рублей и новые фиктивные документы. Курьеры имели задание обосноваться в Москве, собирать и передавать по имевшейся у них рации шпионскую информацию в свой разведывательный центр. Обоих курьеров также арестовали, противнику же сообщили, что они благополучно прибыли и приступили к выполнению задания. В дальнейшем радиоигра велась по двум линиям: от имени монархической

организации (сведения передавались по радиостанции агента Гейне) и от имени курьеров, якобы опиравшихся на свои собственные связи в Москве. В результате были арестованы 23 немецких агента-курьера и их пособники, получено в посылках и изъято у курьеров более 2 млн рублей, несколько радиостанций, различные документы, оружие, боеприпасы, продовольствие и т. д.

Разгром германских войск в Белоруссии летом 1944 г. создал новые благоприятные возможности для дезинформации противника с помощью агента Гейне. Органы госбезопасности через агентов и службу радиоперехвата получили сведения о том, что у командования вермахта и абвера имеется предположение о наличии в белорусских лесах отдельных подразделений немецких войск, не успевших выйти из окружения и пытающихся пробиться к своим через линию фронта. Эти материалы послужили основанием для разработки легенды о том, что из района Березино (Белоруссия) на запад пробирается немецкая воинская часть численностью до 1800 человек под командованием подполковника Шерхорна (в июле 1944 г. он попал в плен, содержался в лагере военнопленных, где был завербован в качестве агента советских органов государственной безопасности). Немцы поверили в переданную дезинформацию о воинской части Шерхорна, и начался третий, заключительный этап радиоигры под условным наименованием «Березино».

В сентябре 1944 г. германской разведке передали, что «часть Шерхорна» дислоцируется в Минской области, сообщили координаты площадки для выброски груза и пароль, по которому прибывшие от них люди могут связаться с командиром «части». В район дислокации «части» была направлена оперативная группа с Шерхорном и бойцами Отдельной мотострелковой бригады особого назначения НКВД СССР с задачей задержать германских парашютистов и обеспечить прием груза. Всего в ходе радиоигры «Березино» немцами было совершено 67 самолето-вылетов на нашу территорию и переправлены 25 германских разведчиков и агентов (все арестованы), 13 радиостанций, из которых семь включены в игру с абвером, 644 места различного груза, в том числе 615 комплектов зимнего обмундирования, 20 пулеметов МГ-42, 100 винтовок и автоматов, 35 пистолетов, 2 тыс. гранат, 142 тыс. патронов, более 2,5 тонны мясопродуктов, 370 кг шоколада, 4 тонны хлеба, 400 кг сахара, 100 бутылок вина и т. д. Кроме того, было прислано почти 2,3 млн рублей[38]. 5 мая 1945 г. Шерхорн получил последнюю телеграмму, в которой сообщалось, что доставлять вооружение и поддерживать радиосвязь ввиду создавшегося положения в дальнейшем не представляется возможным. Оперативная игра закончилась.

На ее заключительном этапе в мероприятиях по задержанию вражеских агентов и приеме грузов принимали участие 32 сотрудника НКГБ СССР и 255 военнослужащих войск НКВД. Многие наиболее отличившиеся участники игры с противником, в том числе и агенты, были награждены ордерами и медалями Советского Союза. А. П. Демьянов (Гейне) награжден орденом Красной Звезды, а его жена (также агент НКГБ) — медалью «За боевые заслуги».

Разведывательная работа на оккупированной территории СССР

Разведывательная деятельность оперативных групп органов государственной безопасности и партизанских формирований, созданных на их базе, состояла из целенаправленного и своевременного сбора, обработки и передачи соответствующим органам информации военного, политического и экономического характера.

Прерогативой оперативных групп органов государственной безопасности в разведывательной деятельности во вражеском тылу являлась агентурная разведка, которая велась с помощью агентов, внедряемых в различные органы, организации и учреждения противника, воинские формирования, на предприятия и транспорт[39]. Агентурная разведка на оккупиро-

ванной советской территории была сложна и трудна, так как агентам органов госбезопасности приходилось почти всегда работать на контролируемой гитлеровцами территории, часто под личиной изменника Родины, от которого отворачивались все честные люди. За агентами в первую очередь охотились различные фашистские разведывательные, контрразведывательные и карательные службы, понимая большую ценность передаваемой информации.

Учитывая все трудности, связанные с активным противодействием оккупантов, относительно небольшой подготовкой своих разведчиков, разнообразием поставленных задач, агентурная разведка могла успешно функционировать лишь при наличии широкой агентурной сети на оккупированной территории, а для обеспечения ее работы и высокой продуктивности требовалась тщательная конспирация. В связи с этим рекомендовалось придерживаться следующих правил: всю сеть агентуры должны знать только лица, допущенные к работе с ней; вербующий должен знать лишь тех агентов, которых сам завербовал; агенты не должны знать друг друга; личный состав партизанского отряда, в том числе и командный, не должен знать задач агентов-маршрутников и их маршрутов; связь с агентурой осуществлять строго конспиративно; материалы, касающиеся работы с агентурой, хранить в тайне, а при необходимости уничтожать[40].

Многие опергруппы органов госбезопасности базировались в расположении партизанских бригад и отрядов, что давало им возможность при относительно небольшом численном составе успешно противостоять карательным экспедициям гитлеровцев, маскировать свою работу в общей разведывательной деятельности партизан, облегчало связь с разведчиками, работавшими на вражеских объектах. Например, опергруппа «Юрий» НКГБ СССР дислоцировалась при 1-й Минской бригаде, спецгруппа «Кочубей» НКГБ БССР — при штабе Борисовского зонального соединения.

Такая тактика вполне себя оправдала. В Полоцком районе Витебской области спецгруппа под командованием А. И. Бабушкина, базировавшаяся при партизанской бригаде им. В. И. Ленина, сумела выявить, опираясь на помощь советских патриотов, три фашистские разведшколы, четыре карательных формирования, 12 заброшенных в советский тыл диверсантов[41].

Агентуре ставились общие и частные разведывательные задачи: общие формулировались агенту при его инструктаже и заключались в сборе любой информации о противнике, а частные ставились в каждом конкретном случае и состояли в сборе информации об определенных объектах или в добывании определенных сведений. Частные задачи вытекали из общих.

Разведывательные задачи агенты выполняли путем наблюдения (визуальная разведка), выведывания, анализа оккупационной прессы, засад, налетов и оперативного поиска. С помощью наблюдения агенты добывали разведывательную информацию о стационарных или подвижных объектах противника. За стационарными объектами они вели в основном долговременное наблюдение, за подвижными — кратковременное. Наибольшие результаты достигались в тех случаях, когда агент продолжительное время наблюдал за объектом. Например, только благодаря многодневному наблюдению агенту Вале (Валентина Довгер) удалось собрать достаточно полные сведения о гебитскомиссариате в Ровно: его сотрудниках, их связях, распорядке дня в учреждении, времени появления на службе и ухода с работы видных нацистских чиновников. На основании этих данных были ликвидированы несколько фашистов.

Долговременное наблюдение, как правило, устанавливалось на железных дорогах. Так, агент Иванов, работавший на железнодорожной станции Здолбуново, много дней следил за поездами, проходившими через эту станцию. В результате он собрал ценную разведывательную информацию о переброске немецко-фашистских войск на восток. Эта информация помогла советскому военному командованию выявить сосредоточение гитлеровских войск для наступления на важном операционном направлении.

Для сбора разведывательной информации путем наблюдения широко использовались агенты-маршрутники, которые много передвигались по железнодорожным или шоссейным магистралям в тылу противника.

Агенты органов госбезопасности добывали сведения и путем выведывания — чаще всего у лиц, работавших в оккупационных учреждениях, штабах войск, на военных и промышленных объектах. Так, действовавшие в Гомельской области агенты получили данные о том, что в Гомеле на территории бывшего аэродрома фашисты устроили большой склад авиационных бомб, из Гомеля в Могилев прибывают войска и боевая техника, а на Дуполовском аэродроме находится до 500 вражеских самолетов.

Наконец, агенты получали разведывательную информацию путем изучения и анализа газет и журналов, издававшихся на оккупированной территории. В газетах, как правило, сообщались сведения об изменениях в оккупационном режиме, характере работы гебитскомиссариатов, комендатур, городских и сельских управ и т. д.

Необходимо отметить, что в различные периоды Великой Отечественной войны менялся характер агентурной разведки. Так, в первом периоде войны она велась главным образом в оккупированных фашистами районах, непосредственно прилегавших к линии фронта, плотно насыщенных вражескими войсками и надежно обеспеченных контрразведывательным наблюдением противника. Вследствие этого агенты имели ограниченные возможности для сбора разведывательной информации. Кроме того, результативность агентурной разведки была невысокой и потому, что агенты получали иногда неконкретные задания, у них не было достаточно прочных связей с местным населением, они не располагали необходимыми документами прикрытия и т. д. Агенты часто стремились выполнять задания самостоятельно, без помощи советских патриотов. Не имея документов прикрытия, они постоянно испытывали трудности в передвижении по оккупированной территории.

Во втором и третьем периодах войны агентурная разведка стала проводиться не только вблизи линии фронта, но и в глубоком тылу противника. К этому времени органы госбезопасности накопили достаточный опыт ее организации. Улучшилась обеспеченность агентов документами, необходимыми для работы на оккупированной территории.

Командующие и военные советы фронтов, давая высокую оценку разведывательной деятельности чекистских органов, все чаще обращались в НКГБ СССР за информацией о противнике. Так, командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский в телеграмме от 24 декабря 1943 г. просил НКГБ СССР собрать данные о мероприятиях противника в районах Минска, Бобруйска, Пинска, железнодорожных станций Старушки и Лунинец. Просьба командующего фронтом была удовлетворена, с помощью агентурной разведки собрана и передана информация о дислокации и передвижении немецко-фашистских войск, строительстве оборонительных сооружений в полосе наступления 1-го Белорусского фронта.

В третьем периоде Великой Отечественной войны органы госбезопасности вели агентурную разведку в Польше, Чехословакии, Венгрии, Австрии и в самой фашистской Германии, где условия ее организации были иными. Наши разведчики и агенты действовали не на своей территории, плохо знали обстановку в этих странах, обычаи, нравы и язык их населения, имели ограниченные возможности для проведения вербовочной работы среди местных жителей.

Большую роль в агентурной разведке за рубежом сыграли выходцы из стран, на территории которых действовали оперативные группы органов госбезопасности. В январе 1944 г. на территории Польши находилась оперативная группа «Утес». В ее составе было несколько поляков, которые добывали ценную информацию, передававшуюся в Центр. Полученные от оперативной группы сведения были использованы командованием советских войск в планировании и проведении наступательных операций против немецко-фашистских войск в Польше.

Наряду с агентурной разведкой большое внимание уделялось организации разведки силами личного состава оперативных групп. Участники групп добывали такую же ценную разведывательную информацию, как и агенты. Разведка силами личного состава оперативных групп и с помощью агентов велась во взаимодействии. Часто данные о противнике, полученные агентурной разведкой, проверялись участниками оперативных групп. Так, агенты

Советский разведчик ведет наблюдение за перемещением войск противника

оперативной группы «Охотники» в августе 1943 г. сообщали, что через Ровно один за другим следуют эшелоны с немецко-фашистскими войсками на восток. Руководитель группы подполковник Н. А. Прокопюк дал задание нескольким разведчикам проверить эти данные. Сведения, полученные от агентов, подтвердились. Разведчики, посланные Прокопюком, дополнительно выяснили, какие войска передвигаются и для чего они предназначаются.

Наблюдательные посты создавались в местах наиболее интенсивного движения войск и боевой техники противника (вблизи железнодорожных и автомобильных магистралей, важных грунтовых дорог), в районе расположения военных складов, аэродромов и посадочных площадок, строительства оборонительных сооружений.

Оперативные группы широко применяли и такой способ разведки, как устройство засад. Они организовывались с целью захвата офицеров фашистской армии, сотрудников вражеских разведывательных органов, сотрудников оккупационной администрации и находившихся при них документов. Обычно засады устраивались на наиболее вероятных путях движения противника, в местах, удобных для внезапного нападения (лесные участки дорог, тропы, перевалы и т. п.). Места для организации засад предварительно разведывались, около них на дорогах и тропах устанавливались мины, разрушались мосты, чтобы заставить противника остановиться перед препятствием. Нападение осуществлялось с нескольких сторон. Участники засады стремились быстро захватить языка или документы и немедленно уйти из района засады.

Эффективным способом добывания разведывательной информации являлись налеты на воинские штабы, узлы связи, комендатуры, полицейские участки и другие объекты оккупантов. В ходе налета оперативные группы захватывали сотрудников вражеских разведывательных органов, представителей военного командования и оккупационной администрации, а также документы, раскрывавшие планы противника, места расположения его военных объектов,

характер политики фашистской Германии на оккупированной советской территории и т. д. Прежде чем осуществить налет, разведчики оперативной группы устанавливали наблюдение за объектом, выясняли через агентов и местных жителей систему обороны, наиболее безопасные подходы к нему и прочее. В налете иногда принимали участие все бойцы оперативной группы. Успех налета обеспечивался скрытностью подготовки и внезапностью действий.

Большие результаты давала разведка, проводившаяся способом оперативного поиска. Так велась разведка районов сосредоточения войск и боевой техники, строительства оборонительных сооружений. В ходе поиска захватывались пленные и документы.

Полученная оперативными группами разведывательная информация о дислокации немецко-фашистских войск, расположении военных предприятий, местах строительства оборонительных сооружений, характере оккупационного режима и политико-моральном состоянии населения в захваченных противником областях Советского Союза докладывалась Государственному Комитету Обороны, ЦК ВКП(б), командованию и военным советам фронтов.

Так, например, в июле 1942 г. чекистские органы Украины передали в военные советы и разведывательные отделы Южного и Юго-Западного фронтов полученную от оперативных групп информацию о дислокации воинских частей и военных объектов противника на территории Харьковской, Донецкой и Сумской областей, штабах немецко-фашистских войск в Конотопе, складах с боеприпасами, горючим и продовольствием в Шостке, Конотопе, Дебальцеве, Барвенкове.

4 ноября 1942 г. органы государственной безопасности передали Военному совету Сталинградского фронта, разведывательным отделам Сталинградского и Донского фронтов важные сведения о строительстве противником новых железнодорожных линий в большой излучине Дона. Эти сведения были использованы нашим командованием в планировании наступательных операций против немецко-фашистских войск под Сталинградом, закончившихся полным разгромом врага в битве на Волге.

Оперативные группы добыли много различных карт с нанесенными на них пунктами расположения войск, аэродромов, складов, баз и иных важных военных объектов противника в Киеве, Минске, Харькове, Николаеве, Днепропетровске, Риге, Вильнюсе, Львове, Пскове, Полоцке, Борисове, Двинске и других городах Советского Союза и странах Восточной Европы, оккупированных фашистами. Только от оперативных групп 4-го управления НКВД— НКГБ СССР поступило 4418 разведывательных сообщений, из них передано в Главное разведывательное управление Генштаба Красной армии — 1358, командующему авиацией дальнего действия — 619, командующим и военным советам фронтов — 429.

Органы государственной безопасности добывали на оккупированной советской территории разведывательную информацию, имеющую стратегическое значение, и передавали ее в Государственный Комитет Обороны. Так, 23 марта 1942 г. они направили в ГКО сообщение следующего содержания: «Главный удар будет нанесен на южном участке с задачей прорваться через Ростов к Сталинграду и на Северный Кавказ, а оттуда по направлению к Каспийскому морю. Этим путем немцы надеются достигнуть источников кавказской нефти. В случае удачи операции с выходом на Волгу у Сталинграда немцы наметили повести наступление на север вдоль Волги. Немцы этим летом будут стремиться не только выйти к Волге и Каспийскому морю, но и предпримут основные операции против Москвы и Ленинграда, так как захват их является для немецкого командования делом престижа»[42]. К сожалению, эта информация не была в достаточной степени оценена. Ставка ВГК считала, что главный удар будет нанесен на западном направлении, поэтому стратегические резервы, соответственно, сосредоточивались в основном возле Тулы, Воронежа, Сталинграда и Саратова[43].

Чтобы ввести в заблуждение советское Верховное главнокомандование относительно стратегических целей в летней кампании 1942 г., командование и разведывательные органы противника издали специальную дезинформационную директиву под названием «Кремль» о новом наступлении на Москву. На ее основе командующий группой армий «Центр» фельдмаршал Г. Клюге 29 мая 1942 г. отдал приказ по войскам о наступлении на Москву. Для при-

Разведчица Валентина Олешко (слева) с подругой перед заброской в немецкий тыл в районе Гатчины

дания правдоподобности «операции» проводилась ложная перегруппировка войск, велись разведывательные полеты над Москвой и прилегающими к ней районами, в штабах были размножены карты советской столицы и близлежащих городов[44]. Есть основание полагать, что дезинформация противника достигла определенной цели.

Весной — летом 1943 г. органы государственной безопасности на основании разведданных, полученных из-за линии фронта, регулярно докладывали Государственному Комитету Обороны о подготовке фашистским командованием крупной стратегической операции в районе Курского выступа. 7 мая 1943 г. в ГКО была доложена перехваченная и расшифрованная английской разведкой шифротелеграмма из южной группы фашистских войск от 25 апреля 1943 г., подписанная генерал-фельдмаршалом М. Вейхсом и направленная в оперативный отдел верховного командования германских войск. В телеграмме давалась оценка боевой мощи советских войск, которые будут противостоять войскам противника при проведении операции «Цитадель». 23 мая органы госбезопасности представили в ГКО новые данные, подтверждающие приготовления противника к большому стратегическому наступлению в районе Орла и Курска. 26 мая в ГКО было направлено еще одно сообщение: «Немцы готовят наступление из Орла на Елец и из Харькова на Воронеж с задачей окружить группировку советских войск в этих районах». В ГКО были представлены сведения о том, что фашистское командование применит в предстоящей наступательной операции в большом количестве новые танки, в том числе «тигры»[45]. Организованная и целенаправленная деятельность всех видов разведки помогла Ставке ВГК раскрыть замысел неприятеля, установить состав его ударных группировок и направление готовящихся ударов, то есть получить важные данные для принятия наиболее целесообразного решения.

Чекисты широко привлекались подпольными партийными комитетами к организации разведки партизан. Так, в Брестской области по согласованию с подпольным обкомом партии

командир опергруппы М. П. Хохлов стал начальником особого отдела Южной партизанской зоны. Он активно вел разведку и получил много ценных данных о переброске войск врага и строительстве укреплений[46].

Необходимым условием успешной разведывательной деятельности на оккупированной советской территории было наличие развитой и устойчивой системы связи, которая обеспечивала быструю и полную доставку полученной и обработанной информации. Для передачи разведывательных данных оперативных групп широко использовались радиосвязь и авиация. Значительную часть добытых документов врага, отчетов и донесений сотрудников партизанского разведаппарата, десятки наиболее ценных пленных отправляли на Большую землю с аэродромов, расположенных в партизанских зонах. Для выброски грузов и людей использовались также площадки, на которые высаживались подготовленные штабами партизанского движения разведчики и разведгруппы, доставлялись инструкции по ведению разведки и ряд письменных заданий.

Следует особо отметить работу разведывательно-диверсионных резидентур органов государственной безопасности СССР в городах. Так, резидентура под руководством И. Д. Кудри (Максим), который находился на оккупированной территории с документами на имя сына священника, расстрелянного советской властью, провела в Киеве серию диверсионных акций. Группой Максима были взорваны немецкая военная комендатура, кинотеатр, мосты, эшелоны с немецкими войсками, устроены пожары на промышленных предприятиях. Одновременно в Центр передавалась ценная разведывательная информация о немецких военных укреплениях в Киеве, дислокации немецких штабов и учреждений, разведывательных пунктов абвера. Были получены сведения на более чем 80 немецких шпионов и диверсантов, заброшенных абвером на советскую территорию. 5 июля 1942 г. И. Д. Кудря и несколько членов его резидентуры по доносу предателя были арестованы, в течение трех месяцев подвергались жестоким истязаниям и были казнены.

Разведывательно-диверсионная резидентура «Форт» под руководством В. А. Лягина, действовавшая в захваченном немцами Николаеве, передавала в центр важную информацию, осуществила ряд крупных диверсий по уничтожению аэродрома, нефтебазы, складов, оборудования заводов и морских судов, причинив оккупантам значительный ущерб в живой силе и технике. 5 февраля 1943 г. при выполнении очередного задания В. А. Лягин был схвачен гитлеровцами. На допросах он вел себя мужественно, несмотря на пытки, не выдал членов разведывательно-диверсионной группы. 17 июля 1943 г. В. А. Лягин был расстрелян оккупантами. Посмертно И. Д. Кудре и В. А. Лягину присвоены звания Героев Советского Союза.

В июле 1941 г. для оказания помощи местным органам безопасности в создании разведывательно-диверсионной резидентуры и формировании партизанских отрядов на случай оккупации города из Москвы в Одессу выехал сотрудник центрального аппарат НКВД капитан госбезопасности В. А. Молодцов (оперативный псевдоним Бадаев). Сформировав разведывательно-диверсионную резидентуру, он возглавил ее, перешел на нелегальное положение и остался в оккупированной Одессе. При резидентуре были сформированы два партизанских отряда, один из которых постоянно находился в пригородных подземных катакомбах, периодически совершая выходы на поверхность для проведения диверсионных акций. Командиром отряда был назначен горный инженер А. Клименко. Второй отряд под командованием бывшего председателя сельсовета А. Федоровича, состоявший из нескольких боевых групп, действовал в Одессе. Оба отряда были хорошо обеспечены вооружением и продуктами питания.

В сентябре 1941 г., анализируя деятельность УНКВД по Одесской области, в НКВД СССР пришли к выводу, что при создании агентурного аппарата для подполья были допущены ошибки, способные повлечь провал агентов. В качестве рекомендации было предложено «провести децентрализацию резидентур и агентурных групп. Оставить В. Молодцову не более двух-трех групп наиболее проверенных, надежных людей для выполнения операций по «Т» и разведывательной работы. Не расшифровывать их ни перед кем, даже перед работниками УНКВД, оставшимися в тылу. Агентов, оставляемых для работы на случай отхода советских

войск, необходимо еще раз тщательно проверить»[47]. В результате диверсий, проведенных по заданию В. А. Молодцова, партизанским отрядом А. Клименко были взорваны: полотно железной дороги, несколько военных складов, аэродромных сооружений, ангаров, складов горюче-смазочных материалов, пущены под откос эшелоны противника.

Разведывательная информация, собранная резидентурой В. А. Молодцова, докладывалась в ГКО и разведывательное управление Генерального штаба Красной армии[48]. Успешная деятельность резидентуры была прервана в феврале 1942 г. из-за предательства А. Федоровича, явившегося в румынскую службу безопасности. После того как румынской спецслужбе стали известны место расположения резидентуры, ее структура и численность, начались массовые аресты. 8 февраля 1942 г. В. А. Молодцов вместе со связными отправился в город для проведения встречи с командованием партизанского отряда, но на квартире бывшего командира партизанского отряда его ждала засада. В течение февраля — марта 1942 г. румынская контрразведка провела аресты почти всех членов партизанского отряда, действовавшего в Одессе.

Оставшись без поддержки извне, а также в связи с арестом В. А. Молодцова, партизанский отряд, находившийся в катакомбах, был деморализован. За четыре месяца партизаны не провели ни одной диверсионной акции. В связи с тем что в конце мая закончилось продовольствие, было принято решение отдельными группами по несколько человек пробираться к Савранским лесам, однако до намеченной цели никто не дошел. Большинство партизан попали в руки румынской контрразведки. В. А. Молодцов, находившийся в тюрьме около пяти месяцев, подвергался жестоким истязаниям, но вел себя мужественно. В конце мая 1942 г. на судебном процессе, организованном румынскими оккупационными войсками, он и его связные Т. У. Межигурская и Т. Г. Шестакова были осуждены к расстрелу, и 3 июля 1942 г. приговор был приведен в исполнение[49].

5 ноября 1944 г. капитану госбезопасности В. А. Молодцову было присвоено звание Героя Советского Союза. Орденами и медалями отмечены многие члены его резидентуры и бойцы партизанских отрядов.

НКГБ СССР, а также наркоматы госбезопасности БССР и УССР регулярно передавали командующим фронтами разведывательные данные (о местах сосредоточения войск противника, аэродромах, ангарах, складах боеприпасов и горюче-смазочных материалов, оборонительных сооружениях противника, строительстве новых рубежей обороны и т. д.), а также о действиях оперативных групп и отрядов на железнодорожных коммуникациях во вражеском тылу. Такая информация направлялась в декабре 1943 г., январе — марте, июле — августе, сентябре — октябре 1944 г. командующему войсками Белорусского фронта К. К. Рокоссовскому, 18 января 1944 г. — командующему войсками 1-го Украинского фронта Н. Ф. Ватутину[50].

Представленные разведывательные данные учитывались командованием 1-го Украинского фронта при разработке и проведении в начале 1944 г. Корсунь-Шевченковской и Ровно-Луцкой наступательных операций, в результате которых советские войска нанесли тяжелое поражение противнику и создали условия для дальнейшего наступления в направлении г. Владимир-Волынский и выхода к границам Польши. Командованием войск Белорусского фронта использовалась разведывательная информация, предоставленная оперативными группами НКГБ СССР, при проведении Калинковичско-Мозырской наступательной операции (январь — февраль 1944 г.), в ходе которой были освобождены Калинковичи, Мозырь и другие населенные пункты.

Несмотря на огромный размах разведывательной работы оперативных групп органов государственной безопасности, имели место недостатки и неиспользованные возможности. Одним из недостатков зафронтовой разведки было нарушение принципа строгой специализации работы разведывательной агентуры. Дело обстояло таким образом, что агенту, работавшему в городе, гарнизоне или учреждении врага, поручали выполнять множество других самых разнообразных заданий. И ценнейшие агенты иногда, не будучи разоблаченными в разведывательной деятельности, погибали или оказывались пойманными при распространении листовок или попытках достать что-либо для партизан. Разведчики приносили

в партизанские отряды бумагу, типографские краски, шрифты, медикаменты, пишущие машинки, переводили и уводили людей, распространяли пропагандистские материалы. Многих оперативных работников и руководителей разведывательно-диверсионных резидентур недостаточно заботила возможная судьба агента. Они посылали на связь к негласному источнику разных лиц, допускали появление разведчика днем в отряде так, что его видели многие, вносили, не шифруя, фамилии агентов в записные книжки. В некоторых случаях не проявлялась забота о своевременном перемещении разведчиков и агентов, когда их дальнейшая работа стояла под угрозой.

Крупнейшим недостатком также было отсутствие у разведывательных групп и резидентур портативных радиостанций ближнего действия, по которым они могли бы, получая срочные и важные разведывательные сведения, передавать их в штаб отряда или бригады. Получалось так, что передать эти сведения из отряда или бригады в Москву было легче, чем пронести из города и гарнизона врага в отряд или находившуюся где-либо поблизости разведывательную группу. Это приводило к удлинению сроков поступления сведений и стоило жизни некоторым разведчикам.

Вместе с тем противнику было трудно досконально изучить разведывательные приемы оперативных групп органов государственной безопасности и партизанских формирований, созданных на их основе. Это видно из трофейного документа «Особые распоряжения по борьбе с партизанским движением и шпионажем», изданного разведотделом главного командования армейской группы 12 июля 1942 г. Судя по нему, гитлеровцы не располагали какими-либо документами, четкими представлениями о нашей разведке, а свалили в общую кучу кое-как собранные данные, пользуясь в основном единственным источником — допросами провалившихся разведчиков либо откровенных предателей[51].

Диверсионная деятельность на коммуникациях и объектах противника

В годы Великой Отечественной войны одной из главных задач борьбы с захватчиками на оккупированной советской территории было нарушение работы транспорта противника, что выражалось в разрушении искусственных сооружений, путей, станций, пристаней, крушении поездов, подрывах автомашин и судов. Коммуникационные линии действующих армий представляли собой совокупность железнодорожных, водных и грунтовых путей сообщения, по которым производились переброска и сосредоточение войск, пополнение армии необходимым личным составом и материальными средствами, эвакуация раненых, больных, пленных, трофеев и всего лишнего, стесняющего проведение очередной операции. В годы войны первостепенное значение приобрели железные дороги как наиболее мобильный вид транспорта. Огромные массы вооружения, боевой техники и других видов военного снабжения могли быть доставлены войскам в целом лишь железнодорожным транспортом. Именно в силу этих причин железные дороги стали основным объектом диверсионной деятельности партизан[52].

Еще 1 июля 1941 г. появилась директива НКГБ СССР о ведении работы в тылу противника. Она поставила конкретную задачу перед органами государственной безопасности — приступить к диверсионно-террористической и разведывательной работе в тылу врага[53]. Подразделениям НКВД — УНКВД прифронтовых областей помимо формирования партизанских отрядов вменялось в обязанность немедленно приступить к организации и руководству такого рода работой на оккупированной территории. Этим же задачам в полной мере было подчинено и специальное обучение чекистских кадров, которые направлялись после подготовки на временно оккупированную территорию для боевой деятельности. Достаточно отметить, что из 30-часовой программы обучения на курсах на диверсионную подготовку отводилось больше половины учебных часов.

Партизанская разведка

Диверсии на железных дорогах осуществлялись подрывниками из числа партизан, бойцов оперативных групп органов госбезопасности и агентами, работавшими на станциях, крупных железнодорожных узлах, в железнодорожных депо, ремонтных мастерских и т. д. Чаще всего выводились из строя железнодорожное полотно и различные сооружения (мосты, виадуки, депо, водокачки, линии связи). Наибольший эффект достигался в результате подрыва важных объектов. Взрыв железнодорожного полотна, мостов, путепроводов обычно приурочивался ко времени прохождения по ним поездов. Всякое крушение поезда вызывало серьезные нарушения движения по магистрали.

Характер диверсионной деятельности на железных дорогах в тылу противника менялся в соответствии с обстановкой на фронте. В первый период Великой Отечественной войны сложились исключительно благоприятные условия для диверсионных действий на железнодорожных коммуникациях неприятеля, поскольку немецко-фашистское командование, исходя из планов молниеносной войны против Советского Союза, не предпринимало серьезных мер по охране железных дорог. Однако в тот период диверсионная деятельность на железных дорогах не получила широкого размаха, поскольку не хватало подрывников и самих подрывных средств. Кроме того, на эффективности диверсионных ударов сказывались слабое знание оперативной обстановки, отсутствие агентов на железнодорожных узлах, станциях и других объектах. Диверсии на железнодорожных коммуникациях иногда совершались без учета замыслов командования советских войск и партизанских формирований и нередко на второстепенных объектах.

Во второй период войны диверсионная деятельность на железных дорогах приняла широкий размах. По указанию ЦК компартии и советского правительства увеличилось количество забрасываемых за линию фронта минно-подрывных средств, была налажена регулярная подготовка подрывников в партизанских отрядах и оперативных группах органов госбезопасности. По примеру партизанских формирований в группах организовывали так называемые «лесные курсы», где опытные минеры-подрывники обучали минно-подрывному делу других бойцов. Диверсии на железных дорогах стали согласовываться с командованием Красной армии, а также с Центральным и республиканскими штабами партизанского движения. Командование и военные советы фронтов, Главное военно-инженерное управление Красной армии неоднократно обращались в НКГБ СССР, НКГБ Украинской и Белорусской ССР с просьбами об организации диверсионных актов на той или иной магистрали. Так, в декабре 1943 г. командующий 1-м Белорусским фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский просил НКГБ СССР оказать помощь фронту посылкой диверсионно-разведывательных отрядов для воздействия на перевозки и разрушение основных железнодорожных коммуникаций в тылу противника[54]. В январе 1944 г. за линию фронта были переброшены три оперативные группы общей численностью 111 человек с задачей к началу наступления 1-го Белорусского фронта вывести из строя железные дороги на участках Старушки — Пинск, Бобруйск — Минск, Бобруйск — Старушки. К выполнению задания были также привлечены оперативные группы «Бывалые», «Местные» и другие, уже действовавшие во вражеском тылу. Только три группы с 17 января по 12 июля 1944 г. пустили под откос 79 вражеских эшелонов с живой силой и боевой техникой, подорвали четыре бронепоезда, уничтожили и повредили 96 паровозов, 577 вагонов и платформ[55].

В основе диверсионной деятельности оперативных групп органов госбезопасности лежала боевая работа небольших по своей численности групп подрывников. Располагая взрывчатыми веществами, они выходили к местам предстоящих диверсий, которые определялись Центром с учетом рекомендаций командования Красной армии. Предусматривался тщательный подбор состава для диверсионных групп: помимо честных, проверенных и смелых людей предпочтение отдавалось людям, знакомым с техникой. При подготовке их уделялось внимание как работе с подрывными и зажигательными средствами, так и расчетам по разрушению и умению оценить жизненные части сооружений и агрегатов[56].

Одним из главных направлений стали диверсии на транспортных коммуникациях, важнейшими из которых являлись железные дороги. Следует отметить, что диверсии были

одним из самых эффективных и дешевых видов нарушения работы тыла противника, особенно транспорта. Так, немецкая авиация, по данным Управления МПВО НКПС СССР, на один час перерыва движения на двухпутном участке расходовала в первые месяцы войны 1500 кг, а в 1944 г. до 7500 кг авиабомб. Опытные диверсанты, соответственно, расходовали при крушении поездов на один час перерыва движения 2,4—3,5 кг минно-взрывных средств, то есть в 625—2100 раз меньше, чем немецкая авиация[57].

Методы диверсионной деятельности здесь были многообразны. Например, железнодорожное полотно на однопутном участке минировалось в одном или в нескольких местах, а на двухпутном участке минировались обе железнодорожные колеи. При осуществлении этих операций использовались толовые заряды и самые разнообразные минные устройства — от миниатюрных магнитных мин, мин замедленного действия (МЗД) и неизвлекаемых мин (НМ) до мощных фугасов. Среди подрывников Отдельной мотострелковой бригады особого назначения (ОМСБОН НКВД СССР) были асы минно-подрывного дела, на личном счету которых от 10 до 20 и более спущенных под откос вражеских эшелонов, взорванные мосты, станционные сооружения и другие объекты. К их числу принадлежали Е. А. Телегуев (на личном счету — 20 эшелонов), П. С. Лисицын (19), И. В. Майский (18), Э. Б. Соломон (Калошин — 17)[58].

Наиболее длительное воздействие на железные дороги противника достигалось минами замедленного действия. Установленные противопоездные МЗД взрывались под проходящим поездом только после установленного срока замедления. Мины замедленного действия обладали преимуществом перед минами мгновенного действия (ММД) тем, что одновременно можно было установить значительное количество МЗД с различными сроками замедления, в результате взрывы происходили периодически после восстановления противником полотна железной дороги. Массовое применение МЗД с различными сроками замедления даже при одновременной установке могло закрыть движение вражеских эшелонов на 2—3 месяца[59].

Малые потери советских диверсантов при производстве крушений поездов и большие потери при этом противника обусловливались нанесением урона врагу не боем, а с помощью МЗД, действие которых происходило, когда диверсанты находились в недосягаемости, а также пониженной сопротивляемостью войск противника непосредственно после крушения, что давало возможность резко увеличить потери гитлеровцев нападением на них из засад[60]. Количество групп, выделяемых на выполнение операции по установке МЗД, определялось исходной нормой: для рытья ямы глубиной от 80 сантиметров до 1 метра, для установки и маскировки МЗД с дополнительным зарядом требовалось работа двух минеров в течение примерно 30 минут.

Плотность охраны путей сообщения на оккупированной территории СССР колебалась от одного до десяти батальонов на 100 км дорог. Расход больших сил и средств на их охрану, как признавали сами гитлеровцы, лишал их возможности проводить активные систематические операции против партизан[61]. С весны 1943 г. фашистское командование значительно увеличило число охранных и полицейских гарнизонов в населенных пунктах, расположенных близ железнодорожных магистралей и шоссейных дорог. Серьезнейшей опасностью для групп подрывников стали вражеские засады, поджидавшие их на подступах к магистрали и на путях отхода к лесу. Их можно было ожидать и на любом отрезке маршрута за пределами партизанской зоны. А подрывникам каждый раз приходилось проделывать немалый путь от лагеря к месту диверсии, нередко по болотам, сквозь чащобы и буреломы, а в отдельных местах — и по открытой местности, до 30—40 км. В некоторых случаях перед минерами ставилась задача проведения целевой диверсии на особо отдаленных от базы магистралях. Тогда путь подрывников удлинялся до 100 и более километров[62].

Обычно диверсионной группе давался предельный срок возвращения на базу — как правило, неделя. Перед выходом каждой группы в штабе отряда уточнялось задание. Подрывников знакомили с последними донесениями связных и разведчиков о ситуации на предполагаемом маршруте движения группы и на магистрали. Это являлось исходным ориентиром для подрывников. В походе группа вела разведку и непрерывное наблюдение,

Мост будет взорван

уточняла обстановку и в зависимости от этого определяла реальный маршрут, а также место и конкретный способ осуществления диверсии. В пути приходилось проявлять максимум осторожности в общении с местными жителями, чтобы не подвергать их смертельной опасности: ведь в случае обнаружения связи с партизанами их вместе с семьями ожидал расстрел. Опасались и вражеской агентуры.

В ход пускались также самодельные мины, изобретенные самими подрывниками. Так, группа минеров соединения имени Александра Невского и слесарь-подпольщик Я. Каплюк создали самодельную мину «Самолет» и специально для нее особый тип взрывателя[63].

В 1943–1944 гг. подрывные группы стали численно крупнее: минеры действовали под боевым прикрытием. Подойдя к дороге, группа залегала в пределах хорошей видимости железнодорожного полотна, изучала обстановку, вела наблюдение, выбирала места подхода к полотну. Иногда это длилось несколько суток. Установка каждой мины требовала подлинного мастерства, предельного напряжения и внимания. Особую опасность представляла установка неизвлекаемых мин, способных сработать при малейшем прикосновении и от любого колебания почвы. Подрывники ОМСБОН овладели этим искусством, сотни таких мин были установлены ими на различных магистралях. Необходимо было умение и при маскировке мин: на месте их установки не должно было оставаться никаких следов работы минеров, нельзя было перемешивать сухие верхние слои земли с сырыми нижними — это сразу вызвало подозрение охранников, поэтому лишнюю землю собирали в плащ-палатку и уносили с собой. Установив мину, сверху укладывали побеленные известью камешки, как они лежали вдоль полотна до минирования; отходя, стирали следы своего пребывания у дороги или же на станции (полустанке)[64].

В зависимости от обстановки и характера задания применяли разные способы минирования дорог и использовали различные системы мин. В большинстве случаев устанавливали мины с взрывателями замедленного действия. Иногда же приходилось прибегать к самому смелому и дерзкому приему — установке мины «под поезд». Делалось это обычно днем, чтобы обмануть бдительность патрулей. В этих случаях минер, прикрываемый товарищами, при приближении поезда бежал к полотну дороги с минным зарядом и бикфордовым шнуром длиной не более 40 сантиметров. Мина ставилась буквально в 300–500 метрах от идущего поезда. Всего 40 секунд было в распоряжении подрывника для отхода, пока горел бикфордов шнур. Требовались исключительная смелость, точность расчета и особое мастерство[65].

В 1943–1944 гг. все чаще стали прибегать к установке неизвлекаемых мин с электродетонаторами. Большую изобретательность проявили подрывники оперативных групп ОМСБОН и во время операций на шоссейных магистралях. Так, весной 1942 г. группа подрывников из чекистского отряда Бажанова использовала в качестве мины-ловушки немецкий мешок из-под сахара. В него вложили артиллерийский снаряд, 3 кг тола, мину и бросили на шоссе в расчете на то, что сахар привлечет внимание проезжающих военных. На эту ловушку попались офицеры, ехавшие в штабной машине. Вскоре после этого бойцы заминировали на шоссе трофейный мотоцикл. Его попытался сбросить с дороги немецкий шофер грузовой машины, и в результате в воздух взлетела машина с взводом гитлеровских солдат[66].

Подрывники не прекращали своих операций и после того, как заканчивались запасы мин и тола. В лесах и на полях оставалось много артиллерийских снарядов, и подрывники научились добывать из них тол. Так, в отряде ОМСБОН НКВД «Боевой» этот способ добычи взрывчатки первым предложил начальник штаба, бывший артиллерист Л. А. Попковский. Боец Г. А. Семенов разработал технологию выплавки тола из снарядов на кострах, в результате удалось добыть 5,5 тонн тола. Своим опытом «Боевой» поделился с другими отрядами. К этому способу добычи тола прибегали и бойцы отряда «Олимп». Когда в мае 1943 г. в отряде кончились запасы тола, бойцы были брошены на поиски оставшихся на полях и в лесах авиабомб, артиллерийских снарядов и мин, их разряжали и затем выплавляли взрывчатку. Минеры отряда «Олимп» создали самодельную неизвлекаемую мину, и при первом же ее применении был спущен под откос эшелон с 22 вагонами и тремя цистернами с горючим. Случилось так, что одновременно на втором пути на мине, поставленной местными партизанами, взорвался встречный поезд[67]. За период боевой деятельности за линией фронта бойцами спецотряда «Олимп» было пущено под откос 56 эшелонов с живой силой и техникой противника, разбиты и повреждены 61 паровоз, 429 вагонов, взорвано и сожжено 27 мостов, уничтожено семь самолетов, 355 танков и автомашин, разрушено 5200 метров железнодорожных путей, 5700 метров телефонной и телеграфной сети[68].

Активно вела диверсионную деятельность на железных дорогах и коммуникациях противника спецгруппа «Соколы» и созданный при ней партизанский отряда «Орловцы». С января 1943 по июль 1944 г. было подорвано 16 эшелонов противника, разбито и выведено из строя 16 паровозов, 111 железнодорожных вагонов и платформ, в том числе: с танками — 16, с боевой техникой — 11, с боеприпасами — 9, с автомашинами — 10, с лесоматериалами — 19, с живой силой — 13, с запасными частями — 4, с продовольствием — 3, цистерн с бензином — 8. Было подорвано, разобрано и унесено 3,5 км рельсов на узкоколейке Барановичи — Кривошин, подорвано на железнодорожных магистралях 759 штук рельсов. Уничтожено на железной дороге 90 км телефонной и телеграфной связи и на шоссейных дорогах — 9 км[69].

За полтора года пребывания во вражеском тылу, с апреля 1942 по октябрь 1943 г., оперативная группа «Вперед» в результате диверсионных акций пустила под откос 101 воинский эшелон, при этом уничтожив 77 паровозов, 1180 вагонов, платформ и цистерн, 59 755 метров железнодорожных путей[70].

Активная диверсионная деятельность органов безопасности за линией фронта отвлекла значительные силы и средства противника на охрану железных и шоссейных дорог, военных и промышленных объектов. Летом 1944 г., перед началом наступления советских войск в Белоруссии, почти все оперативные резервы немецкого командования в полосе группы армий

Результат взрыва мины замедленного действия

«Центр» были выделены на охрану тыла и борьбу с партизанами. Когда началось наступление советских войск, эти резервы, скованные активными действиями партизан и оперативных групп, не могли своевременно выдвинуться на угрожаемые направления.

Диверсии на военных и промышленных объектах, в административных учреждениях осуществлялись оперативными группами путем взрывов и поджогов. Способы совершения диверсионных актов зависели от вида взрывных устройств, надежности охраны объектов, наличия на них агентов оперативных групп, а также от характера карательных акций, которые могли последовать со стороны немецкого военного командования и оккупационных властей по отношению к местному населению. Диверсионные акции тщательно готовились: проводилась разведка, изучалась местность вблизи объекта, выявлялись наиболее безопасные подходы к нему, система охраны и обороны. Подготовка диверсионных акций на базах и складах, в штабах и узлах связи, тщательно охраняемых немецкими войсковыми подразделениями, требовала больше времени и привлечения значительного числа участников. Чаще всего такие диверсии осуществлялись ночью, поскольку в это время легче было застать противника врасплох.

Для проведения диверсионных акций на заводах, фабриках, в учреждениях, находившихся на оккупированных территориях, которые слабо охранялись, требовалось, как правило, значительно меньше людей, чем для диверсий в штабах, на базах и складах. Они совершались, когда на названных объектах не было рабочих и служащих. Диверсии в ресторанах и столовых проводились чаще вечером, когда там собирались немецкие офицеры и служащие оккупационной администрации. В результате проведения диверсионных акций оперативной

группой «Соколы» на военных и промышленных объектах, в административных учреждениях было разгромлено два немецких гарнизона, разбита и сожжена 41 автомашина, выведены из строя фабрика, кирпичный завод, лесозавод, маслозавод, подорваны железнодорожный и шоссейный мосты. Оперативной группой «Вперед» было взорвано и сожжено 38 мостов, 58 учреждений противника, 43 предприятия и разных склада, уничтожено 75 автомашин, пять самолетов, 39 танков и другая техника[71].

Успешные диверсии на транспорте и в промышленности, особенно если они не затрагивали интересов местного населения, способствовали вовлечению его в активную борьбу с оккупантами. Слова агитации и пропаганды подкреплялись делами.

Следует особо отметить, что исключительно сильным было моральное воздействие крушений поездов на перевозимые войска, которые на себе испытывали диверсии партизан и видели валяющиеся на обочинах разбитые вагоны. Массовое применение диверсантами органов госбезопасности всевозможных мин заставляло фашистов отказываться от ночного движения. Для облегчения поисков мин гитлеровцы предпринимали следующие меры: цепляли впереди паровоза пустые платформы; пропускали контрольные поезда перед открытием утреннего движения; практиковали пропуск поездов пакетами, то есть несколько — один за другим; очищали балласт из-под подошв рельсов; тщательно укладывали вдоль рельсов гравий и поливали его раствором извести; в одних местах в конце дня охрана протаскивала по полотну связки прутьев, в других — к последнему вагону вечернего поезда прицепляли цепи, оставляющие на профиле борозду. На подготовленном таким образом полотне были отчетливо заметны следы при утреннем осмотре участка железной дороги[72]. Все эти меры облегчали поиск мин. Как правило, если кто-нибудь из охраны подрывался при разминировании, фашисты отказывались от попыток извлекать мины и взрывали шашками тола или гранатами все подозрительные места на полотне. В этой связи диверсанты делали ложные установки с демаскирующими признаками[73].

По инструкции немецкой администрации, машинисты на некоторых железных дорогах были обязаны ездить со скоростью до 25 км/час, а иногда 15 км/час, вместо обычной скорости 45—50 км/час. На прямых участках пути при таких скоростях паровозы почти всегда, если и сходили с рельс, то оставались на насыпи, и подъем их для оккупантов не был труден. Однако на кривых участках подрыв на минах почти всегда приводил к падению паровоза под откос[74].

Диверсанты заставляли машинистов нагонять поезда на мины с повышенной скоростью, устраивая для этого засады за 1—1,5 км до установленной мины и обстреливая паровоз ружейно-пулеметным огнем (как правило, машинист в таких случаях невольно прибавлял скорость). В целях увеличения размеров крушений выбирались места, где скорости поездов были наибольшие — после длительных спусков и перед подъемами, на кривых, высоких насыпях и в выемках[75]. Противодействуя диверсиям, гитлеровцы устраивали засады и вводили ночное патрулирование участков железной дороги. Для охраны железной дороги от диверсий партизан и обнаружения мин часто использовали собак.

Зачастую диверсии осуществлялись на железнодорожных станциях. Так, в 1943 г. агент оперативной группы органов госбезопасности «Храбрецы» Крылович осуществил 31 мая 1943 г. крупную диверсию на Могилевском железнодорожном узле. Мины взорвались, когда эшелон прибыл на станцию Могилев. В результате этой диверсии сгорело четыре эшелона, 67 вагонов со снарядами и авиабомбами, 28 цистерн с горючим и 12 вагонов с продовольствием, при этом были выведены из строя пять паровозов, пять танков «тигр», 10 бронемашин и другая боевая техника[76].

Таким образом, методы диверсий на железных дорогах были хорошо отработаны и приносили серьезные результаты. Это позволило с накоплением опыта и сил перейти к крупномасштабным диверсионным операциям, намечающим решение стратегических задач войны. Так, начало 1943 г. партизаны ознаменовали переходом к массированным ударам по коммуникациям врага, в ходе которых боевые действия сочетались с минированием дорог

Диверсия на железной дороге

и выведением их из строя на значительном расстоянии. В Белоруссии первой такой стала операция под кодовым наименованием «Гранит», проведенная в январе 1943 г.[77]

В числе первых одновременный вывод из строя железных дорог на большом участке отряды ОМСБОН НКВД начали применять еще в 1942 г. в лесах Смоленщины. Этот прием не раз использовали и в бригаде С. А. Ваупшасова. Так, в апреле 1943 г. семь диверсионных групп бригады, действуя одновременно, вывели из строя на несколько суток магистрали Минск — Барановичи и Минск — Бобруйск. Через месяц эти же магистрали вновь были парализованы в результате одновременного налета 12 укрупненных групп отряда, вооруженных ручным пулеметами[78].

14 июля 1943 г. был издан секретный приказ начальника ЦШПД П. К. Пономаренко «О партизанской рельсовой войне на коммуникациях врага». Основная цель операции «Рельсовая война» — массовым повсеместным уничтожением рельсов сорвать все замыслы врага, поставить его в катастрофическое положение. Приказывалось уничтожать рельсы на основных магистралях, запасных, вспомогательных, деповских путях, уничтожать запасные рельсы, исключая для противника возможность перешивания и маневрирования рельсами[79].

Анализ публикаций, посвященных проблеме диверсий в тылу врага, показывает неоднозначную позицию авторов в отношении операции «Рельсовая война», начавшейся летом 1943 г. До последнего времени преобладала точка зрения, и она присутствует в большинстве

работ, посвященных Великой Отечественной войны, о положительном результате этой операции[80]. Однако существует мнение и о неэффективности рельсовой войны. Основоположником этой идеи явился крупнейший специалист по партизанским диверсиям И. Г. Старинов. По его мнению, «вредность установки начальника ЦШПД на повсеместный подрыв рельсов заключалась в том, что на оккупированной территории на 1 января 1943 г. было 11 млн рельсов, а подрыв 200 тысяч рельсов в месяц составлял менее 2 процентов, что для оккупантов было вполне терпимо, тем более если рельсы подрывались в значительной мере там, где немцы при отходе сами разрушить не могли»[81].

Первый удар «Рельсовой войны» ЦШПД намечал провести в начале августа, но И. В. Сталин рекомендовал начать операцию немного раньше, синхронизируя ее с наступлением Красной армии. Верховный главнокомандующий оценил это взаимодействие партизан с Красной армией как первую крупную совместно разработанную операцию по разгрому противника. В ночь на 22 июля 1943 г. операцию начали партизаны, действующие в районе г. Орла. Остальные партизанские силы, за исключением украинских, литовских, молдавских и эстонских, включились в «Рельсовую войну» в ночь на 3 августа. Всего в операции было задействовано 167 партизанских бригад и отдельных отрядов общей численностью 95 615 человек.

К еще одному из видов диверсий, совершаемых оперативными группами органов госбезопасности и партизанами, следует отнести подрывы и порчу мостов. Мосты, которые подвергались диверсиям, были самые различные как по своей структуре (деревянные, железобетонные), так и по стратегическому значению. Лучшим способом разрушения деревянных мостов являлось сжигание надводной или подрыв подводной его части[82]. Подрыв железобетонных мостов осуществлялся путем минирования пролетных строений и опор. Пролетные строения подрывались в одном месте, если они были не более 10 метров, и в двух местах при большей длине.

В штабах отрядов и бригад ОМСБОН НКВД СССР разрабатывались планы многих крупных диверсий и на других объектах. В их осуществлении особая роль возлагалась на подпольщиков: ведь установить мины и заряды на строго охраняемых объектах могли только люди, имеющие к ним свободный допуск и не вызывающие у охраны подозрений[83]. О масштабах этих операций свидетельствуют следующие данные: только за первые восемь месяцев действий в тылу врага отряд М. С. Прудникова совершил более 200 диверсий. Свыше 50 крупных диверсий было на счету отряда С. А. Ваупшасова, и подавляющее их большинство — в Минске[84]. В 1942–1944 гг. около 70 раз — и в ночные часы, и среди белого дня — Минск и другие города сотрясали мощные взрывы зарядов, заложенных подпольщиками и подрывниками «Местных»[85]. В организации наиболее значительных диверсий принимали личное участие командиры отрядов и бригад.

При диверсиях на важных военных и промышленных объектах, на электростанциях, в учреждениях связи, а также на объектах в сельской местности использовалось минирование, организовывались поджоги, уничтожение и выведение из строя объектов и иными способами. В основном здесь применялись минирование подрывными устройствами различной взрывной силы, установление мин с часовым механизмом взрывателя, а также минами, закамуфлированными под дрова, брикеты торфа. Чекистские подразделения организовали также множество диверсий путем поджогов с имитацией самовоспламенения с помощью табельных средств или с помощью зажигательных устройств, изготовленных на месте из подручных материалов. Был организован многочисленный вывод из строя различного промышленного оборудования, станочного парка, электрогенераторов, паровых турбин путем замыкания электропроводов и другими способами.

Работа по разрушению или минированию любых объектов разделялась на два этапа: первый включал в себя подготовку к диверсионному акту, второй — исполнение. Случайная, непродуманная установка мин хотя и наносила урон фашистам, однако не давала того внушительного эффекта, который достигался в результате спланированного минирования[86]. О тщательности подготовки и осуществления диверсионных актов свидетельствует следую-

щий пример. В первых числах мая 1942 г. оперативная группа «Неуловимые» получила данные о том, что на окраине Полоцка расположена крупная нефтебаза противника, снабжавшая горючим немецко-фашистские войска. Было принято решение взорвать ее. Через агентов из местных жителей выяснили, что территория базы обнесена проволочным заграждением, на вышках выставлены пулеметы, днем и ночью стоят часовые. Выполнение задачи возложили на группу опытных разведчиков-подрывников В. Никольского, И. Зырянова и И. Верхогляда. Поздно вечером 12 мая подрывники появились у базы. Никольский и Верхогляд незаметно для часовых преодолели колючую проволоку, а Зырянов остался на месте, чтобы в случае опасности прикрыть их действия. Проникнув на территорию базы, подрывники заложили взрывчатку под бак с горючим и подожгли бикфордов шнур. Когда часовые заметили диверсантов, было уже поздно — оглушительный взрыв сотряс воздух. Никольский, Верхогляд и Зырянов благополучно возвратились на базу. В результате вывода из строя этой базы было нарушено снабжение горючим немецко-фашистских войск.

Действия оперативных групп и отрядов 4-го управления НКГБ в мае — июне 1944 г. были тесно связаны с предстоящими наступательными операциями Красной армии. Оперативные группы и отряды органов безопасности активно действовали на территории Белоруссии, где войсками 1, 2, 3-го Белорусских и 1-го Прибалтийского фронтов осуществлялась одна из крупнейших стратегических наступательных операций 1944 г.

Всего в июне 1944 г. в тылу противника действовало 118 оперативных групп и отрядов НКГБ СССР общей численностью до 6960 человек, в том числе оперативных групп НКГБ СССР — 25, НКГБ БССР — 63, НКГБ УССР — 8, НКГБ Карело-Финской АССР — 9, НКГБ Литовской ССР — 7, УНКГБ Ленинградской области — 6. Оперативными группами в июне было пущено под откос 193 эшелона противника с живой силой, техникой и вооружением, уничтожено и повреждено 206 паровозов, разбито 1694 вагона, платформы и цистерны с горючим, уничтожено 177 автомашин, взорвано 15 железнодорожных и автомобильных мостов, повреждено 10 700 метров железнодорожного полотна, убиты и ранены 12 350 солдат и офицеров противника[87].

Оперативная группа под командованием Агабекова, действовавшая в районе Волковыска Белостокской области, в конце апреля произвела подрыв офицерского ресторана в Белостоке, в результате были убиты до 200 немецких офицеров. 21 мая 1944 г. оперативная группа под командованием С. А. Ваупшасова осуществила взрыв здания полиции и жандармерии в Несвиже Барановичской области БССР, были убиты и ранены 29 полицейских и жандармов. Оперативной группой под командованием Шихова было пущено под откос восемь эшелонов противника с живой силой, техникой и вооружением, а 8 июня подорван бронепоезд противника. В результате диверсии было разбито восемь броневагонов, бронепаровоз, один танк, четыре орудия и убиты до 70 человек из команды бронепоезда. Дорога вышла из строя на двое суток[88].

Спецотряды «Охотники» под командованием Н. А. Прокопюка и «Олимп» под командованием В. А. Карасева совершили рейд и эффективно действовали на территории Польши, а затем Чехословакии и Венгрии. Отряд «Охотники», действовавший в Цуманьских лесах на Украине, с августа 1942 по апрель 1944 г. уничтожил 21 эшелон с живой силой и техникой противника. Основываясь на разведывательных данных отряда, авиация дальнего действия Красной армии осуществила ряд результативных налетов на объекты противника. В апреле 1944 г. отряд «Охотники» по приказу из Москвы начал перемещение на территорию Польши.

Отряд «Олимп» действовал в тылу противника с 10 февраля 1943 по 15 февраля 1945 г., совершая глубокие рейды на территории Белоруссии, Украины, Польши, Чехословакии и Венгрии, прошел путь протяженностью более 11 500 км, провел в сложных условиях более 130 крупных боев и столкновений с немецко-фашистскими войсками и различными формированиями: РОА, восточными легионами, Калмыцким кавалерийским корпусом и бандами украинских националистов. На своем пути бойцы отряда разрушали коммуникации противника, уничтожали живую силу и технику, делали всё, чтобы жизнь оккупантов стала невыносимой. В апреле 1944 г. отряд «Олимп» с другими партизанскими соединениями совершил

Рельсовая война

рейд в Польшу, ведя бои с подразделениями дивизии «Галичина», польскими полицейскими и жандармскими частями, немецкими и литовскими охранными подразделениями. Многие местные жители и гитлеровское командование восприняли появление отряда «Олимп» в восточных районах Польши как прорыв передового соединения Красной армии. Масштабы паники оказались настолько велики, что вынудили генерал-губернатора Польши Г. Франка отдать специальное распоряжение о применении расстрела к распространителям слухов. Отряд добывал разведывательную информацию о наличии действовавших и строившихся военных аэродромов в районе Кракова, количестве и типах самолетов.

Наиболее крупные и тяжелые бои на территории Польши начались после посещения 23 мая 1944 г. Г. Гиммлером Кракова. В Краковском замке на совещании руководителей центрального аппарата гестапо, жандармерии, полиции и генерал-губернаторства была поставлена задача уничтожения партизанских соединений в Яновских лесах путем крупной карательной экспедиции. Начавшаяся экспедиция затянулась почти до конца июня 1944 г. Для уничтожения партизан противник подтянул значительные силы — не только многочисленные национальные формирования, но и немецкие армейские части и дивизию СС «Викинг». Когда вражеское кольцо начало стремительно сжиматься, партизаны совершили прорыв, из окружения было выведено 11 партизанских отрядов, две оперативные группы и другие отряды.

С начала июля 1944 г. начался рейд отряда «Олимп» по территории Чехословакии. Разведчики отряда получили важную информацию о производстве гитлеровцами на заводах в

районе Братиславы сверхсекретного оружия — ракет ФАУ. Наряду с разведывательно-диверсионной деятельностью, командование занималось и формированием национальных боевых отрядов. После словацкого восстания 30 августа 1944 г. и оккупации Словакии армия была деморализована, солдаты и офицеры группами и в одиночку уходили в леса. Оперативной группой «Олимп» из разрозненных словацких групп, разбитых немцами, в течение двух дней были сформированы 20 отрядов по 100 человек в каждом.

Следует отметить, что органы госбезопасности совершали диверсии не только на оккупированной советской территории, но и на территории стран Восточной Европы. В Польше диверсионную работу вели 26 оперативных групп, в Чехословакии — 30 групп. Оперативная группа «Дальние» (Польша) вывела из строя 89 паровозов. Оперативные группы, действовавшие в Чехословакии, взорвали 26 железнодорожных мостов, пустили под откос 56 эшелонов с живой силой и боевой техникой врага.

Всего за годы войны только оперативными группами органов государственной безопасности СССР было пущено под откос 2852 железнодорожных эшелона, разбито и повреждено 2923 паровоза, 30 547 вагонов и цистерн с горючим, взорвано 1325 железнодорожных и шоссейных мостов, разрушено 254 км железнодорожного пути, 863 км линий связи, взорвано или сожжено 1364 промышленных предприятия и склада.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что задачу по длительному нарушению движения партизаны и оперативные группы государственной безопасности могли с наименьшей затратой сил и средств решить при помощи МЗД и радиоуправляемых мин. А для нанесения эффективных ударов по врагу необходимо было тесное взаимодействие между оперативными группами НКВД — НКГБ и партизанскими формированиями, своевременное снабжение их соответствующими диверсионными средствами.

В годы Великой Отечественной войны гитлеровцам был нанесен серьезный урон диверсиями на важнейших коммуникациях на оккупированной советской территории, но возможности по нарушению вражеского тыла были использованы в незначительной мере. Это произошло в силу ряда причин: сохранилось очень мало обученных людей[89], а на подготовку кадров было затрачено недостаточно времени; не хватало нужной техники, партизаны и оперативные группы государственной безопасности испытывали острый недостаток во взрывчатых веществах, которых получали от 10 до 25% потребности; не было единого органа, который бы занимался подготовкой, обеспечением и руководством диверсантами[90].

Контрразведывательное обеспечение советских партизанских формирований

Контрразведывательное обеспечение партизанских формирований являлось одним из важнейших факторов, содействовавших успеху боевой деятельности советских партизан и их живучести в годы Великой Отечественной войны. Главная цель этого обеспечения состояла в надежном ограждении партизан от подрывной деятельности спецслужб противника и враждебных элементов.

Ведение борьбы с гитлеровской агентурой, засылаемой в партизанские отряды, возлагалось на заместителей командиров по разведке или их помощников по контрразведывательной работе. Вместе с тем в боевой практике имелось немало примеров, когда контрразведывательные службы партизанских формирований действовали самостоятельно, то есть не входя в состав разведывательных органов (в соединениях — особые отделы, в отрядах — оперативные уполномоченные).

Понятие контрразведывательного обеспечения партизанских формирований трактуется несколько шире, чем только ограждение партизан от агентуры противника, так как чекисты

проводили и другие специальные мероприятия. Наиболее полный перечень их приводит В. Н. Андрианов: «Своевременное получение информации о замыслах и планах гитлеровцев, направленных ими на подрыв партизанского движения; выявление проникших в ряды партизан агентов спецслужб оккупантов; пресечение подрывной деятельности против партизан; проведение мероприятий по зашифровке и маскировке районов базирования партизан; поддержание совместно с командованием партизанских формирований установленного режима, обеспечивающего сохранение в тайне секретов партизан и предупреждение утечки секретных сведений к противнику; тщательная проверка новых лиц, принимаемых в партизанские отряды; выявление причин и условий, снижавших боеспособность партизан и результативность боевых операций; обеспечение личной безопасности руководства партизанских формирований; участие в мероприятиях по дезинформации противника, разложению его карательных сил, ликвидации лжепартизанских отрядов; борьба с лицами, которые своими действиями компрометировали партизанское движение; выполнение специальных заданий Центра»[91]. На основании изученных документов следует добавить к вышеперечисленным мероприятиям еще одно — следственные действия в отношении выявленной агентуры противника, которые возлагались на сотрудников органов государственной безопасности, обслуживавших партизанские формирования[92].

Для обеспечения вышеперечисленных форм борьбы применялись: агентурное проникновение в спецслужбы противника; оперативное наблюдение за объектами этих спецслужб; захват официальных сотрудников, агентов и документов спецслужб противника; оперативный поиск вражеской агентуры в партизанских формированиях и окружении их баз; физическое устранение нацистских преступников и предателей Родины и т. д.

Решая специальные задачи в партизанских формированиях, советские чекисты особое внимание уделяли борьбе с проникновением вражеской агентуры в ряды партизан, поскольку ее информация позволяла противнику целенаправленно готовить и эффективно проводить карательные акции. В годы Великой Отечественной войны эта борьба имела широкий размах. Только на Украине, по данным разведотдела Украинского штаба партизанского движения, партизанской контрразведкой были выявлены 9883 шпиона, изменника и пособника врага, из них только шпионов гестапо — 1998 человек[93].

Обращает на себя внимание, что в начальный период Великой Отечественной войны борьба с агентурой противника в партизанских формированиях практически не велась. Это, в частности, отмечал командир оперативной группы ОМСБОН НКВД «Митя» Д. Н. Медведев, возвратившись весной 1942 г. из тыла оккупантов. По этому вопросу он постоянно инструктировал командиров местных партизанских отрядов. В его отряде контрразведывательной работе уделялось особое значение. Так, например, прежде всего вновь прибывших в отряд экзаменовали, спрашивали, где они бывали, что делали, с какими группами сталкивались, какие дела провели, а учет дел, которые были проведены тем или другим партизанским отрядом и группами, у Медведева велся довольно точный. Также существовали учеты частей, попавших в окружение, учеты командно-политического состава этих частей, так что имелась возможность навести соответствующие справки.

В целях борьбы с возможным проникновением шпионов, провокаторов, террористов, выявления паникеров в партизанских отрядах, органами государственной безопасности СССР при партизанских формированиях начиная с января 1942 г. стали создаваться оперативно-чекистские группы[94]. Следует подчеркнуть, что оперативные группы готовились как при центральном аппарате НКВД, так и территориальными органами госбезопасности. Оперативно-чекистские группы, работавшие в партизанских отрядах, по существу выполняли функции особых отделов в действующей армии. Так, в совместном приказе начальника штаба партизанского движения Брянского фронта и начальника Управления НКВД по Орловской области № 654 от 6 декабря 1942 г. говорится о том, что «оперативно-чекистские группы в партизанских формированиях действуют на правах Особого Отдела НКВД»[95]. В документах Центрального и территориальных штабов партизанского движения особо подчеркивается, что «созданные оперативно-чекистские отделения при партизанских отрядах полностью

себя оправдали и оказали значительную помощь по ограждению и очищению партизанских отрядов от немецкой агентуры, предателей и изменников Родины».

Однако не все командиры партизанских формирований понимали значение работы оперативно-чекистских групп. Некоторые руководители партизанских отрядов, получая информацию от чекистов, вместо оперативного использования этой информации в интересах укрепления отрядов, не принимали мер, а зачастую игнорировали сообщения оперативных работников, нанося тем самым ущерб партизанскому движению. Иногда командиры незаконно вмешивались в деятельность оперативно-чекистских групп, пытались подменить руководство этими группами. К наиболее распространенным нарушениям относились освобождение из-под стражи лиц, работающих на немецкую разведку, без согласования с представителями оперативно-чекистских групп, снятие своей властью с должности начальников этих групп и т. д. Имели место факты, когда отдельные командиры при наличии возможности не оказывали необходимой помощи сотрудникам органов государственной безопасности в проведении оперативных мероприятий, направленных на разрушение коммуникаций врага, отказывали в выделении взрывчатых средств, других средств боевой техники и свои действия пытались оправдать различными мотивами.

Руководство штабов партизанского движения и НКВД постоянно разъясняло командирам партизанских отрядов и соединений, что оперативно-чекистские отделы и группы действуют на правах Особого отдела НКВД и непосредственное оперативное руководство их деятельностью осуществляется управлениями НКВД и представителями ЦШПД. Назначение и снятие оперативных работников могло производиться только начальниками управлений НКВД или начальниками оперативно-чекистских отделов, действующих в районе партизанских отрядов[96].

Следует отметить, что руководство НКВД хорошо понимало важность контрразведывательной работы в тылу врага. Так, в каждый отряд ОМСБОН НКВД, переброшенный в тыл противника для ведения разведывательно-диверсионной работы, а впоследствии и в партизанские формирования, образованные из этих групп, направлялся оперативный работник, выполняющий свои специфические функции. На случай чрезвычайной необходимости он имел шифр и коды к рации, которые не были известны даже командиру и комиссару отряда[97]. Проводя работу по очистке партизанских отрядов от вражеской агентуры, чекисты выискивали провокаторов, засланных немцами к партизанам, обставляли собственной агентурой вновь зачисленных в отряд бойцов, проверяли их на специальных заданиях.

Агентурное проникновение в спецслужбы противника проводилось различными путями. Иногда это была легализация заброшенных в тыл врага кадровых работников и агентов. Часто агентура оставлялась с конкретным заданием при отступлении наших войск и неминуемой оккупации данного района. Неоценимую роль здесь сыграли женщины-агенты, которые могли легализоваться намного быстрее, и их легенда, как правило, была наиболее естественна. Лидия Лисовская, Мария Микота, Надежда Троян — вот только несколько женщин, оказавших неоценимые услуги партизанским формированиям.

Успешное проникновение в разведывательные, контрразведывательные школы абвера, а также другие карательные службы гитлеровцев осуществлялось путем подставы им агентов чекистских подразделений для вербовки фашистской разведкой с целью прохождения ими специальной подготовки и выявления шпионов, диверсантов в процессе их обучения. Об эффективности проникновения в учебные пункты врага свидетельствует опыт работы на временно оккупированной территории в Белоруссии спецгрупп «Семенов», «Березина», «Август» и других. Хорошие результаты с точки зрения проникновения в шпионскую сеть противника давали результаты перевербовки выявленных и разоблаченных лазутчиков врага, которые затем использовались в качестве двойников, работавших в интересах органов госбезопасности, как это практиковали оперативные сотрудники спецгрупп «Истребители», «Березина» и другие. Этот же прием давал положительные итоги в случае перевербовки шпионов, явившихся с повинной.

Особенностью работы чекистских подразделений в тылу противника на оккупированной советской территории по проникновению в учебные центры врага являлось использование

Партизаны на боевой позиции

возможностей партизанской разведки. В Белоруссии, например, спецгруппой «Август» использовался связной партизанской бригады имени Кирова Курсант, внедренный партизанами в спецшколу абверкоманды-103 в Борисове. Он сообщил, что с июня по сентябрь в школе прошли подготовку 70 шпионов, и назвал конкретные места и время их заброски в советский тыл и в партизанские отряды.

Следует отметить, что внедрение надежной агентуры органов госбезопасности в спецшколы абвера и другие спецслужбы врага всегда являлось острой мерой в борьбе со шпионской деятельностью. Однако мероприятия по внедрению, как правило, были связаны с определенными трудностями и не исключали возможности расшифровки наших агентов во время их специальной проверки. Процесс внедрения был также связан с определенной затратой времени, которое уходило на проникновение.

Обучавшиеся в школах агенты чекистских органов не всегда располагали достаточными возможностями, которыми пользовались агенты из числа завербованных официальных сотрудников спецслужб и преподавателей этих спецшкол. Информация от этих источников была, как правило, более полной и достоверной. Ее получение происходило сразу же в момент закрепления вербовки, а иногда и в процессе установления оперативного контакта. Характерными в этом отношении являются чекистские операции по выявлению агентов противника, обучавшихся в Борисовской школе абверкоманды-103. Одна из них была завершена в конце 1943 г. и закончилась выводом на базу спецгруппы «Родные» преподавателя указанной школы Фролова-Матюшина. Являясь старшим преподавателем и руководя обучением радиоделу, он был осведомлен о местах выброски и нахождения в советском

тылу многих вражеских радистов и диверсантов. Фролов передал руководителям «Родных» данные на большое количество агентов-радиотелеграфистов и других вражеских шпионов, заброшенных за линию фронта, назвал их псевдонимы и другие установочные данные. Кроме того, сообщил известные ему особенности почерка работы на рации целого ряда шпионов, метеошифр и буквенный шифр, которыми пользовались вражеские радисты. Переброска его в советский тыл была осуществлена с базы Барановичского подпольного обкома партии, где дислоцировалась в это время спецгруппа «За Родину», оказавшая помощь командованию «Родных» в этом мероприятии.

Спецгруппы и отряды чекистских органов республики осуществили целый ряд других операций, направленных на получение информации о шпионах, диверсантах и террористах, обучавшихся в Борисовской и других спецшколах абвера.

Важные достоверные сведения были получены также в результате вербовки в качестве агентов органов госбезопасности ряда сотрудников абвера, полиции безопасности и СД, других карательных органов. О серьезном значении этих операций свидетельствуют факты осуществления таких вербовок в среде сотрудников абвергрупп 107, 110, 308 службы СД в Бобруйске, а также среди руководителей полиции и жандармерии в Борисове и т. д. Используя возможности партизанской разведки, чекистские подразделения имели возможность приобретать ценные источники информации из числа лиц офицерского состава вермахта и служащих непосредственно в подразделениях абвера. Именно так был организован переход на сторону партизан начальника абвергруппы Ганса Рааба, который действовал против партизан Борисовской зоны. Наряду с информацией разведывательного характера, которой Г. Рааб располагал по роду службы в абвере, он передал до 50 различных секретных и совершенно секретных документов абвера, в том числе инструкцию по соблюдению режима секретности в этом органе.

Следует иметь в виду, что добровольный переход кадровых сотрудников абвера и других спецслужб противника на сторону чекистских подразделений и партизан был не совсем обычным явлением. Захват же их при проведении специальных агентурных комбинаций, во время засад и при других обстоятельствах являлся делом нередким. Об этом свидетельствует и операция по захвату спецгруппой «Четвертые» фон Файта, осуществленный 2 августа 1942 г., и других офицеров неприятеля.

При проведении поиска агентуры противника чекисты обращали внимание на признаки, демаскировавшие легенду прикрытия вражеского агента, и на обстоятельства его прибытия в партизанский отряд, такие как: неполное совпадение легенды внедряемого агента с действительностью; несоответствие сообщаемых им о себе данных с имевшимися документами; сомнительные обстоятельства прибытия агента в район базирования партизан (например, при организации и проведении «побега» из лагеря военнопленных, тюрьмы и т. д.); наличие у внедряемого агента профессиональных качеств, не соответствовавших легенде, и т. д.

Особую тревогу партизанской контрразведки вызывало обнаружение признаков, свидетельствовавших о возможной утечке информации, касавшейся планов и содержания боевой деятельности партизанского формирования. К ним, в частности, относились: хищение секретных документов; провалы агентуры партизан; частые срывы боевых операций народных мстителей; нанесение фашистской авиацией прицельных ударов по районам базирования партизан; проведение противником эффективных карательных мероприятий; ухудшение отношений между местным населением и партизанами; активизация разведывательной деятельности гитлеровцев в окружении партизанских баз.

Война дала немало примеров выявления вражеских агентов, забрасываемых в ряды партизан. Так, в июне 1943 г. в партизанский полк под командованием Героя Советского Союза М. Д. Симоненко (из соединения «За Родину») прибыл из г. Нежин новый боец Мухазанов. По его словам, он попал в плен, бежал, искал связи с партизанами, затем некоторое время находился при штабе партизанского полка. Он писал обращения к тем, кто служил оккупантам, причем они были очень убедительны, проникнуты глубокой ненавистью к врагу. Через некоторое время его назначили командиром партизанского батальона. Одновременно

Разведчик партизанского отряда Брестского соединения на наблюдательном пункте

Казненный партизанами предатель

разведка, работавшая в одном из оккупационных органов, донесла, что в полк на командную должность проник вражеский агент. Из штаба соединения последовал приказ: следить за прибывшим Мухазановым, но решительных мер не предпринимать. Вскоре в деятельности нового командира батальона стали проявляться признаки, свидетельствующие о враждебных намерениях. Сначала им не был выполнен приказ об уничтожении противника в с. Плоское, но Мухазанов объяснил это стремлением избежать возможных потерь. Затем бойцы под его командованием не смогли взорвать два вражеских эшелона, которые немцы со станции Нежин перед налетом советской авиации вывезли на станцию Синяки. Как выяснилось после разоблачения Мухазанова, обращения, которые он составлял, содержали зашифрованную информацию о партизанах, поскольку он оказался агентом гестапо[98].

Нередко противник забрасывал в партизанские формирования группы агентов. Так, оперативной группой органов госбезопасности «Искра» в конце 1943 г. в Брестском партизанском соединении была выявлена и разоблачена резидентура немецкой разведки из 13 агентов во главе с резидентом Леонтьевым. Находясь в одном из отрядов, Леонтьев поддерживал дружеские отношения со многими партизанами. Чтобы зарекомендовать себя патриотом, он принимал активное участие в боевых операциях. Тем не менее один из партизан обратил внимание оперативной группы на то, что Леонтьев довольно часто встречался с одними и теми же партизанами и почему-то уединялся с ними при разговорах. Наблюдение показало, что Леонтьев регулярно, преимущественно с наступлением сумерек, отлучался из отряда. С помощью другого помощника опергруппе удалось установить, что в одном из сел Леонтьев встречался с человеком, неизвестным жителям. Были получены другие материалы о подозрительном поведении Леонтьева, и его арестовали. Леонтьев довольно быстро признался, что был завербован вражеской разведкой и внедрен к партизанам для совершения террористических актов в отношении командиров, политработников и партийного актива.

В ходе оперативного поиска чекисты при необходимости искусственно создавали условия либо «благоприятствовавшие» проведению враждебной деятельности (путем «смягчения» режимных ограничений в партизанских отрядах, упрощения доступа к средствам связи и т. п.), либо вводившие в заблуждение агентуру противника (развертывание ложных партизанских баз, объявление о предстоящем «перебазировании», маршрутах движения в районы сбора для проведения боевых операций и т. п.) и провоцировавшие ее на поступки, способствовавшие разоблачению[99].

На Украине, например, в соединении под командованием А. З. Одухи для контрразведывательной работы эффективно использовали бывшего немецкого солдата-сапера Швалленберга, добровольно перешедшего на сторону партизан. Его часто посылали в села в окружении партизан, переодетых в немецкую форму, где антифашист «наводил порядок». Гитлеровские пособники нашептывали «пану офицеру» через «переводчика» о партизанах и тех, кто им помогал. Таким образом, успешно выявлялась и обезвреживалась вражеская агентура[100].

Обезвреживание агентов спецслужб противника в одних партизанских формированиях нередко способствовало выявлению вражеской агентуры, заброшенной в другие отряды. Так, в соединении под командованием Д. К. Николайчика партизанская контрразведка обезвредила группу шпионов, которые прошли подготовку в Германии в г. Бутзиц. Они дали ценные показания о методах подготовки фашистами своих агентов, назвали имена и приметы сообщников, заброшенных в другие отряды.

Нередко агенты гитлеровских спецслужб сами приходили с повинной к партизанам. В основном это были люди, не обагрившие рук кровью соотечественников и завербованные путем избиений, обмана и угрозы расстрела[101]. Так, 13 декабря 1943 г. к начальнику особого отдела военно-оперативной группы при Могилевском подпольном райкоме партии добровольно явился вражеский агент И. С. Лобанов. Он подробно рассказал о своем задании и дал согласие помочь разведке партизан. С его помощью были обезврежены 25 шпионов.

Выявление агентуры спецслужб противника в окружении партизанских баз оказывало существенную помощь советской контрразведке при освобождении оккупированных

районов. Уже в декабре 1941 г., в период контрнаступления Красной армии, руководство органов госбезопасности в специальном приказе рекомендовало чекистам при вступлении на освобожденную от фашистов территорию устанавливать связь с действовавшими там партизанскими отрядами в целях выявления «предателей, изменников и провокаторов как состоявших на службе у немецких оккупационных властей, так и способствовавших им в проведении антисоветских мероприятий и преследовании партийно-советского актива и честных советских граждан»[102].

В ходе войны контрразведка партизанских сил активно содействовала решению подобных задач. Так, например, особый отдел партизанской бригады под командованием А. Г. Кондратюка (Винницкая область) при соединении с советскими войсками передал органам контрразведки Смерш и УНКГБ по Винницкой области установочные данные на 47 шпионов гестапо и жандармерии. Кроме того, были сообщены сведения на 12 агентов СД из числа военнопленных, окончивших спецшколу в г. Вороновица Винницкой области и заброшенных в форме советских офицеров в наш тыл в целях внедрения в действующую Красную армию[103].

О том, какое значение имели эти сведения, в первую очередь об агентуре врага, для успешной борьбы с фашистской разведкой свидетельствуют воспоминания комиссара партизанской бригады «Смерть фашизму» Минского областного соединения И. П. Дедюли: «На основе данных, полученных от разведки, проникшей в Ново-Борисовскую диверсионно-разведывательную школу Абвера, нам сообщили точные приметы одного из гитлеровских лазутчиков, посланного в наш отряд. И действительно, чуть ли не на следующий день к нам пожаловал под видом советского военнопленного новоиспеченный диверсант. Приметы совпали»[104].

Великая Отечественная война дала немало примеров помощи партизанской контрразведке в борьбе с агентурой гитлеровцев со стороны Большой земли. Например, 10 февраля 1943 г. разведывательный отдел ЦШПД направил в руководящие органы ленинградских, калининских, смоленских и брянских партизан списки немецких агентов, окончивших в сентябре 1942 г. Минскую школу гестапо и засланных в действующие партизанские отряды для ведения разведывательной работы и разложения партизан.

В интересах предупреждения подрывной деятельности вражеской агентуры чекисты помогали командованию партизанских формирований осуществлять режимные ограничения, проводить разъяснительную работу среди партизан о необходимости проявлять высокую бдительность и строго соблюдать конспирацию. Опыт партизанской и подпольной борьбы показывает, что именно несоблюдение или нарушение правил конспирации часто являлись причиной неудач, провалов и гибели партизан и подпольщиков. Так, одной из причин разгрома партизанских отрядов в Ленинградской области в августе — сентябре 1942 г. было излишнее рекламирование действий партизанских формирований, базировавшихся в этом крае, что давало в руки гитлеровцев материал для целенаправленных акций против народных мстителей.

В целях сковывания подрывной деятельности спецслужб оккупантов сотрудники органов госбезопасности принимали участие в подготовке и проведении дезинформационных мероприятий: доводили до врага сведения о численности партизанских сил, во много раз превышавшей действительную, создавали ложные партизанские базы, имитировали подготовку нападения партизан на те или иные объекты и т. д. Подобные мероприятия дезорганизовывали работу фашистских спецслужб, направляли их усилия по ложным или бесперспективным путям, задерживали проведение подготовленных карательных операций, снижали результативность деятельности разведки и контрразведки противника[105].

Организованные с учетом конкретной обстановки дезинформационные мероприятия приводили нередко и к такой ситуации, когда сбитые с толку оккупанты предпринимали карательные акции даже против своей агентуры, предателей, сотрудников собственных служб. Так, путем дезинформации немецкого командования были дискредитированы видные руководители предательских казачьих формирований. В период наступления Красной армии

зимой 1942–1943 гг. и освобождения Сталинградской и Ростовской областей, Калмыкии, республик Северного Кавказа и других районов эти формирования совместно с немецко-румынскими войсками отступали вплоть до стабилизации линии фронта в марте 1943 г. на Тамани и р. Миус. Оборону здесь преимущественно держали казачьи формирования и национальные батальоны, кроме того, в Мариуполе находилось на формировании до 40 тыс. «добровольцев».

На основе данных, полученных от агентуры, Управление НКВД по Ростовской области и штаб партизанского движения при Военном совете Южного фронта поставили перед собой задачу провести широкомасштабную операцию по разложению изменнических формирований. Предполагалось путем дискредитации видных руководителей казачьих коллаборационистов вызвать у немецко-фашистского командования недоверие к изменникам, снять их с линии фронта и расформировать, ослабив тем самым боевой потенциал противника. Для выполнения этой задачи штаб партизанского движения сделал следующее: собрал подробный материал о казачьих формированиях Войска Донского; восстановил список командного состава и видных руководителей; через Управление НКВД по Ростовской области подобрал объект для заброски в тыл фашистам; составил дезинформационный материал и письма с целью дискредитации добровольцев. Материал и письма были оформлены в виде обращений на имя видных руководителей казачьего Войска Донского. Содержание личной переписки не внушало ничего подозрительного и представляло обыкновенные письма жены, племянника, друга и т. д. Тексты были написаны тайнописью. Подготовленная штабом партизанского движения специальная директива была адресована на имя Одноталова — руководителя ростовского казачества, председателя малого войскового круга, бывшего офицера. Сообщалось, что план восстания казаков против немцев одобрен командованием Красной армии и им желают успеха в ликвидации гитлеровский частей. Подобные материалы были разосланы остальным руководителям казачества. В их текстах упоминались видные казаки как «соучастники» заговора.

Передачу компрометирующих материалов в руки немецкой контрразведки было решено произвести путем заброски захваченных ранее нами видных руководителей полиции и предателей Родины с нераскрывшимся парашютом. Для этой цели был использован арестованный органами НКВД и обвиняемый как изменник Родины некто Середа, бывший офицер царской армии, активный пособник оккупантов. Лучшей кандидатуры быть не могло — Середу знали в лицо все полицейские и офицеры казачьих формирований. Работником органов государственной безопасности СССР Середе было сделано ложное вербовочное предложение: для искупления вины перед Родиной он якобы должен был выполнить задание органов безопасности на территории противника. Изменник легко пошел на вербовку, втайне предвкушая, как сразу же после выброски с парашютом явится к своим фашистским хозяевам. Разумеется, он не знал, что для его десантирования инструкторами парашютно-десантной службы был подготовлен нераскрывающийся парашют.

Замысел руководителей штаба партизанского движения и чекистов удался. Труп Середы с документами был найден немецкой контрразведкой на контролируемой фашистами территории. В результате этой акции казачья дивизия, дислоцированная в Таганроге в мае 1943 г., была снята с фронта и по частям, без оружия направлена в глубокий тыл, якобы для борьбы с партизанами[106].

Большая работа проводилась чекистами по разложению полицейских и иных изменнических формирований. За весь период работы, например, орловских чекистов в тылу противника из полицейских формирований перешли к партизанам около 4 тыс. человек[107]. Многие из них хорошо показали себя в боях с оккупантами и были отмечены поощрениями, а некоторые удостоены правительственных наград. Как показала практика, действенную форму борьбы против предательства имела гласная публикация имен изменников Родины. Так, в специальной листовке, изданной от имени командования орджоникидзевских партизан в Орловской области в 1942 г., указывалось: «В диком разгуле с фашистскими ордами соперничают их холуи. Вот имена предателей и изменников, которые заслужили всеобщую

ненависть и презрение советских граждан. Это Неделюев, Скотников, Поляков... Оглянитесь, мерзавцы, кому вы служите? Кого вы предаете?.. Скоро настанет для вас час расправы»[108]. Такая публичная огласка предательства имела предупреждающее значение для недостаточно устойчивых коллаборационистов.

В основу мероприятий по разложению антисоветских воинских формирований чекисты положили фактор идеологического воздействия, рассчитанный на подрыв политико-морального состояния личного состава, парализацию фашистской пропаганды. В начальный период Великой Отечественной войны отдельные мероприятия по внедрению агентуры в состав антисоветских формирований с целью их разложения не давали положительных результатов ввиду успехов немецко-фашистских войск на фронте, оккупации противником значительной части советской территории и активной антисоветской пропаганды среди личного состава формирований. Но победы Красной армии в 1943 г., мощный размах партизанского движения положительно отразились на деятельности групп по разложению антисоветских формирований, при этом преследовалась цель оторвать рядовых участников от командно-начальствующего состава путем проведения широкой агитации и пропаганды, распространения среди личного состава правдивой информации о положении на фронте, в советском тылу и на временно оккупированной территории.

Основным средством разложения антисоветских воинских формирований являлась специально подготовленная и внедренная в подразделения этих формирований агентура чекистских органов. Она распространяла антифашистские листовки, сводки Совинформбюро, своевременно получала информацию о настроении личного состава, собирала данные об отношении германского командования и его разведорганов к тому или иному формированию, офицерскому составу, устанавливала доверительные отношения с отдельными военнослужащими, которых обрабатывали с целью последующей вербовки в качестве агентов органов государственной безопасности. В своей работе чекисты использовали факты пьянок, разврата, аморального поведения среди командного состава спецслужб противника, недостатки в снабжении рядовых сотрудников и другие моменты, способствовавшие порождению антагонизма между различными группами вражеской среды. Воздействие на личный состав подразделений спецслужб оказывалось также и через агентуру из местных жителей, проживавших вблизи объектов противника[109]. С этой целью им давались задания поступать на работу в специальные службы и карательные формирования оккупантов в качестве официанток, уборщиц, машинисток, поваров, парикмахеров, прачек и т. д.

Великая Отечественная война дала много примеров, когда в результате умелой работы агентуры партизан подразделения вражеских спецслужб переходили на их сторону в полном составе. Так, в Гдовском районе Ленинградской области в 1943 г. подпольная организация под руководством А. Д. Антоновой разложила взвод карателей, личный состав которого, уничтожив офицеров своего и других подразделений, взорвал девять автомашин и с оружием в руках перешел на сторону партизан[110].

Для борьбы с советскими партизанами фашистские спецслужбы создавали из уголовников и прочего сброда лжепартизанские отряды. Они вооружали эти банды, посылали их в леса и даже позволяли им время от времени делать налеты на полицейских для завоевания авторитета у местных партизанских отрядов и местных жителей[111]. Эти отряды по заданию немцев связывались с местными партизанскими отрядами, даже иногда участвовали вместе с ними в операциях, но при первой же возможности приводили полицейских или карателей, чтобы ликвидировать партизан. Все это делалось для компрометации партизанского движения, с целью поссорить партизан с местным населением. С этой же целью фашисты заставляли лжепартизан грабить мирное население[112].

Отрядом Д. Н. Медведева в 1942 г. были разоблачены и уничтожены три лжепартизанских отряда. Один отряд, состоящий из уголовников, был разоблачен в районе Хотинска. Лжепартизаны занимались грабежами, насиловали девушек, а потом их расстреливали. Другой отряд был ликвидирован возле станции Куява (железная дорога, соединяющая Дядьково и Людиново). Другая группа пособников из восьми хорошо вооруженных человек под ру-

ководством Цадика была сформирована по заданию бургомистра г. Людиново. Эта группа должна была найти партизанский отряд, влиться в него и вести работу по его разложению[113]. Получив об этой группе агентурные сведения, партизаны проверили их на месте и, когда группа собралась у Цадика, всех уничтожили подрывом гранаты.

Одним из важнейших факторов, способствующих выявлению и ликвидации лжепартизанских отрядов, являлась деятельность агентуры органов госбезопасности, действовавшей в оккупационных службах и учреждениях. Так, в партизанском соединении под командованием А. Н. Сабурова информация о формировании лжепартизанского отряда из предателей была получена от агента, внедренного в руководящие органы полиции г. Ельск. Через два дня эта информация была подтверждена другим источником, работавшим в Ельском гебитскомиссариате. Гитлеровцы перед созданным отрядом поставили задачу выявлять и уничтожать партизан, их разведчиков и связных. Уже 3 сентября 1943 г. в районе сел Ремезы и Движки бандиты, маскируясь под партизан, внезапно открыли огонь по группе разведчиков-сабуровцев, убив трех патриотов. Решительными действиями партизанского соединения эта банда вскоре была разгромлена в районах Мозырь и Овруч[114].

Нельзя не отметить деятельность органов государственной безопасности по выявлению и противодействию негативным явлениям, имевшимся в некоторых партизанских формированиях. Нарушение воинской дисциплины, принятие в партизанские отряды подозрительных лиц без проверки, факты злоупотребления своим положением — вот неполный перечень негатива, выявлявшегося оперативными работниками и агентами органов государственной безопасности[115].

Порой командиры партизанских отрядов из-за своей некомпетентности совершали откровенно преступные действия в отношении партизан соседних отрядов. Так, в марте 1943 г. командир одной из партизанских бригад Калининской области Корнаушенко арестовал бойцов отряда «Неуловимые» (командир М. С. Прудников), возвращавшихся с задания. Корнаушенко заподозрил в них полицейских, и никакие объяснения со стороны арестованных ни к чему не привели. Партизан подвергли пыткам, вплоть до того, что засовывали под ногти иголки и держали голыми на морозе[116]. Легендарный командир с возмущением докладывал об этом начальнику 4-го управления П. А. Судоплатову.

Следует подчеркнуть, что негативные действия отдельных бойцов и командиров партизанских формирований не были распространенным явлением. Вышестоящее руководство в лице партийных органов, ЦШПД тщательно проверяли информацию, предоставленную органами государственной безопасности по таким фактам, и безапелляционно наказывало виновных[117].

Порой случались ошибки самих оперативных работников органов госбезопасности, обслуживающих партизанские отряды. Некоторые чекисты зачастую не доводили до конца допросы и следствие по делам немецких агентов, засылаемых неприятелем в партизанские отряды. Задержанные агенты немецких спецслужб расстреливались сразу же после признания о своей причастности к разведке противника, не подвергаясь тщательному предварительному допросу по существу полученных заданий и об известных им других фашистских агентах[118]. Так, задержанные партизанской бригадой имени «Правды» в Минской области БССР агенты немецкой разведки Лейман и Лебедева, несмотря на то что находились под следствием в опергруппе, были расстреляны по распоряжению особого отдела бригады как раз в тот момент, когда начали давать серьезные показания. После расстрела Лебедевой у нее были обнаружены зашитыми в бюстгальтер адреса явок на нашей территории. Значение этих адресов в связи с расстрелом Лебедевой не было выяснено. Аналогичный случай произошел в 3-й Минской бригаде, где по распоряжению заместителя комбрига немецкие агенты Романенко и Веремьев были расстреляны без тщательного допроса. У Романенко также после расстрела были обнаружены в заплате на брюках адреса лиц, проживающих на территории СССР в тылу Красной армии[119].

Многое здесь объясняется специфическими условиями, в которых приходилось работать контрразведчикам. Содержать арестованных агентов противника было негде. А если

отряд находился в рейде или вел бои с карателями, то после установления причастности к спецслужбам врага эти лица сразу же подлежали ликвидации. В целом же, несмотря на недостатки в контрразведывательном обеспечении партизанских формирований, работа чекистов сыграла положительную роль, что было отмечено руководством Центрального штаба партизанского движения.

Как показала боевая практика, важнейшая роль в ограждении партизан от подрывной деятельности фашистских спецслужб принадлежала агентурному проникновению в разведывательные и карательные органы врага, которое позволяло наиболее успешно, с меньшей затратой сил, решать задачи по контрразведывательному обеспечению партизанских формирований.

Устранение нацистских руководителей и предателей Родины

Ликвидация нацистских руководителей и предателей Родины являлась одним из направлений деятельности органов государственной безопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. Велся строгий учет бесчеловечным злодеяниям гитлеровских палачей на оккупированных территориях. На основании приговоров, вынесенных партизанами, только при непосредственном участии ОМСБОН НКВД СССР было осуществлено 87 актов возмездия[120].

Подготовка и свершение каждого такого акта требовали большого опыта, смелости, терпения и находчивости. Необходимы были точное знание и учет конкретной обстановки, в частности сложной системы охраны гитлеровских палачей. На них — инициаторов и руководителей злодейских акций, жертвами которых были сотни тысяч зверски замученных и убитых мирных граждан и военнопленных, — в первую очередь и были направлены акты справедливого возмездия. Каждому из таких актов предшествовала тщательная разведка, поиск конкретных исполнителей, разработка различных вариантов приведения их в действие. Организаторам и исполнителям актов возмездия в отношении гитлеровцев и их пособников приходилось прикладывать неимоверные физические, а в большей степени психологические усилия. Зачастую все проходило не так гладко, как это писалось в отчетах и докладывалось руководству.

Каждый свершенный акт возмездия, особенно над высшими представителями гитлеровской администрации, имел широкий общественный резонанс и большое психологическое и нравственное значение. Он утверждал неминуемость наказания главных преступников, торжество справедливости, непобедимость народа, силу духа и волю к борьбе которого не могли сломить самые жестокие репрессии.

В процессе агентурно-оперативной и боевой деятельности органов госбезопасности на оккупированной территории в годы Великой Отечественной войны осуществлялись боевые операции, которые преследовали цель уничтожения живой силы противника, в том числе представителей верховного командования вермахта, крупных чиновников административного аппарата оккупантов, изменников Родины, перешедших на сторону врага, а также представителей спецслужб фашистской Германии и агентов разведывательных и контрразведывательных органов. Специальные операции по уничтожению видных гитлеровцев и активных пособников оккупантов проводились, как правило, с помощью агентов органов госбезопасности, что требовало особой осторожности, учета оперативной обстановки и строгого соблюдения правил конспирации. Работа эта в боевых условиях нуждалась в высокой профессиональной подготовке, централизации и взаимодействии.

Одной из самых громких ликвидаций высших гитлеровских сановников явилась операция против гауляйтера Белоруссии Вильгельма Кубе. Задание на его ликвидацию получили все действовавшие в районе Минска партизанские командиры и оперативные группы органов

государственной безопасности. На протяжении всего лета и сентября 1943 г. велась напряженная работа десятков оперативных групп, и только изменившаяся оперативная обстановка предопределила конкретных исполнителей этой специальной операции. Последней инстанцией, откуда горничная Кубе Е. Мазаник получила мину, уничтожившую нацистского сановника, явился отряд ГРУ Д. Кеймаха.

Следует отметить, что оперативные группы в качестве прикрытия использовали различные возможности. Так, для обеспечения деятельности группы «Васько» в Калинине специально (по ходатайству верующих) была открыта одна из ранее бездействующих церквей. Верующие отнеслись к этому весьма благожелательно, однако чувствовалась известная настороженность, так как приезжих священнослужителей приняли вначале за обновленцев[121]. Когда в октябре 1941 г. церковь разбомбили, службы шли в городском соборе. В группу были включены в качестве руководителя В. М. Иванов (оперативный псевдоним Васько), а также епископ Василий (В. М. Ротмиров), И. В. Куликов (Михась)[122] и радистка Аня Баженова (Марта)[123].

Об обстоятельствах легендирования членов группы вспоминала известная сотрудница органов госбезопасности З. И. Воскресенская (Рыбкина): «Я спросила Василия Михайловича (Ротмиров. — *Ред.*), не согласится ли он взять под свою опеку двух разведчиков, которые не помешают ему выполнять долг архипастыря, а он «прикроет» их своим саном. Василий Михайлович не сразу согласился, подробно расспрашивал, чем они будут заниматься и не осквернят ли храм Божий кровопролитием. Я заверила его, что эти люди будут вести тайные наблюдения за врагом, военными объектами, передвижением воинских частей, выявлять засылаемых к нам в тыл шпионов»[124].

Перед оперативными группами и партизанскими отрядами, действовавшими на оккупированной территории Брянской и Орловской областей, ставились задачи по нейтрализации деятельности обер-бургомистра Локотского самоуправляющегося округа[125] Б. В. Каминского: от склонения его к переходу вместе с бригадой Русской освободительной народной армии (РОНА) на сторону Красной армии вплоть до физического уничтожения. После того как стало ясно, что склонить Каминского к переходу не удастся, в 1943–1944 гг. сотрудниками 4-го управления НКГБ СССР предпринимались неоднократные попытки его ликвидации, однако все они завершились неудачей[126]. Каминский был расстрелян немцами 28 августа 1944 г. за мародерство его подчиненных. Бригаде РОНА сообщили, что Каминского убили польские партизаны.

В 1943 г. перед несколькими агентами и оперативными группами Управления НКГБ по Ленинградской области была поставлена задача по проникновению в Русский комитет и Русскую освободительную армию с целью ликвидации генерала-предателя А. Власова[127] и других лидеров Русского комитета.

Оперативная группа «Дружина» под командованием начальника отделения 4-го управления НКГБ СССР майора госбезопасности С. И. Волокитина была направлена в тыл противника на оккупированную территорию Вилейской области БССР со специальным заданием по разработке и ликвидации генерального комиссара Литвы доктора А. фон Рентельна[128].

Агенты органов государственной безопасности СССР ликвидировали и известного белорусского националиста Фабияна Акинчица. Операцию осуществили агенты органов госбезопасности БССР А. Л. Матусевич, Г. И. Страшко и А. И. Прилепко. 5 марта 1943 г. рано утром Матусевич и Страшко постучали в квартиру националиста В. Козловского, у которого ночевал Ф. Акинчиц. Матусевич застрелил Акинчица, а у Страшко, целившегося в Козловского, заклинило пистолет. Хозяин квартиры начал отстреливаться, и агентам-боевикам пришлось ретироваться[129]. Однако Вацлав Козловский, редактор «Белорусской газеты», активно сотрудничавший со спецслужбами Германии, не избежал возмездия. Специальная операция по его устранению представляет определенный интерес тем, что проведена по месту работы объекта, на глазах у сослуживцев предателя, и потому вызвала определенный резонанс у населения Минска.

Уничтожение Козловского было поручено двум агентам-боевикам органов госбезопасности в ноябре 1943 г. 11 ноября после подробного обсуждения плана операции оба агента прибыли в Минск, и в этот же день ими была произведена разведка помещения редакции. 13 ноября, согласно отработанной легенде, агенты спецгруппы «Мстители» Дударевич и Новый в форме офицеров войск СС вошли в здание редакции. Поводом для обращения к редактору являлась «просьба» опубликовать в газете траурный список полицейских одного из карательных отрядов, накануне уничтоженных в бою партизанами. Убедившись, что имеет дело с Козловским, Дударевич выстрелил в предателя. Возникшая паника способствовала беспрепятственному выходу из здания обоих агентов.

Несколько дерзких и интересных по замыслу операций специального характера было совершено агентом органов госбезопасности под псевдонимом Соловей, находившимся на связи у оперативных работников спецотряда «Боевой». Он, например, удачно осуществил подрыв Глубокской канцелярии гебитскомиссариата и военной комендатуры города, заложив там взрывные устройства, которые смог занести на объекты, обманув бдительность охраны. Подорвал автомашину с несколькими гитлеровскими офицерами с помощью мины нажимного действия, которую установил у подъезда административного здания, часто посещаемого гитлеровскими сановниками. Заложенный в землю в месте, отведенном для остановки автомобилей, заряд взорвался от наезда на него колеса. Это был сравнительно редкий по использованию способ применения фугаса значительной взрывной силы.

30 мая 1944 г. в результате взрыва мины, заложенной агентом Павловым в здании Логойской управы, наряду с ее разрушением были ликвидированы начальник отдела пропаганды управы Островский и еще четыре гитлеровских офицера.

В отдельных случаях для подобного рода акций привлекались и надежные в политическом отношении связи агентов, располагавших возможностью проносить взрывные устройства на объекты. Именно так была осуществлена диверсия на станции Брест-пассажирская через агента Пчелку. Две малогабаритные мины были установлены родственницей агента в спальном вагоне офицерского общежития, стоявшего на запасных путях. Командование спецгруппы «Искра» при организации операции исходило из того, что служба родственницы Пчелки в качестве уборщицы позволит ей незаметно от охраны пронести в вагон мины и прикрепить их к койкам офицеров.

Подбор агентов для участия в специальных операциях был непростым делом. Вот что пишет по этому поводу в своем отчете командование «Боевого»: «Сложнее было подбирать агентов-террористов. Эта категория должна была иметь подходы к видным немецким ставленникам, быть решительной, иметь много других высоких качеств. В вербовочном плане обрабатывали лиц, служивших в немецких учреждениях. Перед каждой операцией продумывался план ухода из гарнизона (если по каким-то причинам он будет вынужденным). Большинство терактов мы осуществили путем взрыва того или иного объекта, и, как исключение, прибегали к отравляющим веществам. Закладка мин под объекты была связана с расчетом времени взрыва. В нашей практике были случаи минирования агентами автомашин, рабочих кабинетов, подъездных площадок. Не все они были удачными».

Представляет определенный интерес организация боевых операций по ликвидации высших чинов вермахта, проведенных спецгруппой «За Родину», которые вызвали положительную политическую реакцию и широкую огласку среди населения западных районов Белоруссии. Так, 24 марта 1944 г. в 24.00 во время бала, устроенного в помещении гебитскомиссариата г. Лида, агент Мельников бросил внутрь здания несколько гранат. В результате были тяжело ранены Дрексель, заместитель лидского гебитскомиссара, Дрош — его помощник, Адлер — личный секретарь Дрекселя и активные пособники оккупантов.

Спецгруппой «Победители» была осуществлена попытка ликвидировать и самого гебитскомиссара Лиды. Агент «А» смог заложить мину под кресло в его кабинете, однако из-за технической неисправности мина не взорвалась и была обнаружена уборщицей. В июне 1944 г. подобным же образом — путем закладки мины в квартире — были уничтожены окружной

Н. И. Кузнецов

комиссар г. Кобрин А. Рент и три фашистских офицера. Минирование с помощью агента Маруси осуществила спецгруппа «Возрождение».

Также путем минирования 23 июня 1943 г. с помощью агента Коленчица спецгруппой «Родные» был уничтожен изменник Родины Сарнацкий, командир карательного взвода, водивший полицейских к базам партизанских отрядов и предававший семьи партизан. Мина была заложена в стол предателя в караульном помещении. Во время взрыва были убиты и ранены еще несколько полицейских.

Агент Орел, получив мину у оперработника спецгруппы «Авангард», 30 ноября 1943 г. осуществил ее закладку в помещении фашистского Красного Креста. В результате взрыва были убиты и ранены 16 гитлеровских солдат и офицеров. Документы свидетельствуют, что операция вызвала среди немецких пособников в Несвижском, Клецком и Минском районах серьезную панику[130].

Исследование боевой деятельности чекистских подразделений дает основание для вывода, что оперативные работники многих спецгрупп к 1943 г. накопили опыт проведения специальных операций как по ликвидации высших чинов вермахта, так и видных ставленников оккупантов из числа белорусских буржуазных националистов, многие из которых были агентами спецслужб фашистской Германии.

В этой связи нельзя не сказать о деятельности легендарного советского разведчика, удачливого «ликвидатора» Николая Ивановича Кузнецова (Пауль Зиберт, Колонист), действовавшего в Ровно и Львове на Украине с позиций партизанского отряда «Победители» под командованием оперативного работника 4-го управления НКГБ Д. Н. Медведева. В Ровно Н. И. Кузнецов вел постоянную «охоту» на гауляйтера Украины Коха. Здесь советским разведчиком были ликвидированы оберфюрер СС верховный судья Украины А. Функ, министерский советник финансов Г. Гель, гитлеровский палач А. Виннер. Им же было осуществлено дерзкое похищение командующего карательной экспедицией генерал-майора

фон Эльгена, взятого в собственной резиденции на Мельничной улице вместе с документами особой секретности[131].

Наместник фюрера Кох, напуганный размахом партизанского движения, предпочитал в Ровно не показываться и отсиживался в Восточной Пруссии, где пока еще чувствовал себя в относительной безопасности. В отсутствие Коха на первые роли выдвинулся его главный заместитель по всем вопросам — регирунгспрезидент, то есть глава администрации Пауль Даргель. Население Украины ненавидело этого сатрапа даже больше, чем самого Коха, поскольку именно Даргель подписывал почти все приказы, постановления и распоряжения, за нарушения которых чаще всего следовало одно наказание — смертная казнь через расстрел, а иногда для большего устрашения и через публичное повешение[132].

Под непосредственным руководством Д. Н. Медведева Н. И. Кузнецов составил план ликвидации Даргеля — детальный и достаточно реалистичный. Однако по ошибке Кузнецов застрелил не Даргеля, а руководителя главного отдела финансов при рейхскомиссариате Украины министерского советника Ганса Геля (одновременно и кассового референта Винтера). Несмотря на это, командование чекистского партизанского отряда было вполне удовлетворено результатом покушения. Во-первых, сам акт возмездия прошел безукоризненно — значит, план операции, в сущности, был разработан правильно. Во-вторых, Гель тоже был важной фигурой, если и уступавшей по положению правящему президенту Даргелю, то ненамного.

Другой высокопоставленный чиновник А. Функ от расплаты не ушел. Функ, как и гауляйтер Украины Кох, был одним из любимцев Гитлера. Оберфюрер СС Функ являлся президентом немецкого верховного суда на Украине, сенат-президентом верховного суда в Кёнигсберге, чрезвычайным комиссаром по Мемельской области (Германия), главным судьей СА группы «Остланд», председателем «национал-социалистического союза старшин» и прочее, и прочее[133]. Верховный суд занимал трехэтажное здание, выходящее одной стороной на Немецкую улицу, другой — на Парадную площадь. Третья сторона здания выходила на тихую и малолюдную Школьную улицу. Как вспоминал заместитель командира по разведке партизанского отряда «Победители» А. А. Лукин, «быть может, убить Функа было легче где-нибудь в другом месте и в другое время, но командование решило это сделать именно в здании суда». Чекисты знали, что Функ — человек аккуратный и педантичный, каждый день брился в парикмахерской на Немецкой улице, почти напротив суда. Без нескольких минут девять он пересекал улицу и входил в здание. Н. И. Кузнецов, ранее зашедший в здание суда, в упор трижды выстрелил в Функа, а потом быстро вышел на улицу[134]. Эсэсовцы у главного подъезда видели, как из здания суда вышел пехотный офицер и уехал на сером автомобиле «адлер», но не обратили на него никакого внимания, поскольку выстрела они не слышали. Н. И. Кузнецову и его водителю Н. В. Струтинскому удалось беспрепятственно скрыться.

Помимо Кузнецова на Украине исполнителями смертных приговоров над целым рядом главарей фашистской администрации стали бойцы отрядов Е. Мирковского, Д. Медведева, В. Карасева, Н. Прокопюка и связанные с ними подпольщики. Так, 1 мая 1943 г. в помещение районной комендатуры в Овруче вошла группа немецких офицеров. Неожиданно для захваченных врасплох эсэсовцев они приказали им сложить оружие. Затем был зачитан и приведен в исполнение приговор над убийцей и садистом фон Армином. Исполнителями были разведчики из отряда Е. Мирковского: Н. Крамской, К. Анисимов, А. Мешков, С. Полищук, М. Карапузов, В. Шамякин. Все они благополучно вернулись на базу[135].

Мероприятия, проводимые чекистскими подразделениями на оккупированной территории, по характеру исполнения были самыми разнообразными. Так, интересной с точки зрения организации использования агентурных данных можно назвать операции по ликвидации начальника машинной части публичного землепользования по Восточному краю А. Забеля и нациста Розерна, управляющего немецкими имениями в Барановичской области, а также захват Рябушко — шефа-проводника «Белорусских профсоюзов».

22 февраля 1944 г. бойцы спецотряда «Боевой» выбрали удачное место для засады на дороге Минск — Вильнюс, по которой должен был проехать с охраной Забель. Когда автомобиль поравнялся с местом засады, партизаны закидали его гранатами.

В отдельных случаях агенты органов госбезопасности принимали участие в боевых операциях вместе с бойцами спецгрупп органов госбезопасности. Именно так был захвачен Рябушко. Подготовка операции по захвату объекта была начата спецгруппой «Мстители» в марте 1944 г. Оперативным путем были получены сведения, что Рябушко является автором устава «Белорусских профсоюзов», а также выступает на многочисленных митингах и собраниях в Минске с антисоветской пропагандой. В разработку Рябушко был введен агент Игнатьев, его приятель. Когда Рябушко приехал в гости к агенту, последний привел его в сарай, якобы посмотреть на купленную лошадь. Находившиеся там бойцы спецотряда связали предателя и доставили в отряд. Позднее из-за отсутствия возможности переправить Рябушко в НКГБ БССР, с санкции Центра после расследования коллаборационист был расстрелян.

Операции по захвату и ликвидации активных пособников оккупантов вызывали страх у изменников Родины, работавших в аппарате местного управления, снижали их активность и одновременно имели положительную реакцию в различных слоях местного населения. Особое значение играли мероприятия по ликвидации тех, кто оказывал помощь фашистам в карательных операциях или изуверски обращался с односельчанами. Так, в ночь на 22 октября 1942 г. бойцами спецгруппы «Пленный» в Витебской области был расстрелян некто Е. Филиппов. Решение о проведении этой операций было принято после получения сведений о том, что из установленного в доме Филиппова пулемета гитлеровцы обстреляли партизан местного отряда. Было также установлено, что в гостях у предателя часто бывали комендант и полицейские Бычихинской волости, которым он сообщал сведения о партизанах.

23 декабря 1943 г. за предательство местных жителей были уничтожены у себя на квартире начальник полиции железнодорожной станции Якимовичи на магистрали Калинковичи — Гомель Т. Гамашов и его заместитель Л. Мезенцев. Операция была проведена бойцами спецгруппы «Бывалые». Этой же спецгруппой в присутствии жителей деревень Веселое Поле и Голевка после общественного суда был расстрелян староста Будник, жестоко обращавшийся с односельчанами и сотрудничавший с фашистскими карателями.

Отдельные специальные операции оперативные работники поручали проводить создаваемым агентурным группам, что в отдельных случаях следовало подкреплять силами бойцов чекистских подразделений. Хорошей иллюстрацией этого служит одна из немногих операций, закончившихся гибелью агентов, во время которой предусматривалась ликвидация изменника Родины П. Коломийцева, возглавлявшего туголицкий гарнизон РОА и награжденного гитлеровцами железным крестом за карательную деятельность против партизан.

Было известно, что Коломийцев, в прошлом командир Красной армии, добровольно перешел на сторону врага в первые месяцы войны. Для его уничтожения агенту органов госбезопасности Федору, находившемуся на связи у оперработников спецгруппы Семенова, были приданы агенты Георгий, Лавров и Погражевский. В сентябре 1943 г. группа Федора, проведя предварительно разведку, пришла ночью в гарнизон и бесшумно сняла часовых. Проникнув в квартиру Коломийцева, они уничтожили предателя, но возникла перестрелка. В результате агенты вступили в бой, во время которого ими были убиты 20 солдат и офицеров РОА, но и сами они погибли. Возможно, при планировании операций командование спецгруппы Семенова не предусмотрело могущие возникнуть во время операции сложности, иначе результаты боя были бы иными.

Специальные операции по захвату офицеров противника и активных пособников оккупантов всегда получали высокую оценку Центра. Они в ряде случаев давали возможность получать сведения контрразведывательного характера. Одной из первых таких операций был захват гестаповца фон Файта, еще в 1937 г. высланного из СССР за шпионаж. Похищение осуществили бойцы спецгруппы «Четвертые».

Большую работу проводили органы контрразведки партизан по захвату сотрудников специальных служб противника, их агентов и пособников. Так, в г. Борисов бургомистром являлся агент партизанской бригады «Дядя Коля» П. Ф. Парабкович (командир отряда капитан государственной безопасности П. Г. Лопатин). С его непосредственной помощью был похищен высокопоставленный представитель гитлеровской военной разведки Нивеллингер[136].

Примером захвата официальных сотрудников, агентов и документов спецслужб противника могут служить действия партизанского отряда им. Ф. Э. Дзержинского (опергруппа «Ходоки» под командованием Е. И. Мирковского) в районе Житомира. Разведка отряда установила наблюдение за гестаповским агентом Нусвальдом, который был знаком со многими офицерами руководящего звена немецкого разведоргана. Переодевшись в полицейскую форму, разведчики Н. Гулак, И. Петрук и Н. Семиноженко ночью въехали в город, проникли в квартиру вражеского агента, арестовали его и доставили в партизанский отряд. Вместе с ним были захвачены важные документы. Показания языка и содержание документов позволили партизанам установить сеть гестаповской агентуры в областном центре и предупредить многие ее действия[137].

В конце декабря 1943 г. контрразведывательными органами в районе Пскова была проведена операция по захвату сотрудников отделения зондеркоманды-304, которые вели работу по внедрению своей агентуры в партизанские отряды[138].

В боевой деятельности чекистских подразделений на оккупированной советской территории при проведении специальных операций достаточно широко использовался прием компрометации объектов агентурных разработок перед гитлеровцами. В результате объекты уничтожались самим противником. В условиях общей подозрительности оккупантов к местному населению, что было характерным для фашистского режима в целом, такие операции, как правило, давали положительные результаты.

Например, в процессе разработки польского буржуазного националиста Свирща было установлено, что, проживая в Белоруссии в местечке Дрогичин, он поддерживает обширные связи с видными националистами в Бресте, Барановичах и Варшаве. Были получены достоверные сведения, что объект ведет активную вербовку поляков в вооруженные формирования. Попытка снизить его активность путем личной беседы с ним оперработника спецгруппы «Возрождение» закончилась безуспешно, так как на беседу он не вышел. С целью компрометации объекта перед шефом Дрогичинской жандармерии туда было передано письмо якобы от истинных патриотов, поддерживавших германское государство, в котором сообщалось об антигерманской деятельности предателя, а также прилагались антигитлеровские листовки, распространяемые Свирщем. Подобные листовки и воззвание к польским патриотам, которые призывали к борьбе с оккупантами, с помощью агентов были спрятаны в квартире Свирща. Через некоторое время Свирщ был арестован гитлеровцами, во время обыска у него нашли указанные материалы, и он был расстрелян.

Мероприятия по ликвидации сотрудников полицейских органов противника провели в 1943 г. оперативные работники спецгруппы органов госбезопасности «Родные». Во время таких мероприятий уничтожалась и агентура противника, работавшая на карателей. Так был ликвидирован Миронович, заведующий лесничеством, проживавший в Койданово Минской области и являвшийся резидентом жандармерии. Связь объекта с карателями с достоверностью была установлена агентом спецгруппы Олей. В связи с тем что захватить Мироновича в Койданово не представлялось возможным, для него от имени партизан было составлено письмо, в котором начальник особого отдела партизанской бригады предлагал ему как связному выкрасть в жандармерии сведения о дислокации партизанских отрядов. Через связную спецгруппы Буйкевич указанное письмо доставили агенту органов госбезопасности Дубу, а тот, в свою очередь, передал его в жандармерию. При этом агент заявил, что письмо было доставлено какой-то неграмотной женщиной, нашедшей его у себя дома после ночлега пьяных партизан. В результате без всякого предварительного расследования Миронович был расстрелян фашистами[139].

Специальная операция по компрометации сотрудников полиции районного центра Чечерск в Гомельской области спецгруппой «Родные» началась с вывода в партизанский отряд жены начальника 2-го отдела районной полиции Хмелева А. Н. Никитенко. Ее переход к партизанам подготовил связной, врач местной больницы. Затем по рекомендации «Родных» от нее в адрес Хмелева было направлено письмо, в котором женщина благодарила супруга за умелые действия по переводу ее к партизанам. В письме также упоминались

выявленные ранее «Родными» агенты СД, которые якобы способствовали установлению ее связи с партизанами. Письмо подобного содержания было написано «Родными» также на имя начальника полиции Ганжина. В нем давалась «положительная» оценка его работе как агента органов госбезопасности. В конверт были вложены чистые бланки отдела полиции с печатями, а в приложенной записке указывалось, что такие бланки уже не нужны и высказывалась просьба добыть другие. Аналогичные письма были изготовлены и переданы в СД для компрометации других лиц, служивших в полиции. В результате сотрудники полиции Хмелев, Козлов, Дробышевский были арестованы и расстреляны фашистами без расследования их вины. Выяснить результаты ареста Ганжина и других изменников агентуре органов госбезопасности не удалось.

Однако не все специальные операции, которые проводили оперативные работники чекистских подразделений на оккупированной территории, завершались успешно. К одной из них, имевшей важное политическое значение, следует отнести попытку ликвидировать преемника Кубе — Готберга. Операция планировалась спецгруппой «Мстители» по линии создания надежных агентурных позиций в районе деревни Дрозды (пригород Минска), где на бывших дачах проживал гауляйтер, и по линии приобретения агентуры по месту его службы — в генеральном комиссариате. В процессе агентурной разработки Готберга с 5 февраля по июнь 1944 г. были завербованы и использовались 11 агентов органов госбезопасности противника. От них была получена достаточно полная и достоверная информация о режиме работы генерала, однако ликвидировать Готберга не удалось.

Чекистские оперативные группы и партизанские формирования неоднократно проводили успешные ликвидации гитлеровцев и их пособников. Подобная деятельность, преследуемая законом в мирный период существования государства как противоправная, в особых условиях военного времени в отношении гитлеровских оккупантов приобрела иное толкование. Акты физического устранения представителей администрации на оккупированной гитлеровцами территории СССР являлись специальными операциями, которые осуществлялись на основании приказов непосредственного руководства страны.

Зафронтовая работа органов государственной безопасности являлась одним из основных направлений всей деятельности, осуществлявшейся в годы Великой Отечественной войны. Органы госбезопасности СССР оказались наиболее организованными и дееспособными в работе на оккупированной советской территории. Чекисты формировали партизанские отряды и оставляли их при отступлении Красной армии на оккупированной противником территории, забрасывали в тыл врага диверсантов и оперативные группы ОМСБОН НКВД СССР. Многие из этих групп по приказу руководства либо исходя из оперативной обстановки становились партизанскими отрядами. За годы войны для выполнения особых заданий в тылу врага только на базе ОМСБОН было подготовлено 212 специальных отрядов и групп общей численностью 7316 человек. Всего за линию фронта было заброшено более 2 тыс. оперативных групп органов государственной безопасности СССР.

Деятельность органов госбезопасности СССР на оккупированной советской территории проводилась всем комплексом сил и средств, которым располагала эта советская спецслужба. В ходе борьбы чекистских органов в тылу противника появлялись свои проблемы, выявлялись порой серьезные недостатки, но в целом сотрудники органов госбезопасности, действовавшие на оккупированной территории, внесли существенный вклад в дело победы Советского Союза над гитлеровской Германией.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ОСНАЗ. От бригады особого назначения к «Вымпелу». 1941–1981. М., 2001. С. 15.
[2] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 1. Д. 401. Л. 8–11.
[3] *Сталин И. В.* О Великой Отечественной войне Советского Союза. М., 1952. С. 15.
[4] *Судоплатов П. А.* Разные дни тайной войны и дипломатии. 1941 год. М., 2001. С. 276.
[5] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Сб. документов. Т. 2. Кн. 1. М., 2000. С. 344.
[6] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 1372. Л. 28–30, 36–38.
[7] Там же. Л. 22–23, 31– 35, 43, 51–53, 61–64.
[8] Там же. Л. 24–25, 27, 47.
[9] *Судоплатов П. А.* Указ. соч. С. 277.
[10] Там же.
[11] Там же. С. 279.
[12] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 518–519.
[13] ОСНАЗ. От бригады особого назначения к «Вымпелу». С. 15.
[14] Москва и москвичи — партизанскому движению Великой Отечественной войны. Сб. материалов. М., 2000. С. 42; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. М., 2000. С. 332.
[15] ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. 20187. Т. 1. Л. 6.
[16] *Судоплатов П. А.* Указ. соч. С. 284–290.
[17] ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. 20627. Т. 2. Л. 218, 220; Т. 4. Л. 29–31.
[18] Там же. Д. 20325. Л. 49–51, 67, 76.
[19] Там же. Л. 53, 78–84.
[20] ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. 20349. Л. 7.
[21] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 496–497.
[22] ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. 20349. Л. 2, 52–67.
[23] *Гладков Т., Калиниченко Ю.* Людиново — воздание и возмездие. Людиново, 1995. С. 90.
[24] Там же. С. 91.
[25] *Прудников М. С.* На линии огня. М., 1989. С. 17–194.
[26] ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. 20426. Л. 13–14.
[27] Там же. Л. 18, 31.
[28] Государственный архив Орловской области. Ф. Р-267. Оп. 1. Д. 1. Л. 10.
[29] ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. 20380 Т. 1. Л. 125–134; Д. 20534, 20630.
[30] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. М., 2007. С. 42–43.
[31] ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. 20637. Т. 1.
[32] Там же.
[33] *Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С.* Ненависть, спрессованная в тол. М., 1991. С. 4.
[34] Там же. С. 51.

[35] Там же. С. 53.

[36] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 40–42.

[37] *Тюрин А. В., Макаров В. Г.* Поединок Лубянки с абвером. Радиоигра под названием «Монастырь» // Независимое военное обозрение. 2005. № 15–16.

[38] *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 271.

[39] *Попов А. Ю.* НКВД и партизанское движение. М., 2003. С. 93.

[40] Там же. С. 43.

[41] *Коровин В. В., Шибалин В. И.* Советские органы государственной безопасности в годы Великой Отечественной войны. М., 1975. С. 56.

[42] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1976. Т. V. С. 112.

[43] *Василевский А. М.* Дело всей жизни. М., 1976. С. 207.

[44] «Совершенно секретно! Только для командования!» Стратегия фашистской Германии в войне против СССР / В. И. Дашичев. М., 1967. С. 372.

[45] История Второй мировой войны 1939–1945 гг. М., 1976. Т. VII. С. 115–116.

[46] *Ковальский П.* В Брестских лесах. Минск, 1970. С. 64.

[47] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп 8. Д. 1498. Л. 215.

[48] Там же. Ф. РДР. Д. № 20618. Т. 2. Л. 8.

[49] *Матвеев О. К.* «Нелегальный резидент НКВД в Одессе сообщает...» // Независимое военное обозрение. 2001. № 21. С. 7.

[50] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 19–21, 52–53, 150, 235–237.

[51] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 325. Л. 15.

[52] *Пономаренко П. К.* Всенародная борьба в тылу немецко-фашистских захватчиков 1941–1944 гг. М., 1982. С. 187.

[53] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 136.

[54] *Коровин В. В.* Советская разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны. М., 2003. С. 162.

[55] Там же. С. 163.

[56] Архив Управления ФСБ по Тверской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 15. Л. 178.

[57] РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 18.

[58] *Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С.* Указ. соч. С. 223.

[59] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 702. Л. 10.

[60] РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 25. Л. 56.

[61] Там же. Л. 48.

[62] *Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С.* Указ. соч. С. 225.

[63] *Ивлиев Е. А.* Крест и маузер // Динамовцы в боях за Родину. М., 1985. Кн. 3. С. 118–119.

[64] *Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С.* Указ. соч. С. 226.

[65] *Калашников Б. В.* Подрывник Хазов // Динамовцы в боях за Родину. С. 95–96.

[66] Там же. С. 229.

[67] *Ивлиев Е. А.* Были огненных лет. М., 1983. С. 29–30.

[68] ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. 20626. Т. 1-Б.

[69] Там же. Д. 20187. Т. 2. Л. 153–227.

[70] Там же. Д. 20380. Т. 1 Л. 280–281.

[71] Там же.

[72] Там же. Л. 13.

[73] РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 110. Л. 11.

[74] Там же. Л. 12.

[75] Там же.

[76] *Попов А. Ю.* Деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной советской территории (1941–1944). М., 2007. С. 313.

[77] *Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С.* Указ. соч. С. 230.

[78] *Ваупшасов С. А.* Партизанская хроника. Минск, 1971. С. 288–290.

[79] *Пономаренко П. К.* Указ. соч. С. 278.

[80] *Ковалев И. В.* Транспорт в Великой Отечественной войне. М., 1981; История Великой Отечественной войны. В 6-ти т. Т. 2. М., 1961; *Азясский Н. Ф., Князьков А. С.* Партизанская операция «рельсовая война». М., 1985, и др.

[81] *Старинов И. Г.* Мины замедленного действия. М., 1999. С. 162.

[82] РГВА. Ф. 38693. Оп. 1. Д. 60. Л. 9.

[83] *Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С.* Указ. соч. С. 241.

[84] Там же.

[85] РГВА. Ф. 38693. Оп. 1. Д. 60. Л. 38.

[86] Там же. Д. 98. Л. 3.

[87] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 2. М., 2007.С. 17–18.

[88] Там же. С. 19.

[89] Имеются в виду оставшиеся в живых после сталинских «чисток» специально обученные диверсанты.

[90] РГВА. Ф. 40973. Оп. 1. Д. 28. Л. 22.

[91] *Андрианов В. Н.* Участие чекистов в партизанской борьбе в годы Великой Отечественной войны. М., 1990. С. 102.

[92] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 703. Л. 52–53; Д. 949. Л. 14–25; Д. 1092. Л. 62–64.

[93] *Андрианов В. Н.* Указ. соч. С. 103.

[94] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 909. Л. 16.

[95] Архив администрации Брянской области. Ф. 1650. Оп. 1. Д. 81. Л. 268–269.

[96] Там же.

[97] *Колесников Ю. А.* Лабиринты тайной войны. М., 2001. С. 223–236.

[98] *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Задача особой важности. Киев, 1985. С. 122–123.

[99] Там же. С. 106.

[100] Там же.

[101] *Попов А. Ю.* Партизаны и контрразведка в годы Великой Отечественной войны // Отечественная история. 2003. № 3. С. 123–127.

[102] *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Указ. соч. С.108.

[103] Там же.

[104] *Дедюля И. П.* Партизанский фронт. М., 1975. С. 167.

[105] *Андрианов В. Н.* Указ. соч. С. 109.

[106] *Попов А. Ю.* Диверсанты Сталина. Деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной советской территории в годы Великой Отечественной войны. М., 2004. С. 194–196.

[107] Незримого фронта солдаты. Тула, 1971. С. 125.

[108] Там же.

[109] *Медведев Д. Н.* Партизанская война... С. 19.

[110] Там же.

[111] Там же. С. 21.

[112] Там же.

[113] Там же.

[114] *Андрианов В. Н.* Указ. соч. С. 111.

[115] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 746. Л. 108.

[116] Там же. Д. 748. Л. 1.

[117] Там же. Д. 74. Л. 9–12.

[118] Там же. Д. 703. Л. 52.

[119] Там же.

[120] *Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С.* Указ. соч. С. 278.

[121] ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. 20872. Л. 20.

[122] Под псевдонимом Михась работал И. И. Михеев, оперативный работник НКВД, сержант госбезопасности (иподиакон).

[123] Под псевдонимом Марта работала радистка Л. А. Бакланова.

[124] Цит по: Управление ФСБ по Тверской области. 90 лет: презентационное иллюстрированное издание. Сб. статей. Тверь, 2008. С. 53.

[125] Подробнее см.: *Ермолов И. Г.* История Локотского округа и Русской освободительной народной армии. Орел, 2008; *Христофоров В. С.* Коллаборационисты отдельно взятого Локотского округа // 65 лет Великой Победы. В 6-ти т. Т. 4. Другое лицо войны. М., 2010. С. 181–213.

[126] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 2214.

[127] Мероприятия по ликвидации Власова именовалось «Осуществлением специальных мероприятий над «Вороном». См.: Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 5. Кн. 1. С. 370–371, 375.

[128] ЦА ФСБ России. Ф. РДР. Д. № 20008: в 2-х т.

[129] *Попов А. Ю.* 15 встреч с генералом КГБ Бельченко. М., 2002. С. 258–260.

[130] *Попов А. Ю.* Деятельность органов государственной безопасности СССР на оккупированной советской территории (1941–1944) : дис. д-ра ист. наук. М., 2007. С. 352–353.

[131] *Зевелев А. И., Курлат Ф. Л., Казицкий А. С.* Указ. соч. С. 282.

[132] *Гладков Т. К.* Легенда советской разведки. М., 2001. С. 342.

[133] *Лукин А. А.* Приговор приведен в исполнение // Партизанские дни. М., 1971. С. 92.

[134] Там же. С. 94.

[135] *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Указ. соч. С. 142.

[136] *Золотарь И. Ф.* Под маской бургомистра // Партизанские дни. М., 1971. С. 9–32.

[137] *Мищенко Г. П., Мигрин Г. П.* Указ. соч. С. 121.

[138] РГАСПИ. Ф. 69. Оп. 1. Д. 153. Л. 297.

[139] *Попов А. Ю.* Деятельность органов государственной безопасности СССР... С. 363.

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫХ ОРГАНОВ НКВД — НКГБ ПО ОБЕСПЕЧЕНИЮ БЕЗОПАСНОСТИ ТЫЛА СТРАНЫ

Контрразведывательная работа территориальных органов госбезопасности

20 июля 1941 г. НКВД и НКГБ были слиты в единый Наркомат внутренних дел СССР. В связи с этим были объединены наркоматы национально-территориальных единиц, входившие в их структуру управления краев и областей, а также городские и районные отделы и отделения. В территориальных органах госбезопасности функционировали следующие оперативные отделы (отделения): контрразведывательные (КРО), экономические (ЭКО) и секретно-политические (СПО). Сами названия этих подразделений отражают основные направления их агентурно-оперативной деятельности. 14 апреля 1943 г. из состава НКВД СССР вновь был выделен самостоятельный Наркомат государственной безопасности СССР, а ЭКО и СПО упразднены и их функции частично переданы в контрразведывательные подразделения. Система территориальных органов государственной безопасности обрела прежнюю форму.

С началом войны на территориальные органы государственной безопасности были возложены задачи обеспечения безопасности тыла от разведывательной и диверсионной деятельности противника, по упреждению и пресечению паники, трусости и предательства, распространению дезинформации и дезорганизации и т. д. Роль тыла в войне существенно возросла даже по сравнению с Первой мировой войной, поэтому фашисты бросили на его подрыв большие силы.

Если в самом начале войны цели германской разведки были связаны лишь с реализацией плана «Барбаросса» и разведывательные устремления ограничивались театром боевых действий, то уже в июле — августе 1941 г. по мере краха плана молниеносной войны противник вынужден был корректировать деятельность своей разведки. Представление об изменениях в разведывательных устремлениях германских спецслужб к концу осени 1941 г. дает один из трофейных документов — вопросник германской разведки, захваченный в январе 1942 г. на Западном фронте[1]. Согласно этому документу, главная задача германских спецслужб заключалась в том, чтобы определить мобилизационные возможности СССР, которыми он будет обладать к весенне-летней кампании 1942 г.

Бойцы истребительного батальона направляются на задание. 1941 г.

Девушки-пулеметчицы из истребительного батальона

Другой весьма информативный документ от 22 ноября 1941 г., отражающий разведывательные устремления противника в сфере военной экономики, — «Инструкция для получения сведений о военном хозяйстве не оккупированных районов России», предназначенная для военно-хозяйственного управления верховного командования сухопутных войск Германии. Работа по сбору данных о военно-экономическом потенциале СССР этой инструкцией была предельно конкретизирована, круг интересующих вопросов четко очерчен. В отношении промышленных предприятий ставилась задача собрать следующие сведения: название производства, марка продукции довоенного и военного времени; точное местоположение промышленного объекта; наличие примыкающих железнодорожных и/или водных путей и их схема; виды и количество выпускаемой продукции (ежемесячно или в год); проектная производственная мощность; количество и размещение рабочих, количество занятых в производстве женщин и род их занятий; секретные технологии, изобретения и производственные методы; сведения о мобилизационном развертывании производства военной продукции — время вступления в силу мобилизационного плана, какими средствами и с какими результатами было увеличено количество выпускаемой продукции; сроки частичного или полного перехода промышленности на производство военной продукции; конкретные трудности, возникшие при реализации мобилизационного плана; сведения о производственных связях промышленного объекта — источники и пути доставки сырья, полуфабрикатов или отдельных деталей, а также угля и электроэнергии; размер их запасов; качество технологического оборудования — соотношение современного и устаревшего оборудования, иностранного и отечественного станочного парка; сведения о заводах, выпускающих важнейшее технологическое оборудование, оценка качества оборудования на этих заводах по тем же критериям. Отдельный блок вопросов касался эвакуации производительных сил. Повышенное внимание германской разведкой уделялось нефтедобывающей и нефтеперерабатывающей промышленности. Наряду с перечисленными ставились также задачи получения разведывательных сведений по следующим важнейшим экономическим регионам: Кавказ, бассейн Волги (Сталинград, Саратов, Энгельс, Куйбышев, Казань, Горький), Урал, Кузнецкий бассейн, Средняя Азия, район Владивостока, порт Архангельск.

С первых дней войны в руководящих документах НКВД — НКГБ СССР к важнейшим объектам устремлений вражеских спецслужб были отнесены предприятия машиностроения, металлургии и угольной промышленности. Наряду с ними значились предприятия по переработке нефти, районы ее добычи и места хранения нефтепродуктов, а также объекты транспорта, имевшие оборонно-стратегическое значение: аэродромы, мосты, порты, железнодорожные депо, путепроводы, водокачки и другие сооружения. Контрразведывательная защита экономического потенциала СССР от подрывной деятельности противника и действий враждебных элементов территориальными органами государственной безопасности строилась по принципу «от объекта»: необходимость и целесообразность оперативного обслуживания конкретного завода или предприятия определялась характером выпускаемой продукции и производственным потенциалом, а не базировалась на достоверных данных о конкретных устремлениях противника. Вследствие этого количество объектов оборонных отраслей промышленности, подлежащих оперативному обслуживанию органами госбезопасности, значительно выросло.

Пока наступление вермахта шло успешно, разведывательные устремления противника к военно-экономическому потенциалу СССР могли быть реализованы тщательным опросом пленных красноармейцев, призванных в армию непосредственно с объектов оборонных и иных отраслей народного хозяйства. Поражение под Москвой, отступление и переход к обороне заставили абвер начать с марта 1942 г. заброски в глубокий тыл СССР агентов, специально подготовленных для этого в разведывательных и диверсионных школах и на курсах, дополнительная сеть которых начала создаваться еще осенью 1941 г. Объектами первоочередных устремлений абвера стали следующие промышленные центры: Горький, Казань, Молотов, Нижний Тагил, Новосибирск, Саратов, Свердловск, Сталинград, Уральск, Челябинск и другие крупные города.

Агенты, которые обучались в разведывательно-диверсионных и диверсионных школах и на курсах, засылались в тыл советских войск с заданиями устраивать взрывы на железных дорогах, идущих к фронту, уничтожать военные и продовольственные склады, базы и другие стратегически важные объекты, а также совершать диверсии на крупных промышленных предприятиях. Однако диверсии на промышленных объектах для противника могли быть эффективными лишь при массовых масштабах, но развернуть такую широкую диверсионную деятельность, равно как саботаж и вредительство, опираясь на местное население, было нереально: безуспешные попытки германских спецслужб создать в СССР накануне войны так называемую «пятую колонну» показали свою несостоятельность. Благоприятных политических условий для этого не имелось.

Другой вариант достижения цели заключался в тщательной подготовке и заброске в глубокий тыл на длительное время огромного числа высоконадежных агентов-диверсантов. Если представить даже самые минимальные масштабы этой работы, то станет очевидно: данный путь требовал настолько значительных сил и средств, что также был нереален. Для реализации такого варианта подрывной деятельности у немцев не было главного — преданных агентов в достаточном количестве. Поражение под Москвой положило начало деморализации солдат и офицеров вермахта и не могло не отразиться на качественном составе и умонастроениях постоянного и переменного состава разведывательных и диверсионных школ и курсов абвера. Даже в августе 1942 г., одном из тяжелейших для СССР военных месяцев, в разведывательной школе, расположенной в местечке Летсе на территории Эстонии, были арестованы семь агентов-курсантов за высказывания против нацистов.

Несмотря на меры повышения надежности агентов абвера, их явка с повинной носила массовый характер и к апрелю 1943 г. составила 45,2%. Следует учесть также, что среди агентов противника было немало людей, которые опасались сдаваться на милость советских властей из-за страха высшей меры наказания: их вербовка немцами была закреплена выдачей коммунистов, советских активистов и партизан, отбором антисоветских деклараций, фотографированием в обществе германских офицеров и т. п. Многие из таких агентов, попав на советскую территорию, проходили этап легализации: используя сфабрикованные немцами документы, устраивались на работу, обзаводились семьями, однако никаких мер по выполнению заданий германской разведки не предпринимали и бесследно для своих хозяев растворялись среди населения.

Косвенным подтверждением сказанного является успешное сосредоточение крупных сил Красной армии под Сталинградом к середине ноября 1942 г., которое для германского командования оказалось неожиданным. Передвижение войск, боевой техники и материальное обеспечение будущего контрнаступления проходили по железным дорогам Сибири и от Урала до Волги, включая практически все промышленные регионы СССР. Несмотря на масштабность подготовительной работы, информация о ней к противнику не поступила. Несостоятельность германской разведки вынуждены были впоследствии признать даже ее руководители. Таким образом, благодаря установлению жесткого контрразведывательного режима и целенаправленной работе органов государственной безопасности, а также в силу общей военно-политической обстановки, сложившейся после поражения немцев под Москвой, разведывательная деятельность противника в глубоком советском тылу оказалась к ноябрю 1942 г. парализованной.

Накануне Курской битвы германское командование предприняло попытки усилить разведывательную работу именно на железнодорожных коммуникациях, обеспечивавших военные перевозки для нужд фронта. Однако и эти попытки были сорваны. Так, с 1 мая по 10 июня 1943 г. органами НКГБ были задержаны 77 агентов-парашютистов, сброшенных с вражеских самолетов в тыловых районах СССР: в состав 12 разведывательных групп входили 27 человек, в состав 10 диверсионных групп — 27, разведчики-одиночки — 23. Было изъято 29 коротковолновых радиостанций. Все агенты — бывшие военнослужащие Красной армии, завербованные в лагерях для военнопленных, а затем обученные в разведывательных и диверсионных школах. Задания, которые получили агенты, заключались в наблюдении за

воинскими перевозками на железнодорожных станциях: Прохладная, Армавир, Тихорецкая, Сальск — на Северном Кавказе, Миллерово Ростовской области, Рузаевка Мордовской АССР, Балашов Саратовской области, Воронеж, Усмань, Грязи Воронежской области, Мичуринск Тамбовской области, Калинин, Горький, Арзамас, Иваново, Владимир, Ярославль и Александровск Ярославской области, Куйбышев, Ульяновск, Ртищево Саратовской области, Рязань и Михайлово Рязанской области, Орехово-Зуево Московской области, на линии Архангельск — Вологда. Дополнительно агенты противника имели задание выявлять дислокацию частей Красной армии, их оснащение, настроения личного состава, собирать сведения о работе военных заводов. Одна из разведывательных групп, задержанная в Вологодской области, имела задание пробраться в Ленинград и выявить базы подводного флота. Четыре группы диверсантов должны были вывести из строя железную дорогу Тихвин — Вологда. Остальные диверсионные группы предназначались для вывода из строя железной дороги на участке Елец — Ефремово, Ржев — Высокая, Вологда — Архангельск, Ефимовская — Тихвин[2]. С потерей значительного количества подготовленных агентов противник не смог реализовать свои разведывательно-подрывные акции.

На основании изложенного можно сделать вывод, что создать надежную агентурную сеть в промышленных центрах и на железнодорожных коммуникациях СССР германской разведке не удалось. Ни разведывательные, ни диверсионные, ни иные подрывные устремления противник через своих агентов в полной мере реализовать не смог. Поэтому для подрыва экономики СССР активно использовалась авиация, которая до середины 1943 г. удерживала превосходство в воздухе. Массированными бомбардировками можно было оперативно достичь крупных разрушений железнодорожного полотна, мостов и других важнейших сооружений. Ударами по коммуникациям неприятель пытался дезорганизовать работу транспорта, разорвать экономические связи и тем самым сорвать снабжение Красной армии. Использование диверсионных групп именно в прифронтовой полосе было для противника оптимальным, так как позволяло достичь более высокой секретности замыслов военного командования.

Важным элементом контрразведывательной работы органов госбезопасности являлся оперативный розыск агентов германских спецслужб, предателей и пособников немецких оккупантов. В оперативных документах и правовых актах военного времени развести понятия «изменник», «предатель», «пособник» не представляется возможным, поскольку они использовались как синонимы. Оперативный розыск предполагал картотечный учет разыскиваемых лиц. В частности, учету подлежали: консультанты, переводчики и обслуживающий персонал из числа советских граждан штабных, разведывательных и контрразведывательных органов, диверсионных, террористических и разведывательных школ противника; содержатели радиостанций, складов продовольствия, оружия и боеприпасов, оставленных неприятелем в тылу Красной армии для своей агентуры; владельцы домов и квартир, где размещались разведывательные и контрразведывательные органы противника, проживали офицеры разведки и контрразведки, если владельцы домов не были выселены противником; участники белогвардейских, националистических, религиозных и прочих антисоветских организаций, созданных оккупантами; члены городских управ, сельские старосты, полицейские, служащие и секретные сотрудники полиции и гестапо; предатели, провокаторы и пособники, выявлявшие коммунистов, партизан, красноармейцев, изымавшие у населения продовольствие, фураж, скот, теплую одежду, участвовавшие в расправах; содержатели притонов и домов терпимости; женщины, сожительствовавшие с офицерами противника; все лица, добровольно ушедшие при отступлении с вражескими войсками.

Как свидетельствуют статистические данные, в годы Великой Отечественной войны за преступления, связанные с изменой Родине или изменническими намерениями, были арестованы 37 056 человек, или 8,2% от общего числа арестованных: из них на освобожденной от немецких оккупантов территории — 26 411, в тыловых районах СССР — 10 645. За предательскую и пособническую деятельность органы НКВД — НКГБ СССР арестовали 142 105 человек, или 31,4% от общего числа арестованных: из них на освобожденной территории — 138 115, в тылу — 3990.

По агентурным сведениям Управлением НКГБ СССР по Свердловской области в начале 1945 г. было установлено, что вместе с ранеными бойцами Красной армии в госпитали области прибыли на излечение западные украинцы, служившие добровольцами в 14-й дивизии СС «Галичина». Среди 30 арестованных эсэсовцев особое внимание оперативников привлек А. Г. Крамарчук, с 1931 г. являвшийся активным членом ОУН. В 1941—1943 гг. он агитировал население бороться с Красной армией, выполнять все распоряжения немецких властей, лично вербовал жителей Тернопольской области вступать в дивизию СС, в рядах которой воевал против Красной армии. Военным трибуналом УралВО Крамарчук был приговорен к расстрелу, остальные арестованные осуждены на разные сроки[3].

После освобождения западных районов СССР от немецких войск началась массовая мобилизация населения для работы на предприятиях. Так, в конце октября 1944 г. в трест «Богословуголь» Свердловской области прибыли 1442 человека, среди которых оказались бывшие полицейские, старосты, провокаторы. По предложению УНКГБ СССР по Свердловской области Карпинский ГК ВКП(б) указал администрации треста организовать санобработку пассажиров и их личных вещей. Агентурой, введенной в штат санпропускника, были обнаружены и изъяты пистолеты, фашистские листовки. Прибывшая из Свердловска оперативная группа во главе с полковником Аренкиным взяла в активную агентурную разработку 140 человек, многие из которых в дальнейшем были арестованы[4].

В ходе оперативных мероприятий, осуществленных сотрудниками органов госбезопасности весной и летом 1945 г., удалось разоблачить большую группу предателей, прошедших фильтрацию в спецлагере НКВД СССР № 0305 и направленных работать на промышленные предприятия и стройки народного хозяйства. Среди них был и объявленный во всесоюзный розыск изменник Родины Н. И. Воронин. Находясь на фронте, он организовал группу численностью 10 человек и в ночь с 6 на 7 ноября 1941 г. в полном боевом вооружении, сняв посты на передовой линии, добровольно перешел на сторону финнов, сообщив им сведения о расположении частей Красной армии, их вооружении, организации обороны, наличии огневых точек[5].

В июле 1945 г. был арестован рабочий бокситового рудника Х. Курбанов, бывший член ВЛКСМ, бухгалтер по образованию. Следствие установило, что Курбанов в июле 1942 г. добровольно сдался с плен, изъявил желание служить в немецкой армии, был зачислен в Туркестанский легион, принял присягу на верность Германии. В 1944 г. на итальянском фронте за участие в боях против войск союзников был награжден немецкой медалью с предоставлением месячного отпуска для поездки по городам Италии. В июне 1944 г. после захвата в плен американскими войсками и краткосрочного содержания в английском лагере для военнопленных Х. Курбанова отправили в СССР[6].

Часть предателей проникла в восточные регионы России в неорганизованном порядке и, используя фальшивые документы, рассредоточилась по глухим населенным пунктам, стараясь скрыться от органов правосудия и тем самым избежать уголовной ответственности за содеянное при оккупантах. Некоторые из них, рискуя быть разоблаченными, активно включились в общественно-политическую деятельность. Сталинским ГО НКГБ Кемеровской области в сентябре 1944 г. был арестован изменник Родины П. П. Чабан, кандидат в члены ВКП(б), председатель одного из сельсоветов Кузнецкого района. Следствие установило, что в июле 1941 г. Чабан сдался немцам в плен, добровольно поступил на службу в полицию. Работая следователем в Ровенской области, принимал участие в истязаниях советских граждан, пытках партизан, насильственной мобилизации населения на работы в Германию. После изгнания немцев Чабан с поддельными документами на имя активного участника партизанского движения пробрался в Кузнецкий район Кемеровской области, устроился на руководящую работу, вступил кандидатом в члены ВКП(б). Таким же образом сотрудниками УНКГБ по Челябинской области и Красноярскому краю были разысканы и арестованы немецкий староста И. П. Афанасьев, старший полицейский П. Т. Головачев и многие другие.

Обычно арестованным предателям инкриминировалось совершение таких преступных деяний, как добровольная сдача в плен и служба в национальных воинских легионах, РОА,

немецкой полиции, участие в боевых действиях против Красной армии, борьба с партизанами и советскими парашютистами, выявление и расстрел партийных и советских активистов, членов их семей, евреев, лиц, сочувствовавших партизанам, насильственное изъятие у населения скота, продуктов питания, одежды для нужд немецкой армии, мобилизация советских людей на каторжные работы в Германию, строительство немецких оборонительных рубежей, несение охраны мостов, железнодорожных линий, складов с боеприпасами, пропаганда идеи о скором и неизбежном поражении СССР в войне с Германией.

Из 3503 человек, арестованных органами госбезопасности Удмуртской АССР, Алтайского и Красноярского краев, Кемеровской, Курганской, Свердловской, Томской областей за измену Родине и изменнические настроения, предательство и пособничество немецким оккупантам по разыскным спискам, были выявлены всего 32 изменника, предателя и пособника, или 0,9% от их общего числа: из них арестованы 13 человек, о 19 предателях ориентированы другие органы НКВД — НКГБ и отделы контрразведки Смерш. В остальных случаях (99,1%) аресты производились на основе реализации местных агентурных материалов, по инициативе руководства вышеуказанных территориальных органов госбезопасности Урало-Сибирского региона.

После депортации в восточные регионы СССР калмыков и крымских татар органы НКВД Урало-Сибирского региона развернули активную деятельность по выявлению среди спецпоселенцев изменников Родины, предателей и пособников немецких оккупантов. В 1944—1945 гг. за эти преступления были арестованы 198 калмыков и 71 крымский татарин. Так, весной 1945 г. Рубцовским РО НКВД Алтайского края было заведено агентурное дело «Хвосты» на 12 спецпоселенцев-калмыков (Г. Келиков, Б. Менкенов, Д. Уланов и другие). Этой группе летом 1942 г. во время приближения немецко-румынских войск к Кетченеровскому району Калмыцкой АССР было поручено эвакуировать скот, всего около 16 тыс. голов, из колхозов имени Кагановича и имени Чкалова. Вместо этого погонщики передали скот немецким оккупационным властям и добровольно вступили в бандгруппу, оперировавшую в Кетченеровском районе, где с оружием в руках помогали немецко-румынским войскам воевать против партизан и Красной армии, занимались грабежом колхозного имущества, насильно угоняли советских мирных граждан в немецкий тыл. В сентябре 1945 г. все лица, проходившие по этому делу, были арестованы и привлечены к уголовной ответственности по статье 58-1а УК РСФСР.

В январе 1945 г. Кунинским РО НКВД Новосибирской области было заведено агентурное дело «Каратели» на 18 спецпоселенцев-калмыков, изменников Родины, участников Алцын-Хутинского карательного эскадрона, позже перешедших на положение бандитов (М. Бовокаев, К. Догаев, Б. Хурдаев, Г. Цеденов, А. Яманов и другие). В 1942 г. они добровольно вступили в карательный эскадрон, сформированный немцами для борьбы с партизанами и частями Красной армии, принимали активное участие в боевых столкновениях, расстреливали пленных командиров Красной армии, красноармейцев, партизан и советских активистов. В декабре 1942 г., когда под ударами Красной армии немецкие войска стали отходить, участники карательного эскадрона перешли на нелегальное положение, занимались бандитизмом, продолжая вести вооруженную борьбу против советской власти. Все участники агентурного дела «Каратели» были привлечены к уголовной ответственности.

Таким образом, в годы Великой Отечественной войны органы госбезопасности, накопив значительный опыт контрразведывательной деятельности, используя агентурные методы, выявили, разыскали и арестовали значительное количество предателей среди военнослужащих и гражданских лиц, мобилизованных на работу в народной хозяйство, сосланных на спецпоселение, находившихся на излечении в медицинских учреждениях, эвакуированных в восточные регионы СССР и прибывших туда в неорганизованном порядке. На всех этапах розыска и ареста германских агентов, предателей и пособников немецких оккупантов сотрудники органов госбезопасности реализовали принцип неотвратимости возмездия за совершенные злодеяния. Это направление деятельности органов НКВД — НКГБ получило поддержку в обществе, повысило их авторитет в сознании миллионов советских граждан.

Рассматривая вопрос о контрразведывательной работе территориальных органов государственной безопасности, следует особо выделить деятельность управлений по Архангельской и Мурманской областям. Дело в том что после начала Великой Отечественной войны и установления союзнических отношений между СССР, Великобританией и США для решения вопросов безопасной проводки северных союзнических конвоев с грузами ленд-лиза в Архангельской и Мурманской областях были созданы британская и американская военные миссии. В Мурманске первые результаты контрразведывательного наблюдения за представителями союзных миссий позволили сделать вывод об организации спецслужбами Великобритании и США разведывательной работы с легальных позиций[7]. Англичане подобрали на окраине города два отдельных здания, удобных для размещения радиостанции, а также для установления неофициальных связей с советскими гражданами и, по выводам советской контрразведки, их первичной разведывательной обработки. Как британская, так и американская миссии были оснащены специальной радиотехникой. Советская радиконтрразведка вскоре выявила в районе Полярный — Мурманск — Архангельск четыре постоянно действующие английские радиостанции, осуществляющие почти круглосуточную связь с Лондоном. Также сотрудников контрразведки насторожила несоразмерно большая, по сравнению с задекларированными официально функциями, численность персонала англо-американских миссий. Например, только в Мурманске к середине 1942 г. работали 11 старших и 20 младших британских офицеров. Среди персонала миссий были выявлены кадровые разведчики и лица, имевшие базовое военное образование и специальную подготовку[8].

В этой связи НКВД СССР направило в УНКВД по Архангельской и Мурманской областям, начальникам третьих отделов Северного флота и Беломорской военной флотилии указание от 27 ноября 1941 г.[9], в котором определялись конкретные меры активизации контрразведывательной работы по англо-американской линии. Как следовало из указания, основное внимание в контрразведывательной работе следовало уделять выявлению среди сотрудников миссий лиц, «подозрительных на шпионаж», проверке их связей среди командного и рядового состава Военно-морского флота и частей Красной армии, имеющих доступ к сведениям, составляющим государственную тайну. Одновременно требовалось принимать меры к обеспечению сохранения военной тайны военнослужащими и гражданскими лицами, связанными по работе с сотрудниками миссий. При этом основной упор был сделан на агентурную разработку и проведение агентурно-оперативных мероприятий в отношении установленных разведчиков, а также лиц, подозреваемых в причастности к кадровому или агентурному аппарату британских и американских спецслужб. В особняках иностранных представительств, гостиниц «Интуриста», ресторанах, театрах и интерклубе обслуживающий персонал был в основном укомплектован осведомителями и агентами органов контрразведки. Подозрительным иностранцам подставляли квалифицированную агентуру. В номерах «Интуриста» и ряде других помещений, используемых сотрудниками миссий, установили подслушивающее оборудование. Активно осуществлялся контроль над передвижением иностранцев, обоснованно подозреваемых в причастности к зарубежным спецслужбам.

Как следует из материалов управлений госбезопасности по Архангельской[10] и Мурманской[11] областям, сформированная система контрразведывательных мер была довольно эффективна. К концу 1943 г. только в Архангельске изучались около тысячи советских граждан, имеющих связи с англичанами. По результатам их агентурных разработок разоблачили и арестовали ряд агентов американской и английской разведок, а также агентов разведки польского эмиграционного правительства, работавших на британские спецслужбы. Советские граждане, подозреваемых в шпионаже в пользу Великобритании, из портовых центров были переселены[12].

Помимо сбора разведывательных сведений кадровые сотрудники спецслужб союзников вели подрывную работу, которая именовалась идеологической диверсией: занимались нелегальным ввозом антисоветской литературы, кинофильмов для пропаганды преимуществ так называемого «западного образа жизни», разжигали эмиграционные настроения. Так, в феврале 1943 г. УНКВД по Архангельской области было установлено, что в адрес военной

миссии в г. Архангельске из Великобритании специальным грузом была нелегально доставлена польская контрреволюционная националистическая литература[13]. Органами безопасности были приняты соответствующие меры, в частности организовано агентурное наблюдение и усилен контроль грузов, прибывающих из Великобритании на пароходах. Кроме того, было установлено, что британские военнослужащие активно распускали провокационные слухи: например, что якобы достигнута договоренность о передаче Севера Европейской части СССР в аренду Великобритании сроком на 20 лет. Проводя идеологическую обработку советских граждан, они утверждали, что Сталин якобы против открытия второго фронта и хочет «победить Гитлера в одиночку».

Таким образом, органы безопасности в полной мере владели информацией об устремлениях британских и американских спецслужб, проводимой ими разведывательной работе, ее формах и методах. В целом советской контрразведке удалось довольно полно вскрыть разведывательную сеть среди персонала союзных миссий, предупредить негативные для СССР последствия разведывательно-подрывной деятельности. Ряд сотрудников миссий, в отношении которых были добыты достоверные данные об их шпионской деятельности, несовместимой с союзническими отношениями, выдворили из страны. Среди них англичане майор Энтони Риис, начальник 126-й британской портовой базы в Архангельске Куртис Берд, бывший начальник военно-морской миссии в Архангельске капитан 2 ранга Д. Уайберд и некоторые другие.

Участие органов госбезопасности в перебазировании промышленных предприятий

Важнейшей составной частью обеспечения экономической безопасности СССР в годы Великой Отечественной войны являлось перебазирование производительных сил Украины, Белоруссии, Прибалтики, Молдавии и ряда российских областей в Поволжье, на Урал, в Сибирь, в союзные республики, удаленные от районов боевых действий. Данную проблему высшие руководители страны в лице Сталина и других членов Политбюро ВКП(б) осознали в течение первых же суток после германской агрессии и 24 июня 1941 г. создали Совет по эвакуации при СНК СССР. Ответственность за эвакуацию промышленных объектов возложили на наркоматы и директоров заводов, однако приступать к демонтажу оборудования можно было лишь по указанию или с согласия Совета по эвакуации.

В течение первой военной недели И. В. Сталин пять раз вызывал к себе наркома государственной безопасности В. Н. Меркулова и ставил органам НКГБ СССР задачи, которые нашли отражение в директивах руководителей наркомата, в том числе и по вопросам эвакуации. В частности, в директивах НКГБ СССР «О задачах органов госбезопасности в условиях военного времени» № 136 от 24 июня и № 168 от 1 июля 1941 г. особые требования были предъявлены к личному составу прифронтовых органов НКГБ. Во многих местностях, которым угрожала оккупация противником, фиксировались отсутствие организованности и дисциплины среди местных партийных, советских и хозяйственных руководителей, паника среди населения.

Органы госбезопасности наводить порядок начали со своих подразделений. Малейшие проявления растерянности и малодушия среди оперативного состава требовалось решительно пресекать, паникеры и трусы подлежали аресту. Никто не мог покинуть оперативно обслуживаемую территорию без специального разрешения вышестоящих органов госбезопасности. «В случае вынужденного отхода частей Красной армии, — говорилось в документе от 1 июля 1941 г., — работники органов НКГБ обязаны до последней минуты оставаться на своих боевых постах в городах и селах, борясь с врагом всеми возможными способами до последней капли крови»[14]. Эвакуироваться разрешалось только с последними частями Красной армии,

предварительно приняв исчерпывающие меры по уничтожению и проверке того, насколько тщательно уничтожено на оставляемой противнику территории всё, что могло бы оказаться ему полезным. Неисполнение этих мер и самовольная эвакуация квалифицировались как невыполнение долга перед Родиной, и виновным грозило предание суду военного трибунала.

В дополнение к этому 4 июля 1941 г. в органы госбезопасности и внутренних дел УССР, Ленинградской, Смоленской, Гомельской, Витебской, Калининской, Курской, Орловской и Тульской областей было направлено совместное директивное указание НКВД и НКГБ № 239/182, в котором наркомы Л. П. Берия и В. Н. Меркулов приказали: «В случае обнаружения в эшелонах сотрудников НКВД — НКГБ без соответствующих документов, удостоверяющих их право нахождения в эшелоне, арестовывать, проводить расследование через органы Особой инспекции о причинах ухода из прифронтовой полосы и с санкции НКГБ СССР предавать их суду военного трибунала»[15].

Обращает на себя внимание, что санкция НКГБ требовалась для привлечения к ответственности не только сотрудников госбезопасности, но и органов Наркомата внутренних дел. Это говорит о том, что самовольное оставление ими места службы расценивалось не как обычное дезертирство, а как особо тяжкое преступление. Угрозы ареста и предания суду не были пустым обещанием. 10 июля 1941 г. заместитель наркома госбезопасности И. А. Серов подписал приказ о привлечении к ответственности первых шести сотрудников органов НКГБ, которые во время военных действий проявили недопустимую трусость и, бросив исполнение служебных обязанностей, выехали в тыл.

Однако с самого начала войны руководству страны было известно, что сотрудники органов государственной безопасности если и покидали оперативно обслуживаемую территорию с приближением вражеских войск, то никак не раньше местных партийных, советских и хозяйственных руководителей[16]. Так, Управление политической пропаганды Юго-Западного фронта в июле 1941 г. докладывало, что в прифронтовых районах партийные и советские руководители проявляют растерянность и поддаются панике. Некоторые из них уехали со своими семьями или бежали задолго до эвакуации и отхода наших частей. Вместо того чтобы вывезти государственные материальные ценности, на имевшийся в их распоряжении транспорт грузили личные вещи. Они оставили районы на произвол судьбы и бежали, самим этим фактом усиливая панику среди населения. Так, из отделений Госбанка и связи не вывезли ценности и деньги, в одном из районных отделов милиции обнаружили без охраны около 100 винтовок. В г. Проскуров Каменец-Подольской области Украинской ССР после панического отъезда руководителей преждевременно были взорвана электростанция и разрушен водопровод, вследствие чего отошедшие в город части Красной армии оказались без воды и электроэнергии[17].

Случалось, не успевали вывезти или уничтожить документы и архивы, которые для германских спецслужб представляли большую ценность. Ряд таких фактов зафиксирован в донесениях с мест. В г. Кромы Орловской области немцы захватили оставленные в райисполкоме документы и фотографии коммунистов. В некоторых районах Тульской области часть материалов учреждений, организаций, предприятий и даже архивы райотделений УНКВД попали в руки врага[18]. Это свидетельствует о том, что директива НКГБ СССР «О задачах органов госбезопасности в условиях военного времени» № 136 от 24 июня 1941 г. в полном объеме не выполнялась. Согласно этому документу, все архивные и другие секретные материалы, которые не были необходимы для текущей оперативной работы, следовало под надежной охраной отправить в тыловые органы госбезопасности. Однако в необходимых масштабах эта работа своевременно не была организована.

Несанкционированная эвакуация районных и городских руководителей расценивалась как преждевременная ликвидация советской власти, поэтому соответствующие санкции стали распространяться и на них. Вопрос об их недостойном поведении предварительно обсуждался на заседаниях бюро обкомов ВКП(б). Так, бюро Ленинградского обкома ВКП(б) 4 августа 1941 г. рассмотрело вопрос «Об ошибках руководителей партийных и советских организаций Батецкого и Кингисеппского районов», которые своим поведением дискреди-

Разборка оборудования завода для последующей эвакуации в тыл

тировали органы власти, порождали у населения неуверенность и вызывали панику. Двумя днями позже отдельно был поставлен вопрос «О начальнике Кингисеппского межрайотдела НКГБ Горнове А. А.» и принято решение — за проявленную трусость, паникерство и развал работы снять его с работы и исключить из рядов ВКП(б).

12 августа 1941 г. бюро Ленинградского обкома ВКП(б) осудило действия начальников Дновского межрайонного отдела (МРО) НКГБ Краюхина и Островского МРО НКГБ Филиппова. Заседание носило показательный характер: секретарь обкома партии Жданов, который одновременно являлся секретарем ЦК ВКП(б) и членом Военного совета Северо-Западного направления, распорядился пригласить районных прокуроров, секретарей партийных комитетов, руководящих работников госбезопасности, председателей районных плановых комиссий, народных судей и парторгов ЦК ВКП(б)[19]. Сняв Краюхина и Филиппова с работы и исключив их из партии, бюро обкома ВКП(б) поручило прокурору Ленинградского области Балясникову привлечь обоих к судебной ответственности.

Партийные санкции приобрели еще больший размах в областях, оказавшихся на направлении наступления вермахта на южном участке советско-германского фронта. В документах заметна бóльшая жесткость формулировок. Например, 15 августа 1941 г. бюро Днепропетровского обкома КП(б) Украины рассмотрело вопрос «О дезертирстве руководителей Щорского района со своих постов». Особо подчеркивалось, что даже на второй день после их самовольной эвакуации вражеские войска в районе так и не появились. Было принято решение исключить их из партии и предать суду, в том числе и начальника районного отдела

НКВД Барташевского. Такое же решение было вынесено в отношении начальника ГО НКВД г. Кривой Рог Цоцко, который 14 августа покинул свой пост, не выполнив распоряжение начальника областного Управления НКВД об охране города силами истребительного батальона[20]. В целом Днепропетровским обкомом партии к 30 августа 1941 г. за трусость и дезертирство были исключены из партии 50 человек, по состоянию на 5 сентября количество исключенных составило 111, а на 4 октября 1941 г. — 172 человека[21].

Такая жесткая позиция руководителей Днепропетровской области объясняется сложностью обстановки и огромным масштабом задач по эвакуации. С июля 1941 г. начались налеты немецкой авиации на областной центр, в августе приступили к эвакуации промышленного оборудования и населения. Из Днепропетровской области было отправлено на восток 99 тыс. вагонов различных грузов, в том числе с оборудованием — 20 тыс., с металлом — 4,5 тыс., с зерном — 17 тыс. Из Херсона через Днепропетровск осуществлялась эвакуация пароходами из Молдавии, Одесской и Николаевской областей. Днепропетровский речной порт в июле принял пароходы со 100 тыс. пассажиров. Речники переправили на левый берег Днепра свыше 250 тыс. человек, 2,5 тыс. автомашин, свыше 630 тыс. голов скота. С 19 августа 1941 г. начался артиллерийский обстрел Днепропетровска, с 20 августа — бои на правобережье города. 25 августа Красная армия оставила областной центр, взорвав мосты через Днепр, но войска 6-й армии продолжали оборонять левобережье в районе Нижнеднепровска до конца сентября 1941 г. Огромный объем эвакуационных работ требовал строгого порядка, высокой исполнительской дисциплины и организованности.

Определение оптимальных сроков начала эвакуации стало для местных руководителей трудной проблемой. Приступить к эвакуации слишком рано — значит, оставить Красную армию без важной оборонной продукции, в то время как каждая единица была на счету, да еще существовала вероятность попасть под обвинение в панических и эвакуационных настроениях, в преувеличении силы немецких войск. Если запоздать — возрастал риск лишиться материальных ценностей, которые, доставшись врагу, увеличат его военный и экономический потенциал. В этом случае ответственность за срыв эвакуации могла оказаться еще выше.

Обращает на себя внимание то обстоятельство, что многие решения об эвакуации оформлялись не постановлениями Совета по эвакуации, а более высокими инстанциями — Государственным Комитетом Обороны или ЦК ВКП(б). Это указывает на особую значимость для обороны страны тех объектов, которые подлежали эвакуации: авиационные и танкостроительные заводы, заводы Наркомата вооружения и т. п. Последнее может свидетельствовать также и о том, что высшее руководство страны получало относительно больший объем оперативной информации и, опираясь на нее, могло принять более правильное решение с учетом многих обстоятельств военной обстановки. Местным руководителям оперативно и, главное, объективно оценить ситуацию также было непросто.

Однако существовали и другие причины. Так, органы государственной безопасности информировали ГКО о беспечности руководства Наркомата тяжелого машиностроения в вопросах эвакуации своих предприятий[22]. Один из примеров, приведенных в документе, свидетельствует о плохой организации перебазирования таганрогского завода «Красный котельщик». Директор завода Козин в сентябре 1941 г. неоднократно обращался в наркомат за разрешением эвакуировать оборудование, послал несколько телеграмм на имя начальника Главкотлотурбопрома Степанова с просьбой разрешить вывезти хотя бы уникальное оборудование, об этом же просил лично наркома тяжелого машиностроения Н. С. Казакова, но каждый раз получал ответ подождать некоторое время. Когда же началась эвакуация завода, железная дорога вместо запланированных 1200 вагонов подала только 290, то есть в четыре раза меньше. 17 октября 1941 г. Таганрог был оставлен, и в результате ценное оборудование и много металла вывезти не смогли: свыше 1000 тонн броневых листов для производства танков, мощные гидравлические прессы и около 100 станков, в том числе уникальные импортные, крайне необходимые для танкостроительного производства. Станки и прессы успели уничтожить, металл же и броня достались врагу. Расследование показало, что импортное оборудование и прессы накануне эвакуации уже не использовались и могли быть

демонтированы без ущерба для производства еще до решения ГКО об эвакуации завода, но отдать такое распоряжение не осмелились ни руководство наркомата, ни директор завода. Приведенный пример иллюстрирует, что руководители предприятий, наркоматов и даже Совета по эвакуации не имели достаточной самостоятельности в вопросах эвакуации.

В докладной записке на имя И. В. Сталина и Л. П. Берии управляющего Укрконсервтрестом Андреева, с 30 июня по 4 июля 1941 г. находившегося в Киеве, говорится, что он лично наблюдал явления, которые оценил как явно противоречащие установкам Сталина, данным в речи по радио 3 июля 1941 г. В частности, Андреев докладывал, что под предлогом эвакуации детей, женщин и стариков преждевременно вывозились государственные учреждения. Массово-политическая и разъяснительная работа по этому поводу не велась, и это породило «исключительно паническое состояние» как в самом Киеве, так и в области. Из западных областей Украины прибыло до «700 автомашин с личным скарбом» ответственных работников, и это усилило панические настроения, хотя линия фронта находилась в 200–300 км от города. В районе станции Жмеринка пришлось наблюдать исключительную нераспорядительность железнодорожной администрации и военных командиров, вследствие чего образовались пробки. По распоряжению районных партийных органов пытались немедленно уничтожить все тракторы и комбайны, хлеб, который находился в стадии уборки, укатать катками, скот, кроме лошадей, раздать колхозникам, распустить правления колхозов. Что делать дальше — установки не дали. Некоторые колхозники отказались от выполнения таких директив, мотивируя, что «т. Сталин в своей речи указал действовать по-другому»: всё это нужно уничтожать, когда местности явно грозит опасность и она будет оставлена. Аналогичные проявления Андреев наблюдал и на территории Винницкой области, и в Одессе. Получалось, что каждый трактовал содержание сталинской речи по-своему, в зависимости от своих понятий и интересов. Для некоторых было бы гораздо проще сразу же уничтожить все материальные ценности и двигаться на восток[23].

Однако военный опыт показывал: населенный пункт более упорно обороняется, если имеет хотя бы какой-то минимум промышленного производства для обеспечения боевых действий, ремонта и восстановления военной техники и т. д.[24] Поэтому объяснимо стремление как можно дольше не эвакуировать какую-то часть военно-промышленного производства, и соответствующие указания посылались на места. Когда же обстановка на фронте заставляла эвакуироваться, сроки на демонтаж и вывоз оборудования, как правило, устанавливались предельно сжатые. Так, во исполнение постановления ГКО от 8 октября 1941 г. на эвакуацию из Москвы заводов авиационной промышленности № 31 — в Тбилиси, № 301 — в Новосибирск, № 207 — в Молотов отводилось всего 10 суток[25]. Дефицит вагонов и времени приводил к нарушениям элементарных правил погрузки и транспортировки оборудования, что стало причиной ряда крушений поездов с человеческими жертвами и большим материальным ущербом народному хозяйству. Расследования показали, что наиболее распространенными нарушениями являлись значительное превышение допустимого веса груза — вагоны ломались под его тяжестью, а также небрежное крепление многотонного груза, который на ходу падал на полотно дороги. Следствие по таким фактам крушений было делом несложным: имелся номер платформы, номер накладной на отправку, а в накладной значился ответственный за погрузку. Тщательное расследование органами госбезопасности проводилось быстро, и материалы направлялись военному прокурору для привлечения виновных к уголовной ответственности[26]. Кроме указанных, были и другие нарушения перевозки оборудования: отсутствие смазки от коррозии, защиты от осадков открытых платформ и прочие, которые не вызывали крушений, но также наносили большой материальный ущерб. Как выяснилось, далеко не все руководители оказались способными надлежащим образом организовать эвакуацию в предельно сжатые сроки[27]. Планов эвакуации, как часто отмечалось в материалах того времени, на местах не было, что отчасти объясняется отсутствием четких директивных указаний о действиях в ситуации с конкретным населенным пунктом.

Но дело не только в отсутствии подробных директив. Выполнение мероприятий по эвакуации очень часто оказывалось под угрозой из-за отсутствия в достаточном количестве

подвижного железнодорожного состава. 7 сентября 1941 г. органы государственной безопасности информировали ГКО, ЦК ВКП(б) и НКПС о том, что в областях Украинской ССР, прилегающих к Южной железной дороге, вследствие недостатка порожних вагонов скопилось большое количество народно-хозяйственных грузов, подлежащих вывозу в тыл, в том числе около 1 млн тонн зерновых. Чтобы вывезти зерно, которое хранилось на пунктах «Заготзерно» и на базах Управления государственных резервов, требовалось около 51 тыс. вагонов: для Харьковской области — 11 тыс., для Полтавской — около 6 тыс., для Днепропетровской и Запорожской — 29 тыс., для Сумской — 4,5 тыс., для Черниговской — 500 вагонов. Кроме того, в названные области поступало зерно нового урожая, для вывоза которого требовалось до 2 тыс. вагонов ежедневно. Вследствие отсутствия порожняка вывоз огромного количества материальных ценностей находился под угрозой срыва[28]. Требовалось срочно усилить обеспечение Южной железной дороги порожними вагонами. Аналогичное положение фиксировалось и на других железных дорогах.

Руководители ряда наркоматов и ведомств, исчерпав свои возможности в получении порожняка, вынуждены были обращаться непосредственно в органы государственной безопасности. Например, в ноябре 1941 г. забил тревогу заместитель наркома вооружения В. Костыгов. Он информировал НКВД о том, что утвержденный СНК СССР план эвакуации заводов наркомата сорван, так как НКПС подал под погрузку лишь 11% вагонов от требуемого количества. «Прошу оказать помощь и обязать НКПС выполнить правительственное решение», — изложил суть своего обращения заместитель наркома. Следует отметить, что адресат был выбран правильно. Дело в том что Л. П. Берия как член ГКО контролировал производство вооружения и минометов и на подобные обращения реагировал очень оперативно.

Проблема порожних вагонов стала серьезной уже в первые военные недели и приняла долгосрочный характер. Об этом, в частности, говорит принятое СНК СССР и ЦК ВКП(б) решение о выгрузке вагонов на Горьковской железной дороге, которое в октябре 1941 г. рассмотрело бюро Горьковского обкома ВКП(б). Было подсчитано, что ежедневная разгрузка не превышала 2350 вагонов из поступающих более 6 тыс., то есть около 40%. Остаток неразгруженных вагонов накапливался и, все более увеличиваясь, грозил закупорить пути железной дороги, и без того работавшей в перенапряженном режиме. В этой ситуации члены бюро предупредили руководителей промышленных предприятий, что за срыв выгрузки вагонов виновные будут привлечены к самой суровой ответственности как за тягчайшее преступление перед Родиной. Начальник местного Управления НКВД Рясной получил основание для необоснованных угроз в адрес руководителей.

Хотя следует подчеркнуть, что органы государственной безопасности и без этого контролировали обстановку и старались не допустить ее ухудшения. В тех условиях требовалось действовать весьма оперативно. Тогда же, в октябре 1941 г. начальник Управления НКВД по Сталинградской области А. И. Воронин информировал заместителя наркома внутренних дел Б. З. Кобулова о том, что в Сталинград только за последние дни прибыло около тысячи вагонов с оборудованием эвакуированных заводов, из которых разгрузить удалось всего 300, а остальной груз было негде складировать. Воронин не только констатировал, но и прогнозировал обстановку: такое скопление в Сталинграде неразгруженных вагонов может сорвать эвакуацию ростовских заводов. В связи с этим Воронин просил срочно проинформировать Совет по эвакуации и принять меры, чтобы своевременно переадресовать эшелоны[29].

Неразгруженные вагоны, железнодорожные составы и эшелоны мало того что сдерживали оборот вагонов, но и существенно снижали пропускную способность железных дорог, а это напрямую угрожало военной и экономической безопасности страны, ее обороноспособности в целом. Поэтому при обнаружении таких фактов органы государственной безопасности незамедлительно предпринимали меры, чтобы ликвидировать «склады на колесах» из простаивающих неразгруженных вагонов[30]. И наркоматы, и ведомства, и военные — все вели учет наличия выделенных им вагонов и их продвижения. Органы государственной безопасности наряду с Наркоматом путей сообщения скрупулезно отслеживали ситуацию в целом по стране[31].

Периодически на железных дорогах проводилась перепись всех вагонов с эвакогрузами: фиксировались номер каждого вагона, станция отправления, станция назначения и принадлежность груза к предприятиям и наркоматам. Такие переписи, например, осуществили 14 и 25 июля, 25 августа, 5 и 30 сентября, 5 и 10 октября, 15, 17 и 27 ноября, 12 декабря 1941 г.[32] Можно сказать, что в тех условиях учитывался буквально каждый вагон, особенно порожний, который не так-то просто было заполучить. И это не преувеличение. Например, заместитель начальника Экономического управления НКВД Д. Г. Родионов и начальник Транспортного управления НКВД Н. И. Синегубов поштучно собирали вагоны для эвакуации из Москвы одного из научно-исследовательских институтов. В другом случае, чтобы вывезти архив кинофонда СССР, пришлось лично подключиться руководящим работникам органов госбезопасности. Только благодаря вмешательству начальника Управления НКВД по Москве и Московской области М. И. Журавлева и заместителя наркома внутренних дел Б. З. Кобулова удалось найти необходимые для эвакуации архива пять вагонов[33].

Сотрудникам органов государственной безопасности ставилась задача искать резервы порожних вагонов, и они их находили. 3 сентября 1941 г. начальник ТУ НКВД Н. И. Синегубов доложил Б. З. Кобулову и привел многочисленные факты использования не по назначению порожних вагонов на Южной железной дороге — той самой, которая задыхалась от недостатка порожняка, о чем говорилось выше. Так, вместо предоставления под государственные грузы вагоны использовались для эвакуации членов семей ответственных работников железной дороги и командного состава Харьковского гарнизона. Только после вмешательства транспортного отдела НКВД Южной дороги удалось высадить пассажиров «из незаконно предоставленных им вагонов».

Тем не менее обратить вагоны по назначению оказалось непросто: забирали у членов этих семей одни вагоны, а они занимали другие. Поэтому процедуру высадки повторяли неоднократно. По изложенным фактам Б. З. Кобулов немедленно проинформировал секретаря ЦК ВКП(б), председателя Комитета партийного контроля при ЦК ВКП(б) А. А. Андреева, начальника Генштаба Б. М. Шапошникова и наркома путей сообщения Л. М. Кагановича[34]. Начальник Управления НКВД по Челябинской области Булкин, изучив обстановку среди сотрудников эвакуированного к ним в город аппарата Наркомата боеприпасов, выяснил, что 13 близких и дальних родственников и просто знакомых прибыли с сотрудником наркомата неким Зусманом; старший инженер Марголин эвакуировал «семью» в составе 18 человек, собранную из различных городов СССР; начальник финотдела Управления делами Эпштейн привез с собой сестер и жен своих родственников. При планировании потребностей в вагонах эти «члены семьи», видимо, тоже учитывались.

В кризисной ситуации того времени со всей очевидностью обнаружились низкие деловые и личные качества ряда руководителей, озабоченных собственными интересами в ущерб государственным. Вскрывались многочисленные факты такого поведения. По линии органов государственной безопасности систематически поступала информация о том, что руководящие работники как на местах, так и в центре задолго до эвакуации отправляли в тыл подчиненных с поручениями создать условия и обеспечить прием на жительство своих семей и родственников лиц из ближайшего окружения. Под видом заводского оборудования перевозили личные вещи и продукты питания, причем использовали в этих целях не только железнодорожный, но и воздушный транспорт.

1 сентября 1941 г. НКВД СССР для председателя Совета по эвакуации Н. М. Шверника обобщил материалы по Главному управлению гражданского воздушного флота (ГУГВФ). Выяснилось, что за два месяца войны в ущерб перевозке оборонных грузов на самолетах гражданской авиации отправили в тыл 460 членов семей работников главка и около 15 тонн личных вещей. Иногда такие перевозки оформлялись как специальные рейсы, хотя самолеты были полностью загружены личными вещами руководящих работников[35]. Подобные факты злоупотреблений служебным положением становились известны трудящимся и служили катализатором негативных проявлений, которые приобретали политическую окраску. Стихийные митинги против таких руководителей, случалось, заканчивались драками, побоями должност-

ных лиц, иногда превращались в массовые беспорядки, что являлось уже прямой угрозой срыва мероприятий по перебазированию на восток производительных сил. В таких условиях требовались оперативные и решительные действия органов государственной безопасности. Для контроля и оказания помощи на места командировались руководящие работники НКВД.

Одним из ответственных за организацию деятельности органов государственной безопасности в прифронтовых областях Украинской ССР был заместитель наркома внутренних дел И. А. Серов. 26 сентября 1941 г. он по ВЧ-связи доложил Л. П. Берии об оперативной обстановке и результатах своего пребывания в Харькове. Его подробный отчет отражает основные направления и содержание работы уполномоченного центра. Тезисы этого отчета заключаются в следующем:

— настроение основных масс рабочих положительное;

— руководители и сотрудники местных органов НКВД, милиции, пожарной охраны проявляют растерянность и неорганизованность — Серов потребовал выполнения приказов НКВД о применении суровых мер к трусам и паникерам из числа сотрудников НКВД;

— установлены 1100 человек антисоветски настроенных лиц, которые ожидают прихода немцев, ведут пораженческую агитацию, 500 человек из них намечены к аресту, часть уже арестована;

— система противовоздушной обороны и службы воздушного наблюдения, оповещения и связи совершенно не организована: воздушная тревога в городе объявлялась, когда самолеты противника уже отбомбились; авиационные налеты на город начались в августе 1941 г., но только 25 сентября был назначен заместитель начальника местной ПВО;

— имеются перебои в снабжении продуктами, между тем продукты в городе есть; цены выросли, есть спекуляция, колхозники не хотят продавать продукты за деньги и требуют промтовары;

— имеются случаи воспрепятствования эвакуации колхозного и совхозного скота, по всем этим фактам проводятся оперативные мероприятия;

— в Харьковской области установлено около 100 семейств немцев — Серов распорядился подготовить и провести их выселение, однако в правильности данного решения заместитель наркома не был уверен и просил на этот счет указаний;

— эвакуация населения проводилась неумело, в результате отмечено недовольство, и контрреволюционные элементы используют его, распространяют слухи, что эвакуируют семейства только руководящих лиц, а население оставят на месте;

— советские органы и администрация предприятий не проводят достаточной разъяснительной работы: о порядке эвакуации фабрик и заводов, по вопросам удовлетворения рабочих зарплатой, о количестве рабочих, остающихся на заводах, и т. д.; это вызывает нездоровые настроения: имели место забастовки, невыходы на работу, хищения продукции своих заводов, требования выплаты зарплаты ежедневно — по всем этим фактам Серов дал указание принять оперативные меры, проинформировал Центральный комитет КП(б) Украины для налаживания дополнительных мер[36].

Из Харькова подлежало эвакуации 35 важнейших предприятий, для которых требовалось более 13 тыс. вагонов. Как уже говорилось, Южная железная дорога систематически не выполняла график подачи порожних вагонов, но оказалось, что и поданные вагоны простаивают. По плану эвакуации первой очереди должны были отправить 9228 вагонов с оборудованием, но за период с 19 по 30 сентября 1941 г. смогли погрузить только 4558 вагонов, то есть около половины. В это же время (по состоянию на 30 сентября) простаивало 829 порожних или незагруженных полностью вагонов. Из-за неподготовленности оборудования к погрузке, из-за отсутствия механизации погрузочных работ и главным образом из-за нераспорядительности и растерянности руководителей вагоны под погрузкой стояли длительное время: вместо пяти часов по норме на погрузку одного вагона в отдельные дни затрачивалось в среднем до 82 часов, более чем в 16 раз.

По оценке органов государственной безопасности, которая оперативно была доведена до А. А. Андреева, Л. М. Кагановича и Н. М. Шверника[37], совершенно неудовлетворительно

проходила эвакуация заводов № 296 и № 450, Харьковского турбогенераторного завода и Харьковского тракторного завода. С 21 сентября турбогенераторному заводу железная дорога ежедневно предоставляла от 83 до 130 порожних вагонов, однако директор завода Бобырев приступил к демонтажу оборудования только 24 сентября и по 29 сентября не загрузил ни одного. Тракторный завод вместо 1500 вагонов погрузил 970 при наличии на заводе 169 порожних вагонов. Органы госбезопасности выявили наиболее злостных нарушителей графиков погрузочных работ, а срыв сроков эвакуации квалифицировали как саботаж. Были арестованы и привлечены к уголовной ответственности: бригадир слесарей завода № 296 Чувилкин, начальник вспомогательного цеха тракторного завода Самусенко, бригадир транспортного отдела этого же завода Волошенко, шоферы Манров и Купцов, а также руководитель транспортного отдела завода № 450 Игнатенко. Кроме того, как доложил Кобулову заместитель наркома внутренних дел Украинской ССР Савченко, в связи с демонтажом оборудования и эвакуацией других промышленных предприятий Харьковской области также имели место «отдельные антисоветские саботажнические выступления». По всем этим фактам были арестованы 140 человек[38].

Крайне негативная реакция на эвакуацию оборудования и подготовку к уничтожению шахт наблюдалась у горняков Ворошиловградской области. Тот же Савченко из поселка Меловое информировал Л. П. Берию, что были арестованы и осуждены 87 шахтеров — наиболее активные участники антисоветских выступлений, причем 67 из них (77%) как зачинщики приговорены к высшей мере наказания. Всего за антисоветскую деятельность во время демонтажа и эвакуации промышленных предприятий Ворошиловградской области арестовали 122 человека[39].

Негативные проявления в связи с эвакуацией были распространенным явлением и поэтому требуют объяснения причин. Следует учесть, что эвакуировать всех желающих не было возможности, особенно в первые месяцы войны. Вместе с оборудованием в тыл отправляли кроме руководящего административного состава предприятий только специалистов и наиболее квалифицированных рабочих с семьями. Остальные оставались без работы, следовательно, и без гарантированных средств к существованию. Особенно бесперспективным было положение горняков, так как в шахтерских поселках другой работы практически не имелось — только на шахтах, а они подлежали уничтожению. Чтобы выжить, оставалось или вместе с семьями покидать обжитые места и перемещаться в сельскую местность, или хотя бы частично сохранять рабочие места в расчете, что труд будет востребован и германскими оккупантами. Появлялись лица, агитирующие против эвакуации, которые убеждали граждан, что и «под немцем» жить можно, ссылались на оккупационный режим Первой мировой войны. На своевременное выявление таких лиц нацеливались органы государственной безопасности. Складывалось двойственное положение: с одной стороны — эвакуировать могли не всех желающих, а с другой — власти пресекали разговоры о нецелесообразности покидать свои дома.

Однако по мере приближения германских войск количество желающих перебраться в безопасные регионы страны возрастало. С началом массированных бомбежек и артиллерийских обстрелов возрастали жертвы среди гражданского населения, и многие стремились уйти от опасности, уехать в тыл. Но сделать это было непросто, покидать города разрешалось лишь по специальным пропускам, которые выдавали далеко не всем. Перед административными зданиями собирались толпы людей, которые требовали (зачастую безуспешно) отправить их в безопасное место. Напряжение нарастало. Органы агитации и пропаганды работали неэффективно. Среди населения, которое не имело достоверной информации о реальной обстановке и не получало необходимых разъяснений, появлялись различного рода слухи, возбуждавшие тревожные настроения и панику. Более того, неумелая и некомпетентная работа официальных пропагандистов в ряде случаев наносила больше вреда, чем пользы. Неслучайно маршал К. К. Рокоссовский в своих воспоминаниях отметил, что «местная печать (областная, республиканская) и даже в некоторой степени центральная, сообщая о диверсантах, переодетых в форму милиционеров, пограничников, сотрудников НКВД,

командиров и т. п., якобы наводнивших страну, и призывая к бдительности, одновременно способствовала распространению ложных слухов и панике»[40].

С первых же дней войны как на фронте, так и в прифронтовой полосе, ближнем тылу ложные слухи и паника приобрели повышенную социальную опасность и подлежали решительному пресечению. В территориальные органы государственной безопасности поступили директивы НКГБ СССР № 148 от 26 июня 1941 г. «Об аресте и предании суду военного трибунала распространителей панических слухов, пытающихся дезорганизовать тыл» и № 152 от 28 июня 1941 г. «О мероприятиях по пресечению распространения среди населения провокационных слухов в связи с военной обстановкой». Беспощадную борьбу с дезорганизаторами тыла, паникерами, распространителями слухов должны были вести не только органы государственной безопасности, но и все партийные и советские организации прифронтовых областей. Эта задача была перед ними поставлена в директиве СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. И. В. Сталин в своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. потребовал предавать этих лиц суду военного трибунала.

6 июля 1941 г. Президиум Верховного Совета СССР издал указ «Об ответственности за распространение в военное время ложных слухов, возбуждающих тревогу среди населения». В соответствии с этим указом по приговору военного трибунала виновные карались тюремным заключением на срок от двух до пяти лет. Материалы военного времени показывают, что упрощенное понимание причин появления и циркуляции негативных слухов вело к применению преимущественно карательных методов их предупреждения. Однако силовые действия были малоэффективными: очередная волна слухов неизбежно появлялась всякий раз, когда отсутствовала объективная информация о жизненно важных для населения событиях. Так, например, происходило в период серьезных поражений Красной армии летом 1942 г. и второй волны эвакуации[41].

Летом 1941 г. поступавшая с мест информация об упущениях в работе партийных, советских и хозяйственных органов, казалось бы, позволяла сделать надлежащие выводы и не допустить повторения ситуации в других городах. Но стиль работы этих органов был одинаков, и предотвратить серьезные негативные происшествия, связанные с эвакуацией, не удавалось. В этом отношении, как показывают опубликованные документы и материалы военного времени, не стала исключением и Москва[42]. Ожесточенные бои на всех оперативных направлениях, ведущих к столице (волоколамское, можайское, малоярославецкое, калужское), разгорелись 13 октября 1941 г. Началась массовая эвакуация. Обстановка в столице в целом оставалась нормальной, но 16 октября резко осложнилась. Утром не вышел на маршруты городской транспорт, не возобновили работу станции метро, остались закрытыми магазины. Чтобы узнать, в чем дело, люди безрезультатно пытались дозвониться в Мосгорисполком и в Московский комитет ВКП(б). И. В. Сталина информировали о возмущении рабочих одного из авиационных заводов, которым в связи с эвакуацией не выдали ни уже заработанных денег, ни за две недели вперед, согласно правительственному распоряжению о порядке эвакуации. Рабочим сказали, что директор уехал и забрал деньги, а на самом деле не хватило денежных знаков в Госбанке. Глава правительства распорядился немедленно перебросить самолетом денежные знаки, наладить работу трамваев и метро, открыть магазины, столовые, а также лечебные учреждения. Секретарю МК ВКП(б) А. С. Щербакову и председателю Мосгорисполкома В. П. Пронину И. В. Сталин поручил в тот же день выступить по радио, призвать граждан к спокойствию, стойкости, сказать, что нормальная работа транспорта и учреждений общественного питания и бытового обслуживания будет восстановлена. При этом он сказал: «Ну, это ничего. Я думал, будет хуже»[43]. Следует отметить, что интуиция его не подвела: в действительности обстановка была гораздо сложнее.

В органы госбезопасности продолжала поступать информация о происшествиях в Москве. Например, ожидавшие зарплату рабочие завода «Точизмеритель» увидели автомашины, груженные личными вещами работников Наркомата авиационной промышленности, окружили их и начали эти вещи растаскивать. Раздались выкрики с требованиями объяснить, почему не выданы деньги, директору завода Гольдбергу стали угрожать расправой.

Находившийся на месте происшествия оперативный работник Молотовского районного отдела НКВД Нырков попытался дать разъяснения, но они рабочих не удовлетворили, и угрозы последовали уже в его адрес. Обстановка несколько разрядилась с прибытием на завод заместителя начальника райотдела НКВД Дмитрова, который от имени органов госбезопасности заверил, что деньги выдадут всем. Предварительным расследованием было установлено, что виновниками данного происшествия являются директор завода, главный инженер, заведующая столовой и сбежавшие с завода некоторые руководящие работники.

В накаливании обстановки порой невольно становились виноваты местные работники. Например, рабочие Реутовской текстильной фабрики выразили недовольство не полностью выплаченной зарплатой. К ним направили начальника штаба МПВО фабрики Иванова, которому поручили объяснить, что остальную часть зарплаты рабочие получат на следующий день. Однако Иванов в той нервозной обстановке объявил, что будут взорваны жилые бараки, в результате чего собравшиеся набросились на него и избили. Одного из организаторов избиения арестовали, другой с места происшествия скрылся. Иванова за неправильные действия решили также привлечь к ответственности.

В другом месте группа рабочих, оставленных для сбора остатков имущества эвакуированного завода № 230, взломала замки складов и похитила спирт. Силами оперативного состава райотдела НКВД порядок был восстановлен. Однако вскоре та же группа и присоединившаяся к ним толпа возобновили расхищение складов, в этом приняли участие заместитель директора завода Петров и председатель месткома. При попытке воспрепятствовать расхищению спирта были избиты секретарь парткома завода и представитель райкома ВКП(б). Десять наиболее активных участников беспорядков пришлось арестовать, но заместителю директора завода Петрову удалось бежать.

Ряд серьезных инцидентов произошел на шоссе Энтузиастов. Их описал очевидец Г. В. Решетин: «Какие-то люди то там, то здесь останавливают... автомашины. Стаскивают ехавших, бьют их, сбрасывают вещи, расшвыривая их по земле»[44]. Толпа местных жителей Балашихинского района в 200 человек напала на автоколонну, обезоружила трех сопровождавших и повредила шесть легковых автомашин, скатив их в овраг. Расследование контролировал лично В. Н. Меркулов, видимо, потому что среди поврежденных была спецмашина секретаря ЦК ВКП(б) А. А. Андреева, следовавшая в г. Горький. Предварительным разбирательством было установлено, что толпа состояла из рабочих завода № 219. Беспорядки в поселке этого завода спровоцировали неправильные действия администрации завода, которая не выплатила зарплату, сославшись на нехватку денег. Положение усугубил помощник директора завода по найму и увольнению Рыгин, загрузивший автомашину большим количеством продуктов питания и пытавшийся выехать с заводской территории, однако рабочими завода он был задержан и избит. Через два дня начальник Управления НКВД по Москве и Московской области М. И. Журавлев доложил, что Рыгин и пять организаторов беспорядков арестованы, ведется следствие[45]. Чрезвычайные происшествия 16 октября 1941 г. произошли также на Краснохолмском комбинате и на фабрике «Рот Фронт» в Кировском районе Москвы, на обувной фабрике «Буревестник» в Сокольническом районе, на мотоциклетном заводе в Пролетарском районе, на заводе «Моспласткож», на заводах № 8 и 58 в Мытищинском районе.

В большинстве случаев одной из основных причин беспорядков была невыплата рабочим зарплаты и двухнедельного пособия. В ряде случаев задержки с выплатой объяснялись нехваткой денежных знаков в отделениях Госбанка, но зафиксированы также и факты бегства кассиров с вверенными им деньгами. В ожидании денег сотни и даже тысячи рабочих скапливались возле проходных, иногда силой прорывались на территорию своих предприятий и цехов. Узнав, что некоторые из производственных зданий уже были подготовлены к уничтожению на случай оставления столицы, требовали их разминировать. Если проникнуть на территорию предприятий не удавалось, рабочие вооружались лопатами, молотками и подручными средствами, блокировали проходные и ворота, никого не выпуская, пока не получат деньги. Массовыми проявлениями были разбазаривание и хищение продукции,

междоусобные драки при ее дележе, взломы складов со спиртом, коллективные пьянки, которые сопровождались «групповой контрреволюционной агитацией погромного характера» с призывами уничтожать евреев, избивать коммунистов. В одних случаях порядок удавалось восстановить, проведя разъяснительную работу, к которой подключались сотрудники органов государственной безопасности, в других — приходилось прибегать к силовым методам подавления с использованием работников милиции, красноармейцев, бойцов истребительных батальонов, немедленно проводить аресты и предавать зачинщиков суду.

Однако эти меры не давали желаемых результатов: восстанавливали порядок в одном месте Москвы, но аналогичные проявления возникали в другом. Переломить ситуацию не удавалось, напряженная обстановка в столице сохранялась и на следующий день, 17 октября. К этому времени руководящие работники ряда заводов, некоторых райкомов ВКП(б) и советских органов покинули Москву. По тем же причинам, что и накануне, беспорядки имели место на заводе электротермического оборудования в Таганском районе, на Шарикоподшипниковом заводе № 2 в Ленинском районе, на заводе № 67 имени Тимошенко в Сталинском районе, на автозаводе имени Сталина с участием 1500 рабочих, среди учащихся ремесленного училища этого же завода, на заводе № 156 Наркомата авиационной промышленности, на заводе № 69 Наркомата вооружения.

Бывший начальник контрразведывательного отдела Управления НКВД по Москве и Московской области С. М. Федосеев в своих воспоминаниях описал события, связанные с заместителем наркома вооружения Б. Л. Ванниковым и заместителем наркома внутренних дел И. А. Серовым: «Серьезный инцидент произошел на Мытищинском заводе № 6 Наркомата вооружения СССР. Завод этот по праву считался ведущим в отрасли и в силу своей значимости входил в первую десятку предприятий оборонной промышленности, фигурировавших в утвержденном ГКО списке. Его эвакуацией в глубь страны руководил... Борис Львович Ванников. Уникальное оборудование завода, бережно укрытое в контейнерах, в октябре 1941 г. в связи с близостью к Москве фронта должно было быть отправлено на восток... Но случилось так, что заводская администрация, поддавшись панике, решила одновременно с отправкой оборудования в тот же день эвакуировать свои семейства со всем их скарбом, мобилизовав для этого весь легковой транспорт предприятия. Все это происходило на глазах значительной части рабочих, вызвало их озлобление и послужило причиной стихийно возникшего митинга. Некоторые выступавшие на нем призывали не допустить закрытия завода и даже требовали остановить эвакуацию, чтобы «не остаться без дела». Страсти еще больше разгорелись, когда кто-то из толпы выкрикнул, что завод вот-вот взлетит на воздух. Митингующие избрали из своей среды пятерку лиц, коей поручили произвести обследование территории завода и при обнаружении взрывчатки обезвредить ее. Пятерка потребовала, чтобы ее сопровождал прибывший на место происшествия заместитель наркома внутренних дел СССР И. А. Серов. Тому ничего не оставалось, как только присоединиться (объяснялось это, очевидно, не только тем, что по своему характеру Серов был решительным человеком, но и тем, что Ванников дал ему понять, что обнаружить следы взрывчатки вряд ли удастся). Так, собственно, и произошло, хотя до этого инцидента на территорию завода была подвезена и с помощью военных специалистов заложена взрывчатка в достаточно солидных дозах. О случившемся И. А. Серов, судя по всему, доложил наверху. В ту же ночь последовал приказ местным органам НКВД немедленно арестовать зачинщиков и предать суду военного трибунала. Было арестовано около 15 человек. Всех их через несколько дней расстреляли. Реабилитация последовала лишь после 1953 г.»[46].

Другим важным элементом перебазирования промышленных предприятий являлась транспортировка эвакогрузов в пункты их назначения. Органы государственной безопасности и в этом приняли непосредственное участие. Их задача заключалась в контроле над продвижением эшелонов и даже отдельных вагонов с наиболее ценными грузами, причем они не только информировали инстанции о ситуации на транспортных артериях, но и при необходимости своим непосредственным вмешательством максимально способствовали сокращению сроков перевозок.

Безусловно, не менее ответственным этапом перебазирования являлось восстановление эвакуированных предприятий на новом месте дислокации. Графики восстановления наиболее важных из них утверждались ГКО и контролировались очень жестко. Во многих случаях информацию о ходе строительных работ требовалось представлять каждые пять дней. Функция государственного контроля была возложена как на партийные, советские и хозяйственные органы, так и на органы государственной безопасности. Под особым контролем находились строительно-монтажные работы по восстановлению и выводу на проектные мощности тех заводов, которые оказались единственными поставщиками военной продукции. Одним из таких заводов, в частности, являлся Московский завод автотракторного электрооборудования Наркомата среднего машиностроения, эвакуированный в Куйбышев по решению СНК от 12 октября 1941 г. Завод был единственным в СССР, изготовлявшим электрооборудование для самолетов, танков, автомобилей. Как информировало Управление НКВД по Куйбышевской области, на 1 января 1942 г. из 1820 отгруженных из Москвы единиц станочного оборудования было перевезено на новое место расположения завода 635, а смонтировано только 131 и лишь 80 полностью сдано в эксплуатацию. Намечались к переезду 4800 рабочих и ИТР завода, однако к началу 1942 г. прибыли всего 1847 человек. Управление НКВД не только констатировало указанные факты, но и вскрыло причины задержки в восстановлении завода, устранение которых могло в какой-то мере способствовать скорейшему вводу завода в строй.

Аналогичную работу Управление НКВД проводило в отношении эвакуированного в Куйбышев Ленинградского карбюраторно-арматурного завода Наркомата среднего машиностроения, который стал единственным в СССР поставщиком топливной аппаратуры для всех заводов-изготовителей автомобилей, тракторов, самолетов, танков, мотоциклов. Оказалось, что эвакуация оборудования производилась не комплектно, в результате задержался монтаж его на новом месте. В пути следования затерялось несколько вагонов с оборудованием и пришлось предпринимать меры к их розыску. Отмечалось отсутствие рабочей силы и в первую очередь квалифицированных рабочих. Подобные же причины тормозили выход на проектную мощность Куйбышевского шарикоподшипникового завода Наркомата среднего машиностроения, эвакуированного из Москвы. Так, в декабре 1941 г. завод вместо плановых 150 тыс. шарикоподшипников изготовил лишь 59 тыс.

Для повышения эффективности работы органов госбезопасности, связанной с восстановлением эвакуированных предприятий, на места в длительные командировки направлялись квалифицированные оперативные сотрудники центрального аппарата НКВД, чаще всего Экономического управления. Приобретенный ими опыт был закреплен в «Положении о работе оперативных групп ЭКУ НКВД СССР, обслуживающих на местах эвакуированные промышленные наркоматы, главные управления, научно-исследовательские учреждения и предприятия», утвержденном Б. З. Кобуловым 13 марта 1942 г. Положением закреплялось право сотрудников таких групп вести агентурно-оперативную и следственную работу по согласованию с руководителями местных УНКВД и во взаимодействии с оперативным составом ЭКО.

Опыт работы оперативных групп оказался востребованным летом 1942 г., когда немецким войскам вновь удалось далеко продвинуться в глубь нашей страны. После неудачного наступления войск Красной армии под Харьковом немцы захватили инициативу, начали новое наступление и вышли к Волге и в район Северного Кавказа. Гитлеровцы стремились захватить грозненскую и бакинскую нефть. В этот период из районов Дона, Кубани и Северного Кавказа было эвакуировано на восток страны еще несколько десятков металлургических, машиностроительных и других предприятий.

Неудовлетворительная работа партийных, советских и административных органов в связи с перебазированием производительных сил из прифронтовых областей СССР приводила к тяжелым и социально опасным последствиям. Для их ликвидации приходилось использовать органы государственной безопасности. В ходе эвакуации они выполняли различные задачи: с одной стороны — оставались элементом карательного механизма государства и служили инструментом репрессий, а с другой — выполняли функции государственного контроля и

повышения эффективности работы хозяйственных, советских и партийных органов. В этом качестве, подменяя соответствующих должностных лиц, сотрудники госбезопасности способствовали успешному решению важных задач по перебазированию наиболее важной части военно-экономического потенциала СССР.

Спецмероприятия по уничтожению материальных ценностей на оставляемой врагу территории СССР

В связи с вынужденным отступлением Красной армии ЦК ВКП(б) и СНК уже 27 июня 1941 г. в совместном постановлении «О порядке вывоза и размещения людских контингентов и ценного имущества» потребовали от военных советов фронтов немедленного приведения в полную негодность путем разрушения, уничтожения и сожжения всего ценного имущества при невозможности его вывоза. Эта же идея прозвучала двумя днями позже в директиве Совнаркома СССР и ЦК ВКП(б) партийным и советским организациям прифронтовых областей о мобилизации всех сил и средств на разгром германских захватчиков. В документе, в частности, говорилось, что все ценное имущество, которое не успевали эвакуировать, подлежит уничтожению, а всех, кто своим паникерством и трусостью мешал делу обороны, требовалось немедленно предавать суду военного трибунала, невзирая на лица[47]. В своем выступлении по радио 3 июля 1941 г. И. В. Сталин сказал: «При вынужденном отходе частей Красной армии... все ценное имущество, в том числе цветные металлы, хлеб и горючее, которое не может быть вывезено, должно безусловно уничтожаться»[48]. Подготовительная работа и уничтожение на оставляемой врагу территории СССР материальных ценностей в документах того времени получили условное наименование «спецмероприятия».

В ряде публикаций утверждается, что с самого начала Великой Отечественной войны руководство СССР и Красной армии взяло на вооружение тактику «выжженной земли» — по тотальному уничтожению перед отступлением всего, что только можно было уничтожить, включая населенные пункты, в результате чего страдали в первую очередь свои же граждане[49]. В действительности все было не так однозначно. В этом отношении показателен следующий факт. 9 июля 1941 г. член Военного совета Юго-Западного направления, первый секретарь ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущев внес в ЦК ВКП(б) на имя Г. М. Маленкова предложение, суть которого заключалась в том, чтобы немедленно уничтожать все ценное имущество, хлеб и скот в зоне 100–150 км от противника независимо от состояния фронта. В срочном порядке телеграммой за подписью председателя ГКО И. В. Сталина был отправлен категорический ответ о недопустимости уничтожения всего имущества в связи с вынужденным отходом частей Красной армии[50]. Н. С. Хрущеву разъяснили, что такое мероприятие может деморализовать население, породить недовольство советской властью, расстроить тыл Красной армии и вызвать как в войсках, так и среди населения пораженческие настроения вместо решимости давать отпор врагу. Уничтожать материальные ценности, которые невозможно эвакуировать, следовало только ввиду явной угрозы захвата противником конкретной территории. В своей телеграмме Сталин потребовал не взрывать заводы, электростанции, водопроводы, а демонтировать заводское оборудование, станки и все те ценные части, без которых заводы и электростанции долгое время нельзя было восстановить. Вывозить или уничтожать продовольствие, необходимое для остающегося населения, категорически запрещалось. Таким образом, никакой тактики «выжженной земли» в ущерб населению советское руководство в самом начале войны не требовало. В ряде случаев такая практика стала применяться лишь осенью 1941 г. в битве под Москвой.

Следует подчеркнуть, что при этом был заимствован зарубежный опыт. Так, в 1998 г. канадской общественности стали известны считавшиеся ранее сверхсекретными архивные

документы, которые свидетельствуют, что в начале Второй мировой войны тактику «выжженной земли» инициировал британский кабинет министров[51]. При реализации собственных интересов ни правовые, ни моральные нормы англичанами в расчет не принимались, они готовы были уничтожать все объекты, могущие принести пользу их противнику, даже расположенные на территории других, невраждебных государств в нарушение их суверенитета. Известны планы англичан по уничтожению бакинских нефтепромыслов в начале Второй мировой войны в связи с тем, что тогда часть каспийской нефти СССР поставлял Германии. Даже после нападения Германии на Советский Союз англичане не отказались от своих замыслов по уничтожению советских нефтепромыслов на Кавказе. 22 сентября 1941 г. начальник 1-го управления НКВД СССР П. М. Фитин на основании агентурных данных информировал ГКО о том, что английское командование на Ближнем Востоке вскоре после германской агрессии против СССР получило санкцию военного министерства Великобритании на организацию специальной операции по разрушению кавказских нефтепромыслов СССР, чтобы не допустить их захвата немцами в случае, если такая опасность окажется реальной[52].

Что же касается позиции советского руководства по вопросу уничтожения материальных ценностей, которые могли бы, попав к врагу в качестве трофея, увеличить его военно-экономический потенциал, то следует вновь подчеркнуть: спецмероприятия проводились, как правило, в самый последний момент перед отступлением частей Красной армии. Повышенное внимание уделялось подготовке и реализации спецмероприятий в наиболее важных для военной экономики регионах.

Один из них — Донецкий бассейн, территория которого включала тогда Днепропетровскую, Сталинскую (Донецкую), Ворошиловградскую (Луганскую) и Ростовскую области. К началу войны — это крупнейший индустриальный регион и главная топливно-энергетическая база СССР, где добывалось около 60% угля, на 11 металлургических заводах производилось свыше 37% чугуна, 25% стали, 26% проката и около 50% кокса, выпускалось 48% паровозов от общесоюзного производства. Военная обстановка вызвала необходимость срочной эвакуации важнейших промышленных предприятий и проведения спецмероприятий. В связи с важностью этих задач в Донбасс в октябре 1941 г. был командирован заместитель наркома внутренних дел И. А. Серов, который местом своего пребывания выбрал областной центр — г. Сталино (ныне г. Донецк). Опираясь на аппараты областных управлений НКВД, Серов решительно взял под строгий контроль процесс эвакуации оборудования и материалов промышленных предприятий. При этом под угрозой репрессий оперативно устранялись имевшие место недостатки, благодаря чему удавалось добиваться увеличения подачи вагонов и отгрузки в первую очередь наиболее ценных станков и материалов. Материальные ценности, которые не удалось вывезти, а также экономически важные объекты уничтожались, приводились в негодность. В частности, специальные мероприятия по выводу из строя заводов и шахт комбината «Сталинуголь» Сталинской области и уничтожению не вывезенных материальных ценностей Управлением УНКВД по Сталинской области были проведены в течение нескольких дней: с 10 по 15 октября[53]. Накануне и в эти дни было подготовлено для ликвидации 150 основных шахт, 132 из них смогли полностью вывести из строя: лавы и штреки, подземные шахтные двери, стволы и надшахтные сооружения (копры, лебедки, подъемные машины и т. п.) были взорваны в нескольких местах. На остальных 18 шахтах взрывами удалось лишь завалить выходы и выработки внутри шахт, не эвакуированное шахтное оборудование было свалено в стволы шахт, а затем засыпано взрывами. Некоторые шахты в результате взрывов загорелись. Серов в своем донесении подчеркнул, что спецмероприятия проведены своевременно, так как вражеские войска находились в пределах до 20 км от уничтоженных шахт. Абсолютное большинство из них, по заключению специалистов, восстановить было уже невозможно или экономически нецелесообразно, так как проходка новых шахтных стволов обошлась бы дешевле.

Работы по подготовке и проведению спецмероприятий требовали больших сил и средств. Так, например, чтобы полностью вывести из строя Краматорский машиностроительный завод, потребовалось произвести почти 300 взрывов, в результате которых были повреждены

или уничтожены: ТЭЦ, мартеновский, компрессорный и кислородный цеха, газовый цех и его 24 газогенератора, чугунолитейный цех и три вагранки, три мощных пресса, а также ряд других важных заводских объектов. На другом краматорском заводе — имени Орджоникидзе пришлось взорвать здание электроподстанции и электрооборудование, водонапорную башню, три вагранки, семь подъемных кранов, литейные цеха, парокотельную, телефонную станцию. Были выведены из строя металлургический завод в областном Сталино, четыре коксохимических завода (Сталинский, Рудченковский, Ново-Смоляниковский и Мушперовский) и ряд других заводов. Согласно плану спецмероприятий на Сталинском металлозаводе взорвали семь воздуходувных машин, две элекроподстанции, две парокотельных, грейферный кран, паропровод, восемь мартеновских печей, кроме того, четыре доменные печи вывели из строя умышленным нарушением технологического процесса («закозлены»). На Орджоникидзевском металлозаводе взрывами уничтожили центральную подстанцию, пять мартеновских печей, три конвертора бессемеровского цеха, паровую турбину, парокотельную, водокачки технической и питьевой воды, паровые подъемные краны и склад горючего, а шесть доменных печей «закозлили». В Мариуполе на заводе «Азовсталь» взорвали две доменные печи, «закозлили» семь доменных и мартеновских печей, коротким замыканием вывели из строя турбогенератор на 24 тыс. кВт. На других мариупольских заводах уничтожили девять электроподстанций, склад мазута емкостью 25 тыс. кубометров, крановое хозяйство, две доменные печи и прочее. На заводе имени Кирова в Макеевке «закозлили» все домны и мартены, взорвали паросиловое и энергетическое хозяйство, теплоэлектростанцию.

Аналогичные спецмероприятия были проведены и на других наиболее важных объектах экономики Сталинской области, включая элеваторы, мельницы, хлебозаводы, холодильники и даже мелкие предприятия легкой промышленности. В последнюю очередь к исходу первого дня боев за г. Сталино (15 октября 1941 г.) была выведена из строя система водоснабжения, взорвана плотина Карловского водохранилища, содержавшего 25 млн кубометров питьевой воды. Эта масса воды своим напором разрушила Ильинский и Терновский накопители емкостью 25 млн кубометров, которые использовались Кураховской электростанцией. Подрыв четырех водонакопителей на 70 млн кубометров задержали по просьбе армейского командования, так как разлившейся водой могли быть отрезаны отходившие части Красной армии. В связи с этой задержкой у оперативных работников органов госбезопасности появилась возможность оповестить население подняться на возвышенное место, потому что предполагалось затопление до 1150 дворов[54].

О результатах проведенных спецмероприятий в ЦК ВКП(б) был представлен доклад, согласно которому на восстановление выведенных из строя металлургических, коксохимических, цементных заводов и других предприятий немцам необходимо было год-полтора, а для восстановления ГРЭС и электрообеспечения, учитывая разрушение Ольховского, Зуевского и других водохранилищ, — минимум три года.

Подобные мероприятия проводились и в соседней Ворошиловоградской области. Перечень ее промышленных предприятий и других объектов, подлежащих эвакуации и ликвидации на случай отхода частей Красной армии, составил 85 единиц. Наиболее важные из них уже были подготовлены к проведению спецмероприятий. Для исполнения намеченного плана на эти объекты прибыли оперативные работники, которые должны были приступить к выводу их из строя по согласованию с военным командованием[55].

На большинстве промышленных предприятий Ворошиловградской области к демонтажу оборудования и эвакуации приступили в сентябре 1941 г. Вывоз оборудования и материальных ценностей оборонных предприятий в основном был проведен полностью, хуже обстояло дело с эвакуацией ряда других крупных промышленных предприятий. Всего требовалось 21 511 вагонов, однако НКПС на 25 ноября предоставил только 7149 вагонов, или 33,2% потребности. Из-за этого только на 26 предприятиях осталось не вывезенным 2350 единиц оборудования, 5686 тонн броневой стали, 87 444 тонны черного и цветного металла. Все это подлежало уничтожению, для чего кроме взрывов и механических поломок применяли автогенную резку, использовали кислоту и любые другие возможности для уничтожения

материальных ценностей и вывода из строя оборудования. Однако реализация спецмер на предприятиях областного центра и в ряде других городов Ворошиловградской области оказалась преждевременной, так как германские войска были остановлены на дальних подступах к Ворошиловграду, и лишь в июле 1942 г. противнику удалось полностью оккупировать территорию области. Ввиду того что указания на проведение спецмероприятий шли непосредственно из Москвы, каких-либо серьезных последствий для исполнителей не последовало.

Факты преждевременного проведения спецмероприятий особенно часты были в первые дни и недели войны, когда многие местные партийные и советские руководители проявляли растерянность и были подвержены панике. Отдельные из них бежали задолго до отхода частей Красной армии, ускоряя тем самым и проведение спецмероприятий[56]. Если при этом прекращалось электро- и водоснабжение, разрушались мосты и переправы, то такие действия, объективно наносившие ущерб нашим войскам, обоснованно вызывали болезненную реакцию военных командиров. Многие из них в таких случаях стремились оперативно довести информацию о подобных фактах в вышестоящие инстанции, вплоть до членов ГКО. Одно из таких донесений ранним утром 21 августа 1941 г. поступило из Ленинграда на имя Л. П. Берии. Содержание доклада заключалось в том, что накануне противник обстреливал артиллерийским огнем г. Красногвардейск Ленинградской области, в результате чего среди горожан началась паника. Начальник райотдела НКВД капитан госбезопасности Федоров с согласия секретаря райкома партии и председателя райисполкома взорвал завод имени Рошаля, трансформаторную станцию, хлебозавод и пекарню, механический завод, телефонную станцию. Связь с Ленинградом прекратилась. Взрывы в городе усилили панику среди населения, большинство жителей покинули город. «Этот исключительно безобразный поступок явился результатом совершенно неудовлетворительного руководства райотделами со стороны Управления НКВД, — говорилось в донесении военных. — Об этом факте доложено тт. Ворошилову и Жданову. Принято решение — начальника районного отдела НКВД Федорова, секретаря райкома партии Цветкова, председателя райисполкома Абрамова и начальника милиции арестовать и предать суду военного трибунала»[57].

Это было серьезным обвинением в адрес органов НКВД, и Берия отреагировал незамедлительно. Согласно его приказу начальник Управления НКВД по Ленинградской области Н. М. Лагунов должен был арестовать начальника Красногвардейского РО НКВД Федорова и провести следствие. Заместитель наркома внутренних дел С. И. Огольцов, находившийся в то время в Ленинграде, получил указание срочно выехать в Красногвардейск, навести там порядок и одновременно укрепить местный райотдел НКВД опытным оперативным составом, создать там «крепкий чекистский коллектив» и об исполнении немедленно доложить[58].

Сутки спустя Н. М. Лагунов информировал, что указание народного комиссара внутренних дел выполнено — Федоров арестован. Кроме него арестовали представителя Управления связи, секретаря горкома ВКП(б), секретаря райкома партии и председателя исполкома. Расследованием было установлено, что 20 августа Федоров со своими подчиненными действительно покинул город, предварительно уничтожив основные объекты, однако, как оказалось, все это было сделано преждевременно под воздействием ложных слухов и паники среди населения. Выяснилось также, что информацию о приближении врага к городу Федоров получил от непроверенного источника, а в горкоме партии подтвердить или опровергнуть эти сведения не было возможности, так как все работники, включая партийных секретарей, уже сбежали. Тогда Федоров прибыл к начальнику укрепрайона генералу Крылову, который, по словам Федорова, своим неопределенным поведением укрепил его в худших предположениях о приближении врага, однако в ходе расследования Крылов категорически отрицал факт обращения к нему Федорова. Результаты быстрого расследования оказались не в его пользу: «Вместо того чтобы проверить слухи врага, а возможность была полная, задержать источника слухов, Федоров дает команду оперсоставу произвести уничтожение основных объектов, сам и аппарат вместе с руководителями советских и партийных организаций бегут из города»[59]. Приведенный пример иллюстрирует не только отсутствие должного взаимодействия между территориальными органами государственной безопасности и военным командованием,

которое зачастую также не владело обстановкой, но и явное стремление военных уйти от ответственности, что порождало нездоровое межведомственное противостояние.

На основании множества подобных фактов была сделана попытка исправить положение, в результате 13 сентября 1941 г. появилась директива НКВД СССР «Об улучшении взаимодействия в агентурно-оперативной работе особых отделов и местных территориальных органов»[60]. Однако должного обмена информацией и взаимной помощи добиться не удалось, ситуация практически не изменилась. Руководители НКВД, в свою очередь, также не упускали случая подобным же образом ответить военным. Так, например, старший майор госбезопасности Л. Е. Влодзимирский, откомандированный в г. Курск, и заместитель начальника Управления НКВД по Курской области капитан госбезопасности Аленцев 10 октября 1941 г. доложили, что из-за преждевременного разрушения железнодорожного узла Льгов, произведенного 6 октября по приказу командования 13-й армии, на складах осталось большое количество не вывезенного хлеба, а противник на территории Льговского района так и не появился[61].

Через несколько недель начальник этого же управления Аксенов сообщил, что в ночь со 2 на 3 ноября 1941 г. Курск оставлен противнику. Личный состав Управления НКВД действовал в тесном контакте с частями 2-й гвардейской дивизии и оказывал помощь военным в обороне города и его окрестностей. По информации Аксенова, в ходе боев за Курск 2 ноября 1941 г. в 12 часов 30 минут войсковой частью преждевременно был взорван мост, соединявший восточную часть города с центром и служивший основной переправой. Безосновательная спешка с подрывом моста отрезала командный пункт от частей Красной армии и полков народного ополчения, сражавшихся в центре города и на его окраинах. Командир дивизии полковник Акименко лично расстрелял виновного в преждевременном подрыве моста. Такую картину события описал Аксенов. Как представляется, Акименко явно поспешил с расстрелом, чтобы самому не попасть под трибунал.

Намеченные планом Управления НКВД к подрыву и поджогу 40 городских объектов по согласованию с командованием дивизии и Городским комитетом обороны были уничтожены своевременно. Однако, как утверждается в документе, при этом проявил трусость начальник отделения отдела кадров УНКВД Михин, в обязанности которого входили охрана, а затем подрыв телеграфа и телефонной станции. Во время напряженного боя в городе Михин сбежал, а растерявшаяся администрация объекта преждевременно в 9 часов 30 минут 2 ноября 1941 г. отдала распоряжение о поджоге объекта, тем самым затруднив связь внутри города и лишив связи с другими городами. Учитывая эти последствия, было принято решение Михина немедленно разыскать, арестовать и предать суду военного трибунала[62].

В отличие от первых дней войны по мере накопления органами госбезопасности опыта стало больше организованности в подготовке и проведении спецмероприятий. В частности, это проявлялось в постановке конкретных задач оперативному составу, в повышении уровня взаимодействия органов госбезопасности с войсковыми командирами. Все это во многих случаях позволяло избежать грубых просчетов с тяжелыми последствиями. Ряд документов управлений НКВД отражает основные направления работы, связанные со спецмероприятиями на объектах экономики: в частности, директива Управления НКВД по Калининской области «О мероприятиях по спасению материальных ценностей при вынужденном отходе частей Красной армии» от 10 сентября 1941 г. и указание УНКВД по Краснодарскому краю начальникам районного отдела НКВД «О проведении специальных мероприятий по нефтебазам, расположенным на территории края» от 2 декабря 1942 г.[63] В действительности речь в названной директиве шла не столько о спасении материальных ценностей, сколько об их уничтожении и выводе из строя предприятий, которые не удавалось эвакуировать. Сотрудники НКВД должны были принять в этом личное участие в контакте и под руководством секретарей городских и районных комитетов ВКП(б), но персональная ответственность за результаты спецмероприятий возлагалась на оперативный состав и начальников городских и районных отделов (отделений) УНКВД.

Для качественной разработки плана спецмероприятий требовалось в кратчайшие сроки провести следующую подготовительную работу:

— взять на учет оборудование и ценности, которые в случае невозможности их эвакуации подлежали уничтожению или выводу из строя;

— рассчитать время, необходимое для уничтожения каждого объекта;

— определить способы оповещения исполнителей о начале действий;

— за каждым объектом закрепить оперативного работника, на которого возложить персональную ответственность за своевременное уничтожение оставленных на предприятии оборудования и ценностей;

— в помощь каждому оперработнику выделить необходимое количество проверенных коммунистов и комсомольцев, согласовать их кандидатуры с первыми секретарями городских или районных комитетов ВКП(б), принять меры, чтобы выделенные лица не были отвлечены иными поручениями и в нужный момент оказались на соответствующих местах;

— рассчитать потребности, изыскать на месте и заготовить нужное количество горючего материала и взрывчатых веществ, необходимых для поджога и/или подрыва намеченных к уничтожению объектов, оборудования и ценностей; после утверждения плана горючий материал и взрывчатые вещества разместить с таким расчетом, чтобы при необходимости они были под рукой, но место их хранения должно быть известно только начальнику городского (районного) отдела и тому оперработнику, который закреплен за объектом, подлежащим уничтожению;

— договориться с командованием воинских частей о проведении инструктивных занятий по подрывному делу с оперработниками и прикрепленными к ним членами партии.

Планы подготовки и проведения спецмероприятий должны были содержать фамилии и должности лиц, ответственных за уничтожение конкретных объектов, и непосредственных исполнителей спецмероприятий. В ряде случаев в связи с отсутствием у органов госбезопасности необходимых сил рекомендовалось ответственных лиц и исполнителей подбирать из числа проверенных, надежных работников уничтожаемых объектов, преимущественно членов и кандидатов в члены ВКП(б) и членов ВЛКСМ.

Проекты планов подлежали согласованию с районными партийными и советскими органами и только после этого могли быть утверждены начальниками ГО/РО НКВД. После согласования планов требовалось немедленно приступить к реализации подготовительных мероприятий, включая доставку на места емкостей с зажигательной смесью, инструктаж ответственных лиц и исполнителей и прочее. Подготовка спецмероприятий должна была вестись без огласки, секретно, а их начало ставилось в зависимость от обстановки, причем вывод из строя предприятий и уничтожение материальных ценностей требовалось производить в самый последний момент. Ответственным лицам надлежало принять меры к тому, чтобы не пострадало окружающее население или другие объекты, не подлежащие уничтожению. Приказ на осуществление спецмероприятий должен был исходить от местного командования Красной армии, а сигнал о начале действий — согласовываться с районными партийными и советскими органами. Начальники городских (районных) отделов НКВД были обязаны лично или через специально выделенных работников проверить результаты проведения спецмероприятий на каждом объекте или на группе объектов, указанных в плане, и доложить непосредственно начальнику Управления НКВД с указанием даты, времени, вида спецмероприятия (взрыв, поджог и т. п.) и назвать командира РККА, по распоряжению которого оборудование или ценности были уничтожены.

Масштабный план мероприятий по организации и проведению в жизнь специальных мер по выводу из строя важнейших промышленных и иных предприятий города на случай вынужденного отхода наших войск 14 сентября 1941 г. был подготовлен в Ленинграде. Ныне он широко известен как план «Д». Накануне в город с особой миссией прибыл заместитель наркома внутренних дел В. Н. Меркулов с мандатом ГКО на проведение подготовительных мероприятий на случай сдачи Ленинграда. Военный совет Ленинградского фронта, а также партийные и советские работники Ленинграда обязаны были оказывать В. Н. Меркулову всемерную помощь. По плану «Д» в общей сложности подлежало выведению из строя более 380 предприятий города, из них более 250 наиболее важных должны были взорвать в первую

очередь. Остальные внесли в списки по инициативе районных комитетов ВКП(б) или начальников районных отделов НКВД, и выведение их из строя планировалось осуществлять силами проверенных и надежных коммунистов без использования взрывчатых веществ.

Аналогичные по своей сути меры были предприняты и в связи с приближением войск вермахта к столице СССР. 8 октября 1941 г. И. В. Сталин подписал постановление ГКО о подготовке к уничтожению предприятий и других объектов в Москве и Московской области. Эта задача возлагалась на специальную комиссию в составе заместителя наркома внутренних дел комиссара госбезопасности 3-го ранга И. А. Серова (руководитель), начальника Московского управления НКВД старшего майора госбезопасности М. И. Журавлева, второго секретаря Московского горкома ВКП(б) Г. М. Попова, второго секретаря Московского областного комитета ВКП(б) Б. Н. Черноусова и начальника Главного военно-инженерного управления наркомата обороны Л. З. Котляра[64].

Список объектов, в отношении которых намечалось проведение специальных мер, включал 1119 предприятий. Они были разбиты на две категории: 412 предприятий, имевших оборонное значение, подлежали подрыву, а ликвидация 707 предприятий необоронных наркоматов планировалась путем порчи оборудования и поджога. В общий список вошли предприятия пищевой промышленности (хлебозаводы, холодильники, мясокомбинаты и т. д.), вокзалы и прочие железнодорожные сооружения, трамвайные и троллейбусные парки, автобазы, городские и подмосковные электростанции и ряд других объектов городского хозяйства, а также здания ТАСС, Центрального телеграфа и телефонные станции. Сюда же были отнесены здания ряда наркоматов, почтамт, мосты, академии, тюрьмы, жилые и административные здания, в том числе Большой театр, гостиница «Москва», храм Богоявления в Елохове. Что касается территории Кремля, то 10 октября 1941 г. его комендант Н. К. Спиридонов в письме к И. А. Серову поставил вопрос об уничтожении водонасосной, тепловой, электрической и телефонных станций, а также бомбоубежищ. Следует иметь в виду, что планировалось уничтожение не всех зданий, а только отдельных помещений в них: например, в гостинице «Метрополь» речь шла о ресторанном зале, в театрах — сцен и т. д., то есть тех мест, где могло оказаться много оккупантов.

Для осуществления намеченных решением ГКО специальных мероприятий начали работать районные тройки и руководящие группы на фабриках и заводах. Взрывчатые вещества подвезли на объекты и сдали под охрану. В минировании объектов приняли участие и красноармейцы Кремлевского полка под руководством майора Ефименко. Только под 12 мостов города ими было заложено 22 тонны взрывчатки.

Необходимость привлечения в качестве ответственных и исполнителей спецмероприятий лиц, не являвшихся сотрудниками органов госбезопасности, требовала дополнительных организационных мер по их инструктажу и обучению. Ряд ведомств обязали разработать соответствующие инструкции, которые подлежали утверждению заместителем наркома внутренних дел СССР И. А. Серовым. Проект одной из таких инструкций — по проведению специальных мероприятий на электростанциях и подстанциях системы Мосэнерго — представил на утверждение 10 ноября 1941 г. управляющий Мосэнерго Клочков, который просил срочно рассмотреть ее и утвердить[65].

Однако делегирование ответственности нередко приводило к сбоям в реализации спецмероприятий и тяжелым последствиям. Так, в октябре 1941 г. был арестован директор московского завода № 395 Наркомата химической промышленности Громов. Его обвинили в том, что 16 октября 1941 г. он, как утверждалось, сознательно и с провокационной целью приказал исполнителям спецмероприятий уничтожить заводское оборудование, не имея на то никаких оснований. Как директор завода Громов был в достаточной степени инструктирован в отношении подготовки и исполнения спецмероприятий и хорошо знал, что команду на выполнение спецмероприятий он имел право дать только по особому сигналу от специально уполномоченных лиц. В результате самовольных действий Громова было уничтожено ценнейшее оборудование на сумму более 350 тыс. рублей. На следствии директор завода признал себя виновным в преступлении, а военный трибунал войск Московского гарнизона

приговорил Громова к расстрелу[66]. Как видим, различная оценка должностными лицами степени опасности и угроз привела к трагическим последствиям.

В конце того же месяца 1941 г. был арестован начальник центрального узла связи Наркомата морского флота Березин, который, являясь ответственным лицом за выполнение спецмероприятий, 16 октября 1941 г. дал указание о разрушении передающих и приемных радиостанций, а также радиобюро и автоматической телефонной станции. Следствие установило, что Березин поддался панике, решил, что «Москва сдается врагу», «советская власть кончается», и по своей инициативе, не имея на то никаких прав и оснований, отдал приказание уничтожить материальные ценности наркомата. После этого Березин на автомашине покинул Москву, бросив на произвол судьбы вверенное хозяйство и подчиненных. В результате были полностью разрушены передающая радиостанция в Томилино, приемная радиостанция в Вешняках, повреждены автоматическая телефонная станция, расположенная в здании НКМФ, и радиобюро. Материальный ущерб, нанесенный государству, составил более 600 тыс. рублей. Виновным в преступлении Березин себя признал, и военный трибунал Москвы приговорил его к высшей мере наказания[67].

Обращает на себя внимание, что оба руководителя понесли столь суровую кару за действия, совершенные 16 октября 1941 г., то есть в тот день, когда Москва в целом была охвачена паникой, массовыми беспорядками, и многие должностные лица покинули город, в том числе ряд директоров предприятий, прихватив заводские кассы.

Проведение спецмероприятий, которые в силу их секретности были для населения, как правило, неожиданными, отнюдь не способствовало нормализации обстановки и прекращению паники, если она уже появилась. Именно так реагировали жители г. Сталиногорска, ставшие очевидцами результатов спецмероприятий по уничтожению основных агрегатов ГРЭС: более 10 тонн взрывчатых веществ были заложены в 22 наиболее уязвимых места электростанции (котлы, турбогенераторы, масляные трансформаторы, подстанции и главный распределительный щит) и одновременно взорваны. Сила взрыва была такова, что горящее трансформаторное масло взрывной волной было выброшено на высоту до 200 метров, а в домах в радиусе до 600 метров оказались выбиты стекла. На электростанции после взрыва начался сильный пожар, а затем прогремели новые взрывы: это уничтожали химический комбинат, завод № 100, АКЗ, РГЗ и другие заводы[68]. Как отмечалось выше, в ряде мест властям пришлось применить жесткие репрессивные меры против лиц, противодействовавших уничтожению объектов экономики и материальных ценностей.

Все это свидетельствует о том, что подготовка и проведение спецмероприятий проходили в сложных прифронтовых условиях, при быстро менявшейся оперативной обстановке. Следует объективно оценивать значимость результатов этих мероприятий, которые в целом сыграли положительную роль в том, что немцам не удалось, как они рассчитывали, полностью захватить и использовать экономический потенциал оккупированных территорий СССР.

Противодиверсионная защита объектов экономики

В годы Великой Отечественной войны жизненно важное значение для страны имело обеспечение бесперебойной работы объектов военной экономики, поэтому с первых дней высшее руководство страны потребовало самых решительных мер по борьбе с диверсиями. Уже 22 июня 1941 г. нарком государственной безопасности В. Н. Меркулов директивой «О мероприятиях органов госбезопасности в связи с начавшимися военными действиями с Германией» обязал оперативный состав своевременно вскрывать и пресекать любые попытки диверсий на объектах промышленности и железнодорожного транспорта.

Большую роль в организации противодиверсионной защиты военной экономики страны сыграла директива СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. партийным и советским

организациям о мобилизации всех сил и средств на разгром германских захватчиков. Руководство Советского Союза требовало уничтожать шпионов и диверсантов, энергичными мерами укрепить тыл, организовать охрану заводов, электростанций, мостов, телефонной и телеграфной связи, вести беспощадную борьбу с дезорганизаторами тыла, дезертирами, паникерами, распространителями слухов. Для партийно-государственных органов директива стала основой организаторской и идеологической деятельности, повлияла на усиление начатой к тому времени НКГБ и НКВД работы по обеспечению охраны важнейших объектов военной экономики. Следует подчеркнуть, что атмосфера всеобщей подозрительности, сформировавшаяся в 1930-е гг., сказалась на выборе неоправданно широкого круга объектов экономики, подлежащих усиленной охране в глубоком тылу, к которым реальных подрывных устремлений германских спецслужб в начальный период войны не фиксировалось.

Постановлением ГКО от 8 августа 1941 г. верховное руководство страны потребовало еще больше усилить охрану важнейших промышленных предприятий, обязало территориальные органы госбезопасности принять в этом самое непосредственное участие и предоставило дополнительные силы и средства. Например, только на объектах наркоматов авиационной, нефтяной промышленности, электростанций и «Главнефтесбыта» численность личного состава войск НКВД увеличивалась на 10 060 человек. Во исполнение указанного постановления ГКО в тот же день появилась директива НКВД СССР «Об организации работы экономических отделов НКВД — УНКВД по оперативно-чекистскому обслуживанию предприятий оборонной промышленности», в которой указывалось, что одна из основных задач состоит в пресечении попыток вредительства, диверсии, саботажа. Находившиеся под оперативным контролем органов госбезопасности объекты экономики должны были работать без перебоев и обеспечивать стремительно возросшие потребности фронта в военной продукции.

Кроме усиления охраны особо важных объектов экономики был ужесточен режим передвижения по стране, под особым контролем находился въезд в отдельные области и города — крупные промышленные центры. Перевод областей и городов на особое положение сопровождался выселением в административном порядке лиц, признанных социально опасными, и запрещением их въезда в другие режимные местности. Одновременно был усилен пропускной режим на заводах оборонных отраслей промышленности. Во изменение паспортного режима провели перерегистрацию паспортов, у всех работающих в промышленности паспорта были изъяты, эвакуированных и беженцев переписали и взяли на учет. Одновременно с допуском к секретным работам и документам предпринимались меры по удалению с оперативно обслуживаемых объектов политически неблагонадежных лиц. Этому в немалой мере способствовало введение контроля над почтово-телеграфной корреспонденцией и телефонной связью граждан из мест расположения особо важных промышленных предприятий.

Материалы периодических проверок органами госбезопасности состояния охраны особо важных объектов и пропускного режима отражают серьезные недостатки в этой работе. Так, широко распространенным явлением были грубые нарушения служебных обязанностей личным составом военизированной и вахтерской охраны, утрата бдительности при несении службы. Территориальными органами госбезопасности принимались решительные меры по улучшению качественного состава стрелков-охранников, устранению вскрытых недостатков, однако в целом положение оставалось практически на том же уровне. Так, в начале 1943 г. в ходе одной из проверок состояния охраны уральского Кировского завода в г. Челябинск сотрудниками госбезопасности в цехах были задержаны 1670 нарушителей режима, в том числе 29 рабочих, самовольно покинувших производство, и несколько десятков человек, вообще не имеющих к объекту никакого отношения: 11 бывших заключенных, бежавших из ИТК, 47 человек «бродяжнического элемента».

Вопросам режима многие руководители предприятий порой уделяли мало внимания. Нередко при массовом поступлении «рабочей силы» на заводах не успевали должным образом оформить пропуска, и люди ходили на работу по спискам без предъявления документов, удостоверяющих личность. В условиях, когда каждые рабочие руки были на счету, на работу

зачастую принимали людей не только вопреки отказу им в допуске органами госбезопасности, но и вообще не имеющих никаких документов. Только в течение 1942 г. на заводы имени Кирова и имени Колющенко в Челябинске было принято без паспортов и прописки 9478 человек, на заводы № 24 и № 1 в Куйбышеве — 1100 и 800 соответственно, на завод № 70 в Москве — 911, на завод № 176 в Туле — 409, на завод № 8 в Свердловске — 356 рабочих. Интересы обеспечения фронта военной продукцией, необходимость выполнения планов любой ценой заставляли использовать непосредственно на режимном производстве не только личный состав расформированных в 1942 г. строительных батальонов и рабочих колонн, но и труд заключенных, передвижение которых по заводу не всегда удавалось регулировать в точном соответствии с инструкциями.

В связи с рядом крупных аварий с большими человеческими жертвами и материальным ущербом более чем в миллион рублей появилась директива наркома внутренних дел № 213 от 26 августа 1941 г. «Об организации противодиверсионной работы на предприятиях оборонной промышленности». Этим документом во главу угла было положено форсированное насаждение противодиверсионного осведомления на уязвимых в диверсионном отношении участках. Исходя из наличия таких мест, определялась количественная потребность в противодиверсионном осведомлении. Кроме того, ставилась задача обеспечить через осведомителей изучение работавших там лиц, в первую очередь обращая внимание на так называемый «подучетный элемент» во всех производственных сменах. Расширение военного производства, строительство новых заводов создавало и новые производственные структуры, где согласно директивным указаниям полагалось иметь осведомителей. В наращивании их количества виделось тогда одно из решений противодиверсионной защиты объектов промышленности.

Форсирование создания массовой противодиверсионной осведомительной сети породило упрощенный подход к ее формированию, но несмотря на это, аппарат противодиверсионного осведомления удалось сформировать лишь к концу 1942 г. К этому времени противодиверсионная осведомительная сеть экономических отделов ряда территориальных управлений НКВД исчислялась тысячами человек, на каждого оперработника приходилось по несколько десятков осведомителей. Это затрудняло целенаправленную работу оперативного состава с данными секретными сотрудниками, нередко приводило к формализму.

Исполнение паспортного режима также имело существенные недостатки. Как отметил в своих циркулярах от 6 и 13 мая 1943 г. начальник Главного управления милиции НКВД СССР комиссар милиции 1 ранга А. Г. Галкин, нарушения паспортного режима носили массовый характер: в результате поголовной проверки, проведенной в январе — феврале 1943 г. в 52 областях, краях и республиках, были выявлены 222 662 нарушителя. Проверка вскрыла большую «засоренность» режимных городов «уголовно-преступным и всякого рода пришлым элементом». Комиссар милиции подчеркнул, что территориальные органы милиции поддержанием режима так, как того требует обстановка, не занимались, вследствие чего имело место огромное количество фактов многомесячного проживания по поддельным и фальшивым документам и даже вовсе без документов, удостоверяющих личность, и без прописки.

Отношение подобных руководителей к вопросам режима наиболее ярко выразил директор завода № 33 Солдатов на объединенном пленуме Молотовского областного и городского комитетов партии в декабре 1941 г.: «Мы сейчас работаем над вопросом ужесточения всего режима работы завода. Завод был проходным двором, рабочих выпускали из завода все кому не лень. Люди больше думали о картошке, чем о работе. Сейчас категорически запретили выходить с завода без личного разрешения директора завода, а ночью — без личного разрешения дежурного по заводу. Если раньше с завода уходило по одной тысяче человек, то в последнее время с завода выходит не больше пятнадцати»[69]. Таким образом, режимные меры служили важной задаче недопущения ухода рабочих с завода в течение производственной смены.

Большое внимание уделялось предотвращению на объектах взрывов, аварий и пожаров. В приказе НКВД от 1 февраля 1942 г. «О пожарах в восточных областях Союза ССР» заместитель наркома Круглов обвинил пожарную охрану, которая, по его словам, на военный лад еще не перестроилась. Серьезность положения заставила ужесточить требования и поднять

их на более высокий уровень: Л. П. Берия 24 апреля 1942 г. подписал приказ «Об усилении мероприятий по противопожарной безопасности в народном хозяйстве» и потребовал укрепить пожарную безопасность оборонных предприятий, нефтебаз и железнодорожных узлов. Однако пожары случались, и довольно крупные. Более того, в ряде областей в 1942 г. по сравнению с предыдущим годом увеличилось как количество пожаров, так и размер ущерба. В Чкаловской (ныне Оренбургская) области количество пожаров возросло на 12%, а ущерб — на 10%, в Чувашской АССР и Саратовской области эти цифры были еще больше, в Московской области пожаров произошло больше на 63%, в Молотовской области размер ущерба возрос в три раза. В Куйбышевской области в 1942 г. произошло 1282 пожара, ущерб от которых составил более 4 млн рублей, 18% возгораний случилось из-за халатности на производстве.

Несмотря на усилия территориальных управлений НКВД, положение в лучшую сторону практически не менялось. В этом легко убедиться, ознакомившись с приказом НКВД от 9 марта 1943 г. «Об итогах профилактической работы органов пожарной охраны НКВД за 1942 год». В ряду наиболее неблагополучных оставались и особо важные объекты, в частности заводы № 1 и № 24 Наркомата авиационной промышленности, изготовлявшие штурмовики Ил-2. На заводах свыклись с захламленностью цехов древесной стружкой, щепой и другими отходами производства, загроможденностью лесоматериалами. На производственных участках хранилось большое количество лаков, красок и других легковоспламеняющихся жидкостей, на полу стояли лужи смазочных материалов. Из-за скопления в цехах сырья и деталей проходы через дверные проемы, подходы к пожарным кранам и местам хранения огнетушителей были затруднены.

Аналогичные нарушения имели место и на многих других заводах. Наиболее опасными по последствиям были нарушения на предприятиях Наркомата боеприпасов: несоблюдение технологического процесса и правил техники безопасности приводило к пожарам и взрывам с большими человеческими жертвами. Один из таких случаев произошел в середине 1942 г. на заводе № 401, в результате погибли 13 человек, материальный ущерб составил 400 тыс. рублей. Оборудование основных цехов было уничтожено, завод полностью вышел из строя. В ходе расследования выяснилось, что в цехе, где возникло загорание, систематически скапливалось большое количество готовой продукции, и к моменту пожара только на одном участке находилось 30 тонн термита вместо допустимых одной-двух тонн. В цехе была временная электропроводка, не отвечавшая элементарным требованиям пожарной безопасности. Администрация цеха, пожарный надзор и рабочие неоднократно требовали от руководства завода заменить ее, но никаких мер не принималось. На этом основании должностные лица — главный инженер, главный энергетик и мастер электроотдела — были немедленно арестованы.

В реальной ситуации того времени интересы текущего момента заставляли руководителей поступать вопреки предупреждениям органов государственной безопасности о неблагополучном положении дел, что приводило к тяжелым последствиям. Так, в докладной записке УНКВД по Куйбышевской области в местный обком ВКП(б) начальник управления майор госбезопасности Блинов совместно с начальником ЭКО капитаном госбезопасности Чередниченко указали на ряд взрывов и пожаров на заводе № 15 Наркомата боеприпасов, происшедших в период с октября 1941 по январь 1942 г. Анализ показал, что пожар и несколько взрывов с гибелью 17 рабочих и материальным ущербом более 400 тыс. рублей произошли именно там, где, как отмечалось ранее, имели место нарушения технологии и техники безопасности. В августе 1942 г. Управление НКВД по Куйбышевской области вновь направило в обком ВКП(б) спецсообщение о грубых нарушениях технологии на том же заводе № 15. Через несколько месяцев в тот же адрес ушел еще один документ о нарушениях техники безопасности на упомянутом заводе и на заводе № 309 Наркомата боеприпасов, расположенном в непосредственной близости от первого. Отмечалось, что помещения, где начинялись взрывчаткой реактивные снаряды М-8 и противотанковые гранаты, не отвечают требованиям инструкций: при наличии четырех тонн взрывчатых веществ расстояние до тротилового

производства было в четыре раза ближе допустимого. Из-за отсутствия складов продукция хранилась на территории цехов, которые оказались забиты боеприпасами.

В марте следующего года в обком партии поступило очередное сообщение по этим же заводам: по-прежнему небрежное обращение с взрывчатыми веществами создавало серьезную угрозу безопасности объектов. В том же месяце в партийный орган был направлен еще один документ о нарушениях технологии и выпуске брака на заводе № 309. Сообщалось, что директор Вашнев в течение двух месяцев четыре раза ставился в известность о несоблюдении технологического процесса, но мер никаких не принял. На расположенных по соседству заводах № 15 и № 309 практически повседневно нарушались технология, правила техники безопасности и противопожарных предписаний, сроки ремонта изношенного оборудования. Только по двум мастерским завода № 15 в течение года было зарегистрировано 21 отклонение от технологии, по цеху № 7 — 48 нарушений правил техники безопасности. В акте технической комиссии Наркомата боеприпасов по этому заводу зафиксировано 14 002 «противопожарных недочета».

Непринятие мер по устранению недостатков привело к трагедии. 16 февраля 1944 г. произошел взрыв на заводе № 15 в г. Чапаевск. В специальной справке, подготовленной по случаю взрыва говорилось: «На оборонных заводах № 15, 309 и в городе убито 63 человека, не найдено 27 человек и ранено 310 человек». 18 очагов пожаров удалось ликвидировать лишь через пять часов, 65 производственных зданий оказались разрушенными. Ущерб, нанесенный заводу и городу, составил почти 20,7 млн рублей. Виновниками гибели людей и материальных ценностей были признаны 10 работников завода во главе с директором и главным инженером. Из сотрудников Управления НКГБ на этот раз никто наказан не был — видимо, спасло обилие ранее направленных докладных записок и спецсообщений по взлетевшим на воздух заводам. Информация в партийные и иные вышестоящие инстанции считалась конечным результатом работы даже в тех случаях, если негативные проявления практически оставались неизменными. При сложившейся тогда ситуации экономическая целесообразность как бы запрограммировала случившуюся катастрофу.

Как показывает анализ архивных материалов, причины взрывов, пожаров и аварий не были связаны с реальной подрывной деятельностью противника, а являлись следствием бесхозяйственности, грубейших нарушений правил техники безопасности, преступной халатности или эксплуатации устаревшего и пришедшего в негодность оборудования. Выполняя свои задачи, органы государственной безопасности стремились снизить реальную опасность чрезвычайных происшествий, накапливали опыт работы и улучшали качество руководства секретными сотрудниками и осведомителями — «противодиверсионниками». Благодаря конкретным и целенаправленным инструктажам многие из них были готовы правильно и, что особенно важно, самостоятельно действовать в сложных ситуациях, в экстремальных условиях. От осведомителей стали поступать донесения о фактах, которые ранее ими как предпосылки к чрезвычайным происшествиям не расценивались.

Так, в 1942 г. осведомители ЭКО УНКВД по Горьковской области лично предотвратили 38 аварий из 104, которых удалось избежать по их же сигналам. В том же году по информации противодиверсионного осведомления ЭКО УНКВД по Куйбышевской области были приняты меры и предотвращены 29 взрывов, 17 пожаров, 26 аварий и 41 поломка оборудования. Органам государственной безопасности всем этим приходилось заниматься, так как даже незначительные аварии и поломки оборудования порой настолько сбивали ритм производства, что ставили под угрозу срыва выполнение заданий ГКО.

Руководство центральных и местных партийных органов и органов НКВД вопреки реальности не сомневалось, что агенты германских спецслужб в советском тылу активно действуют. Иные мнения подвергались резкой критике, решительный и беспощадный отпор получали рассуждения об отсутствии агентов врага на той или иной территории. Отсутствие фактов диверсий, вредительства и террористических актов как аргумент безапелляционно отвергалось. Следуя рекомендациям Л. П. Берии, работники Наркомата внутренних дел зачастую оказывали неприкрытое давление на сотрудников местных управлений НКВД и

ради получения нужных показателей требовали решительных действий, которые вступали в противоречие с законом. Так поступали не только его заместители Кобулов и Круглов, но и их подчиненные. Например, заместитель начальника ЭКУ НКВД СССР Д. Г. Родионов, будучи в Свердловске, руководил расследованием крупной аварии в системе «Уралэнерго», обесточившей на несколько часов большое количество оборонных предприятий. При заведении уголовного дела по факту аварии он настоял, чтобы расследование велось по статье 58-9 УК РСФСР (диверсия). Следователю Титову, который намеревался возбудить уголовное дело по статье 111 УК РСФСР (халатность) и проявил при этом принципиальность, Родионов выразил политическое недоверие, обернувшееся вскоре исключением из ВКП(б) и увольнением из органов НКВД. Материалы по факту аварии передали другому следователю, и тот выполнил, что от него требовалось: на допросах получил от обвиняемого «признательные» показания о группе работников «Уралэнерго», которые, как записано в протоколе допроса, длительное время занимались диверсиями в системе электроснабжения.

Как в этом, так и во многих аналогичных случаях сказывалось влияние обозначившейся в правовой практике военного времени тенденции переквалификации приобретавших повышенную социальную опасность административных и дисциплинарных проступков в уголовные преступления. Устойчивой тенденцией можно считать и ужесточение санкций за неосторожность работников промышленности и транспорта при наступлении тяжелых последствий, которые виновный хотя и не предвидел, но мог и должен был предотвратить. В постановлении от 12 февраля 1942 г. пленум Верховного суда СССР подчеркнул, что причиненный ущерб государству, государственным предприятиям является существенным обстоятельством при оценке общественной опасности преступления и должен соответствующим образом влиять на определение судом меры наказания. Более того, под влиянием судебной практики и толкования законодательства тяжесть наступивших (или возможных) последствий преступления из отягчающего вину обстоятельства превращалась в существенный признак, образующий состав контрреволюционного преступления. По статье Уголовного кодекса о диверсии, а также за «диверсионные намерения» привлекали к ответственности в тыловых регионах, где была сосредоточена подавляющая часть производства военной продукции, а люди и оборудование работали на износ. Именно там чаще уголовная ответственность за взрывы и пожары наступала по статье Уголовного кодекса о диверсии.

Поэтому, анализируя материалы противодиверсионной работы, следует иметь в виду большую роль субъективного фактора при оценке юридических фактов, которые в условиях военного времени квалифицировались как диверсия. Если в результате репрессий производительность труда возрастала, то вместе с этим в партийно-государственных органах росла уверенность в наличии «злой воли», которая ранее мешала нормальному развитию производства. Эта уверенность побуждала все шире использовать репрессивные методы для решения производственных задач. Иными словами, борьба с диверсиями являлась формой привлечения правоприменительных органов к реализации мер по обеспечению бесперебойной работы объектов военной экономики, по повышению ответственности должностных лиц за положение дел на порученных им участках производства в целях максимального увеличения количества выпускаемой продукции для обеспечения потребности Красной армии и страны в целом. С учетом этого большинство уголовных дел по диверсии к настоящему времени пересмотрены, а репрессированные по ним лица реабилитированы.

Борьба с антисоветской агитацией

Морально-патриотическое состояние тыла во многом предопределяло эффективность работы объектов военной экономики СССР. Доверие граждан к высшему политическому руководству страны в условиях крайнего напряжения физических и духовных сил являлось

существенным фактором производительного труда и полноценного снабжения фронта, и этому обе воюющие стороны придавали огромное значение.

Нацистская Германия имела мощную пропагандистскую машину и накопила значительный опыт ведения психологической войны. Идеологические акции противника были направлены на возбуждение пораженческих настроений, расслабление воли людей, подстрекательство их к антипатриотическим проявлениям и государственным преступлениям. Для достижения этих целей использовались значительные силы и средства. Специальные подразделения вели антикоммунистическую, антисоветскую и пораженческую пропаганду через линию фронта с использованием звукоусилительных установок. На языках народов СССР печатались листовки, которые с самолетов разбрасывались над советской территорией. Такое распространение пропагандистских материалов практиковалось одновременно с нанесением бомбовых ударов по крупным промышленным центрам.

Так, после первого же налета на Москву нацистские листовки были обнаружены в Москворецком, Таганском и Тимирязевском районах столицы. Не все листовки удавалось собрать и уничтожить, в некоторых случаях их не только успевали прочесть, но и передать или отправить по почте знакомым. Распространителями дезинформации и панических слухов в тылу, зачастую того не сознавая, становились лица, которые подверглись непосредственному воздействию вражеской пропаганды: военнослужащие с передовой и граждане из прифронтовой полосы или после своего временного пребывания на оккупированной территории. Другим источником неофициальной информации являлось германское радиовещание, благодаря которому даже самый глубокий тыл СССР был досягаем для пропагандистских акций противника.

В связи с этим уже 25 июня 1941 г. Политбюро ЦК ВКП(б) приняло постановление «О сдаче населением радиоприемных и передающих устройств», которым обязало в пятидневный срок сдать аппараты индивидуального и коллективного пользования в органы Наркомата связи. Учреждениям, предприятиям, радиоузлам, клубам, ленинским уголкам и общественным организациям разрешалось иметь радиоприемники исключительно для коллективного прослушивания в строго определенные часы. Настройка таких приемников фиксировалась на частоте московской радиостанции, и аппараты опечатывались. Для лиц, не сдавших в установленный срок аппаратуру, Политбюро ЦК ВКП(б) установило уголовную ответственность «по закону военного времени». Органы наркоматов внутренних дел и государственной безопасности должны были оказать необходимое содействие Наркомату связи и наблюдать за выполнением этого постановления. В тот же день партийный нормативный акт был дублирован постановлением СНК СССР № 1750, а наркомы Л. П. Берия и В. Н. Меркулов совместным приказом НКВД — НКГБ от 27 июня 1941 г. потребовали нацелить агентурно-осведомительную сеть на выявление радиоаппаратуры и лиц, уклоняющихся от ее сдачи. Случаи уклонения от сдачи радиоприемников и радиопередающих устройств должны были квалифицироваться по статье 59-6 УК РСФСР и соответствующих статей уголовных кодексов других союзных республик как невыполнение государственных повинностей в военное время.

Население таким образом ограждалось от любой неофициальной информации. Прослушивание зарубежной радиопрограммы, независимо от содержания, расценивалось как преступное деяние. Опираясь на возможности НКВД — НКГБ, партийные органы на местах энергично провели изъятие радиосредств, находившихся в индивидуальном пользовании как в квартирах, так и в служебных кабинетах у всех без исключения лиц, независимо от должности. Полного доверия не было даже руководителям относительно высокого ранга. Например, в одном из сельских районов Свердловской области районный прокурор Шевченко в присутствии председателя и секретаря районного совета депутатов трудящихся, редактора районной газеты и участкового милиционера, находившихся вместе с ним в командировке, слушал немецкую радиостанцию в ночь с 13 на 14 сентября 1941 г., а уже 17 сентября судьба этих людей решалась в обкоме ВКП(б): о происшедшем партийного секретаря официально информировал начальник Управления НКВД по Свердловской области. Шевченко был

исключен из партии, а его «соучастники» получили по выговору с занесением в личные дела. Так, невзирая на лица, в условиях военного времени работал аппарат органов государственной безопасности, оперативно и решительно реализуя руководящие указания. Следуя им, начали изымать и радиоприемники коллективного пользования.

Согласно постановлению ГКО от 6 июля 1941 г. усилился политический контроль над почтово-телеграфными отправлениями. Чтобы не допустить разглашения государственных и военных тайн и распространения «всякого рода антисоветских, провокационно-клеветнических и иных сообщений», направленных во вред государственным интересам СССР, Наркомат государственной безопасности был обязан организовать стопроцентный просмотр писем и телеграмм, идущих из прифронтовой полосы. В областях, объявленных на военном положении, в отношении всей входящей и исходящей почтово-телеграфной корреспонденции действовала военная цензура. В дальнейшем усиление контроля над перепиской распространилось и на другие территории советского тыла.

Таким образом, благодаря организации сбора и уничтожения разбрасываемых с самолетов вражеских листовок, повсеместному изъятию радиоприемников и жесткому контролю над почтово-телеграфными отправлениями основные каналы подрывной пропаганды противника или были полностью перекрыты, или значительно ослаблена их эффективность. Убедившись путем опроса военнопленных красноармейцев в отсутствии идеологического воздействия на значительные массы советских людей, работа спецрадиостанций «черной» пропаганды, вещавших на русском языке, немцами была прекращена. Пропагандистский аппарат был переориентирован на идеологическую обработку населения захваченных территорий СССР и красноармейцев на передовой.

В то же время советской официальной пропагандой реальное положение дел на фронте либо замалчивалось, либо значительно искажалось. Ограничение, дозирование или полное запрещение объективной информации диктовалось государственными интересами и практиковалось всеми ведомствами. Так, в конце июля 1941 г. заместитель наркома авиационной промышленности А. И. Кузнецов своим приказом категорически запретил вести разговоры об ущербе и жертвах вражеских бомбардировок объектов наркомата. Иногда такие сведения объявлялись предметом устремлений германской разведки, и за их распространение карали как за разглашение секретных данных[70].

Сотрудникам средств массовой информации приходилось считаться с обширным перечнем сведений, не подлежащих разглашению, и жестким контролем со стороны цензуры. Мобилизация духовных сил народа на отпор врагу нередко шла путем создания иллюзий нормального хода событий.

К осени 1941 г. из пользования были изъяты не только индивидуальные радиоприемники, но и многие коллективные. К тому же в ряде областей около 16% радиоузлов было неисправно, а остальные работали лишь по два-три часа в сутки. Из-за этого, как отмечалось в одном из документов ЦК ВКП(б), население Тамбовской, Пензенской, Рязанской, Горьковской и Вологодской областей лишилось возможности слушать информацию из Москвы. Во многих областях сложилась такая же ситуация[71].

Некоторые секретари обкомов ВКП(б) вынуждены были признать, что в первые военные месяцы партийно-политическая работа в прежних ее формах оказалась запущенной, а работать в массах новыми методами партийный аппарат был не готов. Одна из причин — собственная неосведомленность. На одном из заседаний бюро Свердловского обкома ВКП(б) в октябре 1941 г. констатировалось, что на заводе № 56, «не получая своевременной и правильной информации о событиях на фронте, значительная часть рабочих и служащих питаются в отдельных случаях ложными слухами»[72]. Даже секретари обкомов ВКП(б) и многие члены ЦК партии не знали истинной обстановки, на что и сослались на встрече в Москве с А. А. Андреевым и Г. М. Маленковым в начале октября 1941 г. По согласованию с И. В. Сталиным секретариат ЦК ВКП(б) подготовил соответствующие данные и вооружил ими местных партийных руководителей.

ИЗВЕЩЕНИЕ.

Фамилия Имя Отчество ... Савин ... [illegible]

Адрес ... [illegible] ...

На основании постановления СНК СССР. от [illegible]-го июля 1941 года. Вам предлагается немедленно не позже [illegible]-го июля 1941 года сдать ваш радиоприемник в радиоузел Ленина 76, на временное хранение. Не сдача будет рассматриваться по закону военного времени.

Начальник Каменского отделения связи: [signature] /[illegible]

Извещение о необходимости сдать радиоприемник
на основании Постановления СНК от 25 июля 1941 г.

КАМЕНСКАЯ КОНТОРА СВЯЗИ РОСТ. ОБЛ.

КВИТАНЦИЯ № 61

Выдана т. Савину имя [illegible] отчество [illegible]

Проживающего по М-Горького № 1

В том что от него принят на хранение радиоприемник

Приемник тип [illegible]

Переметчик [illegible]

[illegible] 194 года Начальник связи [signature]

М. П.

[signatures]

3214—41 г.

Квитанция о принятии на временное хранение приемника

Кто были ваши поработители?

Кто залил вашу землю потоками слез и крови?

Жиды и их приспешники-коммунисты!

Кто снял с вас последнюю рубаху? Кто выжал из вас последние соки? **Жиды и их приспешники-коммунисты!**

Кто вывез весь хлеб из ваших амбаров и заставил вас голодать? **Жиды и их приспешники-коммунисты!**

Кто доносил на вас, кто высылал вас с насиженных мест, обрекая вас этим на голодную смерть?

Жиды и их приспешники-коммунисты!

Кто заживо гноил вас в концлагерях и тюрьмах?

Жиды и их приспешники-коммунисты!

Кто замучил в застенках НКВД миллионы ваших отцов, матерей, ваших мужей, жен и детей?

Жиды и их приспешники-коммунисты!

Не забывайте никогда!

Что жиды — это злейшие враги вашего народа!

Что [illegible] лишь для того, чтобы добиться для себя мирового владычества.

Интернационал — это власть жидов.

В Советском Союзе, а также и в капиталистических государствах вся власть находится в руках жидов.

Жиды-капиталисты об'единились с жидами коммунистами и борятся с государством истинной свободы и настоящего социализма — Германией.

Немецкая листовка

...тский Союз — царство жидов. Сталин — только ...вывеска, а за его спиной прячутся все эти Кагановичи, ...бельсоны, Финкельштейны и прочий жидовский кагал. Чтобы обмануть вас, они скрываются под русскими фамилиями.

Не забывайте никогда!

Что жидовская пропаганда врала вам, говоря, что Советский Союз — рай трудящихся. На самом деле там царила самая вопиющая социальная несправедливость.

В Советском Союзе царил государственный капитализм — самая ужасная форма капитализма.

Под гнетом этого государственного капитализма изнемогали от непосильного труда рабочие и крестьяне Советского Союза.

Жиды и их приспешники-коммунисты жестоко эксплоатировали трудящихся Советского Союза, а сами вели разгульную и привольную жизнь.

Теперь настал конец этой жидовской эксплоатации и обману.

Адольф Гитлер, сам сын рабочего

освободил германских рабочих и крестьян от кровавой жидовской эксплоатации.

Он спас их, предотвратив нападение на Германию жидовского колосса и убийцы — Сталина.

Адольф Гитлер прогнал жидов и их приспешников-коммунистов.

Помогайте всеми силами устранить скорее последствия этой несчастной войны. Вас ждет счастливая жизнь.

Пойдем все за Адольфом Гитлером к лучшему будущему, к новой счастливой жизни!

О качестве пропагандистских материалов, с которыми идеологи и представители властей шли в массы, можно судить по следующим фактам. В ноябре 1941 г. секретарь Горьковского ГК ВКП(б) Юрасов в докладе на пленуме горкома партии вслед за И. В. Сталиным, выступившим в годовщину Октября в Москве, повторил, что за четыре месяца войны враг потерял убитыми, ранеными и пленными 4,5 млн человек, и на основании этого заключил: «В значительной мере гитлеровская военная машина сейчас уже надломлена»[73]. Год спустя на пленуме Куйбышевского обкома ВКП(б) начальник местного Управления НКВД Блинов «довел» потери противника до 10 млн человек[74]. Если принять во внимание, что безвозвратные людские потери вооруженных сил Германии на советско-германском фронте за всю войну составили 6 млн 46 тыс. человек, включая умерших от болезней, погибших в результате происшествий, несчастных случаев и прочего, а с учетом санитарных потерь — 13,7 млн человек[75], то становится очевидным масштаб дезориентации общественного сознания.

Вскоре после сталинского выступления по радио 3 июля 1941 г. секретари Центрального комитета и обкомов ВКП(б) начали требовать решительной борьбы с «болтунами и шептунами». Влияние партийных установок ощущал каждый оперативный работник. Собрание коммунистов УНКВД по Челябинской области 16 октября 1941 г. приняло резолюцию, в которой говорилось: «Враг старается вызвать панику, неуверенность. Он засылает для этого своих агентов-провокаторов... Фашистские агенты распространяют всякие небылицы, панические слухи, стремятся сеять национальную рознь, вербуют шептунов и провокаторов»[76]. Искаженные оценки реальных фактов вели к усилению репрессий на местах, нередко с нарушениями законности.

В условиях войны особую социальную опасность представляли призывы к забастовкам и расправам над коммунистами. Распространение анонимных листовок, писем и надписей с такими призывами фиксировалось в промышленных городах и даже непосредственно в цехах промышленных предприятий. Но в других случаях, которых было большинство, в анонимных проявлениях лишь отражалось реальное бедственное положение людей, резко критиковались местные и центральные органы власти за неспособность защитить интересы народных масс. Тем не менее распространение и таких анонимных документов квалифицировалось как контрреволюционное преступление, их авторы подлежали оперативному розыску и уголовному наказанию за контрреволюционную пропаганду. Однако удельный вес этой категории арестованных с каждым годом снижался, всего за военный период за антисоветскую агитацию и пропаганду территориальными органами госбезопасности были арестованы 131 178 человек. Анализируя статистику арестов, необходимо обратить внимание в первую очередь на негативные стороны общественно-политической жизни военного времени, так как именно там кроются реальные причины социальных проявлений, на выявление, предупреждение и пресечение которых были ориентированы органы государственной безопасности.

Возрастание различного рода трудностей в тылу объективно было связано с экстремальными условиями военного времени. Обстановка требовала значительного увеличения производства продукции для фронта и неизбежно вела к усилению физических и моральных нагрузок трудящихся. Лозунг «Всё для фронта, всё для победы!» стал непреложным законом работы в тылу. Принцип «Достичь цели любой ценой» был возведен в абсолют, зачастую в ущерб жизненно важным интересам граждан, без учета резкого снижения их жизненного уровня. К лету 1942 г. продовольственные затруднения стали ощутимы не только в городах, но и в сельской местности тех областей, где было размещено большое количество эвакуированных. Это являлось дополнительным фактором социальной напряженности.

Положение усугублялось широкомасштабной бесхозяйственностью и хищениями. О тысяче тонн сгнившего при хранении зерна идет речь только в одном спецсообщении УНКВД по Куйбышевской области, направленном в местный обком ВКП(б). Десятки пудов зерна исчезали, порой бесследно, с пунктов заготовки и хранения, сотни тонн хлеба в ряде областей расходились помимо официальных каналов реализации. Перерасход хлеба был тесно связан с преступными махинациями, разбазариванием, так называемым «самоснабжением»

должностных лиц и спекуляцией. Все это сокращало и без того скудные запасы продуктов, оставляемых в тылу на собственные нужды после обязательного выполнения государственных поставок. Как результат — перебои снабжения хлебом, произвольное сокращение местными властями хлебных норм в полтора-два раза, что вызывало негативную реакцию в трудовых коллективах. Даже заводская столовая не была гарантированным источником питания. Дело в том что к заводским столовым прикреплялись лица, к заводам никакого отношения не имеющие, обмеры и обвесы чередовались с исчезновением сотен килограммов мяса, масла, жиров, сахара, хлеба и других продуктов. Поэтому порции произвольно сокращались, и порой часть рабочих возвращалась в цеха, вообще ничего не получив в столовой. Подобные факты вызывали наиболее острое недовольство трудящихся. Заметное влияние на их политические настроения оказывало и отсутствие нормальных жилищно-бытовых условий в промышленных городах, население которых после размещения эвакуированных резко увеличилось.

Во исполнение указа Президиума Верховного Совета СССР от 26 декабря 1941 г. «Об ответственности рабочих и служащих предприятий военной промышленности за самовольный уход с предприятий» некоторые руководители вместо тщательного изучения причин каждого нарушения производственной дисциплины вставали на путь жесткого администрирования, зачастую необоснованного привлечения рабочих к уголовной ответственности.

Картина оперативной обстановки в тылу будет неполной, если оставить без внимания «неблагонадежные элементы», которых по политическим мотивам переводили из Красной армии в строительные батальоны или через военкоматы направляли в многочисленные рабочие колонны. Отношение к ним ответственных руководителей не было однозначным: с одной стороны — использование стройбатовцев позволяло порой достигать высоких результатов в строительных работах штурмовыми методами, но с другой — труд этих десятков тысяч людей, заведомо поставленных в значительно худшие по сравнению с другими рабочими материальные и бытовые условия, носил наиболее выраженный принудительный характер. В силу этого в большинстве своем он не был эффективным и, главное, постоянно сопровождался выражением рабочими недовольства своим положением. Именно последнее обстоятельство в значительной степени определяло к ним отношение: командиры производства шли на применение этой в большинстве своем малоквалифицированной рабочей силы только из-за безвыходного положения в связи с нехваткой рабочих рук. На всех уровнях руководства считалось, что личный состав строительных батальонов и рабочих колонн не внушает политического доверия. Здесь, видимо, сказывалось то обстоятельство, что личный состав стройбатов и рабочих колонн иногда на 85% состоял из лиц, до 1939–1940 гг. проживавших за пределами СССР, имевших за рубежом родственные и иные связи. Этого в то время было достаточно, чтобы безапелляционно утверждать о наличии фашистской агентуры, которая «вклинилась на оборонные предприятия». Отсюда логически вытекала необходимость «оперативно-чекистского обслуживания» этой принудительно-трудовой армии. Приказом НКВД СССР от 26 ноября 1941 г. новую линию оперативной работы Л. П. Берия возложил на секретно-политические отделы, которым предоставлялись дополнительные штаты.

Трудности и лишения военного времени подавляющее большинство трудящихся переносило мужественно и терпеливо. Проявления недовольства рабочих и служащих были бы абсолютно незначительными, если бы не сказывались некоторые субъективные факторы. Прежде всего необходимо отметить, что в повседневной работе сотрудники органов государственной безопасности сталкивались с многочисленными фактами бездушного отношения к согражданам со стороны государственных и партийных чиновников. Особенно негативно воспринимались трудящимися действия должностных лиц, формально носившие законный характер. В таких случаях недовольство переносилось с конкретного бюрократа на всю социально-политическую систему. Территориальные органы государственной безопасности систематически получали тревожащие их сведения о фактах и проявлениях с «возможными политическими последствиями», и такая информация потоком шла в инстанции, но обстановка в лучшую сторону менялась недостаточно быстро. В деятельности районных,

городских и областных исполкомов Вологодской, Куйбышевской, Пензенской, Рязанской, Свердловской, Челябинской, Чкаловской областей и некоторых автономных образований РСФСР сотрудниками органов госбезопасности были вскрыты грубейшие нарушения законов при назначении пособий и льгот семьям красноармейцев. Необоснованные отказы в ходатайствах, волокита, занижение размеров пособий для одних и завышение для других, непредоставление льгот по налогам, госпоставкам и квартплате, применение незаконных санкций — вот далеко не полный перечень поводов для жалоб и предпосылок антисоветских проявлений. Злоупотребления должностных лиц воспринимались трудящимися поначалу как извращения политики партии и правительства, и в совокупности с резким обострением материальной нуждаемости вызывали значительное возрастание количества личных писем родным и знакомым фронтовикам с жалобами на эти извращения и на представителей местной власти.

О масштабах нарушений законодательства в отношении семей военнослужащих можно судить по следующему факту: в Куйбышевской области с 5 февраля по 5 марта 1942 г. в потоке почтовой корреспонденции было зафиксировано и конфисковано 231 письмо родственникам-красноармейцам с жалобами на непредоставление льгот и пособий. Жалобы эти носили семейно-бытовой характер, практически не могли улучшить положение их авторов, да и достичь адресатов могли только в случаях недобросовестности или невнимательности контролера службы политического контроля или невозможности обеспечить стопроцентный контроль над почтовыми отправлениями. Но и официальные обращения к властям были малополезными для заявителей: из центральных инстанций жалобы, как правило, возвращались на места — к тем, на кого жаловались. Проверка, естественно, заканчивалась неподтверждением фактов или частичными мерами для отписки наверх. Значительная часть жалоб рассматривалась с грубейшими нарушениями сроков или не рассматривалась вовсе.

Произвол местных властей проявлялся и в решении хозяйственных задач. Широко практиковались разного рода мобилизации и дополнительные виды трудовой повинности. Делалось все это на основании постановлений исполкомов местных Советов, которые совершенно произвольно вводили ответственность «по законам военного времени» за неисполнение своих нормативных актов. Как подчеркнул в апреле 1942 г. в циркулярном письме заместитель председателя СНК РСФСР А. А. Пекшев, местные органы власти грубо нарушали права и законные интересы граждан. Именно этими действиями провоцировались антисоветские проявления. В конце концов, 10 августа 1942 г. СНК СССР был вынужден принять специальное постановление о порядке привлечения граждан к трудовой повинности, в соответствии с которым в местностях, не объявленных на военном положении, она могла вводиться только по постановлению СНК СССР.

Несмотря на ужесточение законодательства, должностные преступления продолжали носить распространенный характер. Территориальные органы государственной безопасности вскрывали многочисленные факты злоупотреблений служебным положением и информировали о них местные комитеты ВКП(б). Семейственность, пьянство, моральное разложение, грубость, поборы, косвенное и прямое участие в преступных махинациях, хищениях и спекуляции — далеко не исчерпанный перечень, убедительно свидетельствующий, что перерождение части номенклатурных кадров произошло задолго до Великой Отечественной войны, а в ее ходе лишь проявилось со всей очевидностью. Опираясь на множество фактов, можно проследить взаимосвязь: там, где переродившиеся номенклатурные кадры возглавляли партийно-государственные органы и общественные организации, идеологическая работа оказывалась запущенной, производительность труда снижалась, связь с массами утрачивалась и фиксировались так называемые «антисоветские» проявления со стороны рабочих и служащих.

Исходя из объективной оценки обстановки многие оперативные работники и их начальники считали, что беспощадная борьба с конкретными должностными лицами, извращавшими суть политической работы и злоупотреблявшими служебным положением, является одним из важнейших условий победы над врагом. На деле, однако, одержать верх над этими

«носителями извращений» было не так-то просто. Круговая порука среди них оказывалась порой настолько мощной, что борьба с должностными преступлениями была практически парализованной, а усилия в интересах дела повлиять на оперативную обстановку сводились на нет и почти полностью исчерпывались информацией в партийные инстанции. Другого механизма реализации возможностей органов госбезопасности не существовало.

Обобщая материалы по антисоветской агитации и пропаганде, следует особо подчеркнуть, что с самого начала и в ходе Великой Отечественной войны органами госбезопасности фиксировался переход на патриотические позиции значительной части лиц, которые находились в поле зрения органов госбезопасности как антисоветские элементы. В связи с этим почти во всех органах госбезопасности имело место прекращение агентурных разработок. Зафиксированы не единичные случаи, когда объекты этих разработок, перешедшие на патриотические позиции, в дальнейшем проявляли себя только положительно и за свой самоотверженный труд награждались орденами и медалями.

Обеспечение ритмичности и безопасности работы оборонных предприятий

Постановлением ГКО «Об охране важнейших промышленных предприятий» от 8 августа 1941 г., а также директивами НКВД от 8 и 26 августа 1941 г. особое внимание обращалось на обеспечение бесперебойной работы объектов оборонных отраслей промышленности: авиастроения, боеприпасов, вооружений, станкостроения, танкостроения, электростанций, нефтедобывающей, нефтеперерабатывающей, резиновой и химической промышленности, а также органов связи. Исходя из главной задачи — безусловного выполнения производственных программ, результатом и целью работы оперативного состава стали участие в организации изготовления и поставок военной продукции фронту, содействие бесперебойной работе промышленных предприятий и транспорта, осуществление контроля над ходом выполнения производственных заданий ГКО и СНК СССР. Вся эта работа в военное время приобрела особое значение.

Задача осложнялась тем обстоятельством, что многие заводы должны были в кратчайшие сроки освоить новые виды необходимых фронту изделий, полностью перейти на выполнение военных заказов, среди которых было множество особо срочных и важных, в том числе по восстановлению прерванных эвакуацией или налаживанию новых производственных связей. В этих условиях роль оперативных подразделений органов государственной безопасности заключалась в контроле над ходом производства военной продукции, транспортировкой остродефицитных материалов, сырья, комплектующих изделий и других особо важных грузов. Вводилась личная ответственность оперативных работников за деятельность обслуживаемых ими объектов экономики, успешную реализацию заданий ГКО и правительственных заказов. В этих же целях практиковалось создание специальных оперативных групп.

Об огромном напряжении, с которым приходилось работать оперативному составу в первые военные месяцы, говорит следующий факт: в экономический отдел УНКВД по Горьковской области из Наркомата внутренних дел в среднем каждые три дня поступала очередная телеграмма с требованиями о принятии самых решительных мер по вопросам, связанным с выпуском оборонной продукции, транспортировкой деталей, заготовок, металла и других грузов. Просьбы аналогичного содержания из территориальных органов НКВД поступали в еще большем количестве. Выполняя соответствующие приказы и указания, оперативный состав был вынужден вмешиваться в производство. Недостаточно энергичная работа по контролю над производственным процессом становилась предметом острой критики со стороны руководителей подразделений и центрального аппарата НКВД.

РАССЕКРЕЧЕНО
~~Сов. секретно~~

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ КОМИТЕТ ОБОРОНЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ № ГКО-1сс.

от „1" июля 1941 г. Москва, Кремль

ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ПРОИЗВОДСТВА СРЕДНИХ ТАНКОВ Т-34 НА ЗАВОДЕ "КРАСНОЕ СОРМОВО".

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать Наркомсудпром – т.Носенко:

а) немедленно приступить на заводе "Красное Сормово" к производству средних танков Т-34. Выпуск танков начать с 1.IX.1941г.;

б) немедленно приступить на Кулебакском заводе к производству бронелистов для танков Т-34.

Подачу бронелистов заводу "Красное Сормово" начать с 1.VIII.1941г.

2. Обязать Наркомсредмаш – т.Малышева немедленно приступить в цехе авиамоторов Горьковского автозавода к производству авиамоторов М-17.

Выпуск авиамоторов М-17 начать с 1.IX.1941г.

3. Разрешить Наркомсудпрому устанавливать на танках Т-34 авиамотор М-17.

4. Обязать Наркомсредмаш – т.Малышева к 10 августа с.г. закончить испытания мотора М-17 работой на газойле. При положительных результатах перевести работу мотора М-17 на газойль.

5. Обязать Наркомчермет – т.Тевосяна обеспечить бесперебойную подачу слитков броневой стали с Выксунского завода Кулебакскому заводу НКСП в количествах, обеспечивающих выполнение программы по броне.

6. Установить, что во всех расчетах о производстве танков, авиамоторов и брони исходить из программы выпуска танков Т-34 в 1941г. 700-750 штук и в 1942г. – 3000 танков.

7. Привлечь к производству танков Т-34 и авиамоторов М-17 заводы г.Горького и области: "Двигатель революции" НКТМ, Выксунский завод "ДРО" НКСтанкостроения, Муромский паровозоремонтный завод НКПС, "Гудок Октября" НКОМ, завод им.Свердлова НКМТП РСФСР и завод "Красный якорь" НКСП.

т.Малышеву установить об"ем кооперации по производству танков и моторов по этим заводам.

8. Обязать Наркомстанкостроение – т.Ефремова отгрузить Горьковскому автозаводу для производства авиамоторов М-17 металлорежущих станков по спецификации Наркомсредмаша – в июле – 300 станков и в августе – 200 станков.

Отгрузку произвести впереди всех других потребителей.

Постановление ГКО о начале производства танков Т-34 на заводе «Красное Сормово». 1941 г.

Так, например, было в последние дни 1941 г., когда завод «Красное Сормово» в г. Горький сорвал задание ГКО по производству танков Т-34, поскольку оказался полностью исчерпан запас радиаторов. Местное руководство УНКВД заявило, что виновником такого положения является Сормовский горотдел УНКВД, который был обязан информировать не за пять дней до полного использования запаса радиаторов, а гораздо раньше, чтобы через партийные и правительственные органы своевременно принять соответствующие меры. В пример другим поставили сотрудников Автозаводского горотдела: когда оказалась проваленной программа производства минометов на Горьковском автозаводе, нарком Л. П. Берия приказал закрепить на заводе «сколько угодно чекистов», но таких, которые бы смогли любым способом «вытащить» производственную программу. Указание наркома сотрудники отдела выполнили. В другом случае они предотвратили угрозу срыва производства легких танков Т-60 из-за неудовлетворительных поставок комплектующих деталей. Навстречу транспортным грузовикам горотдел направил легковые автомашины, на которые перегрузили часть дефицитных деталей и привезли на заводскую сборку. График производства танков был обеспечен, и до конца 1941 г. автозавод выпустил 1320 легких танков, сыгравших немалую роль в успехе контрнаступления Красной армии под Москвой.

В такой форме реализовывалась прямая обязанность органов государственной безопасности — контроль над производством и обеспечением важных оборонных заказов. Вместе с тем выполнение этих функций вело в определенной степени к подмене деятельности хозяйственных и административных подразделений экономических объектов. Начальник УНКВД по Челябинской области Булкин в одной из спецзаписок в местный обком ВКП(б) о причинах срыва Челябинским тракторным заводом выпуска танков отметил, что снабженцы забыли заказать на заводах-поставщиках ряд деталей, которых на складах числилось больше, чем оказалось в действительности, поскольку полностью отсутствовал контроль над наличием и хранением деталей на складах.

От органов госбезопасности требовалось немедленно реагировать на все так называемые «узкие места» в военной экономике, безотлагательно «обрушиваться всеми средствами» и добиваться скорейшего устранения помех, которые, как тогда зачастую считалось, умышленно направлены на срыв поставок фронту и создаются по заданию германских разведывательных органов. Так в формах борьбы с противником осуществлялись хозяйственно-организаторские функции, возложенные на органы государственной безопасности. Это не могло не дезориентировать оперативных работников в оценке ими действительных причин экономических проблем. В случае срыва производственной программы на каком-либо объекте экономики работа подразделения органа госбезопасности, осуществлявшего его агентурно-оперативное обслуживание, оценивалась, как правило, также неудовлетворительно. Это хорошо просматривается на примере обеспечения изготовления минометов. Согласно заданию ГКО, выпуск минометов во второй половине 1941 г. должен был резко возрасти. Эту задачу перед наркомом вооружения Д. Ф. Устиновым и конструктором Б. И. Шавыриным поставил лично И. В. Сталин, что само по себе говорило о ее важности. К производству минометного вооружения привлекли множество заводов, отдельные из них играли ключевую роль. К последним относился Первоуральский новотрубный завод в Свердловской области, который война сделала главным поставщиком труб для производства танков, самолетов, реактивных снарядов, гранат и минометов. 17 ноября 1941 г. из Наркомата внутренних дел на имя начальника УНКВД по Свердловской области Борщева ушла телеграмма за подписью Л. П. Берии, требовавшего устранить задержки поставок минометных труб с завода и направить для этого в г. Первоуральск ответственного работника УНКВД, которому вменить в обязанность организацию немедленной отгрузки готовой продукции. Кроме того, Л. П. Берия приказал обеспечить сопровождение оперативным работником УНКВД каждого эшелона или вагона с минометными трубами до места назначения. В случае задержки в пути сопровождающий должен был немедленно принимать решительные меры для быстрейшего продвижения груза, а после исполнения задания доложить об этом в Транспортное управление НКВД.

Работу всех заводов, находившихся в оперативном обслуживании, должны были взять под личный контроль начальники отделов управлений НКВД и нести ответственность за своевременное и решительное применение мер пресечения всех попыток срыва производства и отправки на фронт военной продукции. Информация о состоянии дел поступала в управления НКВД, оттуда — в партийные органы и центральный аппарат НКВД для соответствующего реагирования. На основании поступающей с мест информации и по материалам собственного контроля над деятельностью территориальных органов госбезопасности в Наркомате внутренних дел 28 ноября 1941 г. появился циркуляр, в котором нашли свое отражение существенные недостатки в работе по агентурно-оперативному обслуживанию оборонных предприятий и осуществлению работниками территориальных органов НКВД личного контроля над производством вооружения и выполнением заводами заданий ГКО и военных заказов. В документе констатировалось также, что многие заводы сорвали выпуск вооружения, особенно минометов и противотанковых пушек.

По мнению майора госбезопасности Ткаченко, подписавшего названный документ, к такому положению привело неудовлетворительное состояние агентурно-оперативной работы на оказавшихся в прорыве заводах, а также незнание оперативными работниками производства, отсутствие контроля над восстановлением эвакуированных предприятий и непринятие решительных мер к разоблачению и привлечению к ответственности саботажников. В циркуляре со ссылкой на указания Л. П. Берии предлагалось поставить на данный участок работы опытных оперативных работников, хорошо знающих промышленное производство конкретного объекта. От них требовалось через агентов и осведомителей и самим лично выявлять причины невыполнения планов выпуска военной продукции, немедленно устранять их на месте через партийные и хозяйственные органы, привлекая к уголовной ответственности лиц, срывающих работу, и саботажников. В случаях, если вскрытые причины устранить на месте не представлялось возможным, следовало немедленно ставить о них в известность Наркомат внутренних дел для своевременного принятия необходимых мер через соответствующие инстанции. И вновь внимание руководителей территориальных органов НКВД обращалось на необходимость повседневного контроля над выпуском военной продукции и восстановлением эвакуированных предприятий.

Сотрудникам органов госбезопасности приходилось заниматься, на первый взгляд, малозначительными производственными вопросами, не имеющими прямого отношения к обеспечению безопасности государства. Однако даже незначительные аварии и поломки оборудования порой настолько сбивали ритм производства, что ставили под угрозу срыва выполнение заданий ГКО. Подобная ситуация сложилась, например, летом 1942 г. на электростанции г. Балахны Горьковской области: вследствие мелких аварий из-за «распущенности и безответственности многих работников» участились случаи перебоев в подаче электроэнергии заводам, производящим вооружение, танки, боеприпасы и другие виды продукции для фронта. Для обеспечения нормальной работы этого важнейшего экономического объекта области пришлось принимать чрезвычайные меры с использованием возможностей Управления НКВД. Его руководитель В. С. Рясной приступил к делу со следующей оценки работы Балахнинского горотдела НКВД: начальник отдела не осознал, что его главной задачей являлось обеспечение бесперебойной работы электростанции и беспощадное «выкорчевывание» враждебных элементов, поэтому внимание агентурно-оперативному обслуживанию станции уделялось незначительное, агентурных разработок не было. На основании этого следовал вывод, что такая работа не гарантирует от возможного совершения диверсионных актов. Порядок на электростанции начали наводить под видом борьбы с враждебными элементами, и в целях создания условий, исключающих возможность их пребывания на объекте и гарантирующих бесперебойную работу станции, начальник УНКВД приказал немедленно установить там постоянное дежурство сотрудников УНКВД в две смены по 12 часов. Задачи, права и обязанности этих представителей органов государственной безопасности на электростанции были определены следующие:

— непрерывно наблюдать за работой агрегатов, производственных участков и звеньев управления;

— обо всех отклонениях в работе немедленно ставить в известность администрацию станции, требуя срочного принятия необходимых мер;

— в случаях, когда должностные лица проявят медлительность и саботаж «в деле предотвращения» назревающих аварий и перебоев в работе станции, немедленно ставить в известность начальника УНКВД или лично принимать меры к предотвращению угрозы перебоев в работе станции;

— выявлять лиц, «подозрительных по диверсии, шпионажу, саботажу», и «ставить вопрос» о их немедленном аресте;

— осуществлять формирование и руководство работой противодиверсионной осведомительной сети;

— контролировать и всемерно улучшать охрану станции, обеспечивая невозможность проникновения на нее посторонних;

— ежедневно докладывать в УНКВД о работе электростанции и оказывать всемерную помощь местному горотделу НКВД в разработке лиц, имеющих отношение к объекту;

— для ликвидации угрозы срыва работ станции получать необходимое количество заключенных в колонии № 7 УИТЛК НКВД, начальник которой был обязан беспрекословно выполнять распоряжения ответственного дежурного УНКВД по этому вопросу.

Полномочия ответственного дежурного УНКВД, который подчинялся непосредственно начальнику территориального органа государственной безопасности, показывают, что, несмотря на попытки придать деятельности дежурного контрразведывательный характер, в действительности это была реализация методов внеэкономического принуждения в преодолении хозяйственных проблем. Функции сотрудников госбезопасности сводились к обеспечению надежного государственного контроля над производством электроэнергии.

В наиболее напряженные месяцы 1941 и 1942 гг. органам госбезопасности приходилось подключаться и к преодолению узковедомственных интересов, которые порой проявлялись даже на уровне отдельных предприятий. Особенно это было актуально в период эвакуации и восстановления промышленных предприятий, когда рвались производственные связи и для выполнения плана использовалась любая удобная возможность заполучить сырье, материалы, топливо и прочее, не задумываясь об ущербе общему делу. Чем больше имел полномочий тот или иной представитель какого-либо наркомата, тем решительнее он действовал в интересах своего ведомства, нередко в ущерб другим. Когда эти противоречия обострялись, приходилось вмешиваться органам государственной безопасности.

В феврале 1942 г. директор Кировского завода в Челябинске И. М. Зальцман, который одновременно являлся заместителем наркома танковой промышленности, прибыл в Нижний Тагил, где сдерживался выпуск танков Т-34. Произведя значительную перестановку кадров на местном заводе, он отправился в Свердловск и подробно выяснил, какие эшелоны с эвакуированными заводами стоят на железнодорожных путях и какое в них оборудование. Несколько вагонов с нужными станками Зальцман немедленно отправил в Нижний Тагил, а на заводе № 183 закрыл производство передков для 76-мм пушек, поставляемых Наркомату вооружения.

Своеобразной реакцией на поведение И. М. Зальцмана в Свердловской области стала проверка использования станков и оборудования на возглавляемом им Кировской заводе, проведенная силами УНКВД по Челябинской области при непосредственном участии группы ЭКУ НКВД под руководством начальника 3-го отделения 2-го отдела Экономического управления НКВД Борисковского. В результате проверки появилось спецсообщение в обком ВКП(б) от 2 апреля 1942 г., где утверждалось, что на заводе значительная часть станков простаивает или используется не на полную мощность, приведены примеры того, как в одном цехе из 900 исправных станков 300—350 штук ежедневно простаивали, а в другом стояла без работы пятая часть станков. Представленная в обком партии информация содержала предложение изъять с Кировского завода избыточное оборудование и «перебросить» его

нуждающимся заводам. Для принятия мер по улучшению использования оборудования на Кировском заводе было решено создать экспертную комиссию.

Подобное комплексное изучение состояния дел на заводах оборонных отраслей промышленности органы государственной безопасности в 1942 г. практиковали довольно широко, при этом разрабатывался план выяснения через агентов и осведомителей всех возможных причин, нарушающих нормальную работу объекта. После подбора соответствующей агентуры следовала тщательная разработка задания каждому агенту и осведомителю, чтобы получать от них подробную информацию по интересующим органы госбезопасности вопросам. Это позволяло принимать эффективные меры для улучшения дел по выпуску оборонной продукции.

Признавая реальные возможности Л. П. Берии, непосредственно к нему как к заместителю Председателя СНК СССР нередко обращались со своими нуждами директора заводов различных наркоматов. Например, в начале 1943 г. директора Горьковского автозавода Лоскутов, авиационного завода № 21 Агуреев и исполняющий обязанности директора артиллерийского завода № 92 Олевский сообщили, что директору химического завода № 96 из Наркомата химической промышленности дано указание передать часть бутан-бутиленовой фракции для переработки на авиационное горючее. Бутан-бутиленовая фракция использовалась автомобильным транспортом и некоторыми производственными участками местных заводов, потребность которых полностью не удовлетворялась. При оставлении в силе распоряжения Наркомата химической промышленности создавалась угроза срыва нормальной работы особо важных заводов, о чем Л. П. Берия ставился в известность.

Нередко случалось, что в ходе изучения производственной деятельности того или иного предприятия оперативные работники вскрывали факты различного рода приписок и очковтирательства, прибегая к которым, администрация создавала видимость бесперебойной работы производственных цехов, благополучного выполнения плана. Порой подобные действия допускались с молчаливого согласия руководителей наркоматов и военпредов. Наиболее распространены были факты завышения данных о количестве изготовленных изделий, «чтобы скрыть развал работы и позорные итоги». Практиковалось также «искусственное выполнение» производственной программы в стоимостном выражении за счет заведомо более дорогой продукции. Некоторые начальники производства, располагая приятельскими связями в своих наркоматах, добивались корректировки планов в сторону их уменьшения, нередко это делалось необоснованно, сопровождалось ущемлением интересов родственных предприятий, формировало нездоровую конкуренцию.

С учетом ущерба, которой наносили обороноспособности страны подобного рода проявления, органы государственной безопасности немало сделали для снижения негативных последствий хозяйственных и должностных преступлений. Информация о преступных злоупотреблениях служила основанием для заведения уголовных дел, но чаще всего она в форме спецсообщений поступала в партийные органы для соответствующего реагирования. Некоторое представление о содержании спецсообщений в партийные органы дает информация УНКВД по Челябинской области от 3 октября 1942 г., подписанная начальником управления Дроздецким: «Сентябрьская программа по выпуску танков КВ-1с и Т-34 Кировским заводом не выполнена. На 13 часов 1 октября с. г. прошли пробеги (заводской и военпредовский) 105 машин Т-34 и 156 машин КВ-1с. Из них опломбировано военпредом: Т-34 — 97, КВ-1с — 147 вместо 300 Т-34 и 180 КВ-1с по сталинскому заданию. 2 октября с. г. директор завода Манохин С. Н. приказал начальнику ОТК завода Купчину Н. Г. оформить в счет сентябрьской программы 220 машин Т-34 и 180 машин КВ-1с, о чем доводим до вашего сведения».

Подобные проявления приобрели настолько широкий размах, что полностью искоренить их не удалось: очковтирательство, приписки и преступные махинации фиксировались органами государственной безопасности не только в кризисных 1941–1942 гг., но и в относительно благополучном для работы промышленности 1943 г. Так, в спецсообщении в ОК ВКП(б) из УНКВД по Куйбышевской области от 14 января 1943 г. «О намечающемся срыве январского графика завода № 24 НКАП по выпуску моторов АМ-38 и антигосударственной практике директора завода Жезлова» говорится: «Руководство завода № 24 в лице

директора Жезлова, главного инженера Куинджи, начальника производства Чернышова и главного диспетчера Минасбекова обманывают правительство и партийные органы путем дачи неверных производственных показателей... Руководство завода совместно со старшим военным представителем Кочетковым договорились и выписали фиктивные документы, датированные декабрем, на все несданные моторы. Таким образом, на 5 января 1943 г. завод не приступил еще к выполнению январской программы, а занимался доукомплектовкой и выпуском моторов декабрьского плана 1942 г.».

Недостатки и злоупотребления в снабжении населения промышленными и продовольственными товарами также наносили определенный ущерб тылу, так как приводили к социальной напряженности и антиправительственным настроениям. Вопрос оказался настолько серьезным, что в областных и городских комитетах партии были созданы отделы торговли и общественного питания во главе с секретарями соответствующих партийных комитетов. Но должным образом развернуть борьбу с хищениями и спекуляцией не удавалось, и в немалой степени это зависело от позиции органов власти на местах. Как отмечалось на бюро Свердловского областного комитета ВКП(б), райкомы и горком партии самоустранились и передоверили заботу о трудящихся работникам торговли и общественного питания. В итоге — «излишняя нервозность» среди населения. По аналогичному поводу образно выразился секретарь Удмуртского ОК ВКП(б) Чекинов, заявив, что за время войны возле продуктов развелось очень много «жуков» и прочих вредных «насекомых», которые ничего не стеснялись и никого не боялись, обнаглели настолько, что тащили не только для себя, но и снабжали продуктами своих знакомых. В конце концов, к наведению порядка в «товаропроводящей сети» подключили органы государственной безопасности.

20 апреля 1942 г. Л. П. Берия подписал приказ, которым возложил на ЭКУ НКВД и соответствующие подразделения территориальных органов госбезопасности оперативно-чекистское обслуживание объектов Наркомата торговли, Центрсоюза, Всекопромсовета. Требовалось создать агентурно-осведомительную сеть, через которую выявлять антисоветский и иной преступный элемент и вести его разработку, вскрывать факты вредительства, антигосударственной практики планирования, организованного хищения, злоупотреблений с продовольственными карточками и других действий, направленных на срыв снабжения населения продовольственными и промышленными товарами. Кроме того, созданные за счет штатов ЭКО в территориальных управлениях НКВД оперативные группы должны были собирать информацию для партийных и советских органов о недостатках в снабжении населения продуктами и промышленными товарами.

Полностью доверить такую работу самим сотрудникам партийных и советских аппаратов, видимо, было невозможно: попытки навести в торговле порядок наталкивались на сопротивление отдельных представителей этих аппаратов. Круговая порука среди них действовала порой настолько мощно, что существенно снижала эффективность усилий органов государственной безопасности повлиять на обстановку в интересах трудящихся. Среди архивных источников эту тему наиболее детально раскрывают материалы привлечения к уголовной ответственности в начале 1942 г. в Челябинской области управляющего Кыштымского медьпродснаба Черемных, директора Кыштымского пищепрома Ушакова и начальника цеха этого же предприятия Бахарева, которые занимались хищениями продуктов, имели на дому значительные их запасы и спекулировали ими.

В ходе предварительного следствия работники райотдела госбезопасности установили, что названные лица систематически транжирили фонды нормированных продуктов, снижая вследствие этого нормы снабжения заводских столовых. По спискам, составленным секретарем районного комитета ВКП(б) Захаровым и председателем райисполкома Трошковым, из медьпродснаба отпускались фондированные товары в «неограниченном количестве» директорам и главным инженерам электролитного и механического заводов, третьему секретарю райкома партии и другим лицам, включая самих составителей списков. После того как об их соучастии в хищениях обвиняемые стали давать показания, началось давление вначале на начальника районного отдела УНКВД Минеева и районного прокурора Иконникова, а

затем на народного судью Гусеву и помощника областного прокурора Филатову. Секретарь районного комитета ВКП(б) Захаров требовал сохранить его авторитет как партийного работника, был встревожен, что на суде получит огласку информация о функционировании магазина-распределителя, разрешение на открытие которого дал лично секретарь обкома, заведующий отделом торговли и общественного питания Кузьмин. Начальнику районного отдела УНКВД партийный руководитель неоднократно внушал: всех снабжать одинаково нельзя, а ответственные работники не должны ощущать никаких лишений в продовольственном снабжении. Когда предложенный секретарем райкома партии сценарий судебного заседания был отвергнут ввиду явной заинтересованности его автора, Минеев и Филатова услышали грубые окрики Захарова: «Не копайтесь в моей подноготной, не заглядывайте мне в рот, что я съел. Это вас не касается. Вы закрыли магазин, а мы его откроем».

Стараниями районных руководителей местный суд вынес обвиняемым неожиданно мягкие приговоры. Максимальная мера наказания была определена судом только для Черемных — три года лишения свободы. В день оглашения приговора Захаров сдержал свое обещание: состоялось открытие нового магазина, через который снабжались те же самые районные руководители, как и прежде без соблюдения норм. Потребовалось официальное обращение начальника УНКВД по Челябинской области Булкина к секретарю обкома партии Н. С. Патоличеву, чтобы судебное решение было пересмотрено: уголовное наказание обвиняемым увеличили до 10 лет лишения свободы, но в обвинительном заключении по-прежнему не было сказано ни слова о тех должностных лицах, чьи имена фигурировали в материалах дела. Фонды рабочего снабжения продолжали расхищаться, только под вывеской другого магазина. Законность в полном объеме соблюдена не была. Неслучайно именно в Кыштыме одновременно с должностными злоупотреблениями было зафиксировано распространение анонимных листовок, содержание которых квалифицировалось как контрреволюционное.

Исполнение хозяйственно-организаторских функций, возложенных на органы государственной безопасности, оперработниками и начальниками подразделений поначалу воспринималось неоднозначно. Одни считали, что вследствие этого агентурно-оперативная деятельность превращалась в оперативно-хозяйственную, извращалась сущность оперативного обслуживания особо важных объектов, смыкаясь с исполнением обязанностей снабженцев-толкачей и государственных контролеров. Со временем они пришли к убеждению, что непосредственно занимаясь промышленным производством, устраняя причины, препятствующие успешной работе тружеников тыла, органы государственной безопасности тем самым решают также сложную задачу обеспечения обороноспособности страны. Вместе с тем материалы проверок агентурно-оперативной деятельности органов госбезопасности показывают, что возложение на них хозяйственно-организаторских функций отвлекало оперативный состав от исполнения своих прямых обязанностей, связанных с организацией и проведением контрразведывательных мероприятий, то есть наносило ущерб борьбе с разведывательно-подрывной деятельностью противника.

В дополнение к этому можно сказать следующее. Особенности административно-командной системы управления предполагали активное использование органов государственной безопасности в решении задач экономического характера. Хозяйственно-организаторские функции были возложены на оперативные подразделения органов госбезопасности с учетом предвоенного опыта. В ряде случаев вследствие неспособности государственно-партийных структур результативно выполнять свои задачи органы госбезопасности вынужденно их подменяли, так как оказались для этого более приспособлены: обостренное чувство ответственности сотрудников, наличие разветвленной агентурно-осведомительной сети, позволявшей своевременно вскрывать недостатки и оперативно на них реагировать, дисциплинированность личного состава, тесное взаимодействие между собой и органами власти и другие факторы ставили органы государственной безопасности на ключевую позицию. В глубоком тылу СССР они были практически единственной реальной силой, которая репрессивными методами могла в какой-то степени компенсировать недостатки в производстве и транспортировке военной продукции, способствовать преодолению межведомственных противоречий и несогласованностей.

Борьба с контрреволюционными и иными преступлениями, наносившими ущерб экономической безопасности

В годы Великой Отечественной войны территориальные органы государственной безопасности вели борьбу с контрреволюционными и иными преступлениями, нарушавшими бесперебойную работу объектов военной экономики и наносившими ущерб экономической безопасности СССР в целом. Понятие контрреволюционного преступления, которым руководствовались в правоприменительной практике военного времени, было сформулировано в «Положении о преступлениях государственных (контрреволюционных и особо для СССР опасных преступлениях против порядка и управления)», принятом постановлением ЦИК СССР 25 февраля 1927 г. Согласно этому документу, контрреволюционным признавалось всякое действие, направленное к свержению, подрыву или ослаблению власти рабоче-крестьянских Советов и избранных ими рабоче-крестьянских правительств СССР, союзных и автономных республик либо к подрыву или ослаблению внешней безопасности Союза ССР и основных хозяйственных, политических и национальных завоеваний пролетарской революции. Подчеркивалось, что такие же действия признаются контрреволюционными и в том случае, когда они направлены на всякое другое государство трудящихся, хотя бы и не входящее в состав СССР. Данное понятие контрреволюционного преступления вошло в содержание статьи 58 Уголовного кодекса РСФСР и соответствующих статей УК союзных республик.

По конкретным составам преступлений статья 58 УК РСФСР, действовавшая в годы Великой Отечественной войны, имела следующую структуру: статья 58-1а — измена Родине; статья 58-1б — измена Родине, совершенная военнослужащими; статья 58-1в — ответственность совершеннолетних членов семьи военнослужащего; статья 58-1г — недонесение об измене Родине; статья 58-2 — вооруженное восстание; статья 58-3 — сношение в контрреволюционных целях с иностранным государством; статья 58-4 — оказание помощи международной буржуазии; статья 58-5 — склонение к объявлению войны, вооруженному вмешательству или иным неприязненным действиям; статья 58-6 — шпионаж; статья 58-7 — вредительство; статья 58-8 — террористический акт; статья 58-9 — диверсия; статья 58-10 — контрреволюционная пропаганда и агитация; статья 58-11 — участие в контрреволюционной организации; статья 58-12 — недонесение о достоверно известном готовящемся или совершенном контрреволюционном преступлении; статья 58-13 — активная борьба против рабочего класса и революционного движения; статья 58-14 — саботаж.

Общее понятие преступлений против порядка управления содержалось в статье 59-1 УК РСФСР и соответствующих статьях УК союзных республик. Так, преступлением против порядка управления признавалось всякое действие, которое, не будучи направлено непосредственно к свержению советской власти, тем не менее приводило к нарушению правильной деятельности органов управления или народного хозяйства и сопрягалось с сопротивлением органам власти и воспрепятствованием их деятельности, неповиновением законам или с иными действиями, вызывающими ослабление силы и авторитета власти. Особо опасным преступлением против порядка управления признавалось деяние, хотя и совершенное без контрреволюционных целей, но последствия которого могли поколебать основы государственного управления и хозяйственной мощи СССР и союзных республик. К таким преступлениям, например, относились массовые беспорядки (статья 59-2), бандитизм (статья 59-3), повреждения путей сообщения (статья 59-3б), отказ и уклонение в условиях военного времени от выполнения повинностей (статья 59-6), возбуждение национальной вражды и розни (статья 59-7), контрабанда (статья 59-9) и другие.

В первый же день войны директивой от 22 июня 1941 г. нарком госбезопасности В. Н. Меркулов потребовал нацелить агентурно-осведомительную сеть на своевременное вскрытие и предупреждение возможных вредительско-диверсионных актов на объектах

народного хозяйства. Наряду с изъятием разрабатываемого «контрреволюционного и шпионского элемента» необходимо было оперативными мерами немедленно пресекать любые попытки государственных преступлений: шпионажа, террора, диверсий, восстаний, бандитизма, забастовок и саботажа.

Директивой СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 29 июня 1941 г. руководство Советского Союза потребовало энергичных мер на местах по всесторонней помощи действующей армии. С августа 1941 г. деятельность многих городских и районных подразделений и вновь созданных экономических отделов территориальных органов НКВД была подчинена важнейшей задаче — обеспечению военной перестройки народного хозяйства. Согласно директиве НКВД от 8 августа 1941 г. «Об организации работы экономических отделов НКВД — УНКВД по оперативно-чекистскому обслуживанию предприятий оборонной промышленности» требовалось решительно пресекать малейшие попытки вредительства, диверсии и саботажа. Находившиеся в оперативном обслуживании территориальных органов госбезопасности объекты промышленности должны были работать без перебоев и обеспечивать стремительно возросшие потребности фронта в военной продукции.

Анализируя правоприменительную практику военного времени, следует учитывать, что по объекту и объективной стороне некоторые хозяйственные преступления: выпуск недоброкачественной продукции, нарушение технологической дисциплины, бесхозяйственность, срыв договорных поставок и другие, входили в систему преступлений против обороны Советского Союза. Так, почти за год до начала войны, 10 июля 1940 г., был издан указ Президиума Верховного Совета СССР, согласно которому выпуск недоброкачественной или некомплектной продукции и несоблюдение обязательных стандартов промышленными предприятиями приравнивались к вредительству. Аналогично обстояло дело с должностными преступлениями и преступлениями в области трудовых отношений. Самовольный уход рабочих и служащих с предприятий военной промышленности указом от 26 декабря 1941 г. как преступление приравнивался к дезертирству, которое каралось тюремным заключением сроком от пяти до восьми лет. Прогулы, отказ от перехода на другую работу в связи с сокращением штатов, уклонение от трудовой мобилизации и повинностей и прочее были отнесены к той же системе преступлений, за которое усиливалась уголовная ответственность.

Указанные выше факторы, схожесть объекта и объективной стороны названных видов преступлений с контрреволюционными преступлениями отчасти объясняют случаи сравнительно легкого перехода при квалификации юридических фактов к статьям УК РСФСР о диверсии, вредительстве и саботаже. Характерным в этом отношении является определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного суда СССР от 28 октября 1942 г. по делу электрослесаря одной из угольных шахт Чванина, который более месяца по поддельному больничному листу не выходил на работу. Было принято во внимание, что укрепление трудовой дисциплины и повышение производительности труда на предприятиях угольной промышленности в условиях военного времени имели особое значение и всякий ущерб являлся ощутимым, поэтому содеянное рабочим квалифицировалось как саботаж. Этим примером подчеркивалось, что речь шла об умышленных действиях, заведомо для виновного ведущих к подрыву производства, хотя и без «прямой контрреволюционной цели». Следует отметить, что в период войны факты членовредительства и незаконного получения больничных листов распространились настолько, что стали предметом обсуждения на заседаниях бюро и пленумах обкомов ВКП(б). Партийные органы обязывали прокуроров и судей активизировать борьбу с «позорным явлением», энергично проводя следствие и не допуская мягких приговоров. К этой борьбе подключали и органы государственной безопасности[77].

Под обвинение в контрреволюционном саботаже нередко попадали те начальники производства, которые, получив дополнительные задания по выпуску военной продукции, не бросали сразу все силы на их выполнение, не переводили рабочих на казарменное положение, а вместо этого старались избежать произвольно завышенных плановых заданий, не обеспеченных сырьем, материалами, без достаточного количества рабочих соответствующей

квалификации и необходимого оборудования. Если руководители заводов пытались опереться на инженерные расчеты и обосновать перед вышестоящими инстанциями нереальность спущенных сверху производственных планов, то вероятность быть репрессированным значительно возрастала. Архивные материалы отражают далеко не единичные факты, когда партийные органы в лице членов бюро обкомов ВКП(б) на своих заседаниях квалифицировали невыполнение производственного задания в срок как государственное преступление и передавали «виновных» в саботаже в органы безопасности по сути лишь для того, чтобы там оформили уголовное наказание. Если в результате подобного вмешательства производительность труда возрастала, это побуждало партийно-государственные органы шире использовать карательные методы для решения производственных задач.

Сходная картина вырисовывается и по материалам, отражающим борьбу органов государственной безопасности с вредительством на объектах экономики. Отсутствие разоблаченных диверсантов, вредителей, саботажников считалось серьезным недостатком в работе подразделений НКВД, поэтому установки выявлять эти контрреволюционные преступления следовали систематически. Более того, прямо говорилось, что начальники городских и районных аппаратов НКВД увлекаются выявлением антисоветских высказываний и их документированием в то время как контрреволюционно настроенный человек не ограничивает свою деятельность разговорами, агитацией, а вместе с тем вредит, саботирует, готовит диверсионные и террористические акты, занимается шпионажем. Считалось, что человек, высказывающий недовольство властями, не может честно работать на советскую власть, и у него обязательно должны быть преступные связи. Оперработник в каждом зафиксированном случае антисоветских высказываний был обязан искать «направляющую руку» немецкой разведки. Ту же «руку» искали и в ходе расследований многочисленных аварий и выхода из строя промышленного оборудования, из-за которых лихорадило производство.

Например, не могла идти речь о нормальной работе такого завода, как «Красное Сормово», выпускавшего танки Т-34, если даже в сравнительно благополучном по аварийности 1943 г. произошло 477 аварий, и оборудование в связи с этим простояло 14 203 часа. По официальному мнению директора завода Рубинчика, неправильная эксплуатация и небрежность привели к поломкам и авариям в 70% случаях. Однако обращает на себя внимание, что только пять «аварийщиков и станколомателей» были отданы под суд. Этим косвенно признавалось иное соотношение истинных причин высокой аварийности на заводе, в том числе значительная изношенность оборудования: половина станочного парка находилась в эксплуатации с времен Первой мировой войны, а прессовое оборудование — с 1880-х гг.

Однако, безусловно, поступали объективные данные и о прямом умысле. Установления такого факта было в то время достаточно, чтобы возбудить уголовное дело и привлечь злоумышленника по статье 58-7 УК РСФСР за вредительство. Состав контрреволюционного преступления считался доказанным, если удавалось установить (или получить признание), что обвиняемый желал или сознательно допускал ослабление экономической мощи СССР. Факты умышленного вывода из строя станочного оборудования отмечал в циркуляре № 89 от 4 марта 1943 г. и заместитель наркома внутренних дел Б. З. Кобулов. Так, в одном из спецсообщений в Челябинский обком партии начальник местного УНКВД Булкин довел до сведения первого секретаря, что на заводе № 13 Наркомата вооружения при монтаже турбогенератора обнаружены неправильно поставленная прокладка, а также посторонние предметы: гайка в турбине, кусок медной проволоки и металлическая пластина в генераторе. Руководство УНКВД квалифицировало перечисленные факты как попытки путем порчи оборудования помешать нормальной работе завода. Наличие на нем вредителей объяснялось большой засоренностью промышленного объекта антисоветским элементом.

Среди архивных материалов о выпуске недоброкачественной военной продукции имеются многочисленные документы, говорящие о том, что распространенным явлением в те годы стало умышленное сокрытие производственного брака, так как выполнение производственной программы по количеству отодвигало на второй план качество работы. Ответственности за срыв ежедневного графика выпуска военной продукции начальники производства

боялись гораздо больше и всеми мерами, нередко преступая закон, стремились выполнить задания ГКО. Чтобы сокрытие брака прошло успешно, в ряде случаев вступали в сговор между собой руководители предприятий и путем административного давления определяли позицию начальников отделов технического контроля и подчиненных им контролеров, не останавливаясь порой перед тем, чтобы избавиться от несговорчивых лиц, лишив бро́ни и отправив их на фронт. Реализация принципа «любой ценой выполнить производственную программу» объективно вела к серьезным злоупотреблениям и преступлениям, в которые втягивали даже представителей военной приемки.

Например, Управлением НКВД по Куйбышевской области весной 1942 г. была предотвращена отправка на Юго-Западный фронт 24 тыс. негодных артиллерийских 76-мм снарядов со склада г. Сызрань. Выяснилось, что бракованная продукция поступила с завода № 15 Наркомата боеприпасов. После предварительного разбирательства этот вопрос обсуждался обкомом ВКП(б), после чего директор завода Щекотихин и военпред Митряков были отданы под суд, парторг ЦК ВКП(б) Савальский снят с работы, секретарь горкома партии получил выговор. При обсуждении этого случая на пленуме ОК ВКП(б) отмечалось, что нарушения технологии стали обычным явлением и на авиационных заводах № 1, 18, 24: «Пришлось переделать очень многое уже на аэродромах для того, чтобы исправить брак и дать гарантированное качество»[78]. Но делалось это уже после отчета о выполнении плана в количественных показателях.

С учетом создавшегося положения территориальные органы госбезопасности сосредоточили внимание на предотвращении производственного брака. Сотрудникам ставилась задача активно разрабатывать выявленных бракоделов, которые, как предполагалось, пользуясь моментом, могут под видом технологического брака вести вредительскую работу. Со второго квартала 1942 г. территориальные органы госбезопасности вплотную занялись выявлением и предупреждением фактов отправки на фронт бракованной продукции. Так, на заводе № 92 Наркомата вооружения, где главным конструктором являлся В. Г. Грабин, уже в апреле 1942 г. были арестованы начальник ОТК Пономарев и ряд других работников этого же отдела. Поводом для вмешательства органов госбезопасности послужило неудачное испытание на заводском полигоне новой пушки УСВ, в связи с чем задерживалось принятие ее на вооружение и ухудшались производственные показатели завода. Заводская комиссия попыталась вину за происшествие возложить на работников артполигона, которые, по ее мнению, совершили диверсионный акт, однако проверка показала, что большинство изготовленных на заводе пушек имели дефекты, пропущенные аппаратом ОТК. В ходе следствия были использованы также рекламации, поступившие на артиллерийские системы из действующей армии или с танкостроительных заводов. Эти материалы послужили основанием для следственной обработки начальника ОТК Пономарева (впоследствии реабилитированного), который сознался, что умышленно пропускал на фронт пушки с дефектами для того, чтобы ослабить мощь Красной армии. В большинстве аналогичных ситуаций к уголовной ответственности привлекали работников отделов технического контроля. Другие же лица, заинтересованные в выполнении производственной программы любой ценой, по материалам расследований не проходили даже косвенно.

Качество продукции зависело от наличия определенного технологией сырья, материалов и комплектующих изделий. В годы войны их острый дефицит заставлял производственников искать выход, опираясь зачастую лишь на собственные возможности. Конструкторы и технологи проделали огромную работу по упрощению технологии изготовления боевой техники и вооружения, искали и находили заменители остродефицитных легированных сталей и других материалов и компонентов, переходили на более продуктивные методы производства деталей и сборки изделий, стремились по возможности избавиться в конструкции от всего, что не могло существенно снизить боевые тактико-технические качества военной продукции. Все эти меры руководством страны приветствовались, их авторы и исполнители получали правительственные награды и другие поощрения. Однако отношение к таким рационализаторам резко менялось, если вынужденное упрощение или изменение технологии оборачивалось

вдруг массовым браком, который вскрывался во фронтовых условиях, и тогда подключались органы госбезопасности.

Так, в апреле 1942 г. вскрылось, что принятые фронтом с завода № 112 танки Т-34 непригодны к эксплуатации в бою из-за появившихся трещин в броне башен и других дефектов. В связи с этим нарком танковой промышленности В. А. Малышев издал приказ, которым констатировал грубые нарушения технологии на заводе и слабый контроль над качеством деталей, поступающих на завод. Ряд должностных лиц был предупрежден, получил выговоры, уволен с работы. В отношении главного металлурга завода Данилевского приказ гласил: «За самовольное изменение марок сталей для танков, что привело к ухудшению качества танков, с работы снять, с завода уволить и дело передать прокурору для привлечения к судебной ответственности»[79]. Данилевский и его заместитель Мощанский Управлением НКВД по Горьковской области были арестованы и обвинены в подрыве государственной промышленности в контрреволюционных целях (статья 58-7 УК РСФСР).

После агентурно-следственных мероприятий начальник отделения ЭКО УНКВД Гузик пришел к убеждению, что замена марок сталей, упрощение режимов обработки заготовок, изменение технологии термической обработки башен танков преднамеренно направлялось на ухудшение качества боевой техники, а внешне маскировалось стремлением увеличить выпуск продукции для фронта. Оба обвиняемых во вредительской деятельности признались. Данилевского приговорили к расстрелу, Мощанский был наказан пятнадцатью годами лишения свободы. Результаты следствия и мера наказания были одобрены секретарем обкома ВКП(б) М. И. Родионовым, который информировал об этом городской партийный актив. Это один из фактов реализации на практике руководящей установки рассматривать подобные материалы «под углом зрения» вероятных контрреволюционных преступлений. Такой механизм функционирования государственно-партийного управления неизбежно приводил к нарушениям законности и привлечению к уголовной ответственности лиц, которые контрреволюционных преступлений в действительности не совершали.

Материалы о привлечении к уголовной ответственности за диверсию, вредительство и саботаж в годы войны — с учетом проведенной работы по реабилитации жертв необоснованных репрессий — показывают, что борьба с этими контрреволюционными преступлениями являлась главным образом формой привлечения правоприменительных органов к реализации мер по наращиванию интенсивности и производительности труда в целях максимального увеличения количества и повышения качества выпускаемой продукции для обеспечения жизненно важных потребностей Красной армии и экономической безопасности страны в целом.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 9. Д. 16. Л. 7–16; Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 98. Л. 60–61; Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 1. С. 55–57.

[2] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 98. Л. 9.

[3] Архив УФСБ по Свердловской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 223. Л. 30–31; Д. 224. Л. 24.

[4] Там же. Д. 202. Л. 226–228.

[5] Там же. Д. 203. Л. 17; Д. 223. Л. 34, 54; Д. 224. Л. 9, 23, 73, 124, 175, 223; Д. 228. Л. 89–90.

[6] Там же. Д. 225. Л. 98–99.

[7] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Там же. Т. 5. Кн. 2. С. 383.

[8] Там же. С. 384.

[9] Там же. С. 357–358.

[10] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 489–493.

[11] Там же. Т. 5. Кн. 2. С. 383–396.

[12] Там же. Т. 5. Кн. 1. С. 255–256.

[13] Там же. Т. 4. Кн. 1. С. 211–212.

[14] Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 137.

[15] Там же. С. 178–179.

[16] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 140. Л. 27–28; Д. 11. Л. 37; Скрытая правда войны: 1941 год. Неизвестные документы. М., 1992. С. 121–122, 309–310; Российский государственный архив экономики (далее — РГАЭ). Ф. 8752. Оп. 1. Д. 71. Л. 225–229; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1631. Л. 45.

[17] Скрытая правда войны: 1941 год. С. 121–122.

[18] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 140. Л. 25; Оп. 9. Д. 119. Л. 5.

[19] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1631. Л. 45, 47, 49, 59.

[20] Там же. Д. 3106. Л. 2.

[21] Там же. Л. 4–10, 12–22, 24–31.

[22] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 11. Л. 113–114.

[23] Там же. Д. 240. Л. 42–46.

[24] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1805. Л. 93.

[25] РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 591. Л. 7–8, 11, 50–51.

[26] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 863. Л. 145, 229.

[27] Там же. Д. 61. Л. 105.

[28] Там же. Д. 837. Л. 15–16, 20; Д. 863. Л. 36–37, 90.

[29] Там же. Д. 62. Л. 3.

[30] Там же. Д. 837. Л. 8; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2406. Л. 246.

[31] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 863. Л. 29.

[32] *Куманев Г. А.* Война и железнодорожный транспорт СССР. 1941–1945. М., 1988. С. 75.

[33] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 863. Л. 96; Д. 943. Л. 49–50.

[34] Там же. Д. 837. Л. 9–10.

[35] Там же. Л. 4.

[36] Там же. Д. 61. Л. 105.

[37] Там же. Д. 837. Л. 48–49.

[38] Там же. Д. 943. Л. 150.

[39] Там же. Л. 64.

[40] *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг // Военно-исторический журнал. 1989. № 4. С. 56–57.

[41] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1772. Л. 146.

[42] Москва военная. 1941–1945. Мемуары и архивные документы. М., 1995. С. 92, 106–112, 116–119, 122–123.

[43] Из воспоминаний наркома авиационной промышленности А. И. Шахурина // Москва военная. 1941–1945. С. 111.

[44] Там же. С. 111–112.

[45] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 7. Л. 4; Москва военная. 1941–1945. С. 116–117.

[46] Москва военная. 1941–1945. С. 92.

[47] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 122–123.

[48] Там же. С. 164.

[49] См., например: К вопросу о «тактике выжженной земли» // Скрытая правда войны: 1941 год. С. 207–217.

[50] Известия ЦК КПСС. 1990. № 7. С. 206–208.

[51] *Шишло А.* Секретный архив раскрывает сенсации // Независимая газета. 1998. 3 июля.

[52] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 1. Д. 1. Л. 461–464.

[53] О проведении спецмероприятий в Сталинской области Украинской ССР см.: ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 61. Л. 246–248; Д. 943. Л. 27–39.

[54] Там же. Д. 61. Л. 246–248.

[55] О ходе эвакуации и вывода из строя промышленных предприятий Ворошиловградской области. ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 943. Л. 52–65, 97–141.

[56] См.: Скрытая правда войны: 1941 г. С. 121–122.

[57] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 141. Л. 106.

[58] Там же. Л. 105.

[59] Там же. Л. 104.

[60] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 1. С. 87.

[61] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 140. Л. 43–44.

[62] Там же. Л. 165–166.

[63] Органы государственной безопасности в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 68–70, 380–382.

[64] Известия ЦК КПСС. 1990. № 12. С. 210–211.

[65] ЦА ФСБ России. Ф. 3. Оп. 8. Д. 236. Л. 62.

[66] Там же. Д. 943. Л. 189–190.

[67] Там же. Л. 191–192.

[68] Там же. Д. 62. Л. 474.

[69] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 1725. Л. 117; Оп. 43. Д. 1208. Л. 46.

[70] РГАЭ. Ф. 8044. Оп. 1. Д. 563. Л. 47.

[71] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 22. Д. 2277. Л. 179; Д. 2319. Л. 239; Оп. 43. Д. 2397. Л. 78.

[72] Там же. Д. 2319. Л. 91.

[73] Там же. Д. 497. Л. 138.

[74] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1050. Л. 40.

[75] *Гуркин В. В., Гуров О. Г.* Цена агрессии // Военно-исторический журнал. 1989. № 9. С. 38–40.

[76] Государственный архив Челябинской области. Ф. 291. Оп. 2. Д. 307. Л. 94.

[77] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 1048. Л. 59; Д. 1771. Л. 65; Д. 1056. Л. 20.

[78] Там же. Д. 1049. Д. 15.

[79] Российский государственный архив экономики. Ф. 8752. Оп. 1. Д. 10. Л. 13.

БОРЬБА ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ БЕЗОПАСНОСТИ И ВОЙСК НКВД С ВООРУЖЕННЫМ ПОДПОЛЬЕМ НА ТЕРРИТОРИИ СССР

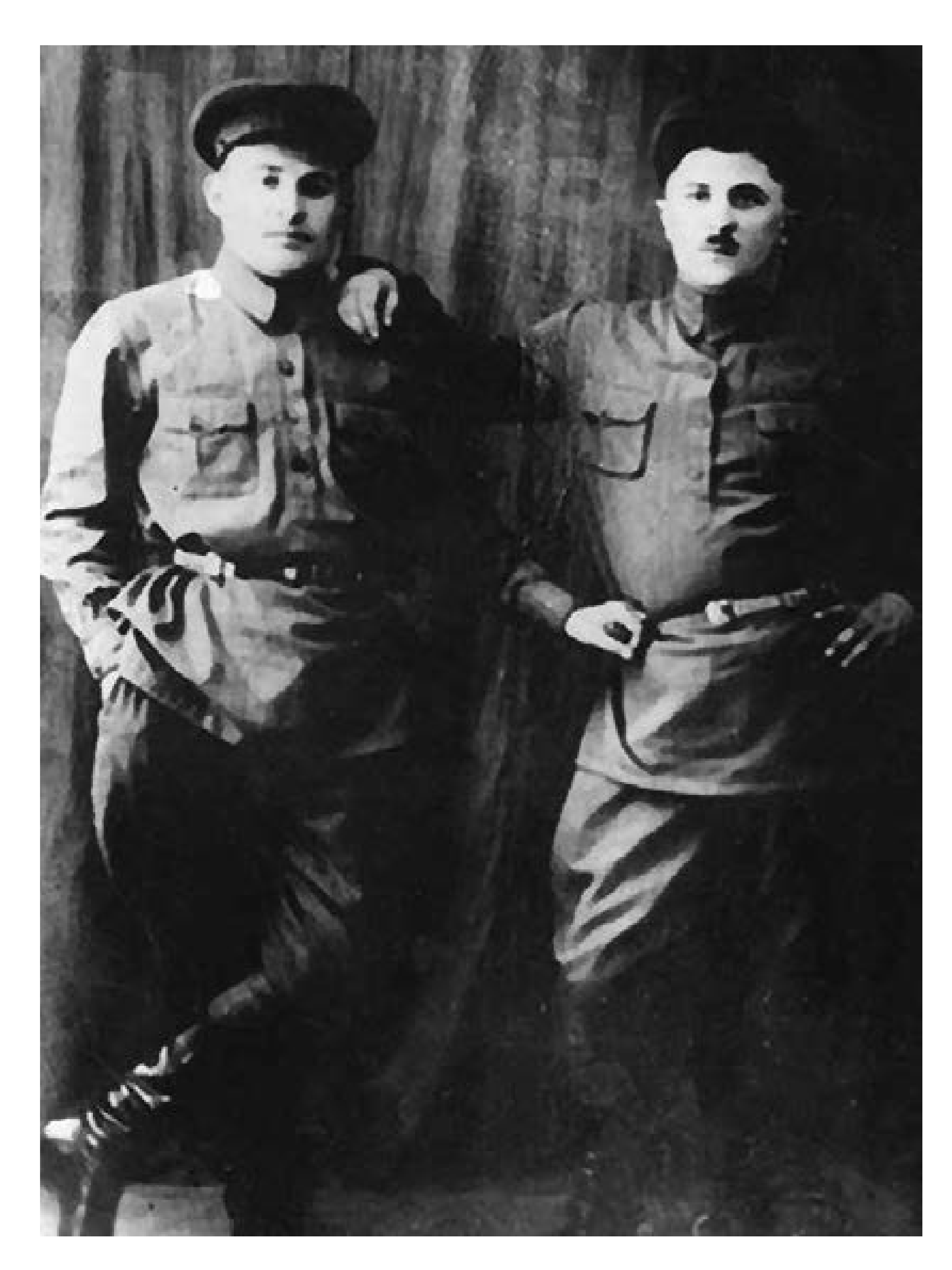
Вооруженные выступления в советском тылу в годы войны

Борьба отечественных органов безопасности с антисоветским вооруженным подпольем и бандитизмом на территории СССР в период 1941—1945 гг. велась в глубоком тылу, в прифронтовой полосе и на освобожденных от оккупации территориях — на Северном Кавказе (Чечено-Ингушетия, Дагестан, Кабардино-Балкария, Северная Осетия), в Калмыкии, на севере Грузии, в республиках Средней Азии (Киргизия, Таджикистан, Узбекистан), на Западной Украине, в Западной Белоруссии и республиках Прибалтики (Литва, Латвия, Эстония).

В годы войны различного рода антисоветские националистические организации однозначно признавались бандитскими, так как формы и методы, которые они активно использовали, трактовались действующим уголовным кодексом как бандитизм. Учитывая, что политическая направленность их нападений состояла в нанесении ущерба советской власти, изначально была установлена презумпция, согласно которой нападение на представителей органов государственной власти СССР и военнослужащих Красной армии квалифицировалось как измена Родине и каралось наравне с посягательствами на народную власть. В официальных документах органов государственной безопасности для характеристики антисоветских вооруженных групп использовались термины «политический бандитизм», «террористические банды», «повстанческие банды» и т. д.

Решение практических задач по разгрому националистических повстанческих организаций и формирований было возложено на территориальные органы НКВД — НКГБ и особые отделы НКВД. К борьбе также привлекались прокуратура, пограничные войска, подразделения и части внутренних войск НКВД, истребительные батальоны, а в некоторых случаях и части Красной армии.

К началу Великой Отечественной войны наиболее сложная оперативная обстановка сложилась на Западной Украине, в Западной Белоруссии и на Северном Кавказе. К июлю 1941 г. по учету органов НКВД на Западной Украине числились 94 националистические

Х. Исраилов (слева)

группы, включающие 476 человек, в Западной Белоруссии 17 групп — 90 человек. В мае — июне 1941 г. в западных областях Украины и Белоруссии участниками банд было совершено 135 террористических актов и убийств представителей органов власти.

На Северном Кавказе политический бандитизм имел место практически во всех автономных республиках. Так, на территории Чечено-Ингушской АССР к началу войны действовала 21 банда общей численностью 96 человек. В январе — феврале 1941 г. одна из повстанческих групп даже спровоцировала часть населения Итум-Калинского района на вооруженное выступление против советской власти. В Дагестанской АССР вели подрывную деятельность восемь бандгрупп, из которых пять банд численностью до 15 боевиков осуществляли террористическую деятельность в отношении партийно-советского актива республики.

Оперативная обстановка в республиках Средней Азии и Казахстане характеризовалась наличием большого количества бывших участников бандформирований. К началу войны на территории Казахской ССР в таких формированиях состояли 1566 боевиков, в Туркменской ССР — 1729, в Таджикской ССР — 1802, в Киргизской ССР — 1258, в Узбекской ССР — 7943 человека. На границах Среднеазиатских республик активно действовали бандгруппы, дислоцировавшиеся на сопредельной территории. Например, в Туркменской ССР в 1940 — первой половине 1941 г. было ликвидировано 37 таких банд общей численностью 158 человек.

В других регионах Северного Кавказа, Закавказья, ряде районов Приморского, Хабаровского и Алтайского краев, Бурят-Монгольской и Якутской АССР, Иркутской и Читинской областей оперативная обстановка обострялась наличием большого количества бывших участников различных антисоветских националистических организаций и бандформирований, часть из которых находилась на нелегальном положении. Кроме того, в Сибири было сосредоточено большое количество различных спецпереселенцев и сосланных «врагов народа». По Читинской области таких лиц было учтено свыше 3 тыс. человек.

Наличие большого количества потенциальных врагов советской власти рассматривалось спецслужбами иностранных государств как одно из средств подрыва военного потенциала СССР и оказания помощи немецко-фашистским войскам. Так, органы НКГБ Приморского и Хабаровского краев отмечали активизацию японской разведки по созданию антисоветских бандформирований и диверсионно-разведывательных групп, рассчитывавшей использовать бывший бандповстанческий и иной антисоветский элемент в достижении своих целей. В целом в Советском Союзе к началу Великой Отечественной войны, по материалам органов НКВД — НКГБ, активно действовало 196 банд общей численностью 971 человек[1].

С началом Великой Отечественной войны оперативная обстановка на Северном Кавказе резко обострилась. Быстрое продвижение немецких войск усилило сепаратистские надежды сохранившихся остатков националистических и антисоветских элементов. Они при опоре на уцелевших главарей, активных участников ранее ликвидированных и действующих банд и религиозных авторитетов стали собирать кадры, организовывать и осуществлять террористические акты в отношении партийно-советского актива, призывать население к уклонению от службы в Красной армии и дезертирству, вести широкую антисоветскую агитацию. Родовые пережитки (куначество, приоритет кровнородственных и клановых связей, кровная месть) и неукоснительное следование сложившимся традициям и обычаям, которые регламентировали семейные и общественные отношения значительной части населения этого региона, широко использовались националистами в подрывной деятельности, особенно при проведении вербовочной работы для участия в повстанческих организациях и формированиях.

Призывы националистов и вражеских агентов саботировать службу в Красной армии в ряде мест возымели действие. В августе 1941 г. националистам удалось спровоцировать восстание призывников в с. Буни Чеберлоевского района. В результате предпринятая осенью 1941 г. мобилизация мужского населения на строительство оборонительных укреплений была практически сорвана в горных районах[2]. Подобные случаи произошли в с. Борзой, где в выступлениях участвовали около 800 человек, и в с. Никарой-Кий Галанчожского района.

Наиболее сложной в криминальном отношении была территория горных и предгорных районов Чечено-Ингушской АССР. Так, в период с 22 июня по 3 сентября 1941 г. органами

НКВД было зафиксировано 40 бандпроявлений. В протоколе заседания Чечено-Ингушского обкома ВКП(б), проведенного 11 сентября 1941 г. и обсуждавшего вопросы вооруженного выступления населения некоторых сельсоветов Шатойского, Галанчожского и Итум-Калинского районов, указывалось, что борьба с антисоветскими проявлениями велась пассивно, в результате чего бандитизм не только не ликвидирован, но и активизировал свои действия. Отмечалось, что агентурно-осведомительный аппарат органов НКВД Чечено-Ингушской АССР состоял из предателей и провокаторов. На 20 октября 1941 г. на территории Чечено-Ингушетии активно действовали 10 повстанческих групп, в розыске находились 705 дезертиров: бежавших из воинских частей — 195, бежавших в пути следования к месту назначения — 355, уклонившихся от явки на призывные пункты — 158 человек[3].

Лидеры националистов Х. Исраилов и М. Шерипов начали проводить активную работу по объединению разрозненных банд в общее повстанческое движение для подготовки массового выступления против советской власти и установления «нового порядка» в горных районах Северного Кавказа. Руководство подготовкой и развертыванием повстанческого движения осуществляла Объединенная партия кавказских братьев (ОПКБ). ОПКБ образовала пять повстанческих округов, провела совещания в 41 горном селении. Было проведено нелегальное учредительное собрание ОПКБ, в ходе которого избраны его исполнительный комитет в количестве 33 человек и оргбюро исполнительного комитета из девяти человек. Главным секретарем исполкома стал Х. Исраилов (Терлоев). По его словам, он смог поставить под свои знамена (за исключением Грозного, Гудермеса и Малгобека) 24 970 человек. Впоследствии, в 1943 г., ОПКБ пыталась военизировать банды и переименовала их в Чечено-Ингушскую дивизию ДАКО (Добровольную армию кавказских орлов-гитлеристов)[4].

В конце 1941 г. на территории Чечено-Ингушетии начала действовать созданная М. Шериповым Чечено-горская национал-социалистическая подпольная организация (ЧГНСПО), которая имела непосредственную связь с немецкой разведкой. С 1941 г. вела подрывную деятельность подпольная Национал-социалистическая партия кавказских братьев (НСПКБ). Аналогичные националистические организации имелись и в других районах Северного Кавказа. В Кабардино-Балкарии — повстанческое националистическое объединение прогерманской ориентации «Балыкская армия», в Карачаевской автономной области — созданная немецкими спецслужбами повстанческая организация «За религию Карачая».

В 1942 г., с приближением линии фронта к предгорьям Главного Кавказского хребта, проблема обеспечения безопасности Северо-Кавказского региона стала еще более актуальной. Рассчитывая на победу фашистской Германии, повстанческие и другие антисоветские элементы на Северном Кавказе вели активную работу по подготовке вооруженных выступлений против советской власти. Часть местного населения, оказавшись под влиянием пропаганды пронемецки настроенных националистов, приняла участие в антисоветских митингах и выступлениях против органов власти. В процессе начавшейся в 1942 г. мобилизации в Красную армию на Северном Кавказе уклонились от призыва в армию и дезертировали из ее рядов до 13,5 тыс. человек[5], хотя они составляли менее 2% мобилизационного ресурса региона. В большинстве своем мужское население ушло в горы.

В связи с временной отменой призыва в армию чеченцев и ингушей обстановка в республике стабилизировалась. Значительное количество дезертиров и уклонившихся от службы в армии вернулись к месту жительства и были легализованы органами НКВД. Население приступило к работе в колхозах и участвовало в осуществлении экономических и политических мероприятий. Однако в связи с начавшимся наступлением немцев на южном крыле фронте и с оккупацией некоторых районов Северного Кавказа оперативная обстановка в Чечено-Ингушетии вновь резко обострилась.

Росту и активизации бандитизма способствовала деятельность заброшенных в автономную республику немецких спецгрупп. Во время войны различными германскими разведывательными органами, в частности военно-морской разведкой и разведотделом верховного командования вооруженных сил Германии, из состава батальона спецназначения «Бергман»

были заброшены на территорию Чечено-Ингушской АССР восемь диверсионных групп (группы Ланге, Реккерта, Майсурадзе, Дзугаева, руководителя антисоветского восстания на Северном Кавказе дагестанского эмигранта О. Губе) общей численностью 77 человек, из них пять групп в количестве 57 человек — в июле — августе 1942 г. и три группы численностью 20 человек — в августе 1943 г.[6]

В разработанных для руководства к действиям памятках диверсионно-разведывательным группам давались следующие указания: организовать взаимодействие повстанческих групп для совместных действий; установить связь с другими повстанческими группами; захватить и сохранить скот, продовольствие и другие материальные средства; сохранить нефтяные источники и склады; произвести разведку охраны и обороны районов нефтяных месторождений; осуществлять террористические акты в отношении военнослужащих Красной армии; сорвать плановую эксплуатацию железной дороги на Махачкалу; сохранить все мосты, особенно через р. Аргун; собирать сведения о дорожной сети региона; приобретать доверенных лиц; составлять списки неугодных лиц и подготовить планы их ликвидации; при приближении германской армии отступать в горы, где организовать совместную деятельность с повстанческими отрядами, и не допускать, чтобы «большевистские партизаны» ушли в горы.

Так, немецкий унтер-офицер Реккерт, заброшенный в августе на территорию Чечни во главе диверсионной группы, установив связь с бандой Р. Сахабова, при содействии религиозных авторитетов завербовал до 400 человек и, снабдив их немецким оружием, сброшенным с самолетов, сумел организовать вооруженные выступления в ряде аулов Веденского и Чеберлоевского районов. Принятыми оперативно-войсковыми мерами это вооруженное выступление было ликвидировано. В ходе боев Реккерт был убит, а командир примкнувшей к ним другой немецкой диверсионной группы Дзугаев арестован.

В августе 1942 г. в населенных пунктах Шатой и Итум-Кале поднял мятеж М. Шерипов, вступивший в альянс с повстанческой группой Х. Исраилова. Третьим руководителем повстанцев, по некоторым данным, был имам Джавотхан Муртазалиев[7]. Они объединили повстанческие банды общей численностью около 300 человек. Ими были созданы временное народно-революционное правительство Чечено-Ингушетии и объединенный штаб по координации действий повстанческих формирований. Они широко распространяли различного рода пропаганду о том, что советской власти на Кавказе уже не существует, «за исключением Чечни». 16 августа 1942 г. восставшими был разгромлен Дзумсоевский сельсовет.

В некоторых районах часть сельского актива ушла к восставшим или стала уклоняться от борьбы с ними. 17 августа группировка в составе 700 человек повела наступление на центр Шароевского района — селение Химой, где не было вооруженного гарнизона. В Химое повстанцы разогнали партийные и советские учреждения, разгромили здание райкома ВКП(б) и райисполкома, райотделение НКВД и другие советские учреждения. Часть населения поддержала восставших и двинулась на райцентр соседнего Итум-Калинского района, разгромив по дороге сельсовет в селении Тазбичи. К мятежникам присоединились некоторые представители местной власти. Отрядом повстанцев численностью около 1500 человек началась осада районного центра Итум-Кале, где имелся гарнизон из 35 военнослужащих кавэскадрона внутренних войск НКВД. 20 августа подошедшими из Шатоя войсковыми подразделениями НКВД повстанцы были атакованы и отступили в направлении Даумсоевского и Хилдехаройского сельсоветов, а в ночь на 22 августа началось их преследование. Часть повстанцев направилась в Чеберлоевский район, и по пути к ним присоединились около 500 человек из Нохчи-Келоевского и Даевского сельсоветов. Полностью рассеять восставших не удалось.

В горных районах Кабардино-Балкарии и Чечено-Ингушетии местные жители вступали в создаваемые повстанческие формирования. По учетам органов НКВД, в августе 1942 г. на территории только Чечено-Ингушской АССР действовало около 37 формирований[8]. Заместитель наркома внутренних дел СССР И. А. Серов при установлении причин осложнения обстановки в Чечено-Ингушетии в сентябре 1942 г. отмечал: обострению криминогенной

ситуации способствовало то, что «представители обкома и СНК республики не были осведомлены о положении дел, политико-разъяснительная работа не велась, весьма частыми были смены председателей колхозов». В результате анализа обстановки он сделал вывод, что «оперативно-чекистские мероприятия без политико-разъяснительной работы и удовлетворения потребностей горского населения товарами широкого потребления будут неэффективны, и мы не сумеем оторвать рядовую часть в бандгруппах от их главарей. Необходимы совместные мероприятия с обкомом и СНК республики по этим вопросам: завоз товаров, формирование групп ответственных партийных и советских работников»[9].

Однако на практике мнение о силовом варианте решения проблемы значительно преобладало над мерами социально-экономического и политико-разъяснительного характера. Во многом такое положение дел объяснялось серьезными просчетами партийных и советских органов в обеспечении своего влияния на жителей горных селений, более того, во многих аулах оно практически не проводилось. Это вынуждены были констатировать на своих заседаниях члены бюро обкомов национальных республик[10]. В августе — сентябре 1942 г. при приближении линии фронта бросили работу и бежали 80 членов ВКП(б), в том числе 16 руководителей райкомов, восемь руководящих работников райисполкомов и 14 председателей колхозов Чечено-Ингушской АССР[11].

Во второй половине 1942 г. осложнилось положение на территории Дагестанской АССР. Повстанческие формирования вели подготовку к вооруженному выступлению против советской власти. К осени 1942 г. количество действующих повстанцев в Дагестанской АССР увеличилось до 1500 человек, одновременно росла и активность повстанческих формирований. Кроме того, в республике скрывались свыше 1000 дезертиров из Красной армии и около 800 лиц, уклонившихся от военной службы. НКВД Дагестанской АССР, по планам, утвержденным НКВД СССР, были проведены две чекистско-войсковые операции: первая — с 15 сентября по 1 октября 1942 г. в горных районах, граничащих с Чечено-Ингушской АССР, вторая — в октябре 1942 г. в южных районах Дагестана.

Сложность военно-стратегической и оперативной обстановки на Северном Кавказе накануне фашистской оккупации региона, а также неверие центральных властей в преданность горских народов привели к необходимости образования Владикавказского, Грозненского, Махачкалинского особых оборонительных районов и Нальчикского укрепрайона[12]. Войскам НКВД была поставлена задача по проведению активных оперативно-войсковых мероприятий с целью ликвидации повстанческих формирований, что являлось одним из основных условий создания в кратчайшие сроки надежной обороны в предгорьях Главного Кавказского хребта. При выполнении служебных задач внутренним войскам оказывали помощь четыре отряда народного ополчения, шесть истребительных батальонов, более 65 партизанских и разведывательных отрядов и групп, около 80 бригад содействия[13]. В целом в 1942 г. внутренние войска во взаимодействии с органами внутренних дел провели на Северном Кавказе более 700 чекистско-войсковых операций, задержали более 30 тыс. ставленников и пособников врага, из которых 2334 являлись бандитами. В ходе боевых столкновений были убиты 2345 бандитов[14].

Складывающаяся на Северном Кавказе оперативная обстановка требовала принятия дополнительных мер по ее стабилизации. 10 декабря 1942 г. заместитель НКВД СССР Б. З. Кобулов подписал директиву о мерах по усилению борьбы с бандитизмом и дезертирством, в которой говорилось, что пополнение существующих и организация новых бандитских групп происходит в основном за счет дезертиров и уклоняющихся от службы в Красной армии. Указывалось, что большинство органов НКВД борьбу с бандитизмом проводило лишь путем преследования бандгрупп войсковыми силами, без сочетания этих мероприятий с агентурно-оперативной работой. В директиве предлагалось разработать комплекс мероприятий по ликвидации или задержанию повстанческих групп и бандитов-одиночек: усилить агентурно-оперативную работу по борьбе с бандитизмом, выявить пособников и родственников, оказывающих содействие бандитам, практиковать привлечение местных авторитетов к разложению действующих банд, а также предавать суду заочно как изменников Родины

дезертиров, принимающих активное участие в бандитско-повстанческих формированиях, представлять дела на членов их семей на рассмотрение Особого совещания НКВД СССР[15].

Наступление частей Красной армии в ходе Северо-Кавказской стратегической наступательной операции 1943 г. значительно изменило характер действий органов НКВД — НКГБ. В целях очистки прифронтовой территории от немецких пособников, дезертиров и бандитов внутренними войсками во взаимодействии с органами НКВД — НКГБ было проведено пять чекистско-войсковых операций на 78 железнодорожных станциях и разъездах, в 94 населенных пунктах предгорных районов Главного Кавказского хребта, а также более 560 операций по прочесыванию отдельных участков местности. Тем не менее на освобожденных от оккупантов территориях Северного Кавказа оставались многочисленные банды, активно противодействовавшие органам советской власти по восстановлению разрушенного народного хозяйства. По имевшимся в НКВД — НКГБ данным, часть повстанческих групп поддерживалась германской разведкой, снабжавшей бандитов материально-техническими средствами, деньгами, оружием и боеприпасами.

В целях борьбы с бандитизмом и поддержания общественного порядка на территории Северного Кавказа в январе 1943 г. было создано Управление внутренних войск НКВД Северо-Кавказского округа (командующий генерал-майор В. И. Киселев) численностью около 20 тыс. человек (к октябрю — 26 тыс.), на территории Чечено-Ингушской АССР был дислоцирован 141-й стрелковый полк внутренних войск НКВД. В апреле — мае 1943 г. активную борьбу с бандформированиями в прифронтовой полосе на Кубани, в горах Кавказа и на Черноморском побережье вели войска по охране тыла Северо-Кавказского фронта.

Управление внутренних войск НКВД Северо-Кавказского округа на освобожденных от врага территориях шестнадцати областей организовало службу гарнизонами: полкового звена — 74, батальонного — 340, ротного — 790[16]. Их деятельность регламентировалась постановлением ГКО от 4 января 1942 г. «Об организации гарнизонов НКВД в городах, освобождаемых Красной Армией от противника». Основу служебной деятельности гарнизонов составляли кочующие и линейные заставы, для несения службы выделялись разведывательно-поисковые группы, патрули, дозоры, устанавливались засады, секреты и контрольно-проверочные посты. Войсковые гарнизоны оказывали действенную помощь местным органам власти в налаживании мирной жизни, поддержании общественного порядка, особенно в регионах, где уголовная преступность представляла серьезную опасность.

После изгнания немцев из Кабардино-Балкарии повстанческие отряды выполняли указания разведывательных органов Германии — воспрепятствовать восстановлению советской власти до возвращения германских войск на Кавказ. При вступлении частей Красной армии и внутренних войск НКВД на территорию Кабардино-Балкарской АССР созданные немцами повстанческие организации в Черекском (свыше 300 человек), Эльбрусском, Чегемском и других районах республики оказали им организованное вооруженное сопротивление. В результате проведенных чекистско-войсковых операций активное вооруженное сопротивление повстанцев было сломлено, а бандиты, разбившись на мелкие группы, скрылись в горах. Значительное количество повстанцев, мобилизованных в банды, дезертиров из Красной армии и немецких пособников вернулись к месту жительства, сдали оружие и были легализованы.

Созданные разведывательными органами противника на территории Карачаевской автономной области (КАО) повстанческие формирования в январе 1943 г., прикрываясь лозунгом «За свободный Карачай!», организовали в Учкулановском районе антисоветское вооруженное выступление с участием более 400 человек. Им руководил созданный 3 августа 1942 г. Карачаевский национальный комитет, в составе которого был организован штаб по руководству действиями повстанческих формирований[17]. К ликвидации восстания и проведения чекистско-войсковых операций органами НКГБ — НКВД были привлечены около 2 тыс. военнослужащих внутренних войск и сотрудников милиции. К середине 1943 г. в КАО были ликвидированы пять бандгрупп и задержаны 67 бандитов[18]. После ликвидации выступления многие его участники мелкими группами перешли на нелегальное положение, активные участники банд продолжали вести среди населения антисоветскую деятельность. Бандитам

оказывали большую помощь немецкие парашютисты, забрасываемые разведывательными органами противника.

Наиболее сложной оперативная обстановка оставалась на территории Чечено-Ингушской АССР, где весной 1943 г. насчитывалось 4 тыс. бандитов[19]. Одно из крупных повстанческих формирований действовало в Итум-Калинском районе. Для организации борьбы с бандитизмом в Чечено-Ингушетию был направлен заместитель начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР Р. Руденко, задействованы части Тбилисской дивизии внутренних войск, 141-й стрелковый полк НКВД, а также сотрудники органов НКГБ — НКВД. В семи районах были созданы оперативные группы НКВД.

На территории Грузии в районах, граничащих с Чечней, были организованы оперативно-войсковые заслоны из 25 работников НКВД Грузинской ССР, трех рот 40-го полка и двух рот 263-го полка внутренних войск НКВД. Это позволило предотвратить проникновение банд из Чечни через перевалы Главного Кавказского хребта на территорию Грузинской ССР.

Серьезную опасность для жителей горных районов Кабардино-Балкарии представляло бандформирование «Балыкская армия» (национальный состав — 450 карачаевцев и балкарцев). Призывы партийных и советских органов республики политическими методами предотвратить массовое антисоветское выступление балкарцев желаемых результатов не принесли. В ходе четырех специальных операций, проведенных органами НКГБ — НКВД, внутренними войсками, истребительными отрядами во взаимодействии с милицией были задержаны 202 боевика и убиты 75 бандитов.

Сложная обстановка сохранялась в районе Чегемского ущелья Кабардино-Балкарской АССР, где действующие банды своей подрывной деятельностью полностью парализовали работу местных органов власти. Основу банд составляли бежавшие из 115-й национальной кавалерийской дивизии 70 дезертиров, а также бывшие военнопленные, старосты и полицейские. Для стабилизации обстановки в Кабардино-Балкарской АССР органами НКГБ — НКВД привлекались части Сухумской и Тбилисской дивизий внутренних войск. В ликвидации бандформирований участвовали около 1800 военнослужащих и сотрудников органов внутренних дел, 17 бригад содействия. В ходе спецоперации 331 бандит и их пособник были задержаны, около 90 убиты[20].

В южных районах Дагестана повстанческим группам удалось склонить на свою сторону часть местных жителей. Прикрываясь лозунгом «Свобода Дагестану!», они полностью дезорганизовали деятельность советской власти в некоторых горных аулах. Для усиления борьбы с повстанческими группами в июне 1943 г. в Дагестан была направлена бригада оперативных работников отдела НКВД СССР по борьбе с бандитизмом, из подразделений 289-го стрелкового полка внутренних войск НКВД на территории республики размещены воинские гарнизоны. В результате проведенных оперативных, оперативно-боевых и войсковых мероприятий на территории Дагестанской АССР в 1943 г. было ликвидировано 82 банды численностью 807 человек, при этом убиты 129, арестованы 490, легализованы 208 бандитов[21].

По состоянию на 1 июня 1943 г., на учете в краевом управлении на Ставрополье состояли 53 повстанческие группы[22], а в июле 1943 г. в Ставропольском крае действовали уже 120 банд. Такой рост во многом объяснялся несовершенством учета: около 30% бандитских проявлений совершались одиночками, в то время как в отчетах они проходили как бандитские группы. Тем не менее их опасность была велика. Во второй половине 1943 г. в Ставропольском крае значительные силы органов НКГБ — НКВД и внутренних войск привлекались для борьбы со стоящими на оперативном учете тремя повстанческими формированиями и приблизительно 60 бандгруппами. Более половины из них действовали в горно-лесистых районах Карачаевской автономной области. Координацию действий внутренних войск и органов внутренних дел в указанном регионе осуществлял заместитель наркома внутренних дел И. А. Серов. Дополнительно туда были направлены части 1-й мотострелковой дивизии имени Ф. Э. Дзержинского. Всего в 1943 г. в Ставропольском крае были ликвидированы 134 бандгруппы численностью 1515 человек[23]. В ходе призывов к бандам прекратить сопротивление из 177 бандглаварей 104 явились с повинной[24].

В середине 1943 г., в связи с ухудшением криминогенной обстановки в районе городов Кавказских Минеральных Вод, органы и внутренние войска НКВД вторично провели три чекистско-войсковые операции по выявлению вражеских и преступных элементов. Из 19 546 человек, задержанных по подозрению в совершении преступлений, оказались немецкими ставленниками и их пособниками — 209, бандитами — 214, дезертирами и уклонившимися от призыва в армию — 3983.

На Северном Кавказе наименее охваченной бандитизмом была территория Северной Осетии. После освобождения республики от фашистов в предгорных районах на оперативном учете значились девять банд, причем половина из них проникли туда из районов Балкарии и Ингушетии. Их действия в основном были направлены на дестабилизацию обстановки в районах Военно-Грузинской и Военно-Осетинской дорог.

В первой половине 1943 г. на Северном Кавказе органы НКГБ — НКВД, внутренние войска во взаимодействии с милицией провели более 750 чекистско-войсковых операций и прочесываний участков местности, в ходе которых предотвратили пять антисоветских восстаний, ликвидировали три крупных бандформирования и не менее 180 бандитских групп. За указанный период были выявлены 15 663 вражеских и преступных элемента, более 80% которых составляли дезертиры, уклонившиеся от призыва в армию, и бандиты[25].

В записке, направленной 16 августа 1943 г. в ГКО, Л. П. Берия констатировал: «В период оккупации немецко-фашистскими войсками Северного Кавказа часть населения национальных республик и областей оказывала активную помощь немецко-фашистским захватчикам в совершенных ими злодеяниях, в настоящее время занимается бандитизмом и мешает честным трудящимся восстанавливать разрушенное немецкими оккупантами хозяйство», вследствие этого он считал «целесообразным выселить из районов Карачаевской и Адыгейской автономных областей, Кабардино-Балкарской, Чечено-Ингушской и Калмыцкой АССР в Казахстан и Сибирь вместе с членами их семей: пособников немецко-фашистских оккупантов; бандитов, уголовно-грабительский элемент, дезертиров и их укрывателей; лиц, ведущих антисоветскую работу»[26]. Однако предложения НКВД СССР о переселении из автономных образований Северо-Кавказского региона лишь немецких пособников, бандитов и антисоветски настроенных элементов приняты не были.

В докладной записке заместителя наркома госбезопасности СССР комиссара госбезопасности 2 ранга Б. З. Кобулова по результатам его инспекционной поездки в октябре 1943 г. в Чечено-Ингушетию на имя Л. П. Берии «О положении в районах Чечено-Ингушской АССР» отмечалось: «По данным НКВД и НКГБ Чечено-Ингушской АССР на оперативном учете было 8535 человек, в том числе 27 немецких парашютистов; 457 человек, подозреваемых в связях с немецкой разведкой; 1410 членов фашистских организаций; 619 служителей культа и активных сектантов; 2126 дезертиров... На 1 ноября в республике оперируют 35 бандгрупп общей численностью 245 человек и 43 бандита-одиночки. Свыше 4000 человек — участников вооруженных выступлений 1941–1942 гг. — прекратили активную деятельность, но оружие — пистолеты, пулеметы, автоматические винтовки не сдают, укрывая его для нового вооруженного выступления, которое будет приурочено ко второму наступлению немцев на Кавказ».

Активные действия бандгрупп отмечались и на территории Краснодарского края: три бандформирования и около 50 бандгрупп[27]. Органы НКГБ — НКВД в ходе проведения оперативных и оперативно-боевых мероприятий задержали в указанном регионе 1025 бандитов, 1741 дезертира, 289 ставленников и пособников немцев. В ходе разъяснительной работы среди населения и призывов к бандам прекратить сопротивление добровольно сдались властям 636 человек.

Большое значение в ходе наведения порядка на территории Северного Кавказа имели действия органов НКВД — НКГБ и внутренних войск по недопущению массового распространения вооружения и боеприпасов среди населения, однако незначительная его часть все же оказалась в руках местного населения. Призывы местных органов власти и комендатур добровольно сдать незаконно хранящееся оружие и боеприпасы желаемых результатов не принесли. Внутренние войска совместно с органами госбезопасности и милиции в 1943 г.

изъяли у населения Северо-Кавказского региона более 15 270 стволов различного огнестрельного оружия[28].

1943 г. положил начало депортации горских народов Кавказа. Принятию такого решения предшествовали доклады экспертов о военно-политической обстановке в национальных республиках в период оккупации части территории Северного Кавказа. Акция советского руководства по выселению чеченцев, ингушей, балкарцев и других народов Кавказа в целом носила антигуманный характер, при этом она не решила проблему ликвидации бандитизма. В справке начальника УНКВД по Грозненской области о работе Управления по борьбе с бандитизмом отмечалось: «После выселения в феврале 1944 г. на территории бывшей Чечено-Ингушской АССР осталось большое количество уклонившихся от переселения чеченцев и ингушей, которые укрывались в труднодоступных, скалистых горнолесных массивах, объединились с кадровыми бандитскими формированиями, являвшимися в прошлом участниками контрреволюционной националистической организации, так называемой «Особой партии кавказских братьев» (ОПКБ), созданной немцами из числа националистических элементов»[29].

По приказу Л. П. Берии в целях усиления борьбы с бандповстанческим движением были сохранены только созданные накануне выселения с территорий Чечено-Ингушской АССР оперативные сектора: Галанчожский, Урус-Мартановский и Шатойский в Грозненской области, а также Ахалхеевский в Грузинской ССР, а остальные упразднены. В указанных районах в июле 1944 г. было проведено несколько чекистско-войсковых операций по ликвидации повстанческих групп. Осенью 1944 г. добровольно сдались 83 повстанца[30].

В Кабардино-Балкарской АССР до выселения балкарцев на специальном учете находилось семь банд (103 человека), а после их депортации в республике уже насчитывалось 14 бандповстанческих групп (132 человека), которые оказали войскам 31 вооруженное сопротивление. В результате проведенных операций внутренние войска и органы внутренних дел захватили 101 бандита[31].

С первых дней войны в Закавказских республиках бывшие участники антисоветских и националистических организаций развернули широкую пропагандистскую работу среди населения, призывая его к дезертирству и уклонению от службы в Красной армии. В ряде районов Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР возникли различные повстанческие группы, которые начали устанавливать связь с бывшими активными участниками повстанческих формирований, скрывавшимися на территории Ирана и Турции, привлекать в свои ряды дезертиров из Красной армии и лиц, уклонившихся от военной службы.

В Талинском районе Армянской ССР развернула свою деятельность повстанческая группа в составе восьми бывших участников разгромленной курдской националистической организации «Хайбун». В Ахтинском районе — повстанческая группа в составе 13 бывших участников мусаватистской организации. Подрывная деятельность этих групп была направлена на совершение террористических актов над советско-партийным активом, отдельные руководители групп ставили своей задачей поднятие вооруженного восстания против советской власти.

В 1942 г., с приближением фронта к предгорьям Кавказа, активность повстанческих групп увеличилась. В Грузии и Армении стали возникать крупные по численности банды, возглавляемые бывшими участниками националистических организаций. Формирование банд шло главным образом за счет дезертиров и лиц, уклонившихся от службы в Красной армии.

В Чохатаурском районе Грузинской ССР органами НКВД была выявлена банда в составе 39 дезертиров и уклонившихся от службы в Красной армии лиц, возглавляемая Севарияном Барамидзе, одним из руководящих участников существовавшей в Ванском районе подпольной повстанческой организации, которая ставила своей задачей поднятие вооруженного восстания против советской власти при приближении немецких войск к Грузии. Активные члены банды распространяли фашистские листовки, вербовали новых участников, терроризируя население, срывали оборонные мероприятия местных советско-партийных органов. Ими было совершено восемь убийств и 15 вооруженных налетов. Для ликвидации банды и подпольной повстанческой организации в НКВД Грузинской ССР была командирована специальная группа оперативных работников ОББ НКВД СССР. В результате агентурных и

оперативно-боевых мероприятий удалось ликвидировать банду и арестовать 12 участников подпольной повстанческой организации.

В Басаргечарском районе Армянской ССР была выявлена повстанческая банда, состоявшая из дезертиров и лиц, уклонившихся от службы в Красной армии, численностью до 70 человек. Они ставили своей целью организацию вооруженной борьбы против советской власти. Руководители банды пытались установить связь с немецкими парашютистами, выброшенными на территорию Кировобадского района Азербайджанской ССР, и информировать их о своей готовности оказать помощь немецко-фашистским войскам.

Следует отметить, что НКВД — НКГБ Грузинской, Азербайджанской и Армянской ССР успешно справились с задачами ликвидации возникших повстанческих формирований, обеспечив своевременное пресечение их деятельности. Органами государственной безопасности республик Закавказья были ликвидированы 242 банды численностью 1779 участников и задержаны 2936 дезертиров из Красной армии.

В период летнего наступления немцев в 1942 г. резко обострилась оперативная обстановка на территории Калмыцкой АССР. В частях 110-й Калмыцкой национальной кавалерийской дивизии началось массовое дезертирство. С приближением фронта к автономной республике местные антисоветские и националистические элементы начали создавать из дезертиров 110-й дивизии крупные повстанческие формирования. После захвата территории Калмыкии немцами участники повстанческих формирований расправлялись с коммунистами, партизанами и другими патриотами из числа лиц русской национальности. Однако в связи с поспешным отступлением немцев из Калмыкии после поражения вермахта под Сталинградом бандформирования перешли на нелегальное положение и стали вести активную борьбу против советской власти, совершая террористические акты и нападения на воинские гарнизоны. К ним примкнули бывшие полицейские, служащие сельских управ и другие немецкие пособники. Банды имели широкую поддержку со стороны местного населения.

В феврале 1943 г. для оказания практической помощи местным органам НКВД в Калмыкию прибыли заместитель наркома внутренних дел СССР И. А. Серов и начальник отдела по борьбе с бандитизмом наркомата В. А. Дроздов, а также командирована оперативная группа под руководством заместителя начальника отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР А. А. Жукова. После оценки оперативной обстановки были организованы оперативные и чекистско-войсковые мероприятия по ликвидации бандгрупп и репрессии в отношении семей, главы или члены которых участвовали в бандах, а также их пособников. Созданные из подразделений 29-го кавалерийского полка и 21-й бригады войск НКВД оперативные группы развернули работу по проведению чекистско-войсковых операций и агентурных мероприятий по разложению банд и склонению их участников к явке с повинной. В результате их проведения были убиты 58 и арестованы 90 бандитов и их пособников, при этом изъято оружие: винтовок — 189, пулеметов — 19, автоматов — 3, гранат — 18, а также два ящика мин и одно противотанковое ружье[32]. К августу 1943 г. были ликвидированы 23 банды численностью 786 человек. Остатки разгромленных банд прекратили активные действия[33].

Деятельность остатков повстанческих формирований возобновилась с выброской немцами в октябре 1943 г. на территорию Калмыкии парашютной группы в составе пяти человек, возглавляемой бывшим руководителем калмыцкого легиона О. Басангом. Мероприятия органов НКВД по ликвидации этих повстанческих банд и вражеских парашютистов положительных результатов не дали. В декабре 1943 г. в ходе специальной операции по выселению калмыков органами НКВД были задержаны и арестованы 348 участников остатков повстанческих групп и дезертиров из Красной армии.

С началом военных действий, по докладам органов НКВД — НКГБ высшим органам власти СССР, в Среднеазиатских республиках и Казахстане развернулась активная деятельность антисоветски настроенных лиц, которая выражалась в распространении слухов о победе Германии и прекращении деятельности советской власти, агитации к уклонению от военной службы и дезертирству из Красной армии, саботажу сельскохозяйственных работ в колхозах, создании повстанческих формирований для вооруженных выступлений против

советской власти, организации вооруженных бандитских групп с целью совершения налетов на колхозы и угона скота. К декабрю 1941 г. органами НКВД Среднеазиатских республик и Казахстана в ходе агентурных и оперативно-боевых мероприятий были ликвидированы 34 банды численностью 324 человека и арестованы 270 активных антисоветски настроенных лиц. НКВД Казахской ССР дополнительно было выявлено и взято на учет 3882, а в НКВД Таджикской ССР — 1703 бывших участника повстанческих формирований.

В 1942 г., в период летнего наступления немцев на Кавказ, подрывная деятельность повстанческих и антисоветских элементов в Средней Азии и Казахстане значительно возросла. За счет дезертиров из Красной армии, лиц, уклонившихся от военной службы, и участников повстанческих формирований возникло большое количество новых бандгрупп. Этому способствовали наличие широкой пособнической базы и связь бандглаварей с отдельными руководителями местных советско-партийных органов.

В 1942 г. НКВД Узбекской ССР была ликвидирована наиболее одиозная повстанческая группа Музафара Алиева. Однако скрывшийся от ареста М. Алиев в 1943 г. организовал новую банду численностью до 40 человек. Руководители банды установили связь с находившимися в эмиграции в Афганистане бывшими повстанческими главарями и договорились об оказании вооруженной помощи при открытом выступлении против советской власти и содействии в переходе банды за границу в случае провала восстания.

НКВД Казахской ССР была ликвидирована аналогичная повстанческая группа, возникшая в июле 1942 г. в Жана-Аркинском районе Карагандинской области, в составе 40 дезертиров из Красной армии и уголовных преступников. Банда ставила задачей активную борьбу против советской власти под лозунгом создания самостоятельного казахского государства.

В начале 1943 г. в республиках Средней Азии и Казахстане в связи с увеличением призыва в Красную армию и на работу в оборонную промышленность повстанческие группы активно проводили агитацию по созданию из числа скрывающихся дезертиров и лиц, уклонившихся от службы в Красной армии, вооруженных повстанческих групп. В результате их деятельности в течение 1943 г. в республиках Средней Азии и Казахстане были убиты шесть работников НКВД, пять офицеров и рядовых войск НКВД, 50 советско-партийных работников и 75 мирных граждан.

В первой половине 1943 г. НКВД Киргизской ССР ликвидировано повстанческое формирование, действовавшее на территории Тянь-Шаньской, Ошской и Джалал-Абадской областей, в составе 114 участников ранее ликвидированной националистической организации, именовавшейся Социал-туранской партией. Разветвленное повстанческое формирование ставило задачей организацию вооруженного выступления против советской власти.

В целях ликвидации действующих банд и обеспечения агентурно-оперативных мероприятий органов НКВД — НКГБ СССР в 1942–1943 гг. в республиках Средней Азии были увеличены штаты отделов по борьбе с бандитизмом, созданы подразделения по борьбе с бандитизмом в областных управлениях НКВД, в распоряжение народных комиссаров внутренних дел республик выделены части войск НКВД. Для организации работы в Казахскую, Киргизскую, Туркменскую, Таджикскую и Киргизскую ССР были командированы группы опытных оперативных работников ОББ НКВД СССР. С целью ликвидации действовавших банд в Узбекскую ССР был передислоцирован 285-й полк внутренних войск НКВД. В областях организованы оперативные группы НКВД с привлечением бойцов истребительных батальонов и советско-партийного актива.

За январь — апрель 1943 г. в Киргизской ССР удалось ликвидировать 16 банд, 13 из которых были сформированы из дезертиров и лиц, уклонившихся от призыва в армию, и бандитов-одиночек — всего 265 человек. Было изъято 99 единиц огнестрельного и холодного оружия, задержаны 1810 дезертиров и 5242 уклонившихся от призыва. Основная деятельность этих бандгрупп сводились к краже мелкого и крупного рогатого скота и продуктов питания у колхозников[34].

6 августа 1943 г., подводя итоги борьбы с повстанчеством на территории Таджикской ССР с начала 1942 по 1 августа 1943 г., в ГКО сообщалось: «Ликвидировано 68 бандгрупп с

общим количеством участников 621 человек. На территории республики были задержаны 1333 дезертира и 3511 человек, уклонявшихся от службы в армии. Социальную базу бандгрупп составляли бывшие басмачи, дезертиры и лица, уклонившиеся от призыва в Красную армию и оборонную промышленность. Органами НКВД было учтено 13 попыток группового ухода бандитов за кордон».

В результате мероприятий, проведенных органами НКВД в 1942–1943 гг., по Средней Азии и Казахстану было ликвидировано 1057 банд с 7818 участниками, арестованы 5335, задержаны 18 069 дезертиров из Красной армии и уклонившихся от военной службы и легализованы 169 бандитов. В связи с эффективной деятельностью органов НКВД — НКГБ оперативная обстановка по линии борьбы с бандитизмом стабилизировалась[35].

В 1944 г. в Среднеазиатских республиках действовали небольшие по численности банды из дезертиров Красной армии и уклонившихся от военной службы, занимавшихся уголовными преступлениями. Так, за первую половину 1944 г. в Средней Азии и Казахстане было зарегистрировано 150 бандпроявлений, из которых 140 имели уголовную направленность: ограблений частных лиц — 108, ограблений колхозов — 32. Органами НКВД Среднеазиатских республик было ликвидировано 238 таких бандгрупп с 1288 участниками.

Повстанческие группы в центральных районах СССР создавались в основном за счет антисоветски настроенных лиц, которые, не желая защищать советскую власть, уклонялись от призыва и мобилизации в Красную армию, переходили на нелегальное положение. В Тамбовской и Ярославской областях, Татарской, Башкирской, Мордовской, Чувашской, Удмуртской и Марийской АССР банды формировались из бывших участников довоенных антисоветских выступлений, которые также уклонялись от службы в Красной армии и переходили на нелегальное положение.

В 1943 г. органы НКВД СССР и НКГБ СССР проводили операции по изъятию немецких пособников, дезертиров и уголовно-бандитского элемента на территории, освобожденной от противника частями Красной армии в ходе зимней кампании (ноябрь 1942 — март 1943 г.). В мае — июле 1943 г. в Ростовской, Воронежской, Курской, Сталинградской, Смоленской, Орловской, Ленинградской, Калининской областях были проведены чекистско-войсковые операции по прочесыванию лесных массивов и выборочная проверка населенных пунктов, в результате удалось ликвидировать несколько бандитских групп из числа немецких пособников, полицейских и дезертиров[36].

В Сибири и на Дальнем Востоке создание повстанческих формирований и организация вооруженной борьбы против советской власти шли за счет дезертиров, спецпереселенцев и беглых преступников из лагерей и колоний НКВД. Активизации повстанческой деятельности антисоветских элементов в Новосибирской области способствовала работа немецкой агентуры. Так, в декабре 1941 г. Нарымским окружным отделом НКВД был арестован находившийся на нелегальном положении этнический немец Ф. Ф. Мейер. На следствии он показал, что для работы в пользу германской разведки он в разное время завербовал 83 человека и создал повстанческие группы в Парабельском, Парбигском, Пудинском, Шегарском и Куйбышевском районах Нарымского округа. Всего в 1941 — начале 1942 г. органами НКВД на территории Новосибирской области было ликвидировано 12 повстанческих формирований численностью 279 человек.

Для активизации повстанческой деятельности в Якутии враждебными элементами был использован факт перебоев в снабжении населения продовольствием и промышленными товарами, временными успехами немецко-фашистских войск на фронте. Под влиянием распространяемых ими слухов о вступлении Японии в войну и скорой гибели советской власти часть населения уклонялась от призыва в Красную армию, вооружалась и уходила в тайгу. Скрывавшиеся в тайге нелегалы вовлекались в повстанческие формирования. Так, в Усть-Наталья Аллах-Юньского района в сентябре 1941 г. возникла повстанческая организация, возглавлявшаяся бывшим колчаковцем Коркиным. Задачей организации было объединить антисоветски настроенных лиц и поднять вооруженное восстание против советской власти. В результате вербовочной работы им удалось привлечь на свою сторону 57 человек. Прове-

денными органами НКВД мероприятиями организация была выявлена и ликвидирована. Аналогичные, небольшие по численности повстанческие формирования были ликвидированы в Читинской и Омской областях, Приморском и Хабаровском краях.

НКВД Якутской АССР в начале 1942 г. в Аллах-Юньском районе была выявлена повстанческая банда в составе 19 человек, возглавляемая якутом Орловым. Банда именовала себя Обществом спасения России от большевизма и ставила своей задачей создание крупных повстанческих отрядов и поднятие вооруженной борьбы против советской власти. 11 июля 1942 г. при проведении органами безопасности чекистско-войсковой операции бандглаварь Орлов был убит, 18 участников арестованы. Менее активные повстанческие группы были ликвидированы управлениями НКВД по Омской и Иркутской областям.

В остальных республиках, краях и областях Сибири и Дальнего Востока мероприятия органов НКВД в 1942 г. были направлены на ликвидацию мелких бандитских групп, состоявших преимущественно из дезертиров Красной армии и уклонившихся от военной службы. Всего в 1942 г. в Сибири и на Дальнем Востоке удалось ликвидировать 254 бандитские группы численностью 1298 человек, деятельность которых носила уголовный характер.

К началу 1944 г. органы НКВД — НКГБ добились значительного снижения бандитизма во всех районах СССР. На учете органов безопасности находилось 438 повстанческих групп численностью 2150 боевиков. Однако в первой половине 1944 г. произошло резкое увеличение бандитизма за счет западных областей Украины, на территории которых начала активно действовать Организация украинских националистов (ОУН).

Предполагалось, что деятельность органов НКВД — НКГБ СССР в Западной Украине, Западной Белоруссии и республиках Прибалтики будет проходить по уже апробированному варианту, как и на других освобожденных от немецко-фашистских захватчиков территориях: «зачистка» территории от остатков немецких воинских частей, разведывательно-диверсионных групп, розыск агентуры разведывательных, контрразведывательных, карательных и полицейских органов воевавших против СССР стран, предателей, ставленников и пособников немецко-фашистских оккупантов, членов националистических организаций и других лиц, сотрудничавших с оккупантами. На практике вместе с выполнением планируемых задач органам НКВД — НКГБ пришлось решать задачу по организации и ведению борьбы с открытым организованным сопротивлением многочисленных и хорошо вооруженных крупных формирований националистического подполья. В документах НКВД — НКГБ появилось новое понятие — «антисоветское подполье и его вооруженные банды».

Основной вооруженной силой украинских сепаратистов в 1944–1945 гг. являлась Украинская повстанческая армия, которая организационно входила в ОУН, но до конца войны в определенной степени подчиняла себе ее территориальные звенья. Несмотря на то что УПА официально объявила «войну и большевикам, и немцам», именно немцы с августа 1943 по сентябрь 1944 г. передали УПА 700 орудий и минометов, около 10 тыс. пулеметов, 26 тыс. автоматов, 72 тыс. винтовок, 22 тыс. пистолетов, 100 тыс. гранат, свыше 12 млн патронов. УПА дислоцировалась главным образом в лесных массивах западных областей Украины, насчитывала по некоторым оценкам 80–100 тыс. человек и состояла из четырех групп: северной — «Пивнич», южной — «Пивдень», восточной — «Схид» и западной — «Захид — Карпаты». Во главе каждой группы стояли опытные, прошедшие специальную военную подготовку командиры[37].

Общая численность обученных формирований УПА в Западной Украине оценивалась немцами в 80–100 тыс. человек. По заявлениям самих украинских националистов, она доходила до 400 тыс. и даже до 1 млн человек[38]. Согласно данным прибалтийских историков, в ноябре 1944 г. в лесах Литвы находились примерно 33 тыс. человек, ушедших в леса Латвии на тот же период — 20 тыс. человек, а «лесное братство» Эстонии объединяло до 15 тыс. человек[39]. По оперативным данным НКГБ — НКВД, на территории ряда западных областей Белорусской ССР, Украинской ССР и Виленской области Литовской ССР активную борьбу вели польские подпольные организации и их вооруженные формирования, которые насчитывали до 100 тыс. поляков, из которых 50% имели стрелковое оружие[40].

Боевики УПА

К 1944 г. ОУН — УПА представляла собой многочисленную и широко разветвленную подпольную организацию, построенную на принципах глубокой конспирации, безусловного подчинения нижестоящих звеньев вышестоящим. Украина была разделена на пять частей, в которых образованы подчиненные центральному «проводу» ОУН краевые «проводы»: на восточных украинских землях (СУЗ), на западных украинских землях (ЗУЗ), на южных украинских землях (ПУЗ), на северо-западных украинских землях (ПЗУЗ) и Галицийский краевой «провод» ОУН. Они подразделялись на организационные звенья: областные, окружные, надрайонные, районные, подрайонные «проводы» и кустовые группы ОУН. В селах были «станичные» организации. В каждом «проводе» кроме подрайонных имелись различные «референтуры». Основными из них являлись: организационно-мобилизационная, пропаганды, службы безопасности (СБ), военная и хозяйственная. Каждую референтуру возглавлял референт, который подчинялся руководителю территориальной организации ОУН. Через референтуры осуществлялось выполнение политических решений руководства ОУН[41].

Наличие крупных формирований ОУН — УПА в 1944–1945 гг. несколько облегчало органам государственной безопасности их выявление, позволяло широко применять войска для блокирования, обнаружения и уничтожения вооруженных организаций ОУН и подразделений УПА. В результате проведенных чекистско-войсковых операций многих участников ОУН — УПА и их пособников удалось ликвидировать. Стремясь сохранить свои силы, руководство ОУН — УПА приняло решение о роспуске УПА и передаче ее подразделений в подпольные организации[42]. В горных районах западных областей Украины, несмотря на роспуск УПА, некоторое время продолжали существовать отдельные группы, считавшие себя отрядами УПА, обособленными от организаций ОУН[43].

На территории ряда западных областей Белорусской ССР, Украинской ССР и Виленской области Литовской ССР активную борьбу вели польские подпольные вооруженные

Боевики УПА в форме Красной армии

формирования. Самой разветвленной польской подпольной организацией являлась Армия Крайова (АК). Во главе организации стоял главный комендант АК, которому подчинялись военные округа. Для обеспечения управления в главной комендатуре были организованы отдел главного коменданта АК, занимавшийся разведывательной и контрразведывательной деятельностью, организационный отдел, в ведении которого находились вопросы общего характера. Военный округ объединял от двух до пяти инспекторатов. Инспекторат, или подокруг, организовывал и контролировал через штаб подрывную деятельность на территории 3–6 уездов. Штабу подчинялись 3–4 обвода. Инспектораты именовались «Север», «Юг», «Восток», «Запад» или носили названия основного города в районе, где он действовал.

Органы государственной безопасности в ходе чекистско-войсковых операций в 1944–1945 гг. нанесли ряд серьезных ударов по польским формированиям, в ходе которых подразделения АК были в основном разгромлены. Кроме того, в ходе мероприятий советского правительства из Белоруссии в Польшу выехало 151 646 хозяйств, что составило в общей сложности 520 495 человек[44]. Тем самым была подорвана социальная база польского подполья, что вынудило руководство АК полностью отказаться от продолжения борьбы.

Непосредственно в Белоруссии национальные вооруженные формирования были малочисленны, не имели стройной организации, и по своей деятельности их правильнее отнести к уголовным бандам.

В отличие от ОУН — УПА руководителям подполья в Прибалтийских республиках не удалось создать у себя единого руководящего центра, который координировал бы всю деятельность вооруженных повстанческих формирований. Благодаря предпринятым перед

войной усилиям немецкая разведка смогла создать на территории Литвы многочисленные вооруженные отряды, которые с началом боевых действий поддержали немецкое наступление.

Первой организационной структурой, поставившей перед собой задачу добиваться восстановления независимости Литвы, был Верховный комитет освобождения Литвы (ВКОЛ), созданный в ноябре 1943 г. (лидеры К. Белинис, А. Гинейтис и П. Шилас) и поддерживавший идею формирования территориальных сил обороны[45]. В изданном комитетом манифесте указывалось, что он «создается как единая организация для руководства всеми политическими партиями и организациями Литвы». Организация установила контакт с немецким командованием и разведорганами, оказавшими ей значительную помощь в вооружении, снабжении материально-техническими средствами, радиосредствами, деньгами. В Кенигсбергской разведшколе была создана специальная литовская группа, в которой националисты обучались разведывательно-диверсионной работе.

Для руководства организацией был образован верховный штаб с двумя запасными составами, восемь окружных штабов с тремя запасными составами для каждого и более двадцати уездных штабов, возглавлявших вооруженные отряды националистов. Организационно ее структура делилась на два сектора — оперативный (действующий) и организационный. В оперативный сектор входили собственно вооруженные формирования, боевики которых находились на нелегальном положении. Члены организационного сектора проживали легально, в их обязанности входили разведка и материальное обеспечение.

Основной действующей и организационной силой ВКОЛ являлась Литовская освободительная армия (ЛЛА), которая возникла на базе националистических организаций и групп, объединившихся для борьбы за независимое литовское государство. Инициаторами ее создания были офицеры бывшей литовской армии. ЛЛА являлась новой военной организацией, руководителями и членами которой были литовцы различных политических направлений и течений. Руководством ЛЛА территория Литвы была разделена на девять территориальных округов[46]. Окружной штаб ЛЛА подчинялся верховному штабу и руководил деятельностью организации на территории нескольких уездов. Так, Шауляйский окружной штаб ЛЛА «Сокалас» (сокол) возглавлял организацию ЛЛА Шауляйского, Телынайского, Мажейкяйского и Кретингского уездов. Уездный штаб ЛЛА подчинялся окружному штабу, возглавлял и руководил деятельностью волостных вооруженных отрядов «Ванагай» (ястребы) из числа местных жителей по принципу структурного построения бывшей литовской армии. Количество взводов, рот и батальонов в каждой волости зависело от числа участников. На основании приказа Шауляйского окружного штаба «Сокалас», в подразделениях «Ванагай» создавались диверсионно-террористические группы (от взвода — 3—5 человек, от батальона или роты — взвод), на которые возлагались задачи совершения терактов. Телынайский уездный штаб ЛЛА «Воверис» (белка) в своем составе имел отделы связи, пропаганды, разведки и хозяйственный отдел. Деятельность боевых отрядов ЛЛА была организована по армейскому принципу: принятие присяги, подчинение статьям устава, по возможности ношение военной формы (в основном старой литовской армии), были введены командные должности и знаки различия.

В период наступления Красной армии основной задачей ЛЛА стала борьба с отступающими немецкими частями с целью не допустить разграбления государственного имущества республики. Кроме того, руководство «освободительной армии» стремилось вооруженным путем воспрепятствовать захвату польскими подпольными формированиями г. Вильно и Виленской области. С приходом Красной армии ЛЛА переориентировалась на борьбу против советской власти: вооруженная борьба за создание независимой Литвы, противодействие арестам и депортациям лиц литовской национальности, осуществление терактов над советско-партийным активом, проведение активной агитации, направленной на срыв мобилизации в Красную армию и проводимых советской властью хозяйственных и политических мероприятий.

С июля по октябрь 1944 г. выступления повстанцев были слабо организованными. Руководством ЛЛА предусматривались объединение всех дезорганизованных отрядов, принятие ими присяги, установление связи между ними и создание новых отрядов в тех

Й. Жемайтис

А. Раманаускас

местах, где их еще не было, а также организация скрытой борьбы против НКВД и местных сотрудников администрации. Командирам «Ванагай» особо рекомендовалось без указаний штаба не проводить боевых операций против тех частей Красной армии, которые не имели задач на ведение борьбы против повстанцев. Не разрешалось также без приказа разрушать коммуникации и военное оборудование, если этого не требовала обстановка, связанная с обеспечением безопасности отряда. Более того, в приказе содержалось требование помогать войскам Красной армии, вступившим на территорию Литвы, но списки руководителей ЛЛА, личного состава и оружие передавать запрещалось[47].

В приказе главного штаба ЛЛА № 4 от 10 декабря 1944 г. перед ее командирами ставились другие задачи: «Объединить все вооруженные силы, действующие в стране, и уже объединенными силами вести активную подпольную работу против большевистского террора. При падении оккупационного режима и разгрома Красной Армии перейти в открытую борьбу, мобилизуя для этой цели весь народ»[48]. Для выполнения поставленных задач главный штаб дал указание запугивать местную администрацию, милицию и отдельных активистов и держать их в напряжении, чтобы под угрозой смерти они не могли добросовестно выполнять свои обязанности. Убирать следовало только самых убежденных «сторонников Москвы».

Следуя этим указаниям, формирования Литовской освободительной армии с декабря 1944 г. активизировали свою подрывную деятельность. Весной 1945 г. общая численность повстанцев достигла 30 тыс. человек. Однако, несмотря на все попытки, националистам так и не удалось добиться полной централизации движения (первое крупное совещание командиров повстанческих округов состоялось лишь летом 1946 г.). Движение продолжало носить в основном разрозненный характер, отличалось большой автономией различных отрядов и их независимостью от руководящего центра. Сопротивление выражалось в форме террористических актов по отношению к партийным и советским работникам на местах, пропагандистам и агитаторам, ответственным за проведение коллективизации, рядовым литовцам, заподозренным в сотрудничестве с новыми властями.

Благодаря активным действиям, а также из-за слабости советских органов власти на местах ЛЛА удавалось в 1944—1945 гг. держать под своим контролем целые районы, особенно в южной Литве. На востоке, в Латгалии, действовала организация Объединение защитников Отечества (партизан) Латвии (ОЗОПЛ) общей численностью около 2 тыс. человек под руководством ксендза А. Юхневича. Север республики находился под влиянием Национального объединения партизан Латвии (НОПЛ), насчитывавшего свыше 1200 человек. В Курляндии (западная часть Латвии) хозяйничала созданная германской разведкой и оставленная в подполье для проведения подрывной работы организация «СС Ягдфербанд Остланд». Во главе ее находился штаб, в волостных центрах и крупных населенных пунктах Курляндии организацией были созданы диверсионно-террористические группы численностью 20—30 человек каждая. В г. Кулдига в «СС Ягдфербанд Остланд» насчитывалось до 100 участников[49]. Организация была укомплектована членами латышских формирований, входивших в состав курляндской группировки немецких войск, участниками военно-фашистской организации «Айзсарги», полицейскими и немецкими пособниками. Подавляющее большинство из них прошло подготовку в германских разведывательных школах и на специальных курсах при штабе Латышского легиона СС.

После разгрома курляндской группировки немецких войск, из имевшихся при штабе «СС Ягдфербанд Остланд» трех взводов были сформированы диверсионно-террористические группы численностью 10—15 человек, направленные в ряд уездов Латвийской ССР для связи с действующими там вооруженными бандами и активизации их диверсионно-террористической и антисоветской деятельности[50]. На базе «СС Ягдфербанд Осланд» также было создано вооруженное формирование, в составе которого насчитывалось до 150 диверсионно-разведывательных групп, включавших 2 тыс. человек[51]. В Курляндии также действовали бандгруппы, именовавшие себя «Орлы Отечества» и Организация национальных партизан.

В середине 1944 г. по согласованию с германской разведкой была восстановлена организация «Латвияс Сарги», члены которой делились на активных и пассивных. Активные, составлявшие основную боевую часть организации, называлась «Изласес Виениба» («Отборная часть»). Всего было создано 17 отборных боевых групп, которыми руководил оперативный штаб. Боевые группы предназначались для подготовки диверсионно-террористических актов в советском тылу, для чего члены боевых групп обучались владению всеми видами оружия, тактике партизанской борьбы. Пассивные члены организации использовались как пособническая база для организации снабжения и сбора необходимой для деятельности активных членов разведывательной информации. В сентябре 1944 г. к «Латвияс Сарги» присоединился ряд мелких националистических формирований — «Лачплесис», «Таутас Болс», «Латвиетис», «Бривибас Цинитаи» и другие. После вступления на территорию Латвии советских войск большинство боевых групп отступило вместе с немецкими войсками на территорию Курляндии, где участвовало в боевых действиях до конца войны.

В Латвии создание вооруженных формирований проходило по двум основным направлениям. В первом случае их ядром стали диверсионные группы, подготовленные немецкими спецслужбами для деятельности в советском тылу[52]. Наиболее известные из них — группы «Лесные кошки» и «Охотники». Это были хорошо вооруженные и обученные отряды, однако большинство повстанческих формирований возникало стихийно, рекрутируя свой состав главным образом из лиц, уклонявшихся от мобилизации в Красную армию[53]. Наиболее широко националистическое движение развернулось в Абренском, Лудзенском, Резекненском, Илукстском, Даугавпилсском, Екабпилсском, Тукумском, Талсинском, Мадонском, Валском, Кулдигском и Вентспилсском уездах[54]. Немцы вооружили и обучили значительное количество членов националистических организаций, что облегчало их подготовку к вооруженной борьбе с советской властью. В отличие от украинских националистов латышские изначально действовали небольшими группами по 10—20 человек. Только в двух документах говорится об отрядах в 150 и 270 человек. Методы борьбы совпадали — на первом месте стоял террор по отношению к представителям советской власти.

Литовские «лесные братья»

Бывший помощник офицера разведоргана абверштелле «Остланд» Г. В. Хеннинг на следствии показал: «Зимой 1944 г. в Ригу, в «Абверштелле Остланд» приехал начальник 2-го управления абвера при верховном главнокомандовании вооруженных сил Германии полковник Фраймаг фон Лорингоен[55], который дал начальнику «Абвера-2» «Абверштелле Остланд» полковнику Гребе приказание приступить к созданию тайных складов с оружием на всей территории Прибалтики. После отъезда фон Лорингоена со всех армейских складов группировки «Норд» стали свозить оружие русского образца в местечко Ульброк, где это оружие приводилось в порядок, после чего оно упаковывалось и вывозилось в распределительные склады, а оттуда — к местам закладок. Работа по созданию тайных складов в Прибалтике закончилась: в северной части Латвии — в начале июля 1944 г., в Курляндии — 10 июля, в Эстонии — в середине августа 1944 г.».

Так же, как в Латвии и Литве, с началом войны в Эстонии развернулось повстанческое движение. Свою деятельность «лесные братья» проводили в координации с немецкими диверсионными группами, а впоследствии — с немецкими войсками. Отдельные лица и группы «лесных братьев» вступали в ряды германской армии[56]. Так, с началом боевых действий на территории Эстонии в республику была заброшена диверсионная группа «Эрна», сформированная из эстонцев, проходивших службу в Финляндии. Возглавлял ее агент абвера полковник А. Кург. На территории Эстонии к ней присоединились лица, скрывающиеся в лесах от мобилизации в Красную армию, и численность отряда достигла 2 тыс. человек.

В городах действовали подпольные антисоветские организации, осуществлявшие разведывательную и диверсионную работу, а при приближении немецких войск переходившие к открытым вооруженным выступлениям. Подобные выступления, в частности, имели место в городах Вильянди и Тарту[57].

В первые дни немецкой оккупации в Эстонии была воссоздана организация «Кайтселиит», вскоре расформированная, а 2 августа 1941 г. на ее базе с разрешения немецких властей создана антисоветская организация «Омакайтсе» («Самозащита», «Корпус самообороны»). Уже к концу 1941 г. в «Омакайтсе» добровольно вступили 43 757 человек. Были созданы женские отряды «Омакайтсе» — «Женская защита дома», в задачи которых входило оказание хозяйственной помощи отрядам самообороны. С сентября 1941 г. уездные организации «Омакайтсе» стали делиться на окружные, окружные — на районные, а районные — на волостные. С 5 августа 1942 г. уездные организации переименовали в малевы (дружины). Начальник уездной дружины подчинялся полицейскому префекту, а дружина подразделялась на батальоны и роты. С введением в 1943 г. обязательной службы в «Омакайтсе» ее численность выросла до 65 тыс. человек. В 1944 г. сотрудники немецких спецслужб оказали «Омакайтсе» помощь в создании тайных складов с оружием и боеприпасами для ведения борьбы с советскими войсками.

Помимо «Омакайтсе» на территории республики были созданы и действовали другие националистические организации, наиболее активными из которых были Народный эстонский независимый союз, «Свободная Эстония» и Национальный комитет Эстонии.

Развитие организованных форм повстанческого движения в Эстонии осложнило то, что органами НКВД — НКГБ в ходе освобождения Таллина были захвачены немецкие архивы, где содержалась информация об участниках национальных подпольных организаций, их пособниках и связях. Этот и другие факторы повлияли на деятельность «лесных братьев» в Эстонии — она была разрозненной, а ее активность невелика. В 1945 г. произошло объединение бандгрупп в уездах Лянемаа и Харьюмаа, позднее из объединенных бандгрупп возникла подпольная организация Лига вооруженного сопротивления. Ее цель заключалась в «подготовке вооруженного восстания против советского режима в тот момент, когда Англия и США начнут войну против Советского Союза или произойдет политический переворот в самом СССР»[58]. Активных действий она не вела.

Таким образом, оперативная обстановка на территории СССР в 1941–1945 гг. характеризовалась наличием значительного количества политических организаций, стремящихся создать независимые государства и для этого организовывавших вооруженные формиро-

Эстонские «лесные братья»

вания с целью навязать вооруженное столкновение или поднять вооруженное восстание; большим количеством находящихся на нелегальном положении участников карательных батальонов и легионов СС, служащих полиции, жандармерии, людей, служивших в составе немецко-фашистских войск и других карательных органах; сильным влиянием на население региона представителей церкви, откровенно призывающих к непримиримой борьбе с советской властью, активно использующих при этом догмы националистического характера; преобладание у местного населения воззрений националистического характера вследствие некоторых особенностей исторического развития республик Северного Кавказа, Прибалтики, западных областей Украины и Белоруссии и других регионов. Эти факторы обусловили некоторые успехи руководителей повстанческого движения по созданию вооруженных формирований и их деятельности.

Организация таких формирований на территории СССР была различной, складывалась и изменялась в зависимости от политической обстановки в регионе и под воздействием оперативных ударов со стороны органов государственной безопасности. Вместе с тем для всех таких формирований на территории СССР можно выделить общие черты:

— руководство — глубоко законспирированная группа лиц (лидер), располагающая обширными связями с зарубежными националистическими центрами или спецслужбами иностранных государств и выполняющая их распоряжения и указания;

— доверенные лица руководства, непосредственно планирующие и осуществляющие управление их деятельностью на всех уровнях (край — область — район);

— обширная сеть пособников, а также агентурный аппарат различного назначения, с помощью которых решались не только разведывательные и контрразведывательные задачи, но и обеспечивалось материально-техническое, финансовое снабжение и пропагандистское обеспечение подрывной деятельности;

— подразделения осуществления силовых акций (диверсий, налетов, засад), соответствующим образом вооруженных и экипированных, а также группы всестороннего обеспечения их деятельности (разведки, контрразведки, связи, материального обеспечения и т. д.).

Важнейшим изменением в организационной структуре вооруженных формирований являлся переход с крупных организационных структур на мелкие, более подвижные и менее уязвимые.

Их подрывная деятельность в исследуемый период проводилась по следующим основным направлениям:

— организация террористической деятельности — убийство местных партийных и советских работников, сотрудников НКВД и НКГБ, местных жителей, активно участвующих в общественной жизни;

— организация диверсий с целью экономического ослабления советского строя и дестабилизации обстановки в регионе;

— проведение широкой антиправительственной агитации и пропаганды, направленной на срыв мероприятий органов государственной власти и управления, разжигание национальной розни, распространение клеветнических измышлений о политике советского руководства;

— разведывательная деятельность в интересах иностранных спецслужб.

Целью подрывной деятельности незаконных вооруженных формирований были объекты железнодорожного и водного транспорта, узлы и линии связи, военные и промышленные предприятия, склады, хранилища и другое государственное и общественное имущество, работники и служащие органов государственной власти и управления, сотрудники НКВД, НКГБ и военнослужащие Советской армии, а также местные жители, активно участвующих в общественной жизни.

Формами подрывной деятельности вооруженных формирований являлись диверсия, террор, сбор разведывательных сведений, саботаж и вредительство, проведение налетов и засад. Значительное место отводилось агитации и пропаганде идей национализма и работе по дискредитации мероприятий советской власти. Осуществление бандформированиями подрывной деятельности менялось в зависимости от складывающейся политической и оперативной обстановки.

Основные направления деятельности органов НКГБ — НКВД СССР по борьбе с вооруженным подпольем

Борьба с вооруженным подпольем и его формированиями относилась к деятельности НКВД, в штате которого приказом НКВД СССР от 4 апреля 1941 г. «в целях усиления борьбы со всеми видами политического и уголовного бандитизма на территории СССР» в составе Главного управления милиции (ГУМ) был организован отдел по борьбе с бандитизмом (ОББ) во главе с Ш. О. Церетели, являвшимся также заместителем начальника ГУМ НКВД СССР.

В связи с тем что с началом Великой Отечественной войны заметно оживилась деятельность антисоветских элементов по всей стране, для организации и координации борьбы с ними приказом НКВД СССР от 30 сентября 1941 г. ОББ ГУМ НКВД СССР был реорганизован в самостоятельный отдел по борьбе с бандитизмом (ОББ) НКВД СССР во главе с бывшим начальником УНКВД Смоленской области С. А. Клеповым. Отдел состоял из трех отделений: 1-е отделение — Кавказ, Закавказье, Краснодарский край; 2-е отделение — РСФСР, Украина, Карело-Финская ССР; 3-е отделение — Средняя Азия, Казахстан, Дальний Восток.

Отделы по борьбе с бандитизмом были созданы в Грузинской, Армянской, Азербайджанской, Казахской, Узбекской, Таджикской, Туркменской, Киргизской ССР, Орджоникидзевском, Краснодарском, Хабаровском, Приморском краях, Чечено-Ингушской и Дагестанской АССР и Сталинградской области. Отделения по борьбе с бандитизмом были организованы в Украинской и Карело-Финской ССР, Северо-Осетинской, Абхазской, Аджарской, Бурят-Монгольской, Кабардино-Балкарской и Калмыцкой АССР, Красноярском и Алтайском краях, Ростовской, Тамбовской, Новосибирской, Омской и Читинской областях[59].

На укомплектование подразделений по борьбе с бандитизмом направлялись наиболее подготовленные и опытные сотрудники. В приказе об организации ОББ НКВД СССР указывалось, что при проведении операций по ликвидации формирований, а также задержанию одиночек и дезертиров из Красной армии наркомы внутренних дел республик, начальники УНКВД краев и областей используют истребительные батальоны, войска НКВД и милицию. В целях активизации борьбы с бандитизмом 2 октября 1941 г. был подписан приказ НКВД СССР по ликвидации бандитизма и вооруженных контрреволюционных выступлений в тыловых районах страны. Операции по ликвидации было предписано проводить опытным боевым командирам, чтобы обеспечить минимальные потери личного состава[60].

Приказом НКВД СССР от 15 мая 1943 г. были утверждены новые штаты, а следующим приказом от 31 мая 1943 г. объявлена штатная расстановка личного состава ОББ НКВД СССР (66 человек): начальник отдела — В. А. Дроздов, его заместители — В. З. Карлин, Н. К. Маричев, М. Т. Руденко и С. Г. Свирин; 1-е отделение — Азербайджанская, Армянская, Грузинская ССР; 2-е отделение — Чечено-Ингушская, Кабардино-Балкарская, Дагестанская и Северо-Осетинская АССР; 3-е отделение — Казахская, Киргизская, Узбекская, Таджикская и Туркменская ССР; 4-е отделение — Дальний Восток; 5-е отделение — Ставропольский, Краснодарский края, Калмыцкая АССР, Ростовская и Сталинградская области, Украинская ССР; 6-е отделение — Ленинградская, Московская, Калининская, Воронежская, Курская, Орловская, Тульская, Рязанская, Смоленская, Вологодская, Мурманская области, Карело-Финская ССР; 7-е отделение — Западная Сибирь, Урал, Верхняя и Средняя Волга, Центральная полоса РСФСР; 8-е отделение — борьба с дезертирами и уклоняющимися от мобилизации; секретариат ОББ НКВД СССР. Также была утверждена расстановка негласного состава ОББ НКВД СССР в количестве 50 человек: 9-е отделение или отделение разведки ГУББ НКВД СССР во главе с М. В. Офицеровым. В 1943–1944 гг. в составе ОББ НКВД СССР были образованы отделения по обслуживанию спецпереселенцев-калмыков и спецпереселенцев с Северного Кавказа.

С освобождением в 1944 г. западных областей Белоруссии и Украины, а также территории Литвы, Эстонии и большей части Латвии там начинали свою работу органы внутренних дел и государственной безопасности сначала в виде оперативных групп, а затем как вновь организованные наркоматы или управления НКВД и НКГБ. По состоянию на 13 октября 1944 г. в ОББ НКВД республик числилось следующее количество сотрудников, работающих по линии борьбы с бандитизмом вместе с периферийными органами НКВД: в Белорусской ССР — 351 человек (37 человек в аппарате ОББ), в Латвийской ССР — 63 (23), в Литовской ССР — 75 (20), в Украинской ССР — 1710 (48), в Эстонской ССР — 461 (31).

Борьбой с политическим бандитизмом занималось также 2-е управление (контрразведывательное) образованного в 1943 г. НКГБ СССР, борьба с антисоветскими организациями поручалась 3-е управлению НКГБ (секретно-политическое). В целях успешного проведения борьбы с вооруженным подпольем, обеспечения ликвидации его повстанческих формирований и улучшения руководства оперативной работой органов НКВД в целом приказом министра НКВД СССР от 1 декабря 1944 г. на базе отдела по борьбе с бандитизмом НКВД СССР было образовано Главное управление НКВД СССР по борьбе с бандитизмом (ГУББ НКВД СССР)[61].

В западных регионах СССР были усилены районные и областные аппараты НКВД — НКГБ, созданы новые; районные отделения НКВД реорганизованы в районные отделы с отделениями по борьбе с бандитизмом при них (по 3–5 человек). Областные аппараты

НКВД были усилены работниками, имеющими опыт по борьбе с повстанческими формированиями[62]. В наркоматах внутренних дел Украины и Белоруссии на базе отделов были созданы управления по борьбе с бандитизмом, во главе которых поставлены руководящие работники центрального аппарата; в областях, где деятельность вооруженных формирований приобрела наибольший размах, начальники УНКВД — УНКГБ были заменены более опытными руководителями[63].

В конце сентября 1944 г. НКВД на основе опыта борьбы с повстанческими формированиями принял решение об изменении штатной структуры созданных в мае — июне пограничных отрядов западных округов. Была увеличена численность погранзастав с 32 до 50 человек, маневренных групп — со 150 до 250 человек. Общая штатная численность пограничных отрядов была доведена с 1630 до 1864 человек[64]. Каждый отряд теперь имел 20 линейных и четыре резервные заставы в составе четырех пограничных комендатур, а также получил автотранспорт, что повысило маневренность его подразделений.

В условиях резкого усиления бандитизма в освобожденных от противника западных областях Украины с целью совершенствования планирования и проведения операций, более рационального использования сил и средств, улучшения взаимодействия между частями и соединениями войск НКВД и Красной армии, органами НКВД — НКГБ и контрразведки Смерш Главным управлением войск НКВД по охране тыла была издана специальная директива. Борьба с бандитизмом определялась как одна из важнейших задач войск НКВД по охране тыла, при этом отмечалось, что операции по ликвидации повстанческих групп в основном проводились успешно, однако при подготовке некоторых операций были допущены ошибки, руководство осуществляли неподготовленные офицеры. Директива предписывала обратить серьезнейшее внимание на предварительную тщательную подготовку каждой операции по борьбе с бандитизмом, составлять план операции, в котором предусматривать: силы и средства, задачи, руководство (конкретные лица), вопросы разведки, взаимодействие внутри части и с частями Красной армии, органами НКВД — НКГБ, ГУКР Смерш и местными советскими парторганами, материальное обеспечение, ход операции и другие вопросы, вытекающие из условий конкретной обстановки. Каждый случай провала операции, неумелых действий личного состава, факты недостойного поведения при боевых столкновениях тщательно расследовать и виновных привлекать к строгой ответственности, вплоть до предания суду военного трибунала.

Для борьбы с повстанческими формированиями украинских националистов были приняты экстренные меры. В дополнение к имевшимся четырем бригадам внутренних войск НКВД (10 тыс. человек) и четырем пограничным полкам по охране тыла (4 тыс. человек) в Ровенскую и Волынскую области были направлены две дивизии, четыре бригады, кавалерийский полк и танковый батальон войск НКВД общей численностью 28 тыс. человек. Для организации на местах необходимых оперативных мероприятий на Украину были командированы заместители наркома внутренних дел С. Н. Круглов и И. А. Серов с группой квалифицированных работников НКВД — НКГБ. Было создано семь оперативных войсковых групп, которые сразу же приступили к выявлению и ликвидации банд[65].

9 октября 1944 г. Л. П. Берия и В. Н. Меркулов подписали совместный приказ НКВД СССР и НКГБ СССР «О мероприятиях по усилению борьбы с оуновским подпольем и ликвидации вооруженных банд ОУН в западных областях Украинской ССР», которым руководство этой агентурно-оперативной работой в УНКВД — УНКГБ Львовской, Станиславской, Дрогобычской и Черновицкой областей Украины было возложено на наркома внутренних дел Украинской ССР комиссара государственной безопасности 3 ранга В. С. Рясного, а его помощниками назначены нарком государственной безопасности Украинской ССР комиссар государственной безопасности 3 ранга С. Р. Савченко и начальник погранвойск НКВД Украинского округа генерал-майор П. В. Бурмак. Руководство агентурно-оперативной работой по борьбе с оуновским подпольем и вооруженными бандами ОУН в УНКВД — УНКГБ Ровенской, Волынской и Тернопольской областей УССР было возложено на заместителя НКВД Украинской ССР генерал-лейтенанта Т. А. Строкача, в помощь которому назначены

заместитель НКГБ УССР комиссар государственной безопасности Д. И. Есипенко и начальник ВВ НКВД Украинского округа генерал-майор М. П. Марченков.

Руководству НКВД и НКГБ Украинской ССР было приказано: усилить меры репрессий в отношении членов семей активных участников оуновских организаций и банд как арестованных или убитых, так и находящихся на нелегальном положении (выселение в отдаленные районы страны и конфискация имущества); лиц, уклоняющихся от мобилизации в Красную армию, после задержания направлять для проверки в спецлагеря НКВД; в работе по ликвидации оуновских организаций и банд наряду с агентурно-осведомительной работой широко практиковать привлечение местного населения, для чего создать при участковых уполномоченных милиции вооруженные группы содействия, вовлекая в эти группы честных советских граждан из числа членов семей военнослужащих Красной армии, местного партийно-советского актива и лиц, пострадавших от оуновских банд. Также требовалось регулярно информировать о ходе борьбы с вооруженным подпольем и ликвидации вооруженных банд ОУН первого секретаря ЦК КП(б) Украины Н. С. Хрущева и первых секретарей обкомов КП(б)У западных областей УССР.

Указанным приказом ОББ НКВД Украинской ССР был реорганизован в Управление по борьбе с бандитизмом (УББ), которое возглавил (по совместительству) заместитель НКВД УССР, бывший начальник Украинского штаба партизанского движения Т. А. Строкач.

Штаб Украинского пограничного округа во второй половине 1944 г. также направил несколько указаний, касающихся борьбы с ОУН — УПА, в том числе «Об усилении борьбы с бандами УПА в погранполосе», «О пассивных действиях начальников 2-го, 98-го погранотрядов по ликвидации банд на своих участках», «Об улучшении качества работы по поиску и ликвидации банд УПА» и другие[66].

Для усиления работы органов НКВД — НКГБ в западных областях Украинской ССР существовавшие районные отделения НКВД — НКГБ были реорганизованы в районные отделы, а при них созданы отделения по борьбе с бандитизмом. В распоряжение НКВД — НКГБ Украинской ССР из НКВД СССР и НКГБ СССР откомандировывались по 250 опытных оперативных работников, одновременно направлялись по 50 опытных сотрудников «для замены начальников райотделов НКВД и НКГБ западных областей УССР, не отвечавших своему назначению». Для улучшения следствия по делам арестованных участников антисоветского подполья и главарей банд были созданы специальные следственные группы. Начальники управлений НКВД западных областей УССР должны были о проводимых мероприятиях по борьбе с оуновским подпольем и вооруженными бандами систематически информировать первых секретарей соответствующих обкомов партии.

Аналогичные мероприятия были проведены и в западных областях Белоруссии. Приказом НКВД — НКГБ СССР от 12 октября 1944 г. ОББ НКВД Белорусской ССР были реорганизованы в управления по борьбе с бандитизмом. Общее руководство работой УНКВД — УНКГБ Барановичской, Молодеченской, Гродненской, Пинской и Брестской областей поручалось наркому внутренних дел Белоруссии С. С. Бельченко. В распоряжение НКВД Белорусской ССР из НКВД СССР и НКГБ СССР откомандировывались 200 опытных оперативных работников и 50 сотрудников — для комплектования подразделений по борьбе с бандитизмом в райотделах. В Белоруссию было направлено 13 полков войск НКВД общей численностью 18 890 человек. На Белостоцкой и Брест-Литовской железных дорогах в распоряжение командира 14-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог дополнительно к двум бронепоездам направлялись один батальон (350 человек), 30-й и 56-й бронепоезда войск НКВД, каждому из которых придавалась маневренная группа по 100 человек, также НКВД Белорусской ССР дополнительно выделялись 60 грузовых автомашин и пять автомашин «виллис». Для организации работы и оказания практической помощи в Белоруссию выезжал заместитель наркома внутренних дел СССР И. А. Серов.

16 декабря 1944 г. В. Н. Меркулов и С. Н. Круглов подписали совместный приказ НКГБ СССР и НКВД СССР, которым в целях усиления агентурно-оперативной работы органов НКГБ — НКВД на территории Литовской ССР были организованы девять оперативных

секторов: Вильнюсский, Каунасский, Шауляйский, Паневежский, Мариямпольский, Алитусский, Телыпяйский, Утенский и Кедайнский. Перед сотрудниками органов НКГБ — НКВД стояла задача по выявлению, изъятию и полному разгрому антисоветских литовских и польских националистических организаций: изъять оружие и нелегальную технику, а также ликвидировать бандитские шайки, дезертиров Красной армии, лиц, уклонявшихся от призыва в Красную армию, обеспечить арест скрывавшихся в уездах Литовской ССР немецких солдат и офицеров.

Руководство работой по борьбе с вооруженными формированиями поручалось наркому внутренних дел Литовской ССР И. М. Барташунасу. Штат отдела по борьбе с бандитизмом республиканского наркомата был увеличен на 15 человек, на местах в уездных отделах НКВД было разрешено создавать отделения, дополнительно выделялись 30 грузовых автомашин, две автомашины «виллис», 24 радиостанции типа «Белка» и соответствующее количество радистов, а также на три месяца прикомандировывались 35 опытных оперработников.

Следующим шагом по укреплению периферийных органов НКГБ Литовской ССР стала организация в 159 центрах волостных оперативных пунктов, подчиненных соответствующим уездным отделам. На укомплектование органов НКВД — НКГБ Литовской ССР были направлены свыше 800 оперативных работников из других областей СССР и приданы 11 полков пограничных и внутренних войск НКВД. Одновременно НКВД СССР выступил с предложением выселить около тысячи семей активных участников вооруженных формирований. На Литовской железной дороге в распоряжение командира 14-й дивизии войск НКВД по охране железных дорог дополнительно к уже имевшемуся бронепоезду был направлен учебный бронепоезд войск НКВД с приданной маневренной группой из 100 человек. Для координации работы по борьбе с бандитизмом в Литву выезжали заместитель наркома внутренних дел СССР И. А. Серов и нарком госбезопасности БССР Л. Ф. Цанава.

Для оказания помощи в организации оперативной и следственной работы на территории Латвии и Эстонии в распоряжение органов НКВД — НКГБ республик были направлены опытные оперативные работники и следователи из других регионов СССР. Так, в Латвию в январе 1945 г. командировались 118 оперативных работников и 15 следователей НКГБ СССР из различных республик и областей Советского Союза[67]. ГУББ НКВД СССР направлял в Эстонию 16 оперативных работников руководящего звена, которые оказывали помощь отделам на местах в течение 897 и 1089 рабочих дней соответственно[68].

В декабре 1944 г. появилась еще одна специальная структура — штаб для оперативного руководства войсковыми операциями по подавлению повстанческого движения в Прибалтике во главе с начальником внутренних войск НКВД Прибалтийского военного округа генерал-майором Головко.

Особое внимание руководством НКВД и НКГБ СССР уделялось воспитанию и обучению оперативного состава чекистских подразделений республик. К работникам органов государственной безопасности предъявлялись высокие требования, прежде всего добросовестное отношение к служебному долгу, дисциплине, строгому соблюдению законности.

Для повышения оперативного мастерства сотрудников органов государственной безопасности в борьбе с бандитизмом и обмена опытом в работе в ноябре 1943 г. в Москве проводилось оперативное совещание с начальниками отделов по борьбе с бандитизмом управлений НКВД Московской, Ленинградской, Калининской, Орловской, Курской, Воронежской, Тульской, Рязанской, Ивановской, Ярославской и Смоленской областей. В декабре 1943 г. и первой половине 1944 г. вызывались с докладами и инструктировались по вопросам работы 17 начальников отделов по борьбе с бандитизмом из других краев и областей.

В республиканских центрах западных регионов СССР (Минск, Львов, Вильнюс, Рига, Таллин) и на местах регулярно проводились совещания, на которых осуществлялся разбор характерных дел по разработкам конкретных повстанческих организаций. Такая форма обучения оперативного состава при большом дефиците сотрудников низшего и среднего звена являлась выходом из создавшегося положения, так как напряженная оперативная обстановка не позволяла посылать сотрудников на учебу на длительные сроки.

Внимание к подбору и обучению оперативных работников не было случайным, так как в их руках находилось основное средство борьбы с повстанческими формированиями — агентурный аппарат. Изучение состояния агентурного аппарата, использовавшегося органами государственной безопасности по линии борьбы с бандформированиями в 1944–1945 гг., показало, что он не отвечал требованиям времени как по количественному, так и по качественному составу. Так, например, в западных областях Украины при наличии 2859 организаций и вооруженных формирований сепаратистов агентурный аппарат на 1 января 1945 г. включал: резидентов — 45, агентов — 725, осведомителей — 5628. Из этого числа в вооруженных формированиях агентов не было[69].

Такое положение объяснялось рядом причин:

— практически отсутствовала агентура, которая могла быть использована в разработке бандформирований, так как после освобождения республик Прибалтики, Украины и Белоруссии органы государственной безопасности еще не успели провести необходимую целевую вербовочную работу;

— имевшаяся агентура была не подготовлена и не ориентирована на разработку подпольных организаций и их вооруженных формирований;

— отсутствовала агентура из участников подполья и их пособников;

— большая часть из имевшейся агентуры не проявляла активности в разработке вооруженных формирований, боясь быть заподозренной в связях с органами НКВД — НКГБ и подвергнуться террору со стороны повстанцев.

Органам государственной безопасности в трудных условиях оперативной обстановки 1944–1945 гг. необходимо было практически заново создать специфический агентурный аппарат, с помощью которого в самые короткие сроки ликвидировать подпольные организации и бандформирования националистов. Следует отметить, что в этот период оперативным составом НКВД — НКГБ с целью внедрения в вооруженные формирования агентов осуществлялось большое количество вербовок. Так, при проведении чекистско-войсковой операции по очистке Пинской, Брестской, Ровенской и Волынской областей Украины и Белоруссии от банд ОУН — УПА в ходе работы по приобретению агентуры с 15 по 20 января 1945 г. органами НКВД — НКГБ в Брестской области были завербованы девять резидентов, 18 агентов-внутренников, 68 агентов-маршрутников, 544 осведомителя; в Пинской области — семь резидентов, 44 агента-внутренника, 29 агентов-маршрутников и 525 осведомителей[70].

Но в большей степени решить задачу приобретения агентов помогло характерное стремление подполья вовлечь в 1944–1945 гг. в свои организации максимальное количество участников. Этот фактор был использован органами безопасности для внедрения своей агентуры и позволил им в короткие сроки создать работоспособный агентурный аппарат в среде сепаратистского движения. Создание агентурного аппарата в короткие сроки имело как положительные, так и отрицательные стороны.

В качестве положительного можно отметить следующее: агентура информировала органы государственной безопасности о планах и намерениях руководителей подпольных организаций, местах их дислокации, количественном составе, вооружении и пособнической базе; с ее помощью проводились оперативные мероприятия по разложению политических организаций и бандформирований националистов, распространялись листовки и слухи для создания в среде подполья атмосферы недоверия, антагонизма и подозрительности; подводились под оперативный удар бандформирования, их участники склонялись к явке с повинной.

Однако не было учтено то, что агентура, предназначавшаяся для борьбы с подпольем, отличается от агентуры, использовавшейся по другим направлениям оперативной деятельности органов безопасности. Специфика агентуры этой категории заключалась в том, что хоть она и приобреталась в основном из лиц, лично не имевших никакого отношения к повстанцам, но через обширные родственные связи во многом от них зависела. Решая задачу насыщения агентурой вооруженных формирований, органы безопасности внедрили в вооруженное подполье лиц, которые в большинстве своем по личным качествам и степени подготовки были непригодны для его разработки и, как правило, становились на путь предательства.

Сюда же можно отнести и то, что на нелегальное положение переводились непроверенные агенты и лица, в отношении которых имелись серьезные компрометирующие материалы. При разработке конкретных вооруженных формирований тех или иных подпольных организаций имели место случаи несогласованности выполнения мероприятий, проводившихся отдельными подразделениями органов НКГБ — НКВД, что влекло за собой ненужную трату средств и времени, а порой и срыв самих планов ликвидации повстанческих групп. Недостаточно квалифицированное руководство действиями агентуры со стороны оперативных работников, которые применяли некоторые «вольности»: прием агентов в зданиях районных отделов НКВД — НКГБ; вызов агентов на встречу вместе с другими гражданами в помещения сельсоветов; посещение квартиры агента под видом проверки документов или обыска; использование для вызова местных жителей и бойцов истребительных батальонов; прибытие на место конспиративной встречи на автомобиле или подводе одного из местных жителей.

Допущенные просчеты в работе с агентурным аппаратом позволили руководителям повстанческих формирований раскрыть формы и методы работы органов безопасности и создать эффективную систему противодействия проникновению агентуры органов НКВД — НКГБ в свои ряды. Так, в изъятой органами безопасности инструкции ОУН «Агентура НКВД — НКГБ в действии» говорилось, что «эти формы и виды в значительной мере стандартны и дают познать их методы работы», и указывались действенные меры по усилению конспирации и ограждению организаций от провала[71].

В целом при должной организации работы с агентами органы НКВД — НКГБ достигали значительных успехов. Хорошо подготовленная и осуществленная вербовка агентов, их умелое использование позволяли органам безопасности в сравнительно короткие сроки, без больших затрат и человеческих жертв ликвидировать крупные вооруженные формирования, захватывать руководителей и активных участников подполья.

Специфическим и действенным мероприятием органов безопасности в ходе борьбы с участниками вооруженных формирований являлось использование агентов-боевиков и специальных (агентурно-боевых) групп. Деятельность агента-боевика была в достаточной степени эффективной, однако особое распространение получило использование спецгрупп, что объясняется их более широкими агентурными и боевыми возможностями. К примеру, для повышения эффективности борьбы органами МГБ Украины было создано 33 специальные (агентурно-боевые) группы, с участием которых удалось ликвидировать 620 человек и 220 формирований. Ряд главарей был скомпрометирован перед участниками националистического подполья через агентуру и впоследствии уничтожен ими самими, в том числе члены краевого «провода» ОУН Терешко, Чуб, надрайонный руководитель («проводник») Грицко и другие.

Агентурно-боевые группы действовали в основном под видом небольших бандгрупп (3–12 человек), комплектовались из завербованных участников подполья, проверенных в практической работе с органами безопасности. Руководителем группы назначался оперативный работник. Так, спецгруппа «Хмары» была сформирована из бывших партизан и легализованных бандитов численностью в 50 человек, для проведения агентурной работы в группу был включен работник НКВД УССР старший лейтенант Кащеев. В январе — феврале 1945 г. группа ликвидировала 54 участника ОУН — УПА[72]. В республиках Прибалтики во главе групп, как правило, стояли опытные и проверенные агенты.

В зависимости от оперативной обстановки задачами агентурно-боевых групп являлись: проверка агентурных данных в отношении лиц, причастных к повстанческим формированиям, установление их положения в организации, выявление организационных связей и мест укрытия этих связей; реализация агентурных и следственных данных по захвату руководителей, участников подполья и ликвидации повстанческих групп; получение показаний от выявленных участников подполья путем их допросов от имени СБ или вышестоящих звеньев организации; склонение неустойчивых участников подполья к явке с повинной или организация им негласных встреч с оперативными работниками с целью вербовки и использования в качестве агентов-внутренников; проверка и установление фактов двурушничества агентов органов НКВД — НКГБ, их розыск, захват или ликвидация.

Использование специальных агентов и спецгрупп показывает, что их деятельность не была направлена лишь на физическое уничтожение отдельных групп и одиночек. Они способствовали разложению вооруженного подполья, создавали атмосферу подозрительности и недоверия в его среде, боязнь не только объединяться, но и встречаться с участниками незнакомых групп. Отмечались случаи расправы над боевиками подполья, которые были необоснованно заподозрены в связях с органами государственной безопасности. Это вынуждало уцелевших участников разгромленных повстанческих формирований скрываться в одиночку или сдаваться властям.

Важным условием работы групп являлся постоянный оперативный контроль над ее членами. В этих целях из числа агентов-боевиков и их ближайшего окружения приобретались негласные источники, а при наличии возможностей осуществлялись оперативно-технические мероприятия. В район деятельности спецгруппы направлялся офицер по связи, который отвечал за снабжение и осуществлял общее руководство. Его обязанности мог исполнять начальник местного органа государственной безопасности, на территории которого действовала спецгруппа.

Использование спецгрупп показывает, что почти всегда контакт с членами вооруженных формирований или одиночками спецгруппы устанавливали при посредничестве их пособников. Прежде чем пойти на контакт со спецгруппой, они тщательно изучали ее состав, действия и поведение. Особенно тщательной проверке группы подвергались после ряда ударов по вооруженным формированиям со стороны органов государственной безопасности.

В связи с этим большое значение имели вопросы экипировки, вооружения и поведения членов спецгрупп. Спецгруппы вооружались аналогичным с участниками повстанческого движения оружием, имевшим подержанный внешний вид. Например, в Курляндии группы имели немецкие штурмовые автоматы и другое трофейное оружие, так как банды там вооружались за счет оставшегося после войны немецкого оружия. В восточных же районах республики вооружение групп оружием иностранных образцов исключалось, поскольку банды в этих районах имели оружие советского производства. Одежда и внешний вид агентов также не должны были отличаться от экипировки членов банд. Для достижения этого агенты-боевики, действовавшие в Курляндии, одевались в форму бывших немецких солдат и офицеров. Это обосновывалось тем, что в составе вооруженных групп имелось значительное количество бывших легионеров, носивших форму немецкой армии.

В целях правдивости легенды о том, что спецгруппа является «партизанским» отрядом, исключалось пользование ее участниками предметами и продуктами, которые не были доступны бандитам. Имела значение даже такая, казалось бы, незначительная деталь, как запах одежды участников спецгруппы. Группа, недавно прибывшая в район, прежде чем установить контакт с пособником и тем более пойти на встречу с представителями вооруженных групп, должна была обязательно «обкуриться» дымом костра, чтобы приобрести «лесной запах». Несоблюдение этих правил приводило к расшифровке групп.

Главной силой органов государственной безопасности в борьбе с вооруженными формированиями являлись Внутренние войска НКВД, развернутые на территории западных областей Украины, Белоруссии и в республиках Прибалтики. Необходимость ведения решительной борьбы с крупными вооруженными формированиями сепаратистского движения потребовала значительных сил. Войска округов ВВ НКВД усиливались за счет переброски войск НКВД из других округов, в основном Северо-Кавказского. Например, с Северного Кавказа на территорию западных областей Украины были переброшены 19, 20, 21, 22-я бригады, части 16-й и 17-й бригад, 9-я и 10-я дивизии, которые дислоцировались крупными гарнизонами в районных центрах.

Согласно указаниям начальника Главного управления войск НКВД по охране тыла действующей Красной армии генерал-майора В. С. Горбатюка «Об организации борьбы с бандами УПА» от 21 февраля 1944 г. личному составу войск предписывалось:

— организовать взаимодействие с органами НКВД — НКГБ и органами контрразведки Смерш в работе по выявлению и ликвидации банд УПА;

— создать активно действующий агентурный аппарат для вскрытия организаций и ячеек ОУН, каналов их связи с бандами УПА и розыска этих банд;

— непосредственно участвовать в разработке планов совместных операций по ликвидации выявленных банд УПА, включая в состав разведывательно-поисковых групп, истребительных групп или истребительных отрядов офицеров разведки, подготовленных для борьбы с украинскими националистами;

— организовать и силами офицеров разведки провести специальные беседы с личным составом войск по ознакомлению с деятельностью ОУН — УПА в тылу Красной армии;

— совместно с начальниками штабов войск разработать тактические приемы борьбы с бандами УПА и обучить этим приемам офицерский состав внутренних войск[73].

Основной формой деятельности внутренних войск весной и летом 1944 г. стали чекистско-войсковые операции по поиску и ликвидации вооруженных формирований одновременно на большой территории (во многих случаях они совпадали с операциями по очистке тыла фронтов и армий). Задача операций заключалась в их ликвидации с целью обеспечения в тылу твердого порядка, безопасной работы тыловых учреждений, местных партийных и советских органов власти. Способами действий войск в таких операциях являлись: перекрытие наиболее вероятных направлений движения, поиск или прочесывание местности, окружение, атака, преследование.

В результате проведенной работы по ликвидации вооруженных формирований УПА и ОУН в первой половине 1944 г. войсками и органами НКВД были уничтожены 16 338 членов УПА и ОУН, взяты в плен — 15 991, явились с повинной — 2549. Кроме того, были выявлены и арестованы 285 немецких агентов, 2922 бывших полицейских, 520 бывших старост[74].

С 22 по 27 августа 1944 г. в чекистско-войсковой операции по очистке Рава-Русского, Угновского, Магеровского, Немировского и Яворовского районов Львовской области участвовало шесть полков войск по охране тыла 1-го Украинского фронта, пять пограничных отрядов войск Украинского пограничного округа и три полка Красной армии. В результате проведенной операции были уничтожены 11 076 бандитов (в том числе 126 немцев), арестованы 10 892 человека и задержаны 9304 уклоняющихся от призыва в Красную армию[75].

Основной формой действий войск НКВД в конце 1944 — начале 1945 г. являлись чекистско-войсковые операции, проводимые с учетом меняющейся тактики действий вооруженных формирований. Так, с ноября 1944 г., когда участники подполья перешли на действия небольшими группами, прочесывание районов как основной тактический прием не всегда оправдывало себя. Скоротечность операций (1–2 суток) не давала возможности детально, более внимательно просмотреть все подозрительные места. В этих условиях внутренними войсками активно применялся метод повторного прочесывания. Наиболее ярким подтверждением целесообразности подобных действий является операция, проведенная 21 декабря 1944 г. подразделениями 17-й стрелковой бригады внутренних войск. В ходе первого прочесывания села Дулибы Дрогобыческой области были захвачены 25 человек. Считая, что операция уже закончилась, и не ожидая повторного прочесывания, здесь стали сосредотачиваться группы из других сел. На другой день операция повторилась, и в результате были обнаружены и захвачены еще 150 человек[76].

В результате деятельности войск и органов НКВД на Западной Украине в 1943–1945 гг. были проведены 39 773 операции и засады, в ходе которых убиты 103 312 и задержаны 225 339 участников вооруженных формирований и их пособников, явились с повинной 88 692 человека, изъято 69 137 единиц оружия[77].

В период с сентября по декабрь 1944 г. войска Украинского пограничного округа осуществили 476 специальных боевых операций, из них 123 против крупных подразделений УПА. Для проведения 37 операций привлекались по два-три пограничных отряда и части внутренних войск. Ряд операций был проведен на территории Польши совместно с польскими частями[78]. Войска Прикарпатского пограничного округа с октября 1944 по февраль 1945 г. провели 158 специальных боевых операций, в ходе которых были уничтожены 5544 и задержаны 2980 человек[79].

В ходе проведения чекистско-войсковых операций с сентября 1944 по 1 ноября 1945 г. внутренние войска и органы НКВД — НКГБ на территории Эстонии ликвидировали 11 антисоветских националистических организаций и 359 групп, связанных с антисоветским подпольем. Были уничтожены 290 и задержаны 5135 человек, из них выявлены 2309 активных участников, 451 пособник, 2064 изменника Родины и 211 членов «Омакайтсе»[80].

В Литве в 1944—1945 гг. войска и органы НКВД во взаимодействии с органами госбезопасности и отрядами «истребителей» ликвидировали 275 антисоветских формирований, 1219 бандгрупп, связанных с антисоветским подпольем. Потери при проведении операций составили 250 сотрудников милиции, военнослужащих внутренних войск и работников органов НКВД — НКГБ[81].

С разгромом крупных вооруженных формирований в соответствии с постановлением СНК СССР № 43 внутренние войска НКВД были реорганизованы и сокращены. Например, в западных областях Украины численность войск сократилась с 188 387 человек до 100 тыс.[82] Оставшиеся войска были развернуты в регионе мелкими гарнизонами с подчинением в оперативном отношении начальникам местных органов НКВД — НКГБ. Так, например, после передислокации части 62-й дивизии внутренних войск имели девять ротных, 30 двухвзводных, 46 взводных гарнизонов и шесть взводов, дислоцирующихся при штабах батальонов. Такое размещение войск позволило для ликвидации разрабатываемых органами государственной безопасности конкретных вооруженных формирований создавать чекистско-войсковые группы, действия которых против мелких групп были эффективнее привлечения крупных войсковых формирований. Чекистско-войсковые отряды (группы) возглавлялись оперативными работниками, комплектовались из личного состава войск НКВД и местных активистов, хорошо знающих местность в районе действия вооруженных формирований. Определенной численности такие группы не имели, количество личного состава в них зависело от численности вооруженного формирования, против которого действовали.

В связи с активной подрывной деятельностью вооруженных формирований повстанческого движения в пограничных районах Европейской части СССР на пограничные войска была возложена задача по их ликвидации в пограничной полосе. Для этого привлекались, как правило, маневренные группы погранотрядов. В отдельных пограничных округах были определены части из числа резервных пограничных отрядов, которые привлекались к ликвидации вооруженных формирований. Например, в западных областях УССР для борьбы с формированиями ОУН — УПА были выделены 42, 104, 111 и 112-й резервные пограничные отряды[83].

При проведении операции в пограничной полосе и прилегавших районах пограничники информировали начальников РО НКВД — НКГБ и действовали самостоятельно. Во многих случаях пограничники также взаимодействовали с военными комендатурами, выставленными на освобожденной территории сопредельных государств, а когда возникала необходимость, то и с пехотными частями Войска Польского. Последнее было вызвано тем, что группы, действовавшие в Польше, совершали набеги на советскую территорию, и наоборот, чтобы уйти из-под удара органов безопасности, некоторые группы пытались скрыться в Польше. В ряде случаев с польской территории обстреливали наших пограничников и местных жителей, нападали на советские эшелоны и автоколонны. Например, 6 октября 1944 г. вооруженное формирование «Ягода» численностью 500 человек совершила налет на ряд населенных пунктов в пограничной полосе Польши.

В целях сосредоточения общих усилий на ликвидации конкретных формирований, действовавших в приграничных районах Польши и СССР, представители советских военных органов в Польше договорились с высшими польскими военными руководителями о совместных действиях советских пограничных войск и пехотных соединений Войска Польского, выделенных для охраны пограничной линии и борьбы с повстанцами в приграничных районах. На основе такой договоренности заместитель министра обороны Польши генерал-полковник Кочец издал приказ, согласно которому командирам 3, 8 и 9-й дивизий пехоты Войска Польского, дислоцированных в пограничных районах, предписывалось установить

тесную связь с соответствующими командирами погранчастей Советского Союза, организовать с ними обмен информацией о наличии вооруженных групп в погранполосе и взаимное планирование по их ликвидации.

При выдвижении повстанцев на территорию Советского Союза польские командиры должны были немедленно информировать об этом ближайшие части советских пограничных войск, а в случае получения данных от советских погранвойск о преследовании их на польской территории польское командование обязывалось выделять нужное количество сил и средств для совместных действий по их ликвидации. Во избежание боевых столкновений между пограничными нарядами советских и польских погранчастей устанавливались опознавательные знаки и сигналы связи[84].

Главное управление пограничных войск дало указание командованию Украинского пограничного округа разработать план операции по ликвидации вооруженного формирования «Ягода» совместно с 3-й дивизией пехоты Войска Польского, а также договориться с командованием частей Войска Польского о совместных действиях по уничтожению других националистических формирований на советско-польской границе и получить разрешение советским пограничникам неотступно преследовать их на польской территории. Установление тесного взаимодействия между советскими погранвойсками и польскими войсками способствовало успешной борьбе с националистическими формированиями в приграничных районах СССР и на территории Польши. На территории пограничных районов Польши напротив участков 2, 88, 89, 90 и 93-го советских пограничных отрядов было проведено более 20 совместных специальных операций, в результате которых ликвидировано значительное число вооруженных формирований, в том числе и «Ягода»[85].

Реорганизация и сосредоточение сил и средств обеспечили проведение целого ряда оперативных ударов по повстанческим формированиям, в ходе которых к середине 1945 г. они были в основном разгромлены. Тем не менее руководителям повстанцев за сравнительно короткий срок удалось восстановить пошатнувшееся положение, провести реорганизацию подчиненных им формирований и осуществить переход к новой тактике ведения подрывной деятельности.

Держать под контролем регионы с традиционно рассредоточенной системой расселения только силами НКГБ — НКВД было невозможно. В этих условиях органами государственной власти большая роль отводилась местному населению. Поэтому сразу же после освобождения западных областей Украины, Белоруссии и республик Прибалтики от немецко-фашистских захватчиков на их территории с санкции ЦК КПСС правительством республик и органами НКВД начали создаваться истребительные батальоны и группы содействия[86]. Формирование истребительных батальонов началось в Литве по распоряжению Л. П. Берии, потом эта практика была распространена на Латвию и Эстонию.

Батальоны формировались из бывших партизан, коммунистов, комсомольцев и беспартийных активистов. Определенной численности батальоны не имели, в каждом уезде она была различна и зависела от политической и экономической значимости уезда в республике и количества в нем вооруженных формирований повстанцев. Истребительные батальоны должны были участвовать в совместных с войсковыми частями акциях против бандформирований, а также заниматься охраной хозяйственных объектов и советских учреждений. Оперативно-служебная деятельность бойцов истребительных батальонов заключалась в следующем: организация засад, секретов, патрулирование населенных пунктов, высылка разведывательно-поисковых групп, производство облав и прочесывания вероятных мест укрытия групп, охрана КПЗ, розыск и задержание дезертиров, конвоирование и охрана арестованных, несение службы по охране районных центров и сел, железных дорог и т. д.

Для управления батальонами были организованы центральные штабы истребительных батальонов в столицах республик, уездные (волостные) штабы под руководством первых секретарей уездных (волостных) комитетов партии. В состав штаба входили: начальник отдела НКВД — НКГБ (МВД — МГБ), командир истребительного батальона, представители партийных и советских органов[87]. Наличие в истребительных батальонах до 85% гражданского

населения, не служившего в рядах Красной армии, серьезно снижало их боевую готовность и мобильность. Например, в Эстонии в батальонах состояло: крестьян — 46,4%, рабочих — 17,8%, служащих — 18,7%, учащихся — 2,2%, демобилизованных военнослужащих — 14,8%[88].

В целях ликвидации этих недостатков для личного состава батальонов была разработана программа боевой подготовки, которая включала занятия по политической, оперативно-тактической, огневой и строевой подготовке, военной топографии. Общая емкость программы составляла: для лиц находящихся на казарменном положении — 1678 учебных часов, для остального личного состава — 496 часов. Кроме того, предусматривалось проведение десятидневных сборов по основным предметам обучения емкостью 100 учебных часов[89].

Помимо слабой боевой подготовки существовала проблема ненадежности. Многие записывались в батальоны, стремясь избежать мобилизации в армию, некоторые, получив оружие, уходили в лес. Иногда руководители поручали пособникам вступать в батальоны, чтобы иметь там своих осведомителей. Так, например, боец истребительного батальона Урбанас с августа по декабрь 1944 г. находился в подпольной группе, после чего легализовался и вошел в доверие к местным органам власти. По прямому заданию одного из руководителей подполья Аженса он проник в истребительный батальон Кронского районного отдела НКВД и информировал своего командира о действиях органов НКВД — НКГБ[90].

Приказом МВД СССР организация и управление истребительными батальонами были изменены: упразднены уездные и главные штабы, батальоны подчинены непосредственно начальнику уездного отдела МВД — МГБ, батальон стал возглавлять начальник штаба батальона, назначавшийся из офицеров этого отдела. При штабе батальона был создан оперативно-маневренный взвод из принятого на постоянную оплачиваемую должность личного состава.

В отличие от регулярных подразделений Красной армии истребительные батальоны имели следующие преимущества: комплектование истребительных батальонов производилось за счет лиц, знающих местные условия и национальный язык; они напрямую подчинялись начальнику районного отдела государственной безопасности, что давало возможность использовать их более оперативно; оперативный состав знал способности и черты характера каждого бойца, что позволяло эффективно использовать их при проведении операций; постоянное обучение личного состава методам борьбы с вооруженными формированиями и непосредственное их участие в операциях способствовали приобретению ими нужного опыта. Эти преимущества определили широкое использование истребительных батальонов в республиках. Они были созданы почти в каждом районе. Всего к 1946 г. на учете органов МГБ состояло около 2 тыс. хорошо вооруженных истребительных батальонов, насчитывавших более 70 тыс. человек.

Группы содействия истребительным батальонам также рассматривались как форма вовлечения местного населения в борьбу с повстанцами. Это были территориальные формирования, предназначавшиеся для охраны и обороны населенных пунктов, колхозной собственности, государственных объектов и других задач. Боевая подготовка групп содействия была низкой, реальной помощи в борьбе с вооруженными формированиями они оказать не могли. Чаще всего личный состав привлекался в качестве проводников, для охраны и конвоирования арестованных и как осведомители.

В республиках Средней Азии и Казахстане из местных жителей были созданы специальные добровольческие отряды по борьбе с бандитизмом. Так, в Киргизской ССР имелось 42 таких отряда (722 человек), в Таджикской ССР — 70 (1750 человек), в Туркменской ССР — 15 (214 человек).

Одним из направлений деятельности органов безопасности по борьбе с бандитизмом было их участие в осуществлении акций высших органов власти СССР по выселению отдельных народов в отдаленные регионы страны.

В ноябре 1943 г. в роли спецпереселенцев оказались карачаевцы. 12 октября 1943 г. вышел указ Президиума Верховного Совета СССР № 115/136, а спустя два дня появилось постановление СНК СССР о выселении карачаевцев в Казахскую и Киргизскую ССР. Выселение намечалось провести в два этапа: в первую очередь из равнинной части, а затем жителей горных районов. В район проведения спецоперации были стянуты значительные

силы: 4500 сотрудников госбезопасности и милиции, 21 754 военнослужащих внутренних войск. Личному составу запрещалось разглашать свою принадлежность к ведомству НКВД. Накануне операции были взято на учет более 900 карачаевцев, подлежавших аресту. В каждом районе выселения создавался оперативно-войсковой резерв.

Спецоперация началась ночью 2 ноября. К двум часам войска оцепили все аулы, блокировали выездные пути, выставили засады и секреты. С четырех часов утра сотрудники госбезопасности и милиции начали изъятие тех, кто подлежал аресту. В первые дни выселения были арестованы более 1000 карачаевцев. Войскам были установлены минимальные сроки (3–6 часов) для выселения жителей каждого из селений. В ходе проведения арестов имели место случаи оказания сопротивления. В ноябре 1943 г. были депортированы из Карачаевской автономной области в Казахстан и Киргизию 14 774 семьи (68 938 карачаевцев). Дополнительно было выявлено еще 329 карачаевцев, которые также были выселены в районы нового местожительства.

27 декабря 1943 г. было принято постановление Политбюро ЦК ВКП(б) и подписан указ Президиума ВС СССР «О ликвидации Калмыцкой АССР и образовании Астраханской области в составе РСФСР». 28 декабря вышло постановление СНК СССР о выселении калмыков в Алтайский и Красноярский края, Омскую и Новосибирскую области. За месяц до принятия указанных документов И. А. Серов как руководитель спецоперации в КАССР утвердил «Инструкцию о порядке проведения мероприятий по делу «Улусы».

Для выселения 93 139 калмыков в республику были направлены 24 555 военнослужащих внутренних войск, а также около 6100 оперработников милиции и госбезопасности. За сутки до начала выселения вся территория республики была блокирована. За два дня (28–29 декабря 1943 г.) все калмыки были отправлены в Сибирь. В дальнейшем число выселенных пополнили и 4105 военнослужащих-калмыков, демобилизованных из армии в 1944–1945 гг. Были арестованы 750 бандитов и активных пособников немцев.

Калмыков выселили и из Ставропольского края, Ростовской и Сталинградской областей. Для этого был сформирован оперативный штаб. Выселение из указанных районов проводилось по уже отработанной схеме с привлечением 1120 бойцов внутренних войск. Выселение калмыков из Ставропольского края проводилось одновременно с операцией «Улусы». По данным на январь 1944 г., из края были вывезены 1044 человека, для этого привлекались 150 оперработников и 360 бойцов внутренних войск. Из Ростовской области с 20 по 27 марта были отправлены в Новосибирскую и Омскую области 2628 человек. 2–4 июня 1944 г. осуществлялось выселение 1178 калмыков из Сталинградской области.

Подготовка к карательной акции в Чечено-Ингушской АССР была начата еще в ноябре 1943 г. В конце января 1944 г. ГКО принял постановление № 5073 «О мероприятиях по размещению спецпереселенцев в пределах Казахской и Киргизской ССР». 13 декабря 1943 г. Л. П. Берия утвердил предложения по вопросу сосредоточения войск в Чечено-Ингушетии.

Для проведения спецоперации выделялись 96 073 военнослужащих внутренних войск, по линии органов госбезопасности и милиции — около 19 тыс. оперативных работников. Доставка личного состава в Чечено-Ингушетию осуществлялась в три этапа. Из-за незначительного количества внутренних войск, дислоцированных на территории Армении и Азербайджана, из указанных регионов были выделены 3850 пограничников. Чтобы не вызвать у местного населения подозрений по поводу концентрации войск в Чечено-Ингушской АССР, по требованию военного руководства 20 января 1944 г. СНК республики и Чечено-Ингушский обком ВКП(б) приняли совместное постановление «Об обеспечении подготовки тактических учений войсковых частей Северо-Кавказского военного округа в горных условиях».

Вся территория Чечено-Ингушской АССР была разделена на четыре оперативных сектора. В каждом из них старшим оперативным начальником являлся офицер органов госбезопасности. На него возлагалась вся ответственность за проведение спецоперации. Его заместителем назначался офицер внутренних войск, который отвечал за подготовку частей к спецоперации. Были сформированы оперативно-войсковые группы, включавшие одного оперработника и двух бойцов внутренних войск. Одна такая группа должна была выселять

четыре семьи. Для проведения арестов легализованных бандитов, фашистских пособников и других антисоветских элементов выделялись специальные опергруппы из расчета одна группа на двух человек, подлежавших аресту.

21 февраля 1944 г. Л. П. Берия подписал приказ о переселении чеченцев и ингушей. На равнинной части территории Чечено-Ингушетии спецоперация началась в два часа ночи 23 февраля 1944 г. К рассвету населенные пункты, в том числе и города, были оцеплены войсками. В ходе выселения были арестованы 2016 человек, изъято 20 072 единицы огнестрельного оружия. Особые трудности войска испытывали при выселении жителей горных селений. В силу большого снегопада и бездорожья в горных аулах Галанчожского района после окончания спецоперации оставались не выселенными 6 тыс. чеченцев.

На 29 февраля были выселены и погружены в железнодорожные вагоны 478 479 человек (91 250 ингушей и 387 229 чеченцев). В этот же день были отправлены специальные эшелоны с бывшими руководящими работниками и религиозными авторитетами Чечено-Ингушетии, которые оказывали содействие Наркомату внутренних дел в ходе подготовки и проведения операции. Выселению подлежали даже те чеченцы и ингуши, кто на фронте с оружием в руках боролся против немецко-фашистских захватчиков. С фронта были отозваны 710 офицеров, 8134 сержанта и рядовых чечено-ингушской национальности.

7 марта 1944 г. последовал указ Президиума Верховного Совета СССР «О ликвидации Чечено-Ингушской АССР и об административном устройстве ее территории», а 22 марта 1944 г. образована Грозненская область в составе РСФСР. Для обеспечения порядка и охраны горных районов создавались четыре оперативные группы, формировались гарнизоны внутренних войск.

Подготовка к выселению балкарцев проводилась одновременно с карательной акцией в Чечено-Ингушетии. В январе 1944 г. состоялось первое предварительное обсуждение вопроса об их депортации. Руководство подготовкой сил и средств к спецоперации возлагалось на генерал-майора И. И. Пияшева. За пять дней до начала карательной акции в республике были сосредоточены 17 тыс. войск и 4 тыс. оперативных работников госбезопасности и милиции. Постановление ГКО от 5 марта 1944 г. обязало Наркомат внутренних дел 25 тыс. балкарцев направить в Казахскую ССР, а 15 тыс. — в Киргизскую ССР. Официальная версия концентрации войск в горных районах заключалась в подготовке к предстоящим учениям. При подготовке к спецоперации в Кабардино-Балкарской АССР были учтены все просчеты, допущенные войсками при выселении чеченцев и ингушей.

Выселение балкарцев началось в ночь с 7 на 8 марта. К рассвету войсковые подразделения и оперативный состав заняли указанные позиции, после чего «оперативные тройки» приступили к изъятию лиц, подлежавших аресту. 11 марта 1944 г. И. В. Сталину была направлена шифровка: «Погружено в эшелоны и отправлено к местам нового поселения в Казахскую и Киргизскую ССР 37 103 балкарца, кроме того: арестовано 478 чел. антисоветского элемента, изъято 288 единиц огнестрельного оружия... Имел место случай обстрела нашей засады бандой из 3-х чел., розыск которой ведется». В места расселения были доставлены 37 044 балкарца. В 1944 г. в республике дополнительно были выявлены 50 балкарцев.

С территории Северо-Кавказского региона наряду с депортированными народами были выселены 3584 представителя других национальностей.

В годы войны депортации подверглись и народы Закавказских республик. Опасения И. В. Сталина, что в случае нападения Турции на СССР жители приграничной зоны юга страны могут оказать оккупантам содействие и поддержку, явились поводом для депортации турок, курдов и хемшинов в Казахскую, Киргизскую и Узбекскую ССР.

В мае 1944 г. возобновилась получившая свое начало весной 1942 г., но прерванная фашистской оккупацией операция по выселению из прибрежных районов Черноморского побережья и Таманского полуострова социально опасных элементов, а также иноподданных. Дополнительно в план «оперативной зачистки» были включены территории Краснодарского края и Ростовской области. В мае 1944 г. в число «неблагонадежных» были включены все греки, проживавшие с давних пор на указанных территориях.

30 июля 1944 г. ГКО принял постановление о переселении из приграничной полосы Грузинской ССР 86 тыс. турок, курдов и хемшинов. Постановлением Совнаркома и ЦК КП(б) Грузии от 9 августа 1944 г. из приграничных районов Аджарской ССР подлежали выселению 113 хозяйств мусульман.

Результаты борьбы органов госбезопасности с вооруженным подпольем

Деятельность органов государственной безопасности СССР по борьбе с вооруженным подпольем в годы Великой Отечественной войны с учетом особенностей экономического и социально-политического развития страны в военные годы, внутренней политики в области экономики, идеологии, культуры, национальных отношений наряду с внешнеполитической обстановкой обусловила направленность, содержание и масштабы работы органов НКВД — НКГБ — ГУКР Смерш СССР в 1941–1945 гг. Ее можно условно разделить на два периода: первый (июнь 1941–1943 г.) — борьба с повстанческими формированиями в тыловых районах СССР, где участники разгромленных перед войной антиправительственных вооруженных выступлений в связи с начавшейся войной и успехами немецко-фашистских захватчиков на фронте активизировали свою деятельность, организуя группы для ведения повстанческой деятельности; второй (1944 г. — первая половина 1945 г.) — приходится на заключительный период Великой Отечественной войны, когда действующая армия вела боевые действия по освобождению стран Восточной и Центральной Европы, а на советской территории, очищенной от немецко-фашистских захватчиков, развернулась широкомасштабная борьба органов НКВД — НКГБ с вооруженным антисоветским подпольем.

Решительные меры советского политического руководства, во многом успешные действия органов НКВД — НКГБ, внутренних войск, пограничников, войск Красной армии по борьбе с повстанческими формированиями в 1941–1944 гг. в тыловых районах СССР позволили нейтрализовать основные силы повстанцев. За три года войны органами НКВД — НКГБ была ликвидирована 7161 бандгруппа, в которых участвовали 54 130 человек (убиты — 4076, арестованы — 42 529, легализованы — 7525). К середине 1944 г. крупных повстанческих формирований в советском тылу не осталось. Кроме того, на территории западных областей Украины за первую половину 1944 г. удалось ликвидировать 34 878 участников ОУН — УПА (убиты — 16 338, взяты в плен — 15 991, явились с повинной — 2549) и арестовать 3676 человек; в восточных областях Украины — 95 бандгрупп численностью 457 человек.

При проведении оперативных, оперативно-боевых операций и мероприятий по борьбе с бандитизмом погибли 226 оперативных работников, 1085 офицеров и рядовых войск НКВД, 72 бойца истребительных батальонов и добровольных отрядов, 87 советских и партийных работников.

У повстанческих формирований и населения было изъято и собрано на полях бывших военных действий: самолет — 1, орудий — 84, минометов — 1020, пулеметов — 7186, автоматов — 18 860, винтовок — 200 018, револьверов — 23 744, гранат — 132 731 и 481 ящик, ПТР — 1281, артиллерийских снарядов — 19 638, мин — 86 029 и 587 ящиков, патронов — 27 813 060 и 1036 ящиков, прочего оружия — 63 128, взрывчатых веществ — 5100 кг и 292 ящика.

В тыловых районах СССР деятельность органов НКВД — НКГБ по линии борьбы с бандитизмом до конца войны была направлена на обеспечение ликвидации действующих мелких бандгрупп, в основном уголовных, бандитов-одиночек и остатков ранее разгромленных повстанческих групп на Северном Кавказе[91].

О значимости и важности, которые придавались органами власти СССР борьбе с повстанчеством в западных регионах страны, свидетельствует количество сообщений органов НКВД — НКГБ СССР в Государственный Комитет Обороны. В 1944 г. таких докладов было 52, а в 1945 г. — 105[92]. Размаху националистического движения в западных регионах СССР

во многом способствовало и то, что в 1944—1945 гг. территориальные органы НКВД — НКГБ только начинали развертывать свою деятельность. Основную работу осуществляли оперативные группы НКВД — НКГБ — ГУКР Смерш и войска НКВД по охране тыла, действовавшие в основном в районах, прилегающих к боевым порядкам частей Красной армии. Это позволило повстанческим формированиям вести широкомасштабные действия, которые в большинстве своем носили решительный и открытый характер. Такие действия повстанческих формирований вынуждали проводить массированные совместные операции органов НКВД — НКГБ, армейских частей и внутренних войск НКВД, пограничных войск, привлекать местное население. Только 4-я дивизия ВВ НКВД под командованием генерал-майора П. М. Ветрова во взаимодействии с частями Красной армии в 1944—1945 гг. участвовала в 1764 операциях, в ходе которых были убиты и захвачены в плен 30 596 повстанцев и собрано 17 968 единиц стрелкового оружия[93].

В результате проведения целенаправленных противоповстанческих мер органами власти и НКВД — НКГБ националистическим формированиям и организующему их вооруженному подполью был нанесен серьезный урон, оказались разгромлены основные бандформирования и значительное число подпольных националистических организаций. В западных областях УССР были ликвидированы все крупные вооруженные формирования (курени, сотни), в основном разгромлены районные и надрайонные «боевки» СБ, станичные и кущевые организации ОУН и ликвидировано значительное число лиц из руководящего состава окружных, областных, краевых и центрального проводов, остались только мелкие группы УПА и ряд не вскрытых подпольных организаций ОУН (центральные, краевые, окружные).

В Литовской ССР были разгромлены основные подпольные организации: Литовская освободительная армия (ЛЛА), Союз литовских партизан (ЛПС), Верховный комитет освобождения Литвы (ВКОЛ) и действующие самостоятельно крупные вооруженные формирования. Однако в Украинской СССР и Литовской СССР остались еще много активных повстанческих формирований и разветвленная сеть подпольных националистических организаций, создающих в республиках сложную оперативную обстановку.

В западных областях БССР были разгромлены все крупные организации и группы Армии Крайовой. Оставались отдельные незначительные по численности группы в Гродненской, Молодечненской и Брестской областях.

В Латвийской ССР к середине 1945 г. были ликвидированы наиболее активная подпольная националистическая организация Объединение защитников отечества (партизан) Латвии (ОЗОПЛ) и ее формирования, оперировавшие в Двинском, Екабпилском, Илукстском и Резекненском уездах, а также частично уничтожена созданная немцами организация «Ягдфербанд Остланд». В республике остались мелкие группы в Вилякском, Валкском, Илукстском и Валмиерском уездах, руководимые немецким парашютистом Цинитисом.

В Эстонской ССР к концу войны были вскрыты и ликвидированы отдельные националистические организации (Хендриксона и другие) и разгромлены основные вооруженные формирования. Оставались неликвидированными отдельные, но активные группы численностью от двух до пяти человек.

Серьезные потери в открытых столкновениях и объявленная амнистия обусловили усиление разложения вооруженных формирований, явку с повинной большого числа рядовых участников, а также ряда руководителей подпольных националистических организаций. По неполным данным, на Западной Украине, в Белоруссии и республиках Советской Прибалтики в 1944—1945 гг. были ликвидированы: 1141 антисоветская организация и группа численностью около 9311 человек, 2735 вооруженных формирований и групп численностью 203 294 человека, из них одиночек — 12 265; задержаны 77 071 дезертир, 239 805 уклонившихся от службы в Красной армии; выселена 8561 семья в количестве 21 436 человек; изъято 160 598 единиц огнестрельного оружия, 195 801 мина и граната, 7 266 842 патрона, 29 раций, 121 пишущая машинка и множительный аппарат[94].

В ходе проведения оперативных и оперативно-боевых мероприятий, чекистско-войсковых операций погибли 337 сотрудников НКВД — НКГБ СССР, 2355 сотрудников милиции,

личного состава подразделений внутренних войск НКВД и Красной армии, 685 бойцов истребительных батальонов[95].

6 апреля 1945 г. Л. П. Берия и В. Н. Меркулов направили в ГКО на имя И. В. Сталина письмо следующего содержания: «Работники органов НКВД — НКГБ Украины со времени изгнания немецких захватчиков с ее территории проделали большую работу по наведению советского порядка и очищению Украины от оуновских банд, немецких шпионов, ставленников, предателей и другого антисоветского элемента. Народный комиссариат внутренних дел Союза ССР и Народный комиссариат государственной безопасности ходатайствуют о награждении орденами и медалями Союза ССР работников НКВД — НКГБ УССР, особо проявивших себя в работе»[96].

Правительственных наград были удостоены 804 сотрудника НКВД — НКГБ Украины, 1516 сотрудников НКВД — НКГБ Белоруссии, 1118 сотрудников НКВД — НКГБ Латвии, Литвы и Эстонии.

В целом к моменту окончания Великой Отечественной войны с повстанческими формированиями в тыловых районах СССР было покончено. Центр тяжести борьбы с националистическим подпольем переместился в западные регионы СССР. Здесь «война после войны» продолжалась до 1956 г.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 63. Л. 3–6.

[2] Кавказские орлы. М., 1993. С. 8, 55.

[3] ГАРФ. Ф. 9478с. Оп. 1. Д. 8. Л. 241–251.

[4] Шпион // Альманах журналистского расследования. № 1. 1993. С. 12–19.

[5] ГАРФ. Ф. Р-947 9. Оп. 1. Д. 137. Л. 15–16.

[6] 12 августа 1942 г. О. Губе было вручено предписание о назначении его руководителем антисоветского восстания на Северном Кавказе (Чекисты Дагестана. Сборник. Махачкала, 1985. С. 89).

[7] Вайнахи и имперская власть: проблема Чечни и Ингушетии во внутренней политике России и СССР (начало XIX — середина XX в.). М., 2011. С. 643.

[8] *Алексеенков А. Е., Сидоренко В. П.* Внутренние войска в годы суровых испытаний: домыслы и реальность. СПб., 2002. С. 39.

[9] *Бугай Н. Ф.* Л. Берия — И. Сталину: «Согласно Вашему указанию...». М., 1995. С. 91.

[10] РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 43. Д. 2435. С. 15–368.

[11] Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». Документы, факты, комментарии. М., 1992. С. 101.

[12] Северный Кавказ: Выбор пути национального развития. Майкоп, 1994. С. 200.

[13] Только за август 1942 г. внутренние войска выявили 7132 дезорганизатора войскового тыла. Из более чем 20 тыс. человек, задержанных в августе — октябре 1942 г. в особых районах обороны, 60% составляли бандиты, дезертиры и уклонившиеся от службы в армии (*Сидоренко В. П.* Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны. СПб., 1999. С. 103; Министерство внутренних дел России: страницы истории. 1802–2002 гг. СПб., 2001. С. 450).

[14] *Сидоренко В. П.* Войска НКВД на Кавказе: домыслы и реальность. СПб., 2006. С. 176.

[15] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 3. Кн. 2. М., 2003. С. 523–524.

[16] РГВА. Ф. 38650. Оп. 1. Д. 607. С. 1–2.

[17] Там же. Ф. 38663. Оп. 1. Д. 44. Л. 4–5.

[18] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 58. Л. 15.

[19] РГВА. Ф. 38654. Оп. 1. Д. 11. Л. 22.

[20] Министерство внутренних дел России: страницы истории. С. 459.

[21] НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике (1939–1956). Сб. документов. М., 2008. С. 532.

[22] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 1. М., 2008. С. 611.

[23] Кавказские орлы. С. 50.

[24] Иосиф Сталин — Лаврентию Берии: «Их надо депортировать». С. 8.

[25] Опыт, особенности и актуальные проблемы служебно-боевой деятельности группировки внутренних войск МВД России в ходе проведения контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации. СПб., 2003. С. 49.

[26] АП РФ. Ф. 3. Оп. 58. Д. 178. Л. 56.

[27] *Сидоренко В. П.* Войска НКВД на Кавказе в годы Великой Отечественной войны. С. 125.

[28] Опыт, особенности и актуальные проблемы служебно-боевой деятельности группировки внутренних войск МВД России в ходе проведения контртеррористической операции в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации. С. 50.

[29] *Алексеенков А. Е, Сидоренко В. П.* Указ. соч. С. 79–80.

[30] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 653. Л. 1; Д. 160. Л. 70–71.

[31] *Гонов А. М.* Проблемы депортации и реабилитации репрессированных народов Северного Кавказа: 20–90-е годы XX века: дисс... д-ра ист. наук. Ростов-на-Дону, 1998. С. 180.

[32] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 185–186; Д. 13. Л. 33–37, 72.

[33] НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. С. 526.

[34] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 1. Д. 12. Л. 243–244.

[35] НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. С. 522, 534.

[36] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 4. Кн. 2. С. 194.

[37] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1с. Д. 376. Л. 13.

[38] *Семиряга М. Л.* Коллаборационизм: природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны. М., 2000. С. 498.

[39] *Зубкова Е. Ю.* «Лесные братья» в Прибалтике: война после войны // Отечественная история. 2007. № 2. С. 78.

[40] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1с. Д. 413. Л. 109.

[41] Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Документы. В 2-х т. Т. 2: 1944–1945. М., 2012. С. 55–71, 101–102.

[42] Там же. Д. 643. Л. 177.

[43] Там же. Л. 10–11.

[44] Там же. Д. 696. Л. 15–18.

[45] *Gaskaite-Zemaitiene N.* The Partisan War in Lithuania from 1944 to 1953. P. 26.

[46] Ibid. P. 28–29.

[47] Великая Отечественная война в оценке молодых. М., 1997. С. 157–158.

[48] Там же. С. 157.

[49] ГАРФ. Ф. 9401. Оп. 2. Д. 97. Л. 121–122.

[50] Там же. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 601. Л. 134.

[51] ЦА ФСБ России. Ф. 40. Оп. 2/1а. Д. 303. Л. 3–16.

[52] История Латвии. XX век. Рига, 2005. С. 340.

[53] Там же. С. 341.

[54] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 601. Л. 134.

[55] Правильно — полковник Вессель Фрейтаг фон Лорингховен.

[56] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 452. Л. 74–75, 119.

[57] Там же. Л. 71.

[58] *Laar M.* The Armed Resistance Movement in Estonia from 1944 to 1956. Tallinn, 2005. P. 212.

[59] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 12. Д. 192. Л. 39–43.

[60] Органы государственной безопасности СССР в Великой Отечественной войне. Т. 2. Кн. 2. С. 159–161.

[61] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 756. Л. 57–61.

[62] Только в Литве было создано и введено в действие 97 волостных отделений НКВД, направленных на борьбу с бандитизмом (ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 394. Л. 35–36).

[63] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 2. Д. 109. Л. 268–271.

[64] РГВА. Оп. 5. Д. 6290. Л. 314–316, 355.

[65] *Христофоров В. С.* Органы госбезопасности СССР в 1941–1945 гг. М., 2011. С. 346.

[66] Центральный архив Федеральной пограничной службы (далее — ЦА ФПС) России. Ф. 14. Оп. 224. Д. 175. Л. 16–17.

[67] ЦА ФСБ России. Ф. 66. Оп. 1т. Д. 120. Л. 182–185.

[68] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 394. Л. 36, 43–48.

[69] Там же. Л. 12, 72, 83–85, 99.

[70] Там же. Д. 425. Л. 17–39.

[71] Там же. Д. 643. Л. 13.

[72] Украинские националистические организации в годы Второй мировой войны. Т. 2. С. 611–612.

[73] Пограничные войска в годы Великой Отечественной войны (1941–1945). Сб. документов. М., 1968. С. 8–9.

[74] НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. С. 426.

[75] Пограничные войска России в войнах и вооруженных конфликтах XX в. М., 2000. С. 363.

[76] *Шитько В. В., Паламарчук С. П.* Внутренние войска в борьбе с буржуазно-националистическим подпольем (1939–1953). М., 1986. С. 103.

[77] НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. С. 144.

[78] ЦА ФПС России. Ф. 58. Оп. 2. Д. 210. Л. 52–56.

[79] РГВА. Ф. 9401. Оп. 4. Д. 2218. Л. 111.

[80] ГАРФ. Ф. Р-9401. Оп. 2. Д. 102. Л. 1–5.

[81] Там же. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 15, 18, 20.

[82] Там же. Д. 642. Л. 105–106.

[83] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 642. Л. 94.

[84] *Боярский В. И.* На страже границ Отечества. М., 1998. С. 366.

[85] ЦА ФПС России. Ф. 58. Оп. 2. Д. 210. Л. 52.

[86] ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 563. Л. 4–13.

[87] Там же. Л. 6–8.

[88] Там же. Л. 204.

[89] Там же. Л. 64–87.

[90] Там же. Л. 193.

[91] Данные ГУББ МВД СССР «О ликвидации антисоветских националистических организаций, связанных с ними банд, участников организаций, бандитов, их пособников и укрывателей и другого антисоветского элемента» в 1944–1946 гг. (ГАРФ. Ф. 9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 15, 22, 28).

[92] НКВД — МВД СССР в борьбе с бандитизмом и вооруженным националистическим подпольем на Западной Украине, в Западной Белоруссии и Прибалтике. С. 4.

[93] Россия и СССР в войнах XX века: статистическое исследование. М., 2001. С. 546.

[94] ГАРФ. Ф. Р-9478. Оп. 1. Д. 764. Л. 1–33.

[95] Там же.

[96] Там же. Ф. Р-7523. Оп. 4. Д. 352. Л. 77–102; Д. 353. Л. 56–103; Д. 356. Л. 191–226.

БОРЬБА С ПОДРЫВНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬЮ ЯПОНСКИХ СПЕЦСЛУЖБ

Подготовительные мероприятия по контрразведывательному обеспечению боевых действий советских войск

Ко дню официального объявления войны против Японии Вооруженные силы Советского Союза на Дальнем Востоке и в Забайкалье уже находились в готовности начать боевые действия против Квантунской группировки, высадку морских десантов в порты Северной Кореи, Южного Сахалина и на Курильские острова, а также к проведению морских и воздушных операций.

В рамках сосредоточения и подготовки крупных воинских формирований Красной армии на Дальневосточном театре военных действий, предшествовавших операциям советских войск против Японии, органы контрразведки Смерш Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии, управления пограничных войск НКВД Забайкальского, Хабаровского и Приморского округов, управления НКГБ Приморского и Хабаровского краев, Читинской области реализовали комплекс агентурно-оперативных мероприятий по обеспечению безопасности тыла советских войск и организации контрразведывательного обеспечения боевых операций. Территориальные органы безопасности во взаимодействии с управлениями пограничных войск реализовали дополнительные меры по оперативному обеспечению охраны государственной границы, активизировали деятельность по выявлению и задержанию агентуры японских спецслужб, направление которой в СССР непосредственно через границу с апреля 1945 г. значительно активизировалось. В приграничных районах выставлялись «агентурные заслоны» из местного населения и военнослужащих Красной армии, организовывались контрольно-пропускные пункты, засады, подвижные посты, осуществлялись постоянные проверки документов на железнодорожных и водных станциях, проводились другие оперативные мероприятия.

Были предприняты дополнительные агентурно-оперативные меры по охране промышленных предприятий Хабаровского и Приморского краев. Агентуру подробно проинструктировали относительно способов выявления агентов японских спецслужб и иных враждебных лиц. С предприятий удалялись лица, в отношении которых у органов безопасности имелись подозрения в проведении ими шпионажа и диверсионной деятельности. Так, с заводов Хаба-

ровского края убрали 44 человека, кроме того, из промышленных центров края (Хабаровск, Комсомольск-на-Амуре) выселили всех китайцев[1].

Усиливался контрразведывательный режим в отношении японского (г. Петропавловск-Камчатский) и маньчжурских (г. Чита и г. Благовещенск) консульств. Формировались дополнительные агентурные позиции, устанавливалось плотное круглосуточное наружное наблюдение за сотрудниками, подозревавшимися в проведении разведывательной деятельности.

Территориальные органы безопасности активизировали вербовку резидентов, содержателей явочных квартир и переправочных пунктов, а также агентуры из числа китайцев и корейцев в глубинных районах Маньчжурии с таким расчетом, чтобы отдельные из них могли стать во главе народных масс в их борьбе против японских оккупантов; создали группы активной разведки для захвата руководителей японских военных миссий, подразделений жандармерии и полиции и вывода их в СССР; усилили мероприятия по разложению белой эмиграции и сбору сведений о руководящем составе японских военных миссий, жандармерии, полиции, а также японской агентуре.

Одновременно с формированием штабов и частей Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов организационно укреплялись органы контрразведки Смерш, они доукомплектовывались личным составом и обеспечивались необходимым материально-техническим имуществом. Органы военной контрразведки осуществили ряд неотложных мероприятий по организации защиты планов, карт, шифров и другой секретной документации, обеспечению физической охраны командиров и начальников, реализовали другие агентурно-оперативные мероприятия.

В целях предотвращения возможных фактов измены Родине был проверен весь личный состав воинских частей, находившийся на охране границы. Не внушавшие политического доверия военнослужащие до начала войсковых операций были отведены во вторые эшелоны. Агентурно-осведомительная сеть нацеливалась на предотвращение фактов измены Родине и задержание нарушителей границы, особое внимание уделялось разоблачению и аресту шпионов и враждебных элементов, проникших в штабы и соединения Приморского военного округа. Только Управление контрразведки Приморского военного округа с 14 апреля по 9 августа разоблачило 12 агентов иностранных разведок[2].

Органы Смерш Забайкальского и обоих Дальневосточных фронтов провели ряд успешных закордонных контрразведывательных операций и внедрили в агентурные сети японских военных миссий, управлений жандармерии, особых отделов пограничных полицейских отрядов свою агентуру. Через эту агентуру была получена значимая информация о структуре и деятельности японских спецслужб, а также проводилась дезинформация противника в отношении планов советского командования[3].

К началу советско-японской войны органы военной контрразведки располагали подробной информацией о японских спецслужбах, действовавших на территории Маньчжурии и Кореи. Они знали места дислокации основных разведывательных и контрразведывательных органов, имели подробные сведения об их кадровом составе, хорошо изучили формы и методы проведения подрывных акций против частей Красной армии. На основе этих данных Управлением контрразведки Смерш Дальневосточного фронта 15 сентября 1944 г. была подготовлена справка «О деятельности японских разведывательных органов против частей Дальневосточного фронта», а 9 июня 1945 г. — ориентировка «Цифровые данные на выявленный вражеский элемент, находящийся на территории Маньчжурии (изменники, белогвардейцы, работники ЯВМ[4], агентура и т. д.)». Эти документы получили высокую оценку в Главном управлении контрразведки Смерш Народного комиссариата обороны СССР и в дальнейшем широко использовались в ходе контрразведывательного обеспечения наступательных операций советских войск[5].

Управлениям пограничных войск Забайкальского, Хабаровского и Приморского округов задачи на период подготовки фронтовых наступательных операций были поставлены военным командованием Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов

соответственно. Основными из них являлись: борьба с агентурой и войсковыми группами японской разведки, недопущение их проникновения в тыл советских войск и обеспечение тем самым скрытности перегруппировки, сосредоточения, развертывания войск и внезапности перехода их в наступление; ведение разведки противника и местности в интересах военного командования; подготовка войск пограничных округов к выполнению задач с началом операций.

В целях обеспечения скрытности подготовки операций пограничные войска провели целый комплекс мероприятий по перестройке системы охраны государственной границы, позволяющих обеспечить своевременное обнаружение нарушения границы японской агентурой, активные действия по ее поиску, задержанию или уничтожению до момента проникновения в район сосредоточения советских войск[6], удаленных от линии границы на 50–60 км и более. Суть проводимых мероприятий заключалась в активизации агентурной и войсковой разведки пограничных войск, которая велась в тесном взаимодействии с территориальными органами безопасности и органами контрразведки Смерш, повышении войсковой плотности на основных направлениях, увеличении глубины охраны, более активном привлечении к охране границы подразделений из состава войск прикрытия границы, местного населения, усилении пограничного режима и прочем. Принятыми мерами в первом полугодии 1945 г. пограничным войскам удалось задержать и разоблачить 122 японских агента, а за июль и восемь дней августа — 61, почти в три раза больше, чем в первом полугодии за такой же период.

По плану военного командования пограничные войска принимали участие в дезинформировании противника путем всевозможных имитаций: ложных перегруппировок и сосредоточений войск, производства инженерно-технических работ на второстепенных направлениях, проведения рекогносцировок и усиленного наблюдения там, где наступление не планировалось, и других мероприятий. Для дезинформирования японского командования пограничные войска по планам разведывательных органов армий и фронтов широко использовали нарушителей границы и закордонную агентуру.

Одной из основных задач пограничных войск в период подготовки фронтовых наступательных операций являлась разведка противника. Пограничные войска дальневосточных округов проводили разведку постоянно в процессе охраны границы, однако в этот период ее главные усилия были переключены на добывание данных о противнике в интересах военного командования. Специальные указания на этот счет пограничным войскам были отданы в апреле 1945 г. В директиве Главного управления пограничных войск указывалось, что наряду с получением данных в интересах организации охраны границы главное внимание надо сосредоточить на добывании всеми видами разведки информации военного характера, которая может помочь военному командованию своевременно и наиболее полно вскрыть намерения противника, группировку его сил и средств, военные мероприятия японских войск в прикордоне Маньчжурии.

В последующем эти задачи конкретизировались и дополнялись командованием пограничных войск, командующими армиями и их штабами. Разведывательные органы пограничных войск должны были уточнить данные о наличии и дислокации войск противника в приграничной полосе, их вооружении, моральном состоянии, наличии оборонительных сооружений в укрепленных районах, их характере, состоянии, подходах к ним; изучить систему обороны во вновь сооружаемых вблизи границы опорных пунктах; уточнить сведения о пограничных постах японских войск и маньчжурской полиции; провести детальную разведку маршрутов в полосах наступления армий на территории Маньчжурии и т. п.

В целях более тесной увязки действий по разведке противника и целеустремленного использования сил и средств между разведывательными отделами пограничных округов и штабов фронтов, а также между разведывательными отделениями пограничных отрядов и штабов армий был установлен порядок ежедневного обмена информацией. Для решения поставленных задач разведывательные органы пограничных войск активно использовали все имевшиеся в их распоряжении силы и средства.

Путем постоянного наблюдения за ближайшей пограничной полосой была усилена войсковая разведка обороны противника. Производилось фотографирование укрепленных районов, отдельных объектов военного значения, пограничных постов неприятеля, расположенных вблизи границы. Широко применялась для разведки пограничная авиация. Для сбора данных о военных мероприятиях, состоянии пограничной охраны, настроениях пограничного населения и войск противника использовались допросы нарушителей, перешедших на нашу территорию из Маньчжурии[7].

Разведывательные органы пограничных округов и частей значительно усилили агентурную разведку на территории Маньчжурии. При этом главное внимание уделялось тем направлениям, где готовилось наступление советских войск. Была развернута работа по вербовке новой закордонной агентуры и восстановлению ранее утерянных связей за кордоном. Все особо важные направления на участках округов постоянно контролировались разведывательно-маршрутными группами, выбрасывавшимися разведывательными органами пограничных войск на территорию Маньчжурии. За май — июль 1945 г. разведгруппы Приморского округа 45 раз выходили на территорию Маньчжурии, разведгруппы Хабаровского округа — 37 раз. Разведчики получали самые разнообразные сведения о противнике, его обороне, перегруппировках войск и дорогах на направлениях предстоящего наступления советских войск. Разведгруппами Приморского округа до начала боевых действий было обнаружено на территории Маньчжурии восемь маршрутов от государственной границы на глубину до 130 км, большинство из них находилось на направлениях главных ударов 35-й, 1-й Краснознаменной и 5-й армий 1-го Дальневосточного фронта.

Вся новая информация о противнике, добываемая разведкой пограничных войск, немедленно сообщалась фронтовому и армейскому командованию специальными донесениями. Многие данные представляли большую ценность для командования советских войск. Например, разведывательным отделом УПВ Приморского округа были составлены с учетом последнего фотографирования и переданы армиям 1-го Дальневосточного фронта описания всех японских укрепленных районов, расположенных перед участком округа (Хутоуского, Мишаньского, Пограничненского, Дуннинского, Дунсинчженьского, Хуньчуньского и Кенхынского). Разведывательные материалы, представленные пограничными войсками, были использованы командующими фронтами, армиями, командирами соединений и частей при принятии решений на проведение операций и боев.

Одновременно с выполнением задач в интересах подготовки наступательных операций Дальневосточных фронтов пограничные войска осуществляли подготовку к действиям с началом войны в ходе фронтовых операций. Содержание этой работы заключалось в постановке задач военным командованием пограничным войскам, определении порядка их перехода в оперативное подчинение, организации взаимодействия с передовыми частями и подразделениями соединений первого эшелона, разработке планов по выполнению поставленных боевых задач.

Основной задачей пограничных войск на период военных действий оставались надежная охрана государственной границы, недопущение проникновения на нашу территорию разведчиков, диверсантов, разведывательно-диверсионных групп и отрядов, войсковых подразделений противника. Кроме того, Главнокомандующий советскими войсками на Дальнем Востоке Маршал Советского Союза А. М. Василевский и командование фронтов по согласованию с начальниками пограничных войск округов определили ряд задач, к выполнению которых привлекались пограничные войска с началом военных действий. Такими задачами были: ликвидация пограничной охраны, наблюдательных пунктов и мелких гарнизонов противника, расположенных вблизи границы; содействие частям армии в форсировании пограничных рек; выделение проводников для частей и соединений армии; обеспечение безопасности тыла фронтов, борьба с вражеской агентурой и мелкими войсковыми группами противника в тылу действующей армии[8].

Разведывательными отделами управлений пограничных войск Забайкальского, Хабаровского и Приморского округов были обобщены все полученные материалы на японские

и маньчжурские разведывательные и контрразведывательные органы, дислоцированные в пограничной полосе Маньчжурии, а также на поселения японских резервистов, белоэмигрантские и другие прояпонские организации. На основании имевшихся и вновь добытых материалов были составлены списки гласного и негласного составов японо-маньчжурских спецслужб, изменников Родины, проживавших в Маньчжурии, руководящего состава российской эмиграции, активных членов фашистских и других прояпонских организаций. Копии этих списков были переданы органам военной контрразведки Смерш объединений советских войск. Помимо этого командование пограничных войск округов согласовало с органами Смерш фронтов и армий мероприятия по разгрому японских разведывательных органов и изъятию их гласных сотрудников и агентуры на территории Маньчжурии, чтобы сразу же с началом военных действий предупредить развертывание противником разведывательной и диверсионной деятельности в тылу Красной армии и в приграничной полосе.

Используя добытые данные, разведывательные отделения пограничных комендатур и отрядов составили на каждый объект подробную схему с легендой. На схемах были показаны все здания, имевшиеся на объектах, инженерные сооружения, линии связи и т. д. По картам и на местности были изучены наиболее удобные места переправ через пограничные реки, места высадки на противоположном берегу и подходы к объектам. Подробные разведывательные материалы послужили основой для разработки первыми отделениями штабов отрядов и комендантами участков детальных планов ликвидации японо-маньчжурских пограничных кордонов. При разработке этих планов учитывалось, что целью боевых действий являлись: ликвидация пограничных полицейских отрядов, мелких передовых гарнизонов, разведывательных органов, наблюдательных пунктов противника, захват пленных; захват или уничтожение гласных сотрудников разведывательных органов противника и их активной агентуры; овладение секретными документами разведорганов и погранохраны противника[9].

В соответствии с разработанными планами были сформированы отряды нападения, численный состав которых определялся из расчета полуторного, двойного, а иногда тройного превосходства по отношению к личному составу объекта, подлежавшего ликвидации (в отдельных случаях они не имели превосходства над противником). Состав отрядов нападения подбирался из числа наиболее подготовленных бойцов тех подразделений, против участков которых располагался тот или иной объект противника, командир и его заместитель назначались из хорошо подготовленных офицеров, отлично знавших участок границы, объект и сопредельную пограничную полосу в районе объекта. В составе отряда нападения создавались группа разведки, одна-две группы прикрытия, одна-две штурмовые группы и резерв[10]. Серьезное значение придавалось организации взаимодействия отрядов нападения с частями Красной армии и органами военной контрразведки. Порядок взаимодействия указывали командующие армиями при постановке задач начальникам пограничных отрядов, а конкретные вопросы в каждом отдельном случае решались начальниками пограничных отрядов и командирами отрядов нападения совместно с командирами частей и подразделений Красной армии.

8 августа 1945 г. уполномоченный НКГБ по Дальнему Востоку генерал-полковник С. А. Гоглидзе подписал инструкцию об организации розыска агентов иностранных разведок на территории Дальнего Востока. В ней на основе обобщения и анализа опыта борьбы органов безопасности с немецко-фашистской разведкой и ее агентурой и с учетом особенностей обстановки на Дальнем Востоке был предложен комплекс агентурных и оперативных мероприятий по выявлению, предупреждению и пресечению подрывной деятельности японских спецслужб в боевых условиях.

Оперативный розыск в период предстоявших боевых действий планировалось вести одновременно с заградительными мероприятиями, направленными на недопущение совершения диверсионных и террористических актов и выявление агентуры противника, которая могла осуществлять сбор военной и политической разведывательной информации.

Реализация противодиверсионных мероприятий на оборонных предприятиях и иных важных объектах возлагалась на оперативных сотрудников территориальных органов безопасности. Розыск японской агентуры и организация противодиверсионной работы в местах дислокации воинских частей и на объектах железнодорожного и водного транспорта проводились соответствующими органами контрразведки Смерш и транспортными подразделениями НКГБ. Для повышения эффективности разыскной работы территориальным органам безопасности и органам военной контрразведки предписывалось организовать тесное взаимодействие и координировать свои оперативные мероприятия.

В инструкции был определен примерный состав оперативно-разыскных групп, включавших оперативного работника органов НКГБ (старший группы), перевербованного агента японской разведки, разведчика наружного наблюдения, младшего командира из приданных органам НКГБ подразделений войск НКВД или сотрудника милиции. Эти группы должны были формироваться с учетом специфики оперативной обстановки на будущем театре военных действий: оперативный работник — знать язык перевербованного агента (например, японский, китайский, корейский), а сопровождавший агента младший командир из приданных органам НКГБ подразделений НКВД или сотрудник милиции — иметь внешнее сходство с местными жителями[11].

Однако с началом боевых действий в Маньчжурии стремительное наступление советских войск и активная деятельность органов контрразведки Смерш, а также скоротечность боевых операций на Дальнем Востоке внесли существенные коррективы в реализацию планов контрразведывательного обеспечения боевых действий. Основной объем разыскной работы по выявлению японской агентуры на освобождавшихся территориях был возложен на органы контрразведки Смерш, а территориальным органам безопасности поставлена новая задача по созданию будущей разведывательной базы на территории Маньчжурии и в других освобожденных районах. Разведывательное и контрразведывательное обеспечение наступательных операций Красной армии в пределах до 100 км в глубь китайской территории возлагалось на пограничные войска. Дальнейшее контрразведывательное обеспечение боевых действий советских войск осуществлялось управлениями и отделами контрразведки Смерш фронтов, армий, соединений Красной армии, флота и военных флотилий ВМФ СССР.

Эффективно реализованные органами безопасности подготовительные агентурно-оперативные мероприятия позволили добиться главного — японская разведка не смогла установить сроки завершения переброски советских войск и их количество.

Как утверждает японский исследователь К. Котани, Транссибирская железнодорожная магистраль находилась под постоянным наблюдением японских войсковых разведчиков с территории Маньчжурии, разведчиков под видом дипломатических курьеров, регулярно курсировавших между Владивостоком и Москвой, а также разведчиков под дипломатическим прикрытием в консульствах Маньчжоу-Го в Чите и Благовещенске. С марта по апрель 1945 г. разведчики-дипломаты зафиксировали значительное увеличение железнодорожных перевозок на Дальний Восток. Так, в одном из донесений в японский генеральный штаб от 16 апреля 1945 г. консульство в Чите сообщало, что СССР начал переброску на Дальний Восток большого количества боевых самолетов и танков. 2-е (разведывательное) управление японского генштаба на основе полученной развединформации заключило, что СССР начал приготовления к войне на Дальнем Востоке[12].

Штаб Квантунской группировки в начале августа 1945 г. считал, что советские войска на Дальнем Востоке и в Забайкалье насчитывают 27—30 дивизий, на самом же деле войска трех фронтов включали 80 дивизий, четыре танковых и механизированных корпуса, шесть стрелковых и 40 танковых бригад. Исходя из ошибочных данных разведки, японское командование предполагало, что Красная армия перейдет в наступление не ранее сентября — октября[13].

Борьба с разведывательно-диверсионной деятельностью спецслужб противника в ходе боевых действий

9 августа 1945 г. одновременно с началом боевых действий передовыми воинскими частями Красной армии вступили в действие и отряды нападения пограничных войск. Уничтожая японские пограничные полицейские отряды, они в запланированные сроки успешно справились с поставленными задачами.

Так, на участке Хабаровского округа действовали 40 отрядов нападения. Атаку пограничных полицейских отрядов они начали 9 августа в 1 час 15 минут, а к рассвету все 40 объектов, намеченных к ликвидации силами Управления пограничных войск Хабаровского округа, удалось взять. В результате были убиты 189 и взяты в плен 114 солдат и офицеров противника, захвачен 51 агент японской разведки. При этом потери отрядов нападения составили 16 человек убитыми и 57 ранеными[14].

При ликвидации японских пограничных полицейских постов отрядами нападения Управления пограничных войск Приморского округа было ликвидировано 33 объекта противника, из них один пограничный полицейский отряд, девять пограничных полицейских постов, 17 гарнизонов и шесть пикетов. Были убиты 846 солдат и офицеров противника и 16 человек взяты в плен. Потери пограничников составили 53 человека убитыми и 153 ранеными[15].

Для ведения разведки в прикордоне Маньчжурии, выявления японской агентуры, ликвидации тыловых пограничных полицейских постов и японо-маньчжурских пограничных гарнизонов пограничными войсками были высланы оперативно-войсковые группы, возглавлявшиеся офицерами разведывательных отделений отрядов и комендатур. Количество групп, одновременно действовавших на маньчжурской территории от каждого пограничного отряда, колебалось от двух до шести. В оперативно-войсковых группах в зависимости от поставленной задачи насчитывалось от 15 до 200 человек, и в их состав, как правило, включались офицеры-разведчики. Глубина действий этих групп составляла 120–150 км от линии границы. В деятельности оперативно-войсковых групп тесно сочетались агентурно-оперативные и войсковые мероприятия.

Например, оперативно-войсковой группой 53-го пограничного отряда, действовавшей вместе с передовыми частями 36-й армии, в г. Маньчжурия были захвачены секретные документы особого отдела полиции и жандармерии, в г. Джалайнор — важные документы японской военной миссии, в том числе списки действовавшей агентуры и лиц, подобранных в агентурную сеть на случай войны с СССР. Оперативно-войсковая группа 77-го пограничного отряда совместно с частями 5-го отдельного стрелкового корпуса ворвалась в города Жаохэ и Дунаньчжень, где захватила переписку жаохэйской японской военной миссии и особых отделов пограничных полицейских отрядов, а также списки агентов японской разведки и особых отделов пограничной полиции. Захваченные документы и ранее имевшиеся у пограничников данные о японских разведорганах позволили оперативно-войсковым группам сразу же изъять наиболее активную агентуру противника. На некоторых агентов материал передавался органам военной контрразведки.

Разгром опорных пунктов японской разведки у советских границ и ее органов в ближайших тыловых районах, изъятие значительного количества агентуры, подготовленной для действий на советской территории, не позволили японской разведке развернуть активную подрывную деятельность в тылу действующей армии.

Для проведения агентурно-оперативной работы на территории Маньчжурии было привлечено две трети всех офицеров разведывательных отделов пограничных округов и разведывательных отделений пограничных отрядов. Офицеры-разведчики были сведены в 23 оперативные группы (по 3–6 человек в каждой), которые продвигались вместе с наступавшими войсками. Для выявления враждебных лиц оперативные группы использовали действовавшую закордонную агентуру пограничных войск и, кроме того, проводили допол-

371-372

Совершенно секретно

Дело 16
Ст. 368

17 сентября 1945 г.
№ 84/1
г. Москва

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

товарищу Л.П. БЕРИЯ

По сообщению Управления "СМЕРШ" Забайкальского фронта, 29 августа с.г. на территории специальной тюрьмы особого отдела японской губернской полиции города Хайлар, была обнаружена яма с закопанными в ней 43 мужскими трупами, умерщвленными путем отсечения головы.

Проведенным предварительным расследованием установлено, что 9 августа 1945 года, в день начала военных действий между СССР и Японией, по указанию начальника Хайларской японской военной миссии подполковника АМАНО, по заранее составленным спискам, японской жандармерией и полицией было арестовано в городе 19 советских граждан, из числа бывших служащих КВЖД, оставшихся на жительство в Маньчжурии.

Большинство из них было схвачено японцами на улице, заковано в кандалы или связано веревкой и доставлено во двор управления губернской полиции, где им на глаза были наложены повязки, после чего все они были заключены в специальную тюрьму, в которой уже ранее содержалось 24 арестованных японцами жителей гор.Хайлар.

В тот же день, по приказанию подполковника АМАНО и начальника управления японской губернской полиции Северо - Хинганской провинции КАГЕЯМО, содержавшиеся в этой тюрьме 43 арестованных были казнены, путем отсечения головы.

Подполковник АМАНО, КАНЕЯМО и 10 японских жандармов, принимавших непосредственное участие в убийстве советских граждан арестованы Управлением "СМЕРШ" фронта.

Докладная записка ГУКР Смерш об обнаружении в тюрьме г. Хайлара обезглавленных трупов. 1945 г.

Совершенно секретно

Дело 16
Стр. 323

28 сентября 1945 г.
№ 854/а
г. МОСКВА

НАРОДНЫЙ КОМИССАРИАТ ВНУТРЕННИХ ДЕЛ СОЮЗА ССР

товарищу Л.П. БЕРИЯ

Докладываю, что Управлением "СМЕРШ" Забайкальского фронта разысканы и арестованы руководители антисоветского белогвардейского движения в Японии и Маньчжурии:

РОДЗАЕВСКИЙ К.В., – идеолог и руководитель "Российского фашистского союза", 1908 года рождения, уроженец гор. Благовещенска, русский, быв. член ВЛКСМ, бежавший в 1925 году из СССР в Маньчжурию;

ВЛАСЬЕВСКИЙ Л.Ф., – начальник антисоветского центрального "Бюро русских эмигрантов" в Маньчжурии, 1889 года рождения, уроженец Чинданской станицы (Забайкалье), русский, бежавший в 1920 году с остатками банд атамана СЕМЕНОВА в Маньчжурию, генерал-майор белой армии.

Таким образом, в настоящее время нами арестована вся руководящая верхушка белогвардейщины в Маньчжурии, а именно: атаман СЕМЕНОВ Г.М., РОДЗАЕВСКИЙ К.В., ВЛАСЬЕВСКИЙ Л.Ф., заместитель атамана СЕМЕНОВА генерал-лейтенант белой армии БАКШЕЕВ А.П., руководители белоказаков и антисоветских организаций генералы белой армии – БЛОХИН П.И., ДРУИН Ф.В., ГАРМАЕВ Урзин, МОСКАЛЕВ Т.П., КУКЛИН М.В., князь УХТОМСКИЙ Н.А. и другие.

РОДЗАЕВСКИЙ и ВЛАСЬЕВСКИЙ доставляются в Главное Управление "СМЕРШ", где они будут тщательно допрошены.

Об изложенном доложено товарищу СТАЛИНУ.

В. Абакумов
АБАКУМОВ.

Докладная записка ГУКР Смерш об аресте К. В. Родзаевского и Л. Ф. Власьевского. 1945 г.

нительную вербовку агентов. Агентура использовалась для розыска известной и выявления неизвестной пограничным войскам агентуры противника, опознания гласного и негласного состава разведывательных и контрразведывательных органов из числа задержанных подозрительных лиц, опознавания японских военнослужащих, переодевшихся в гражданское платье и скрывавшихся под видом местных жителей, вывода преступного элемента, скрывавшегося в тайге и сопках, разложения и склонения к капитуляции вооруженных групп японцев, диверсионных отрядов и групп.

С первого же дня пребывания на территории Маньчжурии оперативные группы, опираясь на агентуру и войсковые подразделения, приняли энергичные меры к розыску и изъятию враждебных лиц. Например, оперативной группой 57-го погранотряда, возглавляемой майором Митяевым, за короткий срок в городах Хулинь, Дунань, Мишань были захвачены 98 японских агентов.

Для использования полученного в ходе Великой Отечественной войны положительного опыта борьбы с разведывательной и иной подрывной деятельностью немецко-фашистских спецслужб в органы контрразведки Смерш Дальнего Востока были направлены 310 фронтовых контрразведчиков, а в ходе подготовки и непосредственно перед наступлением советских войск еще 200 человек, имевших богатый опыт проведения сложных контрразведывательных операций.

Контрразведывательные операции на Дальневосточном театре военных действий осуществлялись в полосе наступления советских войск органами военной контрразведки фронтов, армий и соединений с целью захвата японских разведывательных, контрразведывательных и полицейских органов, розыска и ареста официальных сотрудников указанных органов и их агентуры, изъятия оперативной документации, задержания и ареста членов антисоветских организаций, а также бежавших в разное время на территорию Маньчжурии и Кореи изменников Родины[16].

Для достижения этих целей органами военной контрразведки создавались оперативные группы, которые совместно с частями Красной армии и Военно-морского флота выбрасывались в места дислокации японских разведывательных, контрразведывательных и полицейских органов. Такие группы, как правило, насчитывали 10—12 человек личного состава: начальник опергруппы, два-три оперативных работника, сержант (старшина) и несколько рядовых бойцов. Отдел контрразведки Смерш армейского подчинения включал 5—7 оперативных групп.

Так, для выполнения поставленных Управлением контрразведки Смерш 1-го Дальневосточного фронта задач в ходе проведения контрразведывательной операции только отделом контрразведки Смерш 1-й Краснознаменной армии были созданы семь оперативных групп, которые направлены: в г. Лишучжень и на копи Мулинского угольного товарищества, города Пиняньчжень, Банцзехе и поселок Эрженбай, г. Муданьцзян и поселок Эхо, города Хандаохецзы, Линькоу, Имяньпо.

Отделом контрразведки Смерш Тихоокеанского флота в августе 1945 г. были организованы и направлены на освобожденную территорию Кореи и Южного Сахалина пять оперативных групп. Так, в докладной записке от 23 августа 1945 г. начальник отдел контрразведки Смерш Тихоокеанского флота Д. П. Мерзленко информировал наркома ВМФ СССР адмирала Н. Г. Кузнецова: «В целях нанесения удара по разведорганам Японии, вскрытия японской агентуры, засланной и насажденной на территории СССР, а также разгрома белоэмигрантских [групп], проводивших подрывную антисоветскую деятельность, выявления и ареста изменников Родины, бежавших из Советского Союза, невозвращенцев нами созданы и направлены на территорию Кореи и [на] Южный Сахалин пять оперативных групп: одна в количестве восьми оперативных работников... в район Юка — Расин и две в количестве пяти оперативных работников... в порт Сейсин. Еще одна опергруппа из пяти оперативных работников направлена в занятый частями СТОФ Южный Сахалин... Пятая оперативная группа из восьми оперативных работников направлена в Харбин».

После захвата населенных пунктов, где располагались органы или диверсионно-разведывательные формирования японских спецслужб, оперативные группы на основании

имевшихся ориентировок по розыску выявляли и задерживали кадровых разведчиков и агентов японских спецслужб, проводили обстоятельный разведывательный опрос, в ходе которого стремились получить дополнительные данные о скрывавшихся кадровых и негласных сотрудниках японских спецслужб, а также другие материалы, представлявшие интерес для органов контрразведки Смерш. При этом стремительность наступления не позволяла оперативным группам армий, а тем более соединений осуществлять полный комплекс агентурно-следственных мероприятий в отношении всех задержанных лиц. Поэтому после подробных разведывательных опросов такие лица передавались в оперативные группы управлений фронтов, где имелись квалифицированные следственные работники и соответствующие условия.

14 августа 1945 г. оперативной группой отдела контрразведки Смерш 1-й Краснознаменной армии только в г. Лишучжень на копях Мулинского угольного товарищества на основании разыскных списков и показаний арестованных сотрудников и агентов японской разведки были задержаны 16 японских агентов.

С наибольшими трудностями пришлось столкнуться оперативным группам на удерживавшихся японскими войсками военно-морских базах на территории Кореи: Расине, Юке, Сейсине и Гензане. Это было связано с тем, что японцы, допуская возможность высадки советских морских десантов, заблаговременно эвакуировали руководящий состав разведорганов, часть агентуры, а технические средства и документацию уничтожили на месте[17].

Как пример классической разыскной работы можно привести масштабные оперативные мероприятия по розыску начальника японской военно-морской миссии в г. Сейсин капитана 1 ранга Минодзумы Дзюндзи. Работавшая в Сейсине опергруппа не обнаружила ни одного документа, касавшегося работы миссии и лично Минодзумы, однако при осмотре принадлежавшей ему квартиры среди мусора нащли несколько частных писем, из которых удалось установить, что некая японка устраивалась на службу в миссию, о чем и сообщала своему знакомому. По указанному на конверте обратному адресу японка была установлена, она работала официанткой у Минодзумы. По ее показаниям также были разысканы радисты миссии (по национальности русские) и спрятанные радиоприемные устройства.

В ходе дальнейших оперативных мероприятий, с учетом сведений, сообщенных радистами, удалось задержать еще одну сотрудницу миссии. Завербованная в качестве агента-опознавателя, она использовалась для розыска Минодзумы, его шифровальщицы и других сотрудников миссии. Одновременно с этим на квартире Минодзумы постоянно находился тщательно проинструктированный агент-сторожевик, знавший в лицо руководителя миссии, однако хозяин на квартире не появлялся. В результате проведения комплекса агентурно-оперативных мероприятий опергруппой был задержан ряд работников миссии, часть из которых использовалась как агенты-опознаватели.

На розыск Минодзумы и шифровальщицы ориентировались сотрудники опергрупп отдела контрразведки Смерш Тихоокеанского флота в Расине, Сейсине и Гензане. Для активизации розыска посылались специальные опергруппы в места концентрации японцев, лагеря военнопленных и на перевалочные пункты, для этой цели использовались фотографии Минодзумы и шифровальщицы. Вскоре были получены данные о возможном нахождении японцев в Гензане, куда на самолете вылетела опергруппа вместе с опознавателем — сотрудником миссии. Он и указал на своего руководителя, находившегося в лагере среди беженцев переодетого в гражданскую одежду. По показаниям самого Минодзумы среди беженцев были задержаны и арестованы два агента японской разведки и пять сотрудников возглавлявшейся им миссии в Сейсине, в том числе и шифровальщица.

В ходе следствия, которое первоначально вели сотрудники отдела контрразведки Смерш Гензанской военно-морской базы Тихоокеанского флота, а в дальнейшем — Управление контрразведки Смерш народного комиссара ВМФ в Москве, были получены неопровержимые свидетельства разведывательной работы Минодзумы против СССР. Да и сам арестованный охотно рассказал о своей деятельности. От него удалось получить ценнейшие сведения о структуре, формах и методах деятельности японской разведки в целом и военно-морской

в частности, личном составе и агентуре противника. Владея русским языком, Минодзума собственноручно описал свою жизнь разведчика[18].

Оперативными группами отдела контрразведки Тихоокеанского флота в Корее и Маньчжурии с августа по декабрь 1945 г. были арестованы 128 японских разведчиков, изменников Родины и диверсантов[19].

Для оказания помощи военным контрразведчикам Главным управлением контрразведки Смерш НКО СССР в Маньчжурию была направлена сформированная еще в июле 1945 г. группа особого назначения в составе 53 сотрудников и следователей, имевших практический опыт работы в освобожденных странах Восточной Европы и Германии. Ее возглавил заместитель начальника главка генерал-лейтенант И. Я. Бабич, который имел трех помощников — по числу фронтов. Группа осуществляла координацию деятельности органов военной контрразведки на Забайкальском, 1-м и 2-м Дальневосточных фронтах, а также оказывала практическую помощь при реализации наиболее сложных агентурно-оперативных мероприятий[20].

21 сентября 1945 г. начальник Управления контрразведки Смерш Забайкальского фронта А. А. Вадис докладывал руководителю группы особого назначения И. Я. Бабичу о том, что «в период с 9 августа по 18 сентября на территории Маньчжурии действовало 35 оперативно-розыскных групп. Последние врывались вместе с десантными подразделениями в занимаемые города, и прежде всего в те, где по нашим данным имелись разведывательные и контрразведывательные органы. По состоянию на 18 сентября всего задержано и арестовано 2249 человек, из них: официальных работников японских военных миссий — 317, агентов японских военных миссий — 349, официальных сотрудников японской жандармерии — 569, руководителей и активных участников Русского фашистского союза — 305, руководителей и активных участников Бюро по делам российских эмигрантов — 75, разведчиков Красной армии, перевербованных японской разведкой, — 10, изменников Родине — 162... Все они взяты в активную агентурно-следственную разработку»[21].

В Дайрене и Мукдене действия оперативных групп Смерш были настолько стремительны, что никому из руководителей разведывательных служб противника не удалось скрыться, к тому же они не успели уничтожить архивы с данными на кадровый состав и агентуру. В ходе последующей оперативной проверки с помощью захваченных архивных документов органы военной контрразведки выявили и арестовали еще 639 кадровых сотрудников ЯВМ, жандармерии и активных участников антисоветских организаций[22].

В результате проведенной в ходе боевых действий на территории Маньчжурии и Северной Кореи контрразведывательной операции Управлением контрразведки Смерш 1-го Дальневосточного фронта были задержаны 4197 человек, из них 1328 официальных сотрудников японской разведки и контрразведки, 885 агентов японской разведки и контрразведки, 550 террористов и диверсантов, 513 изменников Родины, бежавших в Маньчжурию в 1930–1940 гг., 664 участника контрреволюционных формирований, 233 антисоветских элемента. Наряду с задержанием указанных лиц были ликвидированы 29 японских военных миссий, отрядов и разведывательных школ, 15 националистических организаций «Кио Ва Кай», 29 русских охранных отрядов, 58 подразделений Бюро по делам российских эмигрантов и Русского общевоинского союза, 25 организаций Российского фашистского союза, 31 молодежная белогвардейская организация, а также произведен захват оперативных документов: списки и картотеки на руководящие кадры и агентуру японских военных миссий, подписки и фотокарточки агентуры, картотека личного состава Бюро по делам российских эмигрантов, 71 700 регистрационных анкет на эмигрантов и прочее. Все это свидетельствует о том, что поставленные задачи в ходе контрразведывательной операции были выполнены, а это, в свою очередь, способствовало успешному обеспечению боевых действий советских войск[23].

В условиях стремительного наступления советских войск органам безопасности пришлось на ходу разворачивать масштабную фильтрационную работу. Так, после двух недель боев число военнопленных превысило несколько сотен тысяч, а ко 2 сентября, дню капитуляции Японии, достигло почти 600 тыс. человек. Дороги Маньчжурии и Кореи захлестнули многомиллионные потоки беженцев, в которых стремились раствориться сотрудники япон-

ских спецслужб, военные преступники и функционеры антисоветских организаций. В тылу Красной армии руководители движения «Гоминьдан» пытались спровоцировать массовые выступления местного населения против советских военнослужащих[24].

Осуществляя фильтрационную работу, органы военной контрразведки и подразделения Управления НКГБ выявляли официальных и негласных сотрудников японских спецслужб. Особенно широко эта работа проводилась в лагерях японских военнопленных и беженцев из гражданских лиц. Приобретавшаяся агентура из этой среды сообщала важные сведения не только о японских разведчиках и их агентуре, но и о настроениях среди содержавшихся в лагерях, а также о подготовке враждебных акций со стороны отдельных лиц и групп. Большое внимание в процессе розыска органами безопасности придавалось использованию агентов-опознавателей, с помощью которых было выявлено значительное количество сотрудников японских спецслужб, их агентуры и других враждебных лиц. Так, уже в первое время пребывания на территории Маньчжурии Управлением контрразведки Смерш Забайкальского фронта был привлечен к работе 121 агент-опознаватель. С их помощью удалось задержать и арестовать 210 официальных сотрудников японских военных миссий, агентов разведывательных и контрразведывательных органов, а также руководителей российских эмигрантских организаций.

Серьезное значение фильтрационно-следственной работе придавалось и оперативными группами пограничных войск. Все задержанные лица в течение трех суток проходили фильтрацию, после установления личности и проверки компрометирующих данных разоблаченные агенты противника вместе с материалами следствия (акт задержания, протоколы допросов и т. п.) передавались органам военной контрразведки. Офицеры-пограничники, занимавшиеся фильтрационно-следственной работой, имея навыки следственной работы в мирное время и опыт борьбы с японской разведкой при охране государственной границы СССР, успешно справлялись с этой сложной задачей.

В результате фильтрационно-следственной работы было разоблачено много ответственных сотрудников японской разведки, квалифицированных агентов, руководителей российской эмиграции, имевших задание уйти в глубокое подполье, а затем проводить активные подрывные акции. Часть офицеров японской разведки стремилась уйти в подполье под маской мирных жителей, другая часть пыталась выдать себя за войсковых офицеров и, оставшись неразоблаченной, попасть в лагеря военнопленных, а затем вернуться в Японию.

Так, всего за период военных действий оперативными группами Управления пограничных войск Приморского округа были подвергнуты фильтрации 3870 человек. Органам контрразведки Смерш для ведения дальнейшего следствия были переданы 989 человек, из них 163 гласных сотрудников разведывательных органов противника, 442 разведчика, 54 диверсанта, 54 смертника, 262 японских солдата, маскировавшегося под местных жителей, 14 изменников Родины, руководителей белоэмиграции и прочих[25].

Определенную помощь органам безопасности в выявлении сотрудников и агентуры японских спецслужб оказывали местные жители. В ходе их опроса нередко выяснялись оперативно значимые сведения о противнике, однако эта информация требовала тщательной проверки, так как отдельные лица стремились ввести органы безопасности в заблуждение или же свести личные счеты. Один такой случай имел место 13 августа 1945 г., когда в оперативную группу отдела контрразведки Смерш 1-й Краснознаменной армии обратился некий российский эмигрант. Он написал заявление об известных ему 13 агентах японской военной миссии, однако позже в ходе подробного допроса признался, что являлся агентом-двойником одной из ЯВМ в Маньчжурии, и представил указанную информацию для того, чтобы самому избежать ответственности.

Богатый опыт работы с местным населением, накопленный оперативными подразделениями пограничных войск, помог быстро установить тесную связь с местными жителями на маньчжурской территории, привлечь их к оказанию помощи в борьбе с японцами и наведению порядка на освобожденной территории. Во многих населенных пунктах Маньчжурии из местных жителей были созданы группы по борьбе с мародерами и разрозненными подраз-

делениями японских солдат. Эти группы под руководством пограничников обеспечивали охрану населенных пунктов от налетов вооруженных банд, вели розыск и уничтожение мелких японских отрядов. Например, в полосе охраны тыла 25-й армии группами самообороны, созданными офицерами 59-го пограничного отряда из местных жителей, были уничтожены четыре японские вооруженные группы, при этом убиты 10 японцев и 41 захвачен в плен. Перед участком 55-го пограничного отряда группами самообороны были разгромлены четыре отряда общей численностью 33 человека.

Китайские граждане помогали пограничникам в выявлении, задержании, легализации скрывавшихся полицейских, диверсионных формирований, розыске и уничтожении разрозненных групп японских солдат и агентуры противника. Большую помощь оказывали местные жители оперативно-войсковым группам пограничных войск в ликвидации японских гарнизонов, отходивших в глубь Маньчжурии. Они помогали в розыске вражеских солдат и офицеров, снабжали пограничников, действовавших вдали от своих баз, продуктами питания, транспортом.

Так, оперативно-войсковая группа из 48 человек 55-го пограничного отряда, возглавляемая майором Трофимовым, преследовала японский гарнизон, отступивший из г. Оупу. Дважды она настигала японцев, завязывала бой, однако полностью уничтожить противника не удавалось. Потеряв 10 человек убитыми, неприятель уходил в глубь Маньчжурии. Чтобы оторваться от пограничников, японцы использовали вооруженные отряды орочей, созданные еще до войны. Одному отряду было приказано прикрывать отход японцев, а другому — совершить нападение на обоз пограничников и разгромить его. Имея в виду, что в районе деятельности оперативно-войсковой группы было несколько ороченских вооруженных отрядов общей численностью до 300 человек, начинать боевые действия против них было нецелесообразно. Пограничники связались с мирными ороченскими племенами, и с их помощью и через агентуру удалось оторвать вооруженных орочей от японцев, к тому же многие из них решили повернуть оружие против японцев.

В тылу советских войск японцы оставляли большое количество солдат-смертников, прошедших специальную подготовку по проведению диверсий. Маскируясь под местных жителей, смертники действовали в городах, крупных населенных пунктах, на железных и шоссейных дорогах. Они избирали для диверсий наиболее важные объекты (штабы войск, боевую технику, мосты и т. п.) и стремились во что бы то ни стало подорвать их[26]. Также в тылу советских войск действовали заранее подготовленные, глубоко законспирированные диверсионные группы и отдельные диверсанты. Кроме того, диверсанты и разведывательная агентура забрасывались на освобожденную советскими войсками территорию через линию фронта и не занятые войсками промежутки. Вместе с японскими отрядами активно действовала некоторая часть российских эмигрантов. Диверсанты, переодевшись в форму военнослужащих Красной армии, нападали на штабы и мелкие гарнизоны, офицеров, тыловые учреждения частей и соединений, узлы связи, подрывали линии связи, мосты, стремясь нарушить работу тыла и управление войсками. Кроме того, японские спецслужбы пытались спровоцировать враждебные акции против советских войск со стороны населения, снабжали местных жителей оружием и боеприпасами.

В связи с развертыванием японскими спецслужбами диверсионной и террористической деятельности в отношении командного и личного состава наступавших частей Красной армии органы военной контрразведки и оперативные подразделения пограничных войск участвовали в борьбе с отдельными диверсантами, террористами и диверсионно-террористическими отрядами. Для этих целей органами военной контрразведки специально создавались оперативно-разыскные группы, руководителями которых назначались наиболее опытные и решительные оперативные работники. Как правило, эти оперативно-разыскные группы после разгрома диверсионных отрядов расформировывались. Разведывательными подразделениями пограничных войск создавались в этих целях оперативные группы.

12 августа 1945 г. Управлением контрразведки Смерш 1-го Дальневосточного фронта была создана оперативная группа в количестве 12 человек для ликвидации действовавших в

районе г. Дунина (Маньчжурия) двух японских диверсионных отрядов, которые обстреливали проходившие эшелоны советских войск, дезорганизовывали движение транспорта на дорогах, осуществляли налеты на отдельные объекты советских воинских частей в городе, командный состав Красной армии. В результате решительных действий оперативной группы, возглавляемой капитаном Денискиным, диверсионные отряды в количестве 37 человек, в том числе два офицера, были окружены и полностью уничтожены. В бою с диверсантами был ранен один красноармеец и героически погиб капитан Денискин.

Реализуя комплекс агентурно-оперативных мероприятий, органам военной контрразведки и оперативным подразделениям пограничных войск удавалось задерживать и одиночных агентов-диверсантов. Так, 15 августа 1945 г. в районе г. Мулин (Маньчжурия) были задержаны два агента Муданьцзянской японской военной миссии, имевшие от начальника указанного разведоргана Ямадзаки задание проникнуть в тыл наступавших частей Красной армии для совершения диверсионно-террористических актов. В середине августа органами военной контрразведки на территории Маньчжурии был арестован японский агент (китаец по национальности), имевший задание отравить воду в водокачке № 1 на станции Пограничная с целью вывода из строя советских военнослужащих. Для осуществления диверсионного акта агент имел при себе два флакона с отравляющей жидкостью.

Одной из оперативных групп пограничных войск через агентуру было установлено, что несколько японских солдат-смертников, переодетых в гражданскую одежду, с красными повязками и флажками ходят по улицам Муданьцзяна. В результате принятых мер были задержаны пять смертников, которые готовили крупный террористический акт во время митинга китайских граждан в г. Муданьцзян.

В целях розыска диверсионных отрядов и групп, установления их численности и намерений, разложения и склонения их к капитуляции разведывательными подразделениями пограничных войск была создана специальная маршрутная агентура. С ее помощью удалось обезвредить несколько крупных групп и склонить к явке с повинной многих скрывавшихся в сопках гласных и негласных сотрудников японских военных миссий, жандармерии и полиции. Так, через маршрутную агентуру был обезврежен вооруженный отряд численностью 63 человека, созданный японской разведкой еще до войны и действовавший в тылу 35-й армии в районе Думухэ.

Для проведения разложенческой работы среди скрывавшихся вооруженных групп японцев и склонения их к явке с повинной использовались также местные жители и военнопленные (полицейские, солдаты и офицеры). Например, оперативная группа разведывательного отдела Приморского пограничного округа под руководством подполковника Зеленяева через агентуру склонила к капитуляции 107 человек, скрывавшихся в окрестностях г. Муданьцзян. После этого с помощью сдавшихся в течение пяти дней были выявлены еще около 200 человек, в том числе 165 офицеров, девять жандармов, восемь крупных японских чиновников провинциального управления. Эта же оперативная группа склонила к капитуляции вооруженный отряд российских эмигрантов (более 60 человек), созданный японцами для диверсионных действий в тылу советских войск в районе Муданьцзяна.

Большая часть японских диверсионных групп и вооруженных отрядов, отказавшихся капитулировать, была ликвидирована подразделениями войск НКВД по охране тыла. Так, в результате боевых действий пограничных войск Приморского округа на территории Маньчжурии удалось ликвидировать 50 вооруженных отрядов и диверсионных групп противника, при этом были убиты 374 человека и 824 захвачены в плен.

Однако следует отметить, что обнаружение и ликвидация многих вооруженных отрядов и групп достигались лишь в результате сочетания агентурно-оперативных и войсковых мероприятий. Например, подразделения Хабаровского пограничного округа агентурно-оперативным путем разложили 11 ороченских вооруженных отрядов, созданных японской разведкой, в результате чего 220 участников этих отрядов сдались без боя. Агентурно-оперативные мероприятия, проведенные 77-м пограничным отрядом, позволили склонить к явке с повинной 20 полицейских-удэгейцев, оставленных японцами для проведения диверсий в

тылу советских войск. Используя данные агентурной разведки, оперативные группы 59-го пограничного отряда своевременно ликвидировали две диверсионные группы, готовившие взрыв железнодорожного и шоссейного мостов в г. Тумынь и железнодорожного моста в районе г. Хуньчунь.

Японским спецслужбам не удалось нанести существенный ущерб наступавшим частям Красной армии вследствие стремительного наступления советских войск, эффективной реализации органами безопасности агентурно-оперативных мероприятий по выявлению и пресечению диверсионной и террористической деятельности японских спецслужб, а также осуществления комплекса заградительных мероприятий.

Указанные заградительные мероприятия реализовывались в рамках решения задач по охране тыла действующей армии, которая осуществлялась по направлениям, так как наступление оперативных объединений велось по отдельным направлениям. В промежутках между операционными направлениями борьбу с агентурой противника и враждебными лицами вели пограничные войска, охранявшие государственную границу. Для охраны тыла действующей армии были выделены части пограничных и внутренних войск НКВД СССР, а также армейские части и соединения.

С 14 августа охрана тыла армий осуществлялась на маньчжурской территории. Как и предусматривалось планом, для этого было использовано две трети личного состава 57, 69, 58 и 59-го пограничных отрядов, а остальные продолжали нести службу по охране границы. Для охраны тыла каждой армии задействовались от 720 до 1025 пограничников.

По решению военных советов Забайкальского и 2-го Дальневосточного фронтов пограничные войска Забайкальского (с 10 августа) и Хабаровского (с 14 августа) округов на направлениях, где не было войск Красной армии, организовали комендатуры в крупных населенных пунктах, расположенных вблизи границы (в Драгоценке, Шивэй, Джурганхэ, Мохэ, Фошань, Дунаньчжень и т. д.). Перед участком каждого пограничного отряда действовали 2—3 комендатуры численностью от 15 до 50 человек, а всего 23 комендатуры.

Усилия комендатур пограничных войск направлялись прежде всего на наведение порядка в городах и близлежащих населенных пунктах. Пограничники принимали меры к очищению населенных пунктов от враждебных лиц, используя для этого членов местного самоуправления и агентуру. Они помогали выявлять скрывавшихся солдат и офицеров противника, гласных и негласных сотрудников японских разведывательных органов, полиции, жандармерии, руководителей российской эмиграции, активных членов антисоветских организаций и задерживать их. У местного населения изымались оружие и боеприпасы. Например, комендатурой в г. Боли, выставленной от 57-го пограничного отряда, за первые пять дней (с 21 по 26 августа) оперативно-войсковыми нарядами были задержаны 28 японских солдат-смертников, 10 маньчжурских солдат, 40 вооруженных китайцев, у населения изъяли 1116 винтовок и карабинов, 13 пулеметов, 8800 патронов.

Для контроля над передвижениями в прифронтовой полосе комендатуры выставляли контрольно-проверочные посты (КПП) на основных путях движения войск и местных жителей. Только в первые дни войны пограничные части выставили 51 временный КПП: в Приморском округе — 33, в Хабаровском — 9, в Забайкальском — 9[27].

Между комендатурами и контрольно-проверочными постами выставлялись различные наряды (дозор, патруль, часовой, секрет, засада). С целью обнаружения и уничтожения одиночек и мелких групп противника вблизи от основных коммуникаций высылались разведывательно-поисковые группы. Применялось прочесывание местности в районах, где были отмечены действия диверсионных групп и солдат-смертников или признаки их пребывания. Кроме того, проводились облавы. Например, подразделениями 69-го пограничного отряда при охране тыла 1-й Краснознаменной армии было проведено 10 облав и 52 прочесывания местности в окрестностях городов Баньцзыхэ, Пиняньчжень, Лишучжень и Бамяньтунь.

Созданные в пограничной полосе Маньчжурии комендатуры способствовали успешной деятельности разведывательных органов пограничных войск, а также разведывательно-поисковых и оперативно-войсковых групп, добывая для них сведения об отрядах и группах

противника, скрывавшихся полицейских и т. д. Начальники пограничных отрядов постоянно получали от комендатур исчерпывающую информацию об обстановке в прикордоне Маньчжурии, что давало возможность принимать наиболее целесообразные решения относительно охраны государственной границы и маневрировать имевшимися силами и средствами.

Реализуя комплекс заградительных мер, органы военной контрразведки создавали в районах боевых действий советских войск постоянно действующие контрольно-пропускные пункты, разыскные и поездные группы, подвижные заградительные посты, в состав которых включались как оперативные сотрудники, так и агентура. Так, отделом контрразведки Смерш 35-й армии были созданы три КПП, одна разыскная группа, пять поездных групп и 17 подвижных заградительных постов, которые функционировали в районе боевых действий воинских соединений армии и, осуществляя тесное взаимодействие с командованием, выполняли задачи по задержанию подозрительных и отставших от эшелонов лиц и их проверке.

За август 1945 г. отделу контрразведки Смерш 35-й армии удалось задержать в районе боевых действий войск армии около 320 человек из числа военнослужащих и гражданских лиц с неправильно оформленными документами и без таковых вообще. После задержания проводилась тщательная проверка подозрительных лиц, в результате которой удалось выявить японских агентов, оставленных в тылу советских войск для проведения подрывной работы, а также установить многих разыскиваемых лиц.

В результате осуществления заградительных мероприятий органами контрразведки Смерш почти не были выявлены агенты японских спецслужб, оставленные в тылу советских войск для сбора разведывательных сведений. 30 августа 1945 г. в докладной записке о разведывательном и контрразведывательном обеспечении боевых действий с момента их начала 35-й армией начальник отдела контрразведки Смерш писал: «Лиц, подозрительных на шпионаж, а также других контрреволюционных элементов в числе задержанных не установлено». Таким образом, японские спецслужбы не смогли своевременно получить информацию о выступлении советских войск и не успели организовать ведение разведывательной деятельности в ходе наступательных операций частей Красной армии, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии.

Территориальные органы безопасности также участвовали в обеспечении боевых действий советских войск. Со вступлением советских войск на территорию противника управления НКГБ установили связь с отдельными закордонными агентами и ориентировали их на оказание содействия советским войскам по разгрому Квантунской группировки.

По решению Народного комиссариата государственной безопасности СССР управления НКГБ по Хабаровскому и Приморскому краям, Забайкальской области направляли в Маньчжурию специально сформированные оперативные группы. Так, в соответствии с директивой уполномоченного НКГБ СССР по Дальнему Востоку от 21 августа 1945 г. Хабаровское управление и подчиненные ему органы направили в Маньчжурию и на Южный Сахалин 12 оперативных групп для проведения разведывательных мероприятий.

Первая опергруппа (три человека) базировалась в г. Туаньшаньцзы (вела также работу в городах Фуюань, Суйбин и Тунцзян), вторая (четыре человека) — в г. Фугдине, третья (шесть человек) — в г. Цзямусы (вела также работу в городах Таньюань и Сансин), четвертая (пять человек) — в г. Лобэй (вела также работу в г. Фошань), пятая (восемь человек) — в г. Харбин, шестая (шесть человек) — в г. Сахалян (вела также работу в городах Цикэ, Сюньхэ, Уюнь), седьмая (пять человек) — в г. Бэйаньчжень, восьмая (пять человек) — в г. Мэргень, девятая (пять человек) — в г. Цицикар, десятая (шесть человек) — на Южном Сахалине в г. Тойохара, одиннадцатая (пять человек) — на Южном Сахалине в г. Томариору, двенадцатая (пять человек) — на Южном Сахалине в г. Нойора.

В качестве основных перед опергруппами ставились следующие задачи: установление связи с ранее заброшенной закордонной агентурой, вербовка новых перспективных агентов для внедрения их в правительственные и общественные учреждения Китая, создание сети нелегальных радиостанций и конспиративных квартир, выявление агентуры специальных служб Японии, Китая, США и Великобритании, проведение по согласованию с органами

военной контрразведки арестов и допросов агентуры противника и отдельных российских эмигрантов, изъятие и обработка архивов японских разведывательных и контрразведывательных органов.

Опергруппы комплектовались сотрудниками управлений НКГБ по Хабаровскому краю, Амурской области, Еврейскому автономному округу и Сахалинской области и Камчатской оперативной группы Управления НКГБ по Хабаровскому краю. В каждую группу включались переводчик из числа сотрудников органов безопасности или агентов, а также радист из 181-й отдельной роты ОСНАЗ НКВД и бойцы охраны из числа военнослужащих этой же роты. Опергруппы при реализации оперативных мероприятий поддерживали контакт с органами контрразведки Смерш Забайкальского, 1-го и 2-го Дальневосточных фронтов, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии, пятыми отделами управлений пограничных войск НКВД Забайкальского, Хабаровского и Приморского округов, а также разведывательными отделами штабов всех трех фронтов, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии.

Управления НКГБ Читинской области и Приморского края направляли в Маньчжурию оперативные группы на участках наступления Забайкальского и 1-го Дальневосточного фронтов, что способствовало успешному выполнению оперативно-тактических и стратегических задач советского командования. Так, например, 22 августа 1945 г. начальник Управления НКГБ Приморского края Гвишиани докладывал народному комиссару государственной безопасности СССР В. Н. Меркулову, что управлением созданы оперативные группы в г. Хунчунь численностью шесть человек, в г. Пограничная — пять человек, в г. Муданьцзян — пять человек, в г. Лишучжень — пять человек, в г. Мишан — пять человек, в г. Боли — три человека, в г. Сяоченцзы — три человека. Причем в качестве прикрытия их деятельности были избраны по согласованию с командующим 1-м Дальневосточным фронтом комендатуры пограничных и внутренних войск НКВД[28].

10 августа 1945 г. в 13 часов силами 56-го пограничного отряда и дивизиона Амурской военной флотилии без боя был взят г. Сахалян. Сразу же после этого в город прибыла оперативная группа Управления НКГБ по Амурской области в количестве семи человек для проведения агентурно-оперативных мероприятий. В результате ее деятельности было установлено, что 9 августа по приказу японского командования из города эвакуировались все японские войска, подразделения жандармерии и полиции с семьями и 300 российских эмигрантов. Все промышленное оборудование было вывезено в тыл, склады, аэродромы, вокзал, депо, государственные учреждения и другие сооружения сожжены.

Оперативная группа обследовала сохранившиеся от пожара особый отдел полицейского управления, японскую военную миссию и тюрьму, где было обнаружено восемь трупов маньчжуров, зарезанных японцами за несколько часов до прибытия группы, а в канцелярии тюрьмы — множество разбросанных документов, фотографий, негативов и т. п. Документы, представлявшие оперативную ценность, были вывезены в Благовещенск для детального изучения. Кроме того, удалось захватить делопроизводство и архивы бюро русских эмигрантов по Хейхейской (Сахалянской) провинции[29].

Территориальные органы безопасности силами организованных групп специального назначения проводили зафронтовые контрразведывательные операции, решая таким образом задачи по пресечению подрывной деятельности японских агентов и оказанию помощи командованию в ходе наступательных операций частей Красной армии. Так, например, в августе 1945 г. Управлением НКГБ по Хабаровскому краю была организована и проведена в контакте с командованием 2-го Дальневосточного фронта операция с использованием оперативной группы специального назначения «Родина». Группа с учетом опыта работы аналогичных групп на советско-германском фронте состояла из трех оперативных работников, двух радистов, двух агентов-связников, врача и нескольких бойцов 4-го отдела Управления НКГБ Хабаровского края. Агенты-связники хорошо знали местность и этнографические особенности населения в районе действия группы. Личный состав группы прошел тщательную специальную и физическую подготовку, имел соответствующую экипировку, вооружение, запас продовольствия и две радиостанции.

Замысел операции состоял в том, чтобы выбросить группу в район г. Харбина, залегендировав под эмигрантов и поставив следующие задачи: организация политической и военной разведки; нарушение коммуникаций и связи на путях отхода японских войск и их движения по направлению к фронту; задержание отдельных лиц, представлявших оперативный интерес; увеличение состава оперативной группы за счет обрастания и специальных вербовок из местного русского и китайского населения; проведение мероприятий по разложению русских белоэмигрантов; распространение среди них просоветских настроений, предотвращение их бегства из Маньчжурии. Кроме того, оперативная группа должна была помогать решению задач, которые стояли перед оперативной группой Управления контрразведки Смерш 2-го Дальневосточного фронта, выбрасывавшейся совместно с танковым десантом в район Харбина.

Выброска оперативной группы «Родина» состоялась 16 августа 1945 г., однако из-за ошибки десантирование было проведено на значительном расстоянии от намеченного пункта. Несмотря на трудности приземления, которые усложнились незнакомой болотистой местностью, руководители группы сумели собрать личный состав и дальнейшие действия осуществляли с учетом оперативной обстановки района приземления и сложившейся ситуации. В частности, оперативная группа содействовала организации местного самоуправления г. Цинган, установила связь с бывшим агентом советской резидентуры в Шанхае, а также завербовала двух перспективных агентов китайцев. После прибытия в Харбин группа спецназначения «Родина» присоединилась к оперативной группе Управления контрразведки Смерш 2-го Дальневосточного фронта.

Стоит, однако, отметить, что добиться должного оперативного взаимодействия между территориальными органами безопасности и органами военной контрразведки не удалось. Например, в результате несогласованности деятельности военные контрразведчики арестовали ряд агентов и резидентов территориальных органов безопасности и 1-го Главного управления НКГБ СССР, что отрицательно сказалось на организации разведывательной работы как в ходе военных действий, так и после капитуляции Японии.

22 августа 1945 г. начальник Управления НКГБ по Приморскому краю Гвишиани обращался к народному комиссару государственной безопасности СССР В. Н. Меркулову с просьбой скорейшего разрешения вопроса о согласованности оперативных мероприятий с органами контрразведки Смерш. Днем позже уже начальник Управления НКГБ по Читинской области информировал НКГБ СССР и уполномоченного НКГБ по Дальнему Востоку о том, что контакта между оперативными подразделениями управлений НКГБ, органами контрразведки Смерш и транспортными подразделениями НКГБ в Маньчжурии нет.

На территории Дальнего Востока и Забайкалья с началом военных действий между СССР и Японией органы безопасности принимали меры по нейтрализации возможных антисоветских проявлений, а также выявлению, предупреждению и пресечению подрывных акций японской агентуры. Агентура подразделений управлений НКГБ Приморского и Хабаровского краев и Читинской области ориентировалась на инициативное пресечение возможных актов диверсий и террора[30].

Кроме того, были интернированы сотрудники японского в Петропавловске-на-Камчатке и маньчжурских в Чите и Благовещенске консульств. Так, в Читинской области за час до рассвета, около половины пятого утра по местному времени, 9 августа 1945 г. заместитель начальника Управления НКГБ Р. А. Григоров в сопровождении трех оперативных работников прибыл в консульство Маньчжоу-Го и объявил консулу Хисамацу о том, что с 9 августа 1945 г. Советский Союз находится в состоянии войны с Японией. Чиновникам консульства было предложено сдать холодное и огнестрельное оружие и приемно-передающую аппаратуру. Обыск в консульстве не производился. Интернированные размещались в здании консульства, им предоставлялась возможность по одному-два человека выходить на рынок для приобретения продуктов питания при гласном сопровождении работников оперативного отдела Управления НКГБ по Читинской области[31].

В ходе военных действий и в последующий период серьезных акций со стороны японской агентуры и антисоветских лиц на территории советского Дальнего Востока органами безопа-

сности выявлено не было. Этому способствовали сложившаяся к тому времени военно-политическая ситуация в Дальневосточном регионе, эффективная контрразведывательная работа органов безопасности, а также стремительное наступление советских войск и молниеносный разгром японских войск, и как результат всего этого — неспособность японских спецслужб в создавшихся условиях управлять подрывной деятельностью не только на территории, освобождавшейся советскими войсками, но и тем более на территории советского Дальнего Востока.

2 сентября 1945 г. Япония капитулировала, но обстановка на территории, освобожденной советскими войсками, оставалась крайне напряженной. Быстро развивался политический бандитизм. Крупные, хорошо вооруженные отряды, состоявшие из остатков разгромленных японских и маньчжурских воинских частей, а также сотрудников спецслужб, терроризировали местное население и нападали на небольшие армейские подразделения. В южных районах Маньчжурии резко обострилась борьба между движением «Гоминьдан» и Китайской коммунистической партией. Из подконтрольных гоминьдановцам районов сюда направлялись оружие и эмиссары, в подполье формировалась военная организация.

Органам контрразведки Смерш пришлось на ходу перестраивать свою работу. И здесь пригодился опыт, накопленный в борьбе с повстанческими формированиями в Прибалтике, Западной Украине и Польше. Опираясь на помощь китайских коммунистов, военные контрразведчики в короткие сроки развернули оперативно-боевую работу в районах мест дислокации частей Красной армии. Специально подготовленные агенты-боевики под различными легендами прикрытия внедрялись в бандитские формирования, сеяли рознь среди их участников и уничтожали главарей[32].

Гласная, а также негласная помощь местного населения помогла органам Смерш быстро ликвидировать крупные банды и предотвратить масштабные боевые действия на территории Маньчжурии. Между тем угроза их возникновения была вполне реальной: только в двух небольших городах Синьцзине и Цзямусы военные контрразведчики выявили и обезвредили подпольные боевые организации гоминьдановцев численностью 4 тыс. и 3 тыс. человек, причем у них имелись свои разведывательные и контрразведывательные органы. Так, цзямусинское разведподразделение насчитывало в своем составе 120 человек. Его сотрудники занимались сбором сведений о советских воинских частях, выявляли и уничтожали лояльно настроенных к Советскому Союзу граждан[33].

Наряду с решением главной задачи по разгрому японских спецслужб в Маньчжурии, на Южном Сахалине и в Северной Корее органами контрразведки Смерш в сотрудничестве с территориальными органами безопасности были достигнуты и другие важные результаты: захвачен и интернирован император Маньчжоу-Го Пу И с членами семьи и министрами правительства; интернирован штаб Квантунской группировки во главе с ее командующим генералом Ямадой, начальником штаба Хатой и начальником разведотдела штаба полковником Асадой; задержаны и арестованы начальники основных ЯВМ в Маньчжурии, в их числе начальник информационно-разведывательного управления Квантунской группировки генерал-майор Акикуса[34] и ранее возглавлявший это управление генерал-лейтенант Янагита; арестованы атаман Семенов, глава Российского фашистского союза Родзаевский и ряд других руководителей антисоветских организаций и групп на территории Маньчжурии и Кореи; выявлены и арестованы предатели из закордонной агентуры органов НКВД — НКГБ, пограничных войск, разведотделов штабов частей Красной армии, Тихоокеанского флота и Амурской военной флотилии, которые в различное время бежали за границу и стали сотрудничать с японскими спецслужбами; задержаны и арестованы бывшие советские военнослужащие, которые изменили Родине, бежав в разное время на территорию, занимаемую японскими войсками, и стали участниками различных диверсионно-разведывательных и террористических формирований, готовившихся для борьбы на советской территории или активно выполнявших задания японской разведки.

Кроме того, было захвачено большое количество ценных документов и архивов. Фонды трофейных документов насчитывали 5500 томов на японском языке. Находящиеся в них материалы имели исключительную оперативную ценность, так как дали возможность

выявить кадровый состав японских разведывательных, контрразведывательных и полицейских органов, а также агентуру — как находящуюся на территории Маньчжурии, так и заброшенную в прошлом на территорию Советского Союза; ознакомиться со структурой, методами и формами работы японских спецслужб, наставлениями по разведывательной и контрразведывательной деятельности; выяснить степень осведомленности японцев о военном, политическом и экономическом положении советского Дальнего Востока и оценку ими работы советских органов госбезопасности; получить информацию о задержании японцами агентов советской разведки и перебежчиков из СССР.

Документы «Бюро по делам российских эмигрантов» в Маньчжурии, исполненные на русском языке, содержали биографические сведения, а в ряде случаев — компрометирующие материалы (личные заявления о вступлении в фашистскую партию, сведения об участии в других антисоветских эмигрантских организациях, о службе в полиции и т. д.) на часть эмигрантской колонии в Китае.

В результате обработки трофейных японских документов только Управлением НКГБ Хабаровского края были объявлены во всесоюзный розыск 674 агента японских спецслужб, установлены среди японских военнопленных 693 кадровых разведчика. На картотечный учет было поставлено несколько десятков тысяч человек, главным образом агентура японских и других разведывательных органов в Маньчжурии, изменники Родины, участники антисоветских эмигрантских организаций в Маньчжурии, агентура советских разведывательных органов, арестованная японской контрразведкой в Маньчжурии, кадровый состав японских разведывательных и контрразведывательных органов.

В процессе изучения трофейных японских документов были выявлены и направлены в Центр в форме подлинных документов, документальных переводов и справок:

— документы, изобличающие японские правящие круги в подготовке войны против СССР, в создании крайне тяжелого оккупационного режима в Маньчжурии;

— материалы японской контрразведки, относящиеся к вопросам деятельности советских разведорганов в Маньчжурии в период 1939–1945 гг.;

— документы о ликвидации японской полицией резидентуры советской военной разведки во главе с Рихардом Зорге в Токио в 1941 г.;

— материалы о Корейской национально-революционной партии и ее связи с английской разведкой;

— материалы японской полиции о борьбе против деятельности компартии Японии;

— документы об активной подготовке японской армии в 1941–1942 гг. к вторжению на территорию советского Дальнего Востока, подготовке специальных жандармских частей к истреблению членов компартии, работников органов безопасности, беспощадному подавлению ожидавшегося японскими оккупантами сопротивления советского народа;

— материалы генерального штаба японской армии о подготовке США к бактериологической войне;

— документы, уличающие командование Квантунской группировки, жандармерию и ряд других японских военных и административных органов в организации подготовки бактериологической войны и диверсий против СССР.

Эти документальные доказательства были выявлены при подготовке в 1949 г. в Хабаровске судебного процесса над бывшими офицерами и генералами Квантунской группировки, причастными к организации бактериологической войны против СССР. Документы были успешно использованы в процессе следствия и суда по делу японских преступников.

Таким образом, благодаря успешной деятельности органов контрразведки Смерш и участию в обеспечении боевых действий советских войск пограничных войск и территориальных органов безопасности как в период боевых операций, так и до окончательного вывода советских войск с территории Маньчжурии и Северной Кореи удалось решить главную задачу — разгромить органы японских спецслужб в Маньчжурии, на Южном Сахалине и в Северной Корее, которые в течение многих лет занимались непосредственной организацией и осуществлением подрывной деятельности против СССР.

ПРИМЕЧАНИЯ

[1] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1404. Л. 276–277.

[2] Там же. Оп. 4. Д. 1286. Л. 32, 33.

[3] Смерш: Исторические очерки и архивные документы. М., 2003. С. 245–246.

[4] Японская военная миссия.

[5] Смерш: Исторические очерки и архивные документы. С. 246.

[6] Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР Смерш. 1939 — март 1946 / Архив Сталина. Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2006. С. 522.

[7] *Платонов В. В.* Боевые действия пограничных войск на Дальнем Востоке в 1945 г. М., 1961. С. 8, 16–17.

[8] *Терещенко В. В.* На охране рубежей Отечества. М., 2008. С. 304.

[9] *Платонов В. В.* Указ. соч. С. 8–11.

[10] Там же. С. 11–12.

[11] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1404. Л. 260–273.

[12] *Kotani K.* Japanese intelligence in World War II. Oxford, 2009. P. 38–39.

[13] *Соловьев А. В.* Тревожные будни забайкальской контрразведки. М., 2002. С. 372–373.

[14] *Терещенко В. В.* Указ. соч. С. 306–307.

[15] Там же. С. 308.

[16] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1286. Л. 37.

[17] Вместе с флотом. Советская морская контрразведка в Великой Отечественной войне. Исторические очерки и архивные документы. М., 2010. С. 161.

[18] Там же. С. 161, 164.

[19] Там же. С. 157, 160.

[20] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1211. Л. 88–92.

[21] Смерш: Исторические очерки и архивные документы. С. 248.

[22] Там же. С. 249.

[23] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 4. Д. 1286. Л. 38–39, 42–43.

[24] Смерш: Исторические очерки и архивные документы. С. 247–248.

[25] См.: *Терещенко В. В.* Указ. соч. С. 309.

[26] *Платонов В. В.* Указ. соч. С. 184–185.

[27] *Терещенко В. В.* Указ. соч. С. 309.

[28] ЦА ФСБ России. Ф. 4. Оп. 3. Д. 1021. Л. 12–12а.

[29] Там же. Л. 1, 13–15.

[30] Там же. Д. 1306. Л. 29.

[31] *Соловьев А. В.* Указ. соч. С. 357.

[32] Смерш: Исторические очерки и архивные документы. С. 249.

[33] Там же. С. 250.

[34] Причем, как пишет американский исследователь К. Котани, факты ареста большинства руководящих сотрудников японских спецслужб подтверждают, что советские органы безопасности работали в период Второй мировой войны весьма эффективно (*Kotani K.* Japanese intelligence in World War II. P. 36).

Заключение

Несомненно, главную роль в достижении победы советского народа в Великой Отечественной войне сыграли вооруженные силы, громившие врага непосредственно на полях сражений, но без полной мобилизации всех государственных структур и общества в соответствии с лозунгом «Всё для фронта, всё для победы!» было бы невозможно одолеть сильного и опытного врага.

Существенный вклад в общую победу над Германией и Японией внесли разведчики и контрразведчики, которые не только вели свою, тайную, войну, вскрывая замыслы противника, обезвреживая его агентов и выявляя предателей и изменников, но и организовывали партизанское движение в тылу врага, боролись с политическим бандитизмом в советском тылу, способствовали эвакуации и бесперебойной работе промышленных предприятий, контролировали процесс репатриации советских граждан, а также решали множество других задач.

Если для всей страны война началась 22 июня 1941 г. и закончилась 9 мая 1945 г., а с учетом военных действий в ходе советско-японской войны — 2 сентября 1945 г., то для разведки и контрразведки она началась задолго до названной даты и завершилась намного позднее сентябрьских дней 1945 г. Лишь по прошествии нескольких десятилетий становятся известными многие факты, свидетельствующие о напряженной работе отечественной разведки по добыванию сведений о подготовке Германии и ее союзников к войне с Советским Союзом и информированию руководства страны о планах нападения на СССР, активной агентурной деятельности спецслужб стран фашистского блока против СССР накануне войны и противодействии ей советской контрразведки. Разведка органов государственной безопасности доводила до сведения высшего политического руководства страны ценные сведения о планах наступательных операций вермахта, конспиративных контактах США и Англии с представителями правящих кругов нацистской Германии, расчетах японской военной верхушки, воспользовавшись временными победами вермахта, совершить агрессию против СССР.

На протяжении всей войны шло незримое противоборство советской разведки и контрразведки со спецслужбами фашистского блока, ведущую роль среди которых играли спецслужбы Германии, обладавшие мощнейшим потенциалом и опытом ведения тайной войны. Однако отечественные органы государственной безопасности и военная разведка сумели преодолеть шок неудач первого периода войны, изучить противника, перестроить свою деятельность в соответствии с новыми потребностями и, в конечном счете, выиграть тайную войну.

С началом германской агрессии была осуществлена огромная работа по коренной перестройке деятельности органов государственной безопасности. В кратчайшие сроки удалось решить сложные задачи оперативно-мобилизационного развертывания органов государственной безопасности и внести необходимые изменения в организационную структуру, формы и методы деятельности. Развитие событий на фронтах Великой Отечественной

войны явилось главным фактором, оказавшим влияние на характер и направленность деятельности органов государственной безопасности и военной разведки. Их основные усилия были подчинены решению задач непосредственной вооруженной борьбы с фашистскими захватчиками, противодействия подрывной деятельности немецко-фашистских спецслужб и оказания всемерного содействия военному командованию в повышении боеспособности Вооруженных сил Советского Союза.

Органы государственной безопасности искали и находили новые формы и методы борьбы с противником, которые в наибольшей мере соответствовали обстановке в этот сложный и опасный период. Активная борьба советских спецслужб с вражескими шпионами, достаточно высокий уровень режима секретности, эффективная охрана фронтового и армейского тыла не позволили германской разведке выявить сосредоточение и развертывание резервов советского командования при подготовке важнейших наступательных операций под Москвой, Сталинградом, в районе Курского выступа, при освобождении Белоруссии и других.

Первостепенное значение в деятельности органов государственной безопасности придавалось борьбе с агентурной разведкой германских и японских спецслужб, активному поиску забрасываемых через линию фронта вражеских шпионов, выявлению агентуры противника в войсках, среди военнослужащих, выходящих из окружения, и беженцев с оккупированной противником территории.

В условиях широкого, практически не прекращавшегося после коренного перелома в ходе войны наступления советских войск все большее значение приобретала работа чекистских органов на освобождаемой территории, в частности выявление и розыск оставленной врагом агентуры и изменников Родины. Тактика массового оставления вражеских агентов на освобождаемой территории требовала эффективных оперативных мер по ее выявлению и обезвреживанию. В решении этой задачи участвовали все органы государственной безопасности: органы Смерш действовали в полосе продвижения наступающих войск и в окружении военных объектов, войска по охране тыла действующей армии — в армейском и фронтовом тылу, органы НКГБ и НКВД — на обслуживаемых ими территориях и объектах, а погранвойска — в пограничной зоне. Сложнее была оперативная обстановка на освобожденных от фашистов территориях Украины и Белоруссии, особенно в западных областях этих республик, а также в Эстонии, Латвии и Литве, где существовало вооруженное подполье. Сотрудники спецслужб вели здесь активную борьбу с диверсионно-террористической деятельностью.

С началом Великой Отечественной войны потребовалось максимальное сосредоточение всех людских и материальных ресурсов на борьбе с агентурой, диверсантами и террористами, которых в массовом порядке забрасывали в наш фронтовой и глубокий тыл спецслужбы агрессора. Принимались решительные и эффективные меры по выявлению, предупреждению и пресечению их деятельности. Это обусловило сокращение репрессивных мер против «врагов народа». Но тенденция 1930-х гг., хотя и в ослабленном виде, продолжала действовать в годы войны и выливалась порой в необоснованное заведение дел оперативного учета и репрессий в отношении членов семей военнослужащих, обвиненных в измене Родине, в чрезмерную подозрительность к людям, побывавшим в плену и проживавшим на оккупированной территории.

В условиях активной диверсионной и шпионской деятельности фашистских спецслужб органы советской контрразведки приняли активное участие в эвакуации промышленных предприятий в начальный период Великой Отечественной войны, а затем постоянно осуществляли меры по противодиверсионному ограждению объектов промышленности, транспорта и связи, организации надежной охраны государственной и военной тайны и недопущению утечки секретной информации.

Разведывательная, диверсионная и контрразведывательная работа, осуществлявшаяся партизанскими отрядами и подпольными патриотическими группами, входила в общую систему обеспечения государственной безопасности нашей Родины в условиях войны. Что касается ведения контрразведывательной работы и обеспечения безопасности партизанских отрядов, то эти задачи были полностью возложены на чекистские органы.

Получила развитие самостоятельная линия в деятельности органов государственной безопасности — зафронтовая разведывательно-диверсионная и контрразведывательная работа. Активную зафронтовую работу проводили и органы военной контрразведки, которые также забрасывали во вражеский тыл спецгруппы, осуществлявшие диверсионно-разведывательную работу, и агентов, имевших задания внедриться в спецслужбы противника.

Органы госбезопасности СССР проявили необходимую организованность и дееспособность в борьбе с гитлеровскими захватчиками на оккупированной советской территории. Чекисты формировали партизанские отряды и оставляли их при отступлении Красной армии на оккупированной противником территории, забрасывали в тыл врага диверсантов и оперативные группы ОМСБОН НКВД СССР. Многие из этих групп по приказу руководства либо в зависимости от оперативной обстановки становились партизанскими отрядами.

В годы Великой Отечественной войны одной из главных задач борьбы с гитлеровцами на оккупированной советской территории было нарушение работы транспорта противника, что выражалось в разрушении искусственных сооружений, путей и путевых обустройств, станций, пристаней, крушении поездов, подрывах автомашин и судов. Диверсии на железных дорогах осуществлялись бойцами оперативных групп органов госбезопасности и агентами, работавшими на станциях крупных железнодорожных узлов, в железнодорожных депо, ремонтных мастерских и т. д. Успешные диверсии партизан на транспорте и объектах промышленности, особенно если они не затрагивали интересы мирного населения, способствовали вовлечению его в активную борьбу с оккупантами.

Контрразведывательная работа, проводимая чекистами на оккупированной советской территории, являлась важнейшим фактором, содействовавшим успеху боевой деятельности советских партизан и подпольщиков и живучести формирований народных мстителей. Главная цель этой работы состояла в надежном ограждении их от подрывной деятельности спецслужб противника и враждебных элементов.

Специальные операции органов государственной безопасности на оккупированной советской территории являлись одним из важнейших направлений зафронтовой деятельности. Большая работа проводилась по захвату сотрудников специальных служб противника, их агентов и пособников, разложению полицейских и иных изменнических формирований, физическому устранению нацистских сановников и коллаборационистов. Особое значение играли мероприятия по ликвидации тех, кто оказывал помощь фашистам в карательных операциях или изуверски обращался с местным населением.

В процессе агентурно-оперативной и боевой деятельности органов госбезопасности на оккупированной территории осуществлялись боевые операции, которые преследовали цель уничтожения живой силы противника, в том числе представителей верховного командования вермахта, крупных чиновников административного аппарата оккупантов, лиц, перешедших на сторону врага, а также, что особенно важно, представителей спецслужб фашистской Германии и агентов разведывательных и контрразведывательных органов. Мероприятия по захвату и ликвидации активных пособников оккупантов, проводимые чекистскими подразделениями на оккупированной территории, по характеру исполнения были самыми разнообразными и вызывали страх у изменников Родины, работавших в аппарате местного управления, снижали их активность и одновременно вызывали положительную реакцию местного населения.

Разумеется, в деятельности советских спецслужб накануне и в годы войны имелись не только крупные достижения, но и серьезные недостатки и просчеты. Одной из главных причин, в силу которых советское руководство допустило грубый просчет в определении сроков германской агрессии, было отсутствие в разведывательных органах аналитических структур, способных аккумулировать многообразную и весьма противоречивую информацию, поступавшую из различных источников, обобщать ее и вырабатывать обоснованные предложения для руководства страны. Эффективность деятельности разведывательных и контрразведывательных органов в значительной мере снижалась вследствие многочисленных и не всегда продуманных реорганизаций, которые происходили вплоть до 1943 г. Практиче-

ски на протяжении всей войны оставляла желать лучшего координация усилий спецслужб различной ведомственной подчиненности, особенно при решении ими родственных задач, а подчас наблюдалась и нездоровая конкуренция между ними. Было немало случаев, когда при осуществлении контрразведывательных мероприятий как на фронте, так и в тылу грубо нарушалась советская законность, попирались конституционные права советских граждан. Списывать все эти недостатки и нарушения лишь на И. В. Сталина и его ближайшее окружение, на изъяны политического режима, как это иногда делается в литературе, было бы в корне неверно.

Всё тайное со временем становится явным. Эта известная поговорка лишь условно применима к тайному противоборству специальных служб. Хотя с годами завеса над тем, как работали разведка и контрразведка нашей страны в годы Великой Отечественной войны, с какими сложностями и трудностями им приходилось сталкиваться в борьбе с опытным и сильным врагом, постепенно поднимается, однако говорить о полной открытости и изученности этой темы не приходится. И не только потому, что детальное раскрытие форм и методов деятельности специальных служб может нанести ущерб стране и ныне живущим даже по прошествии многих десятков лет, но и по причине того, что разведка и контрразведка не всегда оставляют документальные следы своей деятельности, а их сотрудники не отличаются излишней откровенностью, унося с собой многие тайны.

Одно можно сказать с уверенностью — тайный фронт борьбы с фашистскими захватчиками и японскими милитаристами являлся в годы Великой Отечественной и советско-японской войн не менее важным, чем открытые боевые действия. Результаты поистине героической деятельности сотрудников органов государственной безопасности и военной разведки способствовали успеху вооруженного противоборства на фронте, сохранили жизни миллионам людей и обеспечили стабильность обстановки в тылу страны. Сотрудники внешней и военной разведки, органов контрразведки внесли свой существенный вклад в дело победы советского народа над нацистской Германией и милитаристской Японией.

ПРИЛОЖЕНИЕ

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИВЕДЕННЫХ ДОКУМЕНТОВ

№ 1. Сообщение берлинской резидентуры о меморандуме Гугенберга. 22 июня 1933 г.

№ 2. Сообщение берлинской резидентуры о беседе Гитлера с министром труда Ф. Зельдте. 29 июня 1933 г.

№ 3. Сообщение И. Штёбе о подготовке нападения на СССР. 4 января 1941 г.

№ 4. Ориентировка в Берлин о «Старшине» и «Корсиканце». 5 апреля 1941 г.

№ 5. Сообщение военной разведки о перебросках немецких войск в пограполосе с СССР. 16 апреля 1941 г.

№ 6. Сообщение Р. Зорге о планах Германии.

№ 7. Спецсообщение В. Н. Меркулова И. В. Сталину об итогах операции по аресту и выселению «антисоветских» элементов из западных областей Белоруссии. 21 июня 1941 г.

№ 8. Постановление Политбюро ЦК ВКП(б) об утверждении постановления СНК СССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе». 24 июня 1941 г.

№ 9. Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину об аресте двух немецких парашютистов. 2 августа 1941 г.

№ 10. Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину об организации охраны важнейших предприятий г. Москвы. 21 августа 1941 г.

№ 11. Сообщение военной разведки о планах Японии. 14 сентября 1941 г.

№ 12. Записка комиссии по проведению специальных мероприятий И. В. Сталину о подготовке предприятий г. Москвы и Московской области к уничтожению. 9 октября 1941 г.

№ 13. Справка С. Р. Мильштейна Л. П. Берии о количестве арестованных и расстрелянных военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта. Октябрь 1941 г.

№ 14. Сообщение лондонской резидентуры о беседах У. Гарримана и У. Бивербрука с И. В. Сталиным в Москве. 2 ноября 1941 г.

№ 15. Постановление ГКО о создании фильтрационных пунктов. 27 декабря 1941 г.

№ 16. Сообщение начальника разведотдела штаба Западного фронта о гибели разведывательно-диверсионной группы. Январь 1942 г.

№ 17. Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину о деятельности органов НКВД СССР в тылу противника. 13 февраля 1942 г.

№ 18. Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину о задержании немецких диверсантов. 25 апреля 1942 г.

№ 19. Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину о репрессиях в отношении членов семей изменников родине. 18 июня 1942 г.

№ 20. Постановление ГКО о членах семей изменников родине. 24 июня 1942 г.

№ 21. Сообщение военной разведки о посещении восточного фронта японским послом в Берлине. 19 августа 1942 г.

№ 22. Докладная записка А. С. Щербакова И. В. Сталину о работе особого отдела 7-й отдельной армии с приложением приказа наркома обороны № 0089. 22 мая 1943 г.

№ 23. Спецсообщение В. С. Абакумова И. В. Сталину и А. М. Василевскому о причинах расконспирации предстоящих наступательных операций на участке Брянского фронта. 24 июня 1943 г.

№ 24. Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину, В. М. Молотову, А. И. Антонову о деятельности войск НКВД СССР по охране тыла. 11 июля 1944 г.

№ 25. Спецсообщение Л. П. Берии И. В. Сталину о ликвидации групп немецких парашютистов и десанта. 15 июля 1944 г.

№ 26. Донесение о попытках нацистской Германии заключить сепаратный мир с Англией и США. 1944 г.

№ 27. Доклад начальников органов разведки НКО, НКГБ и НКВМФ о современном положении Германии и ее возможностях на дальнейшее ведение войны. 18 декабря 1944 г.

№ 1

СООБЩЕНИЕ БЕРЛИНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ О МЕМОРАНДУМЕ ГУГЕНБЕРГА
22 июня 1933 г.

Совершенно секретно

В связи с этим вопросом здесь стало известно, что Гугенберг, передав этот меморандум, совершил нескромный поступок по отношению к Кабинету, упомянув о требовании колоний на Востоке, содержащемся лишь в секретной правительственной программе. Это требование должно было служить лишь секретным базисом для делегации на Мировой экономической конференции в Лондоне, и о нем могло быть упомянуто лишь в виде намека. Речь в данном случае идет о сотрудничестве с будущим русским правительством, с которым имеется уже контакт, каковое, согласно сведениям из руководящих кругов национал-социалистов, в скором времени добьется падения советского режима. Германское требование о предоставлении колоний на Востоке могло упоминаться лишь в неофициальных разговорах с англосаксонскими правительственными кругами, с целью уведомить последних о деятельности гитлеровской партии, ее борьбе против Советского правительства и информировать ее о выявляющихся уже успехах. Гугенберг, однако, после того как выяснился его предстоящий отъезд и возможность выступить с предполагаемой речью, сам составил свой меморандум, не согласовав вопрос с делегацией. Меморандум этот, хотя и содержал согласованные с делегацией пункты к предстоящей речи, но вместе с тем Гугенберг развил вопрос о колониях, что должно было произвести сенсацию и создать ему выдающееся положение, что соответствовало болезненному самолюбию Гугенберга, заставляющему его поступать самым необдуманным образом. Меморандум Гугенберга вызвал в Берлине колоссальное возмущение, в особенности после того как стало известно, как в русских кругах реагировали на этот меморандум, и принимая во внимание, что было чрезвычайно желательно скрыть от Советского правительства сущность германских планов. Гитлер якобы требовал отставки Гугенберга.

В связи с этим делом было издано запрещение германско-национальных военных организаций, так как правительство сразу же приступило к мероприятиям, которые отодвинули бы на задний план нескромность Гугенберга, показав, что германское правительство в этом отношении не поддерживает Гугенберга и опровергает поднятый в меморандуме вопрос о колониях на Востоке (Россия). Вчера в конторе Гугенберга был наложен арест на все партийные и личные документы, и, как сообщено в центральных кругах, сам Гугенберг якобы арестован. Отставка Гугенберга из Кабинета ожидается.

Архив СВР. Д. 138612. Т. 1. Л. 4–5. Рассекречено.

№ 2

СООБЩЕНИЕ БЕРЛИНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ О БЕСЕДЕ ГИТЛЕРА С МИНИСТРОМ ТРУДА Ф. ЗЕЛЬДТЕ
29 июня 1933 г.

Совершенно секретно

Министр труда Рейха и руководитель «Штальгельма» Зельдте в конце прошлой недели, после произведенного слияния «Штальгельма» с НСДАП, имел с Рейхсканслером Гитлером беседу с глазу на глаз, длившуюся полтора часа. Зельдте рассказывает следующее о содержании этой беседы, которой Гитлер придал совершенно односторонний характер.

Гитлер нарисовал широкую картину будущего развития всего мира, как он себе его представляет, руководствуясь при этом лишь собственными соображениями и ни на чем не основанными данными, говоря в духе «пророчества». Гитлер между прочим заявил, что Мировая экономическая конференция никаких полезных результатов не даст. Хозяйственное положение всего мира и, таким образом, Германии сможет улучшиться лишь тогда, когда Россия сможет вновь включиться «в полном объеме» в мировое хозяйство и когда большевизм, постоянно волнующий весь мир, будет вырван «с корнем». Германия должна при содействии Англии вооружиться и после этого, совместно с Англией, осуществить интервенцию России.

Зельдте был чрезвычайно удивлен заявлениями Гитлера, потому что они, по его мнению, полностью противоречили прежним взглядам Гитлера, которые он отстаивал в течение последних месяцев в связи с проведением германско-советской политики. По мнению Зельдте, словам Гитлера не стоит придавать особенного значения, так как Гитлер в продолжение всей беседы производил впечатление человека, переживающего какой-то болезненный припадок и находящегося в состоянии «религиозного транса».

Архив СВР. Д. 138612. Т. 1. Л. 6. Рассекречено.

№ 3

СООБЩЕНИЕ И. ШТЁБЕ О ПОДГОТОВКЕ НАПАДЕНИЯ НА СССР 4 января 1941 г.

Расшифрованная телеграмма вх. № 178
Из Берлина
Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии
№ 03

Альта запросил у Арийца подтверждения правильности сведений о подготовке наступления весной 1941 г. Ариец подтвердил, что эти сведения он получил от знакомого ему военного лица, причем это основано не на слухах, а на специальном приказе Гитлера, который является сугубо секретным и о котором известно очень немногим лицам. В подтверждении этого он приводит еще некоторые основные доводы: 1) Его беседы с руководителем Восточного отдела министерства иностранных дел Шлиппе, который ему сказал, что посещение Молотовым Берлина можно сравнить с посещением Бека. Единомыслия не было достигнуто ни по одному важнейшему вопросу — ни в вопросе о Финляндии, ни в вопросе о Болгарии. 2) Подготовка наступления против СССР началась много раньше, но одно время была несколько приостановлена, так как немцы просчитались с сопротивлением Англии. Немцы рассчитывают весной Англию поставить на колени и освободить себе руки на востоке. 3) Несмотря на то что Германия продает СССР военные материалы, предала забвению занятие Буковины, «не замечает» пропаганды СССР в Болгарии, Гитлером враждебные отношения к СССР не были изменены. 4) Гитлер считает: а) состояние Красной армии именно сейчас настолько низким, что весной он будет иметь несомненный успех; б) рост и усиление Германской армии продолжаются.

Подробное донесение Альты по этому вопросу — очередной оказией.

Метеор

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24119. Д. 1. Л. 6–7.

№ 4

ОРИЕНТИРОВКА В БЕРЛИН О «СТАРШИНЕ» И «КОРСИКАНЦЕ»
5 апреля 1941 г.

За последнее время мы буквально со всех сторон получаем агентурные сообщения о готовящейся германской акции. Эти сведения во многом, даже в сроках, совпадают с данными «Старшины» и «Корсиканца», причем при сопоставлении их оказалось, что все они идут из германских кругов или с территорий, оккупированных Германией.

Вместе с тем в американской и английской прессе в последнее время настойчиво и упорно предсказывают вторжение германских войск в Советский Союз, оккупацию немцами Украины, «дешевую и молниеносную войну, которая вознаградит всех немцев», и т. д. Такие статьи были помещены в мартовских номерах газет «Чикаго Дейли Ньюс», «Нью-Йорк Геральд Трибюн» и в «Нью-Йорк Таймс». В английской газете «Дейли Экспресс» во второй половине марта была помещена статья, в которой говорится о «секретной подготовке» Германией войны против СССР, о создании «антибольшевистского генштаба» в Кракове, о концентрации военных сил под Краковом, которые предназначаются для нанесения главного удара против СССР, и т. д.

Такое обилие агентурных сведений о «секретной подготовке» Германией этой акции, оживленная дискуссия этого вопроса в англо-американской печати наводят на мысль, не имеет ли здесь место широко задуманная инспирация или

а) самих немцев с целью оказать таким образом давление на СССР и получить уступки по какому-либо вопросу, или

б) англо-американского блока с целью добиться трещины в советско-германских отношениях и переадресовать германскую агрессию на Советский Союз.

Весьма возможно, что здесь переплетаются оба явления.

При этом агентура может являться простым рупором этих слухов, которые специально инспирируются как той, так и другой стороной.

Однако эти предположения отнюдь не должны демобилизовать нашу бдительность к этому вопросу. Наоборот, Вам нужно тщательно фиксировать и сообщать немедленно нам все сведения, получаемые Вами от агентуры по этому вопросу. Старайтесь возможно точнее передавать изложение этого вопроса агентом и выяснять первоисточник этих сведений.

Старайтесь по возможности сразу же на месте предпринимать проверку агентурных сведений, не дожидаясь наших указаний по этому вопросу, например, вопрос о прекращении частных перевозок по железным дорогам, о концентрации войск в том или ином районе и др., что Вы можете проверить собственными силами или через агентуру.

Работу со «Старшиной» следует максимально активизировать. Из Ваших сообщений видно, что «Старшина» отлично понимает, кому и для чего нужны его сведения. Ему следует объяснить, насколько важно нам иметь по этим вопросам документальные материалы или хотя бы копии их.

Между прочим, в одном из сообщений «Старшина» указывает, что немцы готовят планы бомбардировок против Выборга и Ленинграда с одной стороны, против Киева и Яссы с другой. В следующем сообщении «Старшина» говорит, что немцы готовятся подвергнуть бомбардировке Киев, Яссы и другие города Советской Украины. Между тем известно, что Яссы — румынский город. Такое невежество со стороны «Старшины», который специально занимается этим делом, выглядит странно.

Активизация работы со «Старшиной» никоим образом не должна отражаться на работе с «Корсиканцем».

Нужно добиться регулярного получения от него материалов его ведомства, главным образом о потенциале экономических ресурсов Германии, о торговых договорах с другими странами, о положении валютного рынка и т. д., о чем мы уже неоднократно указывали.

Вместе с тем поговорите с «Корсиканцем», кого из его близких людей можно также непосредственно переключить на связь с ним. В первую очередь обсудите вопрос о <...> и <...>. Определите, наконец, кто такой <...>, почему «Корсиканец» упорно не называет его имени.

Архив СВР. Д. 138612. Т. 1. Л. 51–54. Рассекречено.

№ 5

СООБЩЕНИЕ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ О ПЕРЕБРОСКАХ НЕМЕЦКИХ ВОЙСК В ПОГРАНПОЛОСЕ С СССР
16 апреля 1941 г.

№ 660406сс

С 1 по 15 апреля с. г. из глубины Германии, из западных районов В. Пруссии и генерал-губернаторства германские войска совершают переброски по железным дорогам, автоколоннами и походным порядком в приграничную полосу с СССР. Основными районами сосредоточения являются: В. Пруссия, район Варшавы и район южнее Люблин. За пятнадцать дней апреля германских войск на восточной границе увеличилось на 3 пехотные и 2 моторизованные дивизии, 17 тыс. вооруженных украинцев-националистов и на 1 полк парашютистов. Общее количество немецких дивизий всех типов в В. Пруссии и генерал-губернаторстве доведено до 78 (без немецких войск в Молдавии).

Кроме того, заслуживает внимания прибытие: а) в районе Янув-Подляски (20 км с-в. Бяла-Подляска), Торосполь (15 км ю-з. Брест), Михалки (15 км с-в. Бяла-Подляска), Кодень (20 км ю-з. Брест) переправочных средств: понтонов и разобранных деревянных мостов. В районе Ярослав отмечается также сосредоточение понтонных частей; б) усиленное движение из района Летцен на Лик; передвижение совершается походным порядком и только ночью; в) погрузка войск в Штеттинском порту якобы для отправки в Финляндию и Швецию, численностью до 6 дивизий.

За этот же период отмечено усиленное накопление в приграничных с СССР районах боеприпасов и горючего, подвоз которых начался с конца 1940 г. В 1941 г. учтен подвоз 6995 вагонов боеприпасов (в том числе 16 вагонов авиабомб) и 993 вагона с горючим.

По районам подвоз распределяется следующим порядком:

№ пп	Район	Боеприпасы (в вагонах)	Горючее (в вагонах)
1	Клайпеда	24	–
2	Тильзит	270	–
3	Сувалки	64	–
4	Иншинец	–	15
5	Остров	4000	342
6	Бяла-Подляска	15	220
7	Седлец	1640	30
8	Влодава	5	–
9	Люблин	12	–
10	Холы	–	15
11	Грубешов	340	–
12	Замостье	–	236
13	Белжец	565	–
14	Ясло	60	–
15	Санок	–	85
16	Краков	–	50
	Итого:	6995	993

В этих же районах отмечается усиленное строительство складов.

С 12 апреля запрещен проезд гражданских лиц по железной дороге на территории генерал-губернаторства. Многими источниками подтверждается эвакуация семей военнослужащих немецкой армии из Варшавы и районов восточнее Варшавы в глубь Германии.

Вывод: продолжаются переброска войск, накопление боеприпасов и горючего на границе с СССР.

Начальник Разведывательного управления Генштаба Красной Армии
генерал-лейтенант ГОЛИКОВ

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7237. Д. 2. Л. 89–91.

№ 6

СООБЩЕНИЕ Р. ЗОРГЕ О ПЛАНАХ ГЕРМАНИИ 6 мая 1941 г.

Расшифрованная телеграмма вх. № 7374, 7375, 7408
Из Токио
Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии
Токио, 2 мая 1941 г.
№ 114, 115, 116

Я беседовал с германским послом Отт и морским атташе о взаимоотношениях между Германией и СССР. Отт заявил мне, что Гитлер исполнен решимости разгромить СССР и получить европейскую часть Советского Союза в свои руки в качестве зерновой и сырьевой базы для контроля со стороны Германии над всей Европой. Оба, посол и атташе, согласились с тем, что после поражения Югославии во взаимоотношениях Германии с СССР приближаются две критические даты. Первая дата — время окончания сева в СССР. После окончания сева война против СССР может начаться в любой момент так, что Германии останется только собрать урожай. Вторым критическим моментом являются переговоры между Германией и Турцией. Если СССР будет создавать какие-либо трудности в вопросе принятия Турцией германских требований, то война будет неизбежна. Возможность возникновения войны в любой момент весьма велика потому, что Гитлер и его генералы уверены, что война с СССР нисколько не помешает ведению войны против Англии. Немецкие генералы оценивают боеспособность Красной Армии настолько низко, что они полагают, что Красная Армия будет разгромлена в течение нескольких недель. Они полагают, что система обороны на германо-советской границе чрезвычайно слаба. Решение о начале войны против СССР будет принято только Гитлером либо уже в мае, либо после войны с Англией. Однако Отт, который лично против такой войны, в настоящее время настроен настолько скептически, что он уже предложил принцу Урах выехать в мае обратно в Германию.

Рамзай

ЦАМО РФ. Ф. 23. О. 24127. Д. 2. Л. 340–341.

№ 7

СПЕЦСООБЩЕНИЕ В. Н. МЕРКУЛОВА И. В. СТАЛИНУ ОБ ИТОГАХ ОПЕРАЦИИ ПО АРЕСТУ И ВЫСЕЛЕНИЮ «АНТИСОВЕТСКИХ» ЭЛЕМЕНТОВ ИЗ ЗАПАДНЫХ ОБЛАСТЕЙ БЕЛОРУССИИ

21 июня 1941 г.

2427/м
ЦК ВКП(б) — тов. Сталину

Подведены окончательные итоги операции по аресту и выселению антисоветского и социально чуждого элемента из Западных областей Белорусской ССР.

I. По Белостокской области:
арестовано — 500 чел.
выселено — 11 405 чел.
всего репрессировано — 11 905 чел.

По Брестской области:
арестовано — 300 чел.
выселено — 3039 чел.
всего репрессировано — 3339 чел.

По Барановичской области:
арестовано — 476 чел.
выселено — 2723 чел.
всего репрессировано — 3199 чел.

По Пинской области:
арестовано — 363 чел.
выселено — 2299 чел.
всего репрессировано — 2662 чел.

По Вилейской области:
арестовано — 420 чел.
выселено — 2887 чел.
всего репрессировано — 3307 чел.

II. Всего по всем Западным областям Белорусской ССР:
арестовано — 2059 чел.
выселено — 22 363 чел.
всего репрессировано — 24 412 чел.

в том числе:

а) руководителей и активных членов различных польских, белорусских, украинских, русских и еврейских к-р националистических организаций, чиновников бывш. польского государства и др. к-р элемент
арестовано — 2059 чел.
выселено членов их семей — 6655 чел.

б) членов семей приговоренных к ВМН
выселено — 1293 чел.

в) членов семей лиц, перешедших на нелегальное положение,
выселено — 3652 чел.

г) членов семей лиц, бежавших за границу,
выселено — 7105 чел.

д) членов семей ранее арестованных и ныне находящихся под следствием руководителей и активных членов различных к-р организаций
выселено — 2093 чел.

е) членов семей ранее репрессированных помещиков
выселено — 47 чел.

ж) членов семей ранее репрессированных жандармов и полицейских
выселено — 231 чел.

з) купцов, фабрикантов, торговцев и членов их семей
выселено — 708 чел.

и) членов семей ранее репрессированных крупных чиновников и офицеров бывш. польской армии
выселено — 469 чел.

III. Во время проведения операции при попытке к бегству было убито 2 человека и ранено 1 человек.

С нашей стороны потерь нет.

В Белостокской области подлежащая выселению жена полковника бывш. польской и царской белой армий Кмижук перерезала себе горло бритвой и умерла.

В Пинской области подлежащая аресту жена арестованного участника к-р организации Баркевич отравилась и умерла.

Других происшествий не было.

IV. Арестованные заключены в тюрьмы Западных областей Белорусской ССР, а выселенные погружены в эшелоны и направлены к местам поселения.

Народный комиссар Госбезопасности Союза ССР В. МЕРКУЛОВ

РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 7. Л. 1–3.

№ 8

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ПОЛИТБЮРО ЦК ВКП(б) ОБ УТВЕРЖДЕНИИ ПОСТАНОВЛЕНИЯ СНК СССР «О МЕРОПРИЯТИЯХ ПО БОРЬБЕ С ПАРАШЮТНЫМИ ДЕСАНТАМИ И ДИВЕРСАНТАМИ ПРОТИВНИКА В ПРИФРОНТОВОЙ ПОЛОСЕ»

24 июня 1941 г.

Утвердить постановление СНК Союза ССР «О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами[*] противника в прифронтовой полосе».

[*] Вписано Сталиным.

Секретарь ЦК ВКП(б)
(постановление прилагается)

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ СОЮЗА ССР
«О мероприятиях по борьбе с парашютными десантами и диверсантами противника в прифронтовой полосе»

В целях своевременной и успешной ликвидации диверсантов, забрасываемых противником на парашютах или другим способом, Совет Народных Комиссаров СССР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

1. Возложить на органы НКВД* организацию борьбы против** парашютных диверсантов на территории Ленинградской области, Мурманской области, Калининской области, Карело-Финской республики***, Украины, Белоруссии, Эстонской, Латвийской, Литовской и Молдавской ССР****, Крымской Автономной республики, Ростовской области, Краснодарского края, Западной части Грузинской ССР.

2. В этих целях при городских, районных и уездных отделах НКВД, дислоцированных на указанной в п. 1 территории, создать истребительные батальоны численностью 100–200***** человек из числа проверенного партийного, комсомольского и советского актива, способного владеть оружием.

3. Начальниками истребительных батальонов назначить надежных оперативных работников НКВД и милиции.

4. Каждый истребительный батальон городского, районного и уездного отдела НКВД вооружить двумя ручными****** пулеметами, винтовками, револьверами и при возможности гранатами.

5. Обязать Наркомат Обороны дать указание о выделении необходимого количества оружия для нужд истребительных батальонов по заявкам НКВД*******.

6. Предоставить истребительным батальонам право использования в необходимых случаях всех видов местной связи, транспорта (автомашины, мотоциклы, велосипеды, лошади и подводы).

7. Обязать партийные и советские органы оказывать всяческое содействие органам НКВД в деле организации и укомплектования истребительных батальонов по борьбе с парашютными десантами противника********.

8. Руководство истребительными батальонами возложить на заместителя председателя СНК СССР наркомвнудела т. Берия********.

Председатель Совета Народных Комиссаров Союза ССР И. СТАЛИН
Управляющий делами Совета Народных Комиссаров Союза ССР Я. ЧАДАЕВ

РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 163. Д. 1316. Л. 161–162.

---

* Вписано Сталиным.

** Вписано Сталиным вместо вычеркнутого: «населения по выявлению и ликвидации».

*** Вычеркнуто Сталиным: «западных областей».

**** Вычеркнуто Сталиным: «Мурманской области, на побережье Черного моря от Измаила до Батуми возложить на органы НКВД».

***** Вписано Сталиным вместо вычеркнутого «100–120».

****** Вписано Сталиным вместо вычеркнутого «станковыми».

******* Вписано Сталиным.

******** В пункте 6 и 7 документа вычеркнуто: «оперативные группы».

******** Пункт 8 вписан Сталиным.

№ 9

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Л. П. БЕРИИ И. В. СТАЛИНУ ОБ АРЕСТЕ ДВУХ НЕМЕЦКИХ ПАРАШЮТИСТОВ 2 августа 1941 г.

№ 2580/б
2 августа 1941 г.
Совершенно секретно
ЦК ВКП(б) товарищу Сталину*

30 июля с. г. в Валдайском районе Ленинградской области приземлились 2 германских разведчика, которые сразу же были арестованы и доставлены в НКВД СССР.

При допросе арестованные назвались:

1. Гавкин-Хаук М. А., 1905 года рождения, уроженец Ухтинского района, Карело-Финской ССР, по национальности карел. С 1927 года проживал в Финляндии, работал агентом по распространению журнала.

2. Пираг К. Г., по национальности латыш, уроженец Латвии, гор. Двинска, проживающий там до февраля 1941 года, после чего выехал в Германию через комиссию по эвакуации. По профессии электромонтер.

На предварительном допросе задержанные показали, что они оба перед началом военных действий Германии с Советским Союзом были направлены в гг. Штеттин и Кёнигсберг, где их обучали подрывному делу, радиослужбе, гранатометанию и стрельбе из ручного оружия.

29 июля с. г. немецкий ротмистр Мауриц в районе Опочки Ленинградской области предложил им обоим переправиться на советскую территорию в район города Валдай для выяснения количества и дислокации частей Красной Армии.

Ночью 30 июля с. г. оба разведчика с радиоаппаратурой на германском самолете, но с советскими опознавательными знаками, были доставлены в Валдайский район Ленинградской области.

Самолет после приземления улетел обратно, а Гавкин-Хаук и Пираг пошли в лес для того, чтобы переменить красноармейскую форму на гражданскую, где и были местными колхозниками с помощью командира арестованы.

У задержанных были изъяты приемопередаточная радиоаппаратура, шифры для передачи, два пистолета с патронами, два комплекта запасного обмундирования, 2000 рублей денег, 9 штук бланков со штампом и круглой печатью воинской части и 6 бланков проездных железнодорожных плацкартов.

НКВД СССР считает целесообразным совместно с Разведывательным Управлением Генштаба Красной Армии использовать радиста Гавкин-Хаук под нашим контролем для дезинформации германского командования в Финляндии о положении на Северо-Западном фронте.

Прошу Ваших указаний.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Фотографии задержанных и радиостанции.

Народный Комиссар Внутренних Дел СССР Л. БЕРИЯ

Опубл.: Лубянка. Сталин и органы НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». С. 309.

---

* На первом листе имеется резолюция: «Согласен. И. Сталин».

№ 10

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Л. П. БЕРИИ И. В. СТАЛИНУ ОБ ОРГАНИЗАЦИИ ОХРАНЫ ВАЖНЕЙШИХ ПРЕДПРИЯТИЙ г. МОСКВЫ 21 августа 1941 г.

№ 2494/б
21 августа 1941 г.
Совершенно секретно
ЦК ВКП(б) товарищу Сталину*

Во исполнение Ваших указаний, в целях пресечения возможности вражеским элементам подавать световые или иные сигналы самолетам противника, НКВД СССР отобрал 11 важнейших предприятий по городу Москве и на прилегающей к этим предприятиям территории ввел особый режим.

Предприятия эти следующие: заводы Наркомата авиационной промышленности — № 1, № 22, № 24, № 39, автозавод имени Сталина, 1-й господшипниковый завод, завод «Серп и Молот» и Электрокомбинат, завод электромашин, завод автотракторного электрооборудования, трансформаторный завод имени Куйбышева и ламповый завод.

Вокруг этих предприятий создано 7 участков охраны. На всех участках на время воздушной тревоги воспрещено всякое движение, кроме как по специальным пропускам.

С 9 часов вечера и до 6 часов утра воспрещено нахождение в кварталах на территории участка лиц, не прописанных в данной квартире. В каждом доме выделены лица, ответственные за состояние светомаскировки в доме и прописку жильцов.

Прекращена прописка в домах на территории участка вновь прибывших, если они не имеют прямого отношения к расположенным на территории участка предприятиям или учреждениям.

Приступлено к проведению сплошной проверки лиц, проживающих на территории участков, с тем чтобы подозрительных переселить за пределы участка.

Проводится проверка состояния светомаскировки этих предприятий и жилищного сектора, проверка состояния воинской охраны предприятий и личного состава рабочих и служащих.

Начальниками участков назначены ответственные работники НКВД СССР, которым придано для проведения работы по 10 чекистов и 25 оперативных работников милиции.

К несению дозорной и охранной службы на участках привлечены, кроме работников милиции и НКВД, местное проверенное население из числа рабочих и служащих соответствующих предприятий.

Проводится еще ряд мероприятий, подробно изложенных в приложении.

Порядок проведения охраны участков согласован с МК ВКП(б) — тов. Щербаковым.

Наблюдение за выполнением намеченных мероприятий возложено на тов. Меркулова.

При этом прилагаю перечень мероприятий по созданию особого режима в районах расположения крупнейших оборонительных предприятий гор. Москвы и копию приказа о введении особого режима в районах расположения крупнейших оборонительных предприятий гор. Москвы и копию приказа о введении особого режима.

ПРИЛОЖЕНИЕ: По тексту.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. БЕРИЯ

Опубл.: Лубянка в дни битвы за Москву. М., 2002. С. 56–58.

---

* На первом листе имеется резолюция: «Т-щу Берия. Хорошо бы добавить электростанции. И. Сталин».

№ 11

СООБЩЕНИЕ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ О ПЛАНАХ ЯПОНИИ
14 сентября 1941 г.

Расшифрованная телеграмма вх. № 18063
Из Токио 14 сентября 1941 г.
Начальнику Разведуправления Генштаба Красной Армии № 90

По мнению посла Отт, выступление Японии против СССР теперь уже вне вопроса. Япония сможет выступить только в случае, если СССР перебросит в большом масштабе свои войска с Дальнего Востока. В различных кругах начались резкие разговоры об ответственности за мобилизацию в большом масштабе и по поводу содержания огромной Квантунской армии, которые, несомненно, принесут стране большие экономические и политические затруднения.

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 24127. Д. 3. Л. 61.

№ 12

ЗАПИСКА КОМИССИИ ПО ПРОВЕДЕНИЮ СПЕЦИАЛЬНЫХ МЕРОПРИЯТИЙ И. В. СТАЛИНУ О ПОДГОТОВКЕ ПРЕДПРИЯТИЙ г. МОСКВЫ И МОСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ К УНИЧТОЖЕНИЮ
9 октября 1941 г.

№ 41/2662
Совершенно секретно
Государственный Комитет Обороны
Товарищу Сталину И. В.

Направляем при этом список предприятий гор. Москвы и Московской области, в отношении которых намечено проведение специальных мероприятий.

В списке перечислено 1119 предприятий, которые разбиты на две категории:

А) 412 предприятий, имеющих оборонное значение или частично работающих на оборону. Ликвидация этих предприятий предполагается путем взрыва;

Б) 707 предприятий необоронных наркоматов, ликвидация которых намечена путем механической порчи и поджога.

Для осуществления намеченных решением ГКО специальных мероприятий нами назначены и приступили к работе районные тройки и руководящие группы на предприятиях.

В течение 10 октября с. г. «ВВ» будут подвезены на предприятия и приняты под охрану.

По вопросам связи с районными тройками, а также оповещения их о начале действий нами разрабатывается специальная инструкция.

Просим утвердить перечень объектов, в отношении которых намечено проведение специальных мероприятий.

ПРИЛОЖЕНИЕ: Списки.

КОМИССИЯ:

Зам. наркома внутренних дел Союза ССР	СЕРОВ
Секретарь МГК	ПОПОВ
Секретарь МК	ЧЕРНОУСОВ
Начальник УНКВД Московской области	ЖУРАВЛЕВ
Начальник ГВИУ Наркомата обороны	КОТЛЯР

Опубл.: Известия ЦК КПСС. № 12. 1990. С. 211–212.

№ 13

СПРАВКА С. Р. МИЛЬШТЕЙНА Л. П. БЕРИИ О КОЛИЧЕСТВЕ АРЕСТОВАННЫХ И РАССТРЕЛЯННЫХ ВОЕННОСЛУЖАЩИХ, ОТСТАВШИХ ОТ СВОИХ ЧАСТЕЙ И БЕЖАВШИХ С ФРОНТА

октябрь 1941 г.

Совершенно секретно
Народному комиссару внутренних дел СССР
генеральному комиссару государственной безопасности
товарищу Берия

СПРАВКА

С началом войны по 10-е октября с. г. Особыми отделами НКВД и заградительными отрядами войск НКВД и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла задержано 657 364 военнослужащих, отставших от своих частей и бежавших с фронта.

Из них оперативными заслонами Особых отделов задержано 249 969 человек и заградительными отрядами войск НКВД по охране тыла — 407 395 военнослужащих.

Из числа задержанных Особыми отделами арестовано 25 878 человек, остальные 632 486 человек сформированы в части и вновь направлены на фронт.

В числе арестованных Особыми отделами:
шпионов — 1505
диверсантов — 308
изменников — 2621
трусов и паникеров — 2643
дезертиров — 8772
распространителей провокационных слухов — 3987
самострельщиков — 1671
других — 4371
Всего: 25 878

По постановлениям Особых отделов и по приговорам Военных трибуналов расстреляно 10 201 человек, из них расстреляно перед строем — 3321 человек.

По фронтам эти данные распределяются:

Ленинградский: арестовано — 1044
расстреляно — 854
расстреляно перед строем — 430

Карельский: арестовано — 468
расстреляно — 263
расстреляно перед строем — 132

Северный: арестовано — 1683
расстреляно — 933
расстреляно перед строем — 280

Северо-Западный: арестовано — 3440
расстреляно — 1600
расстреляно перед строем — 730

Западный: арестовано — 4013
расстреляно — 2136
расстреляно перед строем — 556

Юго-Западный: арестовано — 3249
расстреляно — 868
расстреляно перед строем — 280

Южный: арестовано — 3599
расстреляно — 919
расстреляно перед строем — 191

Брянский: арестовано — 799
расстреляно — 389
расстреляно перед строем — 107

Центральный: арестовано — 686
расстреляно — 346
расстреляно перед строем — 234

Резервные армии: арестовано — 2516
расстреляно — 894
расстреляно перед строем — 157

Зам. нач. Управления ОО НКВД СССР
комиссар государственной безопасности 3 ранга МИЛЬШТЕЙН

РГАНИ. Ф. 89. Оп. 18. Д. 8. Л. 1–3.

№ 14

СООБЩЕНИЕ ЛОНДОНСКОЙ РЕЗИДЕНТУРЫ О БЕСЕДАХ У. ГАРРИМАНА И У. БИВЕРБРУКА С И. В. СТАЛИНЫМ В МОСКВЕ
2 ноября 1941 г.

Совершенно секретно
Перевод с английского
для членов Военного кабинета
Советский Союз
Из Министерства иностранных дел в Куйбышев
От лорда Бивербрука

На вашу телеграмму № 39 с просьбой дать полную информацию о моих беседах со Сталиным на политические темы. Гарриман сделал полный отчет о наших встречах, и с его разрешения посылаю вам выдержки из этого доклада, касающиеся политических вопросов. По поводу первой встречи, состоявшейся в Кремле 28-го сентября, Гарриман пишет следующее:

«В беседе основное внимание было уделено вопросу о военном сотрудничестве Британии с Россией.

Бивербрук предложил обсудить стратегические вопросы с генералом Исмей на конференции и рекомендовал русским послать в Англию миссию для того, чтобы изучить там британскую проблему и дать совет, что может быть сделано, а также поделиться тем, чему русские научились из своих недавних битв с немцами.

Он указал на то, что Британия создает в Персии дивизии, которые могут присоединиться к русским на Кавказе. Вейвел направляется в Тифлис для обсуждения этого вопроса. Сталин указал на то, что «на Кавказе нет никаких военных действий. Военные действия ведутся на Украине». Бивербрук указал, что этот вопрос также может быть обсужден.

Бивербрук спросил Сталина, считает ли он возможным британское вторжение во Францию. Сталин ответил на это, что он недостаточно знаком с ситуацией и полагается на суждение Черчилля, однако почему бы не послать войска в Архангельск или на Украину?

Сталин спросил его о мирных условиях, и Бивербрук сказал ему относительно восьми пунктов, а затем перешел на вопрос о том, какое значение имеет отношение Америки к мирным условиям, а также отношение к ним американского общественного мнения, и настойчиво посоветовал Сталину использовать американскую прессу для того, чтобы привить американцам более правильное понимание России.

Я спросил его, имеются ли у него другие предложения о мирных условиях. Он повернулся к Бивербруку и спросил его: «Удовлетворят ли вас эти восемь пунктов?» Бивербрук не мог взять на себя ответственность, ответив на это, и я спросил Сталина, что он имеет в виду. Сталин сказал: «А как относительно того, чтобы заставить Германию возместить убытки?» Бивербрук уклонился от ответа, сказав что-то относительно того, что «сначала нужно выиграть войну».

Во время второй встречи, состоявшейся 29-го сентября, обсуждение касалось главным образом вопросов снабжения. Политические вопросы не поднимались.

О третьей встрече, состоявшейся 30-го сентября, Гарриман записал следующее:

«Сталин спросил Бивербрука о Майском, которого Бивербрук начал очень хвалить, указав, что его единственным «недостатком» являются упорство и настойчивость, с которыми он представляет интересы России.

(За этим следует беседа между Сталиным и Гарриманом относительно Уманского и Штейнхардта.)

Сталин спросил далее относительно Гесса и, казалось, был очень заинтересован занимательным рассказом Бивербрука о беседе с Гессом и его оценкой положения. Сталин сказал, что, по его мнению, Гесс полетел хотя и не по требованию Гитлера, но с ведома последнего, с чем Бивербрук согласился.

Бивербрук заявил, что Гесс прилетел, считая, что с помощью большой группы аристократов можно было создать античерчиллевское правительство, которое заключило бы мир с Германией, встреченный с одобрением большинством английского населения. Затем Германия с помощью Британии напала бы на Россию. Сталин с удовольствием выслушал занимательные и подробные комментарии Бивербрука.

Бивербрук поднял вопрос о помощи Турции и объяснил, что некоторое количество военного снаряжения, например 1000 двадцатипятифунтовых орудий, от которых Сталин отказался, может повлиять на решение Турции. Сталин заявил, что это было бы очень хорошо, если бы было возможно, однако Турция не ведет себя как союзница. Сталин сказал: «Вы должны быть уверены в том, что эта помощь не будет потерянной».

Бивербрук указал на то, что, по его мнению, помощь может восстановить союз. Сталин сказал, однако, что Турция боится Болгарии, находящейся в союзе с Германией, и помощи, которую последняя сможет оказать Болгарии. Вопрос повис в воздухе.

Сталин спросил, распространяется ли блокада на Финляндию? Бивербрук считал, что да, однако это следует проверить. Финляндия становится наглой, сказал Сталин. Вначале финны требовали только возвращения своих старых территорий, однако в настоящее время они превратились в простое оружие Германии. Финские армии давно уже пересекли старые границы и находятся на русской территории.

В ответ на вопрос Бивербрука Сталин просил, чтобы блокада была распространена также на Финляндию. Он спросил, поступает ли продовольствие из Америки. Бивербрук сказал, что не из Америки, а возможно, из Дании. Сталин просил, чтобы Британия пригрозила Финляндии объявлением войны, и просил меня, чтобы мы со своей стороны пригрозили

Финляндии разрывом. Я просил его разъяснить, имеет ли он в виду угрозу разрыва дипломатических отношений или разрыв их. Он сказал «угрозу». Я ответил, что рассмотрю этот вопрос и сообщу ему.

Сталин спросил Бивербрука, нельзя ли нынешний военный союз и соглашение о незаключении сепаратного мира превратить в настоящий договор, в союз, который будет действителен не только на период войны, но и на послевоенное время. Бивербрук ответил, что он лично за такой договор и считает, что сейчас очень подходящий момент для его заключения.

Сталин отметил, что все представители советского правительства одобряют это предложение.

Я поднял вопрос о Китае и сказал, что мы послали туда военную миссию и оказываем китайцам помощь. Сталин заявил, что он рад посылке туда военной миссии, однако Китай прекратил борьбу. В течение нескольких месяцев не было никаких военных операций. Несколько месяцев тому назад он послал туда некоторое количество самолетов и артиллерии, но с тех пор они не просили больше о присылке таковых. Я спросил его, почему они прекратили борьбу. Он пожал плечами и сказал: «Может быть, готовятся?»

Сталин спросил, каким образом материалы доставляются на место. Я сказал «по бирмской дороге». Сталин выдвинул другой путь. Я не понял его. Бивербрук перебил и сказал «нет, по бирмской дороге».

Сталин заявил, что его договор о нейтралитете с Японией не мешает Советам оказывать помощь Китаю. Он спросил, почему мы не выиграем на свою сторону Японию. Я сказал, что, как мне кажется, некоторого прогресса в этом вопросе удалось добиться после того, как стало ясно, что Англия и Америка действуют в тесном сотрудничестве.

Сталин сказал, что у него такое впечатление, что Япония — не Италия и что она не желает быть крепостным для Германии, а следовательно, ее можно оторвать от союза с последней.

Я попросил информацию относительно сибирских аэродромов. Он сказал мне, что генерал Чени должен встретиться с генералом Голиковым, который даст ему информацию по этому вопросу».

Если вам нужна информация о снабжении, сообщите мне об этом, и я пошлю вам отчет Гарримана.

Архив СВР. Д. 138612. Т. 1. Л. 148–152. Рассекречено.

№ 15

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГКО О СОЗДАНИИ ФИЛЬТРАЦИОННЫХ ПУНКТОВ 27 декабря 1941 г.

Государственный Комитет Обороны
Постановление № ГОКО-1069сс
от 27 декабря 1941 г.
Москва, Кремль

В целях выявления среди бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и в окружении противника, изменников родине, шпионов и дезертиров Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Обязать Наркомат Обороны (т. Хрулев) создать в пределах армейского тыла сборно-пересыльные пункты для бывших военнослужащих Красной Армии, находившихся в плену и окружении противника, обнаруживаемых в местностях, освобождаемых частями Красной Армии от войск противника.

2. Обязать Военные Советы фронтов, армий и командование соединений и подразделений войсковых частей Красной Армии при освобождении городов, сел и иных местностей

от войск противника обнаруживаемых бывших военнослужащих Красной Армии, как находившихся в плену, так и в окружении противника, задерживать и направлять в распоряжение начальников сборно-пересыльных пунктов Наркомата Обороны.

3. Для содержания указанных выше категорий бывших военнослужащих Красной Армии и обеспечения их фильтрацией НКВД СССР организовать специальные лагеря:

в Вологодской области — для Карельского, Ленинградского, Волховского и Северо-Западного фронтов;

в Ивановской области — для Западного и Калининского фронтов;

в Тамбовской области — для Брянского и Юго-Западного фронтов;

в Сталинградской области — для Южного фронта, назначив начальниками лагерей опытных оперативных работников НКВД.

4. Для обеспечения работы по проверке бывших военнослужащих Красной Армии и выявления среди них изменников родине, шпионов и дезертиров НКВД СССР организовать в каждом из перечисленных выше лагерей Особые отделы.

5. Лиц, в отношении которых после проверки их Особыми отделами не будет установлено компрометирующих материалов, начальникам лагерей передавать соответствующим военным комиссариатам — по территориальности.

6. Обеспечение организуемых НКВД лагерей помещением, казарменным инвентарем, постельными принадлежностями, питанием, отоплением, необходимым обмундированием и санитарной обработкой возложить на Наркомат Обороны (т. Хрулев).

7. Возложить перевозку бывших военнослужащих Красной Армии от сборно-пересыльных пунктов до специальных лагерей НКВД на Управление военных сообщений Красной Армии (т. Ковалев), а конвоирование их в пути следования, а также несение охраны лагерей — на войска НКВД СССР.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. СТАЛИН

Опубл.: Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946 / Сост. В. Н. Хаустов, В. П. Наумов, Н. С. Плотникова. М., 2006. С. 324.

№ 16

СООБЩЕНИЕ НАЧАЛЬНИКА РАЗВЕДОТДЕЛА ШТАБА ЗАПАДНОГО ФРОНТА О ГИБЕЛИ РАЗВЕДЫВАТЕЛЬНО-ДИВЕРСИОННОЙ ГРУППЫ

январь 1942 г.

Члену Военного Совета Западного фронта
т. Булганину

Доношу, что мобилизованные на фронте Московским Комитетом ВЛКСМ комсомольцы тт. Пахомов Константин Федорович, Кирьяков Павел Васильевич, Галочкин Николай Александрович, Ординарцев Виктор Васильевич, Маленков Иван Александрович, Луконина-Грибкова Александра Васильевна, Полтавская Евгения Яковлевна и Каган Николай Семенович 4 ноября 1941 г. в составе группы партизан (в кол. 8 чел.) под командованием тов. Пахомова К. Ф. по заданию Разведывательного отдела штаба Западного фронта с задачами активной разведки, т. е. для диверсионно-партизанской работы в тылу немцев, с целью перерезать коммуникацию посредством минирования шоссейной дороги, боеприпасов и горючего, были переправлены на участке Западного Фронта — деревня Ченцы (Волоколамское направление) в район Теряева Слобода.

При выполнении указанного задания группа в тылу противника попала в окружение и, после того как многие ее члены в результате боя были ранены, оказалась захваченной немцами.

Все перечисленные выше лица группы т. Пахомова К. Ф. (за исключением Каган Николая Семеновича), оставаясь до конца преданными делу Ленина — Сталина и Социалистической Родине, на допросе и во время казни вели себя геройски, как истинные патриоты Родины, погибли смертью храбрых с лозунгами «Да здравствует Сталин», «Да здравствует Родина».

6 ноября 1941 г. группа была расстреляна, а затем повешена немцами на Солдатской площади в г. Волоколамск.

Начальник Разведотдела штаба Зап. фронта
полковник КОРНЕЕВ
Комиссар Разведотдела штаба Зап. фронта
полк. комиссар СТЕБЛОВЦЕВ
полк. комиссар ДРОНОВ
майор СПРОГИС

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 8066. Д. 6. Л. 40.

№ 17

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Л. П. БЕРИИ И. В. СТАЛИНУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ НКВД СССР В ТЫЛУ ПРОТИВНИКА 13 февраля 1942 г.

№ 191/б

На основе Ваших указаний органы НКВД совместно с партийными организациями прифронтовых областей за время войны развернули работу по подготовке и засылке в тыл противника партизанских отрядов, истребительных, диверсионных и разведывательных групп.

Базой для формирования перебрасываемых отрядов и групп в тыл противника являлись лучшие бойцы и командиры истребительных батальонов НКВД, партийный и советский актив на местах.

Подготовка перебрасываемых в тыл противника групп и отрядов проводилась на курсах при областных управлениях и районных отделах НКВД с привлечением инструкторов стрелкового дела и специалистов-подрывников.

Вооружение личным оружием, гранатами, зажигательной жидкостью, взрывчатым веществом и боеприпасами проводилось за счет имеющихся ресурсов в управлениях НКВД, в значительной мере использовались трофейное оружие и боеприпасы.

Следует указать, что в ряде случаев для вооружения партизан на местах изготовлялись кустарным способом ручные и противотанковые гранаты, мортирки для бесшумной стрельбы, приборы для метания бутылок с зажигательной жидкостью, мины замедленного действия и т. д.

В районах предполагаемых действий партизанских отрядов заранее создавались базы продовольствия, вооружения и одежды, и в случаях занятия района противником партизанские отряды, оставаясь в занятых противником районах, были обеспечены для действий на 2–3 месяца.

В общей сложности в прифронтовых областях и республиках (Ленинградская, Калининская, Московская, Смоленская, Орловская, Курская, Тульская, Рязанская, Ростовская области, Карело-Финская, Белорусская, Украинская ССР) было оставлено для действий в

тылу противника 1600 партизанских отрядов численностью 27 тысяч человек и 500 диверсионных групп численностью 2250 человек.

Кроме того, в районах прифронтовой полосы систематически проводилась работа по формированию новых отрядов и групп за счет бойцов истребительных батальонов, чекистов и местного партийно-советского актива для заброски их в тыл противника. Всего переброшено в тыл противника во второй половине 1941 г. 198 партизанских отрядов численностью 43 796 человек и 1033 диверсионные группы численностью 4893 бойца-подрывника.

Таким образом, за время войны оперировало в тылу врага 77 939 человек.

Партизанские отряды, истребительные, разведывательные и диверсионные группы, оставленные на территории, захваченной противником, а также переброшенные в последующем для действий в тылу врага, выполняли главным образом задачу по истреблению живой силы врага, его техники и разрушению железнодорожных коммуникаций, мостов, средств связи и т. д. Объекты для уничтожения партизанами намечались главным образом военным командованием, которое исходило из боевых задач, поставленных перед ними. Наиболее характерными боевыми действиями партизанских отрядов, высланных органами НКВД за время войны, являются следующие:

1. В сентябре 1941 г. НКВД СССР выброшен в тыл противника партизанский отряд, состоящий из сотрудников НКВД в количестве 34 человек во главе с капитаном госбезопасности т. Медведевым Д. Н. Район действия отряда — Орловская и Смоленская области. За 4 месяца пребывания в тылу отряд за счет выходящих из окружения с оружием командиров и бойцов Красной Армии увеличился до 230 человек.

Отряд провел 50 боевых операций, уничтожив при этом 425 солдат и офицеров, из них 2 генералов, подорвал 9 самолетов, 10 автомашин, 4 паровоза, 30 вагонов, 10 мостов, вывел из строя 6 заводов и много военного имущества. Отрядом организовано крушение 3 воинских эшелонов.

При налете отряда на города Жиздру и Хотимск Орловской области были разгромлены немецкие комендатуры и самоуправления бургомистров. В течение нескольких дней отряд т. Медведева держал в руках эти города, а в дальнейшем, ликвидировав изменников и предателей из числа местного самоуправления, снабдился необходимым для отряда продовольствием, забрал 600 тысяч советских денег и немецких марок и ушел для дальнейших операций в леса.

За время боевых операций, проведенных отрядом т. Медведева, имелись потери в количестве 8 человек убитыми, в числе их начальник штаба отряда инженер 3 ранга войск НКВД т. Староверов Д. Д. и политрук группы воентехник 2 ранга войск НКВД т. Боголюбов А. Ф., которые геройски дрались до последнего патрона.

Из 16 человек раненых 12 человек выздоровело и находятся в строю.

После боевых действий отряд в январе 1942 г. прибыл в Москву в полном составе — 230 человек.

2. Два партизанских отряда, сформированные Московским УНКВД, под руководством старшего лейтенанта госбезопасности т. Каверзнева и лейтенанта госбезопасности т. Бабакина совместно с партизанским отрядом под командой лейтенанта войск НКВД т. Карасева были в ноябре переброшены через линию Западного фронта с задачей ликвидации штаба 12-го армейского корпуса немцев, находившегося в поселке Угодский завод Московской области.

При нападении партизанскими отрядами было истреблено до 450 немецких солдат и офицеров, в том числе один генерал; разгромлено помещение штаба и охранявших его подразделений, сожжены склады горючего и огнеприпасов, уничтожено до 120 автомашин, до 150 строевых лошадей, разрушена связь и захвачены штабные документы.

Во время операции было убито 4 партизана, 8 человек пропало без вести и 3 человека ранено. В числе раненых — начальник партизанского отряда, лейтенант войск НКВД т. Карасев.

Успешные действия партизанских отрядов подтверждаются рядом захваченных приказов командования германских армий и соединений.

Так, в приказе командования 127-й пехотной немецкой дивизии от 25 ноября 1941 г. указывается: «За последнее время противник во многих местах перебросил за линию фронта

одиночных людей и целые части, чтобы систематически сжигать населенные пункты в тылу. В ночь на 24 ноября хорошо снаряженный истребительный батальон численностью приблизительно 300 человек напал на Угодский завод, место пребывания 12-го армейского корпуса».

За успешные действия партизанских отрядов Военным советом Западного фронта награждены орденами и медалями Союза ССР наиболее отличившиеся партизаны и их руководители.

3. Партизанский отряд под командой майора войск НКВД т. Чаплина, выброшенный в ноябре 1941 г. НКВД Украинской ССР, напал на штаб немецкой части, расположенной в х. Серебрянка Артемовского района УССР, уничтожил 36 немецких солдат и взял в плен 2 офицеров, при этом захватил штабные документы и разное военное имущество.

На следующий день партизаны совершили нападение на гарнизон в д. Бондария, где уничтожили 80 немецких солдат и 2 офицеров.

Партизанский отряд НКВД УССР под командой комиссара истребительного батальона т. Сабурова, перешедший с территории Украины в Трубчевский район Орловской области, объединился с четырьмя местными отрядами. Объединенный отряд численностью 151 человек в конце декабря 1941 г. и начале января 1942 г. совершил ряд нападений и уничтожил восемь автомашин с пехотой противника, 25 немецких полицейских и всю местную фашистскую администрацию в Суземском районе. Партизаны при этом захватили трофеи: 2 пулемета, 2 автомата, 50 винтовок, 12 000 патронов, автомашину и 12 велосипедов.

После этого партизаны взорвали в Трубчевском районе 2 железнодорожных моста, подорвали полотно и вызвали крушение эшелона с военным грузом.

Отряд т. Сабурова до сего времени находится там. Связь с ним поддерживается по радио.

4. В конце декабря 1941 г. партизанская бригада НКВД Карело-Финской ССР численностью 708 человек, действуя в тылу противника в Заонежском районе, произвела ряд успешных нападений на финские гарнизоны.

В результате этих операций вся территория Сеногубского сельсовета была очищена от финских захватчиков, при этом партизанами был убит 71 финский солдат и офицер, 13 финнов ранено и 17 захвачено в плен, из них 1 офицер и 7 капралов.

Вместе с этим отбито у финнов 12 станковых пулеметов, 2 автомата, 50 винтовок, 30 000 патронов, штабные документы и разное военное имущество.

5. Партизанская группа в составе 7 человек под командой сотрудника НКВД т. Лопуховского А. А., выброшенная Калининским УНКВД в тыл противника, уничтожила 100 немецких солдат, успешно провела два крушения железнодорожных поездов, уничтожила склад боеприпасов, взорвала 2 танка, 4 мотоцикла, 2 автомашины с боеприпасами и 1 штабную автомашину, уничтожила связь и захватила в плен одного офицера.

6. Партизанский отряд Черепетского района Тульской области под командой сержанта милиции т. Тетерчева и комиссара отряда сержанта госбезопасности т. Макеева 27 декабря 1941 г. произвел взрыв железнодорожного полотна на ст. Мыжбор.

Эта операция обеспечила захват наступавшими частями Красной Армии станции Лихвин, с которой немцы не сумели вывезти два эшелона, груженных автомашинами, мотоциклами и велосипедами, большое количество продовольствия, винтовок и боеприпасов.

Две наши дивизии пополнились за счет захваченного вооружением и продовольствием.

В этой операции партизаны уничтожили 27 немецких солдат, 5 офицеров и вывели из тыла противника 4500 бойцов и командиров Красной Армии.

Указом Президиума Верховного Совета СССР партизаны награждены орденами и медалями, а бойцу отряда т. Чекалину посмертно присвоено звание Героя Советского Союза.

Вместе с этим партизаны истребляли предателей и пособников врага из числа местных жителей. Партизаны также вели разъяснительную работу и политическую агитацию среди населения в районах действия отрядов.

В общей сложности в результате действий партизанских отрядов по неполным данным Карело-Финской ССР, Ленинградской, Калининской, Московской, Тульской, Орловской, Курской, Ростовской областей и Украинской ССР противник от налетов партизан потерял:

убитыми, ранеными и захваченными в плен — 21 180 человек (из них 751 офицер); уничтожено воинских штабов — 52; уничтожено боевых самолетов — 33; уничтожено танков и бронемашин — 180; уничтожено орудий и минометов — 81; захвачено и выведено из строя пулеметов и автоматов — 267; выведено из строя автомашин и мотоциклов — 2005; разрушено мостов, складов и баз противника — 398; разрушено участков линий связи — 923; захвачено винтовок — 1240; захвачено патронов 127 400; захвачено велосипедов — 132; уничтожено радиостанций — 12; уничтожено подвод с грузом — 449.

Значительная работа проводится партизанскими отрядами и диверсионными группами по минированию шоссейных дорог, железнодорожных путей, промышленных предприятий, разрушению подвижного состава железных дорог противника, а также по уничтожению продовольственных запасов и промышленного сырья на территории, занятой противником.

За время войны прифронтовые органы НКВД провели значительную разведывательную работу в тылу противника. В этих целях в состав партизанских отрядов включались чекисты, которым ставилась задача разведывательного характера. Только по Калининской, Московской, Тульской областям и Украинской ССР систематически переходили линию фронта 3314 агентов-разведчиков, доставлявших сведения о расположении штабов противника, его огневых точках, аэродромах и дислокации войск. Добываемые этой агентурой данные своевременно сообщались в соответствующие войсковые соединения и штабы для оперативного использования.

Партизанскими отрядами и разведывательной агентурой выведено из тыла противника до 33 тысяч военнослужащих Красной Армии, оказавшихся в окружении.

Подготовка и переброска в тыл противника партизанских отрядов и диверсионных групп органами НКВД продолжается. Из областей, территории которых ныне очищены от фашистских захватчиков, партизанские группы и отряды перебрасываются на соседние территории, где еще имеются войска противника, для проведения подрывной работы.

За время войны указами Верховного Совета СССР, а также и решениями военных советов фронтов было награждено 490 человек орденами и медалями Союза ССР. Из числа награжденных партизан Тульской области одному присвоено звание Героя Советского Союза.

За последние дни возвратился из тыла ряд партизанских отрядов, действия которых по истреблению противника НКВД СССР считают успешными, в связи с чем ходатайствует о награждении 206 наиболее отличившихся руководителей и бойцов.

Из них: 5 человек — орденом Ленина; 42 человека — орденом Красного Знамени; 79 человек — орденом Красной Звезды; 5 человек — орденом «Знак Почета»; 33 человека — медалью «За отвагу»; 42 человека — медалью «За боевые заслуги».

Прилагая при этом проекты Указов Президиума Верховного Совета СССР, прошу Вашего решения.

Народный комиссар внутренних дел СССР БЕРИЯ

Опубл.: Органы государственной безопасности СССР
в Великой Отечественной войне.
Сб. документов. Т. 3. Кн. 1. М., 2003. С. 116–121.

№ 18

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Л. П. БЕРИИ И. В. СТАЛИНУ О ЗАДЕРЖАНИИ НЕМЕЦКИХ ДИВЕРСАНТОВ 25 апреля 1942 г.

№ 732/б
Совершенно секретно
Государственный Комитет Обороны
Товарищу Сталину*

В марте — апреле 1942 года органами НКВД задержано 76 агентов германской военной разведки, переброшенных на самолетах в составе разведывательно-диверсионных групп и в одиночку для шпионской и диверсионной работы в гг. Вологда, Ярославль, Иваново, Александров (Ивановской области), Пенза, Молотов, Тамбов, Куйбышев, Сталинград, Казань, Горький и в войсковых тылах Западного фронта.

У задержанных изъяты 21 портативная приемо-передаточная радиостанция, через которые они должны были шифром передавать собранные сведения и сообщать результаты диверсионных действий.

Все эти германские агенты являются бывшими военнослужащими Красной Армии, находившимися в плену у немцев, где они были завербованы и обучены в разведывательных школах. Из их числа 25 человек бывших средних командиров Красной Армии, 19 младших командиров и 32 рядовых бойца.

Часть переброшенных агентов (23 человека) добровольно явилась в органы НКВД с повинной.

В целях ограничения активности германских разведывательных органов в указанных выше городах и создания видимости работы переброшенных шпионских групп и одиночек по заданиям германской разведки по 12 захваченным радиостанциям противника нам удалось установить радиосвязь с немецкими разведывательными органами в г. Варшава (центр военной германской разведки), Псков, Дно, Смоленск, Минск, Харьков, Полтава.

НКВД СССР считает, что захваченные немецкие радиостанции можно использовать в интересах Главного командования Красной Армии для дезинформации противника в отношении дислокации и перегруппировок частей Красной Армии.

Поэтому, если данное мероприятие будет признано Вами целесообразным, считаем необходимым поручить начальнику Оперативного Управления Генерального Штаба Красной Армии тов. Бодину и начальнику Главного Разведывательного Управления тов. Панфилову выработать порядок разработки материалов по дезинформации противника и передачи их в НКВД СССР для реализации через захваченные немецкие радиостанции.

Передача дезинформации противнику через захваченные рации будет обеспечиваться надежным контролем.

Прошу Ваших указаний.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. БЕРИЯ

Опубл.: Лубянка. Сталин и НКВД — НКГБ — ГУКР «Смерш». 1939 — март 1946. С. 343.

* На первом листе имеется резолюция: «Т-щу Берия. Согласен с тем, чтобы т.т. Бодин и Панфилов предварительно показывали мне свои дезинформационные указания. И. Сталин».

№ 19

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Л. П. БЕРИИ И. В. СТАЛИНУ О РЕПРЕССИЯХ В ОТНОШЕНИИ ЧЛЕНОВ СЕМЕЙ ИЗМЕННИКОВ РОДИНЕ
18 июня 1942 г.

№ 1066/б
Совершенно секретно
Экз. № 1
Государственный Комитет Обороны
товарищу Сталину

1. На основании существующих законов и решений правительственных органов члены семей изменников родине, осужденных по ст. 58-1 «а» УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик за бегство или перелет за границу, подвергаются ссылке в отдаленные районы Сибири на 5 лет (ст. 58-1 «в» УК РФСР и постановление ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 7.XII.1940 года).

Кроме того, привлекаются к ответственности на основании приказа Ставки Главного Верховного Командования Красной Армии № 270 от 16 августа 1941 года члены семей командиров и политработников, срывающих с себя знаки различия во время боя и дезертирующих в тыл или сдающихся в плен врагу.

Репрессирование членов семей изменников родине этой категории производится на основании приговоров Военных Трибуналов, направленных для исполнения в органы НКВД по месту жительства членов семей изменников родине.

За период войны из судебных органов поступило в органы НКВД 2305 приговоров, по которым органами НКВД привлечено к ответственности 1852 человека. Не разысканы или оказались проживающими на территории, оккупированной противником, 650 семей.

Органы НКВД приняли также меры к репрессированию членов семей военнослужащих, которые, совершив убийство своих командиров, перешли на сторону врага. Всего за период войны на различных фронтах таких случаев было 16, по которым подлежат привлечению к ответственности 45 семей, из которых репрессировано 24 семьи, остальные устанавливаются.

2. Однако семьи лиц, осужденных за шпионаж или за предательство и содействие немецким оккупантам, за службу в карательных или административных органах немецких оккупантов на захваченной ими территории и лиц, добровольно ушедших с оккупационными войсками при освобождении захваченных противником районов, по смыслу существующих законоположений и правительственных распоряжений к ответственности не привлекаются.

Органами НКВД произведен учет этой категории лиц по районам, освобожденным от противника. Выявлено 10 298 таких семей с общим количеством 37 350 человек (в том числе 2244 мужчины, 15 251 женщина и 19 855 детей).

Кроме того, в тыловых районах Советского Союза осуждено за шпионаж в пользу Германии и воюющих с нами стран 1220 человек и находятся под следствием за то же преступление 2917 человек.

В частях Красной Армии было арестовано Особыми отделами за шпионаж, попытку к измене родине и за изменнические намерения свыше 23 000 человек.

НКВД СССР считает, что семьи этих лиц, если последние осуждены к высшей мере наказания, также подлежат репрессированию.

Представляя при этом проект постановления Государственного Комитета Обороны, прошу Ваших указаний.

ПРИЛОЖЕНИЕ: По тексту.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. БЕРИЯ

Архив Президента Российской Федерации (далее АП РФ). Ф. 3. Оп. 57. Д. 59. Л. 68–70.

№ 20

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ГКО
О ЧЛЕНАХ СЕМЕЙ ИЗМЕННИКОВ РОДИНЕ
24 июня 1942 г.

Совершенно секретно
Государственный Комитет Обороны
Постановление № ГОКО-1926СС
от 24 июня 1942 г.
Москва, Кремль

О членах семей изменников родине

Государственный Комитет Обороны постановляет:

1. Установить, что совершеннолетние члены семей лиц (военнослужащих и гражданских), осужденных судебными органами или Особым совещанием при НКВД СССР к высшей мере наказания по ст. 58-1а УК РСФСР и соответствующим статьям УК других союзных республик: за шпионаж в пользу Германии и других воюющих с нами стран, за переход на сторону врага, предательство или содействие немецким оккупантам, службу в карательных или административных органах немецких оккупантов на захваченной ими территории и за попытку к измене родине и изменнические намерения, — подлежат аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на срок в пять лет.

2. Установить, что аресту и ссылке в отдаленные местности СССР на срок в пять лет подлежат также семьи лиц, заочно осужденных к высшей мере наказания судебными органами или Особым совещанием при НКВД СССР за добровольный уход с оккупационными войсками при освобождении захваченной противником территории.

3. Применение репрессий в отношении членов семей перечисленных в пп. 1 и 2 лиц производится органами НКВД на основании приговоров судебных органов или решений Особого совещания при НКВД СССР.

Членами семьи изменника родине считаются отец, мать, муж, жена, сыновья, дочери, братья и сестры, если они жили совместно с изменником родине или находились на его иждивении к моменту совершения преступления или к моменту мобилизации в армию в связи с началом войны.

4. Не подлежат аресту и ссылке семьи тех изменников родине, в составе которых после должной проверки будет установлено наличие военнослужащих Красной Армии, партизан, лиц, оказавших в период оккупации содействие Красной Армии и партизанам, а также награжденных орденами и медалями Советского Союза.

Председатель Государственного Комитета Обороны И. СТАЛИН

АП РФ. Ф. 3. Оп. 57. Д. 59. Л. 67.

№ 21

СООБЩЕНИЕ ВОЕННОЙ РАЗВЕДКИ О ПОСЕЩЕНИИ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА ЯПОНСКИМ ПОСЛОМ В БЕРЛИНЕ 19 августа 1942 г.

№ 50370
19 августа 1942 г.
ГКО тов. Сталину, Молотову, Маленкову, Берия
Генштаб тов. Василевскому
Политуправление тов. Щербакову

Докладываю:

По агентурным данным, заслуживающим доверия, японский посол в Берлине генерал-лейтенант Осима донес в Токио о своем посещении по приглашению германского командования южного сектора восточного фронта.

Поездка была совершена с 1 по 7 августа 1942 года на самолете по маршруту: Берлин, Главная ставка, Одесса, Николаев, Симферополь, Ростов, Батайск, Киев, Краков, Берлин.

В этом донесении Осима описывает поездку на восточный фронт, ход операций и намерения Германии. Общее впечатление Осима:

«Германские генералы и офицеры очень любезны. Открыто и искренне объясняют план действий и расположение своих войск. Настроены очень оптимистично и уверяли, что дела идут лучше и быстрее, чем ожидали. Сопротивление советских войск, кроме танковых, сильно понизилось по сравнению с прошлым годом, особенно стрелковых соединений.

Первоначальный план немцев:

а) Северная группа (от Валдай на север) — укрепления и оборона;

б) Центральная группа (от Валдай до Курска) — сковать советскую армию, но при переброске больших сил Красной Армии с центра на юг начать наступление на Москву;

в) Южная группа — разгром армии Тимошенко, быстро захватить Кавказ и Сталинград.

Выполнение плана:

а) План выполняется быстрее, чем ожидалось, хотя русские, в общем, поняли намерения немцев, по резерву (примерно 60 дивизий) были слишком разбросаны по фронту. В ходе боев под Харьковом русские потеряли примерно половину резервов южной части;

б) На кавказском направлении германская армия состоит из следующих сил: 3 румынская армия, две румынские и одна германская стрелковая дивизия; 17 германская армия — девять германских стрелковых дивизий и две германские бронедивизии; 1 бронеармия — три германские стрелковые дивизии и 10 бронедивизий; всего 27 дивизий.

В Крыму — свежая 11 армия — семь германских и три румынские стрелковые дивизии.

Германский штаб считает, что силы Красной Армии на Кавказе вместе с отступившими в июне не превышают сорока дивизий;

в) По направлению на Сталинград действует 6 армия — приблизительно десять дивизий. Русские под Сталинградом имели всего до четырех дивизий, теперь около восьми дивизий. Несколько дивизий переброшено с Дальнего Востока.

Намерения немцев:

1. Захватить Кавказ, на что потребуется не более месяца. Решающее влияние в этой операции будет иметь 11 армия (в Крыму), которая будет переведена в Закавказье.

2. Захватить Сталинград.

3. В зависимости от хода этих операций начать наступление на Москву.

4. До начала зимы считают возможным в основном уничтожить главные силы Красной Армии и захватить большую часть Европейской части СССР.

5. По завершении этих операций небольшие силы оставить следить за остатками Красной Армии, остальные силы перевести на зимовку в Европу или другие фронты.

Затруднения:

1. Нет господства на Черном море.

2. Большие расстояния, плохие дороги для подвоза бензина и боеприпасов (главное — бензина, так как питание и боеприпасы всегда были в достаточном количестве)».

По данным Главного Разведуправления Генштаба Красной Армии, перед Северо-Кавказским фронтом, включая немецкую 11 армию в Крыму, всего действует тридцать девять дивизий, из них немецких двадцать шесть, румынских одиннадцать и словацких две, в том числе три танковые дивизии, три моторизованные дивизии (две из них с танковыми полками), четыре кавалерийские и три горнострелковые дивизии.

На Сталинградском направлении против Сталинградского и Юго-восточного фронтов действует сорок дивизий, из них двадцать семь немецких, шесть итальянских и семь румынских, в том числе четыре танковые дивизии, три моторизованные (одна из них с танковым полком).

Таким образом, на Сталинградском и Кавказском направлениях действует всего семьдесят девять дивизий, из них танковых семь; кроме того, три моторизованные дивизии с танковыми полками.

Из донесения Осима видно, что немцы ставят задачей в этом году захватить Сталинград и Кавказ. Особую роль в этой операции немцы отводят 11 немецкой армии в составе семи пехотных немецких дивизий и трех румынских. Немцы, вероятно, в ближайшем будущем попытаются предпринять десантные операции непосредственно в Закавказье как морем, так и воздухом. За последнее время немцы перебрасывают плавсредства в район Крыма.

Кроме того, немцы имеют в южном секторе нашего фронта до 200 транспортных самолетов.

Наше наступление на Ржевском и Сычевском направлениях внесло коррективы в планы и намерения немцев на Западном направлении. Немцы вынуждены были без соответствующей подготовки операции начать наступление из района Болхов составом двух (11 и 19) тд, полностью неукомплектованных, и трех-четырех пехотных дивизий, с поступающим вводом снятых из резерва и непополненных материальной частью 20 и 17 тд и вводом предположительно 9 тд, переброшенной с Брянского фронта, без достаточных резервов в глубине западного направления.

Цель наступления немцев — сковать наши силы на Западном фронте и удержать наши войска от помощи югу. Кроме того, вынудить нас к израсходованию наших резервов.

За последнее время обращает на себя внимание усиление войск противника перед Западным фронтом за счет перегруппировки сил с других фронтов. На 18.8 всего перед Западным фронтом находится неполностью укомплектованных десять немецких танковых (что составляет 50% всех танковых дивизий, находящихся перед фронтом СССР), три моторизованные и тридцать пять пехотных дивизий.

По данным радиоразведки, за последнее время немцы резко усилили количество авиации на Западном направлении. Если на 3.8 перед Западным фронтом всего насчитывалось 320 самолетов, то за последние 3 дня — 15, 16, 17 августа — количество немецких самолетов перед Западным фронтом увеличилось до 515, из них: бомбардировщиков — 385, истребителей — 90, разведчиков — 40.

По данным ВВС, количество самолетов на Западном направлении насчитывается до 800.

Начальник Главного разведуправления Генштаба Красной Армии
генерал-майор танковых войск ПАНФИЛОВ
Военком Главного разведуправления Генштаба Красной Армии
бригадный комиссар ИЛЬИЧЕВ

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 7567. Д. 1. Л. 36–39.

№ 22

ДОКЛАДНАЯ ЗАПИСКА А. С. ЩЕРБАКОВА И. В. СТАЛИНУ О РАБОТЕ ОСОБОГО ОТДЕЛА 7-Й ОТДЕЛЬНОЙ АРМИИ С ПРИЛОЖЕНИЕМ ПРИКАЗА НАРКОМА ОБОРОНЫ № 0089
22 мая 1943 г.

Народному Комиссару Обороны
Маршалу Советского Союза
товарищу Сталину И. В.

По вашему личному распоряжению Главное Политическое Управление Красной Армии расследовало донесение командарма 7 отдельной армии генерал-майора тов. Крутикова о работе Особого отдела Армии.

Докладываю о результатах:

I

1. Военный Совет 7 отдельной армии взял под сомнение правильность обвинений Никулина и Шведова в шпионаже. По материалам следствия, проведенного Особым отделом Армии, дело рисовалось следующим образом:

Резидент немецкой разведки Никулин, снабженный немецкой разведкой оружием (пистолетом и гранатами), получил от немецкой разведки задание вести обширную шпионскую деятельность в Красной Армии — вербовать шпионов, взрывать мосты, поджигать воинские склады, советские учреждения и т. д. Никулин имел в своем распоряжении агентов-связистов, которые, переходя линию фронта, передавали немцам шпионские сведения, собранные Никулиным. В числе других шпионов Никулин завербовал командира Красной Армии младшего лейтенанта Шведова.

Проверка этого дела дала следующие результаты: Никулин И. А., 1910 года рождения, служил в Красной Армии в 1939 году, участвовал в боях с белофиннами, был ранен, после чего признан негодным к военной службе. Никулин совершенно неграмотный (умеет только расписываться), работал до войны и во время войны плотником Тихвинской лесобиржи. Четыре брата Никулина служат в Красной Армии. Во время оккупации Никулин полтора месяца проживал на территории, занятой немцами. Со Шведовым Никулин познакомился в то время, когда воинская часть, в которой состоял Шведов, располагалась по соседству, где проживал Никулин.

По материалам следствия, как агент-связист, завербованный Никулиным, проходит Иванова Екатерина, 15 лет. Три брата и сестра Ивановой служат в Красной Армии.

Младший лейтенант Шведов после нескольких недель знакомства с Никулиным уехал вместе со своей частью на Волховский фронт, под Синявино, откуда и дезертировал. Шведов был задержан Особым отделом 7 армии, ему первоначально было предъявлено обвинение в дезертирстве, а затем в шпионаже. Через некоторое время после ареста Шведов сознался в шпионской работе и показал, что в шпионы он был завербован Никулиным.

На допросе мне и тов. Абакумову Шведов заявил, что после того как следователь Ильяйнен потребовал от него назвать сообщников, он, Шведов, назвал двух красноармейцев из взвода, которым он командовал. Но Ильяйнен отклонил этих людей и потребовал назвать других лиц. После этого Шведов оговорил Никулина.

Будучи арестованным, Никулин ни в чем себя виновным не признавал, после пребывания в камере признал себя виновным в шпионаже.

Расследованием установлено, что объективных фактов для обвинения Никулина и Шведова в шпионаже нет. Так, например, неграмотному во всех отношениях Никулину, проживающему в глухой деревушке, немцами якобы были даны следующие задания:

«Я должен был собирать сведения:

1. О расположении, количественном составе и вооружении пехотных, артиллерийских, минометных, автобронетанковых, саперных, инженерных, специальных и тыловых частей Красной Армии.

2. О дислоскации штабов, воинских частей и соединений.

3. О расположении складов с боеприпасами, вооружением, взрывчатыми веществами, продовольствием, фуражом, горюче-смазочными материалами и другим военным имуществом.

4. О расположении и составе оборонных сооружений.

5. О расположении аэродромов и количестве самолетов на них.

6. О расположении средств ПВО.

7. О состоянии дорог и интенсивности движения по ним.

8. О строительстве новых дорог.

9. О политико-моральном состоянии личного состава частей Красной Армии и гражданского населения.

Наряду со сбором шпионских сведений офицер поручил мне совершать диверсионные акты, организовывать взрывы мостов, поджигать воинские склады и советские учреждения».

Эта часть показания Никулина была целиком и полностью написана старшим следователем Ильяйнен, а едва умевший расписываться Никулин подписал такой протокол допроса.

Особый отдел Армии имел полную возможность проверить деятельность «связиста» Ивановой Екатерины. Однако Иванова Екатерина не только не была арестована, но не была и допрошена, хотя для этого была полная возможность, так как она продолжала жить безвыездно в том же самом месте. Расследованием установлено, что Иванова Екатерина заданий от Никулина по шпионажу не получала и линию фронта не переходила.

Особый отдел имел полную возможность выяснить, как попали к Никулину пистолет и гранаты. Расследованием, как попало к Никулину оружие, установлено: брат Екатерины Ивановой, мальчик 13 лет, однажды сказал Никулину, что у него имеются трофейные гранаты и пистолет. Никулин отобрал оружие у мальчика Иванова, пистолет Никулин отдал Шведову за хлеб, а гранаты использовал для глушения и ловли рыбы. Работники Особого отдела вопрос о происхождении оружия могли бы легко выяснить, вызвав и опросив мальчика Иванова, брата Ивановой Екатерины. Этого также сделано не было. Так в результате недобросовестного отношения к следствию было создано обвинение Никулина и Шведова в шпионаже.

Шведова надо было арестовать и судить как дезертира. Никулин виноват в незаконном хранении и несдаче трофейного оружия, но фактов и материалов для обвинения его в шпионаже не было. Военный трибунал 7 Отдельной Армии отклонил обвинение в шпионаже.

Следственное дело Никулина и Шведова вел старший следователь Особого отдела Ильяйнен, по национальности финн. Ильяйнен ранее работал в органах НКВД и был уволен.

Непосредственное руководство следствием и активное участие в нем принимал заместитель начальника Особого отдела 7 отдельной Армии Керзон. Керзон с 1929 года по 1938 год работал в органах НКВД. В 1938 году он был арестован по подозрению в принадлежности к контрреволюционной организации. Затем был признан невиновным и с 1939 года вновь работает в органах НКВД.

Ильяйнен и Керзон являются виновными в недобросовестном ведении следствия в отношении Никулина и Шведова.

2. Аналогичным делу Никулина и Шведова является дело по обвинению в шпионаже Ефимова.

Красноармеец Ефимов 29 ноября 1942 года был вызван следователем Особого отдела на допрос в качестве свидетеля. На допросе Ефимов рассказал следователю Особого отдела, что он, Ефимов, в 1941 году был в плену у немцев и оттуда бежал. Это вызвало подозрение и по существу явилось основанием для его задержания. 30 ноября Ефимов на допросе признался в шпионской деятельности.

Анализ следственных материалов показал, что следствие по делу Ефимова проведено крайне поверхностно и недобросовестно. Все обвинения построены только на признании самого подсудимого. Причем все эти признания пестрят противоречиями и неправдоподобностями.

Особый отдел имел полную возможность проверить личность Ефимова и собрать о нем более глубокий материал. Однако этого сделано не было. Единственным объективным доказательством виновности Ефимова является его сдача, будучи в окружении, в плен в сентябре месяце 1941 года и пребывание на территории, оккупированной немцами. После возвращения Ефимова из плена и освобождения Красной Армией территории, на которой проживал Ефимов (Торопецкий район), он вновь после проверки его в лагерях НКВД был призван в ряды Красной Армии, где и служил в течение 8 месяцев.

В результате категорического отказа Ефимова на заседании военного трибунала 30 апреля 1943 года от своих показаний и отсутствия в деле каких-либо других материалов, свидетельствующих о его виновности, Ефимов был оправдан.

Для проверки поведения Ефимова в период проживания его на оккупированной территории, впоследствии освобожденной Красной Армией, в Торопецкий район Калининской области были командированы старший инспектор ГлавПУРККА полковник т. Долин и старший следователь Главного управления контрразведки майор т. Коваленко. Проверкой на месте (опрошены ряд лиц, знающих Ефимова) ими установлено, что Ефимов в конце декабря 1941 года явился из немецкого плена, жил все время у отца, из деревни никуда не отлучался, за время пребывания немцев в этом районе связи и общения с ними не имел, антисоветской агитации не вел и никого из советских активистов не предавал. Между тем, по материалам следствия, дело рисовалось таким образом, что Ефимов, проживая в Торопецком районе, якобы был близко связан с немцами, пьянствовал с ними в ресторане, выдал немцам жену политрука Никифорову Марию и вел среди местного населения антисоветскую агитацию.

Виновными в создании бездоказательного обвинения Ефимова в шпионаже являются старший следователь Особого отдела Армии капитан Седогин и начальник следственной части, он же заместитель начальника Особого отдела Армии подполковник Керзон.

3. После дела Никулина, Шведова и дела Ефимова военный трибунал 7 армии и его председатель т. Севостьянов стали выражать сомнение в правильности проведенного следствия в отношении ряда людей, которые уже прошли через трибунал и осуждены трибуналом за шпионаж. Так, военный трибунал стал выражать сомнения в правильности следственных материалов по обвинению в шпионаже Пышнова и Лялина, Масленникова и Никитина, Стафеева. Провести надлежащее расследование по этим делам не представляется возможным, так как осужденные (кроме Лялина) расстреляны.

II

В результате проверки всех дел по другим контрреволюционным преступлениям, приведенным в докладных записках Военного Совета и военного прокурора Армии, установлено, что Особыми отделами армии при попустительстве военных прокуроров действительно были допущены извращения в ведении следствия и нарушения советских законов.

Так, например:

1. Красноармеец Яковлев, 1923 года рождения, член ВЛКСМ, безупречно с ноября 1941 года служит в Красной Армии. 25 апреля 1942 года совместно с другими двумя бойцами он был вызван на допрос в качестве свидетеля к уполномоченному Особого отдела батальона т. Николаеву. По дороге в Особый отдел Яковлев нашел финскую листовку и тут же в конце допроса сдал ее уполномоченному Николаеву. Этого было достаточно для того, чтобы арестовать Яковлева и начать против него следствия по обвинению его в антисоветской агитации. При ведении следствия был совершен следующий подлог. При составлении протокола обыска у Яковлева, по указанию старшего следователя Особого отдела Армии капитана Изотова, листовка была занесена в протокол обыска как найденная при обыске

у Яковлева. Обвинение в отношении Яковлева от начала до конца надуманное, и военный трибунал правильно вынес Яковлеву оправдательный приговор.

2. Красноармеец Гусев, 1922 года рождения, член комсомола, с декабря 1942 года Особым отделом 162 укрепленного района был арестован за систематическое проведение антисоветской агитации и изменнические намерения. Военный трибунал армии 6 марта 1943 года, разобрав дело Гусева, вынес ему оправдательный приговор. Проведенной проверкой установлено, что со стороны Гусева имели место нездоровые, политически неправильные, иногда граничащие с антисоветскими высказывания, что и дало основание Особому отделу для его ареста. Следствие же по делу было проведено недобросовестно. Конкретные факты, имевшие место в действительности, получили в материалах следствия политическое обобщение, исказившее суть дела. Показания свидетелей оперативным уполномоченным Особого отдела Соловьевым были явно извращены.

3. Лейтенант Григорьян, член комсомола, в Красной Армии служит с 1939 года, 26 сентября 1942 года был арестован Особым отделом 3-й морской бригады по обвинению его в оставлении поля боя, добровольной сдаче в плен и высказывании диверсионных намерений. Проверками установлено, что Григорьян действительно в июне 1941 г., т. е. в первые дни войны, будучи послан с семью бойцами в разведку, попал под сильный огонь противника, растерялся и сдался в плен немцам. В тот же день, через 5—6 часов после пленения, он бежал из плена. По излечении после ранения, полученного во время бегства от немцев, Григорьян служил в 110 стрелковой дивизии, участвовал в боях за Москву, был вторично ранен и по выходе из госпиталя непрерывно служит в частях 7 отдельной армии. За это время неоднократно участвовал в боях, на своем боевом счету имеет более двух десятков убитых финнов и характеризуется как волевой и смелый командир. Никаких антисоветских и диверсионных высказываний и намерений со стороны Григорьяна проявлено не было, и эти обвинения являются полностью выдуманными. Дело Военным трибуналом было прекращено, и Григорьян через 3 месяца после его ареста был освобожден.

4. Красноармеец Чернецов, 1896 года рождения, участник первой империалистической войны. Три брата Чернецова сейчас служат в Красной Армии. Чернецов был арестован в июне 1942 года Особым отделом 368 стрелковой дивизии по обвинению в антисоветской агитации и изменнических намерениях. Основанием для ареста и обвинения Чернецова послужило сообщение красноармейца Поражинского, являвшегося секретным осведомителем Особого отдела. Во время следствия Поражинский давал явно путаные показания и на очной ставке с Чернецовым в конце концов отказался от них. Тогда по указанию начальника Особого отдела дивизии он был арестован. Отсидев 11 дней под арестом, Поражинский вновь подтвердил свои первоначальные показания о том, что Чернецов проводит антисоветскую агитацию и намеревается перейти к финнам. На заседании суда Поражинский опять запутался и изменил свои первоначальные показания. По всем данным, Поражинский является провокатором. Военный трибунал оправдал Чернецова.

5. Гвардии старшина стрелок-радист Федоровцев, кандидат в члены ВКП(б), служит в армии с 1937 года, с первых дней Отечественной войны находится на фронте. За участие в финской кампании награжден орденом Красного Знамени, в Отечественную войну награжден орденом Красной Звезды. За время войны совершил 128 боевых вылетов и командиром полка характеризуется как смелый боец, готовый в любой момент выполнить задание командира полка. Особым отделом 4 района авиационного базирования 6 августа 1942 года Федоровцев был арестован по обвинению в антисоветской агитации.

Проверкой установлено, что Федоровцев передавал другим бойцам содержание прослушанной им по радио фашистско-белогвардейской передачи. Таким образом, основания для ареста Федоровцева были, но, учитывая его боевую работу в борьбе с немцами, военный прокурор прекратил дело Федоровцева.

6. Факты, изложенные в докладной записке военного прокурора 7 отдельной армии о привлечении без достаточных оснований к суду Косматых, Лазаренко, Королева, Горячева, также имели место. Все перечисленные лица судом оправданы.

О том, что в некоторых соединениях 7 отдельной армии отношение к арестам довольно легкое, свидетельствуют следующие факты. Особым отделом 272 стрелковой дивизии за первый квартал 1943 года было арестовано 15 человек, и им были предъявлены обвинения в контрреволюционных преступлениях. Из 15 дел прекращено в Особом отделе 8 дел и военной прокуратурой 2 дела.

По 4 стрелковому корпусу за второе полугодие 1942 года было арестовано 215 человек за контрреволюционные преступления. 43 человека, или 20% из числа арестованных, были освобождены за недоказанностью обвинений. При этом следует отметить, что начальник Особого отдела 272 стрелковой дивизии майор Божичко на одном из совещаний заявил, что ничего плохого в этих арестах и вызовах свидетелей нет, так как вызов красноармейцев в Особый отдел является своего рода политической работой.

III

Проверка показала, что Особые отделы в методах следствия допускали извращения и нарушения законов. В частности, Особые отделы в качестве камерной агентуры использовали лиц, уже осужденных за шпионаж к ВМН. Так, по делу красноармейца Горячева, обвинявшегося в проведении антисоветской агитации, после того как следствием не было собрано достаточных материалов для обвинения, в качестве свидетеля был привлечен осужденный 29 января 1943 года к расстрелу шпион Желудков. Этот Желудков 8 февраля 1943 года на допросе показал, что Горячев, находясь вместе с ним в камере, проводит антисоветскую агитацию. Характерно при этом, что следователь Особого отдела 4 района авиабазирования Виноградов в протоколе допроса записал о Желудкове, что он «со слов несудим», т. е. Виноградов совершил явный подлог.

В деле Масленникова, осужденного за шпионаж, в качестве камерного свидетеля был привлечен шпион Карнышов, приговоренный к ВМН.

О том, что подобного рода камерные свидетели использовались и в других делах, свидетельствует такой факт: 2 февраля 1942 года Военный трибунал 114 стрелковой дивизии за подготовку группового перехода на сторону врага осудил к ВМН красноармейцев Кучерявого и Гушель. Над красноармейцами, которые проходили по этому же делу вместе с Кучерявым и Гушель, приговор был приведен в исполнение через два дня — 4 февраля, а в отношении Кучерявого и Гушель приговор не приводился в исполнение несколько месяцев. И когда в начале мая 1942 года Военный Совет Армии стал интересоваться — почему над этими лицами приговор не приводится в исполнение, начальник Особого отдела армии полковник т. Добровольский возбудил ходатайство перед Военным Советом Армии о замене им ВМН лишением свободы за разоблачение ими других лиц.

В практике работы Особого отдела армии имели место факты, когда подсудимых перед отправлением на судебное заседание вызывали в следственную часть для дачи указаний, чтобы они показывали то, что показывали на следствии в Особом отделе. Это подтвердил старший следователь Особого отдела Ильяйнен, который признал, что по приказу Керзона подсудимых перед судом вызывали в следственную часть и там инструктировали, как вести себя на суде. Подполковник Керзон сначала отрицал эти факты, затем заявил, что может быть такие факты и были, но он об этом не был осведомлен, а потом признал, что вызов подсудимых в следственную часть проводился, но якобы с целью инструктажа конвоя, хотя известно, что инструктаж конвоя проводит начальник камеры предварительного заключения.

В практике работы Особых отделов имели место факты назойливого и ненужного присутствия следователей Особого отдела армии на судебном заседании. Приведенный в донесении командующего 7 отдельной армией генерал-майора Крутикова факт удаления старшего следователя Ильяйнен из суда при слушании дела Шведова и Никулина и посылки после этого писаря следственной части Карначева на суд в качестве конвоира соответствует действительности. Сделано это было по приказу заместителя начальника Особого отдела армии подполковника Керзона.

Факт угощения папиросами подсудимых в перерывах судебного заседания подполковник Керзон отрицает. Старший следователь Особого отдела Некрашевич заявил, что один раз он угощал подсудимых папиросами. Секретарь военного трибунала Зайцев утверждает, что делал это систематически старший следователь Некрашевич и дважды подполковник Керзон.

IV

Выводы:

Донесение на Ваше имя командующего 7-й отдельной армией генерал-майора Крутикова в части, касающейся конкретных фактов извращений в работе Особого отдела армии, в основном правильно. Что касается обобщений, имеющихся в донесении, то они являются неправильными.

Проверка показала, что по ряду шпионских дел обвинения были построены только на признании самих подсудимых. Однако сделанное в донесении командующего обобщение о том, что общей чертой большинства шпионских дел являлось полное отсутствие объективных доказательств и что все обвинения в шпионско-диверсионной работе были построены на признании самих подсудимых, является неправильным. Особый отдел 7 отдельной армии в общем проделал значительную работу по разоблачению немецкой и финской агентуры и утверждать, что все обвинения в шпионско-диверсионной работе были построены только на признании самих подсудимых, неправильно.

Обобщение, сделанное в донесении командарма 7 отдельной армии о том, что органы следствия не принимают мер к розыску и аресту резидентов иностранных разведок, неточно. Так, из 30 агентов и резидентов, прошедших по показаниям подсудимых за 1942–1943 гг., 5 разыскано и осуждено к ВМН.

Таким образом, проверка работы Особого отдела 7 отдельной армии показала, что в работе Особого отдела армии и Особых отделов соединений имели место крупные и серьезные недостатки, а также извращения. Конкретными виновниками являются:

1. Заместитель начальника Особого отдела 7-й отдельной армии, он же начальник следственной части подполковник Керзон;
2. Старший следователь Особого отдела армии старший лейтенант Ильяйнен, по национальности финн;
3. Старший следователь Особого отдела армии Седогин;
4. Следователь Особого отдела 162 укрепрайона капитан Изотов;
5. Оперуполномоченный Особого отдела 162 укрепрайона Соловьев.

При этом установлено, что если ошибки в работе таких людей, как Седогин, Изотов, Соловьев, Николаев (убит), могли явиться результатом неопытности и являются действительно следственными ошибками, то ошибки в работе Керзона и Ильяйнен являются извращениями, продиктованными карьеристическими соображениями. В этом особенно убедило меня нечестное поведение Керзона. По делу Никулина и Шведова Керзон заявил мне, что его «подвел следователь», что Никулина он допрашивал всего один раз и не более 15 минут, в то время как Никулина он допрашивал много раз. Керзон в начале говорил, что обвиняемых для инструктажа в следственную часть не вызывали, потом сказал, что вызывали, но что это делали следователи без его ведома, и т. д. Таким образом Керзон врет и запирается в мелочах, а после этого трудно ему верить и в более серьезных делах.

Начальник Особого отдела 7 отдельной армии полковник Добровольский плохо контролировал следствие и слишком многое передоверил Керзону.

Следует отметить, что при расследовании материалов Военного Совета Армии некоторые работники Особых отделов или отрицали уже установленные факты, или их всячески смягчали и смазывали остроту, придерживаясь принципа «не выносить сор из избы». Даже начальник Особого отдела т. Добровольский заявил: «И зачем надо было беспокоить товарища Сталина, сказали бы мне, все бы на месте исправили и устранили».

Надо отметить еще один крупный недостаток в работе карательных органов 7-й отдельной армии — это фактически отсутствие прокурорского надзора за следствием со стороны военного прокурора полковника юстиции Герасимова и его помощника майора юстиции Васильева. Герасимов самоустранился от надзора, свалив эту деятельность на своего помощника Васильева. Васильев же, а также прокуроры соединений в значительной мере штамповали обвинительные заключения, не входя в суть дела.

В работе военных трибуналов имела место перестраховка, боязнь взять на себя всю полноту ответственности при рассмотрении дел. Доказательством этому является большое количество неутвержденных приговоров Военных Трибуналов командирами соединений, Военным Советом и Военной Коллегией. Так, за 1942—1943 гг. из 1529 приговоров к ВМН — 577 приговоров, или 37%, — ВМН заменена лишением свободы. Во многих случаях эти изменения явились результатом фактического помилования осужденных, но в ряде случаев эти изменения явились результатом несогласия по существу дела. Среди работников Особых отделов (ныне «СМЕРШ») много неопытных, малограмотных людей. Этот недостаток следует поправить переводом нескольких тысяч политработников в органы контрразведки.

Предложения

Предлагаю:

1. За извращения в следственной работе Керзона и Ильяйнен уволить из органов контрразведки и осудить решением Особого Совещания к 5 годам лагерей.

2. За преступные ошибки в следственной работе — Седогина, Изотова, Соловьева уволить из органов контрразведки и направить их в действующую армию*.

Сов. Секретно

ПРИКАЗ
НАРОДНОГО КОМИССАРА ОБОРОНЫ
№ 0089

31 мая 1943 г.
г. Москва

Проверка работы Особого отдела 7-й Отдельной Армии вскрыла отдельные факты извращений и преступных ошибок в следственной работе Особого отдела 7-й Отдельной Армии.

ПРИКАЗЫВАЮ:

1) За извращение в следственной работе заместителя начальника Особого отдела 7-й Отдельной Армии, начальника следственной части подполковника Керзона, старшего следователя Ильяйнена уволить из органов контрразведки и осудить решением Особого Совещания к 5 годам лагерей.

2) За преступные ошибки в следственной работе следователей Седогина, Изотова, Соловьева уволить из органов контрразведки и направить их в штрафной батальон при начальнике Тыла К. А.

3) Начальнику Особого отдела 7-й Отдельной Армии т. Добровольскому за отсутствие контроля за работой следственной части, в результате чего в следственной работе имели место грубые ошибки и извращения, объявить выговор с предупреждением**.

4) Пом. прокурора армии майора юстиции Васильева за плохое осуществление прокурорского надзора за следствием в Особом отделе снять с работы с понижением в должности и звании*** и направить в распоряжение Главного Военного Прокурора Красной Армии.

---

* Зачеркнуто и в пункте 2 вписано Сталиным: «штрафной батальон при начальнике тыла К. А.».

** Вписано Сталиным вместо зачеркнутого «и перевести на работу в другую армию».

*** Вписано Сталиным.

5) Военному Прокурору Армии полковнику юстиции Герасимову за самоустранение от надзора и за отсутствие контроля за работой своих помощников объявить выговор с предупреждением*.

Народный Комиссар Обороны И. СТАЛИН

РГАСПИ. Ф. 558. Оп. 11. Д. 461. Л. 19–35.

№ 23

СПЕЦСООБЩЕНИЕ В. С. АБАКУМОВА И. В. СТАЛИНУ И А. М. ВАСИЛЕВСКОМУ О ПРИЧИНАХ РАСКОНСПИРАЦИИ ПРЕДСТОЯЩИХ НАСТУПАТЕЛЬНЫХ ОПЕРАЦИЙ НА УЧАСТКЕ БРЯНСКОГО ФРОНТА

24 июня 1943 г.

Совершенно секретно

По сообщению Управления «Смерш» Брянского фронта, проводившаяся в мае и в июне с. г. подготовка к наступательным действиям на участках 61-й и 63-й армий была проведена без достаточного соблюдения военной тайны и маскировки при сосредоточении войск, что дало возможность противнику догадаться о проводимых нами мероприятиях на этом участке фронта.

Так, например, начальник артиллерии 61-й армии генерал-майор Егоров, будучи осведомлен о подготовке операции по прорыву обороны противника на участке армии и предупрежден командованием фронта о соблюдении строжайшей тайны, сообщил об этом некоторым командирам, в том числе подполковнику Лазареву и майору Сергиевскому.

4 мая с. г. на участке прорыва Егоров организовал военную игру «Наступление» с начальниками артиллерии дивизий и командирами артполков. Для разработки плана прорыва обороны противника Егоров привлек весь оперативный отдел штаба армии, в том числе машинистку Домнину и чертежника Афонина.

27 мая с. г. Егоров раздал план наступления командирам корпусов, бригад и артиллерийских полков.

Несмотря на указания командования фронта не выводить на огневые позиции прибывающие вновь артиллерийские части и не усиливать артиллерийского огня на участке армии, Егоров приказал командирам артиллерийских частей занять огневые позиции и произвести пристрелку одним орудием от батареи.

В результате пристрелки орудий на участке армии образовался массированный артиллерийский огонь.

Это дало возможность противнику догадаться о мероприятиях наших частей, так как вслед за этим он повел большие огневые налеты по нашим участкам огневых позиций.

Сосредоточение войск в районе намеченных действий проходило без достаточной маскировки. Остатки колонн и большое количество транспорта двигались в район сосредоточения днем, что демаскировало расположение наших войск.

Подготовительные мероприятия, рекогносцировка местности, подготовка огневых позиций проводились без достаточной скрытности, что дало возможность противнику, как это установлено радиоперехватом, обнаружить значительное количество нашей артиллерии и огневых позиций.

---

* Вписано Сталиным.

Так, радиоперехватом зафиксировано, что в период с 29 мая по 6 июня с. г. авиаразведка противника на участке Гудовищи — Поляны — Тшлыково (севернее Мценска) обнаружила 62 артиллерийских и 30 минометных позиций. В районе Задушное — Новосель авиаразведка противника обнаружила 17 артиллерийских батарей.

В мае с. г. на участке Новосель — Орловка — Гвоздяное противник обнаружил 5 наведенных мостов через р. Зуша.

В частях 2-го артиллерийского корпуса рекогносцировочные работы и работы по оборудованию инженерных сооружений проводились без маскировки. Противник воздушной разведкой обнаружив подготовку некоторых работ и оживление работы на переднем крае обороны корпуса, произвел бомбометание наших артиллерийских позиций, повредив 11 орудий.

Кроме того, арестованные при переходе на нашу сторону агенты германской разведки, а также захваченные в плен нашими войсками немцы показали, что противнику стало известно о подготовке наступления наших войск на участке 61-й и 63-й армий.

Так, арестованный 29 мая с. г. при переходе линии фронта на нашу сторону агент немецкой разведки Стрелков показал, что среди немецкого командования и солдат идут разговоры, что русские готовят наступление, о чем рассказывают сами русские, захваченные немцами в плен.

Фельдфебель 110-го пехотного полка 112-й пехотной дивизии германской армии Кроноуэр, взятый в плен нашими войсками в июне с. г., показал:

«В отношении наступления частей Красной Армии на данном участке я слышал от ротного командира Рейнгольца, который сообщил солдатам, что в начале июня с. г. были захвачены два солдата русской армии, которые сообщили немецкому командованию, что части Красной Армии ведут подготовку и ожидайте наступления.

Кроме того, Рейнгольц сообщил, что самолет «Фокке-Вульф» на территории частей Красной Армии обнаружил новые огневые позиции артиллерии и большое передвижение войск на этом участке».

Старший ефрейтор той же дивизии Пауль Гунтер на допросе сообщил:

«Командир взвода лейтенант Мендель объявил солдатам, что примерно в начале июня с. г. на данном участке нужно ожидать наступления русских, так как самолет-разведчик обнаружил большое скопление русской артиллерии и усиленное передвижение войск.

Среди солдат шли разговоры, что со стороны русских в районе Большая Каргашенка перешел перебежчик, который сообщил о готовящемся наступлении русских на этом направлении».

АБАКУМОВ

Опубл.: Огненная дуга: Курская битва глазами Лубянки / Сост. А. Т. Жадобин, В. В. Марковчин, В. С. Христофоров. М., 2003. 480 с.

№ 24

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Л. П. БЕРИИ И. В. СТАЛИНУ, В. М. МОЛОТОВУ, А. И. АНТОНОВУ О ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ВОЙСК НКВД СССР ПО ОХРАНЕ ТЫЛА
11 июля 1944 г.

№ 730/б
Копия
Совершенно секретно
Государственный Комитет Обороны
Товарищу Сталину И. В.
Товарищу Молотову В. М.
Генштаб КА — товарищу Антонову

В период с апреля по июнь т. г. войсками НКВД по охране тыла фронтов Действующей Красной Армии в процессе очистки территории, освобожденной от войск противника, и при несении службы по охране тыла фронтов задержано для проверки 267 141 человек, из них:
военнослужащих — 115 973
гражданских — 151 168

В числе задержанных военнослужащих:
Неорганизованно отходивших с поля боя — 615
Отставших от своих частей — 25 364
Вышедших из окружения — 243
Находившихся в плену у противника — 5288
Нарушителей приказа НКО № 0860 — 2466
С неправильно оформленными документами — 81 997

Среди задержанных гражданских лиц:
Уклонившихся от призыва в Красную Армию — 22 949
Бежавших с оборонных работ — 509
Незаконно возвратившихся в полосу отселения — 61 157
Без документов — 30 779
Нарушителей прифронтового режима — 21 775
Подозрительного элемента — 13 987

Кроме того, в тылу 1-го Прибалтийского, 1, 2 и 3 Белорусских фронтов задержано при попытке пробраться за линию фронта — 4835 солдат и офицеров немецкой армии и 182 власовца.

При фильтрации задержанных разведывательными органами войск НКВД по охране тыла фронтов разоблачено:
Агентуры противника — 1592
Изменников и предателей — 1838
Полицейских и карателей — 762
Немецких ставленников и пособников — 1267
Участников бандпроявлений — 2604
Дезертиров Красной Армии — 7573
Мародеров — 251
Прочего преступного элемента — 2250

В числе разоблаченной агентуры противника — 26 агентов-парашютистов.

Задержанные и разоблаченные переданы:
На сборные пункты Красной Армии — 22 492
В свои части и военным комендантам — 70 829
В лагеря НКВД — 6526
Органам НКВД и НКГБ по территориальности — 13 455
Органам контрразведки «СМЕРШ» — 9926
Прокуратуре — 391
В органы милиции — 40 722
Остальные по выяснении личностей освобождены.

Войска НКВД по охране тыла 1-го Белорусского и 1-го Украинского фронтов в западных областях Украинской ССР имели 142 боевых столкновения с бандгруппами «Организации украинских националистов». При этом убито 2564 и захвачено живыми 2247 бандитов.

Кроме того, задержано 1939 бандитов-одиночек.

При боевых столкновениях с бандгруппами войска НКВД по охране тыла фронтов потеряли: убитыми — 124, ранеными — 53 и пропавшими без вести — 18 человек из числа бойцов и офицеров.

В тылу Карельского фронта служебные наряды войск НКВД имели боевые столкновения с четырьмя разведывательно-диверсионными группами финнов, численностью от 40 до 200 человек каждая.

При этом убито и ранено 44 и захвачено в плен 4 солдата и офицера противника.

Служебные наряды потеряли: 9 убитыми, 11 ранеными и одного пропавшего без вести.

Четыре заставы 92 пограничного полка войск НКВД по охране тыла 1-го Украинского фронта совместно с подразделениями частей Красной Армии 27.IV.1944 г. вели бои с немецкими частями в районе Заблотов (20 км юго-восточнее Коломня). Противник был отброшен за реку Прут, потеряв при этом 30 человек убитыми.

Заставы потеряли 4 убитыми и одного раненым.

При очистке прифронтовой полосы служебными нарядами войск НКВД по охране тыла фронтов, а также при столкновении с бандитами собрано на полях сражений и изъято у местного населения трофейного и отечественного вооружения и боеприпасов:
орудий — 32
минометов — 49
противотанковых ружей — 19
пулеметов — 371
автоматов — 632
винтовок — 3667
пистолетов — 259
артснарядов — 2724
мин — 3672
ручных гранат — 4009
патронов свыше — 4 млн 300 тыс. штук
радиостанций — 8
автомашин — 26
мотоциклов — 7
велосипедов — 50

Собранное и изъятое вооружение и боеприпасы сданы трофейным командам и на склады частей и соединений Красной Армии.

За истекший период снайперами, подготовленными в войсках НКВД по охране тыла фронтов и проходившими стажировку в боевых порядках частей Красной Армии, выведено из строя убитыми и ранеными 8025 солдат и офицеров противника.

Снайперские команды потеряли 12 убитыми и 11 человек ранеными.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. БЕРИЯ

ГАРФ. Ф. 9401 с. Оп. 2. Д. 65. Л. 325–327. Копия. Машинопись.

№ 25

СПЕЦСООБЩЕНИЕ Л. П. БЕРИИ И. В. СТАЛИНУ О ЛИКВИДАЦИИ ГРУПП НЕМЕЦКИХ ПАРАШЮТИСТОВ И ДЕСАНТА 15 июля 1944 г.

№ 753/б
Копия
Совершенно секретно
Государственный Комитет Обороны
Товарищу Сталину И. В.

Органами НКВД — НКГБ и «Смерш» НКО в течение мая — июля с. г. ликвидировано 13 групп немецких парашютистов и 2 десанта общей численностью 162 человека, из них: арестовано 103, убито при задержании 29 и явилось с повинной 10 человек. Среди убитых и арестованных десантников — 18 человек немцев.

Парашютисты были выброшены в Гурьевской области Казахской ССР, Кабардинской АССР, Грузинской ССР, Астраханской, Орловской областях, Тарнопольской, Каменец-Подольской, Станиславской областях УССР и Гомельской области БССР.

Перед забрасываемой агентурой немецкой разведкой была поставлена задача: совершать диверсии в промышленности и на транспорте, убивать советских и партийных работников, организовать в тылу Красной Армии бандгруппы из числа дезертиров и антисоветски настроенных лиц, разведывать численность и вооружение частей Красной Армии.

У парашютистов и десантников изъяты рации, значительное количество оружия и взрывчатых материалов.

НКВД СССР ходатайствует о награждении орденами и медалями СССР оперативных работников НКВД, НКГБ, офицеров, сержантов и бойцов войск НКВД, а также лиц из числа гражданского населения, особо отличившихся при проведении операций по ликвидации выброшенных противником парашютистов и десантников.

Прилагая при этом проект Указа Президиума Верховного Совета Союза ССР, прошу Вашего решения.

Народный комиссар внутренних дел Союза ССР Л. БЕРИЯ

ГАРФ. Ф. 9401 с. Оп. 2. Д. 65. Л. 351–352. Копия. Машинопись.

№ 26

ДОНЕСЕНИЕ О ПОПЫТКАХ НАЦИСТСКОЙ ГЕРМАНИИ ЗАКЛЮЧИТЬ СЕПАРАТНЫЙ МИР С АНГЛИЕЙ И США 1944 г.

Меморандум
о мирных происках Германии в 1941–1943 гг.
(По данным 1 Управления НКГБ СССР)

Приводим краткую сводку агентурных данных, полученных из различных источников, о попытках гитлеровского правительства и отдельных представителей военно-промышленных кругов Германии выяснить возможности заключения компромиссного мира с Англией и США при условии их отхода от Советского Союза.

(Сообщение «...» из Нью-Йорка,
полученное от «...» 22.X.1941 г.,
сообщено в 4 адреса 28.X.1941 г.)

В октябре 1941 г. бывший представитель немецких химических и фармацевтических фирм в США Генри Вейснер сообщил нашему агенту о поездке банкира из г. Вудсток (штат Нью-Йорк) Столфорта в Германию, Румынию и Венгрию. Столфорт ездил в Германию по поручению Вашингтона для ведения переговоров с германским правительством. По возвращении Столфорт доложил американскому правительству о результатах своей поездки следующее: высшие германские круги считают, что с занятием европейской части СССР Германия сможет противопоставить всю Европу Англии и США и держаться в течение долгого времени. Тогда англичане поймут, что дальнейшая борьба бесполезна и что они в случае отказа от мира могут только потерять. Вполне возможно заключение секретного мира Англии с Германией, если даже США активно вступят в войну.

Позднее были получены дополнительные данные по этому вопросу.

(Сообщение «...» из Нью-Йорка,
полученное от «...» 7.II.1943 г.,
никуда не сообщалось)

Резидент НКГБ СССР в Нью-Йорке 7.II.1943 г. сообщил содержание беседы нашего источника с банкиром Столфорт, которая происходила на квартире последнего в Нью-Йорке 14.XII.1942 г.

«Столфорт сообщил, что за время нынешней войны он дважды ездил в Берлин по поручению Вашингтона. Первый раз в 1940 г., второй — в 1941 г. в своих предложениях о мире, которые Вашингтон должен был рассмотреть и передать Англии, немцы просили предоставить им свободу действий на Востоке и в создании великогерманского экономического блока, но из этих предложений ничего не вышло, так как Вашингтон выдвинул в качестве контрпредложения требование устранения Гитлера от власти и соглашался обсуждать немецкие условия только в том случае. «Тогда, — сказал Столфорт, — это было для немцев конечно неприемлемым. Теперь — другое дело».

— Это совпадает с миссией Гесса?

— Конечно. А в 1941 г. я уже просил у немцев разрешения приехать без их приглашения, ибо Вашингтон послал меня в Берлин, чтобы выяснить, на каких условиях немцы готовы пойти на мир.

— Вы, кажется, ездили в конце лета 1941 г., когда война с СССР была уже в разгаре?

— Совершенно верно. Я просил Риббентропа принять меня, однако он отказался со мной встретиться и поручил это сделать Герингу. Однако из моей миссии ничего не вышло: немцы тогда были в апогее своей силы, зарвались страшно, их условия были чудовищными. Геринг сказал мне, что первым условием является оккупация Англии. Понятно, тут и разговаривать было не о чем.

— Вы вероятно Риббентропа и Геринга знаете хорошо?

— Да. Если бы Риббентроп разговаривал с Гендерсоном в приличном тоне, не хамил бы с ним так, как он это делал, то они наверняка сговорились бы — в этом я уверен. Если Гитлер будет устранен, власть перейдет к военным, с которыми можно будет вполне сговориться. Геринг будет работать с ними. Для них он свой человек.

— Как по-вашему кончится эта война?

— По-моему, решать ее придется все-таки за столом мирной конференции, так как на полях сражений она не будет решена. Я боюсь, что наступит момент, когда англичане, окончательно поняв, что им даже с нашей помощью не добиться победы, станут договариваться с немцами и заключат с ними мир, т. е. станут вести переговоры именно с немецкими военными кругами. Это единственный путь для англичан сохранить свою империю. Когда они это поймут, то ничто их не остановит, чтобы нас предать.

— А какова будет роль Америки?

— Не Новый Курс и не Рузвельт будут у власти, когда придется заключать мир. Реакция в США растет такая, что Новому Курсу не уцелеть. Американский народ недостаточно сплочен и подготовлен для того, чтобы вынести лишения войны».

Справка о Столфорте

Хотя Столфорт официально не числится директором какого-либо банка, на самом деле за его спиной стоит «Чэйз-Банк», который оплачивает любые чеки, подписанные Столфортом. Столфорт родился в Мексике от немецких родителей и является чистокровным немцем. Вначале он был мексиканским подданным, затем уже взрослым переселился в США и приобрел американское подданство. До 1931 г. он работал в фирме «Харисс, Форбс энд К°». С 1931 по 1937 г. в Нью-Йорке он имел контору, являясь представителем мексиканской фирмы «Мексикано-Хабанеро», рекламирующей мексиканские ликеры. Бюро кредитных справок США, дающее конфиденциальные сведения о платежеспособности и деловой репутации отдельных лиц, сообщило, что с 1938 г. никаких фактов о доходах Столфорта и об их источниках так же, как и о его роде деятельности, получить не удалось. В «Чэйз-Банке», где у него имеется текущий счет, даны строжайшие инструкции никаких сведений о его финансовом положении никому не давать. Судя по образу жизни и расходам Столфорта, у него существует, по-видимому, с 1938 г. довольно серьезный неофициальный источник дохода.

Разоблачения Джозефа Дэвиса (быв. американского посла в Москве), с которыми он выступил 19 января 1943 г. в Лос-Анджелесе на митинге, подтверждают мирные происки немцев в США:

«Летом 1940 г. ряд влиятельных представителей деловых кругов США попросил меня встретиться с весьма влиятельными немецкими деятелями, которые прибыли из Европы с поручением выступить от имени некоторых официальных лиц национал-социалистической партии и военных кругов Германии с мирными условиями, которые были бы приемлемы и отвечали бы разумным требованиям благонамеренных людей. Эти люди гарантировали, что Гитлер уйдет в отставку и что мирный договор будет подписан военным или другим правительством, слову которого Англия сможет поверить. Я дал понять этим джентльменам, что, по моему мнению, заключение такого мира невозможно. Они просили меня передать их послание Рузвельту и Хэллу. Я отказался это сделать. Однако я довел до сведения государственного департамента об этом факте».

Касаясь существа миссии Столфорта в Германии и приезда немецких представителей в 1940 г. в США, наш источник в США делает следующие выводы:

1. Немецкие мирные предложения, переданные США, исходили от правящих кругов Германии.

2. Некоторые крупнейшие банки США были заинтересованы в рассмотрении этих предложений и поддерживали немецких представителей.

3. Поездка Столфорта в 1940 и 1941 гг. в Берлин происходила по инициативе определенных банковских и промышленных кругов США и была согласована с Американским правительством.

Немцы также неоднократно пытались установить контакт с англичанами по вопросу о мире, широко используя с этой целью каналы нейтральных стран.

Официально английское правительство опровергло в печати и по радио сведения о слухах об этих попытках. На деле оно не только не обрывало попыток ведения мирных переговоров со стороны Германии, но и по существу поощряло их, якобы с целью получения информации о намерениях Германии и ее сателлитов. Это видно из того, что 28 октября 1942 г. советник английской миссии в Стокгольме Поллак сообщил нашему резиденту:

(Сведения «...» из Стокгольма,
полученные от «...» 29.X.1942 г.,
никуда не сообщались)

«Соответствующие отделы нашего министерства иностранных дел рекомендуют нам не обрывать переговоры с немцами, венграми и румынами, а тянуть их, чтобы получать информацию».

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «Т» 14.XII.1942 г.,
никуда не сообщались)

Об этом свидетельствует также полученный нами агентурным путем сов. секретный меморандум английского Министерства иностранных дел от 1 июля 1942 г. «О мирных попытках Германии за период с апреля 1941 г. по июнь 1942 г.», предназначенный для ориентировки руководящего состава английской разведки.

В меморандуме указывается, что первая попытка Гитлера предложить Англии компромиссный мир была сделана уже после завершения польской кампании, вторая — после разгрома Франции. Кроме этих попыток значительное количество предложений было получено через правительства нейтральных стран и от отдельных лиц. В меморандуме англ. МИДа перечисляются следующие попытки:

«1. В марте 1941 г. английское посольство в Каире сообщило своему МИДу, что датский посланник в Египте, проезжавший через Анкару, беседовал с фон-Папеном, который сказал, что теперь настало время того, чтобы попытаться натолкнуть шведского короля на мысль стать посредником между Германией и Англией. По данным МИДа, Папен сделал такое предложение шведскому королю ранее в частном письме, но якобы получил отрицательный ответ.

2. 15 июля 1941 г. английский посол в Анкаре сообщил своему МИДу, что английский военный атташе получил от заслуживающего доверия коллеги, связанного с германским посольством, информацию о намерениях немцев заключить компромиссный мир с Англией. Информация эта исходила от фон-Папена.

3. В августе 1941 г. английский посланник в Берне передал епископу Йорскому письмо от немецкого эмигранта доктора Шульце, проживающего в Цюрихе и связанного с церковными кругами в Германии, с предложением от имени последних начать мирные переговоры на базе восстановления границ 1914 года с включением в состав Германии Австрии, Судетов, Мемеля, возвращения Германии ее прежних колоний, отказа от репараций, совместного восстановления оккупированных территорий и учреждения международного контроля и международного экономического совета.

4. В сентябре 1941 г. английское правительство получило через шведского промышленника письмо от Курта Шмидта (быв. министра финансов Германии), в котором говорилось о том, что положение в Германии очень серьезно и что он имеет полномочия от Геринга представить шведам мирные условия, на базе которых германское правительство согласно вести переговоры с англичанами.

5. В начале 1942 г. через посредников в Швейцарии английским МИДом было получено из Германии письмо от Герделера (быв. имперский комиссар по ценам), оппозиционно настроенного к Гитлеру, в котором сообщалось о его связях с генералами Гальдером, Бласковицем, Вицлебеном и Леебом, готовыми совершить в нужный момент переворот с целью устранения нацистских лидеров, роспуска национал-социалистической партии и отвода германской армии из оккупированных стран при условии получения согласия Англии на заключение после переворота мира на сносных условиях.

6. 27 апреля 1942 г. английский посланник в Берне передал в свой МИД, что Шахт и вице-президент Рейхсбанка Пауль на конференции швейцарских банкиров, происходившей в то время в Цюрихе, намекнули на желательность заключения компромиссного мира с Англией и США. Швейцарский источник, от которого были получены эти данные, добавил, что Пауль и его друзья из Рейхсбанка вели с ним беседы в этом направлении ранее в Берлине.

7. В мае 1942 г. в Лондон приезжал Виззер Гуфт — секретарь «Христианского союза молодежи» и «Международного Церковного Совета в Женеве» и от имени группы антигитлеровски настроенных немцев, имеющих своих представителей в германском генконсульстве в Женеве, передал Киркпатрику (из английского МИДа) меморандум, составленный Адамом Трот, в котором говорилось, что эта группа, состоящая из дипломатов, военных, промышленников и церковных деятелей, хотя и представляет незначительное меньшинство Германии, но все же рискнет совершить в скором времени переворот, после которого будет выпущен манифест, осуждающий национал-социализм и провозглашающий возвращение к прежнему порядку. Германские войска должны быть отведены к старым границам; вопрос об Австрии останется открытым до плебисцита. Отношения с Японией будут прерваны. Войска с Восточного фронта будут отведены при получении необходимых гарантий от Англии и США.

8. 4 марта 1942 г. английский посол в Анкаре Хьюгессен сообщил в МИД, что в беседе с Менеменджиоглу последний спросил его: «Неужели не имеется никакой возможности заключить мир?». Он сказал далее: «Хотя союзники могут достигнуть своих военных целей, все же будет лучше прийти к скорейшему взаимопониманию, чем вызвать недовольство всего мира затяжкой войны». Менеменджиоглу сказал, что «во время прошлой войны отдельные лица, не связанные ходом войны, имели возможность выработать приемлемые условия окончания войны. Он лично наметил общие принципы, на базе которых можно было бы прийти к приемлемому решению. Соглашаясь с тем, что с Гитлером договориться невозможно, он отметил, что единственным подходящим для этих целей человеком является фон-Папен».

10 мая Хьюгессен сообщил в МИД, что английский авиационный атташе был вызван срочно к Менеменджиоглу, который заявил, что хотел бы обсудить с ним в частном порядке весьма важный вопрос, не обращаясь к послу, чтобы не придавать этому делу слишком официальный характер. Он сказал, что располагает сведениями о том, что Германия и Россия скоро придут к формальному соглашению, результаты которого будут бедственными для Англии и Турции. Поэтому было бы очень важно, чтобы Англия и Германия пришли к соглашению теперь же, до того как Россия и Германия договорятся между собой. Менеменджиоглу предлагает свои услуги как посредник и считает, что самой правильной линией Англии явится отказ от помощи России при условии, что Германия сделает то же самое по отношению к Японии.

Менеменджиоглу не дал прямого ответа на вопрос атташе о том, обсуждал ли он этот вопрос с Папеном и имеет ли информацию о точке зрения Гитлера, ответив только, что всем известно о том, что фон-Папен является человеком, стоящим за мир, и что он неоднократно делал попытки в этом направлении.

Из этой беседы у атташе сложилось впечатление, что немцы, несомненно, вели переговоры с Менеменджиоглу и что последний имел сведения о точке зрения германского правительства по данному вопросу.

9. 30 апреля 1942 г. Хьгессен сообщил МИДу, что некоторые круги в Анкаре выработали проект мирных условий, который они хотели бы осуществить, чтобы избежать вовлечения Турции в войну. Это стремление, несомненно, было связано с так называемым меморандумом Геринга, поставленным в Стокгольм и содержащим следующие предложения, на базе которых германское правительство соглашалось вести мирные переговоры:

1. Англия и США должны признать германский контроль над Европой, взамен чего Германия рассмотрит англо-американские предложения по применению «нового порядка в Европе».

2. Германия должна аннексировать также русские территории, которые необходимы для обеспечения существования германского народа. Германия должна получить большую часть французских, бельгийских и голландских колоний.

Взамен всего этого Германия согласна:

а) признать английскую империю в ее нынешнем объеме;

б) признать контроль США над Южной Америкой как в политическом, так и экономическом отношении;

в) сотрудничать в создании и регулировании торговли между тремя империями;

г) оказать англо-саксонским силам помощь в оттеснении японцев на прежние границы.

10. 30 июня 1942 г. епископ Чичестерский после возвращения из своей поездки в Швецию сообщил в МИД о том, что в Стокгольме он встречался с двумя антинацистскими протестантскими священниками, которые специально приехали из Германии для свидания с ним. Они сообщили о росте антигитлеровского христианско-либерального движения, которое готовится в ближайшем будущем ликвидировать всех наиболее важных нацистских лидеров. Движение поддерживается генералами Беком, Гаммерштейном, бывш. политическими деятелями Герделером, Шахтом, принцем Луисом Фердинандом и выдающимися церковными деятелями. Цель этого движения — отказ от нюренбергских законов, установление Федерации государств, включая Польшу и Чехословакию, отвод германских войск из оккупированных стран, создание европейской армии для контроля над Европой, отказ от союза с Японией и помощь союзникам для окончания войны на Дальнем Востоке».

(В вышеуказанном меморандуме английского МИДа приведены также другие факты.)

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «...» 14.V.1942 г.,
никуда не сообщались)

По сообщению резидента НКГБ СССР в Лондоне от 24 мая 1942 г. в телеграмме, посланной английским посланником в Бёрне в свой МИД 13 мая 1942 г., указывалось: «Гитлер и другие нацистские лидеры не верят, что англичане не захотят обсуждать с ними какие бы то ни было мирные условия».

(Сведение «...» из Лондона,
полученное от «...» 6.III.1942 г.,
никуда не сообщалось)

По полученным из Лондона 6.III.1942 г. агентурным данным, в процессе кризиса английского кабинета в начале 1942 г., немцы сделали предложение группе правого крыла консервативной партии возобновить начатые Гессом мирные переговоры, если в Англии будет сформировано приемлемое правительство.

Немцы обещали при этом, что Англия в результате этих переговоров получит более благоприятные условия, чем предполагает. От другого источника стало известно, что главной фигурой этих махинаций был бывший английский военный министр Маргессон. В конце 1941 г. Маргессон якобы направил в Лиссабон некоего Замбра с целью обсуждения с немцами условий мирных переговоров между Англией и Германией.

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «...» 23.XII.1941 г.,
никуда не сообщались)

20 декабря 1941 г. шведский банкир Якоб Валленберг, друг Геринга, ездил в Лондон, где пытался зондировать почву среди официальных британских лиц о возможности мирных переговоров между Германией и Англией. В частности, он обращался к английскому министру экономической войны Дальтону.

(Сведения «...» из Стокгольма,
полученные от «...» 17.IV.1942 г. и 1.V.1942 г.,
никуда не сообщались)

По данным, полученным из Стокгольма в апреле и мае 1942 г., 10–11 апреля 1942 г. в Стокгольм из Берлина приезжал немецкий банкир Оппенгейм, связанный с Герингом, с заданием войти в контакт с англичанами в Стокгольме по вопросу о возможности мирных переговоров. Банкир Якоб Валленберг устроил Оппенгейму встречу с пресс-атташе английской миссии Теннантом, которому Оппенгейм объяснил, что быстрое продвижение японцев

беспокоит немцев и что они хотели бы договориться с англичанами о совместном разгроме СССР и Японии. Оппенгейм будто бы никаких результатов не добился, однако, как было установлено, Теннант после беседы с Оппенгеймом 13 апреля вылетел в Лондон.

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «...» 28.V.1942 г.,
никуда не сообщались)

По сведениям, полученным агентурным путем из Лондона в мае 1942 г., Оппенгейм зондировал в Стокгольме почву для англо-германских мирных переговоров.

(Сведения «...» из Стокгольма,
полученные от «...» 27.V.1942 г.,
никуда не сообщались)

Резидент НКГБ СССР в Стокгольме сообщил в мае 1942 г., что известный врач-антифашист Сильвер-Шольд рассказал ему о меморандуме Геринга, полученном в Стокгольме. Геринг выставил якобы следующие условия: Германия заключает священный союз с Англией и США против Японии. Франция как великая держава не будет существовать. Англия сохраняет все свои колониальные владения. Германия получает под свой контроль Европу, включая европейскую часть СССР. Британская Империя будет гарантирована Германией и Америкой.

(Сведения «...» из Нью-Йорка,
полученные от «...» 27.V.1942 г.,
никуда не сообщались)

По мнению осведомленных кругов США, Геринг выступил со своим меморандумом под давлением финансовых и промышленных кругов Германии, которые больше всего боятся того, что в случае затяжки войны произойдет «большевизация Европы». Такие же опасения существуют и среди английских и американских капиталистов, что создает благоприятную почву для ведения мирных переговоров между представителями этих кругов.

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «...» 30.IV.1942 г.,
никуда не сообщались)

По сообщению резидента НКГБ СССР из Лондона в апреле 1942 г. бывший руководитель «И. Г. Фарбениндустри», работающий ныне в Лондоне и связанный с английским МИДом, сообщил нашему источнику, что с помощью Банка Международных расчетов в Базеле, в котором находятся до сих пор представители всех капиталистических государств, в том числе и Германии, представитель последней обратился к англичанам с предложением заключения мира на следующих условиях:

1. Германия очистит все оккупированные ею территории на Западе и на Востоке, включая СССР и Польшу.

2. В Эльзас-Лотарингии в Польском коридоре следует провести плебисцит, а до этого установить над ними международный контроль.

3. Германия уплатит репарации за все причиненные ею разрушения при условии оказания ей финансовой помощи.

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «...» 22.V.1942 г.,
никуда не сообщались)

В мае 1942 г. в Лондон приезжали два швейцарских промышленника Зульцер и профессор Раппард официально для ведения торговых переговоров.

По агентурным сведениям, полученным из Лондона 22.V.1943 г., подлинная задача швейцарской миссии Зульцера и Раппарда в Лондоне заключалась в том, чтобы выяснить,

какова будет послевоенная политика Англии и США в Европе, и сообщить швейцарскому правительству, а через него и немцам о том, на какую поддержку можно рассчитывать в Англии для переговоров с другим правительством в Германии (например, с правительством Шахта) и какие условия англичане выдвинут для ведения такого рода переговоров с нынешним правительством Германии. Не добившись якобы выяснения этого вопроса в официальных английских кругах, Зульцер и Раппард стали искать поддержку со стороны частных лиц. Зульцер, например, пытался установить контакт с некоторыми английскими банкирами.

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «...» 13.V.1942 г.,
никуда не сообщались)

По сообщению из Лондона от 13.V.1942 г., начальник одного из отделений английской контрразведки при даче очередного задания своему агенту — третьему секретарю швейцарской миссии в Лондоне заявил, что Зульцер и его делегация подготавливали в Лондоне почву для мирных переговоров, выступая по поручению группы немецких промышленников и финансистов.

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «...» 19.V.1942 г.,
сообщены в 4 адреса 20.V.1942 г.)

Профессор Раппард сообщил в беседе с нашим источником о целях поездки швейцарской делегации в Лондон следующее: «Некоторые из представителей германской промышленности надеются на возможность заключения мира с Англией и США при условии свержения гитлеровского режима и передачи власти военным. Если же Англия и США воспользуются ослаблением германской военной мощи и нанесут Германии удар, то, победив Германию, Англия и США должны будут все же оказать поддержку германской экономике, так как в противном случае в Германии неизбежен коммунизм».

В ряде агентурных сообщений из различных источников указывалось на активную закулисную деятельность фон-Папена в Турции, который неоднократно пытался при активном посредничестве турок установить контакт с англичанами по вопросу о возможности ведения мирных переговоров.

(Сведения «...» из Турции,
полученные от «...» 1.XII.1942 г.,
никуда не сообщались)

10 ноября 1941 г. фон-Папен в интервью с испанским журналистом Мартином Ангарским заявил, что когда война с Россией вступит в свою последнюю фазу, Германия использует Турцию в целях предложения мира Англии. Фактически Папен проявлял активность в этом направлении на протяжении всей войны.

(Сведения «...» из Анкары,
полученные от «...» 19.III и 24.III–1942 г.,
никуда не сообщались)

По агентурным данным, полученным из Анкары в марте 1942 г., Нумен Менеменджиоглу, бывший в то время генеральным секретарем турецкого МИДа, передал советнику британского посольства в Анкаре Томпсону информацию о посещении турецкого МИДа Папеном, который просил его, Менеменджиоглу, выступить в качестве посредника в мирных переговорах между Англией и Германией. Менеменджиоглу при этом высказал предположение, что мирные предложения исходят не от фон-Папена и его берлинских связей, а от очень высоких лиц в Берлине. Фон-Папен далее, говоря об отсутствии всякого смысла продолжения войны между Германией и Англией, указал на «желтую опасность», заявив, что Германия крайне обеспокоена быстрыми победами японцев.

(Сведения «...» из Анкары,
полученные от «...» 12.XI.1942 г.,
никуда не сообщались)

Резидент НКГБ СССР в Анкаре сообщил в ноябре 1942 г., что сотрудник турецкого телеграфного агентства доктор Нерин Гюн, возвратившийся из Германии, где он в течение трех лет был корреспондентом Анатолийского телеграфного агентства и сотрудником ряда швейцарских газет, в беседе с нашим источником рассказал ему 9 ноября 1942 года следующее: «Достоверно известно, что англичане поддерживают контакт с фон-Папеном. Американцы и англичане считают его наиболее подходящей кандидатурой на пост главы германского правительства, которое должно прийти на смену гитлеровскому правительству. Папен связан с военными кругами. С другой стороны, как известно, Гитлер доверяет Папену больше, чем Риббентропу. После посещения Уилки Турции Папен ездил в Германию, откуда он возвратился с заданием продолжать поддерживать контакт с англичанами и американцами с целью выяснения возможности заключения мира с ними».

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «...» 25.VIII.1943 г.,
сообщены в 3 адреса 29.VIII.1943 г.)

Резидент НКГБ СССР в Лондоне сообщил полученный агентурным путем текст следующей телеграммы британского посла в Турции Хьюгессена от 9 августа 1943 г. в адрес МИДа Англии:

«6 августа 1943 г. growининдел Менеменджиоглу сообщил мне, что фон-Папен несколько раз ясно намекнул о своем предполагаемом возвращении в Берлин для замены Риббентропа, который себя скомпрометировал. Папен также намекнул, что он допускает возможность зондажа со стороны союзников».

(Сведения «...» из Стамбула,
полученные от «...» 12.V.1942 г.,
сообщены в 2 адреса 17.V.1942 г.)

В начале мая 1942 г. английский посол в Анкаре Хьюгессен информировал свой МИД о беседе с Менеменджиоглу. Последний заверил его в том, что, по сведениям турецкого правительства, Советский Союз собирается заключить мир с Германией, покинув Англию на произвол судьбы, и рекомендовал Англии опередить русских и самой заключить мир с Германией. 9 мая 1942 г. Хьюгессен направил в адрес своего МИДа особо секретную телеграмму № 953, полученную нами агентурным путем, в которой изложил беседу английского авиационного атташе с Менеменджиоглу. (Эти данные совпадают с фактами, приведенными в вышеизложенном меморандуме английского МИДа.) Дополнительно в этой телеграмме указывалось, что Менеменджиоглу предложил атташе посредничество турецкого правительства в мирных переговорах Англии с Германией и настаивал на необходимости действовать быстро и даже предложил атташе немедленно полететь на самолете в Лондон и изложить эту точку зрения турецкого правительства Черчиллю.

В своих комментариях Хьюгессен выражает удивление, почему турки думают о возможности изменения позиции Англии, после того как было неоднократно заявлено, что Англия будет продолжать войну до поражения Германии.

12 мая 1942 г. Хьюгессен направил МИДу новую телеграмму, в которой сообщил, что английский авиационный атташе 10 мая вновь посетил Менеменджиоглу и заявил от имени Хьюгессена, что английское правительство желало бы получить доказательство о ведении Советским Союзом переговоров в Германии по вопросу о мире. Менеменджиоглу ответил, что доказать это трудно, к тому же это потребует много времени. Турция знает о России больше, чем Англия, потому что имела с ней дела в течение долгого времени. Он указал, что не надо забывать того обстоятельства, что Турция в свое время предсказала нападение на Россию, чему Англия не хотела верить. Турция и Англия, сказал он, должны быть настороже, чтобы не оказаться захваченными врасплох.

(Сведения «...» из Анкары,
полученные от «...» 19.V.1942 г.,
сообщены в ГРУ Красной Армии)

По данным из Анкары от мая 1942 г., Менеменджиоглу, беседуя с посланником Швейцарии, сказал, что попытки примирить Германию с Англией до сих пор не увенчались успехом, так как Советский Союз представляет собой ощутительную силу.

(Радиоперехват телеграммы
японского посла в Анкаре Курихара
своему МИДу от 21.VIII.1943 г.)

Японский посол в Анкаре Курихара в донесении своему МИДу от 21.VII.1943 г. сообщает, что Менеменджиоглу в беседе с ним сказал:

«Если к зиме линия фронта на Востоке будет прорвана, крушение Германии является неизбежным. Нет сомнения, что Германия желает заключить компромисс или мир с Англией и США. Будущее всецело зависит от хода военных действий. Я уверен, что Германия найдет путь для выхода из создавшегося положения и дело закончится компромиссом или миром».

(Радиоперехват телеграммы
турецкого посла в Испании Тугая
своему МИДу от 18.III.1943 г.)

В своих мирных происках гитлеровское правительство использовало также политических и дипломатических представителей Румынии.

В телеграмме от 18.III.1943 г. турецкий посол в Мадриде Тугай пишет своему МИДу:

«Румынский посланник Димитриеску, с которым я беседовал, несколько раз особенно подробно говорил о пользе соглашения союзников с Германией сепаратно от русских. Я заявил ему, что румынское правительство, если оно хочет работать в пользу мира, должно изучить этот вопрос с нашим правительством или с правительством Испании. Димитриеску ответил: «Румынское правительство согласно вступить в контакт с Вашим МИДом. Но если мы будем действовать официальным путем, то союзники поведут пропаганду в том смысле, что Германия якобы предпринимает шаги к заключению мира. Мы убеждены в том, что заключение мира возможно в результате неофициальной инициативы или в том случае, если несколько государств совместно изучат требования воюющих сторон, выработают мирные условия и предложат их воюющим странам». Для того чтобы уяснить себе военную ситуацию, я рекомендовал посланнику немедленно проявить инициативу. Посланник ответил: «Мы боимся, что Германия скоро ослабнет, поэтому торопимся, могу ли я просить вас вступить по этому вопросу в контакт с влиятельным лицом, не занимающим официального положения?» Я объяснил моему собеседнику, что до получения инструкции от моего правительства и до вручения мне приемлемых для сторон условий мира я не смогу проявить инициативы. Прощаясь, Димитреску сказал, что по вопросу о мире он говорил с папским нунцием и шведским посланником. Из этой беседы я вынес следующее впечатление: 1) не подлежит сомнению, что Бухарест предложил Димитреску проявить эту инициативу по предписанию германского правительства; 2) между пропагандой, ведущейся в Испании, и инициативой румынского посланника существует определенная связь. Немцы хотят создать мнение, что ради спасения Европы они, дескать, предлагают мир, но что их предложения были отклонены; 3) выступление румынского посланника носит также характер зондажа, предпринятого в целях выяснения некоторых обстоятельств».

(Радиоперехват телеграммы
турецкого посланника в Швейцарии
своему МИДу от 19.III.1943 г.)

Турецкий посланник в Швейцарии Кара Османоглу сообщил 19.III.1943 г. своему МИДу следующее:

«Идя навстречу желаниям румынского посланника, я встретился с последним вчера и имел с ним продолжительную беседу. Я знал, что он издавна находится в тесных отношениях с немцами и является ярым сторонником держав оси. Он заявил: «Германия предпринимает серьезные шаги к соглашению с англосаксами. Если англичане и американцы предоставят Германии свободу действий против русских, то немцы пойдут на всяческие уступки им. Пришло время для того, чтобы в этом добром деле Турция сыграла важную историческую роль».

Как известно из сообщений иностранной печати, начиная с сентября 1943 г. в Стамбуле и Анкаре перебывало не менее 30 различных румынских эмиссаров, приезжавших туда для установления контакта с союзниками по вопросу о заключении мира. В Стамбул приезжал быв. румынский министр Джуреску с официальной миссией создания в Турции «Института по изучению Балкан», а на самом деле для зондирования почвы по вопросу о мире. В течение длительного времени в Турции находится румынская княгиня Марта Бибеску, связанная с правящими румынскими кругами, которая установила непосредственный контакт с англичанами и была ими любезна принята.

Кроме приведенных выше данных о мирных происках немцев с помощью турок и румын имеются сведения об активности немцев в этом направлении в Испании, Швеции и Ватикане.

По агентурным сведениям, выступление генерала Франко в Альказаре и испанского министра иностранных дел Хордана в Барселоне в начале 1943 г. в пользу заключения мира между воюющими странами было согласовано с германским правительством.

(Сведения «...» из Стокгольма,
полученные от «...» 28.XI.1943 г. и 5.XII.1943 г.,
никуда не сообщались)

По агентурным данным, полученным от нашего резидента в Стокгольме, в начале ноября 1943 г. в Стокгольм приезжал фон-Кюльман, быв. министр иностранных дел Германии, якобы под предлогом «изучения газогенераторных установок».

В Стокгольме Кюльман провел 5–6 дней и встречался с министром иностранных дел Швеции Гюнтером и другими ответственными работниками шведского МИДа. Одновременно с ним в Стокгольм прибыл из Англии Гарольд Никольсон, который имел якобы специальное задание постоянного заместителя министра иностранных дел Англии Кадогана выяснить позицию шведов по вопросу об их отношении к войне. По словам Никольсона, шведский король и промышленники, с которыми он беседовал, настроены пронемецки и добиваются осуществления переговоров между Германией, Англией и США с целью заключения мира при посредничестве Швеции. Кюльман пытался встретиться с Никольсоном, которого он хорошо знает еще с момента заключения Версальского мира, а также в бытность его советником английского посольства в Берлине, но последний рекомендовал якобы Кульману обратиться в английскую миссию и там договориться об организации встречи. О Никольсоне известно, что он принадлежит к группе английских промышленников, которые стремятся к сохранению после войны сильной Германии. В своих лекциях, прочитанных в Гётеборге в ноябре 1943 г., он выступал против применения к немцам послевоенных репрессий.

Другие источники подтверждают также, что Кольман приезжал в Стокгольм для того, чтобы выяснить возможности заключения мира с англичанами.

Кроме Кольмана в Стокгольм приезжали с этой целью известный немецкий теннисист Крамм и чиновник германского МИДа князь Бисмарк, имеющий через свою жену — дочь шведского архитектора Тенгбома — связи среди шведских деловых кругов.

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «...» 20.V.1943 г.,
сообщены в 3 адреса 26.V.1943 г.)

Гитлеровское правительство активизировало свои мирные происки и в Ватикане. Назначение Вейцзеккера — государственного секретаря германского МИДа послом при Ватикане было расценено в дипломатических кругах как желание германского правительства улучшить

свои взаимоотношения с Папой и использовать его в качестве посредника в переговорах с Англией.

Руководитель чешской военной разведки в Лондоне полковник Моравец передал 18.V.1943 г. резиденту НКГБ СССР информацию о позиции Ватикана, полученную, по его словам, из хорошо информированных немецких источников. Согласно этой информации, цели Ватикана сводятся к следующему:

1. Добиться заключения мира путем переговоров между Англией, США и державами оси в результате своего посредничества в этих переговорах.

2. Любой ценой предотвратить проникновение русского влияния в Европу и изолировать Советский Союз.

3. Использовать международную обстановку для усиления влияния католической церкви.

4. Содействовать восстановлению в Германии власти монархистов и католиков, например Брюнинга.

5. Стремиться к сохранению германской военной машины от полного распада.

Известны также данные о попытках мирного сговора с союзниками со стороны оппозиционно настроенных к гитлеровскому режиму представителей немецких военных кругов и немецкой эмиграции.

В агентурных сообщениях, поступавших в 1941—1943 гг., неоднократно назывались имена генерала Гаммерштейна — командующего немецкими оккупационными войсками в Дании, генерал-полковника Николая Фалькенгорста — командующего немецкими войсками в Норвегии, генерала Томас — начальника экономического отдела германского военного министерства, генерала Хепнера — командующего войсками связи как наиболее оппозиционно-настроенных к гитлеровскому режиму и стремившихся различными путями установить связь с английскими реакционными кругами в целях переговоров об условиях заключения мира через голову Гитлера.

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «...» 23.XI.1941 г.,
никуда не сообщались)

Так, английский министр иностранных дел Антони Иден в своем письме к Никольсону от 13 ноября 1941 г. заявил следующее:

«Старые немецкие генералы не только высказывались против кампании в России, но даже придерживались особой точки зрения в отношении наступления, предпринятого в начале октября. Генерал Гальдер был против этого наступления, а генерал фон-Лееб дважды подавал в отставку. Группа старых генералов предполагает тайно избавиться от Гитлера и затем изобразить его жертвой английского авиарейда. Эти генералы, надеющиеся прийти к власти в Германии, по мнению Бенеша, смогут в подходящий момент договориться с Великобританией».

(Сведения «...» из Стокгольма,
полученные от «...» от 11.VI.1942 г.,
сообщены в 2 адреса 13.VI.1942 г.)

В июне 1942 г. резидент НКГБ СССР в Стокгольме сообщил содержание документа, полученного от венгерского эмигранта Вильгельма Бема (быв. венгерского военного министра, быв. командующего венгерской Красной Армией, ныне проживающего в Стокгольме):

«Группа высших офицеров германской армии, в том числе быв. начальник оперативного отдела генерального штаба при Людендорфе генерал в отставке Ветцель, обратились к Гитлеру с меморандумом, в котором они резко критикуют положение германской армии и предлагают в интересах спасения Германии предпринять немедленные шаги к заключению мира. Авторы меморандума были арестованы гестапо, так как стало известно, что копия меморандума была переслана за границу».

(Сведения «...» из Стокгольма,
полученные от «...» 13.VIII.1942 г.,
сообщены в 2 адреса)

По данным резидента НКГБ СССР в Стокгольме, в первых числах августа 1942 г. группа генералов сделала верховному командованию германской армии представление по поводу дальнейшего ведения войны. В этом документе якобы указывалось, что в то время как Германия будет истощена, Советский Союз будет иметь достаточно людских и материальных резервов для продолжения войны. Поэтому дальнейшее продолжение войны более выгодно Англии, чем Германии.

(Сведения «...» из Стокгольма,
полученные от «...» 27.XI.1942 г. и 14.IV.1942 г.,
никуда не сообщались)

Подполковник Штельце, руководитель отдела транспортных перевозок при командующем немецкими оккупационными войсками в Норвегии, посещающий часто Стокгольм и Берлин, сообщил 14.XII.1942 г. нашему источнику в Стокгольме, что он принадлежит к антигитлеровской оппозиции, состоящей из немецких офицеров в Норвегии. Эта оппозиция ставит своей задачей спасение Германии от разгрома и считает, что это можно сделать путем уничтожения Гитлера и заключения мира с Англией и США.

По сведениям, исходящим из шведских военных кругов, представители этой «группы», действующей под руководством генерала Фалькенгорста, установили контакт с англичанами через шведов.

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «...» 21.IV.1943 г.,
никуда не сообщались)

Руководитель чешской военной разведки в Лондоне полковник Моравец сообщил 21.IV.1943 г. о поездке адмирала Канариса (быв. начальника немецкой военной разведки) в Швейцарию. Перед этой поездкой последний якобы вел какие-то переговоры с быв. командующим германской армией генералом Бек. По мнению полковника Моравец, поездка Канариса была связана с деятельностью военной оппозиции Германии, с которой якобы сблизился Канарис, точнее с возможными переговорами о мире по поручению военных кругов.

(Сведения «...» из Нью-Йорка,
полученные от «...» 17.VII.1943 г.,
никуда не сообщались)

Резидент НКГБ СССР в Нью-Йорке сообщил полученное агентурным путем содержание секретного донесения американской разведки от 25 июня 1943 г., полученного последней из трех источников:

1. От лондонского источника от 8 июня 1943 г. о том, что в Англию через Швейцарию прибыло 4 немецких офицера с предложением уничтожить Гитлера, захватить власть и заключить перемирие с союзниками при условии разрыва с СССР.

2. От другого лондонского источника от 12 июня 1943 г. о том, что немецкие военные круги, выступая в качестве посредников от имени хорошо известных лиц, активно добиваются в Мадриде взаимопонимания между Германией и англо-саксонскими державами. На рассмотрение англичан выдвинуты следующие предложения: ликвидацией нацистской клики займутся военные. Во избежание революции в Германии армия возьмет на себя полицейские функции. С целью предотвращения угрозы в других странах США и Англия должны высадить свои войска в Европе и расположить их между германскими и русскими армиями. Германские войска должны отойти к границам 1939 г. С целью прекращения дальнейшего кровопролития англо-американские войска должны оккупировать Польшу, Прибалтику, Бессарабию, Югославию и Чехословакию.

В этих переговорах с немецкой стороны принимает участие Шахт.

3. От источника в Швейцарии от 23 июля 1943 г. о том, что в Германии раскрыт заговор против Гитлера, в котором участвовали генералы. В числе заговорщиков фигурируют генерал фон-Арним и фельдмаршал Вицлебен.

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «...» 5.I.1943 г.,
никуда не сообщались)

По данным, полученным в Лондоне в начале 1943 г., полковник Роулинсон, начальник 19 отдела английской военной разведки (допросы и обмен военнопленных), представил на рассмотрение начальника британской военной разведки предложение о том, чтобы генералу фон Тома, захваченному англичанами в плен в Северной Африке, было разрешено открыто перейти на сторону англичан. Будхардт, командир первого парашютного батальона, взятый в плен вместе с генералом Тома, на допросе заявил, что англичанам в случае заключения компромиссного мира для достижения англо-германского взаимопонимания будет совершенно необходимым иметь таких людей, как он и генерал фон Тома.

Эти сведения подтверждаются другими источниками.

Советник турецкого посольства в СССР Зорлу 11.I.1943 г. сообщил из Куйбышева в свой МИД следующее:

(Радиоперехват)

«По сведениям, переданным мне весьма авторитетным лицом, генерал фон Тома при встрече с генералом Монтгомери в Северной Африке, после того как он был взят в плен, сказал последнему, что среди германского командования существует оппозиция против Гитлера. Для того чтобы договориться с англичанами, фон Тома был отправлен на специальном самолете в Лондон».

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «...» 6.II.1943 г.,
никуда не сообщались)

В ряде сообщений указывалось на активное участие Шахта в мирных происках.

Английский посланник в Швеции Маллет в своем донесении Идену от 30.XI.1942 г. пишет, что он беседовал с хорошо информированным шведом, имеющим прекрасные связи в немецких правящих кругах. Этот швед недавно возвратился из Берлина, где в частной обстановке встречался с рядом авторитетных лиц, в том числе с Шахтом, который заявил ему, что несмотря на смещение Гитлером большого числа генералов, несогласных с его политикой ведения войны, в Германии все еще имеется значительное количество генералов, которые при определенных обстоятельствах могут возглавить восстание с целью свержения гитлеровского режима. Шахт, по мнению Маллета, является наиболее видной фигурой среди оппозиционно настроенных к гитлеровскому режиму элементов и мечтает о занятии видного положения в послевоенной Германии.

(Сведения «...» из Нью-Йорка,
полученные от «...» 19.VI.1942 г.;
данные «...» из Стокгольма,
полученные от «...» 3.I.1942 г.,
никуда не сообщались)

По ранее полученным сведениям, Шахт неоднократно бывал в Швейцарии, откуда он связался с немецкими эмигрантами-финансистами, в частности со Штольнером, быв. редактором «Фольксвирт» Яйдельсом, быв. директором «Берлинер Хандельсгезельшафт», а также с руководителем «Стандарт-Ойль» и рядом американских банкиров, в частности с вышеупомянутым Столфортом.

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «...» 23.IX.1943 г.,
никуда не сообщались)

По непроверенным данным, немецкие военные круги в начале апреля 1943 г. пытались начать переговоры с союзниками о перемирии при посредничестве племянника Шахта доктора Ганса Рузера, который является агентом английской разведки. Эти переговоры якобы имели место вблизи города Биарриц, недалеко от франко-испанской границы.

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от д-ра Эдуарда Бенеша
22.XII.1942 г.,
никуда не сообщались)

По сведениям, исходящим от Бенеша, некоторые германские промышленники ведут активную подготовку к секретным переговорам с англичанами по вопросу о мирных условиях, которые гарантировали бы сохранение военной и экономической структуры Германии в ее довоенных границах. В частности, в этой связи рассматривается отставка Гюнтера Генлея, главного управляющего концерна Клокнера.

(Сведения «...» из Лондона,
полученные от «...» 4.X.1942 г.,
никуда не сообщались)

Отдельные деятели немецкой эмиграции в Англии и США неоднократно пытались установить контакт с официальными представителями союзных правительств с целью выяснения возможности мирных переговоров от имени Германии.

Осведомленный немецкий социал-демократ Менне, имеющий хорошие связи с лейбористской партией и лордом Ванситтартом, сообщил нашему источнику, что в октябре 1942 г. в Лондоне происходили предварительные переговоры между британскими официальными лицами и некоторыми эмигрантскими немецкими кругами в Лондоне по вопросам о мире.

Немецкая сторона была представлена Демусом, выступавшим от имени Брюнинга и Золмана (находящихся в США), Отто Брауна (с.-д., быв. премьер-министра Пруссии, проживающего в Швейцарии), Отто Штрассера (проживающего в Канаде) и генерала Гаммерштейна (командующего оккупационными войсками в Дании). С английской стороны в переговорах участвовали: Киркпатрик из английского МИДа (был в 1933–1938 гг. первым секретарем английского посольства в Берлине, беседовал с Гессом сразу же по прибытии последнего в Англию), Джоном Беннетом, заместителем председателя комитета информации Королевского института международных отношений, и Инграмом, чиновником связи в министерстве экономической войны.

Менне рассказал также, что одновременно с этим англичане вели переговоры с некоторыми представителями германской армии о сепаратном мире.

Отто Браун подтвердил нашему источнику, что связь с генералом Гаммерштейном действительно была им установлена и что переговоры с англичанами имели место.

(Сведения «...» из Нью-Йорка,
полученные от «...» 6.X.1943 г.,
никуда не сообщались)

По данным, полученным из США, американский сенатор Уиллер Бенет 18 и 19 сентября 1943 г. беседовал с Брюнингом и Тревиранусом о положении Германии. Последние заявили ему, что они страшатся возможного вторжения русской армии на германскую территорию и превращения Германии в вассала России и поэтому приветствовали бы соглашение между западными державами и немецким генералитетом. В случае если в результате государственного переворота в Германии у власти встанет военное правительство, Брюнинг и Тревиранус готовы пойти ему навстречу.

(Сведения «...» из Вашингтона,
полученные от «...» 13.I.1944 г.,
никуда не сообщались)

В одной из бесед с нашим источником, происходившей в начале января с. г., Брюнинг заявил:

«Германия находится в очень тяжелом положении. Возможно, что в ближайшие три месяца Гитлер будет свергнут генералитетом. Однако генералы не смогут предотвратить в Германии хаос. Спасение Германии заключается в установлении умеренно-консервативного правительства во главе, например, с Шахтом, Бумке (председатель Имперского суда) или адмиралом Редером. Есть опасения, что Германия будет разделена на две сферы влияния: восточную — русскую и западную — английскую. Влияние США роли играть не будет, так как США скоро изолируют от европейских проблем. Русским обещано влияние на Балканах и в Чехословакии. Союзники надеются укрепить свое влияние в Австрии путем использования Габсбургов».

Брюнинг заявил далее, что он еще не принял решения, вернется ли он в Германию, чтобы принять участие в формировании там правительства, но он «никогда не согласится участвовать в «квислинговском» правительстве, лишенном самостоятельности и действующем по приказам Москвы и Лондона».

По словам Брюнинга, накануне войны близко стоящие к немецкой армии зондировали его согласие на сотрудничество с ними, но он якобы отказался от этого предложения, так же как он это сделал в 1941 г., когда англичане будто бы также предлагали ему сотрудничать с ними.

Архив СВР. Д. 138612. Т. 1. Л. 170–187. Рассекречено.

№ 27

ДОКЛАД НАЧАЛЬНИКОВ ОРГАНОВ РАЗВЕДКИ НКО, НКГБ И НКВМФ О СОВРЕМЕННОМ ПОЛОЖЕНИИ ГЕРМАНИИ И ЕЕ ВОЗМОЖНОСТЯХ НА ДАЛЬНЕЙШЕЕ ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ

18 декабря 1944 г.

В июне 1944 г. начальниками центральных органов разведки НКО, НКГБ и НКВМФ был представлен доклад о положении Германии и ее вероятных планах ведения войны.

Сформулированная в докладе оценка состояния Германии подтвердилась ходом событий в основных своих пунктах.

Настоящий документ представляет собой второй объединенный доклад тех же центральных органов разведки.

Он составлен с целью доложить Государственному Комитету Обороны изменения в положении Германии, происшедшие в результате крупных поражений, понесенных немецкой армией в летне-осенней кампании 1944 г., и возможности, которыми располагает Германия на дальнейшее ведение войны.

I. ВОЕННЫЕ, ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИТОГИ ЛЕТНЕ-ОСЕННЕЙ КАМПАНИИ 1944 г. ДЛЯ ГЕРМАНИИ

В ходе летне-осенней кампании 1944 г. произошло дальнейшее ухудшение военного, экономического и политического положения Германии, обусловленное:

— новыми крупными поражениями ее армии на фронтах;
— изгнанием немцев с временно оккупированной территории СССР;
— потерей ранее оккупированных стран на Западе;

— выходом сателлитов из войны на стороне Германии и участием их в войне на стороне союзников;

— перенесением военных действий на территорию собственно Германии и продолжающимися разрушительными бомбардировками ее жизненных центров авиацией союзников.

1. В области вооруженных сил

За шесть последних месяцев военных действий (с 1.6.44 по 1.12.44) безвозвратные потери немецкой армии на всех фронтах составили:

— в людском составе — до 2000 тыс. человек,
в том числе на советско-германском фронте — до 1500 тыс. человек,
вне его — 500 тыс. человек;
— в танках — до 7000 танков,
в том числе на советско-германском фронте — 5500 танков,
вне его — 1500 танков;
— в самолетах — до 10 000 самолетов,
в том числе на советско-германском фронте — 6000 самолетов,
вне его — 4000 самолетов;
— в военно-морских силах:
линкоров — 1
эсминцев и миноносцев — 22
сторожевых кораблей и тральщиков — 450
торпедных и сторожевых катеров — 107
подводных лодок — 96
десантных судов — 150
вспомогательных судов — 142.

За это же время было уничтожено и разгромлено 132 немецкие дивизии и бригады, в том числе 95 на советско-германском фронте и 37 вне его.

Выход из войны сателлитов Германии, на ресурсы которых последняя возлагала большие надежды в 1944 г., в значительной степени ослабил военную мощь и привел к сокращению вооруженных сил фашистской коалиции:

в количестве соединений — на 64 дивизии и бригады (в том числе финских — 27, румынских — 37);

в самолетах — на 750 самолетов;

в военно-морских силах — на 58 надводных кораблей (сторожевые корабли, тральщики, эсминцы, миноносцы, мониторы) и 12 подводных лодок.

Из 64 соединений, входивших в состав финской и румынской армий, на советско-германском фронте в отдельные периоды находилось более 50 дивизий и бригад, что составляло свыше 20% к боевому составу войск противника, действовавших к 1.6.44 перед фронтом СССР.

Разгром в ходе летне-осенних операций 1944 г. небывало большого количества немецких соединений (в сравнении с операциями за такой же срок в кампаниях предыдущих лет), а также отсутствие готовых формирований для их замещения создавали для немецкого командования обстановку, при которой оно было вынуждено форсировать восстановление разгромленных и формирование новых соединений.

За время с 1.6.44 по 1.12.44 на всех фронтах выявлено 57 вновь сформированных и 65 восстановленных соединений (дивизий и бригад), а всего — 122 соединения (за время с 1.1.44 по 1.6.44 было сформировано всего лишь 19 и восстановлено 15 соединений, а всего 34 соединения).

Заслуживает внимания при этом также тот факт, что среди выявленных соединений, сформированных в период 1.6.44–1.12.44, свыше 40% составляют бригады различных типов. Это указывает на поспешность формирований, недостаток людских ресурсов и вооружения.

2. В области экономического положения

В результате выхода из войны сателлитов и освобождения большей части оккупированных ранее немцами стран, а также под влиянием экономической блокады и авиабомбардировок

произошло, как и предусматривалось нашим докладом от 1.6.44, значительное сокращение сырьевой базы германской экономики, которое на основе анализа наших агентурных материалов и материалов Министерства Экономической Войны Англии и Управления Экономической Войны США выражается в следующих размерах:

Виды сырья	Сокращение годового поступления	
	в тыс. т	в % к общей потребности Германии
Жидкое горючее	на 8000	свыше 50,0
Железная руда	на 52 000	65,0
Каменный уголь	на 160 000	32,0
Легирующие металлы	–	20–80
Зерновые культуры	на 2000	15,0
Мясо	на 350	20,0
Жиры	на 100	10,0

Вместе с этим Германия потеряла и значительные производственные мощности:

— по стали 47%. Было на 1.6.44 — 51,9 млн т; потеряно к 1.12.44 — 24,4 млн т, в том числе: во Франции — 10 млн т, Бельгии и Люксембурге — 7 млн т;

— по самолетостроению 12%. За счет потери французских авиазаводов (275 самолетов в месяц);

— по отдельным видам стрелково-артиллерийского вооружения 20–25%. Главным образом за счет потери франко-бельгийских заводов;

— по военному судостроению и судоремонту 40%. За счет сужения сырьевой базы, нехватки рабочей силы, а также вследствие систематических бомбардировок судостроительных предприятий.

3. В области политического положения

Дальнейшее ухудшение внутреннего и внешнеполитического положения Германии выражается:

а) в окончательном крушении надежд на успешное завершение войны, в результате чего скрытый внутриполитический кризис вылился в форму открытой попытки спасти германский империализм за счет гитлеровского режима (заговор 20 июля);

б) в дальнейшем усилении оппозиционных настроений во всех слоях немецкого населения, вследствие:

— продолжающегося ухудшения экономического положения населения,

— проведения новых мероприятий по тотальной мобилизации, охватывающих в настоящее время и привилегированные слои населения,

— реэвакуации немецкого населения из оккупированных Германией стран, что еще больше усиливает и без того уже острый жилищный кризис, дезорганизует работу железнодорожного транспорта и затрудняет организацию снабжения населения,

— роста репрессий со стороны правящей клики;

в) в отсутствии каких бы то ни было перспектив на помощь со стороны Японии;

г) в дальнейшем отходе от Германии нейтральных стран, что ведет к завершению ее полной внешнеполитической изоляции.

II. СОВРЕМЕННОЕ СОСТОЯНИЕ ГЕРМАНИИ И ЕЕ ВОЗМОЖНОСТИ НА ДАЛЬНЕЙШЕЕ ВЕДЕНИЕ ВОЙНЫ

1. Состояние военно-экономического потенциала

Анализ наших агентурных данных и секретных документов различных иностранных разведок (английской, американской, французской и чехословацкой), а также трофейных документов и показаний военнопленных подтверждает вывод нашего доклада от 1.6.44 о

том, что к концу 1944 г. следовало ожидать дальнейшего ухудшения военно-экономического положения Германии; причем, как показывают ниже приведенные данные, современное состояние германской экономики характеризуется гораздо большим снижением промышленного производства вообще и военного производства в частности (за исключением самолетостроения), чем это нами предполагалось.

а) Положение с рабочей силой

За истекший период в связи с изъятием военногодных контингентов из промышленности в армию происходило дальнейшее обострение положения с рабочей силой, что подтверждается как агентурными данными, так и показаниями пленных.

Недостаток рабочих рук немцы по-прежнему пытаются покрыть привлечением в народное хозяйство новых иностранных рабочих и военнопленных (количество которых, по уточненным данным, к 1.12.44 составляет около 12 млн человек вместо 10,1 млн человек к 1.6.44), а также вовлечением в промышленность при помощи тотальных мобилизаций новых категорий населения.

Последняя тотальная мобилизация, проводимая Германией с июля 1944 г. за счет привлечения к трудовой повинности женщин в возрасте от 45 до 50 лет, а также за счет закрытия предприятий необоронного характера, коренной перестройки аппарата обслуживания нужд населения и частичной реорганизации административного аппарата, по расчетным данным ГРУ КА, даст для военной промышленности 700—800 тыс. человек, что ни в количественном, ни тем более в качественном отношении не покроет дефицита мужской рабочей силы, изъятой в армию.

б) Сырьевая база

Жидкое горючее. По расчетным данным ГРУ КА, основанным на агентурных материалах, общее годовое поступление жидкого горючего, вследствие отпадения ряда источников поступления (Румыния, Западная Украина, Франция и Польша), а также авиабомбардировок заводов синтетического горючего, сократилось до 8 млн т, что составляет лишь около 50% общего поступления на начало 1944 г. По тем же данным, общее потребление жидкого горючего в Германии на 1.12.44 уменьшилось с 15 млн т до 12 млн т в год, что объясняется некоторым сокращением численности вооруженных сил, отпадением необходимости снабжать горючим ранее оккупированные территории и бывших сателлитов, а также дальнейшим сокращением невоенного потребления.

Агентурные данные, трофейные документы и показания военнопленных свидетельствуют о том, что Германия уже испытывает такой недостаток горючего, который начинает влиять на ход военных действий. Так, например, некоторые авиачасти продолжительное время не производят полетов ввиду отсутствия горючего.

Разрыв между поступлением и расходом жидкого горючего в 4 млн т покрывается пока что за счет исчерпания запасов, имевшихся на 1.6.44 в количестве 8100 тыс. т. Полного исчерпания запасов можно ожидать в начале 1945 г., после чего для Германии наступит критическое положение с жидким горючим.

Каменный уголь. Добыча угля в собственно Германии и Австрии составляет около 250 млн т (с учетом снижения добычи угля в Рурском районе на 50%). Однако с учетом Чехословакии (около 30 млн т в год) и Западной Польши (30 млн т) Германия сможет добывать при условии сохранения Рурского бассейна в год до 300—310 млн т и обеспечивать этим свои важнейшие потребности.

Железная руда. В Германии (вместе с оккупированными территориями) за 1944 г. будет добыто 28—29 млн т железной руды при минимальной потребности только для военной промышленности 36 млн т в год. Дефицит железной руды определяется таким образом в 7—8 млн т (20—22% от минимальной военной потребности). Это обстоятельство заставило немцев уже сейчас предпринять такие же меры по мобилизации вторичного и бытового металла внутри самой Германии, какие они раньше применяли в оккупированных странах.

Сталь. В начале 1944 г. выплавка стали составляла около 35 млн т в год, в том числе 3,5—4 млн т спецстали. Вместо предполагавшейся нами годовой выплавки стали к концу

1944 г. в 30 млн т выплавка стали в Германии на 1.12.44 идет, по расчетным данным, на уровне 16 млн т, т. е. уменьшилась примерно на 50% (с учетом влияния авиабомбардировок и начавшейся эвакуации Рурского района).

Несмотря на жесткое сокращение невоенного потребления, Германия уже не может за счет текущего производства полностью удовлетворять самые первоочередные военные нужды (минимальная потребность — 18 млн т). Захват же союзниками Рурского промышленного района, где сосредоточено 43% общегерманской добычи каменного угля и 68% производства стали, окончательно подорвет базу военной промышленности Германии.

Легирующие металлы. В обеспечении промышленности легирующими металлами имеет место дальнейшее ухудшение, что подтверждается многочисленными агентурными сообщениями. Степень удовлетворения минимальных потребностей в легирующих металлах характеризуется следующими данными:

	Годовое поступление (в т.)	% удовлетворения потребности
Никель	2500	35
Молибден	500	50
Ванадий	500	45
Кобальт	120	50
Марганец	79 000	40

Удовлетворение потребности в вольфраме (3500 т в год) и хроме (47 000 т в год) происходит в последние месяцы 1944 г. только за счет переходящих запасов (по вольфраму, по уточненным данным, на 1.7.44 было 1400 т; по хрому — 24 000 т), которые к началу 1945 г. будут близки к исчерпанию.

Цветные металлы. По меди Германия уже испытывает дефицит примерно в 20% (общегодовое поступление и наличный запас — 200 тыс. т, потребность — 260 тыс. т). Имевшиеся к 1.1.44 запасы бокситов (1 млн т) обеспечивают минимальные потребности в них (1 млн т в год) только до мая 1945 г.

в) Военная промышленность

Самолетостроение. В первом докладе, представленном нами в июне 1944 г., цифра предполагаемого среднемесячного выпуска боевых самолетов авиапромышленностью Германии во второй половине 1944 г. была определена в 1400 самолетов.

По агентурным данным ГРУ КА, фактический выпуск боевых самолетов в этот период составлял 1800 самолетов в месяц, так как немцы за счет сокращения выпуска бомбардировщиков (на 50% по сравнению с январем 1944 г.) значительно повысили выпуск истребителей, преимущественно одномоторных (на 91% больше, по сравнению с выпуском в январе 1944 г.).

Выпуск самолетов на ближайшее время будет поддерживаться, по-видимому, на этом же уровне, т. е. составит около 1800 боевых самолетов в месяц.

Танкостроение. Вследствие значительного сокращения сырьевой базы и поставок полуфабрикатов, недостатка квалифицированной рабочей силы и влияния авиабомбардировок выпуск танков (вместе с самоходными орудиями) на 1.12.44 составляет 650–750 единиц в месяц против 800–900 в месяц в первой половине текущего года (снижение на 20–25%). В результате такого снижения выпуска танков Германия не в состоянии в настоящее время удовлетворить потребности своей армии, в силу чего танковые соединения имеют большой некомплект в материальной части.

По агентурным данным ГРУ КА от 6.10.44, танкостроительные заводы Германии в целях повышения производства танков ввиду острого их недостатка летом 1944 г. были отнесены к группе предприятий, выполняющих особо спешные заказы (высший приоритет).

Судостроение. По данным РУ ГМШ ВМФ, производственные возможности судостроительной промышленности Германии сократились: для боевых кораблей — с 200 000 т до 120 000 т в год, а для торговых судов — с 500 000 т до 250 000 т.

В течение ближайших месяцев следует ожидать пополнения флота новыми боевыми единицами в пределах до 10 000 т ежемесячно, что позволит вводить в строй из числа строящихся:

эсминцев и миноносцев — 2,
тральщиков — 8,
подводных лодок — до 10 (главным образом, очевидно, малых типов),
катеров разных — 15,
десантных судов — 4–5.

Производство стрелково-артиллерийского вооружения. Имеет место дальнейшее сокращение производства стрелково-артиллерийского вооружения. Месячный выпуск его по состоянию на 1.12.44 составляет:

Наименование видов вооружения	На 1.1.44	На 1.12.44	Снижение выпуска в % к 1942 г.
Винтовки (в тыс.)	240	200	33,4
Пулеметы (в тыс.)	20	15	40,0
Орудия всех калибров (в тыс.)	4	3	40,0
Порох (в тыс.)	22	18	22,0

Химическая промышленность. Химическая промышленность, несмотря на снижение основных видов своей продукции (по хлору — на 30% от 1943 г., по азоту — на 32%, по серной кислоте — на 53%), все же в состоянии обеспечить потребности производства боеприпасов и ОВ.

г) Состояние железнодорожного транспорта

Напряжение железнодорожного транспорта, имевшее место в 1943 г. и начале 1944 г., не получило дальнейшего обострения, что объясняется значительным сокращением протяженности коммуникаций.

По расчетным данным ГРУ КА, Германия на 1.12.44 (вместе с оккупированными территориями) располагала следующим количеством подвижного состава:

	Количество (в тыс.)	Сокращение выпуска % к 1942[1] г.
Паровозов	40	45
Пассажирских вагонов	90	45
Товарных вагонов	866	58,3

[1] Сноска в документе: «1942 г. — год максимального выпуска германской промышленностью военной продукции».

Одновременно с этим уменьшилась и сама сеть железных дорог (на 58,3%). Такое сокращение железнодорожной сети при жестком регулировании движения дает немцам возможность ослабить напряжение в работе железнодорожного транспорта.

д) Продовольственное положение

К осени 1944 г. продовольственное положение Германии резко ухудшилось. Это выражается в снижении калорийности питания населения:

— до 1600 калорий по группе основных взрослых потребителей (около 55% городского населения) против нормального суточного рациона в 2600–2800 калорий;

— до 2250 калорий по группе рабочих тяжелых профессий (10% городского населения) против 3000–4000 калорий нормального суточного рациона;

— до 2900 калорий по группе рабочих особо тяжелых профессий (2,7% городского населения) против 4000–5000 калорий нормального суточного рациона.

Суточный рацион действующей немецкой армии пока что поддерживается на уровне 3300—3500 калорий.

В 1944—1945 сель.-хоз. году неизбежно дальнейшее ухудшение продовольственного положения в силу следующих основных причин:

— потери продовольственных ресурсов оккупированных и вассальных стран;

— сокращения урожая, который по ржи и пшенице уменьшился в 1944 г. на 0,5—1,0 млн т, или на 5—10% по сравнению с урожаем 1943 г. (11,0 млн т);

— полного истощения переходящих запасов жиров и уменьшения запасов хлеба (с 6,3 до 2—3 млн т, т. е. с шестимесячной до двух-трехмесячной потребности).

Дефицит продовольственного зерна на 1944—1945 сель.-хоз. год намечается примерно в 2,5—3 млн т (расход — 13,5 млн т, валовой сбор — 10,5—11 млн т).

2. Положение с людскими ресурсами

Положение с людскими ресурсами в Германии на 1.12.44 характеризуется следующими данными.

Из имевшихся в Германии военногодных в возрасте 18—55 лет (1926—1889 гг. рождения) 19 400 тыс. человек:

— отмобилизовано в армию к 1.12.44 16200 тыс. человек;

— остаток военногодных указанных возрастов в количестве 3200 тыс. человек забронирован в народном хозяйстве, госаппарате и является неприкосновенным минимумом, призыв которого явится крайней мерой.

Большие потери, а также исчерпание возможностей призыва в армию основных военногодных контингентов в возрасте 18—55 лет поставили немецкое командование перед необходимостью уже в 1944 г. призвать в армию полностью контингент рождения 1927 г. и до 70% лиц рождения 1928 г.

Всего за время с 1.6.44 по 1.12.44 в армию было призвано до 1,8 млн человек, в том числе:

— до 500 тыс. человек военногодных в возрасте 18—55 лет,

— до 100 тыс. человек в возрасте 55—60 лет,

— до 600 тыс. человек рождения 1927 г. (частично находятся уже в действующей армии),

— до 400 тыс. человек рождения 1928 г. (находятся на военной подготовке) и до 200 тыс. человек немцев, проживавших в странах сателлитах («фольксдойче»).

Мобилизационное напряжение Германии к 1.12.44 достигло 21,9% против 19,9% на 1.6.44 и 19,6% к концу первой мировой войны.

Реальным людским резервом, которым на ближайшее время может располагать немецкое командование, явятся остатки лиц 1928 г. рождения в количестве до 200 000 человек, пока еще не призванные в армию, но в основной массе находящиеся еще на военной подготовке и поэтому не числящиеся в войсках.

Кроме того, в Германии имелось до 1 млн человек (исключая совершенно негодных) в возрасте 56—60 лет, из которых до 1.12.44 было уже призвано в армию до 200 тыс. человек и, учитывая напряженность с людскими ресурсами, может быть в дальнейшем призвано еще до 200—300 тыс. человек.

Пополнение действующих частей и формирование новых соединений в последующем может производиться лишь при условии:

— дополнительного изъятия военногодных из числа забронированных в народном хозяйстве, полиции и госаппарате,

— дальнейшего свертывания армии резерва, сокращения тыловых органов и различных специальных и строительных частей.

Создание в Германии «фольксштурма» (народного ополчения), предусматривающее поголовную мобилизацию лиц мужского и некоторой части женского пола в возрасте 16—60 лет, может несколько увеличить силы, ведущие борьбу. Однако ввиду отсутствия достаточного количества командных кадров и вооружения, требуемых для организации многочисленных частей «фольксштурма» и их подготовки, последние существенного влияния на усиление вооруженных сил Германии не окажут.

3. Состояние вооруженных сил Германии

На 1.12.44 общая численность вооруженных сил Германии составляла до 8000 тыс. человек (против 8200 тыс. человек на 1.6.44) и ориентировочно распределялась следующим образом (в тыс. человек):

	Сухопутная армия	Части ВВС и ПВО	Части ВМС	Вспомогательные части и в госпиталях	Всего
Вооруженные силы на советско-германском фронте	2800	400	150	–	3350
Вооруженные силы на западно-европейском фронте	950	400	50	–	1400
Вооруженные силы на остальных театрах военных действий и внутри Германии (в том числе армия резерва)	1350	700	–	–	2050
Раненые и больные, находящиеся на излечении в госпиталях	–	–	–	1000	1000
Строительные части организации ТОДТ	–	–	–	200	200
Итого	5100	1500	200	1200	8000

Танковый парк немецкой армии, вследствие продолжающегося недопокрытия военной промышленностью потерь, уменьшился и на 1.12.44 распределялся:

на советско-германском фронте — 2700 танков,

вне советско-германского фронта — 1300 танков,

Всего: 4000 танков (против 6500 на 1.6.44).

Парк боевых самолетов немецкой армии на 1.12.44 насчитывал в своем составе 6600 самолетов (против 6100 самолетов на 1.6.44) и распределялся:

на советско-германском фронте — 1500 самолетов,

вне советско-германского фронта — 5100 самолетов (в том числе 1400 в парковом ремонте и не отмечающихся частях).

Увеличение самолетного парка немецких ВВС к 1.12.44 (по сравнению с 1.6.44) произошло главным образом благодаря снижению потерь в авиации в последние два месяца 1944 г., вследствие ее незначительной активности в воздухе.

При этом также следует учесть, что во второй половине 1944 г. немцам удалось за счет сокращения выпуска бомбардировщиков повысить выпуск истребителей. Последнее находит свое отражение в следующем изменении соотношения типов самолетов в немецких ВВС:

	на 1.6.44	на 1.12.44
Всего самолетов	6100	6600
в том числе:		
бомбардировщиков	2160 (35%)	1500 (23%)
истребителей	3030 (50%)	4480 (74%)

Укомплектованность соединений (дивизий) личным составом продолжает сокращаться и на 1.12.44 в среднем в пехотных, танковых и моторизованных дивизиях составляла 55–60% штатной численности против 70% на 1.6.44.

Положение с обеспечением немецкой армии материальной частью и вооружением характеризуется значительным снижением укомплектованности ими соединений и частей.

Это снижение выражается:

для танковой дивизии — с 60–65% на 1.6.44

— до 50% на 1.12.44;

для артиллерийских частей — с 70–75% на 1.6.44

— до 65% на 1.12.44.

Военно-морской флот Германии

Численный состав военно-морского флота Германии, учитывая боевые потери на морях и новое строительство, а также выход из войны флота сателлитов, представляется в следующем виде:

Классы кораблей	Находятся в строю на 1.12.44	Группировки флота на театрах (из общего числа кораблей в строю)				
		Северный театр	Балтийский театр	Базы Северного моря	Французские порты	Средиземноморский театр
Линкоры	3 (в том числе 2 учебные и 1 в ремонте)	–	3	–	–	–
Крейсеры	8	–	8	–	–	–
Эскадренные миноносцы и миноносцы	49	11	33	5	–	–
Сторожевые корабли, тральщики и катера	до 690 (в том числе и переоборудованные)	188	до 300	106	92	–
Подводные лодки	до 650	до 100	до 250	до 100	?	10
Торпедные катера	свыше 130	до 20	70	24	16	?
Десантные суда	свыше 350	80	до 200	30	40	?

В связи с изменившейся к осени 1944 г. обстановкой на морских театрах основные силы надводного флота были переключены на подготовку к обороне побережья в Балтийском море.

Вооруженные силы Венгрии

На 1.12.44 вооруженные силы Венгрии, продолжающей пока что борьбу на стороне Германии, составляют:

соединений (дивизий и бригад) — 20;

танков — 130;

самолетов — 200.

4. Политическое положение

Основными факторами, определяющими современное политическое положение Германии, являются:

а) Дальнейшее нарастание напряжения на ее внутреннем фронте, выражающееся главным образом в росте оппозиционных настроений во всех слоях немецкого населения.

Убедившись в неизбежности военного разгрома Германии, некоторые консервативные буржуазные и военные круги предприняли попытку спасти империалистическую Германию ценой гитлеровского режима. Эта попытка вылилась в покушение на Гитлера 20 июля 1944 г., осуществленное нелегальной оппозиционной организацией, которая носила узко-заговорщицкий характер и не была связана с массами.

Основные цели оппозиции заключались в устранении Гитлера и его ближайшего окружения, установлении военной диктатуры и заключении компромиссного мира с англичанами и американцами.

Рост оппозиционных настроений немецкого населения характеризуется, в частности, следующим: германская служба безопасности (СД), специально изучив настроения немецкого народа, пришла к выводу, что в настоящее время в Германии только 50–60% населения беспрекословно выполняют и впредь будут выполнять указания партии, 30% населения недовольны существующим режимом, но не представляют опасности, и 10–20% ненадежны и опасны.

Несмотря на разгром оппозиции и усиление террора в стране, оппозиционные элементы в буржуазных и военных кругах могут повторить попытку создания нелегальной организации с целью свержения гитлеровского режима и заключения компромиссного мира.

Оппозиционные элементы продолжают зондировать возможность заключения мира, рассчитывая на то, что изменение состава германского правительства все же сможет склонить англичан и американцев к более приемлемым для Германии мирным условиям.

б) Еще большая концентрация власти в руках узкой партийной верхушки — Гитлер, Гиммлер, *Борман, Геббельс, Шпеер.*

Особенно возросла роль Гиммлера, который в качестве министра внутренних дел, руководителя СС и начальника полиции сосредоточил в своих руках руководство всеми административными и карательными органами. Являясь генеральным уполномоченным по администрации, он осуществляет контроль над всем государственным аппаратом и законодательством страны, а будучи командующим резервной армией и начальником вооружения, руководит формированием, вооружением армии и всеми ее тыловыми учреждениями.

На Гиммлера возложена также внутренняя оборона Германии и создание нацистского подполья для продолжения борьбы в случае окончательного поражения.

в) Подготовка организации нацистского подполья, создаваемого в целях сохранения нацистских кадров, распространения нацистской идеологии и подготовки новой агрессии.

Для ведения партизанской войны на территории Германии готовится специальный партизанский корпус. Кроме того, намечается создание партизанских отрядов из остатков регулярной армии и местных подразделений «фольксштурма».

Для ведения политической, разведывательной и подрывной работы внутри и вне Германии проводится подготовка к созданию конспиративных нацистских организаций.

Подготавливается также внедрение в органы послевоенной германской администрации и в различные политические организации, в частности в компартию.

В целях создания подпольных организаций за границей широко используется «невозвращенчество» в Германию из нейтральных стран, внедрение нацистов в среду военнопленных и иностранных рабочих.

Для финансирования всех этих мероприятий на протяжении всего 1944 г. в иностранные государства, главным образом в Швейцарию, Португалию и Аргентину, переводятся крупные суммы денег.

г) Дальнейшее ухудшение внешнеполитического положения Германии.

Гитлеровское правительство в июле 1944 г. следующим образом определяло внешнеполитические задачи Германии: добиться укрепления дружественных связей и единства со своими союзниками, поддерживать благоприятное к Германии отношение в нейтральных странах и чинить всяческие затруднения в отношениях между Объединенными Нациями.

Удары Красной Армии и открытие второго фронта в Европе привели к провалу этих планов, к развалу гитлеровского блока и к внешнеполитической изоляции фашистской Германии.

Дружба Японии с Германией принимает все более символический характер. Японские правящие круги, которые раньше были склонны играть посредническую роль в заключении Германией сепаратного мира с СССР, в настоящее время считают, что такие перспективы совершенно не реальны, поскольку «политический компромисс ни со стороны англо-американцев, ни со стороны Советского Союза невозможен».

Нейтральные страны все более отходят от Германии политически, что нашло свое отражение в разрыве дипломатических отношений с Турцией, в просоюзнических заявлениях шведского правительства о прекращении перевозок грузов из Швеции в Германию на шведских судах и в растущем понимании всеми правительствами нейтральных стран неизбежности разгрома Германии.

III. ВЫВОДЫ

1. Напряжение с людскими и материальными ресурсами в Германии достигло к концу 1944 г. предельных возможностей. Это выражается:

а) в призыве в немецкую армию к 1.12.44 полностью лиц 1927 г. и большей части 1928 г. рождения, в силу чего мобилизационное напряжение достигло 21,9% против 19,6% к концу первой мировой войны;

б) в хроническом снижении укомплектованности соединений материальной частью, достигшей к 1.12.44:

в танковых дивизиях — 50% штатной численности,

в артиллерийских частях — 65% штатной численности.

2. Возможности дальнейшего усиления для Германии группировок на основных фронтах военных действий на ближайшие 5–6 месяцев ограничиваются:

а) переброской до 15–20 соединений (дивизий и бригад) из Норвегии, Сев. Италии и с Балкан;

б) формированием до 20–25 новых дивизий из отмобилизованных контингентов и за счет сокращения внутренней армии резерва.

Руководитель группы по обобщению и анализу сведений о противнике
генерал-полковник ГОЛИКОВ

Начальник Главного разведывательного управления Красной Армии
генерал-лейтенант ИЛЬИЧЕВ

Начальник Разведывательного управления Генштаба Красной Армии
генерал-полковник КУЗНЕЦОВ

Начальник 1 Управления НКГБ СССР
комиссар госбезопасности 3 ранга ФИТИН

Начальник Разведывательного управления ГМШ ВМФ
контр-адмирал ВОРОНЦОВ

ЦАМО РФ. Ф. 23. Оп. 12972. Д. 10. Л. 54–69.

ИМЕННОЙ УКАЗАТЕЛЬ

Б

В

Г

Д

Е

Ж

З

И

Й

К

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

ГЕОГРАФИЧЕСКИЙ УКАЗАТЕЛЬ

Б

В

Е

Ж

Л

М

Н

О

П

Р

С

Т

У

Ф

Х

Ц

Ч

Ш

Щ

Э

Ю

Я

Содержание

ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
1941–1945 ГОДОВ

ТОМ ШЕСТОЙ

ТАЙНАЯ ВОЙНА
Разведка и контрразведка в годы Великой Отечественной войны

Редакторы *Е. И. Рычкова, А. П. Аристов, Е. Р. Ароян*
Бильд-редактор *Д. А. Стребков*
Художественное оформление *А. П. Зарубин*
Компьютерная верстка *И. В. Белюсенко*
Корректоры *Е. Р. Цегельник, Е. А. Сирин*

Издательство «Кучково поле»
123022, г. Москва, ул. Красная Пресня, 28, оф. 554.
Тел./факс: (499) 255 93 49; (499) 255 96 22.
E-mail: kuchkovopole@mail.ru
www.kpole.ru

Подписано в печать 12.08.13. Формат 84×108/16.
Усл. печ. л. 69,66. Печать офсетная.
Тираж 105 экз. Заказ № .

Отпечатано в ООО «Медиа-групп»
123056, Москва, ул. Большая Грузинская, д. 42

